

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

ВѢСТНИКЪ

Е В Р О П Ы

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ V.

ГОДЪ XLIII. — ТОМЪ CCLIII. — 1/18 СЕНТЯБРЯ, 1879.

ВѢСТНИКЪ Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ

СЕМЬДЕСЯТЬ-ДЕВЯТЫЙ ТОМЪ

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ V

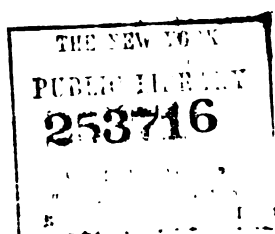
РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
на Васильевскомъ Острову, 2-я линія,
№ 7.

Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академ. переулочъ,
№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1879

РУИНА

ИСТОРИЧЕСКАЯ МОНОГРАФИЯ

1663 — 1687 гг.

Окончание второй части.

VI *).

Дорошенко отпускает пленных царских воевод. — Суховьенко съ запорожцами и крымскими татарами идет на Дорошенка. — Рада подь Уманью. — Суховьенко отставленъ отъ гетманства. — Уманскій полковникъ Ханенко провозглашенъ гетманомъ. — Ханенко съ крымцами осаждаетъ Дорошенка. — Турецкое посольство. — Врученіе знаменъ гетманскаго достоинства Дорошенку. — Султанская грамота. — Договоръ между Дорошенкою и Ханенкомъ. — Ханенко вторично осаждаетъ Дорошенка въ Стебловѣ. — Сѣрко выручаетъ Дорошенка. — Отступление Ханенка и Суховьенка въ Сѣчь. — Татары отправляютъ Юраска Хмельницкаго въ Константинополь. — Дорошенко подчиняетъ себѣ Умань. — Дѣла Дорошенковой партіи на лѣвой сторонѣ. — Успѣхи Многогрѣшнаго. — Ссора съ Сумскимъ полковникомъ. — Тревога гетмана Многогрѣшнаго по поводу одного письма. — Царь успокоиваетъ гетмана. — Вѣдомость о городахъ, не признающихъ царской власти въ лѣвобережной Украинѣ. — Пасха 1670 года. — Совѣтъ полковниковъ съ гетманомъ. — Упадокъ народнаго благосостоянія и культуры въ Малороссіи.

Уже много разъ, какъ мы видѣли, посылало московское правительство гонцовъ къ Дорошенку добиваться отъ него отпуска содержавшихся въ неволѣ воеводъ. Въ іюлѣ 1669 года съ тою же цѣлью пріѣхалъ къ нему гонцомъ стражескій голова Шиловъ. Гетманъ сказалъ ему: «государь отпустилъ изъ неволѣ моего

*) См. выше: авг., 586 стр.

брата Григорія и я послѣ того отпустилъ уже до ста человѣкъ великороссійскихъ полоненниковъ, другихъ же до сихъ поръ не отпустилъ,—но это сдѣлалось не по моему хотѣнію, а по слезному челобитію женъ и дѣтей тѣхъ малороссіянъ, которые оставались въ неволѣ въ московскомъ государствѣ; теперь же, по желанію великаго государя, отпущу ихъ всѣхъ». Дорошенко тотчасъ велѣлъ расковать трехъ человѣкъ и отдалъ Шилову, а затѣмъ, отпуская Шилова, отправилъ вмѣстѣ съ нимъ въ Кіевъ Оедора Коробку, который привезъ туда 27 человѣкъ плѣнныхъ служилыхъ великороссіянъ и 9 боярскихъ людей ¹⁾. Это сдѣлалось въ то время, какъ татары, помогавшіе Суховѣнку, подходили къ Чигирину.

Такимъ образомъ въ другой разъ Дорошенко старался показать угодность московскому государю именно въ ту пору, когда ему самому угрожали соперники. Отпустивши воеводу, Дорошенко выходилъ противъ татаръ на бой, но долженъ былъ воротиться, не сладивши съ татарскими силами. Дорошенко отступилъ на рѣку Расау. Но тамъ на него наступилъ и самъ Суховѣнко съ запорожцами. Въ это время Суховѣнко считалъ себя сильнѣе своего соперника, за него было все Запорожье; на лѣвой сторонѣ Днѣпра держались его полки полтавскій, миргородскій и лубенскій, недавно поклонившійся царю, но снова перешедшіи къ Суховѣнку. Болѣе всего ободряла Суховѣнка увѣренность, что значительная часть правобережнаго казачества отступить отъ Дорошенка и перейдетъ къ нему, потому что дружба Дорошенка съ турками возбуждала уже ропотъ между подчиненными. «Безъ соизволенія всего войска, добываючися себѣ панства, выправляючи себѣ у турокъ вѣчное гетманство, онъ отдастъ Украйну въ подданство царю бусурманскому. Какъ не заболить отъ того сердце у всякаго, кто родился въ вѣрѣ христіанской!» Такъ ронтали тогда правобережные малороссіане. Въ то самое время, какъ Суховѣнко шелъ на Дорошенка, послѣдній дожидаясь изъ Турціи отъ султана великаго посла, который долженъ былъ привезти ему отъ падишаха знаки власти надъ Украйною: булаву, бунчукъ (по-турецки: алимтуа) и знамя, или санжакъ; но посольство турецкое не могло скоро и удобно пройти къ Дорошенку и остановилось въ Цекуновѣ за Днѣстромъ. Полки чигиринскій, черкасскій, бѣлоцерковскій и каневскій были съ Дорошенкою; другіе правобережные полки, именно: уманскій, кельменецкій, знаменецкій и ворсуновскій, передались къ Суховѣнку и казаки: зиньки

¹⁾ А. Ю. и З. Р. VIII, 267.

полково требовали, чтобы снова устроить избраніе гетмана вольными голосами, вмѣсто Дорошенка, котораго требовали принять отступникомъ. Масса казаческа потянула Суковѣнка изъ Умани, тамъ положили составить раду. На этой радѣ казаки принудили самого Суковѣнка сѣсть съ собою гетманство, тамъ какъ и на него оно возложено было такъ же неправильно, какъ на Дорошенка. Суковѣнко положилъ свою булаву, быть можетъ, надѣясь опять принять ее по избранію. Былъ на этой радѣ и жалкій Юрско Хмельницкій, уже снѣзшій съ собою монашескій чинъ. Неизвѣстно, исцѣли ли онъ теперь возможности возвратить себѣ данно уже потерянное гетманство, или, какъ говорить одно извѣстіе, только дозволялся коротить себѣ отцовскія маеносии и скарбы ¹⁾. Но булава досталась, по избранію рады, на ему и не Суковѣнку, а уманскому полковнику Михайлу Ханенку ²⁾. Избранный вѣсто Суковѣнка, Ханенко присягнулъ войску «за вольности стати и оплаканную отчину, сколько Богъ помочи подастъ, оборонити».

Всѣмъ захватъ новозабранный гетманъ Ханенко 18 июля писалъ къ гетману Многогрібному и къ переяславскому полковнику Дмитрангѣ Райчу, прося оказати ему содѣйствіе противъ Дорошенка ³⁾.

Но Дорошенку оставалось еще столько казачиныхъ силъ, что онъ не думалъ подчиняться Уманской радѣ. И на лѣвой сторонѣ Днѣпра у него дѣла шли еще не совсѣмъ дурно. Дорошенко изъ своего стана на рѣкѣ Расагѣ двинулся къ Каневу, но на переправѣ черезъ Рось, у села Кононы, былъ встрѣченъ ордою и оставался въ осадѣ нѣдѣлю иль, пока турецкіе послы, предшіе къ нему и задержавшіеся у Днѣстра, не послали приказанія крымскимъ салтанамъ отъ имени турецкаго падишаха, чтобы они не тревожили Дорошенка. По этому приказанію салтановъ, помогавшихъ противной сторонѣ, отвели татары, и освобожденный Дорошенко двинулся изъ Умани, прѣвывая къ паннонскію себѣ казакомъ. Когда онъ дошелъ до Умани, прибылъ туда и турецкій посолъ Капакчи-паша; онъ вручилъ Дорошенку знамя власти, присланные отъ султана: булаву, знамя, бунтукъ и саблю, окривленную дорогами камнями. Султанская грамота, присланная ему, гласила такъ: «Намъ Богъ повелѣлъ творить милости всѣмъ закующимъ въ домъ оцковъ, дѣдовъ и прадѣдовъ нашихъ. Онъ бже намъ веломъ, что войско заперсское на той и на сей

¹⁾ Рукопись Архива Министерства Юстиціи 1670 г., № 5, листъ 88.

²⁾ Ibidem. Листъ 18. А. Ю. и З. Р. IX, 63.

³⁾ Рукоп. Арх. М. Юст., кн. V, л. 21.

сторонѣ Днѣпра, по совѣту всѣхъ старшинъ и черни, умолю-
ю щую тебя, старшаго своего дѣтмана Дорощенка, чтобъ ты за-
явилъ намъ, что обѣ стороны Днѣпра жаждутъ быть у насъ въ
подданствѣ и служить мнѣ вѣрны, намъ служить мнѣ господамъ,
волоки и мультане, православные христіане, а я би ихъ въ
милости держалъ и оборонялъ. Посылаю вамъ бужу и знамя
не на знакъ подданства, а только на знакъ крѣпости и на страхъ
нашимъ непріятелямъ. Принялъ я васъ и войскъ людей для того,
чтобъ земля ваша пребывала въ тишинѣ и никто ее не оусто-
нялъ. Петръ Дорощенко долженъ присягу свою сдерживать: слова
своего не нарушить и мнѣ по правдѣ служить, а я его со всѣмъ
войскомъ, старшиною и чернью, со всѣми городами и землями
истинно какъ своихъ заступать буду. Не хочу отъ васъ ника-
кихъ подаяній и работъ и даяній; дарую васъ всѣми возмо-
стями, при которыхъ будете оставаться безъ нарушеній, только
съ тѣмъ, чтобы, когда мнѣ войско потребно будетъ, вы съ тѣ-
машемъ своимъ шли, куда будетъ указано. Ханъ крымскаго и
татаръ буджацкихъ и ногайскихъ, и пашей, и господарей и
всѣхъ слугъ моихъ не бойтесь. Ханъ крымскій съ своимъ вой-
скомъ—мой слуга и Петръ Дорощенко съ запорожскимъ войскомъ
тоже мой слуга: пусть оба межъ собою крѣпкое братство имѣютъ!
Пусть Дорощенко брата своего въ Крымъ пошлетъ, а ханъ
крымскій ему дастъ знатныхъ аманатовъ. Ханъ крымскій до
войска запорожскаго никакаго спорнаго дѣла имѣть не можетъ.
Войско запорожское должно прислать въ намъ резидента. Если
ненарушимо уговоръ свой додержите, всѣмъ вамъ и землѣ ва-
шей буду обороною, всѣхъ васъ подъ крылѣ свои приѣмлю. Чтѣ
я говорилъ, слова своего не нарушу»¹⁾.

По приказанію турецкаго посла ордн, бывшія при Сухо-
вѣнѣхъ и Канѣнѣхъ, ушли въ Крымъ, а уманцы, отвлеченныя же-
ланіемъ Дорощенка войти съ войскомъ въ городъ Умань, устроили
между Ханенкомъ и Дорощенкомъ такой договоръ: Ханенко
обязывался прибыть въ Чигиринъ на раду, которая должна была
собраться съ тѣмъ, чтобы разрѣшить спора между двумя претен-
дентами.

Дорощенко отпоелъ отъ Умани²⁾. Но Ханенко не думалъ
подчиниться приговору, предложенному уманцами, и явился въ
Чигиринъ на судъ съ Дорощенкомъ. Онъ ушелъ въ Заверонье,
а оттуда махнулъ въ Крымъ добывать себѣ снова помощи про-
тивъ Дорощенка.

¹⁾ А. Ю. и З. Р. IX, 174.

²⁾ Лѣтопись Самовидца, стр. 54.

Легко склонились онъ татарскихъ салтановъ и мурзъ, которые не очень боялись султанскаго запрещенія.

И скоро опять съ татарами явился въ Украину, съ ними былъ и Юраско Хмельницкій. Но Дорошенко, вмѣстѣ съ казаками, нѣмало у себя татаръ Вѣлгородской орды, присланныхъ силістрійскими пашею. Враги встрѣтились подъ Стебловымъ. Произошелъ бой. Дорошенко не выдержалъ и заперся въ Стебловѣ, тогда вдругъ является на выручку ему непримиримый и неутомимый врагъ крымцевъ Сѣрко; онъ пришелъ со свѣжею Вѣлгородскою ордою, прогналъ осаждающихъ изъ-подъ Стеблова и освободилъ Дорошенка. Послѣ того Дорошенко и Сѣрко преслѣдовали враговъ своихъ до Умани; Халенко и Суховенко успѣли уйти въ Сѣчу, а Юраска Хмельницкаго поймали бѣлгородскіе татары и отправили какъ военнопленнаго въ Константинополь; тамъ надинахъ приказали посадить его въ *едимулъ* (семибашенный замокъ) ¹⁾.

Вызвали Умань подъ свою власть, Дорошенко разставилъ на становища своихъ союзниковъ, бѣлгородскихъ татаръ, а самъ обратился къ Каневу, далъ своему войску отдыха на двѣ недѣли и объявилъ, что намеренъ двинуться съ своими казаками и бѣлгородскими татарами на лѣвый берегъ Днѣпра ²⁾.

Дорошенко, однако, не явился лично самъ на лѣвой сторонѣ, а послалъ сперва до тысячи человекъ бѣлгородскихъ татаръ и 500 казаковъ, приказавши имъ идти къ Ромну на помощь Гангабѣ и Манжосу, потомъ вслѣдъ за ними новыя силы подъ предводительствомъ Дорошенкова князя гетмана Корицкаго; съ Корицкимъ были братья Дорошенка Андрей, подбѣстревскій полковникъ Гоголь и Богунъ, какъ кажется, сынъ знаменитаго Богунъ, вазненнаго подъ Глуховомъ. Они успѣли одержать верхъ надъ посланными противъ нихъ Демьяномъ отрядами. Многогрудный, описавшись нашествіемъ болѣе сильной отъ Дорошенка, просилъ даря, чтобы уважать боярину Ромедашескому помогать ему; но просимаго войска Демьянъ не дождался, и, жалуюсь на медленность и неоворотливость великороссійскихъ воеводъ ³⁾, по необходимости долженъ былъ отважиться идти противъ непріятеля собственными малороссійскими силами. Онъ собралъ всѣ городскіе полки, бывшіе у него въ повиновеніи: нѣжинскій, прилучій, черниговскій, стародубскій и перещлавскій, да сборный пѣхотный

¹⁾ Мн. Самб., 55.

²⁾ Рукон. Арх. М. Юст., кн. V.

³⁾ А. Ю. и З. Р. IX, 71.

полкъ наемнаго войска подъ начальствомъ Мурашова. Съ этими силами пришелъ онъ въ мѣстечко Чернухи; тамъ встрѣтили Демьяна Игнатовича съ хлѣбомъ и солью. Затѣмъ сдались ему мѣстечки Бурянка и Городище. Гетманъ пошелъ въ Лохвицѣ; въ пяти верстахъ отъ ней шли въ Ромну Дорошенковы предводители Корицкій, Гоголь и Гамалѣя, съ казаками полковъ миргородскаго, полтавскаго и лубенскаго и съ тремя тысячами блгородскихъ татаръ. Они вступили въ бой; одолѣвъ Демьянъ Игнатовичъ, благополучно достигъ до Ромна и ромеицы добровольно сдались ему. Гетманъ хотѣлъ идти брать другіе неповорные царю городки, но войско его терпѣло недостатковъ: край былъ сильно опустошенъ; казаки заволизовались и Демьянъ Игнатовичъ принужденъ былъ распустить ихъ. Товарищъ Ромеиновскаго пришелъ тогда, когда уже казачье войско было распушено; тѣмъ не менѣе, узнавши о прибытіи царскихъ силъ, Корицкій и Гоголь съ своими отрядами вернулись за Днѣпръ.

До полнаго торжества Демьяну Игнатовичу было еще далеко. Въ этомъ походѣ ему удалось взять нѣсколько городковъ; но въ лубенскомъ и переславскомъ полкахъ большая часть городковъ и мѣстечекъ упорно держалась Дорошенка, и въ томъ числѣ сотенные городки Пирятинь и Золотоноша не принимали увѣщаній Демьяна и Дмитраши Райча ¹⁾. У Многогрьбнаго были и неоткрытые недоброжелатели. Сумской полковникъ Герасимъ Бондратьевъ былъ одинъ изъ такихъ. Демьянъ Игнатовичъ жаловался, что этотъ полковникъ хотѣлъ быть самъ гетманомъ и роетъ подъ Демьяномъ яму; переписывался съ враждебными полковниками. Не слишкомъ надежное вѣроятіе считали малороссыяне для Демьяна Игнатовича и временное благорасположеніе Маскав; Дорошенко, услышавши, что Демьянъ надѣется на московскія силы, говорилъ: — ну, плоха надежда, московскіе люди обманчивы; сегодня Ромень возьмутъ, завтра Миргородъ, а тамъ Полтаву, а потомъ Демьяна имъ не нужно будетъ и они его съ гетманства сгонять.

Дорошенко хотѣ и воевать съ Многогрьбнымъ, да въ то же время вѣлъ съ нимъ и переписку; Дорошенковы сношенія съ Турціей и присяга на подданство турецкому султану были уже повсемѣстно извѣстны, а Дорошенко все-таки старался отъ малороссыяне удержать ихъ, до поры до времени, и въ письмѣ къ Многогрьбному дѣлалъ ему упреки за то, что онъ вѣритъ дурнымъ слухамъ, которые распускаютъ о Дорошенкѣ враги. «Не

¹⁾ Рукопись Арх. Мин. Юст., кн. V, л. 156.

обращается, — писалъ онъ, — того никогда, чтобъ я любезную отчину Украйну турецкому царю въ подданство имѣлъ запродавать, и въ мысли моей того никогда не бывало». Соперникъ Дорошенка Ханенко воими способами поддѣлывался въ дружбу къ Демьяну, лишь бы его побудить выѣхать съ собою воевать противъ Дорошенка. Но Демьянъ Игнатовичъ въ своихъ отпискахъ, посылаемыхъ въ привази, сообщая объ этомъ, присовокуплялъ отъ себя такое мнѣніе, что лучше оборонять свой собственный край, чѣмъ кѣмъ-нибудь въ дѣла, происходящія въ земляхъ Рѣчи-Посполитой. Въ Москвѣ это поправилось, потому что случилось съ основными взглядами тогдашней московской политики, и царь въ своемъ письмѣ къ Многогрѣшному (20 ноября) указывалъ не подавать помощи Ханенку, а только охранять спокойствіе лѣвой стороны Днѣпра.

Въ декабрѣ 1669 года гетмана Многогрѣшного встревожило слѣдующее обстоятельство. Изъ комиссіи полномочныхъ пословъ, собравшихся по поводу установленія границы между Россіею и Польшею по слѣдъ Андрусовскаго договора, ѣхалъ черезъ Малороссію праворицкѣ Оадей съ какимъ-то полякомъ: если они письмо къ Дорошенку и на пути заѣзжали въ архіепископу Лазарю и къ гетману Демьяну; они сказали имъ, что въ Києвѣ будетъ комиссія и казаки должны будутъ подать челобитія королевскому величеству о своихъ дѣлахъ. Гетманъ Многогрѣшный, человекъ горячаго нрава, принялъ слова эти съ гнѣвомъ: «для чего, — говорилъ онъ, — ѣдете вы черезъ державу его царскаго величества и везете письмо къ Дорошенку, а мнѣ письма отъ полномочныхъ пословъ съ нами нѣтъ? Дорошенко наименованъ гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра, меня же гетманомъ не именуютъ, а хотять, чтобъ мы ѣхали съ челобитьемъ къ королю!» Демьянъ Игнатовичъ до того вспыхнулъ, что даже хватался за саблю и кричалъ: «никогда этого не будетъ! Не зарекаемся власть свои сабли на польскія шен, какъ и прежде бывало! Одинъ разъ съ войскомъ запорожскимъ я присягу učinилъ царскому величеству, и за него великаго государя мы всѣ умирать готовы, а къ польскому королю ѣздить намъ неахотѣ!»

Посланцы были опущены и, ѣдучи по городамъ, оставляли слѣсныя призыванія малоросіянъ въ унаетію въ комиссію. Полномочные послы — польскій Янъ Гвинскій и царскій Ордынъ-Нащенинъ съ товарищами — приглашали духовныхъ и мірскихъ людей Украйны послать къ нимъ для совѣта депутатовъ, выбравши благоразумныхъ особъ, чтобы Украйна никуда къ чужимъ не склонялась. Къ гетману Дорошенку посылалась особая отписка

въ такомъ смыслѣ: хотя ходять слухи, будто гетманъ Дорошенко, усомнившись въ милости и любви христіанскихъ государей, склоняется къ иновѣрной оборонѣ, однако этому слуху мы не вѣримъ и думаемъ, что не найдется такого нечестиваго христіанина, чтобъ моръ душу свою, искупленную кровью Христовою, добровольно продавать непріятелямъ креста святаго. Великій государь, его королевское величество и Рѣчь-Посполитая короны польской и великаго княжества Литовскаго всѣмъ казакамъ по обѣимъ сторонамъ Днѣпра живущимъ вини ихъ прощаетъ съ тѣмъ, чтобъ казаки, на обѣщаніемъ обоихъ великихъ государей, короля польскаго и царя московскаго, или котораго-нибудь изъ нихъ, принявши благодарно сію милость и благодареніе, отлучались отъ непріятелей святаго креста, не держали съ ними никакого совѣта и болѣе съ ними не смѣли соединяться, а прислали бы къ его королевскому величеству своихъ пословъ съ изъясненіемъ послушанія» ¹⁾. Это писаніе, дѣйствительно выраженное нежно и смиренно, привело въ большое смущеніе гетмана Демьяна. Увидѣвшись съ архіепископомъ Лазаремъ, онъ говорилъ: «я учиненъ гетманомъ въ царской отчинѣ, а нынѣ безъ моего вѣдома идуть черезъ царскую отчину грамоты, да еще указуютъ путь всѣмъ казакамъ къ королевскому величеству! Да намъ-то какой путь можетъ быть къ королю, наравѣ съ казаками той стороны? Мы, вѣдь, добровольно избрали себѣ государя царя православнаго; если и согрѣшихомъ на небо и предъ нимъ, такъ онъ же, свѣтъ-государь, простилъ насъ. Что же, развѣ насъ государь отдаетъ ляхамъ? Да вѣдь съ ними у насъ многолѣтняя брань была: выгнали мы изъ Украйны отъ себя ляховъ, добровольно отдали Украйну православному монарху и хотимъ жить при вольностяхъ нашихъ и умирать за достоинство его царскаго пресвѣтлаго величества. Ты, святитель, обѣщаешь намъ, что царь будетъ насъ защищать отъ непріятелей, а насъ какъ защищаютъ? Татарскія орды отчину царскую разорать начали, а цѣлое лѣто не допросился у великаго государя помощи; теперь же царь насъ отдаетъ народамъ!»

Архіепископъ Лазарь, сообщая въ Москву (30-го ноября) объ этой бесѣдѣ съ Многогрѣшнымъ, указывалъ, что дѣйствительно, вѣхавшіе доны, оставшая списки приглашенія людей духовнаго и мірскаго чина, подали тѣмъ поводъ народу бояться, что царь отдастъ лѣвобережную Украйну Польшѣ ²⁾. Встрево-

¹⁾ А. Ю. и З. Р. IX, 84.

²⁾ Рукопись Архива Мона. Юстиціи, кн. V, листъ 283.

женный Демьянъ посылалъ къ архіепископу письмо за письмомъ и нарицалъ московскихъ бояръ, приписывая имъ какую-то злопыхетность противъ Украйны и преимущественно противъ своей особы. Упрекалъ архіепископа, говорилъ, что если теперь придется имъ быть подъ лазами, то всё станутъ жаловаться не на кого иного, какъ на его папирскую милость за то, что обнадѣжилъ всѣхъ царскою милостію. Дѣло для Демьяна Игнатовича объяснилось не ранѣе, какъ царскою грамотою, писанною 27-го декабря. Въ ней было сказано, что если въ листахъ польскихъ, назначенныхъ въ Дорошенку, не упоминалось о гетманѣ Демьянѣ Игнатовичѣ, то это потому, что гетманъ Демьянъ Игнатовичъ, со всѣмъ войскомъ запорожскимъ, великому государю служить вѣрно и никакого «слученія» съ бусурманами не имѣетъ, отводить его не отъ кого; о посылкѣ же депутатовъ съ челобитною къ королю съ лѣвой стороны Днѣпра писано не было; что написано, то относилось въ правой сторонѣ Днѣпра. Посланцу Лазаря Барановича игумену Ширявичу въ присутствіи царя было прочтано, что за милосердіемъ Божиимъ Украйну лѣвой стороны Днѣпра никто изъ-подъ царской высокой руки исклѣтитъ не можетъ и въ томъ бы онъ, гетманъ, былъ надеженъ ¹⁾.

Царь потребовалъ отъ гетмана Демьяна Игнатовича составить вѣдомость объ убыткахъ, причиненныхъ отъ Дорошенка лѣвоберезной Украйнѣ и извѣстить, какіе города держатся еще его власти въ поляхъ лубенскомъ, миргородскомъ и полтавскомъ. Демьянъ Игнатовичъ отвѣчалъ, что выше силъ человѣческихъ будетъ наложить въ точности все сожженное и перечислить людей, захваченныхъ въ бусурманскую неволю во время Дорошенкова нашествія: найдеть убытка на нѣсколько десятковъ миллионъ ²⁾. Города же 1670 г., состоявшіе во власти Дорошенка, были: 1) лубенскаго полка—Лубимъ, Пирятинъ, Самча, Лохвица, Яблоновъ, Лукомля, Ярошинъ, а изъ того же полка отдаленъ государю города: Городище, Бураева, Чернуха, Глиньскъ, Роменъ и Смыля; 2) въ полтавскомъ полку во власти состояли Полтава, Зеньковъ, Лютинка, Коваленка, Бурки, Барановка, Шенякъ, Яреска, Богачка, Бѣлоцерковна, Балаклея, Опошня, Рѣшетилевка, Санжаровъ Старый и Новый, Книжинъ, Перезелочна, Кобылякъ; 3) въ миргородскомъ—Гадячъ, Рапнѣва, Комнѣва, Сорочинци, Углича, Миргородъ и Хероль. Сверхъ

¹⁾ А. Ю. и З. Р. IX, 150.

²⁾ Рук. Арх. М. Юст., V, 312.

того, города, лежащіе на лѣвой сторонѣ Днѣпра, но приписанные къ правобережнымъ полкамъ, къ чигиринскому: Останья, Голтва, Манжагѣйка, Омельникъ, Попокъ, Кереберда, Кременчукъ, Чигиринъ-Доброва, Веремѣвка, къ черкасскому — Прилеевъ, Крапивна, Золотоноша, Домонтовъ, Песчаная и къ каневскому — Богутева Слобода и Бубновъ.

По этимъ извѣстіямъ видно, что гетманская власть Многогрѣшнаго далеко не простиралась на всю лѣвобережную Украину, да и тамъ, гдѣ ее признавали, она не была до того тверда, чтобъ удерживать народъ въ спокойствіи. Въ январѣ 1670 г., подъятій Михайло Савинъ, ѣдучи изъ Новгородъ-Сѣверскаго къ Батурину, видѣлъ, какъ толпы людей изъ разныхъ городовъ бѣжали въ страхѣ, покинувши свои дома и имущества; одни стремились скрываться въ укрѣпленныхъ городахъ «въ осаду», другіе собирались переселиться въ великорусскіе города. «Мы пропали, — кричали они, — царь насъ хочетъ выдать польскому королю! Если такъ станется, — говорили смѣлѣйшіе, — мы станемъ съ поляками биться не щадя головъ своихъ. — Нѣтъ, — кричали другіе, — чѣмъ подальше отъ бѣды, тѣмъ лучше, хоть бы на край свѣта забѣжать». Вездѣ только о томъ и толковали, что не сегодня-завтра возьмутъ ляхи Кіевъ и разсыпятся по всему краю. «Всѣ православные, — писалъ Лазарь Барановичъ въ Москву, — плачутъ горько и мнутъ отъ этого сауха. Сжался, государь, надъ кровью своею, надъ своимъ искони вѣчнымъ отечествомъ! Видѣ православные великіе князья кіевскіе, начиная съ равноапостольнаго Владиміра, твои предки, кровь твоего пресвѣтлаго величества! Не отпускай же собственности своей вѣчнаго града Кіева въ иноувѣрныя руки на вѣчное поношеніе и жалость всего православнаго христіанскаго народа» ¹⁾.

Въ области управленія гетмана Демьяна господствовала неурядица. Когда въ Свѣтлое-Воскресеніе 1670 года, по обычаю, съѣхались въ Батуринъ, двое изъ полковниковъ не явились къ гетману, а явившихся упрекали Демьянъ, что замѣчаетъ въ нихъ мало къ себѣ расположенія. Онъ имъ говорилъ тогда такую рѣчь: «Вѣсти ко мнѣ доходятъ, что во всѣхъ городахъ меня казаки мало любятъ; а если вправду такъ, что не любятъ меня, такъ пусть бьютъ челомъ великому государю объ избраніи новаго гетмана. Я уступлю войсковныя клеймоты тому, кого выберете; пока же я буду гетманъ, то буду укрощать своевольниковъ сколько мочи моей станеть; на томъ я великому государю

¹⁾ А. Ю. и З. Р., IX, 171.

присягалъ; не таковъ я, намъ измѣнникъ Бруховецкій, что какъ Иуда Христа предать, такъ отъ великому государю измѣнить. Я же обѣщался за государя помереть и впередъ пусть слава такова будетъ на родъ мой!»

Дмитрашка Райча, ударивъ по столу, съ жаромъ провознесъ: «Полно ужъ намъ такихъ гетмановъ *обирать*, что изъ-за нихъ кровь христіанская лилась. Будемъ себѣ единого государя имѣть неотступно, а своевольниковъ станемъ *укротать*».

Всѣ положили на общемъ совѣтѣ не склоняться ни на какія непріятельскія прельщенія, упорно стоять противъ каждаго непріятели и во всемъ быть послушнымъ гетману.

Все это, однако, не оказывалось вполне искреннимъ. 19-го апрѣля, на другой день послѣ рады, на которой былъ данъ гетману обѣтъ въ послушаніи, одинъ гетманскій челядникъ сказалъ великороссійскому подьячему, бывшему тогда гонимымъ: «только переяславскій полковникъ, да стародубскій Петръ Рославченко съ гетманомъ *въ-одно* служатъ государю, а прочіе — такъ и сякъ».

Полтавскаго и миргородскаго полковъ казаки, увлекаемые въ одну сторону универсалами Дорошенка, въ другую — универсалами Многогрѣшнаго, сами не знали, къ кому имъ пристать, а, находясь въ безпрестанномъ сношеніи съ казаками другихъ полковъ, распространяли повсемѣстно въ народѣ духъ непостоянства; не менѣе ихъ оказывали на народѣ вліянія запорожцы, повсюду въ Малороссіи шатавшіеся и учившіе всѣхъ не повиноваться никому ¹⁾.

Край малороссійскій все больше и больше приходилъ въ упадокъ отъ нескончаемыхъ междоусобій и татарскихъ нашествій; пустѣли селенія, жители во множествѣ переселялись въ слободскіе полки и вообще въ царскія земли ²⁾, обнищало хозяйство оставшихся на родняхъ отцовъ и дѣдовъ. Недавно было еще то время, когда поляки называли Украйну плодороднымъ Египтомъ, когда даже и послѣ тяжелыхъ и кровавыхъ войнъ Богдана Хмельницкаго, пробывавшій по Украйнѣ арабъ Павелъ, архидіаконъ патріарха Мамаріа, слѣдовалъ отъ подольскихъ границъ до Кіева посреди потонувшихъ въ садахъ и пашняхъ хуторовъ и хлѣбныхъ гумень, а пріѣхавши въ лавру, былъ угощаемъ виномъ, добываемымъ изъ собственныхъ виноградниковъ; теперь царь Алексѣй Михайловичъ пытался добыть

¹⁾ А. Ю. и З. Р. IX, 187.

²⁾ Рук. А. М. Ю., V, 664.

изъ Малороссіи строителей килеградниковъ и овощныхъ садовъ и посылалъ затѣмъ въ Печерскую лавру, такъ какъ въ ея волостяхъ этого рода хозяйство давно уже приобрѣло славу. Иннокентій Гизель ¹⁾ отвѣчалъ ему: «таковыхъ строителей не токмо во всей святой лаврѣ нѣтъ не стало, но и на иныхъ мѣстахъ въ нашихъ странахъ нѣтъ, за различными злыми мятежами адѣшними и многими обидами и сполухами, для чего и наши винограды запусѣваютъ». Упало тогда и духовное просвѣщеніе, такъ оварившее русскую церковь изъ Кіева. Кіево-Братскій монастырь съ его коллегією, по свидѣтельству того же Иннокентія, пришелъ въ крайній упадокъ: церкви его были сожжены, братія бродила, нуждаясь въ пищѣ и въ одеждѣ; учителя и проповѣдники слова Божія, пребывая «алчными и хладными», не могли вести своего добраго дѣла. Иннокентій просилъ для нихъ царской милости и царь Алексѣй Михайловичъ обещалъ подавать имъ пособіе. Изъ всѣхъ вотчинъ Братскаго монастыря оставалась одна деревня на Днѣпрѣ, даръ Петра Могилы, но и та была разорена. И другіе кіевскіе монастыри Межигорскій и Выдубицкій находились въ нуждѣ и просили пособій отъ благочестиваго царя. ²⁾

VII.

Многія мѣстечки лѣвобережной Украины сдаются Многогрѣшному. — Успіха Ханенка и Дорошенка удержать свои партіи. — Наказной гетманъ Лизогубъ. — Вопросъ о резиденціи гетмана въ лѣвобережной Украинѣ. — Полтавскій полковникъ присягаетъ царю. — Романовскій выправляетъ у константинопольскаго патріарха неблагословенную грамоту противъ Демьяна. — Царь упоминаетъ Демьяна и ходатайствуетъ за него предъ патріархомъ. — Подозрѣніе Демьяна на Ханенка. — Отзывъ Ханенка о Демьянѣ. — Посольство Дорошенка въ Польшу. — Проектъ примиренія съ поляками. — Острожская комиссія. — Ханенко принимаетъ польскія условія и признается гетманомъ отъ Рѣчи-Посполитой.

Безпокойства, угрожающія власти Дорошенка на правомъ берегу Днѣпра, снова побудили его отложить намѣреніе подчинить себѣ лѣвобережную Украину. Онъ вызвалъ съ лѣвой стороны Днѣпра и своихъ казаковъ и присланную ему отъ силъ стрійскаго пашы бѣлгородскую орду. Но едва только вышли съ лѣвой стороны Дорошенковы казаки и татары, — городки, прежде державшіеся Дорошенка, стали сдаваться Многогрѣшному и при-

¹⁾ А. Ю. и З. Р. IX, 194.

²⁾ Рук. А. М. Ю., кн. V, 458, 471, 479.

снять на подданство московскому государю. Такъ поступили гадячане, рашевцы, лохвичане, лубенцы, сорочанчане, бурченцы, лютенчане, сенчане, лукомляне, оржичане, боромцы, пирятинцы. Изъ посланцы передъ святымъ евангелиемъ произнесли присягу и цѣловали крестъ на вѣрное и неотступное подданство законному государю, въ батуринской церкви св. Николая, и объ этомъ извѣстилъ гетманъ царя черезъ генеральнаго асаула Гвинтовку въ началѣ 1670 года ¹⁾. Ханенко еще обратился въ Многогрѣшному и снова просилъ содѣйствія противъ Дорошенка, а Многогрѣшный отвѣтилъ ему, что онъ и такъ оказалъ ему содѣйствіе противъ Дорошенка, отбивши посланнаго Дорошенкоу за войскомъ на лѣвую сторону Днѣпра Гамалѣю; между тѣмъ Многогрѣшный сообщалъ въ приказѣ, что Ханенку вѣрить ни въ чемъ не слѣдуетъ: онъ дружить съ крымскимъ ханомъ и уповасть на помощь татаръ, а у запорожцевъ господствуетъ такой своевольный духъ, что они не хотятъ быть въ подданствѣ ни у какаго государя ²⁾.

Ханенко безпокоилъ Демьяна уже тѣмъ, что, живучи въ Обѣѣ, именовался гетманомъ войска запорожскаго и посылалъ своихъ запорожцевъ въ посольство то въ Москву, то въ Польшу. Многогрѣшный боялся, чтобъ Ханенко не успѣлъ поддѣлаться въ милость къ московскому правительству, не наклеветалъ бы на Демьяна и такимъ путемъ не свергнуть бы его съ гетманства. Многогрѣшному особенно показалось страшно, когда онъ узналъ, что посланецъ Ханенка Степанъ Обида былъ принятъ милостиво въ царской столицѣ. Ханенко тогда прислалъ въ Москву льстивое увѣреніе, что ему удалось вынудить у крымскаго хана, въ качествѣ союзника запорожцевъ, обѣщаніе быть готовымъ на войну противъ царскихъ недруговъ ³⁾. И дѣйствительно, Ханенковы извѣстія имѣли видъ правды, когда посланный въ Турцію царскій гонецъ Порсукъ извѣщалъ, что крымскій ханъ Адиль-Герей объявилъ турецкому султану, что готовъ заключить съ московскимъ государемъ миръ и освободить Шереметева и другихъ московскихъ плѣнниковъ, содержавшихся въ Крыму, если только московскій государь обѣщется давать хану каждагодную «дату» ⁴⁾. Многогрѣшный боялся, чтобъ Ханенко не сдѣлалъ Москвѣ важныхъ услугъ и не обязалъ бы ее къ себѣ признательностію. Два тогдашніе малороссійскіе гетманы въ своихъ

¹⁾ Рук. А. М. Ю., кн. V, л. 381.

²⁾ Ibidem, листъ 399.

³⁾ Ibidem, л. 748, 534.

⁴⁾ А. Ю. и Б. Р. IX, 210—218.

сношеніяхъ съ Москвою колоди одинъ другого. Ханенко жаловался, что Демьянъ задержалъ его посланца, отправленнаго къ польскому королю, а Демьянъ, спрошенный объ этомъ изъ Москвы, отвѣчалъ, что никогда онаго не бывало ¹⁾, и съ своей стороны ропталъ, что Ханенко въ своихъ письмахъ; посылаемыхъ въ Малороссійскій приказъ, не упоминаетъ о Демьянѣ, какъ о гетманѣ, но какъ будто считаетъ его за простаго казака и ни во что вмѣняетъ царское утвержденіе въ гетманскомъ санѣ.

Дорошенко, послѣ ухода его военныхъ силъ съ лѣвой стороны, не посылалъ туда болѣе воиновъ, но не переставалъ волновать малороссіянъ лѣвой стороны своими универсалами и воззваніями, которыхъ смыслъ клонился къ тому, чтобъ внушать народу мысль о независимости Украины болѣе, чѣмъ преданность московскому престолу. 21-го февраля распустилъ онъ универсалъ, обращенный къ духовенству, казачеству и всему посполству лѣвой стороны Днѣпра. «Боли мы», — выражался онъ, — «въ одинъ гужъ всѣ потянемъ, то единокупнымъ промысломъ охранимъ свои вольности». Но тотъ же Дорошенко не переставалъ относиться дружелюбно и къ Москвѣ. «Увѣряю милость твою, — писалъ онъ Ромодановскому, — что мое и всѣхъ насъ православныхъ воиновъ малороссійскихъ не иное было намѣреніе, какъ только то, чтобъ намъ быть подъ монархомъ христіанскимъ, православнымъ, россійскимъ; но разныя въ странѣ нашей смятенія велию къ тому богоугодному дѣлу помѣшкою, а наипаче за внутреннею войною народъ малороссійскій къ совершенному соединенію придти не можетъ» ²⁾.

Весною 1670 года городки лѣвобережной Украины продолжали одинъ за другимъ сдаваться Демьяну и въ половинѣ апрѣля онъ извѣщалъ царя, что уже почти вся лѣвобережная страна склонилась въ подданство великому государю; онъ просилъ указать, гдѣ ему имѣть гетманскую резиденцію, въ Гадячѣ ли, гдѣ она была при Бруховецкомъ, или въ Батуринѣ, гдѣ находился тогда Демьянъ самъ. Гетманъ также просилъ прислать московскихъ стрѣльцовъ, которые бы находились при немъ безотлучно, для обереганія гетманской особы, потому что иначе, при непостоянствѣ и шатости малороссійскаго народа, онъ не можетъ быть безопасенъ. 2-го мая на эту челобитную послѣдовалъ царскій указъ, что гетманъ можетъ жить, гдѣ пожелаетъ, но лучше

¹⁾ Рук. А. М. Ю. Малор. Прик., кн. V, л. 783—784.

²⁾ А. Ю. и З. Р. IX, 166.

было бы, если бы онъ остался въ Батуринѣ. Съ тѣхъ поръ Батуринъ сталъ постоянною резиденціею гетмана, что и продолжалось вплоть до измѣны Мазепы. На просьбу Демьяна послали ему приказъ московскихъ стрѣльцовъ подъ начальствомъ Колупанова, съ тѣмъ, что Многогрѣшный обязанъ былъ давать имъ содержаніе. Съ той поры вошло въ обычай посылать гетману великороссійскихъ стрѣльцовъ для составленія около него отряда тѣлохранителей: это было подручно московской политикѣ, потому что стрѣлцы начальники вмѣстѣ съ тѣмъ могли и надсматривать надъ поведеніемъ гетмана. Въ концѣ мая и полтавскій полковникъ Оедоръ Жученко, недавно избранный, принесъ отъ имени полка своей присягу царю на вѣрность въ батуринской церкви св. Николая.

Несмотря на успѣхи, гетманъ долженъ былъ постоянно опасаться тайныхъ враговъ, и дѣйствительно его поразила интрига, подведенная противъ него въ Константинополь. Послѣ избранія Многогрѣшнаго въ гетманы, Романъ Ракушка, бывшій при Бруховецкомъ войсковымъ дозорщикомъ въ Нѣжинѣ, ушелъ на правый берегъ Днѣпра, поддѣлался къ митрополиту Іосифу и былъ поставленъ отъ него въ священническій санъ. Отправился онъ послѣ того въ Царьградъ съ рекомендаціею митрополита, явился къ царьградскому патріарху Меоодію въ санѣ брацлавскаго протопопа по имени Романовскаго, жаловался на гетмана Демьяна, что тотъ ограбилъ его—завладѣлъ его домомъ въ мѣстечкѣ Погарѣ. Какими-то путями Романовскій верался въ довѣріе патріарха Меоодія до того, что выхлопоталъ отъ его имени неблагословенную грамоту на Многогрѣшнаго. Онъ прислалъ одинъ списокъ ея прямо гетману нарочно, чтобъ раздражить его; вмѣстѣ съ тѣмъ послалъ онъ въ Украину разнымъ лицамъ еще нѣсколько списковъ той же грамоты, все для того, чтобъ возбудить о гетманѣ дурную молву въ народѣ. Гетманъ черезъ протопопа Адамовича, ѣздившаго въ Москву въ іюлѣ мѣсяцѣ, просилъ у государя ходатайства предъ патріархомъ о снятіи съ него неблагословенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Демьянъ Игнатовичъ просилъ государя не вѣрить, если бы Дорошенко, Суховѣнко, Ханенко или сумскій полковникъ Кондратьевъ, его враги, стали писать, что онъ, гетманъ, царю не вѣренъ. Гетманъ умолялъ охранять его царскими ратными людьми, если бы въ Малороссіи дошло дѣло до открытой вражды къ нему и, въ крайнемъ случаѣ, просилъ даровать ему убѣжище въ великороссійскомъ краѣ, а не выдавать его головою врагамъ. Отъ царя послѣдовалъ такой отвѣтъ: «вы людскимъ ссорамъ не вѣрьте, а если бы кто гетмана Демьяна

Игнатовича похотѣлъ оболговати, то я тому вѣрить не буду, и всякіе листы о томъ, откуда бы они ни были присланы, укажу скорыми гонцы къ нему, гетману, отсылать, потому что я знаю, что гетманъ мнѣ вѣренъ, и архіепископъ Лазарь, благочестивый и ученый человекъ, мнѣ также вѣренъ». По поводу неблагословенной грамоты патриаршей послана была къ патриарху Меѳодію грамота отъ царя Алексѣя Михайловича. Въ ней объяснялось, что Романовскій обвинялъ Многогрішнаго неправильно: Демьянъ Игнатовичъ не грабилъ его и дома у него въ Погарѣ не отнималъ, а потерялъ Романовскій свое достоинство въ то смутное время, когда малороссійскіе жители, съ подущенія измѣнника Бруховецкаго, произвели междоусобіе, избивали и изгоняли великороссійскихъ воеводъ и ратныхъ людей. Царь Алексѣй Михайловичъ просилъ патриарха снять съ гетмана Демьяна неосмотрительно наложенную клятву и впередъ по извѣстамъ подобнаго рода ни на кого изъ его подданныхъ не налагать клятвы.

Между тѣмъ въ Польшѣ прекратилось междуцарствіе. Избирательный сеймъ, на который и Дорошенко посылалъ пословъ съ требованіями, возвелъ преемникомъ отрекшемуся отъ престола Яну-Казимиру Михалю Вишневецкаго, сына знаменитаго Іереміи. Ханенко искалъ сближенія съ Польшею, надѣясь получить тамъ опору противъ Дорошенка. Польша находилась тогда въ примиреніи съ Москвою и между обѣими державами все болѣе и болѣе укрѣплялись дружескія отношенія. Такимъ образомъ, Ханенко могъ тогда имѣть большія надежды и сдѣлаться опаснымъ Дорошенку. Сообразивъ это, Дорошенко разсчелъ, что ему, до поры до времени, не удастся разсорить Москву съ Польшею, а потому не слѣдуетъ еще разрывать окончательно связи съ Польшею. Не прекращалъ онъ сношеній съ Турціею и отправилъ онъ къ турецкому государю послами Бѣлогруда и Портянку, и чрезъ нихъ повторялъ увѣренія въ желаніи склониться подъ высокую руку турецкаго монарха; но разомъ отправилъ онъ и въ Польшу послами Петрановскаго и Тарасенка съ проектомъ примиренія войска запорожскаго съ Польшею. Коронный гетманъ Собѣскій извѣстилъ Дорошенка, что по этому вопросу назначенная коммиссія будетъ отправляться въ Острогъ; пусть гетманъ Дорошенко снарядитъ туда своихъ депутатовъ. Дорошенко назначилъ на эту коммиссію генеральнаго писаря Воеховича и бывшаго генеральнаго судью Гапоновича. Первымъ дѣломъ этихъ посланцевъ, по наученію Дорошенка, было потребовать у гетмана Собѣскаго отъ поляковъ для казаковъ «заставы», то-есть заложниковъ безопасности казацкихъ пословъ.

«Вы, — отвѣчалъ Собѣскій: — сноситесь и съ царемъ московскимъ, и съ турецкимъ султаномъ, и съ крымскимъ ханомъ, и отъ нихъ заставы не требуете, отчего же своему наслѣдственному монарху не вѣрить».

Но Дорошенко требовалъ заложниковъ потому, что ему выгодно было тянуть время. Онъ требовалъ, чтобъ этими заложниками были Гѣизненскій архіепископъ и инныя самыя знатныя особы ¹⁾; поляки не соглашались, а Дорошенко безъ заложниковъ не отпускалъ своихъ пословъ на комиссію. Наконецъ, порѣшили начать переговоры письменно, и Дорошенко послалъ проектъ договора, какой могъ по его видамъ состояться на комиссіи. Проектъ этотъ былъ подписанъ 10-го мая 1670 года. Это собственно наказъ назначеннымъ отъ гетмана казацкимъ комиссарамъ Восховичу и Гапоновичу. Изъ него видно, что Дорошенко, нѣкогда снодвиженіе и соумышленіе Выговскаго, и теперь держался основъ, создавшихъ въ оное время неудачный гадячскій договоръ; только опытъ прошедшихъ послѣ того лѣтъ положилъ на нихъ свой отпечатокъ. Свобода православной вѣры обозначена здѣсь еще опредѣлительнѣе и шире, чѣмъ прежде. Православная вѣра должна была пользоваться правомъ свободнаго отправленія своихъ обрядовъ совершенно въ одинаковой степени съ римско-католическою на всемъ пространствѣ, куда только простирается русскій языкъ, какъ въ коронѣ Польской, такъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ; унія совершенно уничтожается: всѣ церкви и монастыри, бывшіе во владѣніи униатовъ, должны быть возвращены православію со всѣми записанными за ними маестностями; никто ни изъ духовныхъ, ни изъ мірскихъ владѣльцевъ не смѣетъ строить ни въ своихъ дѣдичныхъ маестностяхъ, ни въ королевщинахъ униатскихъ церквей; митрополитъ кіевскій, непремѣнно избранный духовнымъ и мірскимъ чиномъ и утвержденный гетманомъ, занимаетъ мѣсто въ сенатѣ послѣ римско-католическаго архіепископа львовскаго, а съ нимъ засѣдаютъ также пять православныхъ епископовъ. Въ кіевскомъ воеводствѣ всѣ сановники и должностныя лица непремѣнно должны быть православнаго исповѣданія, а въ брацлавскомъ и черниговскомъ воеводствахъ наперемѣну съ католиками, такъ что по кончинѣ лица, принадлежащаго къ одной изъ двухъ вѣръ, на оставшееся послѣ него вакантное мѣсто опредѣляется лицо, исповѣдующее другую вѣру. Во всѣхъ мѣстахъ Короны и великаго княжества ни шляхтѣ, ни мѣщанамъ православная

¹⁾ Рукон. Арх. М. Юст. V, 970.

вѣра не можетъ быть препятствіемъ къ полученію должностей. Кіевская академія должна имѣть такія же права, какія имѣетъ краковская, и въ Кіевѣ не дозволяется заводить іезуитскихъ училищъ; другую такую же академію надлежитъ основать въ Могилевѣ или въ другомъ мѣстѣ, смотря по удобству, съ правами, равными кіевской; затѣмъ свободно позволять заводить повсюду школы и типографіи. Объявить полную амнистію по поводу бывшихъ междоусобій и уничтожить силу всѣхъ документовъ, составленныхъ во вредъ кому бы то ни было за участіе въ возстаніи противъ Польши вмѣстѣ съ казаками. Въ воеводствахъ кіевскомъ, брацлавскомъ и черниговскомъ позволять жительствова-вать казанамъ, какъ въ королевскихъ и въ духовныхъ, такъ и въ дѣдичныхъ шляхетныхъ маестностяхъ; пользуясь правомъ собственности на поля, дома, хуторы, мельницы и прочія угодья, а также правомъ винокурения, пиво- и медо-варения, безъ всякаго препятствія со стороны старостъ и пановъ. Войско запорожское требуетъ обозначенія границъ Украйны отъ прочихъ земель Рѣчи-Посполитой въ трехъ вышеуказанныхъ воеводствахъ, гдѣ будутъ распределены полки: кіевскій, паволоцкій, брацлавскій, уманскій, калыницкій, подольскій и тарговицкій, такъ какъ и стародавніе казацкіе полки чигиринскій, черкасскій, каневскій и бѣлоцерковскій. Въ повѣтахъ, гдѣ жительствова-ть будутъ казаки, не только коронныя войска не могутъ править съ жителей никакихъ сборовъ, но и владѣльцы наслѣдственныхъ имѣній не будутъ имѣть права вѣзжать въ свое имѣніе и присылать своихъ довѣренныхъ слугъ, но будутъ получать разъ въ годъ черезъ своихъ высельныхъ податей, надлежащіе имъ отъ посольства по общему договору и постановленію, ибо иначе паны стали бы дѣлать насилія казанамъ и не устоялъ бы миръ. Всѣ казацкія имущества должны быть свободны отъ ноборовъ и податей, какія впередъ будутъ налагаться на украинское посольство, а сами казани ни отъ кого не могутъ зависѣть, кромѣ своего гетмана и лицъ, отъ него назначенныхъ. Отъ мытъ и перевозовъ по дорогамъ и переправамъ казаки должны быть свободны. Коронныя войска, являясь въ Украйну по требованію гетмана для помощи противъ непріятеля, должны находиться подъ начальствомъ гетмана запорожскаго и безъ его вѣдома не смѣютъ пребывать въ Украйнѣ. По волѣ и по назначенію гетмана будетъ набираться еще войско окочее—конное и пѣшее, и содержаться съ королевскихъ и дѣдичныхъ маестностей. На гетманскую булаву дается чигиринское староство и Терехтемировъ съ тамошнимъ монастыремъ, а на гармату—ста-

роства лисянское, корсунское и богуславское; генеральнымъ же и полковымъ старшинамъ слѣдуетъ опредѣлить равный доходъ со старостъ, но не съ тѣхъ, которыя отданы уже на гетманскую булаву и на гармату. Гетманъ, кромѣ того, безпрепятственно можетъ брать что ему нужно будетъ на войсковые расходы въ имѣніяхъ королевскихъ и дѣдичныхъ шляхетскихъ. Король можетъ требовать войско запорожское на службу въ польскую сторону, и въ такомъ случаѣ самъ присылаетъ въ гетману свой указъ, а никакъ не польскіе коронные гетманы, и въ такомъ случаѣ гетманъ, отправляя казаковъ, посылаетъ вмѣсто себя наказного гетмана, имъ же назначеннаго. Въ заключеніе наказа подтверждалось, чтобы, сообразно тому, какъ уже просили казаки при избраніи короля Михаила, унія непременно была бы уничтожена и впередъ въ законахъ нигдѣ не оставалось бы ни малѣйшаго намека на русскую унію, чтобы вездѣ говорилось о русскомъ народѣ. Само собою разумѣлись бы дивуниты ¹⁾.

Казацкія требованія равнялись отъ Польши требованію духовнаго самоубійства. Угождая казакамъ, Польша должна была отречься отъ своей исторической миссіи, которую сознавали за собою поляки какъ самое высое призваніе, миссіи — дать торжество западному католицизму надъ восточнымъ православіемъ, считаемымъ по ученію западной церкви ересью, которую уничтожать есть богоугодное дѣло. Самъ Дорошенко былъ убѣжденъ, что такія требованія не будутъ приняты, что съ поляками не можетъ быть ладу и ему остается надѣяться исключительно на Турцію. Продолжая сношенія съ этой державой, онъ еще цѣлое лѣто 1670 года водилъ поляковъ и хитрилъ съ ними, подобно тому, какъ они хитрили съ нимъ. Дорошенко посылалъ два раза въ Острогъ толковать о формальностяхъ и потомъ просилъ себя копій съ инструкціи, данной польскимъ комиссарамъ. Ему прислали инструкцію. Изъ ней увидѣлъ Дорошенко, что поляки обѣщали ему амнистію, но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлали ему вопросы: зачѣмъ онъ искалъ протекціи московской и турецкой, и такими вопросами естественно уничтожался всякій смыслъ амнистіи; въ самыхъ же главныхъ условіяхъ Дорошенко видѣлъ полное нежеланіе примириться. Комиссарамъ не давалось права толковать объ уничтоженіи уніи, — напротивъ, въ инструкціи сказано было, что король «безъ консенсу столицы апостольской трактовать о томъ не можетъ». Давалось только обѣщаніе устроить

¹⁾ А. Ю. и З. Р. IX, 206,

бесѣду духовныхъ по вопросу, касавшемуся вѣры ¹⁾. Коммиссары польскіе должны были объявить казацкимъ, что церкви, какія были у униатовъ, останутся за ними по-прежнему, и въ крайнемъ случаѣ коммиссарамъ предоставлялось брать во вниманіе гадячскій договоръ, но постоянно имѣя въ виду, что католическое духовенство ему сопротивлялось. Насчетъ гадячскаго договора дѣлалось такое замѣчаніе, что казакамъ было дозволено многое въ виду шведской войны съ тѣмъ, чтобы казаки были вѣрны Рѣчи-Посполитой; но казаки тотчасъ послѣ того отдались Москвѣ, а потомъ подѣ Чудновымъ сами отреклись отъ гадячскаго договора, находя, что этотъ договоръ былъ полезенъ только частнымъ лицамъ, а не цѣлому войску. Равнымъ образомъ рѣшительно отвергалось домогательство казаковъ о проведеніи границы Украины въ трехъ воеводствахъ и о предоставленіи казакамъ жить въ маестностяхъ королевскихъ, духовныхъ и шляхетскихъ ²⁾. Понятно, что поляки не могли дозволить этого, потому что требованіе казаковъ прямо влекло за собою прекращеніе панской власти надъ народомъ, а Польша, какъ аристократическая республика, уже много вѣковъ держалась господствомъ привилегированнаго класса надъ массою рабочаго народа.

По полученіи такой инструкціи, Дорошенко посылалъ въ Острогъ еще разъ просить аманатовъ въ обезпеченіе казацкихъ пословъ, но ему отвѣчали, что этого вовсе не нужно, что того и прежде не дѣлалось; достаточно присяги польскихъ коммиссаровъ въ безопасности казацкихъ пословъ. Потомъ Дорошенко посылалъ снова требовать привилегій, захваченныхъ Тетерею, уплаты взятыхъ Тетерею, по смерти митрополита Балабана, тысячи червонныхъ, возвращенія имущества и денегъ вдовѣ Данила Выговскаго и вознагражденія за разоренія, учиненныя въ монастырскихъ волостяхъ. Тогда коммиссары задержали Дорошенкова посланца и обратились къ Ханенку, соображая, что этотъ человѣкъ, ищущій гетманства, скорѣе согласится на условія, какія дадутъ ему поляки, чѣмъ упорный Дорошенко, тѣмъ болѣе, что Ханенко, именуясь кошевымъ гетманомъ, посылалъ уже кошевого атамана Пелеха съ изъявленіемъ покорности королю и писалъ къ самому Дорошенку, уговаривая его быть въ повиновеніи у польскаго короля. Все это давало поводъ надѣяться, что съ Ханенкомъ можно удобнѣе и скорѣе сойтись. По первому же приглашенію, обрадованный Ханенко отправилъ

¹⁾ Лѣт. Величка, II, 243.

²⁾ „Взглядомъ засѣ добръ шляхетскихъ, дѣдичныхъ на подобне одерваніе не можемъ дозволити“. А. Ю. и З. Р. IX, 811.

изъ Сѣчи въ Острогъ войскового судью Семена Богаченка съ товарищами: Ярошенкомъ, Малюкомъ, Пултавцемъ, Завишею, Бѣлымъ и Олексѣенкомъ, съ отрядомъ изъ сорока человекъ конныхъ. Услышавши о посольствѣ Ханенка, Дорошенко, съ своей стороны, послѣдно отправилъ въ Острогъ трехъ посланцевъ: Шунавскаго, Корицкаго и Лешковскаго ¹⁾ просить перемирія и увѣренія въ томъ, что съ польской стороны не будетъ сдѣлано на него нападенія. Это было въ октябрѣ мѣсяцѣ. Сохранилась инструкція, данная этимъ посланцамъ въ томъ же смыслѣ, какъ и та, которая дана была прежнимъ посламъ, но съ добавленіями, вызванными послѣдовавшими событіями. Такимъ образомъ требованіе, чтобы въ воеводствахъ, отрѣзанныхъ для Украины отъ Польши, паны не въѣзжали въ свои владѣнія—объяснялось и оправдывалось тѣмъ, что уже около двадцати лѣтъ жители приучились не повиноваться панамъ; они, при малѣйшемъ стѣсненіи, поднимаютъ бунты и самое казацкое начальство ничего съ ними сдѣлать не можетъ ²⁾).

Коммиссары польскіе заключили тогда договоръ съ посланцами Ханенка, признали его отъ лица Рѣчи-Посполитой въ званіи гетмана войска запорожскаго. Въ этомъ договорѣ было много краснорѣчивыхъ фразъ, но въ существѣ онъ не давалъ надеждъ на прочное соединеніе малороссійскаго края съ Польшею и на примиреніе малороссійскаго народа съ поляками. Толковалось о великодушіи короля, о прощеніи казакамъ всѣхъ ихъ прошлыхъ винъ, о забвеніи всего происходившаго между малороссіянами и поляками, а со стороны казаковъ давалось гораздо болѣе обязательствъ, чѣмъ сколько предоставлялось русскому народу правъ. Достаточно того, что унія оставалась во всей силѣ, обособленіе Украины не допускалось, владѣльцамъ шляхетскихъ дѣдичныхъ и духовныхъ имѣній безпрепятственно дозволялось управлять ими безъ всякихъ ограниченій, гетману запрещалось имѣть сношеніе съ посторонними державами безъ вѣдома короля и коронныхъ гетмановъ, самыя походы съ войскомъ запорожскимъ противъ непріятеля должны были предприниматься по требованію коронныхъ гетмановъ, а не исключительно по волѣ короля, какъ домогался Дорошенко. Главнымъ заправщикомъ съ польской стороны былъ тотъ же Станиславъ Бѣневскій, нѣкогда сострапавшій гадячскій договоръ.

22 декабря этотъ договоръ утвержденъ былъ сеймовою кон-

¹⁾ Лѣт. Величчя, II, 252.

²⁾ А. Ю. и З. Р. IX, 305.

ституціею. Съ посланцами Дорошенка Петрановскимъ и Тарасенкомъ не вели формальныхъ переговоровъ. Ихъ призвали на сеймъ и дали имъ письменные отвѣты въ такомъ смыслѣ: уничтоженіе уни не можетъ зависѣть отъ свѣтскихъ властей и потому король обѣщаетъ просить папу созвать синодъ, на которомъ засѣдать будутъ архіепископы и епископы, а король, съ своей стороны, насколько то зависѣть отъ него можетъ, будетъ споспѣшествовать устраненію всего, что можетъ производить раздоръ въ духовенствѣ. Обособленіе Украины въ предѣлахъ трехъ воеводствъ признается невозможнымъ, какъ и предоставленіе мѣстъ дивунитскимъ духовнымъ сановникамъ въ польскомъ сенатѣ: тогда возстановилось бы русское княжество, проектированное при Выговскомъ, а отъ него уже казаки сами отреклись чудновскою сдѣлкою. Эта ссылка на чудновскую сдѣлку была уловка. Во-первыхъ, чудновская сдѣлка совершилась тогда, когда казаки находились въ положеніи, какое не могло быть признано свободнымъ; во-вторыхъ, казаки были недовольны въ гадячскомъ договорѣ только предоставленіемъ нѣкоторымъ лицамъ шляхетскаго званія (чѣмъ нарушалось равенство казачества), а вовсе не другими статьями, соединявшимися съ существомъ русскаго княжества. Поляки, однако, теперь повернули этотъ вопросъ такъ, какъ будто казаки вообще не хотѣли автономіи для Руси. Такимъ образомъ, желая не допустить ничего такого, что казакамъ было желательно, поляки дѣлали придирку, будто казаки сами отъ всего этого отказались ¹⁾.

Въ заключеніе, пригласили въ сенатъ Петрановскаго и Тарасенка. Коронный подканцлеръ сказалъ имъ: «вы пріѣхали безъ полномочія къ окончательному постановленію договора, но въ вашей инструкціи видны такія требованія, какихъ сеймъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ принять. Вотъ вамъ отвѣтъ на вашу инструкцію».

Посланцы Ханенка, избѣгая задержанія на своемъ пути отъ Дорошенка, возвратились черезъ область, состоящую подъ управленіемъ Многогрѣшнаго, и Демьянъ Игнатовичъ извѣщалъ о томъ царя, а посланцевъ задерживалъ до полученія царскаго указа объ ихъ отпускѣ. Въ томъ же январѣ 1671 года, черезъ область Многогрѣшнаго провозили Ханенку изъ Польши знамя гетманскаго достоинства—знамя, булаву и бунчукъ, но исполнявшій это порученіе польскаго правительства Жальскій въ январѣ 1671 года былъ возвращенъ изъ Малороссіи назадъ въ Польшу,

¹⁾ Лѣт. Вел., II, 282—286.

не добравшись до Сѣчи ¹⁾. Въ томъ же январѣ у Дорошенка въ Корсунѣ происходила рада: всѣ старшины и полковники составили и послали въ запорожскую Сѣчу отъ имени всего войска запорожскаго протестъ противъ договора Острожской комиссіи, принятаго посланцами изъ Сѣчи, Богаченкомъ съ товарищами. Войско находило этотъ договоръ неудовлетворительнымъ. «Намъ (было сказано въ посланіи корсунской рады въ Сѣчу) даютъ такія вольности, какія у насъ были до войны съ поляками. Но каждый изъ насъ знаетъ, что это были за вольности. Ляхи были надъ нами старшинами и по своему произволу гоняли со свѣта лучшихъ изъ нашихъ товарищей подъ самыми ничтожными предлогами, ни въ чемъ намъ не давали воли, напротивъ же огорчали насъ тѣмъ, что стѣснили свободу нашей древней греко-русской вѣры, умножали въ украинскихъ городахъ свои костелы и всѣми способами отягощали въ Украинѣ нашъ народъ ярмомъ рабства. Если бы намъ было хорошо до войны, то не слѣдовало бы тогда и воевать, а теперь, послѣ того, какъ уже болѣе двадцати лѣтъ проливалась кровь и столько головъ легло, какъ не стыдно будетъ намъ оставаться съ такими вольностями, которыя прежде грызли намъ шею и побудили насъ къ войнѣ? Нѣтъ. Мы съ прежними гетманами и съ нынѣшнимъ нашимъ гетманомъ Дорошенкомъ хотѣли и хотимъ болѣе широкихъ вольностей, чѣмъ тѣ, какія у насъ были до войны, а потому не принимаемъ того, что вы постановили на Острожской комиссіи, дозволивши намъ и старостамъ вѣзжать въ свои маетности по всей Украинѣ и владѣть подданными по старому обычаю» ²⁾.

¹⁾ А. Ю. и З. Р. IX., 326.

²⁾ *Ojczyznie Srom..* II., 333. Упомянутъ о событіи, не относящемся непосредственно къ исторической жизни Малороссіи, но прикоснувшись къ ней. Мятенникъ, величавъ именемъ батюшки Степана Тимошеевича, раскинулъ своихъ, такъ-названныхъ, сыновъ по всей Руси, а между прочимъ и по Малороссіи. Одного изъ такихъ сыновъ, пойманнаго въ Малороссіи, отослалъ гетманъ Многогрішный въ Москву, а вслѣдъ затѣмъ назначилъ на помощь великороссійскимъ войскамъ противъ Разина казаковъ подъ предводительствомъ генеральнаго есаула Гнѣтовки и своего брата Василя Многогрішнаго. (См. А. Ю. и З. Р. IX., 291—321).

VIII.

Доносъ на Многогрѣшнаго и его болѣзнь. — Просьба царю о маестностяхъ. — Снятіе клятвы. — Посольство Іеронима Комара въ Москву. — Отвѣтъ московскаго правительства Польшѣ. — Желаніе Дорошенка сблизиться съ Россією и подвинуть ее противъ Польшы. — Разговоръ Дорошенка съ архіепископомъ Манассією. — Свиданіе Манассія съ Тукальскимъ. — Письмо Дорошенка къ царю. — Донесенія Многогрѣшнаго о несостоятельности Андрусовскаго договора. — Дорошенко подъ Бѣлою-Церковью. — Война Дорошенка съ Ханенкомъ, Сѣркомъ и поляками. — Многогрѣшный допускаетъ своихъ казаковъ помогать Дорошенку. — Казаки Дорошенковыя переходятъ къ Ханенку. — Колебаніе хана. — Приостановка военныхъ дѣйствій зимою. — Прибытіе татаръ. — Зимовка ихъ въ Украинѣ. — Тревога на лѣвой сторонѣ Днѣпра. — Польскій полковникъ Пиво. — Польскій посланникъ Гиньскій въ Москвѣ. — Толки его съ боярами.

Еще не утверждена была польскимъ сеймомъ острожская коммиссія, какъ Ханенко извѣщалъ польскія власти, что соперникъ его, Дорошенко, согласился втайнѣ съ Многогрѣшнымъ, и оба замышляютъ отдать Украину обѣимъ сторонамъ Днѣпра Турціи въ качествѣ вассальнаго владѣнія. Поляки тотчасъ извѣстили объ этомъ московское правительство ¹⁾. Въ Москвѣ этому доносу не дали полной вѣры и не показали къ Многогрѣшному подозрѣнія ²⁾. Многогрѣшный сдѣлался боленъ. Онъ внезапно упалъ на крыльцѣ своего дома и цѣлый часъ оставался безъ языка; его постигъ ударъ, но не смертельный; онъ оправился, проболевъши нѣкоторое время ³⁾. Во время своей болѣзни онъ билъ челомъ царю и хлопоталъ черезъ содѣйствіе боярина Матвѣева о томъ, дабы на случай его кончины даровали наслѣдственное имѣніе въ Черниговскомъ или Стародубскомъ полку его матери, женѣ, сыну Петру Демьяновичу и прочимъ дѣтямъ, «гдѣ бы они могли вести мирное житіе» ⁴⁾. Скоро послѣ своей челобитной черезъ гонца Змѣева получилъ онъ царскую грамоту на просимыя маестности и грамоту цареградскаго патріарха, снимавшаго съ него неблагословеніе. Разрѣшеніе патріарха оживило Многогрѣшнаго, который думалъ, что внезапная болѣзнь, постигшая его, была послѣдствіемъ церковной клятвы, да и вообще у подчиненныхъ распространились такіе толки, и въ умахъ происходило смущеніе, которое было утишено патріаршимъ разрѣшеніемъ.

¹⁾ А. Ю. и З. Р. IX., 314—315.

²⁾ Ibidem., 439.

³⁾ Изв. Саков., 56.

⁴⁾ А. Ю. и З. Р. IX., 322.

Признаніе поляками Ханенка въ званіи гетмана возбудило толки въ царской Малороссіи, особенно въ Кіевѣ. Теперь (толковали тамъ) при помощи войска запорожскаго поляки отважатся съ своимъ королемъ придти въ Кіевъ и будутъ оставаться здѣсь, пока не успѣютъ всѣ украинскіе города приворотить къ себѣ мечемъ или *наговоромъ*, тогда всѣ церкви православныя обратятъ въ костелы или въ унію; съ королемъ пріѣдетъ унитскій митрополитъ и станутъ насъ всѣхъ обращать въ римскую вѣру для вѣчнаго и прочнаго подданства всей Украйны польскому королю и Рѣчи-Посполитой. О такихъ толкахъ въ народѣ доносили царю Иннокентій Гизель, сообщившій также, что въ Кіевѣ говоритъ народъ, будто въ печерскомъ монастырѣ помѣстятъ бискуповъ и королевскихъ дворянъ, а въ печерскомъ городкѣ поставятъ 6000 войска.

Польскій король Михаилъ, послѣ утвержденія на сеймѣ коммиссіи, заключенной съ Ханенкомъ, отправилъ въ Москву Іеронима Комара, уговаривать московское правительство содѣйствовать военнымъ способомъ къ укрощенію Дорошенка. Но изъ Украйны приходили невѣрныя вѣсти, будто польскій коронный гетманъ Собѣскій, недовольный королемъ Михаиломъ, начинаетъ дружить съ Дорошенкомъ. По такимъ разнорѣчивымъ извѣстіямъ, московское правительство находило несвоевременнымъ вступать въ союзъ съ Польшею и оказывать ей помощь противъ Дорошенка, задѣвая въ то же время и Турцію; соображали при этомъ, что если въ самомъ дѣлѣ Собѣскій соединится съ Дорошенкомъ, то узнавши, что царь противъ нихъ готовитъ войско на помощь Польшѣ, Дорошенко съ Собѣскимъ ранѣе пошлютъ сами военную силу въ малороссійскіе царскіе города, и въ лѣвобережной Украйнѣ начнутся внутреннія безпокойства. Въ Москвѣ отвѣчали польскимъ посламъ, что надлежитъ собраться полномочнымъ посламъ на съѣздъ и обсудить мѣры, полезныя въ будущемъ для обѣихъ державъ. Посламъ, назначеннымъ на такой съѣздъ изъ Москвы, давался наказъ объявить полякамъ, что царь не можетъ посылать своихъ войскъ, потому что поляки не подали помощи великому государю московскому, когда во время измѣны Бруховецкаго разоряли татары царскіе города. Вѣрно было поставить на видъ полякамъ, что, въ противность андрусовскому договору, въ польскихъ владѣніяхъ учали быть великія гоненія на православную вѣру, принужденія къ уніи, всякаго рода притѣсненія, и по этой-то причинѣ Дорошенко отступилъ отъ Рѣчи-Посполитой и отдался турку, а того бы не было, еслибъ отъ поляковъ не стало гоненія православной вѣрѣ. О Кіевѣ приказано

было объявить, что Кіевъ удержанъ и не возвращенъ полякамъ оттого, что Дорошенко отдался турецкому султану со всѣми малороссійскими городами, и, такимъ образомъ, Кіевъ могъ бы достаться туркамъ, а тѣмъ бы отворился путь бусурманамъ не только въ Украину, но и во всю руссійскую державу; теперь же для того, чтобъ Кіевъ не достался туркамъ, этотъ городъ снабженъ ратными людьми и хлѣбными запасами съ большими издержками для московскаго государства. Прибавлялось, что Кіевъ не отданъ еще и потому, что послѣ андрусовскаго договора изъ королевской канцеляріи выходили грамоты за королевскимъ подписомъ и печатью, а также отъ старостъ и подстаростъ порубежныхъ городовъ писались письма и отписки, гдѣ именовался неправильно царскій титулъ «съ великимъ безчестіемъ и укоризною для его царскаго величества». Сверхъ того, въ королевскихъ владѣніяхъ печатались латинскія книги «съ такимъ великимъ безчестіемъ и укоризною царскому величеству, что и простому человѣку слышать не годится, не только Божію помазаннику и монарху христіанскому». Поляки претендовали, что гегманъ Демьянъ Игнатовичъ не пропустилъ королевскаго посла Жальскаго, везшаго Ханенку клейноты; полякамъ велѣно было объяснить, что Жальскаго приказалъ отправить назадъ царь, потому что посыла въ запорожскую Сѣчь сдѣлана была вопреки андрусовскому договору: по этому договору запорожцы должны оставаться подъ обороною обоихъ государей, а слѣдовательно, король долженъ былъ ссылаться съ Запорожьемъ не иначе, какъ послѣ предварительнаго сношенія о томъ съ Москвою.

Отправлены были на новый сѣздъ 31 марта Ордынъ-Нащокинъ, Иванъ Ив. Чаадаевъ и думные дѣяки Башмаковъ и Самойловъ.

Не удалось Дорошенку устроить мирныя отношенія казацкой Украины съ Польшею. Утвердилась въ немъ пуще прежняго готовность искать для Украины опоры въ турецкой державѣ. Но все-таки въ его глазахъ это былъ предѣлъ крайней необходимости. Зналъ онъ настроеніе православнаго народа, да и самъ былъ человѣкомъ православной вѣры. И теперь, какъ прежде, онъ готовъ былъ предпочесть всякой другой власти надъ Україною власть единовѣрнаго московскаго государя, только съ такими условіями, какія онъ считалъ выгодными и почетными для своего народа, да въ-добавокъ желалъ онъ побудить царя на рѣшительную брань за всю южную Русь, какъ за свое исконное достояніе. Проѣзжалъ черезъ Молдавію и Украину греческій архіепископъ Манассія изъ Македоніи. Дорошенко принялъ его

съ подобающими почестями, угощалъ его и весь архіерейскій причетъ, а оставшись съ нимъ на-единѣ, сталъ передъ образомъ Спасителя и Богородицы и говорилъ:

«Предъ Богомъ свидѣтельствуюсь, какъ твоя святыня будешь въ Москвѣ, донеси его царскому величеству: мы ради бы служить великому государю и стать его рабами, но великій государь не принимаетъ насъ, а велитъ намъ быть подъ властію поляковъ. Наша церковь божія и нашъ православный народъ терпятъ отъ поляковъ утѣсненія и гоненія и для того принуждены были мы на время отдаваться агарянскому монарху. Если поляки станутъ намъ докучать, такъ мы противъ нихъ учнемъ стоять головами своими съ женами и дѣтьми, соединимся съ турками и татарами за-одно, но польской тяготы никакими мѣрами терпѣть намъ невозможно! Милости отъ польскаго короля и заступленія никакого не имѣемъ! Мы всѣ того только желаемъ: пусть бы для единой святой восточной церкви милость свою государскую къ намъ царь явилъ, подъ свою высокую руку принялъ, насъ всѣхъ въ своей царской милости содержалъ, какъ и прочую братію нашу, и оборонялъ бы отъ непріятеля нашего. А если великій государь не изволитъ принять насъ подъ свою государскую руку, то пусть бы насъ съ поляками помирить изволилъ, чтобъ намъ поляки никакихъ тягостей не чинили, а держали бы насъ по договору Подгаецкому. Въ прошлыхъ годахъ хоть я и ходилъ съ татарами за Днѣпръ, однакожъ я казаковъ и татаръ до бою съ царскими ратными людьми не допустилъ и взятыхъ въ плѣнъ царскихъ воеводъ и ратныхъ людей въ Москву отпустилъ, а полковниковъ и гетмана Демьяна отъ царскаго величества не подговаривалъ и не подговариваю».

Дорошенко, между прочимъ, просилъ передать царю его челобитіе, чтобъ царь не вѣрилъ людямъ, распускающимъ про Дорошенка клеветы, приказалъ бы Демьяну быть съ нимъ въ дружбѣ, не мѣшать ему, Дорошенку, пользоваться купленными мельницами на Днѣпрѣ подъ Чигириномъ и позволять прїѣзжать въ Кіевъ богомольцамъ съ правой стороны Днѣпра. «Пусть государь, — присовокупилъ Дорошенко, — изволитъ только прислать мнѣ указъ; а Стеньку Разина къ его царскому величеству въ подданство и послушаніе наговорю и приворочу».

Гетманъ далъ ему письмо, адресованное къ царю. Архіепископъ Манассія изъ Чигирина поѣхалъ въ Каневъ и тамъ увиѣлся съ митрополитомъ Тувальскимъ. Этотъ архіерей показался ему совершенно одинаковыхъ мыслей съ гетманомъ. Сначала митрополитъ хотѣлъ-было на время удержать архіепископа и

говорилъ: «пошлемъ вмѣстѣ гонца къ государю; когда государь изволитъ насъ принять подъ свою государскую высокую руку, тогда и я поѣду съ тобою въ Москву». Однако, митрополитъ вскорѣ передумалъ и отпустилъ архіепископа одного съ его причетомъ, поручивши ему передать на словахъ то же что Дорошенко. «Писать не смѣю,—говорилъ онъ,—прежнія мои письма, что я посылалъ въ Москву, объявились у поляковъ».

Въ письмѣ, которое Манассія привезъ въ Москву отъ Дорошенка, гетманъ увѣрялъ, что онъ, «какъ соборной православной церкви удѣ и благожелатель всему православному христіанству, хочетъ имѣть православнаго царя за главу себѣ», просилъ не поставить ему въ грѣхъ того, что онъ принялъ отъ турецкаго султана санджаки (знаки власти). «Я сдѣлалъ это,—выражался Дорошенко,—падая цѣлостью всей Украйны, защищая отъ разоренія церкви божіи и отводя отъ людей пагубу. Иногда дѣлаю такое, чего и самъ не хочу: еслибъ мы не приняли знаковъ турецкихъ, то пришлось бы намъ творить брань съ сильными бусурманами, живущими близко насъ, а на это мы немощны». «Да будетъ извѣстно вамъ, православный милостивый царь, что сей російскій народъ, надъ которымъ я старшинствую, не хочетъ носить ига, которое возлагаетъ на него Рѣчь-Посполитая: не допускаютъ поляки войску запорожскому и народу російскому имѣть тѣхъ вольностей, о которыхъ черезъ пословъ своихъ я просилъ. И вотъ по такой причинѣ нашъ народъ прилѣпляется къ братству съ сосѣдствующими бусурманами въ надеждѣ своего спасенія! Я не былъ врагомъ вашего пресвѣтлаго величества и во вся дни живота не измѣню къ вашему величеству желательства, и если ты, великій царь, православный христіанскій монархъ, меня своимъ царскимъ словомъ обнадежишь, гдѣ бы я могъ главу свою преклонить, то я готовъ буду не токмо здоровье свое излѣять, но и душу положить за православную христіанскую вѣру и за цѣлость православнаго христіанскаго народа».

Вслѣдъ затѣмъ и Демьянъ Игнатовичъ въ письмѣ къ царю указывалъ на то, что андрусовскій договоръ заключалъ въ себѣ условія нескончаемыхъ несогласій. Этотъ договоръ не только раздражалъ Дорошенка, оставивши его съ казаками въ подданствѣ Польшѣ, но, передѣливъ на двѣ половины Украйну, которая прежде была едина, сдѣлался теперь источникомъ всякаго рода споровъ о владѣніяхъ. Тѣ, которые достались теперь подъ державу русскую, имѣли прежде еще владѣнія на правомъ берегу, отнесенному по договору къ Польшѣ, и наоборотъ: Дорошенко, гетманъ на лѣвой сторонѣ, начавши отъ Кременчуга

чуть не по самый Киевъ владѣлъ землями и отбиралъ на себя доходи. Королевскіе старосты владѣли на той сторонѣ селами и угодьями, принадлежавшими издавна городу Любечу, расположенному на лѣвомъ берегу Днѣпра и доставшемся по раздѣлу Россіи. Рѣка Сожь, впадающая въ Днѣпръ, сдѣлана границею по андрусовскому договору, но старосты Рѣчи-Посполитой присвоивали себѣ мѣста по сю сторону Сожи. Объ этомъ обо всемъ представлялъ царю Многогрѣшный. Поляки съ своей стороны жаловались, что сотникъ Седнѣвскій съ воинскими людьми переходитъ на другой берегъ Сожи и закладываетъ новый рубежъ. Демьянъ, на вопросы, сдѣланные ему изъ Москвы по этому поводу, оправдывалъ сотника, и указывалъ, что, напротивъ, польскіе подданные дѣлаютъ русскимъ подданнымъ безпрестанныя оскорбленія и нарушаютъ андрусовскій договоръ: грабятъ у себя кievскихъ и черниговскихъ купцовъ, ѣздящихъ къ нимъ по торговымъ дѣламъ, смущаютъ малороссіянъ разсказами, будто царь скоро всю Украину лѣвой стороны Днѣпра Польнѣ отдастъ, а слушающіе такіе разсказы, пріѣхавши домой, пересказываютъ о томъ у себя и оттого происходитъ всенародное смятеніе. Главное же нарушение договора со стороны ляховъ по указанію Демьяна состояло въ томъ, что они продолжаютъ преслѣдовать у себя православную вѣру: въ послѣднее время въ Полонномъ и въ Витебскѣ обратили православныя церкви въ унию, хотѣли то же сдѣлать въ Могилевѣ, но посольство не допустило.

На такія представленія гетмана Многогрѣшнаго послѣдовалъ уклончивый отвѣтъ, именно, что обо всѣхъ обидахъ и недоумѣніяхъ будетъ писано въ Польшу надлежащимъ путемъ, а настоящимъ владѣльцамъ спорныхъ угодій слѣдуетъ удерживать за собою свои владѣнія по прежнему, пока не устроится размежеваніе рубежей, о чемъ въ свое время гетману данъ будетъ указъ ¹⁾.

Объявивши себя рѣшительно врагомъ Польши, Дорошенко призывалъ крымскаго хана, какъ данника Турціи — съ тѣмъ, чтобы взять Бѣлую-Церковь, гдѣ сидѣлъ гарнизонъ Рѣчи-Посполитой, состоявшій преимущественно изъ нѣмцевъ, которыхъ всегда было множество въ польскомъ войскѣ, набравшемся наймомъ. Братъ Дорошенко въ Григорій съ Брацлавскимъ полкомъ стоялъ тогда на западной границѣ въ мѣстечкѣ Стѣпѣ ²⁾. Дорошенко не

¹⁾ Ibidem, 407.

²⁾ Ibidem, 149.

дождался хана. Запорожцы въ числѣ шести тысячъ съ Ханенкомъ и Сѣркомъ перегородили путь хану, шедшему на помощь Дорошенку. Послѣ непродолжительной битвы Адиль-Гирей помирился съ запорожцами и съ Ханенкомъ ¹⁾. Онъ уже прежде былъ не расположенъ къ Дорошенку и шелъ къ нему на помощь только по приказанію падишаха, а потому легко склонился на предложенія Ханенка. Дорошенко, узнавши о случившемся, отправилъ въ Константинополь жалобу на хана, и въ іюнѣ получилъ извѣстіе, что будетъ назначенъ въ Крымъ новый ханъ, Селимъ-Гирей ²⁾. Ожидая этого новаго хана въ іюлѣ съ своимъ вазачимъ войскомъ и съ небольшимъ числомъ бывшихъ при гетманѣ татаръ, Дорошенко приступилъ къ Бѣлой-Церкви и пытался побудить польскій гарнизонъ къ добровольной сдачѣ; онъ простоялъ подъ Бѣлою-Церковью нѣсколько недѣль, писалъ убѣжденія бѣлоцерковскому коммендату, обѣщая всѣмъ полякамъ цѣлость, писалъ къ бѣлоцерковскимъ жителямъ, стараясь выманить ихъ къ себѣ въ станъ ³⁾. Между тѣмъ коронный гетманъ Собѣскій съ польскимъ войскомъ вошелъ на Подоль, понуждалъ тамошніе городки къ покорности Рѣчи-Посполитой, и къ Дорошенку писалъ, что является съ королевскимъ порученіемъ составить мирный договоръ между войскомъ запорожскимъ и Рѣчью-Посполитою. Дорошенко не поддавался польскимъ уловкамъ, стоялъ на своихъ прежнихъ требованіяхъ, заявленныхъ въ прошломъ году; наконецъ, 20 августа, услышавши, что братья его Григорій осаждены поляками въ Брацлавѣ, отступилъ отъ Бѣлой-Церкви ⁴⁾.

Отлучившій крымскаго хана отъ союза съ Дорошенкомъ, Ханенко, вмѣстѣ съ Сѣркомъ, давнимъ «Дорошенковымъ хлѣббядцемъ», пошелъ на помощь полякамъ. Дорошенко выступилъ противъ нихъ, но, не доходя десяти верстъ до рѣки Буга, услыжалъ о большомъ наводненіи, которое не допустить переправить его войско, и отступилъ къ Чигирину, откуда 27 сентября писалъ къ Многогрѣшному, что надѣется поправить свое дѣло, когда придутъ татары ⁵⁾. Но враги воспользовались пріостановкою военныхъ дѣйствій со стороны гетмана Дорошенка. Въ октябрѣ коронный гетманъ Собѣскій, при содѣйствіи Ханенка и Сѣрка, принудилъ покориться Рѣчи-Посполитой подольскіе городки Брац-

¹⁾ А. Ю. и З. Р. IV, 446, 461.

²⁾ Ojcz. Spom., II, 312.

³⁾ А. Ю. и З. Р. IV, 432, 435, 437.

⁴⁾ Ojcz. Spom., II, 312, 329. А. Ю. и З. Р., IV, 438.

⁵⁾ Ibid., 454, 455.

лавъ ¹⁾, Стѣну ²⁾, Могилевъ, Ямполь, Тымановку ³⁾, Яругу ⁴⁾, Баръ ⁵⁾, Межибожь ⁶⁾, Винницу ⁷⁾, и другіе. Нѣкоторые уступали только послѣ отчаяннаго сопротивленія, другіе были податливы; всѣхъ упорны показавъ себя Кальнижъ, благодаря обширности своего замка и двухъ посадамъ (містамъ), обведеннымъ валами и палисадами и представлявшимъ безопасное убѣжище для осажденныхъ ⁸⁾. Сдававшіеся города признавали надъ собою власть гетмана Ханенка, признаннаго Польшею въ гетманскомъ званіи. Ханенку пособилъ много его союзъ съ Сѣркомъ, котораго имя, какъ славнаго богатыря, вездѣ уважали малороссіане ⁹⁾; съ другой стороны побратимство Дорошенка съ бусурманами отвращало отъ него народныя сердца: трудно было увѣрить малороссіанъ, какъ того добивался Дорошенко, чтобъ тѣ бусурманы, которыхъ они отъ пращуровъ и дѣдовъ привыкли считать своими прирожденными врагами и разорителями, вдругъ превращались въ ихъ сторонниковъ и защитниковъ, и страхъ очутиться подъ властію бусурманъ уже многихъ погналъ за Днѣпръ искать новаго отечества. Самые приверженцы Дорошенка колебались, и если подъ его вліяніемъ мирились съ мыслию быть подъ турецкимъ господствомъ, ради сохраненія самобытности Украйны, то легко и отвращались отъ такой мысли по другимъ противнымъ наущеніямъ. Осенью 1671 года у Дорошенка оставалось вѣрнымъ ему охотнее войско—серденята, да выборные казаки изъ разныхъ полковъ ¹⁰⁾. Татаръ съ нимъ было мало. Новаго крымскаго хана Селимъ-Гирея онъ не могъ дожидаться. Прибылъ къ нему Нураддинъ-султанъ, но только съ шестью тысячами и сталъ у Городища, недалеко Корсуни; съ нимъ однимъ Дорошенко не рѣшался возобновить борьбы, не дождавшись бѣлгородской орды, которую обѣщалъ ему прислать падишахъ, и которая явилась не ранѣе 18 ноября, въ количествѣ двадцати тысячъ; съ нею прибыли и турки, по однимъ извѣстіямъ въ числѣ десяти, по другимъ — только двухъ тысячъ ¹¹⁾.

¹⁾ Ojcz. Spom., II, 151. А. Ю. и З. Р., IX, 452, 585.

²⁾ Село Ямпольск. уѣзда под. губ., при р. Русавѣ.

³⁾ Мѣст. Ямп. уѣзда под. губ.

⁴⁾ Мѣстечко Ямп. уѣзда под. губ., при впад. р. Буши въ Мурахву.

⁵⁾ Мѣст. Могил. уѣзда под. губ., при р. Ровѣ.

⁶⁾ Мѣст. Литичевск. уѣзда под. губ., при впад. р. Вужа въ Бугъ.

⁷⁾ Ojcz. Spom., II, 329, 330, 333, 340, 342, 343.

⁸⁾ Ibid., 338.

⁹⁾ А. Ю. и З. Р. IX, 581.

¹⁰⁾ Ibid., 587, 590.

¹¹⁾ Ibid., 577, 535, 612, 655.

Между тѣмъ король Михаилъ приказалъ въ началѣ зимы приостановить военныя дѣйствія и коронный гетманъ ушелъ изъ-подъ Кальника, котораго не добылъ, во Львовъ, оставивши на Подоли своего товарища, польнаго гетмана Вишневецкаго. Самъ польный гетманъ стоялъ въ Барѣ. Въ городкахъ Рашковѣ, Чечельникѣ, Могилевѣ, Брацлавѣ, Стѣнѣ, Карсановкѣ, Тымановкѣ разставлены были польскія хоругви ¹⁾. Казаки Ханенка занимали Бершадь и Лодыжинъ ²⁾. Въ Иливцахъ ³⁾ Сѣрко и Ханенко собрали посольство съ Подоли и казаковъ на раду; прислали туда своихъ делегатовъ и польскіе гетманы — увѣрить малороссіянъ подъ присягою, что впередъ будутъ ихъ содержать сообразно стариннымъ правамъ ⁴⁾. Конечно въ этомъ не было ничего искренняго и прочнаго и никакія старинныя права не могли удовлетворить народа, искавшаго новой жизни, а не старыхъ правъ. Самъ Собѣскій понималъ это и писалъ: мы стараемся ихъ увѣщаніями удержать въ повиновеніи и они обѣщаютъ, а какъ явится здѣсь турецкій паша или крымскія орды, такъ ужъ не наша воля здѣсь будетъ ⁵⁾.

По прибытіи былгородскихъ татаръ, Дорошенко одну часть ихъ размѣстилъ въ Украинѣ, а другую взялъ съ собою и двинулся въ Подоли. Лодыжинцы тайно прислали извѣстить его, что сдадутся какъ только онъ явится ⁶⁾, и по ихъ подухенію Дорошенко 24-го ноября напалъ на Лодыжинъ, но Ханенко заперся въ замкѣ. Города и селенія стали приставать къ Дорошенку. Отстали отъ поляковъ Ямполь, Тульчинъ, Черниховцы, Винница, Камяница и другіе; польскіе жолнѣры, составлявшіе въ нихъ заложъ, ушли въ болѣе крѣпкіе — Рашковъ, Могилевъ, Шаргородъ и запрятались въ нихъ, уклоняясь отъ вступленія въ бой съ непріателемъ: они знали, что ни казаки, ни татары, не рѣшаются охотно тратить продолжительное время на добываніе укрѣпленныхъ мѣстностей ⁷⁾. На первый день Рождества Дорошенко сдѣлалъ нападеніе на городокъ Тростянецъ; посадъ, или «місто», былъ взятъ, жители частію истреблены, частію захвачены въ ясырь татарами, но замка, гдѣ засѣли поляки, Дорошенко

¹⁾ Ibid., 584.

²⁾ Ojcz. Spom., II, 151.

³⁾ Мѣст. Липов. уѣзда кiev. губ., при р. Собѣ.

⁴⁾ А. Ю. и З. Р. IX, 575.

⁵⁾ Ojcz. Sp., II, 330.

⁶⁾ Ojcz. Spom., II, 154.

⁷⁾ А. Ю. и З. Р. IX, 612. Ojcz. Spom., II, 159.

не взялъ и отступилъ отъ него 30-го декабря ¹⁾. Бѣлгородскіе татары, бывшіе на войнѣ съ Дорошенкомъ, не только составляли его главную силу, но расходились по сторонамъ загонями, хватали жителей и угоняли въ свои степи. Дорошенко этому не препятствовалъ, но самъ осуждалъ на ясырь татарамъ тѣхъ изъ мѣстныхъ жителей, которые окажутъ сопротивленіе или же измѣнить Дорошенку, и перейдутъ къ Ханенку. Набравши ясыря, бѣлгородскіе татары спѣшили уходить домой ²⁾ и самъ Дорошенко послѣ новаго года уѣхалъ въ Чигиринъ ³⁾. Есть польское извѣстіе, что паволоцкій полковникъ замышлялъ овладѣть булавою войска заворожскаго, и это побудило Дорошенка преждевременно прервать войну.

Тѣмъ бѣлгородскимъ татарамъ, которыхъ, выступая на Подоль, Дорошенко размѣстилъ въ Украинѣ, дано было отъ гетмана строгое приказаніе — не предпринимать набѣговъ на лѣвый берегъ Днѣпра; но одно появленіе ихъ на правой сторонѣ, и притомъ не далеко отъ Кіева, произвело чрезвычайную тревогу въ посполствѣ. Правобережные прочане, которыхъ отъ прихода татаръ стало болѣе, разнесли переносихъ между обывателями лѣвобережной Малороссіи. Посѣщавшіе въ ту зиму этотъ край, московскіе говцы писали: «въ городахъ и мѣстечкахъ всенохи бѣгутъ, изъ вѣстовыхъ пушекъ стрѣляютъ безпрестанно, чтобы люди съ своими пожитками убѣгали въ осаду въ города; твердятъ, что не сегодня-завтра появятся татары и станутъ забирать въ полонъ жителей» ⁴⁾. Страхъ этотъ оказался напрасенъ. Всѣ бѣлгородскіе татары, разставленные по Украинѣ, пошли за своими товарищами домой. Осталось ихъ только полтораста съ мурзою, да Нураддинъ-султанъ съ своею ордою, расположившіеся въ Корсуни.

По соседству съ Кіевомъ поляки наводили страхъ не хуже татаръ. 30-го декабря, польскій полковникъ Пиво-Запольскій взялъ Васильковъ и расположилъ тамъ своихъ полчанъ; малороссійскіе жители хотѣли было не пускать къ себѣ поляковъ и многіе за то лишились жизни. Въ январѣ 1672 года Пиво-Запольскій занялъ Макаровъ, Брусилонъ и Межигорскій монастырь ⁵⁾ и очутился подъ Кіевомъ. Служащие царскіе люди, задѣванные изъ города за дровами въ лѣсъ, за Дибедью натенулись на поляковъ,

¹⁾ Оіск. Спом., II, 156.

²⁾ А. Ю. и З. Р., IX, 628, 895.

³⁾ Оіск. Спом., II, 161.

⁴⁾ А. Ю. и З. Р. IX, 609.

⁵⁾ А. Ю. и З. Р. IX, 396, 628.

и тѣ отняли у нихъ лошадей, оружіе, поснимали съ нихъ платье и самихъ повололи оружіемъ. Кіевскій воевода кн. Коваловскій доноситъ, что въ Кіевѣ мало царскихъ ратныхъ людей, всего 2,489 человекъ—и опасно, чтобы поляки, провѣдавши про это, не попытались внезапно захватить Кіевъ въ свои руки. Побывавшіе на правой сторонѣ Днѣпра малороссіяне, возвратясь домой, рассказывали, что поляки говорили имъ: «мы вотъ когда-нибудь неожиданно-негаданно перейдемъ Днѣпръ и надѣлаемъ разореній, а вы не будете въ силахъ ничего: пока-то вы отъ вашего царя указъ получите». Еще въ октябрѣ 1671 года одинъ кіевскій мѣщанинъ рассказывалъ, что видѣлъ двѣнадцать торговыхъ малороссіанъ, ѣхавшихъ изъ Волощины и порубленныхъ поляками, а въ селахъ, принадлежавшихъ печерскому монастырю, жолѣбры полковника Пиво-Занольскаго нагло забирали у жителей скотъ, хлѣбъ, даже выбирали ихъ пожитки изъ сѣрны; и гетманъ Многогрѣшный, донесъ объ этомъ въ привазь, прибавлялъ, что коли поляки начинаютъ съ малороссіянами задоръ, то и малороссіяне стануть имъ отплачивать тѣмъ же, потому что народъ малороссійскій этого терпѣть не обыкъ. Тогда Демьянъ Игнатовичъ разрѣшилъ всѣмъ свободно переходить на правую сторону Днѣпра и подъ знаменами гетмана Дорошенка воевать ляховъ.

И въ Москвѣ стало было не ладиться съ поляками. Когда пріѣхалъ въ царскую столицу польскій посолъ Гнинскій, вести съ боярами переговоры о мирѣ, на основаніи андрусовскаго договора, московскіе бояре домогались допустить къ совѣщаніямъ посланцевъ казацкихъ, пріѣхавшихъ отъ гетмана Демьяна Многогрѣшнаго. Поляки ни за что не хотѣли этого. Когда польскіе послы стали просить содѣйствія со стороны царя въ усмиреніи Дорошенка, бояре, не оправдывая Дорошенка, и Гнинскому, какъ Комару, замѣтили, что обращеніе его къ оттоманской державѣ вызвано гоненіями со стороны поляковъ на православную вѣру. Бояре сообщали, что Дорошенно не разъ по этому поводу просилъ московскаго великаго государя принять его подъ свою высокую руку; великій государь отказывалъ, не желая ссориться съ королевскимъ величествомъ; теперь же, когда Дорошенно, отдавшись Турціи, пересталъ быть польскимъ подданнымъ, царь могъ бы такъ поступить, но не хочетъ безъ королевскаго согласія. На это поляки замѣтили: принявши Дорошенка подъ свою высокую руку, царь черезъ то никакого права на Украину не получить. Угодно было польскому королю поставить гетманомъ въ Украинѣ Дорошенка, можетъ король и переимѣнить его, и вмѣсто Дорошенка дать гетманское достоинство иному лицу, а

Украина все-таки останется, какъ была, достояніемъ Рѣчи-Посполитой. И въ этомъ вопросѣ, какъ въ вопросѣ о превращеніи амарусовскаго перемирія въ вѣчный миръ, не договорились тогда ни до чего важнаго польскіе и русскіе дипломаты. Между тѣмъ бояре и на этотъ разъ повторяли передъ польскими посланцами жалобы на пропуски въ написаніи царскаго титула, и на разныя укорошенія противъ московскаго царя и его державы, допускаемыя въ книгахъ, выходившихъ въ Польшу. Поляки могли быть увѣрены, что бояре держатъ у себя кое-что про запасъ на будущее время, чтобы, пользуясь удобнымъ случаемъ, завести старую пѣсню, которая, какъ хорошо поляки помнили, во времена Богдана Хмельницкаго, довела до войны между Москвою и Польшею. Къ разрыву, однако, на этотъ разъ не доніло; обѣ стороны увѣрили другъ друга во взаимномъ союзѣ и доброжелательствѣ и отложили толки объ окончательномъ мирѣ на будущее время.

IX.

Свиданіе Многогрішнаго съ подьячимъ Михайломъ Савиннымъ.—Рѣзкіе отзывы гетмана.—Пріемъ Танѣева.—Вопросъ о Гомелѣ.—Первый разговоръ Танѣева съ Неѣловымъ.—Многогрішный опасается соперничества кievскаго полковника Соломны.—Разговоръ Многогрішнаго съ нѣжинскимъ протопопомъ.—Извѣстія о буйномъ поведеніи гетмана.—Царская грамота гетману Многогрішному.—Вторичный пріѣздъ Танѣева.—Недовѣріе гетмана къ Москвѣ.—Смѣлая и рѣзкая рѣчь гетмана Многогрішнаго, произнесенная Танѣеву.—Второй разговоръ Танѣева съ Неѣловымъ.—Ночное совѣщаніе у обознаго Петра Забѣлы.—Послѣднее свиданіе Танѣева съ гетманомъ.—Отъѣздъ Танѣева.

Надъ гетманомъ Демьяномъ Игнатовичемъ Многогрішнымъ собиралась грозная туча, а онъ не замѣчалъ ея и не чувствовалъ ни въ чемъ ея приближенія. Дни его гетманства были сочтены, а онъ того не предвидѣлъ.

Въ описываемый нами вѣкъ въ Малороссіи всякое начальствующее лицо, и старѣйшее и меньшее, было избранное, поступленіе его въ должность зависѣло отъ воли подчиненныхъ. Сообразно древнимъ народнымъ правамъ и обычаямъ, начальствующая особа должна была держать советъ съ подчиненными. Но на дѣлѣ выходило, что какъ только такая особа получала власть, достававшуюся по выбору подчиненныхъ, такъ уже начинала считать себя въ правѣ дѣйствовать самовластно и, при случаѣ, позволяла себѣ самыя деспотическія выходы. Главною причиною этого было то, что получавшее по выбору должностъ лицо должно было опасаться болѣе гнѣва высшаго своего по-

чальника, также избраннаго, чѣмъ нерасположеніа къ себѣ своимъ подчиненныхъ. Выбранный въ своей сотнѣ, сотникъ дѣлался самовластнымъ господиномъ надъ сотнею, но за то старался угождать своему полковнику, подчинялся его произволу и работничествовалъ передъ нимъ; законное поступленіе полковника въ свою должность не могло совершиться безъ воли гетмана, но зависѣло также отъ желанія полчанъ имѣть его своимъ полковникомъ, однако, болѣе или менѣе прочно укрѣпившись въ должности, онъ былъ въ своемъ полку такой самовластный господинъ, какъ средневѣковой феодальный баронъ, хотя, въ свою очередь, всегда могъ ожидать надъ собою деспотическихъ выходовъ отъ гетмана. Еще шире это проявлялось въ поведеніи гетмана, какъ главы цѣлаго края. Гетманъ юридически не былъ неограниченнымъ государемъ: съ одной стороны онъ не смѣлъ начинать ничего важнаго безъ совѣта со старшинами, а въ особенно важныхъ случаяхъ—безъ генеральной рады, куда сзывались всѣ казаки; съ другой, онъ долженъ былъ относиться за окончательнымъ разрѣшеніемъ къ государю черезъ посредство малороссійскаго приказа. Но это не мѣшало гетману, при случаѣ, дѣлать такіа выходы, на какіа могъ имѣть право только ни отъ кого независимый деспотъ. Грубость нравовъ того времени располагала къ этому. Демьянъ Игнатовичъ былъ человѣкъ права вспыльчиваго и при томъ нерѣдко бывалъ пьянъ, а потому не сдержанъ ни на языкѣ, ни на руки; возвышеніе избаловало его скоро, царь былъ къ нему милостивъ и онъ сталъ показывать себя въ поступкахъ и рѣчахъ человѣкомъ вольнымъ и сильнымъ. Все вокругъ кланялось ему; — но за то кругомъ его все было пропитано коварствомъ и много охотниковъ было погубить его. Между тѣмъ положеніе края было самое смутное и пшатное; малороссіане сами не знали, что съ ними будетъ, въ ту или въ другую сторону выгоднѣе будетъ имъ обратиться. Въ такомъ положеніи понятно, что главѣ такого края могли безпрестанно угрожать неожиданные перевороты, и какъ бы онъ ни держалъ себя, всегда бы нашлись имъ недовольные. И гетманъ Демьянъ Игнатовичъ возбуждалъ противъ себя много недовольныхъ, да въдобавокъ свою несдержанностью самъ давалъ этимъ недовольнымъ поводъ при случаѣ мочить подъ нимъ яму. Надобно, однако, замѣтить, что гетманъ Демьянъ Игнатовичъ, при своей вспыльчивости и нерѣдко грубости, не показывалъ тѣхъ чертъ хитрости и коварства, которыми отличились многіе малороссійскіе историческіе дѣятели той эпохи. Напротивъ, сколько можно преслѣдять его дѣятельность, онъ, казалось, былъ человѣкъ прямой и добродушный.

18-го декабря 1671 года прибылъ въ Батуринъ царскій подъячій Михайло Савинъ. Онъ былъ посланъ собственно для того, чтобы сдѣлать дознаніе о гробѣ патріарха Афанасія, скончавшагося на возвращеніи пути изъ Москвы въ Турцію въ Лубнахъ: объ этомъ святителѣ начались тогда носиться слухи, обыкновенно предшествующіе открытію мощей святого. Какъ-бы мимоходомъ, Савину поручили привести гетману царскую грамоту. Въ этой грамотѣ указывалось Демьяну, чтобы онъ отнюдь не велѣлъ чинить ни съ кѣмъ, особенно съ полянами, задорожъ, и объявлялось, что, до окончательнаго разграниченія рубежей, всякими спорными землями должны владѣть тѣ, которые въ данное время уже ими владѣютъ.

Демьянъ Игнатовичъ при гонцѣ московскомъ сталъ дѣлать такіе замѣчанія на царскую грамоту.

«Изъ-за рѣки Сожи съ королевской стороны на нашу сторону перебѣгаютъ люди и начинаютъ селиться, а великій государь ихъ ссылатъ не велитъ. Этажъ, если пустить поляковъ селиться за Сожемъ, такъ они начнутъ вступаться въ наши города и села и говорить, что эти города и села были ихъ маетностями».

Савинъ замѣтилъ, что противъ этого существуетъ андрусовскій договоръ, гдѣ обозначены границы. Демьянъ сказалъ:

«Въ андрусовскомъ договорѣ того подлинно не означено, по каковому мѣсту Малороссія и чѣмъ мнѣ владѣть! Коли великій государь изволитъ земли нашимъ по-немногу королю отдавать, такъ лучше бы велѣлъ насъ всѣхъ разомъ отдать: король радъ будетъ! Только у насъ на сей сторонѣ войска тысячь сто наберется: будемъ борониться, а земли своей никакими мѣрами не уступимъ: отъ насъ задору никакого ни съ кѣмъ нѣтъ и не будетъ; это великому государю извѣстно;—а за правду мы головы свои положимъ!»

Савинъ сталъ ему дѣлать усомнительныя представленія, но гетманъ такъ разгорячился, что перебивалъ его рѣчь и сталъ говорить еще рѣзче:

«Ожидаль я отъ царскаго величества къ себѣ и къ малороссійскому народу милости паче прежняго, а онъ насъ отдаетъ въ людскую неволю! Поляки грабятъ нашихъ малороссійскихъ купцовъ и въ тюрьмахъ держатъ, около Києва монастырскія села разоряютъ, а великій государь за то имъ ничего не учинилъ! Насъ совсѣмъ не обороняютъ! Колибъ мы сами себя не обороняли, давно бы насъ всѣхъ поляки въ неволю побрали. Видно, нечего намъ надѣяться на московскихъ людей!»

Проговоривши это сердитымъ тономъ, гетманъ отпустилъ Савина на подворье, а самъ съ своею челядью поѣхалъ «на поле» (на охоту).

— Гетманъ нашъ сердитъ, — говорили подьячему гетманскіе челядинцы. — Какъ придетъ въ сумнительство, такъ все «на поле» ѣздитъ и про всякія дѣла думаетъ.

Все это передано было подьячимъ по принадлежности въ малороссійскій приказъ, когда, окончивъ возложенное на него порученіе, онъ вернулся въ Москву. Савинъ привезъ туда вѣсти о переполохѣ, возникшемъ по поводу прѣбѣтія въ Дорошенку татаръ, рассказы о зацѣнкахъ со стороны польскаго жаловѣрства. Въ Москвѣ уразумѣли, что въ Украинѣ готовятся новыя безпокойства ¹⁾.

27-го января 1672 года отправили изъ Москвы новаго гонца и уже въ Батуринѣ прямо къ гетману. То былъ стрѣлецкій полуголова Александръ Танѣевъ съ подьячимъ Дементьемъ Ивановичемъ. Они прибыли въ Батуринѣ 6-го февраля.

На другой день представился царскій посланникъ гетману и отъ имени великаго государя спросилъ гетмана, всѣхъ полковниковъ и все войско запорожское о здоровьѣ, что по тогдашнему этикету было знакомъ монаршей милости. Въ заключеніе объявилъ Танѣевъ, что великій государь жалуется и милостиво похвалаетъ гетмана Демьяна Игнатовича за его вѣрную службу. Гетманъ, выслушавши такое привѣтствіе, поклонился до земли; посланецъ подавъ ему грамоту, гетманъ поцѣловалъ на ней печать и опять поклонился до земли; потомъ съ своей стороны спросилъ о здоровьѣ великаго государя и въ третій разъ поклонился до земли. Эти официальные церемоніи показывали самое дружелюбное настроеніе и никакъ не дозволяли предполагать, что вскорѣ поднимется буря.

Гетманъ приказалъ читать грамоту. Тамъ подтверждалось, чтобъ на рубежахъ съ Польшею и Литвою малороссіи владѣли всякими урочищами, какія были у нихъ во владѣніи при андрусовскомъ договорѣ, пока не съѣдутся на границу мѣшечные и расправные суды и не проведутъ окончательно въ точность рубежей. Писано было, что чинится договоръ съ польскими посланцами, что посланцу Многогрѣшному, Константину Соколкинѣ, оказываютъ милость, и что есть надежда на скорое установленіе вѣчнаго мира съ Польшею. Вѣсть съ тѣмъ, замѣчался гетману, что непрестойны были происшесенія изъ подьячему

¹⁾ А. Ю. и З. Р. IX, 606.

Савину слова на-счетъ того, будто государь отдастъ ихъ земли ляхамъ. Гетманъ послѣ окончанія чтенія сказалъ:

«Что я говорилъ Михайлу Савину объ отдачѣ земель нашихъ ляхамъ, такъ это я сказалъ оттого, что польская правда и постоянство мнѣ вѣдомы: на чемъ они пунеты поставлены, того никакъ не держатся; и теперь самовольствомъ заѣзжаютъ за Днѣпръ и за Сожу и малороссійскимъ жителямъ чинятъ разоренія и убити. Истинно желаю, чтобъ у великаго государя съ королемъ польскимъ состоялось мирное постановленіе, только пусть бы великій государь, милосердую о насъ, стародавнихъ своихъ подданныхъ, освободилъ насъ, всѣхъ людей греческаго закона, отъ иновѣрцевъ и дѣдичную свою отчину, преславный городъ Кіевъ, гдѣ почиваютъ чудотворныя мощи, никогда не отдавалъ бы въ королевскую сторону. Мы же на всякомъ мѣстѣ готовы противъ непріятеля стоять и головы складывать за великаго государя и его наслѣдниковъ».

Гетманъ сообщилъ словесно царскому посланцу о тогдашнихъ обстоятельствахъ.

«Дорошенко, — говорилъ онъ, — подбиваютъ поляки соединиться съ королемъ, — посылаютъ ему подарки, обѣщаютъ все, чего онъ захочетъ! Это все того ради, что когда бы Дорошенко съ ними соединился, такъ они тотчасъ пошли бы на сѣ сторону войною. Только Дорошенко никогда не сойдется съ ляхами и не отстанетъ отъ турецкаго царя, — на насъ же войною не нападетъ. Онъ безпрестанно ко мнѣ присылаетъ и клянется, что съ нами сойтись не станетъ: ни самъ не перейдетъ войною на сѣ сторону, ни другихъ воевать противъ насъ не пуститъ. Изъ орды, что при немъ, кое-какіе вздумали-было переходить черезъ Днѣпръ и малороссійскимъ жителямъ чинить худое, такъ онъ, сдѣлавши сыскъ, велѣлъ начинномъ ихъ бити кнѣзми, водя по таборамъ, и потомъ далъ крѣпкій заказъ, чтобъ никто ни изъ казаковъ, ни изъ татаръ не смѣлъ въ намъ за Днѣпръ перѣзжать и чинить обиды».

Гетманъ давалъ совѣтъ государю присоединить къ себѣ Гомель, — иначе будетъ малороссіянамъ утѣшеніе. «Если, — говорилъ онъ, — не состоится миръ между Россією и Польшою, такъ ляхи въ Гомель насадятъ своихъ людей и тогда проѣзда не будетъ до Кіева, до Остра, до Нѣжина и до Чернигова. Изъ Гомеля выйдутъ жители и живутъ теперь въ слободахъ; пусть бы великій государь указалъ взять Гомель и воротить въ него этихъ жителей, такъ они будутъ ликовъ въ намъ не пропускать. Теперь въ Гомелѣ остается всего дунѣ со ста и тѣ безпрестанно

просить, чтобъ ихъ царь велѣлъ, вмѣстѣ съ Гомелемъ, принять подъ свою державу».

Поживши нѣсколько дней въ Батуринѣ, Танѣевъ разговаривался съ начальникомъ стрѣльцовъ, находившихся постоянно при гетманской особѣ, Григоріемъ Неѣловымъ, и тотъ сообщилъ такіе свѣдѣнія о Демьянѣ Игнатовичѣ: «Ужасно онъ мятется, услышавши, будто царь хочетъ его переимѣнить и назначить гетманомъ Солонину. Намедни пріѣхалъ къ нему нѣжинскій протопопъ; гетманъ сталъ ему говорить на-счетъ Солонины, а протопопъ сказалъ: «не вѣрь такимъ слухамъ; царь тебя жалуетъ и не переимѣнитъ!» Не понравилось это гетману и сказалъ онъ протопопу: «ты за-одно съ москалями торгуешь мною». Слово за слово, дошло у нихъ до того, что гетманъ разбилъ протопопа и похвалялся саблей голову у него отсѣчь въ свѣтлицѣ. Протопопъ мнѣ сказалъ объ этомъ тайнѣ въ церкви, а при гетманѣ подходить къ себѣ не велѣлъ, чтобъ какого дурна отъ тѣхъ словъ не учинилось. Гетманъ когда не пьетъ, тогда у него все разсмотрительно, а какъ напьется, такъ—бѣда: приступа къ нему нѣтъ! Всѣ старшины взгляда его боится,—говорить о дѣлахъ съ нимъ не смѣютъ; непомярно жестокъ! Какъ услышалъ, будто государь гетманомъ хочетъ наставить Солонину, такъ пилъ непомярно и сердить было многое время: меня къ себѣ не призывалъ и не говорилъ со мною; а со старшиною,—какъ только что не по немъ, тотчасъ за саблю! Дмитрашну Райчу порубилъ саблею у себя въ свѣтлицѣ, и тотъ отъ ранъ боленъ теперь; судью Ивана Домонтовича пьяный билъ по щекамъ и плечамъ и саблею хотѣлъ изрубить, только я отнялъ у него саблю и рубить не далъ; онъ меня за то бранилъ и называлъ москалемъ. Константинъ Солонины брата, Якова, наказаннаго кievскаго полковника, приказалъ привести къ себѣ въ Батуринъ и посадить слованнаго за карауломъ; жену Константина Солонины приказалъ привести въ Батуринъ. Доложили ему, что козелецкіе казаки говорили, будто царь хочетъ Солонину гетманомъ поставить, такъ Демьянъ велѣлъ тѣхъ казаковъ сыскать и посадить въ тюрьму. А въ Нѣжинѣ полковникъ, Гвинтовка, большой его пріятель; когда воевода Ржевскій звалъ его къ обѣду,—полковникъ не пошелъ и сказалъ: «какъ съ вами можно хлѣбъ-соль вести, коли вы поступаете нечестно? вонъ, поволѣтъ государь, вмѣсто Демьяна, Солонину гетманомъ доставить и насъ, старшину, переимѣнить». А какъ пріѣхалъ изъ Москвы Игнатъ Калыницкій и разсказалъ, какая Солонинѣ въ Москвѣ милость, такъ Демьянъ велѣлъ Якова изъ-подъ караула освободить. Рослав-

ченка, стародубскаго полковника, посадилъ гетманъ въ Батуринъ, никто не знаетъ—за что, а вмѣсто него полковникомъ въ Стародубъ поставилъ Шумейку. Никто не смѣетъ спросить у него объ этомъ. Съ Дорошенкою ссылается безпрестанно тайно, на банкетахъ за его здоровье пьетъ и меня заставляя пить. Хорошо бы, говорить, кабы Дорошенка изволилъ великій государь принять подъ свою высокую руку: Дорошенко оставался бы гетманомъ на той сторонѣ, а я — на сей, и пребывали бы мы въ смиреніи и тишинѣ. Писалъ въ нему Дорошенко, будто отъ польскаго посла передъ рождественскимъ праздникомъ слыжалъ, что царь помирился съ королемъ и Кіевъ уступилъ. Тогда Демьянъ говорилъ: «если подлинно такъ, такъ мы покинемъ женъ своихъ и дѣтей и всѣ пойдемъ головами своими противъ поляковъ, не отдадимъ Кіева и печерскаго монастыря, у короля въ подданствѣ намъ не быть никогда!» Безпрестанно пьютъ и коли такъ будетъ вести себя, то я опасуюсь всякаго дурна; ключи городскіе живутъ у меня, только, какъ кто пріѣдетъ въ городъ, гетманъ велитъ къ нему послать ихъ».

Когда въ Москву пришли эти слухи, 28 февраля 1672 года, въ малороссійскаго приказа послана была гетману Демьяну Игнатовичу царская грамота, гдѣ говорилось: «ты, гетманъ Демьянъ Игнатовичъ, отъ какихъ-то крамольниковъ въ великомъ сумнѣніи пребываешь, будто, по нашему указу, велѣно кіевскому полковнику Солонинѣ быть гетманомъ, но указа нашего о томъ не бывало — и мы, безъ челобитья войска запорожскаго и безъ войсковой рады, даже и по смерти твоей не учинимъ никого иного гетманомъ, не только при животѣ твоёмъ! Вы, гетманъ, и все войско имѣете опасеніе отъ головы стрѣльческаго Нейлова, что онъ доносилъ намъ, будто ты, гетманъ, учинился не по прежнему: все это вымѣщаетъ какой-то плевосѣятель и вамъ говорить, будто мы хотимъ польскому королю уступить Кіевъ. Этого нѣтъ вовсе». Въ грамотѣ сообщалось, что Солонина удержанъ въ Москвѣ по поводу совѣщанія бояръ съ польскими послами.

Съ этою грамотою отправленъ былъ въ гетману снова Татѣевъ, но уже съ другимъ подьячимъ — Семеномъ Щеголевымъ. Между тѣмъ гетманъ 29 февраля снарядилъ новое посольство къ государю въ Москву: поѣхали пѣжинскій протопопъ и генеральный есаулъ Грибовичъ съ товарищами. Демьянъ Игнатовичъ писалъ въ приказъ снова о недоразумѣніяхъ, возникшихъ съ поляками по поводу рубежа; андрусовскій договоръ устанавливалъ какой-то старый рубежъ, а поляки въ старомъ рубежѣ счи-

тали Стародубъ, Черниговъ и другія мѣстности по ту сторону Десны. Это посольство разминувшись съ московскимъ, которое ѣхало отъ царя къ гетману.

Танѣевъ пріѣхалъ въ Батуринъ 7 марта и въ тотъ же день представился гетману, вручивъ ему царскую грамоту. Гетманъ Демьянъ былъ въ этотъ день въ возбужденномъ состояніи и, кажется, пьянъ. Привазавши прочитатъ грамоту и замѣтивши, что царь не велитъ ему имѣть никакого опасенія, Демьянъ говорилъ:

«Какъ намъ всѣмъ не имѣть опасенія, когда его царское величество тайно отдаетъ въ сторону короля польскаго свою вѣчную отчину—преславный градъ Кіевъ съ малороссійскими городами и со всѣмъ войскомъ запорожскимъ въ вѣчную и нестерпимую неволю! Были въ Москвѣ договоры польскихъ пословъ съ царскими боярами; по глуховскимъ договорнымъ статьямъ должны были съ послами сидѣть и наши посланцы отъ войска запорожскаго; а наши посланцы, кіевскій полковникъ Солонина съ товарищами, не допущены въ посольскую избу для прислушиванія и для вольнаго голоса, держатъ нашихъ посланцевъ въ Москвѣ какъ невольниковъ, отговариваются тѣмъ, будто польскіе послы и комиссары ихъ не допустили, называя ихъ своими холопами. Нѣтъ. Не польскіе послы и комиссары, а царскіе бояре и думные люди то учинили,—все для того, чтобъ войску запорожскому была невѣдома отдача Кіева и малороссійскихъ городов! Этимъ вы войску запорожскому вѣчное безчестіе навесли и у поляковъ посмѣхъ учинили. Какъ польскіе послы и комиссары пріѣдутъ въ свою землю, король пошлетъ по Украинѣ свои грамоты и въ тѣхъ грамотахъ напишутъ: видите, что вамъ Москва учинила! Отъ этого настанетъ великое смятеніе въ народѣ. Да и въ хроники свои поляки впредь для вѣрности запишутъ, что Москва въ посольство казановъ не допустила. Коли кому на лбу учинять рану, такъ послѣ ту рану хоть и залечать, а знакъ отъ ней до смерти будетъ оставаться. Такъ и у насъ, въ войскѣ запорожскомъ, это безчестіе вѣчно забвено не будетъ! Его царское величество преславный нашъ городъ Кіевъ и малороссійскіе города не саблею взялъ: поддались мы подъ его высокодержавную руку добровольно для единой православной христіанской вѣры и для обороны отъ непріятельскихъ ино-вѣрныхъ силъ. А когда великому государю городъ Кіевъ и малороссійскіе города и все войско запорожское не надобны,—пусть велитъ государь своихъ воеводъ и ратныхъ людей изъ Кіева и изъ малороссійскихъ городовъ вывести: тогда мы съ войскомъ запорожскимъ сыщемъ себѣ иного государя. Бруховецкій, видя

московскія неправды, много терпѣлъ, да не стало терпѣнія, и хотя смерть принялъ, а на своемъ поставилъ! И я, гетманъ, видя неправды ваши, уже велѣлъ Черниговъ большой городъ отъ малаго города отгородить: чтобъ изъ того выйдетъ, — про то Богъ вѣдаетъ! Видно время пришло намъ искать себѣ другого государя, только ужъ никакъ не польскаго короля. Польскій король былъ бы радъ, еслибъ мы подъ его руку захотѣли идти: и теперь уже онъ привыкаетъ насъ, поступаетъ намъ своей королевской вотчиной къ малороссійскому краю по Слуцкъ и по Березу-рѣку со всѣми городами и землями и вольностями, только съ тѣмъ, чтобъ мы его королевскихъ и сенаторскихъ и шляхетскихъ маиностей не трогаемъ. Однако мы, казаки, полякамъ не вѣримъ ни въ чемъ, да и весь нашъ народъ малороссійскій не захочетъ идти подъ власть польскую: хоть до сущаго младенца всѣ помрутъ, а подъ Польшею отнюдь не будутъ. Знаемъ мы и про то, что польскіе послы въ Москвѣ выговаривали для усмиренія казаковъ Дорошенна либо 30,000 человекъ московскаго войска, либо денегъ на такое число войска, а бояре и думные люди приговорили дать имъ на 30,000 войска денегъ. И прежде, по андрусовскому договору, переслали уже изъ Москвы въ Польшу сколько-то десятковъ тысячъ рублей. Куда какъ умно и мудро чинить поляки: продаютъ то, чего сами въ рукахъ не имѣютъ и чего никогда имѣть не будутъ! Мы, казаки, не проданные и не купленные! Коли поляки, наполнившись московскими деньгами, пойдутъ на Дорошенна, чтобъ его усмирить и потомъ принять подъ свою власть Кіевъ со всѣми малороссійскими городами, такъ мы, казаки, соединимся съ турецкимъ войскомъ и съ татарами и поидемъ противъ польскихъ силъ; хоть всѣ помремъ, а Кіева и малороссійскихъ городовъ Польшѣ не дадимъ! Не станемъ дожидаться, пока поляки соберутся съ силами; тотчасъ послѣ свѣтлаго воскресенія сами поидемъ въ польское государство великимъ собраніемъ! Города одинъ за другимъ будутъ намъ сдаваться, потому что во всѣхъ городахъ православныхъ людей много. Устоитъ развѣ одинъ Каменецъ-Подольскій, да и то не на долгое время! Ни одного поляка не останется у насъ, только православной вѣры люди, и тѣ будутъ подъ державою турецкаго султана. Тѣ времена приходить, что вѣсело тому быть! Ну, а какъ надъ польскимъ государствомъ что-нибудь учинится, тогда и кому-то иному достанется».

Такая сильная рѣчь, сказанная въ глаза московскому посланцу, по тогдашнимъ понятіямъ, была уже поводомъ къ подорожнію въ измѣнѣ. Демьянъ въ эти минуты высказалъ весь свой

характеръ. Онъ говорилъ то же, что нѣкогда Богданъ Хмельницкій Еписелю, но правду надобно сказать, что при своемъ положеніи показавъ въ своей рѣчи еще болѣе смѣлости, прамоты и геройства, чѣмъ Богданъ Хмельницкій.

Послѣ этой рѣшительной рѣчи, Танѣевъ велъ съ гетманомъ разговоръ о другихъ предметахъ и между прочимъ насчетъ договоровъ, какіе велись въ Москвѣ польскими послами, сказать, что великій государь сообщить ему черезъ Солонину списокъ съ тѣхъ статей, какія будутъ постановлены у бояръ съ польскими послами.

Демьянъ сказалъ: — никакимъ спискамъ вашимъ мы не вѣримъ; чего наши очи не видали и уши не слыхали — ничему тому не вѣримъ! Много къ намъ писанаго изъ Москвы присылаютъ, только бумагою да ласковыми словами насъ утѣшаютъ, а подлиннаго ничего не объявлять. Съ польскими послами толкуютъ, а границъ не проведутъ и поляки мало-по-малу малороссійскій край заѣзжаютъ (захватываютъ). Больше всего полковникъ Пиво намъ пакоститъ: около Кіева все запустошилъ, людей побиваетъ, а царскій воевода Козловскій не дастъ ему никакого отпора и не обороняетъ бѣдныхъ людей.

Зашла рѣчь о Гомелѣ. Демьянъ сказалъ:

— Мнѣ гомельскихъ жителей нельзя не принять; войско заморожское нѣкого отъ себя не отгоняетъ; если и нинѣ города станутъ къ нему склоняться, такъ не откажетъ. Время пришло мнѣ свой разумъ держать.

— Что ты, гетманъ, писалъ о Дорошенкѣ и о заморожцахъ, такъ о томъ обо всемъ будетъ тебѣ царскій указъ присланъ вскорѣ съ головою стрѣльцемъ, Михайломъ Колупаевымъ.

— Знаю я, — сказалъ подозрительно гетманъ, — зачѣмъ Колупаевъ пріѣдетъ! Пусть нездоровъ уѣдетъ.

Танѣевъ сталъ увѣрять, что Колупаевъ прібудетъ не съ какою-нибудь секретною цѣлью, но Демьянъ перебилъ его и сказалъ:

— Всѣ вы набрались отъ поляковъ ихъ лукавыхъ нравовъ; и ты, Александръ, коли еще разъ пріѣдешь ко мнѣ съ неправдою, то будешь въ Крыму.

Свидѣлся Танѣевъ съ Неѣловымъ и этотъ ему сказалъ: «гетманъ совсѣмъ не тотъ сталъ, что прежде былъ; уже, вѣстиво, соединился съ Дорошенкомъ; и со мною, и съ моими сотниками, стрѣльцами, обходится не по прежнему: по се время стояло на караулѣ у воротъ и у фортохъ малаго города стрѣльцовъ челевѣкъ по сту и больше, а теперь велитъ ставить только челевѣкъ

тридцать. Старшины: обозный, судьи и Дмитрашко Райча великому государю служатъ вѣрно и мнѣ обо всемъ даютъ вѣдомости, только опасаются видаться со мною въ день, потому что гетманъ приказалъ своимъ челядникамъ надсматривать за ними, чтобъ они ни со мною, ни съ тобою и ни съ кѣмъ изъ нашихъ московскихъ людей не сходились; поэтому, если какія вѣдомости услышать, такъ сказываютъ мнѣ въ ночное время. Я привелъ ихъ къ вѣрѣ; цѣловали они предо мною Спасовъ образъ, что быть имъ подъ высокодержавною рукою великаго государя неостушно. Они сами тебѣ обо всемъ подлинно скажутъ».

По предложенію Нейлова, Танѣевъ и сопровождавшій его подьячій Щеголевъ, вмѣстѣ съ самимъ Нейловымъ, въ ночь съ 7 на 8 марта пошли къ обозному Петру Забѣлѣ, переодѣтые въ стрѣлцкіе зипуны съ банделерами и бердышами. Они застали тамъ, кромѣ обознаго Забѣлы, генеральныхъ судей Домонтовича и Самойловича, да Дмитрашку Райчу. Послѣдній, бывшій нѣсколько лѣтъ переяславскимъ полковникомъ, былъ въ концѣ 1671 года отставленъ гетманомъ по слѣдующей причинѣ. Дмитрашко Райча собралъ своихъ полчанъ на раду въ Барышевку и сталъ склонять ихъ на сторону Ханенка. Переяславскіе казаки не послѣдовали за внушеніями своего полковника и дали о его поступкѣ знать гетману Демьяну Игнатовичу. Гетманъ самъ съ отрядомъ пошелъ приводить къ покорности Дмитрашку Райчу. Изъ всего переяславскаго поля одна барышевская сотня держалась своего полковника, но, когда приближался Многогрѣшный, прогнала Дмитрашку Райчу просить у гетмана прощенія. Дмитрашко Райча въ мѣстечкѣ Басани валялся въ ногахъ у гетмана. Многогрѣшный приказалъ заковать его и отправить въ Батуринѣ его компанію, состоявшую изъ двухъ-сотъ человѣкъ, разобрать по полкамъ, а вмѣсто Дмитрашки Райчи поручилъ управленіе переяславскаго поля генеральному бунчужному Стрневскому ¹⁾. Съ тѣхъ поръ Дмитрашко Райча пребывалъ въ Батуринѣ; гетманъ простилъ его и обращался съ нимъ какъ со всѣми старшинами вообще, но Дмитрашко Райча сталъ его заклятымъ врагомъ. Малороссійскіе старшины сквозь слезы говорили великороссіянамъ такъ:

«Бѣда великая, печаль неутѣшимая, слезы неутоленныя! По наученію дьявольскому, гетманъ нашъ, забывъ страхъ Божій, великому государю измѣнилъ и соединился съ Дорошенкою подъ державу турецкаго султана. Нашъ гетманъ посылалъ въ Доро-

¹⁾ А. Ю. и З. Р. IX, 579, 531.

пенку чернеца и Дорошенко передъ тѣмъ чернецомъ присягнулъ, а чернецъ присягнулъ передъ Дорошенкомъ за нашего гетмана. Потомъ Дорошенко прислалъ своихъ посланцевъ въ нашему гетману въ Батуринъ со Спасовымъ образомъ; на томъ образѣ присягнулъ нашъ гетманъ передъ посланцами Дорошенковыми, а посланцы присягнули за своего гетмана передъ нашимъ гетманомъ. Демьянъ далъ въ помощь Дорошенку на заплату войску 24,000 ефимковъ. 15 марта Демьянъ хотеть ѣхать съ женой и дѣтьми въ Лубны, а пускаетъ слухъ, будто хотеть ѣхать въ Кіевъ Богу молиться; на самомъ же дѣлѣ, коли будетъ въ Кіевѣ, такъ только для того, чтобы видѣться съ Дорошенкомъ въ Печерскомъ монастырѣ. Какъ онъ изъ Батурина уйдетъ, такъ ужъ назадъ не воротится. Братъ его Василій по гетманскому приказу отгородилъ въ Черниговѣ большой городъ отъ малаго, гдѣ находятся царскіе ратные люди, а животы гетманскіе вывозятъ изъ Чернигова въ Седнево».

Обозный Забѣла прибавилъ: «какъ изъ Батурина поѣдетъ, такъ и намъ старшинамъ велить ѣхать съ собою, а потомъ прикажетъ насъ побить или въ воду посадить, или по тюрьмамъ разошлетъ за то, что мы въ немѣнѣ съ нимъ быть не захотимъ! И то опасно: какъ уйдетъ онъ изъ Батурина и велитъ мужикамъ послѣ себя на воротахъ стать, а стрѣльцы пускать ихъ не захотятъ; съ того начнется раздоръ и кровопролитіе великое и зачатіе въ войнѣ. Стрѣльцовъ въ Батуринѣ малолюдно, и тѣ худы; надѣяться на батуринскихъ стрѣльцовъ нечего! А тебя, Григорій Неѣловъ, вымани за городъ, какъ бы не связать и въ Крымъ не отослать! Давно бы надъ Неѣловымъ и надъ стрѣльцами онъ что-нибудь дурное учинилъ, кабы мы не берегли. Да и васъ, Александръ и Сементъ, наврядъ ли отпустить; а буде отпустить, поѣзжайте на Путивль, а то въ Королевцѣ и Глуховѣ стануть у васъ обыскивать писемъ: опасно, чтобъ васъ не задержали».

Тутъ кто-то изъ старшинъ говорилъ: «Степана Гречанаго, что былъ съ Солоониною въ Москвѣ, призвалъ Демьянъ въ себѣ въ комнату, и привелъ къ вѣрѣ — быть ему за-одно съ гетманомъ, и велѣлъ ему писать про московскія дѣла такое, что въ Москвѣ и не бывало, все затѣмъ, чтобы отвратить Украину отъ высокодержавной царской руки. Потомъ созвалъ насъ, старшину, и говорилъ намъ: писать мнѣ царское величество многоязы, чтобы всю старшину послать въ Москвѣ, а изъ Москвы хотеть васъ царь разослать въ Сибирь. Мы ему въ томъ не повѣрили, знаемъ добре, что такого указа къ нему не бывало, — самъ

своими умыслами замышлять! А вотъ и теперь, какъ придетъ въ Лубны, либо въ Сосницу, соберетъ въ себѣ всю старшину и духовнаго чина людей, прочтаетъ имъ Степана Гречанаго извѣтъ, настрашаетъ всѣхъ Сибирью, будетъ говорить: видите, какова Москва обманчива! чего намъ отъ ней добраго ждать».

Дмитрашко Райча сказали: «меня гетманъ призывалъ въ себѣ одного ночью, завелъ въ комнату и велѣлъ Спасовъ образъ цѣловать на томъ, чтобъ мнѣ быть съ нимъ заодно и царскихъ ратныхъ людей, что въ Батуринѣ и въ иныхъ городахъ, побивать. Только я такой присяги не ставлю въ присягу, потому что я присягалъ неволею, убоясь смерти, а не по правдѣ. Я по своему прежнему общанію готовъ умирать за великаго государя, хотя бы гетманъ велѣлъ меня по членамъ разнять. А вы, Александръ и Семень, наши слова спишите и подайте думному дворянину Артамону Сергѣевичу Матвѣеву, чтобъ онъ надъ нами и надъ всѣмъ малороссійскимъ краемъ свою милость новазалъ, мудрымъ ходатайствомъ своимъ доложитъ государю, чтобъ царское величество не далъ своей отчины злохитрому волку въ разоренье и прислалъ бы въ Путивль выборныхъ конныхъ людей человекъ 400 или 500, а къ обозному и къ намъ ко всѣмъ обнадежительную грамоту. Какъ тѣ ратные люди въ Путивль придутъ, пусть бы въ намъ царская грамота была донесена тайно съ кѣмъ пригоже и въ Неѣлову указъ, чтобъ насъ не выдавалъ. Тогда мы, старшины и Григорій Неѣловъ, дадимъ знать тѣмъ ратнымъ людямъ въ Путивль, чтобъ сюда поспѣшали, а изъ Путивля въ Батуринъ можно конно поспѣть въ одну ночь. Тѣмъ временемъ мы волка свяжемъ и отдадимъ Григорію Неѣлову, да съ тѣми прибылыми ратными людьми отправимъ его въ Путивль, потомъ, написавъ его вины, сами повеземъ его къ великому государю въ Москву. А пока все не учинится, пусть бы великій государь указалъ посланцевъ гетманскихъ и совѣтниковъ — нѣжинскаго протопопа Симеона, асаула Грибовича, Миклашевскаго и батуринскаго сотника Еремѣя задержать въ Москвѣ, потому что коли эти совѣтники будутъ отпущены изъ Москвы до твоего, Александръ, приѣзда, то еще у него, гетмана, всякое зло ускорится; а вся бѣда чинится и отъ тѣхъ помянутыхъ выше совѣтниковъ, да еще промышленикъ во всеѣ — нѣжинскій полковникъ Гвинтовка; большая надежда у Демьяна на этого Гвинтовку! Протопопъ Симеонъ Адамовичъ большой ссорщикъ; гетманъ посылаетъ его провѣдывать всякихъ вѣдомостей, — и онъ, приѣхавши къ нему, гетману, чтобы гетмана удобрить жъ себѣ, станетъ сказывать ему такое, чего и не бывало!»

«Глуховскіи статьи становилъ я, — сказаль обозный Забѣла, — а въ тѣхъ статьяхъ написано: духовнаго чина особъ въ посольство не посылать и именно протопопа Симеона Адамовича. А гетманъ посылалъ еще Мавсаковскаго игумена Ширкевича въ Варшаву и въ Вильну, невѣдомо для чего!»

«Мы того опасаемся, — сказаль еще кто-то, — если гетманъ уѣдетъ изъ Батурина, произойдетъ много бѣдъ и кровопролитія! Только у насъ и надежды, что на митрополита Призренскаго, который живетъ въ Батуринѣ; онъ гетмана задержитъ, будто для лекарства, гетманъ здѣсь останется, покажетъ ратные люди сюда поспѣвать. Насъ, старшинъ, не послушаетъ гетманъ: онъ мало что и говорить съ нами! Безмѣрно сталъ жестокъ съ нами, не дастъ слова промолвить, бранить, бьетъ, саблею рубить. Во всѣхъ полкахъ разсадилъ зятьевъ своихъ, братьевъ, да друзей и себе-сѣдниковъ!»

Обозный Петръ Забѣла объяснялся потомъ съ Танѣевымъ одинъ-на-одинъ и выражался уже такъ, какъ не рѣшался выражаться при товарищахъ. Онъ хвалилъ самого себя, выставлялъ себя испытаннымъ другомъ Москвы и подавалъ такіе совѣты, которые, какъ онъ полагалъ, должны были придтись по вкусу Москвитѣ. «Какъ Богданъ Хмельницкій, — говорилъ онъ, — учинился подъ высокодержавною государевою рукою, и по се время, — какъ началъ я служить великому государю вѣрно, такъ и совершаю; за мою правду меня Господь Богъ хранить, что еще живъ! Вся бѣда отъ гетмановъ, а не отъ старшинъ. Только имъ невѣнникамъ Господь Богъ не терпитъ за царскую хлѣбъ-соль: всѣ одинъ за другимъ пропадаютъ; жаль только, что невинныхъ людей съ собою губятъ! Если этого злохитника Господь Богъ предастъ и въ руки наши изыманъ будетъ, пусть бы великій государь пожаловалъ насъ: велѣлъ быть у насъ гетманомъ боярину изъ великороссійскихъ людей; тогда у насъ постоянно будетъ, а пока гетманъ будетъ у насъ изъ малороссійскихъ людей, никогда добра не будетъ».

При послѣднемъ свиданіи неосторожный и откровенный гетманъ сдѣлалъ передъ Танѣевымъ выходки, подтверждавшія въ глазахъ московскаго человѣка доносъ старшинъ. Многогрѣшный отозвался о Дорошенкѣ совсѣмъ не такъ, какъ отзывался, бывало, въ прежнее время, когда считалъ Дорошенка своимъ постояннымъ врагомъ. Теперь онъ заявлялъ, что татары не смѣютъ пройти на лѣвую сторону Днѣпра, потому что Дорошенко ихъ не пуститъ. Хочетъ, — говорилъ Танѣеву гетманъ, — Дорошенко посылать къ государю своихъ посланцевъ и съ ними тѣ санд-

знаки, каковы ему присланы отъ турецкаго султана; тѣ посланцы будутъ у великаго государя милости просить, чтобъ его царское величество изволилъ Дорошенка принять подъ свою высокочудную руку въ вѣчное подданство и прислалъ бы ему, вмѣсто турецкихъ санджаковъ, свои царскіе знаки.

— А если турецкій султанъ войско пошлетъ за то на Дорошенка?—замѣтилъ Танѣевъ.

«Дорошенко,—сказалъ Демьянъ,—будетъ бить челомъ великому государю, чтобъ указалъ его оборонять своею царскою ратью».

Гетмана Демьяна очень коробило то, что, какъ онъ слыхалъ, московское правительство давало полякамъ денегъ на наемъ войска и онъ не побоялся при Танѣевѣ произнести такіа слова: «коли бы польскіе послы и комиссары, набравшись въ Москвѣ отъ васъ денегъ, воротались въ Польшу черезъ Кіевъ и наши малороссійскіе города—было бы хорошо! Тогда бы и намъ что-нибудь изъ тѣхъ суммъ досталось!»

Это прямо уже казалось угрозою ограбить польскихъ пословъ.

Марта 10-го уѣхалъ Танѣевъ изъ Батурина съ своимъ товарищемъ.

Когда Танѣевъ былъ въ Батуринѣ, въ Москвѣ находились посланцами отъ гетмана Многогрѣшнаго нѣжинскій протопопъ Симеонъ, генеральный асаулъ Грибовичъ и войсковой товарищъ Михаилъ Миллашевскій (впослѣдствіи стародубскій полковникъ). Нѣжинскій протопопъ былъ давно уже тайнымъ врагомъ Многогрѣшнаго, но подбивался къ нему въ дружбу, часто не ладилъ онъ съ Демьяномъ по причинѣ раздражительнаго характера послѣдняго, но всегда потомъ примирялся съ нимъ, и враги Демьяны считали протопопа соумышленникомъ гетмана. Будучи въ Москвѣ, протопопъ не смѣлъ слишкомъ рѣзко поднимать голоса во вредъ гетману, послѣ того какъ прежде письма его противъ гетмана и Лазаря Барановича не имѣли послѣдствій, вредныхъ для того и другого. Только слегка набрасывалъ протопопъ на гетмана тѣмъ въ бесѣдахъ съ бояриномъ Матѣевымъ, завѣдававшимъ малороссійскимъ приказомъ. «Я,—говорилъ протопопъ,—сколько могу, вѣрно служу и радѣю великому государю, только гетмана не могу никакими притчами испѣлать отъ нашедшей на него сворбы. Кто-то наговорилъ ему, будто великій государь Солонину гетманомъ поставить хочетъ и Демьянъ сворбитъ о томъ вѣло; и о томъ сворбитъ, что Пиво съ лахами оволо Кіева монастырскія вотчины опустошилъ, а паче всего о

Кіевъ сітууетъ, чтобъ государь Кіева и другихъ малороссійскихъ городовъ ляхамъ не отдалъ, все спрашиваетъ меня: пошуль у насъ граница будетъ съ ляхами? А мнѣ почему знать? Я ему вѣянусь душою и священствомъ своимъ, что государь не мыслить Кіева отдавать, а онъ на меня, оскорбившись, говоритъ: вотъ я какъ услышу, что Москва учнетъ что-нибудь дурное, — велю тебя лютою смертію уморить! А я на то ему: за истину и за великаго государя, говорю, готовъ помереть, а только-что тебѣ рассказываютъ и тебя стращаютъ, — такъ это все ложь! Ничего съ нимъ не подѣлаешь! Попечитесь вы, пошлите въ нему умнаго человѣка съ царскою грамотою, обнадеживался бы онъ, что великій государь Кіева ляхамъ не отдастъ и Солонину на гетманство не поставитъ. Потѣшите его, ради Бога!»

Болѣе рѣзко не смѣлъ протопопъ отзываться въ Москвѣ о своемъ гетманѣ, пока Демьянъ еще находился въ царской милости.

1-го марта 1672 года отпустили изъ Москвы протопопа съ товарищами, а съ ними отправились съ царскими гонцами въ гетману стрѣлцкій голова Михайло Колупаевъ и подъячій Малороссійскаго приказа Максимъ Алексѣевъ. Не доѣзжая двадцати верстъ до Сѣвска, услышали они странную и неожиданную вѣсть. Прибѣжали въ Сѣвскъ изъ Путивля стрѣлцкій сотникъ Ушаковъ отъ путивльскаго воеводы Волконскаго съ извѣстіемъ, что генеральный писарь Карпъ Мокріевичъ, стародубскій полковникъ Петръ Рославецъ и нереславскій полковникъ Дмитрашко Райча привезли въ Путивль гетмана Демьяна Игнатовича сковаленымъ.

15-го марта возвращавшееся изъ Москвы малороссійское посольство пріѣхало въ Сѣвскъ. Таможній воевода Вердеревскій задержалъ протопопа подъ предлогомъ, что въ Сѣвскѣ всѣ подводы разобраны и надобно послать въ села и деревни для сбора свѣжихъ подводъ. Это сдѣлалъ Вердеревскій по наущенію сопровождавшаго малороссіянъ стрѣлцкаго головы. По поводу страннаго приключенія съ гетманомъ, Грибовичъ и Миклашевскій сказали своимъ великороссійскимъ провожатымъ: «отъ гетмана ми никакого дурна не чаетъ, колибъ онъ что дурное замышлялъ, то шель бы съ протопопомъ въ великому государю въ Москву не посылалъ. Да и потому, какъ мы были въ Москвѣ, гетманъ прислалъ плутовскаго сотника съ лошадьми въ даръ великому государю».

Но протопопъ отнесся иначе. Когда Грибовичъ и Миклашевскій ушли къ себѣ на подворье, гдѣ ихъ помѣстили, Симе-

онъ, оставшись съ Колупаевымъ и подъячимъ, говорилъ имъ такъ: «Давно уже я замѣчалъ за гетманомъ, что онъ сталъ не прежній; слова говорить не добрыя и меня, протопопа, ганилъ многіяжды худыми словами и голову московскихъ стрѣльцовъ Григорія Нейлова безчестилъ. Обозный и судьи и Дмитрашко не разъ сказывали ему, Григорію, что у гетмана недоброе на умѣ и чтобъ онъ остерегался. Судьи и Дмитрашко служатъ великому государю вѣрно. Они, въ Ватуринѣ сиди, въ тайнѣ написали писмо въ Ржевскому въ Нѣжинѣ о гетманскихъ неправдахъ, а Ржевскій отправилъ то писмо въ Москву. А какъ меня посылалъ гетманъ съ челобитьемъ въ Москву, то говорилъ мнѣ: «коли проищдаешь подалинно, что государь хочетъ отдать Кіевъ и Малую-Россію ляхамъ, я тотчасъ пошлю въ Гомель застыть многихъ людей!» Я ему на то сказала: безъ царскаго указа въ Гомель посылать людей не годится. Ты предъ святымъ евангеліемъ обѣщалъ нивакихъ дѣлъ не дѣлать безъ царскихъ указовъ, — на кого ты надѣешься? «Надѣюсь, — говорилъ Демьянъ, — на того же, на кого надѣется Дорошенко; Бруховецкій сгинулъ за правду и я сгину такъ же, какъ онъ. Въ Переяславѣ московскихъ породныхъ людей мало, а Черниговъ я людьми своими осаду... На Запорожье послалъ 6,000 талеръ, чтобъ запорожцы были ему послушны. Теперь, слышу, везутъ его снованнаго въ Москву, такъ мнѣ уже въ Нѣжинѣ жить незатѣмъ; буду бить челомъ великому государю, чтобъ дозволилъ мнѣ жить въ Москвѣ и пожаловалъ бы меня такъ, чтобъ мнѣ сыту быть».

«Живи-ка лучше въ Нѣжинѣ по-прежнему и служи правдѣ государю, какъ прежде служилъ», сказалъ ему Колупаевъ.

«Мнѣ, — сказалъ протопопъ, — я въ измѣну Бруховецкаго было много мученія и товаровъ своихъ осталъ (достоянія своего лишился). Мы съ Дмитрашкою Райчею Спасовъ образъ на томъ дѣловали, что буде гетманъ Демьянъ великому государю измѣнитъ, такъ намъ уѣзжать совсѣмъ въ Путивль. Какъ я былъ въ Москвѣ, то всегда было мнѣ поговорить объ этомъ съ думнымъ дворяниномъ Артамономъ Сергѣевичемъ Матѣевымъ, потому что онъ беспрестанно за царскими дѣлами сидитъ въ приказѣ».

X.

Старшины арестуютъ гетмана въ Батуринѣ и везутъ въ Москву.—Приключе-
ніе съ Гвинтовкою. — Обозный Забѣла временно управляетъ Малороссіей съ
старшинами.—Допросы гетману.—Обвиненіе.—Казнь.—Ссылка въ Сибирь.

Въ ночь съ 12-го на 13-е марта пришли въ Григорію
Нейлову старшины, обозный Забѣла, судьи Домонтовичъ и Са-
мойловичъ, генеральный писарь Карпъ Мокріевичъ и полков-
ники: переяславскій Дмитрашка Райча, наказной нѣжинскій
Уманецъ и стародубскій Рославецъ.

Они сказали: «гетманъ собрался завтра ѣхать въ Кіевъ
какъ-бы на поклоненіе печерскимъ чудотворцамъ. Но это одинъ
отводъ. На самомъ дѣлѣ онъ хочетъ измѣнять царскому величе-
ству и по примѣру Дорошенка поддаться турецкому султану.
Мы хотимъ предупредить такое страшное дѣло; если промедлимъ
хоть немного и выпустимъ Демьяна изъ Батурина, то неминуемо
дойдетъ до кровопролитія. Надобно взять его подъ караулъ, те-
перь же ночью, до разсвѣта».

Нейловъ не сталъ противорѣчить, потому что уже былъ
вооруженъ противъ гетмана. Взяли стрѣльцовъ и отправились
въ замокъ, или такъ-называемый малый городъ. Демьянъ ничего
не ожидая. Демьянъ спалъ. Старшины свободно вошли въ его
опочивальню, быстро схватили его, не допустивши ни кричать и
звать на помощь, ни объясняться, связали, вынесли изъ дома,
положили въ подвезенныя заранѣе сани, закрыли шкурою и не-
медленно вывезли изъ Батурина подъ конвоемъ стрѣльцовъ. Все
это сдѣлано было такъ внезапно и такъ тихо, что въ Батуринѣ
до утра никто не могъ узнать, что случилось, и наемное (за-
тяжное) войско, состоявшее при гетманской особѣ, не могло по-
лучить приказа спѣшить на оборону гетмана.

«Слава Богу, — говорили послѣ того старшины, — что не было
здѣсь асаула Грибовича: онъ былъ гетману вѣренъ, надсматри-
валъ надъ нами, ходилъ даже по дворамъ каждую ночь и обо-
 всемъ, что замѣчалъ, переносилъ Демьяну».

Путру генеральный писарь Карпъ Мокріевичъ и старо-
дубскій полковникъ Рославецъ уже ѣхали со скованнымъ гетма-
номъ черезъ Путивль и Сѣвскъ въ Москву. Имъ придали пят-
надцать человѣкъ казаковъ и челядниковъ. Дмитрашко Райча
отвернулъ отъ нихъ и поѣхалъ въ Курскъ дать знать о по-
ступкѣ старшинъ съ своимъ гетманомъ боярину Ромодановскому.

Оставшіеся въ Батуринѣ старшины отправили по всѣмъ пол-

камъ универсалъ, извѣщавшій объ измѣнѣ гетмана, запрещали признавать его начальникомъ и предписывали прислать въ Батуринъ сродниковъ и совѣтниковъ Многогрѣшнаго съоюзными, чтобъ удержатъ ихъ подъ карауломъ до царскаго указа ¹⁾. Тогда же арестовали четырехъ посланцевъ Дорошенка, прибывшихъ наканунѣ въ Батуринъ.

Мокріевичъ съ арестованнымъ гетманомъ прибылъ въ Оѣвскъ 17 марта и, повидавшись съ провожавшими Демьяново посольство изъ Москвы, просилъ, по порученію остальныхъ старшинъ, чтобъ протопопъ ѣхалъ назадъ въ Москву разомъ съ ними, асаула же Грибовича, считаемаго другомъ Многогрѣшнаго, оставилъ въ Оѣвскѣ, поручивши тамошнему воеводѣ. Затѣмъ Миклашевскаго и подписки Андрѣенна Мокріевичъ отправилъ въ Батуринъ съ письмомъ къ остающимся тамъ старшинамъ. Въ этомъ письмѣ онъ убѣждалъ своихъ товарищей ловить и сажать подъ караулъ всѣхъ, которые своими рѣчами начнутъ показывать себя соумышленниками преступнаго гетмана. На другой день 18 марта царскіе гонцы поступили такъ, какъ хотѣлъ Мокріевичъ. Миклашевскій и Андрѣенко уѣхали въ Батуринъ, а прочіе двинулись къ Москвѣ со съюзнымъ гетманомъ.

Протопопъ, до сихъ поръ не рѣшавшійся объявить себя противникомъ гетмана, теперь круто повернулъ и сталъ заодно съ гонителями Демьяна. 19 марта, выѣхавши въ путь, отправилъ онъ впередъ себя въ Митѣеву письмо и въ этомъ письмѣ выражался, что «Демьянъ въ чести сій не разумѣ, приложился сыномъ несмысленнымъ», что Демьянъ «забылъ Бога и присягу свою, что есть явные улики гетманской измѣны какъ на письмѣ, такъ и на словахъ».

Одинъ изъ друзей Многогрѣшнаго, нѣжинскій полковникъ Гвинтовка находился тогда въ Коронѣ; тамъ узналъ онъ о событіи съ Многогрѣшнымъ, на-скоро убѣжалъ въ Путивль, явился къ тамошнему воеводѣ князю Волконскому и показывалъ видъ, будто онъ не въ добрыхъ отношеніяхъ съ гетманомъ, будто гетманъ, задумавши измѣнить, зналъ твердость и вѣрность въ царскому престолу его, Гвинтовка, и послалъ казаковъ убить его. Гвинтовка передъ Волконскимъ притворился, будто первый разъ слышитъ, когда ему сказали о взятіи гетмана подъ стражу. Такимъ образомъ давній другъ и товарищъ Демьяна, чуть-только услыхалъ о противной судьбѣ гетмана, задумалъ не только устранить отъ него, а еще воспользоваться его бѣдою и стать въ

¹⁾ А. Ю. и З. Р. IX, 686—689.

нскою его губителем. Не удалась Гвинтовка эта хитрость. Мокричить, бывший уже въ Путивлѣ, заранѣе объявилъ Волконскому, что Гвинтовка одинъ изъ соучастниковъ измѣны Многогрѣшнаго, и просилъ задержать его при случаѣ. Напрасно Гвинтовка выгораживалъ себя предъ воеводою. Волконскій объявилъ: «не мое дѣло разбирать, кто изъ васъ правъ, кто виноватъ; въ Москвѣ будетъ вамъ царскій указъ». Онъ отправилъ Гвинтовку съ приставомъ и провожатыми въ Сѣвскъ.

Въ Москвѣ получили извѣстіе о случившемся съ гетманомъ 21 марта, ранѣе чѣмъ могли туда привести самого гетмана. Немедленно послана была въ Малороссію царская грамота: старшины получали похвалу за то, что не сложились на измѣнническія подушенія Демьяна и взяли его подъ караулъ. Управление Малороссіею до дальнѣйшихъ распоряженій поручалось обоному Забѣлѣ и съ нимъ двумъ судьямъ; они должны были часто совѣщаться съ малороссійскимъ приказомъ и съ мѣстными воеводами. Вѣрно было разослать по полкамъ отъ имени царя увѣщаніе, чтобъ жители Малороссіи пребывали въ законной вѣрности своему государю, а посланцевъ Дорошенка, прибывшихъ тогда въ Батуринъ къ Многогрѣшному, приказано препроводить въ Москву. Эту царскую грамоту повезъ въ Малороссію стольникъ Самаринъ съ жодычимъ Шестаковымъ.

Разомъ съ отправкою грамоты въ Малороссію посланъ былъ изъ Москвы стрѣльцкій сотникъ Горюшкинъ, ему приказали ѣхать по большой кievской дорогѣ черезъ Калугу на Сѣвскъ и гдѣ встрѣтитъ онъ гетмана, — взять его отъ казацкихъ старшинъ и вести въ Москву съ великимъ береженіемъ. Сѣвскому воеводѣ Вердеревскому приказано отправить туда же задержаннаго асаула Грибовича.

Стольникъ Самаринъ прибылъ въ Батуринъ 1 апрѣля и въ тотъ же день вручилъ обоному царскую грамоту. Именемъ государя пріѣхавшій московскій гонецъ увѣрялъ старшинъ, что служба ихъ у государя забвенна не будетъ и въ омерстившихъ земляхъ будетъ имъ слава за то, что они не сложились на измѣнныя смутныя прелести Демьяна и его совѣтниковъ. Управляющіе малороссійскимъ краемъ старшины немедленно отправили челобитную царю объ указѣ, чтобы въ Украинѣ приступили къ избранію иного гетмана. Выѣстъ съ тѣмъ посылались еще неопытные уланъ измѣны Многогрѣшнаго.

Батуринскій сотникъ Карповичъ передъ генеральною старшиною объявилъ, что пріѣзжалъ отъ Дорошенка изъ Чигирина въ Батуринъ къ Многогрѣшному Семенъ Тихій и привозилъ

Спасовъ образъ; какую присягу они взаимно приносили — неизвестно; но потомъ гетманъ отпустилъ Тихаго вмѣстѣ съ нимъ, Карповичемъ, за Днѣпръ. «Пришли мы, — показывалъ Карповичъ, — въ Каневъ, гдѣ живетъ Тувадьскій. Мы къ митрополиту пошли. Семень Тихій положилъ передъ нимъ на столѣ образъ, а митрополитъ поцѣловалъ этотъ образъ и спрашивалъ: ну, что тамъ добраго учинили? — Затѣмъ посланъ былъ, все то совершилось, — отвѣчалъ Семень Тихій. — Митрополитъ, подошедши къ сотнику, взялъ его за пуговицу и сказалъ: «давно бы такъ, наше сотнику, такъ надобно было бы поступить вашему гетману; сами добре вѣдаете: при комъ ханъ, тотъ и панъ, а у туркаго султана такъ много силы, что и Москвѣ и ляхамъ дастся въ знакъ! Не только что на насъ не посмѣютъ наступать, но и своихъ городовъ не оборонять. Отъ сего времени наши гетманы въ неразрывномъ пріятствѣ пребываютъ и все устроятся какъ нельзя лучше».

Перехвачены были письма Василя Многогрѣшнаго, черниговскаго полковника, къ наказному, черниговскому же полковнику, Леонтію Полуботку, и въ этихъ письмахъ усматривали замѣреніе не допустить хлѣбныхъ запасовъ въ черниговскій малый городъ (зámokъ), гдѣ помѣщались царскіе ратные люди.

Отъ 3-го апрѣля управленіе Малороссіею старшины извѣщали, что уже сродники Многогрѣшнаго посажены подъ караулъ и вмѣсто нихъ на начальническія мѣста выбраны иные лица. Вмѣсто Василя Многогрѣшнаго и Шумейки, братьевъ бывшаго гетмана, поставленныхъ имъ въ Черниговъ и въ Стародубъ, назначили въ Черниговъ прежняго полковника Буревскаго, а въ Стародубъ наказнымъ до возвращенія Рославца, Григорія Дашенка. Въ нѣжинскомъ и прилукскомъ полкахъ получили снова свои уряды прежніе полковники Филиппъ Уманецъ и Лазарь Горленко; переяславскій полкъ возвратили Дмитрашѣ Райчѣ, гадячскій — Ѳеодору Михаленку, въ лубенскомъ, вмѣсто зятя Демьянова, Андрея Нестеренна, сдѣлался полковникомъ какой-то Михайло Степановъ, а въ мѣггородскомъ — Иванъ Дубага. Изъ сродниковъ и свойственниковъ Многогрѣшнаго никто не казался столько опаснымъ, какъ его закадычный другъ Матвій Гвинтома. Старшины просили не давать вѣри оправданій Гвинтому; этотъ человекъ, какъ показывали на него старшины, много разъ уже заявлялъ свое нерасположеніе къ власти, не держалъ бесѣды съ стрѣльцомъ Головою Нефлювымъ и съ вѣрными государю старшинами, а *волокшито ходилъ*: оставивши нѣжинское полковничество и жену свою, пріѣхалъ къ Демку на первой недѣлѣ

великаго поста, пошептался съ нимъ на-единѣ и уѣхалъ въ Коропъ. Тотчасъ по арестованіи гетмана, старшины, не знавшіе еще, что Гвинтовка изъ Коропа уѣхалъ въ Путивль, послали къ нѣжинскому воеводѣ челобитную задержать Гвинтовку, но воевода Ржевскій, за отсутствіемъ Гвинтовки въ Нѣжинѣ, приказалъ взять подъ караулъ жену его и сына Оеська, а дворъ его запечатать тремя печатами, потомъ призвалъ къ себѣ наказнаго нѣжинскаго полковника Гуменскаго, войта, бурмистра, знатнѣйшихъ казаковъ и мѣщанъ и привелъ ихъ всѣхъ къ присягѣ на вѣрность государю, а Гуменскому приказалъ разослать въ нѣжинскій полкъ универсалъ, чтобы сотники, атаманы, войты и лучшіе жители изъ мѣстъ и селъ ѣхали въ Нѣжинъ къ воеводѣ принести крестное цѣлованіе. Все это совершилось и скоро, и благополучно. Видно, однако, что по случаю неожиданнаго арестованія гетмана, боялись какого-нибудь смутенія въ народѣ. Нѣжинскій воевода, извѣщая малороссійскій приказъ о своихъ распоряженіяхъ, приказалъ стрѣльцу, съ которымъ отправилъ свою отписку въ Москву, пробѣжать черезъ малороссійскій край пустою степью, минуя города, села и деревни. Въ то же время воевода всѣхъ ратныхъ царскихъ людей для ихъ безопасности согналъ въ замокъ и разставилъ по стѣнамъ караульныхъ. Хотя на другой день приведенные нѣжинцы къ присягѣ увѣряли, что царскіе ратные отъ нихъ не могутъ ожидать ничего худого, но Ржевскій все-таки не довѣрялъ и не велѣлъ никому выходить изъ замка великороссіянамъ ¹⁾. Съ своей стороны и архіепископъ Лазарь Барановичъ извѣщалъ царя, что уже разослалъ по всей Малороссіи свой пастырскій универсалъ, укрѣпляя «своихъ овецъ», чтобы оставались вѣрны принесенному разъ крестному цѣлованію и не слушали никакихъ прелестей.

Когда скованнаго гетмана привезли въ Москву, генеральный писарь Мокріевичъ подалъ въ малороссійскій приказъ извѣтъ на Многогрѣшнаго, написанный въ 38 пунктахъ. Гетманъ обвинялся въ противозаконныхъ сношеніяхъ съ Дорошенкою съ цѣлю замѣнить царю и поддаться, по примѣру Дорошенки, турецкому султану. Въ этихъ-то видахъ Многогрѣшный, какъ показывалъ извѣтъ, старался замѣнить полковничьи мѣста своими собственными и пріятелями, и всякими способами распространить вражду въ московской власти. Указывались произнесенныя имъ въ разные времена изреченія, свидѣтельствующія о его нерасположеніи въ Москвѣ. Онъ передъ старшиною говорилъ такъ: «наберу

¹⁾ А. Ю. и З. Р., т. IX, стр. 815.

тысятъ шесть выборныхъ людей конныхъ и пойду на великорос-
сійскіе города, а весною придетъ мнѣ на помощь крымскій
ханъ. Дамъ людямъ московскимъ такой отпоръ, какъ Александръ
Македонскій; тотъ былъ Александръ, а я Демьянъ — не меньше
того Александра надѣлаю дѣлъ, какъ опустошу московское госу-
дарство! ...Я, — говорилъ гетманъ, — не царскій подданный, не
хочу у царя быть въ подданствѣ: хоть онъ мнѣ весь Батуриныхъ
богатствомъ наполни!» Всегда Демьянъ славилъ турскаго султана
и рассказывалъ: «Въ одно время пріѣхали къ султану послы мо-
сковскій и польскій. Султанъ велѣлъ сказать польскому, чтобы
король польскій звался не королемъ, а королыкомъ, пошеже, де-
скалъ, онъ мой подданный, а что царь московскій — такъ я того
считаю какъ бы за одного изъ черныхъ татаръ моихъ». Въ сей
великій постъ, говорилъ онъ старшинѣ: «видите, господа, каково
царское желательство къ намъ, поступился ляхамъ всю Украйну
отдать и провести границу отъ Кіева Десною и Сеймомъ до
Путыля. Сказывалъ мнѣ капитанъ Мазанета, слыжалъ-де онъ
отъ царскаго сиклита: — тебѣ, гетману, уготовано въ царскихъ
слободахъ 500 дворовъ подданныхъ, только ты выдай намъ стар-
шинъ и начальныхъ людей украинскихъ». Старшины, слыша отъ
него такія рѣчи, сказали: не можетъ этого быть; государь обѣ-
щался насъ въ милосердіи своемъ хранить! А Демьянъ на это
сказалъ: «се у васъ бороды выросли, а ума не вынесли! Я со-
вершенно ихъ намѣреніе уразумѣлъ». Обозному Заблѣ наединѣ
Демьянъ говорилъ: «надобно намъ пещись объ иномъ государѣ,
а отъ Москвы не надѣяться намъ добра!» Не хотѣлъ Демьянъ
отнуждать Танѣева съ подьячимъ и говорилъ старшинамъ: «не
вѣдаете вы хитрости московской, а я ее давно постерегъ и васъ
оберегаю. Царь васъ всѣхъ велитъ къ себѣ призвать, да въ Си-
бирь зашлетъ!» Самовольно, не совѣтуясь со старшинами, Демьянъ
безъ причины отставилъ полковниковъ черниговскаго, нѣжинскаго,
миргородскаго, лубенскаго, переяславскаго, стародубскаго, гадяч-
скаго и прилуцкаго, а на ихъ мѣста поставилъ другихъ, своихъ
сродниковъ и совѣтниковъ. Дмитрашкѣ Райчѣ обѣщавъ четыре
полка: переяславскій, лубенскій, миргородскій и полтавскій, лишь
бы онъ только шелъ вмѣстѣ съ нимъ противъ царя войною.
Андрею Мурашкѣ говорилъ: «вотъ увидишь, что я съ Москвою
учиню, увидишь мою саблю въ крови московской. Я ихъ за
столицу загоню; только вы будьте мнѣ неотступны». Съ Доро-
шенкомъ задумалъ родниться и высваталъ дочь Дорошенка за
своего племянника Мишку, и посылалъ къ Дорошенку Исаію
Андрѣенка словесно объявить о пріятствѣ и дружбѣ, а Доро-

иненно отправилъ въ Демьяну войскового товарища Семена Тихаго установить союзъ, чтобъ имѣть общихъ пріятелей и непріятелей.

14 апрѣля 1672 года въ приказѣ Малыя-Россіи бояре и думные люди дѣлали Демьяну допросъ. Они спрашивали:

— Демьянъ Игнатовъ! Будучи въ малороссійскихъ городахъ гетманомъ, учалъ ты ссылку имѣть съ гетманомъ тое стороны Петромъ Дорошенкою и прислывать способовъ, какъ бы измѣнить великому государю и поддаться турецкому салтану. Говори: съ кѣмъ о такой измѣнѣ думалъ? Кто былъ тебѣ совѣтникомъ? Зачѣмъ перемѣнялъ полковниковъ? По какому царскому указу велѣлъ за рѣкою Сожею во мстиславскомъ воеводствѣ заѣзжать королевскія земли и заводить съ королевскимъ величествомъ ссору? Зачѣмъ собирался ѣхать въ Кіевъ?

Демьянъ отрицалъ всякое противъ себя обвиненіе въ измѣнѣ.

— Я, — говорилъ онъ, — служилъ государю вѣрно, полковниковъ перемѣнялъ по совѣту всѣхъ старшинъ, въ Кіевъ хотѣлъ ѣхать по писъму печерскаго архимандрита, который извѣщалъ меня, что печерскимъ жителямъ ляхи чинятъ насилія и разоренія: я посылалъ уже къ кіевскому воеводѣ князю Бозловскому, чтобъ онъ оборонялъ отъ поляковъ печерскихъ людей, а писарь Карпъ Мокріевичъ меня привелъ на то, чтобъ для обороны идти мнѣ самому съ обозомъ. Съ Дорошенкою я ссылался о томъ, чтобъ Дорошенко на сю сторону казаковъ и татаръ не пускалъ войною, а служили бы мы вмѣстѣ великому государю на оборону отъ непріятелей. Къ Сожѣ я посылалъ по совѣту всѣхъ старшинъ, а особенно писаря Карпа Мокріевича, полковника Ворошилу съ полкомъ его, велѣлъ ему: по Сожѣ учинить рубежъ для того, чтобы когда стануть польскіе послы говорить съ боярами о рубежѣ, такъ малороссійскимъ жителямъ былъ бы уже тотъ рубежъ рѣкою Сожью по Днѣпръ. Я поступалъ такъ не самъ собою, а по совѣту всѣхъ начальныхъ людей, которые знаютъ, что мѣста эти были въ нашемъ владѣніи до андрусоваго договора, а о томъ писалъ къ его царскому величеству.

Ему возразили:—Коли бы, какъ ты говоришь, малороссійскіе жители владѣли мѣстами по рѣку Сожъ, то для чего было тебѣ тѣ мѣста заѣзжать, минуя три года послѣ андрусоваго договора? При томъ рубежъ ты велѣлъ заѣхать по Сожѣ для того, говоришь, чтобъ рубежъ былъ по эту рѣку; а вѣдь городъ Гомель стоитъ за Сожью! Зачѣмъ же въ этотъ городъ велѣлъ ты людей ввести и городъ засѣсть?

Демьянъ сказалъ:—Въ томъ воля великаго государя. Хотя

городъ Гомель за Сожью, только во время польской войны отъ того города малороссійскимъ жителямъ было великое утѣшеніе; для того-то я этотъ городъ велѣлъ занять малороссійскимъ жителямъ — такъ, что если бы отъ поляковъ впередъ стала война, то малороссійскимъ жителямъ было бы тѣмъ городомъ береженіе великое, потому что тотъ городъ стоитъ за Сожью.

Его спросили:—Пріѣзжалъ къ тебѣ подъятій Михайло Савинъ, ты говорилъ ему: «какъ царь изволитъ насъ отдавать королю по-немногу, такъ лучше бы уже всѣхъ разомъ отдалъ; король будетъ радъ, а царское величество насъ не защищаетъ, и еслибъ мы сами себя не боронили, такъ насъ бы поляки въ неволю побрали, а на московскихъ людей надѣяться нечего».

— Такихъ рѣчей не говорилъ!—отвѣчалъ Демьянъ.

Дали очную ставку съ Савинимъ. Демьянъ утверждалъ, что не помнитъ этого, а если что говорилъ, то, быть можетъ, въ пьяномъ состояніи («пьянымъ обычаемъ»).

Его продолжали допрашивать: «говорилъ ты полуголовъ Тавѣву и подъячему Щеголеву, что государь обѣщалъ полякамъ отдать Кіевъ и малороссійскіе города въ вѣчную неволю и по-срамленіе, а цѣркви Божіи на запусѣніе и разореніе и потому королевскіе послы не допустили сидѣть твоихъ посланцевъ въ посольской небѣ, называя ихъ своими холопами».

— Такихъ рѣчей я не говорилъ,—отвѣчалъ Демьянъ, — а вотъ какъ пришла царская грамота о Кіевѣ съ Василіемъ Бурковскимъ, то я сказалъ писарю Карпу: изволилъ государь насъ о Кіевѣ грамотою своею обрадовать; писарь же молвилъ: не само ты тому вѣрь; держи свой разумъ. Не такъ бы вышло, какъ прежде было, когда прислали царскую грамоту при Бруховецкомъ, войско запорожское обнадежили, а потомъ князь Данило Степановичъ Великогагинъ вступилъ съ войскомъ, Золотаренка, Семка и Силита побѣди. Я слышалъ отъ писаря и былъ въ сумѣвѣнн, и отъ царскихъ войскъ въ опасеніи; въ томъ виноватъ, а намянать не думалъ!

— Зачѣмъ же,—сказали ему,—ты на писаря старшинамъ и войску не объявилъ и къ царскому величеству не написалъ? Тебѣ что о томъ опасеніе имѣть, что князь Великогагинъ съ войскомъ приходилъ? Онъ на раду присланъ былъ, а у васъ никогда рада совершенія не воспринимала безъ царскихъ ратныхъ людей. У васъ при выборѣ гетмана учинился бы на радѣ бой, кабы царскаго величества войскъ тамъ не было.

— Я человекъ простой,—сказалъ Демьянъ,—не писалъ ве-

лишнему государю—спроста; чаялъ, что писарь говоритъ правду, остерегаючи меня; въ томъ предъ великимъ государемъ виноватъ.

Изъ старшинъ болѣе всѣхъ старался вредить Многогрѣшному генеральный писарь Карпъ Мокріевичъ. Онъ показывалъ: «передъ нами всѣми, предъ генеральною войсковою старшиною, говорилъ Демко такіа рѣчи: соберу коннаго войска тысячъ шесть и поиду войною на великороссійскіе города, а весною ко мнѣ ханъ крымскій съ ордою прибудетъ на помощь. Здамъ тогда я москалямъ: поймаю за волосы ихъ лучшаго человека Артамона и ужъ тогда буду знать, что съ нимъ сдѣлать!»

Это написано было въ сказкѣ, поданной Мокріевичемъ. Прочитали эту сказку Демьяну Игнатовичу. Онъ сказалъ:—въ мысли у меня никогда не бывало собирать войско да идти войною на великороссійскіе города и Артамона за волосы поймать! Не говорилъ я ничего такого. И про хана, чтобъ его ждать себѣ въ помощь—не говорилъ. Вольно писарю Карпу теперь это показывать: онъ со старшинами въ соумышленіи хочетъ меня погубить и для того такое про меня выдумываетъ!

Явился у разспроса нѣжинскій протопопъ и сказалъ: «какъ онъ, Демко, будучи гетманомъ, послалъ меня къ царскому величеству, я предъ отъѣздомъ своимъ укрѣплялъ его, чтобъ держался милости царской; я напоминалъ ему, что случилось съ Бруховецкимъ, а онъ мнѣ сказалъ: поѣдь-ко ты въ Москву, такъ на Москвѣ будешь въ тюрьмѣ».

Демьянъ сознался, что было такъ, и винился.

Думные люди продолжали спрашивать подсудимаго: «говорилъ ты стрѣльцекому полуголовѣ, будто посланцевъ твоихъ не допускаютъ царскіе бояре для слушанія дѣлъ, чтобъ отдача Кіева и малороссійскихъ городовъ войску запорожскому невѣдома была».

— Не говорилъ,—отвѣчалъ Демьянъ.

Его продолжали допрашивать: «говорилъ ты—великій государь городъ Кіевъ не саблею взялъ, поддались вы ему добровольно и коли теперь не нуженъ ему Кіевъ, пусть выведетъ воеводъ и ратныхъ людей, а вы найдете себѣ иного государя, и про Бруховецкаго говорилъ, что онъ много терпѣлъ отъ московской неправды, да и не утерпѣлъ».

— Отнюдъ ничего такого не говорилъ,—отвѣчалъ Демьянъ.

— Зачѣмъ,—спрашивали его, — Черниговъ большой городъ отъ малаго отгородить велѣлъ?

Демьянъ отвѣчалъ: «писарь мнѣ сказалъ, что слухъ пошелъ, будто войска царскія хотятъ города малороссійскіе засѣсть. Я для осторожности велѣлъ отгородить».

Его продолжали допрашивать: «тому же Танѣву и подъичему ты сказывалъ, будто польскимъ посламъ по договору дали 30,000 денегъ для найма войска на Дорошенка; вы же непродажные и некупленные: пойдете на Польшу войною, а какъ надъ польскимъ государствомъ что учинится, такъ и иному кому-то достанется. Еще тому же Танѣву ты сказалъ, что никакимъ спискамъ, присланнымъ изъ Москвы, ты не повѣришь, что васъ только ласковыми словами утѣшаютъ, а правды не объявляютъ. Да еще о Болупаевѣ ты сказалъ: коли прѣдетъ, такъ пускай нездоровъ уйдетъ, а Танѣву грозилъ, что коли еще прѣдетъ, такъ будетъ въ Крыму; да еще говорилъ, что коли польскіе послы, набравши въ Москвѣ денегъ, пойдутъ черезъ вашу землю, то казаки казну у нихъ раздѣлятъ. Говорилъ ли ты все это? Скажи теперь правду и вину свою великому государю принеси чистымъ сердцемъ».

Демьянъ все отрицалъ.

Его спрашивали: «зачѣмъ ты велѣлъ Неѣлову ставить на воротахъ стрѣльцовъ только человекъ по тридцати, когда прежде ихъ ставилось по сту и больше? Зачѣмъ обоимъ Забѣлѣ и другимъ старшинамъ запрещалъ сходитьсѣ съ Неѣловымъ и челядниковъ своихъ подсылать надсматривать за ними, чтобъ не сходился съ московскими людьми? Дѣлалъ ты такъ? скажи правду».

Демьянъ объяснялъ такъ:—Одинъ разъ, шедши въ церковь, я спросилъ—есть ли караульщики? Мнѣ отвѣчали: два человека пятидесятниковъ, а съ ними стрѣльцовъ человекъ со сто. Я спросилъ: нѣтъ ли въ кормахъ скудости? Отвѣчали—нѣтъ, а только много слишкомъ ставится караульщиковъ и то имъ досадно и скорбно. Я, поговоривши съ Неѣловымъ, велѣлъ стрѣльцовъ на караулахъ убавить; старшинамъ же не заказывалъ сходитьсѣ съ московскими людьми и челядниковъ не посылалъ надсматривать за ними.

Ему сказали: «на тебя сообща всѣ старшины показываютъ, что ты измѣнилъ великому государю, посылалъ къ Дорошенку чернецовъ и тѣ именемъ твоимъ присягу учинили, а Дорошенко присылалъ въ Батуринъ своихъ посланцевъ съ образомъ и ты передъ ними присягалъ и Дорошенку далъ на заплату войску 24,000 ефимковъ. Говорятъ на тебя, что ты во всѣхъ полкахъ учинилъ начальными людьми своихъ свойственниковъ и единоплеменниковъ и во всѣ полки писалъ универсалы, чтобъ всѣ шли въ осаду».

Демьянъ отвѣчалъ:—Чернецовъ я къ Дорошенку не посылалъ и Дорошенко ко мнѣ Спасова образа не присылывалъ, а присылалъ ко мнѣ онъ Семена Тихаго возвратить жителей, взятыхъ

на сей сторонѣ татарами: двадцати-четырехъ тысячъ ефимовъ Дорощенку я не давалъ; съ початку гетманства моего такого большого числа ефимовъ у меня не было, даже и двухъ тысячъ левковъ въ сборѣ не было. А полеовниковъ я перемѣнялъ съ согласія старшинъ.

Допрашивали его далѣе: «сказываютъ, созывалъ ты старшинъ, и говорилъ имъ, будто царь писалъ въ тебѣ, чтобъ ты старшинъ прислалъ въ Москву, а оттуда сошлешь ихъ въ Сибирь; ты для того и животи свои вывозилъ въ монастырь, хотѣлъ самъ изъ Батурина ѣхать въ Лубны и слухъ пустилъ, будто ѣдешь Богу молиться въ Кіевъ; ты же Степану Гречаному приказывалъ писать, будто дѣлалось на Москвѣ такое, чего тамъ вовсе и не бывало, чтобъ потомъ прочесть казакамъ и говорить — вотъ какъ Москва обманчива! такъ ли было?»

Демьянъ отвѣчалъ:—Никакихъ такихъ рѣчей я не говорилъ, не подговаривалъ Гречанаго писать ложное и животовъ не вывозилъ,—да и нечего было: у меня всего было только полторы тысячи золотыхъ червонныхъ, да 60 золотыхъ. Хотѣлъ точно ѣхать въ Кіевъ на богомолье, а не въ Лубны и не для свиданія съ Дорощенкомъ.

— А правда ли, — спрашивали его, — что ты Дмитрашку Райчу призывалъ въ себѣ ночью и толковалъ съ нимъ, какъ царскихъ людей побивать.

— Не было этого,—отвѣчалъ Демьянъ,—а съ Дмитрашкою мы дарились по свойству: я ему подарилъ лукъ, а онъ мнѣ лубье (колчанъ).

— Зачѣмъ,—спрашивали его,—послалъ ты игумена Ширкевича въ Вильну за какимъ-то лекаремъ?

Демьянъ объяснилъ: «игумена я не послалъ, а онъ самъ ѣздилъ по своему дѣлу, не въ Вильну, а въ Могилевъ; по этому случаю просилъ я для меня достать лекаря, и онъ мнѣ лекаря привезъ».

Поставили на очную ставку съ Демьяномъ Танѣева и Щеголева. Они уличали его, увѣряли, что все, записанное ими въ ихъ статейный списокъ, слышали они отъ гетмана.

Демьянъ все отрекался.

Спрашивали подсудимаго о похвалахъ передъ старшинами: какъ онъ пойдетъ на великороссійскіе города войною; какъ прибудетъ къ нему въ помощь ханъ съ ордою; что лучше-де жить подъ властью турецкаго султана, чѣмъ московскаго царя; что Москва, вмѣстѣ съ поляками, хочетъ истребить малороссійскихъ жителей, что онъ дастъ Москвѣ отпоръ какъ Александръ Маке-

донскій; какъ онъ хотѣлъ Дорошенкову дочь сговорить за своего племянника и для этого прѣзжалъ къ нему отъ Дорошенка Куницкій.

Демьянъ отвѣчалъ:—Ничего такого не говорилъ я. Затѣяли на меня все это старшины: не любятъ они меня и хотятъ отлучить отъ царской милости. Куницкій точно прѣзжалъ ко мнѣ: Дорошенко черезъ него передавалъ мнѣ, что хочетъ быть подъ рукою царскаго величества, только опасается, чтобъ царь не выдалъ его польскому королю, а я увѣрялъ Куницкаго, что великій государь Дорошенка польскому королю не выдастъ.

• Демко, — сказали думные люди, — принеси свою вину передъ великимъ государемъ чисто, — скажи правду: какъ ты съ Дорошенкою ссылался объ измѣнѣ? Скажи: кто вѣдалъ про твой сойтѣ съ нимъ? Объясни: на чемъ у тебя съ Дорошенкою постановлено было много государя искать, и если хотѣли вы быть у турскаго султана въ подданствѣ, то на какихъ статьяхъ? Про все скажи правду и вину свою великому государю принеси истинно. А буде правды не скажешь и вины своей великому государю не принесешь, то его царское величество укажетъ тебѣ въ твоємъ воровствѣ пытать».

Многорушій продолжалъ твердить прежнее:

• Никогда не думалъ я измѣнять великому государю и искать много государя. Съ Дорошенкою ссылался я о дружбѣ, чтобъ онъ на нашу сторону войною не ходилъ и людей не посылалъ, и онъ то общалъ мнѣ. А чтобъ Дорошенко меня подводилъ въ подданство турецкому султану, — того никогда не бывало. Говорю правду: готовъ не только идти на пытку, а хоть и смерть принять».

• А вотъ, — сказали ему, — генеральный обозный и всѣ старшины показываютъ на тебя, что ты безпрестанно вѣлъ ссылки съ Дорошенкою, — хотѣлъ измѣнить царю и отдаться турецкому султану, и многія рѣчи неистовыя противъ царскаго величества и похвалки на московское государство говорилъ. Да ты и самъ въ такихъ рѣчахъ не заперся, что, можетъ быть, и говорилъ съ-пьяна. Дорошенко присылалъ къ тебѣ письмо и инструкцію съ своимъ войсковымъ товарищемъ Исаею Андрѣенкомъ, и письмо его писано закрытыми словами».

Ему прочитали письмо Дорошенка и инструкцію.

Демьянъ замѣтилъ:

• Въ этомъ писаніи дѣло идетъ только о томъ, чтобъ намъ въ дружбѣ жить съ Дорошенкою и ему черезъ Днѣпръ ни самому съ войскомъ не переходить — и войска не посылать для

войны въ область его царскаго величества. Если-жъ я по-глупости съ-пьяна сказалъ что-нибудь нехорошее, — въ томъ надо мною воленъ великій государь».

«Если бы,—сказали ему думные люди,—у тебя съ Дорошенкомъ ссылаа была только о томъ, чтобъ ему, Дорошенку, не ходить войною въ наши города, такъ отчего же тебѣ не пересылать было всѣхъ Дорошенковыхъ писемъ къ великому государю?»

Демьянъ сказалъ:—Человѣкъ я простой и неученный; положено было это дѣло на войсковаго писаря; онъ долженъ былъ всѣ получаемыя письма посылать къ великому государю, а онъ ихъ не посылалъ оттого, что старшины умыслили отлучить меня отъ царской милости и взвести на меня измѣну. У нашей старшины всегда такъ ведется: какъ захотятъ учинить надъ гетманомъ какое-нибудь зло, тотчасъ подведутъ его. Я человѣкъ простой. Можетъ быть, и Дорошенко меня обольстилъ, что хотѣлъ со мною быть въ дружбѣ, общалъ на сю сторону Днѣпра войною не ходить и къ царскому величеству радѣть; я ему повѣрилъ, а измѣны никакой не мыслилъ. Въ той моей пересылкѣ съ Дорошенкомъ воля его царскаго величества».

Поставили еще обвинителя — батуринскаго атамана Ярему Андрушенка. Онъ у пытки объявилъ: «Посылалъ меня Демко къ Дорошенку и при Дмитрашкѣ Райчѣ молвилъ мнѣ: «скажи Дорошенку, что двое за одинъ кожухъ торгуются». Я спросилъ его: что это слово значить? Демко отвѣчалъ: «скажи Дорошенку такъ, какъ я тебѣ велѣлъ,—онъ знаетъ, что это слово значить». Тогда Демко далъ мнѣ письмо къ Дорошенку. Я къ Дорошенку пріѣхалъ, письмо отдалъ и сказалъ то, что велѣлъ сказать Демко. Дорошенко сказалъ: «знаю я, что это слово значить — двое за одинъ кожухъ торгуются». Какъ Дорошенко меня отпустилъ, то вмѣстѣ со мною прислалъ къ Демку своего посланца — Луговскаго. Луговскій, ѣдучи со мною, говорилъ, что везетъ письмо отъ Дорошенка къ Демку, а пріѣхавши сказалъ Демку, что Дорошенко ему письма не далъ, а приказалъ что-то передать словами».

Судившіе Демьяна спрашивали: «За какимъ дѣломъ посылалъ ты Ярему къ Дорошенку, и что значить слово: двое за одинъ кожухъ торгуются?»

Демьянъ сказалъ:

«Я посылалъ Ярему не одинъ разъ къ Дорошенку, а трижды, можетъ быть, и четырежды, и все объ одномъ писалъ, чтобъ онъ жилъ со мною въ согласіи,—на сю сторону Днѣпра войною не

хотѣлъ, зацѣпокъ и задовъ чинить не велѣлъ. А того, что двое за одинъ кожухъ торгуются,—я не помню».

Поставили на очную ставку Ярему съ Демкомъ. Ярема уличалъ Демка. Демко твердилъ, что ничего не помнить.

Повели Демка къ пыткѣ, раздѣли, продѣли руки въ страшный московскій «хомутъ», привязали ремнями руки и ноги къ противоположнымъ между собою столбамъ, такъ-что все тѣло пытаемаго болталось на воздухѣ. Дали 19 ударовъ кнутомъ. Демко, человѣкъ нервный и раздражительный, какъ всегда бываетъ съ подобными натурами, не могъ выдержать мученій съ твердостью и сознался, что дѣйствительно говорилъ: тяжело ему въ подданствѣ быть у Москвы. Въ такомъ смыслѣ онъ точно выражался въ разговорѣ съ Танѣевымъ — и трудно было ему теперь записаться. Но онъ стоялъ непоколебимо на томъ, что, сносаясь съ Дорошенкомъ, не думалъ измѣнять законному государю и поддаться турецкому султану. Подъ пыткою допрашивали его, что значать слова: «двое за одинъ кожухъ торгуются?» Демьянъ сказалъ: «Это значитъ, что поляки хотятъ овладѣть Киевомъ, а царь не отдастъ его».

Недовольство подданствомъ Москвѣ, въ которомъ сознался подсудимый, признано было явнымъ признакомъ измѣны. Не вынимая изъ хомута, его спрашивали:

«Объяви: кто вѣдалъ твои мысли и кто былъ съ тобою въ совѣтѣ?»

«Никто, — отвѣчалъ Демко, — не былъ со мною въ совѣтѣ. Мыслилъ я одинъ».

Ему дали нѣсколько ударовъ, думая вымучить у него иное сознание, и спрашивали:

«Былъ ли съ тобою въ совѣтѣ Матвѣй Гвинтовка? Старшины показываютъ, что это былъ твой задушевный другъ и совѣтникъ?»

«Гвинтовка въ измѣнѣ не былъ, — за нимъ ничего не знаю», сказалъ Демьянъ.

Сняли Демьяна съ пытки. Принялись за Гвинтовку. Его спрашивали:

«Какъ Демко забылъ Господа Бога и великаго государя къ себѣ милость и жалованье, учалъ мыслить объ измѣнѣ, ты о той измѣнѣ вѣдалъ. Для чего къ великому государю о томъ не написать и старшинамъ не объявлялъ?»

Гвинтовка сказалъ:

«Никакой за Демкой измѣны я не вѣдалъ и въ совѣтѣ съ нимъ о такой измѣнѣ не былъ».

Повели Гвинтовку къ пыткѣ, раздѣли, руки заложили въ

хомуть, стали бить кнутомъ, «крѣпко и съ большимъ пристрастіемъ разспрашивали про Демкову измѣну».

Гвинтовка на пытѣхъ говорилъ одно:

«За Демкомъ измѣны не вѣдаю, самъ измѣнять великому государю не мыслилъ и служилъ его царскому величеству вѣрно».

Сняли Гвинтовку. Принялись допрашивать сына Гвинтовки.

«Я ни за своимъ отцомъ, ни за Демкомъ измѣны не знаю; да и вѣдать я не могъ, въ какихъ событіяхъ былъ мой отецъ съ гетманомъ, потому что я у отца жилъ мало,—учился въ школѣ при монастырѣ».

Молодого Гвинтовку не пытали. Но подвергли вторичной пытѣхъ бѣднаго Демьяна Игнатовича. Его спрашивали подъ кнутомъ:

«Привеси свою вину великому государю безо всякія лжи, признайся во всемъ: какъ ты хотѣлъ измѣнить великому государю и поддаться турецкому султану, и какъ о томъ съ Дорошенкомъ ссылку держалъ?»

Демьянъ подъ ударами кнута говорилъ одно:

«Не думалъ я измѣнять великому государю, не думалъ поддаться турку. Воленъ Богъ и государь»¹⁾.

Былъ обвиняемъ, какъ участникъ въ недовольствѣхъ выходкахъ гетмана и въ измѣнническихъ замыслахъ, братъ Демьяна Василій Многогрѣшный. Въ малороссійскій привалъ досталось письмо, писанное къ нему отъ митрополита Іосифа Тукальскаго. Митрополитъ благодарилъ Василя Многогрѣшнаго за присланнаго коня и хвалилъ Василя за то, что желаетъ, чтобъ митрополитъ жилъ въ соборѣ кievскихъ митрополитовъ.

Прежде спрошенный объ этомъ письмѣ Демьянъ отозвался, что онъ о письмѣ не вѣдаетъ, но ему извѣстно, что Василій, братъ его, посылалъ митрополиту и архіепископу Лазарю Барановичу въ подарокъ по лошади, послѣ того, какъ по челобитью духовныхъ властей, патриархъ alexandрійскій Пансій, проѣзжавшій черезъ Малороссію въ Москву и обратно, разрѣшилъ его отъ эпитиміи, наложенной за убійство жены, и Василю дозволено было въ другой разъ жениться.

6-го мая подвергнуть былъ допросу Василій Многогрѣшный, вмѣстѣ съ генеральнымъ асауломъ Грибовичемъ.

Судившіе сказали Василю Многогрѣшному:

«По доносу старшинъ, ты обвиняешься въ томъ, что зналъ объ измѣнѣ, затѣваемой братомъ твоимъ, бывшимъ гетманомъ».

Василій Многогрѣшный отвѣчалъ:

¹⁾ А. Ю. и З. Р., т. X, стр. 760—781.

«Объ измѣнѣ брата моего ничего не знаю, и онъ мнѣ о томъ не говорилъ и не писалъ. Что онъ съ Дорошенкомъ ссылался—это я знаю, но о чемъ ссылался—про то не знаю. Я спрашивалъ брата: зачѣмъ онъ ссылается съ Дорошенкомъ, а братъ сказалъ, что то дѣлается по указу великаго государя. Я, слыша такіа рѣчи отъ брата, писалъ къ митрополиту Тукальскому, чтобъ онъ отводилъ Дорошенка отъ польской стороны къ великому государю».

Ему показали семь писемъ, писанныхъ къ черниговскому названному полковнику Леонтію Полуботку. Въ одномъ изъ нихъ приказывалъ онъ держать въ тюрьмѣ безчинствовавшихъ въ Черниговѣ великороссовъ до гетманскаго указа, а потомъ, извѣщая, что гетманъ велѣлъ выпустить ихъ изъ тюрьмы, поручалъ одного изъ нихъ, подьячаго, передъ выпускомъ изъ тюрьмы пытать ¹⁾, подъ тѣмъ предлогомъ, будто онъ хотѣлъ уйти. Это, какъ оказывалось изъ письма, дѣлалось надъ подьячимъ изъ мести за то, что послѣдній грозилъ казакамъ носить ихъ кафтаны.

Василій Многогрѣшный сознался въ этомъ.

Въ другихъ письмахъ Василій не велѣлъ пропускать хлѣбныхъ запасовъ, которые черниговскій воевода приказалъ возить для отсылки польскому полковнику Пиво. Спрашивали его по этому поводу. Василій Многогрѣшный объяснилъ: «я не приказалъ возить польскимъ людямъ хлѣбныхъ запасовъ, потому что гетманъ, братъ мой, запрещалъ покупать въ лѣвобережной Малороссіи пріѣзжимъ съ польской стороны и увозить за Днѣпръ хлѣбъ, по причинѣ возникшей дороговизны, а когда гетманъ разрѣшилъ — и я велѣлъ пропускать. Дѣлалъ я это не съ худныи умысломъ, не для измѣны».

«А если ты,—спросили судившіе,—объ измѣнѣ брата твоего, Демка, не вѣдаешь и самъ не хотѣлъ измѣнить, зачѣмъ же, оставивши свое полковничество, убѣжалъ изъ Чернигова и надѣлъ на себя чернеческое платье?»

Василій Многогрѣшный сказалъ:

«Черниговскій воевода приказалъ на городское строеніе лѣсъ навозить и государевы люди стали отъ насъ опаску имѣть. Слухъ пошелъ, что начальные московскіе люди въ замкѣ нульки льютъ, а вилхитичъ Половецкій, перешедшій съ правой стороны Днѣпра на нашу сторону, говорилъ мнѣ, будто государевы ратные люди

¹⁾ Подьячаго, вывазя изъ тюрьмы и давъ ему надѣсти животомъ, вилии не бѣи, чтобъ не было снѣтенин, но такъ подержи въ рукахъ, чтобъ не забилъ до мѣла».

для того пульки льютъ, что хотѣть съ нами биться. Я этого шляхтича послалъ къ брату, а братъ прислалъ его обратно ко мнѣ, и вмѣстѣ съ нимъ прислалъ «выростка» Ивана. Черезъ него братъ приказалъ мнѣ не попускать чинить задоръ съ воеводою и государевыми людьми, пока не воротится изъ Москвы протопопъ Симеонъ съ государевымъ указомъ. Тотъ Иванъ выростокъ мнѣ тайно сказалъ: пріѣхалъ изъ Москвы въ Батуринъ чернецъ и говорилъ, будто приказано Демку схватить и въ Москву отослать и будто братъ-гетманъ сказалъ: «пусть будетъ воля Божія, а я ничего не опасаюсь». На другой день воевода прислалъ ко мнѣ полуполковника звать къ себѣ. Полуполковникъ звалъ меня такъ сурово, что я началъ догадываться, — видно, какъ сказывалъ чернецъ, и впрямь брату что-то нездорово. Осѣдлалъ я лошадь и поѣхалъ-было въ городъ къ воеводѣ; вижу — изъ города прямо противъ меня идутъ гнѣшіе москальи съ ружьями и бердышами. Я, какъ увидѣлъ государевыхъ ратныхъ людей, испугался, убѣжалъ въ Елецкій монастырь и сталъ совѣтоваться съ архимандритомъ Голятовскимъ: что мнѣ дѣлать? — бѣжать ли куда подальше, или къ воеводѣ ѣхать? Архимандритъ сказалъ: какъ себѣ хочешь. Я изъ монастыря поѣхалъ за Десну и пріѣхалъ въ Никольскій монастырь; тамъ у одного старца — имени его не знаю — взялъ чернеческую рясу, а свое платье и лошадь оставилъ въ монастырѣ. Я хоронился по разнымъ мѣстамъ, — наконецъ, пришелъ въ Маисаковскій монастырь къ игумену Ширкевичу; игумень далъ мнѣ старца и челядника и велѣлъ проводить меня въ лодкѣ рѣкою Десною до Кіева. Такъ я добрался до Братскаго монастыря, пришелъ къ отцу ректору и сталъ просить, чтобъ онъ меня прихоронилъ. Ректоръ общалъ прихоронить, а вмѣсто того пошелъ и объявилъ кіевскому воеводѣ; кіевскій воевода взялъ и меня, и старца, и службу, что провожали меня изъ Маисаковскаго монастыря, да и отправилъ всѣхъ въ Москву».

Его спрашивали: куда хотѣлъ ты бѣжать изъ Братскаго монастыря? на которые города и мѣста? Къ Дорошенку и Тукальскому? Что думалъ у нихъ дѣлать?

Василій отвѣчалъ:

— Я не хотѣлъ никуда бѣжать; ухоронившись въ чернеческомъ платьѣ, хотѣлъ жить въ Братскомъ монастырѣ. У Дорошенка и Тукальскаго мнѣ дѣлать было нечего, и я къ нимъ не хотѣлъ бѣжать.

— Зачѣмъ, — спрашивали его, — ты по письму брата своего приказалъ отгородить большой городъ Черниговъ отъ малаго го-

рода, гдѣ жили воевода и государевы ратные люди? Какое дурно хотѣлъ ты учинить надъ воеводою и государевыми ратными людьми?

Василій Многогрѣшный отвѣчалъ:

— Не отгораживалъ я большого города Чернигова отъ малаго, не думалъ чинить никакого дурна воеводѣ и государевымъ ратнымъ людямъ, письма отъ брата о томъ мнѣ не было и объ измѣнѣ брата моего я не зналъ и не знаю. А въ чемъ по своимъ письмамъ я великому государю виноватъ, пусть въ томъ будетъ его царская воля, только измѣнять я не хотѣлъ и не мыслилъ ¹⁾.

Подвергнутый допросу старецъ макаевского монастыря, который сопровождалъ Василія Многогрѣшнаго въ киево-братскій монастырь, показалъ, что Василій просилъ ректора отправить его къ митрополиту Тукальскому, надѣясь, что Тукальскій будетъ къ нему добръ и вспомнить, какъ Василій, будучи въ полковникахъ, присылалъ ему въ подарокъ лошадей и червонцы. Ректоръ обѣщалъ сдѣлать все по желанію Василія послѣ Свѣтлаго праздника, но въ великую субботу доложилъ о немъ воеводѣ.

— Какъ же, — сказали судившіе: — ты, Василій, въ своихъ рѣчахъ утаилъ про Тукальскаго и, значить, про свой побѣгъ правды не сказалъ?

Василій Многогрѣшный, не допуская себя до пытки, сознался. — «Виноватъ, — сказалъ онъ: — хотѣлъ бѣжать къ Тукальскому отъ великаго страха и просить, чтобъ митрополитъ меня у себя ухоронилъ и въ сторону царскаго величества не отдалъ. А чтобъ, собравшись съ кѣмъ-нибудь войну вести, такого вымысла у меня не было. Еслибъ я и хотѣлъ такъ поступать, то не могъ бы: Дорошеневъ писарь Воеховичъ мнѣ великій недругъ. Да и до войны ли мнѣ было, — лишь бы отъ великихъ бѣдъ голову свою ухоронить! Я хотѣлъ, все попенувъ, постречься. Всю вину свою предъ государемъ я сказалъ и больше того говорить мнѣ нечего. Во всемъ пусть будетъ воля великаго государя ²⁾».

Спрошенный асаулъ Павелъ Грибовичъ не показалъ ничего обличающаго Демьяна Многогрѣшнаго въ измѣнѣ, и заявилъ, что ничего не зналъ и не вѣдалъ о непростойныхъ рѣчахъ гетмана.

¹⁾ Актъ Южн. и Зап. Рос., т. X, стр. 782—791.

²⁾ Актъ Южн. и Зап. Рос., т. X, стр. 796—799.

Допрошенные Дорошенковы посланцы, задержанные въ Батуринѣ, объявили, что они — Дорошенковы дворовые люди и приѣзжали въ Многогрѣшному просить дозволенія продать лошадей, а на вырученные деньги закупить матеріаловъ для церковнаго строенія ¹⁾. Ихъ показанія не представили ничего къ обвиненію Многогрѣшнаго и его соучастниковъ.

Государь, сохраняя права малороссійскаго народа, сперва указалъ отправить бывшаго гетмана съ другими прикосновенными къ его дѣлу лицами въ Малороссію и отдать мѣстному войсковому суду. Но 20-го мая прибылъ въ Москву посланецъ отъ временнаго малороссійскаго правительства сынъ генеральнаго обознаго Степанъ Забѣла съ батуринскимъ сотникомъ Григоріемъ Карпенко, который прежде ѣздилъ отъ Многогрѣшнаго къ Дорошенку и теперь отправляемъ былъ нарочно для того, чтобъ уличить Многогрѣшнаго ²⁾. Съ ними старшины присылали челобитную отъ 13-го мая: объясняли, что какъ только развѣслась вѣсть о намѣреніи государя прислать Демка въ Малороссію на войсковой судъ, то сдѣлалось смутеніе, и они теперь просятъ не посылать Демка въ Украину, а совершить надъ нимъ достойную казнь въ Москвѣ.

Гетманъ Демьянъ Многогрѣшный и братъ его осуждены были на смертную казнь. 28-го мая въ Москвѣ, на Болотѣ, за кузницами, назначено было исполненіе приговора. Многочисленное было стеченіе народа, обыкновенно склоннаго глядѣть на подобія зрѣлища. Вывели осужденныхъ братьевъ, прочитали имъ роковой приговоръ. Въ этомъ приговорѣ, обращенномъ къ лицу «нѣмѣнника и клятвопреступника Демка Игнатова», говорилось, что Демьянъ Игнатовъ забылъ Господа-Бога и прежнее государево къ себѣ жалованье и умыслилъ отдаться турецкому султану, чтобъ невинныхъ христіанъ отдать въ вѣчную и нестерпимую бусурманскую неволю, ссылаясь объ этомъ съ гетманомъ той стороны Дигѣпра Дорошенкомъ и на томъ учинилъ съ нимъ присягу. Ему ставили въ осужденіе еще и то, что онъ хотѣлъ поссорить великаго государя съ братомъ его, польскимъ королемъ, овладѣлъ неправильно нѣкоторыми мѣстами въ повѣтахъ Мозырскомъ и Рѣчицкомъ и ложно сообщалъ царю, будто это сдѣлалось по приговору старшинъ. Сверхъ того, говорилъ онъ въ Батуринѣ московскимъ присланнымъ людямъ — подъячему Михайлу Савину, стрѣльцу полуголовѣ Александру Тамбѣву

¹⁾ Ibidem, стр. 791—795.

²⁾ Акты Южн. и Зап. Рос., т. IX, стр. 890.

и подъячему Щеголеву непристойныя рѣчи о царскомъ величествѣ, будто царь хочетъ Кіевъ и всѣхъ малороссійскихъ жителей отдавать польскому королю, грозилъ послѣ Пасхи идти войною на Московское государство въ соединеніи съ турками и татарами, воровски увѣрялъ старшинъ, будто царь хочетъ сослать ихъ въ Сибирь, приводилъ перенесеннаго полеовника Дмитрашку Райчу въ присягѣ, чтобы царскихъ ратныхъ людей въ малороссійскихъ городахъ побивать, объявлялъ старшинамъ, что не хочетъ быть у царя въ подданствѣ и приказалъ не пропускать въ Кіевъ и другіе малороссійскіе города гонцовъ съ вѣстовыми письмами. Старшины, не допуская до вѣчной измѣны, поймали его и доставили въ Москву, а онъ подъ пыткой «во всѣхъ своихъ измѣнныхъ словахъ винился». По желанію старшинъ, полковниковъ, всего войска запорожскаго сей стороны Днѣпра со всѣмъ народомъ малороссійскимъ, великій государь указалъ ему учинить смертную казнь.

Василію Многогрѣшному прочитали приговоръ. Онъ осуждался за участіе въ измѣнѣ брата; уликами въ такомъ участіи признавалось то, что онъ отгородилъ Черниговскій замокъ отъ города, приказывалъ держать въ тюрьмѣ великороссійскихъ ратныхъ людей, не велѣлъ пропускать запасовъ, закупленныхъ черниговскимъ воеводою, ссылался съ Тукальскимъ, и, узнавши о вѣнчѣ подъ караулъ своего брата гетмана, переодѣлся въ чернеческое платье и ушелъ въ кіево-братскій монастырь, намѣреваясь оттуда бѣжать за Днѣпръ, въ митрополиту Тумальскому.

Головы осужденныхъ Демьяна и Василія уже положили на плахи, вдругъ прибѣжалъ царскій гонецъ, стрѣлецкій сотникъ Ѳеодоръ Меркуловъ. Онъ всенародно объявилъ, что «великій государь, по упрощенію дѣтей своихъ, царевичей Ѳеодора и Іоанна Алексѣевичей, пожаловалъ измѣнниковъ и клятвопреступниковъ Демку и Ваську, не велѣлъ казнить смертію, а указалъ ихъ сослать въ Сибирь съ ихъ семьями.

Сняли съ плахи осужденныхъ и отвели въ малороссійскій приказъ: — Кромѣ Демьяна и Василія Многогрѣшныхъ опредѣлены были для отправки въ Сибирь: бывший войсковой асаулъ Павелъ Грибовичъ и бывший нѣжинскій полковникъ Матѣй Гынтовка съ сыновьями своими Евфимомъ и Ѳеодоромъ; хотя эти лица ни въ чемъ не были осуждены, но сослались въ Сибирь потому только, что были друзьями Демьяна Многогрѣшнаго, и малороссійскіе старшины не хотѣли ихъ держать въ отечествѣ.

На другой день объявлено было, что великій государь велѣлъ дать на милостиню Демку 15 рублей, а Васькѣ 10 руб-

- лей, прочимъ по пяти рублей и возвратитъ имъ бывшую съ ними рухлядь. Эта рухлядь у самого гетмана состояла изъ вышитой постели, подложенной кумачомъ, двухъ подушекъ, шелкового пояса, голубого кафтана, лисьего мѣха, жестяной кружки, деревянной посуды: ставана, чашки, блюда и солонки, склянки и муравленого горшечка, да рубахи съ портками. Все имущество Многогрѣшного, которое вообще было невелико, приказано было обратить на церковное строеніе, такъ какъ бывший гетманъ обѣщалъ построить въ Братскомъ монастырѣ церковь и устроить тамъ школу, да сверхъ того началъ строить церкви въ Нѣжинѣ и въ Батуринѣ. О присылкѣ семействъ, осужденныхъ для препровожденія ихъ въ Сибирь, посланъ былъ указъ въ Малороссію. Къ Демьяну присланы были: жена его Анастасія, сыновья Петръ и Иванъ, дочь, называемая по однимъ Елена, по другимъ Марина, племянникъ Михайло и двѣ работницы. Ихъ всѣхъ отправили въ Тобольскъ, гдѣ приказали держать скочными за крѣпкимъ карауломъ, а потомъ разослать по разнымъ городамъ, поверставши въ казачью службу. Павелъ Грибичъ ушелъ съ дороги и это отягло участь остальныхъ.

Дорошенко, узнавши о несчастіи, постигшемъ Многогрѣшного, писалъ кievскому воеводѣ, что гетманъ Демьянъ Игнатовичъ сносился съ нимъ и находился съ нимъ въ дружбѣ, «не для якои зрады, якъ удають самі прегратнии толови, але для отверженя добрыхъ рѣчей православнаго христіанства изъ откупной славы ею царскаго величества»; злые люди оклеветали пана Демьяна Игнатовича, доброжелательнаго его царскому величеству человека, и, внезапно низложивши его съ гетманскаго уряда, неизвестно куда дѣли. Если въ этомъ дѣлѣ не будетъ разсмотрѣнія царскаго величества, то я увѣренъ, что Богъ на каждомъ взмѣтитъ за его невинность. Но такое заступничество Дорошенка могло только расположить московскія власти къ тому, чтобы смотрѣть на Демьяна, какъ на измѣнника: въ числѣ главѣйшихъ уликъ въ измѣнѣ поставлено было его дружелюбное сношеніе съ Дорошенкою.

Каждый, прочитавши все производство суда надъ Многогрѣшнымъ, не можетъ не придти къ тому убѣжденію, что этотъ человекъ потерпѣлъ совершенно безвинно, единственно только по несдержанности своего характера, за произнесеніе въ шепотъ видѣ рѣзкихъ, хотя, надобно правду сказать, и правдивыхъ словъ. Онъ своею вспыльчивостью и раздражительностью вооружилъ противъ себя старшинъ и они рѣшились поступить съ нимъ съ безпримѣрною наглостью, надѣясь, что выходки гетмана въ при-

существованіи царскихъ гонцовъ достаточно вооружать противъ него московскія власти. Они не ошиблись. Успѣхъ увѣнчалъ самое вопиющее дѣло. Подчиненные, безъ всякаго слѣдствія, суда и верховнаго указа, хватаютъ утвержденнаго царскою властью главу края, везутъ въ оковахъ въ столицу, передаютъ суду и получаютъ за то высочайшую похвалу и одобреніе. Нельзя не поражаться страннымъ безправіемъ, господствовавшимъ тогда въ московскомъ правительствѣ, не говоря уже о томъ, что, по допросу, гетманъ и его сообщники не оказались виновными ни въ какихъ противозаконныхъ дѣлахъ; если бы даже они были виновны, то все-таки самовольное взятіе ихъ подъ караулъ было преступленіе, достойное наказанія. Что малороссійскій народъ не сочувствовалъ такому беззаконному поступку, показываетъ отвѣскъ князя Ромодановскаго, отъ 12-го іюня 1672 года, о народномъ волненіи, когда генеральные старшины боялись, что ихъ побьютъ.

О судьбѣ несчастнаго Многогрѣшнаго мы знаемъ, что онъ былъ сосланъ въ Селенгинскъ, поверстанъ въ дѣти боярскія и жилъ долго. Въ 1688 году, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Петромъ Демьяновичемъ, онъ содѣйствовалъ полномочному русскому послу Головину въ усмиреніи табунутовъ и въ разбитіи мунгаловъ. Дочь Многогрѣшнаго была въ замужствѣ за сибирскимъ дворяниномъ Иваномъ Бейтаномъ, была жива еще въ 1726 году, а внука была за священникомъ селенгинской Спасской церкви Игнатіемъ Боршевскимъ¹⁾.

Гетманство Многогрѣшнаго не осталось безъ вліянія на исторію Малороссіи того времени. Принявши правленіе въ такое время, когда лѣвобережная Украина распадалась, онъ съ большимъ успѣхомъ добился до того, что соединилъ ее снова. Онъ потомъ началъ пытаться дружескимъ отношеніемъ съ Дорошенкою охранять ее отъ грозившихъ ей ударовъ съ правой стороны Дѣйри и тутъ-то неизбежно встрѣтились его попытки съ пагубными слѣдствіями андрусовскаго договора. По своему открытому нраву, Многогрѣшный высказывалъ Москвѣ прямо то, что чувствовалъ и думалъ: прямота и смѣлость его Москвѣ пришлись не по вкусу; тотчасъ воспользовались этимъ домашніе враги и погубили его.

Н. Костомаровъ.

¹⁾ Ист. М. Р., II, 126.

ДОМАШНІЙ ОЧАГЪ

ПОВѢСТЬ.

I.

Сѣдой и удрученный не столько годами, сколько болѣзнію, купецъ Семенъ Игнатьевичъ Ивановъ сидѣлъ въ мягкомъ покойномъ креслѣ на балконѣ своего большого каменнаго дома. Лѣто. Воздухъ чистъ и ясенъ. Предъ сидящимъ старикомъ открывается прекрасный видъ: внизу, подъ крутымъ обрывомъ берега, на которомъ стоитъ его домъ, начинаются раздольные, поемные луга съ озерами и зеленью и блескомъ солнца, отражающимся въ ангагахъ вьющейся въ этой зелени рѣчки. Идутъ эти луга далеко, вплоть до самыхъ береговъ широкой многоводной рѣки, разливающейся по веснѣ безбрежнымъ моремъ по этимъ лугамъ. Тогда видъ съ балкона, на которомъ сидитъ теперь Семенъ Игнатьевичъ, еще красивѣе, и въ особенности въ то время, когда разливъ воды въ полной силѣ и пароходы подходятъ почти къ самому дому Семена Игнатьевича, считающемуся лучшимъ домомъ во всемъ городѣ Малиновскѣ. И теперь, среди лѣта, когда вода уже сошла съ луговъ и зелень царитъ на нихъ во всей своей красотѣ и силѣ, видъ на луга и на отдаленную рѣку превосходенъ. Танутся по этой рѣкѣ разнообразныхъ формъ и размѣровъ суда, и баржи, и расшивы, и паруса ихъ, сверкая на солнцѣ своей бѣлизной, долго, долго замѣтны изъ города и долго иной разъ смотритъ на нихъ горожанинъ, наблюдая, какъ, по мѣрѣ своего удаленія, уменьшаются и тускнѣютъ паруса, увлекая за собою его мысль. Бѣгутъ по рѣкѣ пароходы, шума колесами и спѣша перегнать одинъ другого, для того, чтобы

усиѣть первому захватить съ пристани города Малиновска пассажировъ, расплачивающихся иногда за эту погоню собственною жизнью. Просвистать, пропумить пароходъ, застелеть потомъ густымъ чернымъ дымомъ и пристань и противоположный гористый берегъ рѣки, и минуты двѣ-три спустя уже не видно его, и только черная полоса дыма отъ его трубы остается нѣкоторое время въ воздухѣ.

Хорошъ видъ съ крутого берега города Малиновска—и въ особенности въ ясный, солнечный день, когда противоположный, гористый берегъ рѣки обрисовывается не только со всѣми своими селами и ихъ храмами, но и со всѣми разнообразными отѣнками красоты лѣса и долинъ, идущихъ вдоль рѣки и вправо и лѣво и тянущихся далеко, далеко, пока глазъ можетъ различать предметы.

Сидитъ Семень Игнатьевичъ на балконѣ и чуть-ли ему не кажется вся эта мѣстность чѣмъ-то новымъ, никогда до этого часа невиданнымъ, хотя онъ знаетъ ее съ первыхъ дней своего дѣтства. Сидитъ онъ на балконѣ, или, вѣрнѣе сказать, полулежитъ, и ноги его, окутанныя пледомъ, покоятся на подложенной подъ нихъ подушкѣ. Самъ онъ тоже въ достаточной степени со всѣхъ сторонъ обложенъ подушками и укутанъ пледами. Видно, что человѣкъ боленъ и не самъ пришелъ на балконъ, а чуть-ли даже не на рукахъ вынесенъ сюда слугами. Лицо его блѣдно и сильно сквозь эту блѣдность пробивается желтизна, глаза ввалились, и борода, когда-то пушистая и окладистая, широкой массой красовавшаяся въ дни здоровья на груди его, теперь смотритъ какимъ-то скомканнымъ пучкомъ и уже обрѣзана, по причинѣ болѣзни, болѣе чѣмъ на-половину. Здоровье его до сихъ поръ было крѣпкаго русскаго закала. Руки—что кленци, спина—что твой столъ и въ плечахъ, какъ говорится, косая сажень... «Все во мнѣ прилажено подъ статъ, — думалъ онъ и теперь, смотря на свои большія жилистые руки, — да вотъ, поди-жъ ты, статъ такая—ослабъ!»

Заболѣлъ Семень Игнатьевичъ, давно ужъ слегъ въ постель, да вотъ сегодня ему полегче—и попросилъ онъ у доктора позволенія на балкончикѣ посидѣть.

Прежде, если ему случалось иной разъ выдти на балконъ своего прекраснаго дома, онъ быстрымъ соколинымъ взглядомъ окидывалъ всѣ пристани, амбары и кладовыя, десятками настроенныя внизу у самаго берега рѣки, и сразу онъ видѣлъ, все ли тамъ въ порядкѣ и то ли дѣлають, что нужно, его служакіе, рабочіе, приказчики, довѣренныя и т. п. люди. Потомъ онъ,

бывало, оглянетъ улицу, и все видитъ, видитъ, что проходятъ мимо его дома какіе-то скромные, точно кипяткомъ ошпаренные люди въ зипунахъ и низко кланяются, проходя мимо балкона, видитъ, какъ проѣзжаютъ по улицѣ экипажи и какъ сидящіе въ нихъ кланяются, глядя вверхъ, именно на него, стоящаго на балконѣ—и радуется его душа всему этому. Теперь же сидитъ онъ на балконѣ и точно также всѣ мимо проходящіе отвѣщаютъ ему поклоны и одинаково, какъ тѣ, которые смотрятъ пришибенными и ошпаренными кипяткомъ, такъ и тѣ, которые сами принадлежать къ числу ошпаривающихся и жирѣющихъ на чужой счетъ... Но теперь Семень Игнатьевичъ не видитъ этихъ поклоновъ. Съ нимъ произошло превращеніе, положимъ, временное, вызванное болѣзненнымъ состояніемъ его здоровья, но все-таки произошло превращеніе, и видитъ онъ то, что прежде, до этого времени, оставалось для него во мракѣ, заслоненное разными амбарами, приказчиками, счетами и расчетами. Видитъ онъ нѣчто совершенно новое, никогда прежде невиданное, и думаетъ онъ теперь:—«что это такое со мной, что это я,—жилъ, жилъ, больше пятидесяти годовъ прожилъ, а ничего такого прелестнаго, что вижу теперь, никогда не видывалъ. Вѣдь, какъ это все хорошо, какъ эти облачка-то чудесно по полю перебѣгаютъ, какъ это свѣтъ-то солнца хорошо въ зелени-то и какъ все въ разныхъ мѣстахъ по-своему—гдѣ потемнѣе, гдѣ посвѣтлѣе—удивительно! И птички-то, птички, какія онѣ веселыя и живыя! Эхъ, мало я раньше-то на это смотрѣлъ, все какъ-то не замѣчалъ, да и все какъ-то некогда было, а теперь вотъ вижу, да и жаль... Много больно годовъ-то прошло... Но вотъ, Богъ дастъ, поправлюсь, насмотрюсь... Полно, полно съ дѣлами-то все возиться, надо и отдыхъ знать. Поправлюсь, поѣду въ Крымъ: очень одобряютъ тамъ мѣста, и море, говорятъ, изъ оконъ видно, какъ вотъ, напримѣръ, у меня теперь съ балкона, виноградъ на волѣ растетъ... Такъ-то вотъ, живемъ, живемъ, все около денегъ, все вокругъ нихъ вертимся, а настоящаго житія и не отвѣдаемъ, каково оно есть на свѣтѣ... Господи, дай только поправиться, поѣду смотрѣть на море, на виноградъ»...

Подъ впечатлѣніемъ такихъ пріятныхъ мыслей онъ дремалъ и переносился въ другіе края, гдѣ вѣчно синее небо. Но проходила дремота, проходили съ нею хорошія минуты—и больной Семень Игнатьевичъ начиналъ томиться другимъ.

«Что это, Господи, какое на меня затмѣніе находитъ», думалъ онъ, тревожно ворочаясь въ креслѣ, «что я ротъ-то разиня сижу здѣсь».

Глаза его по привычѣ обратились къ амбарахъ, къ кладовымъ, гдѣ сустилась масса рабочихъ, сваливая какіе-то грузы съ воевъ и перетаскивая ихъ въ амбаръ. Семенъ Игнатьевичъ хотѣлъ-было подняться на ноги, крикнуть туда внизъ, спрашивая, какой это грузъ сваливаютъ; но ему не слушать ноги — «ходу нѣтъ», какъ говоритъ онъ самъ, да и голосъ слабъ не только для крика, но и для обыкновеннаго разговора. Хотѣлъ бы онъ спросить кого-нибудь изъ своихъ служащихъ, да по-близости никого нѣтъ.

Онъ сдѣлалъ слабый поворотъ головой къ дверямъ балкона, гдѣ стояла, прислонившись къ дверному косяку, какая-то старушка и безучастно смотрѣла въ даль, причемъ, замѣчая то или другое движеніе Семена Игнатьевича, она каждый разъ пугливо оправлялась отъ своей задумчивости. Теперь она снова замѣтила его движеніе и поспѣшно подошла къ нему съ вопросомъ:

— Не нужно-ли вамъ что-нибудь?

— Пошлите узнать, вонъ, тамъ, видите... въ амбарахъ, — слабо проговорилъ онъ — и замолкъ.

Старушка подождала продолженіе его словъ и переспросила.

— Такъ что же узнать?

Онъ вмѣсто отвѣта отмахнулся отъ нея рукой и сухо проговорилъ:

— Не нужно. Я вспомнилъ...

Старушка молча отошла къ дверямъ балкона и опять стала смотрѣть безучастно въ даль.

Семенъ Игнатьевичъ закрылъ глаза.

Спустя нѣкоторое время его перенесли съ балкона въ кабинетъ: усталъ, говорить, сидѣть. Но, несмотря на видимое физическое безсиліе, голова его по-прежнему неустанно работаетъ. Широкий лобъ то морщится, то разглаживаются его морщины и въ глазахъ, теперь потускнѣвшихъ, снова появляются тѣ искры блеска, которыя такъ знакомы всѣмъ помнящимъ Семена Игнатьевича въ его здоровомъ состояніи. Порою онъ стонетъ, говорить жалобнымъ голосомъ, но эти стоны и жалобы не останавливаютъ его думъ, перебѣгающихъ отъ Малиновска въ Петербургъ, въ Рыбинскъ и во многіе другіе города и мѣстечки русскаго царства, но только не въ Крымъ и не къ его виноградникамъ.

— Время-то, время-то какое горячее, совсѣмъ бы не до хвори теперь, надо бы и туда и сюда смахать и на-счетъ женитьбы сына потгорячѣ приложить стараніе, а замѣсто того — вотъ тебѣ кроватка одна. «Дѣла мои, — не разъ говаривалъ онъ, —

все равно, что большущая машина, умѣнье надо ей править, то-есть—чтобы, значить, съ толкомъ. Запусти въ одномъ мѣстѣ, не подмажь во-время колеса — затрепещетъ вся машина, только осколки полетятъ во всѣ стороны».

Въ такомъ видѣ представлялъ себѣ Семенъ Игнатьевичъ положеніе своихъ дѣлъ. Онъ русскій человекъ и, выражая свои мысли, любить подкрѣплять ихъ сравненіями, сразу опредѣляющими значеніе предмета.

— Ошарашило! — бормочетъ онъ теперь о своемъ безсиліи, голова кругомъ идетъ, точно меня кто съ колокольни брякнулъ.

II.

Несмотря на то, что у Семена Игнатьевича своихъ дѣлъ довольно, онъ успѣваетъ и обществу служить. Онъ директоръ малиновскаго общественнаго банка и собственныхъ векселей его теперь въ этомъ банкѣ, какъ говорится, непочатый уголъ. Приходятъ сроки векселямъ, переписываются они на другую бумагу, въ книгахъ обозначается уплата и на новыхъ векселяхъ пишутся новые сроки — и дѣло чисто, и Семену Игнатьевичу спокойно.

Правда, поругиваютъ его подъ рукой мѣстные мелкопромышленники, жалуются, что онъ ссуды совсѣмъ имъ не даетъ, но это Семена Игнатьевича не очень беспокоитъ. Приходятъ, напримеръ, въ нему въ банкъ мелкопромышленники просить ссуды, онъ ласково встрѣчаетъ ихъ и въ отвѣтъ на подаваемые ими прошенія о выдѣлѣ ссуды отечески поучаетъ:

— Ссуда, — говорятъ имъ Семенъ Игнатьевичъ, — дѣло тонкое, она, что твоя красная дѣвица, заманчива и притягиваетъ къ себѣ малодушнаго человѣка. Берегитесь, братцы вы мои, ссуды, берегитесь: теперь у васъ, какъ вотъ видно и изъ документовъ вашихъ, есть и домишки, и то и другое, а вѣдь въ срокъ не заплатите ссуды, все это ваше трудовое добро съ молотка пойдетъ ни за копейку.

Слушаютъ мелкопромышленники и молчатъ, понуривъ головы, пока Семенъ Игнатьевичъ убѣждаетъ ихъ своимъ краснорѣчіемъ. Кончить онъ увѣрять, начнетъ перебирать свои директорскія бумаги, массами всегда наваленныя на столѣ «для болѣшей внушительности», и поглядываетъ испоса на переминяющихся съ ноги на ногу искателей мелкаго кредита, ожидая ихъ выхода изъ банка; но они продолжаютъ переминаться и не идутъ, пере-

шептываются между собой односложными словами и, наконецъ, кто-нибудь болѣе смѣлый «буркнетъ»:

— Ужъ вы, Семенъ Игнатьевичъ, удостойте, соблаговолите разрѣшить, большая есть надобность... Залоги наши, какъ изволите видѣть, очень благонадежны, домищемъ все же какіе ни на есть, а застрахованныя и оцѣнка вотъ городомъ же самимъ и произведена... Соблаговолите ссуду...

— Вѣдь я ужъ вамъ, братцы вы мои, сказать, развѣ вы не поняли...

— Мы очень чудесно все поняли, да вотъ только на-счетъ ссуды-то, соблаговолите, помилосердуйте...

— Дома наши залогомъ служатъ... и вотъ теперь оцѣнка сдѣлана и страховка, все въ настоящемъ порядкѣ и въ лучшемъ видѣ...

Просители кланяются, мнутъ въ своихъ жилистыхъ, загорѣлыхъ и замозоленныхъ рукахъ шапки и ждутъ отъ директора милости, точно просить у него «ради Христа».

Семенъ Игнатьевичъ косится, то на того, то на другого изъ просителей, хмурить свои густыя сѣдыя брови и погружается въ разсмотрѣніе бумагъ, коротко и сухо промолвитъ:

— Ну, хорошо, я разсмотрю. Приходите на-дняхъ...

— Да ужъ и то ходимъ, отецъ, другу недѣлю... Удостойте...

— Нельзя же братцы вы мои, такъ вотъ вдругъ и раскрыть ящикъ; знаете, деньги общественныя. Вамъ извѣстно, помните, главный жертвователь, положившій двѣсти-то тысячъ на вѣчныя времена въ этотъ банкъ, завѣщаль при смерти, помните, читывалъ здѣсь же на общемъ собраніи, читывалъ вѣдь не разъ...

— Помнимъ, какъ же-съ... Вамъ, Семенъ Игнатьевичъ, обязаны и тѣмъ, что онъ вкладъ сдѣлалъ въ нашъ банкъ... На этомъ всегда благодарны...

Искатели мелкаго кредита кланяются, убогаторворяютъ Семена Игнатьевича, и хотя очень хорошо знаютъ, что умершій жертвователь двухъ-сотъ тысячъ, жертвуя ихъ банку, настаивалъ, чтобы ссуды были выдаваемы всего болѣе «мелкими суммами»; но, зная объ этомъ, они молчатъ, они люди опытные, понимаютъ, что такое замѣчаніе раздражитъ Семена Игнатьевича и напираютъ всего болѣе на восхваленіе его добродѣтелей.

Такъ добиваются они ссуды и иной разъ успѣшно, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда въ дѣлахъ самого Семена Игнатьевича нѣтъ большой надобности въ деньгахъ.

III.

Семень Игнатьевичъ человѣкъ дѣятельный. Бывало, въ здоровомъ состояніи утро его подниметь съ постели въ то время, когда еще полъ-города спитъ въ глубокомъ снѣ, пьетъ онъ на-скоро чай, въ какіе-нибудь десять минутъ опростааетъ стакановъ пять, шесть чаю и — улетѣлъ изъ дому. Куда? Никто не знаетъ. Гдѣ былъ Семень Игнатьевичъ? — спрашиваютъ потомъ кучера.

— Гдѣ былъ! — недовольнымъ голосомъ отвѣчаютъ кучеры: — были въ разныхъ мѣстахъ: мнѣ еще понало въ шеню — долго, говорятъ, запрагалъ лошадей, спишь, говорятъ, на козлахъ, не бравомъ сидишь... Пойди, угоди ему!

— Но все же, куда ѣздилъ?

— Ёздилъ много: въ шестомъ часу погнали, а вотъ ужъ къ полудню дѣло идетъ, все гоняли. На заводѣ были, на пристани были, а опосля того въ сосѣдную деревню къ попу ѣздили — тамъ чай пили; ну, а потомъ и пошли кружить съ девятаго-то часу по городу, изъ одного конца въ другой... Ишь, вонъ лошадей-то какая, вся въ мылѣ...

Такъ иногда, покруживъ полъ-дня, Семень Игнатьевичъ другую половину дня сидитъ въ кабинетѣ и никто его не видитъ; что онъ тамъ дѣлаетъ — для всѣхъ тайна. Столъ заваленъ бумагами и погруженъ въ нихъ Семень Игнатьевичъ. Перечитываетъ онъ письма да телеграммы, съ непонятными нивому извѣстіями о какихъ-то шкурахъ да мѣхахъ, да орѣхахъ, о которыхъ въ его торговыхъ книгахъ никогда никакого помину нѣтъ. Оказывается, что подъ этими вымышленными названіями подразумеваются названія другихъ товаровъ, о какихъ знаетъ только самъ Семень Игнатьевичъ. Такъ пробудетъ онъ въ строгомъ уединеніи нѣсколько часовъ, сдѣлаетъ на письмахъ пометки и разъясненія для конторы и ушлетъ ихъ потомъ главному конторщику. Глядишь, опять вскочилъ съ кресла, облекся въ одну минуту въ черную суконную пару, шляпу надвинулъ на свой широкій лобъ, перчатки натянулъ на могучія, хотя и сильно уже морщинистыя руки и полетѣлъ на сѣромъ рысакѣ, рыская по городу вдоль и поперекъ. Прошелъ день, другой — у него обѣдъ, угощаетъ онъ всѣхъ на-славу, наговариваетъ гостямъ любезности и въ кабинетъ уже успѣлъ нужныхъ людей отвести. Для этого момента, можетъ быть, и самый вечеръ устраивался. И въ то время, когда гости отплясывали подъ звуки музыки, молчаливый конторщикъ уже обдѣлывалъ въ кабинетѣ разные переводы, отсрочки, перезалоги.

И въ такіе трудные дни, устроивъ, наконецъ, съ грѣхомъ пополамъ, свои денежные дѣла и отходя съ болѣе или менѣе спокойнымъ духомъ во сну, вспоминаетъ иногда Семенъ Игнатьевичъ тѣ свои молодые годы, когда онъ былъ свободенъ отъ долговъ и всякихъ общественныхъ и другихъ связей. Видитъ онъ себя молодымъ человекомъ, съ маленькой черноватой бородкой, въ длиннополомъ сюртукѣ съ ухватками лихача-кудрявича, и руки въ боки, и ногами козыряетъ и рукава поддергиваетъ, чтобы, значить, пальцамъ было свободнѣе. Какъ легко на душѣ-то было, — думаетъ онъ: — нѣтъ тебѣ заботъ о долгахъ или о томъ, о другомъ, что теперь давя давить, нѣтъ тебѣ тревоги, какъ жить, какъ выбиваться изъ хомута, въ который залѣзъ, да вѣдь залѣзъ-то какъ — и самъ не замѣтилъ, вѣдь исподволь, помаленьку, не торопясь... Именно, кому какая судьба: а все жадность наша, хорошо было, нѣтъ — надо лучше. Есть выгоды, — нѣтъ, надо больше. А тамъ и пошло и пошло... У того домъ хорошъ — мнѣ такой же надо, у того архіерей въ гостяхъ бываетъ — и мнѣ тоже надо. Зачѣмъ? спросить — и не отвѣтишь; тѣмъ, одна амбиція... Хорошо еще, когда все ладится да клеится, а какъ вотъ все неудачи: тамъ сорвется да тутъ обломится, а платежи не ждутъ, они знаютъ этого не хотятъ, — и томится душа-то, какъ у чорта въ лапахъ. Оно, конечно, положеніе мое видное, да какой цѣной оно покупается... Ахъ, еслибъ знать да вѣдать объ этомъ прежде, никогда-бъ и никто бы меня не заманилъ. Жилъ себѣ тихо, смирно, какое дѣло, что у товарища господинъ губернаторъ въ домѣ бываетъ: что мнѣ въ этомъ пріятности, канитель одна, да хлопоты!.. А вѣдь какъ тогда въ тѣ молодые годы все это было заманчиво! Да времена-то нынче какія стали, силушки нѣтъ! Покойный родитель торговалъ всего не десять тысячъ ассигнаціями, а какой почетъ имѣлъ вотъ здѣсь же, въ этомъ же нашемъ Малиновскѣ... Не было ни этихъ пароходовъ, ни желѣзныхъ дорогъ, а тѣмъ паче распрокинутыхъ банковъ, которые теперь нашего брата давя давать. Торговалъ тогда каждый, смотря по своимъ средствамъ, и почетъ имѣлъ настоящій. Теперь вотъ что понадѣлалъ: фонари, да панели, а жить стали хуже. Да и нашъ братъ тоже другой человекъ сталъ. Нынче на медали-то, ежели кто посособразительнѣе, и глазомъ не моргнетъ, всякій норовитъ орденъ, да не въ петлицу, а чтобы на шею... а не то и прямо въ генералы. А развѣ такъ бывало прежде? Бывало медальку-то золотую во-снѣ увидишь — недѣли три благодать себѣ чувствуешь. При этой мысли воскресаетъ въ памяти Семена Игнатьевича то счастливое время, когда онъ впервые

получилъ золотую медаль. Какъ онъ былъ тогда доволенъ, какой торжественный обѣдъ справилъ по этому случаю, какъ всѣ гости поздравляли его и каждый троекратно облобызавъ, желая ему паки получить такую же, и самъ онъ плакалъ отъ умиленія. Вспомнилъ Семень Игнатьевичъ затѣмъ свою Анну въ петлицѣ, потомъ Станислава на шеѣ и сравнилъ впечатлѣніе восторга отъ нихъ съ тѣмъ радостнымъ чувствомъ, какое когда-то принесла ему золотая медаль.

«Да, времена не тѣ, — думалъ онъ: — не тотъ размѣръ, шире все стало: масштабъ другой, пространнѣе, а жить стало труднѣе!»..

Такъ думалъ онъ, засыпая послѣ труднаго дня, а на завтра утромъ, довольный удачнымъ исходомъ затрудненій, опять хлопоталъ по-прежнему, полный силъ, надеждъ и дѣятельности.

IV.

Семень Игнатьевичъ любитъ жить на широкую ногу, про него всѣ говорятъ въ одинъ голосъ, что онъ умѣетъ жить, а почетомъ пользуется не напрасно: угощаетъ онъ самыми тонкими блюдами и лучшими винами. Лучше другихъ знаютъ достоинства его обѣда тѣ, въ комъ онъ имѣетъ или имѣлъ когда бы то ни было нужду. Знаютъ они еще болѣе того, что появляется на обильномъ и вкусномъ столѣ Семена Игнатьевича; они не разъ имѣли случай выигрывать съ него въ карты значительныя суммы денегъ, садясь «провести время» послѣ вкуснаго обѣда. Ихъ счастливые выигрыши, казалось, бывшіе всегда случайностью, постоянно въ то же время имѣли связь съ выгодами Семена Игнатьевича по его различнымъ дѣламъ.

— Подлецы, тоже взятокъ не берутъ, а вотъ въ карты имъ проигрывай тысячи по двѣ, по три — про всякую честь забудутъ и продадутъ хоть мать родную... — такъ отзывается о своихъ гостяхъ Семень Игнатьевичъ.

Въ видѣ этихъ гостей появлялись въ его домѣ время отъ времени разныя лица, и толстоносые, съ большими животами и одутловатыми фizioноміями, выпячивавшіе свои груди съ разными регалиями, и тонконогіе въ новомодныхъ фракахъ — съ учеными знаками въ петлицахъ и съ золотыми очками на носкахъ, выложенные и отполированные франты, у которыхъ въ головахъ ловко совмѣщаются и статьи законовъ и рѣшенія кассационнаго департамента и игра въ шпось, и разнообразныхъ видовъ и формъ петербургскія кокетки. Какъ тѣ, такъ и другіе одинаково

искусно вели свои сношенія съ Семеномъ Игнатьевичемъ, одинаково тонко держали себя до тѣхъ поръ, пока не набавивались виномъ и не превращались въ обыкновенныхъ пьяныхъ людей. Иногда ихъ веселый кутежъ на чужой счетъ затягивался такъ долго, что Семенъ Игнатьевичъ, любезничая съ ними вслухъ, мысленно посылалъ ихъ, какъ говорится, ко всѣмъ чертамъ, и только тогда вздыхалъ полной грудью, когда удавалось, наконецъ, ихъ выпроводить изъ дому.

— Ну, что, Семенъ Игнатьевичъ, устроили?.. — шопотомъ спрашивалъ потомъ безмолвный конторщикъ, появляясь какинъ-то таинственнымъ привидѣніемъ у письменнаго стола Семена Игнатьевича, тотчасъ послѣ того, какъ сытые и выпившіе и набившіе себѣ туго карманы деньгами чиновные гости выходили изъ дому, пошатываясь и мурмыкая «Стрѣлка».

— Устроилъ, — сердито отвѣчаетъ Семенъ Игнатьевичъ, — недовольный собственно не тѣмъ, что таинственный посѣтитель появился неожиданно въ его кабинетъ (это бывало часто и въ немъ онъ имѣлъ лучшаго исполнителя своихъ предначертаній), а тѣмъ недовольный, что гости долго его томили, играя въ честность.

— Самое главное теперь, Спиридонъ Ѳеодоровичъ, въ томъ, — шепчетъ Семенъ Игнатьевичъ, чтобы завтра же состоялся и журналъ въ общемъ присутствіи и чтобы постановленіе было приведено въ исполненіе... Пошлите тотчасъ же утромъ туда, ассигнуйте еще на этихъ мелкотравчатыхъ... Ну, тамъ знаете сколько... По характеру каждого...

Молчаливый Спиридонъ Ѳеодоровичъ только головой киваетъ въ знакъ утвержденія того, что очень хорошо понимаетъ всѣ предначертанія Семена Игнатьевича.

Семенъ Игнатьевичъ самъ притворяетъ дверь изъ кабинета, намѣреваясь уже отойти ко сну и отдохнуть послѣ окончанія такого труднаго дѣла, какое ему пришлось въ продолженіи цѣлаго дня и вечера устроить; но пріотворивъ двери въ залъ, онъ видитъ, что въ прихожей еще горитъ огонь и съ нараждающею ясностію слышитъ какой-то странный говоръ.

— Что это тамъ? — удивленно спрашиваетъ онъ, входя въ прихожую.

Слуга сдержанно улыбается и говоритъ:

— Гостей никакъ не можемъ проводить: сѣли на ступеняхъ лѣстницы и что-то разговариваютъ.

Семенъ Игнатьевичъ махнулъ рукой и шопотомъ сказалъ Спиридону Ѳеодоровичу, какія нужно принять мѣры, а самъ осторожными шагами скрылся въ себѣ въ кабинетъ. Гости между

тѣмъ расположились на коврахъ лѣстницы и бормочутъ. Кто восхваляетъ хозяина, кто самъ себя, кто мурлычетъ «нашъ стрѣлокъ», «нашъ стрѣлокъ», а слуги хозяйскіе ждутъ да ждутъ.

Спиридонъ Федоровичъ спускается внизъ по лѣстницѣ, одѣтый въ пальто и съ фуражкой на головѣ, и съ-разу оживляетъ всю компанію, уже соскучившуюся восхваленіями добродѣтели хозяина и бормотаньемъ «Стрѣлка».

— А, а! Иродъ! правитель дѣлъ, — провозгласилъ кто-то, увидя Спиридона Федоровича: — гдѣ хозяинъ? гдѣ Симеонъ-мелодотчивый уста?

Оказалось, по словамъ ловкаго конторщика, что хозяинъ лежитъ «безъ заднихъ ногъ», что сынъ давнымъ-давно куда-то уѣхалъ и что самое лучшее теперь выпить. Однако же, несмотря на нѣкоторое оживленіе, внесенное въ общество гостей, засѣдающихъ на коврахъ лѣстницы, появленіемъ конторщика, гости эти смутно понимаютъ, что такое онъ имъ рассказываетъ. Они оживляются только при послѣднемъ его словѣ «надо выпить», съ-разу уяснивъ себѣ его понятный смыслъ.

— Выпить, выпить... Это невредно... это... освѣжаетъ... — повторяютъ они одинъ за другимъ, и только кто-то изъ нихъ, должно быть ужъ очень навязчивый, не перестаетъ лѣзть къ самому носу конторщика, неотвязно прося объясненія.

— Нѣтъ, ты мнѣ скажи, что такое «безъ заднихъ ногъ».

Однако кое-какъ его успокоили и вся компанія перебралась съ парадной лѣстницы во флигель, гдѣ помѣщалась контора, — и тамъ долго еще слышался «Стрѣлокъ» и восхваленіе добродѣтели хозяина, и тутъ же вмѣстѣ такіе отзывы, что онъ подлець.

Семенъ Игнатьевичъ, между тѣмъ, утомленный гостями, долго не можетъ заснуть и думаетъ.

— Вѣдь вотъ выгодныя дѣла наклеиваются, вѣдь всѣ завидуютъ, что онъ въ мои руки попадаетъ, а сведешь счетъ въ концѣ — никакого остатка, все по рукамъ расходится: тому сунь, тутъ обѣдъ задай, тамъ въ карты проиграй... Имъ что, схватили свои тысячи, навзлѣлись шампанскимъ, только ихъ и видѣлъ, а тамъ возись какъ знаешь... А безъ нихъ нельзя, всѣ подряды уцлѣвуть изъ рукъ... Этакое проклятое племя, и какъ по долгу живутъ! Вотъ на кого мои доходы-то тратятся.

Но такъ безцеремонно отзываясь о своихъ недавнихъ собутыльникахъ, съ которыми Семенъ Игнатьевичъ обдѣлывалъ свои дѣла, браничалъ, цѣловался, и смотря по надобности, даже плясалъ русскую, — онъ думалъ, что по-крайней-мѣрѣ за его

обѣды и тысячныя взятки они не говорятъ о немъ дурного. А они между тѣмъ злословили его не только теперь, въ пьяномъ видѣ, но и потомъ, тотчасъ послѣ того, какъ деньги уплывали изъ ихъ тонкихъ кармановъ.

— Мошенникъ онъ, мало мы съ него взяли-то, вѣдь все равно поставлять въ казну матеріалъ будетъ не доброкачественный. Лучше бы драгъ съ него больше. И на винѣ пропалъ мало. Нужно бы еще дюжины двѣ шампанскаго... Ораторъ! Тосты тоже произносить! Говорить красно, что твоя книга, только нѣтъ-нѣтъ да и ляпнешь: «теперича, ежели, въ примѣру».... Мужикъ во фрагѣ!

Въ такихъ отзывкахъ было кое-что и справедливое, но во всякомъ случаѣ не все, а главное — такіе отзывы, исходя отъ подобныхъ господъ, теряли свое значеніе.

— Кю Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ! говорить и самъ Семенъ Игнатьевичъ и не считаетъ себя образцомъ честности; но вѣдь я, говоритъ онъ, по крайней мѣрѣ тягости заботь несу, я мучусь, терзаюсь въ хлопотахъ. Подвергаюсь риску... А они? Хапнуть, да и отошли въ сторону... Да если ихъ, думать онъ, поставить на мое мѣсто, то они не только гниль негодную будутъ сдавать въ казну, они даже вовсе ничего не сдадутъ, а совершатъ либо подлогъ, либо пожаръ, чтобы скрыть свое мошенничество.

Но и Семену Игнатьевичу, какъ человѣку, привосновенному къ дѣлу, нельзя давать вѣры во всѣхъ его словахъ. Однако же изъ его словъ и отношеній къ подобнымъ господамъ видно, какими путями приходилось ему иной разъ устраивать дѣла. Опытные торговые дѣльцы не считали его за большого богача. Можетъ быть, есть, говаривали они, у Семена Игнатьевича такъ сотня-другая тысячекъ, да и тѣ, чай, всѣ въ разбродѣ, а свободныхъ не должно полагать, а впрочемъ, заключали они, его его знаетъ: въ чужомъ, молъ, карманѣ трудно считать.

Въ городѣ Машиновскѣ, только одинъ купецъ, Кузьма Ильичъ Полозовъ, недовѣрчиво относился къ богатству Семена Игнатьевича, да и то больше потому, что не любилъ его за дворянскій образъ жизни. «Широко Семенъ живетъ, всѣ барыши протранжириваетъ», ворчалъ онъ иногда, сидя на лавочкѣ у воротъ своего дома; но слушающихъ его ворчанье было немного, да и тѣ относились къ нему недовѣрчиво: ворчить, молъ, старикъ, либо отъ старости, либо отъ жиру. Кузьма Ильичъ былъ дѣйствительно волоссалыхъ размѣровъ, и въ жаркій лѣтній день ему невозможно было не ворчать на своего сосѣда, — хотя-бы сосѣдъ

этотъ вѣлъ самую умѣренную жизнь: жара душила его. Семенъ Игнатьевичъ тоже ворчалъ на Кузьму Ильича, но не по причинѣ жаровъ или недовольства за его образъ жизни, а по другимъ, болѣе уважительнымъ поводамъ. Спалъ-ли спокойно Кузьма Ильичъ въ тѣ дни, когда поругивалъ его Семенъ Игнатьевичъ, — неизвѣстно, но что брани на него сыпалось много — это фактъ, неподлежащій никакому сомнѣнію, а чѣмъ затрудненія въ дѣлахъ Семена Игнатьевича были сложнѣе и многочисленнѣе, тѣмъ сильнѣе сыпалась брань на сосѣда Кузьму Ильича.

Досадовалъ онъ на него, досадуетъ и теперь и едва-ли не всегда будетъ досадовать, потому что разница въ ихъ состояніяхъ огромная: Кузьма Ильичъ накопилъ милліона три рублей чистыми деньгами — и легъ на печь, ходи кто хочеть, проси — не выпросишь, а Семенъ Игнатьевичъ видѣлъ такіе милліоны развѣ только во снѣ. Часто ворчать онъ, вспоминая состояніе сосѣда и даже ставить ему въ вину ревность его въ храму Божию, которую Кузьма Ильичъ поставляетъ себѣ за великую честь и гордится ею.

— Съ деньгами-то, — говоритъ Семенъ Игнатьевичъ, — конечно, о чемъ-же больше думать, какъ не о Богѣ, знай молись, да молись. Но вѣдь это что же за жизнь: ни себѣ, ни людямъ... Неужели только съ деньгами лежать — и все счастье въ этомъ?

Семену Игнатьевичу не завидно смотрѣть, какъ бухаетъ свои земные поклонны въ монастырской церкви его сосѣдъ, и какъ пыхтитъ при этомъ на всю церковь, а то обидно, что Кузьма Ильичъ не знаетъ тѣхъ мученій, какія по временамъ испытываетъ Семенъ Игнатьевичъ.

— Накопилъ деньжищъ и пыхтитъ теперь на нихъ лежа. Разнесло! — ворчать онъ на сосѣда.

Случается, сосѣдъ садеть иной разъ на скамеечкѣ у воротъ, и именно въ то самое время, когда Семенъ Игнатьевичъ на балконѣ.

Складываетъ онъ на широкомъ животѣ своемъ жирныя руки, приподнимаетъ свою массивную голову по направленію къ балкону и баситъ своимъ хриплымъ голосомъ:

— Семенъ Игнатьевичъ, кого это ты такъ жарини?

Спохватится Семенъ Игнатьевичъ, замѣтивъ неожиданное появленіе сосѣда и снѣшнѣ поправить свою оплошность.

— Это я пса ругаю... который у тебя по ночамъ на блокъ бѣгаетъ...

— Чѣмъ онъ тебѣ помѣшалъ?*

— Золъ больно, спать не даетъ.

— Песъ лють, это ты точно, лють несъ.

— Ожирѣлъ, дьяволъ, заплылъ! — продолжаетъ Семенъ Игнатьевичъ, мысленно обращая свои ругательства на самого Кузьму Ильича.

Кузьма Ильичъ даже доволенъ, посмѣивается себѣ въ бороду. Ладно, молъ, я съ этимъ псомъ сповойно сплю, а до тебя мнѣ дѣла нѣтъ.

— Колода деревянная, — не унимается Семенъ Игнатьевичъ. — Сало.

— Ну, что ты, что ты, Семенъ Игнатьевичъ, какое у него сало? Ежели до сала кормить — онъ и лаять перестанетъ.

— Ну, и чортъ съ нимъ. Стоять о пѣй говорить. — И уходить Семенъ Игнатьевичъ съ балкона, занятый своими денежными затрудненіями.

А Кузьма Ильичъ между тѣмъ думалъ о Семенѣ Игнатьевичѣ и о самомъ себѣ совсѣмъ иначе, чѣмъ онъ. Кузьма Ильичъ сравнивалъ жизнь Семена Игнатьевича съ жизнью евангельскаго богача, причемъ себя самого представлялъ бѣднымъ Лазаремъ, забывая о томъ, что не только егѣ миллионы, но и самыя формы его тѣла, по своимъ колоссальнымъ размѣрамъ, мѣшали этому сравненію. Такимъ образомъ, Лазарь въ лицѣ толстаго Кузьмы Ильича являлся лишь смѣшною карикатурою на того Лазаря, котораго онъ желалъ собою изображать, сравнивая свой образъ жизни съ жизнью Семена Игнатьевича. Но, несмотря на явную карикатурность сравненія, Кузьма Ильичъ и не думалъ считать это сравненіе смѣшнымъ; напротивъ, съ совершенною искренностію онъ рассказывалъ своимъ слушателямъ, болѣею частію сборщикамъ «благостыни» и странникамъ, евангельскую притчу о богатомъ и Лазарѣ и даже плакалъ, утирая слезы своими массивными кулаками.

— Жилъ нѣкій богачъ, одѣвался въ порфиру и виссонъ, и веселился по вся дни свѣтло», — громко провозглашалъ онъ своимъ хриплымъ голосомъ, тѣкая въ то же время огромныхъ размѣровъ указательнымъ пальцемъ по направленію въ дому сосѣда.

Исхватели «благостыни» охали и вздыхали при этомъ и косили свои глаза тоже по тому направленію, которое указывалъ перстъ Кузьмы Ильича. Но они не забывали поглядывать и на чайныя чашки, ожидая, пока молчаливая и въ крайней степени упрямая старушка, сестра Кузьмы Ильича, ихъ снова, — можетъ быть уже въ десятый разъ, — наполнить чаемъ.

— «Бысть же нѣкій бѣдный, именемъ Лазарь», — продолжалъ Кузьма Ильичъ, переходя въ плачевный тонъ; но вдругъ, пре-

рывая свое повѣствованіе, онъ поспѣшно и уже совершенно другимъ, дѣловымъ тономъ, замѣчалъ старушкѣ сестрѣ: «Налей имъ, Степанида Юрьевна, еще по чашкѣ».

Искатели «благостыни» отвѣщивали низкіе поклоны предъ массивной фигурой Кузьмы Ильича, а онъ опять поучалъ ихъ благочестію, поднималъ вверхъ свои едва-едва видимые изъ-за оплывшихъ щекъ и вѣкъ маленькіе глазки, напоминавшіе глаза мыши, и вздыхалъ о грѣхахъ, что не мѣшало ему, впрочемъ, прерывать свою духовную бесѣду короткимъ и торопливымъ замѣчаніемъ:

— Степанида Юрьевна, наливай еще...

Но отъ этой, такъ-сказать, прозы жизни онъ снова переходилъ къ духовной бесѣдѣ, и самая рѣчь его принимала незамѣтно возвышенный тонъ.

— Я живу тихо, мирно... А у него тамъ свѣтъ и ликованіе и шумные звуки трубъ всѣхъ свѣскихъ, а у меня лампадки горятъ и жду я въ тихомъ снѣ благовѣсть къ заутрени... И будетъ онъ просить,—продолжалъ Кузьма Ильичъ, опять тыкая пальцемъ на домъ сосѣда,—пошли, Господи, Лазаря, да омочить конѣцъ перста своего въ водѣ и устудить языкъ мой, ибо я мучусь въ пламени семъ...

Слушатели вздыхаютъ, отираютъ свои потные лбы и никто изъ нихъ не смѣетъ возразить Кузьмѣ Ильичу, что все имъ разсказанное о мукахъ богача должно быть обращено именно къ нему самому, а не къ сосѣду и не къ нимъ, полуголоднымъ нищимъ, поставленнымъ роковою силою житейскихъ невзгодъ въ печальную необходимость слушать его бесѣды. Именно въ силу этихъ печальныхъ обстоятельствъ они и вздыхали, силясь изображать душевное сокрушеніе о грѣхахъ... Вздыхалъ и Кузьма Ильичъ и вздохи его, по огромности поглощаемого имъ воздуха, заглушали всѣ вздохи гостей, въ особенности когда онъ послѣ такого вздоха совсѣмъ уже неожиданно провозглашалъ:—протранжирить все; потому—зря живешь, расходы велики...

Такъ евангельская притча вдругъ получала новое заключеніе и нивелировалась на степень простого коммерческаго разсчета.

— Лишился онъ разума совсѣмъ,—говорилъ о Кузьмѣ Ильичѣ Семенъ Игнатьевичъ,—только не знаю отъ чего, отъ денегъ ли, отъ сидячей ли жизни, но только несомнѣнно, что разума лишился. Нѣтъ, его бы на мое мѣсто поставить—забылъ бы притчу о Лазарѣ, не сталъ бы благочестивыя бесѣды разводить въ то время, когда по книгѣ долги оказываются векселя, требующіе немедленной уплаты...

V.

Тихо въ обширномъ кабинетѣ Семена Игнатьевича, одиноко стоитъ у письменнаго стола кресло съ высокой спинкой, на которомъ въ дни здоровья по нѣскольку часовъ въ сутки сидѣлъ Семенъ Игнатьевичъ.

Теперь на бархатномъ креслѣ около его кровати дежурять поочередно то сидѣлка, старушка изъ монастыря, то дочь Семена Игнатьевича Маша, то дальняя родственница его, живущая въ домѣ въ качествѣ экономки, всѣми именуемая тетушкой и всѣми ненавидимая за свой злой нравъ.

Въ настоящее время Семенъ Игнатьевичъ чувствуетъ себя лучше и велѣлъ поднять на окнахъ шторы, бывшія спущенными уже нѣсколько недѣль.

— Папенька, — возразила Маша, — хорошо ли это будетъ, не повредить ли вамъ свѣтъ...

— Не повредить, Маша, отерывай знай.

— Какъ угодно, — сухо говоритъ Маша, и идетъ отерывать шторы и занавѣсы. Въ комнату врывается яркій свѣтъ солнца, идущаго къ заводу, темнозеленая матерія портьеръ вдругъ разгорается яркимъ свѣтомъ, на стѣнахъ точно выступили изъ ихъ глубины и выдвинулись на поверхность портреты въ золоченыхъ рамахъ — на одномъ самъ Семенъ Игнатьевичъ, а на другомъ полная краснощекая барыня, въ чепчикѣ съ широчайшими лентами, — супруга Семена Игнатьевича, давно уже покоящаяся сномъ праведныхъ.

Семенъ Игнатьевичъ доволенъ свѣтомъ солнца, такъ хорошо отразившагося въ его комнатѣ, и по его исхудалому лицу пробѣгаетъ счастливая улыбка.

— Видишь, Маша, какъ хорошо, — расчудесное дѣло — а то вдругъ, говоришь, повредить...

— Докторъ говоритъ такъ, — сухо отвѣчаетъ дочь и молча садится на кресло около кровати.

— Докторъ, докторъ! Чего они, эти самые доктора, знаютъ: деньги за визиты — только. Эту науку они очень хорошо знаютъ.

Семенъ Игнатьевичъ уже успѣлъ забыть, какимъ молитвеннымъ тономъ просилъ докторовъ о помощи, какъ хвалилъ ихъ усердіе и знаніе, когда ему впервые стало легче; а теперь уже все это улетѣло изъ его воспоминанія. Но Маша не забыла этого, и давно холодная къ отцу, по причинамъ, ей лишь одной извѣст-

нимъ, она теперь еще болѣе чувствуетъ къ нему отчужденности и за то, что онъ такъ скоро измѣнилъ свое мнѣніе о докторѣхъ.

— У васъ, папенька, память нѣсколько ослабѣла, — сухо замѣтила она.

— Ну, ну, поменьше, Маша, говори, поменьше говори: у кого изъ насъ память короче—я знаю безъ тебя.

Онъ и самъ не особенно близокъ къ дочери: женское это сословіе—народъ непостоянный; пой ихъ, корми, да еще и мужа имъ найди, и приданое дай. Такъ отзывается онъ и смотреть на дочь почти безучастно.

«Оно, конечно, бываетъ удача и съ дочерями,—думаетъ онъ, взглядывая по временамъ на Машу:—иной разъ выгораетъ чудесный случай—присвадается такой женихъ, что и цѣны ему опредѣлить нельзя, либо богатъ несмѣтный, либо вліятельный въ Питерѣ, а это подь-часъ дороже и богатства... Да вѣдь за мою Машу такой не посвадается: она не то что бы «рыломъ не вышла», ничего себѣ, на покойницу свою мать похожа, да нравъ худой, нравъ материнъ, груба, ласки нѣтъ, на слова скупа, какова была и покойница мать. Ну, да мать все же лучше дочери была».

Онъ уныло взглядываетъ изъ-за своихъ подушекъ на Машу, потомъ холодно отводитъ отъ нея глаза, но ненадолго: замѣтно, что многосложные проекты, касающіеся его торговыхъ дѣлъ, не захватили окончательно его думъ, оказалось въ нихъ мѣсто и думамъ о дочери. Снова его взглядъ останавливается на ея сосредоточенномъ лицѣ и онъ не то съ упрекомъ, не то съ сожалѣніемъ говорить:

— Вотъ, Маша, не захотѣла тогда выдти замужъ. А женихъ былъ хорошій, надежный. Прожила бы жизнь и въ богатствѣ, и въ почетѣ.

Маша вопросительно на него взглядываетъ, точно удивляется, съ чего это онъ опять заговорилъ объ этомъ.

— И чудесно бы прожила,—повторяетъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Богъ съ нимъ, онъ мнѣ не нравился.

— Такъ-то такъ... Оно, конечно, не неволить же... А вотъ теперь я хвораю... Упаси Богъ, помру—что тогда?

Маша опять вопросительно взглядываетъ на него и тихо отвѣчаетъ:

— Богъ дастъ, поправитесь.

— Да, да, дай Богъ, дай Богъ!.. Дай-ка выпить, сохнеть въ горлѣ.

Она молча подала ему воды съ лимономъ и молча поставила опять на столъ, когда онъ отхлебнулъ нѣсколько глотковъ.

Безсильно опустившись на подушки, послѣ того какъ поднялся на локоть, глотая воду, онъ лежалъ нѣкоторое время съ закрытыми глазами и потомъ снова сказалъ:

— Ну, а если я, Маша, не поправлюсь. — Безъ меня тебѣ богатаго жениха не найти.

— Зачѣмъ богатаго?

— Толкуй съ тобой! А какъ безъ богатства жить? Не знаешь ты жизни и говоришь несообразное. Нынче какой вѣкъ! — все на деньгахъ. Безъ нихъ по нынѣшнему времени намаешься, закинутъ тебя всѣ.

— Нѣтъ, я несогласна...

— Съ чѣмъ несогласна? Что ты хочешь сказать?

Маша въ нерѣзительности посмотрѣла на отца; видимо колебалась: говорить ли то, что она думаетъ, или лучше промолчать. Пожалуй, думала она, ея отвѣтъ будетъ ему неприятенъ и повредитъ ходу болѣзни.

— Съ чѣмъ ты несогласна, Маша? — переспросилъ онъ, хмурясь.

— Нѣтъ, я такъ, о другомъ...

— Разговаривай! Развѣ, думаешь, я хуже сталъ видѣть, чѣмъ раньше до болѣзни?... Напрасно ты это думаешь. Я вижу, чудесно вижу, что у тебя на умѣ.

Она улыбнулась и, тихо поправивъ на волѣныхъ селадку платя, почти шопотомъ отвѣтила.

— Если знаете, такъ зачѣмъ же спрашиваете?

— Вотъ этотъ твой нравъ, Маша, меня всего больше и огорчаетъ. Далеко ты съ нимъ не пойдешь.

— Куда идти?

— Видишь, какъ ты отвѣчаешь. Вѣдь и философію твою я тоже довольно достаточно понимаю. Говоришь ты, куда идти, т.-е., значить, на счетъ того, на примѣръ, что всѣ въ одному мѣсту придемъ. Такъ, что ли?

— Да.

— Это ты по-монашески толкуешь. Къ оосѣду бы тебя моему въ гости, тамъ на счетъ святости просторно.

— Я не о святости.

Онъ, чувствуя нѣкоторое облегченіе отъ своей болѣзни, приподнялся на локоть и попросилъ поправить ему подушки. Маша исполнила что было нужно и опять молча усѣлась въ свое кресло.

— Ежели, Мама, не о святости, то какія же такія эти самыя твои слова?

— Зачѣмъ говорить? Вы со мной не согласитесь.

— Какъ не соглашусь; если ты, напримѣръ, умное что мнѣ разскажешь, такъ неужли-жъ я завѣдомо буду упираться.

— Умное, папенька, не для всѣхъ одинаково. По-моему — умно, по-вашему — глупо.

— Ну, мудрено что-то.

Прошло нѣсколько времени въ молчаніи. Семенъ Игнатьевичъ ждалъ, что первая заговорить Мама, но она не ждала, чтобы заговорилъ отецъ. Самое лучшее, по ея мнѣнію, было бы прекратить такой разговоръ. Еще прежде, до начала болѣзни отца, когда она кончала курсъ въ мѣстной женской гимназіи, ей приходилось не разъ говорить съ отцомъ на эту же тему, и не разъ тогда отецъ пытливо на нее поглядывалъ и думалъ про себя: «времена не тѣ». Не разъ онъ громко оспаривалъ ее и въ концѣ-концовъ прибавлялъ замолчать. Теперь, заговоривъ съ дочерью по поводу ея будущей участи, онъ не замѣтилъ, какъ разговоръ снова попалъ на непріятную для него тему. Но теперь онъ не сердился, чувствуя облегченіе отъ болѣзни, и продолжалъ разговоръ именно потому же, что ему было легче.

— Я знаю, Мама, ты у меня умная, только съ такимъ умомъ люди счастливы не бываютъ. Да, повѣрь мнѣ. Я больше твоего прожилъ на свѣтѣ.

— У каждого, папенька, свое счастье.

— Ну, такъ что же?

— Я буду искать своего.

— И не найдешь, Мама. Попадется хорошій человѣкъ, женится — другое дѣло. Не попадется — просидишь въ дѣвкахъ.

— Такъ развѣ счастье только въ замужствѣ?

— А то какъ же? Неужли-жъ до старости въ дѣвкахъ сидѣть?..

— Отчего же нѣтъ? Что же тутъ такого... постыднаго? Я даже желаю этого...

— Пустое дѣло! Такъ жизнь промаешься, себѣ въ тягость, да и другимъ не на радость.

— Не думаю.

— Да, ужъ думай не думай, это вѣрно...

Онъ внимательнымъ и долгимъ взглядомъ окинулъ ее, думая: спорщица изъ нея выйдетъ здоровенная, если мужъ плохонькой попадется...

— Вы обо мнѣ не заботьтесь: я вамъ въ тягость не буду.

— Отчего не заботиться: Богъ дастъ, поправлюсь вотъ, ну, и

не оставляю же тебя, авось попадется человекъ тебѣ по душѣ... Отчего-жъ, Мама, не позаботиться, вѣдь я тоже, чай, отецъ...

— Благодарю васъ... Но я бы просила не заботиться. Я какъ-нибудь такъ... Какъ-нибудь—сама...

— Что же такое это, нашла себѣ жениха, что-ли?

— Нѣтъ, другое... Я не хочу, чтобы обо мнѣ заботились...

— Чего же ты хочешь-то, что тебѣ нужно?

Мама помолчала, опять колеблясь въ отношеніи отвѣта и затѣмъ тихо проговорила:

— Я хочу самостоятельности...

Семенъ Игнатьевичъ улыбнулся и съ сожалѣніемъ въ голосѣ отвѣчалъ:

— Безъ денегъ-то?

— Деньги дастъ умъ, такъ вы сами говорили...

— Это правда, правда...

— Но не каждый стремится въ деньгамъ, къ почету.

Она бросила на отца пыливый взглядъ, не рѣшаясь—продолжать ли ей или остановиться. Отецъ какъ-бы замѣтилъ это и прекратилъ разговоръ, холодно сказавъ:

— Усталъ.

Мама еще разъ бросила на него вопросительный взглядъ и замолчала. Наступилъ часъ принимать лекарство. Она подала его, не прерывая молчанія. Семенъ Игнатьевичъ между тѣмъ думалъ.

«Время-то нынче какое, Господи, время-то какое! Дѣвицы въ ученые люди мѣтять. Науку въ голову забрали, съ книжками знакомство ведутъ... А вѣдь знаютъ что, вѣдь знаютъ только то, что въ книжкахъ,—настоящаго, вѣдь, дѣла не смыслятъ. Книжка-то она, можетъ быть, другая и хорошая, да и какъ не быть хорошимъ книжкамъ—мало ли умнаго и ученаго народу, да, вѣдь, книжку-то нужно понять въ настоящемъ видѣ. Вѣдь она заставляетъ человека своей головой работать, а какая голова—вотъ хоть бы у ней»...

Онъ мелькомъ бросилъ взглядъ на Машу и точно въ первый разъ замѣтилъ ея костюмъ.

«Положимъ, она скромная», думалъ онъ, «да вѣдь эта нынѣшняя скромность не прежняя. Вѣдь это все не то, совсѣмъ другая статья. Тамъ, баловство какое-то, мода-ли — Богъ ихъ знаетъ. Ученье оно, конечно, хорошо,—кто говоритъ, дѣло хорошее... Да, вѣдь, хорошо для того, кому оно нужно, то-есть ежели видишь, въ настоящемъ видѣ; а Машѣ-то моей зачѣмъ? Зачѣмъ ей въ науку залѣзть по уши? Не ей ума это дѣло, да и не

идеть по нашему сословію. Получила свое образованіе, знаетъ все, что нужно въ хорошемъ обществѣ,—иди замужъ, живи себѣ припѣваючи... Нѣтъ, не тѣ времена, не тѣ, не наши... А тутъ еще и съ сыномъ горе, хотя и совсѣмъ другого сорту: и хорошій, и дѣльный, а все мелокъ, мелко плаваешь».

Разговоръ между отцомъ и дочерью болѣе не возобновлялся. Не будь отецъ серьезно боленъ, не такой бы разговоръ повела съ нимъ Маша, она бы не сдерживалась такъ въ своихъ словахъ, а отвѣчала бы смѣло и, можетъ быть, рѣшительно бы высказала все, что думала и что рѣшилась осуществить при первомъ же удобномъ случаѣ. Къ своему окончательному рѣшенію она пришла, впрочемъ, еще не очень давно. Не замѣтали до сихъ поръ ни отецъ, ни братъ, ни злая тетушка, къ чему готовится Маша, да и замѣтить, впрочемъ, было трудно, такъ какъ видимыхъ приготовленій никакихъ почти не было у ней, а по образу ея мыслей и разговоровъ они пока не могли составить опредѣленнаго понятія объ ея стремленіяхъ. Любить дѣвушка книжками заниматься, вести себя тихо, никому не мѣшаетъ—и слава Богу. Если ей не мѣшать, то и день незамѣтно проходитъ. Брату, казалось, не было до нея никакого дѣла, а отецъ, занятый своими торговыми соображеніями, думалъ одно: «былъ женихъ хорошій—не пошла; пусть ждетъ другого, дождется—хорошо, не дождется—ея дѣло».

У Маши, между тѣмъ, на умѣ былъ вовсе не женихъ. Она давнымъ-давно уже плѣнилась разсказами о женскихъ курсахъ, бредить ими во снѣ и на яву—и рвется въ Петербургъ. Пока никому ни слова Маша не передаетъ о своихъ замыслахъ, думаетъ—рано, не нужно говорить—только напрасные тревоги и споры; вотъ придетъ время, тогда скажу.

Маша не знала положенія дѣлъ отца, т.-е. собственно сложности ихъ и нѣкоторой, начинавшей въ послѣднее время чаще обнаруживаться, неровности. Но давно ею замѣчено, что въ характерѣ этихъ дѣлъ есть много такого, что отчуждало ее отъ родного дома, и вся его богатая обстановка становилась ей, такъ сказать, поперекъ горла. Маша росла сиротой, оставшись отъ матери семи лѣтъ. Ласки она не знала—и это несомнѣнно имѣло нѣкоторое вліяніе на складъ ея характера.

Теперь, сидя у постели больного и исполняя безмолвно все то, что нужно было для него, она мыслью своею была не тутъ, въ богатомъ домѣ ея отца, первомъ по красотѣ своей въ городѣ Малиновскѣ, а далеко отъ него, тамъ, въ той маленькой комнатѣ на Выборгской сторонѣ въ Петербургѣ, о которой ей такъ увлекательно разсказывали еще недавно подруги. Семенъ Игнатьевичъ

лежить въ дремотѣ и своими думами переносится отъ одного сложнаго торговаго дѣла въ другому, а Маша и забыла о немъ: она тамъ, въ далекомъ огромномъ городѣ, исчезла въ его миллионномъ населеніи, невидимая никѣмъ изъ лицъ, такъ ей надобныхъ въ противномъ Малиновскѣ, уже слушаетъ лекціи на женскихъ курсахъ. И все то, что ей рассказывали подруги, все то она теперь сама переживаетъ и видитъ во-очію, пока не придетъ ее смѣнить у постели больного тетушка.

VI.

Востроносая тетушка, дежурившая иногда у постели Семена Игнатьевича, имѣла, между прочимъ, замѣчательное свойство: она не могла одной минуты посидѣть спокойно на мѣстѣ.

Такъ и теперь, сидя у постели больного, она то вертитъ головой, то уставляетъ глаза прямо на лицо Семена Игнатьевича, то ее займетъ потолокъ, и она задираетъ глаза кверху, Богъ знаетъ что тамъ разсматривая. Стоитъ только Семену Игнатьевичу сдѣлать какое-нибудь движеніе, она уже вздрагиваетъ, вертится на своемъ мѣстѣ, пугливо смотритъ на больного, готовясь поймать его желаніе и услужить.

Семенъ Игнатьевичъ, наконецъ, замѣчаетъ ей, сердито хмурясь:

— Ты, Карповна, сидишь точно на шилѣ.

— Ахъ, голубчикъ мой, Семенъ Игнатьевичъ, да я все какъ бы тебѣ услужить, какъ бы, родной мой, чтобы только тебѣ полегчало...

Шопотъ ея и усиливающіяся еще болѣе тревожныя движенія въ креслѣ беспокоятъ Семена Игнатьевича и онъ дѣлаетъ движеніе рукою, заставляя этимъ замолчать Лимону Карповну.

Настоящее имя Лимоны Карповны собственно Матрена Карповна, но это послѣднее почти утрачено ею съ того времени, когда гдѣ-то въ гостяхъ хозяйка, угощая ее чаемъ, спуталась въ словахъ и, вмѣсто того, чтобы сказать: «да вы, Матрена Карповна, выкушайте съ лимончикомъ» — сказала: «вы бы, Лимона Карповна, съ матреничкомъ». Хотя съ того времени и таитъ Матрена Карповна безконечную злобу на неповинную купчиху за ея оплошность, но возвратитъ себѣ прежняго имени не можетъ.

Въ настоящее время молчать для Лимоны Карповны, и въ особенности тихо сидѣть въ креслѣ большая пытка, но волей-неволей она ее переноситъ, въ особенности въ тѣ минуты, когда Семенъ Игнатьевичъ лежитъ съ открытыми глазами. Лишь только

онъ сомѣнеть ихъ и начнеть нѣсколько забываться въ дремотѣ— Лимона Карповна уже завертѣла головой во всѣ стороны, точно въ самомъ дѣлѣ она попала въ его кабинетъ въ первый разъ въ жизни.

Семенъ Игнатьевичъ открылъ глаза и нахмурился, должно быть, недовольный поведеніемъ Лимоны Карповны. Только-что онъ ей далъ знакъ рукой, указывая на то, чтобы зеленый абажуръ на свѣчѣ, стоявшей у его кровати, былъ поправленъ, какъ Лимона Карповна уже вскочила съ мѣста и совалясь во всѣ стороны, точно помѣшанная и шипѣла своимъ рѣзкимъ неприємнымъ шопотомъ, приговаривая къ каждому слову: ахъ, мой голубчикъ, ахъ, соволикъ! Но та цѣль, которой думала достичь этими возгласами Лимона, только все далѣе отъ нея уходила. Семенъ Игнатьевичъ хмурился и наконецъ проворчалъ:

— Лимона, замолчи!

Лимона Карповна сразу смолкла, но видно было, какую пытку она теперь несетъ, будучи осуждена на молчаніе.

Пытка эта еще болѣе увеличивалась и тѣмъ, что вертѣть головой и ворочаться въ креслѣ ей было нельзя: Семенъ Игнатьевичъ пересталъ дремать и лежалъ все время съ открытыми глазами.

«Что это, Господи, онъ не дремлетъ», думала она, боязливо по временамъ взглядывая на него: «такъ-то вотъ тутъ и томись, а глаза-то у него что твои шпаги, такъ вотъ въ сердце и вонзаются».

Медленно тянется время; слышно, какъ большіе часы, висящіе на стѣнѣ у письменнаго стола, отбиваютъ ударъ за ударомъ и какъ вслѣдъ за этими равномерными ударами бѣгутъ частые и едва слышные звуки карманныхъ часовъ. Семенъ Игнатьевичъ лежитъ на спинѣ, уставивъ глаза на Лимону Карповну и, конечно, не ея пришибленную фигуру видитъ онъ передъ собой. Мысли его далеко отъ Малиновска и переносятся отъ одного торговаго дѣла къ другому, изъ города въ городъ.

— Ну-ка, Карповна, приподними мнѣ немного подушки. Я усталъ такъ-то лежать...

— А, сейчасъ, голубчикъ ты мой дорогой, батюшка ты мой сердечный... А вотъ такъ, вотъ этакъ... вотъ такъ... вотъ этакъ— то тебѣ будетъ вольготнѣе... Отецъ ты мой!— такъ лепетала Лимона Карповна, поправляя подушки и суетясь болѣе чѣмъ нужно.

— Карповна, молчи! Дѣло дѣлай, а молчи, — сердито промывчалъ Семенъ Игнатьевичъ.

Сжала опять свои сухія губы Лимона Карповна, сморщила

ихъ въ комочекъ и въ видѣ скромнѣйшей и благонравнѣйшей дѣвицы изъ пансіона устѣлась на креслѣ, смотря въ полъ.

Раннее лѣтнее утро начинало пробираться въ комнату сквозь спущенныя шторы и занавѣсы. Откуда-то доносился крикъ гбѣ-туха, слѣдомъ за которымъ послышался другой, третій — и пошла ихъ непрерывная переключка. Спусти нѣсколько времени, свѣтъ начинающагося дня уже окончательно преодолѣлъ тьму ночи и съ колокольни сосѣдней церкви раздался звонъ къ заутрени. Слышно было вслѣдъ за этимъ, какъ заскрипѣли ворота сосѣдняго дома и старая костлявая лошадь Кузьмы Ильича поволокла массивныя старинныя дрожки вдоль по улицѣ по направленію къ церкви, и дрожки эти, скрипя и треща, медленно протаскились мимо дома Семена Игнатьевича, точно жалуюсь на непомятый грузъ, навалившійся на нихъ въ видѣ огромной фигуры Кузьмы Ильича. Эти каждодневныя поѣзды сосѣда къ заутрени не разъ выдавъ Семенъ Игнатьевичъ и прежде во время своего здороваго состоянія, когда, обдѣлывая различныя свои торговныя дѣла, засиживался за письменнымъ столомъ до разсвѣта. Послѣ того, какъ проѣхалъ Кузьма Ильичъ, звуки съ улицы начали доноситься чаще и чаще, потянулись бочки за водой, послышался различный говоръ, мычаніе коровъ, угоняемыхъ въ поле — и тишина ночи окончательно разсыпалась. Лимона Карповна догадалась, что теперь, когда сквозь шторы и занавѣсы уже въ значительной степени проникаетъ дневной свѣтъ, — загасила лампу и раздвинула оконныя занавѣсы, оставивъ спущенными только однѣ шторы.

— Ну, слава Богу, ночь прошла, — вздохнулъ Семенъ Игнатьевичъ, туша лѣвой рукой свѣчу на столѣ около своей кровати.

— Утро, родной мой, да какое ясное и теплое надо быть. И дай только Господи, тебѣ-то, нашъ голубчикъ, благодѣтель нашъ... Дай только тебѣ Господи, кормилецъ ты нашъ...

— Карповна, молчи!..

Опять замолкъ шипящій попотъ Семена Игнатьевича, опять онъ лежитъ и смотритъ прямо въ лицо Лимонѣ Карповнѣ, пугающейся этого взгляда и не знающей того, что Семену Игнатьевичу вовсе не видно ея лица, хотя онъ и смотритъ на него. На этомъ желтомъ, сморщенномъ и весьма близко похожемъ на старую грецкую губку лицѣ онъ видитъ какіе-то векселя, какіе-то передаточныя бланки, которые, исчезая одинъ за другимъ, замѣняются потомъ недовольными хмурыми лицами разныхъ векселедержателей и бланконадписателей, жаждущихъ уплаты вексельной суммы. Принимаетъ Семенъ Игнатьевичъ время отъ времени лекарство, морщится и сердито отгакиваетъ отъ себя пу-

стую кожу, послѣ того какъ противная жидкость, бывшая въ ней, проглатывается имъ съ сильнѣйшимъ отвращеніемъ.

«Чортъ съ ними, пускай пичеаютъ, чѣмъ хотятъ, только бы мнѣ поправиться», думаетъ онъ, «теперь бы надо въ Рыбинскѣ ѣхать... Хлѣбы бы, можетъ быть, продалъ... Ежели урожай пойдутъ, тогда, пожалуй, еще и упадетъ цѣна-то... А тутъ вотъ хворай»...

Семень Игнатьевичъ оправился на своихъ подушкахъ и, откинувъ отъ себя лѣвую руку, сталъ барабанилъ ея пальцами по стѣнѣ. Лимона Карповна вздрогнула и закашляла отъ испуга, непонимая что это вокругъ нея дѣлается, она только-что стала было клевать своимъ птичьимъ носомъ, а тутъ какъ на грѣхъ Семень Игнатьевичъ вдругъ забарабанилъ рукой по стѣнѣ.

— Что, Карповна, дрогнула? Сонъ страшный увидала, да? — грустно улыбаясь, спросилъ Семень Игнатьевичъ.

— Нѣтъ, я не спала, голубчикъ, что вы, какъ можно! Снѣю ли я...

— Ну, ну ладно. Не спала, такъ не спала, и не о томъ вовсе рѣчь. Рассказывай-ка вотъ мнѣ лучше что-нибудь, а я послушаю, да подремлю... Да не охай и славословіе-то свое брось, — ворчливо добавилъ онъ.

— Ахъ, отецъ ты мой, соколикъ... — заахала она, привскакивая съ своего мѣста.

— Брось, говорю, славословіе-то свое, брось — не надо. Говори такъ что-нибудь, — ну, что тамъ въ городѣ, гдѣ какъ...

— Ахъ... да вотъ вдругъ-то вѣдь и не схватишься, все такъ изъ головы-то и выползнуло... Да что же я... Голубчикъ ты... благод... Да нѣтъ, нѣтъ, не то... Ахъ, да, вотъ что. Вспомнила, вспомнила.

Она усѣлась въ кресло, даже приловчилась нѣсколько поудобнѣе, прикасаясь своей спиной къ спинкѣ кресла, въ сознаніи того положенія, которое ей, по великой своей милости, предоставилъ теперь Семень Игнатьевичъ, губы ея сложились сначала въ комочекъ, глаза закрылись, руки оказались сложенными на груди, одна ладонь на другую — все это предшествовало сосредоточенію мыслей Лимоны Карповны, уже заранѣе наслаждавшейся удовольствіемъ отъ полученнаго разрѣшенія на разговоръ.

— И вотъ, изволишь знать, батюшка, Семень Игнатьевичъ, сосѣдъ нашъ съ лѣвой стороны, Кузьма Ильичъ Полозовъ, вчера послѣ заутрени прогналъ отъ себя сына старшаго-то, который у своей жены въ домѣ живетъ, прогналъ за то, что онъ не по-

спать въ свое время къ заутрени и сегодня тотъ все около воротъ стоялъ и ждалъ прощенія. Потому онъ человѣкъ бѣдный, дѣтей у него штукъ восемь и всѣхъ поить и кормить надо, а денегъ нѣтъ. Кузьма Ильичъ ворчалъ на него: Бога, говорить, забылъ, заутреню проспалъ... Ну, однако, говорить, простить хочеть. Сынъ-то ужъ и самъ старикъ, а все около отца третса, да ручки цѣлуетъ, потому человѣкъ бѣдный, а у отца миліоны...

— О Кузьмѣ не говори, Карповна, противно мнѣ слышать,—перебилъ Семенъ Игнатьевичъ, и тотчасъ же и подумалъ: «богатъ, чортъ, а глупъ и взаимы не добьешься...»

Карповна завертѣлась на креслѣ во всѣ стороны, какъ рыба, попавшая живою на горячую сковороду, и опять оказалась въ совершенномъ затрудненіи относительно матеріаловъ; но вскорѣ, спохватившись, она снова продѣлала тотъ же приступъ, что сначала, т.-е. сложила губы въ комочекъ, закрыла глаза и, прижавъ ладони одна къ другой, притиснула руки къ своей высохшей какъ старый грибъ груди. Все это, видимо, было нужно для того, чтобы нѣсколько сосредоточить свои мысли. Но, сосредоточивъ свои мысли и открывъ глаза, она пытливо посмотрѣла на Семена Игнатьевича, думала, что, молъ, не попросить ли его на счетъ обѣщаннаго наслѣдства, однако, не рѣшилась и отбросила эту грѣшную мысль въ сторону и, опять прижавшись спиною къ спинкѣ кресла, начала:

— Сосѣдъ нашъ съ правой стороны, Устиновъ, и вмѣстѣ съ женой, ужъ дней пять сряду все навѣдываются къ намъ, все о нашемъ здоровьи разспрашиваютъ... Ужъ такъ они, голубчикъ мой, о васъ заботятся, такъ заботятся...

Семенъ Игнатьевичъ слегка нахмурилъ брови, припоминая:

— Когда это Устинову нужно платить? Кажется, въ сентябрѣ... да, двадцать тысячъ... да, банковые билеты взяты у нихъ для представленія залогомъ по подрадамъ... да!

— И какъ вамъ, батюшка мой, стало полегче-то и такъ они тогда хорошо вздыхали, и такъ это сердечно шептали: слава тебѣ Господи, слава тебѣ Господи!.. Видите, какъ васъ, соколикъ мой милый...

— Не славь, говорю, Карповна, не славь...

— Ахъ, ты, Господи! — всплеснула руками Лимона Карповна, — да вѣдь я настоящую, истинную, самую праведную правду вамъ говорю: приходили они, и оба приходили, и оба Господа Бога благодарили, радуясь вашему-то здоровью... И нашъ-то Петръ Семеновичъ, вотъ адѣсь около вашего кабинета,

вотъ тутъ въ залѣ, и чаемъ ихъ угощаль, и очень, очень что-то такое имъ напештываль... Все, должно быть, на счетъ вашего-то здоровья...

— Да, да, въ сентябрѣ... двадцать тысячъ—это вѣрно.

Карповна, видя, что попала на хорошую тему, идя по которой не встрѣчаетъ препятствій, пошла впередъ по ней смѣлѣе.

— Вы знаете, родной мой, батюшка, вѣдь они давнымъ-давно свое имѣніе-то спустили, да!... Деньжонки-то свои, говорить, кому-то убухали въ долгъ, а нынче, знаете, какой народъ-то, вѣдь только дай кому взаймы—находишься, да накла-няешься за свое-то добро... Ну, вотъ попали денежки-то въ чужія лапы, теперь вытащить назадъ и нелегко будетъ...

— Карповна, молчи,—строго перебилъ Семенъ Игнатьевичъ,—дай тебѣ волю-то, нагородишь съ три-короба всякой всячины...

Разсказчица совсѣмъ растерялась, не понимая, что же это такое сдѣлалось съ Семеномъ Игнатьевичемъ и съ чего это вдругъ такъ ее оборвалъ.

— Пойди вонъ!—гнѣвно проговорилъ Семенъ Игнатьевичъ.

Карповна робко поднялась съ кресла и едва-едва могла выговорить:

— Батюшка, голубчикъ, если чѣмъ прогнѣвала... Но его гнѣвъ уже смягчился и онъ, почти смѣясь, замѣтилъ:

— Пошли на смѣну старуху. Устала, чай, болтать-то. Городишь несообразное.

Карповна съѣжилась, сократилась до малѣйшихъ размѣровъ и, уже выйдя изъ кабинета, долго оставалась съѣжившейся. Она недоумѣвала, что за причина такая заставила Семена Игнатьевича такъ на нее разгнѣваться.

— Сорока! — ворчалъ по ея уходѣ Семенъ Игнатьевичъ, недовольный ея послѣдними соображеніями на счетъ Устиновскихъ денегъ.

А Лимона Карповна въ это время, провожая старуху на смѣну себя въ кабинетъ, шипѣла надъ ея ухомъ:

— Уже такъ сердить, такъ сердить, что не приведи Богъ!

VII.

Утромъ слѣдующаго дня кабинетъ Семена Игнатьевича имѣлъ настоящій дѣловой характеръ. За письменнымъ столомъ сидѣлъ сынъ его Петръ Семеновичъ. Онъ сидѣлъ, сильно сгорбившись надъ бумагами, которыхъ большую пачку самъ же принесъ въ

комнату отца. Въ бумагахъ, какъ видно, оказывалось много неприятныхъ извѣстій; о чемъ можно было заключить изъ того, что Петръ Семеновичъ, перебирая ихъ, хмурился и ворчалъ. Семенъ Игнатьевичъ тоже былъ въ мрачномъ настроеніи духа и даже охалъ по-временамъ, жалуясь на усиленіе боли около сердца.

— Ну, Петруха, читай дальше. Чтѣ еще тамъ есть...

— Вотъ пишутъ на счетъ цѣнъ хлѣба въ Рыбинскѣ... Не очень тоже утѣшительно.

— Какъ же такъ-то? Вѣдь на урожаи виды ненадежныя?

— Трудно судить, батюшка, дѣло закрытое, а что цѣна на хлѣбъ идетъ не въ гору, а подъ-гору—это вѣрно.

— Да, Петруха, ежели такъ-то будетъ все спускаться, пожалуй, вѣсто барыша-то и убытки схватимъ...

Сынъ молчалъ и хмурился.

Долго еще потомъ Петръ Семеновичъ говорилъ отцу о положеніи текущихъ дѣлъ, о планахъ къ выполнению предстоящихъ впереди, о томъ, кого и куда изъ довѣренныхъ предполагать отправить и кто уже отправился въ путь на баржахъ съ грузами, слѣдовавшими въ Рыбинскъ за парохомъ и т. д. Бесѣда ихъ въ общемъ имѣла характеръ грустный, что отчасти зависѣло и отъ состоянія здоровья Семена Игнатьевича и отъ положенія его торговыхъ дѣлъ въ данное время. Видно было, что Петръ Семеновичъ еще имѣетъ что-то сказать отцу, но удерживается, какъ-будто опасаясь, не растрепожить бы его этимъ. Онъ то посмотреть исподлобья, то искоса поведетъ на него глазами, точно сомнѣвается, говорить ли отцу задуманное. Семенъ Игнатьевичъ, несмотря на болѣзнь, сохранялъ еще во всей цѣлости всѣ свои духовныя силы и уловилъ пытливый взглядъ сына.

— Что ты, Петруха, какъ на меня смотришь?

— Я, ничего...

— Какъ ничего, не отговаривайся, я вижу. Говори прямо, въ чемъ дѣло.

— Дѣло такое, батюшка, щекотливое. Пожалуй, вы подумаете и не вѣсть что; а оно, если рассудить, такъ необходимо... иначе можетъ выдти исторія.

— Да ты немного разводи горохъ-то, чего запинаешься, говори прямо.

— Прямо-то говорить тоже не очень ловко, — улыбувшись, сказалъ сынъ.

— Такъ въ чемъ же дѣло?

— Я хотѣлъ бы... Видите ли, въ видахъ нашихъ же тор-

говыхъ интересовъ одну штуку устроить. Оно было бы полезно и въ томъ случаѣ, когда вы, Богъ дастъ, поправитесь...

— Ежели для дѣла полезно, такъ чего же волею-то смотрѣть—говори прямо...

— Нужно-бы, батюшка, видите-ли... Да это совсѣмъ не простое дѣло, его такъ вамъ и рассказать нельзя: не выйдетъ, значить, толку. Надо говорить обстоятельнѣе, чтобы вы узнали сначала, что къ чему...

Отецъ сморщилъ свой открытый лобъ, недовольный словами сына. Должно полагать, подумалъ онъ, опять какая-нибудь неудача въ дѣлахъ, а то съ чего бы бобы-то ему разводить...

— Ну-ка, поправь мнѣ, Петръ, въ ногахъ: забнуть; заверни покруче... Да говори, что-ли, не путай, такъ только—напрасно томишь.

— Вы не томитесь—скажу вамъ не худое и для дѣла оно будетъ полезное,—утѣшалъ Петръ, укутывая ноги отца.

— Скажу, скажу, а самъ тянешь, точно слѣпого черезъ жордочку... Ну, что такое, говори...

— Нужно бы... духовное завѣщаніе...,—сказалъ сынъ, понизивъ голосъ, и потомъ, замѣтивъ, что отецъ сильно нахмурился, поспѣшно добавилъ:—не на случай смерти, не на случай смерти, а по торговымъ расчетамъ...

— Ну, Петръ, видно я очень расхворался, что никакъ не могу понять, къ чему ты все это толкуешь...

— Ничуть не сильно вы расхворались и вы понимаете, къ чему я говорю... Болѣзнь ваша, можно сказать, ужъ и на исходѣ, и скоро вы сами будете на своихъ ногахъ, а только надо духовное завѣщаніе, хорошо оно для торговыхъ дѣлъ нашихъ; всякій будетъ знать, въ какомъ положеніи они находятся.

— Ну, если будутъ знать въ какомъ положеніи, то тутъ мало хорошаго, Петруха,—иронически замѣтилъ отецъ.

— Мы ихъ покажемъ въ лучшемъ видѣ, въ наслѣдство назначимъ большой капиталъ... будто-бы изъ наличности, хранящейся у васъ въ банковыхъ билетахъ...

Семенъ Игнатьевичъ широко раскрылъ глаза и внимательно посмотрѣлъ на сына въ то время, какъ онъ, договоривъ свои послѣднія слова, скромно потупился, склонивъ голову.

— Это, Петръ, пожалуй... Оно, разумѣется, можетъ сильно поднять мнѣніе... Только будто какъ-то не ловко. Вѣдь все же духовное завѣщаніе... Вѣдь это предсмертное слово...

Сынъ подошелъ къ кровати и, быстро придвинувъ кресло

поближе къ больному, заговорилъ шипящимъ шепотомъ, какимъ недавно еще шипѣла Карповна.

— Неужели вы, въ самомъ дѣлѣ, думаете, что здоровье ваше въ опасномъ положеніи?—горячо шепталъ онъ, вѣдь вы же сами сознаете, что оно поправляется. Давно ли вы были еще почти безъ сознанія, ничего не пили, не ѣли, кромѣ лекарствъ, а теперь вотъ уже нѣсколько дней и чай, и булку, и бульонъ... Совсѣмъ это напрасно съ вашей стороны боязнь такая... А ежели мы такое-то завѣщаніе составимъ, да законнымъ порядкомъ засвидѣтельствуемъ,—всѣмъ въ глаза пыль пустимъ и кредитъ нашъ будетъ крѣпко держаться...

Имѣлъ въ виду Петръ Семеновичъ сказать и еще кое-что для болѣе яснаго развитія своей мысли, но нашелъ неудобнымъ. Для этой ясности потребовалось бы упомянуть и о томъ, что въ случаѣ смерти отца Петру Семеновичу будетъ легче дѣйствовать въ торговыхъ дѣлахъ: всюду распространится слухъ, что онъ получилъ большое наследство. Понятно, что было своего рода неудобство въ употребленіи словъ: «въ случаѣ смерти», неловко было говорить ихъ больному, и Петръ Семеновичъ всю силу своего шепота посвятилъ на то, чтобы доказывать ему пользу составленія такого завѣщанія для него же самого.

— Ну, ну ладно ужъ...—перебилъ отецъ рѣчь сына,—вотъ и стати и докторъ... Онъ, надо быть, стучить въ дверь-то пальцемъ... Онъ, надо быть...

Семенъ Игнатьевичъ обрадовался его приходу, даже болѣе, чѣмъ это всегда бывало, а теперь въ особенности потому, что разговоръ о духовномъ завѣщаніи нѣсколько разстроилъ его расположение духа.

— Войдите, войдите,—поспѣшно проговорилъ сынъ, вставая съ кресла и отодвигая его на прежнее мѣсто.

Докторъ въ своемъ неизмѣнномъ вицъ-мундирѣ показался въ двери кабинета. Приотворивъ ее на половину, онъ бокомъ вошелъ въ комнату и, чувствуя, что на пути чрезъ узкій проходъ, имъ же самимъ устроенный въ дверяхъ, задѣлъ животомъ другую половинку двери,—моментально оглянулъ ее чрезъ очки, точно подумавъ: «вѣка ты какая неуступчивая», и почистилъ рукою задѣтое мѣсто. Въ комнатѣ съ его появленіемъ распространился запахъ аптеки, несмотря на то, что у Семена Игнатьевича на столѣкъ предъ кроватью аптечнаго запаха было и безъ того достаточно.

— Ну-съ, что, какъ наши сердца?—весело проговорилъ докторъ, поправляя свои очки и приговариваясь подойти къ больному.

— Пожалуйте, докторъ, пожалуйста сюда за портьеру, — приглашалъ Петръ Семеновичъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, нужно дать нѣсколько времени установиться воздуху: я съ улицы.

Хотя на дворѣ было не только тепло, но даже жарко, но докторъ все-таки находилъ нужнымъ нѣкоторое время по приходѣ къ больному быть отъ него въ почтительномъ разстояніи, сохраняя эту привычку отъ зимы до зимы.

— Ну-съ, Семенъ Игнатьевичъ, будемъ наблюдать ваше сердце, какъ оно поживаетъ и что подѣлываетъ...

Докторъ былъ веселъ и еще нѣсколько минутъ пошутить, приготовляясь выслушивать грудь Семена Игнатьевича, но потомъ, послѣ этого выслушиванья, тонъ его разговора съ-разу измѣнился. Правда, онъ старался поддержать себя въ прежнемъ тонѣ и до нѣкоторой степени его выдерживалъ, но все-таки замѣтно было, что это уже не тотъ тонъ, которымъ онъ говорилъ при входѣ къ больному, а другой, неестественный.

— Ничего, ничего, — успокоивалъ онъ, протирая платкомъ свои золотые очки, все идетъ по порядку. — Семенъ Игнатьевичъ и самъ любитъ порядокъ... Правда вѣдь, а? Семенъ Игнатьевичъ, истинно я глаголю?

— Полно вамъ болтать-то. Говорите лучше толкомъ: что-то вотъ я чувствую какъ будто мнѣ около сердца...

— Больно, да, и острая такая боль, да? — пытливо глядя чрезъ очки, спрашивалъ докторъ.

— Да, очень чувствительно...

— Гм... гм... это хорошо, — мычалъ докторъ, это хорошо... Ну, а дыханіе какъ, затрудняетъ, если когда вы посильнѣе вдохнете? Такъ, если во всю грудь — затрудняетъ?

— Да, во всю грудь не могу... больно...

— Гм... гм... Это хорошо... это хорошо...

— Чего же хорошаго, когда больно?

— Ничего, ничего, Семенъ Игнатьевичъ, терпи, знаешь, — сказано: претерпѣвый до конца... Хе, хе, хе... Ну, что дѣлать! вижу, хмуришься... да ужъ ничего, братъ, не подѣлаешь. Вотъ я тебѣ еще пропишу мази, она облегчить, и все будетъ въ порядкѣ.

Докторъ усялся за письменный столъ, причемъ Петръ Семеновичъ поспѣшно сдвинулъ въ сторону всѣ бумаги и очистилъ ему мѣсто. Составляя рецептъ, докторъ искалъ глазами встрѣтиться съ Петромъ Семеновичемъ и, встрѣтившись, мигнулъ ему, показывая на дверь. Тотъ понялъ, что это значить, и сталъ под-

бирать бумаги, опасаясь, не замѣтилъ бы Семенъ Игнатьевичъ ихъ перемигиваній.

— Ну-съ, все хорошо... Это все въ порядкѣ;—заявилъ докторъ, окончивъ свой рецептъ и затѣмъ сталъ раскачиваться въ креслѣ изъ стороны въ сторону и растирать себѣ по привычкѣ правое колено, что дѣлалъ всегда въ тѣхъ случаяхъ, когда размышлялъ о ходѣ болѣзни своего пациента.

— Итакъ, порѣшилъ онъ, окончивъ свое растиранье и вставъ съ мѣста,—вотъ отъ этой мази вы получите облегченіе отъ боли; ну, а дыханіе свободнѣе будетъ, если на нѣсколько времени отложите свои занятія... Уменьшите ихъ, и если можно, совсѣмъ оставьте на время... А тамъ—увидимъ...

Онъ простился и вышелъ изъ кабинета съ тою же осторожностью, съ какою и вошелъ въ него.

— Я, батюшка, сейчасъ... Надо же его проводить,—заботливо прошепталъ Петръ Семеновичъ и вышелъ въ залъ.

Докторъ ждалъ его, но только не у дверей кабинета, а въ передней и уже успѣвъ накинуть на плечи пальто.

— Вы устраните его отъ дѣлъ, вредно это: если я не ошибусь, то ему скоро опять будетъ трудно...

Докторъ прошепталъ эти слова, смотря на Петра Семеновича черезъ очки, и, сердито нахмурившись, быстро добавилъ: вечеромъ я заѣду—и прошмыгнувъ въ дверь на лѣстницу.

— Вотъ тебѣ и на!—развелъ руками Петръ Семеновичъ, и скорыми шагами вернулся къ отцу.

— Ну, что онъ говорить, Петруха, а?—заботливо спросилъ Семенъ Игнатьевичъ.

— Ничего, говорить, только нужно спокойствіе, чтобы не тревожиться.

— Да, хорошо ему говорить-то... Знай себѣ, строчи рецепты, а облегченіе-то еще все только обѣщаетъ...

Петръ Семеновичъ старался его успокоить и главнымъ образомъ навести на тѣ разговоры, которые оборвались приходомъ доктора.

— Вотъ что, Петръ,—неожиданно прервалъ самъ отецъ, духовное завѣщаніе тамъ... какъ самъ знаешь... Ты безъ того полный наслѣдникъ... Только вотъ видишь ты, что я тебѣ скажу: ты еще человѣкъ молодой, ну, и все же, хоть и умный и дѣльный, а все же еще молодой—опыта настоящаго нѣту. Завѣщаніе оно... конечно... подниметь кредитъ, да, смотри, вѣдь сильно зарваться можно. Надо осторожнѣе... кредитъ все равно что ножъ, съ обѣихъ сторонъ острый. Можно обрѣзаться... Такъ-то...

А оно, конечно, что же... духовное завѣщаніе, ничего... Пожалуй... Такъ-то...

Теперь стало замѣтно, что пришла очередь что-то сказать и Семену Игнатьевичу и онъ самъ какъ будто стѣснялся чѣмъ-то и хотеть о чемъ-то рассказать сокровенномъ, а не можетъ. Петръ Семеновичъ давно уже замѣтилъ это колебаніе и уловилъ, что отецъ говорить совсѣмъ не то, о чемъ думаетъ, а такъ только что-то плететь, не рѣшаясь сказать всего нужнаго съ-разу.

— Видишь-ли, я замѣтилъ, докторъ что-то пришелъ такой, а ушелъ другой, да и ты что-то какъ будто немного... вдругъ... завялъ... Ну, ну, ладно, ужъ не перебивай: я вѣдь вижу, старый воробей,—что ты только бумагами давеча сталъ шелестить, а я ужъ догадался, что вы съ нимъ переглянулись... Ну, что же, что же онъ говорить—опасно, что-ли?

Петръ Семеновичъ, понурившій-было голову, вдругъ встрепенулся.

— Ничего онъ не говорилъ, только совѣтовалъ меньше тревожиться... Вечеромъ, говорить, зайдеть.

— Такъ вотъ какія дѣла, Петруха, вотъ видишь-ли, я замѣчаю, что... Ну, да такъ-ли иначе-ли, рано-ли поздно-ли, а знать тебѣ о всѣхъ дѣлахъ моихъ надо.

— Я же, батюшка, вѣдь знаю.

— Нѣтъ, Петруха, всего не знаешь... Спиридонъ—и тотъ всего не знаетъ... Дѣла-то сложны, сложнѣе, чѣмъ вы думаете... Если ты будешь неусыпно стараться, ну, и если Богъ дастъ все пойдетъ безъ скачковъ—авось и выкрутишься...

Сталъ Семенъ Игнатьевичъ отрывать сыну разные сокровенныя свои тайны, и оказалось въ концѣ-концовъ, что если привести дѣла къ окончанію, то не только наслѣдства не останется дѣтямъ, но и еще и долговъ придется принять тысячь до трехъ-сотъ.

По мѣрѣ разсказа Петръ Семеновичъ то блѣднѣлъ, то краснѣлъ и пересталъ вертѣть правой рукой свою массивную золотую цѣпочку. Отецъ попросить выпить, велить поправить подушки и опять начинаетъ медленно, слово за словомъ, разсказывать о разныхъ такихъ долгахъ, существованіе которыхъ до сихъ поръ было тайною не только для Петра Семеновича, но и для Спиридона Ѳедоровича, пользовавшагося большимъ довѣріемъ отъ Семена Игнатьевича, именно за его удивительную молчаливость. По временамъ Петръ Семеновичъ встряхивалъ волосами, точно хотѣлъ этимъ движеніемъ отмахнуться отъ свѣдѣній, впервые сообщаемыхъ ему отцомъ.

— Ну, вотъ теперь, Петръ, знаешь ты... уже все... Наслѣдства нѣтъ, одни долги. Въ наслѣдство тебѣ только одинъ умъ... У тебя его довольно... Сьумѣешь—все пойдетъ хорошо... Старайся только неусыпно.

— Однако я думаю это...—запинаясь, началъ сынъ, почесывая затылокъ—и запнулся.

— Да вѣдь какъ не колебайся, а вѣдь дорога одна—другой нѣтъ.

— Какая, батюшка?—пытливо смотря на отца, спросилъ сынъ.

— Одна только и есть: принять наслѣдство и вести дѣла, пока есть возможность... Будутъ идти ладно, продолжай; не будутъ—что дѣлать, согнись немного, проси у кредиторовъ разсрочки, ну, сдѣлку сдѣлай... Заплатишь тамъ за рубль, смотря по ходу дѣла, половину-ли, больше-ли, меньше... Это, какъ знаешь, а другого пути нѣтъ.

— Я тоже думаю, другого нѣту пути...

— Ты самъ знаешь, есть законъ, можешь отказаться отъ наслѣдства, будешь свободенъ отъ всѣхъ моихъ обязательствъ...

— Я знаю, знаю, батюшка.

— Ну, если знаешь, такъ и говорить тебѣ нечего...

— Тогда я,—бойко сверкнувъ глазами, заговорилъ сынъ,—тогда я буду свободенъ и отъ долговъ и отъ дѣлъ—это я очень хорошо знаю. Очень-бы хорошо, но только при деньгахъ... А гдѣ же ихъ взять? Я самъ-то, положимъ, найду себѣ, а Маша?

— Да, погоди, погоди, что ты найдешь, гдѣ? Какъ?—недовольнымъ голосомъ перебилъ отецъ.

— Вы меня однако, батюшка, не очень поняли, я не въ томъ смыслѣ говорю, чтобы отказаться отъ наслѣдства, а только такъ, для примѣра... Я только чтобы сказать, что сьумѣю, дѣло изъ рукъ не выпадеть...

— Знаю, знаю, Петруха, а вотъ ты сказалъ о Машѣ... Она вонъ что-то такое все говорить несообразное: ты вразуми ее... Если я расхвораюсь или... чего Боже избави, помру...

— Ну, полноте, полноте. Это, батюшка, не дѣло говорите. Богъ дастъ, поправитесь... А вотъ на счетъ Маши... что же я могу съ ней, если она такъ упирается? Былъ женихъ—не пошла, ну, подождетъ другого... Понцѣмъ, авось найдемъ.

— Твой, Петръ, долгъ... святой это долгъ, ты долженъ ее устроить... Помнишь, мать умирала... Помнишь, какъ просила Машу беречь. Материнское сердце горячее. Ну, помни и мое слово—береги ее... устрой...

Голосъ Семѣна Игнатьевича нѣсколько дрогнуть, самая тѣмъ рѣчи была такая, непосредственно дѣйствовавшая на чувство. Но онъ скоро оправился и опять отдался разсужденіямъ о дѣлахъ. Теперь, когда сынъ уже былъ посвященъ во всѣ ихъ подробности, и отецъ зналъ, какъ онъ намѣренъ поступить въ будущемъ, имъ стало легче разсуждать—все сдѣлалось понятно и ясно. Отецъ даже и не ожидалъ, чтобы его Петръ Семеновичъ оказался такимъ сообразительнымъ. Онъ предполагалъ ранѣе, что придется много объяснять сыну о тѣхъ преимуществахъ, какія имѣеть человекъ, находящійся въ долгахъ, предъ человекомъ, у котораго ихъ вовсе нѣтъ. Объясненія эти оказались лишними, Петръ Семеновичъ и самъ очень хорошо зналъ, что лучше принять дурное и разстроенное дѣло и всѣ долги на немъ лежащіе, чѣмъ вовсе остаться безъ дѣла и безъ всякихъ средствъ. Онъ, говоря откровенно, не ожидалъ, чтобы дѣла были въ такомъ положеніи, въ какомъ обрисовалъ ихъ теперь отецъ; но и это, какъ видно, не устрасило сообразительнаго Петра Семеновича. Э-ге, знаемъ, думалъ онъ, откажись-ка отъ отцовскихъ дѣлъ, полетятъ кредиторы, какъ воршуны, разорвутъ все на маленькіе кусочки, кто половчѣе, да побогаче, тотъ захватитъ то, что поцѣниѣе, да поприбыльнѣе, а мы съ сестрой будемъ издали смотрѣть, да ногти себѣ кусать, глядя на нихъ. Начнется вездѣ и между нашими служащими воровство, всѣ поймутъ, что надо каждому запасать себѣ на черный день, пока гдѣ новое мѣсто найдешь... Нѣтъ, шалишь, стара штука. Хотя мы и молоды, а видовъ на своемъ вѣку уже видали довольно...

— Такъ вотъ, Петруха, видишь... Самъ знаешь, какіе планы... Ежели сможешь, держись крѣпче, плати долги аккуратно—этимъ дѣло крѣпко держится... Ну, а если ужъ придется туго, сократи дѣло, продай хоть пароходы, или тамъ—по обстоятельствамъ глядя—заводъ... Можетъ—компаніона найдешь—все это впереди. Сдѣла съ кредиторами уже послѣдняя соломенка.

Отецъ думалъ, что сына надо учить и не замѣчалъ, что Петръ Семеновичъ слушаетъ его слова, какъ говорится, изъ пятаго въ десятое. Онъ нѣсколько разъ порывался удержать отца отъ продолженія разговора, но тѣмъ такая была щекотливая, что, казалось, неловко прерывать ее. Отецъ даетъ совѣтъ, какъ же его останавливать и сказать: знаю, знаю лучше васъ. Петръ Семеновичъ дѣйствительно зналъ лучше отца, что предстоитъ ему дѣлать; у него собственно давно уже складывался планъ насчетъ того, какъ жить на бѣломъ свѣтѣ, когда не будетъ отца, и планъ этотъ казался такъ легко исполнимымъ.

Примѣшивалось къ нему одно обстоятельство непріятнаго свойства, но и его Петръ Семеновичъ надѣялся обойти безъ вреда своимъ дѣламъ. Обстоятельство это—планы на-счетъ женитьбы на богатой невѣстѣ: они требовали выжидательнаго образа дѣйствій, а дѣла складывались, повидимому, такъ, что ждать-то неудобно, въ особенности если ожиданіе нужно продлить на болѣе или менѣе продолжительное время. Дѣло въ томъ, что невѣста еще росла и не доросла до настоящихъ лѣтъ. Петръ Семеновичъ и то заждался уже порядочно—ему уже двадцать-шесть, а невѣстѣ только-только что подходитъ узаконенный для замужства срокъ, и еще собственно не наступилъ,—нужно еще ждать его около года. Намѣтилъ ему эту невѣсту отецъ и много лѣтъ подстроивалъ дѣло такъ, чтобы оно не выскользнуло изъ рукъ. Уже давно онъ съ ея опекуномъ въ короткое знаомство вошелъ, давно и Петръ Семеновичъ въ ея душу забрался, — да вотъ, поди-жъ ты, невѣста молода, — нельзя жениться. Отецъ и самъ теперь думаетъ по поводу этой невольной задержки въ женитьбѣ сына. Невѣста такая выгодная—тысячъ двѣсти за ней, и теперь бы эти деньги какъ-разъ кстати—да чтó дѣлать? какъ нарочно, растетъ тихо и время идетъ такъ медленно...

— Если, Петруха, Боже сохрани, я помру... — опять заговорилъ отецъ.

— Ну, вотъ! чтó вы, Богъ съ вами...

— погоди, Петръ, не мѣшай,—дѣло говорю: невѣсту тебѣ, знаешь, я намѣтилъ...

— Ну, еще бы, батюшка,—знаю.

— Много ужъ тутъ потрачено, Петръ, и времени, и хлопотъ... Да чтó скрывать?—опекунъ-то мнѣ, признаться, тысячъ семь уже и задолжалъ: перебралъ въ равное время, — то пятьсотъ, то тысячу. Ты поддержи. Дѣвушка она хорошая, самъ знаешь,—и сирота...

Замѣчая, что отецъ, видимо, утомился отъ разговоровъ, онъ тихо поднялся съ кресла и шопотомъ сказалъ:

— Вы отдохните... Я пришлю къ вамъ старушку.

Отецъ махнулъ ему рукой, закрывая глаза. Петръ Семеновичъ осторожно вышелъ, но, войдя въ залъ, вдругъ остановился у дверей, что-то обдумывая и, видимо, колеблясь, — вернуться ли назадъ, или пока не мѣшать отцу?

Онъ думалъ о духовномъ завѣщаніи: теперь ли его составлять или подождать?

VIII.

Петръ Семеновичъ относился къ болѣзни отца почти спокойно: выздоровѣетъ отецъ — хорошо, будетъ опять всё дѣла держать въ своихъ сильныхъ рукахъ; не выздоровѣетъ — Богъ съ нимъ, и безъ него какъ-нибудь управимся: значить, такая ему ужъ судьба, — дошелъ до предѣла, вышелъ въ тиражъ погашенія и, слѣдовательно, «ничего не подѣлаешь». На случай смерти отца у Петра Семеновича былъ ясный и опредѣленный планъ, осуществить который онъ надѣялся при помощи духовнаго завѣщанія. Соображалъ на-счетъ этого дѣла Петръ Семеновичъ такъ: «напишетъ отецъ въ этомъ завѣщаніи, что оставляетъ мнѣ, кромѣ всѣхъ капиталовъ, находящихся въ движимомъ и недвижимомъ имуществѣ и въ торговыхъ предпріятіяхъ, еще двѣсти тысячъ наличными деньгами въ процентныхъ бумагахъ — и тогда я съумѣю устроить свои дѣла: завѣщаніе засвидѣтельствуютъ въ нотаріальной конторѣ, выпишутъ его слово въ слово въ нотаріальную книгу — и понесется по городу молва: такъ и такъ, молъ, Семенъ Игнатьевичъ завѣщалъ сыну, кромѣ всѣхъ дѣлъ, еще двѣсти тысячъ, — молва эта пойдетъ дальше и разнесется между всѣми торговыми людьми, съ которыми мы имѣемъ дѣла... Ну, а что же дальше? — спрашивалъ себя Петръ Семеновичъ: — гм... гм — дальше... Денегъ-то вѣдь этихъ, двухъ-сотъ тысячъ-то въ процентныхъ бумагахъ, все-таки нѣтъ и не будетъ: онѣ, такъ-сказать, въ туманѣ, а въ мой карманъ вѣдь не попадутъ, потому что и отецъ ихъ не имѣетъ... Но это не бѣда... Мы обойдемся и безъ нихъ. Довольно будетъ, что слухъ пройдетъ объ этихъ двухъ-стахъ тысячахъ... Я съумѣю и такъ устроить свои дѣла... Въ самомъ дѣлѣ, что за охота метаться круглый годъ, какъ угорѣлому, отъ одного дѣла къ другому, постоянно отыскивать средства для уплаты однихъ долговъ съ тѣмъ, чтобы дѣлать другіе... Конечно, у отца это въ характерѣ: минуты не можетъ посидѣть спокойно — и вездѣ успѣваетъ, а я этого не хочу, я не могу и желаю устроить дѣла съ-разу — и я поставлю все иначе. Сдѣлаю такъ, что въ полгода все приведу къ одному знаменателю: надѣлаю кучу долговъ, нахватаю товаровъ въ долгъ, увеличу производство на заводѣ, наберу задатковъ по разнымъ предпріятіямъ, а потомъ — потомъ и объявлю торговую несостоятельность: разбирайся кредиторы, какъ имъ будетъ угодно, — я же, пока они будутъ разбираться, махну за границу, отдохну гдѣ-нибудь на берегахъ Женевского озера, «по разстроенному здоровью». Мѣсяца три-четыре прой-

дѣтъ въ такомъ разстроенномъ-то здоровьи... Кредиторамъ можно будетъ предложить копѣечекъ десять-пятнадцать за рубль — и слава Богу. И я буду съ капиталомъ, и дѣло будетъ очищено отъ всѣхъ долговъ... Тогда и невѣста изъ рукъ моихъ не уйдетъ, а останься я безъ средствъ послѣ смерти отца, — пожалуй, и она отвернется отъ меня: безъ денегъ-то нашего брата не очень одобряютъ...»

Впрочемъ, такой планъ дѣйствій не самъ Петръ Семеновичъ выдумалъ: планъ этотъ старый и практикуется онъ въ русской купеческой жизни уже много десятилѣтій. Петру Семеновичу принадлежитъ только идея духовнаго завѣщанія съ двумя-стами тысячъ рублей небывалаго наслѣдства.

Спусти часа два-три послѣ того, какъ онъ былъ въ кабинетѣ отца, духовное завѣщаніе оказалось уже приготовленнымъ: Петръ Семеновичъ постарался объ этомъ самъ, — самъ все написалъ, переписалъ и затѣмъ принесъ къ отцу. Оказалось, однако-жь, что «обдѣлать» было не такъ легко: Семень Игнатьевичъ чувствовалъ себя значительно лучше и сталъ оспаривать мнѣніе сына на-счетъ ожидаемой отъ завѣщанія пользы.

Петръ Семеновичъ почесалъ въ затылкѣ, тревожно оглянулся по сторонамъ и въ нерѣшительномъ состояніи поднялся съ своего кресла. Онъ томился своими мыслями, ему хотѣлось разбить доводы отца, но, разбивая, нужно было сказать и о своемъ планѣ, который онъ имѣлъ намѣреніе осуществить послѣ смерти отца. Говорить теперь объ этомъ планѣ было невозможно: отецъ могъ его не одобрить — и тогда весь планъ разрушался. Онъ могъ его не одобрить не потому собственно, что планъ былъ «неудобоисполнимъ», — нѣтъ: онъ бы и самъ, пожалуй, призналъ его хорошимъ, еслибъ захотѣлъ прибѣгнуть съ-разу къ крутымъ мѣрамъ въ своихъ дѣлахъ, но прибѣгать къ такимъ мѣрамъ Семень Игнатьевичъ не считалъ пока нужнымъ, и — главное — онъ дорожилъ своимъ общественнымъ положеніемъ, любилъ играть роль прямого человека, дѣятеля и большого коммерсанта, а эта роль съ объявленіемъ несостоятельности должна была пасть. Словомъ, Семень Игнатьевичъ имѣлъ большое самолюбіе и дорожилъ своимъ общественнымъ положеніемъ; кромѣ того, онъ былъ еще очень силенъ духомъ и вѣрилъ, что стѣбитъ поправить ему здоровье — дѣла пойдутъ опять именно такъ, какъ онъ самъ ихъ поставилъ. Улыбалась впереди и надежда женить сына на богатой невѣстѣ, и надежда на удачный исходъ разныхъ торговыхъ операцій, которыя въ это время были еще не закончены. Онъ слишкомъ богатъ былъ вѣрой въ свою счастливую звѣзду.

— Такъ вотъ, Петруха, по-моему, это дѣло пустое и надо

его бросить...—сказалъ, какъ-бы въ заключеніе своихъ доводовъ, Семень Игнатьевичъ: — а теперь вотъ, слава Богу, чувствую себя какъ-будто и немного того... получше... Вотъ, Богъ дастъ, и встану—тогда къ чему вся эта канитель?..

— Какъ угодно, батюшка... — вздохнувъ, отвѣтилъ сынъ и замолчалъ, упорно смотря въ полъ.

— Ну, былъ въ селѣ-то у попа?—спросилъ Семень Игнатьевичъ, круто переменяя разговоръ:—что онъ говоритъ?

— Да упирается... говорить все то же...

— Экой кремень! вѣдь вотъ поди ты: маслю-маслю его ужъ болѣе полугода — не поддается... — съ огорченіемъ думалъ Семень Игнатьевичъ:—да ты ему говорилъ ли, Петръ, прямо-то?

— Я сказалъ, наконецъ, прямо: берите на выборъ — либо выхлопочемъ вамъ другой приходъ, богаче,—либо тысячу рублей.

— Ну, и что же?

— Головой качаетъ, улыбается такъ сладко: видно, что кусокъ лакомый, а не рѣшается... Руки жметъ, гладитъ мнѣ ихъ, а шепчетъ все одно и то же: «большое опасеніе сокрушаетъ». Однако заявилъ, что лучше ужъ если согласиться, такъ прямо на деньги, говоритъ: тамъ ждать прихода—пока до владыки доберетесь, да пока состоится его рѣшеніе, а тутъ изнемогай въ тщетномъ ожиданіи. Благопріятнѣе, говоритъ, получить воздаяніе наличностью...

— Значить, согласенъ повѣнчать несовершеннолѣтнюю, да?

— Въ томъ-то и бѣда, что прельщается только, да руки гладитъ мнѣ, и глаза такіе странные: то онъ ихъ жмурить, то широко раскрываетъ и даже плачетъ,—и все шепчетъ: «сокрушаюсь, сокрушаюсь». Когда я сталъ уходить и, признаюсь, батюшка, даже немного рассердился, онъ мнѣ шепнулъ, что въ осени, пожалуй, и обвѣнчаетъ, въ сентябрѣ...

— Гмъ... Долго... Лучше-бъ въ іюлѣ передъ ярмаркой...

— Да, конечно бы...

— И чего же онъ боится: если ужъ рѣшается обвѣнчать ранѣ совершеннолѣтія, то все равно — въ іюлѣ ли, въ сентябрѣ ли...

— Ну, вотъ, говорите съ нимъ! Онъ свое твердитъ: меньше, говоритъ, останется сроку,—всего около полугода. Могу, говорить, сослаться на недосмотръ, неумышленность.

Отецъ вздохнулъ, сынъ—тоже; оба нѣкоторое время молчали, каждый думая объ одномъ и томъ же, т.-е. что хорошо бы въ іюлѣ устроить свадьбу, а если же нельзя, то и въ сентябрѣ не дурно. А и такъ лучше, чѣмъ ждать еще полугода. Дѣло шло,

какъ понятно читателю, о невѣстѣ Петра Семеновича, находящейся подъ опекой у своего дяди — Павла Павловича Коромыслова. Со стороны этого дяди не было уже препятствій на бракъ Петра Семеновича съ избранницей его сердца — Людмилой Никольской, но препятствіе было въ ея лѣтахъ. Семенъ Игнатьевичъ давно предусматривалъ это препятствіе и давно уже ведетъ о свадьбѣ переговоры съ сельскимъ священникомъ, надѣясь склонить его на свою сторону.

— Ну, что же дѣлать, Петръ, — терпѣть надо... ждать... — со вздохомъ сказалъ отецъ.

— Да, — подсказалъ сынъ, — занятый своими сложными думами о духовномъ завѣщаніи, и о несостоятельности и женитьбѣ на несовершеннолѣтней племянницѣ Павла Павловича Коромыслова.

IX.

Докторъ, какъ видно, имѣлъ свои основанія опасаться за будущее въ ходѣ болѣзни Семена Игнатьевича. Не прошло и двухъ дней послѣ того, какъ больной сидѣлъ, обложенный подушками на балконѣ, выступивъ, казалось, уже на путь выздоровленія, — онъ снова лежалъ, какъ говорится, пластомъ на кровати, и снова стали около него дежурить по-очередно то Маша, то тетушка, то старушка. Боль около сердца дѣлалась то слабѣе, то сильнѣе, по временамъ дыханіе затруднялось вслѣдствіе, какъ говорилъ докторъ, внутренней опухоли, и тогда Семенъ Игнатьевичъ уже не могъ заниматься дѣлами, и отклонялъ даже всякія о нихъ напоминанія. Смущенныя лица Петра Семеновича и безмолвнаго конторщика, появлявшіяся по временамъ у его кровати, были замѣтно непріятны Семену Игнатьевичу и онъ хмурился, отмахиваясь отъ нихъ рукою и видимо не желалъ ничего слышать о дѣлахъ.

Оставивъ комнату больного, конторщикъ Спиридонъ Федоровичъ молча пожималъ плечами, смотря прямо въ глаза Петру Семеновичу и ждалъ, что онъ скажетъ, а Петръ Семеновичъ, съ своей стороны, искалъ отвѣта въ глазахъ Спиридона Федоровича и тоже пожималъ плечами.

Такъ они взаимно выражали другъ другу свои мысли и потомъ начинали измѣрять длину зала, шагая отъ одного его конца до другого.

— Ну, что же теперь намъ дѣлать, Спиридонъ Федоровичъ,

какъ вы думаете, а? — волновался Петръ Семеновичъ, неистово вертя въ пальцахъ золотую цѣпь своихъ карманныхъ часовъ, — необходимо бы духовное завѣщаніе, немедленно бы его нужно подписать, засвидѣтельствовать, дать надлежащій законный видъ... а какъ теперь это сдѣлать — онъ руками отъ всего отмахивается... Какъ же быть-то, а?

Спиридонъ Ѳедоровичъ, давно уже извѣстный своимъ молчаніемъ, пожималъ плечами и только показывалъ глазами на дверь кабинета Семена Игнатьевича, какъ-бы говоря этимъ взглядомъ, что тамъ, въ этомъ кабинетѣ, отвѣтъ на всѣ вопросы.

Петръ Семеновичъ уже познакомилъ его съ сущностью задуманнаго имъ завѣщанія, хотя познакомилъ только въ общихъ чертахъ, не выказывая своихъ дальнѣйшихъ намѣреній на счетъ объявленія несостоятельности въ случаѣ смерти отца. Спиридонъ Ѳедоровичъ, впрочемъ, и самъ понялъ, что дѣло задумано съ этою цѣлью. Онъ зналъ Петра Семеновича съ дней его юности и не могъ не замѣтить, что его стремленія клонятся лишь къ тому, чтобы добыть поскорѣе возможность залечь гдѣ-нибудь поскорѣе на мягкомъ и удобномъ для отдыха диванѣ. Спиридонъ Ѳедоровичъ и самъ, въ глубинѣ души, давно уже желѣлъ эту мысль, но возможность ея осуществленія онъ едва-едва замѣчалъ — и то лишь въ отдаленномъ будущемъ. Съ дѣлами Ивановыхъ онъ былъ связанъ десятилѣтнимъ контрактомъ, который недавно былъ возобновленъ на новое десятилѣтіе. Теперь, въ виду возможной смерти Семена Игнатьевича, Спиридону Ѳедоровичу предстояло нѣчто лучшее, и именно зависѣвшее отъ исполненія намѣренія Петра Семеновича. «Закончить онъ всѣ отцовскія дѣла, — догадывался Спиридонъ Ѳедоровичъ, — закончить и мнѣ долженъ будетъ заплатить, да еще и раньше, чѣмъ всѣмъ другимъ: у меня въ рукахъ будетъ его тайна, и я сумѣю свое взять»...

Строили они оба свои планы и дѣлили добычу въ то время, когда эта добыча была еще не въ ихъ рукахъ. Одна только Маша оставалась сама съ собою, не совѣщаясь ни съ кѣмъ ни о чемъ. Часто, сидя въ залѣ, въ ожиданіи, пока ее позовутъ къ отцу, Маша не знала, куда уйти отъ давившей ее тоски. Кругомъ безмолвная тишина, ничѣмъ не прерываемая. Въ комнатѣ горятъ только свѣчи на столѣнкахъ около зеркалъ и свѣтъ отъ нихъ достигаетъ лишь до половины огромной залы. Маша старается не смотрѣть туда, въ отдаленную часть комнаты, гдѣ царитъ полумракъ. Иногда, взглянувъ вверхъ на люстру, закутанную въ бѣлый чахолъ и казавшуюся какимъ-то привидѣніемъ посреди слабо освѣщенной комнаты, она вздыхала, представляя

себѣ въ этомъ бѣломъ привидѣніи что-то близкое страшное, нѣющее, какъ думала она, совершиться въ ихъ домѣ.

Спиридонъ Федоровичъ, выходя изъ кабинета Семена Игнатьевича и встрѣчаясь съ Машей въ залѣ, отвѣшивалъ ей, по обыкновенію, поклонъ, но въ этотъ разъ отвѣшивалъ ей поклонъ съ такой улыбкой, которая какъ-бы говорила: «а вотъ, Машенька, мы за васъ, Богъ дастъ, послѣ смерти папеньки и посватаемся». Маша отвѣчала на эту улыбку тѣмъ, что тотчасъ же отвертывалась отъ противнаго ей Спиридона Федоровича. Онъ, впрочемъ, не смущался и, идя далѣе, сохранялъ на своемъ гладко выбритомъ лицѣ все ту же сладкую улыбку, съ которой раскланивался съ Машей.

Спиридонъ Федоровичъ ходилъ какъ-то особенно — съ припрыжкой, былъ сутуловатъ и широкоплечъ, что, однакожъ, не мѣшало ему имѣть тоненькій голосокъ. Теперь, возвращаясь изъ кабинета Семена Игнатьевича, онъ часто потиралъ себѣ руки, сидя за конторскимъ своимъ столомъ и, будучи крайне близорукъ, еще шире, чѣмъ обыкновенно пялил глаза, всматриваясь въ окружающія его стѣны громадной конторской комнаты. Точно отъ этихъ стѣнъ онъ хотѣлъ узнать, скоро ли разрѣшатся всѣ тѣ вопросы, которые создались болѣзнію Семена Игнатьевича, и общаются ему въ будущемъ большое счастье.

По всему видно было, что счастье это для Спиридона Федоровича имѣло громадное значеніе. Спокойный при другихъ, онъ, оставаясь одинъ, самъ съ собою не могъ долгое время быть въ спокойномъ состояніи, то начиналъ барабанить пальцами по столу, то вскакивалъ съ своего конторскаго кресла и ходилъ по комнатѣ изъ угла въ уголъ, то опять садился на стулъ и, сложивъ на груди крестообразно руки, высоко поднималъ голову.

— Гм... гм... что-то будетъ, что-то будетъ... — начиналъ онъ тоненькимъ голоскомъ, но вдругъ, спохватившись, вскакивалъ со стула и опять припрыгивалъ, шагая по комнатѣ. Все это происходило обыкновенно въ то время, когда дневная суета конторы оканчивалась, когда двери, хлопавшія въ теченіи дня, впуская входящихъ и выпуская выходящихъ, наконецъ, запирались на ключъ и старикъ, отставной солдатъ, служившій въ качествѣ сторожа при конторѣ, уже уходилъ въ свою коморку около крыльца и тачалъ сапоги. Спиридонъ Федоровичъ, такимъ образомъ, имѣлъ полную возможность разсуждать самъ съ собой, сколько ему угодно.

— «А если онъ не умретъ! Если онъ не умретъ!...» — бормоталъ теперь Спиридонъ Федоровичъ, шагая по комнатѣ, —

«нѣтъ, умереть, умереть,—это ужъ замѣтно, что умереть. Семень Игнатьевичъ человѣкъ обстоятельный, и ужъ если заболѣлъ, то заболѣлъ какъ слѣдуетъ, настоящимъ манеромъ. Да и пора, ей-ей пора!»

Такъ вспоминалъ прошлое Спиридонъ Ѳеодоровичъ и поглядывалъ по временамъ на часы, часто ожидая прихода къ себѣ въ комнату Петра Семеновича или присылки отъ него посланнаго съ приглашеніемъ придти въ залу. Получивъ приглашеніе, онъ опять шелъ въ хозяйскія комнаты. Проходя чрезъ залу и встрѣчая возвратившагося и уѣзжавшаго куда-нибудь по дѣламъ Петра Семеновича, онъ все же успѣвалъ окинуть своими близорукими глазами всю комнату и вытаращить ихъ сквозь очки, силясь разсмотрѣть, не тутъ ли Маша, или, какъ онъ ее называлъ, «Марія Семеновна».

Въ одно изъ такихъ посѣщеній больного, Спиридонъ Ѳеодоровичъ, бывшій вмѣстѣ съ Петромъ Семеновичемъ въ кабинетѣ Семена Игнатьевича, вышелъ оттуда сильно тѣмъ-то озабоченный и на этотъ разъ даже не обратилъ вниманія на Машу, уныло ходившую по залѣ изъ угла въ уголъ. Маша это замѣтила и сама поспѣшила на-встрѣчу Спиридону Ѳеодоровичу.

— Что съ папенькой? Ему хуже, да? Или что-нибудь случилось по дѣламъ непріятное, разстроившее его, да?

Спиридонъ Ѳеодоровичъ обрадованъ былъ тѣмъ, что къ нему такъ близко подошла Маша и первая заговорила съ нимъ, но заботы по дѣламъ, устроивавшимся въ это время въ кабинетѣ, влекли его въ контору, и онъ, приложивъ руку къ сердцу, горячо сказалъ: «нѣтъ!» и, кивнувъ головой въ подтвержденіе своего краткаго отвѣта, поспѣшно прошагалъ въ контору. Возвращаясь оттуда чрезъ двѣ-три минуты, онъ самъ подошелъ къ Машѣ и опять съ тою же страстностью въ голосъ, какъ и раньше, сказалъ ей «нѣтъ» и ударилъ себя рукою въ грудь. Что означало это «нѣтъ» — Маша въ точности не могла понять, догадывалась только, что въ кабинетѣ идетъ суета не по причинѣ болѣзни, а по какому-то, вѣроятно, торговому, думала она, дѣламъ. Въ кабинетѣ, въ самомъ дѣлѣ, въ это время устроивались дѣла, сводились какіе-то счеты, куда-то уѣзжалъ Петръ Семеновичъ, привозилъ къ отцу какія-то бумаги на подпись и опять увезъ ихъ. Это ли имѣло вліяніе на ухудшеніе болѣзни Семена Игнатьевича, или ужъ таковъ былъ ея нормальный ходъ, но только въ ночи описываемаго дня страданія больного значительно усилились. Еще вечеромъ, когда пріѣзжалъ къ больному докторъ, всѣ замѣтили, что онъ что-то скоро уѣхалъ, оставивъ всѣ тѣ же

лекарства, какія давалъ днемъ. Замѣтила, что, надѣвая въ передней пальто, онъ что-то долго покачивалъ головой, сился въ то же время попасть рукой въ рукавъ пальто и попадая каждый разъ въ боковой карманъ его. И это покачиванье доктора головой и его молчаливость — все указывало семейству и прислугѣ Семена Игнатьевича, что больному хуже, и, дѣйствительно, предъ утромъ слѣдующаго дня въ домѣ началась усиленная суета. Старушка торопливо звонила въ залѣ въ колокольчикъ, тетушка съ птичьимъ носомъ совалась по комнатамъ, не зная, куда броситься въ испугѣ. Маша плакала и спѣшила оказать помощь отцу, дышавшему съ видимымъ трудомъ; она едва удерживала въ дрожащихъ рукахъ ложку съ лекарствомъ и спѣшила подать больному, но тотъ отстранялъ ее и, тяжело дыша, показывалъ обѣими руками что-то, какъ-бы выражавшее, что ему трудно дышать. Петръ Семеновичъ пробѣжалъ въ кабинетъ, съ всклокоченными волосами, кинулся изъ кабинета въ залу и отдавалъ различныя приказанія: за докторомъ и т. д. Старину сдѣлалось совсѣмъ худо. Онъ едва-едва могъ говорить и только шепталъ что-то, только руками что-то показывалъ, подзывалъ къ себѣ сына и дочь — они видѣли слезы на его глазахъ и сами плакали; но что онъ шепталъ, чему хотѣлъ научить, какое слово силилось сорваться съ его языка — это они не понимали. Маша плакала и цѣловала руки отца, а братъ въ это время думалъ о своихъ дѣлахъ, именно о томъ, какъ бы осуществить планъ на счетъ подписи духовнаго завѣщанія.

Ему немного и совѣстно было тревожить отца въ такія минуты, да и желаніе сильно въ немъ кипѣло, тѣмъ болѣе, что такъ легко было осуществить: духовное завѣщаніе онъ имѣлъ при себѣ, стоило его вынуть изъ бокового кармана и дать отцу подписать. Такъ мучили его думы объ этомъ завѣщаніи, что онъ рѣшительно терпѣлся, не зная, что дѣлать — то бросится въ залу, спрашивая, не пріѣхали ли доктора, то прибѣжить въ кабинетъ и спрашиваетъ Машу, что ему дѣлать.

Утро уже совсѣмъ наступило и пламя свѣчей, горѣвшихъ предъ зеркалами въ залѣ едва было видимо, но никто не замѣчалъ, что онѣ напрасно горятъ и не тушатъ ихъ; всѣ толпились около кабинета, откуда поминутно выходили, куда возвращались то сынъ, то тетушка съ птичьимъ носомъ. Одна Маша оставалась около постели больного и растирала ему грудь, замѣчая, что это облегчаетъ его дыханіе.

Вскорѣ появились разомъ два доктора, одинъ уже извѣст-

ный намъ, а другой — молодой, съ густыми длинными волосами и едва-едва пробивающейся бородкой. Оба одновременно подошли къ кровати больного. За ними слѣдомъ вошелъ въ комнату и священникъ, и, въ-торопяхъ, самъ того не замѣчая, расчесывалъ пальцами пряди своихъ волосъ, закладывая ихъ за уши.

Доктора осмотрѣли больного. Перекинулись двумя-тремя словами и затѣмъ отошли въ сторону отъ кровати. Петръ Семеновичъ и Маша послѣдовали за ними, шопотомъ спрашивая о болѣзни отца. Священникъ тоже стоялъ около докторовъ, нерѣшительно оглядываясь, то на кровать, гдѣ лежалъ больной, то на докторовъ.

— Я предполагаю, — прервалъ онъ ихъ разговоръ: — что, во всякомъ случаѣ, каковъ бы ни былъ исходъ болѣзни, надлежитъ больного напутствовать.

— Да... Ну, что-жъ... это хорошо, — согласился старшій докторъ. Молодой только махнулъ головой и оба доктора вышли въ залу. Они продолжали шопотомъ разговоръ между собой. Петръ Семеновичъ хотѣлъ-было принять въ немъ участіе, но они отклонили его и намѣренно отошли въ сторону. Знакомый намъ докторъ, лечившій Семена Игнатьевича, проходил мимо горѣвшихъ у зеркалъ свѣчей, молча загасилъ ихъ и подошелъ за симъ къ своему собрату, удалившемуся въ противоположную сторону залы, шопотомъ сказалъ какое-то латинское названіе болѣзни, тотъ въ отвѣтъ, молча, кивнулъ ему своей мохнатой головой. Они еще пошептались между собою, упоминая латинскія слова. Потомъ молодой, крутя русые волосы своей коротенькой бородки, сказалъ что-то такое, должно-быть непріятное старшему, и тотъ возразилъ ему, немного нахмурившись, но не возвышая голоса:

— Знаете, трудно дѣлать діагнозы болѣзни въ первый разъ, потомъ послѣ десяти разъ становится совершенно легко, а послѣ сотни — опять трудно. Эта трудность для васъ еще не наступала...

Онъ покровительственно тронулъ молодого доктора за плечо и показалъ глазами на дверь комнаты, гдѣ лежалъ больной, однако, молодой человекъ сильно на чемъ-то настаивалъ, и за симъ оба вскорѣ подошли къ Петру Семеновичу, бесѣдовавшему со священникомъ, окончившимъ уже обрядъ напутствования. Пока доктора совѣщались, Петръ Семеновичъ успѣлъ устроить и свое дѣло. Онъ тогчасъ же, послѣ окончанія обряда, предложилъ отцу подписать духовное завѣщаніе, которое отецъ и подписалъ безпрекословно.

Подъ вліяніемъ гнетущихъ его физическихъ страданій онъ нахнулъ, наконецъ, на все рукой и ничего не слышалъ изъ того, что ему читалъ Петръ Семеновичъ. Получивъ поднись на завѣщаніи и скрѣпивъ ее еще свидѣтельскойю подписью священника, Петръ Семеновичъ вышелъ изъ кабинета какъ разъ въ то время, когда доктора кончили свое совѣщаніе и шли изъ глубины залы къ нему на-встрѣчу. Молодой докторъ выступилъ впередъ и, встрахивая своими длинными волосами, обратился къ Петру Семеновичу съ предложеніемъ сдѣлать больному операцію.

— Это, собственно говоря, даже и не операція, — объяснилъ молодой докторъ, — это, такъ сказать, разрѣзъ, или даже еще менѣе, тѣмъ разрѣзъ, это — проколъ... Но, собственно говоря, онъ нѣсколько представляетъ трудности и даже опасности по мѣсту нахожденія самой опухоли.

Во время объясненія молодого доктора, коллега его поправлялъ свои очки и видимо тревожился тѣмъ страннымъ положеніемъ, въ которомъ находился въ это время, уступивъ ему свое мѣсто въ разговорѣ и болѣзни Семена Игнатьевича. Петръ Семеновичъ колебался, не зная что сказать въ отвѣтъ на сдѣланное предложеніе. Священникъ переглянулся съ нимъ и, запахнувъ свою рясу, обратился къ докторамъ съ вопросомъ:

— Какъ вы предполагаете, — вкрадчиво спросилъ онъ, — нельзя ли какимъ-либо инымъ путемъ облегчить страданія больного, ибо если, какъ изволили вы сообщить, операція представляетъ нѣкоторую опасность...

Священникъ опять взглянулъ на Петра Семеновича, какъ-бы спрашивая, согласенъ ли онъ съ его словами.

Петръ Семеновичъ понялъ этотъ взглядъ и тоже обратился къ докторамъ съ вопросомъ, нельзя ли помочь безъ операціи. Старый докторъ молчалъ и вопросительно смотрѣлъ на молодого. Молодой опять встрахнулъ волосами и, пощипывая свою маленькую бородку, заговорилъ снова спокойнымъ голосомъ, какъ-будто дѣло шло о предметъ самомъ простомъ и въ сущности ничего невзначащемъ.

— Собственно говоря, — началъ онъ, — вопросъ до такой степени ясный, что было бы странно затрудняться въ его разрѣшеніи: если мы не будемъ дѣлать разрѣза, или, какъ я сказалъ уже, прокола, то больной неминуемо задохнется, можетъ быть, черезъ два часа, можетъ быть черезъ три, но никакъ не болѣе. Счастливо сдѣланный проколъ можетъ имѣть весьма благоприятное значеніе во всемъ ходѣ болѣзни; но, предупреждаю, можетъ

быть, и не принесетъ желаемой пользы... Собственно говоря, я не нахожу другого пути для облегченія страданій больного, и въ случаѣ несогласія вашего на мое предложеніе устранию себя отъ леченія.

Пока онъ говорилъ, Петръ Семеновичъ и священникъ нѣсколько разъ обмѣнивались взглядами и потомъ почти въ одно время оба заявили.

— Ну, что-жъ, нужно рѣшиться... Конечно, воля Божія... Что дѣлать, если другого средства нѣтъ...

Доктора снова отправились въ кабинетъ, гдѣ въ это время около больного находились Маша и тетушка. Немедленно было приступлено къ нѣкоторымъ приспособленіямъ, кровать выдвинули изъ-за занавѣски, подняли шторы на окнахъ и едва дышавшаго больного положили на спину, совершенно раскрывъ его грудь...

Маша и тетушка были высланы въ залу, въ которой чрезъ плотно притворенную дверь изъ кабинета ничего не было слышно. И Маша и тетушка оставались въ полномъ невѣдѣніи на счетъ того, что происходило въ кабинетѣ. Маша плакала, тетушка вздыхала и охала, и вертѣлась во всѣ стороны, беспорядочно бормоча то жалобу на докторовъ, что они затѣяли какія-то тайныя штуки, то неудовольствіе на самого Семена Игнатьевича, затѣмъ онъ такъ сильно расхворался.

— Этакій большой, рослый человѣкъ, этакій здоровенный — и вдругъ свалился... Да на что же это похоже! И мнѣ ничего не оставилъ: — общалъ, общалъ, да такъ съ носомъ теперь я и шлепайся. Да чего же они тамъ дѣлаютъ?.. Да Господи...

Ея причитанья дѣлались все громче, движенія порывисты, такъ что, наконецъ, Спиридонъ Ѳедоровичъ, бывшій въ это время тоже въ кабинетѣ, пріотворилъ оттуда дверь и, ничего не сказавъ, скорчилъ такое выраженіе на лицѣ, которое краснорѣчивѣе всякаго многословія подѣйствовало на причитанія тетушки. Она закрыла себѣ лицо обѣими руками и моментально замолкла.

Спустя нѣсколько времени дверь изъ кабинета отворилась и священникъ, первый вышедшій оттуда, возгласилъ, глубоко вздыхая:

— Благодареніе Создателю!

Операция кончилась благополучно, Семенъ Игнатьевичъ дышалъ значительно свободнѣе, и молодой докторъ высказывалъ надежду на скорое и совершенное выздоровленіе больного.

Петръ Семеновичъ, несмотря на всѣ благопріятныя обстоятельства въ ходѣ болѣзни отца, все-таки осуществилъ свой планъ: онъ далъ подписать духовное завѣщаніе обоимъ докторамъ въ

качества свидѣтелей и, немедленно, въ это же утро, устроилъ его засвидѣтельствованіе въ нотаріальныхъ книгахъ.

Такимъ образомъ та цѣль, которой онъ добивался, осуществилась: содержаніе завѣщанія всѣ узнали и въ Малиновскѣ пошелъ разговоръ о двухъ-стахъ тысячахъ наличнаго капитала, кромѣ всякой движимости и недвижимости завѣщаннаго Семеномъ Игнатьевичемъ его сыну.

X.

Опасное положеніе болѣзни Семена Игнатьевича вызвало въ городѣ самые разнорѣчивые толки. Одни, слышавшіе о счастливомъ окончаніи операціи, говорили, что онъ «сразу выздоровѣлъ и уже махнулъ по дѣламъ на заводъ», другіе, поймавшіе новость менѣе свѣжую, увѣряли, что онъ умеръ еще ночью, а именно предъ самой заутреней, и рассказывали о послѣднихъ минутахъ больного съ такими подробностями, какъ-будто сами при этомъ присутствовали; третьи, наконецъ, подтверждали извѣстіе о смерти Семена Игнатьевича на томъ основаніи, что лично видѣли въ конторѣ нотаріуса духовное завѣщаніе и знаютъ на-вѣрное, что Семень Игнатьевичъ скончался въ этотъ день утромъ. Затѣмъ поднимались споры, слышались взаимныя уличенія въ страсти ко лжи; спорящіе расходились врагами и новость неслась дальше по городу, еще болѣе искалѣченная, и удивляла слушающихъ невѣроятностію сообщаемыхъ ею свѣдѣній. Говорили, что Семень Игнатьевичъ сначала померъ, а потомъ ожилъ, говорили, что ему вырѣзали сердце и, починивъ, опять вставили на прежнее мѣсто, что, по мнѣнію рассказывавшихъ, въ виду современныхъ успѣховъ науки, не представляло рѣшительно никакихъ затрудненій. Интересъ новости осложнялся еще и духовнымъ завѣщаніемъ, которое тоже перетолковывалось на разные лады, и сумма завѣщаннаго капитала быстро увеличивалась, переходя изъ дома въ домъ, и достигла, наконецъ, нѣсколькихъ милліоновъ рублей.

Пока эти слухи носились по городу, давая пищу всѣмъ падшимъ до распространенія новостей, къ дому Семена Игнатьевича не переставали подъѣзжать и приходили разные лица, заинтересованныя состояніемъ его здоровья, и Петръ Семеновичъ нашелъ нужнымъ даже отрядить на крыльцо особаго человѣка, чтобы избавлять гостей отъ напраснаго труда подниматься на лѣстницу и тѣмъ прекратить тревожный говоръ и шорохъ въ прихожей.

Но еще задолго до того времени, когда Петръ Семеновичъ отрядилъ особаго человѣка къ крыльцу, многіе изъ знакомыхъ лично наводили справки о здоровьѣ Семена Игнатьевича, узнавая ихъ отъ сына.

Заслышавъ о трудномъ положеніи больного и сосѣдъ Кузьма Ильичъ, возвращавшійся въ это время отъ ранней обѣдни. Его костлявая и шаршавая лошаденка, запрошенная въ длинныя дроги, была остановлена по приказу Кузьмы Ильича у подъѣзда дома Семена Игнатьевича. Случай этотъ былъ необыкновенный, и правившій лошадей оборвышъ-мальчишка, у котораго изъ прорванной макушки шапки торчала кудель, удивился, представивъ себѣ, что Кузьма Ильичъ ошибся домомъ.

Онъ повернулъ къ нему свое грязное лицо и пропищалъ почти дѣтскимъ голосомъ.

— Это не нашъ домъ. Нашъ вотъ рядомъ...

— Стой здѣсь, остолопина, — заворчалъ Кузьма Ильичъ, накладывая на его плечо свою массивную ладонь. Лошаденка остановилась и Кузьма Ильичъ заворочался на дрогахъ, намѣреваясь съ нихъ слѣзть, причемъ дроги заскрипѣли; мальчишка съѣжился подъ давленіемъ руки Кузьмы Ильича и за симъ дроги и кучеръ освободились отъ давившаго ихъ громаднаго груза.

«Вотъ умираетъ сосѣдъ», думалъ Кузьма Ильичъ, поднимаясь на крыльцо Ивановскаго дома. «Вѣдь вотъ здоровый, крупный человѣкъ, а умираетъ! Видно, ничего не подѣлаешь»...

Поднявшись по лѣстницѣ почти до самыхъ дверей, онъ встрѣтилъ Павла Павловича Коромыслова, извѣстнаго уже читателямъ, опекуна Людмилы Николаевны Коромысловой, его племянницы, которую Семенъ Игнатьевичъ мѣтилъ въ невѣсты сыну.

Павелъ Павловичъ уже возвращался изъ дома и Кузьма Ильичъ остановилъ его, желая узнать, живъ ли еще больной.

— Живъ, живъ, поправляется. Ему теперь очень хорошо стало и такъ говорятъ, что болѣе никакой и опасности нѣтъ.

Кузьма Ильичъ выпрямился во весь ростъ и на его лоснящемся лицѣ выразилось изумленіе.

Павелъ Павловичъ былъ очень маленькаго роста, говорилъ слабымъ и тихимъ голосомъ, и всегда съ необыкновенной ровностью и спокойствіемъ. Услыша отъ него странное извѣстіе о состояніи болѣзни сосѣда, Кузьма Ильичъ пожелалъ узнать подробности. Онъ хрипѣлъ и сопѣлъ и напиралъ на Павла Павловича всей массою своего огромнаго тѣла, желая вслушаться въ его слова.

— Поправляется, поправляется, — почти пищалъ Павелъ Павловичъ.

— А, такъ вотъ какъ! Такъ вотъ оно что! Идти ли мнѣ, полно... Вѣдь я шелъ къ Семену проститься: часто тоже ругивались другой разъ, вѣдь суета суетъ, знаешь... Но, а теперь, ежели онъ поправляется, такъ зачѣмъ, успѣю послѣ... Еще, можетъ, Семенъ со мной разъ двадцать поссорится. Такъ ли я говорю, а? — уже съ улыбкой спросилъ Кузьма Ильичъ.

Павелъ Павловичъ на эту улыбку не отвѣтилъ и, глубоко вздохнувъ, сказалъ:

— Я тоже шелъ проститься, по христіанскому обычаю; но, говорить, теперь тревожить больного послѣ операціи не ловко.

— Такъ его рѣзали? — съ удивленіемъ спросилъ Кузьма Ильичъ.

— Да, дѣлали разрѣзъ около сердца.

— Ишь ты! народъ какой, — около сердца: я бы ни за что — умирать, такъ умирать, потому воля Божія, а рѣзать, да еще около сердца — это ужъ не по закону...

— Какъ случится: другой разъ воля Божія этимъ самымъ и проявляется.

— Гм... гм... Бываетъ, бываетъ, всяко бываетъ. Все отъ Бога...

Кузьма Ильичъ опять засопѣлъ и держалъ за руку Павла Павловича, уставивъ на него свои маленькіе, мышиные глазки.

— Да, да, говорить, было плохо, — продолжалъ Павелъ Павловичъ, — Семенъ Игнатьевичъ уже духовное завѣщаніе подписалъ, и послѣднее таинство было совершено — готовился совсѣмъ умирать... А, знаете, вѣдь двѣсти тысячъ наличности оставилъ. Подумайте, вѣдь это отлично...

— А долговъ сколько, а? — пытливо устремляя свои маленькіе глазки въ глаза говорившаго, спросилъ Кузьма Ильичъ: — сколько долговъ-то?

— Этого я не знаю.

Коромысловъ сдѣлалъ шагъ назадъ отъ Кузьмы Ильича, недовольный не только его вопросомъ, но и тѣмъ презрительнымъ тономъ, которымъ этотъ вопросъ былъ сдѣланъ. На это недовольство Кузьма Ильичъ не обратилъ никакого вниманія, и хотя ухватился за руку Павла Павловича, но совершенно по другимъ причинамъ, болѣе, по его мнѣнію, заслуживавшимъ уваженія, тѣмъ какое-то тамъ недовольство.

— Нѣтъ, братъ, какъ хочешь, — захрипѣлъ онъ, возвышая тонъ, — какъ хочешь, я тебя не пущу: потому войти-то я сюда вошелъ, а сойти-то ужъ одинъ не могу.

Павелъ Павловичъ молча покорился своей печальной участи, быть проводникомъ такой огромной массы, какую представлялъ собою въ общей сложности Кузьма Ильичъ — и оба стали спускаться съ лѣстницы. Кузьма Ильичъ держался за плечо Коромыслова, какъ дѣлалъ это по обыкновенію во всѣхъ случаяхъ, грозившихъ его тѣлу опасностію паденія, и сильно утруждалъ Павла Павловича своей тяжестью. Коромыслова не столько утруждала эта тяжесть, сколько опасеніе за то, что если Кузьма Ильичъ оступится и повалится внизъ, то отъ этого можетъ произойти большое крушеніе. Оба осторожно спускались внизъ и, спускаясь, не разговаривали; только когда, наконецъ, вступили на послѣднюю ступеньку и почувствовали подъ ногами надежную почву, Кузьма Ильичъ первый сказалъ:

— Живетъ широко, а мужикъ умный, умный... Я тебѣ скажу одно: умный мужикъ!.. Министръ!.. Только живетъ широко...

— Да, да, правда, — согласился собесѣдникъ и потомъ добавилъ какъ-бы въ оправданіе Семена Игнатьевича: — дѣла большія и нельзя, значить, иначе...

Но Кузьма Ильичъ, недовольный такимъ объясненіемъ, пригрозилъ своимъ огромнымъ пальцемъ собесѣднику и такъ посмотрѣлъ на него, какъ-будто самъ онъ, этотъ собесѣдникъ, былъ обвиняемъ имъ въ расточительствѣ.

— Вы нынѣшніе молодые, вы всѣ такъ — нельзя да нельзя... А помнишь притчу о богатомъ и Лазарѣ, помнишь? Какое воздаяніе-то за широкую-то жизнь. Этого нельзя — всѣмъ умирать придется, нужно смертный часъ помнить...

Собесѣдникъ молчалъ, давно уже зная, что съ Кузьмой Ильичемъ спорить бесполезно: какіе бы ему доводы ни были представлены, онъ, какъ дятель, будетъ стучать все въ одно мѣсто и твердить свое. Они спустились на улицу, и Кузьма Ильичъ намѣревался уже поплестись къ своему дому и протянулъ на прощанье собесѣднику свою огромную руку, но, потомъ припомнивъ что-то, спохватился и спросилъ:

— Такъ ты говоришь, двѣсти тысячъ наличности, да?

— Двѣсти тысячъ. Это вѣрно: самъ видѣлъ у нотариуса въ книгѣ.

Кузьма Ильичъ задумался. Снялъ свой малахай, почесалъ въ затылкѣ и потомъ, помычавъ что-то, сказалъ:

— Мужикъ, я тебѣ скажу, одно слово — министръ, да!.. Министръ!..

И молча протянувъ руку, пошелъ себѣ, переваливаясь всей огромной массой тѣла съ одной ноги на другую...

Съ этого дня въ мнѣніи Кузьмы Ильича Семенъ Игнатьевичъ занялъ мѣсто болѣе видное, чѣмъ раньше. Онъ рѣже сталъ говорить про него, что «протранжирить» и только никакъ не могъ отдѣлаться отъ овладѣвшею уже имъ привычки уподоблять Семена Игнатьевича евангельскому богачу, которому предстоитъ въ будущемъ печальная участь — кипѣть въ смолѣ. Насчетъ той участи, какая должна была на томъ свѣтѣ приготовиться его собственной персонѣ, Кузьма Ильичъ благоразумно умалчивалъ, дѣля, впрочемъ, въ самомъ дѣлѣ такое мнѣніе, что во-первыхъ, онъ живетъ «тихо, смирно», во-вторыхъ, у него «горятъ лампадки», и, въ-третьихъ, что онъ много пожертвовалъ и еще пожертвуетъ, «а слѣдовательно—опасаться за будущее нечего, за него, такъ-сказать, было заплачено впередъ».

«Однако, гм... гм... Семенъ-то? Гм... гм... Вѣдь это мнѣ удивленіе», все-таки думалъ онъ по временамъ, догадываясь своимъ чуткимъ, купеческимъ умомъ, что въ дѣлѣ духовнаго завѣщанія что-то какъ-будто не такъ. Послѣ многихъ вздоховъ и почесываній затылка, онъ, наконецъ, рѣшилъ, что «двѣсти тысячъ, положимъ, и были въ эти дни въ наличности, но не свободныя деньги, а такія, которыя, можетъ быть, на другой же день нужно было куда-нибудь сунуть въ уплату. Нѣтъ, у него, полагать надо, свободныхъ не бываетъ—развелъ дѣло большое и мечется въ немъ какъ оглашенный!»..

Но нужно было имѣть такую смѣтку, какую имѣлъ Кузьма Ильичъ, всю жизнь возившійся съ деньгами, чтобы придти къ такому заключенію о дѣлахъ Семена Игнатьевича; другимъ было это не подъ силу, а въ особенности тѣмъ изъ торговыхъ людей, которые жили не въ Малиновсѣхъ и не имѣли возможности видѣть, во всей совокупности, дѣла Семена Игнатьевича. Да и самъ Кузьма Ильичъ, такъ сказать, «специалистъ по части денегъ», высказывалъ свое мнѣніе не въ окончательной формѣ.

— Кто знаетъ, можетъ и въ правду: мужикъ умный...

Такимъ образомъ, Петръ Семеновичъ, не получивъ, по совершенно неожиданнымъ обстоятельствамъ, возможности осуществленія своего плана, далъ все-таки многимъ неразрѣшимую задачу о состояніи наличной кассы Семена Игнатьевича въ тяжелые дни его болѣзни. Еслибъ, въ самомъ дѣлѣ, Семенъ Игнатьевичъ померъ, то, конечно, сынъ сумѣлъ бы воспользоваться благоприятными слухами о суммѣ его наслѣдства и извлечь изъ этихъ

слуховъ значительное увеличеніе кредита, для объявленія вслѣдъ за симъ несостоятельности по всѣмъ торговымъ дѣламъ; но теперь, когда Семень Игнатьевичъ сталъ поправляться отъ болѣзни, эти слухи о двухъстахъ тысячахъ наличнаго капитала не только могли путать дѣло, но породить даже множество затрудненій, какъ это предвидѣлъ и самъ Семень Игнатьевичъ еще въ то время, когда сынъ только задумывалъ осуществленіе своей идеи.

Въ характерахъ отца и сына, какъ могъ до сихъ поръ замѣтить читатель, была громадная разница: отецъ любилъ широкую дѣятельность, а сынъ стремился къ покою. Теперь дѣло складывалось такъ, что въ дѣятельности отца, расплачивавшагося всегда за любовь къ ней массою тревоженій, должны были прибавиться новыя тревоги, новыя усложненія въ игрѣ той трудной роли богача, которую онъ разыгрывалъ, не имѣя капитала.

Петръ Семеновичъ нисколько не задумывался объ этомъ трудномъ положеніи, предстоявшемъ отцу впереди, не задумывался онъ потому, что отецъ всегда былъ, по его мнѣнію, въ такомъ положеніи, а слѣдовательно, съумѣетъ и теперь его переносить. Петръ Семеновичъ задумывался о своихъ собственныхъ дѣлахъ: ему хотѣлось поскорѣе на покой, а покой этотъ отъ него все отодвигался далѣе и далѣе. Теперь его почти и не было видно впереди. Развѣ вотъ, — думалъ онъ, — женюсь, да разбогачѣю...

Такого рода думы посѣщали Петра Семеновича не разъ и прежде, когда отецъ еще только начиналъ приготовляться къ прискиванію для него богатой невѣсты, но тогда сыну не такъ еще хотѣлось добыть себѣ самостоятельность, какъ теперь. Теперь это желаніе самостоятельности, послѣ неосуществившагося предположенія о смерти отца, еще сильнѣе проникло въ его душу и стало томить ее. Онъ живо представилъ себѣ, какъ вскорѣ по выздоровленіи отца начнется опять суетливое время, опять заботы, хлопоты, тогда какъ онъ, Петръ Семеновичъ, желалъ совсѣмъ другого и это желаніе было уже такъ близко къ своему осуществленію.

— Нѣтъ ужъ, покорно благодарю! Какъ ему угодно, такъ пусть онъ и дѣлаетъ съ своими дѣлами, а въ мои дѣла я ему путаться не дамъ... Вотъ только бы мнѣ жениться, да получить деньги за невѣстой, тогда поминай какъ звали!

Такъ предполагалъ устроить въ будущемъ свои отношенія къ отцу Петръ Семеновичъ и, казалось, даже недоволенъ былъ тѣмъ, что онъ начинаетъ выздоравливать...

XI.

Но если недовольство по случаю начавшагося выздоровленія Семена Игнатьевича замѣчалось до нѣкоторой степени въ его сынѣ, то лишь потому, что сынъ этотъ еще не достаточно былъ помятъ жизнію, не счумѣлъ надлежащимъ образомъ держаться на ея сценѣ, тѣмъ болѣе, что главный режиссеръ, подъ управленіемъ котораго онъ находился, лежалъ еще въ постели и не могъ ободрить его, направить, сдѣлать внушеніе и вообще «подтянуть».

Не таковъ былъ Спиридонъ Ѳедоровичъ: онъ также помалчивалъ и теперь, когда явно разрушались его надежды на близкую смерть Семена Игнатьевича, какъ помалчивалъ и тогда, когда эта близость уже почти была осознана. Онъ и теперь также подпрыгивалъ на лѣвую ногу, шагая изъ комнаты хозяина въ вентурю, какъ подпрыгивалъ раньше въ продолженіе цѣлаго десятилѣтія, и только одну перемѣну можно было замѣтить въ немъ—это особенную заботливость о своемъ туалетѣ. Онъ сталъ тщательнѣе слѣдить, чтобы на его платьѣ не было ни одной пылинки, сталъ таращить глаза за спину, вертась предъ зеркаломъ въ своей комнатѣ, очевидно, въ заботахъ о томъ, хорошо-ли сидитъ его сюртукъ и вообще есть-ли во всей его фигурѣ надлежащая представительность для того, чтобы при помощи ея поворить чье-то сердце. Въ такомъ вспомогательномъ средствѣ, какое представляетъ собою при покореніи женскихъ сердецъ хорошій покрой платья, онъ сталъ ощущать надобность, повидимому, съ того времени, какъ запыла въ его сердце надежда—жениться на Машѣ. Эта тщательная ревизія пылинки и покроя платья предъ зеркаломъ не была бы ниѣмъ замѣчена и осталась бы тайною, въ которую и облекалъ ее Спиридонъ Ѳедоровичъ, если бы по случайному обстоятельству Петръ Семеновичъ не появился въ его комнатѣ совершенно не въ указанный часъ. Свиданіе это произошло ночью, на другой день послѣ сдѣланной Семену Игнатьевичу операціи.

— Что это вы, Спиридонъ Ѳедоровичъ, вертитесь передъ зеркаломъ?—спросилъ Петръ Семеновичъ, входя въ его комнату.

Спиридонъ Ѳедоровичъ вздрогнулъ и широко раскрылъ глаза, сѣлся сквозь очки разсмотрѣть, что это такое за неожиданность.

— Вы собираетесь, что-ли, куда, въ клубъ, или, можетъ, назначено какое-нибудь свиданіе... Въ такомъ случаѣ, пожалуйста,

не стѣсняйтесь:—я не хочу вамъ мѣшать, я уйду и завтра переговоримъ.

Въ голосѣ Петра Семеновича не было слышно ничего насмѣшливаго, скорѣе онъ говорилъ печальнымъ тономъ, какъ человѣкъ, у котораго есть на душѣ невысказанное горе. Спиридонъ Ѳедоровичъ не сталъ распространяться о томъ, что ему рѣшительно незачѣмъ ѣхать послѣ полночи въ клубъ, что у него не назначено нигдѣ и никакого свиданія, а, по привычкѣ говорить коротко и ясно, отвѣтилъ Петру Семеновичу, указывая себѣ на рукава.

— Жметъ!

— Новый скюртукъ, что-ли, спили?

Спиридонъ Ѳедоровичъ утвердительно кивнулъ головой и сталъ пагать по комнатѣ, подпрыгивая на лѣвую ногу.

Петръ Семеновичъ сѣлъ за конторскій столъ, облокотился на него и, склонивъ голову на ладонь руки, слѣдилъ глазами за Спиридономъ Ѳедоровичемъ.

Спиридонъ Ѳедоровичъ, заложивъ руки за спину и нѣсколько сторбившись, пагалъ изъ угла въ уголъ, казалось, забывъ, что въ комнатѣ былъ Петръ Семеновичъ. Для посторонняго человѣка, незнакомаго съ характерами этихъ двухъ лицъ, ихъ безмолвіе могло казаться подозрительнымъ: навѣрное они поссорились, могъ бы подумать онъ. Между тѣмъ ни Петръ Семеновичъ, ни Спиридонъ Ѳедоровичъ не имѣли никакихъ поводовъ въ ссорѣ и даже не только не тяготились обоюднымъ молчаніемъ, но и понимали его. Насколько понималъ Петръ Семеновичъ молчаніе Спиридона Ѳедоровича — это еще вопросъ, но что Спиридонъ Ѳедоровичъ знаетъ, о чемъ думаетъ хозяйскій сынъ,—это ясно выразилось послѣ нѣкоторыхъ минутъ ихъ обоюднаго молчанія. Совершивъ еще десятковъ пять движеній изъ угла въ уголъ и не отнимая рукъ изъ-за спины, Спиридонъ Ѳедоровичъ остановился, наконецъ, передъ сидѣвшимъ за столомъ Петромъ Семеновичемъ и, уставивъ на него сквозь очки свои большіе сѣрые глаза, сказалъ:

— Надо ждать.

И опять съ правильностію часового маятника зашагалъ изъ угла въ уголъ.

— Да, жди, когда еще все это дѣло устроится,—рѣзко замѣтилъ Петръ Семеновичъ—и порывисто перемигнулъ свое положеніе на стулѣ.

— Жди! Еще прошедшій разъ я попа ублажалъ цѣлый часъ, и такъ и такъ ^и уговаривалъ его... Сколько было потра-

чено словъ и обѣщаній... да вѣдь это ужъ и не первый разъ: еще отецъ до болѣзни чуть-ли уже не съ годъ времени ходилъ около него, обѣщалъ ему тысячу рублей, а все не поддается.

— Тысячу мало,—промолвилъ Спиридонъ Ѳедоровичъ, опять останавливаясь предъ Петромъ Семеновичемъ.

— Предложить развѣ еще тысячу.

— Да!

— Гм! гм,—продолжалъ Петръ Семеновичъ:—этакъ сколько разбросаетъ денегъ, пока дѣло-то кончится!..

— Да!

Нужно замѣтить, что Спиридону Ѳедоровичу не было въ точности извѣстно, сколько выдано Павлу Павловичу Коромыслову денегъ въ ожиданіи выхода замужъ его племянницы за Петра Семеновича; но что онъ догадывался на-счетъ этихъ выдать—это было ясно, потому что теперь, отвѣтивъ «да» на слова Петра Семеновича, онъ не отошелъ отъ него, чтобы начать снова свое измѣреніе комнаты, а стоялъ передъ нимъ, широко разставивъ ноги и смотря прямо ему въ глаза.

— Да! — снова повторилъ онъ, какъ-бы вызывая продолженіе разговора на ту же тему.

Такъ какъ послѣдніе трудные дни болѣзни Семена Игнатьевича вызвали уже много такихъ тайнъ, о которыхъ до сихъ поръ никто не зналъ, кромѣ его самого, то тайна о количествѣ суммы, выданной Павлу Павловичу Коромыслову, уже не составляла большой важности въ общей сложности сюрпризовъ, заявленныхъ больнымъ въ тѣ трудныя минуты, которыя онъ считалъ предшествовавшими переходу его въ вѣчность. Теперь количество этой суммы было интересно только по самой темѣ разговора собесѣдниковъ, но ея навѣрное не могъ опредѣлить и самъ Петръ Семеновичъ, потому что, по словамъ отца, Павелъ Павловичъ бралъ у него деньги въ разное время и разными суммами.

— Однако, сколько?—спросилъ Спиридонъ Ѳедоровичъ, закладывая руки въ карманы брюкъ.

— Тысячъ до семи, кажется...

— Мало!

— Да, мало, какъ же!—недовольнымъ тономъ возразилъ Петръ Семеновичъ:—мало! тысячь десять убудетъ изъ всей-то суммы; вѣдь это, батенька, пять процентовъ...

Спиридонъ Ѳедоровичъ ничего на такую жалобу не возразилъ, замѣтно не придавая ей никакого значенія, и зашагалъ

опять по комнатѣ. Можетъ быть, и Петръ Семеновичъ понялъ, наконецъ, что его жалобный тонъ въ этомъ дѣлѣ совсѣмъ неуѣстенъ—вздыхнулъ и замолчалъ.

Спустя нѣсколько времени оба они сошлись на срединѣ комнаты и на этотъ разъ заговорили уже не о планахъ на-счетъ женитьбы, а по поводу тѣхъ сюрпризовъ, которые заявилъ на-канунѣ Семенъ Игнатьевичъ. Оба знали положеніе дѣлъ, количество предстоящихъ впереди платежей, количество товаровъ и полученій разныхъ суммъ, словомъ, оба знали теперь о степени трудности, съ какою бороться нужно было Семену Игнатьевичу и даже удивлялись, какъ онъ могъ такъ долго хранить отъ нихъ въ тайнѣ нѣкоторые изъ своихъ значительныхъ долговъ. Поохалъ Петръ Семеновичъ, повздыхалъ, подводя итоги разнымъ суммамъ долговъ, камнемъ лежащихъ на торговыхъ дѣлахъ отца, и рѣшительно заявилъ, что безъ несостоятельности обойтись трудно.

— Выкрутятся!—замѣтилъ Спиридонъ Ѳеодоровичъ.

— На время только оттянетъ, ну, на полгода, на годъ, а тамъ все равно нужно будетъ идти на несостоятельность. Лучше бы теперь, самое подходящее время. Увеличилъ бы кредитъ до милліона—и конецъ.

— Не захочетъ.

— Знаю я его, конечно, не захочетъ, пока его совсѣмъ не скрутитъ дѣло. Будетъ крахтѣть, ночи не спать, все придумывать разные выверты да выходы...

— Умень!

— Что-жъ изъ этого? Умень—никто не споритъ, а глупостей развѣ мало въ немъ. Есть достаточное количество. Вотъ хоть бы амбіція его—предѣловъ ей нѣтъ: первую роль въ городѣ играетъ, а чего это стоить!.. Предсѣдатель комитета вспоможенія, директоръ въ банкѣ, управляющій общества улучшенія и поощренія и т. д. и т. д. И все это ему такъ дорого и все это для него почти цѣль жизни.

— Всякому свое,—замѣтилъ Спиридонъ Ѳеодоровичъ, начиная опять ходить по комнатѣ, заложивъ руки за спину.

Однако былъ уже поздній часъ, и такъ какъ безплодные жалобы ни къ чему не могли привести собесѣдниковъ, то оставалось имъ снова разойтись для того, чтобы на слѣдующій день, когда кончится дневная суeta и снова наступитъ свободное время, опять сойтись для взаимныхъ объясненій о дѣлахъ и предположеній на-счетъ того, что предприметъ Семенъ Игнатьевичъ, когда совершенно оправится послѣ болѣзни.

Теперь, когда Петръ Семеновичъ ушелъ и Спиридонъ Оеодоровичъ, оставшись одинъ, могъ свободно заняться тѣмъ, чѣмъ ему хотѣлось, онъ прежде всего заперъ дверь на замокъ, снялъ поспѣшно свой спортулъ, бережно повѣсилъ его въ гардеробъ и затѣмъ завалился съ ногами на диванъ. По глазамъ, гнѣвно сверкавшимъ злобой, по бровямъ, часто хмурившимся и по энергичнымъ быстрымъ поворотамъ его, съ одного бока на другой, дѣлаемымъ по временамъ при необыкновенномъ скрипѣ дивана, можно было заключить, что онъ сильно сердитъ на кого-то за что-то. На кого же было сердиться, какъ не на Петра Семеновича, — онъ былъ сейчасъ въ его комнатѣ, но за что — это вопросъ. Петръ Семеновичъ всегда былъ съ нимъ, какъ говорится, запросто, почти на равной ногѣ, они знали другъ друга уже болѣе десяти лѣтъ. Спиридонъ Оеодоровичъ былъ постарше его лѣтъ на восемь — не болѣе, такъ что и въ сходствѣ лѣтъ была разница не слишкомъ крупная. Но Спиридонъ Оеодоровичъ теперь, дѣйствительно, сердился на него. Впрочемъ, нужно замѣтить, что онъ сердился часто, стараясь однако же отъ всѣхъ скрывать состояние своего духа. Насколько онъ былъ мало разговорчивъ съ другими, настолько много разговаривалъ мысленно самъ съ собой и разбиралъ по косточкамъ cadaго, съ кѣмъ приходилось ему имѣть дѣло. Теперь, ворочаясь на диванѣ съ боку на бокъ и безжалостно комкая подушку, на которой былъ вышитъ шерстами голоногий испанецъ съ гитарой, Спиридонъ Оеодоровичъ точно вымещалъ на этомъ голоногомъ испанцѣ всѣ тѣ обиды, какія онъ будто бы перенесъ въ этотъ вечеръ отъ Петра Семеновича.

«Этакое полѣно неотесанное», злобно думалъ онъ о немъ, «рожу разнесло попережь шире, щеки чуть не лопаются отъ жиру, на Кузьму Ильича сталъ походить, а тоже охаетъ и вздыхаетъ о здоровьи: и грудь, говоритъ, ноетъ и тоска щемитъ сердце. На долге тебѣ эта тоска! Велишь вотъ запречь себѣ сѣраго рысана, погоныишь на немъ сломя голову, народу перепугаешь по улицамъ сколько — вотъ тебѣ и облегченіе; а то натрескаешься шампанскаго съ такими же, подобными тебѣ остолопами — и тоска вся прошла до завтра... И всѣ-то заботы у нихъ, у проклятыхъ, только о деньгахъ. Ну, хоть бы разъ, разъ одинъ сказалъ о своей невѣстѣ, что вотъ, молъ, она мнѣ нравится, что вотъ, молъ, какъ я ее люблю, вотъ какіе у нея глазки, или вотъ такъ она сказала, такъ посмотрѣла... Эхъ, вы, истуканы серебряные!»

И понеслись мысли Спиридона Оеодоровича отъ этихъ серебряныхъ истукановъ къ тому обязательному образу, который жилъ давнымъ-давно въ его сердцѣ и мучилъ и томилъ его собою.

«Вѣдь вотъ какая моя несчастная судьба», думалъ онъ, «вѣдь могъ бы я устроить свою жизнь обстоятельно, и дѣвица Марія Семеновна тихая, кроткая, по гостямъ ходить не любить, и былъ бы я для нея мужъ самый подходящий».

Такъ мечтая о своей женитьбѣ, Спиридонъ Ѳеодоровичъ уже не ворочаясь съ боку на бокъ и не мля безжалостно голоногаго испанца, а, развалившись во всю спину и заложивъ обѣ руки за подушку, мечтательно палилъ глаза куда-то въ даль, какъ-бы стараясь прозрѣть въ этой дали свою будущую судьбу».

«Нѣтъ, я несчастливый человѣкъ, другому это все такъ легко дается, а мнѣ нѣтъ. Не везетъ. Главное, нѣтъ въ ея сердцѣ мнѣ отвѣта. Если бы, да если бы, да вѣдь какъ бы съ ней зажили: вѣдь ужъ какъ тамъ ни говори, а все же ужъ Сементъ Игнатьевичъ за дочкой-то отсыпалъ бы десяточка три тысячекъ. Нѣтъ, не везетъ. Не смотреть она на меня, а впрочетъ, вѣдь иногда я замѣчалъ, какъ будто и взглядываетъ. Тутъ на-грѣхъ еще моя поганая близорукость, черезъ нее много теряю. Другой разъ, можетъ быть, она такъ на меня смотреть, что до нея, какъ говорится, руной подать, а я не вижу... Самыя увеличительныя очки купилъ, а все какъ-то не ясно, все какъ-то въ туманѣ... Замѣчаю, однако-жъ, что она поскучиваетъ, пригорюнилась, жениха поджидаетъ. Какъ не поджидать, дѣвушкѣ двадцать лѣтъ, родныхъ мало, тѣтка злющая, да тутъ отъ скуки удавиться можно. Не велика важность, что родитель въ другой разъ палгорода собираетъ на вечеръ, да развѣ это часто? Оно гораздо пріятнѣе, ежели когда гостей по-меньше, да народъ подходящий, по-сердцу, напимѣрь... Вотъ бы вышла за меня, тогда бы ми выбрали, что намъ на руку... Ну, тѣмъ бы я ей не женихъ, тѣмъ я ей не пара?»

Спиридонъ Ѳеодоровичъ снова поднялся съ дивана, зажегъ опять двѣ свѣчи и, поставивъ ихъ передъ зеркаломъ, надѣлъ свой новый сюртукъ и сталъ опять палить глаза себѣ на спину, смѣясь рассмотреть севозы очки «пара-ли онъ теперь Машѣ»...

«Надо уповать», думалъ онъ потомъ, завалившись спать, «никто какъ Богъ. Не вѣкъ же такъ жить и своего угла не имѣть! Все же чай тысячъ... ну, хоть двадцать дать же онъ за ней. Гм... гм... Да вѣдь надо еще ее сначала добыть—дорога дальняя: иду, иду, а все ничуть не ближе. Эхъ, ты жизнь моя горькая!»

Такимъ образомъ, унодобленіе Петра Семеновича серебряному истукану было со стороны Спиридона Ѳеодоровича, если и справедливо, то нѣсколько односторонне, такъ какъ и самъ онъ

пѣнялся въ Машѣ всего болѣе тѣмъ, что за нею могло быть получено хорошее приданое.

А Маша въ это время сидѣла въ своей комнатѣ, занятая думами, не имѣвшими ничего общаго съ думами Спиридона Федоровича. Сознавая, что здоровье отца уже близко къ полному восстановленію, она сосредоточивалась на мысли, какъ ей поступить въ томъ случаѣ, когда отецъ окончательно встанетъ съ постели: высказать-ли ему прямо о своемъ намѣреніи уѣхать въ Петербургъ на медицинскіе курсы, или уѣхать ничего не говоря. Если сказать, то когда и какъ; если ѣхать тайно, то какое для этого избрать время?

Д. СТАХЗЕВЪ.

ЧЕРНОГОРСКІЯ ЖЕНЩИНЫ

I.

Родилась черногорка... Мать убаюкивает ее словами юнацких пѣсень, обѣщая въ нихъ ей мужа — не богача, не красавца, но богатыря:

„Расти, кчери, докле не порастеш,
Кад порастеш, кад лепа нарастеш,
Удатыу те за добра јунака“.

(Рости, дочка, пока не вырастешь красвою дѣвушкою,
тогда я выдамъ тебя замужъ за храбреца).

Вотъ первое воспитаніе черногорки, — первое пророчество и желаніе ея матери, которая только объ одномъ и думаетъ, чтобы ея дочь вышла замужъ за богатыря. Но чтѣ отецъ, — какъ онъ относится къ новорожденной? «Извините», говоритъ отецъ, рассказывая о рожденіи дочери, «у меня родилась дочь» — и это «извините» («опростите»), характеризующее отношеніе отца къ новорожденной, сопровождаетъ ее до могилы: черногорецъ о своей дочери, женѣ, сестрѣ, матери, не можетъ иначе говорить, какъ прибавляя слово «опростите». Почему же это такъ?

Многіе путешественники, не проникнувъ въ центръ страны, по незнанію языка и нравовъ, по недоступности горъ и самаго народа, не любящаго сближаться съ иностранцами, поняли этотъ обычай, какъ фактъ, говорящій въ пользу ихъ предположенія, что черногорка — рабыня. Но они очень ошибаются: я, зная свою родину и ея обычаи, готовъ опровергнуть эти нелѣпыя свѣдѣнія, распространяемыя по Европѣ, и постараюсь дальше

объяснить, что черногорка пользуется полнымъ равенствомъ съ черногорцемъ.

Дѣйствительно, черногорецъ не радуется новорожденной: онъ предпочитаетъ, чтобы у него родился сынъ; но этого самаго мнѣнія придерживаются поселяне всего міра, потому что, получая сына, они со временемъ приобрѣтаютъ рабочую силу. А въ Черногоріи и еще болѣе нуждались въ сыновьяхъ: историческая жизнь этого народа сложилась такъ, что ему приходилось 500 лѣтъ бороться за свободу своей родины съ врагомъ, гораздо сильнѣйшимъ его — турками, и очень естественно, что онъ, какъ народъ воинственный, желалъ имѣть побольше людей, способныхъ воевать; во-вторыхъ, общественная жизнь черногорца заставляла его постоянно съ нетерпѣніемъ ожидать сына: до владыки Петра II между самими черногорцами шли племенные распри, происходившія изъ «кровной мести», и надѣяться на побѣду должна была та сторона, въ которой преобладало мужское населеніе. Въ-третьихъ, домъ и, наконецъ, племя, въ которомъ находилось больше мужчинъ, брало верхъ надъ другими племенами и называлось «кутичи», а другіе — «нивоговичи» (это замѣняло въ Черногоріи несуществующія тамъ сословія). Нельзя было не желать сыновей, — и такъ это бывало и бываетъ у всѣхъ воинственныхъ народовъ.

Но почему же «опростите», почему съ такимъ пренебреженіемъ встрѣчаетъ черногорецъ черногорку, появляющуюся на свѣтъ? Какъ вы увидите изъ моего разсказа, черногорецъ уважаетъ женщину и готовъ погибнуть за нее; но патриархальные нравы смотрятъ вообще на отношенія къ женщинѣ, какъ на грѣхъ, и черногорецъ также говорить «опростите» и о родившемся сынѣ. Если ему необходимо сказать, что его супруга находится въ интересномъ положеніи, онъ не находитъ словъ для выраженія этого обстоятельства, и смѣшно смотрѣть, какъ усиливается онъ подыскать болѣе приличное и удобное слово.

Но, несмотря на предпочтеніе сыновей, черногорская дѣвочка растетъ, встрѣчая такую же любовь; съ того времени, какъ дѣвочка начинаетъ говорить, отецъ не пренебрегаетъ ею, играетъ съ ней, цѣлуетъ ее. Хотя она при появленіи на свѣтъ и не возбуждаетъ такого одушевленія и радости, какъ сынъ, котораго встрѣчаютъ выстрѣлами, похвалами и ширшествами, но все-таки она считается равнымъ членомъ семейства, какъ и ея братъ. Ея воспитаніемъ — опять, какъ вездѣ — занимается мать, сестра, тѣтка, вообще женщины; отцу принадлежитъ исключительно воспитаніе сына. Но и дочь внимательно слушаетъ, какъ отецъ, сидя вече-

ромъ у костра, поетъ эпическія пѣсни своего народа, «уз гусларски звонъ», и также съ ребячества напивается духомъ храбрости и самопожертвованія, который отличаетъ черногорскихъ женщинъ.

II.

Воспитаніе черногорской женщины — спартанское. Она растетъ въ родительскомъ домѣ до седьмого года; подростши, она исключительно занимается уходомъ за птицами; на нее до этого времени и не обращаютъ много вниманія. Но когда исполнилось дѣвочкѣ семь лѣтъ, въ ней уже появляется инстинктивное стремленіе къ труду, ее начинаютъ считать членомъ семейства, которое своимъ трудомъ зарабатываетъ хлѣбъ. Не разъ путешественникъ встрѣчалъ на отвѣсныхъ скалахъ Черногоріи молодую дѣвчонку, которая тащитъ на плечахъ тягу дровъ, ею самую нарубленныхъ, — не разъ онъ могъ видѣть румяную восьмилѣтнюю дѣвчонку, которая, какъ серна, прыгаетъ по неприступнымъ скаламъ романтическаго Ловчена за бѣлоруннымъ стадомъ.

Въ Черногоріи развито скотоводство, особенно въ краяхъ сосѣднихъ съ Герцеговиной, Старой-Сербіей и Албаніей. Заниматься скотоводствомъ, быть пастухомъ — считается почетнымъ; несмотря на родъ, племя и развитіе, всѣ черногорцы и черногорки переживаютъ эту фазу жизни. Странно это кажется многимъ путешественникамъ; одинъ изъ русскихъ ученыхъ путешественниковъ удивлялся, что черногорскій князь былъ прежде пастухомъ... Но пастушество для черногорца — и военная школа. За недостаткомъ въ своемъ краю пастбищъ, черногорцы принуждены были водить свои стада на турецкую территорію и тамъ пасти ихъ силой. Окруженные со всѣхъ сторонъ ренегатами, которые въ храбрости нисколько не уступаютъ имъ самимъ, черногорцы неоднократно вынуждены бывали съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать своего барана, — иной баранъ стоитъ головы черногорскаго юноши, нерѣдко и дѣвушки. Благодаря этой обстановкѣ и у черногорской дѣвушки и женщины формируется такой характеръ, — приобретается энергія, храбрость, которая стала славою черногорскаго народа. Здѣсь черногорецъ-дѣвицѣ случается увидать раненаго брата, убитаго дядю, обезглавленнаго отца! Нервы ея крѣпнуть, она исполняется местию туркамъ; ей не разъ приходится и самой участвовать въ скватѣхъ...

Вотъ одинъ случай. На восточномъ краю Черногоріи живетъ

племя Дрекаловичей, которые пасутъ свои стада въ густыхъ лѣсахъ высокаго, вѣчно покрытаго снѣгомъ Дурмитора, большая часть котораго принадлежитъ туркамъ-колашинцамъ. Паслось стадо черногорца Митры, смотрѣла за нимъ двѣнадцатилѣтняя дѣвочка Яница, рядомъ паслись стада и другихъ черногорцевъ: всего въ этомъ краю находилось до двадцати пастуховъ и пастушекъ. На противоположной сторонѣ пасли турки-колашинцы. Въ одно майское утро, раньше зари, послышался голосъ Яницы: «братцы, на ноги! идутъ турки!» Моментально этотъ голосъ разнесся между молодыми пастухами и пастушками. Всѣ встали, вооружились и, собравъ раньше свое стадо и заперши его въ торъ, заняли позицію. «Гдѣ турки, Яница?» — «Вотъ, смотри, уже поднимаются на гору. Идите, ребята, веселѣй, рубите турка, — вѣдь онъ несетъ намъ свое оружіе въ подарокъ».

«За крестъ чести и свободу златну — кто черногорецъ — впередъ!» закричала Яница и бросилась впередъ, вооруженная однимъ кремневымъ пистолетомъ. Для черногорца и не нужно больше этого слова: тогда онъ бросаетъ ружье — цефердаръ, хватаетъ «святой ятаганъ» и бросается на врага. Пастушки тоже послѣдовали за ними: у одной — дубина, у другой — топоръ, у третьей — ружье, но у большинства — камни, которые онѣ и бросаютъ съ высокихъ скалъ на наступающаго врага...

Схватка началась... Турки отступаютъ, черногорцы торжествуютъ, возвращаясь съ окровавленными ятаганами и турецкими трофеями; они безъ особенныхъ потерь уничтожили двадцать турокъ. Но кого несутъ на носилкахъ по извилистой тропинкѣ? Это — Яница: она довольно тяжело ранена ятаганомъ по плечу; спасая другого, она получила сама ударъ, но она не плачетъ, — она смѣется, она радуется, что спасла своего жениха Марка.

При такихъ примѣрахъ, которыхъ множество, черногорки не только участвуютъ въ битвѣ, но послѣ ухаживаютъ за ранеными, становясь сестрами милосердія. Не мудрено, что изъ нихъ воспитываются впоследствии матери — славянскія спартанки...

Въ послѣдніе годы и русскимъ докторамъ не разъ случалось видѣть между своими націентами дѣвочекъ 8—12-ти лѣтъ. Лично я зналъ двухъ такихъ, — онѣ лежали въ цетиньскомъ госпиталѣ «Биларда». Обѣ были ранены въ правое плечо.

О чемъ же думаетъ такая пастушка въ продолженіи своего пастушества?

На неприступныхъ романтичныхъ черногорскихъ горахъ, пропитанныхъ кровью турецкой, нерѣдко увидишь молодую строй-

ную, красивую дочь природы, которая, какъ олень, прыгаетъ за молодыми агнятеами.

„Раста драги, докле не порастеш,
Кад порастеш, проси ме у отца,
Па донес ми на дар ти ябуку,
Турску главу на верх оштра колца“.

(Раста мой женихъ, пока не вырастешь; когда вырастешь, проси меня у отца, но принеси мнѣ въ подарокъ яблоко — турецкую голову на остромъ колу).

Такъ черногорецъ еще ребенкомъ пропитана традиціоннымъ озлобленіемъ противъ турокъ и подстрекаетъ своего будущаго жениха, чтобы онъ непременно постарался добиться ея любви «кровью турка», — она отъ него ничего не желаетъ, только чтобы онъ былъ юнакъ.

Цивилизованныя дамы могутъ придти въ ужасъ: «что тутъ хорошаго? Варварство, отсутствіе женской нѣжности, жажда въ пролитію крови» и т. п. Но я скажу въ защиту моихъ соотечественницъ, что женщина, которая съ самаго рожденія слушала «уз гуслярни звонъ» о подвигахъ своихъ прадѣдовъ, которая видѣла, можетъ быть, не разъ, какъ турки ранили ея отца, оскорбили сестру, мучили старую мать, отрубили голову любимому брату и пр., и не можетъ иначе чувствовать; ея условія жизни, окружающая среда, доблестная исторія ея народа — даже обязываютъ ее быть подстрекательницею народа, которому она считается дочерью.

III.

Но пускать взрослыхъ дѣвушекъ въ пастушки или «пастырицы», какъ ихъ у насъ называютъ, въ обществѣ молодыхъ «пастырей», безъ всякаго родительскаго присмотра, — не покажется ли съ перваго взгляда страннымъ и щекотливымъ? Правда, странно для человѣка незнакомаго съ высокою нравственностью черногорцевъ, но вполне естественно для того, кому она извѣстна. Народъ черногорскій придаетъ великое значеніе чистотѣ нравовъ, — рѣдко случается, чтобы дѣвушка нарушила строгій обычай. Если такая и найдется, — она не только бываетъ прогнана изъ родительскаго дома, но народный обычай прогоняетъ ее и изъ границъ ея маленькаго отечества; обыкновенно она обречена искать убѣжища въ Турціи и Австріи. Но и молодца, который осмѣлился пренебречь обычаемъ, ждетъ ужасная казнь:

въ большинствѣ случаевъ его убиваютъ братья оскорбленной дѣвушки, хотя случается, что дѣло приходитъ въ обоюдному соглашенію, т.-е. онъ женится на дѣвушкѣ. Но и въ послѣдствіи, уже въ законномъ бракѣ, она не пользуется уваженіемъ. Не разъ изъ-за этого повода выходили ужасныя кровопролитія между племенами, изъ которыхъ однѣ принимали сторону дѣвушки, другія — юноши.

Тридцать лѣтъ тому назадъ, — рассказывала мнѣ бабушка, — жила въ моей деревнѣ дѣвица Мака, которую родители послали пасти стадо на островъ Вранину, на Скутарскомъ озерѣ. Тамъ пасло и племя цеклинъ. Между цеклинскими пастухами былъ сынъ капитана Лага Джуканова, Иванъ, который соблазнилъ Маку. Несчастная дѣвица поздно опомнилась — и рѣшила удавиться. Но въ ту минуту приходитъ ея братъ и спрашиваетъ: что сестрица? Отчего ты такъ скучна? Что съ тобой?

— Братъ, я недостойна зваться твоею сестрою, я несчастная, я нанесла пятно на нашъ храбрый домъ...

— Что ты сестра, съ-ума сошла или шутишь! Не можетъ быть! Кто оскорбилъ тебя? Покажи его или я убью тебя, — слышишь — покажи!...

Но несчастная не хотѣла выдать любимаго юнака, она предпочла смерть и бросилась въ глубокое озеро. Братъ посмотрѣлъ на эту сцену спокойно, онъ только сказалъ: «и лучше честно умереть, чѣмъ нечестно жить!» и бросился искать молодыхъ пастуховъ. Не долго искалъ; нашелъ ихъ онъ въ веселой бесѣдѣ, которую онъ прервалъ такими словами:

— Гдѣ скрылся извергъ, трусъ, подлецъ, который осмѣлился осрамить мою сестру? Если онъ юнакъ, то пусть выходитъ на поединокъ? Гдѣ онъ, баба?..

Закипѣла кровь, поднялась рука — и въ ней ятаганъ: вышелъ молодой, красивый парень, Иванъ: «Вотъ я! вотъ тебѣ и поединокъ!» Скрестили они ятаганы: разъ, два — и все кончено! Нѣтъ головы у Ивана — онъ убитъ...

Послѣ этого событія загорѣлась война между двумя племенами, стоившая сорока человѣкъ убитыми и ранеными. Такъ дорого цѣнятъ честь черногорцы!..

Молодая черногорка сама сознаетъ, какъ она можетъ своею несдержанностью уронить свой домъ, даже племя, и предпочитаетъ смерть безчестію. Вотъ примѣръ изъ прошлогодней турецко-черногорской войны, извѣстный всей Черногоріи. На границѣ Васоевичей находится турецкая крѣпость Колашинъ, вторая, вѣстать замѣтить, въ силу берлинскаго трактата, уже находится

въ рукахъ черногорцевъ. Въ 1877 году Мехмедъ-али-паша напалъ на племя Васоевичей; Али-Санъ-паша двигался на соединеніе съ извѣстнымъ Судейманомъ-пашой, который прошелъ Дугу, достигъ Никшича, перевалилъ на правую сторону и находился въ Бѣлопавличѣ.

Именно въ это время войско Мехмеда-али-паши, состоявшее изъ албанцевъ, которые его впоследствии убили, заняло деревню, кажется, Смоково. Часть неуснѣвшихъ спастись жителей была вырѣзана, другая—посажена на колъ, третья—брошена на съѣденіе свиньямъ. Осталась въ живыхъ одна только жертва, шестнадцатилѣтняя дѣвушка Іоке. Во время всеобщаго избиенія она успѣла спрятаться въ какую-то пещеру, но зоркіе глаза юсбаши Мехмеда не упустили изъ виду красавицы; онъ бросился на Іоку, защищавшуюся, насколько было возможно, камнями. Бой былъ неравенъ; Мехмедъ естественно оказался сильнѣе, можетъ быть, не вполне еще сформировавшейся дѣвицы... Онъ ее взялъ живую въ плѣнъ. Началъ онъ цѣловать свою плѣнницу. Защищаться было напрасно, оставалось употребить прирожденную горцамъ хитрость. Іоке обратилась къ Мехмеду съ такими словами: «делибаша (красавецъ)-турокъ, вѣдь я не убѣгу отъ тебя, я твоя... но только не здѣсь,—здѣсь насъ увидятъ, пойдемъ дальше, пойдемъ, делибаша!»

Мехмедъ послѣдовалъ за Іоке на край отвѣсной скалы. Здѣсь, стоя на границѣ жизни и смерти, Іоке прошептала Мехмеду: «поцѣлуй меня, делибаша!» Разгорѣлись глаза у свирѣпаго турка, охватилъ онъ ее своими окровавленными руками, охватила и она его за шею, крѣпко прижала къ своей дѣвической груди и—бросилась вмѣстѣ съ нимъ въ пропасть... Они погибли... Спустя нѣсколько дней родственники спустились въ пещеру и тамъ нашли два трупа: изверга Мехмеда и героини Іоке. Народъ впоследствии говорилъ: молодецъ-дѣвушка!

На правой сторонѣ рѣки Тари, текущей въ черногорскихъ Дробнякахъ, находится монастырь Доволя, построенный монахомъ Германомъ въ 1707 г. Прелестная мѣстность, покрытая лѣсомъ, окруженная горами, приманила сюда и турокъ. Въ 1857 году въ этомъ монастырѣ находилась турецкая посада (гарнизонъ); начальнику ея пришлось по душѣ четырнадцатилѣтняя черногорская дѣвушка—и онъ рѣшилъ, во что бы ни стало, овладѣть ею. Но какъ это сдѣлать? Онъ хорошо зналъ, что черногорецъ не станетъ съ нимъ, мусульманиномъ, и разговаривать; оставалось увести ее, что онъ и сдѣлалъ. Несчастная дѣвушка пала жертвой страстей турецкаго бимбаша...

Вѣсть разнеслась по Черногоріи и особенно на Цетиньѣ. Тогдашній князь Данилъ, человѣкъ мужественный и энергичный, нискоимъ образомъ не хотѣлъ перенести оскорбленія, сдѣланнаго простой дѣвушкой, и немедленно приказалъ черногорцамъ уничтожить турецкій гарнизонъ. Сказано—сдѣлано. Гарнизонъ былъ вострѣбленъ до единого человѣка.

Считаю нелишнимъ упомянуть здѣсь о бесѣдѣ русскаго путешественника, А. Н. Попова, съ владыкой черногорскимъ, Петромъ П.

Поповъ. «Отчего нѣтъ въ Черногоріи ни одного постановленія объ оскорбленіи дѣвицы или замужней женщины?»

Владыка. «Не нужно».

Поповъ. «Но, а если кто оскорбитъ женщину?»

Владыка. «Это было бы то же самое, если бы мы сказали: «ну, а если кто вспрыгнетъ на луку?»

Далѣе въ своей книгѣ Поповъ говоритъ: «права мужчинъ и женщинъ въ Черногоріи однѣ и тѣ же, и нѣтъ никакой зависимости, кромѣ нравственной; личность женщины обезпечена еще болѣе, нежели личность мужчины».

Не разъ дѣвушки совершали подвиги, которымъ удивлялся весь народъ, и которые сохраняются въ народныхъ пѣсняхъ.

Вотъ, между прочимъ, историческій фактъ, вложенный народомъ въ уста гуслярамъ:

На деревню Камтель напалъ сильный отрядъ турецкихъ войскъ; онъ грозилъ превратить все въ пепель. Не трудно было взять приступомъ слабо защищенную деревню, и турки, дѣйствительно, взяли и разорили ее, но не могли овладѣть они «кулою» (башнею), въ которой искали убѣжища женщины и дѣти, геройски защищавшія ее. Много турокъ легло подъ стѣнами башни, но подъ конецъ не доставало силы храбрымъ женщинамъ.

— Что же намъ дѣлать?—спросила одна.

— Я знаю что!—отвѣтила дѣвица Іела Марунова и, стащивъ въ уголъ башни весь остававшійся порохъ, поспѣшно отворила ворота.

Турки, озабоченные потерями, воспламеняемые—отчасти желаніемъ отмстить за павшихъ товарищей, отчасти овладѣть женщинами, жадно бросились въ башню. Но когда вошло въ нее человѣкъ до 500, страшный гулъ взрыва пронесся по окрестностямъ: отъ башни остались только развалины—и въ нихъ похорожены всѣ—кто въ ней были—и славянки, и турки...

IV.

Черногорская дѣвушка бываетъ «планинкой» (пастушвой, отъ «планина» — гора) только весной и лѣтомъ — и тогда учится хозяйству: дѣлать масло, сыръ и проч., не забывая въ свободное время заняться работой. Она вяжетъ свои живописныя рубашки, схожія съ малороссійскими, шьетъ одежду брату, отцу, родственникамъ, дѣлаетъ обувь, т.-е. «опанки» или русскіе лапти: только у насъ они далеко прочнѣе, лучше и красивѣе.

Дѣвушку считаютъ за хорошую рабочую силу; она трудолюбива, она работаетъ постоянно — лѣтомъ и весной въ густыхъ лѣсахъ и пастбищахъ, осенью и зимой у родительскаго очага. Иначе не можетъ и быть. Условія черногорскаго быта заставляютъ женщину вести именно такую труженическую жизнь. Въ то время, какъ мужчины дерутся съ врагомъ, въ двадцать разъ сильнѣйшимъ, чтобы спасти свою родину, женъ и дѣтей, женщины занимаются домашними работами, чтобы имѣть возможность прокормить юнаковъ. Если къ этому еще прибавить, что, до послѣдняго времени, черногорцы, какъ народъ воинственный, всевозможныя ремесла считали ниже достоинства война, и что не находилось человѣка, который согласился бы взять въ руки ремесленный инструментъ, то не мудрено, что приходилось женщинамъ дѣлать то, чего черногорецъ такъ боялся.

Кстати упомяну здѣсь, какимъ способомъ появился первый ремесленникъ въ Черногоріи, сапожникъ Чокета.

Молодой бѣлопавличъ Чокета приготовлялся въ какой-то школѣ къ священническому званію, но такъ какъ онъ хромалъ на одну ногу, то владыка и не согласился посвятить его. Въ это время князь Николай пригласилъ нѣсколько ремесленниковъ изъ Австріи въ учителя молодымъ черногорцамъ, которыхъ князь намѣревался собрать и отдать въ руки австрійскимъ учителямъ. Но, увы! князю не удалось собрать молодежи: кому онъ ни предложить, — всѣ отказываются. Всѣ говорятъ: «господару! наши предки рѣзали турокъ, а не сапоги шили, — мы убѣдимъ въ Турцію, если насъ заставятъ работать». Родители тоже взбунтовались. Нечего было дѣлать; князь долженъ былъ отказаться отъ своего плана. Только несчастный Чокета, не принадлежавшій къ хорошему племени, былъ жертвой черногорскаго прогресса. Князь, разъ гуляя съ своей свитой въ Цетиньѣ, замѣтилъ Чокету и, подозвавъ его къ себѣ, началъ говорить: «Ну, Чокета, знай, — я тебя повѣшу, если ты не начнешь работать!» «Вѣшай, госу-

дарь, я предпочитаю смерть этому постыдному ремеслу». — Какъ постыдное? Ты, мой милый, не знаешь, что многіе европейскіе государи учатся ремеслу, — не то, что ты, бѣдняжка. Пойдемъ, Чокета, въ сапожнику, поработаемъ вмѣстѣ, чтобы черногорцы не смѣялись надъ тобой, — и если кто тебѣ что-нибудь скажетъ, ты ему отвѣчай: я съ господаремъ работаю». Сказано — сдѣлано. Князь взялъ въ руки работу и, такимъ образомъ, заставилъ работать Чокету. Такъ явился въ 1869 году первый черногорскій сапожникъ!

Но народъ не пересталъ смотрѣть на него съ презрѣніемъ, говоря: «ты занимаешься бабьимъ дѣломъ», а женщины говорятъ: «нашъ другъ Чокета».

V.

Итакъ, дѣвушка приходится много и усердно работать. На этотъ трудъ черногорцы привыкли смотрѣть съ благодарностью, которую они высказываютъ не словами, а дѣломъ: отомстить за дѣвицу считается одинаковымъ, какъ и отомстить за мужчину. Поповъ рассказываетъ въ своемъ путешествіи по Черногоріи фактъ, случившійся въ его время.

Черногорцы хотѣли разрушить одну австрійскую казарму, находящуюся на границѣ маленькаго княжества, но ихъ было мало, штурмомъ взять ее было невозможно. Тогда одна черногорская дѣвушка безъ вѣдома мужчинъ вздумала поджечь казарму; ее замѣтили австрійцы и убили...

Увидавъ это, черногорцы взбѣсились: «какъ же можно убивать женщину? это бабье дѣло!» (Самъ черногорецъ считаетъ самымъ постыднымъ дѣломъ тронуть непріятельскую женщину). И, вынувъ ятаганы, бросились на казарму и отомстили за молодую героиню.

Черногорецъ считаетъ своею обязанностью защищать вездѣ и противъ всякаго хотя бы и незнакомую женщину или дѣвушку. Приведу въ примѣръ дѣйствительное событіе изъ жизни племени кучи.

Былъ праздникъ въ извѣстномъ монастырѣ Бѣлопавличскомъ подъ Острогомъ, гдѣ почиваетъ тѣло св. Василя, поклониться которому стекается почти вся Черногорія, часть Албаніи и Герцеговины, не исключая и турокъ. Отправилась и одна дѣвушка изъ племени кучи, по имени Ружа. Подкараулилъ ее молодой Станко и преслѣдовалъ ее по дорогѣ, пока не догналъ. Загово-

рилъ онъ съ нею, началъ любезничать, какъ выучился въ Подгорицѣ, турецкой крѣпости, гдѣ жилъ два года, предложилъ ей присѣсть: она его послушала. Взялъ онъ изъ своей торбы разныхъ състныхъ припасовъ и предложилъ ей съ нимъ позавтракать: она не отказалась. Онъ было позволилъ себѣ и болѣе фамиллярное обращеніе съ ней; отвѣтомъ былъ ударъ, который нанесла ему по лицу Ружа, говоря: «извергъ! ты за хлѣбъ и соль хочешь оскорбить меня и мой домъ». Подвыпившій Станко, думая, что никто его не видитъ и не слышитъ, кромѣ Ружы, схватилъ ее и силой повалилъ на землю. Но все это видѣлъ и слышалъ его родной братъ, который, какъ звѣрь, прыгнувъ чрезъ какую-то стѣну и ятаганомъ отрубилъ голову родному брату... За то онъ спасъ честь молодой черногорки. Этотъ фактъ случился въ 1858 году.

Какая громадная разница въ отношеніяхъ черногорца къ женщинѣ сравнительно съ нѣкоторыми изъ кавказскихъ племенъ: черкесовъ, имеретинцевъ и др., гдѣ продаютъ своихъ дочерей, чтобы наполнить гаремы турецкихъ вельможъ, гдѣ по случаю прохода турецкихъ войскъ добровольно приводятъ своихъ женъ въ палатки турецкихъ офицеровъ. И вотъ такихъ-то женщинъ нѣкоторые путешественники сравниваютъ съ свободными дочерьми свободного народа!

Въ дополненіе этихъ эпизодовъ, не могу умолчать объ одномъ фактѣ нашей исторіи, гдѣ весь народъ принимаетъ участіе въ судьбѣ и чести нѣсколькихъ дѣвицъ.

Великій визирь боснійскій (1756 г.) съ 45,000 войскомъ вздумалъ заставить храбрыхъ черногорцевъ прислать ему «горный букетъ изъ лучшихъ цвѣтовъ неприступныхъ горъ». По преданію, визирь писалъ владыкѣ и государю черногорскому, Василию Петровичу: «слушай меня, горный монахъ: пришли мнѣ немедленно двѣнадцать красивыхъ дѣвицъ 12—15-ти-лѣтняго возраста, и кромѣ того еще вдову, красавицу Бѣлу Станишину: ихъ возьму я вмѣсто подати. Если не исполнишь моего желанія—клянусь тебѣ, черный монахъ, святымъ Мухамедомъ и богомъ Аллахомъ, что предамъ пламени всю Черногорію, и весь народъ вашъ или подъ саблю положу, или въ плѣнъ возьму!.. Помни о томъ, что теперь написано тебѣ и скорѣй отвѣчай». Черногорія находилась тогда въ критическомъ положеніи: изнуренная продолжительными войнами, она была доведена до крайности, былъ недостатокъ въ военныхъ припасахъ, свирѣпствовалъ голодъ, не было, наконецъ, ни денегъ, ни лошадей.. Что оставалось дѣлать владыкѣ? Онъ собралъ всѣхъ племенныхъ старшинъ Черногоріи, прочиталъ

письмо, на которое рѣшено было, по эническому преданію, отвѣтить такимъ образомъ: «пошлю я тебѣ вмѣсто дѣвицъ молодыхъ—двѣнадцать свиныхъ хвостовъ, а за одну Бѣлу Станишину—двѣнадцать бараньихъ роговъ, чтобы все это носилъ ты на своемъ турбанѣ; кромѣ того, пошлю тебѣ двѣнадцать камней, чтобы ты ихъ отослалъ царю, вмѣсто подати, и чтобы зналъ — что такое Черногорія». Послѣ такого отвѣта послѣдовала полнѣйшая разрывъ между владыкою и визиремъ; черногорцы ждали турокъ у Оногошти. Сраженіе продолжалось четырнадцать дней — съ переменнымъ счастьемъ, подъ конецъ турки начали одерживать верхъ. У черногорцевъ уже истощился запасъ пороку, но имъ удалось добыть аммуницію отъ бовезовъ; они напали на турокъ, разбили ихъ, визирь самъ едва усекалъ.

VI.

Обратимся къ домашней и общественной жизни черногорской дѣвушки.

Дѣвушка въ Черногоріи пользуется такою широкою свободою, съ которою можетъ сравниться только отчасти свобода американскихъ дѣвицъ. Родители пускаютъ ее вездѣ одну; даже и за границей Черногоріи, напр. на австрійскихъ и турецкихъ рынкахъ, присмотръ предоставляется ей. Иностранныхъ наблюдателей, которые считаютъ черногорку рабыней, поражаетъ и убѣждаетъ въ этомъ одинъ, съ перваго взгляда, странный обычай — цѣлованія дѣвушками и женщинами рукъ у мужчинъ, а въ нѣкоторыхъ краяхъ Черногоріи еще удержался обычай умовенія ногъ гостямъ. Этотъ послѣдній обычай очень древній, старославянскій и даже античный; существуетъ онъ въ пограничныхъ округахъ съ Герцеговиной и Старой-Сербіей: въ Банялахъ, Зубцахъ, Васоевичахъ и др. Что касается цѣлованія рукъ старшему, — то отъ него не освобождены и мужчины до шестнадцатилѣтняго возраста, т.-е. до той поры, пока они не начнутъ носить оружіе и воевать съ врагомъ отечества. Кромѣ того, женщина цѣлуетъ руку старшей женщины и сама получаетъ отвѣтный поцѣлуй въ щеку, напр., при встрѣчахъ на дорогѣ, хотя бы и незнакомыхъ черногорокъ. Неженатому мужчинѣ дѣвушка избѣгаетъ цѣловать руку; она считаетъ его недостойнымъ этой чести, потому что онъ еще не выросъ, чтобы носить оружіе, не выросъ, чтобы жениться, не выросъ, чтобы рѣзаться съ турками. Единственный случай, при

которомъ цѣлуютъ руку и у юноши,—это когда онъ отсутствовалъ изъ дома болѣе, чѣмъ на годъ.

Конечно, этотъ обычай кажется нѣсколько страннымъ иностранцу, привывшему, напротивъ, изъ уваженія къ прекрасной половинѣ человѣческаго рода, цѣловать прелестныя ручки, пропитанныя ароматами и духами. Признаюсь, и для меня, черногорца по рожденію, этотъ обычай показался страннымъ. Въ 1870 г., когда по окончаніи гимназическаго курса, я возвратился въ свою родную деревню, гдѣ уважали меня, какъ сына племеннаго предводителя, — я помню, какъ собралась вокругъ толпа юнаковъ. Всѣ они цѣловали меня въ лицо, но, вдругъ, приходятъ дѣвушки, женщины и старушки, годящіяся мнѣ въ прабабушки, схватываютъ мои руки и покрываютъ ихъ поцѣлуями. Я покраснѣлъ при такой неожиданности и поднялъ руки вверхъ, чтобы не дать имъ возможности продолжать эту для меня непріятную сцену. Я крайне удивился, когда одна красотка заплакала при этомъ; послѣ я узналъ, что она обидѣлась — зачѣмъ я не далъ поцѣловать ей мою руку, — хотя я охотно перецѣловалъ бы ея руки.

Не дать поцѣловать руку женщинѣ очень опасно, потому что не дають цѣловать только тѣмъ, которыя слывуть за безчестныхъ.

Этотъ обычай черногорцы получили въ наслѣдство отъ древнихъ сербовъ, и онъ до того укоренился, что если вы скажете черногорцѣ: отчего вы цѣлуете у мужчинъ руку? то, навѣрное, получите всегда такой отвѣтъ: «какъ же не цѣловать руки у такихъ юнаковъ, какъ наши братья, отцы, родственники, которые такъ храбро защищаютъ насъ и нашихъ дѣтей; они богатыри, а богатырей нужно уважать!»

Дѣвушки въ Черногоріи или совсѣмъ не пьютъ никакихъ спиртныхъ напитковъ или въ самыхъ незначительныхъ дозахъ. Пьяную женщину (какъ, впрочемъ, и пьянаго черногорца, который постоянно жилъ бы въ своемъ отечествѣ) — видѣть невозможно; недаромъ сложилась у насъ поговорка: «пьяница — готовая блудница». Дѣвушка тоже не уважаетъ мужчинъ, который много пьютъ; она радуется, если женихъ у ней трезвый, и говорить въ пѣснѣ:

„Мать моя! Оставила я шутить,
Я себѣ выбрала жениха...
Не пьеть онъ, не курить,
Развѣ немного вина,—во ни капельки воды“.

Дѣвушки, ничуть не теряя въ своей строгой скромности, бываютъ на общественныхъ сходкахъ, на народныхъ праздникахъ, собираются на «кѣрсно нма» (день сербскаго святаго, который считается погребомъ чьего-либо дома), гдѣ бываютъ національные танцы, такъ-называемые «хори». Здѣсь юнакъ не смѣется протанцовать съ дѣвицею оригинальный и довольно интересный народный танецъ, послѣ котораго цѣлуетъ ее предъ лицомъ всего народа. Этотъ традиціонный обычай очень уважаетъ нашъ народъ.

Правда, находятся знатоки нашего народа, въ родѣ француза Фриллея и сербскаго капитана Влаховича, которые въ своей книгѣ о Черногоріи утверждаютъ, что черногорецъ никогда не цѣлуетъ женщину въ лицо, а только въ воздухъ, наглядно показывая ей свое презрѣніе. Эти два автора сравниваютъ «рабство» черногорской женщины съ рабствомъ женщины у дикихъ первобытныхъ индійцевъ на берегахъ Ореноко и т. д. Но эти сужденія людей, совсѣмъ не понявшихъ черногорской жизни, не заслуживаютъ никакого вниманія. Какъ большинство иностранныхъ писателей, они не только не знаютъ народа черногорскаго, но и не могутъ знать, потому-что никогда не входили внутрь народной жизни. Писатели этого рода всего чаще просто переписываютъ другъ у друга. Перечитать едва ли не всѣ книги о Черногоріи, я пришелъ къ заключенію, что очень большая доля того, что находится въ книгахъ полковника Віалла 1720 г., Ами Буэ 1840 г., С. Робера 1844 г., Шопена и Убичини 1856 г., Ленормана 1866 г., Деларю 1862 г., а также и другихъ писателей, не что иное, какъ буквальное переписываніе одного у другого. Единственные путешественники, заслуживающіе нашего вниманія—это русскіе: А. Н. Пожовъ и Е. П. Ковалевскій, о которыхъ внослѣдствіи упомяну.

Віалла, Буэ, Роберъ имѣютъ значеніе только потому, что передаютъ нѣсколько характеристичныхъ фактовъ, забытыхъ народомъ.

Почти всѣ путешественники говорили о черногорской жизни подъ вліяніемъ своихъ домашнихъ взглядовъ и привычекъ. И нашли страннымъ, что дѣвушки или женщины сами пахнутъ землю, носятъ на плечахъ по два и по три пуда изъ Цетинья въ Каттаро на разстояніи болѣе пяти часовъ ходьбы и т. п. Но они не подумали, что въ это самое время ихъ мужья, братья, отцы или работаютъ еще усерднѣе, или стоятъ на турецкой границѣ часовыми, слѣдя за движеніемъ турокъ; что черногорцы заставляютъ женщинъ работать не изъ принципа, какъ восточ-

ные народы, а изъ нужды, изъ бѣдности. Нужда и бѣдность заставляютъ работать вездѣ. Мнѣ случалось видѣть самому въ Берлинѣ, Парижѣ, Лондонѣ и проч. женщинъ — отъ восьми-лѣтнихъ дѣвочекъ до шестидесятилѣтнихъ старухъ, работающихъ въ душливой атмосферѣ фабрикъ, съ семи часовъ утра до семи вечера. Стало быть, нѣмки, француженки, англичанки тоже рабыни? Эм. Зола говорить о французскихъ женщинахъ, которыхъ рабынями не считаютъ, слѣдующее: «французская крестьянка, развѣ выйдя замужъ, по большей части хорошо ведетъ себя. Она очень много работаетъ. Среди каждаго поля мы видимъ согбенныхъ женщинъ, работающихъ безъ отдыха, безъ перерыва, — это рабочіе воли. На сѣверѣ Франціи крестьянка большею частію умственно ниже крестьянина. Она покорна ему. На югѣ она трепещетъ мужа, на сѣверѣ иногда попадаются бой-бабы. Смерть приходитъ, какъ избавленіе. Во французскихъ селахъ роль женщины ограничивается рожденіемъ дѣтей и трудомъ; у нея нѣтъ другого дѣла. Суевѣрно-набожная, она слѣдуетъ узкимъ обрядамъ религіи и не можетъ способствовать смягченію нравовъ своихъ близкихъ. Если крестьяне развиваются такъ медленно, то это потому, что ихъ женщины не въ состояніи играть своей цивилизующей роли».

Вотъ характеристика самой свободной женщины; развѣ она лучше черногорки по Фриллею?

«Черногорки, — говорятъ Фрилле и Влаховичъ, — находятъ удовольствіе въ ихъ подчиненности и униженіи и даже видятъ въ этомъ удовлетвореніе своего самолюбія, совершенно не понимая того, что оно — просто самолюбіе вьючнаго животнаго, работающаго изъ всѣхъ своихъ силъ. Черногорецъ бьетъ свою жену, дочь или сестру самымъ жестокимъ образомъ, но это наказаніе не озлобляетъ ее; напротивъ, она переноситъ его съ гордостью!»

Возможно-ли вѣрить, чтобы такой нравственный народъ, какъ черногорцы, которые не заставили работать даже плѣнныхъ турчанокъ, чтобы они заставляли работать своихъ родныхъ матерей или чтобы ихъ матери свосили побои съ охотою и даже съ удовольствіемъ? Черногорецъ счелъ бы оскорбленіемъ назваться сыномъ «рабыни» и Боже сохрани, чтобы онъ назвалъ жену «рабой». Какая разница въ этомъ отношеніи у турка-помака и черногорца. Турокъ всегда скажетъ: «я взялъ жену хорешенькую — рабыню», черногорецъ не иначе какъ: «моя вѣрная любя». Пѣсня говоритъ именно о свободной черногорской женщинѣ: «Не родила меня рабыня-дѣвица, ни була, ни бѣлая

латинка, родила меня храбрая черногорка, которая не знает никакого рабства». Чтобы меня не заподозрили въ пристрастіи къ своему народу, приведу слова А. Н. Попова: «Постоянная война черногорцевъ была одною изъ главныхъ побудительныхъ причинъ въ развитію особаго характера семейныхъ отношеній. Всякій черногорецъ — воинъ, онъ вооруженъ съ того времени, какъ только можетъ носить оружіе и драться съ врагами. Этотъ военный характеръ черногорца придаетъ ему особенное значеніе въ общественномъ быту, ярко отличное отъ значенія женщины, потому что женщина, какъ не воинъ, не входитъ въ государственныя дѣла, какъ ее мужъ; ее дѣятельность ограничивается кругомъ семьи.

«При родовомъ устройствѣ, женщина не должна была мстить (хотя и есть очень многіе примѣры женской мести, которые и самъ Поповъ приводитъ), равно и мщеніе никогда не падало на женщинъ.

«Во время самой жестокой мести и междоусобной войны, женщина всегда безопасна, свободно ходитъ во враждебныя села, встрѣчается съ врагами, и никогда рука черногорца не поднималась на женщину. Очень интересенъ обычай: когда враждуютъ два племени, то враги, изъ опасенія быть убитыми по дорогѣ, обязаны не покидать своихъ деревень. Но такъ какъ нужно же бывать на общественныхъ рынкахъ: въ Каттаро, Рѣиѣ, Вирѣ, Даниловѣ градѣ, то собираются женщины, дѣвочки, и сопровождаютъ мужчинъ до рынка. Этотъ конвой, сильнѣе всякой вооруженной силы, потому что черногорецъ никогда не убьетъ человека въ присутствіи женщины.

«Уваженіе къ женщинамъ у черногорцевъ такъ сильно, что онъ раньше проститъ обиду свою, чѣмъ обиду женѣ, матери, сестрѣ, или даже незнакомой женщинѣ. На каждое дерзкое слово, направленное на женщину, одинъ отвѣтъ: или ударъ ятаганомъ, или пуля пистолета. Строгое разграниченіе семейныхъ обязанностей и военный характеръ черногорца владетъ особый отпечатокъ на отношеніи мужчинъ къ женщинамъ и обуславливаетъ некоторые обычаи, кажушіеся странными съ перваго взгляда, въ которыхъ думаютъ видѣть какое-то рабство и угнетеніе женщины, между тѣмъ, какъ всматриваясь внимательно въ особенныя начала ихъ быта, это поверхностное предубѣжденіе исчезаетъ само собою.

«Правда, что черногорецъ мало заботится о семейственныхъ занятіяхъ; почти всѣ домашнія работы принадлежатъ женѣ; она дѣлаетъ мужчинамъ руку и называетъ мужа не иначе, какъ

господаремъ, — но съ другой стороны, черногорка можетъ имѣть свое имущество, ея личность обезпечена болѣе еще, нежели личность мужчины. Права мужчинъ и женщинъ однѣ и тѣ же, и нѣтъ никакой зависимости, кромѣ нравственной.

«Женщина черногорская дика и робка внѣ своего дома, но за то нѣтъ гостепріимнѣе и услужливѣе хозяйки, какъ черногорка — дома».

С. Роберъ также понялъ эту сторону черногорской жизни:

— Черногорка, — говоритъ онъ, — для черногорца святыня, онъ бережетъ ее отъ всякаго оскорбленія. Черногорка очень учтивая и гостепріимна, если вы путешественникъ и особенно иностранецъ. Стоить спросить у женщины воды, чтобы она принесла вамъ молока или вина и, притомъ, безъ всякаго денежнаго вознагражденія». Таковъ же отзывъ и Ами Буэ.

VII.

Черногорская дѣвушка всѣми любима въ домѣ. Особенно нѣжная любовь существуетъ между братомъ и сестрой, и подобной любви, по моему мнѣнію, нигдѣ въ цѣломъ мірѣ отыскать невозможно. Дѣвушка, какъ членъ семейства, по смерти отца, можетъ получить въ наслѣдство все имущество, кромѣ родительскаго оружія, принадлежащаго въ силу обычнаго права — ближайшему родственнику, способному употребить это оружіе противъ врага. Есть обычай, что если остаются послѣ смерти отца малолѣтнія дѣти и между ними сыновья, то дочь въ наслѣдство ничего не получаетъ, кромѣ собственнаго имущества матери; но за то братья, а въ случаѣ ихъ малолѣтности омакуны изъ ближайшихъ родственниковъ, должны выдать ее за-мужъ и купить всѣ необходимыя для приданнаго вещи. Если она почему-нибудь не выйдетъ замужъ, то имѣетъ право остаться подъ родительскимъ кровомъ до самой смерти.

Дѣвушка пользуется совершенною полноправностію съ мужчиною. Ее допускаютъ одну предъ сельское начальство, предъ высшій судъ — сенатъ, предъ лицо государя и вездѣ она можетъ наложить ея претензіи; ея присяга имѣетъ одинаковое значеніе съ присягой мужчины. Во многихъ случаяхъ она пользуется снисхожденіемъ, недоступнымъ мужчинамъ. Ее всякій защищаетъ, если только она пользуется хорошею репутаціей; въ противномъ случаѣ даже ея близкіе родственники отказываются принимать въ ней участіе.

Въ Черногоріи, какъ и вездѣ на югѣ, женятся и выходятъ замужъ очень рано: тринадцати-четырнадцати-лѣтній возрастъ считается зрѣлымъ.

Обрученія дѣлались, бывало, еще въ колыбели между пяти-и-шестилѣтними дѣвочками и двухлѣтними мальчиками. Между прочимъ и я былъ обрученъ такимъ же образомъ.

Въ 1856 году, во время непрерывной войны съ турками, мой отецъ предводительствовалъ нашимъ племенемъ и, однажды, атаковалъ непріятельскую позицію около Скутарскаго озера. Турки-албанцы, которые въ храбрости нисколько не уступаютъ черногорцамъ, защищались очень удачно; нѣсколько безуспѣшныхъ атакъ еще болѣе воодушевило дикое арнаутское племя и оно, не выждавъ послѣдняго нападенія, бросилось на черногорцевъ съ атаганами въ рукахъ. «Страшная была эта минута!—разсказывалъ мнѣ послѣ отецъ.—Ружейные выстрѣлы стихли, только изрѣдка шелкали «леденицы»—маленькіе пистолеты, которыхъ пули или достигали убѣгающаго, или заканчивали жизнь раненаго... Уснѣхъ сначала клонился на нашу сторону, албанцы отступали, но, вдругъ, я увидѣлъ на правомъ флангѣ два турецкіе полка, которые открыли по насъ огонь. Не мудрено было ужаснуться въ десять разъ сильнѣйшаго и не менѣе храбраго непріятеля! Чтѣ оставалось дѣлать? Нужно было отступать. Такъ мы и сдѣлали. Я шелъ,—если не послѣднимъ, то въ послѣднихъ. Вдругъ, непріятельская пуля, сыскавшая меня, ранила въ ногу... Я упалъ и не могъ тронуться ни на шагъ. Голосъ мой, звавшій помощь, — былъ голосомъ вопіющаго въ пустынѣ: отъ сильной ружейной пальбы ничего не было слышно. Значитъ, я пропалъ... Вслѣдствіе сильнаго кровотеченія я ослабѣлъ ужасно, но не потерялъ сознанія; ожидая вѣркой смерти, я все-таки рѣшился продать жизнь подороже: въ рукахъ я держалъ два пистолета, заряженные—каждый тремя пулями—и ждалъ своего палача... Недолго мнѣ пришлось ждать, я и теперь припоминаю, какъ албанцы съ азартомъ приближались, перегоняя другъ-друга: каждый хотѣлъ первымъ отрубить мою голову. Наконецъ, одинъ красивый горецъ, съ атаганомъ въ правой рукѣ, и съ головой черногорца въ лѣвой, кинулся на меня, крича какія-то непонятныя для меня слова, но удачный мой выстрѣлъ послалъ этого храбраго молодца въ рай Мухамеда. Другой, старшій, свалился къ моимъ ногамъ съ разбитымъ черепомъ. Но за то третій бросился на меня съ ужаснымъ ревомъ. Страшно мнѣ было видѣть смерть предъ своими глазами!.. Еще два шага, еще одинъ ударъ — и я былъ бы убитъ... но судьба, которой я вѣрю, спасла

меня. Не знаю, откуда-то высочилъ молодой черногорецъ Михайло, уроженецъ Цевлина, который однимъ ударомъ ягана отрубилъ голову смѣлому арнауту, и, затѣмъ, не долго думая, взвалилъ меня на плечи и вынесъ въ безопасное мѣсто. Черезъ нѣсколько дней я его увидѣлъ и предложилъ слѣдующую благодарность: «первый сынъ у меня и первая дочь у тебя—будутъ мужемъ и женой». Такъ и случилось: родился ты, и у него родилась дочь—Милица. Какъ только вы родились,—я сейчасъ послалъ ему обручальное кольцо и, обмѣнявшись посѣщеніями, повеселились, радуясь тому, что между двумя племенами «пріятельство».

Но если случайно родится у обоихъ отцовъ по сыну, тогда они должны быть «побратимами», — а если по дочери, тогда онѣ должны быть «сестрами». Объ этомъ я поговорю впоследствии.

Я свою невѣсту видѣлъ только разъ въ жизни—и то, когда мнѣ было отъ роду лѣтъ семь. Она мнѣ нравилась, я называлъ ее «вѣреницею» (невѣстою), отдалъ ей въ подарокъ какую-то турецкую брошь, но обстоятельства заставили насъ разойтись; я уѣхалъ за границу учиться, а она осталась дома, заболѣла и умерла...

Такихъ случаевъ бываетъ много—и обычай считается святымъ, сильнѣйшимъ инстинктомъ религіознаго. Рѣдко найдется черногорецъ или черногорка, которые отказались бы отъ брака, заключеннаго ихъ родителями; черногорское народное право позволяетъ отказаться только въ случаѣ наличности какого-либо умственнаго или физическаго недостатка, напр. въ случаѣ сумасшествія, слѣпоты и пр. Правда, не разъ случалось, что два племени, поссорившись, измѣняютъ этому условію, или, по-просту, дѣвушка заинтересовавшись другимъ, отказывается отъ жениха. Тогда начиналась «кървава освѣта» (кровавая мѣсть). Приведу въ примѣръ эпизодъ, случившійся лѣтъ сорокъ назадъ, о которомъ говорила вся Черногорія.

На четверть часа разстоянія отъ Цетинья находится подъ высокими скалами маленькое село, въ которомъ видно до двадцати бѣлокаменныхъ домовъ, которые всѣ снабжены бойницами на случай нападенія непріятеля. Эта деревня называется «Дань Край»; живетъ въ ней маленькое племя Ивановичей.

Одинъ изъ нихъ, по имени Илья Ивановъ, отправившись однажды въ гости въ сосѣднюю деревню Банце, къ племени Мартиничамъ, увидѣлъ красивую дѣвочку еще въ колыбели. Она такъ ему понравилась, что Илья въ азартъ отъ нея и отъ уго-

женія сказать предводителю Мартиновичей: «ошибитесь, братъ, мы охотѣе живемъ дружно, а чтобы скрѣпить эту дружбу родствомъ — отдай твою дѣвочку за моего пятилѣтняго сына Маркишу! Пусть дѣти растутъ, пока не вырастутъ, а потомъ сыграемъ свадьбу». Илья согласился. Сказано — сдѣлано. Сейчасъ послѣ этихъ словъ вышелъ изъ дому одинъ изъ Мартиновичей и выстрѣлилъ изъ пистолета. Этимъ выстрѣломъ онъ далъ знать, что будетъ празднество. Немедленно собралось все племя, появились водка и вино, началось веселье, стрѣльба, занялъ и гуслирь свое мѣсто, началъ онъ «уз гуслирни звон» пѣть «Женитьбу Максима Черноевича». Пиршество продолжалось всю ночь; церемонія свадебная тоже была соблюдена: подъ венецъ привели пятилѣтняго жениха, одѣтаго въ золото съ двумя маленькими пистолетами за поясомъ, и онъ, подойдя къ своей невѣстѣ и поцѣловавъ ее, подарилъ ей перстень.

Утромъ всѣ разошлись. Годъ шелъ за годомъ, пока росла Кристина. Четырнадцать лѣтъ отроду — она была высокой стройной красавицей и обращала на себя всеобщее вниманіе. Молодцомъ оказался и Маркиша, но не сумѣлъ затронуть сердца невѣсты; не его полюбила она, а другого юнака, который, опасаясь Маркишиной мести, рѣшился уйти въ Турцію. Долго отговаривали его родственники отъ этого поступка, — но все по-напрасну; онъ убѣжалъ въ Антивари съ Кристиной и тамъ поселился. Этимъ не кончилось дѣло. Ивановичи нашли себя оскорбленными, зачѣмъ Мартиновичи такъ вѣроломно уничтожили этотъ бракъ — и рѣшили мстить. За смерть одного Мартиновича, его родственники убили одного Ивановича: выступила на сцену «вроваяя месть». Рѣзня продолжалась шестнадцать лѣтъ — и въ теченіи этого времени съ обѣихъ сторонъ погибло шестьдесятъ два человека, все отборныхъ, храбрѣйшихъ и честнѣйшихъ черногорцевъ. Только усиліями владыки Петра они помирились, съ тѣмъ условіемъ, чтобы Мартиновичи выдали за одного изъ Ивановичей дочь воеводы Богдана: послѣ свадьбы заключенъ былъ вѣчный миръ.

Бываютъ и такіе примѣры, что вслѣдствіе постоянныхъ войнъ родъ имѣетъ только единственнаго представителя, какового-нибудь мальчугана. Что же дѣлать? Парень хотя и малолѣтній, но все-таки черногорецъ и, притомъ, хозяинъ дома. Положимъ, хозяинъ плохой, у него нѣтъ жены, да и самый домъ безъ женщины считается пустымъ, согласно съ пословицами: «тешко кучи, гдѣ нема жене» (тяжело дому, въ которомъ нѣтъ женщины), «пуста куча, гдѣ нема котуле» (пустой тотъ домъ, въ которомъ нѣтъ

юбки). Слѣдовательно, нужно женить мальчугана. Находить ему невесту изъ храбраго племени, которая обмѣновенно моложе его самого и вѣнчаютъ ихъ какъ взрослыхъ, съ соблюденіемъ всѣхъ обычныхъ церемоній. Дѣвчонку приносятъ въ домъ ея мужа, гдѣ она и воспитывается, пока не будетъ въ состояніи раздѣлить супружеское ложе. Такимъ образомъ женился и теперешній князь Николай. Княгиня Милена жила и воспитывалась у отца князя воеводы Мирка, пока князь оканчивалъ свое воспитаніе въ Парижѣ.

Но въ продолженіи этого времени — Боже сохрани! — если мужъ поцѣлуетъ свою малолѣтнюю жену. Это считается грѣхомъ въ силу стараго преданія, гласящаго: «великій грѣхъ развращать дѣвицу раньше, чѣмъ придетъ ея способность рождать». Такого человѣка преслѣдуютъ русалки и плодъ въ утробѣ его жены превращаютъ въ камень. Но и не будь этого повѣрья, уже самая честь черногорца не позволила бы ему совершить проступка. Примѣръ покажетъ, насколько сильна въ подобномъ случаѣ нравственность юноши-черногорца.

У брата черногорскаго владыки и князя Петра II былъ братъ Перо, при жизни владыки — предсѣдатель сената и полководецъ, а послѣ его смерти, владѣтель Черногоріи, до совершеннѣйшаго Даниїла I. У Пера была хорошенькая дочь Іоанна, которую онъ общалъ еще въ колыбели нѣкоему Дулагичу, уроженцу Цеклина. Но Іоанна, выросши, влюбилась въ моего дядю Петра Мартиновича, и на-отрѣвъ отказала Дулагичу. Отказъ былъ выслушанъ далеко не хладнокровно; не только женихъ, но и все племя возстало противъ этого поступка и in согроге, конечно всѣ вооруженные, пришли въ Цетинье искать правды. Они не посмотрѣли на то, что Іоанна дочь государя черногорскаго и что она невеста сына представителя сильнаго и храбраго племени Мартиновичей: они категорически предложили «или выдать имъ дѣвицу Іоанну — или бой на жизнь и смерть». Угроза произвела такое впечатлѣніе, что Перо рѣшилъ лучше мирнымъ путемъ окончить это дѣло. Хотя Іоанна и не любила Дулагича, но въ виду того, что она была ему общана, владыка разрѣшаетъ взять ее съ собой Дулагичу и держать въ продолженіи двухъ лѣтъ: если Іоанна полюбитъ его въ это время — пусть женится, если нѣтъ — то будетъ женою Петра Мартиновича. Дулагичъ согласился и съ палбою, съ пѣснями повезъ красавицу къ себѣ. Въ теченіи двухъ лѣтъ онъ старался ласковымъ обхожденіемъ и подарками подѣйствовать на сердце дѣвушки, но всѣ усилія его были напрасны, она осталась вѣрна своему Петру. «Прежній женихъ,

—разсказывала мнѣ послѣ тетя,—старался всѣми способами, чтобы я его полюбила въ продолженіи этихъ двухъ лѣтъ, но нигде не позволялъ себѣ фамильярности, онъ только честно и добросовѣстно угождалъ во всемъ, что я желала. Она осталась непреклонна и, возвратившись домой подъ пальбу изъ ружей, вышла за моего дядю.

Помню еще случай съ дочерью знаменитаго воеводы Вукановича и уроженцемъ Грахова Буланчемъ. Она была обѣщана Буланчу еще въ колыбели и свадьба была сыграна съ соблюденіемъ всѣхъ церемоній. Но неvěста, выросши, не влюбилась жениха и рѣшилась лучше совсѣмъ не выходить замужъ. Просьбы, даже заклинанія ея отца, извѣстнаго своимъ честнымъ характеромъ—пощадить его, старика, не срамить въ глазахъ народа,—не привели ни къ чему: она осталась вѣрною своему намѣренію. Тогда молодой Буланчъ, увидѣвъ въ чемъ дѣло, рѣшился съ горя навсегда оставить свое отечество и переселился въ Сербію, гдѣ и теперь служитъ капитаномъ.

Упомяну еще, что сестра князя Николая, нынѣ г-жа Пламенацъ, также не согласилась выдти за мужа за того, кого ей выбрали родители.

Изъ подобныхъ фактовъ видно, что дѣвушка выходитъ замужъ весьма часто по любви. Но въ большинствѣ случаевъ преобладаетъ право отца: онъ выбираетъ своему малолѣтнему или совершеннолѣтнему сыну неvěсту.

Матери также, хотя рѣже, заключаютъ подобные браки дѣтей. Напр., двѣ подруги дѣтства изъ взаимной любви рѣшаютъ, что ихъ первыя дѣти будутъ мужъ и жена и, утвердивъ свое рѣшеніе клятвою, обмѣниваются подарками. Какая-нибудь черногорка спасла другую отъ смерти или спасла ея отца, брата, сына, родственника, во время междоусобной войны: опять случай для заключенія ранняго брака.

Многіе путешественники утверждаютъ, что въ Черногоріи не существуетъ не только любви, но не бываетъ даже знакомства между женихомъ и неvěстою, что они не видятъ другъ друга до самой свадьбы—и самый день этотъ ожидается очень спокойно и равнодушно дѣвушкою, которая и не старается понравиться своему жениху. Въ этихъ словахъ есть доля правды, но, какъ выше упомянуто, есть большой процентъ выходящихъ замужъ по любви, разумѣется не любви салонной, а по дѣйствительному увлеченію. По обычному праву черногорцевъ, также какъ и по законникамъ Петра I, Петра II, Данила I, въ бракѣ нужно согласіе родителей, но народъ смотритъ на принужденіе къ браку, какъ

на смертный грѣхъ. Уже старая сербская поэзія говорить въ пользу свободнаго выбора женихомъ невѣсты, и наоборотъ.

VIII.

Способовъ женскаго гаданья множество. Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось собрать все, что можно было бы собрать; ограничимся нѣсколькими примѣрами.

Мара Милошева Ковачъ рассказывала мнѣ, что въ Цеклинѣ существуетъ такой обычай: въ день св. Георгія, дѣвушки, придя на зарѣ къ колодцамъ за водой, смотрять въ глубину до тѣхъ норъ, пока въ глазахъ не потускнѣетъ отъ слезъ, а въ водѣ не покажется изображеніе будущаго жениха. Многія утверждаютъ, что имъ дѣйствительно удавалось его видѣть.

Наканунѣ дня св. Θεодора, дѣвушки, выходя изъ церкви, усиленно смотрять на небо, стараясь среди причудливыхъ облачныхъ очертаній отыскать силуэтъ жениха, что и удается при пыломъ воображеніи.

Въ Бѣлопавичѣ дѣвушки въ первый день масленицы берутъ у недавно вышедшихъ замужъ женщинъ ночную рубашку и, надѣвая ее, приговариваютъ: «Боже, дай, чтобы я дѣвица... (слѣдуетъ имя гадальщицы) видѣла въ этой рубашкѣ во снѣ — моего жениха, какъ видѣла въ ней моя подруга своего мужа (такого-то)».

Въ Граховѣ зимой собираются дѣвушки вмѣстѣ и проводятъ день въ бесѣдахъ и въ взаимномъ угощеніи, а когда наступаетъ часъ гаданья, онѣ дѣлятся по двѣ и шопотомъ говорятъ:

Мака. «Я чу мужа черноока!» (Я хочу мужа черноокаго).

Стана. «Я — висока!» (Я — високаго).

Мака. «Я — юнака!» (Я — молодца).

Стана. «Я — на ногу лака, да уграби главу у турака!» (Я — легконогаго, чтобы опередилъ всѣхъ, когда будетъ снимать турецкую голову).

Мака. «Я — племица-господичича!» (Я — родовитаго юнака).

Стана. «Я — отъ юначье куче Кривокапича!» (Я отъ храбраго семейства Кривокапичей).

Мака. «Я — потена!» (Я — честнаго).

Стана. «Да будеш ти и я усуро испрошена!» (И чтобы ты и я были въ скоромъ времени сосватаны).

Подобный разговоръ идетъ у нихъ очень быстро и та считается

лучшей гадалкой, которая может живо и складно отвѣтить на слова первой.

Есть повѣрье, что дѣвица может заколдовать, влюбить въ себя молодца помимо его воли, или, выражаясь народнымъ терминомъ: «замаджати»...

Говоря о брачныхъ обычаяхъ, надо упомянуть о такъ-называемой «отмицѣ»: это—похищеніе, увозъ дѣвицы, который часто случался прежде и случается даже теперь, несмотря на строгія запрещенія еще со времени Законника черногорскаго 1798-го г. Между прочимъ, онъ говоритъ: «который человѣкъ уграбятъ чужую жену, если у нея есть мужъ или увезетъ дѣвушку безъ согласія родителей и родственниковъ, — такого человѣка нужно прогнать изъ Черногоріи, какъ беззаконника, мошенника и вора чужихъ дѣтей, а его движимое и недвижимое имущество продать и раздѣлить, все равно, какъ если бы онъ убилъ человѣка». Въ другомъ параграфѣ говорится, что священникъ, повѣнчавшій похитителя на похищенной, лишается сана и прогоняется изъ Черногоріи. То же самое говоритъ и Законникъ князя Даніила I-го 1855 г.

Но эти узаконенія не достигали цѣли. Черногорцы считали подвигомъ увести дѣвицу. Болѣе всего этотъ обычай практиковался въ Бердѣ и въ Герцеговинѣ. Для уясненія его процедуры я приведу фактъ 1853 г. Жилъ въ деревнѣ Загарачъ черногорецъ съ красавицей дочерью, на которую давно засматривался молодой парень Керсто. Йосе—такъ звали дѣвушку—вполнѣ сочувствовала Керсту, но ея отецъ, заклятой врагъ отца Керста, не могъ хладнокровно видѣть предполагаемаго будущаго зятя и на предложеніе молодого человѣка не обратилъ ни малѣйшаго вниманія. Онъ предпочиталъ выдать дочь за своего избранника, съ которымъ и уговорился скрутить свадьбу въ нѣсколько дней. Керсто рѣшилъ увести дѣвушку. Въ одну темную ночь онъ пришелъ въ деревню, вызвалъ знаками свою суженую и предложилъ ей бѣжать съ нимъ. Но Йосе боялась: у нея было три брата, и множество родственниковъ, они не могли бы простить Керсто, они убьютъ его.

— Не бойся,—разувѣрялъ ее Керсто, — вѣдь я приду не одинъ, а съ десятками двумя товарищей; завтра ночью мы—не какъ воры, а съ выстрѣлами сыграемъ нашу свадьбу... пусть она будетъ кровавая, но за то юнацкая.

Но Йосе не успокоивалась.—Жаль мнѣ тебя, Керсто,—говорила она, да жаль отца и трехъ братьевъ. Долго-ли погибнуть

кому-нибудь изъ васъ? И какъ тяжело будетъ думать мнѣ, что я одна всему причиною. Но что же дѣлать мнѣ? Обмануть тебя нечестно и страшно, убѣжать съ тобой — значитъ навлечь на себя родительское проклятіе, а что можетъ быть этого страшнѣе?

— Но еще страшнѣе—это стыдъ видѣть свою невѣсту въ рукахъ другого... Что скажутъ юнаки?..

— А! Если такъ, я согласна!.. Оставайся юнакомъ. За тѣмъ васъ Богъ и создалъ, чтобы носить оружіе... Приходи завтра... я буду ждать, но, Бога ради, щади моихъ братьевъ и отца...

Назавтра, вечеромъ, горсть молодежи тихомолкомъ подошла къ дому Іоке. Керсто, не теряя времени, увезъ свою невѣсту. Племя Загарачъ черезъ четверть часа узнало въ чемъ дѣло и бросилось догонять Керста съ его компаніей.* Догнали около Спужскаго луга; произошла кровавая схватка, стоившая нѣсколькихъ убитыхъ и раненыхъ. Загарчане однако возвратились домой, когда подоспѣло подкрѣпленіе къ Керсту.

Этимъ не кончилась печальная исторія. Племя Бѣлопавличей, услышавъ, что Пиперы отбили у нихъ невѣсту, рѣшили непременно отмстить, и разъ ночью, собравшись въ числѣ ста чело-вѣкъ, отправились къ дому Керста. Ночь была темная, глухая, облака закутали высокія верхушки крѣпости Спужа. Молодые спали непробуднымъ сномъ: несмотря на яростный лай собакъ, они проснулись не ранѣе, чѣмъ Бѣлопавличичи окружили цѣпью домъ.

— Эй, Керсто Ивановъ, выходи не надолго; мнѣ нужно кое-что тебѣ сказать! Выходи скорѣе! — закричалъ одинъ изъ ● Бѣлопавличей.

— Сейчасъ! послышался отвѣтъ изъ избы.

Черезъ минуту, фигура Керста появилась въ дверяхъ. Тотчасъ раздалась три выстрѣла—и, вслѣдъ за ними, замирающій голосъ: «изверги! обманомъ убили!..»

На шумъ и грохотъ выстрѣловъ высочила въ одной рубашкѣ, прямо со сна, красавица Іоке. Трупъ мужа, окруженный убійцами, попалъ ей на глаза. «Мстить!» мелькнуло въ головѣ Іоке, она повернулась, чтобы взять пистолетъ, но сильныя руки убійцы уже вцѣпились въ нее. Отчаянный крикъ замеръ въ пространствѣ... Черезъ какихъ-нибудь два часа Іоке была уже въ домѣ ея перваго жениха—и Бѣлопавличичи стрѣляли на воздухъ отъ радости. Эта кража Іоке и убійство Керста не обошлось Бѣлопавличамъ даромъ. Пиперы нѣсколькихъ изъ нихъ выжидали въ ущельяхъ и убили, а Іоке черезъ два мѣсяца повончила съ своимъ мужемъ

и убѣжала въ Загарачъ. Только тогда окончилось дѣло. Къ Юзе, какъ къ женщинѣ, кровавая месть была непримѣнима. Черногорецъ никогда не согласится обратить оружіе на женщину, хотя бы она въ его глазахъ убила его отца, сына, брата. Недаромъ они говорятъ: «менѣе согрѣшишь, если убьешь безъ причины сотню вооруженныхъ людей, чѣмъ если рукой тронешь беззащитную женщину». Въ 1875 г. во время герцеговинскаго возстанія, турчанка Фатима на глазахъ черногорцевъ убила двухъ изъ нихъ,—и однако черногорцы, имѣвшіе полную возможность отплатить ей смертью за смерть, отпустили ее здоровою и невредимою въ Мостаръ. По старому обычаю, женщины всегда имѣли полное право и возможность во время самой ожесточенной рѣзни между двумя племенами свободно ходить въ деревни воюющихъ племенъ.

«Отмица» практиковалась не только въ Черногоріи, но и въ Албаніи, и у турокъ-помаковъ.

IX.

Для уясненія свадебныхъ обычаевъ Черногоріи, въ которыхъ, по моему мнѣнію, проглядываетъ чисто славянская далекая старина, передамъ слѣдующій разсказъ.

Молодой юнакъ Михайлъ не разъ встрѣчался на хороводахъ съ красавицей Зорькой, танцовалъ съ нею нѣсколько разъ, сопровождая танецъ публичнымъ поцѣлуемъ.

Придя однажды домой, онъ ждалъ съ нетерпѣніемъ минуты, когда домашніе усядутся вѣругъ костра — толковать о старинѣ. Наконецъ, заколыхалось красноватое пламя, раздался звонъ гуслей — національнаго инструмента, безъ котораго черногорецъ считаетъ домъ пустымъ: «тешко кучи, гдѣ гусала нема», говоритъ черногорская пословица («тяжело дому, въ которомъ нѣтъ гуслей»). Только Михайлъ что-то грустенъ... «Милошу, што ти е?» спросили его окружающіе. «Ништа!» отвѣчаетъ Михайлъ, покуривая короткую трубочку. Однако подѣ конецъ его языкъ развязался.

— Отецъ! — началъ онъ, — приглядѣлась мнѣ одна дѣвица — и я хотѣлъ бы жениться на ней... Разрѣшишь ли ты мнѣ это?

— Разрѣшаю, Милошъ, разрѣшаю... Но какого она дому и племени? Если она дочь не храбрыхъ родителей, — тогда только не соглашусь благословить тебя.

— Она изъ кроваваго и храбраго рода Янковичей.

— Янковичей? А, въ такомъ случаѣ я согласенъ, даже если она слѣпая или хромая.

И старикъ началъ рассказывать подвиги этого храбраго племени, которое два раза брало у турокъ крѣпость Жаблякъ одними ятаганами.

Кто-то изъ женщинъ спросилъ еще: «красивая ли она?»

— Ну, что такое... красивая?.. Не посылать ее въ Венецію на показъ!.. А вотъ, здорова ли она? Будетъ ли рожать молодыхъ, — похожихъ на ея родственниковъ?

— Да, она красива, — отвѣтилъ, краснѣя, Милошъ.

Въ домѣ рѣшили просить руку Зорки, но предварительно сговорились никому о томъ не сказывать, потому что, въ случаѣ отказа, будетъ стыдъ и срамъ. На слѣдующій день одинъ изъ пожилыхъ и достойнѣйшихъ членовъ племени Милоша, Богданъ, отправился просить руку Зорки.

Депутатъ пришелъ въ домъ Янковича и повелъ дѣло слѣдующимъ образомъ. Остановившись на порогѣ дома, онъ прежде всего закричалъ: «добар вече!» — «Добра ти среча!» отвѣчали гостю. Онъ вошелъ въ домъ. «А дома ли старина Марко!» — «Дома». — «Ну, что, друзья, какъ поживаете, нѣтъ ли голосовъ изъ Албании, не бывали ли въ гайдуцкихъ четахъ, убили-ли сколько-нибудь турокъ?» посыпались обычные вопросы. Между тѣмъ женщины, случайно оказавшіяся въ нарядной одеждѣ, подошли поцѣловать руку Богдану. Въ числѣ ихъ была и Зорка. Депутатъ обратилъ на нее особенное вниманіе. Осмотрѣвъ дѣвушку, что называется, съ головы до ногъ, онъ проговорилъ наконецъ: «згодна си, дѣвојка, жива била!» — (красивая ты, дѣвица, будь здорова!)

Жена хозяина сняла съ гостя «струку» (родъ плѣда) и подала ему треногій стульчикъ. Вскорѣ появилась у востра вода, а затѣмъ и ужинъ. Подерѣзавшись, старикъ Богданъ началъ такую рѣчь:

— Самъ я знаю, да и отъ честныхъ людей слышалъ, что есть у тебя дочь Зорка. Я и все наше племя желало бы породниться съ вами, — согласенъ ли ты выдать ее за моего племянника замужъ?

— Не знаю... — отвѣчалъ хозяинъ, — я бы и самъ хотѣлъ того же, но нужно сначала спросить дочь. И, позвавъ жену и дочь, спросилъ — какъ онѣ находятъ партію?

Стыдливое молчаніе невѣсты — у черногорцевъ знакъ ея согласія. Отцу оставалось только пожать Богдану руку и сказать при этомъ: даю вамъ ее... Дай Богъ, чтобы она принесла вамъ счастье.

— Хвала тебѣ, братъ! — отвѣтилъ Богданъ. Они поцѣловались. Богданъ вынулъ изъ кармана червонецъ и подарилъ его Зоркѣ. — Если дѣвица не беретъ денегъ — значитъ, она не согласна на бракъ.

Утромъ депутатъ началъ собираться домой, предварительно уговорившись нѣкому не рассказывать объ обрученіи и, затѣмъ, еще назначивъ время окончательной, такъ-называемой «великой просьбы» — въ отличіе отъ «малой», о которой сейчасъ рассказано.

Возвратился Богданъ домой и рассказалъ, что все хорошо, то чрезъ недѣлю будетъ «великая просьба». Послѣ такого радостнаго извѣстія пригласили всѣхъ почти родственниковъ: по обычаю они тоже, положимъ только по формѣ, должны дать согласіе на этотъ бракъ. Отецъ началъ рѣчь общеупотребительною фразой:

— Что скажете вы, мои сродники, — я хочу женить моего сына Милоша на дѣвицѣ Зоркѣ (дочери) Янковича. Согласны ли вы на этотъ бракъ?

— Мы согласны! — отвѣтили сродники, и начался веселый пиръ, продолжавшійся до утра.

Точно также сдѣлали и родственники Зорки.

Черезъ недѣлю племя выбрало четырехъ старыхъ и храбрыхъ черногорцевъ, между которыми былъ и отецъ Милоша, — и отправились съ подарками формально искать руки Зорки. Получивъ формальное согласіе, отецъ Милоша далъ кольцо красавицѣ Зоркѣ: она взяла его и надѣла на палецъ. Послѣ этой церемоніи, всѣ усѣлись вокругъ стола и началось угощеніе, сопровождаемое пѣснями, гусяринымъ звономъ и грохотомъ выстрѣловъ. Въ пирушкѣ приняла участіе и Зорка.

Въ нѣкоторыхъ краяхъ Черногоріи существуетъ обычай — послѣ поднесенія гостямъ по третьему стакану вина подносить его и дѣвицѣ. Если она его выпьетъ, то это съ ея стороны равносильно публичному согласію на бракъ.

За обѣдомъ гости обѣихъ сторонъ перемѣняются подарками: рубашками, опанеями, платками, — женщины дарятъ мыломъ и т. п. Между прочимъ, отецъ Милоша подарилъ Зоркѣ румяное яблоко, — а въ немъ золотую или серебряную монету. Этотъ символическій подарокъ, по мнѣнію многихъ, — пожеланіе невѣстѣ здоровыхъ и румяныхъ дѣтей, а монета — пожеланіе имъ золота и серебра въ изобиліи. Невѣста немедленно по полученіи этихъ подарковъ — отдала ихъ въ руки брата (иногда подарки передаются при посредствѣ матери жениха).

Невѣста отвѣчаетъ тоже подарками. Она даритъ рубашки,

полотенца, платки, дарить и будущаго свёкра: только въ знакъ особеннаго уваженія рубашка для него была завернута и подана въ платкѣ.

По окончаніи всѣхъ этихъ церемоній, отецъ неvěсты, взявъ гусли, затынулъ обычную въ данномъ случаѣ народную пѣсню:

Перстен дава Јанко харамбаша,
За перстеном ѡбуке се маша,
У ню мече до десет дуката,
Све дуката от чистаго злата, и проч.
(Јанко атаманъ даетъ кольцо, а за кольцомъ и яблоко ружья-
ное, вложивъ въ него десять червонцевъ изъ червоннаго
золота).

Послѣ этой пѣсни, имѣющей значеніе обряда, дѣло считается оконченнымъ: «перстен давай — свадьбу уговарай»; перстен је највеча вѣра»; «без прстена нема разговора» (кольцо давай — про свадьбу говори; кольцо — самое сильное ручательство; безъ кольца нѣтъ и бесѣды о свадьбѣ). Златан перстен род вѣре дѣвойци: чи је перстен — тога и дѣвойка (Золотое кольцо замѣняетъ слово дѣвушки: чье кольцо — того и дѣвушка).

Конечно, бываетъ, что сватанье разстраивается, особенно, если находятся какія-нибудь уважительныя причины. Народъ презираетъ вѣроломство, и извиняетъ только слѣдующіе случаи: 1) если дѣвица измѣнитъ своему жениху и войдетъ въ интимныя сношенія съ другимъ; 2) если, послѣ сосватанія, неvěста по несчастію потеряла разумъ, зрѣніе, способность говорить и т. п.; 3) если какими-нибудь судьбами открылось, что женихъ съ неvěстой близкіе родственники и, стало быть, по православнымъ канонамъ, бракъ состояться не могъ бы. Сватанье разстраивается также, если женихъ не понравится неvěстѣ или наоборотъ; но на это народъ смотритъ уже какъ на преступленіе и съ презрѣніемъ относится къ племени, измѣнившему своему слову, а оскорбленная сторона съ оружіемъ въ рукахъ ищетъ удовлетворенія. Народъ говоритъ въ пѣснѣ:

Грехота је любити дѣвойку,
Облюбити, па њ оставити.

Въ нѣкоторыхъ краяхъ Черногоріи не такъ строго смотрятъ на измѣну жениха «великой просьбѣ» (свилѣ), какъ на измѣну слову, данному лично неvěстѣ. Обманутая дѣвушка преслѣдуетъ его проклятіями, имѣющими, по мнѣнію народа, большую силу. «Проклятъ будь, незнаемый молодецъ, — поется въ пѣснѣ, —

что испортилъ все мое лицо. Боже, дай болѣзнь тебѣ на девять лѣтъ! чтобъ болѣлъ ты — не поправился, и чтобъ смерти тебѣ не было, пока не выпросишь прощенія, не выстроишь церковь средь дороги: пусть тогда лишь похоронить передъ ней тебя твоя мать! Такъ кляла Дунайка-дѣвица, такъ кляла, да такъ и сбылось».

Женихъ, если онъ измѣнить невѣстѣ, обязанъ навсегда оставить свою родину, кромѣ тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда, въ силу особаго соглашенія, онъ обязывается только возвратить полученные имъ подарки. Невѣста при подобныхъ же условіяхъ возвращаетъ вдвое болѣе подарковъ. Часто случается, что измѣнникъ, боясь мести невѣстинныхъ родственниковъ, бѣжитъ въ Турцію, Австрію или поступаетъ въ гайдуки, между тѣмъ какъ отецъ его, чтобы предотвратить весьма возможное несчастіе, старается женить на оставленной невѣстѣ своего другого сына или какого-нибудь родственника.

Случается также, что женихъ до самой свадьбы не знакомъ съ своею невѣстою и даже не видитъ ея. Впрочемъ, нынѣ это бываетъ очень рѣдко. Въ силу стариннаго обычая, женихъ имѣетъ возможность видѣть свою суженую, если хорошенько попроситъ ея родственниковъ; какъ скоро онѣ согласны, женихъ подходитъ къ невѣстѣ, цѣлуетъ ее. А она принимаетъ этотъ поцѣлуй со стыдомъ, съ смущеніемъ и — даже какъ-бы съ негодованіемъ, и обыкновенно бѣжитъ отъ жениха. Тотъ, въ свою очередь, догоняетъ и даетъ бѣглянкѣ золотую или серебряную монету, которая обыкновенно бываетъ съ презрѣніемъ отброшена невѣстой. Какое символическое значеніе имѣетъ этотъ обычай, не знаю, но думаю, что цѣль его — поднять по возможности въ глазахъ мужчинъ униженную природой женщину. Здѣсь мужчина какъ-бы теряетъ свою естественную власть надъ женщиной, онъ вынужденъ просить; невѣста показывается ему въ видѣ только особеннаго снисхожденія, котораго онъ, собственно говоря, не заслуживаетъ. Съ тою же мыслью о нравственномъ возвышеніи женщины нерѣдко составляется уговоръ между дѣвушками-невѣстами — не принимать монеты: «мы, молъ, не хотимъ продавать себя за золото и серебро». Быть можетъ, въ этомъ уговорѣ отразился протестъ женщины, игравшей такую жалкую пассивную роль въ прежнее время, когда невѣстѣ дѣйствительно покупали за деньги, не спрашивая ихъ согласія.

X.

Между «великой просьбой», когда невеста принимает кольцо, и свадьбой проходит разное время, что вполне зависит от заключенного обѣими сторонами условія. Обыкновенный срокъ — годъ, но бываетъ и больше. Наши народныя пѣсни говорятъ о долгихъ промежуткахъ: одна дѣвушка назначаетъ семь лѣтъ до свадьбы, другая ждетъ девять лѣтъ, и т. п.

Между «просьбой» и свадьбой женихъ очень часто посѣщаетъ свою невесту. Извѣстный знатокъ нашего народа, Вукъ Караджичъ утверждаетъ, что женихъ бываетъ въ домѣ невесты только на Рождествѣ, на Пасхѣ, или на «крестное имя» и что онъ никогда не говоритъ съ своей невестой, что она отъ него скрывается и смотритъ изъ-за угла на своего будущего мужа. Но этого нельзя считать за правило. Это можетъ быть справедливымъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда разстояніе между ними на пять, на шесть дней ходу, но если разстояніе не велико, женихъ безъ церемоніи заходитъ въ пріятельскій домъ. Также не точенъ Караджичъ, когда говоритъ, что женихъ обязанъ снабжать невесту «опанками» до самой свадьбы. Я такого обычая въ Черногоріи не видѣлъ. Женихъ можетъ дѣлать подарки невестѣ, но не обязательно обувью. Невѣста пользуется полной свободой: ей, какъ и прежде, дозволяется ходить одной по рынкамъ, бывать на хоровахъ, на общественныхъ празднествахъ и т. п. Всѣ домашніе помогаютъ ей въ заготовкѣ приданого («перчин»), которое состоитъ только изъ одежды. Черногорецъ очень рѣдко беретъ за женой деньги или какое-нибудь недвижимое имущество, исключая тотъ случай, когда она останется единственной наслѣдницей всего родительскаго имущества.

Наконецъ, приходитъ пора и увозить невесту. Чтобы это было сдѣлано болѣе дружески, сходятся съ обѣихъ сторонъ депутаты и уговариваются, во-первыхъ, относительно времени прихода или приѣзда свадебнаго кортежа за невестой (обыкновенно выбирается время, когда полевые и домашнія работы прекращаются) и, во-вторыхъ, сколько будетъ со стороны жениха сватовъ и кто именно.

Приглашенные въ сваты обыкновенно избираются изъ всей Черногоріи. Наканунѣ дня отъѣзда они сходятся въ домъ жениха, который получаетъ въ это время въ подарокъ большіе хлѣбы (такъ-называемые «погачи»), цѣлыхъ жареныхъ барановъ, свиней (такъ-называемыя «печива»), вино, водку и т. п. Всѣ

сваты ужинаютъ, пьютъ и веселятся, здѣсь же условливаются—кто какое выберетъ себѣ названіе. Одинъ назовется первенецъ, второй—старый свать, другіе два—шаферы, далѣе — воевода, кумъ, остальные—просто сваты. «Первенецъ» — это передовой вѣстникъ, на немъ лежитъ обязанность идти передъ кортежемъ и извѣстить родственниковъ невѣсты, что кортежъ приближается. Обыкновенно онъ избирается изъ храброй лихой молодежи. «Старый свать» (большей частью, лицо отличное отъ «первенца»), долженъ владѣть даромъ слова. Ему приходится болѣе всѣхъ говорить рѣчи: это искусство даетъ славу умнаго человѣка; онъ выбирается изъ честныхъ, храбрыхъ и пожилыхъ черногорцевъ. Шафера бываютъ всегда родные или двоюродные братья жениха; если же таковыхъ не имѣется, то они берутся изъ самыхъ близкихъ родственниковъ. «Воевода» въ свадебномъ поѣздѣ занимаетъ роль незначительную. «Кумъ» избирается по расчету, — выборъ падаетъ на то лицо, которое семьѣ жениха желательно бы было ввести въ число своихъ родственниковъ. «Сваты» бываютъ друзья и пріатели жениха, набираемые изъ всей Черногоріи.

Весь этотъ кортежъ, въ которомъ женщины не участвуютъ, рано утромъ съ пѣснями, шумомъ, выстрѣлами отправляется въ далекій путь, который весьма часто тянется по пяти, шести дней; само собой разумѣется, вино и провизію приходится везти съ собой. Первымъ идетъ «первенецъ», потомъ «старый свать», за нимъ «кумъ», шафера и «сваты», послѣднимъ идетъ «воевода». Этотъ порядокъ, впрочемъ, не вездѣ одинаковъ; въ нѣкоторыхъ краяхъ есть и знаменосецъ. Роль его, по народному обычаю, состоитъ въ томъ, что, недоходя на 100 шаговъ до дому невѣсты, онъ выходитъ изъ кортежа сватовъ, держа въ одной рукѣ знамя, а въ другой заряженный пистолетъ, и начинаетъ танецъ, подскакивая вверхъ. Ему навстрѣчу выходитъ знаменосецъ со стороны невѣсты и они танцуютъ визави, сильно прикрикивая и стрѣляя изъ своихъ пистолетовъ. Потанцовавъ вдоволь, они цѣлуются и этимъ даютъ знакъ сватамъ входить въ домъ невѣсты, что они и дѣлаютъ, стрѣляя въ воздухъ.

Возвращаемся къ свадебному кортежу. Итакъ, онъ отправился въ путь.

Шумъ голосовъ, ржанье лошадей, выстрѣлы изъ ружей и пистолетовъ — все это смѣшивается въ одинъ общій гулъ, постепенно уменьшающійся по мѣрѣ удаленія отъ деревни. Традиціонный обычай предписываетъ, чтобы сваты несли съ собой воду и вино, которыми и потчуютъ всѣхъ встрѣчныхъ по до-

рогѣ, не исключая даже турокъ и племенныхъ враговъ. Отказъ отъ этой чести считается грѣхомъ и потому предложеніе принимаютъ всѣ съ благодарностью, а сватовъ провожаютъ благословеніями. Если случайно не хватитъ воды, то ее требуютъ на дорогѣ, въ первой же деревнѣ; и она предлагается безъ всякаго вознагражденія. Если во встрѣчныхъ деревняхъ есть знакомые жениха или невесты, они всегда выносятъ большую бутылку ракин или воды (такъ-называемую «боцу»), а на горлышко бутылки кладутъ яблоко и апельсинъ и предлагаютъ взаимныя угощенія сватовъ: «пусть пьютъ на здоровье, въ добрый часъ». Выстрѣламъ и пѣснямъ въ родѣ: «ой, ябуко зеленико» или «шета Новакъ Дебелевичъ» и т. п. нѣтъ конца. Въ старину, если два свадебные поѣзда встрѣчались на дорогѣ, то они никакъ не соглашались дать одинъ другому дорогу; это значило бы унижить одну невесту передъ другою. Изъ-за этого происходили иногда рукопашныя схватки, кончавшіяся потерей нѣсколькихъ человѣкъ убитыми и ранеными.

Какъ скоро свадебный кортежъ приблизится къ дому невесты, «первенацъ» спѣшитъ увѣдомить ее родителей. При входѣ въ деревню невесты, сваты обыкновенно потчуются жителями деревни водкой, виномъ и благожеланіями, въ родѣ слѣдующихъ: «сретна ви была»; «родила ви девет Юговича»; «сречу ви у дом доніела»; «юнаке родила ко што су нјой стари» (счастливъ путь вашъ да будетъ; чтобъ родила вамъ девять Юговичей; чтобъ счастье въ вашъ домъ принесла; пусть богатырей родитъ вамъ, какъ ея предки). На всякое доброе слово со стороны сватовъ слѣдуетъ выстрѣлъ. Подъѣхавъ къ дому невесты, сваты останавливаются, а изъ дому выходятъ невестины братья и родственники и потчуютъ сватовъ винами. Но въ самый домъ прежде всего входятъ два шафера, изъ нихъ одинъ несетъ «опанки», вторыя и кладетъ подъ столъ; свадебный калачъ и бутылка краснаго вина кладутся на столъ. По окончаніи этой церемоніи, шаферъ выходитъ на порогъ дома и даетъ выстрѣлъ, на который сваты дружно отвѣчаютъ тоже выстрѣлами и всѣ входятъ въ домъ невесты. Эти свадебные выстрѣлы вѣроятно остатокъ патриархальнаго обычая увозить силой невестъ, что сопровождалось рѣзней. Женихъ былъ врагомъ и невесты, и ея рода; онъ добывалъ себѣ жену только послѣ упорнаго боя.

По входѣ въ домъ начинаются обрядности, унаслѣдованныя отъ далекой старины. Шаферъ беретъ свой свадебный хлѣбъ («погачу») и передаетъ его «старому свату» со стороны невесты, который, взявъ его и держа въ рукахъ, говорить:

«позолотите его». На это старый свать жениха отвѣчаетъ: «у добри часъ», но не хочетъ «позолотить» сразу, а спрашиваетъ сколько нужно, чтобы «позолотить». Тутъ начинается настоящая торговля. Наконецъ, сговорившись, «старый свать» жениха кладетъ на хлѣбъ нѣсколько червонцевъ. «Старый свать» невѣсты кладетъ хлѣбъ себѣ на голову и, ломая его, произноситъ: «такъ какъ изъ этого дома уходитъ дѣвица, то дай Богъ и св. Іоаннъ, чтобы въ новомъ ея домѣ родилась пшеница и кукуруза; дай Богъ, чтобы расплодились овцы, какъ на небѣ звѣзды; чтобы сколько въ морѣ неску, столько было бы въ ея домѣ жита; сколько у Югъ Богдана ¹⁾ сыновей, чтобы столько Богъ далъ и ей; чтобы крыша ея дома не проваливалась» etc.

Хлѣбъ кладется на «терпезу», которая бываетъ убрана слѣдующимъ образомъ: кромѣ хлѣба и вина, на столѣ находится, на большихъ мѣдныхъ турецкихъ тарелкахъ, цѣлый жареный баранъ или свинья (кстати замѣтить: мало найдется такихъ вкусныхъ кушаньевъ, если ихъ приготовить по горскому способу). Кто-нибудь изъ сватовъ вынимаетъ ятаганъ, который не разъ срываетъ турецкую голову, и рубитъ «пециво». Начинается пиръ. Вино пьютъ сначала безъ всякихъ спичей, но потомъ, когда вино ударитъ въ удалы головы, начинаются рѣчи. По большей части онѣ переполнены благожеланіями, говорятъ стихами. Многіе знатоки черногорскихъ нравовъ говорятъ, что въ Катунской нахін существуетъ родительскій благословъ, т. е. что родители даютъ кубокъ вина невѣстѣ и при этомъ благословляютъ ее, а она, выпивъ вино, удерживаетъ у себя кубокъ на всегдашнюю память. Но я нигдѣ не видѣлъ такого обычая.

Когда гости наѣлись и напились, шаферъ приноситъ невѣстѣ опанки и кольцо (если оно не было дано на «просьбѣ»), напоминая ей, что пришло время сбрасывать родительскую обувь и надѣвать женихову. Этотъ обычай объясняютъ различно. Одни говорятъ, что это дѣлается для того, чтобы она знала, что ходить не по родной землѣ (которая могла попасть въ старую обувь); другіе указываютъ на народное повѣрье, по которому невѣста, сбрасывая старую обувь, сбрасываетъ вмѣстѣ съ нею злыя качества и старые грѣхи. Въ Бѣлопавличахъ говорили мнѣ, что существуетъ проклятіе: «дай Богъ, чтобы не доносила родительской обуви и чтобы раньше этого возвратилась отъ мужа

¹⁾ Извѣстный сербскій герой Югъ Богданъ имѣлъ девять храбрыхъ сыновей, которые всѣ вмѣстѣ съ отцомъ погибли на Косовомъ полѣ.

безъ чести». Вотъ, чтобы избѣгнуть этого проклятiя, невѣста и уходитъ изъ родительскаго дома, покидая родительскую обувь. Последнее мнѣ кажется наиболѣе вѣроятнымъ потому, что черногорцы довольно суевѣрны.

Между тѣмъ, въ отдѣльной комнатѣ подруги и родственницы невѣсты раздѣваютъ ее до-гола и, затѣмъ, одѣваютъ въ новое, начиная рубашкой и кончая верхнимъ платьемъ. Но шапкой — этой эмблемой дѣвственности — никто не можетъ распоряжаться, кромѣ родного брата или, за его отсутствiемъ, близкаго родственника: именно онъ приходитъ въ уборную своей сестры (или близкой родственницы) и съ словами: «у добри час, сестро» (въ добрый часъ, сестра) снимаетъ шапку и, бросивъ ее въ уголъ, надѣваетъ невѣстѣ «маражу» — черный шелковый платокъ съ красными краями. Тогда она одѣтая и совершенно готовая приходитъ въ сопровожденiи брата въ столовую, гдѣ сваты усаживаютъ ее въ головѣ трапезы, т.-е. на самомъ почетномъ мѣстѣ. Этимъ она, по мнѣнiю нѣкоторыхъ, получаетъ, какъ будущая мать, право сидѣть въ обществѣ отборныхъ мужчинъ-юнаковъ, и теперь должна стараться быть вездѣ и всегда честною, чтобы не потерять этого права. Ей предлагаютъ вина, но она, по обычаю, сначала отказывается, пока не упроситъ ее сваты. Но какъ она допила стаканъ, — спичи оканчиваются; всѣ встаютъ и собираются ѣхать. Въ болѣе зажиточныхъ домахъ сваты получаютъ подарки въ родѣ шелковыхъ платковъ ¹⁾. Братья невѣсты передаютъ сестру въ руки двухъ шаферовъ, которые съ словами: «хвала вам, прiятели», выводятъ ее изъ родительскаго дома.

Кортежъ поднимается, распѣвая удалыя юнацкiя пѣсни. Невѣста идетъ между двумя шаферами. Когда она удалится на нѣкоторое разстоянiе, родители кричатъ ей вслѣдъ: «Прощай, родимая дочь!» Она, по обычаю, должна обернуться и посмотреть на родительскiй домъ и на своихъ братьевъ: тогда у нея дѣти будутъ похожи на своихъ дядей. На обратномъ пути кортежъ по прежнему встрѣчается съ «боцами ракии». Всѣ, сопровождающая невѣсту благожеланiями, пьютъ, а она съ унылымъ видомъ упорно смотритъ въ землю. Боже сохрани, чтобы шафера

¹⁾ „Но је мене данас најмање,
Што а не мам свиленогa дара,
Да даруемъ кичене сватове“.

(Теперь я всего болѣе сожалѣю, что у меня нѣтъ шелковыхъ подарковъ — въ подарокъ убраннымъ сватамъ).

Всобще, подарки вещами и деньгами — остатокъ отъ древняго обычая покупки невѣсты, замѣнившаго собою другой, еще болѣе древнiй — „умиканiе“.

оставили невесту хотя на минуту одну во все продолженіе дороги къ жениху: такая оплошность была бы постыдна. Этотъ довольно стѣснительный обычай получилъ начало давно, вѣроятно въ тѣ времена, когда сербы отбивали по дорогамъ чужихъ невестъ, а турецкіе гайдуки были настолько смѣлы и дерзки, что пускались въ самую глубь Черногоріи и тамъ, встрѣчая сватовъ, отбивали у нихъ невесту. Случалось и такъ, что во время схватки шафера, не сдержавъ сердечнаго порыва и бросивъ невесту, кидались съ ятаганами въ рукахъ и отбивали атаку; въ схваткѣ невеста пропадала, нападающіе успѣвали увести ее — и тогда весь стыдъ на шаферовъ. Отсюда поговорка: «као дѣвери безъ дѣвойке» (какъ шафера безъ дѣвицы).

По мѣрѣ приближенія къ деревнѣ жениха, пѣсни и выстрѣлы учащаются, компанія, не стѣсняясь, стрѣляетъ даже у церковныхъ воротъ. Снимая шапки, но не снимая свои кубури-пистолеты и ружья, она преклоняется предъ иконами. Женихъ приходитъ въ церковь незамѣтно и вѣнчается съ своею невестою въ православной церкви. Черногорцы всѣ безъ исключенія православные и ни за какія блага въ мірѣ не согласятся вступить въ бракъ съ субъектомъ неправославнаго вѣроисповѣданія. По словамъ извѣстнаго ученаго Богичича, свадьба считается оконченной, какъ скоро священникъ совершитъ половину св. обряда и что въ народѣ существуетъ повѣрье—будто до половины обряда еще можно отказаться отъ брака, но послѣ половины—уже нѣтъ. Когда обрядъ совершенно оконченъ, женихъ выходитъ изъ церкви и даетъ выстрѣлъ изъ пистолета. Имъ онъ даетъ знать, что онъ уже не холостой. И, затѣмъ, незамѣтно уходитъ домой. Свадебный кортежъ отправляется вслѣдъ за женихомъ, пѣвая національную пѣсенку:

«Ой ябуко зеленико,
„Зелен ли си род родица“ и т. д.

Или другую:

„Све за славу Бога великого,
А за здравље князя свѣтлого
И великогъ цара Александра“ и т. д.

И. Пѣповичъ-Липовацъ.

ДРУГЪ ДОМА

РОМАНЪ УЙДА.

Окончаніе.

XI *).

— Эта связь длится уже нѣсколько лѣтъ, но я не думаю, чтобы они были пара другъ другу, — говорила лэди Кардифъ, наблюдая въ лорнетъ фигуры Іориса и жены м-ра Чаллонера, проходившія по анфиладѣ ея собственныхъ многочисленныхъ покоевъ. Они были у нея съ визитомъ въ ея пріемный день. — Я не думаю, чтобы они были пара другъ другу; онъ воплощенный романъ, а она олицетворяетъ собой биржу. Эросъ, который былъ бы ему по-праву, — нѣжный, вроткій богъ безмолвія и полумрака; а ея Эросъ — шумный торговый агентъ, съ карманами и руками, набитыми объявленіями. И какъ не прилично, сказать мимоходомъ, выставлать такимъ образомъ на-показъ свои отношенія.

Etoile, успѣвшая тѣмъ временемъ подружиться съ злоязычной маркизой и тоже пріѣхавшая къ ней съ визитомъ, слегка покраснѣла.

— Вы часто обѣдаете у нея, лэди Кардифъ?

— Какимъ трагическимъ тономъ вы говорите это! Нѣтъ, дорогая графиня, я не часто обѣдаю у нея. Напротивъ того. Я нахожу слишкомъ разорительнымъ покупать всякій разъ послѣ обѣда какой-нибудь горшокъ или блюдо, или безобразнаго *tagot*...

*) См. выше: августъ, 636 стр.

ихъ дешевле можно приобрести въ лавкѣ. Но она меня забавляетъ. Умная женщина... знаетъ, какъ угодить обществу и *никогда* не замѣчаетъ, когда ее щелкаютъ по носу. Какъ это удобно!

— Вѣроятно, ей не приходится переносить щелчковъ?—замѣтила Etoile.—Всѣ, повидимому, такъ любятъ ее.

Изъ чувства уваженія къ отсутствующему старому другу и не желая злословить о женщинѣ, которой дружески пожимала руку, она вступалась за нее, хотя въ душѣ и не одобряла ея поведенія.

Лэди Кардифъ улыбнулась и опустила лорнетъ.

— О, конечно, люди любятъ ее. Она не знаетъ скуки. А это самое популярное качество. Кромѣ того, она имѣетъ несокрушимый оплотъ въ своемъ добрѣйшемъ мужѣ. Съ такимъ мужемъ, какъ м-ръ Чаллонеръ, вы можете считать себя въ безопасности. Вамъ вовсе не надо о немъ думать. Онъ существуетъ—и этого съ васъ достаточно. Онъ всегда будетъ сидѣть за вашимъ обѣденнымъ столомъ и красоваться на вашихъ визитныхъ карточкахъ. Этого довольно. Онъ представляетъ за васъ респектабельность, и вамъ не нужно брать на себя трудъ быть самой респектабельной. Респектабельность такая вещь, что форма ея гораздо пріятнѣе, чѣмъ самая сущность. Къ счастью для насъ, общество довольствуется одной формой.

И съ этими словами лэди Кардифъ, остроумнѣйшая изъ женщинъ по наслѣдству, такъ какъ ея бабушка загоняла Фокса и привела въ трепетъ Сидни Смита, встала съ мѣста, чтобы зажечь папироску.

— А любовь,—спросила Etoile,—при чемъ она въ вашихъ воззрѣніяхъ?

— Любовь—десертъ, душа моя,—отвѣчала лэди Кардифъ.—А я говорю про супъ, рыбу и жаркое... и про человѣка, который доставитъ вамъ все это. Молодые женщины мало думаютъ о жаркомъ. Онѣ влюбляются въ какого-нибудь красиваго осла, который говоритъ имъ комплименты во вкусѣ французскихъ фелетоновъ, и думаютъ, что вся жизнь пройдетъ въ томъ, что онѣ будутъ глядѣть на луну и цѣловаться. А онѣ, какъ жѣнятся, такъ сейчасъ примется проматывать ихъ приданое, посылать ихъ къ чорту двадцать разъ на дню, а улыбки свои приберегаетъ для гостей, и при этомъ изъ десяти разъ девять бываетъ ревнивъ, какъ турокъ. Луна и поцѣлуй—прекрасная вещь въ своемъ родѣ, но ихъ слѣдуетъ отнести на второй планъ. Это уже десертъ. Вы не можете питаться имъ. Эти милыя бездѣлицы

созданы для Паоло и Франчески, а не для мистера и миссисъ Римини. Я очень безнравственна? Дорогая графиня, я только притична. Покладливый супругъ, который никогда ни о чемъ васъ не спрашиваетъ и не заботится о томъ, съ кѣмъ вы переписываетесь... ахъ! я бы вамъ дала въ мужья лорда Кардифа, — тогда бы вы узнали, какое *это* блаженство. Вамъ это непонятно? — Ну, да, разумеется, потому что вы поэтъ и не даете себѣ труда понимать общество. Вы живете на Олимпѣ, а мы простые смертные.

Маркиза де-Кардифъ любила называть себя старухой. Но у ней сохранились отъ молодости три вещи: прекрасный цвѣтъ лица, откровенный смѣхъ и душевная свѣжесть. Она была свѣтской женщиной до кончика ногтей и провела бурную и веселую жизнь; она обращала ночь въ день; читала только Фильдинга и Бальзака и не чуждалась безнравственныхъ людей, если только они не были скучны. Она была величественна и все еще хороша собой, и походила на императрицу, когда входила въ гостиную, покрытая брилліантами. Съ другой стороны, она умѣла хохотать до слезъ; умѣла дѣлать добро и тщательно скрывать это; уважала людей несуетныхъ, когда ей таковые встрѣчались, хотя и считала направление ихъ умовъ въ нѣкоторомъ родѣ невышпеннымъ помѣшательствомъ. И при всей своей проникательности была такъ мягкосердечна, что самый злостный шарлатанъ могъ исторгнуть слезы изъ ея глазъ и деньги — изъ ея кошелька. Она постоянно проводила зиму въ Римѣ и никогда не жила съ лордомъ Кардифомъ. Онъ и она были рады всякому обществу, кромѣ общества другъ друга. Она была торіемъ старой школы и чистокровнымъ легитимистомъ; вѣрила въ божественное право и никакъ не могла понять, къ чему понадобилась избирательная реформа. Тѣмъ не менѣе, ея пророкомъ былъ Вольтеръ, а молитвенникомъ — правила Ларошфуко; и хотя она не видѣла спасенія внѣ Готсбага альманаха, но быстрый умъ придавалъ порою ея мыслямъ какую-то демократическую окраску. Аномалии всегда забавны — и леди Кардифъ была самой забавной женщиной въ Европѣ.

— Почему вы не курите? — спросила она у Etoile. — Вы напоминаете мнѣ Талейрана и вистъ. Какую печальную старость вы готовите себѣ, моя милая графиня? Вы стали что-то очень серьезны. Мнѣ кажется, вы слишкомъ серьезно смотрите на жизнь. На вашъ поэтический взглядъ она представляется тѣмъ-то прекраснымъ и грознымъ, въ родѣ трагедіи Эсхила. Вкладывать душу въ жизнь — великая ошибка: это значитъ давать своимъ

врагамъ залогъ, который вамъ придется выкупать цѣной своей гибели. Но бесполезно толковать объ этомъ. Для васъ жизнь была и будетъ трагедіей, а для насъ, простыхъ смертныхъ, она была и будетъ трактатомъ о вистѣ. Вотъ и все!

— Трактатомъ о вистѣ! Нѣтъ, хуже того. Это — тюремный списокъ, куда вносятся имена всѣхъ тѣхъ, кого сажаютъ въ заточеніе только за то, что ихъ нельзя подкупить деньгами, интригами, мошеннической хитростью или пороками.

Леди Кардифъ засмѣялась и съ нѣжной лаской помогла своей гостьѣ закутаться въ мѣховое пальто.

— Свѣтъ — не что иное, какъ Гарпагонъ, а вы и вамъ подобныя, вы — *Maitre Jacques*. «*Puisque vous l'avez voulu!*» говорите вы, и откровенно величаете его въ глаза: «*avare, ladre, vilain, fesse-mathieu!*», а Гарпагонъ отвѣчаетъ вамъ палочными ударами и кричитъ: «*Arrrenez à parler!*» Бѣдный *maitre Jacques*! Когда я читаю о немъ, я всегда думаю, къ какому роду гениальныхъ людей принадлежитъ онъ. Не обижайтесь, душа моя. Онъ былъ настолько уменъ, что понималъ, что его не простятъ за то, что онъ говоритъ правду — и все-таки говорилъ. Истинный типъ гения.

Etoile уѣхала домой задумчивая, съ смутною тревогой въ душѣ.

Она поселилась въ старинномъ дворцѣ, главный фасадъ котораго обращенъ былъ на *Montesavallo*, а заднія окна выходили на сады *Rospilbozi*.

Комнаты были громадныя, со сводами, благородныхъ размѣровъ, превосходными фресками, работы неизвѣстнаго художника временъ Караччи. Здѣсь она поселилась на зиму и чувствовала, что могла бы прожить двадцать лѣтъ сряду. Она охотно просиживала бы въ одиночествѣ въ своихъ расписанныхъ фресками комнатахъ тѣ часы, которые не проводила среди статуй Ватикана или Капитолія, или подъ деревьями виллы Боргезе и Памфили. Но не легко отдѣлаться отъ общества или укрыться отъ гласности чело-вѣку, составившему себѣ извѣстность; гости охотно навѣщали Etoile, и чтобы они не отнимали у ней всей недѣли, она по необходимости должна была назначить у себя пріемный день по воскресеньямъ.

— Я не буду пріѣзжать къ вамъ по воскресеньямъ, — объявилъ Юрисъ, когда услышалъ объ этомъ. Etoile улыбнулась: — О, да, вы пріѣдете, если вашей повелительницѣ угодно будетъ приказатъ вамъ сопутствовать ей.

— *Plait-il?* — спросилъ Іорисъ съ невиннымъ видомъ; затѣмъ прибавилъ вполголоса: — вы жестоки.

Въ Саа Чаллонеръ принимали по средамъ, посвящая этотъ день торжественнымъ жертвоприношеніямъ *Bona-Dea*. Въ этотъ день все въ домъ было прибрано, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи; трубки и сигары заперты подъ замокъ; синиемъ отеревенныя статуэтки удалены съ глазъ долой; красивые поклонники изгонялись и маленькая Эффи, очень много одѣтая, усердно ласкалась къ своей мамантъ; а м-ръ Чаллонеръ былъ такъ радушенъ и разговорчивъ, какъ только умѣлъ. Іорисъ обыкновенно изгонялся по средамъ, но лэди Джоантъ имѣла обыкновеніе поминать его имя черезъ каждыя пять минутъ.

— Іо поѣхалъ купить мнѣ нѣсколько камелій, или: Іо отправился за картинами по моему порученію. А не то она подсовывала его фотографію подъ самый носъ миссисъ Грюнди и говорила: — да, это Іо... вы встрѣтили его у меня на прошлой недѣлѣ. Красивъ, говорите вы? Да, пожалуй, но мы не думаемъ объ его наружности. Мы дружески расположены къ нему, бѣдный Іо!

И миссисъ Грюнди уѣзжала успокоенная и на слѣдующую среду привозила свою дочку.

И всѣ жены банкировъ, консуловъ и негоціантовъ, всѣ мелко-травчатые дворяне и свободнорожденные республиканцы, которые не бывали по воскресеньямъ на *Montecavallo*, имѣли привычку сравнивать восхитительныя среды, проводимыя за чайнымъ столомъ и въ дружеской бесѣдѣ, съ нечестивыми воскресными днями.

— Говорятъ, что въ комнатахъ графини *Etoile* ни зги не видать изъ-за густого табачнаго дыма... и у ней подаютъ всякаго рода ливеры... всякій играетъ и поетъ, что кому вадумается. Князь Шельдъ пѣлъ прошлый разъ пѣсни, какія поются въ *café-chantans* и въ кордегардіяхъ и передразнивалъ Терезу и кошечку на крышахъ... о, скандалъ! чистѣйшій скандалъ! говорить...

И не будучи приняты по воскресеньямъ, они ѣздили и пили чай по средамъ и разсуждали о томъ, какое счастье вращаться въ безукоризненномъ обществѣ.

— Да, я тоже не бываю у нея по воскресеньямъ; или, по крайней мѣрѣ, бываю очень рѣдко, — говорила лэди Джоантъ, и тѣмъ сожалѣнія, омрачавшая ея отеревенное лицо, досказывала остальное.

— У Еtoile по воскресеньямъ бываетъ очень весело, — объявила леди Кардифъ, которая поѣхала въ воскресенье, и увѣрилась, что не промахнулась, встрѣтивъ въ дверяхъ княгиню Вѣру, а нѣсколько дальше — другую посланницу.

— Я очень люблю ее; я ужасно ее люблю, хотя она совсемъ не уважаетъ, кажется, знатности и титуловъ; она презрительно, просто презрительно обошлась съ княземъ Шельдомъ и была необычайно любезна съ маленькимъ, старенькимъ, смѣшнымъ грибомъ, лѣтъ восьмидесяти отъ роду, но крайней мѣрѣ, только за то, что тотъ собаку съѣлъ на Бетховенъ и на Шуманъ.

Горисъ, несмотря на свой отказъ, бывалъ время отъ времени по воскресеньямъ, но прѣзжалъ одинъ, и рѣдко. Онъ говорилъ Еtoile: — Вы сказали, что я рабъ и я не хочу являться въ цѣпяхъ передъ вашими безпощадными, насмѣшливыми глазами и... мнѣ вовсе не весело бывать у васъ, когда другіе васъ монополизируютъ.

Леди Джоанъ онъ говорилъ: — Ахъ! та chère, вы знаете, что я боюсь знаменитостей. Оставьте меня въ покоѣ. Я слишкомъ часто встрѣчаюсь съ ней въ вашемъ домѣ для моего спокойствія. Это была не ложь; но его слушательница понимала ее не въ томъ смыслѣ и была довольна и спокойна.

— Его не притянешь въ ней и на арканъ, — говорила она своему сторожевому псу, Маржори Скрапъ.

У сторожевого пса чутье было болѣе тонкое и онъ уже почувталъ опасность. Разъ или два сторожевой песъ, проходя мимо дворца, занимаемаго Еtoile, видѣлъ, какъ въ него входила стройная фигура князя Гориса. Сестры Скрапъ-Стерсъ разыгрывали неоцѣненную роль Цербера у дверей Саа Чаллонеръ, и леди Джоанъ снабжала ихъ за то свѣжими яицами и овощами съ самою признательной аккуратностью. Церберъ зачастую надѣдалъ ей до смерти, но былъ ей полезенъ и она ласкала его. Она звала сестеръ своими дорогими дѣвочками, хотя онѣ были старше ее, всегда приглашала ихъ на второстепенные обѣды, надѣляла ихъ выкройками для платьевъ, возила въ театры, посылала имъ дичь, медъ и вино, приглашала гостить въ Фюрделизу и позволяла Маржори вдосталь любоваться княземъ Горисомъ.

Бѣдная Маржори въ первыя времена, какъ леди Джоанъ только-что прибыла съ береговъ Евфрата, обуреваемая желаніемъ убить кого-нибудь, послужила для нея не сторожевымъ псомъ, но лапкой, которой вытаскиваютъ изъ печи жаренные каштаны. Прежде чѣмъ леди Джоанъ достигла той чудной неустрашимости,

съ вершины которой она теперь приглашала церковь завтракать въ Фюрделизъ,—въ тѣ времена, когда она еще была подъ гнетомъ опасеній, внушаемыхъ ей призракомъ британской Bona-Dea, мелькнувшемъ передъ ея глазами, когда она выходила на берегъ въ Бриндизи,—она считала необходимымъ быть осторожной. Въ видахъ предосторожности, она заставила Іориса ухаживать за своей дорогой пріятельницей Маржори, и всюду таскала ее съ собой. Іорисъ смѣлся, жалѣлъ самого себя и повиновался. Онъ граціозно разыгрывалъ роль въ этой низкой комедіи, и его жертва предалась самымъ дикимъ надеждамъ, столь же необузданнымъ, какъ онѣ были неосновательны. Когда она убѣдилась, что надъ ней подшутили, что она послужила лишь ширмой для удобства другого лица, страсть пережила убитую надежду. Она изнывала отъ ярости и горя, но молчала. Порвать съ Саза Чаллонеръ значило бы никогда не видѣть Іориса; она продолжала цѣловать свою пріятельницу при людяхъ и наединѣ, носила въ груди свою подавленную страсть и, какъ голодный, питалась взглядомъ, голосомъ, жестами любовника своей пріятельницы. Она усматривала то, что ускользало отъ ея пріятельницы; она предвидѣла время, когда, по пословицѣ, черезъ-чуръ натянутая струна лопнетъ; она отмѣчала всѣ ошибки своей пріятельницы, она видѣла все ея тиранство и понимала, что та злоупотребляетъ своей властью, и ждала... хотя сама бы не могла сказать, чего она ждетъ.

Лэди Джоанъ хорошо было извѣстно ея безуміе и она подсмѣивалась надъ нимъ про себя, но была очень довольна. Оно было ей полезно, а это соображеніе для лэди Джоанъ было выше всѣхъ остальныхъ.

Съ теченіемъ времени Маржори Скрѣпъ привыкла къ своему положенію, если и не примирилась съ нимъ и признала владычество лэди Джоанъ за неизбежный фатумъ. Но теперь она возненавидѣла свою новую соперницу той смертельной ненавистью, которая не знаетъ жалости и не имѣетъ себѣ равной,—ненавистью неизвѣстной и недовольной женщины къ женщинѣ знаменитой и обожаемой. Etoile вовсе о ней не думала, смутно сожалѣла о ней иногда, какъ о покорной рабынѣ общества и прихвостнѣ лэди Джоанъ. Но Маржори Скрѣпъ думала о ней съ утра до ночи, слѣдила за каждымъ ея движеніемъ, ловила каждое слово, изучала шелестъ ея платья, и ненавидѣла ее пуще всего за то выраженіе, какое принимали глаза Іориса, когда глядѣли на нее; въ тиши ночной она грезилла о ней и, просы-

паясь, бормотала: — я достаточно вытерпѣла... *этою* я не потерплю! нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

Если бы Etoile приласкала Сирень-Стерсъ, если бы она приѣхала къ нимъ пить чай, подарила бы сестрамъ какія-нибудь хорошенькія бездѣлушки, хвалила бы ихъ акварельные рисунки и купила который-нибудь изъ нихъ — быть можетъ, даже этотъ вихрь злобы и ненависти улегся бы. Но она неспособна была на это.

— Душа моя, вы кажется совсѣмъ не боитесь черни, — говорила ей лэди Кардифъ, — но вѣдь чернь-то и воздвигаетъ гильотины; а гениальная женщина для черни та же Марія Антуанетта «проклятая гордячка австріячка» — и чернь не успокоится, пока не отрубятъ ей голову.

XII.

— *Chère comtesse Etoile*, извините меня, но вы совсѣмъ не практичны! — говорила лэди Кардифъ однимъ утромъ, катаясь на Пинчіо. — Не можетъ же быть, чтобы вы желали наживать враговъ; право, вы не можете желать этого, у васъ ихъ и безъ того довольно! Я не хочу быть рѣзкой, но не могу не высказать вамъ того, что думаю. Къ чему вы наживаете себѣ враговъ безъ всякой нужды? Объясните мнѣ.

— Что такое я сдѣлала? — спросила Etoile удивленно и нѣсколько разсѣянно. — Она думала о томъ, что ей говорилъ наканунѣ Юрисъ въ палатцѣ Фарнезе, гдѣ былъ раутъ.

— Что вы сдѣлали? — повторила лэди Кардифъ. — Какъ что? да вы сразили на смерть нашу любезную миссисъ Генри Кламсъ! Бессознательно, полагаю, но тѣмъ хуже! Вы глядѣли на нее и не поклонились ей, точно не видали ее. Я буду всѣмъ говорить, что вы не видѣли ее, если меня спросятъ.

— Я въ самомъ дѣлѣ не видала ее, — отвѣчала Etoile, хотя сознаюсь, что охотно не замѣтила бы ее и намѣренно, если хотите знать.

— Боже милосердый! Она оскорбила васъ?

— Нисколько; но затѣмъ я съ ней буду знаться? Она гораздо необразованнѣе моей горничной, и въ десять разъ пошлѣе.

— Разумѣется! но что-жъ изъ этого?

— А то, что пошлость еще больше рѣжетъ глаза, когда является разраженной въ пухъ и прахъ, а тутъ пошлость соединяется еще и съ безнравственностью.

Лэди Кардифъ переложила зонтикъ изъ одной руки въ другую.

— Ужасно вы рѣзко выражаетесь; конечно, все это кажется очень страшно, когда вы представляете это въ такомъ свѣтѣ. Но вѣдь всѣ съ ней знакомы. Таковы нравы въ наше время. Почему вы не напишите комедію въ родѣ «L'Étranger» или «La Famille Benoitton» и не выскажете тамъ все это? Мы бы стали рукоплескать вамъ на сценѣ; но въ жизни все это очень неудобно. Вы не сердитесь за мою откровенность.

— Пожалуйста, будьте всегда откровенны. Продолжали ли бы вы знакомство съ миссисъ Кламсъ, если бы мужъ ея разорился.

— Боже милостивый! разумѣется, нѣтъ; да она и не разсчитываетъ на это. Она знаетъ свое мѣсто. Знаться съ ней, когда бы она разорилась! Вотъ идея! Вы, пожалуй, думаете, что и Фонтебранда сталъ *filer le parfait amour*, послѣ того какъ она разорилась.

— Бѣдная женщина!—произнесла Etoile.

— Напрасно вы ее жалѣете, душа моя. Вы можете быть увѣрены, что она отлично знаетъ, чего стоятъ мои визиты и его преданность. Если бы завтра она вылетѣла въ трубу, то переплыла бы себѣ спокойно океанъ и открыла бы таверну, какъ ни въ чемъ не бывало.

Кстати, вы пойдете на балъ къ Эпсеансъ?

— Я не люблю баловъ.

— Прекрасно; если вы не любите танцевать, то не танцуйте, хотя знаете, если женщина не танцуетъ, то про нее непременно распускаютъ, что у нея одна нога короче другой или одна нога изъ пробки или что-нибудь другое, такое же ужасное. Но почему бы вамъ не показываться на балахъ? Только показываться. На балы вѣдь ѣздятъ какъ въ церковь. Этого требуютъ приличія,—чтобы не казаться чудакой. Я бы на вашемъ мѣстѣ поѣхала. Наша милая Джоанъ покажетъ себя во всемъ блескѣ; Io будетъ торчать у ней за стуломъ во время ужина и будетъ служить у ней на посылахъ: — Io, дайте мнѣ майонезу.—Io, подайте лэди Кардифъ землянику.—Io, передайте мнѣ землянику. Вы бы послушали ее! Я ухмылялась невольно и всѣ ухмылялись, кромѣ ея превосходнаго деревяннаго супруга. На ней былъ надѣтъ великолѣпный уборъ изъ сапфировъ, и я слышала отъ нея пять различныхъ исторій о томъ, какъ она его добыла. Известно вамъ, откуда она его достала? Я думаю, что объ этомъ лучше всего знаетъ Io. Она желала, чтобы мы взяли акціи какого-

то общества разведенія проликовъ въ Кампаньѣ. Умная женщина! Право она очень забавна. Полъ-жизни ея проходитъ въ томъ, что она трепещетъ, какъ бы люди не подумали, что у ней есть любовникъ, а другую половину она проводитъ въ страхъ, какъ бы они не подумали, что у ней его нѣтъ. Я оставила ее на балъ, а между тѣмъ уѣхала только въ пять часовъ утра. Бѣдный Іо казался очень утомленнымъ. Какая хитрая штука—любовь.

Etoile молчала. Она думала о томъ, какъ она встрѣтила его въ тотъ же вечеръ въ палаццо Фарнезе только раньше. Ея сердило—хотя она находила это неблагоприятнымъ — что онъ поѣхалъ послѣ того на этотъ балъ.

Въ это время коляска проѣхала мимо боскетовъ виллы Медій, оваренныхъ розовымъ свѣтомъ заходящаго солнца, и они увидѣли подъ деревьями лэди Джоанъ и Іориса. Лэди Джоанъ послала имъ поцѣлуй съ веселой и привѣтливой улыбкой. Іорисъ, кланяясь, покраснѣлъ, а затѣмъ поблѣднѣлъ.

— Умная женщина, лэди Джоанъ,—продолжала лэди Кардифъ.—Знаетъ какъ угождать людямъ, а въ этомъ-то все и дѣло, повѣрьте мнѣ. И вотъ почему она достигаетъ своихъ цѣлей. Цѣли ея малыя, согласна: она желаетъ, чтобы къ ней ѣздили въ гости, какъ и къ другимъ, чтобы ее приглашали на чашку чая жены священниковъ и на балъ жены банкировъ и вообще желаетъ играть роль въ обществѣ дюжинныхъ людей. Вотъ въ чемъ заключается ея честолюбіе. Но поглядите, чѣмъ она добивается того, что ей нужно? а тѣмъ, что улыбается женщинамъ, которыхъ ненавидитъ, и дѣлаетъ видъ, что какой-нибудь грошевый камелланъ можетъ переносить ее своими проповѣдями на небо! О! все это кажется вамъ неизмѣримо ничтожнымъ,—замѣтила она съ восторженнымъ, такъ какъ Etoile нещотливо разсмѣялась.—Вы умный, поэтический народъ, создаете себѣ свой собственный міръ, какой-то утесъ среди волнъ, подобно гробницѣ Шатобриана. Но, душа моя, мы хотимъ жить въ свое удовольствіе, а люди, живущіе на утесѣ, среди волнъ, и залетающіе къ намъ, подобно орламъ, только кѣсаютъ намъ. Это вѣрно. Вы заставляете насъ размышлять, а общество терпѣть не можетъ размышленія. Вы называете вещи ихъ именами, а общество этого не выноситъ. Вы трубите намъ въ уши про наше ничтожество, а мы совсѣмъ не хотимъ этого слушать, потому что слишкомъ хорошо знаемъ объ этомъ сами. Вы содрогаетесь отъ грѣха, а мы согласились въ томъ, что грѣха вовсе не существуетъ, а есть только различіе въ мнѣніяхъ, которое, лишь бы оно не задръвало насъ, до насъ не касается: преступную любовь мы зовемъ

«*liaison*», лганье—сплетнями, долги—временнымъ затрудненіемъ, безнравственность—шалостью и такъ далѣе; и разъ что мы придумали этотъ хорошенькій словарь приличныхъ псевдонимовъ, намъ никакъ не можетъ быть пріятно, когда намъ бросаютъ въ лицо страшныя, допотопныя слова, приличные лишь въ книгахъ, которыхъ никто не читаетъ, какъ Мильтона, напримѣръ, или библии. Мы не желаемъ мыслить. Мы не желаемъ рассуждать. Мы не хотимъ ни о чемъ заботиться. Давайте намъ хорошіе обѣды и много денегъ и дайте намъ заткнуть своихъ сосѣдей. Вотъ евангеліе девятнадцатаго столѣтія.

И лэди Кардифъ, наблюдавшая за свѣтомъ и за своимъ поведеніемъ съ тѣмъ же полу-презрительнымъ, хотя и добродушнымъ смѣхомъ, съ какимъ она наблюдала за дѣтьми, обирающими елку или за молодыми дѣвчонками, кружащимися въ вальсахъ, перевела духъ послѣ своей длинной рѣчи, и, закуривъ папироску, поѣхала домой, вдыхая по блаженнымъ днямъ Людовика XIV.

— Io, отчего вы не разговариваете?—спрашивала тѣмъ временемъ лэди Джоанъ, проходя подъ деревьями мимо кіоска.

— Mais, ma chère, отъ этихъ экипажей столько шума.

— Глупости! видѣли вы Etoile?

— Видѣлъ.

— Она проѣхала съ лэди Кардифъ. Какая противная женщина, эта лэди Кардифъ! Не могу постичь, чѣмъ она вамъ нравится; она такъ дурна, какъ только можно быть. Я совершенно вѣрю тому, что лордъ Кардифъ бросилъ ее потому, что она вздула его хлыстомъ за то, что онъ повезъ другую женщину въ Ричмондъ...

— Ça se sent, — проговорилъ Іорисъ, пожимая плечами: — если только не было чего-нибудь *похуже*. Многіе говорятъ, что было *похуже*.

Въ эту минуту къ нимъ присоединился м-ръ Сильверли Бель. Лэди Джоанъ очень любила его; м-ру Сильверли Бель очень льстило ея вниманіе. У него была мягкая, кроткая улыбка, которая никогда не была слаще и кротче, какъ тогда, когда онъ злословилъ; въ этомъ проходила его жизнь. Никто не могъ бы назвать Сильверли Беля злымъ; онъ никогда не отзывался дурно ни о комъ; онъ только «сожалѣлъ», онъ только «желалъ», онъ только «опасался». Когда кто-нибудь оказывался настолько безнравственнымъ, что Сильверли Бель былъ вынужденъ, какъ спаситель общества, утопить этого человека въ чай-

ниѣ, то онъ всегда вѣдыхалъ, дѣлая это и имѣлъ крайне огорченный видъ. Лэди Джоанъ оцѣнила по достоинству всѣ его качества: улыбки, вздохи, и все прочее. Онъ сначала былъ очень предубѣжденъ противъ нея, но она такъ пріятливо встрѣчала его, такъ настойчиво звала къ себѣ, такъ превозносила его, что онъ сдался и чувствовалъ себя польщеннымъ, вѣдая, что такая красавица на чайныхъ вечерахъ разныхъ старыхъ дѣвъ и клержименовъ. Въ награду онъ отдалъ всего себя въ ея распоряженіе: улыбку, вздохи и все прочее, и это оказалось неоцѣненнымъ. — Сильверли Бель увѣряетъ меня, что тутъ ничего нѣтъ невозможнаго. Онъ долженъ знать; онъ такъ часто у ней бываетъ, — говорила миссисъ Грюнди, время отъ времени, когда ей бросалась въ глаза фигура лэди Джоанъ, за плечомъ которой красовался профиль Гюриса.

Искусство нравиться гораздо болѣе, чѣмъ думаютъ, основано на томъ, чтобы самой восхищаться другими, и лэди Джоанъ обезоруживала предубѣжденія своихъ недоброжелателей, выказывая самое неподдѣльное восхищеніе ихъ особами. Вы можете быть очень дурного мнѣнія о женщинѣ, но не можете дурно отзываться о ней послѣ того, какъ она сто разъ повторитъ вамъ, что смерть, какъ любить васъ. Лестъ крайне успѣшное и популярное орудіе; она всемогуща.

— Микель-Анжело былъ дуракъ, — говорилъ, напр., м-ръ Пратъ, англійскій скульпторъ, водившійся съ римскою знатію и прозванный артистами вообще Фидіемъ Пратъ, конечно, въ насмѣшку, но онъ серьезно пріялъ это прозвище за комплиментъ. Геніальный дуракъ, но все-таки дуракъ! — утверждалъ Фидій-Пратъ, сдвигая на бокъ свою красную феску. — Всю свою работу дѣлалъ самъ: подумайте только, какая потеря времени. Полжизни проводить, обтесывая камень; дѣлалъ работу чисто каменщика. Ну, а я вотъ нанимаю шестьдесятъ рабочихъ и никогда не притрогиваюсь къ мрамору, никогда не притрогиваюсь! а поглядите, сколько статуй въ годъ я выпускаю.

— А идемъ, м-ръ Пратъ? — замѣтила Etoile. — Вы ихъ тоже нанимаете или обходите безъ нихъ?

— Идемъ! Идемъ! — повторилъ Фидій, вытаращивъ глаза, и, насупившись, съ чувствомъ обиды отошелъ къ своимъ мраморнымъ дѣтищамъ, которыя безсмысленно глядѣли въ пространство, такъ какъ въ нихъ было меньше души, чѣмъ въ любой нюрнбергской деревянной куклѣ.

Онъ женился двадцать лѣтъ тому назадъ на двадцати тысячахъ годового дохода, въ лицѣ наслѣдницы одного альдермена,

и его произведенія красовались въ судебныхъ залахъ и общественныхъ залахъ, во дворцахъ и въ паркахъ. На что ему были идеи? Тѣмъ не менѣе, онъ почувствовалъ все неприличіе такого намека.

Леди Джоанъ, которая привезла Etoile въ его мастерскую, усмѣхнулась про себя, хотя сама въ это время ахала надъ статуей, изображавшей «Горе», объявляя, что готова отрѣзать ножницами складки ея тунники, до того мраморъ былъ похожъ на нитяную ткань.

— Какъ вы могли заговорить съ нимъ объ идеяхъ? — прошептала она Etoile. — Разумѣется, онъ имѣетъ свои идеи; талантливые молодые итальянцы продаютъ груды идей за сто франковъ. Все, что принадлежитъ доброму старому Фидію въ его скульптурныхъ произведеніяхъ, — это имя, выставленное на издѣсталахъ.

Леди Джоанъ засмѣялась.

— Но Фидій на-вѣки возненавидитъ васъ. Почему вы не скажете ему, что его купающаяся Венера прекрасна?

И она пошла за насупившимся Фидіемъ и объявила ему, что его «Сабрина» — самое благородное произведеніе нашего вѣка. «Сабрина» была закутана съ головы до ногъ; Фидій-Пратъ считалъ голое тѣло варварствомъ; онъ находилъ также, что очень легко дѣлать его, — стоить только изучить анатомію.

— Какая умная женщина жена Чаллонера, — замѣтилъ нѣсколько часовъ спустя добрый Фидій своей супругѣ. — На твоихъ мѣстѣ я бы оставилъ карточку у ея дверей.

Жена его, стоявшая до сихъ поръ на томъ, что Саза Чаллонеръ слишкомъ неприличное мѣсто, чтобы водиться съ ней, уступила на этотъ разъ убѣжденіямъ мужа и завезла карточку, а нѣсколько дней спустя прислала приглашенный билетъ, гласившій: «Миссисъ Пратъ. Принимаетъ по вторникамъ». Леди Джоанъ съ торжествомъ улыбнулась при видѣ приглашающаго билета. Музыкальные собранія у миссисъ Пратъ по вторникамъ считались одними изъ избранныѣйшихъ римскаго сезона.

Юрисъ встрѣчалъ Etoile въ двухъ или трехъ знатныхъ домахъ, въ посольствахъ и дворцахъ, гдѣ леди Джоанъ не бывала, но куда она позволяла ему ѣздить въ надеждѣ, что когда-нибудь проберется туда по его пятамъ. Etoile смотрѣла сначала на него, какъ на какой-нибудь портретъ или статую; но портретъ этотъ улыбался, а статуя говорила; онъ раскладывалъ воскъ

ны но благороднымъ галлереймъ, гдѣ гевій прошлаго глядѣлъ на мелочность настоящаго; когда она разговаривала съ другими, онъ стоялъ возлѣ, молча, и слушалъ ее; тамъ, гдѣ она бывала, онъ слѣдовалъ за нею, какъ тѣнь; тамъ, гдѣ его не было, она чувствовала, что ей какъ будто чего-то недоставало. Etoile, съ того времени, какъ она восторгалась Шекспиромъ, Расиномъ и Гёте въ лѣсной тѣни своихъ мирныхъ Арденнъ, не знавала иной страсти, кромѣ страсти къ искусству, но свѣтъ не могъ повѣрить такой простой вещи. Весьма рѣдко бываетъ, чтобы свѣтъ былъ настолько простъ, чтобы повѣрить истинѣ. «Я—истина и у меня очень мало знакомыхъ», — говоритъ джентльменъ въ комедіи Контрева:—когда онъ приходитъ, большинство стремится уйти. Etoile была художницей до мозга костей; художница поглощала въ ней женщину. Мужчины считали ее холодной... потому что она была къ нимъ холодна. Они ухаживали за ней на всѣ лады, но это ее не трогало. Порою, когда она видѣла влюбленныхъ, гулявшихъ подъ деревьями, при свѣтѣ луны или молодую женщину съ ребенкомъ на рукахъ, ей хотѣлось полюбить. Но любовь не приходила. Она находила, что художникъ для того, чтобы быть великимъ, долженъ много времени проводить наединѣ съ самимъ собой и съ природой, и весь свой досугъ она посвящала искусству. Когда ей случалось бывать въ гостяхъ, это развлекало ее на полчаса, а затѣмъ ей становилось скучно. Она больше любила свою библиотеку, свою мастерскую, свое уединеніе или же открытый воздухъ, гдѣ каждый пронесившійся вѣтерокъ переносилъ ее въ воображеніи въ лѣта ея счастливаго дѣтства.

— Вы добродѣтельная женщина, — сказалъ ей однажды одинъ великій и мудрый человѣкъ.

— Нѣтъ, мнѣ все чего-то какъ будто не достать.

Между тѣмъ свѣтъ вообще зналъ, что она знаменита, думалъ, что она счастлива, и не вѣрилъ, что она добродѣтельна. Иорисъ, какъ и всѣ другіе, находилъ удивительнымъ, что молодая женщина, принадлежащая къ высшему обществу, проводила свое время въ занятіяхъ и въ размышленіи. Пріѣзжать къ ней рано поутру и заставать ее надъ старыми хрониками и ветхими манускриптами, улавливающей нити спорныхъ событій или вытекающей въ мысли забытаго прошлаго, стало для него очень заманчиво. Его привлекало и вмѣстѣ съ тѣмъ дразнило то обстоятельство, что чистыя отвлеченности поглощаютъ ее, — то же, что составляетъ удовольствіе для другихъ женщинъ, едва лишь на одну секунду оставляя въ ея вниманіи. Онъ сознавалъ, что позна-

комить эту женщину съ земной страстью значить совлечь ее на землю и подрѣзать крылья, уносящія ее въ небо, и ему хотѣлось сдѣлать это — и съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе. Тѣмъ временемъ женщина, воображавшая, что хранитъ ключъ отъ его мыслей, не подозревала обо всемъ этомъ.

— Какъ нелѣпо, что она бываетъ въ такихъ мѣстахъ! — сказала однажды леди Джоанъ, сидя за завтракомъ и съ яростью бросила газету, гдѣ имя Etoile стояло въ числѣ приглашенныхъ на раутъ одной великой княгини. — Почему нелѣпо? — спросилъ Іорисъ съвои зубы, не глядя на нее. Лицо его потемнѣло и онъ поднялъ газету. — Почему? — передразнила леди Джоанъ, — почему? Потому что это хуже нежели нелѣпо; это отвратительно. — Почему? — спросилъ Іорисъ холодно.

Леди Джоанъ разразилась хохотомъ.

— Боже мой, Іорисъ! Гдѣ вы жили? А еще утверждаете, что знаете Парижъ, какъ свои пять пальцевъ!

— Я васъ не понимаю, — продолжалъ тотъ еще холоднѣе.

— О, вы меня не понимаете! скажите! Но развѣ вы не знаете какую она жизнь вела!

— Вполнѣ невинную? Это рѣдко бываетъ, но развѣ это запрещено, развѣ это худо?

Леди Джоанъ пожала плечами и снова расхохоталась.

— Невинную! Сами вы невинный! Прочтите-ка вотъ это, если мнѣ не вѣрите.

И она подала ему письмо, которое вынула изъ письменнаго стола. То было письмо отъ человѣка, потерпѣвшаго неудачу на томъ поприщѣ, на которомъ Etoile встрѣтила успѣхъ, человѣка, завидовавшаго ей всей душой, что не помѣняло ему ухаживать за ней, вонечно съ такимъ же неуспѣхомъ. Леди Джоанъ хорошо его знала и написала ему, задавъ, между прочимъ, два-три небрежныхъ вопроса объ Etoile. Въ отвѣтъ тотъ прислалъ ей преувеличенный сводъ всѣхъ клеветъ, распускаемыхъ про Etoile.

— Доказательно, если вѣрно, — безпечно произнесъ Іорисъ, возвращая ей письмо. — Но къ чему намъ ссориться изъ-за нея; сегодня она здѣсь, завтра ея нѣтъ.

Сердце его билось отъ гнѣва и досады, и мучительное сомнѣніе, какъ тѣнь, промелькнуло въ его мозгу, но онъ привыкъ скрывать свои мысли и ощущенія отъ своей повелительницы. Въ эту минуту вошелъ м-ръ Чаллонеръ.

— Мы говоримъ объ Etoile, Робертъ, — сказала его жена: —

не правда ли, со стороны стараго дурака Вуателя было очень безразсудно убѣдить отца прислать ее ко мнѣ?

М-ръ Чаллонеръ привыкъ понимать жену съ двухъ словъ.

— Безъ сомнѣнія, это было очень безразсудно, — повторилъ онъ самымъ внушительнымъ и деревяннымъ голосомъ. — Надо быть очень осмотрительнымъ въ своихъ знакомствахъ, а на ея счетъ ходятъ такіе странные слухи.

— Да, да! конечно; лучше было бы, если бы мы съ ней все не знакомились, но когда она уѣдетъ отсюда, то знакомство порвется само собой, а если она придетъ сюда на будущую зиму, то можно и не возобновлять его. Вотъ телеграмма изъ Сициліи, Іорисъ.

Телеграммы изъ Сициліи сыпались дождемъ въ Саа Чаллонеръ. Въ благодарность за пріятное убѣжище, какое они нашли въ освобожденной Италіи, м-ръ Чаллонеръ и его жена (или, вѣрнѣе, жена м-ра Чаллонера и онъ) рѣшились наградить ее трубчатымъ мостомъ. Мостъ долженъ былъ идти черезъ Мессинскіе проливы, черезъ заливъ Фаро и соединить Сицилію съ материкомъ и навѣки устранить разбойничество и варварство. Но до сихъ поръ еще этотъ мостъ существовалъ только на бумагѣ, хотя объявленіе о немъ было напечатано и акціи распроданы четыре года тому назадъ, и шотландскій герцогъ стоялъ номинально во главѣ предпріятія, и великое множество клерковъ и агентовъ суеилось въ Калабрини и въ Cannon Street. — «Мой мостъ», говорила леди Джованъ, подобно тому, какъ говорила «моя ферма» о Фюрделивѣ. Она считала себя очень дѣловитой женщиной. Въѣзъ денегъ, концессій, капиталистовъ произвелъ типъ женщины-финансиста. Другія столѣтія создавали ученую и изящную гетеру, святую и аскетическую отшельницу, героиню знамени Алой-Розы, la dame de beauté, всю сотканную изъ грацій и свѣта, философ-грасіеuse, революционерку — каждый изъ этихъ типовъ сообщилъ особый отпечатокъ своему столѣтію. Девятнадцатый вѣкъ, заимствовавъ окраску отъ всѣхъ этихъ типовъ, создалъ новый, въ лицѣ женщины-спекулянта. Женщина, съ замираніемъ сердца слѣдящая за hausse и baisse; женщина, къ сердцу которой дастъ доступъ только золотой ключъ, которая создаетъ банки, затѣваетъ компаніи, держитъ маклера, подобно тому, какъ въ восемнадцатомъ вѣкѣ держала обезьяну, а въ двѣнадцатомъ рыцаря; специальное искусство которой заключается въ томъ, чтобы во-время продать и купить, которая посвящена въ тайны желѣзныхъ дорогъ и каналовъ, открытія новыхъ водъ и проведенія новыхъ улицъ; которая избираетъ любовниковъ, соображаясь съ концес-

сіями, которая вѣдуетъ своихъ пріятельницъ затѣмъ, чтобы вытянуть изъ нихъ секреты, довѣренныя имъ мужьями—кто можетъ сказать, какой приговоръ изрекутъ надъ ней будущіе вѣка.

ХІІІ.

На слѣдующій день погода была ненастная и холодная. Теплые и солнечные дни, стоявшіе во время карнавала, смѣнились суровыми вѣтрами, дувшими изъ ущелій Абруццъ и Апеннинскихъ горъ и вздымавшихъ бурныя волны на темномъ Тибрѣ.

Іорисъ пришелъ домой озябшій и унылый. Онъ сидѣлъ въ своей спальнѣ, подъ зоркимъ взглядомъ висѣвшаго тамъ портрета, и рылся въ массѣ бумагъ, стараясь составить себѣ понятіе о своемъ положеніи и о своихъ обязательствахъ относительно громаднхъ международныхъ работъ, предпринятыхъ въ заливѣ Фаро, въ который онъ дозволилъ замѣшать свое имя. Все, что онъ могъ понять — это что его деньги таютъ, какъ воскъ. Онъ никогда не былъ богатъ, но, довѣривъ управленіе своими финансами лѣди Джоанъ, становился съ каждымъ днемъ бѣднѣе. Денежныя потери были единственнымъ результатомъ всѣхъ предприятий, въ которые она его втягивала. Скучныя цифры рябили у него въ глазахъ, несчитаемыя письма наводили тоску. Онъ зналъ, что значить разореніе, и что-то въ родѣ разоренія глядѣло ему въ лицо со страницъ, испещренныхъ цифрами, и изъ кипы различныхъ дѣловыхъ писемъ. Голова его болѣла, и сердце также. Онъ былъ свободенъ, тиранъ его отправился подъ руку съ красавцемъ Дугласомъ Гремъ, прихвативъ для приличія Сильверли Беля въ классическій концертъ, который давала лѣди Анни Монмоутширъ въ своемъ отелѣ; а потомъ должна была обѣдать съ деканомъ св. Эдмонда, въ томъ же самомъ великолѣпномъ отелѣ, съ тѣмъ строгимъ соблюденіемъ свѣтскаго деворума, которому ни страсти, ни развлечения, ни скука никогда не могли заставить лѣди Джоанъ измѣнить, подобно тому какъ страсти, развлечения или скука не могли заставить дамъ эпохи Борджіа пренебречь постомъ или исповѣдью во грѣхахъ. Инстинктивно Іорисъ, выйдя изъ дому, усталый и въ тоскливомъ настроеніи, направился въ тотъ старшій дворецъ, на порогъ котораго его всегда охватывало какое-то поэтическое и юношеское чувство. Было пять часовъ вечера. Еtoile не было дома, но она должна вернуться черезъ нѣсколько минутъ,—сказали ему. Онъ вошелъ, бросился на кушетку и сталъ ее ждать. На столикѣ возлѣ ле-

жала раскрытая книга. Онъ взялъ ее въ руки. То была «Nélide» Даниеля Стерна. Она была открыта на слѣдующемъ краснорѣчивомъ мѣстѣ, дышавшемъ презрительнымъ негодованіемъ мужественной натуры въ мелкому эгоизму трусливыхъ душъ.

«Marcher environnée des hommages que le monde prodigue aux apparences hypocrites; jouir à l'ombre d'un mensonge de lâches et furtifs plaisirs; ce sont là les vulgaires sagessees de ces femmes, que la Nature a faites également impuissantes pour le bien qu'elles reconnaissent et pour le mal qui les séduit; également incapables de soumission ou de révolte, aussi dépourvues du courage qui se résigne à porter des chaînes que de la hardiesse qui s'efforce à les briser».

«Вотъ портретъ Джоанъ», подумалъ Іорисъ, и съ нетерпѣніемъ бросилъ книгу, досадуя, что ему напоминаютъ о томъ, что бы ему хотѣлось забыть. Однако ему было пріятно думать, что Еtoile прочитала это мѣсто — и такъ какъ оно было подчеркнуто карандашомъ, то онъ подумалъ, что, видно, и она вспомнила о лэди Джоанъ, когда подчеркивала его. Онъ думалъ, что въ ней говорила ревность, но ошибался.

— Это вы! — произнесъ голосъ лэди Кардифъ, вошедшей въ эту минуту въ комнату.

Хотя она вообще никогда ничему не удивлялась, но присутствіе его здѣсь такъ удивило ее, что у ней вырвалось это восклицаніе. «Онъ, кажется, здѣсь совсѣмъ какъ у себя дома», подумала она въ то время, какъ Іорисъ со свойственной ему веселой любезностью поздоровался съ ней.

— Любезный князь, очень рада васъ видѣть; я зашла на минутку; мнѣ сказали, что она сейчасъ вернется. Какія славныя комнаты, — не правда ли? и сколько цвѣтѣвъ! Для головы вредно, но для глазъ — красиво, — говорила лэди Кардифъ, усаживаясь въ кресло и закуривая папиросу. — Желаете курить? Или она вамъ не позволяетъ? Мнѣ она позволяетъ. Отвратительная погода, — не правда ли? Я только-что изъ концерта лэди Анны; они настраивали свои инструменты въ продолженіи цѣлыхъ двухъ часовъ; но крайней мѣрѣ, мнѣ показалось, что они настраиваютъ инструменты; но всѣ говорятъ, что они исполняли ор. 101. Великолѣпная вещь, говорятъ они. Я рѣшительно не постигаю ея прелести. Ваши друзья, Чаллонеры, были тамъ, — по крайней мѣрѣ, лэди Чаллонеръ была тамъ; она-то и сообщила мнѣ, что это ор. 101.

— Лэди Джоанъ любитъ музыку, — замѣтилъ Іорисъ, раздражаясь не въ мѣру при одномъ упоминновеніи объ особѣ, которую онъ надѣялся здѣсь позабыть.

— О! это значитъ, по-вашему, любить музыку — восхищаться какимъ-то ор. 101?

И лэди Кардифъ перешла отъ разговора о музыкѣ въ политикѣ, и хотя собесѣдникъ ея напрягалъ всѣ свои усилія, чтобы быть любезнымъ, но лэди Кардифъ въ душѣ забавлялась, видя, что глаза его невольно обращаются въ ту сторону, гдѣ стояли часы во вкусѣ Людовика XV на пьедесталѣ.

Наконецъ, вернулась Etoile съ прогулки и принесла съ собою цѣлую кучу фіалокъ, собранныхъ ею собственноручно въ лѣсу. Лэди Кардифъ наблюдала за молчаливымъ рукопожатіемъ, какимъ она обмѣнилась съ Іорисомъ, прикидываясь, что очень занята спичкой, которая никакъ не хотѣла зажигаться. «Ага!» подумала она, опытная въ этихъ дѣлахъ и понимающая ихъ значеніе. «Такъ вотъ какъ! Что-жъ, почему бы и не такъ! Но только ему придется выдержать сильную борьбу, а способенъ ли онъ въ борьбѣ? Съ такой бой-бабой, какъ эта милая женщина, которая любитъ ор. 101, не легко справиться». И сказала вслухъ:

— Господи! какъ скучны эти спички; милый князь, нѣтъ ли у васъ другихъ? Благодарю васъ. Ахъ, фіалки! какая ихъ куча и какъ онѣ мокры! Вы бы могли ихъ купить, сколько угодно, на любомъ перекрестѣ... Но эти вещи для меня то же, что и ор. 101. Вы ничего не слышали про ор. 101?—О! благодарю, душа моя, но мнѣ, право, надо ѣхать. Я хотѣла только дожидаться васъ, чтобы сказать вамъ и пр. и пр.

И она выставила какой-то пустой предлогъ для своего посѣщенія. Въ сущности, она пріѣхала, чтобы поболтать въ свое удовольствіе въ сумеркахъ, но понимала, что, по меньшей мѣрѣ, одинъ изъ присутствующихъ желалъ, чтобы она уѣхала, а лэди Кардифъ была слишкомъ доброй и благовоспитанной женщиной, чтобы не сообразить съ-разу, въ чемъ дѣло, и не принести себя въ жертву. Она распрощалась, отлично разыгравъ, что очень торопится, и Іорисъ проводилъ ее до кареты. «Господи!» повторила самой себѣ лэди Кардифъ, сидя въ экипажѣ. «Все это добромъ не кончится. Какая жалость, что на немъ такая обуза! Онъ такъ хорошъ собою и у него такіа прекрасныя манеры, а вѣдь это такая рѣдкость въ наши дни! Какая жалость!»

Тѣмъ временемъ Іорисъ вернулся въ комнаты, наполненные запахомъ фіалокъ.

— Я боюсь, что это послѣднія въ нынѣшнемъ году, — сказала ему Etoile, когда онъ вернулся. — Тюльпаны уже отошли. Я больше всего люблю фіалки. Я помню, что маленькимъ ребенкомъ я сильно плакала, когда наши слуги бросали ихъ въ

сиротъ и вѣнчанн... продавать ихъ на перекресткахъ, кажется мнѣ, почти также безжалостно. Вы понимаете меня, или все это для васъ ор. 101?

— Я понимаю васъ, — отвѣчалъ онъ со вздохомъ и съ улыбкой. — Могу я остаться у васъ? Я очень усталъ. Въ переносномъ смыслѣ, я цѣлый день простоялъ на перекрестѣ, покупая и продавая. Я усталъ, мнѣ скучно и тоскливо. Могу я остаться?

— Разумѣется, — отвѣчала она, слегка покраснѣвъ.

Она взяла букеты изъ вазъ и владывала ихъ въ вазы на каминѣ. Глаза его съ нѣжностью слѣдили за всѣми ея движеніями.

— Почему вы не носите колець? — вдругъ спросилъ онъ.

Она разсмѣялась.

— Изъ тщеславія! Они портятъ руку, скрываютъ ея форму.

— Это мысль скульптора; я думаю, что она справедлива. Ваши руки такъ хороши, что не нуждаются въ украшеніяхъ...

— Или въ комплиментахъ.

— Правда — не комплиментъ. Я никогда не говорю комплиментовъ сама; вы это очень хорошо знаете. Скажите... вы читали книгу Даниеля Остерна: «Nélida»?

— Да, это не особенно умная книга, даремъ, что написана умной женщиной, но...

— Но одинъ отрывокъ въ ней краснорѣчивъ. Думали ли вы обо мнѣ, когда отиѣчали его?

— Да.

Онъ взялъ книгу и снова молча прочиталъ отрывокъ. Затѣмъ со вздохомъ отложилъ книгу.

— Точно съ нея списано, — сказалъ онъ презрительно.

— Вы не *от* этого говорите! — послѣднее замѣтила Etoule; ей было пріятно его замѣчаніе, хотя она и упрекнула его, и вѣсть съ тѣмъ досадно на себя за это чувство. — Это, быть соммѣнн, похоже на нее; это похоже на тысячи женщинъ, похоже на всѣ слабыя мірснія страсти, прикрывающіяся маской приличія и пошлой мудрости; но не вамъ говорить это про нее!

— Почему?

— Потому что это нечестно.

Онъ громко разсмѣялся.

— Нечестно! Я такъ честенъ относительно ея, какъ и она относительно меня. Повѣрьте мнѣ, преступная страсть, идущая наперекоръ свѣту, можетъ быть честна, потому что она должна быть сильна; но въ такой интригѣ, какъ наша съ ней, — гласной, какъ бракъ, но закутанной лицемѣрнымъ покровомъ обществен-

ной лжи, — не можете быть честности, потому что мы всѣхъ обманываемъ: людей, самихъ себя; лжемъ на каждомъ шагу, въ каждомъ словѣ, въ каждой мысли. Это настоящій адъ лжи.

— Замоличте.

— Затѣмъ? Дайте мнѣ, наконецъ, высказать вамъ правду. Ни одна женщина не имѣла на меня такого вліянія, какъ вы. Я думаю, что вы могли бы сдѣлать изъ меня все, что вамъ угодно, если бы я всегда былъ вѣрѣнъ вамъ. Вы похощи на цвѣты, которые вы любите; вы напоминаете людямъ про бога, котораго они забыли. Цвѣты не сознаютъ своего вліянія такъ же, какъ и вы не сознаете вашего. Вы не разсердились? Простите меня.

Еtoile помолчала съ минуту.

— Разсердилась, нѣтъ! не то. Но не это не хорошо относительно ея. Кромѣ того, вы такъ не думаете.

— Предоставьте ей самой позаботиться о себѣ; она это сумѣетъ сдѣлать, повѣрьте. Вы говорите, что я не думаю того, что сказалъ про васъ? Поглядите мнѣ въ лицо.

Она взглянула ему въ лицо тѣмъ спокойнымъ, откровеннымъ и невиннымъ взглядомъ, какимъ всегда глядѣла въ лицо мужчинъ. Страсти ихъ никогда ее не волновали и она сдерживала ихъ или уходила отъ нихъ безъ всякаго усилія. Но передъ глубокимъ мечтательнымъ взглядомъ его глазъ, взглядомъ ласкающимъ, горячимъ, таинственнымъ, говорящимъ о страсти, въ которой онъ не смѣлъ признаться, она опустила глаза; что-то въ его глазахъ удивило, смутило, задѣло ее.

— Князь Юрисъ, — холодно сказала она, — уже половина седьмого. Васъ ждутъ въ Casa Чаллонеръ. Вы забываете о своихъ обязанностяхъ.

Юрисъ опомнился и отвелъ отъ нея глаза.

— Я не пойду туда сегодня; я пойду домой и буду обѣдать одинъ. Но онъ не тронулся съ мѣста; молчаніе воцарилось между ними; онъ облокотился на старый желтый мраморъ камина; вѣки прикрыли его краснорѣчные глаза. Слуга принесъ лампу. Сердце ея сильно забилося. Она боялась, что была слишкомъ жестока съ нимъ.

— Обѣдайте у меня, — сказала она нѣсколько торопливо. — Черезъ полчаса я жду моего стариннаго друга Вуателя; онъ долженъ пріѣхать изъ Парижа. Согласны? Ну, такъ сидите и читайте «Nélida», пока я пойду, переодѣнусь.

Онъ поцѣловалъ ея руки; оставшись одинъ, онъ сталъ читать не «Nélida», но бурную исторію своего сердца. Тѣмъ временемъ онъ надѣялся, что снѣгъ на Альпахъ задержитъ барона Вуателя.

XIV.

Снѣгъ на Альпахъ не задержалъ барона Вуателя; въ девять часовъ и десять минутъ онъ внесъ въ комнаты Еtoile свои зеленые очки, свою сѣдую бороду и свое явительное остроуміе, и, увидя Іориса, назавнагося какъ-бы у себя дома, и въ петличкѣ котораго красовалась одна изъ его чайныхъ розъ, подумалъ, ухмыляясь себѣ въ бороду: — *A la bonne heure!* Этимъ всегда кончается. Желалъ бы я знать, какого сорта этотъ человѣкъ, что нѣблизъ нашу равнодушную красавицу!

Они очень весело отобѣдали и провели нѣсколько пріятныхъ часовъ у камина, и Вуатель ни за что не угадалъ бы, что Іорисъ желалъ ему провалиться въ снѣгъ, до того Іорисъ былъ милъ, любезенъ, и, когда въ полночь оба простились съ хозяйкой, проводилъ Вуателя въ его гостиницу и, сжимая обѣ его руки, высказалъ, какую честь и какое удовольствіе доставляетъ ему знакомство съ знаменитымъ путешественникомъ. — «Обязательный человѣкъ, — подумалъ Вуатель. — У него прекрасны манеры и историческое лицо».

Тѣмъ не менѣе покачалъ головой, всходи на лѣстницу своей гостиницы.

Вуатель отправился въ Бриндизи и могъ пробыть въ Римѣ всего лишь двое сутокъ. Большая экспедиція, снаряженная тремя государствами, поручена была его руководству, и ему некогда было читать романы. Вуатель былъ ученый вслѣдователь всякихъ пустынь, но онъ выѣхалъ съ тѣмъ умѣнь наблюдать и людей; онъ былъ старъ и рѣзокъ, хитеръ и ученъ; знакомство съ цивилизованной и варварской жизнью расположило его такъ же цѣнить простое мужество, какъ оно цѣнилось въ Спартѣ, и сдѣлало его отчасти нечувствительнымъ въ преимуществамъ всякаго рода, на которыя претендуютъ цивилизованные люди. На этомъ пунктѣ онъ былъ своенравенъ и сильно раздражалъ иныхъ слушателей. У него была непримичная память на всѣ мелочи; его нельзя было обмануть; онъ видѣлъ насквозь ложь и лицемеріе, но всего несноснѣе было то, что онъ вѣрилъ въ честность, когда встрѣчалъ ее въ дѣйствительности, и глубоко презиралъ ходячія людскія мнѣнія о порокахъ и добродѣтели.

Ложась спать въ этотъ вечеръ, Вуатель нашелъ у себя на столѣ медоточивую записочку, гласившую, что такъ какъ газеты возвестили объ его прибитіи, то м-ръ и леди Джоанъ Чалло-неръ просятъ его не забыть объ искреннѣйшихъ и преданнѣй-

шихъ изъ его друзей. Вуатель, который былъ человѣкъ неблаго-
дарный, или слытъ по крайней мѣрѣ за неблагодарнаго у всѣхъ,
кромѣ разныхъ дикихъ племенъ, которыя его обожали, свернулъ
записочку и закурилъ ею свою трубку. Но на другой день, по-
выдавшись съ королемъ, нѣсколькими министрами, съ полуотшель-
никами археологами и учеными, онъ напослѣдъ время заглянуть въ Сава-
Чаллонерь, гдѣ былъ встрѣченъ съ самыми восторженными при-
вѣтомъ и самыми тоскливыми вздохами о томъ, что онъ можетъ
подарить всего лишь полчаса.

Было пять часовъ вѣчера и, какъ нарочно, среда, пріемный
день лэди Чаллонерь, и она была окружена толпою дамъ; Вуа-
тель внушалъ ужасъ миссисъ Грюнди, потому что имѣлъ самыя
ужасныя идеи о полигаміи и также потому, что про него гово-
рили, что онъ съѣлъ своего юнга въ котлетѣхъ на Караибскихъ
островахъ. Но лэди Джоанъ, съ полнымъ пренебреженіемъ на-
этотъ разъ къ своей Vona-Dea, приняла его съ безусловнымъ
обожаніемъ и восторгомъ, настаивала на томъ, чтобы онъ заку-
рилъ трубку и выставила передъ нимъ всевозможныя либеры,
наміе только существуютъ на свѣтѣ. Вѣдь онъ такой дорогой и
давнишній другъ! Развѣ она можетъ забыть, съ какой добротою
онъ относился къ ней въ минувшіе дни, въ дорогую Дамаскъ!
Вуатель позволялъ ей ухаживать за собой, попивалъ ли-
беръ, курилъ трубку въ кругу чопорныхъ вдовъ и дѣвъ и гово-
рилъ съ самымъ неподдѣльнымъ доброушіемъ:

— Мы не забыли Дамаска, неправда ли? Какое вкусное шам-
панское *très-sec* пивали мы у васъ тамъ, Джоанъ, и какъ долго
Горасъ Веръ сбивалъ головки у бутылокъ. Мы стрѣляли при
этомъ въ вошекъ, бѣгавшихъ по крышамъ, и въ воронъ также.
Вы никогда не давали промаха въ тѣ дни. Что, ваша рука
также тверда и теперь? Веселее то было времячко, очень весе-
лое! Бѣдный Джамъ Сивиль!

Лэди Джоанъ почувствовала, что ее точно обдали ледяной
водой, и еще усиленнѣе и жарче стала подтирать его либеромъ.

«Все та же самая, — думалъ Вуатель, глядя на нее, — все
та же самая, только постарѣла; да и чего ей мѣняться; и здѣсь
есть кошки, вороны и шампанское, и я полагаю, что у добраго
Роберта есть контора, гдѣ онъ можетъ торчать по цѣлымъ
днямъ».

Въ эту минуту вошелъ Горасъ.

— Ю, идите сюда и позвольте мнѣ представить васъ самому
дорогому другу, такой только у меня есть... моему второму
опу, — закричала лэди Джоанъ.

«Мы уже познакомились вчера», вертелось было на губах Вуателя, но онъ увидѣлъ, что Іорисъ церемонно поклонился ему, какъ незнакомый человѣкъ; Вуатель былъ старъ и сметливъ; онъ могъ въ одно мгновеніе она схватить сущность дѣла и угадать много; онъ сдѣлалъ видъ, что не узналъ Іориса и почувствовалъ, что Іорисъ ему за это благодаренъ.

— Онъ большой вашъ пріятель?—спросилъ Вуатель у лэди Джоанъ, а parte. — Да, такой же большой пріятель вѣроятно, какъ Джейкъ Оливилъ? Бѣдный Джейкъ! Этотъ человѣкъ красивѣе; но вѣдь за то мы и находимся въ странѣ живыхъ картинъ. Джейкъ только рисовалъ ихъ.

Лэди Джоанъ покраснѣла и смущалась.

— М-ръ Чаллонеръ арендуетъ имѣніе Іориса, — отвѣчала она поспѣшно.—Князь очень бѣденъ, знаете, и м-ръ Чаллонеръ очень расположенъ къ нему.

— Чаллонеръ былъ также очень расположенъ къ бѣдному Джейку, да и къ Горасу также, — отвѣчалъ Вуатель съ невинной задумчивостью.—Вашъ мужъ всегда былъ очень добръ. Итакъ, вы арендуете имѣніе? Выгодная ли эта операція? Страна-то вѣдь здѣшняя красива, да, кажется, приближи къ ней мало.

— Мы дѣлаемъ это не для прибыли, — отвѣчала лэди Чаллонеръ почти рѣзко, потому что терпѣніе ея подвергалось странному испытанію.

— Что значить жить въ поэтической странѣ! — замѣтилъ Вуатель:—но всего удивительнѣе сила фантазіи; когда я былъ того юнгу, про котораго, я слышу, рассказываетъ своей сосѣдѣ вотъ эта превосходная лэди въ полиняломъ красномъ платьѣ, то онъ мнѣ казался такимъ же вѣчнымъ, какъ именная телятина. Все это сила фантазіи; мои-то гостямъ онъ такъ же показался вѣчнымъ, какъ телятина и даже еще вѣснѣе. Безъ сомнѣнія, въ улицѣ Pall-Mall жареный юнга показался бы мнѣ отвратительнымъ. Всѣ мы игрушки обычная, не такъ ли, сударыня?

Лэди въ полиняломъ красномъ платьѣ была лэди Джерри Скромъ-Опера и при этой неожиданной рѣчи, обращенной къ ней, пришла въ такой ужасъ, что лишилась способности отвѣчать ему. (Я слышала своими ушами, какъ онъ самъ сознался въ этомъ, говорила всегда вполнѣдѣйстви лэди Джерри, когда при ней заходила рѣчь о томъ, что Вуатель былъ корабельнаго юнга).

— Ахъ! онъ былъ очень миленькій мальчикъ, сударыня, и мы съѣли его noch соусомъ изъ мунжатаго орѣха и каперсовъ, — продолжалъ Вуатель и всталъ и ушелъ, а хозяйка не могла прогнать его на дѣстицу.

Юрисъ, подъ предлогомъ предложить ему зонтикъ, последовалъ за нимъ на улицу, гдѣ шелъ небольшой дождь.

— Я сейчасъ сдѣлалъ видъ, что не узналъ васъ, дорогой баронъ, потому что леди Джоанъ такъ часто говорила объ удовольствіи, съ какимъ она представитъ меня вамъ, что я не хотѣлъ лишить ее этой радости,—объяснилъ онъ съ самой любезнѣйшей улыбкой:—она такъ почитаетъ васъ. Буатель поглядѣлъ ему въ лицо сквозь вѣленны очки.

— Понимаю,—сухо отвѣтилъ онъ, и они расстались съ вѣжливымъ поклономъ на мостовой передъ Саа Чалонеръ.

Буатель чувствовалъ, что опасность неминуемая грозитъ Etoile, и если бы только его караванъ не былъ въ сборѣ и его арабы не вооружены съ ногъ до головы, и конвой не дожидался его въ песчаныхъ степяхъ, то онъ остался бы въ Римѣ, чтобы видѣть, какъ разыграется этотъ романъ и взять его нити въ свои руки, если понадобится. «Красивый человѣкъ и обаятельный, но слабый, боюсь», думалъ Буатель.

Послѣ этого онъ направился въ домъ Etoile. Въ эту минуту впервые въ жизни онъ пожалѣлъ, что не ея отецъ и не можетъ ей сказать:—Берегись!

За обѣдомъ онъ осторожно старался вывѣдать отъ нея истину, такъ какъ ни въ чемъ не былъ увѣренъ.

— Я видѣлъ сегодня вашего вчерашняго гостя, — сказалъ онъ ей безпечнымъ тономъ послѣ обѣда.

— Да,—красивый человѣкъ, очень красивый! Я видѣлъ его у Джоанъ Чалонеръ.

Etoile молчала.

— Онъ ея пріятель, не такъ ли?—Они большіе друзья, да!

Буатель проникательно глянулъ на нее и усмѣхнулся.

— Гмъ! Дружба — такое вѣдь эластичное слово. У нашей милой Джоанъ столько было такихъ друзей, хотъ, кажется, до сихъ поръ ни одинъ не отдавалъ ей въ аренду своего помѣстья. Какого рода его помѣстье?

— Оно велико, но, кажется мнѣ, не очень прилично.

— Когда имъ управляетъ Джоанъ? Еще бы!

— Зачѣмъ вы таковы къ ней, если ее не любите?

— Душа моя, она меня любитъ.

— Ну, такъ вы очень неблагодарны.

Буатель засмѣялся.

— Она стала удивительно какъ прилична, право. У ней подается чай и конъ. Въ Дамаскѣ она насъ угощала шампанскимъ и керой. Я напомнилъ ей про Дамаскъ. Отвѣтъ на про-

никогда всегда бываетъ такъ пріятна. Мнѣ показалось, что она не жалеетъ, чтобы князь, котораго она взяла въ аренду, много разговаривалъ со мной. Удивляюсь, что она позволяетъ вамъ дарить ему чайныя розы. О! тысячу извиненій, я не хочу сказать этимъ ничего особеннаго! Но только мнѣ кажется, что леди Джоанъ не благоволяетъ въ вамъ, а вѣдь она можетъ быть очень непріятна, когда рассердится. О, пожалуйста, не смотрите на меня съ такимъ спокойнымъ пренебреженіемъ; я надѣюсь, что вы скоро уѣдете изъ Рима, — не правда-ли? Она озлоблена, говорите вы? — Да, я думаю, что она озлоблена. Не весело выйти замужъ за м-ра Чаллонера и продавать чайныя чашки и ухаживать за миссисъ Грюнди; не весело для человѣка, родившагося въ иной долѣ, и, разумѣется, должно ожесточать душу. Значитъ я бываю у нея? — Помилуйте, я ей оказываю этимъ величайшую услугу. Я бываю у ней чисто изъ христіанскаго милосердія. «Добрый старикъ Вуателъ обѣдалъ со мною», — хвастается леди Джоанъ и это придаетъ ей извѣстный вѣсъ. Кромѣ того, если вы будете бѣгать отъ всѣхъ красивыхъ женщинъ, за которыми водятся грѣшки, то вамъ совсѣмъ нельзя будетъ ѣздить на званые обѣды. Именно потому, что я кое-что о ней знаю, она и рада оказать мнѣ вниманіе. А званый обѣдъ вещь пріятная послѣ пустыни. Хотя я могу питаться одними овощами, но люблю также и устрицы. Извѣстно ли мнѣ ея прошлое? — О, разумѣется, она знаетъ, что мнѣ все извѣстно, — заключилъ онъ съ язвительною усмѣшкой. — Теперь она, говорятъ, проповѣдуетъ платоническую любовь и продаетъ картины, и находятся люди, которые вѣрятъ въ то и въ другое. Ну, что-жъ, людская наивность неизмѣнна.

И онъ вытянулъ ноги съ довольнымъ видомъ, потягивая хересъ.

— Платоническая любовь и картины, — повторилъ онъ съ усмѣшкой, — славная комбинація, весьма популярная, полагаю, торгъ меня побори! Я видѣлъ сегодня Юриса, какъ вамъ уже говорилъ; онъ представляетъ странную фигуру за ея чайнымъ столомъ. Онъ былъ бы болѣе у мѣста на нашей плоской крышѣ въ Дамаскѣ. Да! онъ никогда не расстанется съ нею, замѣтите это. Я прочталь его судьбу на его лицѣ. Джекъ Сивиль тоже никогда бы не расстался съ ней, если бы не умеръ. Съ ней могъ бы справиться только какой-нибудь бунъ и забіяка... такой, который ее бы самое заткнулъ за поясъ. Единственный законъ, который она признаетъ, — это вулачное право. А этотъ человѣкъ — диктаторъ и притомъ же слабъ. Онъ безвозвратно погибъ.

Онъ вѣдь не прибѣгнетъ съ ней въ кулаку, ни въ буквальный, ни въ переносномъ смыслѣ. Это, кажется, его портретъ, вѣдь тамъ? — Да.

Еватель разсердилась на себя, что покраснѣла.

Еватель подошелъ къ мольберту и молча постоялъ передъ нимъ; затѣмъ вернулся въ прежнее мѣсто. — Лицо, достойное кисти Джорджіоне или Тиціана; настоящее историческое лицо; вамъ бы слѣдовало нарисовать его въ вольтугѣ. Господи! если бы онъ зналъ все, что я могъ бы ему поразсказать.

Еватель снова язвительно усмѣхнулся.

— Но, приходится держать языкъ за зубами, — осторожно прибавилъ онъ, надѣясь, что Etoile станетъ его разспрашивать. Но она объ этомъ и не подумала; напротивъ того, она поставилась перемѣнить разговоръ. Ея честной натурѣ было противно слушать дурные отзывы о женщинѣ, которую общество, хотя бы и по недоразумѣнію, считало ея другомъ. Но, прощаясь съ нею, Еватель замѣтилъ ей, крѣпко пожимая ей руку и съ нѣкоторой тревогой въ своихъ пронизательныхъ глазахъ, — *Mébez-vous!* Помните это, помните это. Я желаю бы, чтобы Арри не знакомилъ васъ съ нею и желаю, чтобы вы уѣхали цѣлы и невредимы изъ Рима. Если вы останетесь здѣсь, то накупите у ней побольше кружевъ и наметните ей, что вы можете подвинуть французское правительство купить для Лувра картину одного изъ стариннѣйшихъ мастеровъ. О! душа моя! если вы будете такъ упрямы, что не захотите задобрить змѣю, пододвинувъ ей чашку съ молокомъ, то она васъ непремѣнно ужалитъ. Это неизбежно.

Когда онъ разстался съ нею, слезы стояли въ старыхъ, рѣзательныхъ глазахъ его. Она же, думавшая до сихъ поръ, что участь ея въ ея собственныхъ рукахъ и никогда не вѣрившая въ силу рока или какихъ бы то ни было обстоятельствъ, лежащихъ внѣ природы самого человека, — она тоже ощущала какое-то глухое безпокойство, и долго сидѣла погруженная въ думы у потухавшаго камина.

Въ то время какъ Etoile сидѣла у камина, а поѣздъ увозилъ Евателя на югъ, Юрисъ всходилъ по лѣстницѣ своей тѣницы. Было десять часовъ вечера; сегодня былъ балъ, для котораго требовался его конвой. Онъ былъ въ бальномъ костюмѣ и нѣсколько ордемовъ висѣло у его пояса. Его собственное мнѣніе на этотъ счетъ не уважалось.

— Ордена неумѣстны въ частныхъ домахъ — постоянно утвр-

ждалъ онъ, — имъ слѣдуетъ носить только при дворѣ и въ посольствахъ. Увѣряю васъ, ма снѣге, что выѣ этого считается дурнымъ тономъ надѣвать ихъ.

— Надѣвайте ихъ, когда вы идете со мной, — отрывала леди Джованъ.

Она знала лучше, чѣмъ онъ, ту сферу, въ какой вращалась; женамъ банкировъ и консуловъ, мелкобуржуазнымъ дворянкамъ и свободнымъ американскимъ республиканцамъ и всемъ снобсамъ вообще очень импонировали ордена.

Леди Джованъ была одна, когда онъ вошелъ и легла на диванъ. М-ръ Чалловеръ совершалъ свой послѣбѣденный сонъ въ своей собственной небольшой каморкѣ.

— Какъ ты поводно, Iol — закричала она и, вставъ, обвила руками его шею.

Онъ не сопротивлялся, хотя ему было совѣстно. Сердце упрекало его въ вѣроломствѣ, но не относительно ея чувствовалъ онъ себя вѣроломнымъ.

— Почему ты не прѣхалъ въ обѣду? — спросила она, лаская его шелковистые волосы. — Робертъ былъ золъ, какъ медвѣдь. Ты теперь сталъ очень невнуратенъ. Гдѣ ты пропадаешь?

— Мнѣ приходится часто являться ко двору и я пропасть времени трачу въ этой скучной Мессинской конторѣ, — отвѣчалъ Юрисъ и, опустившись на скамейку, положилъ голову на ея колѣни. Онъ чувствовалъ себя утомленнымъ, не въ духѣ, досадовалъ на нее и на себя. Онъ признавалъ себя трусомъ и предателемъ. Тѣмъ не менѣе она была одна, въ комнатѣ царствовалъ полу-сонъ; сила привычки была свое. Страсть его давно обратилась въ привычку, а когда страсть и привычка живутъ между собой, то весьма не скоро и съ большимъ недоумѣемъ замѣчаютъ, наконецъ, привычка, что подруга ея испарилась и оставила ее въ одиночествѣ. Часы проходили, она была счастлива, а ему не хотѣлось думать, что онъ вѣроломствъ. Затѣмъ она повезла его съ собой на балъ, гдѣ очень веселилась. Онъ никогда не танцовалъ; она плесала всю ночь напролетъ.

XV.

М-ръ Чалловеръ, какъ подобаетъ добродѣтельному человеку, который не ѣдитъ на костюмированныхъ балахъ, и благоразумному человеку, котораго не беспокоитъ привидѣнiя, проснувшись поутру, комфортабельно выпилъ изъ постели чашку холоднаго чаю;

затѣмъ взялъ холодную ванну, прочиталъ утреннія газеты, поинтересовался съ своей маленькой дочкой и ея гувернанткой, и затѣмъ неторопливымъ шагомъ направился по улицамъ, черезъ Тибрь, въ угрюмому старинному зданію въ центрѣ Трастевере, и вошелъ въ одну изъ многочисленныхъ дверей, выходившихъ на мрачную, широкую каменную лѣстницу, — дверь, отличавшуюся отъ окружающихъ современнымъ украшеніемъ въ видѣ мѣдной дощечки, на которой стояло внушительными буквами: «*Società Italiana-Inglese del Ponte Calabrese-Siciliano*», а подъ ними надписи: «*Bureau della Direzione*». Когда м-ръ Чаллонеръ всходилъ по этой мрачной лѣстницѣ и проходилъ въ эту дверь, онъ чувствовалъ себя счастливымъ, еще счастливѣе, чѣмъ въ обществѣ своей маленькой дочки и ея гувернантки. Во-первыхъ, онъ былъ директоромъ, — что ему чрезвычайно нравилось. Слово директоръ звучало такъ торжественно и важно; ему постоянно не везло въ его предпріятіяхъ, но слово «директоръ» всегда ослѣпляло его на счетъ значенія этого факта; оно какъ-будто выражало собой богатство и общественное уваженіе. Но всего слаще казалась дѣловая конторка м-ру Чаллонеру, потому что за ней онъ мстилъ Іорису, той утонченной мстью, какою не замѣчалъ свѣтъ, дивившійся, что м-ръ Чаллонеръ какъ-будто не испытываетъ ни малѣйшаго желанія отомстить Іорису. Онъ разорвалъ его.

Мостъ черезъ заливъ Фаро былъ однимъ изъ тѣхъ дутыхъ предпріятій, судьба которыхъ заранѣе предопредѣлена и названіе которыхъ звучитъ разореніемъ. Даже если бы его и удалось когда-нибудь построить, то торговля цѣлаго ряда вѣковъ не могла бы покрыть гигантскія издержки. А онъ въ тому же и не могъ быть выстроенъ: море и вѣтры не допускали этого.

— Кто говорилъ, что онъ будетъ выстроенъ? — раздражительно закричала леди Джоанъ, разсерженная наивностью Іориса, котораго удивило и смутило это извѣстіе. — Кто говорилъ, что онъ будетъ выстроенъ? Мы только предлагали попытаться выстроить его. Это совсѣмъ иное дѣло.

Когда онъ никакъ не могъ понять, въ чемъ тутъ разница, она назвала его дуракомъ. Предложить было выгодно, а строить убыточно.

Въ это утро, вернувшись изъ конторы, м-ръ Чаллонеръ вошелъ безъ приглашенія въ комнату жены, не замѣчая или не желая замѣчать ея сердито нахмуренныхъ бровей.

— Худшія вѣсти изъ пролива, Іорисъ, — сказалъ онъ безъ всякаго предисловія, и началъ вытаскивать изъ кармановъ письма, бумаги и телеграфическія депешы.

Лицо Іориса, уже и безъ того блѣдное и усталое, поблѣднѣло еще сильнѣе.

— Очень худыя вѣстїи, — повторилъ м-ръ Чаллонеръ съ притворнымъ вздохомъ, — я боюсь, что мы много потеряемъ. Прочитайте эти письма.

«Мы» было простой метафорой; это неопредѣленное, метафорическое мѣстоименіе ежечасно раздавалось въ Саа Чаллонеръ и въ Фіорделизу, но ровно ничего не значило.

Всѣ письма были худыя и не могли быть хуже; всѣ они гласили о безпокойныхъ рабочихъ, требующихъ платн, объ оставившейся работѣ, по недостатку денегъ, о несносныхъ приливахъ, сывавшихъ и уносящихъ начатыя постройки и — что хуже всего — о томъ, что акціонеры недовольны и жалуются и начинаютъ поговаривать о назначеніи слѣдственной комиссіи.

Измѣнчивое лицо Іориса перенло отъ блѣдности въ гнѣвному и яркому румянцу.

— Я заплачу имъ, — проговорилъ онъ, скрежезь зубы.

— О, небо! какой вы дуракъ! — закричала леди Джона съ крайней досадою. — Почему вы болѣе чѣмъ герцогъ Обенъ должны имъ обязаны имъ платить! Неужели вы воображаете, что потому, что ими его стоятъ на объявленіи, онъ возьметъ да и вывернуть свои карманы для этихъ безпокойныхъ скотовъ? Работа прїостановлена на время за недостаткомъ фондовъ; пусть они обратятся къ тѣмъ, кто ихъ нанималъ. Мы не наниматели.

— Я расплачусь съ ними, — повторилъ Іорисъ, — если продамъ Фіорделизу.

— Продать Фіорделизу!!

Она вскачила на ноги. Тигрица, защищающая своихъ дѣтишекъ, не могла бы быть больше разъярена. — Продать Фіорделизу! Съ ума онъ сошелъ? или она помѣшалась? или земля выскочила изъ своей орбиты? Продать Фіорделизу?!

М-ръ Чаллонеръ поднялъ глаза и увидѣлъ превращеніе, совершившееся съ его женой: глаза ея сверкали, губы тряслись, голова была задвинута назадъ, голосъ звенѣлъ какъ охотничій рогъ, дыханіе прерывалось.

— Душа моя, ты забываешься! — произнесъ м-ръ Чаллонеръ съ достоинствомъ. — Если намъ другъ желаетъ продать свое помѣстье, то какое намъ до этого дѣло?

М-ръ Чаллонеръ высказалъ это для отпущенія совѣсти, потому что никто изъ его собесѣдниковъ его не слушалъ. Онъ собралъ всѣ письма и ушелъ въ свою каморку. Онъ всегда уходилъ отъ сценъ. Въ его каморку, хотя довольно отдаленную отъ помпаты

женъ, до него все-таки дождали яростные взрывы женнаго голоса. М-ръ Чаллонеръ набилъ трубку турецкимъ табакомъ и раз-дернулъ «*Pall-Mall Gazette*».

XV.

Etoile была на раутѣ въ палаццо Фарнезе, одномъ изъ мно-гихъ знатныхъ домовъ, не открывавшихъ своихъ дверей для лэди Джованъ. Раутъ давался въ честь бразильскаго императора и императрицы, путешествовавшихъ по Европѣ. Дѣло было на Пасхѣ, и въ Римѣ все еще толпились знатные иностранцы, хотя уже и готовились къ отъѣзду въ сѣверныя страны.

Юристъ пріѣхалъ поздно, очень поздно: онъ вырвался изъ Саза Чаллонеръ, сославшись на обязанность сопровождать короля, обязанность, существовавшую только въ его воображеніи, и оста-вилъ лэди Джованъ сердитую и угрюмую, надъ шифрованными телеграммами и арифметическими выкладками, куращую турецкій табакъ и пьющую чернѣйшій кофе. Онъ никакъ не увидѣлъ Etoile, раз-говаривавшую съ двумя иностранными посланниками и нянчившей Вѣрой. Онъ увидѣлъ, что ея глаза остановились на немъ, что она перемѣнилась въ лицѣ, что дыханіе ея стало чаще и хотя онъ не могъ слышать ея словъ, но былъ увѣренъ, что они утра-тили свою ясность и краснорѣчіе и что стали разсѣянными и безсвязными. Онъ улыбнулся, поклонясь ей и вѣтшался въ разговоръ. Затѣмъ незамѣтно отвелъ ее въ сторону; онъ былъ необыкновенно ловокъ на эти вещи и въ тому же палаццо Фар-незе такъ обшарилъ, что пять-сотъ человѣкъ, собравшихъ въ его громаднѣхъ покоехъ, казались пригоршнѣю листьевъ, брошен-ныхъ въ озеро.

— Я хочу попросить васъ кое-о-чемъ, если только вы объ-ясняетесь не быть со мной жестокой, — прошепталъ онъ, нѣжно глядя на желтыя розы, приколотыя къ ея груди.

— Развѣ я бывала съ вами жестока? Говорите.

— Вы никогда больше не бываєте у нея, — сказалъ онъ еще тише.

— Нѣтъ, и вы знаете почему?

Онъ колебался съ минуту, потомъ сказалъ съ застѣнчивостью, придававшей ему ласкающую и молящую грацію.

— Лучша было бы, если бы вы нрѣдка бывали у нея. . .

— Почему?

— Увы! вы знаете ея характеръ, ея раздражительность и

своемъ; если она сочтетъ себя оскорбленной, то станетъ мстить...

— Вамъ?—спросила Etoile съ смутной тревогой.

— Ахъ! не мнѣ, но вамъ!

— Мнѣ!—повторила она тономъ глубокаго равнодушія и презрѣнія.

— Что можете сдѣлать мнѣ эта женщина? какіе пустые страхи! Неужели вамъ не стыдно высказывать ихъ?

— Увы!—промолвилъ Іорисъ со вздохомъ и умоленіемъ; онъ думалъ про низкія клеветы, распускаемыя его любовницей, но не посмѣлъ сказать про нихъ.

— Я понимаю, что дружба между вами невозможна,—прешенталь онъ, но было бы благоразумнѣе придерживаться свѣтскихъ прѣличій; если бы вы бывали у нея нрѣдка...

— Я не хочу.

Etoile вдругъ повернулась къ нему; глаза ея загорѣлись гнѣвомъ и онъ не могъ не восхититься ея прямодушіемъ и откровенностью.

— Когда я въ первый разъ поѣхала къ ней, я не знала, какая она женщина. Теперь я знаю. Я стала вашимъ другомъ, болѣе чѣмъ другомъ; я пользуюсь вашимъ довѣріемъ. Быть можетъ, вы напрасно были откровенны со мною; быть можетъ я дурно сдѣлала, что допустила васъ быть откровеннымъ,—не спорю; но сдѣланнаго не передѣлаешь. Мы не можемъ забыть того, что было говорено. Если она прійдетъ ко мнѣ, я вѣжливо приму ее, изъ уваженія къ ея отцу, но сама я къ ней не поѣду ни за что на свѣтѣ! Я не стану притворяться, что уважаю ее, когда въ душѣ считаю ее презрѣнной... ни за что на свѣтѣ! Моя дружба никогда не была пустой, лживой, свѣтской формальностью.

Она говорила съ энергіей и волненіемъ. Личное соперничество ея съ этой женщиной служило для нея лишнимъ поводомъ дѣйствовать, относительно ея, вполне прямодушно.

— Вы чудная женщина; но вы не отъ міра сего, —сказалъ онъ, цѣлуя ея руки съ вѣжливымъ и восхищеннымъ взглядомъ.

— Я стараюсь быть справедливой, —отвѣчала Etoile съ утомленіемъ.

Іорисъ вздохнулъ. Прямодушіе казалось ему прекрасной вещью, потому-что было такъ не похоже на то, что онъ встрѣчалъ въ женщинахъ, игравшихъ роль въ его жизни, не оно стѣснило его. Онъ чувствовалъ, хотя и ненавидѣлъ себя за это чувство, что легче имѣть дѣло съ женщинами, умѣющими лгать

и притворяться, — эти свойства онъ до сихъ поръ считалъ присущими всѣмъ женщинамъ.

— Справедливость очень трудная и очень рѣдкая вещь, — сказалъ онъ съ колебаніемъ.

— Да, гораздо болѣе трудная, чѣмъ простое состраданіе, но человѣкъ обязанъ быть справедливымъ даже ко врагу, если не хочетъ быть низкимъ.

Она вдругъ остановилась и покраснѣла, сообразивъ, что она призналась, что считаетъ его любовницу своимъ врагомъ. Онъ улыбнулся, отчасти довольный, отчасти смущенный.

— Вы героиня и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣка, и прежде всего — муза, — нѣжно проговорилъ онъ. — Но вы не созданы для нашего низкаго и пошлаго свѣта.

— Крутомъ достаточно женщинъ, которыя для него созданы. Идите къ нимъ. Почему вы къ нимъ не идете?

Она слегка улыбнулась, говоря это.

— Я не хочу.

— Ну, такъ не жалуйтесь на меня.

— Развѣ я жалуюсь?

Они говорили почти шопотомъ; воокъ нихъ нивото не было; большой покой былъ наполненъ благоуханіемъ розъ; надъ головами у нихъ блестяли яркія, но нѣжныя краски фресокъ. Она опустила свои глаза передъ его взглядомъ.

— Затѣмъ вы говорите со мной о ней? — упрекнула она его съ болью и нетерпѣніемъ въ голосѣ. — Вы поступаете вѣроломно относительно ея и относительно меня. Вы бы должны помнить это.

— Я никогда не могъ бы быть вѣроломнымъ относительно васъ, — прошепталъ онъ, такъ близко наклонясь къ ней, что она почувствовала его дыханіе у себя на лбу, а щека его почти касалась ея щеки. Она очень поблѣднѣла; онъ видѣлъ, какъ сильно билось ея сердце.

— Вы не свободный человѣкъ и не имѣете права говорить такъ.

— Я буду свободенъ.

Они оба умолкли; за дверьми слышалось движеніе и шумъ голосовъ. Они были больше не наединѣ съ розами; свѣтъ, врагъ страсти, настигалъ ихъ. Великая императрица, для которой давалось это правднство, старая, милая дама въ вязаной шапкѣ и ея супругъ довели своего хозяина почти до испуга, разспрашивая про хронологию и исторію каждаго скульптурнаго украшенія и каждой фрески на стѣнахъ и на потолкахъ. Они пожелали видѣть Etoile. Она пошла представляться имъ.

— Ужасная тоска! — прошептала на ухо лэди Кардифъ; но такъ какъ вы, душа моя, сильны въ хронологіи и въ исторіи, то, быть можетъ, не будете чувствовать себя такою несчастною, какъ нашъ бѣдный хозяинъ. Право, королей и императоровъ не надо было бы ничему учить; они гораздо милѣе, когда умѣютъ говорить только: какъ вы поживаете?

Юрисъ, увидя, что лэди Кардифъ глядитъ на него, привалась ко всѣмъ силъ любовничать съ одной соотечественницей, герцогиней Челл.

«Желала бы я знать, онъ ли любить въ свои сѣти Кетеиле или самъ старается выбиться изъ сѣтей, — думала лэди Кардифъ, слѣдя за нимъ взглядомъ. — Это большая разница. По началу будетъ и конецъ. Но мнѣ страшно. Онъ недостаточно энергиченъ, чтобы отдѣлаться отъ своего тирана. Что касается ея, если она любитъ его, то онъ долженъ быть Петраркой или Мирабо. *Наша* дюжинная любовь не удовлетворитъ ее. Свѣтскія страсти вспыхиваютъ, какъ спички, которыя хотя и бываютъ иногда обмокнуты въ петроль, но нисколько не похожи на солнце или на звѣзды, какія ей требуются». Не правда-ли, Юрисъ? — спросила она вдругъ громко.

— Чтѣ прикажете? — сказала Юрисъ, оставляя свою герцогиню.

— Я думала вслухъ; но своей дурной привычкѣ я думала, что изъ миллиона мужчинъ ни одинъ не сумѣетъ любить женщину, какъ Мирабо, и изъ десяти миллионовъ ни одинъ, какъ Петрарка. А женщины, какъ нашъ Рафаэль въ юбкѣ, хотятъ непременно любви Мирабо или Петрарки, которой нельзя найти. Не найди солнца и звѣздъ, какъ вы думаете, удовлетворится такая женщина пламенемъ спички?

Онъ казался раздосадованнымъ.

— Я полагаю, что она сама всего лучше знаетъ, какое пламя можетъ удовлетворить ее, — холодно отвѣчала онъ; и мнѣ казалось, что она и не нуждается въ чемъ-либо пламени, кромѣ своего собственнаго.

Лэди Кардифъ улыбнулась.

— Я очень рада слышать это отъ васъ; вы часто видитеесь съ нею, и полагаю, хорошо изучили ее съ этой стороны. Конечно, гений подобенъ моллюску-мраблику, который держится на волнахъ, благодаря своей раковинѣ и чувствуетъ себя, какъ дома, въ великомъ океанѣ и не боится бурь. Но шальной камень, брошенный съ проплывающей мимо лодки, можетъ разбить раковину — и чтѣ станетъ тогда съ мрабликомъ? Онъ пойдетъ по

дну, какъ самое обыкновенное созданіе. О! нѣтъ, я ни на что не намекаю! Скажите мнѣ, кто эта женщина въ черномъ и красномъ, съ крупнымъ жемчугомъ на шеѣ; никогда ее не видывала раньше. Румынская княгиня? Ахъ, онѣ всѣ княгини въ Румыніи!

Тутъ лэди Кардифъ оставила его въ покое; но онъ не вернулся въ герцогины.

— Пойдетъ ко дну, какъ самое обыкновенное созданіе! Эти слова звучали въ его ушахъ и преслѣдовали его. Онъ понималъ, какою смѣлою скрывала эта метафора. Онъ зналъ, кого она сравнивала съ кораблемъ, безопасно плывшимъ по бурному житейскому морю. Неужели его рука швырнетъ камень съ проплывающей мимо лодки и заставитъ его пойти ко дну. Спаси Боже!

Гости начали разбѣжаться. Онъ вышелъ на улицу. Мимо него медленно проѣхала карета. Онъ велѣлъ своему экипажу слѣдовать за нею. Когда Еtoile вышла изъ кареты; онъ встрѣтилъ ее у ея подъѣзда:

— Неужели вы думали, что я уйду, не простившись съ вами, — сказалъ онъ и повелъ ее по лѣстницѣ. Въ большихъ покояхъ лампы догорали, каминъ потухалъ, цвѣты благоухали. Онъ снялъ съ нея кашемировую шаль и его руки охватили ее вмѣсто шали.

— Вы меня любите, я васъ люблю, — мягко проговорилъ онъ. — Возьмите меня такимъ, какъ я есть, и сдѣлайте такимъ, какъ вы желаете. Я вашъ.

XVI.

Лэди Чаллонеръ не даромъ жила въ Дамаскѣ; она научилась тамъ спекулировать. Въ Азіи и въ Африкѣ спекулянты всякаго рода кипятъ какъ мускиты. Въ запущенныхъ садахъ колыбели міра англійскіе банкиры, французскіе финансисты, греческіе, итальянскіе и нѣмецкіе agents d'affaires жируютъ, какъ саранча, и какъ саранча пожираютъ всякую жатву; фантастическіе города арабскихъ сказокъ служатъ вертепами, въ которыхъ наярятъ сыны Израиля, и великолѣпныя и чудныя страны, нѣкогда восхитившія Александра Македонскаго и удивлявшія Геродота, бѣдствуютъ подъ игомъ тирановъ, могущихъ заткнуть за поясъ Фараоновъ, Митридатовъ и Тамерлановъ съ братьями, тирановъ, скипетромъ которыхъ служатъ перо, тронъ—грязный конторскій табуретъ, а символомъ—пара ножицъ. Лэди Джоанъ иногда види-

хала по Азін: «on revient toujours à ses premiers amours». Въ Азін рабочіе никогда не осмѣлились бы требовать уплаты денегъ; тамъ можно было искать защиты у любезныхъ пашей, которые знали бы, какъ поступить съ толпой оборванныхъ землекоповъ. Она вздыхала по Азін, но такъ какъ у ней не было волшебнаго жезла, чтобы перенести Мессину по ту сторону Дарданельскаго пролива, то она обратила свои взоры, *faute de mieux*, въ Лондону. Но только для того, чтобы привести въ исполненіе задуманные планы, ей необходимо было ѣхать самой, и немедленно, въ Лондонъ. А вознамѣрилась она ни болѣе, ни менѣе, какъ заново пустить въ ходъ свое предпріятіе съ мостомъ черезъ заливъ Фаро, окрестивъ его новымъ именемъ: «Средиземной компаніи для облегченія сообщеній съ югомъ». Она знала, или полагала, что знаетъ тотъ сортъ людей, какой требуется для того, чтобы муссировать предпріятіе; она знала, или по крайней мѣрѣ думала, что знаетъ маріонетокъ, которыми необходимо было замѣстить герцога Обена. Она сообщила о своемъ планѣ мужу. М-ръ Чаллонеръ задумчиво и торжественно устремилъ взоръ въ пространство.

— Да, это можетъ удасться! — проговорилъ онъ медлительно съ тономъ человѣка, который никогда себя не скомпрометтируетъ. — Да, это можетъ удасться... я такъ думаю; но ты понимаешь, конечно, что тебѣ надо самой ѣхать въ Лондонъ.

— Конечно, я это понимаю, — угрюмо проговорила она съ геройской рѣшимостью. Она знала, что надо ѣхать въ Лондонъ и ѣхать безъ него. Она проводила тревожные дни и безсонныя ночи, терзаемая желаніемъ и опасеніемъ: желаніемъ ѣхать и осуществить свои планы и опасеніемъ оставить его безъ себя, вмѣстѣ съ женщиной, которую она ненавидѣла. Если она не поѣдетъ, то Фіорделизу, чего добраго, продадутъ, а Іорисъ безъ Фіорделизы не имѣлъ и десятой цѣны въ ея глазахъ. Если бы ей пришлось выбирать между Іорисомъ и Фіорделизой, она бы выбрала Фіорделизу. Страсть въ ней была сильна, но корыстолюбіе еще сильнѣе. *Dame du comptoir* въ ней пересиливала Клеопатру.

Каждое утро Іорисъ собирался открыть ей истину и никакъ не могъ собраться съ духомъ. Наконецъ она уложились и уѣхала, и онъ отпустилъ ее, не сказавъ ей правды.

— Мнѣ легче будетъ написать ей, — говорилъ онъ самому себѣ, по обыкновенію нерѣшительныхъ, слабыхъ людей оттягивая неприятное объясненіе до послѣдней минуты. Она уѣхала, уѣ-

ренная въ томъ, чего не существовало: она уѣхала, воображая, что отъѣздъ ея сокрушаетъ его.

Когда поѣздъ, увозившій ее, скрылся изъ виду, онъ тяжело перевелъ духъ, какъ человѣкъ, свалившій съ плечъ тяжесть, которую таскалъ слишкомъ долго. Затѣмъ отправился къ женщинѣ, которую любилъ.

— Радуйтесь со мной, — закричалъ онъ, бросаясь въ ея ноги: — она уѣхала!

— Уѣхала?

Онъ громко разсмѣялся.

— Да! она уѣхала; я больше не рабъ, потому что *ваша* любовь — счастье, а не ига.

Соловьи пѣли на деревьяхъ и пѣніе ихъ казалось ему восхитительнымъ.

Лэди Джоанъ уѣхала, но оставила за собой свою сторожевую собаку, прикованную къ Форуму Траяна. Въ своемъ мрачномъ, пыльномъ углу три сестры списывали свои картины и приводились какъ образецъ дочерней любви за то, что наняли своимъ престарѣлымъ родителямъ помѣщеніе на берегу моря. Іорисъ, зная, что за нимъ слѣдятъ, былъ на-сторожѣ. На всѣ разспросы онъ отвѣчалъ уклончиво и неопредѣленно. Разъ или два онъ ходилъ въ Santa Maria Degli Angeli, смотрѣть какъ списывала Маржори картину Доменикино и давалъ ей совѣты съ тѣмъ тонкимъ пониманіемъ искусства, которое его отличало. Иногда онъ приходилъ въ ихъ мрачную, скучную квартиру. Онъ дѣлалъ это затѣмъ, чтобы отвести имъ глаза.

— Вы спрашиваете, что дѣлаетъ Etoile? Право, не умѣю вамъ сказать. Она наняла себѣ виллу, переѣхала туда и заперлась ото всѣхъ. Говорятъ, она принялась за какую-то большую картину, — отвѣчалъ онъ такъ естественно и равнодушно, что почти убѣдилъ ихъ. Почти, но не совсѣмъ, потому что Маржори, душа которой томила ревностью и подозрѣніями, нѣсколько разъ въ наемной коляскѣ ѣдила кататься въ окрестности виллы, занимаемой Etoile, и раза два или три видѣла знакомую фигуру, слышала стукъ лошадиныхъ копытъ и Іорисъ проѣзжалъ мимо нея, не замѣчая фигуры женщины, нагнувшейся на лугу, какъ будто она рвала траву. И вотъ Маржори, вернувшись домой, написала письмо своей дорогой пріятельницѣ, находившейся въ Лондонѣ, прибавивъ въ постскриптумъ, какъ можно безпечнѣе: — «То совершенно здоровъ, какъ кажется; мы рѣдко видимъ его теперь, когда васъ здѣсь нѣтъ. Говорятъ, что онъ проводитъ все

свое время на виллѣ Etoile; его привлекаетъ, по всей вѣроятности, ея археологическая картина! Au revoir, дорогая».

Etoile и не подозрѣвала, что ей можетъ грозить какая-нибудь опасность со стороны лэди Джоанъ. Онъ былъ свободенъ, думала она; онъ любитъ ее, онъ свергнулъ недостойное иго. Она знала, что онъ пишетъ въ Англію, но объясняла это запутанностью его дѣлъ.

— Они могутъ разорить меня; я связанъ съ ними денежными обязательствами, — говорилъ онъ.

Разъ она сказала ему:

— Если они могутъ разорить васъ, какъ вы говорите, то примиритесь съ этимъ; разрубите гордіевъ узелъ всѣхъ этихъ спекуляцій и обязательствъ; хотя вы будете бѣдны, за то развяжетесь съ ними. Его подмывало послѣдовать ея совѣту; его подмывало отказаться отъ Фіорделизы и бросить остатки своего состоянія въ руки этой гарпіи и такимъ образомъ купить себѣ свободу. Но онъ былъ слишкомъ нерѣшительнаго характера, чтобы сдѣлать такой безвозвратный скачокъ въ неизвѣстное. Онъ ждалъ, онъ надѣялся; онъ медлил и рассчитывалъ, что случай выведетъ его изъ затрудненія. Онъ былъ счастливъ ея любовью и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ непослѣдовательностью мужчины, порою какъ будто бы жалѣлъ, что погнался за ея любовью и не прошелъ мимо;—со временемъ она упрекнетъ меня за это, думалось ему. Etoile бережно обращалась съ нимъ. Онъ такъ долго былъ рабомъ; ей нравилось обращаться съ нимъ какъ съ королемъ. Даже тогда, когда онъ бывалъ капризенъ, несправедливъ и деспотиченъ, какимъ часто бываетъ влюбленный человѣкъ, она склоняла голову подъ игомъ и была терпѣлива, какъ Гривельда.

«Онъ такъ много выстрадалъ», думала она и допускала его вымещать на ней страданія, перенесенныя имъ отъ другой женщины. До сихъ поръ она была горда; теперь она принесла ему въ жертву свою гордость, подобно тому какъ пожертвовала бы для него всѣми царствами земли, если бы владѣла ими.

Въ писаніяхъ одного стараго забытаго поэта разсказывается исторія одной женщины, которая была королевой въ тѣ дни, когда міръ былъ еще молодъ, и царствовала надъ многими землями: она полюбила одного плѣнника, и выпустила его на свободу, и думая, что для его гордости будетъ пріятнѣе, если она перейдетъ въ низшее званіе, отказалась отъ престола, бросила свой скипетръ, смѣшалась съ простыми дѣвушками и думала:—

«такъ онъ сильнѣе будетъ любить меня»; но онъ, сдѣлавшись королемъ, думалъ только о престолѣ и о скипетрѣ и, завладѣвъ ими, не глядѣлъ на женщинъ, толпившихся у воротъ, и не узналъ ее, потому что въ ней онъ любилъ только королеву. Такимъ образомъ, свергнувъ съ себя корону, она лишилась разомъ и своего возлюбленнаго и своего королевства. Мудрый человѣкъ изъ толпы сказалъ ей: «тебѣ бы слѣдовало оставаться на твоёмъ золотомъ сѣдалищѣ и давать ему чувствовать, что ты вольна въ его жизни и смерти, да хорошенько мучить его, да подольше водить за носъ и казаться неприступной. Вѣдь мужчины такіа же легкомысленныя твари, какъ мошки».

Но Etoile не читала этой исторіи, а если бы и прочитала, то не усмотрѣла бы въ ней аллегоріи на свою собственную судьбу.

XVII.

Однажды утромъ Etoile сидѣла въ своей студіи. Было три часа пополудни и дождь освѣжилъ воздухъ. Въ поляхъ, за ея садомъ, люди собирали виноградъ; ихъ веселые крики доносились до нея вмѣстѣ съ смѣхомъ дѣтей и скрипомъ телегъ, проѣзжавшихъ вдоль аллеи, усаженныхъ виноградной лозой. Вдругъ дверь студіи внезапно отворилась; Іорисъ, молча, вошелъ и торопливо прошелъ по мраморному полу и бросился къ ней. Онъ былъ худъ и очень блѣденъ; онъ опустился передъ ней на колѣни, и покрылъ ея руки поцѣлуями.

— Любовь моя, я долженъ разстаться съ тобой! — прошепталъ онъ. — Я долженъ ѣхать въ Парижъ; я буду не долго въ отсутствіи, но... но...

Etoile внезапно оттолкнула его неожиданнымъ движеніемъ, при которомъ вся кровь и жизнь, и душа, бывшія въ ней, бросились ей въ лицо и пламенемъ загорѣлись на щекахъ.

— Вы ѣдете... къ ней?

— Клянусь честью, нѣтъ! — закричалъ Іорисъ и вскочилъ такой же взволнованный и такой же негодующій, какъ она сама. — Какъ! вы оскорбляете меня, думая, что я могу оскорбить васъ и послѣдовать за этой женщиной. Нѣтъ, я ѣду въ Парижъ по дѣлу, гдѣ замѣшана моя честь, — вотъ и все; я ѣду, чтобы попытаться спасти что-нибудь для тѣхъ, кто довѣрялъ мнѣ въ этой проклятой, безумной сицилійской затѣѣ. Что до нея, то она въ Шотландіи! какъ вы могли такъ усумниться во мнѣ?

Она судорожно схватила его руки и поблѣднѣла какъ смерть.

— Вы ѣдете не къ ней, не правда-ли?

— Клянусь вамъ памятью моею покойной матери, если вамъ надобны клятвы, нѣтъ! клянусь небомъ, разстилающимся надъ нашими головами, — нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ!

Она горько зарыдала и жалобно прижалась къ нему.

— О! моя любовь! моя жизнь! къ чему ты покидаешь меня? Чѣмъ я прогнѣвала тебя? Чѣмъ провинилась? Развѣ ты несчастливъ?...

Онъ поцѣловалъ ея закрытые глаза и заключилъ въ свои объятія.

— Мы были слишкомъ счастливы! Боги всегда завидуютъ счастью людей. Неужели ты думаешь, что я разстался бы съ тобой изъ-за пустяковъ. Честь вынуждаетъ меня ѣхать. Я долженъ ѣхать, чтобы спасти тѣхъ, кто мнѣ вѣрилъ: другого исхода нѣтъ. Выслушай и постарайся успокоиться. Я скоро вернусь.

Голосъ его задрожалъ и подавленное рыданіе остановилось въ горлѣ; онъ прижималъ ее къ своему сердцу, и она чувствовала, какъ горячія слезы падали изъ его глазъ на ея лицо.

Въ ясное октябрьское утро лэди Джоанъ Чаллонеръ сидѣла въ комнатѣ улицы Риволи, въ костюмѣ глубокаго траура. Она лишилась своего отца, который утонулъ во время бури на морѣ, разбившей его яхту. Тяжелое, черное платье было все обшито крепомъ и другими символами горести, и записная книжка, которую она держала въ рукахъ, тоже была окаймлена чернымъ ободкомъ, но лицо ея сіяло торжествомъ подъ дорожнымъ загаромъ; глаза ея свѣтились счастьемъ. Она побѣдила. Трансфертъ компанейскаго дѣла совершился безповоротно. И передъ ней сидѣлъ Іорисъ. Комната была мала и душна и отдѣлана съ безвкусной роскошью. Золоченные часы стукали съ лихорадочной торопливостью. Солнечные лучи горячо и ослѣпительно отражались цинковыми крышами, напротивъ окна. Іорису было душно въ этой комнатѣ; онъ очень похудѣлъ и казался очень больнымъ. Онъ былъ кругомъ обманутъ; онъ сталъ жертвой измѣны и предательства. Такъ говорилъ онъ самъ себѣ, подобно разбитымъ націямъ, которыя говорятъ то же самое, когда, благодаря своему малодушію и безурядицѣ, потерять поражение на войнѣ.

— Іо пріѣхалъ по случаю трансферта, — говорила она своимъ знакомымъ и роднымъ.

— Іо пріѣхалъ, чтобы утѣшить меня въ моемъ горѣ, — говорила она своимъ короткимъ пріятелямъ.

Мужъ ея уѣхалъ на какія-то воды, несмотря на позднюю осень. Новая сицилійская колонія появилась на свѣтъ божій въ образѣ акцій и объявленій на толстой бумагѣ, цвѣта сѣме. Юрисъ прибылъ слишкомъ поздно, чтобы измѣнить что-либо; онъ увидѣлъ, что ему ничего не остается, какъ подписать то, что она желала, чтобы онъ подписалъ. Лэди Джона управляла складки своего вѣсна съ такимъ сознаніемъ, что она управлялась бы съ имперіями, если бы отъ нея это потребовалось.

— Какой у тебя болѣзненный видъ, Іо, — ласково сказала она ему въ первую минуту ихъ встрѣчи. — Все это потому, что ты стосковался *по мнѣ*. Я больше никогда не разстанусь съ тобой, никогда, никогда!

Онъ содрогнулся, но промолчалъ.

Она вѣрила въ то, что говорила, и намѣревалась привести это въ исполненіе. На свой грубый, необузданный, неделикатный ладъ она любила его...

Парижъ былъ скученъ, потому что сезонъ еще не начинался, а трауръ не позволялъ ей развлекаться, ѣздить въ театры и посѣщать концерты на открытомъ воздухѣ; но все-таки то былъ Парижъ и она могла обѣдать въ сафѣ, и кататься лунными вечерами *au Bois*, и рассказывать по улицамъ, и заглядывать въ магазины и развлекать себя на различный манеръ... и даже изъ своего траура она умѣла извлечь пользу. Вотъ онъ теперь на ея глазахъ и подъ ея руками, и она не выпуститъ его больше до тѣхъ поръ, пока не вернется благополучно въ Фіорделизу.

Позднѣе, въ вечеръ его пріѣзда, ревнивыя опасенія проснулись въ ней.

— Я слышала, что вы почти не разставались съ *Etoile* во время моего отсутствія? — внезапно спросила она, не спуская съ него глазъ.

Но Юрисъ ожидалъ вопроса и лицо его было непроницаемо.

— Разумѣется, я видѣлся съ нею нѣсколько разъ, — отвѣчалъ онъ.

— Я слышала гораздо больше, слишкомъ много.

— Вѣрите во что вамъ угодно! Мнѣ это все равно.

— Вы жестоки, Иренео.

— Нѣтъ, это вы подозрительны и несносны!

— И это вы мнѣ говорите послѣ всего того, что вы пережили ради васъ, послѣ того, что я выстрадала ради васъ!

— Къ чему же вы говорите глупости?

— Вы не ухаживали за ней?

— Кто сказалъ вамъ, что я за ней ухаживалъ?

— Маржори.

— Она хочетъ насъ поссорить; она завистница.

— Но Etoile влюблена въ васъ!

— Не говорите мнѣ такихъ вещей ни про какую женщину; я этого не люблю.

— Это правда.

— Правда или нѣтъ,—не повторяйте этого, потому что это мнѣ неприятно. Развѣ я не пріѣхалъ къ вамъ?

Она успокоилась. Тщеславіе и самонадѣянность ослабляли ее настолько, что она не замѣчала, насколько отвѣты его уклончивы. Но совѣсть Іориса не была спокойна на счетъ этой уклончивости. Онъ считалъ себя неповиннымъ въ томъ, что обманывалъ своего тирана, но совнавалъ себя виновнымъ передъ той, которую любилъ, виновнымъ въ томъ, что отрицалъ эту любовь. Какой презрительный огонь зажегся бы въ спокойныхъ, задумчивыхъ глазахъ Etoile... если бы она знала объ этомъ.

— Еще немного—и все разъяснится, — говорилъ онъ, подобно тому, какъ въ Фіорделизѣ говорилъ себѣ: — легче будетъ написать. И вотъ, онъ жилъ въ Парижѣ и ненавидѣлъ себя за это и каждый день, просыпаясь, говорилъ себѣ: — «сегодня я все скажу ей и уѣду вечеромъ въ Римъ». И каждый разъ день проходилъ, а истина все еще не была открыта...

И другая, худшая бѣда стряслась надъ нимъ... онъ стыдился вернуться къ Etoile и сказать ей: — «я виноватъ, я измѣнилъ тебѣ!»

XVIII.

На дворѣ стояла поздняя осень; въ Римѣ начались непрерывные, скучные, томительные дожди; вѣтеръ бушевалъ на улицахъ, и туманъ, и облака окутывали городъ. Пробило шесть на часахъ мрачнаго, стариннаго палаццо, въ которомъ Скрэпъ-Стерсъ обитали близъ Форума Траяна. Сегодня впервые возобновлено было священнодѣйствіе чаенія и собранія престарѣлыхъ дѣвъ и вдовицъ въ этихъ священныхъ покояхъ. Всѣ матроны и дѣвственницы британскихъ острововъ и свободной американской республики еще не прибыли въ Римъ, но многія уже находились тамъ и многія пріѣхали въ этотъ темный, скучный вечеръ выпить чаю, который служилъ какъ-бы очищеніемъ и поѣстью добродѣтельнаго коу. Священнодѣйствіе уже кончилось;

только двое или трое изъ короткихъ знакомыхъ оставались: то были м-ръ Сильверли Бель и миссисъ Маескрипъ, дѣвственная леди, написавшая ученый трактатъ «О наказаніяхъ и преимуществѣхъ весталокъ».

Они стояли у камина и бесѣдовали.

— Она все еще здѣсь?—спрашивала миссисъ Маескрипъ.

— Все еще здѣсь,—отвѣчалъ Сильверли Бель.

— Наняла великолѣпную виллу, извѣстную подъ названіемъ Рокальди?

— Да; она должна проживать кучу денегъ.

— Откуда она ихъ беретъ?

— Да! откуда? не слыхать, чтобы она была капиталисткой. Конечно, зарабатываетъ деньги,—но какъ? вотъ вопросъ.

— Я надѣюсь, что мы больше никогда не встрѣтимся съ нею въ обществѣ, — объявилъ авторъ «Преимущества и наказаній», съ дрожью послѣ всякаго слова.

— Врядъ ли, — отвѣчалъ м-ръ Сильверли Бель съ новымъ вздохомъ и вынулъ письмо изъ кармана.

— Вотъ небольшой отрывокъ, который я могу прочесть вамъ, не нарушая довѣрія. Это писано мнѣ нѣсколько недѣль тому назадъ, нашимъ отсутствующимъ другомъ: «...Мой бѣдный отецъ говорилъ мнѣ за нѣсколько дней до того, какъ отправился въ свое роковое плаваніе, что онъ былъ съ ней знакомъ не короче того, какъ бываютъ знакомы люди съ женщинами дурного поведенія; видалъ ее въ мастерскихъ художниковъ и на выставкахъ. Онъ просто выходилъ изъ себя, что кто-нибудь могъ вообразить, что онъ рекомендуетъ ее *мнѣ*! Вы можете сообщить объ этомъ всѣмъ. Мой отецъ былъ самаго низкаго о ней мнѣнія. Я думаю даже, что ея картины писаны не ею самой». Развѣ это не печально?—сказалъ чтецъ, окончивъ это сообщеніе.

— Бѣдная, милая леди Джоанъ, — замѣтила миссисъ Маескрипъ.—Это просто низко! Такъ злоупотреблять ея гостеприимствомъ. Но она такъ всегда довѣрчива.

— Да! она сама такъ прямодушна, что не подозреваетъ о лжи!

— Именно, — вторилъ Сильверли Бель, — ея добротой злоупотребляютъ. Ей бы слѣдовало разспросить, разузнать хорошенько, прежде нежели принять къ себѣ въ домъ особу, которую рекомендовалъ такой заведомо безнравственный человѣкъ, какъ баронъ Вуатель; онъ безспорно великій человѣкъ—мы всѣ это знаемъ, но совершенно безсовѣстный. Человѣкъ можетъ открыть новый континентъ—и все-таки нарушать всѣ приличія обыкновенной жизни.

Всѣ леди вздохнули хоромъ, а старуха леди Джоржъ, прислушавшаяся глухимъ ухомъ въ разговоръ, склоняясь надъ своимъ вязаньемъ, пробормотала:

— Безправственный! онъ людоедъ!

— Если бы это только! — мягко прибавилъ Сильверли Бель; — можно представить себѣ, что ужасныя муки голода человѣка, потерпѣвшаго кораблекрушеніе, могутъ довести его до такой ужасающей крайности. Но совершенно хладнокровно, среди обстановки повседневной жизни, ввести извѣстную авантюристу въ домъ благородной и безупречной леди...

— Какъ вы можете называть авантюристкой великую художницу? — спросилъ лордъ Джоржъ съ юмористическимъ выраженіемъ въ своихъ мутныхъ старческихъ глазахъ.

— Я хочу этимъ сказать, — поспѣшно заявилъ Сильверли Бель, — что когда никто не знаетъ, откуда явился человѣкъ, тѣмъ онъ живетъ...

— Etoile кредитуетъ у банкира Роттингера. Я бы желалъ тоже у него кредитоваться, — сказалъ лордъ Джоржъ, меланхолически подмигивая глазомъ. — Если ей понравился Юрисъ, то я считаю, что ему выпала завидная доля; я бы желалъ быть на его мѣстѣ; въ чему онъ уѣхалъ? Онъ глухъ, если не понимаетъ своего собственного счастья?

— Счастья! — повторилъ Сильверли Бель въ ужасѣ. — Дорогой сэръ, извините меня, вы съ ума сошли. Какая худшая участь могла постигнуть нашего обаятельнаго, но слишкомъ перемѣнчиваго друга, какъ попасть во власть безсовѣстной, хотя и гениальной женщины, которая...

— Вы находите, что безсовѣстная, но не гениальная женщина лучше? Ну, разумѣется, онъ нашелъ такую, — пробормоталъ сэръ Джоржъ, играя табакеркой.

Но дочери заглушили его слова своими воплями.

— О! папа! какъ вы можете такъ говорить! какъ вы смѣете такъ говорить! Конечно, вы шутили, но все-таки...

Лордъ Джоржъ спасся отъ грозы въ другую комнату.

Былъ вечеръ и Etoile сидѣла одна. Лампы были зажжены и распространяли мягкій свѣтъ въ большомъ покоѣ, озаряя бѣлые бюсты и мраморныя статуи, эскизы, сдѣланные углемъ, и зеленныя группы пальмъ и другихъ растений, и мягкія очертанія фресокъ. Неконченная картина «Сорделло» стояла на большомъ дубовомъ мольбертѣ; Etoile не прикасалась къ ней со времени

отъѣзда Іориса; единственная вещь, оконченная въ ней, было лицо повта, и это лицо было лицомъ Іориса. Она сидѣла одна и ничего не дѣлала. Впервые въ жизни часы ея были ничѣмъ не наполнены; они приходили непрошенныя—и уходили, ничего не принеся съ собой. Тѣ счастливые дни, когда она не знавала скуки, какъ не знавала праздности, отлетѣли. «О! любовь моя! какъ дорого я заплатила за нее!» думала она со слезами на глазахъ. Дверь тихо отворилась. Онъ вошелъ блѣдный, какъ смерть, исхудавшій, измученный, пристыженный. Она увидѣла его сквозь слезы, туманившія ея глаза; съ крикомъ невыразимой радости бросилась она къ нему. Черезъ нѣсколько минутъ онъ выпустилъ ее изъ своихъ объятій и опустился передъ ней на колѣни.

— Вы—добрый геній моей души! Что мнѣ сказать вамъ? Простите ли вы меня?..

Она оперлась на его плечи—въ то время, какъ онъ стоялъ на колѣняхъ—и пристально поглядѣла ему въ лицо и почувствовала, что ей какъ-будто вонзили ножъ въ сердце.

— Вы были... съ ней?

Слова были такъ тихо сказаны, точно съ трудомъ выдавлились изъ горла. Онъ спряталъ свое лицо въ ея колѣняхъ. Она поняла, что онъ былъ ей невѣренъ.

Наступило долгое молчаніе, нарушаемое только стукомъ падающаго дождя на дворѣ. Руки его все еще обнимали ее, лицо было спрятано въ ея колѣняхъ.

— Можете ли вы простить меня?—проговорилъ онъ, наконецъ:—клянусь, я не обманывалъ васъ; я не хотѣлъ ѣхать къ ней. Меня обманули, провели, хитростью заманили къ ней. Я согрѣшилъ передъ вами, но не сердцемъ.

— Вы были съ ней? — повторила она, и если бы у ней въ груди повернули настоящій ножъ, ей бы не было больнѣе.

— Я сознался,—устало проговорилъ онъ,—мужчины слабы и низки; мы не стоимъ вниманія. Я все время ненавидѣлъ себя, и все-таки... Мой ангелъ, поглядите на меня! ахъ! не глядите такъ, вы меня пугаете!

— Вашъ ангелъ! и вы могли!..

Сердце ея словно разорвалось; она оттолкнула его и залилась горькими слезами. Іорисъ подхватилъ ее, рыдающую, въ свои объятія и поцѣловалъ въ закрытые глаза.

«Она простить меня», подумалъ онъ: «если бы она не простила, то не плакала бы. Тщеславныя и жесткія женщины не горюютъ... онѣ мстятъ».

И грѣхъ его показался ему легкимъ, потому что его отпустили ему.

XVIII.

Леди Джоанъ вернулась въ Римъ торжествующая и счастливая. Выбравъ ясный день, она отправилась въ Фіорделизу, въ сопровожденіи м-ра Сильверли Беля и еще одного изъ своихъ поклонниковъ. «Я спасла это помѣстье для Іориса», хвасталась она своимъ спутникамъ.

— Пріѣзжалъ ли сюда князь съ кѣмъ-нибудь въ мое отсутствіе?—спрашивала она крестьянъ, обходя имѣніе.

Они сообщили ей, что князь рѣдко пріѣзжалъ и всегда одинъ.

«Если такъ, то, конечно, между нимъ и Etoile ничего не было такого», съ довольствомъ подумала она: «онъ бы прежде всего привезъ ее сюда, если бы между ними что-нибудь было». Такія глупыя вещи, какъ деликатность чувства, ей никогда и въ голову не приходили. Она провела пріятный день и съ захожденіемъ солнца поѣхала въ Римъ, чувствуя, что для умной женщины открыты всѣ радости жизни.

— Что эта авантюристка, все еще здѣсь?—спросила она у своихъ спутниковъ въ то время, какъ экипажъ катился по освѣщенной золотистыми лучами заходящаго солнца равнинѣ.

— Какая авантюристка?

— Etoile.

— Да! Она пребываетъ въ своемъ уединеніи на виллѣ Рокальди.

— Что она, пишетъ что-нибудь?

— Нензвѣстно; она еще ничего не кончила; говорятъ, она больна.

Леди Джоанъ улыбнулась.

— Она влюблена въ Іо, вы знаете? — писала ему въ Парижъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?—спросилъ Сильверли Бель осторожно, — а онъ?...

— Терпѣть ее не можетъ!—отвѣчала леди Джоанъ; Іо чуждъ любви, какъ вамъ извѣстно; онъ такъ же, какъ и я, дорожитъ одной только дружбой!

Сильверли Бель напугалъ, не зная что сказать. Къ счастью, солнце очень красиво закатывалось, и онъ сдѣлалъ какое-то замѣчаніе на счетъ этого.

Лэди Джоанъ вѣхала въ городъ съ улыбкой на лицѣ; ей было пріятно думать, что Etoile больна и не кончила начатой картины. Она высадила своихъ спутниковъ у ихъ квартирѣ и затѣмъ отправилась къ Іорису. Его не было дома, но она вошла, какъ обыкновенно это дѣлала, и прошла мимо слуги по лѣстницѣ въ его кабинетъ: — мнѣ нужно взять бумага у вашего господина, — объявила она. Слуга не смѣлъ мѣшать ей входить, когда ей вздумается. Она говорила правду: ей нужно было взять какія-то бумага, относящіяся до новаго акціонернаго общества, вызваннаго къ жизни ея стараніями; эти бумага, она знала, должны лежать у него на письменномъ столѣ. Въ кабинетѣ было темно, но она взяла свѣчу и принялась безцеремонно рыться между письмами, книгами и всякаго рода документами, которыми былъ заваленъ столъ. Вдругъ, среди этой массы дѣловыхъ бумагъ и официальныхъ писемъ, ей бросился въ глаза почеркъ, отъ котораго вся кровь хлынула ей въ голову, а рука схватила записку, писанную этимъ почеркомъ, какъ вошла хватать добычу. То была записка отъ Etoile, написанная въ этотъ же день и забытая имъ по непривычной разсѣянности на столѣ, вмѣсто того, чтобы быть спрятанной въ тотъ потайной ящикъ, о существованіи котораго посѣтительница его и не подозрѣвала. Лэди Джоанъ прочтала записку. Она была не длинна, но содержаніе ея открыло ей истину, такъ долго отъ нея скрываемую. Она три раза сряду прочтала записку; кровь отхлынула отъ ея лица, а зубы стиснулись, какъ зубы стального капкана. Она была обманута, одурачена, осмѣяна. И наконецъ — знала это. Первымъ движеніемъ ея было движеніе раненой тигрицы: броситься и растерзать. Безумная ярость овладѣла ею: если бы онъ теперь предсталъ передъ нею, она, кажется, убила бы его. Но благоразуміе вскорѣ охладило ея ярые порывы. Какая польза убить человѣка? Онъ пострадаетъ десять минутъ, а вы будете страдать всю жизнь. Есть другіе способы отмстить. Первымъ движеніемъ ея было движеніе каждой женщины, узнающей, что она брошена для другой. Вторымъ движеніемъ было болѣе властное надъ ней соображеніе о личной выгодѣ. Какъ ни были необузданны и дики ея страсти, она никогда не увлекалась ими настолько, чтобы упустить изъ виду личный интересъ, практический расчетъ. Убить Іориса... даже поссориться съ нимъ — значило лишиться Фіорделизы.

Фіорделиза была на первомъ планѣ; а онъ — на второмъ. Если бы не Фіорделиза, она бы прогнала его съ глазъ долой или сдѣлала бы что-нибудь еще хуже; но Фіорделиза держала

ея ярость на серебряной цѣпи. Годы сказывались на ней и скоро уже улыбка ея перестанетъ околдовывать мужчинъ. Если она лишитъ себя Фіорделизы, то никогда больше не найдетъ другого такого царства, гдѣ все подвластно ея волѣ. И она знала это.

— Тебѣ никогда больше не встрѣтитъ другого такого дурака, — сказала ей разъ мужъ, въ припадкѣ откровенности, и она знала, что это правда...

И вотъ она рѣшилась молчать и притворяться.

Заслышавъ его медленные шаги на лѣстницѣ и усталый голосъ въ передней, она встала, отперла дверь и пригласила его войти. Когда онъ вошелъ, она обвила руками его шею.

— У меня лихорадка и ознобъ, Іо; потрогай мои щеки и руки. Я слишкомъ захлопоталась для тебя въ Фіорделивѣ. Гдѣ ты провелъ день?

И она поцѣловала его. И почувствовала, что онъ содрогнулся. И снова поцѣловала его; она нашла, какъ отомстить ему; такъ отомстить, чтобы не лишиться Фіорделизы. Если бы она не знала истины, она была бы подозрительна, надоедлива, ревнива, сердита, придирчива, любопытна; вѣчно бы спрашивала и шпионила; и Іорисъ рано или поздно, выведенный изъ терпѣнія, проговорился бы наконецъ и разбилъ свои цѣпи.

Но кто предупредитъ, тотъ на-сторожѣ.

Зная истину и рѣшившись дѣлать видъ, что она не знаетъ ее, она стала оказывать ему такое довѣріе, пополамъ съ такой преданностью и жалкой любовью, что у него руки опускались и языкъ прилипалъ къ гортани, когда онъ хотѣлъ сказать ей правду.

— Господи! хоть бы она возненавидѣла меня, — въ безсиліи мечталъ онъ.

Но она не выказывала ему ненависти. Она укротила свой нравъ и обращалась съ нимъ, какъ терпѣливая Гризельда.

Иногда она играла своей жертвой, какъ кошка съ мышкой. Иногда, лежа на диванѣ, она подзывала его къ себѣ и, обхвативъ своими руками его руку, говорила:

— Не оставляй меня, милый: я больна и слаба. Но я опять поправлюсь весной... въ нашей милой Фіорделивѣ.

XIX.

Лэди Джоанъ сидѣла одна въ своей турецкой комнатѣ. Комната была пыльна и вся пропитана табачнымъ дымомъ; цвѣты, приносимые туда, увядали. Но это ее не смущало. Жизнь удивительно какъ упрощается, когда въ человѣкѣ нѣтъ поэтическихъ наклонностей. Она сидѣла совсѣмъ одна въ своей турецкой комнатѣ и лицо ея было мрачно, брови нахмурены, зубы стиснуты. Она знала теперь, гдѣ онъ находился въ тѣ часы, которые проводилъ не съ нею; а теперь онъ былъ не съ нею. Она видѣла, слышала, понимала все, что происходило въ немъ; все, что онъ скрывалъ отъ нея. Она стойко выносила это съ терпѣливостью, какая является у человѣка только тогда, когда у него въ виду великая цѣль. Она имѣла въ виду отмстить и завладѣть Фиорделизой.

Въ бурные годы своей обильной приключеніями жизни, она приобрѣла много друзей; одинъ въ особенности былъ ей полезенъ. Онъ былъ всего лишь мелкій страпчій, но очень ловкая и хитрая пройдоха. Онъ былъ очень смышленъ не въ юриспруденціи, которую оставилъ въ покоѣ, но въ спекуляціяхъ... въ тѣхъ неопредѣленныхъ, но пышныхъ спекуляціяхъ въ дальнихъ, невиданныхъ мѣстахъ, въ южныхъ или западныхъ моряхъ, откуда легко вернуться съ исторіями о серебряныхъ рудникахъ и брилліантовыхъ копяхъ и о повелителяхъ дикарей, обитающихъ въ жалкихъ дворцахъ, но надѣленныхъ великодушными сердцами. Съ этимъ страпчимъ лэди Джоанъ вела дѣятельную переписку, ласкала его, баловала, почти любила за то, что онъ былъ ей такъ полезенъ и звала его Теодоромъ, съ той трогательной дружеской фамиллярностью, характеризовавшей всѣ ея отношенія съ самыхъ юныхъ лѣтъ ея жизни.

Письма, полученные ею, были отъ Теодора. Онъ находился въ настоящую минуту не въ Тихомъ океанѣ, но въ хорошо знакомой ей конторѣ лондонскаго Сити. Онъ привезъ гигантское предпріятіе съ Коралловыхъ острововъ — предпріятіе, которое существовало пока еще только въ идеѣ, подобно тому, какъ и Левіаѳанъ въ началѣ находится лишь въ состояніи эмбриона.

Идея заключалась въ томъ, чтобы провести желѣзныя дороги по всѣмъ Коралловымъ островамъ и завести между ними пароходство; то-есть не то, чтобы въ самомъ дѣлѣ выстроить дороги и завести пароходство, потому что Теодоръ совсѣмъ объ этомъ не думалъ, а думалъ только о томъ, о чемъ думаютъ всѣ умные

люди, а именно: получить концессию на постройку дорогъ и заведеніе пароходовъ. Денежные интересы Теодора были связаны съ Коралловыми островами; у него были тамъ, или, по крайней мѣрѣ, онъ говорилъ, что у него тамъ есть, лѣса пряностей, сахарныя плантаціи; быть можетъ, цѣлыя острова, быть можетъ, даже и нѣсколько женъ-диварокъ; по крайней мѣрѣ онъ называлъ своими друзьями короля У-у-та и короля Фи-фи-фа, и короля Зи-зу-за и разныхъ другихъ черныхъ величествъ. Отъ этихъ королей онъ рассчитывалъ получить все, что ему нужно, и идея эта уже пустила корни во многихъ меркантильныхъ умахъ,—почвѣ, какъ извѣстно, весьма плодородной.

Объ этомъ-то писалъ теперь Теодоръ и надъ его письмами задумалась лэди Джоанъ. Она рѣшила, что Юрисъ отправится на Коралловые острова. Другія женщины сочли бы это столь же труднымъ, какъ снять куполь св. Петра и перенести его черезъ горы. Но для лэди Джоанъ затрудненій не существовало.

— Онъ уѣдетъ туда, — сказала она самой себѣ и лицо ея прояснилось. — Она не видѣла другого средства отнять его у своей соперницы, какъ сослать. Она не стала ломать головы надъ тѣмъ, какъ она этого добьется. Ей удавались болѣе трудныя вещи.

Она придвинула чернильницу и стала писать письмо Теодору. «Здоровье Ю сильно пострадало отъ всѣхъ этихъ хлопотъ и волненій», заключила она свое письмо. «Его терзаетъ желаніе разсчитаться съ старыми акціонерами. Нельзя негодовать на такое благородное, хотя и преувеличенное понятіе о долгѣ. Я думаю, что ваша идея какъ разъ то самое, что ему нужно. Я еще ему о ней не говорила. Когда все дѣло созрѣетъ, тогда мы станемъ дѣйствовать; вы скажете мнѣ. Лучше всего вамъ было бы самому пріѣхать; ваша комната готова. Путешествіе съ вами было бы ему полезно и кто знаетъ? Можетъ быть, мы всѣ со временемъ пустимся въ путь. Мнѣ давно уже хочется поглядѣть на эти дальнія страны и синія моря. Ю долженъ какъ-нибудь заработать деньги; пріѣзжайте, Тео, и поскорѣй».

И подписалась «Джоанъ», съ красивымъ росчеркомъ.

Но, написавъ письмо, она продолжала сидѣть угрюмая и нахмуренная. Хоть и сладка месть, а все же не на столько, чтобы заглушить горечь обмана и обиды.

Она пошла и сама опустила въ почтовый ящикъ письмо, какъ и слѣдуетъ умной женщиной — и затѣмъ отправилась дѣлать визиты.

— Ступайте туда сами, если хотите; я не поѣду, — отвѣтилъ

Ю съ раздражительнымъ пренебреженіемъ, когда слышалъ объ этомъ планѣ. Онъ зналъ Теодора и считалъ его пошлымъ, хитрымъ интриганомъ, и терпѣть его не могъ.

— О, разумѣется, я пошутила,—поспѣшила она заявить, будучи слишкомъ умной, чтобы показать сразу всѣ свои карты.—Подумать только, чтобы я поѣхала! Развѣ я могу жить гдѣ-либо, кромѣ милой, старой Фіорделизы! Но шутки въ сторону, имѣешь ли ты понятіе, атог піо, какія суммы ты изстратилъ на этихъ заморскихъ рабочихъ? Я свела итоги. Боюсь, что мнѣ придется сообщить тебѣ нѣчто... весьма непріятное. Хочешь я скажу тебѣ?..

— Послѣ, послѣ,—поспѣшно отвѣчалъ онъ.

— Хорошо,—сказала лэди Джоанъ съ тѣмъ изумительнымъ терпѣніемъ, въ которому она приучила себя теперь.—Но только не брани *меня*, если наживешь хлопотъ, вотъ и все. Кстати мнѣ нужна еще артель въ девяносто рабочихъ, чтобы отдѣлать новые виноградники. Деньги? Ну, разумѣется, у тебя есть деньги для этихъ заморскихъ бестій, а для полезнаго, домашняго дѣла нѣтъ! Кстати, Ю, какого ты мнѣнія о примѣненіи нашего способа обработки и ирригація въ Тихомъ Океанѣ? Тео говоритъ, что почва тамъ изумительно плодородна, но нуждается въ хорошей обработкѣ, какъ и твоя земля, пока я не взяла ее въ руки.

— Ну, такъ возьми въ свои руки эти дикіе острова,—отрѣзалъ Юрисъ нѣсколько грубо и презрительно.

Она добродушно засмѣялась.

— Слишкомъ далеко ѣхать, да и въ Фіорделизѣ пока не могутъ обойтись безъ меня. Я никогда не любила никакого мѣста такъ, какъ Фіорделизу. Какъ я жду апрѣля мѣсяца, чтобы снова поселиться подъ милой, старой крышей. А ты?

Юрисъ молчалъ.

— Такъ какъ Фіорделиза моя,—началъ онъ съ колебаніемъ...

— То она значить и моя,—докончила она, улыбаясь ему.

Вошелъ м-ръ Чаллонеръ съ руками, по обыкновенію, биткомъ набитыми бумагами и газетами.

— Очень хорошая эта идея относительно Тихаго Океана,—сказалъ онъ самымъ торжественнымъ тономъ.—Объясняетъ много выгодъ. Теодоръ знаетъ, гдѣ раки зимуютъ... Если бы только найти капиталиста и выпустить акціи? Чудный климатъ, очаровательное путешествіе, интересное, неиспорченное населеніе, почва, которая, говорятъ, можетъ считаться садомъ вселенной...

— Ты еще не пишешь объявленіе, Робертъ,—сухо замѣтила его жена. — Я спрашивала Ю, не хочетъ ли онъ прокатиться

туда. Морской воздухъ принесъ бы ему пользу; онъ кажется такимъ больнымъ. Дѣла такъ досаждаютъ ему.

— Я почти самъ готовъ ѣхать туда, — сказалъ м-ръ Чалло-неръ съ свойственнымъ ему духомъ самопожертвованія. — Я думаю, что тамъ можно найти великолѣпныя разновидности *Ninfea*, преимущественно *Ninfea tuba*.

— Всѣ мы со временемъ съѣздимъ туда, — объявила леди Джоанъ съ присущей ей счастливой рѣшимостью: — какъ-нибудь въ промежуткѣ между сборомъ винограда и наступленіемъ весны, чтобы не быть очень долго въ отсутствіи изъ Фіорделизы.

Юрисъ стоялъ между ними въ знакомой комнатѣ, гдѣ онъ такъ часто бывалъ и которая давила его своими стѣнами и потолкомъ, но не находилъ въ себѣ силы закричать, какъ ему хотѣлось: — отставьте меня въ покоѣ! отвѣжитесь отъ меня; пусть я буду разоренъ, но свободенъ. Онъ молчалъ, повѣсивъ голову, ибнясь въ лицѣ, пока въ немъ шла борьба между желаніемъ сказать имъ правду и нерѣшительностью. Она взглянула на него своими пронизательными глазами — и прочитала, что творилось въ его душѣ, точно будто бы онъ высказалъ свои мысли. Нѣсколько времени тому назадъ она пришла бы въ неописанное бѣшенство, разразилась бы яростными упреками; но опасность, грозившая ей, сдѣлала ее благоразумной и она сдержала себя.

— Мы всѣ вмѣстѣ туда поѣдемъ, — повторила она, съ самой откровенной и веселой улыбкой. — Ты, Робертъ, поѣдешь за своими водяными лиліями, я за коралломъ, Іо затѣмъ, чтобы нажить состояніе. А затѣмъ мы привеземъ съ собой лиліи, кораллы и деньги обратно въ Фіорделизу и проживемъ счастливѣе, чѣмъ когда-либо.

М-ръ Чаллонеръ улыбался добродушнѣе, чѣмъ когда-либо.

— Мы, разумѣется, поѣдемъ съ тобой, душа моя, за лиліями и за коралломъ, — любезно отвѣчалъ онъ. — Что касается состоянія, то это какъ будетъ угодно Іо. Мы не имѣемъ право убѣждать, тѣмъ менѣе уговаривать его; онъ самъ себѣ господинъ; мы только его друзья.

Некому было слушать этихъ возвышенныхъ рѣчей, но м-ръ Чаллонеръ никогда не сбрасывалъ театральнѣ тоги и не разставался съ театральнѣ декламаціей даже въ интимномъ, семейномъ кружкѣ.

Леди Джоанъ опять отправилась съ визитами.

— Теодоръ, — вы помните Теодора Уанта? — говорила она своимъ знакомымъ. Онъ гостилъ у насъ въ Фіорделизѣ два года тому назадъ — и зимою тоже. Вы знаете, что онъ пользуется огром-

нымъ вліаніемъ въ Тихомъ Океанѣ,—да, на всѣхъ этихъ удивительныхъ тропическихъ островахъ, гдѣ произрастаютъ разныя пряности, про которыя мы такъ много читаемъ, но ничему не вѣримъ: онъ спасъ тамъ жизнь нѣсколькимъ королямъ дикарей, и у него тамъ есть обширныя владѣнія; и ему, въ самомъ дѣлѣ, пришла въ голову прекрасная идея, а именно: устроить цѣлую сеть парового сообщенія между всѣми островами; со временемъ изъ нихъ можетъ образоваться морской союзъ. Теодоръ мастеръ на различныя комбинаціи. Не пожелаете ли вы принять участіе въ дѣлѣ? Если да, то я сообщу вамъ все, что о немъ узнаю. Тео заѣдетъ сюда, прежде чѣмъ отправится обратно въ Тихій Океанъ. Мнѣ сдается, что это предпріятіе заинтересуетъ Іо. Если бы только оно помогло ему. Увы! да! онъ ужасно много денегъ ухлопалъ на этихъ иностранныхъ рабочихъ; никто другой этого бы не сдѣлалъ; но онъ такъ благороденъ и всегда готовъ пожертвовать собой. Бѣдный Іо! право, если бы мой мужъ не сдерживалъ его, то онъ разорился бы въ одну недѣлю. М-ръ Чаллонеръ тоже очень великодушенъ, но онъ практичнѣе Іо. Хотѣлось ли бы вамъ поглядѣть на эти Коралловые острова и на ихъ милое, первобытное, неиспорченное, младенческое население? Мнѣ бы хотѣлось.

XX.

Іорисъ вышелъ изъ ихъ дома послѣ бесѣды о кораллѣ и водяныхъ лиліяхъ, и вернулся къ себѣ домой. Портретъ ея болѣе не висѣлъ у него на стѣнѣ; онъ снялъ его, сославшись на то, что боится какъ бы это не повредило ея репутаціи. Вѣсто него, висѣлъ какой-то темный святой на золотомъ фонѣ, работы какого-то стариннаго мастера.

Но когда онъ взглядывалъ на то мѣсто на стѣнѣ, ему все мерещилось, что на него устремлены ея жесткіе глаза, хотя ихъ больше тамъ и не было.

Золотые плоды на апельсиновыхъ деревьяхъ виднѣлись въ открытый балконъ; небо было нѣжное свѣтло-голубое, какимъ его любилъ Рафаэль; птицы щебетали. Наступила весна.

Онъ сидѣлъ, опершись головой на руки. Ему было и стыдно и больно, совѣсть упрекала его въ трусости; бремя обязательствъ и непоправимыхъ ошибокъ давило его. По временамъ дрожь пробѣгала по его тѣлу; онъ чувствовалъ глубокое утомленіе.

Онъ хорошо зналъ, что разоренъ или будетъ разоренъ въ

весьма близкомъ будущемъ. Это лишило его послѣдней воли и рѣшимости. Передъ нимъ лежала кипа нераспечатанныхъ писемъ; онъ съ отвращеніемъ отвернулся отъ нихъ; эти часы дня онъ привыкъ проводить съ Etoile и, откидывая своей рукой волосы съ ея лба, съ улыбкой глядѣть въ ея глаза. Уныніе и печаль, овладѣвшія имъ въ настоящую минуту, почти убили его любовь къ ней.

«Зачѣмъ она послушала меня», — думалъ онъ съ самой нелогичной неблагодарностью, которая бываетъ въ любви. «Я не тотъ человѣкъ, какого ей надо, — и никогда имъ не буду».

Зачѣмъ не оставилъ онъ музу въ холодныхъ сферахъ искусства? Зачѣмъ познакомилъ онъ ее съ человѣческими радостями и горестями? Совѣсть упрекала его и ея угрызения дѣлали его несправедливымъ и капризнымъ.

«Зачѣмъ повѣрила она мнѣ?» думалъ онъ.

Да! онъ почти желалъ, чтобы онъ никогда не любилъ ее, а она его.

Вдругъ дверь его комнаты-отворилась и въ багровыхъ лучахъ заходящаго солнца появилась она. Онъ всталъ, пораженный видомъ ея лица, и зная, что важная причина привела ее къ нему въ домъ. Волосы ея падали на глаза, которые были мрачны и влажны; губы очень блѣдны. Она торопливо подошла къ нему; руки ея дрожали, дотрогиваясь до его рукъ.

— Я пришла; можетъ быть, я дурно сдѣлала; я не могла дожидаться тебя. Говорять, мое имя стало сказкой въ ея домѣ и ты молча позволяешь клеветать на меня. Правда это? Это не можетъ быть правда. Ты вѣдь не трусъ?

Слова эти точно ножомъ рѣзнули его по сердцу. Онъ поблѣднѣлъ, какъ смерть.

— Такъ-то ты вѣришь въ меня? — уклончиво проговорилъ онъ, съ досадой отталкивая ея руку.

— Неужели это правда, — пробормотала она. — Мнѣ передавали, что въ ея кружкѣ вошло въ обыкновеніе бранить меня, а ты стоишь и слушаешь, они распинаютъ меня, а ты отрекаешься... отрекаешься...

— Отъ чего?

— Отъ того, что любишь меня.

— Никто не знаетъ про нашу любовь; въ этомъ и заключается ея прелесть! Кто наговорилъ тебѣ этихъ вещей?

— Женщина, желающая мнѣ добра, да и тебѣ тоже. Она давно уже слышала это, но не рѣшалась сообщить мнѣ; наконецъ, рѣшилась. Другъ мой, неужели это правда?

— Что правда? — спросил Іорисъ съ нетерпѣніемъ и смущеніемъ. — Я не понимаю, о чемъ вы говорите. Вы совсѣмъ на себя не похожи.

— Не похожа! но неужели правда, что вы позволяете ей клеветать на меня.

Онъ сердито отошелъ и сталъ глядѣть на заходившее за апельсинными деревьями солнце. Совѣсть терзала его и онъ искалъ убѣжища въ притворномъ негодованіи и раздраженіи.

— Вы засидѣлись въ одиночествѣ и вамъ въ голову приходятъ всякія фантазіи. Почему вы не ѣдите въ свѣтъ, какъ тогда, когда я впервые съ вами познакомился? Это было бы гораздо благоразумнѣе и вамъ не приходили бы въ голову разныя нечѣлости.

— Когда васъ нѣтъ со мной, я лучше люблю быть одна, вы это знаете. Кромѣ того, я не могла бы вынести, если бы увидѣла васъ съ нею.

— Вы ревнуете?

— Я ревную!

Она произнесла это слово съ невыразимымъ презрѣніемъ. Ей казалось, что оно ставитъ ее на одинъ уровеньъ съ этой низкой интриганткой и злой женщиной. Ревнуетъ, она! когда она нашла его въ рабствѣ и онъ самъ пришелъ къ ней съ жалобами, и научилъ ее презирать своего тирана!

— Не думаю, чтобы я ревновала, — холодно проговорила она. — Это слово неподходящее. Могу ли я ревновать къ той, которая, какъ вы сами давно мнѣ это сказали, вамъ опротивѣла? Нѣтъ, это не то.

— Нѣтъ, это то, — отвѣчалъ онъ, въ эту минуту забавляясь ея горемъ. — Да, вы ревнуете, моя гордыня. Но напрасно. Я не могу порвать съ нею теперь же... то-есть какъ съ знакомой, а запутанъ въ разныхъ дѣлахъ, какъ вамъ уже говорилъ. Что касается клеветы, то какъ могу я запретить ей говорить то, что ей взбрѣдетъ на умъ. Собака лаетъ, вѣтеръ носитъ. И охота вамъ слушать разный вздоръ. Какъ! вы, моя муза, слушаете сплетни! О, какой стыдъ!

Слабая улыбка появилась у нея на лицѣ; она взглянула на него — и вся любовь ея выразилась въ этомъ взглядѣ.

— О, скажите только одно слово — и я повѣрю.

Его глаза не глядѣли на нее.

— Я уже говорилъ это слово. Этого довольно.

Сомнѣніе узвило ее въ сердце, но она промолчала.

— Простите меня, — сказала она послѣ минутнаго молчанія, — если я васъ оскорбила.

— Я прощаю, — великодушно объявилъ онъ, — онъ, который былъ кругомъ виноватъ, и поцѣловалъ ее. Впервые она слегка отшатнулась отъ него.

— Она все еще не знаетъ истины? — устало спросила она.

— Нѣтъ. Я никогда не говорю съ ней о васъ. Этакъ лучше... пока.

— Когда же это кончится?

— Если бы я не былъ почти разоренъ, то сегодня же вечеромъ.

— Развѣ она можетъ помочь или повредить вамъ?

— Брошенная женщина всегда бываетъ злѣйшимъ врагомъ. Etoile встала и снова поглядѣла на него.

Она была очень блѣдна.

— Но вы не позволите ей переехать въ Фиорделиву? Это по крайней мѣрѣ вы сдѣлаете для меня?

Онъ молчалъ.

Рѣшимость и энергическая воля, казавшійся онъ еще никогда не замѣчалъ въ ней, выразились у нея на лицѣ.

— Вы не пустите ее въ Фиорделиву, если любите меня, я этого требую.

— Не пущу, клянусь вамъ.

Онъ говорилъ поспѣшно, но рѣшительно.

Послѣ этого она ушла изъ его дома, гдѣ почти никогда не бывала и не любила бывать, потому что онъ казался ей, также какъ и Фиорделива, оскверненнымъ воспоминаніями о прошлой, низкой страсти.

Когда она выходила изъ него при свѣтѣ вечерняго солнца, двѣ темныхъ фигуры торопливо проходили по той сторонѣ улицы: то были двѣ сестры изъ-подъ Форума Траяна.

— Вотъ ея сторожевыя собаки, — прошепталъ онъ. — Онѣ видѣли васъ. Вамъ бы не слѣдовало пріѣзжать. Я бы самъ явился къ вамъ послѣ солнечнаго заката.

Онъ церемонно поклонился ей и остался съ непокрытой головой. Ея лошади умчали ее домой при лучахъ заката.

Сторожевой песъ поспѣшно направился въ Саза Чаллонеръ.

— У меня есть, наконецъ, положительныя доказательства, дорогая! — восклицало это удивительное существо. — Она вышла изъ его дома... изъ его дома... мы видѣли это собственными глазами... пять минутъ тому назадъ!

Взглядъ г-жи Чаллонеръ вдругъ сталъ очень холоднымъ.

— Я знаю это, душа моя,—спокойно отвѣчала она. — Она постоянно бываетъ у него. Что же Іо можетъ тутъ подѣлать, какъ не выпроводить ее всякій разъ изъ дому? Онъ джентльменъ и слишкомъ мягкосердеченъ, иначе поступилъ бы рѣзче.

— Но это отвратительно.

— Конечно; но чего же другого ждать отъ нея?

— Это отвратительно.

И сторожевая собака оскалила зубы... въ интересахъ нравственности... разумѣется. Лэди Джоанъ холодно улыбалась.

— Бѣдный Іо! онъ воображалъ, что она Коринна, десятая муза, и желалъ позабавиться, вотъ онъ теперь и наказанъ! Конечно, ему, бѣдному, очень тяжело приходится за то, что онъ полюбезначилъ въ моемъ домѣ съ иностранкой. Вы знаете, какъ Іо любезенъ съ дамами, но вѣдь вы знаете также, что это ровно ничего не значить.

Маржори знала это... знала по личному опыту. Она вздохнула и помолчала.

— Но почему вы не поговорите съ нимъ объ этомъ?—робко замѣтила она.—Вѣдь это, право, отвратительно.

Лэди Джоанъ расхохоталась.

— Поговорить съ нимъ! Поворно благодарю! Какое мнѣ дѣло? По-дѣломъ ему; самъ захотѣлъ поиграть съ огнемъ—и обжегся. Намъ съ вами, милочка, остается одно только: не водиться съ Etoile; мы съ ней и не водимся. Пусть Іо самъ выкарабкивается, какъ знаетъ, когда самъ наглупилъ.

XXI.

Прошло нѣсколько времени и отчужденіе между Etoile и Іорисомъ стало сказываться все сильнѣе и сильнѣе. Хотя страсть долго ослабляла Etoile и до сихъ поръ держала повязку на ея глазахъ, но теперь она смутно стала понимать что что-то неладно. Съ террасы своей дачи она могла видѣть вдали сѣрыя башни Фіорделизы, окруженные темными кипарисовыми деревьями. Она глядѣла на темныя пятна, видѣвшіяся еще дальше; то были его роши, она это знала, и чувствовала себя утѣшенной. «Тамъ, по крайней мѣрѣ, ей больше никогда не бывать», думала она, «а если онъ не позволить ей ѣхать въ Фіорделизу, то она поневолѣ узнаетъ правду».

И она прохаживалась взадъ и впередъ по терассѣ, пока солнце не закатилось и сумракъ приближающейся ночи не скрылъ

отъ нея Фіорделизу. Слуга принесъ ей письмо... одно изъ тѣхъ краткихъ посланій, которыя разбиваютъ всю жизнь въ короткихъ, несложныхъ словахъ.

Письмо извѣщало ее, что ея парижскій домъ сгорѣлъ до основанія; ничто не было спасено, кромѣ ея собственнаго бюста, работы Шлезингера, а такъ какъ бѣда никогда одна не приходитъ, то другое извѣстіе гласило, что завѣдующій ея денежными дѣлами въ Бельгій обокралъ ее и бѣжалъ.

Первая мысль ея была объ Іорисѣ. «Очень ли это огорчить его?» — Вѣдь я стала теперь вдвое бѣднѣе. И она приказала заложить лошадей и вести ее въ Римъ. Первымъ движеніемъ ея было сказать ему все и спросить его совѣта. Іориса не было дома. Она спросила, куда онъ уѣхалъ — впервые въ жизни разспрашивала она про него. Слуга, знавшій кое-что и о многомъ догадывавшійся, засмѣялся: — Гдѣ же ему быть, падама тиа, какъ не въ Саза Чаллонеръ. Онъ пріѣхалъ сюда вмѣстѣ съ милэди въ пять часовъ и затѣмъ они вмѣстѣ уѣхали.

Etoile ничего не сказала; она прислонилась къ подушкамъ кареты, вся похолодѣвъ и поблѣднѣвъ.

Слова этого человѣка словно зарѣзали ее.

— Вези въ Саза Чаллонеръ, — сказала она кучеру холоднымъ, звонкимъ голосомъ.

Слуга, стоявшій у дверей, услышалъ приказаніе и испугался; лошади направились къ Сорго по озареннымъ луною и газовыми рожками улицамъ Рима. Чувство отвращенія безраздѣльно овладѣло ею. Ыхать туда, найти его тамъ, бросить имъ въ лицо правду, выразить имъ все свое презрѣніе — вотъ что влекло ее впередъ.

Въ лунномъ сіяніи, у дверей дома, стояли двѣ фуры, запряженныя двумя волами и до-верху нагруженныя.

— Мы укладываемъ вещи, милэди, — сказали одинъ изъ слугъ ея кучеру на его вопросъ. — Милэди завтра переѣзжаетъ въ Фіорделизу. Ваша господа пріѣхала въ гости въ такую позднюю пору? Что-жъ, я пойду доложу; у насъ никого нѣтъ, кромѣ князя Іориса.

И онъ захохоталъ, какъ слуги въ Италіи хохочутъ надъ такими вещами — и пошелъ въ домъ.

— Вези меня дальше! — сказала Etoile кучеру и, остановивъ его въ одной изъ прилежавшихъ боковыхъ улицъ, вышла изъ экипажа и пошла одна по улицѣ.

Итакъ, ея соперница ѣхала въ Фіорделизу.

Оскорбленіе вознѣлось ей въ душу, точно стрѣла. Она ѣдетъ въ Фіорделизу, — эта женщина, которую онъ не любилъ и прези-

рала; она будетъ жить въ его домѣ, проведетъ съ нимъ всю лѣто, будетъ царить тамъ. Оскорбленіе казалось ей выше силъ. Въ эту минуту страшной боли, страшнаго униженія Еtoile утратила ясность души, терпѣливость и нѣжную жалость къ нему.

Она чувствовала себя обманутой, униженной и поруганной. Впервые, съ тѣхъ поръ, какъ губы его коснулись ея губъ, она думала не о немъ, а о самой себѣ.

Такія минуты глубокаго самоуниженія переживаются всѣми, кто любилъ глубоко. Она была горда и честна и безграмотно вѣрила; она чувствовала, что обманъ, которому она подверглась, выше ея силъ. Она прохаживалась взадъ и впередъ при ясномъ свѣтѣ лунной ночи, смѣнявшей пасмурный и удушливый день.

Она совсѣмъ забыла о своихъ денежныхъ потеряхъ. Темный и спокойный уголокъ, гдѣ стоялъ домъ ея врага, былъ теперь совершенно безлюденъ. Воли ушли и увезли за собой фурн. Дверь была настежь открыта. Привратникъ тоже ушелъ. Лампы горѣли при входѣ. Комнаты наверху были освѣщены и оттуда доносились звуки гитары и голосъ, пѣвшій страстными народными пѣснями. Еtoile стояла у дверей въ нерѣшимости. Вдругъ до нея долетѣлъ мужской смѣхъ: то онъ смѣялся.

Она содрогнулась и отошла отъ дверей. Онъ могъ смѣяться тамъ,—онъ, говорившій ей:—сдѣлайте меня такимъ, каковы вы желаете, чтобы я былъ, — я вашъ.—И вотъ онъ тамъ. Онъ обманывалъ ихъ обѣихъ.

Вдругъ въ тиши ночной раздался скрипъ запирающейся двери; она была воелѣ дома и увидѣла выходящаго изъ него Юриса.

Привратникъ, поспѣшно вернувшійся изъ погреба, захеръ за нимъ дверь и заложилъ ее крюкомъ для болѣея безопасности. Юрисъ пошелъ по тротуару въ тѣни стѣнъ, и вдругъ, увидѣвъ ее, остановился съ крикомъ радости и вмѣстѣ съ тѣмъ гнѣва.

— Боже мой! что случилось?—поспѣшно проговорилъ онъ, и, оглядѣвшись кругомъ, и видя, что никого нѣтъ по близости, хотѣлъ взять ея руки; но она быстро отскочила отъ него.

— Такъ-то вы вѣрны мнѣ?—сказала она тихимъ голосомъ.

Онъ измѣнился въ лицѣ. И искалъ спасенія въ гнѣвѣ.

— Такъ-то вы стережете меня? что вы дѣлаете здѣсь въ такой поздній часъ? вы слѣдите за мной? я же хочу, чтобы вы слѣдили за мной.

— Вы завтра пустите ее въ свое помѣстье?

Онъ молчалъ.

— Она ѣдетъ туда? это правда?

Онъ не отвѣчалъ; онъ былъ очень блѣденъ и снова попытался завладѣть ея руками.

— Вы изволиваны и сердиты; вы на самое себя не похожи; какъ очутились вы на улицѣ въ этотъ часъ ночи? Гдѣ ваши слуги? Вы слѣдите за мной? я не хочу, чтобы вы слѣдили за мной; этого съ меня слишкомъ довольно и безъ васъ.

— Должно быть, не довольно, если вы все-таки къ ней ѣдете.

— А! вотъ и упреки! вы такая же женщина, какъ и другія; вы не выне шкъ; вы подозреваете, вы обвиняете.

— Я ничего не подозреваю, я вижу, что вы вышли изъ ея дома; вы не можете отрицать, что она переѣзжаетъ въ ваше помѣстье; вѣдь завтра она переѣзжаетъ въ Фюрделизу?

Онъ молчалъ.

— Переѣзжаетъ она завтра Фюрделизу?

Онъ молчалъ. Она засмѣялась — и смѣхъ этотъ оледенилъ его душу.

— И вы въ первыя же минуты нашего знакомства жаловались мнѣ на свое рабство! Къ чему вы дѣлали это, если вы сами этого хотите? къ чему вы возбуждали мою жалость, приходили ко мнѣ и плакались на свою судьбу? Кто изъ насъ ослѣпленъ? кто обманутъ? кто одуроченъ? она или я? Что вы хотѣли всѣмъ этимъ доказать? къ чему вы лгали?

Каждое слово ея вонзалось въ его душу, какъ терніе; совѣсть горько упрекала его, но по тому самому онъ и разсердился.

— Вы оскорбляете меня! быть можетъ, я и заслужилъ это. Что остается дѣлать человѣку, когда его преслѣдуютъ двѣ женщины, слѣдятъ за каждымъ его шагомъ, ловятъ каждое его слово? Я веду собачью жизнь! Ложь! да, я лгу! безъ свободы не бываетъ правды. Но вы такъ же мало оставляете мнѣ свободы, какъ и она.

— Я предоставляю вамъ полную свободу; вы можете идти къ ней, если хотите.

Кровь ударила ей въ голову; въ глазахъ потемнѣло; невыразимая горечь, невыразимое униженіе, невыразимая тревога влились въ ней. Она сама почти не сознавала, что говорила.

— Развѣ вы не хотите идти къ ней? идите къ ней и поднимайте на смѣхъ меня и мое имя; топчите меня въ грязь.

— Она никогда не говорить про васъ.

— Неправда. Она всѣмъ рассказываетъ, что я безнадежно

влюблена въ васъ, а вы молча слушаете и не опровергаете ее.

— Если вы вѣрите чужимъ сплетнямъ...

Непривычное волненіе ея выразилось рыданіями.

— О, милый мой! кому я повѣрю, если ты скажешь мнѣ, что это неправда? Цѣлому свѣту не повѣрю. Ну, скажи мнѣ по чести, что она знаетъ правду?

— Нѣтъ, она не знаетъ правды, — отвѣчалъ онъ съ несвойственной ему грубостью. — Нѣтъ, она не знаетъ правды. Я не говорилъ ей правды. Я трусь. Вы этого признанія желали добиться отъ меня. Вамъ пріятно оскорблять меня?

Она не отвѣчала. Вдругъ она взяла его руки и прижала къ своей груди.

— Милый мой, я на коленяхъ готова буду просить у тебя прощенія, если ты сейчасъ пойдешь къ ней въ домъ и скажешь ей всю правду. Сейчасъ же, не теряя минуты.

Сердце ея шибко билось.

Онъ глядѣлъ въ землю и не поднималъ на нее глазъ.

— Вы такая же женщина, какъ и всѣ другія, — сказалъ онъ съ раздражительной уклончивостью. — Вамъ не любовь моя нужна, а торжество надъ соперницей.

Она выпустила его руки и отвернувшись отъ него. Послѣ всѣхъ тѣхъ любовныхъ часовъ, которые они провели вмѣстѣ, вотъ какъ онъ понималъ ее!

— Идите къ ней! — сказала она, отталкивая его рукой: — идите къ ней: она годится вамъ въ подруги, а не я.

Эти слова разлучили ихъ на-вѣки. Холодный свѣтъ луны легъ между ними. Не оглядываясь назадъ, ушла она отъ него въ сумракъ къ ожидавшемуся ее экипажу. Онъ стоялъ какъ человѣкъ, которому нанесенъ смертельный ударъ, но который отъ гордости не показываетъ и вида, что онъ задѣтъ. Онъ не последовалъ за нею. Жизненные пути ихъ разошлись на-вѣки, подобно тому, какъ холодный свѣтъ луны разлучилъ ихъ тѣни. Вверху, въ домѣ, тихо затворилось одно окно и за нимъ въ потемкахъ женщина весело расхохоталась, очень довольная. Все удастся тѣмъ, кто умѣетъ ждать. Ей оставалось ждать терпѣливо и молча, не двигая, повидавшему, ни однимъ пальцемъ для достиженія своей цѣли, и цѣль будетъ достигнута. Держаться зубами и ногтями за свою добычу, и быть глухой и слѣпой ко всѣмъ, кто говорилъ ей правду — вотъ въ чемъ заключалась ее сила — и она побѣдила.

А завтра поѣдетъ въ Фіорделиву.

XXII.

Пять часовъ пополудни бьетъ на часахъ въ Фюрделевѣ. На старой терасѣ слышится стукъ чашекъ, носится дымъ отъ сигаръ и раздаются звуки гитары. Красная бунонія на южной стѣнѣ вся покрыта цвѣтами; павлинь расхаживаетъ по длинной травѣ; пчелы носятся надъ цвѣтами земляники. Лэди Джоанъ смѣется и поетъ, настраивая свою гитару; она откинулась на спинку низенькаго плетенаго стула, и чувствуетъ себя вполнѣ счастливой.

У ней гости; нѣсколько приличныхъ, добродушныхъ господъ расхаживаетъ послѣ завтрака по цвѣтнику. Въ числѣ ихъ м-ръ Сильверли Белъ шепчетъ миссисъ Максригъ:

— О, да! это уже теперь старая исторія, но, въ несчастію, вполнѣ, вполнѣ достовѣрная.

— Неужели? она сторожила его въ полночь?

— Да! совершенно вѣрно! и у дверей дома милой лэди Джоанъ, и произвела такой скандалъ! И точно будто бы лэди Джоанъ принимаетъ какое-нибудь... не совсѣмъ приличное участіе въ нашемъ другѣ.

М-ръ Сильверли Белъ вздыхаетъ и кажется огорченнымъ.

— О, нѣтъ, это преувеличено... по крайней мѣрѣ, я думаю, что это преувеличено. Іорисъ вѣдь джентльменъ; онъ ничего ровно не говоритъ; и трудно узнать истину, но нѣкоторые прохожіе говорятъ, что... право, это такъ печально. Она мнѣ нравилась одно время. Да! у ней пріятныя манеры, пока не узнаешь ее поближе... Но, у ней нѣтъ нравственности... и нѣтъ состоянія!... знаете, говорятъ, она понесла большія денежные потери и гонимась за Іорисомъ въ ту ночь, чтобы онъ помогъ ей въ ея денежныхъ затрудненіяхъ. Но вѣдь это только ухудшаетъ дѣло.

— О! да, только ухудшаетъ, — подтвердила миссисъ Максригъ: — я по крайней мѣрѣ никогда не вожусь съ артистами и рада, что и на этотъ разъ осталась вѣрна своему правилу.

— Да, вы хорошо сдѣлали! — произнесъ Сильверли Белъ и вздохнулъ.

— Вы, значитъ, больше не бываете у ней? — спросила миссисъ Кламсъ.

М-ръ Белъ чувствуетъ, какъ его сѣдые волосы встаютъ дыбомъ на его головѣ.

— Бывать у ней! Бывать у ней! *My dear madame!*

— Вы такъ страшно добродѣтельны, м-ръ Бель, что спасли бы Содомъ и обратили бы Лота въ соляной столбъ, — кричить эта веселая особа, забавно путая библейскія событія. — Альбертъ, велите подать кабріолетъ и принесите мою шаль.

Миссисъ Генри Бламъ, которая не глупа въ своемъ родѣ и привезла съ собой юморъ явни изъ своихъ родныхъ лѣсовъ, забавляется всѣмъ, чего здѣсь наслушалась, и смѣется про себя, уѣзжая.

— Честное слово! — бормочетъ она, направляя кабріолетомъ въ ворота, — если бы Альбертъ влюбился въ другую женщину, я бы не сумѣла такъ ловко отдѣлаться отъ нея и оставить ее въ дуракахъ. Честное слово! у меня бы не хватило терпѣнія. Я бы просто побѣжала и отхлопала ее по щекамъ.

И она мысленно склоняется впередъ превосходствомъ лэди Джованъ.

Красное солнце заходитъ; красныя цвѣты горятъ. Маленькая Эффи играетъ. М-ръ Чаллонеръ, мирно растанувшись въ креслѣ, дремлетъ, прикрывъ глаза носовымъ платкомъ и размышляетъ... Боралловые острова далеко. Іорисъ бѣденъ. Еще нѣсколько удачныхъ спекуляцій, и кто знаетъ! Старыя помѣстья быстро разоряются, а старыя имена быстро меркнутъ. Фюрделиза красивое мѣсто. Она будетъ славнымъ приданымъ со временемъ для маленькой Эффи: и кажется съ помѣстьемъ связанъ титулъ?

И м-ръ Чаллонеръ видитъ въ своемъ воображеніи дѣтей Эффи, царящихъ тамъ, гдѣ не суждено родиться дѣтямъ Іориса.

Сторожевая собака смиренно сидитъ въ тѣни у стеклянной двери и вылизываетъ подушку, начатую ею пріятельницей и надѣвшую ей, и время отъ времени бросаетъ долгіе, голодные, тревожные взгляды на Іориса и думаетъ про себя.

— *Festina lente! Pazienza!* кто знаетъ? иногда испорченная, усталая и равнодушная душа достается тому, кто сторожить ее, подобно тому какъ красивая бабочка съ перешибленнымъ крылышкомъ попадаетъ въ паутину терпѣливо-спящего въ потемкахъ свою основу паука; кто знаетъ?

Жена м-ра Чаллонера, съ перевязью отъ гитары на плечѣ, тоже закрыла глаза, но не мечтаетъ, потому что рѣдко позволяеть себѣ такія глупости. Она женщина практичная, а не проштуха. Она думаетъ, думаетъ и улыбается.

Она получила все, чего желала, и очень довольна; она чувствуетъ себя побѣдоносной, какъ великій Наполеонъ. Она одна

парить въ Фіорделизѣ. Въ крайнемъ случаѣ у нея есть Теодоръ и Коралловые острова. Если Іорисъ будетъ непокоренъ, она пошлетъ его на Коралловые острова и будетъ говорить обществу:—Ахъ! бѣдный Іо! такъ это, право, печально! Мы дѣлали все, что могли, чтобы спасти его помѣстье!

И она, и общество будутъ любезно улыбаться другъ другу. И она думаетъ объ этомъ, и картина эта такъ нравится ей, что она тоже начинаетъ дремать и грезить, пока гитара не выскальзываетъ у ней изъ рукъ и струны, убаюкивавшія такъ много ушей любовными пѣснями, не порываются.

Одинъ Іорисъ не грезить, потому что для него умерла надежда и свобода погибла навсегда.

А. 9.

ИТАЛІЯ

и

ВИКТОРЪ ЭММАНУИЛЬ.

„Italia una e Vittorio-Emmanuele!“
Garibaldi.

— Pie IX et Victor-Emmanuele. Histoire contemporaine de l'Italie. Par Jules Zeller, membre de l'Institut. Paris. 1879.

— Un empereur, un roi, un pape, une restauration. Par Anatole Leroy-Beaulieu. Paris. 1879.

I.

Скоро исполнится десятилѣтіе, какъ совершилось единство Италіи, и странно было бы, конечно, удивляться теперь самому освобожденію этой страны. Въ ней самой выросло уже молодое поколѣніе, не видавшее ея рабства. Для остальной же Европы въ послѣднія двадцать лѣтъ политическая панорама двигалась такъ быстро; та формальная исторія, которая состоитъ въ перелѣлѣ границъ и смѣнѣ царствованій, была такъ обильна событіями и впечатлѣніями, что и освобожденіе Италіи представляется уму большинства какъ-бы зауряднымъ фактомъ въ числѣ всѣхъ этихъ перемѣнъ. Но за то будущіе историки, продолжатели всемірной хроники, едва ли не отмѣтятъ возрожденіе Италіи какъ удивительнѣйшій и наиболѣе утѣшительный изъ великихъ фактовъ, намъ современныхъ. Этого мало: фактъ этотъ—единственный въ своемъ родѣ во всей новой исторіи. Первая учительница новыхъ народовъ, посредница между классической древностью и новой

наукой, страна, манившая къ себѣ мечи всѣхъ завоевателей и мечты всѣхъ поэтовъ, многомилліонный, единый по природѣ народъ—въ продолженіи многихъ вѣковъ не располагали собой; цивилизація, духъ страны были подавлены рабствомъ, народъ не имѣлъ отечества. Лучшіе умы въ самой Италіи въ теченіи вѣковъ могли только мечтать объ устраненіи такой вопіющей несправедливости, а въ остальной Европѣ мечты эти даже поэтами считались за несбыточные; даже эти поэты провозглашали Италію страной мертвыхъ. «Если Италія—царство мертвыхъ», писалъ Джусти Ламартину, «то почему же Австрія держитъ у насъ сто тысячъ солдатъ? Вѣдь мертвые не встаютъ».

И вдругъ, Италія освободилась отъ иноземнаго ига, Италія объединилась, Италія явилась великой державой! Какъ это могло случиться? Правда, мы жили съ этимъ явленіемъ и оно уже не удивляетъ насъ. Но если перенестись мыслію назадъ за четверть вѣка, если справиться, какъ смотрѣли на вѣроятность возрожденія Италіи даже тѣ самые итальянскіе патріоты, которые хотѣли вѣрить въ его неминуемость, то совершившееся все-таки представляется чѣмъ-то въ родѣ чуда. Въ первомъ томѣ записокъ, оставленныхъ французомъ Мишлѣ, приведена замѣтка, написанная имъ въ 1854 году въ Италіи, на которую можно сослаться адѣсь какъ на любопытное свидѣтельство о впечатлѣніи, вынесенномъ имъ изъ разговора съ нѣсколькими итальянскими патріотами, происходившаго въ тотъ самый день, когда составлена эта замѣтка. Изъ нея видно, что Мишлѣ приходилось еще спорить, что Италія должна быть единой, спорить съ такими людьми, какъ Манчини, Макки, Сперони. Несмотря на опытъ 1849 года, они еще только мечтали о союзѣ итальянскихъ государей; несмотря на казни патріотовъ, послѣдовавшія въ Римѣ, какъ и въ другихъ столицахъ Италіи за возстаніемъ, они еще вѣрили въ возможность освобожденія Италіи посредствомъ союза ея государей, подъ главенствомъ папы. О помощи извнѣ, то-есть о помощи Франціи они не хотѣли и слышать, полагая, что Франція, изгнавъ австрійцевъ, непременно возьметъ себѣ весь сѣверъ. Эта замѣтка, писанная такъ-сказать по горячимъ слѣдамъ разговора съ итальянскими патріотами, показываетъ, что еще въ 1854 году, то-есть за годъ до того момента, когда Кавуръ, принявъ участіе въ восточной войнѣ, заложилъ основу международной постановки итальянскаго вопроса, сами патріоты еще не предвидѣли практическаго пути къ освобожденію Италіи, какъ страстно они его ни желали. Они сомнѣвались въ силѣ одного Пьемонта, они не довѣряли Франціи и—хуже всего—они не вѣрили въ согласіе

самихъ итальянцевъ между собою. Неудача Карла-Альберта, республиканское противодействие, какое ему оказывалъ Мадзини, сила муниципальнаго духа и вмѣстѣ разрозненность, взаимная зависть большихъ городовъ — все это, казалось, исключало возможность успѣшнаго дѣйствія сардинскаго правительства въ согласіи со свободнымъ народнымъ починомъ.

А между тѣмъ, именно оно-то и оказалось возможнымъ. Французы разбили австрійцевъ на поляхъ Ломбардіи — вотъ все, что сдѣлали они. Это было очень много, конечно. Они сдѣлали то, чего сама Италия не могла бы сдѣлать, какъ то было доказано неудачей мысли Карла-Альберта, что *l'Italia farà da se*. Но такъ точно, впоследствии, пруссаки своими побѣдами въ Богеміи, а затѣмъ на французской территоріи, изгнали австрійцевъ изъ Венеціи и самихъ французовъ изъ Рима. Объединеніе же Италиі было дѣломъ самихъ итальянцевъ, причемъ сардинское правительство хотя и воспользовалось народнымъ починомъ, но шло именно позади его, иногда его сдерживало, а въ одномъ случаѣ даже прямо ему противодействовало, сознавъ его несвоевременность (попытка Гарibaldi въ 1862 г. и сраженіе при Аспромонте).

На дѣлѣ ни недоувѣрія, ни взаимной зависти вовсе не оказалось; общество, народъ оказались зрѣлѣе, чѣмъ сами себя считали. Мало того: въ странѣ, которая подъ игомъ рабства считалась погребенною, въ этомъ «царствѣ мертвыхъ», общество оказалось способнымъ къ исполненію либеральнѣйшей изъ всѣхъ конституцій континента. Этого опять никто въ Европѣ не ожидалъ. Заключивъ виллафранкскій миръ, который оставлялъ освобожденіе Италиі недоузданнымъ, Наполеонъ III сказалъ Виктору-Эммануилу: «посмотримъ теперь, что итальянцы сдѣлаютъ сами». Итальянцы отвѣтили на это сдѣлавъ то, чего Наполеонъ вовсе не имѣлъ въ виду: онъ хотѣлъ дать Пьемонтъ Ломбардію, — а они объединили всю Италию. Самъ Гизо, почти наканунѣ своего паденія и паденія іюльской монархіи, 11 февраля 1848 года, сказалъ во французской палатѣ депутатовъ о конституціи, которую восстаніе въ Неаполѣ требовало у короля Фердинанда II: «потребуется еще десять лѣтъ, двадцать лѣтъ прежде, чѣмъ народы Италиі могутъ имѣть конституцію». Правда, конституція короля Фердинанда оказалась ложью, но не по волѣ народа. Гораздо раньше, чѣмъ черезъ двадцать лѣтъ, этотъ народъ упрочилъ за собою конституцію даже болѣе либеральную, чѣмъ та, которую самъ Гизо погубилъ во Франціи, и несравненно болѣе широкую, чѣмъ та, какая еще двадцать-два года послѣ 1848 года существовала на родинѣ Гизо.

Вотъ этотъ-то, если можно такъ выразиться, — величайшій сюрпризъ всей новѣйшей исторіи, представленный счастливымъ стеченіемъ обстоятельствъ, совокупностью замѣчательныхъ людей, и неожиданнымъ умѣньемъ, тактомъ и энергіею народа, считавшагося погребеннымъ, и до сихъ поръ продолжаетъ вызывать изученіе. Въ прошломъ году смерть двухъ виднѣйшихъ дѣятелей эпохи, заключившейся полнымъ объединеніемъ Италіи, дала новый толчокъ изысканіямъ о времени еще недавнемъ. Одновременно сошли со сцены и Викторъ-Эммануилъ и Пій IX, и европейская печать вспомнила, что новый строй, создавшійся вокругъ нихъ, тотъ строй, къ которому она успѣла привыкнуть, представлялся всего лѣтъ двадцать-пять назадъ совершенной невозможностью, какою онъ считался и многіе вѣка передъ тѣмъ. Послѣ кончины основателя итальянскаго королевства, писатели, перенесая мысль къ началу его царствованія, къ окружавшему его разочарованію и казавшейся полной безысходности, какъ-бы спросили себя: не сонъ-ли это?

Взявъ для обозрѣнія двѣ новыя книги, въ которыхъ выступаютъ личности короля Виктора-Эммануила II и папы Пія IX, мы не намѣрены представлять связнаго разсказа фактовъ той революціи и тѣхъ войнъ, которыя создали освобожденіе и единство Италіи. Эти факты слишкомъ извѣстны. Намъ интересуется болѣе характеристика, чѣмъ хроника, и мы хотимъ только подмѣтить нѣсколько сравнительныхъ чертъ, личныхъ штриховъ и фактовъ менѣе извѣстныхъ, которые могутъ представлять интересъ для современнаго читателя.

II.

Здѣсь прежде всего представляется одно сравненіе. Вѣдь въ наше время совершилось и другое объединеніе, не менѣе важное въ смыслѣ практической политики, чѣмъ объединеніе Италіи. На нашихъ глазахъ создалась германская имперія. И дѣйствительно, въ образованіи этихъ двухъ національныхъ единствъ есть черты сходства. Оба они создались, главнымъ образомъ, во имя отпора внѣшнему врагу. Оба они торжествовали надъ Австріей, оба руководившія ими правительства вступали въ борьбу съ папскою властью. Наконецъ, хотя унитарная мысль находила въ Германіи раньше, чѣмъ въ Италіи, многочисленныхъ приверженцевъ, но нѣтъ сомнѣнія, что для массы германскаго народа, да и для самого прусскаго правительства примѣръ Италіи, примѣръ

Пьемонта послужилъ сильнымъ толчкомъ для созданія единства Германіи. Оба факта однородны; но и осуществились они несомнѣнно одинаково, и цѣль ихъ различная. Уже самый приступъ къ дѣлу былъ различенъ и даже взаимно-противоположенъ въ обѣихъ странахъ. Сардинскіе короли, начиная дѣло, прежде всего обратились за содѣйствіемъ къ принципу политической свободы. Карлъ-Альбертъ собственнымъ починомъ далъ статутъ 1848 года, а Викторъ-Эммануилъ крѣпко держался его, и въ этомъ смыслѣ можно сказать, что первую основу для освобожденія Италіи утвердилъ именно онъ, — онъ лично. Послѣ пораженія сардинскихъ войскъ при Новарѣ, австрійскій фельдмаршалъ Радецкій, предписавъ молодому королю условія мира, предложилъ затѣмъ значительно смягчить ихъ — въ случаѣ, если бы король согласился отмѣнить конституцію и отказаться отъ трехцвѣтнаго національнаго знамени. Старые друзья его отца, пьемонтскіе аристократы, совѣтовали ему уступить; мать и жена его, обѣ австрійскія эрцгерцогини, умоляли его пожертвовать для реальныхъ выгодъ тѣмъ клочкомъ бумаги, о которомъ курфюрстъ гессенскій выражался такъ: *«ich will zwischen dem lieben Gott und mir kein Stück Papier»*. Примѣръ всѣхъ прочихъ государей Италіи, которые при приближеніи австрійцевъ уже отмѣнили или спѣшили отмѣнить вынужденныя у нихъ вольности, былъ на лицо. Но этотъ молодой человѣкъ, будущій король всей Италіи, не уступилъ этимъ совѣтамъ и просьбамъ, не поддался этимъ примѣрамъ. Онъ согласился на всѣ требованія Радецкаго, но сохранилъ статутъ, — сохранилъ ту политическую свободу, какою въ то время не было нигдѣ на континентѣ Европы, за исключеніемъ развѣ Бельгіи, Нидерландовъ и Скандинавіи. Не говоря уже о личной честности, которая и заслужила Виктору-Эммануилу въ устахъ народа лучшее изъ всѣхъ прозвищъ, нельзя не признать, что недаромъ же и Радецкій торговался изъ-за отмѣны пьемонтскаго статута, а Викторъ-Эммануилъ справедливо видѣлъ въ немъ главную силу своего маленькаго государства. Свобода въ Сардиніи должна была притянуть къ ней всю Италію.

И въ Пруссіи, во всей Германіи, были люди, которые разсуждали сходно. Такова была программа Nationalverein'a — объединеніе Германіи либеральною Пруссіей; этого добивались либеральныя партіи въ самой прусской палатѣ представителей — расширенія политической свободы въ тогдашней монархіи Гогенцоллерновъ, установленія дѣйствительно парламентскаго правленія — для привлеченія къ Пруссіи всей Германіи. Но не такъ раз-

суждали тѣ люди, которые явились руководителями ея объединения.

Если предположить, что король Вильгельмъ прусскій при вступленіи на престолъ уже имѣлъ намѣреніе дѣйствовать въ смыслѣ объединения, то слѣдуетъ признать, что путь въ этому въ дѣлахъ внутреннихъ представлялся лично ему совсѣмъ иной, чѣмъ королю сардинскому. При самомъ своемъ коронованіи онъ считъ нужнымъ торжественно напомнить націи, что его призваніе дано ему свыше, а не указаніемъ народа, и заявленіе въ этомъ смыслѣ въ свое время произвело между либералами переполохъ. Уже по этому началу видно, что король — вполнѣ императоръ — расходился съ ними въ самомъ основномъ пунктѣ и признавалъ вѣрнѣйшимъ средствомъ для достиженія національной цѣли не расширеніе политическихъ правъ прусскаго народа, но укрѣпленіе королевской власти. Дѣйствительно, вскорѣ затѣмъ послѣдовалъ конфликтъ королевской власти съ народными представителями, — конфликтъ, при которомъ министры, въ самыхъ ясныхъ и нѣсколько разъ повторенныхъ выраженіяхъ, напоминали, что въ Пруссіи существуетъ *königliches Regiment*, а не *parlamentarisches System*. Правительство воспользовалось тѣми искаженіями, какія еще Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV-мъ были самовольно сдѣланы въ конституціи, одобренной парламентомъ, и, объявляя, что въ этой конституціи есть пробѣлы, управляло совершенно по своему усмотрѣнію: производило преобразование арміи на основаніяхъ несогласныхъ съ требованіями второй палаты, нѣсколько разъ распускало ее, и, несмотря на ясную волю страны, выражавшуюся въ повторительномъ, неоднократномъ избраніи прежнихъ депутатовъ, дѣйствовало по-своему, — не обращало вниманія на выражаемое министрамъ недовѣріе, обходилось нѣсколько лѣтъ безъ утвержденнаго народными депутатами бюджета и собирало подати безъ ихъ согласія.

Открывая сессію 1859 года, въ то время, когда уже предвидѣлась новая война съ Австріею, король сардинскій говорилъ: «Пьемонтъ — малъ по своей территоріи, но онъ великъ тѣми сочувствіями, какія внушаетъ, и тѣми идеями, которыя имъ представляются». Пруссскій министръ-президентъ Бисмаркъ, продолжавшій конфликтъ съ палатой въ тотъ моментъ, когда готовился къ первому шагу на пути къ объединенію, говорилъ депутатамъ: «не парламентскими рѣчами и не рѣшеніями большинства совидается могущество государствъ, но желѣзомъ и кровью».

Такое коренное различіе въ приемахъ обоихъ правительствъ

сопровождалось не меньшимъ различіемъ и въ отношеніи обоихъ народовъ къ созданію единства. Достаточно напомнить, что война съ Австріею, повлекшая за собой присоединеніе къ Пруссіи Ганновера, Гессенъ-Касселя, Нассау, вольныхъ городовъ, и основаніе сѣверогерманскаго союза, была предпринята вопреки желаніямъ либеральнаго большинства сейма въ самой Пруссіи. Что на помощь прусскому правительству не явилось волонтеровъ, что никакой нѣмецкій Гарибальди не раздѣлилъ съ Бисмаркомъ славы объединенія, это зависѣло, положимъ, отъ презрѣнія прусскаго милитаризма къ такимъ солдатамъ, которые не бывали на плацпарадахъ. Но что присоединяемыя нѣмецкія земли вовсе не приняли пруссаковъ въ свои объятія при самомъ ихъ появленіи, что баварскія и ганноверскія войска бились противъ нихъ со всей энергіею мѣстнаго патріотизма, что большинство населенія, особенно въ вольныхъ городахъ, вовсе не желало присоединенія къ Пруссіи, что на Франкфуртъ-на-Майнѣ объединители, осуществившіе національную идею, наложили контрибуцію въ 25 милл. талеровъ, какъ на враждебный завоеванный городъ— все это представляетъ уже черту весьма характерную. Она рѣзко отличаетъ отношеніе германскаго народа къ совершенію единства отъ того участія, какое въ томъ же дѣлѣ принялъ въ Италіи самъ народъ.

Здѣсь, еще при приближеніи войны 1859 года, на помощь сардинскому королю стеклись волонтеры, и изъ нихъ составилъ значительный отрядъ Гарибальди, на долю котораго и выпалъ одинъ изъ первыхъ успѣховъ похода противъ австрійцевъ (при Варезе). Когда заключенный въ Виллафранкѣ миръ предположилъ возвращеніе бѣжавшимъ государямъ средней Италіи ихъ владѣній, то само населеніе Тосканы, Модены, Пармы, въ которыхъ не было сардинскихъ войскъ, воспротивилось этому; народныя собранія этихъ провинцій провозгласили королемъ Виктора-Эммануила. Въ Моденѣ, Фарини объявилъ, что «Италія не ставитъ своей скрѣпы на виллафранкскомъ мирѣ». Риказоли въ Тосканѣ, Фарини въ Моденѣ и Пармѣ, Чиприани въ Болоньѣ заключили особую военную лигу этихъ областей и Гарибальди принялъ начальство надъ войскомъ этой лиги. Для этого ему пришлось выйти изъ сардинской службы, гдѣ онъ числился генералъ-маіоромъ. Провинціи лиги послали депутаціи свои въ Туринъ, но самъ король Викторъ-Эммануилъ могъ только обѣщать имъ, что будетъ «ходатайствовать предъ державами». Что касается Наполеона III, въ рукахъ котораго, казалось, должна была находиться въ то время судьба Италіи, то онъ не хотѣлъ

допускать ничего подобного. Еще во время войны онъ послать въ Тоскану принца Наполеона, какъ-бы разсчитывая на возможность устроить тамъ отдѣльный престолъ для двоюроднаго брата. Когда же области средней Италіи не хотѣли принимать своихъ прежнихъ владѣтелей и рѣшили избраніе Виктора-Эммануила, то въ официальномъ «*Moniteur français*» явилось сообщеніе, которое напоминало, что возстановленіе государей средней Италіи есть одно изъ основныхъ условій виллафранческаго мира; что измѣнить этихъ условій нельзя иначе, какъ новой войною. «Но пусть Италія» — гласили заключительныя, памятные слова сообщенія — «не впадаетъ въ ошибку: во всей Европѣ только одна держава способна вести войну изъ-за идеи; а Франція уже исполнила свою задачу». Переговоры въ Цюрихѣ продолжались на основаніи прелиминарныхъ условій, заключенныхъ въ Виллафранкѣ, и въ видѣ программы окончательнаго устройства Италіи, Наполеонъ III предлагалъ федерацію ея государствъ, — федерацію, въ которой участвовала бы и Австрія, какъ обладательница Венеціи! Присоединить къ Пьемонту онъ соглашался только Парму и Пизченцу.

Мы не разсказываемъ всего хода событій; намъ нужно только указать черту энергической самостоятельности итальянскаго народа для объединенія. Извѣстно, что Наполеонъ согласился на присоединеніе средней Италіи только цѣною уступки ему Ниццы и Савойи. Но пока продолжались переговоры, одно являлось несомнѣннымъ фактомъ, а именно, что само населеніе средней Италіи не допуститъ исполненія виллафранческаго мира, что реставрація прежнихъ государей невозможна. Гарибальди приказомъ по своему войску возвѣстилъ о вѣроятности скорой борьбы. Тогда изъ всѣхъ концовъ Италіи, не только изъ центра ея, но и изъ Венеціи, и изъ Неаполя, стали стекаться къ нему новыя волонтеры. Открылъ свои дѣйствія комитетъ dell'unità; открыта была повсюду подписка на приобрѣтеніе милліона ружей. Гарибальди въ другомъ воззваніи обращался уже и къ неаполитанцамъ, приглашая ихъ свергнуть Франциска II, наслѣдовавшаго Фердинанду: «Братья, мы дрались съ австрійцами, этими наглými притѣснителями Италіи, и вась съ нами не было. Побѣдныя клики раздавались на всѣхъ нарѣчіяхъ языка, кромѣ на вашемъ; а между тѣмъ и ваши сердца сильно бьются за дѣло страны».

Личное вмѣшательство Виктора-Эммануила потребовалось, чтобъ сдержать тогда же, въ ноябрѣ 1859 г., возстаніе, которое могло возобновить войну съ Австріею. По слову Виктора-Эммануила, Гарибальди отказался отъ похода въ Неаполь и сло-

жилъ съ себя командованіе, но, удаляясь на Капреру, приглашалъ своихъ товарищей оставаться вѣрными дѣлу объединенія подѣ знаменемъ Виктора-Эммануила. Отдѣльныя правительства Пармы, Болоньи и Модены соединились въ одно и союзъ средней Италіи принялъ имя Эмилиі. Преемникомъ Гарибальди былъ генералъ Фанти; у него уже было войско въ 30,000 человекъ, порядочно обученныхъ.

Когда уладилось дѣло о передачѣ Наполеону Ниццы и Савойи, тогда и произошло, наконецъ, соединеніе средней Италіи съ Пьемонтомъ. Но и окончательно произошло оно не въ видѣ занятія съ бою, съ наложеніемъ контрибуціи, какъ было въ Германіи, а въ видѣ народныхъ плебисцитовъ (въ мартѣ 1860 г.), въ отсутствіи сардинскихъ войскъ. И каковы были результаты этихъ плебисцитовъ: въ Тосканѣ за присоединеніе 360,775 голосовъ, противъ—14,925. Въ прочихъ областяхъ 426,006 за и 756 противъ! Только послѣ плебисцитовъ, Викторъ-Эммануилъ двинулъ свои войска въ присоединившіяся области.

Картина выходитъ совсѣмъ иная, чѣмъ та, какая представляется объединеніемъ Германіи. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что итальянскій народъ сильнѣе и единодушнѣе желалъ въ 1859 и 1860 годахъ объединенія, чѣмъ народъ германскій—въ 1866 и даже въ 1870 годахъ. Единодушіе это явилось именно сюрпризомъ для самихъ итальянцевъ. Существовавшія опасенія насчетъ взаимной зависти большихъ городовъ оказались напрасными. Хотя зависть эта существовала, да и теперь еще существуетъ, но въ моментъ великаго народнаго порыва она оказалась ничтожною, въ сравненіи съ общей ненавистью къ иноземному игу, съ общимъ влеченіемъ къ тѣмъ свободнымъ учрежденіямъ, которыя представлялись Пьемонтомъ и были уже неразлучны съ властью Виктора-Эммануила.

Еще рельефнѣе, чѣмъ въ объединеніи средней Италіи, выразился народный починъ въ объединеніи Италіи южной. Восстаніе въ Сициліи привлекло къ себѣ на помощь Гарибальди. Въ маѣ 1860 г., онъ съ 1,200 волонтеровъ, собранныхъ въ Генуѣ, и четырьмя пушками, отправляется на двухъ купеческихъ корабляхъ къ сицилійскому берегу, въ то время, какъ дѣйствительно волонтеровъ, собранныхъ въ Тосканѣ, подѣ начальствомъ Никотеры и Піанчани угрожали Риму. Высадившись въ Марсаль, Гарибальди разбиваетъ при Калатафими неаполитанскаго генерала Ланди; отрядъ его растетъ по часамъ и къ Палермо онъ подходитъ уже съ 10 т. чел. Какъ только ему удалось взять первую баррикаду въ Палермо, жители бросились въ ряды

неаполитанскихъ солдатъ, съ просьбами и угрозами. Произошло такое замѣшательство, что Гарибальди вдругъ появился уже въ ратушѣ. Когда же неаполитанскій генералъ Ланца заперся въ нѣсколькихъ зданіяхъ и сталъ бомбардировать городъ, то на пожаръ приспѣло населеніе ближайшихъ деревень и начался штурмъ занятыхъ неаполитанскими солдатами зданій. Скоро сообщенія между ними были прерваны и Ланца заключилъ капитуляцію. Все это совершилось въ двѣ недѣли.

Затѣмъ, въ половинѣ іюля, Гарибальди отплылъ къ Мессинѣ, уже осажденной ранѣе его сподвижниками, Козенцомъ и Медичи. Въ своей прокламаціи онъ впередъ объявилъ, что вступить въ Мессину такого-то числа — и вступилъ этого числа. Теперь у него было уже 20 т. чел., онъ имѣлъ даже импровизированную кавалерію. Но чтó значили эти силы противъ 80 тысячъ регулярныхъ войскъ, остававшихся у короля Франциска II? Мало того: французское правительство сильно настаивало въ Туринѣ противъ всякаго поощренія предпріятію Гарибальди. Король Викторъ-Эммануилъ писалъ ему 25 іюля: «вамъ извѣстно, любезный генералъ, что я не одобрялъ вашего отъѣзда въ Сицилію. Теперь же, для прекращенія войны итальянцевъ съ итальянцами, я вамъ совѣтую отказаться отъ перехода на твердую землю неаполитанскихъ владѣній, если только неаполитанскій король согласится предоставить свободу сицилійцамъ». На это Гарибальди 27 іюля отвѣчалъ: «государь, сожалѣю, что не могу послушаться васъ, какъ бы желалъ. Настоящее положеніе Италіи не позволяетъ мнѣ колебаться: меня зоветъ народъ. Я не исполнилъ бы своего долга и погубилъ бы итальянское дѣло, если бы не повиновался его голосу. Когда я свергну нго, тогда положу шпагу къ ногамъ вашего величества и буду повиноваться вамъ во всю остальную мою жизнь».

Понятно, что самъ Кавуръ тайнѣ благопріятствовалъ предпріятію Гарибальди. Это подозрѣвалось и въ то время. Но теперь обнародованы документы, которые уже не оставляютъ никакого сомнѣнія по этому предмету. Такъ, на другой же день послѣ приведеннаго отвѣта Гарибальди, Кавуръ писалъ сардинскому адмиралу Персано, который стоялъ съ эскадрой вблизи сицилійскаго берега: «я радуюсь побѣдамъ итальянскаго оружія. Передайте Гарибальди отъ меня пожеланія успѣха. Не вижу, какимъ образомъ могли бы теперь помѣшать его переходу на твердую землю. Предпріятіе не должно оставаться на полъ-дорогѣ. Национальное знамя, поднятое въ Сициліи, должно развѣваться по всему королевству и вдоль берега Адриатики, и даже и на самой

владычицъ этого моря (Венеціи)». Итакъ, тайныя внушенія Кавура прямо противорѣчили его официальнымъ увѣреніямъ; онъ игралъ въ двойную игру, обманывалъ Европу. Но дѣло въ томъ, что вель-то игру въ Сициліи и Неаполѣ не онъ. Эти волонтеры, этотъ Гарибальди, это мѣстное возстаніе, эти жители, нападающіе съади на неаполитанскія войска, наконецъ — нерѣзительность и деморализація, проявившіяся въ неаполитанской арміи въ виду общаго сочувствія народа къ возстанію, все это — такое оружіе, которымъ сардинское правительство, положимъ, могло воспользо-ваться, но которое не имъ было создано. Это — проявленія нрав-ственного состоянія народа, — факторы, въ которыхъ несомнѣнно выразился его собственный починъ. Принудить людей къ воз-станію нельзя, и разъ оно началось, управлять имъ не легко и не всегда возможно. При высадѣ Гарибальди въ Сициліи и за-тѣмъ его высадѣ на другой берегъ, пособіе, оказанное народ-ному самодѣйствію сардинскимъ правительствомъ, фактически огра-ничивалось тѣмъ, что оно не помѣшало предпріятію Гарибальди. Сардинскій флотъ могъ перехватить его суда, но не сдѣлалъ этого. А секретныя внушенія или сочувствія Кавура могли только обнадеживать народнаго вождя, но дѣлать дѣло онъ долженъ былъ все-таки самъ, опираясь на народный энтузіазмъ.

Въ половинѣ августа, Гарибальди высадился на неаполитан-скомъ континентѣ, близъ Реджо, и при Монталеонѣ разбилъ неа-политанскихъ генераловъ Боско, Віале, Бриганти. Въ самомъ Неаполѣ господствовало полное смятеніе и революціонныя воз-званія распространялись почти безпрепятственно.

И теперь Гарибальди за нѣсколько дней объявилъ прика-зомъ, что вступить въ Неаполь 7-го сентября. И вотъ, въ на-значенный день, онъ сѣлъ въ коляску съ начальникомъ штаба и адъютантами, и преспокойно въѣхалъ въ Неаполь, гдѣ еще стояли неаполитанскія войска. Населеніе приняло его со всѣми заявленіями восторга, свойственными южному темпераменту. Пе-редъ королевскимъ дворцомъ, Гарибальди вошелъ въ одинъ домъ и, выйдя на балконъ, снялъ шляпу передъ народомъ. Онъ ска-залъ: «Неаполитанцы, мнѣ отрадно было вступить въ прекрас-нѣйшій изъ городовъ Италіи. Ваша свобода обрадуетъ всѣхъ итальянцевъ и для всего человѣчества будетъ утѣхой. Я явился къ вамъ одинъ; явился не для того, чтобы завоевать васъ, но чтобы протянуть вамъ руку. Теперь мы соединены и можемъ пренебречь всѣмъ, чтобы исполнить нашу задачу. Мы ничего ни у кого не просимъ, мы только хотимъ нашей Италіи — и Ита-лія будетъ!»

Что Гарибальди не былъ только орудіемъ сардинскаго правительства и что управлять народнымъ возстаніемъ посредствомъ дипломатическихъ внушеній трудно — это доказывалось дальнѣйшими событіями. Сдѣлавъ свое дѣло на югѣ (неаполитанскій король укрылся съ 12 тыс. солдатъ въ крѣпость Гаэту), Гарибальди открыто заявилъ намѣреніе идти въ папскія владѣнія и на самый Римъ. Когда въ Сициліи хотѣли голосовать немедленное присоединеніе въ королевству Виктора-Эммануила, Гарибальди выступилъ съ слѣдующимъ воззваніемъ: «Народъ палермскій! Скажи тѣмъ трусамъ, которые прятались въ то время, когда ты дрался на баррикадахъ, что мы провозгласимъ присоединеніе въ королевству короля-честнаго человѣка, но провозгласимъ это присоединеніе съ вершины Квиринала, когда Италія увидитъ собранными всѣхъ своихъ дѣтей». Съ правительствомъ Виктора-Эммануила, которое внушало осторожность, онъ ссорился; онъ даже написалъ королю письмо, въ которомъ требовалъ, чтобы тотъ оставилъ своихъ министровъ. Между тѣмъ, сверхъ французскаго отряда въ Римѣ, папа имѣлъ 12 т. собственнаго войска подъ начальствомъ генерала Ламорисьера. Теперь наступилъ моментъ, когда сардинское правительство должно было рѣшиться на серьезный шагъ. Въ Урбинѣ и Монтефельтро уже произошли возстанія. Должно было случиться одно изъ двухъ: или революціонныя силы разсылали бы войско Ламорисьера и овладѣли Римомъ; тогда въ Римѣ могла быть провозглашена республика; вообще при дальнѣйшемъ дѣйствіи однихъ силъ народныхъ, спрашивалось еще, чѣмъ революція увѣнчала бы зданіе единства, созданнаго ею одной? Если же Ламорисьеръ разбилъ бы повстанцевъ, въ такомъ случаѣ революція объявила бы преступнымъ нейтралитетъ Пьемонта. Поэтому сардинское правительство воспользовалось новой вспышкой, случившейся въ Фоссомброне и подавленной Ламорисьеромъ. Пьемонтская армія подъ начальствомъ Чальдини вступила въ Урбино, въ то время, когда въ другомъ пунктѣ папскую границу переходилъ генералъ Фанти. Ламорисьеръ былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ.

Въ настоящее время довольно странно вспомнить, что противъ такого нарушенія свѣтской власти папы протестовали не только Франція, но и Пруссія и Россія. Прусское правительство прислало прямо ноту въ Туринъ, а князь Горчаковъ жаловался на Пьемонтъ императору Наполеону. Единственной заслугой Наполеона III въ исторіи и останется освобожденіе Италіи отъ иноземнаго ига. Если вспомнить, что военныя приготовленія Пруссіи въ 1859 году способствовали въ скорѣйшему прекра-

щенію войны, предпринятой имъ за Италію, то представляется вовсе не невѣроятнымъ предположеніе, что не будь его, Пруссія вмѣстѣ съ Австріею не допустили бы занятія пьемонтцами папскихъ владѣній. Но Наполеонъ III до несчастной мексиканской экспедиціи не былъ похожъ на того нерѣшительнаго, путающагося въ собственныхъ своихъ комбинаціяхъ человѣка, какимъ онъ сдѣлался впоследствии. Французскій министръ отвѣчалъ князю Горчакову, что необходимо безусловно держаться принципа невмѣшательства; что поводомъ для вѣннской войны могло бы послужить только нападеніе Пьемонта на Венеціанскую область и, что даже въ этомъ случаѣ Франція осталась бы нейтральной только подъ условіемъ, чтобы Германія не принимала участія въ этой войнѣ. Но чтобы удостовѣрить передъ державами (въ томъ числѣ и передъ Россіей) свое искреннее намѣреніе защищать папу въ Римѣ, Наполеонъ усилилъ составъ находившагося тамъ французскаго корпуса.

Это былъ моментъ, когда графъ Кавуръ и король Викторъ-Эммануилъ рѣшились завершить дѣло революціи, не дозволивъ ей отклониться куда-нибудь въ сторону отъ первоначальной мысли объединенія Италіи подъ властью сардинскаго короля. То, что было сдѣлано въ Мархіяхъ, слѣдовало сдѣлать и на югѣ, и самъ Гарибальди, мимо воли, далъ къ тому поводъ. Онъ былъ возбужденъ неожиданнымъ вмѣшательствомъ Кавура въ Мархіяхъ, придавая движенію сардинскихъ войскъ смыслъ недовѣрія Кавура къ итальянской революціи и лично къ нему, Гарибальди; такъ это въ дѣйствительности и было. Поэтому онъ рѣшился сдѣлать то, чего сардинцы не смѣли довершить: взять Римъ съ бою. Гарибальди откровенно высказалъ свое намѣреніе лорду Эллиоту, посѣтивъ его на англійскомъ кораблѣ. — «Вы разсчитали-ли», спросилъ его адмиралъ — «каковы будутъ послѣдствія вашего столкновенія съ французами?» — «Римъ — городъ итальянскій», отвѣчалъ Гарибальди. «Я не боюсь Франціи, ничто меня не удержитъ; единство Италіи должно свершиться».

Началомъ движенія его на Римъ должно было служить нападеніе на отрядъ неаполитанскихъ войскъ, стоявшій на берегу Гаэтскаго залива. Первая атака ему удалась и онъ овладѣлъ пунктомъ, который господствовалъ надъ позиціями неаполитанцевъ. Но черезъ три дня самъ Францискъ II сдѣлалъ вылазку изъ Гаэты и снова отнялъ этотъ пунктъ, а въ Неаполѣ распространились слухи, что Гарибальди, слышій въ воображеніи народа непобѣдимымъ, потерпѣлъ пораженіе. Это происходило 23 сентября 1860 г. Въ этотъ моментъ смѣлый шагъ сардин-

скаго правительства могъ достигнуть нѣсколькихъ цѣлей: оказать военную помощь Гарибальди, вырвать его изъ рукъ Мадзини, Саффи и другихъ республиканскихъ совѣтниковъ, отвратить безумную его попытку на Римъ и вмѣстѣ — присоединить южную Италію къ свободной Италіи Виктора-Эммануила.

Кавуръ обладалъ тѣми практическими свойствами, которыми славится и Бисмаркъ, его «подражатель», какъ говорилось нѣкогда. Вѣрный взглядъ и быстрая рука — вотъ ихъ общія свойства. Но средства совсѣмъ несходны. Убѣдивъ короля, что моментъ для рѣшительнаго шага наступилъ, Кавуръ тотчасъ созвалъ парламентъ, и уже 2 октября, то-есть на девятый день послѣ военной неудачи Гарибальди, открыто попросилъ у парламента полномочія — занять области южной и средней Италіи съ тѣмъ, чтобы тамошнія населенія могли выразить свое желаніе присоединиться къ Италіи свободной, управляемой королемъ Викторомъ-Эммануиломъ. Между прочими аргументами, Кавуръ привелъ и необходимость прекратить неопредѣленное, революціонное состояніе Юга. «Мы объявляемъ отъ имени короля, — сказалъ онъ, — что какъ бы ни выпало рѣшеніе народа (въ южной Италіи), оно будетъ свято исполнено. Но если допустить неопредѣленное продолженіе революціонной стадіи въ Неаполѣ и Палермо, то власть и командованіе въ скоромъ времени могутъ перейти изъ рукъ того, кто начерталъ на своемъ знамени *Италія и Викторъ-Эммануилъ* (Гарибальди), въ руки такихъ людей, которые замѣняютъ эту практическую формулу — темнымъ и мистическимъ символомъ секты: *Богъ и народъ* (Мадзини)».

Полномочіе на совершеніе этого дѣла Кавуръ просилъ въ видѣ выраженія правительству парламентомъ полного довѣрія. Въ докладѣ комиссіи по этому предмету и въ рѣчахъ Кавура выражалось всякое уваженіе и удивленіе къ «герою», «знаменитому патріоту», освободившему Югъ и т. п. При этомъ же случаѣ, Кавуръ открыто заявилъ, что столицею Италіи долженъ сдѣлаться Римъ, но оставилъ нерѣшеннымъ вопросы: «какъ» и «когда». Онъ заключилъ вторую свою рѣчь объявленіемъ, что «самъ готовъ идти навстрѣчу къ Гарибальди, протянетъ ему руку, призывая его къ согласію, во имя парламента и Италіи». Парламентъ большинствомъ 290 голосовъ противъ 6 выразилъ министерству полное довѣріе.

Такимъ умнымъ и чисто-конституціоннымъ образомъ рѣшенъ былъ вопросъ между сардинскимъ правительствомъ и Гарибальди. Въ глазахъ всей Италіи, какъ соединенной, такъ еще и не принадлежавшей къ монархіи Виктора-Эммануила, собраніе пред-

ставителей Пьемонта, Ломбардіи, Тосканы и Эмилиі было законнымъ органомъ желаній всего итальянскаго народа. Послѣ рѣшенія парламента, Гарибальди, если бы и хотѣлъ, не могъ бы противиться. Партикуляризмъ, который въ Неаполѣ сталъ-было выражаться то республиканскими заявленіями, то предложеніемъ короны самому Гарибальди (ему представлялись двѣ депутаціи, выразившія такое желаніе), былъ вырванъ съ корнемъ именно «рѣшеніемъ парламентскаго большинства»; между тѣмъ Бисмаркъ, года три спустя, приступая къ первому шагу объединенія Германіи, утверждалъ именно, что не «рѣшенія парламентскаго большинства создаютъ могущество государствъ».

Вотъ гдѣ основное различіе между объединеніемъ Италіи и Германіи. Различное по самому своему происхожденію, то и другое впоследствии и получило различный характеръ.

Послѣ постановленія парламента, Гарибальди оставалось только согласовать съ нимъ свои дѣйствія. Онъ рѣшился предложить неаполитанскому народу плебисцитъ. Въ новомъ сраженіи съ войсками Франциска II, попытавшагося прорвать линіи Гарибальди и проникнуть въ Неаполь, диктаторъ былъ поддержанъ двумя полками сардинскихъ берсальеровъ. Это было видимымъ знакомъ примиренія. Гарибальди назначилъ продиктаторомъ маркиза Паллавичино, одного изъ неаполитанскихъ либераловъ, преданнаго Виктору-Эммануилу. Обращаясь къ народу 13-го октября, Гарибальди уже предвѣщалъ прибытіе новаго короля, и въ письмахъ къ нему торопилъ его. «Примемъ, — сказалъ онъ народу, — посланнаго провидѣніемъ; пусть слова: «единая Италія и король — честный человѣкъ», останутся вѣчными символами итальянскаго возрожденія». Народное голосованіе по вопросу о присоединеніи прежняго королевства «Объихъ Сицилій» къ итальянской монархіи происходило 21-го октября. Результатъ былъ слѣдующій: 1.310,266 голосовъ за присоединеніе, 100,000 пустыхъ билетовъ и 10,012 отрицательныхъ.

Викторъ-Эммануилъ и Гарибальди встрѣтились 26-го октября, близъ Теано. Оба выѣхали изъ фронта своихъ войскъ и пожали другъ другу руки. Волонтеры прокричали: «да здравствуетъ Викторъ-Эммануилъ!» А Гарибальди прибавилъ: «король Италіи!»

Въ Неаполѣ король, въ сопровожденіи Гарибальди, принялъ результатъ плебисцита, одновременно произведеннаго въ Умбрин и Мархіяхъ. Въ прокламаціи короля по поводу этихъ событій говорилось: «всенародное голосованіе дало мнѣ верховную власть въ этихъ благородныхъ областяхъ». Гарибальди удался на

Капреру, а 13-го февраля 1861 года сдалась Гаэта, подвергнутая сильной бомбардировкѣ сардинскою артиллеріею. Францискъ II уѣхалъ въ Римъ.

III.

Припомнивъ себѣ эти факты, мы естественно приходимъ къ выводу, что, несмотря на наружное сходство объединенія въ Италиі и Германіи, первое осуществилось приемами въ значительной степени различными отъ тѣхъ, какіе были употреблены для второго. Недавно, передъ закрытіемъ нынѣшней сессіи германскаго сейма, князь Бисмаркъ хвалился, что если конституціонный порядокъ удержался въ самой Пруссіи, несмотря на блестящіе успѣхи ея внѣшней политики, то это зависѣло отъ доброй воли лично его, князя Бисмарка. Онъ сказалъ, что въ 1866 году, послѣ побѣдъ надъ Австріею и ея союзниками, ему бы ничего не стоило восстановить въ Пруссіи абсолютизмъ, и что если онъ этого не сдѣлалъ, то руководствовался только личнымъ убѣжденіемъ. И нельзя не повѣрить германскому канцлеру. Если самыя войны за объединеніе онъ могъ начать съ усиленія конфликта съ парламентомъ, то нельзя сомнѣваться, что, послѣ ряда блестящихъ побѣдъ, онъ могъ и совершенно устранить представительный образъ правленія. Но это только доказываетъ, что, по сознанію самого князя Бисмарка, германскій народъ никакого почина и никакого участія въ дѣлѣ объединенія не имѣлъ. Оно было достигнуто исключительно государственными силами, казенными средствами. Между тѣмъ въ Италиі государственныя силы — «железо» Пьемонта и Франціи и кровь ихъ солдатъ — доставили Виктору-Эммануилу *только одну Ломбардію*. Да и то только при личномъ довѣріи, какое внушалъ этотъ король итальянскимъ либераламъ, и при нахожденіи въ его войскахъ отряда волонтеровъ и Гарибальди — въ Ломбардіи не возникла на этотъ разъ та рознь, какую вызвалъ въ ней Мадзини при Карлѣ-Альбертѣ. Тоскана, Модена и Парма, Сицилія и Неаполь, Умбрія и Мархин были даны Виктору-Эммануилу народнымъ починомъ, народной революціею.

И то сказать: объединеніе для Италиі представлялось дѣломъ первостепенной, жизненной необходимости. Необходимость эта въ Италиі была столь несомнѣнна и велика, что въ сравненіи съ нею стремленіе въ объединенію въ Германіи было, можно сказать, прихотью. Германской національности, которая имѣла среди

пяти великихъ державъ двѣ державы нѣмецкія, главнымъ образомъ, хотѣлось пріобрѣсть такую международную роль, которой она, при раздвоеніи, не могла играть. Вотъ что было въ сущности главное—и это сдѣлано, но больше ничего и не сдѣлано. Правда, при этомъ германскіе либералы понимали единство въ томъ самомъ смыслѣ, какъ оно осуществилось въ Италіи; для Пруссіи они начерчивали программу «нравственныхъ завоеваній»; въ черно-красно-золотомъ знамени они представляли себѣ, кромѣ военнаго могущества единой Германіи, еще и полное торжество либеральныхъ учреждений, побѣду принципа народнаго самоуправленія и въ такихъ обиженныхъ судьбою мѣстностяхъ, каковы были Голштинія съ нѣмецкимъ Шлезвигомъ, Кургессенъ, Ганноверъ и Мекленбургъ. Но собственно эти стремленія осуществлены были объединеніемъ въ весьма слабой степени. Само черно-красно-золотое знамя, какъ извѣстно, осуществилось въ нѣсколько иномъ видѣ. Золотой цвѣтъ, который, можетъ быть, и долженствовалъ изображать собой золотыя мечты о германской свободѣ, былъ замѣненъ болѣе трезвой и скромной бѣлой краской, которою издавна отмѣчались прусскіе шлагбаумы.

Въ Кургессенѣ, дѣйствительно, не стоятъ теперь такъ-названные «карательные баварцы» (Strafbaiern), которые были присланы прежнимъ союзомъ на постой, для рѣшенія между народомъ и курфюрстомъ вопроса о конституціи 1830 года. Но Кургессенъ теперь, какъ и Ганноверъ—прусскія провинціи, и та прусская конституція, какою онѣ пользуются, не многимъ лучше прежней ганноверской, а въ сравненіи съ кургессенскою—менѣе либеральна. Мекленбургъ, по прежнему, конституціоннымъ правленіемъ не пользуется. Конечно, Голштинія и нѣмецкій Шлезвигъ теперь свободны отъ притѣсненій датчанъ. Но за то датскій Шлезвигъ попалъ подъ нѣмецкое притѣсненіе. Да и довольны ли эти «моремъ объятые братья» (Schleswig-Holstein meergumschlungen), объ освобожденіи которыхъ столько глѣлось 30 лѣтъ тому назадъ? Отвѣтъ можно найти въ избирательной статистикѣ, по которой оказывается, что освобожденные прусскимъ «желѣзомъ и кровью» братья стоятъ въ Германіи въ первомъ ряду по числу посылаемыхъ ими въ имперскій сеймъ социалистовъ.

Да, наконецъ, если не соблазняться созвучіемъ словъ, но сравнивать реальныя факты, то что такое были знаменитыя датскія притѣсненія въ Шлезвигъ-Голштиніи, въ сравненіи съ тѣми, отъ которыхъ страдала Италія, и отъ которыхъ она желала избавиться освобожденіемъ и—залогомъ его—единствомъ? Это были такія мелочныя притѣсненія, которыя далеко уступали всему, что

нынѣ практикуется нѣмцами въ Эльзасѣ-Лотарингіи и въ По-
знани: обязательность изученія государственнаго языка въ шко-
лахъ, веденіе административныхъ дѣлъ на этомъ языкѣ, смѣна
учителей, назначеніе въ пасторы и чиновники природныхъ дат-
чанъ, а не нѣмцевъ, какъ прусское правительство издавна на-
значаетъ въ своихъ инородческихъ областяхъ нѣмцевъ, а не ту-
земцевъ.

Всякія притѣсненія, конечно, несправедливы и позволительно
желать освобожденія отъ нихъ. Но могли ли совершавшіяся въ
Шлезвигъ-Голштиніи дѣла изъ-за грамматикъ, и изъ-за мѣстъ,
выдерживать хоть отдаленное сравненіе съ тѣми бѣдствіями, ка-
кія переносила Италия отъ иновемнаго ига и деспотическихъ
правительствъ, имъ поддерживаемыхъ? Нѣтъ! здѣсь десятки, а
иногда сотни людей томились въ крѣпостномъ заключеніи, года
не проходило безъ казней, почти непрерывно лилась кровь,
иногда цѣлыми потоками. Народная литература была подавлена,
школы были подъ надзоромъ шпионовъ, цѣлые города, какъ Ве-
неція, разорялись.

Примѣровъ можно привести сколько угодно. Вся исторія
Италіи съ двадцатыхъ годовъ до ея объединенія есть исторія
секретныхъ обществъ, попытокъ возстаній, народныхъ войнъ за
освобожденіе и ряда казней во всѣхъ большихъ городахъ, не
исключая самого Турина, до царствованія Карла-Альберта. До-
статочно привести одинъ примѣръ: вооруженный народъ въ
Брешіи, получивъ извѣстіе о пораженіи Карла-Альберта при
Новарѣ, въ 1849 году, не хотѣлъ повѣрить и продолжалъ со-
противленіе австрійцамъ. Послѣ двухдневнаго страшнаго боя
сперва на укрѣпленіяхъ, потомъ на улицахъ, въ которомъ
австрійцы лишились 1 генерала, 3 полковниковъ, 38 офицеровъ
и 1,500 солдатъ, триста домовъ въ городѣ были разрушены, и
австрійскій генералъ Гайнау, захвативъ сотню такъ-называемыхъ
«зачинщиковъ», всѣмъ имъ отрубилъ головы. Это ужъ нѣчто
иное, чѣмъ споры между датскими и нѣмецкими учителями.

При вступленіи Виктора-Эммануила на престолъ, въ 1849 г.,
австрійскіе гарнизоны стояли въ Пармѣ, Моденѣ, Болоннѣ, Фло-
ренціи, Ливорнѣ, въ Миланѣ и Венеціи. Въ Римѣ стояли фран-
цузы. Въ Неаполитанскомъ королевствѣ существовалъ безнрав-
ственнѣйшій деспотизмъ; патріоты были въ тюрьмахъ, національ-
ная мысль была убита, всѣмъ правила полиція, и эта полиція
была за-одно съ разбойниками. Что подобнаго было въ Германіи,
при вступленіи на престолъ Вильгельма I?

Да, повторяемъ, если сравнивать не однозвучныя слова:

«освобожденіе», «возрожденіе», «національное единство», но тѣ реальныя факты, которые лежали въ основѣ этихъ стремленій, то и придется признать, что объединеніе Германіи было прихотью, роскошью, вопросомъ національнаго самолюбія, въ сравненіи съ объединеніемъ Италіи, которое было насущной потребностью, вопросомъ о жизни или смерти. Пусть такъ, скажутъ намъ; но оттого-то самъ итальянскій народъ и потрудился болѣе для объединенія, болѣе рисковалъ, болѣе жертвовалъ, чѣмъ народъ германскій. Но вѣдь больше этого мы ничего и не хотимъ доказать; цѣль нашего сравненія вовсе не та, чтобъ прославить доблесть итальянскаго народа насчетъ германскаго; это было бы ребячествомъ. Дѣйствительно, итальянскій народъ болѣе постарался самъ именно потому, что ему объединеніе было безъ всякаго сравненія нужнѣе, чѣмъ нѣмцамъ. Но дѣло въ томъ, что отсюда, въ свою очередь, и истекло огромное различіе въ самыхъ приѣмахъ объединенія, а затѣмъ въ томъ характерѣ, каковой оно получило въ обѣихъ названныхъ странахъ и тѣхъ послѣдствіяхъ, какія оно произвело здѣсь и тамъ. Народный характеръ итальянскаго объединенія обуславливалъ то, что оно совершалось во имя политической свободы и послужило прочнымъ для нея залогомъ. Милитарный характеръ германскаго объединенія сдѣлалъ то, что сумма политической свободы въ Германіи нисколько отъ него не увеличилась. Свободная жизнь, свободное развитіе, дарованное 25-ти-милліонному народу, представителю старѣйшей въ Европѣ цивилизаціи, вѣка томившемуся въ рабствѣ, было безусловнымъ благодѣяніемъ для человѣчества; это дѣло столь же утѣшительно, какъ постепенное освобожденіе балканскихъ народностей отъ ига турецкаго; но въ виду культурнаго значенія Италіи, оно еще цѣннѣе. Основаніе же германской имперіи доселѣ ровно ничего для блага человѣчества не произвело. Если при ней голштинцы и кур-гессенцы менѣе стѣснены, чѣмъ прежде, за то шлезвигскіе датчане, эльзасцы, прусскіе поляки стѣснены болѣе прежняго. Объединеніе же Италіи представляетъ еще ту свѣтлую сторону, что оно ни на кого не наложило новаго ига. Въ германской имперіи прусскій духъ милитаризма охватилъ всѣ подраздѣленія германскаго отечества. И единственныя пути, по которымъ доселѣ сильно развернулась дѣятельность въ этой имперіи, все были пути совершенно безплодные для человѣчества: страшное развитіе спекуляціи и врахъ, исключительныя мѣры противъ духовенства, а потомъ исключительныя мѣры противъ социалистовъ. Но это еще не все. Духъ милитаризма, воплощенный въ могущественнѣйшемъ нынѣ изъ евро-

пейских государств; по отношению въ однихъ странахъ — представлять постоянную опасность насилій въ будущемъ, а по отношенію къ другимъ странамъ — всемиѣнную задержку внутренняго ихъ развитія.

Въ Италіи только объединеніе могло дать свободу національной мысли, такъ какъ оно одно могло отбѣдить рабство. Въ Германіи, наоборотъ, національная мысль была свободнѣе при прежнемъ раздѣленіи. То, что запрещалось въ одномъ изъ ея владѣній, въ другомъ появлялось безпрепятственно. А нинѣ союзный совѣтъ принимаетъ общія мѣры по имперіи относительно печати. Впрочемъ, при всякихъ сравненіяхъ, никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду, что и съ чѣмъ именно сравнивается. Германскіе порядки мы сравниваемъ теперь только съ итальянскими, и они оказываются хуже этихъ послѣднихъ.

IV.

Бросивъ взглядъ на отличительныя черты итальянскаго объединенія, мы должны теперь хоть нѣсколько остановиться и взглянуть на личныя черты перваго короля Италіи. Это нужно потому, что именно личность короля-честнаго человека была весьма существеннымъ факторомъ объединенія. Она привлекала народъ и внушала ему довѣріе; объединеніе совершалось дѣйствительно во имя Виктора-Эммануила. У него былъ умный, пожалуй — гениальный министр Кавуръ. Но Кавуръ былъ популяренъ только въ Пьемонтѣ, да еще въ Римѣ, пожалуй, гдѣ все сардинское правилось, такъ какъ освобожденіе адѣсь именно назалось всего труднѣе. Но въ остальной Италіи Кавуръ популяренъ не былъ, а «партія дѣйствія», та партія, которая шла во главѣ движенія, положительно не довѣрила ему и по временамъ относилась къ нему самымъ враждебнымъ образомъ. Въ немъ она видѣла человека, который смотрѣлъ на нее какъ на орудіе. Но Виктору-Эммануилу вѣрили. Особенное счастье было для Италіи, что при такомъ нравствѣ въ ея исторіи былъ на лицо человекъ съ огромнымъ личнымъ обаяніемъ. Въ этомъ именно отношеніи Викторъ-Эммануилъ наиболѣе замѣчателенъ. Его любилъ Гарибальди, несмотря на свою вражду къ его первому министру, несмотря на рану, которую получилъ въ бою отъ сардинскаго берсальера. Германскій императоръ нѣсколько не имѣлъ своихъ отношеній къ Виктору-Эммануилу, когда тотъ, будучи въ Берлинѣ, послѣ войны 1870 года, представилъ ему

двухъ своихъ министровъ слѣдующими словами: «вотъ, въ господѣ, благодаря которымъ я не обвинялъ васъ войнѣ (са Францѣ)». Имѣя Пій IX, неотвратимо провозглашающій покаяніе отлученія отъ церкви (excommunicatio major), папа, давая прежде всего именно на сардинскаго короля, не переставая и до самой смерти, въ надеждѣ публично възвѣститъ вромѣть «похитителей», этотъ неумолимый старикъ, вышесказанный королемъ, да и дѣній, — странно сказать! — въ душѣ своей едѣ, а не сомнѣваясь Виктору-Эммануилу. Указавъ о каноникѣ его, Пій IX крикнулъ: «онъ умеръ христіаномъ, королемъ и честнымъ человекомъ (da cristiano, da re e da galantuomo)». Ирибѣтно, что се времени вступленія королевскихъ войскъ въ Римъ, папа считалъ и провозглашалъ себя «уничтожителемъ». Пренебреженіе въ Квириналѣ короля-похитителя не могло быть прилично папѣ. Но онъ зналъ, что и самому Виктору-Эммануилу было непріятно жить въ Квириналѣ; что онъ являлся туда только по обязанности и уѣзжалъ съ величайшимъ удовольствіемъ, не любя оставаться въ томъ городѣ, который онъ отнялъ у прежняго хозяина, исполняя свой долгъ. И Пій IX какъ будто признавалъ именно это — что Виктору-Эммануилу исполнилъ свой долгъ, какъ король. Когда Гарибальди одно время пріѣхалъ въ Римъ, для сессіи, и поспѣшилъ было тамъ, то Пій IX, съ обычной своей улыбкой, сказалъ: «вотъ, говорили, что мы не увидимся здѣсь одесомъ, а теперь живемъ въѣ въ Римѣ».

Неподлежать сомнѣнію, что именно личность перваго короля во многомъ облегчила дѣло объединенія. Стремленія къ нему тѣхъ частей Италіи, которыя еще не были свободны, выражались, несмотря на все запреты мѣстныхъ властей, разными, иногда наивными способами. Такъ А. Леруа-Бриль разсказываетъ, что, путешествуя въ 1860 году по такимъ мѣстностямъ, онъ часто находилъ на стѣнахъ надписи: «Viva Verdi!»; его удивляла такая популярность композитора, пока ему не объяснили, что въ этихъ словахъ заключается анаграмма другихъ словъ: Viva Vittorio-Emanuele, re d'Italia. Онъ же приводитъ два отзыва о возможности республики въ Италіи, одинъ самого короля, другой — Гарибальди, и оба эти отзыва характерны опять для личности Виктора-Эммануила. «Если бы я думалъ», сказалъ однажды король, «что при республикѣ Италія была бы сильнѣе, я сѣмъ бы съ престола и попросилъ бы оставить мнѣ командованіе однимъ полкомъ». Положимъ, подобныя слова легко говорить, когда думаешь, что эта крайность не можетъ предѣлаться. Но любопытно и то, что король позволялъ себѣ говорить

таким образом, не есть допустить хоть въ разговорѣ мысль о республикѣ. Князь Бисмаркъ также позволялъ себѣ иногда похвалить либеровъ; но его «либерное» направление въ иную сторону. «Если бы я думалъ въ 1866 году», — говорилъ онъ недавно на сеймѣ, — «что для объединенія Германіи необходимо уступить въ Пруссіи абсолютизмъ, то я безусловно посоветовалъ бы (каково) обратиться въ абсолютизму». Зато же оказывается, что именно въ виду особенностей итальянской монархіи, принятыхъ ей Викторомъ-Эммануиломъ, самъ Гарibaldi не допускаетъ возможности республики въ Италіи въ наше время. Въ одномъ письмѣ, написанномъ въ прошломъ году, онъ выражался, что «благодарность сличиваетъ Италію съ английскимъ домомъ и не дозволяетъ ей послѣдовать примѣру Франціи».

«Немногое государи, — замѣчаетъ Зольтеръ, — обладали безъисчисленными своимъ призванію: качествами, чѣмъ короли Викторъ-Эммануиль. Благостій и храбрый солдатъ, ливой набодиникъ, человекъ откровенный, съ претими майорами, онъ нравился арміи и народу; любилъ удовольствій, общества, охоты, онъ обладалъ той твердостью, которая нужна королю, имѣющему иногда произносить фривольное слово, но не былъ своеволенъ, не имѣлъ той потребности всѣмъ управлять самому, которая можетъ затруднять ходъ правленія конституціоннаго; онъ былъ уважаемымъ посредникомъ среди парій, а не грознымъ ихъ повелителемъ». А. Лару-Болье такъ опредѣляетъ свойства короля: «откровенность безъ рѣзкости, здравый смыслъ безъ вульгарности, хитрость безъ двуличности, твердость безъ упрямства. Но можно ли сказать, что у него было естественное предрасположеніе, особенное призваніе къ той роли конституціоннаго монарха, которую онъ исполнялъ съ такой развязностью (aisance)? Не думаю этого; Виктору-Эммануилу подходила бы роль монарха абсолютнаго не менѣе, чѣмъ его предкамъ. Онъ былъ темперамента оптимистическаго, человекъ цѣльнаго характера, живого, даже порывистаго; хладнокровіе и умеренность еще были продуктомъ его воли и даже не менѣе, чѣмъ естественными свойствами».

Увлеченные замѣчательными политическими талантами Каура, въ Италіи обыкновенно считали Викторъ-Эммануила человекомъ хорошимъ, но личностью вовсе не крупною, ни по силѣ ума, ни по силѣ воли. Но это была большая ошибка, хотя въ нее легко было впасть. Викторъ-Эммануиль, дѣйствительно, не любилъ выказывать своей власти, не любилъ почестей и церемоній, личная его квартира состояла изъ трехъ комнатъ во дворцѣ, на-

вызывать свои рѣшенія по вѣщимъ текущимъ дѣламъ онъ не хотѣлъ, но во всѣ дѣйствительно важные моменты рѣшительное направленіе дѣлу давалъ онъ, впрочемъ, всегда оставался на кулисами, что и соответствовало вполне его роли монарха конституціоннаго. Началъ онъ править безъ Кавура, и по смерти Кавура царствовалъ 17 лѣтъ, въ продолженіи которыхъ, въ средѣ итальянскихъ политиковъ, слылъ за самаго способнаго изъ всѣхъ государственныхъ людей. Онъ не выступалъ впередъ съ рѣчами или декретами, которые удивляли бы министровъ; но онъ давалъ направленіе важнѣйшимъ дѣламъ на частныхъ совѣщаніяхъ съ министрами и предводителями партій. Устроить такое дѣло, на кулисами, и, не ожидая officialнаго заявленія о немъ съ министерской скамьи, убѣдить на охоту. Сила его воли, его убѣжденія и чувства долга лучше всего доказываются тѣмъ, что все, что онъ сдѣлалъ въ теченіи почти тридцати-лѣтняго царствованія, было несогласно съ его личными вкусами, требовало отъ него побѣды надъ собою. Король, вовсе не любившій властвовать, тяготившійся величіемъ даже сардинской короны, онъ долженъ былъ всю жизнь употребить на расширеніе своего царства, на усложненіе своихъ королевскихъ обязанностей и своей отвѣтственности. Глубоко- и всерьезно-набожный человекъ, онъ долженъ былъ съ самаго начала и до конца царствованія бороться съ духовенствомъ, отиѣнять клерикальное господство въ сардинскихъ законахъ, закрывать монастыри, отнимать землю у нихъ, наконецъ, низвергнуть его престола, вести до самой смерти тягостъ павскаго отлученія отъ церкви. Достоинство извѣстно, что онъ умеръ, не провнесъ ни малѣйшаго отеченія отъ своихъ дѣлъ, и если былъ причащенъ передъ смертью, то это послѣдовало безъ всякихъ условій, по личному разрѣшенію канц. Капелланъ всѣхъ традицій древняго савойскаго дома, носившій до своего венчанія титулъ герцога Савойскаго, любившій Туринъ болѣе всѣхъ городовъ Италіи, носившій въ душѣ преданія савойскаго милитаризма, Викторъ-Ормануэль не только принесъ въ жертву свое родовое имя знамя (ту жертву, при мысли о которой доселѣ содрогается Генрихъ Бурбонскій), но и самую колыбель своей династіи — Савойскую область. Такой человекъ, какъ онъ, съ горячимъ сердцемъ и прямымъ характеромъ, не могъ не сохранять навсегда живого чувства благодарности къ Наполеону III, за неопытную услугу, оказанную имъ Италіи. И однакожъ, онъ не могъ помочь Наполеону, когда тотъ погибъ. Какъ уже выше сказано, онъ открыто признался впоследствии императору Вильгельму, что лично желалъ встать противъ него:

Характеръ и историческое значеніе личности Виктора-Эммануэла уяснятся еще лучше изъ нѣсколькихъ примѣровъ, въ которыхъ возможно сослаться на собственные его отзывы. Будучи еще сардинскимъ королемъ, онъ, какъ сказано выше, отказался отъ болѣе благоприятныхъ условій мира, предложенныхъ ему Радикомъ, но сохранилъ конституцію, несмотря на просьбы матери, жены (первой) и тѣхъ друзей, съ которыми онъ былъ воспитанъ. Вопреки тѣмъ же вліяніямъ, онъ давалъ ходъ тѣмъ преобразованиямъ, которыя отличали равныя привилегіи духовенства. Подписывая одинъ изъ этихъ законовъ, онъ, шутя, сказалъ своему министру, графу Сиккарди: «отвѣтственность на насъ; если этотъ законъ повергнетъ своихъ составителей въ адъ, то намъ туда отправляться». Но, несмотря на такіе шутки, онъ во времена тѣ глубоко груснелъ надъ этой необходимостью идти противъ церкви. Въ этихъ случаяхъ, какъ рассказываетъ биографъ его, лично-ближній къ нему человекъ — Массари, король находилъ утѣшеніе только въ задумчивыхъ бесѣдахъ съ своимъ воспитателемъ, священникомъ, которому онъ вымогательствовалъ званіе архіепископа генуэскаго. Этотъ почтенный архіепископъ, самецъ, мونسеньоръ Шарвазъ, говорилъ ему: «слѣдуйте правиламъ конституціоннаго правленія и не обращайтесь вниманія на крики фанатиковъ и невольждъ».

Какъ сильны были эти вліянія и какую королю приходилось вносить борьбу, видно изъ слѣдующаго примѣра. Противными волеи закона утромали Виктору-Эммануэлу карю неба. Въ самомъ дѣлѣ, въ 1855 году, менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ, король лишился матери, жены и единственнаго своего брата, герцога генуэскаго. Вотъ рука Провидѣнія! восмилцала вокругъ него вверинали. А между тѣмъ въ палатѣ былъ внесенъ, и вторю палатѣ уже принятъ, проектъ закона объ уничтоженіи духовныхъ конгрегацій. Проектъ этотъ обсуждался въ то время въ сенатѣ. На этотъ разъ, король не выдержалъ: онъ рѣшился сдѣлать попытку къ примиренію съ пьомонтскими епископами и римскими доромъ. Кауру подавъ въ отставку и назначивъ былъ другой кабинетъ. Но когда Викторъ-Эммануэль убѣдился, что римская курия отвергаетъ всякія уступки государству, то черезъ нѣсколько дней привалъ снова Каура въ министерство и подписалъ декретъ, обѣими палатами законъ. Необходимость постоянной борьбы съ церковью, а въ особенности линенія пани егъ владѣній, необходимость взять у него Римъ и самому являться туда, какъ-би для брагирования беззащитнаго старика, сестрѣла для больного и дѣтне-увѣжазнаго пани Виктора-Эммануэла: самую

тажестную сторону его царствования. Онъ спазвалъ генералу Дуррандо, когда тотъ отправлялся съ сардинскими войсками въ Римъ: «вы счастливы; вы идете воевать съ русскими, а я вѣдь долженъ воевать съ монахами и монахинями». Онъ пытался примирить свою религіозную совѣсть съ очевиднымъ долгомъ короля. Біографъ его Массари передаетъ слѣдующее нѣтъ рассужденіе Виктора-Эммануила на эту тему: «какъ же допустить, что все совершающееся теперь согласно съ видами Провидѣнія, когда, несмотря на всѣ опасности, наѣтъ встрѣчающіеся, и на наши ошибки, мы все-таки подвигаемся впередъ и даже тамъ, гдѣ боимся найти потери или пораженія, встрѣчаемъ приобритенія и успѣхи?» Неоднократно онъ пытался примириться съ папой, и съ этой цѣлью обращался къ нему лично. Въ одномъ изъ такихъ писемъ, въ 1866 году, онъ говорилъ Пію IX: «если ваше свѣтѣйшество не можете ни признать, ни благословить короля Италіи, то признайте въ немъ, во крайней мѣрѣ, и благословите те орудія, которые употреблены божественными промысломъ для цѣлей, наѣтъ проникательности недостаточныхъ».

Извѣстно, что ожидали со дня на день кончины папы въ то время, когда неожиданно умеръ король. Викторъ-Эммануилъ, находясь въ Кайриалѣ, постоянно посылалъ къ папѣ освѣдомляться о его здоровьѣ, а когда самъ вдругъ опасно заболѣлъ, то Пію IX лично послалъ его духовнику разрѣшеніе исповѣдаться и причаститься умирающаго безъ всякихъ условій. Съ согласія же папы, перацій король Италіи былъ похороненъ въ церкви св. Маріи del Martiri, древнемъ Пантеонѣ Атринны, превращенномъ въ церковь еще въ VII вѣкѣ. Но папа въ исполненіи того, что считалъ своимъ долгомъ, былъ не менѣе твердъ, чѣмъ король. Черезъ двѣ недѣли послѣ похоронъ Виктора-Эммануила онъ умеръ, и уже въ послѣдній разъ, протестовалъ противъ заката «наследія св. Петра и утраты своей независимости». А черезъ недѣлю послѣ этого послѣдннго протеста свѣтъ Пію IX умеръ и тѣло его охранялось солдатами новаго короля Италіи.

Выше уже замѣчено, что личная роль Виктора-Эммануила въ освободеніи и объединеніи Италіи въ дѣйствительности была весьма велика; но тому дѣйствію, также онъ внушалъ въ себѣ и тому обаянію, какими онъ пользовался среди массъ. Не и твердость характера и годность ума короля давали ему большее значеніе на ходѣ дѣлъ. Такъ, рѣшимость преодолѣть дѣло освобожденія Италіи; смѣлость въ внутреннюю свободу Пьемонта и національную страсть, въ то время, когда войско его дѣлало что было угодно; когда австрійцы занимали северную и среднюю Италію

и еще стояли на своей территории Сардинии, представляли собой нечто иное, новую заслугу Виллафранки. Массарни передает простые слова, въ которыхъ онъ высказалъ въ то время свое рѣшенье и свою надежду: «на этотъ разъ мы отдадимъ фiasco, въ другой разъ постараемся одѣлать лучше».

Во всякомъ случаѣ не анастолбѣя влечло его къ этому. Д'Адзелио, который всегда былъ близокъ къ королю, писалъ о немъ: «если бы нѣтъ было такъ же хорошо известно, какъ мнѣ, до какой степени и психотонкая маленькая королева ему кажется сѣнительною, то всѣ смѣялись бы надъ тѣмъ, кто указываетъ въ этомъ государѣ ненасытнаго честолюбца». Онъ просто считалъ освобожденіе Италіи заботою своею отъа и своимъ долгомъ, и въ этомъ никто съ самаго начала его разубѣдить не могъ. Въ «Воспоминаніяхъ о графѣ Кавурѣ», г. де-Ла-Ривъ говоритъ: «никогда не узнать, сколько потребовалось этому молодому королю здраваго смысла, хладнокровія и патриотизма, для того чтобы найти свой путь посреди раздраженныхъ и взаимно-противоположныхъ страстей».

Въ 1859 году, Наполеонъ III, совершенно неожиданно для Кавура, подписалъ въ Виллафранкѣ предварительныя условія мира. Кавуръ посѣдѣлъ въ лагерь и высказался рѣшительно противъ нихъ. «Императоръ», сказалъ онъ, «отлично объясняетъ мнѣ, почему не слѣдуетъ продолжать войну, но никакъ не доказалъ мнѣ, почему слѣдуетъ заключить миръ». Но почему же было осорить съ Наполеономъ въ этотъ моментъ? Викторъ-Эммануилъ былъ глубоко ошарашенъ внезапнымъ прерываніемъ дѣла освобожденія, но сумѣлъ побѣдить себя; онъ рѣшился подписать условія мира. Кавуръ подалъ въ отставку (и король назначилъ первымъ министромъ генерала Ла-Мармору. Однако король подписалъ виллафранкскія условія съ странною на первый взглядъ оговоркою: «на томъ, что касается меня», выражая этимъ, что принимаетъ обязательства только за себя, а не за итальянскій народъ.

И действительно, народъ не принялъ этихъ условій; вслѣдъ за виллафранкскими миромъ средня и южная Италія присоединилась къ Пьемонтскому пуку народной революціи. Викторъ-Эммануилъ, наследникъ одной изъ самыхъ строго легитимныхъ династій, одной изъ самыхъ древнихъ, которая легатура Суворова охраняла своимъ знаменемъ на петербургскомъ Марсовомъ полѣ, противъ революціи, не сумѣлъ ни на минуту стать во главѣ итальянской революціи. Въ своей прокламаціи 9 октября 1860 года, онъ говорилъ: «въ Европѣ моя политика, быть можетъ,

будетъ не безполезна для соціализма, народнаго прогресса съ устойчивостью монархіи. Въ Италіи же, знаю, что я заключаю эру революцій». Но онъ твердо зналъ и то, что для единства требовались еще жертвы, что дѣло въ 1860 году еще далеко не было окончено. «Наша удача до сихъ поръ», сказалъ онъ во Флоренціи, «при исполненіи части нашей задачи, должна придать намъ силу и мужество для исполненія оставшаго». Когда флорентинскіи дамы поднесли ему вышитое ими сѣдло, онъ сказалъ имъ: «этотъ подарокъ мнѣ встаетъ, такъ какъ возможно, что мнѣ придется проехать еще часть моей жизни въ сѣдлѣ, для защиты національнаго дѣла».

Правда, онъ имѣлъ Кавура, имѣлъ другихъ способныхъ министровъ; но замѣчательно, что онъ умѣлъ управлять съ маневреностями изъ всѣхъ партій, начиная отъ консервативной — до республиканской, вполне подчиняясь правиламъ парламентскаго правленія, и при всѣхъ сохранялъ большое вліяніе на общій ходъ дѣла, хотя свое вліяніе всегда скрывалъ. Самъ Кавуръ сказалъ о немъ: «король даетъ намъ дѣлать, какъ мы хотимъ, но когда мы хорошенько запутаемся, тогда онъ однимъ словомъ уназываетъ намъ въ чемъ суть, и всегда вѣрно». Зеллеръ приводитъ характерную шутку самого Виктора-Эммануила. При концѣ его царствованія, когда онъ, постепенно слѣдуя за составомъ парламентскаго большинства, избралъ, наконецъ министерство изъ республиканцевъ, то одинъ иностранецъ изъяснилъ ему безпокойство, насчетъ того, изъ чему это приведетъ. «Не бойтесь», весело и увѣренно отвѣчалъ ему король: «все будетъ благополучно. Помните, что вѣдь канцелямейстеръ-то все тотъ же».

Когда, въ 1870 году, началась война между Франціею и Германіею и принцъ Жеромъ-Наполеонъ пріѣхалъ просить помощи для Наполеона у своего тестя, Викторъ-Эммануилъ легко былъ расположенъ оказать ее. Признанія дѣтской тогдашняго времени, и въ особенности брошюра самого принца Жерома удостовѣряютъ, что Викторъ-Эммануилъ вступилъ въ переговоры по этому предмету съ вѣнскими кабинетерами. Но быстрые успѣхи германскаго оружія сдѣлали вѣнскіе дипломаты безполезными. Какъ только во Франціи была провозглашена республика, король послалъ къ нимъ графа Пенца ди-Санъ-Мартино съ письмомъ, въ которомъ сообщалъ ему о необходимости joining Римъ итальянскими войсками, чтобы предупредить тамъ борьбу революціи съ папскими солдатами. Вѣсть съ тѣмъ, онъ ругался съ безопасностію и смѣлостію съ престола и «съ символическою привѣтливостію, съ вѣрою католика, сердцемъ короля и итальянца» предлагалъ

ему парализм для его независимости. Онъ проситъ Пия IX. возмездить, что самъ онъ, папа, — итальянецъ, и уловить иностранное войско. Пий IX. отвѣчаетъ ему: «нисколько вѣрно, государь, не достойно любимаго сына, который гордится несомнѣннымъ католической вѣры и славится королевскою честностью». Уже 18-го сентября 1870 г., черезъ двѣ недѣли послѣ Седана, итальянскій генералъ Кадорна подступилъ къ Риму; а 2 октября народный вѣбсцитъ, огромнымъ большинствомъ, присоединилъ Римъ къ Италіи.

Эта быстрая рѣшимость воспользоваться нуждами пруссаковъ, которыхъ первоначально онъ вовсе не желалъ успѣха, была вполнѣ согласна съ практическимъ умомъ и твердостью Витторио-Эммануила въ стремленіи къ одной цѣли. Чувства — чувствами, а дѣло прежде всего — такому правилу ему приходилось слѣдовать. Но, совершивъ объединеніе Италіи, онъ съ той самой минуты, какъ окончательно лишилъ папу свѣтской власти, положилъ ничего болѣе не предпринимать противъ него. Принятый парламентомъ окончательно 2 мая 1871 года, законъ о гарантіяхъ представляетъ одно изъ важныхъ приобретений всеобщей культуры, вырванное на почвѣ обновленной Италіи. Законъ этотъ провозглашаетъ неприкосновенность папы, предоставляетъ ему въ Италіи царскія почести, ежегодную государственную дотацию въ 3.225,000 лиръ (франковъ), неосутуждаемую собственностью дворцовъ ватиканскаго, латеранскаго и замка Кастель-Гандольфо, ненарушимость папской резиденціи и соборовъ, полную свободу дѣятельности, сношеній съ епископатами всего міра, безъ всякаго вмешательства правительства, съ управленіемъ университетомъ, академіями и другими духовными училищами.

Полное отреченіе государства отъ всякихъ нравъ по замѣщенію духовныхъ должностей, отъ всякаго разрѣшенія на обрядованіе духовныхъ заглавіи всякаго рода: буллъ, повелѣній и т. д., наменіи, отъ присяги епископовъ государству; а вмѣстѣ съ тѣмъ отказъ государства отъ приведенія въ исполненіе приговоровъ духовныхъ судовъ, которые вовсе не признаются, если въ чемъ-либо противорѣчатъ государственнымъ законамъ; единств. слоготъ — свобода веры и полная независимость отъ нея государства, — вотъ то единственное окончательное, вполнѣ рациональное рѣшеніе вопроса, которое новой Италіи дано въ образѣ Епископа Тизенно Бемарей, увлеченный въ ту борьбу съ духовенствомъ, которая явилась вторженіемъ государства въ церковную область, пытался въ 1875 году склонить Витторио-Эммануила къ какому-либо принудительнымъ мѣрамъ противъ

италии. Итальянский царь) охотно принимает постройку прожектантской церкви въ Римѣ, утверждаетъ и исполняетъ заданъ о секуляризации имущества духовныхъ корпорацій XI сабинъ Римъ, но онъ рѣшительно отказывается вѣрнуться въ область духовную. Въ послѣдніе годы жизни, король, вслѣдствіе побѣды одной стороны на выборахъ, долженъ былъ принимать въ министерство людей, которые неоднократно задвигали республиканскія мысли. Ницотеру, Депретиса, Крипи. О Крипи: самъ Мадзини выразился когда-то, что это будетъ «послѣдній министръ савойскаго дома». Однако же, и съ ними король уживался очень хорошо. Но когда Бисмаркъ въ 1877 году снова сталъ добиваться чего-то въ родѣ союза съ Италіею противъ напаста (а вѣрнѣе и противъ Франціи, которую онъ пугалъ Италіею), то онъ напастъ Виктора-Эммануила непримонимъ. Король не согласился даже на внесеніе въ палаты закона «противъ злоупотребленій духовной власти».

Отъ Бисмарка онъ рѣшительно отличался тѣмъ, что не ощущалъ, подобно германскому канцлеру, потребности кого-нибудь душить, производить гдѣ-нибудь и какой-нибудь «скандалъ». Бисмарку вѣчно хочется разбить на чей-нибудь голый бугираву, которую одинъ изъ своихъ студентескихъ подвиготъ: то прося Франціи, то сажая въ тюрьмы поповъ, то ставя въ закона цѣлую партію, то называя самого Ласкера поповникомъ социализмъ, то мѣня другимъ державамъ чужаичьи тамашенными жбрами. За то же въ отношеніи между партіями въ Италіи митче, царевича, тѣмъ въ естественн созданныи. Итальянское правительство ежегодно предлагаетъ панъ дотацию въ 3 миліона фр., и ежегодно получаетъ отказъ; панъ отказывается отъ конституціонныхъ гарантій и промѣръ ихъ своимъ осужденіемъ, а между тѣмъ все гарантіи дѣйствуютъ и дѣйствительно охраняютъ панъ. Не только республиканцы Крипи не сдѣлались послѣднимъ министромъ савойскаго дома, но не умерли Виктора-Эммануила другой министра изъ республиканцевъ, — Кай-роли, имѣлъ жизнь новому монарху савойской династіи, королю Умберту. Пріемы не тѣ — Нѣтъ и послѣдствія. Когда Виктор-Эммануилъ отправлялся изъ Римъ первую сессию парламента, онъ кричалъ: «вѣдь, вѣдь на туманнѣхъ родина нашихъ мыслей, все говоримъ панъ о вѣнчѣи, но не исполняютъ и о долѣ. Дѣла исторіи Италіи отрывалась некая эра: и мы не находимъ системъ принципамъ. Нашъ поставила на ноги (свобода — и вѣтъ въ свободѣ и порядокъ ии держимъ полагать основу нашей жизни и нашего селаски».

ВЪ УКРАИНѢ.

Садится солнце... Вдаль типше...
Вдали виднѣтся село, —
Чернѣютъ хаты обмѣнныхъ крыши
И ветхой мельницы крыло.

Вотъ подъѣзжаемъ: хаты, хаты —
И зелень яркая веругъ хатъ,
Садочки вишнями богаты,
И сливы зрѣлыя висятъ.

И тамъ, и сямъ кусты калины —
И макъ качаетъ головой,
И кисти рдѣются рябины,
Какъ щеки дѣвушки степной.

И залюбуешься невольно
Житьемъ привольнымъ степняка.
— Здѣсь отпрягай, ямщикъ, довольно:
Намъ дальше ѣхать не рука!..

Знать, люди здѣсь молились Богу!
Смотри: какая благодать!
Здѣсь отдохнемъ, и въ путь-дорогу
Тихонько тронемся опять.

Стемнѣло вдругъ... заря алѣетъ, —
Прохлада по степи плыветъ,
Зеленой степи даль синѣетъ
И тихій вечеръ настаетъ.

Съ полей вернулись «дѣвчата»,
 Пришли и «паробки» съ работъ —
 И собрались у ветхой хаты,
 Гдѣ старый дѣдъ-кобзарь живетъ.

«Сыграй-ко, старый, намъ, дѣдуся», —
 Кричатъ дѣвчата старику, —
 «Про «Гриця» или про «Марусю»,
 Про ту, что кинулась въ рѣку».

— Ой, надоѣли вы, дѣвчата, —
 Старикъ ворчить, — а самъ беретъ
 Со стѣны кобзу — и у хаты
 Оня сѣдъ — играетъ и поетъ.

Поетъ, — и льется пѣсня стройно —
 И жжётъ сердца дѣвчатъ огнёмъ...
 А ночеа синяя покойно
 Лежать надъ дремлющимъ селомъ.

И. СУРГАНОВЪ.

НОВАЯ БЮГРАФІЯ ЛОРДА БИКОНСФИЛЬДА

— Lord Beaconsfield (Benjamin Disraeli). Ein Characterbild von Georg Brandes.
Berlin. 1879.

Два характерныя фигуры резко выдѣляются въ наше время на ровномъ фонѣ гладко-выбритаго и по послѣдней модѣ одѣтаго политическаго міра. Дорожный померанскій помѣщикъ, поминдому, подготовленный лишь въ подвигахъ прусскаго университета и достаточно смѣлый, чтобъ выбивать кружки пива изъ рувъ ненавистныхъ ему либераловъ, усматриваетъ себѣ идею объединенія и вѣнчаннаго величія Германіи, и силою своего характера и политическаго таланта въ нѣсколько лѣтъ осуществляетъ ее, преодолевши огромныя препятствія и трудности. Беззаботный еврей, съ болѣе тонкою нервной организаціей, съ юныхъ лѣтъ пропитанный пресвѣтительную литературу XVIII-го вѣка и пропитавшійся романтизмомъ двадцатыхъ годовъ, съ невозможными усиліями борется съ обществомъ, въѣдами привыкшимъ относиться къ евреямъ съ величайшимъ недоверіемъ и даже ненавистью, терпитъ неудачи сначала на выборахъ въ парламентъ и затѣмъ въ парламентѣ, усматриваетъ себѣ въ некоторыхъ задачахъ своихъ политическихъ противниковъ и, ставъ, наконецъ, во главѣ самаго исключительнаго, самаго аристократическаго изъ европейскихъ государствъ, возвращаетъ ему высшее значеніе и обаяніе.

Такимъ образомъ, и на нашихъ глазахъ вновь подтверждается та старая истина, что высшая политика гораздо благодарнѣе внутренней, что она одна продолжаетъ открывать широкое поле дѣятельности для крупныхъ политическихъ талантовъ, по прежнему

застылая жгучіе внутренніе вопросы объясненіемъ дипломатическихъ и военныхъ побѣдъ.

Талантливый авторъ «Главныхъ направленій въ литературной исторіи XIX-го вѣка» и біографической характеристики Лассалля, Брандесъ, недавно издалъ отдѣльною книгой свою біографическую характеристику одной изъ двухъ выдающихся фигуръ политической современности, о которыхъ мы сейчасъ упомянули. И надо отдать автору справедливость: эта новая характеристика исполнена имъ съ такою директною взгляда, свѣжестью мысли и тонкостью анализа, каковыми отличается и набросанная имъ характеристика Лассалля. Отличный знатокъ новѣйшихъ литературъ, Брандесъ умѣлъ найти богатый матеріалъ для біографіи и характеристики неизбитаго перваго министра Англіи въ собственныхъ его сочиненіяхъ, изъ которыхъ послѣднее относится не дальше какъ къ 1870 году. Таковъ источникъ, конечно, въ значительной степени усложнялъ задачу автора. Правдивое и серьезное употребленіе такого источника, какъ собственные романы характеризуемаго лица, требуетъ отъ автора большой чуткости и осторожности, не говоря уже о художественномъ дарованіи. Въ отношеніи къ такимъ писателямъ, которые не знали публичной жизни и были преимущественно лириками или драматургами, какъ, напримеръ, наши — Грибоедовъ, Пушкинъ и Лермонтовъ, такая задача была бы просто невыполнима. Но Бенджаминъ Дизреэли, впоследствии лордъ Биконсфилдъ, родился въ странѣ богатой политической жизнью, былъ политическимъ романистомъ, общественнымъ человекомъ, членомъ парламента, министромъ; его романы были отраженіемъ политическихъ и общественныхъ идей, бродившихъ въ умѣ автора и въ англійскомъ обществѣ, — идей, къ которымъ авторъ этихъ романовъ, какъ современникъ и притомъ дѣйствующій, берущійся современникъ, не могъ относиться объективно, безъ сильныхъ симпатій или антипатій. Отсюда значеніе его сочиненій для личной и политической его біографіи. Мастерство, съ каковымъ исполнилъ эту задачу Брандесъ, заставляетъ насъ подѣлиться съ читателями его матеріаломъ и выводами, хотя и съ нѣкоторыми оговорками. Лордъ Биконсфилдъ явился самымъ рѣшительнымъ соперникомъ и противникомъ Россіи въ восточномъ вопросѣ за послѣдніе годы, самымъ рельефнымъ представителемъ англійскихъ интересовъ и предубѣжденій англійскаго общества противъ русской политики на Востока. Но именно потому, что онъ ее сочувствовалъ и противился, русской публикѣ не мѣшаетъ ближе познакомиться съ этими оригинальными характеромъ.

Digitized by Google

Дѣловая, практическая энергія и общительность дѣла и литературный наклонности отца соединились въ Бенджаминѣ Дизраэли и, подъ вліяніемъ новыхъ, романтическихъ вѣній времени, образовали изъ него дѣятельнаго писателя и еще болѣе дѣятельнаго трибуна. Но остроумному замѣчанію Брандеса, ничто до такой степени не облегчаетъ возможности быстро овладѣть литературнымъ языкомъ, какъ обладаніе литературнымъ предкомъ; сверхъ того, онъ несомнѣнно наследовалъ отъ отца духъ XVIII-го вѣка. «Въ литературномъ отношеніи отецъ былъ, конечно, не болѣе какъ живымъ словаремъ, но словарь изъ временъ энциклопедистовъ; онъ рано отдѣлился отъ современнаго ему предрасудковъ, чтобы напитаться современной философіей, и былъ рѣшительнымъ, хотя и сардоничнымъ вольнодумцемъ, не принадлежащимъ ни къ какому исповѣданію — ни въ формальномъ, ни въ нравственномъ смыслѣ слова. Въ своемъ сочиненіи «Genius of Judaism» онъ является деистомъ и прямо отвергаетъ еврейское вѣроученіе. Отрицательное направленіе отца перешло цѣлкомъ къ его сыну, первыми сочиненіями котораго были сатиры въ духѣ XVIII-го вѣка. Но вѣсть съ отцомъ направленіемъ перешли въ сыну и тѣхнскія симпатіи Исаака Дизраэли, романтически чтившаго память Смартова, какъ непонятныхъ жертвъ пуританизма. Симпатіа къ гонимымъ въ Англіи католикамъ была естественна со стороны вновѣрцевъ-евреевъ, также подвергавшихся усиленнымъ гоненіямъ въ Англіи и лишённыхъ всѣхъ политическихъ правъ. На Дизраэли-сына перешло и то общественное уваженіе, которое окружало въ то время въ Англіи писателей вообще, и Исаака Дизраэли въ особенности. Уже въ домѣ отца онъ видѣлъ многія тогдашнія литературныя знаменитости, и уважаемое въ литературѣ имя отца открыло ему впоследствии доступъ въ нѣкоторые аристократическіе дома. Всѣ эти факты, взятые цѣлкомъ изъ жизни выпѣшняго министра, рассказаны имъ самими въ своихъ политическихъ романахъ и отнесенны къ героямъ послѣднихъ.

Бенджаминъ Дизраэли родился въ декабрѣ 1804-го или въ началѣ 1805 года, и былъ принятъ въ еврейскую общину; но отецъ позволилъ своему англійскому другу Роджерсу брать мальчика съ собою въ церковь и даже окрестить его. Роджерсъ, какъ и Дизраэли-отецъ, былъ вольнодумцемъ и отнюдь не предавался прозелитизму. Но онъ сожалѣлъ о томъ, что этотъ красивый и бойкій мальчикъ будетъ лишёнъ, по вѣроисповѣданію причинамъ, важнѣйшихъ гражданскихъ правъ и общественныхъ выгодъ. Мальчикъ былъ окрещёнъ въ 1817 году; хѣтъ двѣнад-

цати отъ роду. Романы Дизраэли: «Вивіанъ Грей» и «Контарини Флемингъ» наполнены подробностями о первой юности ихъ автора. Герои обоихъ романовъ являются, по общему признанію, самыми способными учениками въ школѣ, оба единогласно признаются тамъ за самыхъ оригинальныхъ и остроумныхъ товарищей. Но рядомъ съ такою популярностью между товарищами, связывается уже въ школѣ и сильное ихъ недоброжелательство въ мальчику другой породы, къ еврею. Раздраженный на Вивіана Грея, учитель называетъ его «буиннымъ чужеземцемъ», — товарищи подхватываютъ это прозвище и кричатъ: «далой чужака! вонъ его!» И хотя Вивіанъ Грей ни съ какой стороны не былъ иностранцемъ въ английской школѣ, однако же авторъ считъ возможнымъ написать эту сцену, конечно, вспоминая лишь собственное дѣтство. Въ романѣ «Контарини Флемингъ» еще сильнѣе связывается рѣзкая противоположность между людьми сѣвера и человекомъ юга. «Ихъ называли моими братьями, — говоритъ герой этого романа, — но природа налагала на это увѣреніе печать неправды, какъ бы часто оно ни повторялось. Ихъ голубые глаза, ихъ свѣтлые какъ лѣнь волосы и бѣлая лица не имѣли ничего общаго съ моею венеціанскою фазіономіей. Куда бы я ни шелъ, гдѣ бы ни находился, куда бы ни смотрѣлъ — всюду встрѣчалъ я племя, непохожее на меня самого. Не было никакой симпатіи между моимъ тѣломъ и тѣмъ суровымъ климатомъ, въ которомъ мнѣ приходилось жить». Въ юности самого Дизраэли, къ венеціанскому происхожденію героя присоединилось еще и еврейское происхожденіе автора, вызывавшее ничѣмъ неустранимыя предубѣжденія его школьныхъ товарищей. Въ такіе юные годы презрительное отношеніе товарищей къ происхожденію мальчика глубоко западаетъ въ воспріимчивую и чуткую душу. Онъ чувствуетъ себя безвинно униженнымъ и опозореннымъ, отчужденнымъ, одинокимъ, осмѣяннымъ даже въ учебникахъ, неизмѣнно выставлявшихъ еврея смѣшнымъ или жаднымъ, уродомъ или бесовѣстнымъ ростовщикомъ. И вотъ Дизраэли приходится уже въ школѣ выдерживать ожесточенную борьбу противъ расы, ему враждебной, и только большая энергія и выдержка, въ соединеніи съ особенной даровитостью, дѣлали его положеніе въ школѣ болѣе или менѣе сноснымъ. Изъ школы (это была частная школа въ Винчестерѣ) онъ поступилъ въ адвокатскую контору.

Племенная борьба съ товарищами оставила по себѣ глубокий слѣдъ на всей жизни и на всемъ образѣ мыслей будущаго перваго министра Англіи. Въ школѣ онъ преждевременно пришелъ къ сознанію своей племенной отчужденности и той глубокой

пропасти, которая отдѣлила въ то время евреевъ отъ англичанъ. Въ его романахъ постоянно проходитъ красною нитью рѣшительный протестъ противъ этой общественной несправедливости, стремленіе восстановить поруганную честь своего племени и вынести великія его заслуги передъ исторіей, передъ самимъ христіанствомъ. Въ раннихъ впечатлѣніяхъ дѣтства сформировался и выработавшійся у него оригинальный, совсѣмъ не научный взглядъ на роль семитическаго и арійскаго начала въ прошлой и современной исторіи. Семитическій принципъ, въ его глазахъ, есть тотъ синтезъ, та цѣльность міросозерцанія, подъ вліяніемъ которой совершились всѣ великія историческія событія, двигавшія впередъ человѣчество. Въ примѣненіи къ англійской жизни и дѣятельности, среди которой ему суждено было жить и дѣйствовать, принципъ этотъ всага болѣе сказывается въ торіахъ, какъ носителей національных преданій, романтически связующихъ интересы и благо королевской власти и народа, и способномъ мысленно поднять международное значеніе націй. Принципъ арійскій — по преимуществу аналитическій, разъѣдающій, доктринерскій, парализующій великихъ людей и великія дѣла. Это принципъ выговъ, средняго сословія, кропотливыхъ внутреннихъ реформъ и немощной внѣшней политики. Но прежде чѣмъ окончательно выработалось это странное міровоззрѣніе, въ которомъ реальное отношеніе къ жизни такъ оригинально перемѣшано съ заблужденіями давно отжившаго романтизма, будущій министръ, какъ человѣкъ энергій и дѣла, былъ прежде всего озабоченъ необходимостью проложить себѣ дорогу къ политической дѣятельности, въ ту замкнутую для него среду, которой дѣти относились къ нему въ шлохъ какъ къ «чужому», къ человѣку презрѣнной еврейской расы.

По единогласному свидѣтельству современниковъ и по портрету, приложенному Брандесомъ къ біографической характеристикѣ лорда Бивонсфильда, послѣдній былъ очень красивъ въ юности. Живые, умные глаза, длинныя, какъ смоль черныя вудри, правильный носъ, подернутыя нервною нетерпѣливостью губы и романтически блѣдный цвѣтъ лица — дѣлали его не только красивымъ, но и въ высшей степени интереснымъ молодымъ человѣкомъ. Онъ, конечно, рано нравился женщинамъ; но и мужчины цѣнили бойкость его ума, его оригинальную и остроумную бесѣду. Самъ онъ былъ исполненъ сознанія своей силы и питалъ нѣтъ-ли не несокрушимое довѣріе къ своимъ талантамъ и своей будущности. Впервые явившись передъ избирателями кандидатомъ въ члены парламента, онъ выставилъ на своемъ зна-

мент слова: «Forti nihil difficile» (ничто не трудно сильному), вполне отъѣчавшія его самоувѣренному настроенію. А трудностей предстояло ему не мало; но онъ былъ не только самоувѣренъ, онъ былъ еще и до крайности честолюбивъ. Само по себѣ, честолюбіе, конечно, не представляетъ ничего безнравственнаго. Оно можетъ быть и нравственно, и безнравственно, смотря по вложенному въ него содержанію, по его средствамъ и цѣлямъ. Слава, конечно, привлекала Дизраэли; но еще больше привлекала его власть. По его происхожденію и положенію въ обществѣ, ему было, правда, недостижимо далеко до власти въ странѣ, управляемой до тѣхъ поръ чистокровными аристократами; но Дизраэли твердо рѣшился не останавливаться ни передъ какими преградами для достиженія цѣли. Уже первыя его литературныя произведенія изображаютъ первыхъ министровъ, и притомъ не фантастически только, но и съ политическимъ смысломъ. Брандесъ считаетъ оба романа, которые мы назвали выше, заранѣе рассказанной исторіей неутомимаго стремленія автора къ власти. Герой одного изъ нихъ («Контарини Флемингъ») говоритъ о себѣ: «Жизнь была мнѣ нестерпима, и я могъ бы наложить на себя руки, еслибъ меня не поддерживало честолюбіе, усиливавшееся съ каждымъ днемъ, такъ что жажда отличиться и совершить достойный удивленія подвигъ кнѣзля въ моей душѣ; и когда я вспоминалъ, что даже и въ самомъ счастливомъ случаѣ должны пройти годы, прежде чѣмъ я получу возможность осуществить мою мысль, я въ нѣмой ярости сжималъ зубами и проклиналъ мое существованіе». Отецъ героя предсказываетъ ему, что онъ будетъ первымъ министромъ, и хотя сынъ остается потомъ литераторомъ, но авторъ выѣстъ съ отцомъ отдастъ предпочтеніе политической дѣятельности передъ литературою. Въ разныхъ мѣстахъ своихъ романовъ Дизраэли высказывается въ томъ же смыслѣ. «Слава и власть—цѣль всѣхъ людей». «Жажда власти и славы» представляется ему силою, привлекающею людей изъ неувѣренности и толпы, а честолюбіе—«божествомъ или демономъ, которому мы всѣ приносимъ столько жертвъ». Въ общемъ смыслѣ, это не вѣрно; слава и власть,—замѣчаетъ Брандесъ,—не были цѣлями всѣхъ людей; онѣ не были цѣлями Франклина, Канта или Стюарта Милля. Не жажда этихъ благъ доставила безсмертіе Спинозѣ или Ньютоу. Не всѣ великіе люди приносили жертвы честолюбію: Вашингтонъ ничѣмъ не пожертвовалъ ему, Гарибальди—тоже. Но въ мысляхъ, подобныхъ приведеннымъ выше, авторъ бессознательно бросаетъ свѣтъ на собственную душу.

Неопределимая, повидимому, преграда представлялась этому честолюбивому человѣку на пути къ власти. Онъ былъ незнакомъ въ политическомъ мѣрѣ, не принадлежалъ къ англійскому дворянству, не имѣлъ сильныхъ родственныхъ связей. Англія была пропитана аристократическимъ духомъ и релігіозною исключительностью; а онъ родился евреемъ. Случайный, совершенный въ дѣтствѣ переходъ въ христіанство, въ сущности мало облегчалъ ему трудное достиженіе власти. Особенности его племени и печать еврейскаго происхожденія не были упразднены этимъ переходомъ. Всѣ продолжали смотрѣть на него, какъ на иноплеменика, и притомъ иноплеменика иновѣрнаго, и еслибъ кто-нибудь сказалъ тогда, что этотъ иноплеменикъ можетъ сдѣлаться первымъ лицомъ въ Англіи, то онъ прослылъ бы за безумца. Его не считалъ бы безумцемъ одинъ только Даврааи.

Онъ одинъ продолжалъ вѣрять въ свою судьбу и рѣзко побивать въ своихъ сочиненіяхъ предубѣжденія противъ еврейской расы. Онъ продолжалъ горячо провозглашать ее великою, единственною, среди которой могъ принадлежать Спаситель въ земной своей жизни. Онъ настойчиво и съ увлеченіемъ отрицалъ приписываемое евреямъ истязаніе Христа, онъ доказывалъ, что самая первая христіанская церковь состояла только изъ евреевъ, что христіанство было продолженіемъ ветхозавѣтной исторіи еврейства. Онъ убѣждалъ, что азіатское племя его предковъ въ духовномъ смыслѣ покорило себѣ Европу и всѣ заселенныя ею части свѣта, онъ открыто гордился своимъ происхожденіемъ отъ набраннаго, въ высшемъ смыслѣ аристократическаго народа, который стойко перенесъ вѣка гоненій и оказался неискоренимымъ, неистощимымъ, необходимымъ, дѣятельнымъ, гениальнымъ. Цѣлая картина, ярко освѣщенная этою идеей, были набросаны его богатою южною фантазіей въ разныхъ романахъ. Онъ, рожденный еврей, считалъ себя болѣе аристократомъ, чѣмъ всѣ эти будто бы древніе англійскіе дворянскіе роды,—онъ прямо говорилъ, что принадлежитъ къ древнѣйшей аристократіи рода человѣческаго!

Съ этою смѣлою мыслию на умѣ, вступилъ онъ въ свѣтъ настоящимъ денди. Дендиизмъ былъ тогда въ модѣ. Байронъ сталъ идоломъ англійской молодежи; Даврааи тоже былъ сильно увлеченъ великимъ лирикомъ. Въ Англіи, какъ потомъ во Франціи и отчасти у насъ, денди являлся существомъ, которое уже однимъ своимъ внѣшнимъ видомъ выражало притязаніе на нѣчто высшее, необыкновенное. Брандесъ примѣняетъ къ Даврааи двадцатыхъ годовъ выраженіе, употребленное имъ самимъ въ романѣ

«The Young Duke» — half fashion, half passion: именно смѣшеніе страстности съ свѣтскостью и составляло тогдашній дендизмъ. Свѣтъ имѣлъ для молодого Дизраэли всю прелесть новизны, всю привлекательность сцены, на которой могло развернуться его честолюбіе. Университетское образованіе не привлекало его; оно и не требовалось для денди. Библиотека отца, свѣтское общество Лондона и практическія занятія въ адвокатской конторѣ были первыми школами, чрезъ которыя прошелъ будущій министръ. Недостатокъ университетскаго образованія сильно сказался въ особенностяхъ его образа мыслей и дѣйствій. Отсутствие этого образованія оставило неизгладимый слѣдъ въ ненаучности и фантастичности его теорій, сильно отзывающихся произволомъ самоучки. Быть можетъ, нѣкоторая шаткость его мнѣній въ вопросахъ политическихъ — шаткость, которую многіе, и въ томъ числѣ его біографы, объясняютъ исключительно желаніемъ сдѣлать карьеру — происходила отчасти изъ того же источника. Въ романѣ «Вивіанъ Грей» онъ изумляется мужеству одного юнаго политика, который не убоился замуровать на три года въ одномъ нѣмецкомъ университетѣ. Отсюда парадоксальность многихъ его воззрѣній, на которыхъ до послѣдняго времени сохранилась рѣзкая печать романтизма двадцатыхъ годовъ; отсюда его склонность къ таинственному, мистическому, преувеличенное значеніе, приписанное имъ тайнымъ обществамъ въ исторіи, его высокое мнѣніе не о католицизмѣ только, но и объ іезуитахъ, соединяющихъ загадочныя средства съ практическими цѣлями. Отсюда и сохраненная имъ доселѣ антипатія къ утилитаризму, которую были приняты современники его юности. Въ утилитаризмѣ видѣла одно только порожденіе жалкой посредственности, врага всякой красоты и величія, тупого отрицателя поэзіи, религіи, героизма. Онъ былъ ненавистенъ Дизраэли еще и съ другой стороны: эта школа равняла людей, она по существу не допускала аристократизма. Дизраэли осмѣивалъ ее, гдѣ только представлялся къ тому случай, приписывая ей намѣреніе снести горы, вознесенныя природой, и выровнять земной шаръ, готовность уничтожить изящныя парки лордовъ и самихъ лордовъ, какъ нѣчто совершенно безполезное. Онъ никогда не могъ примириться ни съ ученіемъ Бентама, ни съ манчестерской школой. Эти ученія были антипатичны ему, какъ слишкомъ положительныя, прозаическія, ничего не предоставлявшія вдохновенію и фантазіи; въ силу естественной ассоціаціи мыслей, онъ долженъ былъ явиться въ послѣдствіи непримиримымъ противникомъ союза виговъ съ радикалами въ лицѣ Гладстона.

На основаніи романа «Корингсби», выданнаго Дизраэли уже въ 1844 г., Брандесъ очень характерно воспроизводитъ образъ мыслей автора. Вотъ точка зрѣнія Дизраэли на историческія событія, къ которой сводится этотъ интересный романъ: «Настоящимъ мыслителямъ извѣстно, какъ ограниченъ человѣческій разумъ. Мы не обязаны ему ни однимъ изъ тѣхъ дѣлъ, которыя являются верстовыми столбами человѣческихъ дѣйствій и человѣческаго прогресса. Не разумъ осаждалъ Трою, не разумъ вызвалъ сарациновъ изъ пустыни для завоеванія міра, не онъ вынулъ крестовые походы и учредилъ монашескіе ордена, не онъ создалъ іезуитовъ и, прежде всего, не разумъ возбудилъ французскую революцію. Человѣкъ тогда только дѣйствительно великъ, когда дѣйствуетъ подъ вліяніемъ страсти, онъ тогда только неодолимъ, когда замыкаетъ къ фантазіи. Даже мормонъ насчитываетъ больше приверженцевъ, чѣмъ Бентамъ».

Мы не имѣемъ въ виду ни порицать, ни восхвалять образъ мыслей англійскаго министра. Отсталость его очевидна. Но оригинальность даровитаго человѣка имѣетъ свои неотъемлемыя права, и еслибъ онъ былъ похожъ на другихъ политическихъ дѣятелей Англіи, еслибъ онъ сложился по ихъ шаблону, то не былъ бы и оригинальнымъ явленіемъ. Мы только анализируемъ, и хотимъ показать, что если въ теоретическомъ отношеніи Дизраэли былъ и остается человѣкомъ отсталымъ, и тѣмъ не менѣе достигъ перваго мѣста въ правительствѣ свободной и образованной страны, то въ немъ же были таланты и живыя стороны, которыми онъ прямо соприкасаясь съ англійскою современностью. Эти таланты и живыя стороны сказались, какъ мы сейчасъ увидимъ, въ виду разложенія торійской партіи, въ которую онъ внесъ духъ уступчивости требованіямъ времени, силу своего живого ума и блескъ своего таланта, все то, безъ чего застарѣлыя консервативныя партіи, коснѣя въ застоѣ, теряютъ наконецъ всякій смыслъ и способность хотя бы на искусственное дальнѣйшее существованіе.

Дизраэли явился реформаторомъ и обновителемъ торійской партіи, и намъ кажется, что талантливый его биографъ недостаточно остановился на этой сторонѣ его дѣятельности. Въ ней, какъ мы думаемъ, надо искать ключа къ объясненію того чуда, которое вознесло урожденнаго еврея на степень руководителя одной изъ аристократическихъ партій и перваго министра въ Англіи.

Дизраэли былъ и остается политическимъ человѣкомъ по призванію, по характеру своего таланта. Его романы, каковы бы

ни были ихъ литературныя достоинства и недостатки, были прежде всего политическими очерками, фантазіями, памфлетами. Они исполнены политическаго интереса; они представляютъ, по счастливому выраженію самого Брандеса, предварительное упражненіе въ будущихъ политическихъ ходахъ на парламентской или министерской шахматной доскѣ, нѣчто въ родѣ военной игры, посредствомъ которой офицеры упражняются въ тактикѣ. Картины природы и частныя отношенія служатъ въ романахъ Дивраэли лишь мелодраматическимъ фономъ для политической борьбы дѣйствующихъ лицъ. Это рѣшительное владѣніе политикой сказалось уже въ первомъ романѣ Дивраэли: «Вивіанъ Грей», вышедшемъ въ 1826 году, и оно проходитъ красною ниткой во всѣхъ произведеніяхъ писателя-министра. Читатели найдутъ у Брандеса прекрасную характеристику этихъ произведеній¹⁾; въ нашемъ краткомъ очеркѣ мы послѣдуемъ за писателемъ-министромъ на познание его политической дѣятельности.

Въ жизни людей высшихъ классовъ, этой дѣятельности обыкновенно предпослѣдуетъ въ Англіи путешествіе, которымъ заканчивается учебный и воспитательный періодъ. Путешествіе было предпринято и 25-лѣтнимъ Дивраэли, но съ свойственною ему оригинальностью. Не центры аріиской цивилизаціи, не Парижъ и другіе большіе города Европы привлекали его любопытство: онъ стремился на югъ и на востокъ, въ Сирію, въ Іерусалимъ, въ Испанію, въ Венецію. Человѣкъ двойной національности, поглощенный воспоминаніями о прошломъ своихъ семитическихъ предковъ, Дивраэли жаждалъ увидѣть Востокъ, какъ настоящую обитованную землю. Самъ онъ не описалъ потомъ своего путешествія отдѣльно, но изъ разныхъ его сочиненій видно, что онъ посѣтилъ въ 1829 году Римъ и Константинополь, въ 30-мъ году — Албанію, въ 31-мъ — Египетъ, Сирію, Іерусалимъ, и слѣды этого странствованія разбросаны въ его романахъ, изъ которыхъ нѣкоторые даже вызваны его путевыми впечатлѣніями. Странствуя по слѣдамъ Байрона, ступивъ впервые на азіатскую землю, онъ, по собственному принаданію, прокламатъ не

¹⁾ Вотъ, въ хронологическомъ порядкѣ, списокъ сочиненій Дивраэли: „Vivian Grey“, 1825—26,—„Poranilla“, 1828,—„The young Duke“, 1829,—„Centarini Fleming“, 1832,—„Alroy“, 1832,—„Ixion“, 1832,—„The infernal Marriage“ и „What is he“ (брошюра), 1833,—„The revolutionary Epick“ и „The crisis examined“ (брошюра), 1834,—„Vindication of the english constitution“ (брошюра), 1835,—„Henrietta Temple“ и „Venetia“, 1837,—„Alarcos“, 1839,—„Coningsby“, 1844,—„Sibyl“, 1845,—„Tancred“, 1847,—„Life of Lord George Bentinck“, 1861,—„Parliamentary Reform“ (брошюра), 1857,—„Lothair“, 1870.

развалинахъ Тронъ судьбу, назначившую ему жить въ такое прозаическое время, которое похвалается тѣмъ, что оно чуждо поэзии, и почувствовалъ призваніе быть Гомеромъ своего времени. Если Гомеръ воссѣлъ величайшее дѣяніе героическихъ временъ, Вергилій — созданіе римскаго мирового государства, если Дантъ — былъ выразителемъ первой весны возрожденія, Мильтонъ — реформаціи и ея послѣдствій, то и современность не должна остаться невоспѣтою въ поэтическихъ образахъ. Французская революція, по его мнѣнію, не менѣе великое событіе, чѣмъ осада Тронъ, и Наполеонъ не менѣе интересное лицо, чѣмъ Ахиллъ. Онъ задумалъ создать революціонный эпосъ. Онъ, дѣйствительно, попытался создать его нѣсколько лѣтъ спустя; но отрывокъ этого опыта, изданный въ 1834-мъ году, подъ заглавіемъ: «The revolutionary Epick», вызвалъ такой единодушный хохотъ, что авторъ не рѣшился продолжать начатую поему. Онъ намѣревался изобразить въ ней борьбу феодальнаго принципа съ федеративнымъ, и переходъ перваго во второй, олицетворяя эти принципы въ двухъ дѣйствующихъ лицахъ, которые препираются между собою. Вместо поэзіи, онъ давалъ публикѣ все ту же политику. Этотъ смѣльный поэтический опытъ оказался совершенно прозаическимъ, и только подтвердилъ засвидѣтельствованный прежними романами фактъ, что Дизраэли отнюдь не поэтъ и не преемникъ Байрона, а политикъ подъ маской романиста. И то, что было сильнымъ въ его тогдашнемъ образѣ мыслей, пригодилося ему не на созданіе новаго эпоса, а на обновленіе застыншаго торисма.

Въ то время въ Лондонѣ еще водились салоны, и однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ считался салонъ леди Блессингтонъ, гдѣ возвратившійся изъ путешествія денди часто встрѣчался съ Дизраэлемъ, съ Вольверомъ, съ членами фамиліи Бонапартъ, между прочимъ и съ будущимъ императоромъ французамъ, гдѣ читали Байрона и относились враждебно къ витамъ. Такой салонъ вполне отвѣчалъ натурѣ и настроенію Дизраэли. Аристократъ по натурѣ, усвоившій себѣ революціонныя идеи XVIII вѣка, романтикъ и фантастъ, онъ говорилъ о сочувствіи къ королевской власти и народнымъ массамъ, и питалъ рѣшительное отвращеніе къ партіи, которая представлялась ему доктринерскою, ограниченою въ своихъ стремленіяхъ утилитарными цѣлями и опирающеюся на одни только матеріальные интересы средняго сословія.

4-го іюня 1832 года окончательно прошелъ законъ о парламентской реформѣ, проведенный министерствомъ виговъ и увеличившій число избирателей въ Англіи до 300,000 человекъ, а нѣсколько дней спустя, Дизраэли уже въѣзжалъ въ городокъ

Гайтс-Уайкомбъ, гдѣ впервые выступилъ кандидатомъ въ члены палаты общины. Онъ въѣхалъ извѣстно одѣтый, въ открытой елизабетской четверной, сопровождаемый музыкантами и знаменосцами, раскланиваясь направо и налево. Подѣхавъ въ гостиницу «Краснаго Льва», онъ тотчасъ произнесъ съ крильца свою первую рѣчь, въ которой осыпалъ выговъ ѣдкими насмѣшками, и не за то, что ихъ законъ о реформѣ казался ему слишкомъ либеральнымъ, — напротивъ, онъ осмѣивалъ эту мѣру, какъ мизерную съ радикальной точки зрѣнія. Предпринимая свою первую избирательную кампанію, онъ запасся рекомендательными письмами вождей радикальной партіи въ парламентъ: Джозефа Юма и ирландскаго агитатора О'Коннелля. Письма эти были имъ напечатаны и прибиты на улицахъ Уайкомба. Въ своей рѣчи въ избирателямъ онъ высказался въ демократическомъ смыслѣ, называя себя сыномъ народа, не нѣбующимъ въ своихъ жилищахъ ни капли крови Шаттенштейнъ и Тюдоровъ; но мы не думаемъ, вопреки общепринятому мнѣнію, раздѣляемому и Брандесомъ, чтобы онъ былъ неискренъ въ этихъ заявленіяхъ. И въ нихъ уже проглядывалъ его торизмъ. Въ той же рѣчи онъ высказывалъ и свою любимую мысль о демократическомъ торизмѣ. Онъ говорилъ, что радуется, видя торіевъ на сторонѣ народа, что торіи должны отнынѣ искать опоры въ народѣ, а не народъ въ торіяхъ.

Но всѣ его кандидатскія усилія были тщетны. Его соперникъ, сынъ перваго министра, вира Грея, одержалъ надъ нимъ побѣду на выборахъ въ Уайкомбѣ. Въ томъ же году и въ томъ же городѣ постигла его и вторая неудача. Распушеніе парламента сопровождалось новыми выборами, на которыхъ онъ опять не прошелъ, хотя и высказался въ своей избирательной рѣчи въ пользу тайной подачи голосовъ и трехгодичныхъ парламентовъ, ссылаясь въ послѣднемъ вопросѣ на авторитетъ торія Болинброка, котораго онъ и послѣ считалъ однимъ изъ лучшихъ государственныхъ людей Англіи. Но эта новая неудача нисколько не лишила его бодрости. Не дальне какъ въ слѣдующемъ году, когда должна была открыться вакансія въ парламентѣ, онъ явился кандидатомъ въ Мерилебонѣ, и тутъ, желая во что бы то ни стало достигнуть цѣли, будущій глава сельской партіи обѣщалъ избирателямъ способствовать пересмотру всей системы налоговъ и освободить промышленность отъ тягостей, которыя могутъ быть легче перенесены землевладѣніемъ. Но ожидаемая вакансія не открылась, и Дизраэли ограничился изданіемъ своей первой политической брошюры, озаглавленной вопросомъ: «Что онъ такое?» (What is He?). Брошюра эта, появившаяся въ 1833

году, давно уже вышла изъ продажи, и одинъ экземпляръ ея недавно приобретенъ, какъ рѣдкость, Британскимъ Музеемъ. «Онъ» — это, конечно, самъ авторъ, а вопросъ о немъ, какъ говорили тогда, былъ сдѣланъ лордомъ Гросомъ въ частномъ письмѣ. По крайней мѣрѣ выдержка изъ частнаго письма, содержащая именно этотъ вопросъ, выставлена авторомъ въ видѣ эпиграфа.

Брошюра содержитъ политическую исповѣдь автора, но мы не назовемъ ее, вмѣстѣ съ Брандесомъ, исповѣдью радикальной. Авторъ говоритъ, что до закона о парламентской реформѣ правительство имѣло по крайней мѣрѣ ту выгоду, что опиралось на опредѣленный аристократическій принципъ; теперь же оно не имѣетъ подъ собою никакого принципа. Онъ, Дизраэли, понимаетъ торію, понимаетъ радикала, но онъ не можетъ понять демократическаго аристократа — вигга. Если торіи отчаяваются восстановить аристократическій принципъ, если они искренно думаютъ, что государство не можетъ быть управляемо при нынѣшнемъ правительственномъ механизмѣ, то имъ прямая обязанность — соединиться съ радикалами и слить названія этихъ двухъ партій въ одно общее, всѣмъ понятное и единственно достойное названіе — партію національной. Самъ онъ убѣжденъ, что аристократическій принципъ низвергнуть не временно только, что восстановление его въ англійскомъ правительствѣ совсѣмъ неисполнимо. Европа, по его мнѣнію, находится въ переходномъ періодѣ отъ феодальныхъ къ федеративнымъ правительственнымъ принципамъ. Восстаніе Нидерландовъ противъ Испаніи ускорило наступленіе англійской революціи при Карлѣ I; восстаніе англо-американскихъ колоній ускорило, если не вызвало, варить французской революціи; движеніе это неудержимо, и весь вопросъ въ томъ, какимъ путемъ было бы всего легче и естественнѣе доставить господство демократическому принципу. Онъ считаетъ такимъ путемъ немедленное упраздненіе семигодныхъ парламентовъ, введеніе тайной подачи голосовъ и безотлагательное распушеніе парламента. Состояніе Англіи печально, говоритъ онъ; иногда почти склоняешься въ мысли, что утрата Англіею колоніальныхъ ея владѣній должна быть послѣдствіемъ настоящихъ внутреннихъ ея раздоровъ; но нужно возлагать надежды и довѣріе на народный характеръ, на великихъ людей, которые должны выйти изъ его среды. «Не забудемъ — говоритъ онъ въ заключеніе съ своей обычной самоуверенностью, — не забудемъ одного вліянія, которое слишкомъ мало цѣнится въ насъ въ шумной посредственности, — не забудемъ вліянія личнаго характера. Еще могутъ подняться великіе люди, взять въ руки колеблющееся кормило и провести корабль по

бессоконнымъ водамъ, — люди, которымъ, быть можетъ, предназначено оградить въ одно и то же время и честь имперіи, и счастье народа.»

Въ этихъ словахъ Дизраэли, еще только неудавшагося кандидата въ члены парламента, нѣтъ рѣшительно ничего такого, чего бы не могъ повторить теперь лордъ Бивонсфилдъ, первый министръ Англіи. Разумѣется, много воды утекло съ 1833 года; лордъ Бивонсфилдъ выразился бы теперь уклончивѣе, сдержаннѣе; но основная мысль его была бы та же. Она проглядываетъ во всей его политикѣ, и внутренней и внешней. Въ своей, сравнительно, недавней парламентской реформѣ, онъ не затруднился согласиться на всѣ требованія либераловъ, и мы сейчасъ увидимъ, что именно эта основная мысль руководила имъ при основаніи ново-торійской партіи.

Сельская партія въ Англіи оставалась при своей устарѣлой программѣ, исключавшей всякія нововведенія; политическое значеніе ея падало съ каждымъ днемъ. Уже Робертъ Пиль, глава торійскаго кабинета, долженъ былъ замѣнить ея надеждами и требованіями. Она нуждалась въ умомъ и дѣятельномъ вождѣ, способномъ дать ей новое направленіе. Такимъ вождемъ задумалъ явиться Дизраэли. Будь онъ поэтъ или мыслитель, онъ, конечно, не пошелъ бы по этой дорогѣ и въ этотъ лагерь; но природа надѣлила его не только южной фантазіей, но и чисто-англійскими свойствами настойчиваго и практическаго политика. Для того, чтобы завоевать себѣ политическую арену, англичанину необходимо применить къ одному изъ господствующихъ политическихъ лагерей. Издавна чувствуя антипатію къ вигамъ, не будучи настолько теоретикомъ, чтобы стать радикаломъ, онъ примкнулъ къ торіямъ, но примкнулъ самостоятельно, внося съ собою въ эту партію широкіе взгляды писателя, усвоившаго нѣны идей, хотя и безъ научной подкладки. Честолюбіе, конечно, играло во всемъ этомъ не малую роль; но честолюбіе, опирающееся на таланты и практикуемое въ свободной странѣ, совсѣмъ не то, что честолюбіе въ деспотическомъ государствѣ, гдѣ дворская интрига замѣняетъ открытое парламентское соперничество и ораторскую борьбу. Проницательные люди не могли бы назвать Дизраэли радикаломъ послѣ первыхъ его романовъ и первой его рѣчи въ избирателямъ въ Уаймобѣ, какъ никто не назоветъ теперь радикаломъ лорда Бивонсфилда, и обращенные къ нему упреки въ нетвердости политическихъ убѣжденій едва ли справедливы, или по меньшей мѣрѣ преувеличены. Онъ всегда былъ дѣлецъ,

всегда стремился въ ряды аристократіи, только не съ пустыми руками, а съ своими идеями и своимъ талантомъ.

Только пять лѣтъ спустя послѣ третьей неудачной попытки быть выбраннымъ въ члены парламента, Дизраэли удалось достигнуть этой недававшейся цѣли, помимо которой политическая роль была возможна для него только въ званіи писателя. Онъ былъ выбранъ въ Мэдстонъ, и въ рѣчи своей къ избирателямъ явился уже настоящимъ торіемъ, съ тою сильной демократической примѣсью, которой онъ оставался вѣренъ и впоследствии. Рядомъ съ старо-консервативными заявленіями о величіи государственной, англиканской церкви, онъ высказалъ самыя рѣзкія вещи по поводу новаго закона о бѣдныхъ, проведеннаго вигами, назвавъ его преступленіемъ противъ нравственности и политическою глупостью. Дизраэли говорилъ, что этотъ безнравственный и глупый, по его мнѣнію, законъ основанъ на ошибочномъ пониманіи правъ народа. Законодатели-виги, объяснялъ онъ, выходили изъ той мысли, что помощь бѣднымъ есть дѣло милосердія, а онъ и демократы-торіи признаютъ за бѣдными право на помощь. Земля, нѣкогда принадлежавшая монастырямъ, была фактически собственностью бѣдныхъ; съ тѣхъ поръ, какъ знатныя фамиліи подѣлили ее между собою, помогать бѣднымъ стало ихъ прямою обязанностью, и такъ понималось это дѣло до новаго закона. Бѣдные совершенно основательно повергнуты въ отчаяніе этимъ закономъ; отнынѣ бѣдность будетъ наказываема принудительной работой, точно преступленіе.

Дизраэли впервые занялъ свое мѣсто въ парламентъ въ 1838 году. Его происхожденіе, его сочиненія и рѣчи, въ которыхъ онъ казался и радикаломъ, и торіемъ, его оригинальный способъ выраженія посѣяли сильныя предубѣжденія противъ него въ парламентской средѣ. Первая рѣчь его противъ виговъ была осмѣяна, заглушена перерывами и хохотомъ. Но онъ не потерялся, и кончилъ ее энергическими словами: «Я нисколько не удивленъ тѣмъ пріемомъ, каковъ выпалъ мнѣ на долю. Мнѣ случилось начинать кое-что по нѣскольку разъ, и въ концѣ-концовъ я добивался успѣха. Теперь я сяду; но придетъ время, когда вы будете меня слушать.»

Въ теченіи цѣлаго года онъ сдерживался, говорилъ коротко и рельефно, никого не затрогивая и не вызывая. Но съ 1839 года тактика его измѣнилась. Рѣчи его стали пространнѣе, онъ касался важнѣйшихъ законодательныхъ проектовъ, онъ уже затрогивали и вызывали, но никто не смѣлся болѣе. Всѣ привыкли къ его оригинальной манерѣ и убѣдились, что однимъ хо-

хотомъ нельзя побороуь этого настоячаго и энергическаго депутата, злого на языкъ и сильнаго своимъ характеромъ. Когда, уже послѣ таеъ-называемой эманципаціи католиковъ, въ парламентѣ обсуждался вопросъ объ уравненіи также и евреевъ съ другими гражданами Англіи, Дизраэли, разумѣется, высказался къ пользу этой мѣры, но онъ не ссыался при этомъ на ученіе о равенствѣ всѣхъ исповѣданій передъ государствомъ. Вѣрный своей обычной точкѣ зрѣнія, онъ утверждалъ, что евреи, какъ поклонники того же семитическаго принципа, представительницей котораго является англиканская церковь, въ сущности уже принадлежатъ къ этой церкви: христіанство, по его мнѣнію, было только расширеннымъ еврействомъ, «еврействомъ для народа». Принципъ религіозной свободы представлялся ему «двусмысленнымъ»; свободно-мыслящіе люди науки казались этому еврею-романтику идеологами, представителями арійскаго принципа, которымъ нельзя довѣрять воспитаніе. Народъ долженъ имѣть религію, говорилъ Дизраэли, и еслибъ у него отняли установленную, высшую, азіатскую религію, то онъ непремѣнно возвратился бы во всей Европѣ въ старому язычеству. Дизраэли являлся, такимъ образомъ, и торіемъ, защитникомъ государственной церкви, и эманципаторомъ иноувѣрцевъ.

Не менѣе оригинально отнесся онъ къ чартистамъ. Чартисты, какъ извѣстно, требовали чисто-политическихъ реформъ въ интересахъ большинства. Въ іюнѣ 1839 года, когда ихъ петиція съ милліономъ двумястами тысячъ подписей была торжественно привезена въ парламентъ, и послѣдній отвергнулъ ее послѣ непродолжительныхъ и ничтожныхъ преній, одинъ только Дизраэли отнесся къ ней съ сочувствіемъ. Онъ нашелъ нужнымъ объяснить, что настоящая агитація рабочаго класа есть послѣдствіе той агитаціи, которую вели виги для парламентской реформы; чартисты, сказалъ онъ, не болѣе какъ ученики виговъ, и либералы поступаютъ крайне несправедливо, рѣзко осуждая радикаловъ. Причина всеобщаго неудовольствія — тотъ же законъ 32-го года объ избирательной реформѣ. Онъ далъ участіе во власти такому обществу слою, который не признаетъ за собой социальныхъ обязанностей, лежавшихъ прежде на аристократіи. Чартисты, по его мнѣнію, жалуются собственно на управленіе среднихъ классовъ. «Я не стыжусь сказать, — прибавилъ онъ, — что какъ ни сильно я осуждаю петицію чартистовъ, я все-таки имъ сочувствую». Нѣсколько лѣтъ спустя, въ романѣ «Sibyl», онъ выяснилъ окончательно свою мысль. Народъ, по его мнѣнію, справедливо называетъ себя угнетеннымъ и обдѣленнымъ; но онъ не

правъ, полагая, будто торизмъ ему враждебенъ и одобряетъ то стѣсненное положеніе, въ какомъ онъ находится. Чтобы достигнуть лучшаго положенія, народъ долженъ понять, что онъ ничего не добьется съ своими нынѣшними вождями, что никто, кромѣ вождей англійской аристократіи, не желаетъ и не можетъ помочь ему. Мнѣніе, конечно, парадоксальное, обличающее крупный пробѣлъ въ научномъ образованіи оратора и романиста, но во всякомъ случаѣ указывавшее англійской аристократіи извѣстными демократическія задачи и обязанности. Когда, вслѣдствіе осужденія парламентомъ петиціи чартистовъ, произошли кровавыя волненія въ Бѣрмингемѣ и другихъ мѣстахъ, Дизраэли подалъ голось противъ министерскаго предложенія — подавить эти волненія военною силою.

Вскорѣ послѣ рѣчи о чартистахъ, Дизраэли женился на вдовѣ своего парламентскаго товарища, Уиндгема Льюкса. Мистрисъ Льюксъ была десятию годами старше Дизраэли и имѣла большое состояніе; но бракъ этотъ былъ, гдѣмъ не менѣе, необыкновенно счастливъ. Въ лондонскомъ обществѣ было извѣстно, что супруги Дизраэли обожаютъ другъ друга. Жена горячо принимала въ сердцу духовныя и политическія интересы мужа. О ней рассказывали, между прочимъ, очень характерный и трогательный анекдотъ. Когда супруги сѣли въ карету, чтобы ѣхать въ парламентъ, дверца сильно придавила два пальца мистрисъ Дизраэли; несмотря на нестерпимую боль, она скрыла ее отъ мужа, который въ этотъ день намѣревался говорить въ палатѣ общинъ, и которому могло помѣшать приключеніе съ женою. Но едва онъ вышелъ изъ кареты у зданія парламента, она упала безъ чувствъ. Въ 1868-мъ году, когда Дизраэли было предложено званіе пэра, онъ отклонилъ его для себя, но просилъ королеву возвести его жену въ званіе лэди Биконсфилдъ, и только по смерти ея согласился принять то же званіе самъ.

Дизраэли былъ теперь и членомъ парламента, обратившимъ на себя вниманіе политическихъ людей, и прочно поставленнымъ, вслѣдствіе брака, членомъ англійскаго общества. Начало политической карьеры было положено; но живой умъ его и дѣятельное честолюбіе чуть не фантастическихъ размѣровъ ставили ему нелегкую задачу. Ему предстояло еще создать себѣ партію; старый торизмъ не удовлетворялъ его, да онъ былъ и невозможенъ въ виду новыхъ вѣяній времени. Надо было найти въ средѣ этой партіи людей, согласныхъ идти съ нимъ одною дорогою, понимать торизмъ такъ, какъ онъ понималъ его. Людей съ привычками и понятіями, уже сложившимися, онъ переѣлать не могъ,

и вотъ онъ обратился въ торійской молодежи, задумавъ воспитать ее въ своихъ идеяхъ. Романтическое движеніе въ средѣ торійской молодежи вполне отъвѣчало этому намеренію. Въ то время покидала аудитории англійскихъ университетовъ группа юныхъ аристократовъ, романтиковъ и энтузіастовъ, одушевленныхъ желаніемъ оживить древній духъ англійскаго дворянства. Эта восторженная молодежь рѣзко осуждала тотъ поверхностный и вѣдь въ грубый способъ, какимъ была совершена реформація въ Англіи. Вѣдь то, чтобы принести Англіи духовное и нравственное возрожденіе, она, по мнѣнію этой молодежи, ограничилась тѣмъ, что отняла у церкви всѣ тѣ сокровища, которыя церковь въ свои лучшія времена употребляла на народное воспитаніе и на помощь бѣднымъ, и передала эту добычу партіи вигговъ, о которой брошюры и рѣчи Дизраэли свидѣтельствовали, что цѣль ея — учрежденіе въ Англіи олигархической республики по образцу венеціанской, и эксплуатація короны и народа. Подъ вліяніемъ романтизма, эти юные торіи склонялись въ пользу католицизма; ихъ отталкивалъ сухой формализмъ современности; ихъ плѣняли живописныя и великолѣпныя церемоніи прежней церкви; они мечтали объ идиллическомъ согласіи между крестьянами и дворянствомъ, свѣдѣли объ исчезновеніи народныхъ нарядовъ и старинныхъ сельскихъ обычаевъ. Съ искреннимъ сожалѣніемъ вспоминали они то время, когда, вѣдь то бѣдствующей породы сельскихъ рабочихъ, въ Англіи жило свободное крестьянство, столь же древнее и обезпеченное, какъ и самые дворяне, и юноши казались по возможности возстановить прежнее, вернуть народу и церкви все, что имъ принадлежало, воскресить тѣ золотыя времена, когда священникъ былъ народнымъ трибуномъ, а дворянинъ — защитникомъ и отцомъ своихъ крестьянъ.

Никто, конечно, не увидитъ въ этихъ романтическихъ грезахъ аристократической молодежи, какъ и мы не видѣли въ первыхъ произведеніяхъ и рѣчахъ Дизраэли, — ничего радикальнаго, ничего теоретически обдуманнаго и способнаго существенно улучшить дѣйствительно жалкое положеніе безземельнаго англійскаго крестьянина. Но въ этой аристократической оболочкѣ, тѣмъ не менѣе, сказалось демократическое вѣяніе времени, представителемъ котораго, въ аристократическомъ, чисто-англійскомъ смыслѣ, явился Дизраэли. Молодежь, о которой мы говоримъ, не замедлила признать его своимъ вождемъ и назваться «юной Англіей». Она составила, такъ-сказать, лѣвую сторону торизма, правой стороной котораго управлялъ лордъ Джонъ Маннерсъ. Въ своемъ романтическомъ увлеченіи, она считала своею задачей

«спасти» Англію отъ господства казармообразныхъ фабрикъ и меркантильныхъ среднихъ классовъ.

Какъ ни безвинно было это, отчасти реакціонное, движеніе среди торійской молодежи, оно сильно не нравилось ихъ «отцамъ». Въ 1844-мъ году, герцогъ Рэтлендъ, отецъ лорда Маннереа, писалъ лорду Стренгфорду, отцу одного изъ членовъ «юной Англіи», Джорджа Сидни Смита: «Такъ же сильно, какъ и вы, сожалѣю я о вліяніи мистера Дизраэли на разныхъ юныхъ британскихъ сенаторовъ, въ особенности на моего и вашего сына. Я не знаю лично мистера Дизраэли, но уважаю его дарованія, которыми онъ, впрочемъ, по моему мнѣнію, печально злоупотребляетъ. Больно думать, что двое такихъ юношей, какъ мой Джонъ и мистеръ Смитъ, должны быть руководимы человѣкомъ, который, относительно чистоты своихъ намѣреній, представляется мнѣ совершенно въ томъ же свѣтѣ, въ какомъ и вамъ, хотя я и могу судить о немъ только по его общественной дѣятельности. Достойный удивленія характеръ нашихъ сыновей тѣмъ легче поддается искусству хитраго человѣка.» «Отцы», очевидно, не вѣрили искренности аристократическихъ намѣреній Дизраэли, они подозревали его въ радикализмъ и видѣли авантюриста въ этомъ крещеномъ еврей. Но «дѣти» думали иначе. Они поклонялись самообладанію, литературному и ораторскому таланту, находчивости и искусству своего вождя, образъ мыслей котораго такъ близко подходилъ къ ихъ романтическимъ мечтаніямъ. Плодомъ бесѣды Дизраэли съ «юной Англіей» былъ его романъ «Кюннигсби, или новое поколѣніе», вышедшій въ 1844 году, и посвященный члену «юной Англіи», Генри Гопу, владѣльцу Динденскаго парка, гдѣ авторъ гулялъ и бесѣдовалъ съ своими юными друзьями. Романъ этотъ имѣлъ огромный успѣхъ, и важенъ въ жизни лорда Бивонсфильда тѣмъ, что доставилъ ему большую политическую и литературную знаменитость въ Англіи и за границей. Въ теченіи трехъ мѣсяцевъ онъ разошелся въ трехъ крупныхъ изданіяхъ, и не менѣе пятидесяти тысячъ экземпляровъ его было продано въ однихъ Соединенныхъ Штатахъ.

Собственно говоря, «Кюннигсби» — не романъ, а политическая брошюра въ лицахъ. Не ожидая большого успѣха отъ теоретическаго изложенія своей системы, авторъ прибѣгнулъ къ болѣе популярной формѣ романа, въ которомъ развилъ свою неизмѣнную мысль о новомъ торизмѣ, какъ народной и національной политической партіи, и вмѣстѣ создалъ программу для предводимой имъ «юной Англіи». Съ одинаковымъ безпристрастіемъ бичуетъ онъ въ этомъ романѣ и выговъ, и торіеизъ старой школы.

Уже въ самомъ началѣ романа авторъ распространяется о «венеціанской» партіи, о жадномъ дворянствѣ, цѣль котораго — вывести народнаго короля на степень управляемаго аристократами дожа, о превращеніи палаты общинъ послѣднею парламентскою реформой изъ народной думы въ представительство средняго сословія, поставленнаго въ привилегированное положеніе. Это о виггахъ. Не менѣе рѣзко отзывался авторъ и о торіяхъ. Обращаясь къ прошлому, онъ говорилъ, что торійское министерство Ливерпуля не имѣло никакихъ принциповъ или управленію Англіей на основаніи принциповъ, прямо противоположныхъ тѣмъ, какими руководствовались въ прежнія времена великіе вожди торіевъ. По его мнѣнію, члены этого министерства не имѣли ни единого изъ тѣхъ «божественныхъ» даровъ, какими должны быть надѣлены государственные люди: они не были ни ораторами, ни мыслителями, ни наблюдателями, и столько же знали дѣйствительное состояніе собственнаго отечества, сколько знаютъ дикари о предстоящемъ солнечномъ затмѣніи. Невѣжественные по всѣмъ отраслямъ политической науки, они хвалились тѣмъ, что они — люди практическіе; но на ихъ языкѣ практическимъ человѣкомъ былъ тотъ, кто «практикуетъ глупости своихъ предшественниковъ». И такъ осмѣявъ имъ не одинъ только Ливерпуль. Современники автору торіи старой школы выставлены тиранами и эпикурейцами, живущими только въ собственное удовольствіе. Одинъ изъ нихъ, лордъ Монмутъ, — умный и жесткій человѣкъ, который ненавидитъ страданіе и чувствительныя сцены, не терпитъ возраженій и противорѣчій. Единственная политическая цѣль его — добиться герцогской короны. Съ тою же идеею бичуетъ авторъ въ этомъ романѣ и положительность утилитаризма. Ненависть къ этому ученію является новымъ звеномъ, связующимъ его съ торійскою молодежью, съ «юною Англіей». Эта молодежь, жаждавшая возвратиться къ романтической таинственности средневѣковаго ритуализма, называетъ въ романѣ церемоніи и формы проявленіемъ высшихъ инстинктовъ человѣческой природы, и самъ авторъ не упускаетъ случая сказать, что человѣчество подъ вліяніемъ высшихъ и глубочайшихъ чувствъ всегда прибѣгало къ церемоніи и формѣ, потому что разгоряченная фантазія невольно вызываетъ къ фантазіи другихъ и требуетъ себѣ выраженія, котораго не даетъ рутинная будничная жизнь. Пришло время, — говоритъ авторъ, — создать новую торійскую партію, которая не должна быть только консервативною, не должна требовать отъ всякаго, ссылающагося на охранительные принципы, чтобы онъ высказалъ: что именно онъ

желаетъ сохранить. По характеру лицъ, выведенныхъ въ «Корнингсби», существовавшая доселѣ консервативная партія, главнымъ образомъ, состояла изъ людей, которыхъ политическія понятія сводились въ 1200 фунтамъ ежегоднаго прихода, уплачиваемымъ по четвертямъ года. Авторъ такъ характеризуетъ мыслительный процессъ этихъ лицъ: «получать 1200 фунтовъ въ годъ, значить быть правительствомъ; дѣлать попытки въ полученію 1200 фунтовъ — значить дѣлать оппозицію; желаніе добиться этихъ 1200 фунтовъ, есть честолюбіе». И авторъ серьезно и восторженно приглашаетъ «юную Англію» отбросить это бездушіе и замѣнить его у кормила геніемъ и принципами.

Такова, по мнѣнію Дизраэли, была политическая задача минуты. Ровно черезъ годъ авторъ выступилъ съ новымъ, столь же значительнымъ романомъ, посвященнымъ уже социальному вопросу. Въ pendant къ двумъ поколѣніямъ, изображеннымъ въ «Корнингсби», романъ «Сивилла» изображалъ двѣ націи. Эти двѣ націи — не что иное, какъ два слоя, на которые распадался англійскій народъ, какъ и всякій другой: нація бѣдныхъ и нація богатыхъ. Романъ «Сивилла» былъ попыткой открыть глаза Англіи на жалкое положеніе ея низшихъ слоевъ и тѣмъ противодействовать тому, что авторъ считалъ ея политическимъ заблужденіемъ. Чтобы исполнить эту трудную задачу, Дизраэли досталъ черезъ одного своего пріятеля всю переписку между главнымъ вождемъ чартистовъ, Фергюсомъ О'Конноромъ, редакторомъ газеты «Northern Star», и другими руководителями того же движенія. Онъ предпринялъ также путешествіе по Англіи, чтобы лично ознакомиться съ тѣми мѣстностями, въ которыхъ происходитъ дѣйствіе романа, и на мѣстѣ изучить жизнь бѣдныхъ. И онъ описалъ ее не только безъ преувеличеній, но и съ намѣренными смягченіями: по собственнымъ его словамъ, онъ чувствовалъ, что ему бы не повѣрили, еслибъ онъ сказалъ всю правду.

Фабула «Сивиллы» проста, какъ и фабула всѣхъ романовъ Дизраэли. Молодой дворянинъ Чарльзъ Игримонтъ, избранный въ 1837 году, послѣ довольно пусто проведенной юности, въ члены парламента, живя въ деревнѣ, встрѣчаетъ двоихъ незнакомцевъ недалеко отъ развалинъ стараго аббатства, принадлежащаго его брату. Между ними завязывается разговоръ; незнакомцы поражаютъ депутата оригинальностью и новостью своихъ мыслей о политическихъ и социальныхъ дѣлахъ Англіи. Одинъ изъ нихъ, Стифенъ Морлей, оказывается фанатическимъ, но очень даровитымъ самоучкой, редакторомъ социалистической га-

зеты; другой — Уолтеръ Джерардъ, простымъ рабочимъ, типомъ саксонскаго свободнаго крестьянства, съ энергическимъ характеромъ и свѣтлой головой, — человекомъ какъ-бы созданнымъ для предводительства радикальною партіей рабочихъ. Они случайно попали въ эту мѣстность, провожая дочь Джерарда, желавшую посѣтить аббатство. Разговоръ между ними и Игримонтомъ коснулся былыхъ временъ. Джерардъ хвалилъ монаховъ: они не имѣли права владѣть частною собственностью, не могли откладывать и завѣщать деньги; они и не отсутствовали по цѣлымъ годамъ, какъ дѣлаютъ это нынѣшніе англійскіе землевладѣльцы; они строили и сѣяли для потомства, учреждали библіотеки и школы, помогали бѣднымъ. Джерардъ былъ католикъ, но у него на первомъ планѣ стояла не религіозная, а правовая сторона вопроса. Реформація, по его мнѣнію, только то и сдѣлала, что взяла приступомъ, опустошила и въ неслыханныхъ размѣрахъ ограбила монастыри, отняла всѣ ихъ сокровища у монаховъ, чтобы раздѣлить ихъ между грабителями и положить денежное основаніе новому дворянству. Морлей соглашается съ Джерардомъ; но ему жаль монастырей особенно потому, что съ ними исчезъ послѣдній англійскій типъ общиннаго владѣнія; ассоціацію, эту душу всякаго общества, замѣнила въ Англии «изоляция». «Люди соединяются теперь въ большихъ городахъ только для наживы, — говоритъ онъ: — а заѣмъ никому нѣтъ дѣла до сосѣда. Христіанство въ свое время учило людей любить ближняго, какъ самого себя; но для новаго общества не существуетъ ближнихъ». Слова Джерарда и Морлея производятъ сильное впечатлѣніе на Игримонта; оно еще усиливается, когда Сивилла, окончивъ свою однунокую молитву въ аббатствѣ, присоединилась къ ихъ обществу. Она является въ романѣ воплощеніемъ надеждъ и нравственнаго благородства народа. Плѣненный Игримонтъ рѣшается поселиться въ той сторонѣ, гдѣ живетъ Джерардъ, чтобы изучить положеніе фабричныхъ рабочихъ. На его глазахъ готовится и растетъ движеніе чартистовъ; романъ знакомитъ насъ съ мыслями предводителей и народныхъ массъ, рассказываетъ извѣстную читателямъ подачу петиціи въ парламентъ и бездупный приѣмъ, оказанный ей депутатами. Легко представить себѣ, какое впечатлѣніе произвелъ такой приѣмъ на дѣйствующихъ лицъ романа, и между ними на Сивиллу, которая возлагала большія надежды на этотъ торжественный для чартистовъ день. Съ грустью читаетъ она въ газетѣ отчетъ о томъ парламентскомъ засѣданіи, но вдругъ лицо ея проясняется: она читаетъ, что въ парламентѣ

нашелся одинъ человѣкъ, который осмѣлился поднять голосъ въ ихъ пользу, что существуетъ дворянинъ, который, не будучи демагогомъ, поддержалъ дѣло народа и призвалъ права труда столь же священными, какъ и права собственности. Въ романѣ эта рѣчь приписана Игримонту; но читателямъ понятно, что то была рѣчь Дизраэли.

Въ сношеніяхъ съ окружающими Игримонтъ защищаетъ чартизмъ, но въ дѣйствительности считаетъ его безголовой агитаціей, и объясняетъ Сивиллѣ причины, заставляющія его думать такимъ образомъ. Онъ убѣждаетъ ее, что она составила свои мнѣнія о высшихъ классахъ по книгамъ, а не добыла ихъ опытомъ, что съ тѣхъ поръ, какъ написаны эти книги, произошла большая перемѣна; что господствующій классъ въ Англіи уже не тотъ, чѣмъ онъ былъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. — «Если произошла такая перемѣна, — гордо отвѣчаетъ она, — то произошла потому, что народъ созналъ теперь свою силу». Но Игримонтъ упрямивается ее отбросить это заблужденіе. «Народъ никогда не бываетъ силенъ, — говоритъ онъ: — народъ никогда не можетъ быть силенъ. Его попытки добиться своихъ правъ собственными средствами будутъ оканчиваться только страданіями и неурядицей. Перемѣну, о которой я говорю, совершила и всегда совершаетъ цивилизація; она одна научаетъ образованнаго человѣка общественнымъ его обязанностямъ. Теперь свѣтаетъ въ исторіи Англіи, но только высоко-стоящіе могутъ видѣть утреннюю зарю. Новое поволеніе англійскихъ аристократовъ не тираны, не притѣснители, какъ вы упорно думаете, Сивилла. Ихъ умъ, даже больше, чѣмъ умъ — ихъ сердце проникнуто отвѣтственностью ихъ положенія... Они естественные руководители народа, Сивилла. Повѣрьте мнѣ: они единственные руководители, которыхъ онъ имѣетъ».

На эту живую и интересную тему написанъ весь романъ, излагающій политическія и социальныя мнѣнія автора. Біографъ Дизраэли справедливо замѣчаетъ, что въ этомъ романѣ есть мѣста, напоминающія Лассала. Романъ «Сивилла» былъ откликомъ на сильное броженіе, охватившее Англію въ сороковыхъ годахъ. Въ народѣ сказались общее недовольство и тревога. Плохія жатвы, суровыя зимы, строгій законъ о бѣдныхъ и агитація чартистовъ, сопровождавшаяся восстаніями и кровавыми столкновеніями, поддерживали въ низшихъ слояхъ Англіи лихорадочное настроеніе. Въ маѣ 1842 года чартисты снова обратились въ парламентъ съ петиціей за 3.300,000 подписей, и когда ее постигла та же участь, что и первую, были совершены, въ те-

ченіе трехъ мѣсяцевъ, два покушенія на жизнь королевы. Дороговизна и нищета подняли на ноги весь Уэльсъ и всю Ирландію. Образовались тайныя общества; опасность была такъ велика, что землевладѣльцы не рѣшались жить въ своихъ помѣстьяхъ. Въ среднихъ классахъ тоже шла дѣятельная агитація въ пользу отмѣны хлѣбныхъ законовъ, искусственно повышавшихъ цѣны на хлѣбъ въ интересѣ землевладѣнія и дворянства. Открыто поднять въ это время свой голосъ въ пользу землевладѣнія и дворянства — было очень смѣло. Известно, что самъ тогдашній глава торіевъ и первый министръ, Робертъ Пиль, считалъ нужнымъ измѣнить одностороннимъ и вреднымъ для народа интересамъ своей партіи и предложилъ парламенту отмену хлѣбныхъ законовъ. Но Дизраэли не отступалъ ни на шагъ отъ своей романтической и въ то же время, какъ показали послѣдствія, практической программы. Его натура не мирилась съ высшею рутинностью, положительностью и высокомѣріемъ перваго министра, одного изъ популярѣйшихъ людей Англіи, въ его сношеніяхъ съ молодымъ и еще мало вліятельнымъ депутатомъ. Онъ открылъ противъ него, сначала по частнымъ, а потомъ и по общимъ вопросамъ, рѣшительную борьбу, и продолжалъ ее съ такою хитростью и силой, съ такимъ остроуміемъ и пафосомъ, что сильный противникъ его, наконецъ, свалился и утратилъ свое положеніе и свою партію. Пользуясь тѣмъ, что Робертъ Пиль самъ стоялъ сначала во главѣ противниковъ отмѣны хлѣбныхъ законовъ и обязался передъ своею партіей энергически вести это дѣло до конца, что министръ, поддерживаемый партіей именно за его направленіе, долженъ выйти въ отставку, расходился съ нею въ существенныхъ вопросахъ, а не оставаться министромъ вопреки этой партіи, Дизраэли напалъ на Пила, котораго торіи считали измѣнникомъ, и отбилъ у него если не всю, то значительную часть этой партіи. По мнѣнію Брандеса, больше чѣмъ вѣроятно, что дальновидный Дизраэли уже тогда предвидѣлъ опасности, угрожавшія англійскому земледѣлію отъ соперничества съ сѣверо-американскимъ. Но въ парламентскихъ преніяхъ объ отмѣнѣ хлѣбныхъ законовъ онъ исключительно ссылаясь на отступничество Роберта Пила. Когда, несмотря на сопротивленіе торіевъ, отмена хлѣбныхъ законовъ состоялась, эта партія потеряла голову и языкъ; ей былъ необходимъ человѣкъ, который бы мыслилъ и говорилъ за нее и въ ея интересахъ, и такимъ человѣкомъ сталъ для нея Дизраэли. Изъ иностранца, предки котораго даже не имѣли правъ на земельную собственность въ Англіи, изъ городского депутата, изъ ро-

маниста и салоннаго денди, онъ дѣлался теперь представителемъ землевладѣнія. Это было странно, парадоксально, но въ данномъ случаѣ очень практично. Одно только это положеніе могло заставить забыть происхожденіе Дизраэли и смотрѣть на него, какъ на истаго англичанина и патріота. Онъ и прежде говорилъ, что фабриканты и промышленники могли бы, еслибъ пожелали, переселиться хоть въ Египетъ, не принося этимъ вреда Англіи, что собственно одни земледѣльцы могутъ быть названы настоящими и приверженными патріотами, безъ которыхъ не можетъ обойтись ни одна нація. Потомъ онъ явился горячимъ защитникомъ интересовъ землевладѣнія въ вопросѣ объ отмѣнѣ хлѣбныхъ законовъ, а съ 1848 года сталъ признаннымъ, фактическимъ главою торіевъ въ палатѣ общинъ. Оставаться долѣе представителемъ мѣстечка Шрѣсбери ему было уже неудобно. Поддерживаемый многочисленными приверженцами, онъ выступилъ кандидатомъ въ Бѣккингемскомъ графствѣ, гдѣ приобрѣлъ имѣніе Гюгенденъ, въ 1847 году былъ избранъ значительнымъ большинствомъ голосовъ въ представители этого графства, и оставался его депутатомъ до своего перехода, въ 1876 году, въ палату лордовъ.

Къ этому времени относится и одинъ изъ самыхъ интересныхъ и оригинальныхъ романовъ Дизраэли — «Танкредъ», посвященный богословской и исторической защитѣ еврейскаго племени. Иронія и мистицизмъ — вотъ двѣ преобладающія черты этого произведенія, яркими красками рисуящаго то, что представляется автору историческою, логическою и нравственною ошибкой христіанъ относительно еврейства. Христіанство вышло изъ еврейства, говоритъ онъ устами дѣйствующихъ лицъ романа; еслибъ не евреи Палестины, современные народы сѣвера и запада ничего не знали бы объ Евангеліи. Первые апостолы были евреи, исключительно евреи; первые евангелисты — евреи, и только евреи. Въ теченіе почти цѣлаго вѣка, одни только евреи вѣрили въ ученіе Спасителя. Не римскій сенаторъ и не аѳинскій философъ, а еврей изъ Тарса учредилъ семь церквей въ Азіи, и ту знаменитѣйшую церковь, которая отстояла за разрушеніе Іерусалима, завоевавъ себѣ Римъ и превративъ всѣ греческіе и римскіе храмы въ алтари синайскаго Бога и Христа.

Религіозные вопросы еще продолжали сильно интересовать англійское общество въ сороковыхъ годахъ. Уже гораздо послѣ появленія романа «Танкредъ», либеральный противникъ Дизраэли, Гладстонъ, серьезно усматривалъ христіанскую св. Троицу въ гомерическихъ богахъ, даже въ треножникѣ Посейдона, и срав-

нительно съ нимъ Дизраэли былъ радикаломъ въ религіозныхъ вопросахъ. Его попытка согласовать и примирить въ «Танкредѣ» христіанство съ еврействомъ, его мысль объ оправдавшемся высокомъ предназначеніи избраннаго и потому аристократическаго еврейскаго народа, были заявленіями слишкомъ рѣзкими и смѣлыми для тогдашняго торія. Романъ оканчивается союзомъ прекрасной и ревностной еврейки Евы съ молодымъ Танкредомъ, союзомъ Англіи съ Востокомъ.

Картины восточной жизни набросаны авторомъ съ большимъ искусствомъ. Ему удался также и характеръ эмира Факредина. Въ лицѣ Факредина авторъ желалъ выставить политическій геній, не богатый познаніями и силою воли, хотя и вкусившій европейскаго образованія. Для насъ онъ важенъ потому, что авторъ приписывалъ ему планы, занимавшіе и томившіе его самого. Факрединъ, въ юности стремившійся достигнуть королевской власти въ Сиріи, постоянно жаждетъ болѣе обширнаго поля политической дѣятельности. «Онъ желалъ приводить въ изумленіе не приливанскій край, а Европу, и мѣряться своими нравственными силами съ крупными тронами и державами, а не съ простыми шейхами и эмирами своихъ горъ». Долгіе восточные дни просиживалъ онъ, съ турецкой трубкой во рту, на диванѣ Танкреда, напентывая своему другу самыя странныя фантазіи. Онъ говорилъ между прочимъ: «Вы, англичане, должны исполнить въ большихъ размѣрахъ старый планъ Португаліи. Вы должны покинуть маленькую, истощенную страну, и замѣнить ее великою и обширною имперіей. Пусть королева Англіи соберетъ свои корабли, пусть нагрузитъ ихъ своими сокровищами, своими капиталами, золотыми вещами и драгоценнымъ оружіемъ; пусть она, со всѣмъ своимъ дворомъ и своими лучшими людьми, перенесетъ мѣстопробываніе правительства изъ Лондона въ Дельи. Тамъ найдетъ она готовымъ громадное царство, первоклассное войско и большіе доходы... Я же позабочусь о Сиріи и Малой Азіи. Афганами можно управлять только при помощи Персіи и арабовъ. Мы признаемъ тогда индійскую императрицу нашимъ верховнымъ сюзереномъ и обезпечимъ ей господство на восточномъ побережьи. Если она пожелаетъ, ей должна принадлежать и Александрія, какъ принадлежитъ теперь Мальта; это можно сдѣлать. Ваша королева молода; у ней есть будущность. Абердинъ и Пизъ никогда не подадутъ ей такого совѣта; ихъ привычки уже сложились развѣ навсегда; они слишкомъ стары, слишкомъ хитры. Но вы видите сами: дѣло идетъ о величайшемъ изъ царствъ, какія когда-либо существовали. Имѣя все

это, королева освободится въ то же время отъ затрудненій, представляемыхъ обѣими палатами! И все это вполне осуществимо: единственная трудная часть задачи—завоеваніе Индіи, въ которомъ Александръ Македонскій потерпѣлъ неудачу,—уже исполнена».

Мы остановились на этомъ эпизодѣ и привели эту выписку, потому что каждой изъ высказанныхъ въ ней мыслей соотвѣствуетъ какое-нибудь позднѣйшее дѣйствіе уже не Дизраэли только, но и лорда Баконсфильда. Съ тѣхъ поръ, какъ написанъ «Танкредъ», онъ прямо называлъ Англію восточною державой, а Индію центромъ тяжести англійскаго могущества. Онъ провозгласилъ королеву Викторію индійскою императрицей, и посоветовалъ извѣстную побѣду принца Уэльскаго въ Индію, «съ сокровищами, капиталами и драгоценнымъ оружіемъ», «въ сопровожденіи лучшихъ людей». Онъ призвалъ индійскія войска въ Европу на защиту англійскихъ интересовъ; наконецъ онъ же сдѣлалъ индійскую императрицу верховнымъ сюзереномъ Малой Азіи. Сдѣлавъ Англію сильнѣйшимъ акціонеромъ Суэскаго канала, онъ не завладѣлъ Александріей, чтобы не ссориться съ Франціей, но замѣнилъ ее Кипромъ. Афганцы уже укрощены, и обѣ палаты англійскаго парламента все время узнавали отъ перваго министра только уже совершившіеся факты.

Тридцать лѣтъ прошли со времени появленія въ свѣтъ «Танкреда», и въ теченіе этого долгаго періода авторъ оставался упорно вѣренъ заявленнымъ въ немъ планамъ. Послѣ «Танкреда», онъ прервалъ свою литературную дѣятельность на двадцать-три года, и вполне отдался достиженію задуманныхъ политическихъ цѣлей. Единственнымъ его сочиненіемъ за это время была біографія лорда Бентинка, чисто-политическаго содержанія.

Соединенныя усилія недовольныхъ виговъ, предводимыхъ Пальмерстономъ пилитовъ и торіевъ сломали въ 1852 году министерство виговъ, во главѣ котораго стоялъ лордъ Джонъ Россель. Составленіе новаго кабинета было поручено королевой лорду Дерби, и когда Пальмерстонъ отказался принять управленіе министерствомъ финансовъ въ торійскомъ кабинетѣ, оно было предложено Дизраэли. Въ первый разъ становился онъ членомъ правительства, но членомъ еще новымъ, не имѣющимъ въ этомъ качествѣ большого авторитета, и притомъ среди неблагоприятныхъ обстоятельствъ. Торійская партія составляла тогда меньшинство въ палатѣ общинъ. Число торіевъ равнялось соединенному числу виговъ и радикаловъ; перевѣсъ той или другой партіи давали пилиты, а это были непримиримые враги новаго министра.

Внесенный имъ проектъ бюджета былъ составленъ искусно. Лордъ Пальмерстонъ писалъ объ этомъ проектѣ своему брату: «Сегодня вечеромъ Дизраэли внесъ очень хорошій финансовый проектъ. Его двухчасовая рѣчь была прекрасна, стройна, ясна и хорошо сказана... Онъ вполне отказался отъ мысли объ обложении привознаго хлѣба пошлиной или, другими словами, выкинулъ за-бортъ принципъ таможеннаго покровительства». Дѣйствительно, уже въ первый день своего министерства, Дизраэли отвѣтилъ на предложенный ему запросъ по этому жгучему дѣлу, что такъ какъ сторонникамъ свободной торговли удалось возбудить такую массу предубѣждений и ненависти даже противъ чисто-фискальных и низкихъ пошлинъ, то онъ считъ бы со стороны правительства въ высшей степени безразсуднымъ и неблагодарнымъ дѣломъ идти наперекоръ народному мнѣнію. Въ томъ же смыслѣ высказался онъ въ своей объяснительной рѣчи къ проекту бюджета. Въ другой разъ онъ прямо отозвался, что «духъ вѣка стремится къ свободной конкуренціи, что ни одинъ государственный человѣкъ не можетъ безнаказанно пренебрегать духомъ своего времени»; но лордъ Дерби былъ менѣе уступчивъ въ этомъ вопросѣ, и вскорѣ противъ правительства составилось въ палатѣ общинъ большинство изъ 86 голосовъ. Просуществовавъ всего десять мѣсяцевъ, торійское министерство пало, и составленіе новаго кабинета было поручено лорду Абердину, составившему коалиціонное министерство, въ которое вошелъ и главный дѣятель средней партіи (чилитовъ) Гладстонъ, будущій политическій соперникъ и врагъ Дизраэли.

Гладстонъ началъ съ самаго крайняго торизма и кончилъ чуть не переходомъ въ радикальный лагерь. Таланты и характеры этихъ двухъ людей были такъ же противоположны, какъ и ихъ направленія. Гладстонъ — человѣкъ убѣжденія, говоритъ Брандесъ, что не мѣшаетъ ему быть человѣкомъ, измѣняющимъ свои убѣжденія. Онъ измѣнилъ мало-по-малу, по частямъ, всю свою политическую вѣру, но въ каждую данную минуту вполне и твердо вѣрилъ въ безусловную истинность своего сгѣдо. Лордъ Бивонсфильдъ, напротивъ, всегда гордился своимъ политическимъ постоянствомъ, и въ существенныхъ чертахъ дѣйствительно оставался вѣрнымъ самому себѣ; если онъ относился въ вещамъ съ разныхъ точекъ зрѣнія, то видовизмѣненія въ его образѣ мыслей всегда вызывались не измѣнявшимися убѣжденіемъ, а только толковою уступчивостью окружающимъ. Гладстонъ соединилъ голову министра финансовъ съ сердцемъ филантропа; онъ — человѣкъ цифръ, умѣющій сочувствовать страданіямъ человѣчества; но онъ

— не интересная и не оригинальная натура. Лордъ Биконсфильдъ, напротивъ, натура въ высшей степени оригинальная; въ его природѣ есть нѣчто демоническое. Гладстону не стоило большого труда сознаваться, что онъ ошибся. Дизраэли никогда не приходилось сознаваться въ ошибкахъ, и притомъ съ нѣкоторымъ правомъ, по цѣльности его природы, надъ которою въ его глазахъ время не имѣло никакой власти. Съ годами Гладстонъ все болѣе и болѣе поддавался раздражительности и впечатлѣніямъ минуты; соперникъ его, напротивъ, дѣлался съ годами все спокойнѣе и холоднѣе. Они противоположны и какъ ораторы. Чтобы убѣдить своихъ слушателей, Гладстонъ ссылается на вѣчныя идеи справедливости и истины; онъ говоритъ именемъ человѣчества и христіанства, онъ признаетъ философскія, филантропическія и космополитическія идеи высшими руководящими идеями также и въ политикѣ. Для лорда Биконсфильда, рѣшающими авторитетами въ политикѣ служатъ великіе государственные люди Англіи, онъ ссылается не на идеи, а на прецеденты, не на принципы, а на Болинброка и Шельборна. Онъ желаетъ, прежде всего, быть національнымъ и вѣрнымъ исторіи. Но всего болѣе разошлись они въ дѣлахъ внѣшней политики. Гладстонъ прежде всего стремился къ систематическому уменьшенію государственнаго долга Англіи отличными финансовыми мѣрами; для достиженія этой цѣли былъ необходимъ миръ, и онъ простеръ такъ далеко свое миролюбіе и свою политику невмѣшательства, что Англія повсюду уже считалась страной исключительно промышленною, неспособною отстаивать вооруженною рукою свое внѣшнее вліяніе, свои притязанія и права. Противникъ его былъ силенъ именно тѣмъ, что держался совершенно противоположнаго направленія и въ послѣднее время дѣйствительно разсѣлъ распространившееся мнѣніе о безсиліи Англіи.

Паденіе министерства Дерби въ декабрѣ 1852 года возвратило Дизраэли въ положеніе оппозиціоннаго депутата. Съ тѣхъ поръ, въ теченіе двадцати-одного года, онъ былъ только четыре года министромъ: съ марта 1858 до іюня 1859 — министромъ финансовъ въ кабинетѣ лорда Дерби, и съ 1866 по 1868 годъ, сначала также министромъ финансовъ, потомъ, когда лордъ Дерби отказался отъ власти, первымъ министромъ, но очень короткое время. Не раньше 1874 года, когда ему было уже семьдесятъ лѣтъ, получилъ онъ свое настоящее значеніе, какъ первый министръ, дѣйствительно руководящій дѣлами страны. Въ качествѣ дѣятельнаго члена оппозиціи, онъ выдался особенно своею проникательностью въ виду индійскаго возстанія, о кото-

рѣшѣ министерство отзывалось сначала какъ о явленіи неважномъ, какъ о случайномъ военномъ бунтѣ, и которое онъ первый призналъ возстаніемъ народнымъ. Онъ высказалъ при этомъ свою мысль о способахъ вліянія на восточные народы, которая потомъ вошла въ его правительственную систему. Онъ доказывалъ, что всѣ великіе государственные люди Англіи, занимавшіеся индійскими дѣлами, считали необходимымъ оставлять неприкосновенными права и привилегіи, законы и нравы, собственность и религію управляемыхъ народовъ, и показавъ на примѣрахъ, какъ сильно провинилось правительство во всѣхъ этихъ отношеніяхъ. «Вы должны — все равно, получите ли вы извѣстіе о побѣдѣ или пораженіи — объявить индійскому народу, что онъ станетъ отнынѣ въ болѣе тѣсныя отношенія къ своей дѣйствительной государынѣ, королевѣ Викторіи. Въ этомъ смыслѣ вы должны дѣйствовать на общественное мнѣніе въ Индіи, а на общественное мнѣніе восточныхъ народовъ можно дѣйствовать только черезъ ихъ воображеніе».

Дизраэли выдался также своей парламентской дѣятельностью послѣ извѣстнаго покушенія Орсини на жизнь Наполеона III. Когда гр. Валуевскій вручилъ лорду Пальмерстону обидную ноту, въ которой Англія выставилась защитницей убійцы, а въ «Монитерѣ» былъ напечатанъ адресъ французскихъ полковниковъ къ императору, просившій позволенія призвать къ отвѣту «эту нечистую страну, это гнусное гнѣздо», Пальмерстонъ отнесся ко всему этому съ такой угодливостью, что предложилъ парламенту новый законъ противъ эмигрантовъ. Дизраэли возсталъ противъ этой политики и нанесъ министерству рѣшительный ударъ. Оно пало и въ 1858 году власть, какъ мы сказали выше, перешла опять къ лорду Дерби.

Но и это торійское министерство было недолговѣчно. Сторонники его, торіи, опять составляли меньшинство въ палатѣ общинъ. Министерство было вынуждено искусно лавировать, чтобы существовать короткое время. Оно успѣло однако-же непосредственно подчинить Остъ-Индію англійской коронѣ и правительству, и открыть евреямъ доступъ въ парламентъ. Первый еврей, ставшій членомъ парламента, баронъ Лайонель Ротшильдъ, вошелъ въ палату общинъ подъ руку съ Дизраэли. Но общественное мнѣніе требовало еще и парламентской реформы. Давно уже хотѣлось Дизраэли вырвать этотъ вопросъ изъ рукъ виговъ и, несмотря на крайнее недоброжелательство торіевъ въ подобной мѣрѣ, онъ рѣшился провести ее. Ему предстояло совершить невозможное чудо политическаго искусства — удовлетворить одновре-

менно и торіевъ, и виговъ въ этомъ вопросѣ капитальной важности для Англіи. На внесенный имъ проектъ посыпались осужденія со всѣхъ сторонъ. Проектъ не былъ ни демократическимъ, ни консервативнымъ; но онъ шелъ дальше послѣдовавшаго за нимъ билля виговъ о той же реформѣ. Онъ былъ отвергнутъ; министерство рискнуло распустить парламентъ и произвести новые выборы, но и новый парламентъ тоже высказался противъ него. Смѣнившее торіійскій кабинетъ министерство, въ составъ котораго вошли Пальмерстонъ, Россель и Гладстонъ, продолжало ту политику равнодушія къ колоніямъ и дѣламъ внѣшнимъ, которая въ скоромъ времени вызвала сильную реакцію и доставила Дизраэли полную побѣду надъ вигами. Когда министръ колоній, герцогъ Ньюкастль, не затруднился заявить публично, что онъ очень порадовался бы расторженію колоніальныхъ узъ между Канадой и Англіей, Дизраэли горячо напалъ на министерство, и мы знаемъ теперь, что онъ способствовалъ потомъ скрѣпленію этихъ узъ, упраздненіе которыхъ порадовало бы виговъ, и назначенію зятя королевы, маркиза Лерна, генералъ-губернаторомъ Канады. Еще рѣшительнѣе протестовалъ онъ противъ передачи Іонійскихъ острововъ Греціи. Онъ оставлялъ совсѣмъ безъ вниманія желаніе населенія этихъ острововъ присоединиться къ греческому королевству; на первомъ планѣ стояло у него стремленіе сохранить на Средиземномъ морѣ цѣпь гарнизоновъ, охранявшихъ путь въ Индію. «Профессоры и риторы,—говорилъ онъ,—предумываютъ систему для каждаго событія и принципъ для каждаго отдѣльнаго случая; но вы, я надѣюсь, не желаете предоставить рѣшеніе судебъ британской имперіи мальчуганамъ и педантамъ. Государственныхъ людей, которыми составляются планы, и людей боевыхъ, которыми эти планы исполняются, воодушевляютъ только инстинктивное стремленіе къ могуществу и любовь къ родинѣ. Вотъ тѣ чувства и тѣ способы, которыми создаются великія имперіи». Въ прошломъ году, какъ извѣстно, лордъ Биконсфилдъ замѣнилъ упраздненный въ 1863 г. протекторатъ надъ Іонійскими островами вновь приобретеннымъ протекторатомъ надъ островомъ Кипромъ.

Внимательно слѣдилъ Дизраэли за внѣшней политикой министерства, и при каждомъ удобномъ случаѣ наносилъ ему чувствительные удары. Онъ надѣвался надъ политической сентиментальностью правительства въ польскомъ вопросѣ, рѣзко и сильно порицалъ недостойную политику кабинета относительно Даніи, противъ которой ополчилась тогда Пруссія, и одно предложеніе его, направленное противъ этой внѣшней политики, было отвергнуто

въ палатѣ общинъ уже только незначительнымъ большинствомъ 18-ти голосовъ.

Равнодушное къ дѣламъ внѣшнимъ, министерство нашло нужнымъ предложить внутри, по смерти лорда Пальмерстона, свой проектъ парламентской реформы. Лорду Росселю хотѣлось развѣ навсегда покончить съ этимъ тревожнымъ вопросомъ, назрѣвшимъ до того, что обойти его было уже невозможно. Его проектъ, нерѣшительный и никого не удовлетворившій, не прошелъ, и министерство вышло въ отставку.

Лордъ Дерби вновь сдѣлался главою кабинета, въ которомъ Дизраэли въ третій разъ принялъ должность министра финансовъ. Новое министерство опять не имѣло на своей сторонѣ большинства голосовъ въ парламентѣ, и опять было встрѣчено общественнымъ мнѣніемъ съ большимъ недоувѣріемъ. Никто уже не вѣрилъ въ торизмъ, какъ дѣйствительную силу, а тѣмъ менѣе прогрессивную силу. Волненіе въ пользу парламентской реформы росло съ каждымъ днемъ и возбуждало настоящую ненависть противъ Дизраэли, какъ главнаго противника предложенной Росселемъ реформы. Торійскому кабинету не оставалось ничего другого, какъ овладѣть этимъ вопросомъ, внести свой проектъ и удовлетворить общее нетерпѣливое желаніе. Въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ было предложено разными министерствами не менѣе шести проектовъ, которые были отвергнуты всѣ; но это не устрасило Дизраэли. Онъ предложилъ парламенту проектъ резолюцій по этому вопросу, ссылаясь на свое желаніе ознакомиться съ господствующими въ палатѣ воззрѣніями на реформу. Но отъ него потребовали настоящаго билля. Онъ не остановился и передъ этимъ косвеннымъ заявленіемъ недоувѣрія со стороны всемогущей палаты общинъ. Онъ внесъ въ нее билль, по которому одна четвертая часть избирателей принадлежала къ аристократіи, другая четвертая часть — къ рабочему классу, а остальные двѣ четверти — къ среднему сословію. Билль этотъ былъ либеральнѣе того, который предлагали прежде виги; онъ предоставлялъ право голоса всѣмъ нанимателямъ домовъ и даже произвелъ расколъ въ кабинетѣ. Недовольные имъ три министра, въ томъ числѣ будущій лордъ Сольсбри, вышли изъ министерства. На этотъ разъ, однако же, не торіи были главною помѣхой дѣлу реформы. Они, повидимому, примирились съ ея необходимостью. За-то виги, въ лицѣ Гладстона, подвергли проектъ Дизраэли подробнѣйшему анализу и выдѣлили изъ него всѣ такъ-называемыя консервативныя гарантіи, придуманныя его авторомъ. Къ общему удивленію, послѣдній съ-разу и охотно

согласился на эти перемѣны. Онъ согласился даже предоставить избирательный голосъ нанимателямъ комнатъ, платившимъ ежегодно десять фунтовъ найма. Искусно маневрируя между партіями, онъ достигъ своей цѣли. Проектъ его, сильно измѣненный съ его согласія, прошелъ; проектъ Гладстона былъ отвергнутъ. Во время этихъ преній, совѣщаній и переговоровъ, Дизраэли выказалъ необычайную дѣятельность. Онъ говорилъ въ палатѣ общинъ 310 разъ — и, сверхъ того, предложилъ свой проектъ бюджета, составленный съ такою прозрачною ясностью, которая обезоружила даже и его противниковъ. Дизраэли торжествовалъ на всѣхъ пунктахъ. На банкетѣ, вскорѣ данномъ ему въ Эдинбургѣ, онъ высказалъ открыто, что поставилъ себѣ задачей «воспитать торійскую партію». Теперь онъ былъ у цѣли. Парламентская реформа никогда не пугала его; онъ всегда хотѣлъ усилить представительство аристократіи и низшихъ классовъ на-счетъ среднихъ, и считалъ теперь особенной удачей, что онъ, консерваторъ и торій, провелъ либеральную реформу. Одинъ изъ важнѣйшихъ внутреннихъ вопросовъ былъ, такимъ образомъ, порѣшенъ. Теперь можно было, удовлетворивъ общественное мнѣніе внутри, обратиться къ заброшеннымъ вопросамъ внѣшней политики.

Но положеніе перваго министра, сильнаго парламентскимъ большинствомъ, все еще не давалось Дизраэли. Правда, въ февралѣ 1868 г. больной лордъ Дерби удалился въ частную жизнь, указавъ королевѣ на Дизраэли, какъ на своего единственно возможнаго преемника, и Дизраэли занялъ постъ перваго министра; но онъ былъ министромъ парламентскаго меньшинства, и когда Гладстонъ внесъ свое предложеніе объ упраздненіи государственной (англиканской) церкви въ Ирландіи, ему, какъ торію, стоявшему за «священный союзъ между церковью и государствомъ», пришлось рѣзко разойтись съ большинствомъ въ этомъ вопросѣ, и уступить мѣсто перваго министра Гладстону.

Вскорѣ послѣ этой неудачи, Дизраэли издалъ въ 1870 году свой послѣдній романъ — «Лотаръ», направленный противъ проявившагося въ англійской аристократіи стремленія къ переходу въ католицизмъ. Герой этого романа — молодой и очень богатый аристократъ, томимый жаждой овладѣть религіозною истиной и выбрать ту церковь, которая ее представляетъ. Рѣшившись употребить часть своего огромнаго состоянія на сооруженіе собора, онъ еще не знаетъ, долженъ ли этотъ соборъ быть католическимъ или протестантскимъ. Вліяніе отлично образованнаго, знающаго свѣтъ кардинала и одной любезной католической семьи склоняетъ его въ пользу католицизма, но «добрый геній» Лотара, Теодора,

разрушаетъ эти планы обаяніемъ своихъ революціонныхъ идей. Итальянская патриотка, сначала бѣдная уличная пѣвица, дитя народа, она стала теперь главою итальянскихъ тайныхъ обществъ; свое состояніе, свои украшенія, частную жизнь и покой — все принесла она въ жертву дѣлу свободы, и кончила страдальческою смертію при Ментанѣ. Отъ нея узнаетъ Лотарь совсѣмъ новыя для него мысли. Она убѣждаетъ его, что дѣло не въ католичествѣ, что можно быть очень религіознымъ человекомъ и не принадлежать ни къ какой церкви. «Какой же вы вѣры?» спрашиваетъ ее Лотарь. «Я думаю, что истинной вѣры», отвѣчаетъ Теодора: «совѣсть — вотъ моя религія», и на вопросъ удивленнаго собесѣдника, неужели она никогда не нуждалась въ чужомъ руководствѣ, говоритъ: «Я никогда не слыхивала отъ этихъ руководителей такой истины, которой прежде не научила бы меня собственная совѣсть. Они говорятъ другимъ языкомъ, чѣмъ я, но я постоянно нахожу, что наши мнѣнія одинаковы. Они называютъ вѣчностью то, что я называю временемъ; описывая небо, они изображаютъ землю, и надѣляются чисто земными свойствами тѣ существа, которыхъ они называютъ божественными». Теодора, разумѣется, критически относится къ папству и его свѣтской власти. Увлеченный этою горячей и привлекательной натурой, Лотарь однако же не въ силахъ высвободиться изъ сѣтей католицизма. Сначала онъ поступаетъ волонтеромъ въ отрядъ, предводительствуемый мужемъ. Теодоры, и при Ментанѣ получаетъ тяжелую рану. Привезенный въ безсознательномъ состояніи въ Римъ, гдѣ въ это время находились многіе англичане-католики, онъ дѣлается героемъ небывалой легенды. Духовенство распускаетъ слухъ, что онъ спасенъ чудеснымъ явленіемъ Мадонны; папскія газеты возвѣщаютъ даже, что онъ сражался при Ментанѣ за папу, за его «святое» дѣло. Но вотъ онъ выздоравливаетъ и читаетъ эти газетныя строки, очень удачно пародированныя авторомъ. Онъ протестуетъ, называетъ это ложью. Правда, — объясняетъ ему кардиналъ: о вашемъ участіи въ дѣлѣ при Ментанѣ говорятъ различно, и если вѣрить вашему показанію, то это участіе «было нѣсколько иного свойства»; но ваше показаніе, само по себѣ въ высшей степени невѣроятное и не подтвержденное свидѣтелями, еще не позволяетъ назвать свѣдѣнія газетъ ложными; вы должны вспомнить, что были очень больны, и что болѣзнь парализуетъ память; Георгъ IV вѣрилъ, что лично участвовалъ, даже начальствовалъ въ сраженіи при Ватерло и т. п. Воля Лотара была такимъ образомъ опутана тончайшими нитями; его чтли, ему

чуть не поклонялись, какъ человѣку, надъ которымъ совершилось чудо. Но воспоминаніе о Теодорѣ пробуждаетъ въ немъ послѣдніе остатки энергіи, и онъ внезапно спасается бѣгствомъ изъ Рима, ѣдетъ странствовать на Востокъ и, по возвращеніи въ Англію, женится на протестанткѣ, подругъ своихъ юношескихъ лѣтъ. Романъ, конечно, не ограничивается этими дѣйствующими лицами. Въ немъ являются на сцену, въ болѣе или менѣе неудачныхъ образахъ, и спорятъ между собою представители всѣхъ современныхъ мировоззрѣній: католики, протестанты, пантеисты, свободные мыслители, какъ органы «арійскихъ принциповъ», и наконецъ семиты.

Высокое политическое положеніе автора, не помѣшавшее ему написать новый романъ, доставило послѣднему безпримѣрный успѣхъ. Требованіе на романъ было такъ велико, что лондонскіе книгопродавцы купили каждый по 1,200 экземпляровъ перваго изданія. Одна фирма въ Америкѣ продала въ одинъ мѣсяцъ 25,000 экземпляровъ «Лотара». Въ нѣсколько недѣль онъ разошелся въ семи изданіяхъ.

Гладстонъ, между тѣмъ, проводилъ въ парламентѣ реформу за реформой, продолжая терпѣливо выносить большія неудачи по внѣшней политикѣ. По утвержденіи билля о тайной подачѣ голосовъ на выборахъ, онъ внесъ проектъ объ университетскомъ образованіи въ Ирландіи, предлагая упрочить религіозную свободу преподаванія не только упраздненіемъ протестантскаго богословскаго факультета въ дублинскомъ университетѣ, но и отмѣной преподаванія философіи и новѣйшей исторіи. Дизраэли произнесъ сильную рѣчь противъ этого билля, радикальностью котораго были недовольны и многіе либералы; билль не прошелъ; палата общинъ высказалась противъ него большинствомъ трехъ голосовъ, и когда, послѣ этого рѣшенія, Гладстонъ хотѣлъ удалиться изъ министерства, Дизраэли отказался смѣнить его, зная по опыту, какъ непрочно будетъ положеніе новаго министерства при шаткомъ парламентскомъ большинствѣ. Еще въ теченіи одного года оставилъ онъ накопляться неудовольствію парламента на смѣлыя внутреннія реформы и робкую внѣшнюю политику министерства, и только въ 1874 году, когда противъ послѣдняго высказалось большинство пятидесяти голосовъ, принялъ на себя составленіе новаго кабинета. Читателямъ памятенъ характеръ управленія Дизраэли, возведеннаго съ тѣхъ поръ въ званіе лорда Биконсфильда, за послѣдніе годы: блестящая внѣшняя политика и застой въ дѣлахъ внутреннихъ составляютъ ея характеристическую особенность и рѣзкое отличіе отъ системы Гладстона, виговъ и радикаловъ.

Есть что-то сказочное въ изложенной нами судьбѣ и политической карьерѣ перваго министра современной Англіи. Читатели не могли не поразиться столько же оригинальностью, сколько парадоксальною отсталостью его общихъ идей, и въ то же время его несомнѣннымъ политическимъ талантомъ и необычайной энергіей. Рожденный еврей дѣлается однимъ изъ первоклассныхъ политическихъ людей и патріотовъ Англіи, возвращая ей повсюду прежнее ея внѣшнее вліяніе и значеніе. Для достиженія этой цѣли, онъ дѣйствительно воспитываетъ самую отсталую изъ англійскихъ партій, указываетъ ей тѣ общественные элементы и интересы, на которые она можетъ еще опираться, является аристократомъ, имѣющимъ въ виду интересы народа и короны, популярнымъ ретроградомъ и прогрессивнымъ противникомъ либераловъ, не чуждающимся ни демократическихъ, ни соціальныхъ идей, романтикомъ-идеалистомъ въ теоріи и реалистомъ на практикѣ, носителемъ историческихъ преданій и новаторомъ, евреемъ и христіаниномъ, министромъ арійской державы, провозглашающимъ ее державою восточной и въ этомъ смыслѣ направляющимъ ея политику. Всѣ противорѣчія англійской жизни соединились въ этомъ человѣкѣ и сдѣлали его, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, олицетвореніемъ англійской политики и англійскихъ интересовъ, поскольку они совпадаютъ въ данную минуту съ тѣмъ «семитическимъ принципомъ», которому онъ парадоксально придаетъ такое фантастическое значеніе въ исторіи, и въ которомъ видитъ великій синтезъ, движущій человѣчество. Но времена измѣнчивы. Условія, такъ сильно благопріятствующія теперь внутреннему застою и внѣшнимъ дѣламъ Англіи, пройдутъ; успѣхи внѣшней политики перестанутъ удовлетворять управляемыхъ лордомъ Биконсфильдомъ арійцевъ; такъ-называемый имъ «арійскій принципъ», въ которомъ онъ видитъ лишь начало разлагающее, какъ и во всей современной наукѣ, не замедлитъ возвратиться къ жизни и управленію дѣлами страны. Тогда отъ всѣхъ идей и политики лорда Биконсфильда сохранится воспоминаніе о даровитомъ человѣкѣ, умѣвшемъ въ свое время отвѣтить на трудный запросъ минуты и давшемъ рѣшительное направленіе восточной политикѣ Англіи. Неумирающій «арійскій принципъ» приметъ опять за внутреннія дѣла великой страны, и общія идеи, выработанныя современнымъ раціонализмомъ, обрекутъ забвенію устарѣлыя, хотя и оригинальныя идеи политическаго романиста, ставшаго первымъ министромъ.

В. В.

* * *

Осенній желтый лѣсъ стоялъ угрюмо,
Шуршалъ опавшій листь, рѣка
Катила воды нехотя, безъ шума,
Клубились низко облака.

Вся жизнь моя безцвѣтна и уныла
Казалась мнѣ какъ этотъ день;
А въ облакахъ межъ тѣмъ уже сизоѣла
Лазурь небесъ; бѣжала тѣнь

И вдругъ, порвавъ послѣднюю завѣсу,
Блеснулъ горячій солнца лучъ
И побѣжалъ по лугу и по лѣсу,
Огнемъ пылая между тучъ.

Все разомъ вспыхнуло: рѣка, трава,
А лѣсъ подъ ласковымъ лучомъ
Горѣлъ какъ золотыя кружева
На небѣ блѣдно-голубомъ.

И въ душу свѣтъ врывался поневолѣ
И разгонялъ ночную тьму:
Онъ говорилъ опять о лучшей долѣ
И сердце вновь рвалось къ нему.

Вн. Д. Цѣртелевъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПАНСЛАВИЗМЪ

Окончаніе *).

VII. ОБЩЕСЛАВЯНСКАЯ АЗБУКА.

Когда шла рѣчь о литературномъ объединеніи славянства, вопросъ о единствѣ азбуки представлялся самъ собою. Предполагалось, что прежде, чѣмъ достигнуто будетъ объединеніе литературы (съ русскимъ языкомъ), нужно, чтобы славянство приобрѣло одинъ общій способъ писанія. Въ числѣ всякихъ обстоятельствъ, дѣлившихъ славянство, различіе азбуки занимало не послѣднее мѣсто: тамъ, гдѣ довольно значительна была разница самыхъ нарѣчій, она еще увеличивалась разницей письма, — выше мы упоминали, какая пестрота правописанія господствовала даже въ средѣ племенъ, употреблявшихъ одно латинское письмо; для тѣхъ, у кого самое письмо было разное, кирилловское и латинское или еще глаголическое, чужое нарѣчіе равнялось иностранному языку. Западнымъ славянамъ, привывшимъ въ своемъ и въ европейскихъ языкахъ къ латинской азбукѣ, изученіе русскаго языка не мало затруднялось однимъ письмомъ — препятствіе довольно ребяческое, но которое они не вдругъ могли переварить.

Панславянскіе патріоты не упустили изъ виду этого вопроса; были люди, которые, рекомендуя изученіе русскаго языка, предлагали и для западныхъ нарѣчій принять кирилловское письмо ¹⁾.

*) См. выше: августъ, 711 стр.

¹⁾ Нѣкоторые примѣры этого литературнаго панславизма перечислены въ статьѣ г. Нила Попова: „Вопросъ объ обще-славянской азбукѣ“ („Совр. Лѣтопись“, 1865, № 39, и отдѣльной брошюрѣ), въ статьѣ (не законченной) чехо-словацкаго

Не останавливаясь на нихъ, мы уважемъ только новѣйшее предложеніе этого рода, сдѣланное Гильфердингомъ¹⁾.

Въ своей книжкѣ Гильфердингъ какъ-бы считаетъ уже рѣшеннымъ вопросъ о необходимости общеславянской азбуки и прямо предлагаетъ для употребленія всѣмъ славянамъ азбуку, составленную имъ—съ разными дополненіями—изъ кирилловской русской азбуки. «Наша русская азбука,—говорилъ онъ,—имѣетъ, кажется, наиболѣе правъ на то, чтобы сдѣлаться общеславянскою. Она развилась исторически изъ первоначальнаго алфавита, даннаго славянамъ ихъ просвѣтителемъ, св. Кирилломъ, и сохранила существо изобрѣтенной имъ системы выраженія славянскихъ звуковъ, отличаясь отъ древнихъ, такъ-называемыхъ церковныхъ, письменъ славянскихъ только округленностью начертанія буквъ, да нѣкоторыми несущественными нововведеніями. Поэтому азбука наша сама собою вошла въ употребленіе у тѣхъ славянскихъ народовъ, которые вмѣстѣ съ православною вѣрою сохранили письменность, основанную Кирилломъ и Меѳодіемъ». Только болгары прибавили нѣкоторыя буквы, взятые изъ стараго же алфавита; а школа Вука у сербовъ приняла «латинскую» систему правописанія (введеніемъ буквы j)... «Между славянами, перешедшими къ западному исповѣданію и у которыхъ латинская азбука издавна вытѣснила кириллицу, въ послѣднее время начали раздаваться голоса въ пользу возврата къ славянскимъ письменамъ; сдѣланы и разныя попытки примѣненія русской азбуки къ ихъ нарѣчіямъ. Къ сожалѣнію, эти попытки не имѣли доселѣ большого успѣха. Главная причина неудачи заключалась, кажется, въ томъ, что при этихъ попыткахъ становились почти исключительно на почву ученую, а не *практическую*, искали правописанія, наиболѣе согласнаго съ этимологіею, а не съ удобствомъ для употребленія»... «Нельзя не желать успѣха распространенію кирилловской азбуки между западными славянами, такъ какъ она наиболѣе свойственна ихъ языкамъ, подобно какъ нашему. Принятіе одной общей азбуки облегчило бы славянамъ взаимное пониманіе другъ друга и способствовало бы сближенію ихъ разрозненныхъ вѣтвей». Но для возможности успѣха нужно, чтобы предлагаемая система была проста

филолога Мартина Гаттала: „O všeslovanském jazyku a písmě“, въ журналѣ „Osvěta“, 1871—72; А. Вудиловича — „О литературномъ единствѣ народовъ славянскаго племени“, въ „Слав. Сборникѣ“, т. II, Спб. 1877, Отд. III, 1—15.

¹⁾ Общеславянская азбука съ приложеніемъ образцовъ славянскихъ нарѣчій. Составилъ А. Гильфердингъ. Издано славянскимъ благотворительнымъ комитетомъ на счетъ суммъ, пожертвованной И. А. Посоховымъ. Спб. 1871.

и практически удобна, не заключала никакихъ *ученыхъ* требованій. «Кирилловская азбука можетъ получить ходъ между западными славянами только въ такомъ видѣ, при которомъ ея усвоеніе и употребленіе было бы столь же легко, или еще легче, чѣмъ азбука латинская». — Для каждаго нарѣчія надо установить систему фонетическую, избѣгая, однако, крайностей.

Гильфердингъ припоминалъ, что въ 1865 г., по мысли Н. Милюткина, сдѣлана была попытка изданія русскими буквами нѣсколькихъ книжекъ на польскомъ языкѣ, для народныхъ школъ. Попытка не осталась совсѣмъ безъ успѣха; одна изъ этихъ книжекъ потребовала 3-го изданія; «однако, — прибавляетъ онъ, — именно между поляками неодолимыя преграды будутъ долго препятствовать тому, чтобы это дѣло получило право литературнаго гражданства». Эти преграды происходятъ отъ условий, постороннихъ азбукѣ; но, независимо отъ этого, Гильфердингъ думалъ, что всякій непредубѣжденный человѣкъ отдастъ русской азбукѣ преимущество предъ латинской для польскаго языка.

Здѣсь не мѣсто входить въ подробности славянской азбуки, составленной Гильфердингомъ. Довольно сказать, что, пересмотрѣвъ звуки славянскихъ нарѣчій, онъ составилъ азбуку для всѣхъ отдѣльныхъ нарѣчій, пользуясь буквами русскаго алфавита и, гдѣ требовалось, дополняя ихъ особенными диакритическими значками. Въ сложности, общеславянская азбука представила 61 знакъ — ими выражались всѣ звуки славянскихъ нарѣчій. Это было не мало; «но это, — замѣчалъ Гильфердингъ, — не можетъ составить препятствія къ распространенію нашей азбуки между западными славянами, потому что, для практическаго употребленія, вмѣсто всѣхъ 61 знаковъ, каждому славянину пришлось бы усвоить себѣ 33 буквы, общія всѣмъ славянскимъ языкамъ, а изъ остальныхъ только тѣ, которыя необходимы собственно для звуковъ его нарѣчія; всѣмъ же знакамъ восславянской азбуки учились бы только тѣ, кто захочетъ умѣть читать на разныхъ славянскихъ языкахъ. Это будетъ, во всякомъ случаѣ, значительно облегчено, если русская азбука замѣнитъ собою всѣ разнообразныя алфавиты, которые славяне употребляютъ въ настоящее время. Успѣхъ дѣла зависитъ собственно отъ того, въ какой мѣрѣ каждый изъ славянскихъ народовъ признаетъ нашу кириллицу удобнѣе тѣхъ писменъ латинскихъ или нѣмецкихъ, которыми онъ пишетъ на своемъ нарѣчій. Но это вопросъ, о которомъ не намъ приходится судить».

Въ образчикъ употребленія азбуки Гильфердингъ помѣстилъ

отрывки изъ «Новаго Завета» на всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, переписанные по новой системѣ.

Книжка Гильфердинга вызвала нѣсколько статей и отзывовъ, написанныхъ компетентными славистами ¹⁾. Она была понята, какъ призывъ и предложеніе въ смыслъ литературнаго панславизма, т.-е. объединенія не только азбукъ, но самыхъ литературъ. Наши слависты отнеслись къ книжкѣ Гильфердинга съ большими сочувствіями къ автору, но и съ крупными возраженіями противъ его мнѣній. Возраженія относились и къ способу составленія азбуки, и къ самой сущности вопроса, къ филологической и литературной сторонѣ дѣла.

Первая вообще не удовлетворяла критиковъ. Г. Бодуэнъ особенно подробно остановился на ней; и не соглашался съ самыми основными ея положеніями. Другіе также оспаривали мысль Гильфердинга, что при установленіи такой азбуки надо отложить «ученныя требованія» и искать лишь практичности, и настаивали, напротивъ, что въ основу такого дѣла должно быть именно поставлено начало научное, — только оно можетъ быть наиболѣе послѣдовательнымъ, а потому и наиболѣе практическимъ. Сами русскіе критики оспаривали мысль, что русскій способъ писанія можетъ считаться наилучшимъ; они говорили, напротивъ, что русское письмо есть дурно-составленная смѣсь системы этимологической или исторической, и системы фонетической, и защищали отъ осужденій Гильфердинга сербское правописаніе Вука Караджича и т. д. Г. Макушевъ находилъ, что принятіе той системы, какую предлагалъ Гильфердингъ, подрывало бы самыя основанія «общеславянской» азбуки, такъ какъ на дѣлѣ, вмѣсто одной, всѣмъ славянамъ общей, азбуки, мы имѣли бы семь, а съ русскою восемь особыхъ для каждого нарѣчія, — такъ что Гильфердингъ не составилъ общеславянскую азбуку, а только примѣнилъ кириллицу къ звукамъ каждого славянскаго нарѣчія ²⁾.

¹⁾ См., напр., обширную статью г. Бодуэна-де-Куртензъ: „Нѣсколько словъ по поводу общеславянской азбуки“ въ „Журн. Мин. Нар. Пр.“ 1871; В. Макушева, въ „Варшавскомъ Дневникѣ“ 1871, № 114; статью въ „Голосѣ“ 1871, № 358; статью Ст. Нов. въ сербскомъ журналѣ „Млада Србадија“, 1871, № 14—15, и друг.

²⁾ Въ этомъ примѣненіи г. Макушевъ также находитъ часто неправильность и непослѣдовательность. Его собственная мысль была такая:

„Для убѣжденія такой непослѣдовательности было два способа: 1) или для мельчайшихъ звуковыхъ оттѣнковъ въ каждомъ нарѣчіи придумать особые условные знаки, и тѣмъ увеличить уже и безъ того весьма значительное ихъ число; 2) или же, не принимая во вниманіе эти столь разнообразныя и иногда почти неуловимыя оттѣнки звуковъ, принять въ основаніе ихъ коренной выговоръ, предоставивъ каждому чи-

Но кромѣ этой, собственно технической стороны вопроса, была другая, общая сторона. Относительно ея очень существенныя замѣчанія были высказаны г. Бодуэномъ. Его отношеніе къ предпріятію Гильфердинга и вообще къ изложенной нами выше постановкѣ вопроса литературнаго славянскаго единства, было довольно скептическое, или по крайней мѣрѣ непохожее на обыкновенныя рѣчи, какія велись объ этомъ предметѣ.

Г. Бодуэнъ думалъ, что если дѣйствительно различіе азбукъ въ славянскомъ мірѣ есть зло столь великое, что безъ устраненія его нельзя и думать о взаимномъ сближеніи славянъ, то, разумѣется, это зло надо устранить какъ можно скорѣе. Но ему бросался въ глаза фактъ, что многіе изъ славянъ, пишущихъ «общеславянскою азбукою», прекрасно знакомятся съ литературой европейскихъ народовъ, употребляющихъ «латинскій алфавитъ», — и что, слѣдовательно, «латинскій алфавитъ» есть вещь довольно знакомая, преодолѣть которую въ письмѣ славянскихъ нарѣчій не есть большой трудъ. Что же касается осуществленія господства «общеславянскою азбукою», г. Бодуэнъ думалъ, что его надо искать не *навязывая* другимъ свое, хотя бы и худшее («напримѣръ, сербамъ русскую графику», замѣчаетъ г. Бодуэнъ, въ абсолютное противорѣчіе со взглядомъ Гильфердинга на сербское письмо), и не требуя, чтобы одни изъ славянскихъ народовъ, въ угоду другимъ, отказывались отъ того, къ чему привыкли и затрудняли бы самимъ себѣ знакомство съ своей собственной (прежней) литературой. Для достиженія цѣли требуется — свободное обсужденіе вопроса всѣми заинтересованными сторонами: только оно и можетъ указать лучшую форму, въ которой можетъ совершиться объединеніе письменности славянъ... Самъ авторъ не придаетъ большой важности именно азбучному объединенію ¹⁾.

тателю произносить ихъ такъ, какъ онъ привыкъ и какъ требуетъ фонетика его нарѣчія, и тѣмъ значительно сократить число буквъ въ общеславянской азбукѣ. Но Гильфердингъ остановился на распутыи... Составленная имъ *восславянская азбука* оказалась слишкомъ сложна, а придуманныя для каждаго нарѣчія не вполнѣ удовлетворительны²⁾.

По мнѣнію г. Макушева, для составленія общеславянской азбуки вообще должна быть принята система не звуковая (фонетическая), а историческая. Въ основаніе должно быть принято правописаніе старославянскаго, которое и будетъ достаточно для всѣхъ славянскихъ нарѣчій, — и для этого вовсе не нужно будетъ изучать сравнительную грамматику. «Въ такой премудрости нѣтъ надобности» — пусть просто славянскіе учатся правописанію, какъ учились мы, какъ учатся англичанѣ, французы, нѣмцы.

¹⁾ Онъ думаетъ, что славяне не очень большую пользу извлекутъ бы изъ пожертвованія своей азбукою. Книга Гильфердинга поможетъ только русскимъ въ ознаком-

Но «общеславянской азбуки» не слѣдуетъ однако смѣшивать съ вопросомъ объ общеславянской литературѣ, — продолжаетъ г. Бодуэнъ. При тождествѣ азбуки можетъ существовать полное разьединеніе литературъ. Съ точки зрѣнія сближенія славянъ, принятіе одного языка за органъ этого сближенія было бы безъ сомнѣнія очень желательно; но едва ли было бы полезно, еслибы это повело къ забвенію славянами ихъ исторически развившихся литературъ. Авторъ знаетъ, что нынѣшнее европейское общество развивается въ направленіи къ объединенію и сходству въ мысляхъ, чувствахъ и стремленіяхъ, къ образованію нѣсколькихъ большихъ политическихъ организмовъ, поглощающихъ мелкіе государственныя и національныя особи, но думаетъ (въ смыслѣ теоретическаго блага), что «для успѣшнаго развитія всѣхъ силъ человѣчества и, такъ-сказать, для взаимнаго контроля одной формы проявленій умственной жизни другою формой желательно извѣстное разнообразіе». Что именно выйдетъ въ славянскомъ объединеніи, авторъ не загадываетъ: можетъ случиться и то, что отдѣльныя народности сохранятъ извѣстную самобытность, и общій языкъ будетъ служить только «для сочиненій строго-научныхъ, представляющихъ результатъ отвлеченнаго мышленія славянскихъ умовъ, и для сочиненій политическихъ, интересующихъ въ равной степени всѣ славянскія національности»; можетъ случиться и то, что отдѣльныя народности будутъ поглощены, и на мѣстныхъ нарѣчіяхъ будутъ издаваться только молитвенники, календари и все-какіе курьезы (какъ, напр., теперь у кашубовъ). Какъ дальше увидимъ, авторъ считаетъ возможной еще третью случайность, именно что пока славянство собирается объединяться, для нѣкоторыхъ частей его можетъ устроиться и самый вопросъ: онѣ раньше потеряютъ свою славянскую народность и «объединятся», только не съ другими славянами, а съ нѣмцами, венграми, итальянцами и т. д...

Относительно условій, въ какихъ можетъ совершиться литературное объединеніе, г. Бодуэнъ высказываетъ опять оригинальную точку зрѣнія, которую слѣдуетъ замѣтить въ ряду мнѣній о литературномъ панславизмѣ ¹⁾).

Упомянувъ слова г. Ламанскаго, что для литературнаго объединенія славянства посредствомъ русскаго языка требуется, чтобы онъ «сталъ носителемъ великихъ идей любви и свободы,

ленинъ съ звуками другихъ славянскихъ нарѣчій (подобное замѣчалъ, какъ мы видѣли, и г. Макушевъ).

¹⁾ И съ которой заявила свое несогласіе редакция „Журнала Мин. Нар. Пресы.“, гдѣ напечатана была статья г. Бодуэна.

необходимымъ дѣтелемъ общечеловѣческаго прощѣнія», г. Бодуэнъ полагалъ, что возможное литературное объединеніе славянъ совершится гораздо проще и «не такъ изящно». Оно будетъ проявленіемъ того общаго закона, что менѣе сильное поглощается болѣе сильнымъ, въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова.

«Можетъ быть, — говоритъ г. Бодуэнъ, — что обстоятельства (напримѣръ, недостатокъ собственной національной школы) произведутъ то, что извѣстный славянскій народъ не будетъ въ состояніи развиваться и образовываться на своемъ отечественномъ литературно-развившемся языкѣ. Это обстоятельство, въ связи съ отсутствіемъ талантливыхъ писателей, съ прекращеніемъ литературнаго преданія вообще, съ одной стороны, а съ школьной подготовкой народа и недостаткомъ публики, нуждающейся въ чтеніи на отечественномъ языкѣ, съ другой стороны, можетъ повести къ совершенному паденію данной литературы. Если она не будетъ въ состояніи держаться собственными силами на основаніи пропорціональнаго количества производителей и потребителей, и затѣмъ, если она не будетъ поддерживаема системою какой бы то ни было опеки и покровительства, если, слѣдовательно, сбытъ на литературномъ торговомъ рынкѣ сдѣлается затруднительнѣе, если прекратятся частныя пожертвованія и личное самоотверженіе, если пишущимъ на отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ и нарѣчіяхъ нельзя будетъ рассчитывать на приобрѣтеніе хотя какой-либо извѣстности, если всѣ эти неудобства превзойдутъ любовь къ родному и удобство, представляемое литературною дѣятельностью и образованіемъ и развитіемъ умственныхъ силъ на отечественномъ языкѣ, — то тогда можетъ случиться, что всѣ эти обстоятельства и матеріальныя, и даже умственныя выгоды писателей и читателей отдѣльныхъ славянскихъ племенъ заставятъ ихъ применить къ другимъ литературнымъ дѣламъ: писатели станутъ предлагать свои услуги тамъ, гдѣ, съ одной стороны, сбытъ произведеній легче и плата за нихъ дороже, а съ другой стороны, гдѣ можно болѣе рассчитывать на извѣстность; читатели же обратятся съ требованіями туда, гдѣ найдутъ болѣе дѣльнаго литературнаго матеріала и гдѣ будетъ проявляться болѣе интереса для живыхъ современныхъ вопросовъ. Можетъ быть, что вмѣстѣ съ потерей литературной самостоятельности и вслѣдствіе именно этой потери, отдѣльные славянскіе народы утратятъ чутье своей индивидуальности настолько, что или ихъ племенная общность съ русскимъ народомъ превзойдетъ чутье народной самостоятельности, или же въ нихъ разовьется равно-

душіе къ славянской національности, и тогда они подчинятся вполне влиянію и нѣмецкой культуры и нѣмецкой литературы. Не подлежит сомнѣнію, что *такое* направленіе господствуетъ *въ настоящее время*; но еще вопросъ, куда повернуть будущее.

«Что касается отдѣльныхъ славянскихъ писателей, то въ выборѣ между дѣятельностью въ русской или же въ нѣмецкой (или во французской, или даже въ какой-нибудь другой) литературѣ рѣшающими факторами будутъ тоже, кромѣ матеріальныхъ выгодъ и вообще возможности сбыта своихъ произведеній, различные обстоятельства жизни, ставящіе человека въ ту или другую среду, желаніе приобрести самую обширную извѣстность, личные и народныя симпатіи и т. п. На нѣкоторые личности можетъ дѣйствовать даже и то, что г. Ламанскій желаетъ видѣть въ русской литературѣ, то-есть, болѣе или менѣе обширное проявленіе великихъ идей свободы и справедливости. По крайней мѣрѣ, нѣкоторые, весьма немногіе ученые обратятся со своею дѣятельностью туда, гдѣ найдутъ болѣе свободное изслѣдованіе и непомраченіе ученыхъ умовъ страстями и предрасудками. По крайней мѣрѣ нѣкоторые, весьма немногіе литературные дѣятели примутъ охотнѣе своимъ органомъ тотъ языкъ, который болѣе чѣмъ другіе представится имъ носителемъ великихъ идей свободы и цивилизаціи, и вообще гуманности въ лучшемъ смыслѣ этого слова ¹⁾».

«Если когда-нибудь русскій языкъ сдѣлается общимъ литературнымъ органомъ всѣхъ славянъ, то тогда и вопросъ объ одной «общеславянской азбукѣ» упразднится самъ собою; ибо тогда только спеціальныя ученые (лингвисты, историки, историки литературы) будутъ изучать памятники отдѣльныхъ славянскихъ племенъ; читающая же публика, признавъ русскій языкъ своимъ литературнымъ, будетъ смотрѣть на свои когда-то собственные, отечественные литературные языки, какъ на языки ей чуждые, чуждые не по смыслу словъ, а по литературнымъ преданіямъ и своеобразности національныхъ идей и стремленій. Тогда звуки живыхъ славянскихъ нарѣчій въ ученыхъ лингвистическихъ трудахъ будутъ обозначаться общенаучною азбукою и графивою. Если же понадобится издавать для отдѣльныхъ славянскихъ народцевъ какія-нибудь книжки, или же для общеславянской публики сборники народныхъ пѣсенъ и т. п., то для

¹⁾ „Разумѣется,—прибавляетъ г. Бодуэнъ въ примѣчаніи,—что какъ возможность дѣйствовать литературно на извѣстныхъ языкахъ, такъ и возможность пользоваться литературою извѣстнаго языка—обусловлены знаніемъ этого языка“.

такихъ цѣлей звуки этихъ отдѣльныхъ нарѣчій и говоровъ будутъ передаваться азбукою, которая тогда будетъ въ употребленіи для русскаго языка, но все-таки скорѣе по графической системѣ Караджича, нежели по графической системѣ «общеславянской азбуки». Пока же дѣлать такіа коренныя измѣненія азбуки, какъ ихъ предпринимаетъ А. Ѳ. Гильфердингъ, очень трудно... Примычка есть сила, съ которою довольно трудно сладить. Слѣдовательно, ввести извѣстную азбуку въ извѣстную литературу нельзя однимъ только административнымъ порядкомъ, безъ участія писателей, зависящихъ отъ собственныхъ литературныхъ преданій и отъ читающей публики. Много воды утечетъ, а все еще будетъ продолжаться борьба славянскаго «партикуляризма» съ «панславизмомъ», и я желаю бы только, чтобъ эта борьба стояла человѣчеству какъ можно меньше крови и слезъ, чтобы сумма несчастій, претерпѣваемыхъ отдѣльными личностями, не превышала благъ, которыя прольетъ на славянство его объединеніе, и чтобъ объединенные славяне развили въ самомъ дѣлѣ «великія начала свободы и справедливости» ¹⁾...

Мы привели эту выписку изъ статьи г. Бодуэна не только потому, что авторъ — большой знатокъ своего спеціального предмета, но и по независимости его взгляда на литературный панславизмъ. Онъ не ставитъ опредѣленныхъ рѣшеній; но вообще дѣло кажется ему очень отдаленнымъ, и очень долгой кажется борьба партикуляризма съ панславизмомъ, причемъ исходъ можетъ быть всякій; съ ходячими мнѣніями авторъ не совсѣмъ согласенъ, когда сомнѣвается въ пользѣ исчисленія частныхъ славянскихъ народностей и литературъ. Идеалистическая постановка вопроса не нравится г. Бодуэну, и онъ, повидимому, опасается отъ нея (съ русской стороны) какого-нибудь насилія надъ народностями; плодомъ такой постановки кажется ему «общеславянская азбука».

Остановливаясь на приведенныхъ словахъ г. Ламанскаго, г. Бодуэнъ думаетъ, что славянское объединеніе произойдетъ «не

¹⁾ Приведемъ еще одно личное замѣчаніе г. Бодуэна: „Обыкновенно, говоря объ азбукѣ, люди горячатся и никакъ не могутъ взглянуть на этотъ вопросъ безпристрастно; и это потому, что азбука тѣсно связана съ насущными потребностями челоѣка и съ постоянною житейскою практикой. Меня же ни одна азбука и ни одна графика въ мірѣ не задѣваетъ за живое. Каждая азбука есть для меня только комплексъ извѣстныхъ начертаній, примѣненіе которыхъ къ звукамъ даннаго языка основано на извѣстной графической системѣ, и я вижу всю свою задачу относительно и азбуки (шрифта) и графики только въ ихъ оцѣнѣ съ оптической, фонетической и логической точки зрѣнія, и въ представленіи ихъ происхожденія и положительныхъ измѣненій вслѣдствіе житейскихъ причинъ“...

тавъ красиво»; но въ собственныхъ объясненіяхъ г. Бодуэна дѣло сводится къ тому же. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ будетъ «сбытъ литературныхъ произведеній легче», гдѣ будетъ «болѣе цѣннаго литературнаго матеріала», гдѣ будетъ «болѣе интереса для живыхъ современныхъ вопросовъ», какъ не въ той литературѣ, «ставшей носителемъ великихъ идей любви и свободы», о которой говорилъ г. Ламанскій? Въ ней только и можетъ быть «цѣнный матеріалъ» и «живые интересы», — которые одни могутъ основать глубокую внутреннюю связь между племенами и сдѣлать литературу русскаго языка и для остальныхъ славянъ близкою и своею... Но съ другой стороны, возможно и то, что литературное объединеніе будетъ дѣйствительно происходить въ менѣе «красивой» формѣ, ради обстоятельствъ внѣшнихъ, которыя будутъ способствовать усиленію русскаго языка и упадку другихъ нарѣчій, — такихъ обстоятельствъ, какъ недостатокъ школъ и ученыхъ учреждений для мелкихъ народностей, какъ отсутствіе значительной публики, которая могла бы поддерживать литературную производительность, какъ политическое господство русскаго языка, многочисленность его публики и т. п. То-есть, можетъ произойти та случайность, которую предвидѣла «Москва» и гдѣ распространеніе русскаго языка въ славянствѣ вовсе не будетъ заслугой русскаго общества, и даже можетъ быть для него стыдомъ...

Упомянемъ еще отзывъ о книгѣ Гильфердинга въ сербскомъ журналѣ. Сербскій критикъ представляетъ дѣло съ новой стороны, съ точки зрѣнія «частной» славянской литературы, и въ интересахъ сербской народности. Критикъ несогласенъ съ самыми основными положеніями Гильфердинга; онъ сомнѣвается въ историческихъ правахъ происхожденія русской азбуки отъ алфавита, изобрѣтеннаго Кирилломъ — такъ какъ въ ея развитіе вѣшивалось много случайнаго, происходившаго отъ простого незнанія средневѣковыхъ писцовъ. Находя (какъ находили и наши критики), что невозможно основывать систему письма на соображеніяхъ «практичности», какъ слишкомъ произвольныхъ, сербскій критикъ замѣчаетъ, что Гильфердингъ, рекомендуя русскую азбуку, не считъ даже нужнымъ переимѣнить что-нибудь въ русскомъ письмѣ, гдѣ однако часто читается иначе, нежели пишется. Защищая отъ сужденій Гильфердинга систему Караджича, онъ находитъ, что эта система, будго бы олатиненная, во сто разъ ближе къ первоначальной славянской, нежели система русская. Къ панславистической сторонѣ книги Гильфердинга (какъ она угадывалась вообще по его сочиненіямъ) сербскій критикъ относится несочувственно: упомянуть о томъ, какъ «общеславянская

азбука» была примѣнена въ польскому языку, критикъ замѣчаетъ, что въ подобныхъ отношеніяхъ требуется много деликатности, и что въ интересахъ самого славянскаго единства слѣдуетъ остерегаться отъ предложеній, гдѣ требуется отъ народовъ то, что по настоящему должно быть у нихъ результатомъ ихъ собственнаго желанія и убѣжденія. Славянскимъ племенамъ, употребляющимъ азбуку латинскую, надо предоставить самимъ увѣриться въ болѣе удобствѣ кириллицы.

Вообще, сербскій критикъ (одинъ изъ главнѣйшихъ сербскихъ ученыхъ въ настоящее время), признавая всю важность между-славянскихъ связей, относится къ «панславизму» съ большою уклончивостью. «Мы думаемъ, — говоритъ онъ, — что языкъ и литература должны цѣниться по добру, которое они дѣлаютъ, а не по обширности ихъ и не по отдѣльнымъ свѣтлымъ точкамъ, о которыхъ трудно сказать, за сколько тьмы и мрака онѣ куплены. Какая корысть отъ обще-славянскаго литературнаго языка, если онъ будетъ доступенъ только ученымъ людямъ изъ нашего народа? Такъ у насъ было во все теченіе среднихъ вѣковъ... Мы вмѣстѣ съ русскими и болгарамъ имѣли одинъ церковный языкъ; — но этотъ языкъ имѣли духовенство и монастыри, имѣло богословіе, но его не имѣлъ народъ, — тотъ народъ, который вызвалъ насъ на дѣятельность ¹⁾ и далъ для нея средства, и котораго развитіе и благо должны быть нашей всегдашней задачей. Только наука можетъ дать намъ болѣе сознаніе, а науку можемъ распространить въ народѣ только чисто-народнымъ языкомъ... Если мы достигнемъ того, что народъ нашъ поднимется, будетъ сознать права, обязанности и интересы свои не только въ отдѣльныхъ лицахъ, но въ массѣ, — то хотя бы у насъ не было ни Шекспира, ни Рафаэля, мы не должны о томъ жалѣть. А къ этому теперь вездѣ стремятся. Тѣмъ же, кто думаетъ о славянскомъ единствѣ, которому мы и сами всегда преданы, напомнимъ только одно, — что въ настоящее время первая международная славянская обязанность заключается въ томъ, чтобы мы сколько можно болѣе узнали другъ друга, содѣйствовали взаимно *мыслному развитію на его природныхъ основахъ*, и работали каждый для успѣховъ своего отдѣльнаго племени. Когда отдѣльныя племена будутъ образованы, достаточны и свободны; когда всѣ въ частности приобрѣтемъ свои права и свои земли, — тогда можетъ идти рѣчь объ общихъ потребностяхъ, о непосредственномъ союзѣ для разныхъ цѣлей. Мы думаемъ, что путь

¹⁾ Разумѣется, новѣйшее возрожденіе сербской жизни и литературы.

славянскому единству — черезъ свободу, независимость и частное разностороннее развитіе всякаго славянскаго народа въ отдѣльности». Въ этомъ, по мнѣнію сербскаго автора, единственное средство, ведущее къ желаемой цѣли.

Можно было бы привести изъ славянскихъ литературъ множество другихъ отзывовъ, гдѣ, по тому же и по инымъ поводамъ, высказывается та же неохота къ литературному панславизму, какую мы въ другомъ мѣстѣ указали относительно панславизма политическаго. Писатели, настаивающіе на скорѣйшемъ литературно-образовательномъ объединеніи славянства, отвѣтили бы на эту точку зрѣнія тѣмъ (немаловажнымъ) замѣчаніемъ, что, въ ожиданіи свободы, обогащенія и просвѣщенія, отдѣльныя племена будутъ все-таки оставаться слабыми, такъ что не только достиженіе этихъ благъ будетъ тѣмъ самымъ страшно замедляться, но даже политическое существованіе племенъ и самая національность будутъ въ опасности, если ихъ нельзя будетъ опереть именно на сильномъ чувствѣ славянскаго единства. Такимъ образомъ, это чувство (притомъ уже народившееся) должно явиться дѣятельнымъ факторомъ и для той ближайшей цѣли частнаго развитія, которая ставится (какъ въ приведенной сейчасъ выпискѣ) отдѣльными племенами, — какъ это можно видѣть и въ самой исторіи новѣйшаго возрожденія, гдѣ панславистическое направленіе мыслей оказало большія услуги дѣлу частныхъ народностей... Но при всемъ томъ нельзя, наконецъ (именно нашимъ панславистамъ) не обратить вниманія на эти упорно заявляемыя права частныхъ народностей, которыя настаиваютъ на своей индивидуальности противъ ожидаемыхъ и дѣйствительныхъ притязаній «панславизма», являющагося въ формѣ русской образовательно-литературной, и можетъ быть, иной, игемоніи.

Эти заявленія составляютъ вовсе не одинъ «узкій провинціализмъ», — потому что если провинціализмъ считаетъ себя тысячу лѣтъ и больше, и въ данную минуту продолжаетъ жить своею отдѣльною жизнью, то это — такая рѣзкая индивидуальность, которая требуетъ къ себѣ вниманія и имѣетъ свое право. Говорятъ обыкновенно, что наше время стремится къ образованію крупныхъ національностей и государствъ; но въ то же самое время элементы *мѣстные* никогда не заявляли себя такъ рѣшительно и сознательно, какъ именно теперь. Фактовъ *этого* рода — такая масса, что ихъ почти нѣтъ надобности указывать: таково — стремленіе къ изученіямъ этнографическимъ, гдѣ тѣмъ мѣстная оригинальность сильнѣе, тѣмъ больше возбуждаетъ она интереса — и, замѣтимъ, не только въ чисто-научномъ смыслѣ,

но и съ участіемъ въ своеобразнымъ явленіямъ народной жизни; таково — возникновеніе литературъ на мѣстныхъ нарѣчіяхъ, на-примѣръ, на мѣстныхъ нарѣчіяхъ нѣмецкихъ, которыя имѣютъ даже знаменитыхъ писателей (какъ Рейтеръ), на провансальскомъ, фламандскомъ и проч. Таково въ славянскомъ мірѣ стремленіе каждой даже мельчайшей народности заявлять о своемъ существованіи. Взглядъ, сколько-нибудь человѣческій и толерантный, не можетъ отказывать этимъ явленіямъ въ признаніи ихъ права на существованіе. Поэтому, какъ бы ни были сильны аргументы за необходимость, для блага славянъ, господства одного національнаго начала и «игемоніи» одного общаго литературнаго языка, — тѣмъ не менѣе, права частныхъ народностей требуютъ самаго внимательнаго и осторожнаго обращенія. «Дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ», а тѣмъ болѣе вся старина, вся исторія, всѣ живыя особенности быта, среди которыхъ вырастаютъ поколѣнія — не только въ большихъ, но и въ «частныхъ» народностяхъ. Общій національный интересъ племени, какъ здоровая нравственная сила, можетъ вырасти только на признаніи народностей частных: когда онѣ будутъ спокойны за свое существованіе, — въ нихъ тѣмъ сильнѣе подѣйствуетъ потомъ, подъ вліяніемъ внутреннихъ возбужденій и внѣшней опасности, потребность собраться и сосредоточиться.

IX. Настоящее положеніе вопроса.

Поставивъ это заглавіе, мы — скажемъ откровенно — пришли въ недоумѣніе: существуетъ ли въ самомъ дѣлѣ самый «вопросъ» объ общеславянскомъ языкѣ и литературѣ, развѣ только бумажно въ видѣ *вопроса*?

Дѣйствительно, такъ велико разстояніе между благими идеалистическими пожеланіями славянскаго литературнаго единства и настоящими фактами, — и первыя ограничиваются столь небольшимъ кружкомъ людей въ разныхъ славянскихъ племенахъ (считая людей, серьезно преданныхъ обще-славянскому интересу, а не простыхъ фразеровъ на эту тему — послѣднихъ, «внезапныхъ славянофиловъ», у насъ, пожалуй, развелось теперь не мало), что говорить о «единствѣ» становится какъ-то странно; или приходится говорить о немъ не какъ о дѣйствительно-сильномъ, хотя бы и спорномъ фактѣ, но лишь какъ объ идеалѣ немногихъ просвѣщенныхъ славянскихъ патріотовъ.

Какъ идеаль, вопросъ о литературномъ единствѣ дѣйствительно существуетъ: это доказывается тѣмъ, что съ начала нынѣшняго столѣтія въ разныхъ славянскихъ народностяхъ возникала мысль о «взаимности» и «общеславянскомъ языкѣ» — возникала у людей первостепеннаго значенія (Юнгманнъ, Шафариенъ, Колларъ, Кузмани, Штуръ и др.), когда имъ представлялись вопросы о славянскомъ будущемъ и становилась ясна необходимость національно-образовательнаго союза для взаимной защиты. Эта мысль съ тѣхъ поръ не пропадала и въ послѣднее время съ наибольшей ревностью повторялась въ кругу русскаго славянофильства, старой и новѣйшей школы. Но не будемъ забывать, что это все-таки остается идеаль, теорія, за которыми не идетъ тѣмъ же шагомъ дѣйствительность. Что касается «общеславянскаго языка» и даже азбуки, — мы видѣли, что этотъ пунктъ остается далеко невыясненнымъ даже теоретически, и возбудилъ очень серьезныя сомнѣнія даже въ столь ревностномъ славянскомъ органѣ, какъ «Москва».

Но если не двигался «обще-славянскій языкъ», идеаль единства не оставался пустымъ словомъ съ другой стороны. Въ самомъ началѣ своемъ, славянское возрожденіе обнаружило сильную, и на этотъ разъ несомнѣнно прочную наклонность къ *между-славянскому общенію*. Народности и литературы, сохраняя всю свою неприкосновенность, почувствовали, что есть центръ, въ которомъ онѣ тѣсно между собою связаны, гдѣ въ прошломъ народы составляли одно цѣлое и гдѣ въ будущемъ они, послѣ многотрудныхъ испытаній отдѣльной исторіи, могутъ и должны бы встрѣтиться съ перспективой ихъ общей пользы. Этимъ центромъ было племенное родство, со всѣми его послѣдствіями. Во всѣхъ литературахъ безъ исключенія (именно, не исключая и польской, которая всегда была наименѣе наклонна къ всеславянству), нашлись люди, съ великой ревностью работавшіе для разьясненія и укрѣпленія славянской взаимности. Прежде всего, объ этомъ хлопотали филологи и археологи, которые поняли, что языкъ и старина одного народа чрезвычайно разьясняются языкомъ и стариной другого, и что безъ нихъ даже и не могутъ быть хорошо разьяснены; къ нимъ присоединились этнографы, которымъ изученіе другихъ племенъ доставляло разительныя параллели для народнаго быта ихъ собственнаго племени. Мало-по-малу, и очень скоро, въ литературѣ (и въ сознаніи просвѣщеннѣйшихъ людей) всѣхъ славянскихъ племенъ, сущность и исторія своей народности стали пониматься въ связи съ національнымъ славянскимъ цѣлымъ, и въ противоположности или различеніи съ другими

національностями—въ особенности вѣмцами, ближайшими соседями и опасными врагами славянской національности.

Въ то же время возникалъ новый факторъ, дѣйствовавшій въ томъ же смыслѣ—факторъ политическій. Какъ ни было, въ цѣломъ, слабо «славянское сознаніе», оно тѣмъ не менѣе создавало такіе факты, которые свидѣтельствовали, что оно есть историческая сила, и въ Европѣ поняты были какъ славянской національный принципъ. Такова была, напр., русская помощь Сербіи въ началѣ столѣтія,—хотя масса русскаго общества едва знала тогда о существованіи сербскаго народа ¹⁾. Таковы были заботы Россіи обезпечить православные народы Турціи, въ которыхъ мало-по-малу стали видѣть не только единовѣрцевъ, но и единоплеменниковъ, и, наконецъ, послѣднихъ почти больше, нежели первыхъ. Московскій съѣздъ 1867 года, въ смыслѣ взаимнаго политическаго пониманія славянскихъ племенъ между собою, надо назвать неудачнымъ; но въ послѣдней сербской и болгарской войнѣ рѣшеніе русскаго правительства несомнѣнно было въ связи съ національно-политическимъ настроеніемъ общества (хотя не тождественно съ нимъ).

Сближеніе литературное медленно, но постоянно возростало уже не въ одной только спеціально-научной области. Возникаетъ мысль о необходимости познакомиться съ современной жизнью, съ главными явленіями литературы родственныхъ племенъ... Личныя сношенія между славянскими писателями теперь чаще, чѣмъ когда-нибудь прежде; и въ литературныхъ кружкахъ является гораздо больше людей (хотя все еще отдѣльными немногими примѣрами), знающихъ обстоятельно литературу какого-нибудь другого народца...

Но все это движеніе, хотя и общаетъ далѣе еще болѣе тѣсныя между-славянскія связи, общественныя и литературныя, еще чрезвычайно далеко отъ омываемаго единства. Можно сказать, что съ начала столѣтія, когда высказана была въ первый разъ мысль о литературномъ объединеніи племенъ съ обще-славянскимъ (рускимъ) языкомъ, донинѣ она не подвинулась ни на шагъ. И если наши панслависты (по крайней мѣрѣ нѣкоторые) радовались, встрѣчая у славянскихъ писателей отдѣльныя заявленія о необходимости введенія русскаго языка ²⁾, и строили на нихъ самыя пріятныя ожиданія, то, съ другой стороны, имъ

¹⁾ Фактъ помощи сербамъ восходитъ еще въ XVII-XVIII столѣтія, когда русское общество знало о нихъ еще менѣе.

²⁾ См. напр., въ упомянутыхъ статьяхъ г. Нила Попова, „Соврем. Историки“, 1865, и В. Л. въ „Журналѣ Мин. Народ. Провѣд.“, 1867.

противорѣчить цѣлая масса общихъ фактовъ иного свойства, которые говорятъ о совсѣмъ другомъ положеніи вещей.

На дѣлѣ, кромѣ отдѣльныхъ заявленій къ пользу русскаго языка, эта мысль не выразилась никакимъ широкимъ проявленіемъ, — напротивъ, въ массѣ славянскихъ литературъ все идетъ по-прежнему; не только нигдѣ, ни въ какомъ самомъ мелкомъ племени не принятъ русскій языкъ ¹⁾, — но въ виду упомянутыхъ заявленій не разъ высказывались самыя рѣшительныя протестаціи въ защиту «частныхъ» литературъ.

Кромѣ немногихъ (выше названныхъ) замѣчательныхъ лицъ, говорившихъ о литературномъ объединеніи, эта мысль (по разнымъ причинамъ) не находила послѣдователей между другими крупными дѣятелями славянскихъ литературъ, и напротивъ, ея проповѣдниками являлись люди, можетъ быть исполненные наилучшихъ намѣреній, но писавшіе странныя вещи, какъ, напримеръ, Франта Шумавскій или Тезбера. Нольва указавъ книги, написанной, *въ видахъ* литературнаго объединенія, по-русски писателемъ ино-славянскимъ ²⁾. Съ 1867 года сдѣлано было двѣтри пробы издавать маленькіе общеславянскіе журналы (въ Вѣнѣ и Прагѣ) на русскомъ языкѣ, — но эти предпріятія не имѣли успѣха: брались за нихъ люди не серьезные, и журналы не распространили русскаго языка.

Не можетъ быть спора, что для распространенія языка, кромѣ разныхъ другихъ обстоятельствъ, чрезвычайно важно было бы, чтобы прежде возмѣла у славянъ интересъ русская литература. Для того, чтобы начать писать по-русски, надо много по-русски читать, надо знать русскую литературу. И вѣрова бы она ни была, — но при всѣхъ ея недостаткахъ (которые для насъ совершенно ясны) она должна бы имѣть для славянъ интересъ, какъ литература народа, имѣющаго сильное значеніе въ судьбахъ славянскаго племени, какъ литература, представительная, между прочимъ, въ послѣднія десятилѣтія примѣры первостепенныхъ талантовъ. Надо было бы думать, что для славянства имѣло бы

¹⁾ Кромѣ одной партіи у галичанъ, которая притомъ не отличается лучшимъ пониманіемъ народныхъ интересовъ своего племени.

²⁾ Были и есть такіе писатели, дѣйствовавшіе въ русской литературѣ, какъ великогеройскій русинъ Венелинъ, болгары Каравеловъ, Дриновъ, многіе поляки, чехъ Первольфъ и друг.; но они употребляли русскій языкъ по особеннымъ личнымъ условіямъ, поселяясь и живя долго въ Россіи, — какъ писали по-русски иногда гѣицы и французы. Труднѣе, какъ, напримеръ, труднѣе сейчасъ названныхъ писателей, имѣютъ большое значеніе въ смыслѣ между-славянскаго сближенія вообще, но не имѣли никакой специальной цѣли дѣлать изъ русскаго языка обще-славянскій; напротивъ, всѣ они работали именно для развитія и возвышенія „частныхъ“ народностей.

большую важность знать внутреннее состояніе русскаго общества и народа. И что же мы видимъ?—Мы сказали выше, что теперь въ славянскихъ литературахъ возросъ, сравнительно съ прежнимъ, интересъ къ русской литературѣ; но, говоря безотносительно, этотъ интересъ чрезвычайно малъ. Русскій читатель, просматривая славянскіе журналы и встрѣчая извѣстія о русской жизни и литературѣ, всего чаще бываетъ некрѣпко пораженъ чрезвычайнымъ невѣдѣніемъ нашихъ братьевъ о томъ, что дѣлается у насъ. О нашихъ внутреннихъ дѣлахъ они судятъ, всего чаще, по довольно нехитрому шаблону, который заимствуется изъ нѣмецкихъ книгъ и газетъ. Первостепенныя имена русской литературы нашимъ братьямъ едва извѣстны. Въ славянскихъ (особенно чешскихъ) журналахъ идетъ нерѣдко рѣчь о русской литературѣ, но пониманіе болѣею частью крайне ограниченное. Примѣровъ можно было бы привести множество... Возьмемъ первое попавшееся. По смерти Некрасова, въ сербской «Заставѣ» — лучшей сербской газетѣ, издающейся въ Новомъ-Садѣ, — помѣщена была о Некрасовѣ корреспонденція изъ Петербурга; вслѣдъ за тѣмъ редакция газеты печатается, въ отдѣлѣ объявленій, записка, — существуетъ ли отдѣльное изданіе сочиненій Некрасова (!), которымъ, повидимому, эта редакция заинтересовалась. Въ чешскомъ журналѣ встрѣтили мы отзывъ о Салтыковѣ: это очень замѣчательный писатель, обличающій «помѣщиковъ» и провинціальныя чиновниковъ (!): впечатлѣніе дается такое, какъ будто сочиненія Салтыкова были нѣчто въ родѣ «нравственно-сатирическихъ романовъ» тридцатыхъ годовъ. Чешскій критикъ очевидно не подозрѣвалъ всего настоящаго характера этой сатиры, смыслъ которой даже не рѣшается разъяснить современная русская критика... Правда, Тургеневъ очень знающъ: есть чешскіе и сербскіе переводы многихъ его сочиненій; не именно о немъ столько говорено въ европейской литературѣ, такъ много переводили его помѣщики, по-французски, по-англійски, что съ нимъ необходимо было познакомиться, — хотя бы онъ былъ китайскій писатель. Только въ сербскомъ переводѣ «Новы» мы увидѣли хотя тенденціозное, но очень сознательное отношеніе славянскаго переводчика къ русскому писателю. Странно сказать, но совершенно вѣрно, что литература славянскихъ братьевъ не можетъ никакъ равняться съ литературами совсѣмъ чуждыхъ и враждебныхъ народовъ относительно знанія современной Россіи. Во всѣхъ славянскихъ литературахъ нѣтъ, на примѣръ, ни одного труда, который бы хотя приблизительно могъ равняться старой книгѣ Гакстаузена, новой книгѣ Маккензи Уолласа, «Русской исто-

рин» или «Эклической Россіи» Рамбо, сочиненіямъ Леруа-Болье, Рольстона и проч. Во всѣхъ славянскихъ литературахъ нѣтъ до сей поры передачной исторіи Россіи или русской литературы ¹⁾. Съ тѣхъ поръ, какъ началось славянское «возрожденіе», не было примѣра, чтобы кто-либо изъ руководящихъ дѣятелей западнаго и южнаго славянства считъ нужнымъ сдѣлать основательное путешествіе по Россіи, наблюдать русскую жизнь собственными глазами, съ точки зрѣнія родственнаго славянина и европейски образованнаго человѣка. Въ Россіи были вѣнадолго Добровскій и Караджичъ, но никогда не бывали Юнгманнъ, Чельковскій, Колларъ, Шафарикъ, Копитаръ, Куамани, Миллошичъ, Рачкій, Даничичъ и много другихъ первостепенныхъ дѣятелей ²⁾. Московскій съѣздъ 1867 года былъ, конечно, слишкомъ коротокъ, чтобы братья-славяне, посѣтившіе тогда Россію, т.-е. собственно Петербургъ и Москву, увидѣли много, внѣ-официальныхъ приемовъ, обѣдовъ, вечеровъ и т. п., и успѣли разгадѣть истиннаго характера жизни русскаго общества и народа.

Чего же можно ожидать при этой бѣдности собственныхъ наблюденій, личнаго знанія? Разумѣется, и нельзя ожидать ни правильнаго пониманія русскихъ отношеній, ни охоты къ изученію русской литературы, объектъ которой, русскій народъ и его образованная часть, такъ мало извѣстны. Неудивительно, что западное славянство, не зная Россіи само, въ своихъ повѣяніяхъ о Россіи руководится тѣмъ, что находило въ изобиліи въ нѣмецкихъ журналахъ и газетахъ. Всякій русскій, кому случалось встрѣчаться и говорить съ западными славянами о Россіи, не могъ не замѣтить этого страннаго, какого-то чуждаго взгляда на русскую жизнь, исполненнаго недоразумѣніями или представленіями, совершенно фальшивыми. Скажутъ, что это однаго восполняется братскимъ истиннымъ, родственнымъ сочувствіемъ, — но, увы! мы видѣли въ послѣдніе годы, что одинъ этотъ истинный не въ состояніи установить разумныхъ между-племенныхъ отношеній, и мы были свидѣтелями, какъ въ минуту знаменательныхъ, торжественныхъ историческихъ фактовъ, военная и политическая борьба русскихъ въ защиту сербовъ и болгаръ не освѣтилась ни однимъ фактомъ національно-образовательной

¹⁾ Надо сдѣлать единственное исключеніе для статьи о Россіи въ чешскомъ „Научномъ Словникѣ“; но эта статья, хорошо составленная, есть краткій сборникъ справочныхъ свѣдѣній.

²⁾ Какъ исключеніе, назовемъ гг. Богшича, Ягича, Первольфа, которые и обладали знаніемъ русскихъ отношеній; но они жили въ Россіи по особаннымъ личнымъ обстоятельствамъ.

солидарности, никакимъ трудомъ по изученію современной Болгаріи, и кончалась жалкими пререканіями, упреками и обвиненіями... Были разныя причины этихъ пререканій, но однимъ изъ главныхъ источниковъ ихъ было взаимное незнаніе. Къ сожалѣнію, это незнаніе господствуетъ не только въ массѣ, въ среднемъ уровнѣ нашего и славянскаго общества; даже первостепенные представители западнаго славянства знаютъ очень мало о Россіи и русской жизни; а обыкновенная западная славянская «интеллигенція» представляла и представляетъ въ этомъ отношеніи примѣры изумительные. Я могъ бы привести ихъ по собственнымъ воспоминаніямъ, но предпочту для безпристрастія разсказанные другими.

«До путешествія моего по славянскимъ землямъ, — писалъ г. Ламанскій въ 1864 году, — я никакъ не воображалъ, что славяне западные, именно ихъ интеллигенція, такъ мало знаютъ Россію, еще менѣе того понимаютъ особенности нашей народной жизни, нашу литературу, характеръ нашего внутренняго развитія. Правда, они любятъ русскихъ, съ радушіемъ насъ принимаютъ, спрашиваютъ насъ о Россіи. Но въ этихъ разговорахъ съ австрійско-славянскою интеллигенціею русскому постоянно приходится слышать такіе забавные и странные вопросы, что часто становишься совершенно въ тупикъ: на какомъ языкѣ, французскомъ или нѣмецкомъ, ведутся у васъ въ Россіи большія часть административныхъ и судебныхъ дѣлъ? — «Есть у васъ еще журналы, кромѣ «Дня»? Развѣ все по-русски преподается у васъ въ университетахъ?» — Подобные вопросы можете слышать русскій въ Австріи отъ образованныхъ славянъ. Конечно, литераторы, ученые, въ этихъ случаяхъ болѣе осторожны, обнаруживаютъ свое полное незнаніе Россіи другимъ путемъ, иными вопросами... Вообще, русская исторія, статистика, русское право, русская церковь, русскій народный бытъ и русская литература западнымъ славянамъ знакомы такъ мало, что не только уже съ нѣмцемъ, но даже съ англичаниномъ и французомъ говорить о Россіи гораздо легче, нежели со славянами, которымъ всегда все приходится объяснять *ab ovo*».

Прибавимъ еще характеристическое замѣчаніе. «Вообще въ Германіи, между образованными людьми, русская повѣсть и литература не извѣстна и оцѣнена гораздо болѣе, чѣмъ у славянъ австрійскихъ, которые, надо замѣтить, знакомы съ литературою нѣмецкою, не говоря уже о французской и англійской, менѣе, чѣмъ мы русскіе, несмотря на то, что въ Австріи многіе патріоты-славяне говорятъ и пишутъ по-славянски часто хуже,

чѣмъ по-нѣмецки... Мы не говоримъ здѣсь объ ученыхъ славянахъ-спеціалистахъ, которые, конечно, прекрасно знаютъ нѣмецкую литературу своего предмета. Мы разумѣемъ здѣсь художественныхъ, философскія, политическія произведенія нѣмецкой литературы и степень знакомства съ ними большинства образованныхъ славянъ австрійскихъ, которые то ли изъ нелюбви къ нѣмцамъ, то ли по недостатку времени и средствъ, какъ люди бѣдные и мало имѣющіе досуга, очень слабо слѣдятъ за нѣмецкою литературою и читаютъ постоянно только нѣмецкія газеты, и то преимущественно австрійскія... Такимъ образомъ даже первыиъ славянскимъ ученымъ и писателямъ въ Австріи, напр. сочиненія Гакстаузена, Блазіуса, Боденштедта извѣстны только по имени... Въ Сербіи есть нѣсколько человѣкъ, которые жила въ Россіи, и довольно хорошо знаютъ русскій языкъ и литературу. Чешскіе писатели и ученые очень мало читаютъ нѣмецкѣ о Россіи, въ смѣшной увѣренности, что они лучше нѣмецкѣ понимаютъ и знаютъ о Россіи; еще менѣе читаютъ русскихъ книгъ, предполагая, что наша литература бѣдна и ничтожна въ сравненіи съ чешскою, и потому особеннаго вниманія съ ихъ стороны не заслуживаетъ. Такъ, масса русскихъ книгъ, въ разныя времена присланныхъ русскими въ чешскій музей, валяется на полкахъ съ неразрѣзанными листами и т. п.

Съ другой стороны, справедливость требуетъ сказать, что въ массѣ нашего общества существуетъ такое же незнаніе западнаго и южнаго славянства. Тамъ, по крайней мѣрѣ, чувствуется что Россія нужна для славянства, а въ южныхъ племенахъ издавна существовало ожиданіе ея освободительнаго вѣнчательства; у насъ незнаніе о славянствѣ ухудшилось еще невниманіемъ въ самому его существованію. Отсюда «внезапное славянофильствованіе», на которое нельзя, разумѣется, возлагать особенныхъ надеждъ; оно исчезнетъ, какъ только не поощряютъ его извѣстныя внѣшнія обстоятельства и мода на него пройдетъ.

Русская литература занималась славянствомъ гораздо меньше, чѣмъ надо было бы ожидать по тому господствующему значенію, какое наши панслависты пророчили для русскаго языка. Какъ только мы оставимъ сравнительно небольшіе предѣлы литературнаго круга, говорившаго у насъ о славянствѣ, — во всей остальной области нашей литературы, о славянствѣ нѣтъ никакой рѣчи, и заводить ее до послѣдняго времени считается оригинальностью, безъ которой, собственно говоря, очень можно обойтись.

Съ точки зрѣнія широкыхъ національно-племенныхъ интере-

совѣ, это надо назвать великимъ недостаткомъ русской литературы, — и люди, имѣющіе силу дѣйствовать въ ихъ области, еслибы желали ихъ развитія, должны бы позаботиться о возвышеніи нашей литературы въ этомъ отношеніи... Но такъ какъ этой заботѣ нѣтъ, и литература остается предоставлена самой себѣ и такъ сказать на произволъ судьбы, то и трудно винить ее, если она гораздо больше думаетъ о своихъ ближайшихъ потребностяхъ, чѣмъ о служеніи широкимъ національно-племеннымъ интересамъ: безъ удовлетворенія первыхъ, она не можетъ браться за послѣдніе, не рискуя смѣшными и еще больше печальными фіаско. Въ этомъ и заключается причина, почему въ большинствѣ нашей литературы славянскія дѣла встрѣчаются съ большимъ равнодушіемъ...

Въ другомъ мѣстѣ мы говорили о положеніи нашихъ славянскихъ комитетовъ. Только въ 1876—77 они были общественной силой, благодаря разнымъ обстоятельствамъ; но вообще они стояли въ общественной жизни особнякомъ, возбуждали очень мало (сравнительно) интереса, и при всемъ извѣстномъ ихъ характерѣ, ихъ дѣятельность была очень мало обезпечена. Въ ихъ судьбѣ довольно характерно отражается положеніе славянскихъ интересовъ въ Россіи, и въ частности исторія литературной и славянско-комитетской дѣятельности г. И. Аксакова представляетъ много назидательнаго.

Для приготовленія будущаго господства русскаго языка, въ числѣ другого, необходимо было бы предварительно обличеніе литературныхъ интересовъ, основаніе книжныхъ сношеній, то или другое содѣйствіе ознакомленію западнаго и южнаго славянства съ русскимъ языкомъ. Но все это — почти не существуетъ, или существуетъ только въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ. Упомянутое выше общество, которое замыслилось послѣ сѣзда 1867 г., было плодомъ «внесаннаго славянофильствованія»; о немъ такъ ничего и не было. И томъ слышно. Напротивъ, сближеніе затрудняется множественномъ мелкимъ и крупнымъ обстоятельствамъ, которыхъ обыкновенно не помнятъ защитники все-славянскаго значенія русскаго языка. Начать съ того, что западныя славянскія литературы и русская поставлены въ весьма разные внѣшніе условія печати. Первые — худо ли, хорошо ли ведутся, но стоятъ въ условіяхъ измѣдливой печати, измѣдливой несравненно болѣе проторѣ, нежели русская литература. Поэтому для насъ остаются совсѣмъ недоступными предметы, составляющіе самый живой интересъ нѣкоторыхъ славянскихъ обществъ — такъ какъ до насъ не доходятъ самыя книги. Такъ, не доходила и не доходитъ до

нашъ цѣлая литература польской эмиграціи; въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ запрещались изданія болгарскихъ патриотовъ, не доходя въ послѣднее время галицко-русскія изданія, нѣкоторыя сербскія книги, не дошелъ въ полномъ составѣ даже «Славянскій Альманахъ» (Вѣна, 1879), имѣвшій въ виду пан-славянскія цѣли. Не станемъ входить въ разсужденіе о томъ, насколько мѣры подобнаго рода необходимы для поддержанія печатнаго спокойствія у насъ; но нѣтъ сомнѣнія, что онѣ крайне затрудняютъ «распространеніе русскаго языка». Западное славянство (въ томъ числѣ и наше русское — въ Галиціи и венгерской Руси), не видя въ русской литературѣ никакого отклика на свои вопросы, привыкаетъ и совсѣмъ обходиться безъ нея, и нуждаясь, однако, въ литературно-образовательномъ матеріалѣ, какого не могутъ имѣть ихъ маленькія литературы, по-неволѣ обращается къ нѣмецкой, — а затѣмъ въ нѣмецкой културѣ и тонетъ (при нашемъ содѣйствіи?) множество славянскихъ силъ.

Въ газетахъ нашихъ (гдѣ со времени герцеговинскаго возстанія стали чаще появляться извѣстія о славянствѣ) за послѣднее время можно было бы набрать множество фактовъ, иногда мелкихъ, но характеристичныхъ, — о томъ, какъ стоятъ вообще между-славянскіе литературные интересы. Беремъ на удачу нѣсколько примѣровъ.

Въ подтвержденіе только-что сказаннаго, г. Китрово, пишущій корреспонденціи изъ Бѣлграда, разсказываетъ (въ февралѣ нынѣшняго года) о томъ, что дѣлается у сербовъ книжества. «Уму-разуму научить нашего брата-славянина не такъ-то легко, — говоритъ онъ: — нашъ врагъ точить зубы, а мы... мы кладемъ ему палецъ въ ротъ». Въ нѣмцествѣ дѣйствуетъ законъ о печати, «такъ сжавшій ея свободу, что едвали можно ждать появленія какого-нибудь общественнаго независимаго органа въ Сербіи». Въ результатъ, въ Сербіи отвыкли отъ чтенія своихъ сербскихъ газетъ и всего больше (даже въ маленькихъ городахъ, Шабцѣ, Смедеревѣ и проч.) тамъ распространены нѣмецкія или «швабскія».

Во время войны, въ нашихъ газетахъ авторена была корреспонденція вѣнской «Presse» изъ Систова (въ сентябрѣ 1877). Разсказывая о томъ, съ какою жадностью читали тогда газетъ находившіеся на театрѣ войны, корреспондентъ замѣталъ: «Русскіе требуютъ преимущественно иностранныхъ газетъ (какъ сербы — швабскихъ?), а румыны — отечественныхъ. Я не могу пройти молчаніемъ эту, въ высшей степени характеристическую черту».

Корреспондентъ изъ Варшавы жалуется: «Какъ жаль, что у

руських звѣсь нѣтъ своей газеты! Если бы знали, какъ она нужна звѣсь,—просто горько и досадно! Чехи, въ городѣ Пильзенѣ, въ Богеміи, издають газету на рускомъ языкѣ для себя, а мы звѣсь не имѣемъ своего органа на рускомъ языкѣ». Мѣстный офіціальний органъ, по словамъ корреспондента, расходується лишъ въ 200 экз. между обязательными подписчиками: «не понимаемъ, для чего онъ издается ¹⁾».

«Въ Москвѣ,—читаемъ мы опять въ прошломъ году,—образовался кружокъ съ весьма значительными средствами, желающій съ новаго года начать изданіе ежемѣсячнаго журнала, исключительно посвященнаго славянскимъ литературамъ. Лучшія произведенія послѣднихъ будутъ приведены въ немъ цѣликомъ, все же мало-мальски выдающееся въ извлеченіяхъ. Пока—недостатокъ за малымъ. Переводчиковъ съ англійскаго, французскаго и нѣмецкаго — сколько угодно, но кружокъ нигдѣ не можетъ найти лицъ, знающихъ хорватско-иллирскія (?) нарѣчія и чешскій языкъ. Даже по-сербски понимаютъ немногіе. Какъ это на насъ похоже»... Извѣстіе довольно странное: повидимому, и въ самомъ «кружкѣ» нѣтъ чловека, который бы имѣлъ понятіе о славянскихъ нарѣчіяхъ? Опять, вѣроятно, «внезапное славянофильствованіе», которое на другой день было забыто. Съ тѣхъ поръ о «кружкѣ» нѣтъ никакихъ извѣстій.

Въ концѣ прошлаго іюля напечатана была статья г. Кулаковскаго, который приглашенъ былъ въ Бѣлградъ для преподаванія русскаго языка и литературы, по инициативѣ сербскаго министра народнаго просвѣщенія. Въ нашихъ газетахъ высказано было много сочувствій г. Алимцію Васильевичу, который принималъ мѣры къ введенію преподаванія русскаго языка въ сербскихъ высшихъ школахъ. Изъ статьи г. Кулаковскаго оказывается, что въ Бѣлградѣ, еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, думали объ этомъ, но что этому воспротивился тогдашній русскій консулъ въ Бѣлградѣ, Шипшенъ, опасавшійся, что съ русскимъ преподаваніемъ проникнетъ къ сербамъ «нигилизмъ».

Такихъ примѣровъ было бы можно привести множество,—и они составляютъ, разумѣется, только эпизоды общаго, страннаго положенія у насъ славянскаго вопроса и ненормальнаго положенія самой русской общественности и литературы. И если принять въ расчетъ эту сторону дѣла, то, намъ кажется, должна пропасть охота загадывать о всеславянскомъ господствѣ русскаго языка.

¹⁾ Въ „Новомъ Времени“ 1878, августъ.

X. Заключение.

Что же думать о все-славянскомъ литературномъ языкѣ? Возможенъ ли онъ и надо ли его желать? ¹⁾

На послѣднее мы отвѣтили бы утвердительно, — потому что если только славянскій міръ имѣетъ будущее и желаетъ его, оно можетъ быть достигнуто только соединеніемъ славянскихъ силъ, такъ какъ, иначе, раздѣленное славянство не можетъ выдержать конкуренціи и борьбы съ своими сосѣдами и врагами; а соединеніе не можетъ обойтись безъ какого-либо общаго органа, въ видѣ русскаго или другого славянскаго языка, — органа, который служилъ бы, по крайней мѣрѣ, для взаимныхъ сношеній (потому что знаніе славянами хотя бы нѣсколькихъ главныхъ нарѣчій есть вещь практически недостижимая) и также для цѣлей высшей образованности, какъ языкъ науки. При этомъ, однако, мы не отрицали бы ни въ малѣйшей степени права каждой народности на свою особенную литературу. Разумное объединеніе не должно, да и не можетъ, въ существующихъ условіяхъ, совершаться насиліемъ: если обще-славянскій языкъ будетъ принятъ, онъ можетъ быть принятъ только свободно, собственнымъ сознаніемъ славянства въ его пользѣ и необходимости, и мы вовсе не считаемъ совмѣстнаго существованія языка общаго и частныхъ нарѣчій невозможнымъ въ литературѣ — въ томъ родѣ, какъ провансальское нарѣчіе совмѣстно съ французскимъ языкомъ. Но разумѣется само собою, что съ принятіемъ общаго языка область частныхъ литературъ должна стѣсниться и ограничиться — на столько, сколько литературнаго содержанія отпало бы въ область общаго языка.

Какое изъ славянскихъ нарѣчій могло бы всего вѣроятнѣе служить для такого объединенія, — этотъ вопросъ долженъ бы рѣшиться, по нашему мнѣнію, въ пользу русскаго языка. Не потому, чтобы мы придавали особенную силу его «историческому праву» (хотя оно имѣетъ свою важность въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, оно фактически устранено было развитіемъ цѣлыхъ обширныхъ литературъ на другихъ нарѣчіяхъ еще въ ту пору, когда сама русская литература была очень незначительна, —

¹⁾ Замѣтимъ кстати, что эти статьи о панславизмѣ, прежнія и нынѣшнія, между прочимъ, обратили вниманіе польской критики. Недавно читали мы отзывъ въ „Gazeta Polska“ (№ 181). Критикъ слишкомъ забѣжалъ впередъ, излагая мою теорію и дѣлая на нее свои возраженія: моя теорія не совсемъ такова, какъ ему представляется.

и эти литературы, особенно западно-славянскія имѣютъ свое историческое право вѣкового существованія и служенія своему народу); и не потому только, что русскіе—наиболѣе многочисленный и политически сильный народъ славянскаго племени (это одно не даетъ еще образовательно-литературнаго авторитета), а въ особенности потому, что рядомъ съ политической и численной силой, и вслѣдствіе ея, русскій народъ представляетъ гораздо болѣе возможностей обширнаго развитія въ будущемъ, чѣмъ представляется для другихъ племенъ по ограниченности ихъ средствъ, — и хотя настоящее русской образованности и литературы весьма не блестяще, но она можетъ ожидать свѣтлаго будущаго, если только внѣшнія условія народной жизни измѣнятся къ лучшему. Что внутренняя способность къ широкому развитію есть въ русскомъ народѣ—это доказывается быстрымъ успѣхомъ двухъ послѣднихъ вѣковъ, доказывается прошлымъ русской литературы и ея настоящимъ, когда, при всемъ неблагопріятномъ и часто подавляющемъ стеченіи страшно трудныхъ условій, русская образованность представляетъ рядъ первостепенныхъ талантовъ въ поэзіи, наукѣ и искусствахъ...

Но отъ желательности и возможности далеко до исполненія. Для распространенія русскаго языка въ качествѣ «обще-славянскаго» (въ какой бы то ни было степени—языка вообще литературнаго, т. е. и языка поэзіи, или только языка дипломатическаго и научно-образовательнаго, — все равно) нужны дѣйствія: во-первыхъ, такое развитіе русской литературы, чтобы она широтою своего научнаго и поэтическаго содержанія возымѣла въ славянскомъ мірѣ авторитетъ, который могъ бы если не пересиливать, то равняться съ авторитетомъ литературъ европейскія; во-вторыхъ, сильная потребность славянскаго міра въ тѣсномъ національно-образовательномъ союзѣ.

Могло бы быть сдѣлано третье предположеніе: что русскій языкъ могъ бы стать обще-славянскимъ въ силу политическаго господства, прямого или косвеннаго, въ родѣ системы «обрусѣнія». Но, насколько можно предвидѣть будущія условія славянства по вѣкамъ прошлой исторіи, предположеніе политическаго объединенія съ системой «обрусѣнія» мы считаемъ совершенно невозможнымъ. Если же предположить славянскую федерацію, — что возможно, — она могла бы осуществиться не иначе, какъ подъ условіемъ внутренней автономіи, простирающейся на языкъ и право, — такъ что частныя литературы и образованіе остались бы подъ тѣми же влияніями объединительныхъ стремленій и централизма. А система «обрусѣнія», какъ мы замѣтили въ дру-

гомъ мѣстѣ, способна приводить къ послѣдствіямъ совсѣмъ неожиданнымъ и вреднымъ въ національно-племенномъ смыслѣ.

Итакъ, возвращаемся къ первому условію. Для того, чтобы литература пріобрѣла для славянства авторитетъ, столь сильный, что онъ привелъ бы къ изученію и принятію русскаго языка, нужны прежде всего тѣ общія данныя, которыя создаютъ сильное развитіе литературы — широкое распространеніе образованности (какого мы далеко не имѣемъ), нуженъ полный просторъ для научнаго изслѣдованія (котораго мы также далеко не имѣемъ). Пока наука не будетъ возможна на русскомъ языкѣ въ той свободѣ, какую имѣетъ она въ литературахъ европейскихъ, до тѣхъ поръ наша литература не можетъ помышлять о соперничествѣ съ ними во влияніи на славянское образованіе: славяне будутъ читать нѣмецкія, французскія и англійскія книги, тогда подобныя книги на русскомъ языкѣ будутъ подвергаться ostracismу; славяне будутъ идти за высшей образованностью въ европейскія школы, и будутъ почерпать тамъ то нерасположеніе къ русскому, на которое у насъ такъ много жаловались и жалуются; сравнивая русскую литературу, напримѣръ, съ нѣмецкой, они вслѣдъ за нѣмцами будутъ (съ нѣкоторымъ правомъ?) смотрѣть на первую свысока, считать ее несовершеннѣйшей. Этимъ однимъ уже создавалось одно изъ сильныхъ, хотя не всѣмъ замѣтныхъ препятствій — не скажемъ къ «распространенію русскаго языка между славянами» (объ этомъ и говорить здѣсь было бы лишнее), а даже къ простому взаимному сближенію и ознакомленію.

Понятно, что съ этимъ должно соединиться и другое — возможность для литературы свободнаго обсужденія славянскихъ дѣлъ. До сихъ поръ, какъ мы видѣли, для русскаго читателя, который интересовался бы вопросомъ, недоступны цѣлѣ отдѣли славянской литературы: возможно-ли при этомъ, чтобы литература русская могла стать для славянъ любопытной и авторитетной, когда она не можетъ даже говорить объ извѣстныхъ предметахъ междуславянскаго спора, которые именно требовали бы разъясненія и примиренія.

Другимъ условіемъ для распространенія русскаго языка между славянами должно быть, какъ мы замѣтили, добровольное сознаніе самимъ славянствомъ необходимости союза. До сихъ поръ, почти во всякомъ разсужденіи этого рода, со стороны славянства почти неизмѣнно слышалась нота недовѣрія и опасенія, что союзъ съ Россіей будетъ подчиняемъ ей, и что онъ будетъ грозить частнымъ народнымъ особенностямъ. Примѣръ Польши являлся рѣши-

новешню, какъ достаточное этому доказательство; другое доказательство видѣли въ идеяхъ тѣхъ русскихъ панславистовъ, которые черезъ-чуръ усердно настаивали на томъ, что славянско должно принять ту программу, какую они выработали безъ соѣкта съ самими славянами, — напр., настаивали на православіи, какъ исключительной славянской религіи, на безусловномъ принятіи русскаго языка въ общей литературѣ и т. д. И надо согласиться, что славяне были правы, когда опасались съ русской стороны исключительности и притязанія на безусловное господство. Они знали эти факты и не имѣли причинъ ожидать въ будущемъ иныхъ отношеній, чѣмъ тѣ, какія этими фактами указывались. Новое подтвержденіе они могли видѣть въ положеніи малорусской литературы. Въ западномъ славянствѣ развитіе національной идеи привело къ тому, что тамъ возникли особенныя литературы даже у латвскихъ немногочисленныхъ племенъ, какъ словинцы (хорутане), которые не хотѣли принять сербо-хорватскаго языка, — даже у такихъ національных крупницъ, какъ лужичане, которые восходятъ числомъ не болѣе какъ тысячъ около ста (населеніе большого губернскаго города) и дѣлятся на два отѣнка (лужичане верхніе и нижніе), имѣютъ свою литературу, или у такихъ отѣнковъ народности, какъ словаки, которыхъ языкъ составляетъ лишь нарѣчіе чешскаго и которые, однако, настаиваютъ на отдѣльности отъ чеховъ литературѣ. У насъ, малорусское нарѣчіе отличается отъ великорусскаго гораздо больше, чѣмъ словацкое отъ чешскаго, — но за малорусской литературой не хотятъ признавать никакого права. Мы не будемъ вставать политическою стороною дѣла и административныхъ мѣръ, принятыхъ въ этомъ отношеніи; но замѣтимъ, что было очень странно видѣть специалистовъ, которые примѣняли административную мѣру въ научно-теоретическихъ вопросахъ, и мѣропріятіе, которое вѣроятно самою администраціей считалось временнымъ, вводили въ научный принципъ. Въ западномъ славянствѣ это должно было произвестись, безъ сомнѣнія, самое неблагопріятное впечатлѣніе.

Возможность тѣснаго литературнаго общенія, дѣйствительною живою связью, — которая привела бы въ авторитетности русскаго языка и литературы, — представится лишь тогда, когда упрочится между нами и славянствомъ солидарный взглядъ на самое существо національнаго движенія; когда національная исключительность уступитъ духу примиренія, признанія правъ чужой народности. Въ настоящемъ періодѣ все-славянской жизни, національный инстинктъ, въ своемъ «возрожденіи», сказывается именно этимъ аналитическимъ развитіемъ народныхъ единицъ, и долж:

не предоставить полную свободу его теченію, пока оно не совершитъ своего круга и затѣмъ самъ собой наступитъ поворотъ къ сосредоточенію. Теперь, для большинства славянскихъ народовъ идетъ еще вопросъ о первомъ прочномъ установленіи своей народной личности; если нарушать его теперь рѣзкимъ отрицаніемъ этой частной племенной индивидуальности въ пользу неизбѣжнаго и еще искомаго единства, то нарушение этой индивидуальности только ослабитъ ее и тѣмъ скорѣе сдѣлаетъ жертвой ближайшаго и сильнѣйшаго иноплеменнаго сосѣдства. Единство должно представляться имъ какъ опора ихъ національнаго сознанія въ борьбѣ, которую ему нужно еще вести противъ чужой отъижи, а не какъ опасность для ихъ собственной народности. Единство должно быть создано какъ союзъ, а не какъ поглощеніе сильнѣйшимъ слабѣйшаго. — Быть можетъ, что когда-нибудь союзъ кончится болѣе полнымъ объединеніемъ, — но это была бы уже задача еще очень далекихъ будущихъ историческихъ періодовъ...

Между тѣмъ у насъ вопросъ ставится такъ, какъ будто это будущее уже наступило, напр., — требуютъ принятія русскаго языка, когда русское образованіе и общественность еще не имѣютъ даже необходимой доли самобытности, когда въ русскомъ обществѣ нѣтъ никакого яснаго представленія объ отношеніяхъ къ славянству, когда существующіе у насъ между-славянскіе взгляды возбуждаютъ въ западномъ славянствѣ подозрительность и недо-вѣріе, и русскія выраженія панславянской идеи кажутся только едва замаскированнымъ властолюбіемъ, для котораго еще вовсе нѣтъ достаточныхъ внутреннихъ основаній.

Вопросъ все-славянскаго литературнаго (или если ограничить тѣснѣе панславянскія пожеланія, — только дипломатическаго и научнаго) языка сводится къ тому же, къ чему сводится и весь вопросъ о панславизмѣ. Нашихъ панславистскихъ теоретиковъ увлекали широкіе горизонты: они идеалистически строили великое славянское будущее подъ предводительствомъ Россіи, опирая строеніе всего болѣе на обширномъ внѣшнемъ развитіи русской государственности и подчиняя славянскій союзъ частнымъ особенностямъ русской народности. Но одна государственность, какъ она развилась у насъ къ настоящему моменту, положительна не въ состояніи исполнить этой задачи; предполагаемое господство исключительной русской народности отталкиваетъ славянскія племена: онѣ не думаютъ признавать, чтобы она, въ ущербъ имъ всѣмъ, специфически владѣла славянскими свойствами, какъ утверждалось нашими теоретиками, — и, напр., считаютъ простой невозможностью; на ряду съ политическимъ, религиозное

объединеніе въ православіи¹⁾. Очевидно, что прежде всего условіемъ объединенія должно быть признаніе права частныхъ народностей, и путь объединенія не въ авторитетъ политической и численной силы, а въ возвышеніи своей науки, общественности и культуры. Но въ этомъ послѣднемъ отношеніи намъ недостаетъ еще слишкомъ многого, — и нужно бы, чтобы русское общество раньше сознало этотъ недостатокъ, чѣмъ загадывать грандіозные планы. До тѣхъ поръ, пока наука не приобрететъ у насъ своего полного права, пока не приобретется возможность общественной инициативы, и здравое пониманіе національныхъ интересовъ не получить силы въ нашей собственной средѣ, толки о панславянскомъ единствѣ и все-славянскомъ (= русскомъ) языкѣ останутся идеаломъ, или фантазіей.

А. ПИПИНЪ.

¹⁾ Ср. разсужденія такого осторожнаго ученаго, какъ Воганшичъ: „Словенски Музеум, иисли о потреби научnота средишта за slovenskima slovenska plemena“, Нови-Садъ, 1867, стр. 16 и слѣд.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Сентябрь, 1879.

I.

- *П. Милославскій*, Типы современной философской мысли въ Германіи. Очерки изъ путешествія за границу. Казань, 1878.
- *Th. Ribot*, La Psychologie allemande contemporaine (école experimentale). Paris, 1879.

Интересъ къ философiи, столь сильный лѣтъ сорокъ тому назадъ, затѣмъ постепенно ослабѣвавшій и достигшій своего минимума въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, съ нѣкоторыхъ поръ опять быстро возрастаетъ, не только въ западной Европѣ, но и у насъ, въ Россіи. Застой въ развитіи философiи, упадокъ старыхъ философскихъ системъ, машинальное повтореніе и безплодное видоизмѣненіе ихъ одними, презрительное игнорированіе ихъ другими — все это уступаетъ мѣсто движенію, находящемуся еще въ первомъ своемъ періодѣ, но успѣвшему уже обратить на себя всеобщее и вполне заслуженное вниманіе. Центръ этого движенія—въ Германіи; изъ главнаго оплота спекулятивныхъ, метафизическихъ построеній она становится средоточіемъ новой философiи, по праву присвоивающей себѣ названіе *научной*. Изученію этой философiи и нѣкоторыхъ системъ, идущихъ отчасти параллельно, отчасти въ разрѣзъ съ нею, посвящены въ нашей литературѣ книги г. Лесевича, „Этюды“ г. Козлова и, наконецъ, сочиненіе г. Милославскаго, названное нами выше. Новая книга Рибо, автора извѣстныхъ сочиненій о наследственности и объ англійской современной психологiи, имѣетъ предметомъ одну сторону новой работы философской мысли въ Германіи — опытную психологiю, создаваемую на развалинахъ прежней, подъ вліяніемъ тѣхъ же идей, которымъ обязана своимъ происхожденіемъ научная философiя. Такъ какъ г. Милославскій всего менѣе останавливается именно на психологiи, а Рибо не касается вопросовъ, лежащихъ

въ ея области, то сочиненія ихъ во многомъ дополняютъ другъ друга. Къ „Письмамъ о научной философіи“ г. Лесовича книга г. Милославскаго отчасти находится въ такомъ же отношеніи, потому что г. Лесовичъ преимущественно изучаетъ тѣхъ представителей научной философіи (Геринга, Авенариуса и др.), о которыхъ г. Милославскій упоминаетъ только мимоходомъ; но, съ другой стороны, между сочиненіями обоихъ русскихъ писателей существуетъ связь болѣе тѣсная, такъ какъ въ задачу обоихъ входитъ опредѣленіе предмета, области и цѣлей, новой, научной философіи.

Сочиненіе г. Милославскаго состоитъ изъ двухъ главныхъ частей: въ первой онъ излагаетъ содержаніе нѣкоторыхъ философскихъ системъ, проповѣдуемыхъ въ настоящее время съ нѣмецкой университетской кафедръ (преимущественно тѣхъ, которыя не вполне отрѣшились отъ старыхъ традицій); во второй — разбираетъ причины упадка метафизики и задачи философіи, какъ спеціальной науки. Мы остановимся на послѣдней части, замѣтивъ только по поводу первой, что она много выиграла бы отъ болѣе ясной изложенія, затеняемаго иногда, какъ видно изъ словъ самого автора (стр. 79), желаніемъ его оставаться по возможности близкимъ къ языку и манерѣ нѣмецкихъ философовъ. Познакомить съ особенностями ихъ могли бы двѣ-три фразы, болѣе другихъ типичныя; сохранять во всей непривосновенности туманъ, отъ котораго теперь старается освободиться и нѣмецкій философскій языкъ, очевидно, не было никакой надобности, тѣмъ болѣе, что наши читатели вообще мало привыкли къ способу выраженія, свойственному нѣмецкой философіи. Г. Милославскій почти всегда умѣетъ быть яснымъ, когда говоритъ отъ собственного своего лица; жаль было бы, чтобы онъ внесъ это качество и въ передачу чужихъ мыслей. Образцомъ въ этомъ отношеніи можетъ служить Рибо, въ изложеніи котораго становятся, относительно, легко понятными даже ученія метафизиковъ въ родѣ Гербарта или Лотце. Конечно, этому способствуетъ и болѣе выработанность французскаго философскаго языка, сравнительно съ русскимъ ¹⁾.

¹⁾ Въ сужденіяхъ г. Милославскаго о писателяхъ, ученія которыхъ онъ излагаетъ, намъ бросилась въ глаза слѣдующая странность. На одной и той же (150-й) страницѣ онъ говоритъ о Гартманѣ (авторъ „Философіи безсознательнаго“) въ одномъ мѣстѣ, что нѣтъ основанія сомнѣваться въ блестящихъ его дарованіяхъ и *важныхъ заслугахъ*, какія онъ оказалъ нѣмецкой философіи и націи, а въ другомъ — что ученіе его съ виду стройно и красиво, но на самомъ дѣлѣ *мало, нескладно*, и для человечества не только *безполезно*, какъ *пустая метафизика*, но и *вредно*, какъ *моральная отрава*. Какимъ образомъ ученіе, безполезное и вредное для человечества, можетъ быть заслугой передъ нѣмецкой націей — этого г. Милославскій не объясняетъ.

„Большое и многовѣтвистое дерево національной нѣмецкой философіи, — говоритъ г. Милославскій, — выросшее и раскинувшееся во всѣ стороны изъ критики Канта, оказалось безплоднымъ, засыхаетъ и подрубается современной наукой и общественнымъ мнѣніемъ. Вмѣсто національной нѣмецкой философіи, на почвѣ науки, составляющей достояніе всего человѣчества, начинаетъ расти и развиваться общечеловѣческая философская мысль... Паденіе старой нѣмецкой философіи, повидимому, предоставляетъ положительной наукѣ полный просторъ, неограниченную, деспотическую власть надъ умами и жизнью человѣчества. Научная реакція противъ схоластики и метафизики, подъ вліяніемъ этой власти, переходитъ теперь отъ обороны къ наступленію: въ современной культурѣ развивается стремленіе искоренить изъ человѣческой науки и жизни, вмѣстѣ съ схоластикой и метафизикой, и все то, что для нихъ служило основой. Въ концѣ всего въ западной Европѣ, а особенно въ Россіи, сложилось убѣжденіе, что философія, какъ самостоятельная наука, потеряла свой кредитъ и должна быть вычеркнута изъ исторіи будущаго“. Справедливо ли это убѣжденіе? — спрашиваетъ себя авторъ: — вѣрно ли, что философію, какъ метафизику, слѣдуетъ отнести цѣлкомъ въ отжившій фазисъ умственнаго развитія человѣчества? Противники философіи приводятъ обыкновенно слѣдующіе главные аргументы, объясняющіе и оправдывающіе ея паденіе: методъ философіи, прямо противоположный научному, вполне несостоятеленъ и не можетъ привести ни къ чему, кромѣ ошибокъ;—въ философіи нѣтъ реальнаго предмета, подлежащаго истинно-научному изученію;—задача философіи неразрѣшима, такъ какъ она заключается въ познаніи сущностей, а мы можемъ познавать только явленія и ихъ законы. Г. Милославскій подробно разбираетъ каждый изъ этихъ аргументовъ и отвергаетъ ихъ доказательную силу. Онъ находитъ, что различіе между методами научнымъ и метафизическимъ, несмотря на отвлеченность, субъективность, апріорность философскихъ построеній, вовсе несущественно и не доходитъ до радикальной противоположности, какъ думалъ Кантъ и какъ думаютъ обыкновенно представители и любители положительной науки. Съ одной стороны, необходимо припомнить, что параллельно съ метафизикой давно уже развивались ученія эмпирической философіи, не чуждавшіяся опыта и наблюденія, что самъ родоначальникъ нѣмецкой метафизики, Кантъ, считалъ опытъ основаніемъ познанія, что въ системахъ Декарта, Спинозы, Лейбница много не-метафизическаго. Съ другой стороны, индуктивное изслѣдованіе у настоящаго ученаго соединено съ свободною дѣятельностью мысли и воображенія, съ теоріями, гипотезами, однимъ словомъ — съ философіей. Первичныя,

первобытныя данныя человѣческаго познанія исходятъ изъ опыта и наблюденія, но въ дальнѣйшемъ развитіи знанія мысль, какъ умозрѣніе, гипотеза, то предшествуетъ опыту и наблюденію, то сосуществуетъ съ ними. Еще яснѣе философскій характеръ изслѣдованія и познанія выступаетъ на видѣ въ дедукціи, перерабатывающей эмпирическія обобщенія въ научную теорію, въ научное умозрѣніе. Гипотеза, являясь послѣднимъ шагомъ научнаго метода—въ дѣльномъ, истинномъ смыслѣ этого слова—есть не что иное, какъ научная метафизика. Наука и философія имѣютъ общую почву въ опытѣ и умозрѣніи и составляютъ въ исторіи развитія не два существенно различныя или противоположныя фазиса, а двѣ сродныя стороны одного и того же процесса. Различіе обнаруживается только между степенями этого процесса; другими словами, существенное различіе или даже радикальная противоположность между наукой и метафизикой кроется не въ методахъ ихъ, а въ ставени научности и ненаучности той и другой. Если въ наукѣ одно время господствовало методѣ метафизическій, то къ философіи, очевидно, можетъ быть приложимъ методѣ научный. Философія и наука одинаково грѣшатъ одностороннимъ пониманіемъ одного и того же истиннаго метода познанія. Философы воображали, что можно познавать существующее путемъ чистой мысли, независимо отъ опыта и наблюденія, безъ предварительнаго индуктивнаго изслѣдованія, а ученые, наоборотъ, воображаютъ, что познаніе возможно не иначе, какъ только въ опытѣ и наблюденіи, независимо отъ субъективныхъ умственныхъ построеній, и что все, недоступное опыту и наблюденію, недоступно для познанія и составляетъ область метафизики или (по выраженію Льюиса) метампиріи.

Безпредметность философіи противники ея доказываютъ тѣмъ, что изъ числа задачъ, входившихъ въ ея область, однѣ—разрѣшныя—отопили въ сферу спеціальныхъ наукъ, а другія должны быть признаны неразрѣшимыми и, слѣдовательно, неподлежащими научному изслѣдованію. Опровергая это мнѣніе, г. Милославскій замѣчаетъ, что если всѣ вещи и явленія дѣйствительнаго міра и могутъ быть распределены между отдѣльными, спеціальными науками, то эти науки составляютъ, въ свою очередь, особый рядъ явленій, котораго нельзя ни смѣшать, ни отождествить съ какимъ-либо другимъ. Явленія, представляемыя человѣческимъ познаніемъ въ его происхожденіи и въ развитіи его различныхъ формъ, могутъ и должны быть предметомъ особой, спеціальной науки, задача которой—научно-методическое открытіе и объясненіе законовъ этихъ явленій, построеніе теорій и гипотезъ для научнаго пониманія ихъ. Эта наука и есть философія; безъ нея всѣ остальные науки могутъ разви-

ваться только въ ширь, а не въ глубь. Философія—не особый родъ знанія, а только видъ его; различіе ея отъ другихъ наукъ; по характеру ея содержанія, заключается лишь въ томъ, что она наиболѣе сложна и универсальна. Въ классификаціи наукъ по системѣ Конта, философія слѣдовало бы отвести послѣднее и имѣть съ тѣмъ первое мѣсто—послѣднее по порядку изученія, первое—по степени ея всеобщности.

Переходя къ возраженію, основанному на неразрѣшимости задачи философіи, г. Милославскій различаетъ идеальныя ея задачи отъ реальнаго ея предмета. Такимъ предметомъ всегда было существующее, т.-е. дѣйствительный міръ; къ объясненію его направлены даже самыя отвлеченныя изъ метафизическихъ построеній. Философія, какъ бы она ни была переполнена ошибками и заблужденіями, есть ученіе не о сущностяхъ, а о вещахъ. Какъ бы краснорѣчиво ни утверждали философы и ихъ недруги, что философія есть ученіе о сущностяхъ, самыя неудачи философовъ доказываютъ несогласность этого мнѣнія съ истиннымъ смысломъ философіи. Въ дѣйствительности сущность вещей всегда оставалась и остается лишь задачей философскаго мышленія. Между тѣмъ, къ познанію сущностей стремилась и стремится не только философія, но и наука. Каждое новое обобщеніе въ наукѣ, каждая научная теорія или гипотеза—есть естественный и желательный шагъ отъ вещей и явленій къ ихъ сущности. Развѣ не сущность вещей открылъ Ньютонъ въ тяготѣніи и его законахъ? Только знаніе сущности планетныхъ отношеній даю Леверрье возможность открыть существованіе до тѣхъ поръ неизвѣстной и невиданной планеты. Развѣ, далѣе, не сущность вещей составляютъ шестьдесятъ-четыре химическихъ элемента? Когда человѣкъ имѣетъ ясное научное сознаніе, что вся наблюдаемая имъ группа явленій сводится на сочетаніе этихъ элементовъ и механическихъ движеній, онъ, очевидно, знаетъ сущность вещей и явленій, насколько это возможно для современнаго познанія и лично для него самого. Ему остается только не забывать, что эта сущность не безусловна, что она составляетъ явленію нашего сознанія, явленіе научнаго развитія. Итакъ, сущность вещей—общій центръ тяготѣнія для всѣхъ специальныхъ наукъ, съ философіей включительно. Философы понимаютъ это лучше ученыхъ и справедливо заключаютъ, что познаніе сущностей возможно. Но если сравнить усилія ученыхъ и философовъ на пути познанія, то окажется поразительно странная разница. Философы, считая сущности вещей познаваемыми и энергически стремясь познать ихъ, до сихъ поръ не принесли ни къ какому положительному результату, а ученые, какъ будто не имѣя въ виду сущностей, изучая одни явленія и даже считая сущ-

ности непознаваемыми, проникли въ сущность вещей успѣшнѣе и дальше, чѣмъ философы. Объяснить эту странность, значить, — по мнѣнію г. Милославскаго, — объяснить упадокъ философіи и вмѣстѣ съ тѣмъ доказать ея право на существованіе, раскрыть ея задачи и способъ осуществленія ихъ.

Для нашего познанія доступны только явленія и ихъ единообразія, законы, а не безусловная сущности или вещи въ себѣ (res per se, Dinge an sich). Человѣческое познаніе относительно, т. е. познаніе невозможно безъ соотношенія, безъ соучастія субъекта и объекта; никакая вещь, никакое явленіе не можетъ быть познано само въ себѣ, какъ чистый объектъ, а всегда въ связи съ субъектомъ. Этотъ законъ относительности человѣческаго познанія оказывалъ вліяніе на философію и тогда, когда не былъ еще открытъ и сформулированъ, подобно тому, какъ человѣкъ мыслить логически и говорить грамматически прежде всякой логики и грамматики; но насколько неизбежны ошибки противъ законовъ мысли и языка, настолько же онѣ неизбежны и противъ закона относительности. Заблужденія старой метафизики зависѣли преимущественно отъ игнорированія этого закона, отъ стремленія къ знанію безотносительному, безусловному, къ постиженію какаго-нибудь абсолютнаго начала всѣхъ началъ. Эмпирики грѣшили въ противоположномъ направленіи, признавая безотносительность незнанія или абсолютное непознаваемое. Кантъ, въ своей „Критикѣ чистаго разума“, установилъ недоступность для человѣческаго познанія безотносительной сущности внѣшняго міра; но онъ не довелъ своей мысли до логическаго ея заключенія и призналъ безусловно апріорными, независимыми отъ опыта, нѣкоторыя понятія, коренящіяся въ чистомъ разумѣ, напр., понятія о пространствѣ и времени. Затѣмъ онъ вынужденъ былъ признать безотносительною и вещь въ себѣ, какъ нѣчто абсолютно лежащее внѣ человѣка и абсолютно-непознаваемое. Эта сторона ученія Канта послужила источникомъ новой нѣмецкой метафизики, отличающейся отъ старой не столько по существу, сколько по формѣ. Преемники Канта упустили изъ виду, что такъ какъ человѣческое познаніе относительно, то и вещь въ себѣ для познанія не можетъ быть безотносительною; что познаніе о вещи въ себѣ, подобно всякому другому познанію, есть не болѣе, какъ явленіе, слагающееся изъ взаимнодѣйствія субъекта и объекта. Они искали вещь въ себѣ или только въ своемъ внутреннемъ мірѣ или только внѣ его; отсюда не проходитъ бездна между субъектомъ и объектомъ, между мыслью и внѣшнимъ міромъ. Допустивъ безотносительность вещи къ себѣ, неизбежно слѣдуетъ признать, что все существующее — или только духъ, или только матерія; отсюда крайности идеализма и реализма. Та-

кова, по мнѣнію г. Милославскаго, коренная ошибка отживающей нѣмецкой философіи, объясняющая ея упадокъ и пренебреженіе къ ней со стороны науки. Новая школа, сознающая необходимость поправить эту ошибку, проповѣдуетъ возвращеніе къ Канту, въ смыслѣ болѣе послѣдовательнаго продолженія начатаго, но неоконченнаго имъ дѣла. Вопросъ — быть или не быть философіи, рѣшается, такимъ образомъ, въ ея пользу; конецъ наступаетъ не для нея, а только для фальшиваго направленія, которому она слѣдовала въ Германіи.

Современная наука, осуждая метафизическія построенія философіи, сама не остается, однако, свободной отъ метафизическихъ элементовъ и стремленій. Она постоянно наталкивается на метафизическіе вопросы о послѣднихъ или первыхъ началахъ міра, о сущности матеріальныхъ вещей и явленій, о сущности сознанія, и т. п. Научныя теоріи или гипотезы, такъ или иначе рѣшающія подобные вопросы, по всей справедливости устанавливаются въ естественный и историческій рядъ съ теоріями и гипотезами записныхъ метафизиковъ. Научныя умозрѣнія стремятся къ упраздненію или замѣщенію философіи и богословія, но при этомъ неизбежно отрываются отъ научной почвы и переносятся на почву метафизики и религіознаго сознанія. Примѣромъ этому могутъ служить гипотезы Геккеля о равномѣрномъ одушевленіи всѣхъ тѣлъ въ природѣ, органическихъ и неорганическихъ, о живыхъ неорганизмахъ, о тождествѣ силы, которою магнитъ притягиваетъ желѣзо, съ силою, которою мыслить человѣкъ. Научный законъ сохраненія вещества и энергіи превращается, путемъ такихъ же гипотезъ, въ метафизическій законъ *отчужденнаго* сохраненія вещества и энергіи; вѣчные элементы или атомы вещества становятся безусловными, безотносительными сущностями всего мірового процесса. Безотносительнымъ источникомъ, критеріемъ или предѣломъ всякаго познанія у философствующихъ ученыхъ является опытъ; онъ становится лозунгомъ, который достаточно произносить почаще и поувѣреннѣе, чтобы провести въ лагерь науки даже старыя идеи изъ враждебнаго метафизическаго лагеря. На опытѣ считаютъ возможнымъ возводить всякаго рода постройки; забывая, что онъ самъ требовалъ бы предварительнаго изученія, что все познаваемое изъ опыта есть явленіе нашего сознанія, а сознаніе не совпадаетъ съ механикой и энергіей вещества. Господствующее въ современной наукѣ ученіе — такъ-называемый механическій монизмъ объективируетъ *понятія* объ энергіи и матеріи, переноситъ ихъ во внѣшній міръ, отождествляетъ съ вещами — однимъ словомъ, повторяетъ, въ новой формѣ, ошибки старой метафизики. Предупредить подобное вторженіе науки въ область метафизики можетъ только

возвышеніе философіи на степень спеціальной науки, въ таковой же мѣрѣ, какъ и всякая другая требующей спеціального изученія. Теперь астрономъ не берется судить объ открытіяхъ біологін, біологъ — объ открытіяхъ астрономіи, а философствовать по-своему считаетъ себя въ правѣ всякій ученый, даже всякій образованный человѣкъ. Пора придти къ убѣжденію, что задачи философіи не могутъ быть рѣшены никакою другою изъ спеціальныхъ наукъ.

Въ чемъ же заключаются задачи философіи, какъ спеціальной науки? *Первая* изъ нихъ—методическая классификація явленій человѣческаго познанія и правильное, точное ихъ описаніе. Даже при поверхностномъ взглядѣ на явленія познанія не трудно раздѣлить ихъ на опредѣленные группы—религіозныхъ ученій, мисіонъ, философскихъ системъ, разныхъ наукъ, затѣмъ на частныя группы научныхъ, религіозныхъ и другихъ идей (о матеріи, о силѣ, о происхожденіи міра, о первой причинѣ, о духѣ) и т. д. До сихъ поръ эта задача не выполнена, но подготовительными къ исполненію ея работами можно считать всѣ современныя изслѣдованія о первобытной культурѣ, о языкѣ, мисіяхъ, религіяхъ, вообще о цивилизаціи, также различныя исторіи философіи и науки. Наибольшую цѣнность, съ этой точки зрѣнія, имѣютъ труды Конта, Уэвелла (исторія индуктивныхъ наукъ) и Ланге (исторія матеріализма). *Вторая* задача философіи—открытіе, выясненіе, выраженіе и внесеніе въ общенаучный кодексъ законовъ, связывающихъ явленія познанія. Выполненіе этой задачи зависитъ отъ успѣховъ всѣхъ другихъ наукъ о познаваемомъ мірѣ и познающемъ человѣкѣ, особенно психологін и логики. Эти послѣднія науки также изслѣдуютъ условія и отношенія человѣческаго познанія, но между ними и философіей такая же разница, какъ между конкретными и абстрактными науками (напримѣръ, минералогіей и химіей). При открытіи и опредѣленіи законовъ явленій человѣческаго познанія должны быть принимаемы въ соображеніе единственно научныя данныя, разрабатываемыя общенаучнымъ методомъ. Здѣсь есть мѣсто научнымъ теоріямъ и гипотезамъ, но нѣтъ мѣста ненаучнымъ, независимымъ какъ отъ опыта, такъ и отъ апіоринныхъ элементовъ познанія, безотносительнымъ постройкамъ. Примѣромъ такой постройки можетъ служить попытка подчинить человѣческую мысль общему закону сохраненія вещества и энергій; примѣромъ научной гипотезы—предположеніе г. Милославскаго, что элементы познанія подлежатъ своему собственному закону сохраненія, т. е. не творятся изъ ничего и не исчезаютъ въ ничто. Въ силу этого предположенія, между обоими порядками явленій (внутреннимъ и вѣншимъ) и законами ихъ сохраненія существуетъ природное отношеніе, которое и дается въ познаніи, но выясняется не вдругъ и

не само собою, а постепенно, по мѣрѣ развитія наукъ о мѣрѣ и человѣкѣ. Третья, послѣдняя и высшая задача философіи заключается въ томъ, чтобы, на основаніи результатовъ всѣхъ предшествующихъ изслѣдованій, на основаніи найденныхъ и опредѣленныхъ законовъ явленій человѣческаго познанія, построить научную теорію этихъ явленій, въ связи съ явленіями всего познаваемого. Какимъ образомъ наше познаніе можетъ обнимать и явленія познаваемого, и явленія самаго познанія, какимъ образомъ познаніе связано съ матеріей, духъ съ тѣломъ—это остается проблемой. Если разрѣшеніе ея возможно, то къ нему можно приближаться только постепенно, путемъ спеціальнаго изученія отношеній между обоими элементами познанія. Научная теорія явленій познанія даетъ средства для правильной постановки и приблизительнаго рѣшенія всѣхъ другихъ философскихъ проблемъ — о происхожденіи и развитіи міра, объ атомахъ, о жизни, о свободѣ и т. д. Безотносительнаго познанія о всѣхъ этихъ предметахъ мы, относительно познающія существа, имѣть не можемъ; но относительнаго научнаго познанія о нихъ достигнуть возможно. Наши идеи о нихъ могутъ быть научными, а не метафизическими. Пусть это будутъ идеи о *сущностяхъ*—онѣ останутся высокими и самыми цѣнными явленіями человѣческаго познанія, наиболѣе сообразными съ его законами. При такихъ условіяхъ для философа, чувствующаго въ себѣ достаточно умственныхъ силъ и чистоты сердца, открытъ свободный путь къ относительной идеѣ даже о Томъ, кого философы дерзали считать постигнутымъ въ идеѣ какого-нибудь абсолюта. Такимъ образомъ, философія, выполняя всѣ свои задачи, становится въ то же время связною, цѣльною системою міросозерцанія. Въ этой системѣ получаетъ свое опредѣленное значеніе не только то, что человѣкъ уже знаетъ, но и то, что онъ воображаетъ себѣ извѣстнымъ или возможнымъ для познанія. Философія всегда имѣла величайшее вліяніе на весь строй нравственныхъ убѣжденій и человѣческой дѣятельности; тѣмъ выше можетъ быть ея нравственное практическое значеніе тогда, когда она достигнетъ общеобязательнаго, общепризнаваемаго научнаго значенія и положенія. Ея содержаніе обнимаетъ содержаніе всего человѣка, насколько оно доступно наукѣ. Изъ тѣхъ же отношеній, изъ какихъ складается познаніе, складается и человѣческая дѣятельность. Правильное пониманіе отношеній одного рода можетъ вести къ правильному пониманію отношеній и другого рода—нравственныхъ отношеній человѣка къ самому себѣ, къ ближнимъ и ко всей природѣ.

Таково, въ короткихъ чертахъ, содержаніе четырехъ послѣднихъ главъ книги г. Милославскаго. Если онъ не знакомитъ насъ со всѣми типами современной философской мысли въ Германіи—мы имѣли уже

случай замѣтить, что именно о главныхъ представителяхъ научной философіи г. Милославскій не говоритъ почти вовсе, — то съ другой стороны онъ даетъ гораздо больше, чѣмъ обѣщаетъ заглавіе его сочиненія; мы находимъ у него самостоятельный взглядъ на прошедшее, настоящее и будущее философіи ¹⁾. Въ виду обширности и трудности задачи, неудивительно, что исполненіе ея не во всемъ одинаково удалось г. Милославскому. Его терминологія недостаточно опредѣлена; одному и тому же слову онъ придаетъ въ разныхъ мѣстахъ различный смыслъ, внаслідокъ этого какъ-бы въ противорѣчіе съ самимъ собою. Такъ, напримѣръ, онъ повторяетъ нѣсколько разъ, что нашему познанію доступны только явленія, а не сущности, не вещи въ себѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ говоритъ о сущности вещей, какъ о чемъ-то подлежащемъ философскому и научному изслѣдованію. На одной и той же страницѣ (248-ой) мы встрѣчаемъ, напримѣръ, слѣдующія фразы: „Развѣ не сущность вещей открылъ Ньютонъ въ тяготѣніи и его законахъ?Конечно, мы не знаемъ, что такое въ свою очередь составляетъ сущность тяжести и тяготѣнія“. Если мы не знаемъ, въ чемъ заключается сущность тяжести и тяготѣнія, то называть открытіе закона тяготѣнія открытіемъ сущности вещей — очевидно, игра словъ, ведущая только къ недоразумѣніямъ. Дѣло въ томъ, что *сущность*, въ философскомъ спеціальному смыслѣ этого слова, не совпадаетъ съ *суммою*, о которой мы привыкли говорить въ общежитіи. Мы называемъ сущностью явленія или предмета его главные черты, рѣзко отличающія его отъ смежныхъ явленій или предметовъ, составляющихъ или обуславливающихъ его характеристическое значеніе. Въ философскомъ смыслѣ сущность или вещь въ себѣ, кантовскій „ноуменъ“ — это предметъ, каковыи онъ есть на самомъ дѣлѣ, а не каковыи онъ представляется нашему сознанію. Тяготѣніе, какъ познаваемое нами каковыи соотношеніе предметовъ, — не сущность въ философскомъ смыслѣ, а явленіе, отличающееся отъ другихъ только своею общестію; законъ тяготѣнія, открытый Ньютономъ, — одинъ изъ высшихъ, т.е. наиболѣе общихъ законовъ, но по способу открытія или уста-

¹⁾ Въ выводахъ г. Милославскаго довольно много общаго съ мнѣніями, высказанными г. Лесевичемъ въ обоихъ сочиненіяхъ его: „Опытъ критическаго изслѣдованія основоначалъ позитивной философіи“ (1877) и „Письма о научной философіи“ (1878); но последнее вышло въ свѣтъ одновременно съ книгой г. Милославскаго, а относительно перваго г. Милославскій дѣлаетъ оговорку, что онъ познакомился съ нимъ уже по окончаніи своего труда. Сомнѣваться въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго основанія, такъ какъ при сходствѣ заключеній аргументація одного автора не совпадаетъ съ аргументаціей другого, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и заключенія ихъ не сходны между собою.

явленіи ничѣмъ не отличающійся отъ другихъ законовъ, выведенный изъ наблюденія явленій внѣшняго міра. Одно изъ двухъ: или всякое научное наблюденіе касается сущности вещей, или ея не касается ни одно научное наблюденіе, какъ бы гениально и важно оно ни было. „Только знаніе сущности молекулярнаго стресса и измѣненія тѣла, — говоритъ г. Милославскій все на той же 248-й страницѣ, — даетъ человѣку возможность воспроизводить новыя вещества“. Здѣсь слово *сущность*, очевидно, употреблено въ обыкновенномъ, общежитейскомъ его смыслѣ (суть, существенное содержаніе). Неточность въ выборѣ выраженій приводитъ г. Милославскаго, какъ намъ кажется, и къ неполнотѣ вѣрному заключенію. Онъ отвергаетъ, чтобы стремленіе къ познанію сущности вещей было одною изъ порочныхъ ошибокъ старой философіи, одною изъ причинъ ея упадка; мы думаемъ, наоборотъ, что именно въ этомъ стремленіи слѣдуетъ искать одинъ изъ главныхъ источниковъ метафизическихъ заблужденій, какъ въ философіи, такъ и въ наукѣ. По словамъ г. Милославскаго, сущность вещей всегда оставалась лишь *задачей* философскаго познанія, а *предметомъ* его былъ дѣйствительный міръ; но развѣ направленіе мысленія не обуславливается его задачей? развѣ неразрывность задачи можетъ оставаться безъ вліянія на характеръ и результаты вызываемыхъ ею исследований? Г-нъ Милославскій совершенно правъ, настаивая на первостепенной важности закона относительности человѣческаго познанія и объясняя нарушеніемъ или игнорированіемъ его ложное направленіе нѣмецкой философіи послѣ Канта; но относительность человѣческаго познанія и невозможность познанія сущности вещей — только двѣ стороны одной и той же медали, только два различные способа выраженія одного и того же закона. Въ понятіи о *сущности* заключается уже понятіе о *безусловной, безотносительной* сущности; эти эпитеты, подчеркиваемые г. Милославскимъ, собственно говоря, — лишены, ничего не дополняющій и не разъясняющій. Искать познанія сущности, т. е. вещи, какъ она есть въ себѣ — независимо отъ того, какъ она представляется человѣку, — значитъ забывать законъ объ относительности познанія, о неразрывной связи между познаваемымъ объектомъ и познающимъ субъектомъ. Разногласіе между г. Милославскимъ и нами сводится, такимъ образомъ, къ словамъ, — но въ философскомъ изслѣдованіи точное употребленіе словъ чрезвычайно важно, и если бы г. Милославскій установилъ съ болѣею определенностью значеніе слова: *сущность*, ему не нужно было бы посвящать нѣсколько страницъ развитію тезиса, что философія и наука въ правѣ стремиться къ познанію сущности вещей.

Съ мнѣніемъ г. Милославскаго, что между методами метафизи-

человѣкъ и научный нѣтъ существеннаго различія, едва ли можно согласиться. Существованіе, родомъ съ метафизикой, эмпирическихъ философскихъ системъ, точно также какъ и наличность строго-научныхъ данныхъ въ самыхъ отвлеченныхъ метафизическихъ построеніяхъ, не доказываютъ тезиса, поддерживаемаго г. Милославскимъ; вѣдь рѣчь идетъ не о философіи вообще и не о философахъ, а только о специальномъ метафизическомъ методѣ. Опредѣлить его значеніе можно только изслѣдованіемъ его непосредственныхъ результатовъ, а не того, что достигнуто или создано именемъ его или вопреки ему. Эмпирическія системы должны быть, съ этой точки зрѣнія, вовсе скинуты со счетовъ; изъ произведеній метафизиковъ должно быть выдѣлено все то, въ чемъ они являются какъ ученые, а не какъ умозрительные философы. Многие изъ числа философовъ метафизическаго направленія были въ то же самое время людьми науки, не только знатоками, но и двигателями ея; достаточно назвать Декарта и Лейбница. По-нятому, что они часто слѣдовали научному методу и что въ ихъ ученіяхъ далеко не все имѣетъ чисто метафизическій характеръ; но развѣ это можетъ служить аргументомъ въ пользу метафизики или метафизическаго метода? Другой доводъ г. Милославскаго заключается въ томъ, что теорія, дедукція составляютъ достоинствѣ науки въ такой же мѣрѣ, какъ и умозрительной философіи, что гипотеза — этотъ послѣдній шагъ научнаго метода — не что иное, какъ научная метафизика. Опроверженіе этого довода можно найти въ словахъ самого же г. Милославскаго. „Индуктивное изслѣдованіе ученаго, — говоритъ онъ, — всегда соединено съ свободною дѣятельностью мысли и воображенія, съ теоріями, съ гипотезами, съ философіей, которая, конечно, можетъ оказываться передъ содѣятельствомъ опыта и метафизикой. Только въ этомъ послѣднемъ случаѣ ученый покорно выслушиваетъ истину и разстается съ своими теоретическими и гипотетическими идеями“. Въ этомъ-то и состоитъ равнина между научной гипотезой и метафизическимъ умозрѣніемъ, что первая подвергается повѣркѣ съ дѣйствительностью и отбрасывается самимъ авторомъ, если результатъ повѣрки окажется для него неблагопріятнымъ, а послѣднее увѣрено въ самомъ себѣ и ни въ чемъ другомъ не ищетъ ни опоры, ни контроля. Между научной гипотезой, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, и метафизикой лежатъ, такимъ образомъ, дѣлая пропасть. Точно такъ же и дедукція въ наукѣ идетъ рука объ руку съ индукціей, въ метафизикѣ — претендуетъ на самостоятельное независимое значеніе. Не въ правѣ ли мы заключить отсюда, что истинно-научный методъ прямо противоположенъ метафизическому, хотя послѣдній не такъ еще давно игралъ большую роль въ наукѣ и первый проникалъ иногда и въ метафизику? Такое

заключеніе согласуется, въ сущности, и съ взглядомъ г. Милославскаго, объясняющаго упадокъ метафизической философіи нарушеніемъ съ ея стороны закона относительности человѣческаго познанія. Допуская возможность познанія безотносительнаго, независимаго отъ опыта, метафизика этимъ самымъ освобождала себя отъ необходимости слѣдить свои выводы съ дѣйствительностью, другими словами — отъ необходимости слѣдовать научному методу.

Упустивъ изъ виду указанное имъ же самимъ различіе между научной гипотезой и метафизическимъ умозрѣніемъ, г. Милославскій пришелъ къ не вполнѣ правильному заключенію относительно вторженія метафизики въ современную науку. Мы не отрицаемъ, что случаи такого вторженія на самомъ дѣлѣ бывали и бываютъ, но они не такъ обыкновенны, какъ думаетъ г. Милославскій. Представители современной науки, выставляя смѣлую гипотезу, сознаютъ, болѣею частью, ея условное значеніе, ея временной неустойчивый характеръ, сознаютъ необходимость ея всесторонней повѣрки, однимъ словомъ — не приписываютъ ей непогрѣшимости, не выдаютъ ее за истину, не требующую дальнѣйшихъ доказательствъ. Научныя гипотезы основываются на фактахъ, на данныхъ, добытыхъ опытомъ и наблюденіемъ; онѣ грѣшатъ иногда преждевременнымъ обобщеніемъ этихъ данныхъ, скороспѣлымъ объясненіемъ ихъ, но отнюдь не пренебреженіемъ къ опыту, не отрѣшеніемъ отъ почвы дѣйствительности. Идти впередъ слишкомъ быстро и недостаточно осторожно — не значитъ еще уклоняться съ прямой дороги и возвращаться къ дремучій, безвыходный лѣсъ метафизики.

Расходясь съ г. Милославскимъ въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, мы вполнѣ раздѣляемъ его основную мысль — о необходимости и возможности философіи, какъ науки. Задачи научной философіи г. Милославскій во многомъ понимаетъ точно такъ же, какъ и представители ея въ Германіи. Весьма любопытно разногласіе, существующее по этому вопросу между нѣмецкими философами новой школы — къ которымъ примыкаютъ у насъ гг. Милославскій и Лесевичъ — и французскимъ писателемъ Риббъ, въ другихъ отношеніяхъ столь же къ ней близкимъ. Констатируя постепенное измѣненіе границъ философіи, нѣкогда вмѣщавшей въ себѣ почти всѣ отрасли знанія, теперь уступившей болѣею часть своего содержанія отдѣльнымъ, специальнымъ наукамъ, первые сохраняютъ за философій самостоятельный научный предметъ и самостоятельное научное значеніе; Риббъ, отправляясь отъ тѣхъ же данныхъ, приходитъ къ другому заключенію. „Универсальная въ своемъ началѣ, — говоритъ онъ въ предисловіи къ „Psychologie anglaise contemporaine“, — философія (по окончаніи совершающагося въ ней теперь переворота) также будетъ универ-

сальною, не на другой ладъ. Нѣкогда она обнимала собою все — принципы и выводы, причины и факты, общія истины и результаты; въ будущемъ ея областью станутъ общія умозрѣнія (*spéculations générales*) человѣческаго ума о первыхъ основаніяхъ и послѣднихъ причинахъ всего существующаго. Она будетъ метафизикою, и болѣе ничѣмъ (курсивъ въ подлинникѣ). Занимать философовъ и служить спеціальнымъ достояніемъ ихъ будетъ тогда то неизвѣстное, которое лежитъ въ основаніи всѣхъ наукъ и предоставляется имъ философскимъ спорамъ. Оно будетъ служить вѣчнымъ источникомъ изслѣдованій и преній, охватывающихъ всю совокупность человѣческихъ знаній, всѣ науки, уже существующія или имѣющія возникнуть. Материалами для будущей философіи послужатъ также наиболѣе широкія изъ научныхъ гипотезъ, основанныя на фактахъ, но возмнѣніяхъ надъ ними. Въ концѣ-концовъ, философія будетъ заключать въ себѣ двѣ категоріи проблемъ, въ сущности тождественныя проблемы, изъ которыхъ вытекаютъ науки, и проблемы, порождаемыя науками. Она вѣчно будетъ опускать свой вондъ въ это двухстороннее неваніе. Совокупность человѣческихъ знаній похожа на широкую рѣку, текущую надъ открытымъ небомъ, но рождающуюся и умирающую въ облакахъ; истокъ и устье ея никому неизвѣстны. Забыть и разъяснить эту тайну — одинаково невозможно для смѣлѣхъ умовъ. Философія, такимъ образомъ понимаемая, останется ли наукою? Нѣтъ, потому что все научно познаваемое изымается изъ ея сферы. Гдѣ есть возможность наблюдать факты, открывать законы, вычислять отношенія, тамъ есть и мѣсто для той или другой спеціальной науки; философія онѣ отдастъ только то, чего сами разрѣшить не могутъ. Метафизика — сложное мѣсто истинъ, стоящихъ внѣ и выше всякой повѣрки; а гдѣ нѣтъ повѣрки, тамъ нѣтъ и науки. Наука объективна, метафизика субъективна. Наука безлична и одинакова у всѣхъ и для всѣхъ національностей; метафизика носитъ на себѣ отпечатокъ лица или по крайней мѣрѣ расы. Она эфемерна, какъ и производящая ее индивидуальность. Говорятъ, что метафизики — это поэты, не принявшіе своего призванія; въ этомъ изреченіи есть большая доля истины. Когда философія сдѣлается тѣмъ, чѣмъ должна быть — совокупностью идей или отвлеченій, стоящею внѣ области фактовъ, — тогда для всѣхъ будетъ ясно, что она скорѣе произведеніе искусства, чѣмъ науки. Для однихъ она будетъ поэзіей скучной и плохо написанной, для другихъ — поэзіей возвышенной, могучей, по-истинѣ божественной, но для всѣхъ одинаково поэзіей, цѣль которой — возстановить синтезъ мірозданія. Многіе думаютъ, что пора отказаться отъ такихъ попытокъ, какъ отъ дѣтскихъ затѣй; но это и нежелательно, и невозможно. Позитивизмъ правъ, не считая

метафизику наукой, нравъ, нагнетая ее изъ области опитныхъ наукъ; но осуждать всякое изслѣдованіе о носительныхъ причинахъ, какъ тщетную и опасную иллюзію—значить умалять человѣческій разумъ. Важность изслѣдованія не измѣряется его успѣхомъ. Искать, безъ надежды найти—не безуміе, не пошлость; чего нельзя схватить, то можно смутно увидѣть. Настоящее достоинство человѣческаго ума — не столько въ результатахъ, которыхъ онъ достигаетъ, сколько въ цѣли, которую онъ себѣ ставитъ, и въ усиліяхъ, которыя онъ дѣлаетъ для приближенія къ ней. Какъ доказать, притомъ, что факты болѣе цѣнны, чѣмъ идеи, отеретія — чѣмъ изслѣдованія? Послѣднѣго слова битія метафизика не найдетъ—и это большое счастье. Разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ о Богѣ, о природѣ, о насъ самихъ было бы смертью для нашего разума. Возвышая разумъ надъ узкимъ догматизмомъ, показывая ему таинственное нѣчто, лежащее за предѣлами науки, метафизика оказываетъ ему, поэтому, величайшую услугу".

Приведенныя нами слова Риббъ помогутъ намъ оцѣнить сильныя и слабыя стороны теорій г. Милославскаго. Выдѣляя изъ области философіи въ область специальныхъ наукъ все фактическое, все подлежащее повѣркѣ, все познаваемое посредствомъ опита, и отрицая затѣмъ возможность философіи, какъ науки, Риббъ поступилъ слишкомъ поспѣшно; онъ не замѣтилъ, что нужно же отвести мѣсто для разсмотрѣнія всѣхъ специальныхъ наукъ въ ихъ совокупности, для разрѣшенія общихъ имъ всѣмъ и ни одной изъ нихъ не исчерпываемыхъ вопросовъ, и что это именно мѣсто по праву должна занимать философія. Авенариусъ, одинъ изъ главныхъ представителей научной философіи въ Германіи, видитъ въ философіи науку *особую* (въ противоположность специальнымъ), объединяющую понятія, выработанныя отдѣльными науками, и подводящую ихъ подъ высшее, общее понятіе; другими словами, философія, въ его глазахъ, есть не что иное, какъ результатъ сліянія специальныхъ наукъ въ одно всеобщее понятіе ¹⁾. Къ такому же, въ сущности, выводу приходитъ, какъ мы видѣли, и г. Милославскій. Едва ли онъ правъ, отнеся къ области научной философіи (или философіи, какъ науки) *точное описаніе* явленій человѣческаго познанія ²⁾; но методическая классификація этихъ явленій несомнѣнно входитъ въ составъ философіи, такъ какъ ни одна изъ специальныхъ наукъ не можетъ взять на себя исполненіе задачи, объектъ которой каждая изъ нихъ и всѣ онѣ въ совокупности. Столь же вѣрно поставлена г. Милославскимъ вторая

¹⁾ Лессевичъ, Письма о научной философіи, стр. 97, 101.

²⁾ Не этимъ ли объясняется та странность, что г. Милославскій, говоря о трудахъ, всего больше подготовившихъ постройку научной философіи, называетъ книгу Уэббелла на ряду съ сочиненіями Конта и Денге?

главная задача научной философіи — открытіе законовъ, связывающихъ, объединяющихъ всѣ явленія человѣческаго познанія. Больше сомнѣній возбуждаетъ, въ системѣ г. Милославскаго, третья задача философіи — истребленіе, на основаніи найденныхъ и опредѣленныхъ законовъ явленій человѣческаго познанія, научной теоріи этихъ явленій. Съ одной стороны, не совсѣмъ понятно, въ чемъ заключается разница между этой задачей и предыдущей, между законами, связывающими явленія человѣческаго познанія, и научной теоріей этихъ явленій. Съ другой стороны, трудно объяснить себѣ, какими образомъ рѣшаются проблемы, соединяемыя г. Милославскимъ съ третьей задачей философіи, можетъ имѣть, при настоящемъ положеніи знаній, строго научный характеръ. Представители научной философіи въ Германіи даютъ ей только одно основаніе, общее съ специальными науками — *эмпию*; раздѣляетъ ли г. Милославскій это мнѣніе? Повидимому — да, такъ какъ онъ утверждаетъ, что наши идеи о высшихъ философскихъ проблемахъ могутъ быть научными, а не метафизическими; но вслѣдъ затѣмъ мы находимъ у него слѣдующее восклицаніе: „пусть это будутъ идеи о *суммомахъ* — онѣ останутся высшими и самыми дѣльными явленіями *человѣческаго познанія*, наиболее своеобразными съ его законами“. Противорѣчіе, заключающееся въ этихъ словахъ, остается неразъясненнымъ. Въ другомъ мѣстѣ (стр. 225) мы читаемъ: „ученные *воображаютъ*, что познаніе возможно не иначе, какъ только въ опытѣ и наблюденіи, что все, недоступное для опыта и наблюденія, недоступно для познанія“. Если ученые все это только *воображаютъ*, то значить есть познаніе, основанное не на опытѣ ¹⁾? На этотъ вопросъ, въ высшей степени важный, г. Милославскій не даетъ рѣшительнаго отвѣта. Онъ задалъ себѣ двѣ несомнѣстныя задачи: усвоить философіи строго-научный характеръ, сдѣлать ее специальной наукой, однородной со всѣми другими, — и вмѣстѣ съ тѣмъ сохранить ея прежнія границы, не пожертвовать ничѣмъ изъ ея прежняго содержанія. Достигнуть своей цѣли онъ, конечно, не могъ; но почему онъ ушелъ мыслью о ея достижимости — это понять не трудно. Проблемы, надъ рѣшеніемъ которыхъ трудилась старая философія, слишкомъ важны, слишкомъ близки каждому изъ насъ, чтобы можно было съ спокойнымъ сердцемъ разъ навсегда отвернуться отъ нихъ, признавъ ихъ неразрѣшимыми. Въ одномъ изъ самыхъ сильныхъ своихъ стихотвореній (*Le Positivisme*) Аккерманъ изображаетъ мученія человѣческаго ума, преградившаго себѣ дорогу къ неизвѣстному, но неудержимо влебаемаго назадъ, въ ту область, которую

1) Здѣсь, какъ и во всей статьѣ, мы употребляемъ слово опытъ въ обширномъ его смыслѣ, а не въ смыслѣ эксперимента.

онъ только-что провозгласилъ для себя недоступной. То же самое чувство звучитъ въ поэтическихъ словахъ Риббъ, приведенныхъ нами выше. Да, неразрѣшимость проблемъ не можетъ предупредить новыхъ попытокъ къ ихъ разрѣшенію; необходимо только не упускать изъ виду, что всѣ эти попытки имѣютъ и будутъ имѣть чисто-субъективный характеръ, что догадки, мечты, надежды не составляютъ положительнаго знанія. Онѣ принадлежатъ къ области поэзіи, пожелай метафизики, но отнюдь не къ области философіи или науки. Риббъ ошибается, исключая философію изъ числа наукъ; но онъ совершенно правъ, сохраняя за фантазіей и чувствомъ — и только за ними — доступъ въ сферы, закрытыя для точнаго изслѣдованія. Г. Милославскій правъ, доказывая возможность философіи, какъ науки; но онъ ошибается, включая въ нее проблемы, неразрѣшимыя — не крайней мѣрѣ въ настоящее время — именно для науки. Это не мѣшаетъ намъ видѣть въ сочиненіи г. Милославскаго весьма цѣнное приобрѣтеніе для нашей небогатой философской литературы.

Новое сочиненіе Риббъ — „la Psychologie allemande contemporaine“ — точно также какъ и прежнія его книги, служатъ нагляднымъ доказательствомъ тому, что можно допускать полетъ мысли за предѣлы знанія — и все-таки оставаться ученымъ въ полномъ смыслѣ этого слова, охранять науку отъ вторженія метафизики. Риббъ — одинъ изъ немногихъ французскихъ писателей, видящихъ въ психологіи точную науку, примѣняющихъ къ ней научный методъ, во всей его строгости, изучающихъ не душу, какъ сущность, а феномены, явленія психической жизни. Изображая современное положеніе психологіи сначала въ Англіи, потомъ въ Германіи, Риббъ оставляетъ совершенно въ сторонѣ представителей старой, метафизической психологіи, вездѣ одинаковой, вездѣ повторяющей зады и не двигающейся съ мѣста; онъ знакомитъ читателей только съ учеными новой школы, разрабатывающими такъ-называемую *опытную* психологію. Новая психологія — говоритъ онъ въ введеніи къ своей послѣдней книгѣ, — отличается отъ прежней *по духу*, въ которомъ нѣтъ ничего метафизическаго; *по цѣли*, заключающейся исключительно въ изученіи феноменовъ; *по способу дѣйствій*, заимствуемому, насколько это возможно, изъ наукъ біологическихъ. Психическая жизнь составляетъ *историческую* серію явленій, въ началѣ которой стоитъ ощущеніе, въ концѣ — движеніе. Если начало и конецъ ея несомнѣнно находятся въ тѣснѣйшей связи съ состояніями нашего тѣла, то такую же связь слѣдуетъ предполагать между этими состояніями и психическими явленіями, занимающими средину серіи. Отсюда явствуетъ, что всякое опредѣленное психическое состояніе связано съ однимъ или

нѣсколькими опредѣленными физическими процессами, иногда хорошо извѣстными намъ, иногда мало извѣстными или вовсе неизвѣстными. Область психологін—всѣ явленія нервной системы, сопровождаемыя сознаниемъ, какъ у человѣка, такъ и у животныхъ. Этимъ опредѣляется граница между психологіей и фізіологіей; предметъ послѣдней—совокупность одностороннихъ или простыхъ нервныхъ процессовъ, предметъ первой—совокупность нервныхъ процессовъ двухстороннихъ или сложныхъ (à double face). Психологія, такимъ образомъ, не поглощается фізіологіей, а только опирается на нее, подобно тому, какъ всякая высшая (по спеціальности или сложности) наука ищетъ себѣ опоры въ низшей (напр. фізіологія—въ химіи и физикѣ). Прежняя психологія по необходимости основывалась на одномъ только наблюденіи; новая психологія можетъ, кромѣ того, пользоваться и опытомъ (въ смыслѣ эксперимента), предметомъ котораго становится физическое явленіе, связанное съ психическимъ. Первое изъ этихъ явленій можно, во многихъ случаяхъ, измѣрить, искусственно измѣнить, поставить въ извѣстныя условія, и затѣмъ добытые такимъ образомъ результаты примѣнить къ соотвѣтствующему психическому феномену. Исслѣдованію путемъ опыта подвергались до сихъ поръ далеко не всѣ психическія явленія, даже не большая часть ихъ; но первый шагъ сдѣланъ, и психологія вступила изъ періода описательнаго въ періодъ объяснительный. Она хочетъ быть не только *естественной исторіей*, но и *естественной наукой*. Описательнымъ характеромъ, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, отличается современная англійская психологія, объяснительнымъ — нѣмецкая. Въ Германіи психологіей, какъ наукой, занимаются большею частью фізіологи, и этому обстоятельству обязана своимъ происхожденіемъ фізіологическая психологія. Вниманіе нѣмецкихъ психологовъ обращено преимущественно на крайнія явленія психической серіи (ощущенія и движенія), именно потому, что они наиболее поддаются опыту. Здѣсь представляется возможность опредѣлять послѣдствія по причинамъ (напр., ощущеніе по тому ви́шнему вліянію, которое его возбудило) и причины по послѣдствіямъ (напр., внутреннее состояніе по дѣйствіямъ, отъ него зависящимъ). Тамъ, гдѣ невозможенъ опытъ, нѣкоторые нѣмецкіе психологи прибѣгаютъ къ вычисленію. Черта, общая имъ всѣмъ, это—стремленіе къ точности, къ всестороннему изученію хотя бы самаго небольшого уголка психической жизни; въ противоположность англійскимъ психологамъ, они охотнѣе пишутъ монографіи, чѣмъ трактаты, обнимающіе всю область психологін. Защитникамъ прежней психологін изслѣдованія нѣмецкихъ психологовъ могутъ казаться мелочными; но кто знакомъ съ пріемами точныхъ наукъ, тотъ знаетъ, сколько труда требуютъ самыя мелкіе, по-

видимому, вопросы, насколько развѣшеніе ихъ облегчаетъ переходъ въ вопросы болѣе общіе, и какъ безплодно изученіе послѣднихъ прежде первыхъ.

При настоящемъ положеніи психологій, многія стороны ея доступны только описанію, а не объясненію; нѣмецкая психологія, поэтому, не противоположна англійской — наоборотъ, она предполагаетъ послѣднюю, какъ необходимое основаніе. *Вполнѣ* фیزیологическою психологія можетъ сдѣлаться только тогда, когда она будетъ въ состояніи опредѣлить условія *всякаго* явленія психической жизни—условія *чистой мысли* наравнѣ съ условіями представленій и движеній. Объ этой будущности психологія пока можетъ только мечтать; въ настоящемъ она имѣетъ еще дѣло со многими явленіями, изученію которыхъ біологія можетъ оказать лишь косвенное и непрочное содѣйствіе. Въ этой области новая психологія можетъ и должна пользоваться орудіями прежней — самонаблюденіемъ, анализомъ; но, употребляя ихъ, она ищетъ только фактовъ и отношеній. Въ настоящее время фیزیологическая психологія обнимаетъ собою: инстинкты и рефлексы; ощущенія, вмѣстѣ съ вопросами, относящимися къ пространству и времени; движенія; способы выраженія и языкъ; условія воли и вниманія; формы чувствованій, наименѣе сложные. Ея мѣсто—въ началѣ психологій. Она изучаетъ то, что прежде называлось низшими свойствами души, но въ ней одной—точка опоры для изученія самыхъ высшихъ психическихъ явленій. Она составляетъ самую простую, самую доступную часть психологій; но простота эта только относительна. Масса наблюденій, опытовъ, измѣреній, вычисленій, масса фактовъ, заимствованныхъ изъ физики, фیزیологій, патологій, этнологій, масса гипотезъ, безпрестанно измѣняющихся подъ вліяніемъ новыхъ открытій,—постоянно растетъ и образуетъ уже теперь обширное цѣлое. Когда фیزیологическая психологія коснется явленій чисто внутреннихъ, актовъ чистой мысли, сложность ея сдѣлается еще несравненно больше. Можно предвидѣть, что психологія будущаго такъ же мало будетъ походить на старую психологію, какъ современная физика — на физику Аристотеля. Она потребуетъ специалистовъ, исключительно посвящающихъ себя ея изученію; но вмѣстѣ съ тѣмъ эти специалисты должны будутъ обладать громаднымъ запасомъ подготовительныхъ научныхъ свѣдѣній. Успѣхи научной психологій въ настоящее время замедляются именно тѣмъ, что большинство фیزیологовъ слишкомъ мало занимается психологіей, а большинство психологовъ слишкомъ мало знакомо съ фیزیологіей и вообще съ точными науками. На французахъ, въ особенности, тяжело отзываются недостатки ихъ первоначальнаго воспитанія, идеи и привычки, имъ вкореняемыя. „Вторая половина нашей жизни,—

говорить Рибо,—проходить въ стараніяхъ забыть то, чему мы научились въ первой. Психологія, въ несчастію, была до сихъ поръ въ рукахъ метафизиковъ. Образовалась традиція, которую трудно уничтожить. Старый предразсудокъ заставляетъ искать въ психологіи—философа, между тѣмъ какъ это названіе примѣнимо къ нему столь же мало, какъ къ химiku или біологу; психологъ, наравнѣ съ ними, — натуралистъ, естествоиспытатель. Старая психологическая школа обвиняетъ новую въ томъ, что она изображаетъ лишь механизмъ психической жизни. Это правда; но требовать большаго могутъ одни только метафизики. Если знать—значить раскрыть неуловимую сущность вещей, то новая психологія ничему насъ не научаетъ; но если знать—значить изучать факты, опредѣлять ихъ отношенія и условія ихъ существованія, то новая психологія исполняетъ свою задачу—а ни въ чему другому она и не можетъ, и не хочетъ стремиться¹⁾.

Въ Англіи новая психологія нашла готовую традицію, применила къ такимъ предшественникамъ, какъ Локкъ, Беркли, Юмъ, Гартлей, Джемсъ Милль; въ Германіи она сама должна была пробить себѣ дорогу, инициатива въ образованіи ея принадлежитъ не столько философамъ, сколько ученымъ. Основателемъ ея можетъ считаться естествоиспытатель Іоганнъ Мюллеръ, нашедшій такихъ продолжателей, какъ Гельмгольцъ, Дондерсъ, Вундтъ, Дюбуа-Реймонъ. Изъ среды математиковъ и физиковъ явилась въ ней на службу такая сила, какъ Фехнеръ. Въ специально-философскомъ лагерѣ Гербертъ, Венкен, Лотце сдѣлали для нея гораздо меньше. Различіе между нѣмецкой и англійской психологіей влечетъ за собою различіе и въ системѣ обобщенія ихъ, принятой Рибо. Пренія его книга была оборотникомъ монографій объ англійскихъ психологахъ—Джемсъ Милль, Дж. Ст. Милль, Гербертъ Спенсеръ, Венъ, Льюисъ; въ новомъ сеченіи его монографія о нѣмецкихъ психологахъ—Гербертъ, Лотце, Вундтъ—стоятъ рядомъ съ монографіями объ отдѣльных психологическихъ вопросахъ, разработанныхъ нѣмецкими учеными.

Необходимость измѣнить, такимъ образомъ, способъ изложенія знаменуетъ, въ глазахъ Рибо, преимущество нѣмецкой психологіи передъ англійской¹⁾. „По мѣрѣ того,—говоритъ онъ,—какъ психологія, разрывая связь съ метафизикой, все больше и больше будетъ

¹⁾ При настоящемъ настроеніи умовъ во Франціи, безпристрастное отношеніе Рибо къ нѣмецкой наукѣ должно быть поставлено ему въ большую заслугу. Въ сочиненіи его нѣтъ ни одного горькаго слова, ни одного намека, вызваннаго событіями 1870—71 г.; онъ одинаково далекъ отъ прославленія Франціи и униженія Германіи, выгодно отличающаго въ этомъ отношеніи, напримѣръ, отъ Ренана. Какова бы ни была новая политика Германіи, всемірное значеніе ея науки по-прежнему остается бесспорнымъ, и Рибо отдаетъ ей полную справедливость.

пріучаться къ методу соприкосновенныхъ съ нею точныхъ наукъ, она все меньше и меньше будетъ носить на себѣ отпечатокъ лица или расы, все больше и больше будетъ становиться общимъ произведеніемъ всѣхъ народовъ".

Всего интереснѣе въ новомъ сочиненіи Рибо тѣ главы, которыя посвящены происхожденію понятія о пространствѣ, трудамъ Фехнера по психо-физикѣ и попыткамъ измѣнить продолжительность психическихъ актовъ. Въ первой изъ этихъ главъ разсказывается исторія неоконченнаго еще спора между нативистами и эмпириками, т.-е. между учеными, считающими понятіе о пространствѣ врожденнымъ, и учеными, доказывающими постепенное образованіе его посредствомъ опыта. Главнымъ предметомъ спора служить пространство, познаваемое зрѣніемъ, но затрогиваетъ онъ и пространство, познаваемое осязаніемъ. Въ каждомъ изъ двухъ противоположныхъ лагерей высказываются и поддерживаются, въ свою очередь, теоріи во многомъ несходныя между собою. Ошибочно было бы думать, что нативисты непремѣнно склоняются къ идеализму, эмпирики—къ матеріализму. Признавая прирожденность понятія о пространствѣ, можно объяснять ее весьма различно; матеріалистъ можетъ считать ее естественнымъ результатомъ анатомическаго строенія органовъ, идеалистъ—необходимую принадлежностью сознанія. Эмпирики, точно также, могутъ или допускать только накопленіе впечатлѣній, или признавать существованіе регулирующаго ихъ принципа. Рибо склоняется на сторону эмпириковъ, но находитъ, что имъ не удалось еще опровергнуть всѣхъ возраженій противной стороны. Нативисты указываютъ на примѣръ цыпленка, только-что вылупившагося изъ яйца и уже ловящаго муху на лету; на примѣръ теленка, вслѣдъ за рожденіемъ дѣлающаго цѣлесообразныя движенія, идущаго сосать молоко матери. Гельмгольцъ, вмѣстѣ съ Вундтомъ, главный представитель эмпиризма—опровергаетъ эти указанія только предположеніями, что теленокъ чувствуетъ матку обонаніемъ и руководствуется въ своихъ движеніяхъ усиленіемъ или ослабленіемъ привлекающаго его запаха, что цыпленокъ уже въ яйцѣ привыкаетъ дѣйствовать клювомъ, а вышедши изъ яйца, быстро научается дѣлать цѣлесообразныя движенія, благодаря большой простотѣ всѣхъ тѣхъ, которыя вообще для него доступны. Высказывая эти предположенія, Гельмгольцъ самъ признаетъ необходимость дальнѣйшей повѣрки ихъ новыми наблюденіями. Наблюденіями, сдѣланными до сихъ поръ, доказывается, по его мнѣнію, только врожденность, у животныхъ, нѣкоторыхъ *стремленій* (а не выработанныхъ, готовыхъ способностей), въ человѣкѣ, при рожденіи, доведенныхъ до минимума. Споръ между нативистами и эмпириками, касающійся одного изъ самыхъ отвлечен-

ныхъ психологическихъ вопросовъ, ведется, какъ видно изъ выше-сказаннаго, на почвѣ фактовъ, чѣмъ, конечно, не исключается образование гипотезъ, опережающихъ факты, но контролируемыхъ ими, и сохраняющихъ, такимъ образомъ, строго-научное значеніе.

Психологическія или психо-физическія изслѣдованія Фехнера имѣютъ главною цѣлю *измѣреніе ощущеній*. Ощущенія наши различаются между собою не только по качеству, но и по количеству или интенсивности. Вѣсьма можетъ быть, что въ концѣ-концовъ различіе это только мнимое, но въ нашемъ сознаніи оно пока существуетъ; отличая свѣтъ цѣлѣ отъ краснаго, мы отличаемъ вѣстѣ съ тѣмъ степени интенсивности того и другого. Мы знаемъ или чувствуемъ, что въ полдень свѣтъ, чѣмъ въ сумерки, что пушечный выстрѣлъ громче пистолетнаго; но опредѣлить съ помощью одного только непосредственнаго сознанія, *во сколько разъ* одинъ свѣтъ или звукъ сильнѣе другого, мы не въ состояніи. Съ другой стороны, всякій изъ насъ замѣчалъ, что возбужденіе не всегда влечетъ за собою ощущеніе. Слышать иные звуки, видѣть иные предметы можно только тогда, когда впечатлѣніе, производимое ими на насъ, не заглушается другими, болѣе сильными. Такъ, напримѣръ, луну и звѣзды мы не видимъ при солнечномъ свѣтѣ, хотя бы они и возвышались надъ горизонтомъ; легкій стукъ часовъ мы не слышимъ среди дневного шума, но слышимъ при ночной тишинѣ. Известно также, что увеличеніе или уменьшеніе возбужденія не всегда влечетъ за собою соответствующее увеличеніе или уменьшеніе ощущенія; такъ, напримѣръ, при солнечныхъ затмѣніяхъ значительная часть солнечнаго диска можетъ быть закрыта безъ замѣтнаго, для насъ, ослабленія солнечнаго свѣта. Отсюда яствуетъ, что отношеніе между ощущеніемъ и возбужденіемъ не такъ просто, какъ кажется съ перваго взгляда, что оно можетъ быть опредѣлено только путемъ точнаго изслѣдованія или измѣренія. Возможно ли такое измѣреніе? Да, потому что всякое ощущеніе есть нервный процессъ, зависящій отъ внѣшняго дѣйствія или возбужденія. Нервная сила, т.-е. дѣятельность нервной системы — ближайшая причина ощущенія, возбужденіе — причина болѣе отдаленная. Возбужденіе, какъ явленіе внѣшняго міра, подлежитъ измѣренію; отъ причины можно заключать къ послѣдствію—следовательно, измѣреніе возбужденія можетъ служить и для измѣренія ощущенія, или, лучше сказать, *различій между ощущеніями*. Первыя попытки такого измѣренія были сдѣланы Веберомъ, но главные результаты достигнуты Фехнеромъ. Онъ употребляетъ въ своихъ изслѣдованіяхъ три метода — методъ наименьшихъ замѣтныхъ различій (*der eben merklichen Unterschiede*), методъ правильныхъ и неправильныхъ случаевъ (*der richtigen und falschen Fälle*)

и методъ среднихъ ошибокъ (der mittleren Fehler). Первый заключается въ наблюденіи, при какомъ именно возрастаніи или ослабленіи возбужденія усиливается или ослабѣваетъ производимое имъ ощущеніе. На руку человѣка кладутъ извѣстную тяжесть, которую потомъ, самыми небольшими количествами, то увеличиваютъ, то уменьшаютъ; количество, прибавка или убавка котораго будетъ почувствована, и есть наименьшее замѣтное различіе въ вѣсѣ. Второй методъ состоитъ въ сравненіи впечатлѣній отъ возбужденій, очень мало отличающихся между собою. Субъекту, избранному для опыта, предлагается нѣсколько разъ опредѣлить по ощущенію, который изъ двухъ данныхъ предметовъ тяжелѣе, который — легче. Число правильныхъ отвѣтовъ сравнивается затѣмъ съ числомъ неправильныхъ, и выведенное такимъ образомъ отношеніе (выражаемое въ формѣ дроби, числитель которой — число правильныхъ отвѣтовъ, знаменатель — общее число отвѣтовъ) показываетъ степень познаваемости различія между обоими возбужденіями. При третьемъ методѣ берется предметъ опредѣленнаго вѣса, и затѣмъ предлагается рѣшить, который изъ числа многихъ предметовъ, вѣсомъ мало отличающихся или вовсе неотличающихся отъ перваго, равенъ ему по вѣсу. Ошибки, какъ въ одну сторону, такъ и въ другую, складываются (опытъ, конечно, повторится много разъ), и частное, полученное отъ дѣленія этой суммы на число опытовъ, представляетъ себѣю *среднюю ошибку*. Всѣ эти методы ведутъ къ одной и той же цѣли, дополняются одинъ другимъ; самый простой изъ нихъ—первый, но онъ отличается наименьшею точностью.

Примѣняются они не только къ ощущеніямъ тяжести, изъ области которыхъ заимствованы приведенные нами, со словъ Рибо, приѣмъ-ры,—но и къ ощущеніямъ звука, свѣта, теплоты, мускульнаго напряженія. По вычисленіямъ Фехнера, измѣненіе въ степени возбужденія становится замѣтнымъ для ощущенія, когда прибавка или убавка возбужденія составляетъ, по отношенію къ первоначальному возбужденію: $\frac{1}{2}$ — при ощущеніяхъ тяжести, теплоты или звука, $\frac{1}{17}$ — при ощущеніяхъ мускульнаго напряженія, $\frac{1}{100}$ — при ощущеніяхъ свѣта. Другой рядъ опытовъ Фехнера направленъ къ опредѣленію наименьшаго осязательнаго возбужденія, т. е. возбужденія, малѣйшее ослабленіе котораго дѣлаетъ его незамѣтнымъ для ощущенія; въ области ощущеній тяжести такимъ возбужденіемъ является, напримѣръ, смотря по мѣсту кожи, на которое дѣйствуютъ—тяжесть отъ 0,002 до 0,5 грамма. Основываясь на всѣхъ этихъ опытахъ и на математическихъ вычисленіяхъ, Фехнеръ пришелъ въ общему выводу, что *ощущеніе растетъ, какъ логарифмъ возбужденія*; другими словами, для того, чтобы ощущеніе росло въ арифметической про-

грессіи, нужно, чтобы возбужденіе росло въ прогрессіи геометрической. Теорія Фехнера вызвала множество возраженій, направленных какъ противъ подробностей ея, такъ и противъ главныхъ ея основаній. Нѣкоторые ученые, въ томъ числѣ Гельмгольцъ, указываютъ на то, что дальше извѣстнаго предѣла сила ощущенія растетъ еще медленнѣе, чѣмъ слѣдуетъ по формулѣ Фехнера, или даже вовсе перестаетъ расти. Другіе, — напримѣръ, Врентано, — утверждаютъ, что ощущеніе усиливается, относительно, настолько же, насколько и возбужденіе. Герингъ (Hering, а не Göring, извѣстный русской публикѣ изъ сочиненій г. Лесевича) допускаетъ приближенность фехнеровскаго закона, и то лишь до извѣстной степени, только къ ощущеніямъ свѣта и звука; онъ опровергаетъ не только выводы, но и самыя наблюденія Фехнера. Бельгійскій ученый Дельбёфъ оспариваетъ въ особенности математическія формулы Фехнера; онъ считаетъ „Elemente der Psychophysik“ — главное произведеніе Фехнера — достойнымъ удивленія, но цѣннымъ не столько по полученнымъ результатамъ, сколько по поставленнымъ вопросамъ и возбужденнымъ изслѣдованіямъ. Болѣе подробное изложеніе ученія Фехнера и вызванной имъ полемики увлекло бы насъ слишкомъ далеко; короткій очеркъ, сдѣланный нами, достаточенъ, чтобы показать, какъ много интереснаго содержитъ въ себѣ книга Рибо. Прибавимъ только, что самъ Рибо склоняется всего скорѣе къ мнѣнію Дельбёфа; онъ видитъ въ трудахъ Фехнера не законченное цѣлое, а могучій толчокъ къ изслѣдованіямъ, къ гипотезамъ, въ высшей степени важнымъ.

Вычисленіемъ продолжительности психическихъ явленій занимались не одни только нѣмецкіе ученые, но имъ принадлежитъ большая часть изслѣдованій, предпринятыхъ въ этомъ направленіи. Работали надъ нимъ, между прочимъ, Гельмгольцъ, Вундтъ, Эсверъ, Дюбуа-Реймонъ, Ауэрбахъ, Крисъ и др. Ничаго общаго закона они еще не формулировали. Главные результаты ихъ наблюденій Рибо сводитъ къ слѣдующимъ пунктамъ: 1) актъ сознанія, какъ и всякое другое явленіе, имѣетъ извѣстную продолжительность, измѣняемую, но подлежащую измѣренію; 2) измѣненіе продолжительности его зависитъ отъ условій *оттнмныхъ* (свойство и послѣдовательность возбужденій), *оттнтранныхъ* (степень вниманія) и *оттншанныхъ* (опытность, привычка); 3) при самыхъ простыхъ условіяхъ, промежутокъ времени между возбужденіемъ и внѣшнимъ дѣйствіемъ, выражающимъ реакцію на возбужденіе¹⁾, колеблется, смотря по свойству ощущенія, между одною натою и одною седьмою частью секунды; 4) всѣ условія, могущія усложнить психическій актъ, увеличиваютъ

¹⁾ Техническое названіе для этого промежутка времени — *физиологическое время*.

его продолжительность; 5) продолжительность самаго простого интеллектуальнаго акта (напр., различенія краснаго цвѣта отъ синяго) можетъ быть опредѣлена въ три сотыхъ части секунды; 6) время, необходимое для воспроизведенія представленія посредствомъ памяти, вообще говоря, болѣе продолжительно, чѣмъ то, которое необходимо для образованія непосредственнаго представленія.

О взглядахъ Гёринга (Göring) на психологію, подробно изложенныхъ въ „Письмахъ о научной философіи“ г. Лесевича, Рибо упоминаетъ только мимоходомъ, хотя и причисляетъ его къ писателямъ новой, экспериментальной или эмпирической школы. Этотъ пробѣлъ будетъ, вѣроятно, восполненъ при новомъ изданіи книги Рибо; второе изданіе сочиненія его объ англійской современной психологіи было во многомъ дополнено сравнительно съ первымъ. — К. К.

II.

— R. Dossy, *Essai sur l'histoire de l'Islamisme*. Leyde et Paris, 1879 (переводъ съ голландскаго).

Р. Дози, — профессоръ лейденскаго университета, голландецъ, предки котораго около двухъ столѣтій тому назадъ переселились въ Голландію изъ Франціи, — принадлежитъ къ числу спеціальныхъ знатоковъ мусульманскаго міра и посвятилъ ему нѣсколько уважаемыхъ въ ученomъ мѣрѣ сочиненій; самое извѣстное изъ нихъ: „Исторія испанскихъ мусульманъ съ 711 по 1110 г.“ Разбираемая нами книга написана, повидимому, еще въ шестидесятыхъ годахъ, но только недавно сдѣлалась доступной большинству читающей публики, благодаря переводу ея на французскій языкъ. Ея предметъ — основаніе иусульманства, исторія мусульманскаго богословія и различныхъ мусульманскихъ сектъ, и очеркъ настоящаго положенія мусульманства. Всего болѣе интереснаго заключаютъ въ себѣ тѣ главы, въ которыхъ идетъ рѣчь о различныхъ вѣроученіяхъ, выросшихъ на мусульманской почвѣ; исторія основанія мусульманства представляетъ мало новаго, очеркъ современнаго его положенія нѣсколько поверхностенъ.

По словамъ Дози, нѣтъ религіи менѣе оригинальной, чѣмъ исламизмъ. Основаніемъ его служитъ иудейство, въ томъ видѣ, въ какомъ оно развилось подъ вліяніемъ парсизма; сюда слѣдуетъ прибавить нѣсколько заимствованій изъ христіанства и изъ древнихъ арабійскихъ вѣрованій и, наконецъ, догматъ о Магометѣ, какъ о послѣднемъ и величайшемъ апостолѣ и пророкѣ. Коранъ не содержитъ въ себѣ ни глубокихъ идей, ни поэтическихъ теорій, выраженныхъ въ увлекательной, возвышенной формѣ; онъ не пытается найти новаго разрѣшенія для

великихъ задачъ, давно поставленныхъ. Прозанчивъ и монотонный, исламизмъ менѣе чѣмъ всякая другая религія допускаетъ измѣненіе и развитіе. Объясняется это отчасти характеромъ аравитянъ, положительныхъ, болѣе склонныхъ къ резонерству, чѣмъ къ вѣрованію, чуждыхъ той наивной, первобытной поэзіи, которая способствовала образованію другихъ религій, — отчасти личностью Магомета, энтузіаста посредственныхъ дарованій, стоявшаго скорѣе ниже, чѣмъ выше уровня своего народа. Не лишено значенія и то обстоятельство, что священныя книги другихъ религій, написанныя не основателями ихъ, а учениками, во многомъ расходившимися между собою, заключаютъ въ себѣ гораздо больше поводовъ къ разногласію, и слѣдовательно, меньше поводовъ къ буквоедству, чѣмъ коранъ, составленный однимъ человѣкомъ. Неподвижность, обуславливаемая кораномъ, тѣмъ опаснѣе для народовъ, исповѣдующихъ исламизмъ, что онъ обнимаетъ собою не только сферу религіозныхъ вѣрованій, но и сферу практической жизни, регламентируя малѣйшія подробности ея. Дополненіемъ къ корану служитъ преданіе, имѣющее равную съ нимъ силу. Главное различіе между этими основаніями исламизма заключается въ томъ, что коранъ не допускаетъ чудесъ, а преданіе настаетъ отворасть передъ ними двери, окружая жизнь Магомета, отъ рожденія до смерти, цѣлымъ цикломъ легендъ, соперничающихъ между собою въ неправдоподобіи.

Судя по этой общей характеристикѣ исламизма, можно было бы ожидать, что въ исторіи его не встрѣтятся ни ересей, ни расколовъ, что отличительной ея чертой будетъ мертвенное однообразие. Мы видимъ, вмѣсто того, что по числу и разнообразію сектъ, исламизмъ не уступаетъ ни одной изъ существующихъ религій. Доизъясняется это быстрымъ распространеніемъ мусульманства между другими народами, въ особенности между персами, издавна привыкшими къ богословскимъ спорамъ, склонными къ религіозной метафизикѣ. Древняя религія персовъ, въ моментъ покоренія Персіи аравитянами, была подорвана, съ одной стороны, буддизмомъ и христіанствомъ, съ другой — отголосками греческой философіи, послѣдніе представители которой, изгнанные Юстиніаномъ изъ византійской имперіи, нашли убѣжище при дворѣ персидскаго царя Хосроя. Движеніе умовъ, вызванное борьбою всѣхъ этихъ различныхъ элементовъ, было перенесено персами въ среду исламизма. Одни находили его слишкомъ простымъ и присоединяли къ нему догматы, почерпнутые изъ другихъ вѣроученій; другіе стремились, наоборотъ, къ еще большому упрощенію его, приближая его къ деизму или даже къ невѣрію. Для того, чтобы всѣ эти противоположныя тенденціи могли привиться къ исламизму, нужно же было, однако, чтобы онъ

нашли въ немъ камія-нибудь точки ожерн. И дѣйствительно, въ дальнѣйшемъ изложеніи самого Доши исламизмъ оказывается не такимъ непоколебимымъ, не такимъ цѣльнымъ, какимъ онъ представляеть сначала. Хотя весь коранъ составленъ самимъ Магометомъ, но составленъ имъ въ разное время, при различныхъ обстоятельствахъ; отсюда неясности, даже противорѣчія, оставшіяся несглаженными и дающія столько же поводовъ къ разногласію, сколько въ другихъ религіяхъ — несходные между собою взгляды авторовъ священныя книгъ. Такъ, напримѣръ, мусульманство считается обыкновенно религіей фатализма, предопредѣленія; но въ самомъ коранѣ есть мѣста, которыя могутъ быть истолкованы въ совершенно другомъ смыслѣ, и такое толкованіе было дано имъ уже въ первомъ вѣкѣ существованія исламизма. Одна изъ самыхъ раннихъ сектъ — мотазилиты или кадариты — допускала свободу человѣческой воли, признавая отрицаніе ея несовмѣстнымъ съ справедливостію и мудростію божества. Другая секта — джабариты, вѣрила въ предопредѣленіе, но проповѣдывала, согласно съ мотазилитами, сотвореніе корана (правовѣрные мусульмане считали и считаютъ его предвѣчнымъ, несотвореннымъ). Признавая Бога чѣмъ-то безусловно отдѣльнымъ, отрѣшеннымъ отъ всего земного и человѣческаго, коранъ устранялъ, повидимому, возможность мистицизма, въ основаніи котораго лежить именно сознаніе непосредственной близости божества къ человѣку; а между тѣмъ, уже въ началѣ IX-го вѣка по Р. Х. мы встрѣчаемъ зачатки мусульманскаго мистицизма (суфизма), основывающагося отчасти на изреченіяхъ, приписываемыхъ Магомету преданіемъ, но отчасти и на нѣкоторыхъ мѣстахъ корана, напр., на обѣщаніи, что вѣрующіе узрятъ Бога. Даже въ средѣ такъ-называемыхъ правовѣрныхъ мусульманъ существовали и существуютъ четыре школы, ведущія свою исторію отъ четырехъ богослововъ перваго вѣка мусульманскаго лѣтосчисленія и имѣющія каждая свои характеристическія особенности.

Выдающуюся роль въ исторіи исламизма играютъ, впрочемъ, не тѣ секты, которыя разошлись съ нимъ изъ-за метафизическихъ или догматическихъ тонкостей, а тѣ, ученіе которыхъ выдвигало на первый планъ политическіе или соціальные вопросы. Сюда относятся прежде всего шіиты, главное отличіе которыхъ отъ правовѣрныхъ мусульманъ ¹⁾ заключается въ томъ, что они признають Али единственнымъ законнымъ наслѣдникомъ Магомета, считаютъ, особразно съ

¹⁾ Въ противоположность шіитамъ, правовѣрные мусульмане обыкновенно называются суннитами, т. е. приверженцы преданія (сунны), но Доши замѣчаетъ по этому поводу, что шіиты также признають преданіе, кое-что только прибавляя къ нему и кое-что исключая.

этихъ, узурпаторами какъ трехъ калифовъ, царствовавшихъ между тѣмъ и другими (Абу-Бекра, Омара и Отмана), такъ и преемниковъ Али, низвергнутого съ престола, оплакиваютъ участь потомковъ Али, въ особенности убитаго Гуссейна, и отвергаютъ верховность, по нѣкой правовѣрной мусульманъ перешедшую отъ калифовъ къ турецкимъ султанамъ. Живучесть этой странной, съ перваго взгляда, секты, вѣрованія которой, въ собственномъ смыслѣ слова, почти нѣмнѣ совпадаютъ съ господствующимъ мусульманскимъ вѣроученіемъ, зависитъ отъ того, что она имѣетъ національный характеръ; она основана нерасами изъ оппозиціи аравитянамъ и преданности монархическому началу ¹⁾, и персы до сихъ поръ остаются шитами. Теперь шиитизмъ давно застылъ и потерялъ свою прежнюю энергію, но исторія его чрезвычайно богата оригинальными явленіями. Ультра-шиты, появившіеся еще въ первомъ вѣкѣ мусульманскаго лѣтосчисленія, были главными виновниками паденія Омаядовъ (въ багдадскомъ калифатѣ) и воцаренія Аббасидовъ; они же доставили Фатимидамъ господство надъ Египтомъ. Въ VIII-мъ вѣкѣ по Р. Х. они распались на двѣ части; поводомъ къ расколу былъ вопросъ о томъ, кого именно изъ потомковъ Али слѣдуетъ считать настоящимъ преемникомъ его власти. Практическаго значенія этотъ вопросъ не имѣлъ, потому что всѣ потомки Али были одинаково безсильны; но въ рукахъ ловкаго агитатора (Абдалла-Ибнъ-Маймуна) онъ сдѣлался орудіемъ въ образованіи могущественной секты измаилитовъ или карматовъ. Организованная по образцу тайнаго общества, съ постепеннымъ посвященіемъ ея членовъ въ тайны ея ученія, она состояла съ одной стороны изъ фанатическихъ поклонниковъ Али и Магомета (посвященные первой степени), съ другой — изъ скептиковъ, отвергавшихъ всѣ догматы и обряды мусульманства (посвященные высшихъ степеней, начиная съ седьмой; всѣхъ степеней было девять). Скоро карматы образовали государство въ государствахъ, провозгласили себя врагами всѣхъ непринимавшихъ къ нимъ сектъ, возвели въ принципъ грабежъ и убійство и навели страхъ на калифовъ. Нѣсколько десятилѣтій спустя они овладѣли Меккой, опустошили ее и захватили на время священный черный камень Каабы. Въ половинѣ X-го вѣка они потеряли всякое политическое значеніе; но въ XI-мъ вѣкѣ изъ среды ультра-шитовъ опять вышла секта съ рѣзко-политической, брадобной государству окраской. Это были столь извѣстные *ассасины* (гашишисы, прозванные такимъ образомъ вслѣдствіе употреб-

¹⁾ Преемство власти послѣ Магомета опредѣлялось наречіемъ избранникъ, а это демократическое начало было чуждо персамъ, привыкшимъ къ правленію абсолютному.

ленія галлиина). Подобно нзманинтянамъ, они образовали замкнутое политическое цѣлое и признавали надъ собою только власть своего главы, такъ-называемаго шейка или старца горъ. Стенени посвященія въ секту также были различны, и на высшихъ степеняхъ сакри-косновеніе съ мусульманствомъ было чисто виѣзное. Могущество ассасиновъ, однаково грозныхъ правовѣрныхъ мусульманамъ и христіанамъ-крестоносцамъ, продолжалось около двухъ столѣтій и было сломано только монголами.

Безусловное, слѣпое повиновеніе одному вождю, облеченному неограниченною властью — эта отличительная черта шіитизма — нашло свое крайнее выраженіе въ ученіи, признававшемъ цѣлый рядъ воплощеній божества, въ Али и его потомкахъ, дѣйствительныхъ или мнимыхъ ¹⁾. Основателемъ этого ученія былъ современникъ Али, обращенный въ мусульманство еврей, Абдалла-Ибнъ-Саба; съ тѣхъ поръ оно никогда виолнѣ не исчезало. Въ началѣ XI-го вѣка проповѣдникамъ его, Дарази и Гамвѣ, удалось убѣдить султана египетскаго Гакима, что именно въ немъ, въ данную минуту, воплощено божество; но проповѣдь ихъ возбудила такое неудовольствіе въ народѣ, что Гахимъ не рѣшился открыто стать на ихъ сторону. Когда вскорѣ затѣмъ Гахимъ таинственно исчезъ, Дарази объявилъ, что онъ живъ и возвратится къ своимъ вѣрнымъ слугамъ; послѣдователи Дарази, по его имени называющіеся *друзами*, до сихъ поръ ожидаютъ возвращенія Гакима, признавая его десятимъ и послѣднимъ воплощеніемъ божества на землѣ. Мусульманами, въ полномъ смыслѣ слова, друзовъ (живущихъ въ Сиріи, въ ливанскихъ горахъ) назвать нельзя, хотя они и враждебны христіанамъ; коранъ понимается ими въ символическомъ смыслѣ, обряды мусульманства они не считаютъ для себя обязательными.

На противоположномъ, сравнительно съ шіитами и ультра-шіитами, полюсѣ исламизма стоятъ секты, ученіе которыхъ замечательно явно-демократическимъ характеромъ. Первою изъ нихъ, по времени, были *караджиты*, сначала сражавшіеся подъ знаменами Али, потомъ отдѣлившіеся отъ него и занявшіе положеніе одинаково враждебное и его приверженцамъ, и восторжествовавшей надъ нимъ династіи Омаядовъ. Основывался на словахъ корана: „всѣ мусульмане братья“, они провозгласили равенство и братство; сначала они довольствовались осуществленіемъ этихъ началъ въ своей собственной средѣ, но

¹⁾ Послѣдній настоящій потомокъ Али пропалъ безъ вѣсти въ концѣ IX-го вѣка. Съ тѣхъ поръ между шіитами появилось ученіе о *скрытомъ имамѣ*; но другая часть секты погрѣла ложно распространеннымъ слухамъ и признала потомками Али египетскихъ Фатимидовъ. Шейхи ассасиновъ также претендовали на родословную связь съ Али.

потомъ, выведенные изъ терриціи преслѣдованіями калифовъ, стали проагандизировать ихъ вооруженною рукою. Подавленные въ Азіи, они перенесли свою проповѣдь въ Африку, въ берберамъ, и прешли даже въ Испанію, но не могли пріобрѣсти тамъ прочнаго значенія. Много общаго съ караджитами имѣли маздакиты, проповѣдывавшіе общность женъ и имуществъ; но въ религіозномъ отношеніи маздакиты были почти свободными мыслителями, между тѣмъ какъ караджиты оставались ревностными мусульманами. Средствами защиты какъ противъ караджитовъ и маздакитовъ, такъ и противъ ультра-шиитовъ, для багдадскихъ калифовъ (Аббасидовъ) служили, съ одной стороны, судилище, похожее на средневѣковую инквизицію, но менѣе ея жестокое, съ другой—наемныя (турецкія и берберскія) войска, уже въ половинѣ IX-го вѣка доходившія до 70,000 челов.

Начиная съ X-го или XI-го вѣка, въ исламызмѣ водворяется застой, нарушаемый только появленіемъ секты вагабитовъ, около половины прошедшаго столѣтія. Основателя ея, Абд-аль-Вагаба, Доеи сравниваютъ съ Лютеромъ. Онъ поставилъ себѣ задачей возвращеніе къ первобытной чистотѣ и строгости исламызма, устраненіе наростовъ, исказившихъ его почти до неузнаваемости. Не было почти ни одного мусульманскаго города, который не имѣлъ бы своихъ святыхъ, живыхъ или мертвыхъ; гробницы послѣднихъ были предметомъ поклоненія наравнѣ съ Меккой, ихъ одеждамъ приписывались чудеса. Съ другой стороны, главныя правила исламызма потеряли строго-обязательную силу; омовенія и посты не соблюдались, милостыню не раздавали, вѣрныя напитки, роскошныя одежды были въ общемъ употребленіи. Священные города исламызма сдѣлались притонами разврата. Всѣмъ этимъ злоупотребленіямъ вагабиты объявили открытую войну. Они овладѣли частью Аравіи, въ началѣ нынѣшняго столѣтія заняли Мекку и Медину, разбили на куски черныя шаабы, какъ предметъ идолопоклонства для мусульманъ, и съ трудомъ были подавлены Мегметомъ-Али и Ибрагимъ-пашой. Какъ секта, лишенная политическаго значенія, они существуютъ и въ настоящее время; не ожидать отъ нихъ обновленія исламызма нельзя, именно потому, что они упорно держатся его буквы—въ этомъ существенное различіе между ними и протестантами, и въ фанатической враждѣ ко всему не-мусульманскому идутъ еще дальнѣе правовѣрныхъ мусульманъ.

Настоящее положеніе исламызма рисуется Доеи въ слѣдующихъ главныхъ чертахъ. Между шиитами (кромя Персіи, живущими еще въ Индіи, гдѣ, впрочемъ, есть и правовѣрные мусульмане) и правовѣрными мусульманами или суннитами до сихъ поръ существуетъ

вражда, основанная не на различіи вѣрованій, а на историческихъ воспоминаніяхъ и національных антипатіяхъ; въ глазахъ суннитъ шіитъ хуже не-мусульманина, и наоборотъ. Въ отношеніи къ не-мусульманамъ сунниты и шіиты, по мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, одинаково фанатичны; нетерпимость первыхъ проявляется только въ болѣе грубой и рѣзкой формѣ, нетерпимость послѣднихъ смѣшана съ хитростью и коварствомъ. Другіе писатели находятъ, что шіиты, особенно на сѣверѣ Персіи, менѣе склонны къ фанатизму, чѣмъ сунниты—и это мнѣніе, кажется, ближе къ истинѣ, такъ какъ между персами сильно развитъ индифферентизмъ. Въ высшихъ классахъ персидскаго общества, да и вообще въ городскомъ населеніи Персіи не мало шектиковъ, не мало и пантенстовъ, съ оттѣнкомъ мистицизма, почерпнутымъ изъ суфизма. Духовенство въ Персіи—предметъ ненависти и презрѣнія. Персидскій Полишинель—Кетхель Пехлеванъ—имѣетъ много общаго съ Тартюфомъ; онъ начинается съ благочестивыхъ рѣчей, а оканчивается восхваленіемъ чувственности и пьянства. Въ Турціи обряды исламизма соблюдаются довольно строго, но машинально; суевѣрія всякаго рода распространены не менѣе, чѣмъ въ моментъ появленія вагабитовъ. То же самое слѣдуетъ сказать о Египтѣ и вообще о сѣверной Африкѣ; только берберы мало знаютъ и плохо исполняютъ предписанія корана. Въ центральной Африкѣ и на островахъ индійскаго океана исламизмъ пріобрѣтаетъ много новыхъ послѣдователей, но усваивается ими часто только по имени. Въ Меккѣ и Мединѣ исламизмъ процвѣтаетъ, потому что жители этихъ городовъ прямо заинтересованы въ его поддержкѣ; но большинство аравитянъ—въ особенности бедуиновъ—отличается полнымъ равнодушіемъ къ религіи, вышедшей изъ ихъ среды. Итакъ, исламизмъ повсемѣстно находится въ упадкѣ; но слѣдуетъ ли отсюда, что близко его совершенное паденіе? Дови отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно, ссылаясь на примѣры католицизма, также давно клонящагося къ упадку и все-таки сохраняющаго свою силу. Въ особенности невѣроятной кажется Дови побѣда христіанства надъ исламизмомъ. Ожидать появленія на Востокѣ новой религіи нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Не имѣя, такимъ образомъ, опасныхъ соперниковъ, исламизмъ можетъ продержаться еще весьма долго, силою одной инерціи. Весьма знаменательно, въ глазахъ Дови, то обстоятельство, что господство исламизма не могло быть потрясено даже подчиненіемъ многихъ милліоновъ мусульманъ подъ власть христіанскихъ націй—англичанъ, французовъ, русскихъ, голландцевъ, хотя этимъ прямо опровергается пророчество Магомета о непрерывномъ торжествѣ мусульманъ надъ иновѣрными народами.

Замѣтимъ, въ заключеніе, что, по мнѣнію Дози, коранъ вовсе не предписываетъ мусульманамъ вести священную войну противъ невѣрныхъ. Это предписаніе выведено изъ него натянутыми толкованіями позднѣйшихъ мусульманскихъ богослововъ. Сначала Магометъ отличался даже большою терпимостью и допускалъ возможность спасенія для тѣхъ, кто не исповѣдуетъ его ученія, лишь бы только они вѣрили въ Бога и вели добродѣтельную жизнь. Впослѣдствіи Магометъ сталъ придерживаться болѣе узкихъ взглядовъ, но священную войну противъ не-мусульманъ онъ все-таки проповѣдывалъ лишь въ смыслѣ обороны, а не въ смыслѣ наступленія. — Е. К.

МОЛОКАНЫ

или

ХРИСТИАНЕ-СПИРИТУАЛИСТЫ ВОСТОЧНОЙ РОССИИ *).

„Русское правительство пригласило молоканъ поселиться въ округѣ Карса“. На секту, о которой упоминается въ этой недавней телеграммѣ Рейтера ¹⁾, и которая насчитываетъ большинство своихъ приверженцевъ въ селахъ восточной и южной Россіи, впервые обращено было вниманіе британской публики Уоллесомъ, который въ 1872 году посѣтилъ нѣсколько изъ ея общинъ и велъ пренія съ ея старѣйшими. Пресвитеріанская организація молоканъ, ихъ знакомство съ библіей, рвеніе, серьёзность и ловкость ихъ доводовъ въ словопреніяхъ сильно напомнили Уоллесу его шотландскую родину и внушили ему живѣйшую симпатію. Соотечественники также симпатично относятся къ молоканамъ, и этотъ фактъ тѣмъ замѣчательнѣе, что русскіе законы относятъ ихъ къ числу самыхъ зловердныхъ сектъ, а зажиточность ихъ могла бы, казалось, возбуждать зависть. Похвалы, расточаемыя имъ всѣмъ и каждымъ, и рѣзкій контрастъ, существующій между ними и окружающимъ ихъ населеніемъ, въ самомъ дѣлѣ рекомендуютъ ихъ вниманію какъ европейцевъ, такъ и русскихъ. Для того, чтобы сдѣлать вышесказанное понятнымъ для читателя, мы займемся сначала другими поселянами русскихъ восточныхъ степей.

*) Статья эта прислана намъ бывшимъ гейдельбергскимъ профессоромъ Эмеромъ (Dr. G. M. Acher). Она одновременно помѣщается въ „Macmillan's Magazine“. Мы оставляемъ безъ всякихъ оговорокъ отзывъ г. Эмера о бытѣ русскихъ крестьянъ юго-востока. Не мѣшаетъ узнать, въ какомъ видѣ дѣло представляется глазу иностранца. *Ред.*

¹⁾ Посланная изъ С.-Петербурга, января 21, 1879; см. „Times“ и другія газеты отъ 28 числа.

Эти другіе поселеніе не многимъ выше, а въ нѣкоторыхъ важныхъ мундтахъ даже рѣшительно ниже сосѣднихъ киргизскихъ кочевниковъ. Ихъ селенія, весьма сходныя съ земными жилищами зажиточныхъ киргизовъ, носятъ такой же сѣрый и однообразный колеръ, какъ и поселки кочевниковъ. Инакія, продолговатая мазанки, съ крышами изъ полу-сгнившей соломѣ, слѣплены изъ глины, пополамъ съ крошеной соломой, и стоятъ посреди обширныхъ, неправильныхъ дворовъ, обнесенныхъ молотанными заборами изъ того же матеріала. Немногіе двухъ-этажные деревянные дома, принадлежащіе хлѣботорговцамъ и ростовщикамъ, нѣсколько разнообразятъ длинныя, невѣликія вереницы мазанокъ, съ глиняными заборами. Ни трава, ни дерево, ни одинъ огорокъ даже не оживляютъ такое селеніе; а почва его, занесенная сибиромъ, дѣлаетъ высохшая, потрескавшаяся, покрытая густымъ слоемъ пыли, а не то превращенная дождемъ въ грязную грязь, ужаснѣе, чѣмъ сама степь, сожженная солнцемъ, на которой кочевники разставляютъ свои кибитки. Трудно сказать, что убранство бѣднѣе: мазанки или кибитки, а что касается отвратительной грязи и безпорядка, то мазанки въ этомъ отношеніи безспорно хуже, чѣмъ кибитки. Даже хозяйственная экономія крестьянина и кочевника изумительно сходна между собой. Крестьянинъ лѣтно въ поискахъ за повою; онъ обрабатываетъ одно и то же поле только въ продолженіи двухъ лѣтъ въ ряду, а затѣмъ оставляетъ его подъ паромъ, нѣсколько лѣтъ подъ рядъ, пока къ нему не вернется плодородіе, и эта система очень походитъ на систему кочевника, перекочевывающаго на свѣжій пастбища. Еще больше сходства съ обычаями кочевниковъ представляетъ крестьянское скотоводство. Скотъ всего села поручается пастухамъ, наемнымъ общиной, и они гоняютъ его по общиннымъ выгонамъ, пока не наступитъ суровое время года. Этотъ скотъ представляетъ собою единственный оборотный капиталъ крестьянъ, такъ какъ они ничего не тратятъ на улучшеніе земледѣлія; а сама земля, находящаяся частью въ общинномъ владѣніи, частью арендуемая, является не особенно выгодной собственностью въ этихъ мѣстностяхъ, гдѣ чума рогатаго скота свирѣлствуетъ эндемически и гдѣ отребье всѣхъ степныхъ національностей: русскихъ, малороссовъ, имцевъ, татаръ, киргизовъ, калмыковъ, занимается воюкрадствомъ, быстро передавая изъ рукъ въ руки украденныхъ коней, пока они не сироятся въ какомъ-нибудь табунѣ кочевниковъ, часто за сотни верстъ отъ того мѣста, откуда они были уведены. Другимъ важнымъ препятствіемъ къ прогрессу въ хозяйствѣ крестьянъ является ихъ безпечность, напоминающая безпечность дикарей. Они, безъ сомнѣнія, располагаютъ такимъ количествомъ земли, какое показалось бы баснословнымъ для евро-

пейскаго фермера, а потому не нуждаются въ удобрѣніи. Но это преимущество нивелируется отдаленностью рынковъ и невѣрностью цѣнъ; зимой, столь суровой и прикотливой, что всего лишь какихъ-нибудь пять мѣсяцевъ остается для производства земледѣльческихъ работъ; засухой, несвоевременными морозами, безлѣзными рѣки, сдѣланными; въ годы хорошаго урожая, при необыкновенной дороговизнѣ труда и сурой осени, средняя жатва даетъ меньше трети того, что получается въ Англіи; дурные урожаи составляютъ правило, а хорошее исключеніе, и по крайней мѣрѣ одна жатва изъ десяти не возвращается даже сѣмьмъ. Всѣ эти вещи, конечно, хорошо извѣстны крестьянину, но, по окончаніи всякой уборки хлѣба, онъ пьянствуетъ, пока у него не переведутся всѣ деньги, и устраиваетъ по праздникамъ грубыя пирышества. Въ общемъ результатъ выходитъ, что увеличеніе благосостоянія совсѣмъ не соответствуетъ приращенію населенія и что жизнь крестьянина поражаетъ такимъ же застоємъ, какъ и въ Азіи. Религія крестьянъ, хотя и именуемая христіанскою, гораздо болѣе носитъ языческій характеръ по своимъ обрядамъ и суевѣріямъ, чѣмъ чистѣйшій исламъ киргизовъ; и въ то время, какъ эти мочевники получаютъ нѣкотораго рода образованіе отъ своихъ муллъ, крестьяне остаются совсѣмъ непросвѣщенными. Правдивость ихъ такова, какою она можетъ быть при такихъ обстоятельствахъ. Что каждый человѣкъ воръ — это извѣствуетъ изъ поговорок, которая у нихъ въ ходу: ни одинъ не скажетъ правды, если лопъ представляется болѣе выгодной; а грубыя страсти, хотя и прикрыты вышнимъ добродушіемъ, но проявляются при всякомъ случаѣ и порою разнгрываются съ неудержимой яростью. Такимъ образомъ не такъ давно толпа крестьянъ одного изъ тѣхъ селъ, о которыхъ мы говорили, задумала положить конецъ конюкрадству, выгнавъ ужасъ на киргизовъ. Вооружась и сѣвъ на коней, распить предварительно цѣлую бочку водки (140 галлоновъ), они проникли въ киргизскую область, умерщвляя всѣхъ, кто имъ попадался въ руки: мужчинъ, женщинъ и дѣтей, хватая младенцевъ за ноги и разбивая имъ головы объ головы ихъ родителей. Такова цивилизція, среди которой живутъ молуканы, потому что семя, изъ которыхъ отправилась выше-названная экспедиція, обитаютъ не молуанцами, но въ шестидесяти миляхъ отсюда находится Александръ-Гай, гдѣ Уоллесъ, сопровождаемый русскими пріятелями, съ которыми онъ путешествовалъ, имѣлъ главное совѣщаніе съ старѣйшими молуканъ.

Это селеніе, похожее на городъ, особенно пріятно поражаетъ иностранца, такъ какъ здѣсь молуканы, благодаря исключительнымъ обстоятельствамъ, имѣли возможность поселиться отдѣльно отъ другихъ жителей и сложить изъ того самаго матеріала, который поль-

зуется окружающее варварство, цивилизованную жизнь, хорошо приспособленную къ условіямъ и требованіямъ степи, пограничной съ Азіей. Улицы молканскаго квартала въ Александровомъ-Гаѣ — прямыя, широкія и длинныя, не содержатъ много домовъ, такъ какъ дворы, окружающіе послѣдніе, необыкновенно обширны. Заборы, идущіе отъ дома къ дому и отдѣляющіе дворы отъ улицъ, равно какъ и хлѣвы, конюшни и амбары, расположенные внутри дворовъ, хотя и выстроены изъ глины, но правильны и хорошо содержатся, и вся усадьба, хотя и представляется странной на европейскій глазъ, вслѣдствіе огромной потери мѣста, длинныхъ, низкихъ, земляного цвѣта построекъ, отсутствія зелени, и необыкновеннаго вида человѣческихъ фигуръ: крестьянъ съ длинными бородами, одѣтыхъ въ бумажныя рубашки и широкія, шнуроватые шаровары, всадниковъ въ киргизскомъ нарядѣ и съ монгольскими лицами — замѣтно отличается отъ беспорядочнаго, нищенскаго вида обыкновенныхъ русскихъ крестьянскихъ усадебъ. Что касается домовъ, то лучшіе изъ нихъ встроены изъ дерева, ярко раскрашены, съ двумя этажами и наружной лѣстницей, ведущей на галерею, окружающую весь верхній этажъ; а надъ этимъ этажомъ возвышается башенка съ небольшимъ балкономъ; словомъ, это — довольно представительнаго вида зданія.

Дома второго разряда, одностажные и изъ побурѣваго отъ погоды дерева, и бѣдѣвшіе мазаки изъ глины замѣчательны только своей опрятностью. Въ центрѣ верхняго этажа, въ лучшіихъ домахъ, находится большой покой, съ широкими окнами вдоль стѣнъ и однимъ или двумя столами. Здѣсь собираются на молитву и принимаютъ гостей. Съ одной стороны этого покоя находится престорная комната, въ которой живетъ глава семейства, съ другой стороны — другая, гдѣ живутъ младшіе члены семьи. Въ нижнемъ этажѣ находятся кухни и кладовыя. Во всемъ домѣ царствуетъ порядокъ и чистота и бѣднѣніе дома, хотя и не такъ представительны, но тоже пріятны на видъ и уютны. Одежда жителей подобна ихъ жилищамъ, т.-е. отличается только опрятностью и прочностью, но не матеріаломъ или фасономъ. Вся одежда — за исключеніемъ кафтановъ старшинъ, шнуроватыхъ шароваръ изъ чернаго или изъ другой плотной бумажной ткани и полушубковъ — дѣлается изъ пестрыхъ ситцевъ или кумачу, и мужчины подпоясываются скрученными шерстяными платками. Со всемъ тѣмъ, несмотря на одежду, несмотря на то, что волосы и бороду они носятъ такъ же, какъ и остальные крестьяне, молканъ съ-разу отличимъ при первомъ же взглядѣ на нихъ по честнымъ глазамъ, являющему выра-

женію лицъ, откровенности въ обращеніи, которая нѣсколько сдерживается весьма понятной застенчивостью.

Благополучіе молочанъ обуславливается ихъ смирительностью, трезвостью, довѣріемъ, которыми они пользуются, добрыми согласіемъ въ семьяхъ и взаимной помощью. Въ Александровомъ-Гайѣ, несмотря на обиліе земли, среди остальныхъ крестьянъ царствуетъ большая нищета, но каждое молочанское хозяйство по крайней мѣрѣ незнакомо съ нуждой; двѣнадцать самыхъ зажиточныхъ молочанскихъ семей владѣютъ въ общей сложности 200,000 акрами земли, причемъ доли каждой отдѣльной семьи колеблются между 3,000 и 40,000 акровъ.

Все это огромное пространство земли отведено главнымъ образомъ подъ пастбище для скота и овецъ и лишь небольшая часть воздѣлывается подъ пшеницу вышеописаннымъ способомъ, т.е. ежегодно нѣкоторая часть пастбища обращается въ поля и каждое поле, послѣ двухлѣтней обработки, снова обращается въ пастбище. Скотъ, въ числѣ 300 — 500 головъ въ самыхъ многочисленныхъ стадахъ, и еще многочисленнѣйшія стада овецъ поручаются надзору киргизскихъ пастуховъ, которые, владѣя кибитками, конями и нѣкоторымъ количествомъ собственнаго скота, круглый годъ кочуютъ въ степяхъ и, ведя точно такой же образъ жизни, какъ и остальные киргизы, отправляютъ свои пастушескія обязанности верхомъ на лошадяхъ. Платы, получаемой ими, вполне хватаетъ на ихъ скромныя потребности, и они, такъ же какъ и многочисленные работники-землепашцы, нанимаемые молочанами, очень преданы своимъ хозяевамъ, потому что тѣ обращаются съ ними не какъ съ вычужденнымъ скотомъ, а какъ съ братьями. „Мы кормимъ своихъ рабочихъ говядиной, — говоритъ мнѣ одинъ изъ крупнѣйшихъ молочанскихъ хозяевъ, — потому что то, что вкусно для насъ, вкусно и для нихъ“.

Такое хозяйство, какъ вышеописанное, возможно только при очень рѣдкомъ населеніи, когда землю можно получить отъ казни за ежегодную ренту въ 2 д. за акръ. Въ западныхъ округахъ жизнь не такъ дешева; но за то есть другія преимущества, которыми молочане пользуются съ большой энергіей и ловкостью. Мой хозяинъ, живущій въ одномъ изъ тѣхъ селеній, которыя участвовали въ опустошительномъ набѣгѣ на киргизскую территорию, занимается самыми разнообразными дѣлами. Земля въ этомъ округѣ, который — хотя и лежитъ на шестьдесятъ миль западнѣе, нежели Александровъ-Гай — находится въ шестидесяти миляхъ отъ Волги, сравнительно дорога (10 шил. съ акра ежегодной ренты за лучшую землю), вследствие конкуренціи нѣмецкихъ окрестныхъ колоній. Однако мой хозяинъ невольно расширяетъ свое хозяйство изъ году въ годъ и

имѣетъ теперь подъ пшеницей 600 акровъ, причемъ производитъ пшеницу высшей доброты, часть которой продается имъ на сѣмена. Онъ владѣетъ двумя мельницами. Когда скотъ бываетъ дешевъ, онъ спускаетъ его на убой и продаетъ шкуры, сало и мясо. Сельскій базаръ у него на откупъ и онъ сдаетъ въ наймы постоянныя лавки и мѣста для временныхъ балагановъ. Въ домѣ своемъ, который равняется лучшимъ домамъ въ Александровомъ-Гаѣ, онъ принимаетъ заѣзжихъ людей, главнымъ образомъ хлѣботорговцевъ съ волынскихъ приставей, которыхъ онъ привлекаетъ тѣмъ, что помогаетъ имъ въ ихъ покупкахъ, и своею добросовѣстностью. У нѣкоторыхъ молоканъ есть большіе огороды, за которыми систематически ухаживаютъ и поливаютъ ихъ и которые даютъ богатые урожаи цѣнныхъ яблокъ; нѣкоторые занимаются перевозомъ, другіе — кожевнцемъ, плотницъ, маляры; многія женщины готовятъ толстые, бархатные коври, и шерсть для нихъ сами красятъ; но чѣмъ бы молоканамъ ни занимались, всё съ охотой имѣютъ съ ними дѣло, убѣждаясь въ добродѣтельнуюность ихъ работы и въѣрности данному слову — рѣдкое качество въ восточной Россіи. Мои личныя дѣловыя сношенія съ двумя изъ моихъ молоканскихъ хозяевъ наполнили мнѣ лучшія черты еврейской жизни. Въ домѣ одного изъ нихъ я убралъ свою комнату различными предметами, необходимыми для многолѣтняго пребыванія и собирался уѣхать, спросилъ у хозяина: какъ наилучше распорядиться съ мебелью. „Сколько вы за нее хотите?“ — спросила она. Я назначилъ цѣну каждой вещи. „Я не могу нѣтъ по этой цѣнѣ“, — отвѣчала она, не пытаясь даже торговаться. Другой случай еще характеристичнѣе. Я прожилъ пять недѣль у моего хозяина Афанасія Гавриловича Орлова, вышеупомянутого владѣльца двухъ мельницъ. Мы условились, что я буду платить три рубля въ недѣлю за столъ и квартиру; случилось, что вслѣдствіе различныхъ недоразумѣній съ моимъ банкиромъ, я остался почти безъ денегъ и ничего не платилъ Орлову до самаго моего отъѣзда, и она знала, что у меня оставалось только двадцать пять рублей. Вслѣдствіе этого произошелъ слѣдующій разговоръ.

Вечеромъ наканунѣ моего отъѣзда я сказалъ:

— Вотъ двадцать-пять рублей, возьмите двенадцать и дайте мнѣ десять сдачи.

Афанасій Гавриловичъ. — Мнѣ сегодня нѣмного.

Позтому на другое утро я повторилъ:

— Вотъ двадцать-пять рублей, возьмите двенадцать и дайте мнѣ десять.

Афанасій Гавриловичъ неохотно беретъ деньги и, ни слова не говоря, приноситъ мнѣ двенадцать рублей.

Я забылъ:

— Вы ошиблись, вы сдали мнѣ восемнадцать рублей вместо десяти.

Асаниасій Гаспаровичъ.—Нѣтъ, видите ли, я беру по три рубля въ недѣлю съ хлѣботорговцевъ, которые приносятъ мнѣ пропасть хлопотъ; какъ же можно, чтобы я взялъ столько же съ васъ.

Семейная жизнь у молоканъ отличается тою же патриархальностью, какъ и жизнь другихъ крестьянъ. Не только незамужнія дочери и холостые сыновья, но и семейные находятся подъ родительской кровлей и подъ родительскою опекой. Но въ то время, какъ эта организація въ остальныхъ русскихъ крестьянскихъ семьяхъ служитъ источникомъ грубаго и прихотливаго деспотизма и безконечныхъ ссоръ, въ молоканскихъ семьяхъ она идеально гармонична. Главными чертами здѣсь являются родительское рвеніе въ исполненіи всѣхъ своихъ обязанностей, достоинство и полное безпристрастіе и любовь ко всѣмъ членамъ семьи; любовная почтительность семьи въ хованію; почетное положеніе его жены, полная равноправность между дочерьми и сыновьями—вопреки несправедливости русскаго закона къ женскому полу—и безусловная свобода выбора жёнъ и мужей. Контрастъ между молоканами и другими крестьянами становится еще разительнѣе, если мы вникнемъ въ подробности ихъ ежедневной жизни. Другіе крестьяне любятъ гвалтъ и шумъ кабановъ. Въ ихъ домахъ грязно, беспорядочно и шумно; за дномъ грубаго широкана слѣдуютъ дни крайней нужды; жестокій семейный деспотизмъ и пороки, порождаемые имъ, — вещь самая обыкновенная. Напротивъ того, жизнь у молоканъ протекаетъ такъ тихо, какъ срединѣ, прилежаніе къ шуму и суетѣ, не могутъ себѣ и представить. Работа дѣлается безъ спѣха, но неустанно и при добровольномъ содѣйствіи всѣхъ членовъ семьи; обученіе родителями дѣтей грамотѣ, молитва, пѣніе псалмовъ, чтеніе Библии и общественная собранія наполняютъ всю жизнь молоканъ. Ихъ религіозныя заветы, не отличенныя тѣмъ востановъ, который является какъ необходимой принадлежностью сѣнтантскаго благочестія, служатъ для нихъ неисчерпаемымъ источникомъ такого наслѣдствія.

Религія молоканъ превосходитъ воъ другія отсутствіемъ установленныхъ внѣшнихъ знаковъ и обрядовъ—и потому ее не легко описать. Она несомнѣнно носитъ слѣды того источника, изъ коего произошла, т.-е. ученія англійскихъ квакеровъ въ Москвѣ и іудейской сѣтити. Но со времени основанія молоканства произошло столѣтіе и остатки этого вліянія теперь несущественны для него—и, сравнивая молоканство съ другими религіями, мы получаемъ все отрицательные выводы. Молоканы питаютъ отращенію въ поклоненію животъ; у

никогда нѣтъ ни священниковъ, ни дьяконовъ, ни таинствъ, ни символа вѣры, ни установленной формы богослуженія, ни храмовъ, ни особыхъ облачений и обрядовъ, и они не считаютъ себя вдохновенными святыми Духомъ. Хотя нѣкъ конгрегационныя сборнища происходятъ болѣею частью по воскресеньямъ и другимъ большимъ церковнымъ праздникамъ, они не считаютъ глѣбнымъ заниматься и другими дѣлами въ эти дни — а, вмѣстѣ съ тѣмъ, любой день кажется имъ пригоднымъ для проявленія конгрегационнаго благочестія. Изъ пресвитеріанцевъ, совсѣмъ не похожихъ на кальвинистскій, почти не заслуживаетъ названія правильно установленной церкви. Изъ старшинъ — простые старши, хорошо знакомые съ писаніемъ, которые облаены своимъ авторитетомъ молчаливому согласію, а не избранію, и не легко провести грань, за которою начинается старшинство. Но одни отрицательные выводы не могутъ, однако, дать понятіе о молоканствѣ, и мы попытаемся представить его положительными чертами.

Внѣшняя форма ево крайне проста. Помѣщеніемъ, гдѣ собирается конгрегация, служатъ обыкновенно одни изъ большихъ покоевъ въ домахъ, но и маленькая комната, или даже дверь, а не то и поле пригодны для этой цѣли. Служба описывается слѣдующимъ образомъ очевидцемъ, часто присутствовавшимъ при ней:

„Въ большомъ покоѣ, гдѣ конгрегация готовится собраться, накрываютъ столъ бѣлой саватьей и кладутъ на него нѣсколько библій и псалтырей. Когда предѣлательствующій старшина войдетъ въ покой, всѣ другіе встанутъ и привѣтствуютъ его наклоненіемъ головы. Затѣмъ онъ усаживается на свое мѣсто и назначаетъ для чтенія главы изъ пророковъ, псалмовъ и новаго заветъ; послѣ чтенія, онъ назначаетъ псалмы или главы для пѣнія; всѣ подходятъ къ столу. Напѣвъ похвалы и напоминають напѣвъ народныхъ быленъ. Послѣ пѣнія снова читають, затѣмъ произносятъ молитву, тѣмъ оставленную для текстовъ св. писанія. Въ концѣ молитвы всѣ конгрегация, со старшиной во главѣ, кладетъ земной поклонъ. Нѣкоторыя другія молитвы читаются на колѣняхъ“.

Мои личныя наблюденія молоканскаго конгрегационнаго богослуженія слегка отличаются отъ этого описанія, но сходятся съ нимъ въ главныхъ чертахъ и полномъ отсутствіи всякихъ опредѣленныхъ формъ богослуженія и обрядности. Никто не знаетъ до начала службы, что будутъ пѣть и читать. Предѣлательствующій старшина самъ выбираетъ тексты во время службы. Нерѣдко нѣсколько старшинъ предѣлательствуютъ — и выборъ дѣлается по совѣщанію или же дорѣшнѣю то однимъ, то другимъ. Нерѣдко также старшины берутъ на себя истолкованіе прочитанныхъ текстовъ. У большинства

конгрегацій существуютъ традиціонныя молитвы въ прозѣ и нѣсколько религіозныхъ гимновъ, которые иногда и поются во время службы, по выбору председательствующаго старшини. Болѣе опредѣленный характеръ и даже нѣсколько приближающійся къ литургическимъ формамъ носятъ церемоніи бракосочетанія, пріема новорожденныхъ и погребенія. Но и здѣсь председательствующій старшина воленъ выбирать и измѣнять церемоніи по своему усмотрѣнію. Семейныя молитвы еще болѣе лишены всякой обрядности. Въ молдавскихъ семьяхъ не въ обычаѣ собираться всѣмъ членамъ семьи вѣстѣ и регулярно для какихъ-нибудь цѣлей, и даже трапезы въ нихъ такъ же неопредѣленны и неправильны, какъ завтракъ въ англійскомъ загородномъ домѣ, гдѣ собралось много гостей. Поэтому въ нихъ нѣтъ обыкновенія читать молитвы передъ обѣдомъ и послѣ обѣда и ничего подобнаго англійскимъ утреннимъ и вечернимъ семейнымъ молитвамъ. Всѣ внешнеопределенныя частныя моленія исполнѣ свободны и дѣлаются по выбору каждаго члена. Даже посты соблюдаются тѣмъ же порядкомъ. Они — добровольная эпизодичность, и хотя сходны съ еврейскими постами, состоящими въ полномъ воздержаніи отъ пищи, но часто длятся не нѣскольکو дней. Другой остатокъ іудейства въ конгрегаціяхъ — это воздержаніе отъ употребленія свинины. Въ нѣкоторыхъ другихъ конгрегаціяхъ соблюдаютъ субботній день такъ же, какъ и въ еврейскихъ семьяхъ и даже до мельчайшихъ подробностей. Нѣкоторыя общины на Кавказѣ сохраняли лѣтъ двадцать тому назадъ нѣсколько еврейскихъ молитвъ и, быть можетъ, до сихъ поръ придерживаются ихъ.

Три великія событія семейной жизни: бракъ, рожденіе и смерть, освящаются, какъ я уже сказалъ, общими службами, и брачныя церемоніи, хотя и совсѣмъ безцѣльны, весьма внузительны. Вся конгрегація собирается въ одномъ изъ обширныхъ домовъ и ея представителемъ въ этомъ случаѣ бываетъ старѣйшій членъ, съдой какъ лунь, съ дрожащими руками и тѣмъ болѣе почтанный. Эта служба очень продолжительна и состоитъ, главнымъ образомъ, изъ молитвъ, составленныхъ изъ текстовъ св. писанія, которые читаются старѣйшинами, а всѣ присутствующіе говорятъ: „аминъ“ и кладутъ земныя поклонны. Церемонія погребенія не такъ длинна, но въ такомъ же родѣ.

Что касается ученія, котораго придерживаются молдавы, то нельзя сказать, чтобы у нихъ былъ какой-нибудь другой символъ вѣры, кромѣ того, что библія есть слово божіе и потому ей слѣдуетъ повиноваться. Ученіе, выводимое ими изъ этой аксіомы, совсѣмъ не догматическое, но чисто-практическое и состоитъ исключительно въ примѣненіи заповѣдей евангелія къ обязанностямъ повседневной

жизни. Все практическое указание, выходящее из этих образцов, не могут не заслужить одобрения образованных людей западной Европы, как религиозных, так и нерелигиозных. Отношение их к тому, что мы называем „женскими правами“, в особенности замечательно. Такие „права“ они, собственно говоря, не признают, потому что, как инстинктивно они чувствуют, религия учит только обязанностям, а не правам; но со-всѣмъ тѣмъ сумѣли поставить женщину такъ высоко, какъ только могутъ проявить энтузіасты. Супружескія отношенія основываются на томъ правилѣ, что „супругъ долженъ возлюбитъ жену, какъ Христосъ возлюбилъ церковь“. Это правило не только признается и прилагается въ частной жизни, но служитъ также основой юридическихъ рѣшеній старѣйшихъ и конгрегаций въ вопросахъ брачныхъ. Причина, на которую ссылаются для отведенія равныхъ преимуществъ дочерямъ, какъ и сыновьямъ, та, что „Богъ повелѣваетъ намъ любить одинаково своихъ дѣтей и потому грѣшно оказывать предпочтеніе сыновьямъ“. Все другія правила подобны этимъ двумъ. Можно было бы догадываться, что, кромя этихъ практическихъ указаній, въ мелочахъ, какъ и во всѣхъ другихъ религіяхъ, существуютъ догматическія вѣрованія, потому что существуютъ множество молчаливыхъ символовъ вѣры, гераде болѣе сходныхъ между собою, чѣмъ символы вѣры различныхъ отраслей халдеизма. Но все они входятъ въ число многочисленныхъ тайныхъ документовъ министерства внутреннихъ дѣлъ, насущныхъ уголовныхъ преслѣдованій и полицейскихъ слѣдствій надъ сектантами, и нѣкоторые образцы ихъ, вышедшіе изъ архивовъ, были напечатаны Кемпсомъ (4 т. Лондонъ, Trübner and Co, 1860—1866). Русский законъ признаетъ сектантскую пропаганду преступленіемъ, а молель—самыми опасными изъ сектантскихъ; и тысячи докладовъ и уголовныхъ слѣдствій надъ молельщиками сохраняются въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Слѣдователи, разумѣется, обязаны были сфотографировать у обвиняемыхъ:—какая была вѣра? и объясненіе должны были сдѣлать. Поэтому все эти символы вѣры суть въ сущности опыты на вопросы людей, принадлежащихъ къ православной церкви, хотя форма ихъ не всегда указываетъ на это. Напр.:—*Селомонимъ и омискомъ*.— „У насъ есть великій персонажъ, вознесшійся на небо. Иисусъ, сынъ Божій, ему же поклоняемся“. *Обресса*.— „У насъ есть божественный образъ сына Божія, который есть образъ величимаго Бога, неразрѣннаго изъ всего творенія. *Омискомъ и мармо*.— Наши омискомъ соединяются въ молитвахъ. Да воскреснетъ молитва моя, даю казнь предъ собой (Пс. 2).

Должно признать: символы, знаки и мнѣнья другихъ подобныхъ сектъ, таковы: „мы не признаемъ образцовъ и догматовъ

установленной церкви, потому что они не согласны со *Библией*". Кроме этого отрицанія въ молоканскихъ символахъ нѣри есть и болѣе положительныя элементы, какъ, напр.:

Крещеніе.—Душа омыается въ слово Божіе и любовь.

Приобщеніе.—Душа находится въ общеніи съ словомъ Божиимъ.

Исповѣдъ.—Молитва, обращенная въ Іисуса, дабы онъ могъ служить посредникомъ въ отпущеніи грѣховъ.

Хотя всѣ эти свѣдѣнія вполне согласны съ убѣжденіемъ молоканъ, но мы очень ошибемся, если сочтемъ ихъ за ихъ интеллектуальную собственность. Они составляютъ не что иное, какъ окаменѣлые остатки ученія *духоборцевъ*, старѣйшей секты, изъ которой произошло молоканство. Эта секта, которая, какъ уже выше сказано, ведетъ свое начало отъ квакерскаго ученія, быть можетъ, еще болѣе замѣчательна, нежели молоканская. Ея главное средоточіе—*Молочанья рѣка*, въ Крыму—было посѣщаемо въ 1818 г. квакеромъ Алленомъ и двумя другими квакерами, а въ 1842 г. барономъ Гамбургеномъ, и всѣ эти путешественники были изумлены мистическими умиреніями духоборцевъ и диалектическимъ искусствомъ, съ каковымъ они ихъ отстаивали. Молоканы, напротивъ того, вовсе не великіе мыслители. Они, дѣйствительно, неизмѣняютъ нѣкоторую лѣзвостъ въ словопреніяхъ съ православнымъ духовенствомъ; но главнымъ оружіемъ имъ въ этихъ словопреніяхъ служитъ ихъ собственная безусловная неспособность слѣдить за богословской аргументаціей. Они приводятъ самые противнѣйшѣе—тоже не особенныхъ свѣдѣній—въ отдаленіе востановленія непониманіемъ ихъ и непрерывнымъ повтореніемъ однихъ и тѣхъ же текстовъ. Молоканство—полнѣ практическая и безусловно догматическая религія. Оно признаетъ себя существующимъ, не пытаясь слѣдовать своей сущности.

Всѣ молоканы грамотны и читаютъ книги; но, не имѣя своей литературы, за исключеніемъ нѣсколькихъ рукописныхъ молитвъ и религіозныхъ гимновъ, они должны искать въ другомъ мѣстѣ себя умственную пищу; и выборъ, дѣлаемый ими, бросаетъ любопытный свѣтъ на ихъ умственную жизнь, показывая, насколько они отбѣжали отъ общаго движенія. Кроме *Библии* и *Псалтирей* на славянскомъ языкѣ, тѣхъ же книгъ, какія употребляетъ православная церковь, нѣваго забыта и нѣкоторыхъ частей ветхаго завіта: по-русски и нѣсколькихъ комментариевъ на свѣдѣнія или отдѣлы изъ нихъ имѣта, точно также издаваемыхъ православной церковью, молоканы читаютъ, насколько и имѣтъ случай наблюдать, только четыре книги: „Магазинъ всѣхъ Увѣселеній“, „Сочиненія Оксфордскія“, „Автобиографію Юста Стиллинга“ и статьи Ливингоа о русскій сочиненіяхъ. Последній авторъ, хотя и имѣлъ порученіе отъ правительства (?)

писать против сектанства и съ этою цѣлю ему были даны свободный доступъ въ архивъ министерства внутреннихъ дѣлъ, правоносить молчанье выше всякой мѣры и проводить съ удивительной силой пропитическую параллель между ними и приверженцами установленной церкви. „Магазинъ всѣхъ Утѣшеній“ съ собраніемъ астрологическихъ, нумерологическихъ и другихъ тому подобныхъ трактатовъ, очевидно, переведенный дѣтъ пятидесять тому назадъ съ нѣмецкаго. „Скелерада“ была малоросскъ, хитроумный христіанскій философъ и поэтъ прошедшаго столѣтія. „Автобіографія Юнга Сталлина“ переведена изъ русскій языкъ въ 1815 г. и была въ большомъ почетѣ у петербургскихъ мѣстнѣхъ. Она, по всей вѣроятности, проникла въ молчанамъ изъ Саренты, герригуторскій вельоніи на рѣкѣ Волгѣ; и одинъ протѣнникъ молчанъ угадалъ, что одно время они ставили эту книгу выше евангелія. Молчанамъ, владѣльцы этихъ книгъ, несомнѣнно возможно слѣпѣе несутся съ своими сокровищами и часто ввертываютъ фразы изъ нихъ въ разговоръ. Хотя имъ и чудно духовное високоніе, но не чудно тѣ- которое названо, дѣтское тѣтслагіе.

Молоканская конгрегационная организация, по нѣтъ мѣшѣю, представляеть сплоскъ съ организаціа первобытной церкви и сходство несомнѣнно, потому что есть нѣчто общее въ молочникахъ того и другого. Молочники, надѣна принаианіе къ тому, что законъ относится къ нимъ какъ къ ошеснимъ овантамъ, сами относятся къ власти и къ правительству такъ же, какъ къ ней относились первые христіане, строго повинаясь властямъ и закону, не смотрѣть на нихъ, какъ на чужихъ. Они называютъ установленную церковь „русскою“, а ея приверженцевъ „русскими“, какъ будто бы сами они иностранцы. По этой самой причинѣ конгрегационныя обшрица имѣють для нихъ то же значеніе, какое имѣла „есеніа“ для первыхъ христіанъ. Мы уже видѣли, что браки и рожденія есеніаэтовъ конгрегацией, и эти публичныя акты имѣють въ глазахъ молочниковъ не просто ошесненнй характеръ, но и легальнй авторитетъ: нато того, само правительство, не имѣя другихъ средствъ знааеніа съ даишнимъ отноше- тельно молочанскихъ ошей, приааетъ нѣкоторое, если не оебѣе ошесненное значеніе этимъ аиамъ. Въ легальныя оеры между молоч- ными разбираются конгрегацией, и старѣйшныи въ оной приаа- дѣ руководятся своими поштіями о библейскомъ законѣ, потому что Библия—никъ единственный кодексъ законовъ, и когда она себе- разится для суда, то не вынуждаютъ ея изъ своихъ рукъ. Конгрега- ционное собраніе приаиаетъ новыхъ членовъ, пользуется дисципли- нарной властью и высуниваетъ шиковѣвъ во шѣхъ. Тотъ фактъ, что нынѣшнй правительствъ законовъ не собираются и старѣйшныи

ничего не платился, является другимъ важнымъ моментомъ въ антропикъ между первыми мовоками и первыми пермык христіанъ. Воспитаніе юношества не входило въ обязанности конгрегацій; у мовоковъ тѣхъ и никогда не было школы, но сами родители обучали своихъ дѣтей.

Моломанство впервые появилось еще ста лѣтъ тому назадъ и начало его могло бы послужить темой для сенсационнаго романа. Его основатель, деревенскій портной Уилемъ бросилъ свою законную жену, чтобы пойти на дочери туземнаго ересирма, Иларіона Побирехина, зажиточнаго крестьянина одного изъ оств Тамбовской губерніи, и стать потомъ однимъ изъ его главныхъ послѣдователей. Побирехинъ во время пребыванія въ Польнѣ видѣлъ вліянію мистиковъ этой страны, изъ которыхъ принадлежали скорѣ Индіи, нежели Каронѣ. По возвращеніи на родину, онъ сталъ во главѣ дубоборцовъ той мѣстности, среди которыхъ въ то время царствовали разладъ и шаткость въ понятіяхъ и которые съ неохотой русскихъ крестьянъ выказывали готовность подчиниться его деспотической волѣ. Онъ училъ ихъ, что нѣтъ Бога, иначе какъ въ лицѣ преедншесъ; что когда одинъ изъ нихъ умираетъ, то немедленно рождается другой, въ котораго переходитъ душа умершаго, имену тѣмъ какъ души беззаконниковъ переходятъ въ животныхъ. Себя онъ считалъ воплощеніемъ Сына Божія. Для подтвержденія этого ученія, онъ окружилъ себя двѣнадцатью безусловне преданными ему приверженцами, называвшимися „ангелами смерти“ и поддерживавшими его авторитетъ посредствомъ угрозъ, ударовъ и даже убійствъ. Ученіемъ, возмущенный запрещеніемъ Побирехина читать Библію, возгорѣ не поладилъ съ нимъ. На одномъ изъ конгрегаціонныхъ собраній онъ такъ рѣзко оспаривалъ съ своимъ тестемъ, что только крики ховайки спасли его отъ коптей „ангеловъ смерти“.

Ученіе дубоборцовъ, независимое отъ наглостей, измѣнчивости Побирехинныхъ, очень сходно, какъ я уже говорилъ, съ ученіемъ класровъ и оно-то составило основаніе для новой секты, заведенной Уилемомъ. Всѣмъ тѣмъ онъ опирался, главнымъ образомъ, на Библію, потерявъ у дубоборцовъ отшельнаго задній планъ, сравнительно съ мѣстными умовѣнниками. Кроме того, онъ сталъ также соучастникомъ въ пропагандѣ довольно распространенной иудейской секты, принявъ ее въ свое званіе и усвоивъ нѣкоторые изъ ея взглядовъ, а именно—стараніе къ снисканію. Кажется страннымъ, что необходимая лужайца помятій, преемственная имъ такой силой, получила быстрое и усѣбное развитіе. Не дѣла въ томъ, что у русаковъ извѣстныя класровъ существуетъ сильная потребность въ духовной пищѣ, потому что установленная каромъ ничего не даетъ

никъ, кромѣ формы, которая хотя и полна красоты, но обращается въ настоящее идолопоклонство въ рукахъ невоздержаннаго и невѣжественнаго сельскаго духовенства, исполняющаго обряды механически, безъ всякаго даже наружнаго къ нимъ интереса. Преслѣдованія, которымъ подвергалось молоканство по случаю его близкаго сходства съ „завоевавшими“ дукоберцами, также много помогало его распространенію, и, кромѣ того, мѣстность, гдѣ возникла новая секта, также значительно содѣйствовала ея успѣху. Тамбовская губернія граничитъ съ обширною степною полосою, идущей отъ азіатской границы черезъ Волгу, и въ нѣкоторыхъ восточныхъ и юго-восточныхъ округахъ ея все еще живутъ калмыки, киргизы и башкиры-кочевники. Большая часть этой мѣстности была почти совсѣмъ покинута въ январѣ 1771 калмыками, справедливо встревоженными учрежденіемъ нѣмецкихъ колоній и бѣжавшими въ Азію, оставивъ весьма незначительное число своихъ единоплеменниковъ на правомъ берегу рѣки и совершенно покинувъ лѣвый берегъ, т.-е. все громадное пространство между рѣками Волгой и Ураломъ. Цовдѣе, киргизы перекочевали въ эту мѣстность; но во времена Уленна они только производили вторженія въ нее, грабили нѣмецкія колоніи и уводили жителей и ихъ стада на азіатскіе рынки. Нѣмецкіе колонисты, хотя и представляли собой самое густое населеніе этой мѣстности, насчитывали всего 30,000 человѣкъ, разсѣянныхъ на пространствѣ въ 1000 квадратныкъ миль. Остальная часть населенія состояла изъ крѣпостныхъ, ютившихся вокругъ своихъ господъ,—изъ потомковъ астраханскихъ татаръ и двухъ финскихъ племенъ; немногихъ русскихъ въ Астрахани и въ селеніяхъ вдоль двухъ рукавовъ, на которые здѣсь раздѣляется Волга, и волжскихъ казаковъ, расселенныхъ по станицамъ, далеко отстоявшимъ другъ отъ друга, и на уединенныхъ хуторахъ. Эта область, куда правительство мало заглядывало, стала театромъ дѣйствій Уленна послѣ того, какъ онъ покинулъ свою родную губернію. Въ этихъ, въ то время почти совсѣмъ пустынныхъ мѣстахъ, близъ самой азіатской границы, основанъ былъ Александровъ-Гай, куда молоканы и переселились изъ Тамбова, гдѣ ихъ преслѣдовали. Большинство вышеупомянутыхъ молоканскихъ общинъ имѣетъ такое же происхожденіе; но Уленнъ имѣлъ большой успѣхъ также и между другими крестьянами, какъ вольными, такъ и крѣпостными. Крымъ, Грузія и Сибирь точно также увидѣли толпы молоканъ, переселенныхъ туда затѣмъ, чтобы предотвратить заразу въ болѣе населенныхъ мѣстностяхъ, и куда только ни переселялось молоканство, вездѣ оно распространялось среди окружающаго его населенія.

Но почему же послѣдователи Уклонна называются молоканами, — названіе, очевидно, происходящее отъ слова „молоко“? Русскіе обыкновенно даютъ на этотъ вопросъ слѣдующій нелѣпый отвѣтъ: „потому что они не воздерживаются, подобно православнымъ, отъ молока въ постные дни“. Фактъ тотъ, что названіе *молоканъ* было первоначально народнымъ прозвищемъ духоворядцев¹⁾, большинство коихъ, по приказу правительства, было переселено на Молочную рѣку въ Крымъ; а поздѣе, очевидно, въ 1812—20 гг. распространилось и на секту Уклонна, и такъ крѣпко пристало къ ней, что настоящее его происхожденіе было забыто. Въ началѣ было дѣйствительно невозможно для постороннихъ наблюдателей отличить новую секту отъ старой.

Между тѣмъ съ тѣхъ поръ эти двѣ секты не только не сближались между собою, но постоянно отдалялись другъ отъ друга; еврейское вліяніе тоже не проявлялось болѣе, за исключеніемъ немногихъ отдѣльных мѣстностей. Такимъ образомъ, вслѣдствіе постепеннаго искорененія традицій между двумя родственными сектами и исключительнаго преобладанія практическихъ выводовъ изъ Вѣбли, молоканство превратилось въ популярную христіанскую философію, и въ этомъ качествѣ снискало всеобщія и заслуженныя симпатіи. Съ тѣмъ болѣе широкимъ социальнымъ наблюденіемъ мы многочисленныя и постоянно увеличивающіяся симптомы разложенія, проявляющіеся въ немъ въ настоящее время. Цѣлованіе и судорожная пляска появились на нѣкоторыхъ конгрегационныхъ собраніяхъ; нѣкоторые другія находились недавно подъ вліяніемъ пророка—но достоверному свидѣтельству—бѣлаго создателя, уроженца Александра-Гая—который собралъ большія деньги, женился на мормонскій образецъ на двухъ молодыхъ и красивыхъ дѣвушкахъ и наконецъ умеръ, стараясь напиться отъ пьянства. Всѣ эти движенія не что иное, какъ реакція противъ индифферентизма, закрадывающагося повсемѣстно: ослабленнаго интереса къ релігіознымъ дѣламъ, небрежнаго посѣщенія конгрегационныхъ моленій. Хорошее обращеніе съ низшими и бѣднѣйшими членами секты хотя все еще продолжается, потому что оказывается выгоднымъ, но направляется и исказяется разчетомъ; пьянство проникаетъ въ молоканскіе дома; можно увязать на завязатыхъ пятахъ къ самымъ выдающимся и издавна почитаемымъ молоканскимъ семьямъ. Совпаденіе этого разложенія съ русскимъ общественнымъ возмущеніемъ молоканскими добродѣтелями и ласковымъ вниманіемъ правительства считается самими молоканами дѣломъ не случайнымъ. Попадному, преслѣдованіе было необходимо для удержанія молоканства въ его чистотѣ, такъ какъ безъ этого оно единicomъ без-

¹⁾ Здѣсь авторъ ссылается на г. Ливанова.

пріятно и вѣрно, чтобы удовлетворить даже тѣмъ, кто родился въ немъ.

Основной принципъ законовъ и регламентовъ, направленныхъ противъ сектантовъ, по вѣщности остался почти тѣмъ же, какимъ былъ въ продолженіи всего столѣтія, какъ основалось молоканство; но въ его принятіи происходили различныя поправки въ различныхъ царствованіяхъ. По русскому закону, допускается полная свобода иновѣрія; но всякая попытка отвлечь отъ установленной церкви въ секту строго карается. Первая часть этого принципа превратилась въ чистѣйшую насильству въ первые годы молоканства, такъ какъ всякое проявленіе секты, ея конгрегаціоннаго богослуженія считалось попятной со стороны отъ пути истиннаго православнаго христианства. И варой во многихъ случаяхъ служило нанесеніе кнутомъ и ссылка въ каторжную работу въ Сибирь. Легчайшими наказаніями были: сдѣла въ солдаты срокомъ на двадцать лѣтъ; ссылка въ крѣпости, въ Сибирь, въ Грузію, въ Крымъ, и въ другія пустынные губерніи. Съ восшествіемъ на престолъ Александра I-го въ мартѣ 1801 г. произошла большая перемена къ лучшему. Онъ объявилъ, что преслѣдованіе только способствуетъ распространенію сектантовъ и что лучшимъ средствомъ для искорененія ихъ является кроткое убѣжденіе и добрый примѣръ. Всѣ случаи появленія сектантовъ вносились въ совѣтъ министровъ, и такъ какъ самъ императоръ принималъ живой интересъ въ этихъ дѣлахъ, то многіе доводились до его свѣдѣнія и много было случаевъ для дальнѣйшаго развитія выше-сказанныхъ идей. Особенное благоволеніе выказывалось духовенству, къ которымъ императоръ Александръ, другъ кавалеровъ, заявлялъ почти открытую симпатію, хотя и считалъ ихъ ученіе ошибкой благонамѣренныхъ, но заблуждающихся дурачковъ; это благоволеніе отразилось и на молоканахъ. Императоръ Николай считалъ установленную церковь столбомъ государства, и поэтому признавалъ особенно зловредными тѣхъ сектантовъ, которые величаютъ православныхъ „идолопоклонниками“. Начались опять гоненія и уголовные процессы, приводившіе къ ссылкѣ и болѣе тяжелымъ наказаніямъ. Императоръ Александръ II почти отиѣнилъ — практически, если не формально, уголовное преслѣдованіе сектантовъ. Печать стала провозносить молоканъ, между тѣмъ какъ въ сборникахъ постановленій о сектантахъ, секретно печатавшихся министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ началѣ настоящаго царствованія, ихъ продолжали характеризовать, — какъ особенно зловредную секту—противорѣчіе, которое молоканы имѣли случай испытать на практикѣ. Такъ, вскорѣ послѣ посѣщенія Уоллеса, въ Александровомъ-Гаѣ произве-

дено было уголовное слѣдствіе, по доносу одного священника, о томъ, что двое православныхъ солдатъ присутствовали на конгрегационномъ моленіи.

Единственнымъ результатомъ этого было, однако, только нѣсколько проговоровъ, и моленія продолжаютъ происходить почти открыто. Мелкіе чиновники и даже многія лица изъ православнаго духовенства сохраняютъ наилучшія отношенія съ молельщиками, а высшіе чиновники, какъ напр., тѣ, которые путешествовали съ Уэллсомъ, не скрываютъ своего предпочтенія къ сектантамъ. Само правительство доказываетъ приглашеніемъ, напечатаннымъ въ началѣ этой статьи, что оно не только признаетъ, но имѣетъ и мужество пользоваться колонизаторскими способностями молельщиковъ. Успѣхъ этой мѣры несомнѣненъ, и есть всѣ основанія надѣяться, что молельщики отдѣляются отъ всѣхъ недавно заправившихъ въ нихъ среду несовершенствъ при исполненіи своего труднаго и благороднаго дѣла.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е августа, 1879.

Свѣдѣнія объ „испытаніяхъ зрѣлости“ въ 1878 году.—Преувеличеніе задачъ школы частью печати.—Статистика успѣховъ.—Отзывы профессоровъ о письменныхъ работахъ.—Исполненіе учебной программы.—Вопросъ о водномъ пути въ Среднюю Азію.—Мысль о поворотѣ Аму-Дары въ прежнее русло.—Будущность среднеазиатскихъ владѣній.—Положеніе кустарной промышленности.—Правительственная инициатива.

Прошло восемь лѣтъ со времени утвержденія новаго устава для нашихъ гимназій, устава, который въ среднихъ училищахъ значительно измѣнилъ учебную систему, а въ университетахъ—самый составъ слушателей. Восемь лѣтъ — періодъ достаточно долгій, чтобы извѣстныя публики о сдѣланномъ преобразованіи установилось и чтобы прекратились споры, по крайней мѣрѣ—о самой его сущности. Извѣстныя публики, сколько случается слышать въ частныхъ разговорахъ, дѣйствительно установилось и притомъ гораздо ранѣе восьмилѣтняго срока; оно составилось въ первые же годы и съ тѣхъ поръ въ немъ не замѣтно колебаній. Тѣмъ не менѣе, въ печати вопросъ о самой сущности произведеннаго преобразованія доселѣ остается спорнымъ. Въ чему бы, кажется, эти споры? какую практическую пользу они могутъ принести? Если одни спорящіе правы, то все прекрасно и нѣтъ надобности ратовать за охраненіе того, чему не угрожаетъ никакая опасность, что само себя оправдываетъ, а стало быть и под-держиваетъ. Если же права другая сторона, то спорить ей, все-таки, казалось бы, не для чего. Допустимъ на минуту, что правы тѣ, кто не согласенъ съ самой сущностью преобразованія, давно уже введеннаго, стало быть уже потерявшаго характеръ реформы. Но если у думающихъ такъ спросить: чего же они бы желали? неужели новой ломки всей учебной системы гимназій?—то врядъ-ли кто-нибудь изъ нихъ рѣшился бы отвѣтить утвердительно. Частая ломка въ такомъ

дѣлѣ, какъ учебное, хуже всего. Но, въ такомъ случаѣ, для чего же продолжать безплодные споры?

На дѣлѣ однако оказывается, что если споры не затихли, то зависить это отъ излишняго рвенія, излишней самоувѣренности и притязательности, излишней охоты къ полемикѣ со стороны именно поборниковъ введенной системы. Имъ кажется недостаточнымъ, что за нее—сила *status quo*; повидимому, имъ желательно, чтобы каждый преклонился передъ нею не только какъ предъ наилучшей учебной системой, но еще какъ передъ фактомъ огромной политической важности, какъ передъ какимъ-то чудомъ, которое одно могло спасти историческую будущность Россіи и непременно спасетъ ее. Вотъ эта-та излишняя притязательность, это огромное преувеличеніе того вліянія на русскую исторію, какое можетъ оказать нѣсколько большее число часовъ латинскаго и греческаго преподаванія въ гимназіяхъ, это втягиваніе школьнаго вопроса въ сферу вовсе ему несвойственную — и поддерживаютъ споры, которые, иначе, давно бы затихли, по немнѣшнѣй практической цѣли.

Въ самомъ дѣлѣ, стараясь доказать желаемое, эти ревнители относятъ прямо къ винѣ прежней, не преобразованной средней школы все то, что пока въ обществѣ представляется дѣйствительно неутѣшительнаго, и еще все то, что лично имъ не нравится. Этими приѣмомъ они думаютъ разомъ достигнуть двухъ цѣлей. Во-первыхъ, конечно, превознесенія новой школы надъ прежнею. Если такъ велика вина послѣдней, то это уясняетъ всю необходимость преобразованія и выставляетъ благотворное дѣйствіе, какого слѣдуетъ ожидать отъ школы преобразованной. Во-вторыхъ, тѣмъ же приѣмомъ получается еще возможность объяснять всѣ неблагопріятныя явленія современности—дурными качествами самого русскаго общества, такъ плохо, повидимому, воспитаннаго прежней школою. А это очень удобно, объяснять всѣ существующіе недостатки — дурной нравственностью общества. Значить, все прекрасно въ Божьемъ мірѣ, и если скоро нельзя будетъ жить отъ дороговизны, то въ этомъ виноваты не условія денежной системы, а испорченные прежней школою желудки общества, требующіе вредной изысканной пищи.

Само собой разумѣется, что въ этой аргументаціи сильно хромаетъ логика. Такъ, если бы, напр., растраты суммъ кассирами относились къ дурной нравственности общества, а затѣмъ выставлялись бы какъ продукты прежней, „увеселительной“ школы, то это еще было бы только забавной натяжкой. Но когда тѣмъ же путемъ въ вину прежней школѣ зачисляются прискорбныя явленія свойства политическаго, то тутъ уже прямо нарушается основное логическое правило: не употреблять въ смыслѣ аргумента то самое, что требуется доказать. Въ

прежней средней школѣ, какъ и въ новой политикѣ не преподавалась, и доказывать, что такіе-то политическія явленія происходятъ нынѣ потому, что прежде существовало такое-то распредѣленіе учебныхъ предметовъ въ гимназіяхъ — смѣшно. Доселѣ остаются у насъ еще слѣды крѣпостного права. Но возможно ли утверждать, что остались они потому, что восемь лѣтъ назадъ греческій языкъ преподавался не во всѣхъ гимназіяхъ и знаніе его не требовалось при поступленіи въ университетъ? Нѣтъ, доказывать это — нелѣзно, потому что при этомъ способѣ доказательства предполагается впередъ доказаннымъ, будто остатки крѣпостного права бываютъ послѣдствіемъ не самого недавняго существованія крѣпостного права, а — малой распространенности греческаго языка въ обществѣ. А почему вы знаете: если бы при прежней школѣ да не было разныхъ фактовъ, совсѣмъ не педагогическаго характера, происходили-ли бы теперь прискорбныя явленія, которыя вы относите къ винѣ прежней школы?

Относить все неблагопріятное въ современности къ одному явленію прежней жизни потому только, что одно явилось послѣ другого — способъ разсужденія весьма дешевый. Погодите, говорятъ намъ, вотъ классическая школа переиѣнитъ все это къ лучшему. Такія обѣщанія весьма удобны для обѣщающихъ, тѣмъ болѣе, что эти благовѣстники могутъ постоянно отдалять срокъ осуществленія своихъ обѣщаній. Такъ, очень много неутѣшительныхъ фактовъ бывало именно въ эти послѣднія семь лѣтъ, когда гимназіи уже преобразовались. Но ревнители считаютъ этотъ срокъ недостаточнымъ. Надо, говорятъ они, чтобы преобразованная школа „свершила весь свой циклъ“, и вотъ тогда-то изженутся вся злая и обратятся вся благая. Но теперь ужъ и этотъ срокъ недалекъ. И вотъ, уже теперь благовѣстники въ частной печати стали сильнѣе налегать на то, что преобразованная школа не находитъ достаточной поддержки въ семьѣ. Итакъ, легко предвидѣть, что въ случаѣ, если бы и по свершеніи новой школою полного цикла продолжались тѣ явленія, которыя она будто бы призвана устранить, то ревнители станутъ разсуждать такъ: что можетъ сдѣлать изъ дѣтей новая, хорошая школа, когда родители, отъ которыхъ зависитъ ближайшее попеченіе о нравственности дѣтей, сами воспитались въ старой, злой школѣ? Стало бытъ, и въ этотъ срокъ „свершенія цикла“ осуществленіе великихъ обѣщаній окажется необязательнымъ. Исполненіе ихъ отошлютъ къ такому сроку, когда нынѣшніе гимназисты сами сдѣлаются отцами семействъ и проведутъ своихъ дѣтей чрезъ полный курсъ гимназій. Стало бытъ, спасенія отъ золь мы принуждены будемъ ждать еще лѣтъ девятнадцать. И если до тѣхъ поръ, то-есть въ теченіи цѣлыхъ 27-ми лѣтъ съ времени преобразованія гимназій, не только кассиры будутъ воро-

вать, но и разныя лжеученія распространяться, то во всемъ этомъ надо будетъ по прежнему винить не новую, а старую гимназію, ту, въ которой не было обязательности греческаго языка.

Не нелѣзность ли это? Оставьте вы въ покоѣ и старую и новую школу. Перестаньте отводить глаза и ищите причинъ какихъ-либо фактовъ въ условіяхъ одной съ ними сферы, а не въ педагогикѣ. Вѣроятно и самому министерству народнаго просвѣщенія не особенно пріятны тѣ чрезмѣрныя услуги, которыя хотятъ оказать ему подобные ревнители. Оно, конечно, понимаетъ, что всякое распредѣленіе учебныхъ предметовъ можетъ имѣть только одну цѣль—цѣль учебную, и что возлагать на планъ училищныхъ занятій обезпеченіе внутренней безопасности, достиженіе цѣлей правильно-устроенной полиціи—невозможно. Предсказанія благовѣстниковъ, что новая школа устранить всѣ безпорядки, не можетъ быть ему пріятно, такъ какъ эти предсказанія повторяются уже восемь лѣтъ и все еще не осуществляются, а если не осуществляются и по „свершеніи цикла“, то затѣмъ всѣ обвиненія противъ старой школы могутъ, съ равной неосновательностью правда, но въ силу той же логики, обратиться на школу новую. Наконецъ, если кто и ожидалъ исполненія школоу такихъ, совершенно постороннихъ цѣлей, тѣ должны будутъ разочароваться; они устанутъ ожидать. Немыслимо, чтобы они въ самомъ дѣлѣ ожидали въ теченіи 27-ми лѣтъ обѣщанныхъ ревнителями и постоянно отсрочиваемыхъ ими результатовъ. Учебное вѣдомство, конечно, понимаетъ не хуже здравомыслящей печати, что цѣлью хорошей школы должна служить сама школа, и что ставить сужденіе о ея достоинствахъ въ зависимость отъ устраненія общественныхъ безпорядковъ—значить подвергать ея репутацію риску, для нея самой не безопасному.

Но учебное вѣдомство не имѣетъ обязанностью опровергать такихъ непрошенныхъ и слишкомъ рискованныхъ предсказаній, возглашаемыхъ ревнителями. Это уже есть дѣло добросовѣстной печати. Ей-то и приходится, въ виду подобныхъ извращеній, возражать на продолжающіяся полемическія выходы слишкомъ усердныхъ приверженцевъ классицизма, указывающихъ въ немъ панацею свойства политическаго. Приходится выгораживать и новую школу, и школу старую изъ стихій политической, которой сродно волненіе, между тѣмъ какъ школа, по истинному своему назначенію, должна стоять вѣкъ его, не задаваясь политическими цѣлями и не неся на себѣ отвѣтственности за политическія событія.

Въ силу тѣхъ преувеличеній, о которыхъ мы доселѣ говорили и которыя мы отвергаемъ, въ Россіи сдѣлался въ послѣднія восемь лѣтъ однимъ изъ наиболѣе „щекотливыхъ“ предметовъ—предметъ,

признаваемый въ другихъ странахъ однимъ изъ наименѣе возбужденныхъ. Мы говоримъ о ежегодныхъ официальныхъ сообщеніяхъ относительно результатовъ выпускныхъ экзаменовъ въ гимназіяхъ, такъ-называемыхъ „испытаній зрѣлости“. Численными результатами этихъ экзаменовъ придають значеніе пробы самой постановки учебного дѣла въ гимназіяхъ, — уже съ этимъ мы не вполне согласны. Но еще менѣе мы можемъ допустить, будто отъ результатовъ этихъ испытаній зависитъ рѣшеніе вопроса, скоро ли у насъ прекратится всякая возможность общественныхъ безпорядковъ. Если возлагать на школу несвойственное ей политическое призваніе, въ такомъ случаѣ, конечно, вопросъ о выпускныхъ экзаменахъ дѣлается щекотливымъ; малѣйшее замѣчаніе на цифры можетъ быть понимаемо тогда какъ противодѣйствіе той политической миссіи, которую школа будто бы обязана выполнить. Но нами уже достаточно разъяснено, что съ такимъ взглядомъ на назначеніе школы мы безусловно несогласны. Стало быть, сужденія наши „объ испытаніяхъ зрѣлости въ 1878 году“ — по даннымъ статьи въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ — замыкаются въ сферѣ чисто-педагогической.

Число изъявляющихъ желаніе подвергнуться испытаніямъ зрѣлости съ каждымъ годомъ, и почти непрерывно, возрастаетъ, хотя и довольно медленно. Такъ, за 6 лѣтъ число ихъ, въ общей сложности, выразалось крайними цифрами 1,178 чел. (въ 1873 г.) и 1,965 чел. (въ 1878 г.). Возрастаніе этихъ цифръ зависитъ, конечно, отъ умноженія гимназій, и въ рассматриваемой нами статьѣ цифры эти показываются затѣмъ въ связи съ числомъ гимназій, по округамъ. Но вѣдь на возрастаніе этихъ цифръ должно имѣть вліяніе не только умноженіе числа гимназій, а также и увеличеніе числа учениковъ въ каждой изъ нихъ. Такъ, въ гимназіяхъ кievскаго и казанскаго округовъ оказываются наибольшія цифры оканчивающихъ курсъ, и цифры эти въ 1878 г. сравнительно съ 1873-мъ возрасли въ обоихъ округахъ: въ первомъ съ 19-ти до 20-ти на каждую гимназію; во-второмъ — съ 14-ти до 17-ти. Но вѣдь и общее-то число учащихся возрастало. Сами составители статьи замѣчаютъ, что дѣлать выводы на основаніи одного среднего числа оканчивающихъ курсъ въ каждомъ учебномъ заведеніи было бы опрометчиво; что числа, соответствующія гимназіямъ кievскаго и казанскаго округовъ, „указываютъ не столько на успѣхъ преподаванія и рвеніе къ образованію, сколько на переполненіе гимназій означенныхъ округовъ учащимися, вслѣдствіе недостатка суммъ для открытія новыхъ гимназій“. Чѣмъ больше общее число учащихся, тѣмъ больше число оканчивающихъ курсъ — это естественно. Но замѣчаніе это справед-

ливо не только въ отношеніи гимназій одного или двухъ округовъ, а также и въ отношеніи совокупности всѣхъ гимназій. Стало бытъ, и возрастаніе общаго числа подвергавшихся выпускному экзамену во всѣхъ гимназіяхъ въ 6 лѣтъ съ 1,178 чел. до 1,966 чел. указываетъ не столько на успѣхъ преподаванія и рвеніе къ образованію, сколько на умноженіе всего числа учащихся.

Къ сожалѣнію, составители этихъ статей въ официальномъ журналѣ не дѣлаютъ сравненія числа оканчивающихъ курсъ съ общимъ числомъ обучавшихся въ гимназіяхъ. А именно это-то сравненіе и представляло бы наиболѣе интереса. Прибавимъ, что именно здѣсь численныя данныя наиболѣе могли бы быть убѣдительны. Всего интереснѣе было бы, конечно, прослѣдить, какой процентъ изъ общаго числа поступившихъ въ гимназіи доходитъ до выпускныхъ экзаменовъ и успѣшно ихъ выдерживаетъ. Сравненіе этихъ чиселъ могло бы дѣйствительно показать, насколько удовлетворительно положеніе гимназій.

Гораздо менѣе доказательности представляютъ цифры выдержавшихъ экзаменъ во всѣхъ гимназіяхъ, въ каждомъ округѣ и въ каждой гимназій, когда эти цифры сравниваются по годамъ только по отношенію къ числу явившихся къ испытанію. Приведемъ главныя изъ этихъ цифръ. Въ 1878 году, за устраненіемъ 57 человекъ по признанной незрѣлости ихъ или болѣзни, подвергались выпускному экзамену 1908 молодыхъ людей. Въ этомъ числѣ огромное большинство (слишкомъ 86%) представлялось, конечно, учениками правительственныхъ гимназій; ученики частныхъ гимназій составляли процентъ ничтожный, „постороннія лица“ — незначительный (10¹/₂%). Изъ всего числа экзаменовавшихся удостоены аттестата или свидѣтельства 1,684 чел., то-есть съ небольшимъ 88 процентовъ числа экзаменовавшихся. Дальнѣйшими сравнительными цифрами показывается, что съ году на годъ число выдержавшихъ экзаменъ сравнительно съ числомъ экзаменовавшихся все возрастало. Размѣръ этого возрастанія довольно любопытенъ, а потому мы приведемъ процентъ успѣха на экзаменахъ за рядъ годовъ 1873 — 1878. Онъ представляетъ цифры: 65,9%, 70,2, 79,7, 85, 85,4, 88,2% (1878).

Успѣхъ не маловажный: съ 65,9 до 88,2 всего въ пять лѣтъ! Но можно ли видѣть въ этомъ сравненіи доказательство, что подготовка общаго числа экзаменуемыхъ нынѣ выше, чѣмъ въ 1873 году, настолько же, насколько число 88 больше числа 66? Нѣтъ, потому что никакими цифрами нельзя выразить сравнительной требовательности или снисходительности экзаменуемыхъ, а этотъ элементъ выражается въ приведенныхъ цифрахъ не менѣе, чѣмъ самые успѣхи учениковъ. Скажемъ болѣе: именно этотъ-то элементъ и можетъ вли-

доставляться гораздо быстрее, чѣмъ степень подготовки учениковъ. Достаточно высшему учебному начальству сдѣлать запросъ любой гимназіи или любому округу, почему результатъ испытаній зрѣлости въ такомъ году въ нихъ оказался особенно неблагоприятнымъ — и можно быть увѣреннымъ, что на слѣдующій годъ, каковы бы ни были дѣйствительные успѣхи учениковъ, числовой результатъ экзаменовъ окажется значительно болѣе благоприятнымъ.

Вотъ почему мы выше замѣтили, что когда численнымъ результатамъ выпускныхъ экзаменовъ придается значеніе пробы самой постановки учебнаго дѣла въ гимназіяхъ, то мы не можемъ вполне согласиться съ этимъ. На практикѣ дѣло представляется такъ: есть нѣкій общій минимумъ, ниже котораго не можетъ быть число выдерживающихъ выпускной экзаменъ въ гимназіяхъ. Онѣ *должны* были поставить въ совокупности не менѣе 1000 абитуриентовъ въ годъ, такъ какъ это уже составляло бы менѣе 10 чел. на каждую гимназію; изъ этой тысячи абитуриентовъ, допустимъ, три четверти поступали бы въ университеты; но и это по числу университетовъ составляло бы менѣе 100 чел. на первомъ курсѣ въ каждомъ университетѣ — цифра крайне недостаточная. Итакъ, каковы бы дѣйствительные успѣхи ученія въ гимназіяхъ ни были, но необходимость, принципъ требуетъ, чтобы онѣ поставляли не менѣе 1000 чел. абитуриентовъ въ годъ. Но это число и близкія къ нему — еще крайне недостаточны. Значитъ, какъ только въ первые годы введенія новаго плана преподаванія появились цифры выпускныхъ экзаменовъ низшія этого минимума (въ 1873 году — 685 чел. въ 1874 г. — 918 чел.), то необходимость должна была побудить не только къ рвенію въ преподаваніи, но и къ болѣе снисходительной экзаменовкѣ, которая представляетъ средство еще болѣе вѣрное.

И дѣйствительно, мы увидимъ далѣе, что экзаменовки сдѣлались болѣе снисходительны, то-есть, что онѣ иногда допускаютъ такой уровень развитія, который трудно согласить съ требованіями учебной программы. Но теперь мы уважемъ въ самыхъ официальныхъ цифрахъ поводъ къ предположенію, что снисходительность помогаетъ возвышенію сравнительныхъ цифръ экзаменовокъ не менѣе, чѣмъ (воплотѣ допускаясь нами) успѣхи учениковъ. Въ 1874 году, отношеніе числа получившихъ аттестаты и свидѣтельства къ числу экзаменовавшихся составляло всего 70,3%; въ 1876 же году, т.-е. всего черезъ два года, оно составляло уже 85%, т.-е. больше на цѣлыхъ 21% прежняго числа. Если возьмемъ цифры безотносительныя (не процентныя), то окажется, что число удостоенныхъ аттестата и свидѣтельства въ 1876 году было почти *двойное* противъ бывшаго еще въ 1873 году, т.-е. всего три года назадъ. Это, — кажется, успѣхи

ужь слишкомъ быстрые, чтобы они могли относиться къ дѣйствительной подготовкѣ учениковъ и въ нихъ трудно не допускать участія болѣе снисходительности, вызванной практической потребностью, такъ какъ *à l'impossible nul n'est tenu*, и требованія программъ могутъ быть прекрасны, но во всякомъ случаѣ извѣстный минимумъ абитуриентовъ долженъ быть каждый годъ добытъ отъ гимназій.

Повторяемъ, что степень требовательности или снисходительности экзаменующихъ естественно должна являться весьма существеннымъ элементомъ численныхъ результатовъ экзамена. Намъ могутъ возразить, что программы остаются тѣ же, а уровень требованій определенъ ими. Но вѣдь никакими программами нельзя опредѣлить оцѣнку отвѣтовъ и упражненій; при той же программѣ, въ одномъ году за отвѣтъ ученика можетъ быть поставлено ему 3, а въ другомъ году другому ученику за отвѣтъ равнаго достоинства — 4. Тутъ очень многое зависитъ и отъ настроенія экзаменаторовъ и совѣта, а на ихъ настроеніе очень большое вліяніе имѣетъ фактъ: какъ взглянули округъ и, въ особенности, министерство на результаты прошлогоднихъ экзаменовъ. Степени строгости или снисходительности невозможно опредѣлить никакимъ динамометромъ. А стало быть, сравнивая численные результаты выпускныхъ экзаменовъ съ году на годъ, нельзя придавать имъ значеніе вѣрной пробы самой постановки учебного дѣла въ гимназіяхъ.

Въ доказательство, мы сошлемся еще на два факта. Процентъ успѣшно выдерживающихъ экзамены растетъ не только для учениковъ гимназій, но и для постороннихъ лицъ. На постороннихъ лицахъ не могутъ отражаться успѣхи преподаванія и ученія въ гимназіяхъ. А между тѣмъ въ самомъ отчетѣ находится слѣдующее замѣчаніе, нисколько имъ не объясняемое: „замѣчательно, что число даже постороннихъ лицъ невыдержавшихъ экзамена менѣе значительно въ тѣхъ учебныхъ округахъ, въ которыхъ ученики гимназій успѣшнѣе проходили испытанія“. Вотъ этотъ-то фактъ и обнаруживаетъ всю важность вліянія требовательности или снисходительности на сравнительные численные результаты экзаменовъ съ году на годъ. Въ самомъ дѣлѣ, для учениковъ гимназій и постороннихъ, приходящихъ на выпускной экзаменъ, есть только одно общее условіе: уровень требовательности экзаменаторовъ. А если экзамены постороннихъ лицъ даютъ лучшіе результаты именно тамъ, гдѣ оказываются лучшіе результаты экзаменовъ гимназистовъ, то изъ этого слѣдуетъ, что и въ возрастаніи числа, показывающихъ успѣхи этихъ послѣднихъ, должно играть важную роль то самое условіе, которое отражается на лицахъ, въ гимназіяхъ не учащихся, т.-е. болѣе

спускательность, съ какою производились испытанія въ томъ или другомъ округѣ или во всѣхъ округахъ—въ различные годы.

Другой фактъ. Если допускать, какъ то дѣлаютъ составители официальной статьи, что возвышеніе съ каждымъ годомъ процента удовлетворительно выдерживающихъ испытанія есть явленіе, равнозначущее съ постояннымъ улучшеніемъ въ ихъ познаніяхъ, то-есть съ дѣйствительнымъ успѣхомъ самаго преподаванія и ученія, то на этомъ основаніи пришлось бы признать, что учебное дѣло лучше поставлено въ нѣмецкихъ церковныхъ училищахъ въ Петербургѣ, чѣмъ въ наилучшихъ изъ правительственныхъ гимназій. Оказывается, что изъ всего числа подвергавшихся испытаніямъ удостоены аттестата или свидѣтельства 88,2 процента. Въ отдѣльности для учениковъ правительственныхъ гимназій процентъ благопріятіе: онъ составляетъ 91,9; для учениковъ гимназій частныхъ онъ еще благопріятіе: 95,6. Но сравнительная высота этой послѣдней цифры можетъ быть еще объяснена тѣмъ, что изъ частныхъ гимназій являются къ „испытаніямъ зрѣлости“ въ гимназіяхъ правительственныхъ тѣ молодые люди, которые уже выдержали экзаменъ по той же программѣ въ своихъ училищахъ. Но какъ объяснить такой фактъ, что для учениковъ нѣмецкихъ церковныхъ школъ отношеніе успѣха выражается цифрою 100 на 100? Отчетъ замѣчаетъ, что „въ числѣ учениковъ церковныхъ (нѣмецкихъ) училищъ не было въ 1878 году невыдержавшихъ испытанія“, и нитѣмъ не объясняетъ такого явленія. Между тѣмъ, объяснить его можно только двоякимъ способомъ. Ученики нѣмецкихъ школъ подвергаются окончательному экзамену не въ правительственныхъ гимназіяхъ, а въ своихъ же школахъ. Если сравнительная высота процента выдерживающихъ испытаніе прямо означаетъ степень ихъ познаній, въ такомъ случаѣ необходимо признать, что въ нѣмецкихъ церковныхъ школахъ преподаваніе и ученіе идутъ гораздо лучше, чѣмъ въ правительственныхъ гимназіяхъ, такъ какъ въ первыхъ *естъ* безъ исключенія экзаменуемые выдерживаютъ испытаніе. Иначе, въ этомъ явленіи слѣдуетъ видѣть вліяніе сравнительной спускательности экзаменаторовъ церковныхъ школъ для ихъ учениковъ. Но, въ такомъ случаѣ, невозможно уже въ возрастаніи общей цифры выдерживающихъ испытанія съ году на годъ видѣть безусловно успѣхъ самой постановки учебнаго дѣла. На то же самое, какъ уже замѣчено выше, намекаетъ и возрастаніе успѣха экзамена лицъ постороннихъ; еще въ 1877 г., около трети ихъ—не выдержали экзамена по каждому изъ главныхъ предметовъ преподаванія; въ 1878 же году,—всего около четверти. Здѣсь въ численномъ результатѣ, вѣроятно, отражаются также не столько дѣйствительные успѣхи знанія, сколько тѣ мѣры, которыя,

по отзыву статьи, приняты были министерствомъ „для облегченія учащимся этого разряда успѣшнаго прохожденія испытаній зрѣлости“.

Нельзя не поблагодарить составителей статей „объ испытаніяхъ зрѣлости“ въ официальномъ органѣ за то, что они не ограничиваются сообщеніемъ численныхъ результатовъ, которыхъ доказательность, какъ мы видѣли выше, нельзя признать безусловно. Составители, для удостовѣренія дѣйствительности численныхъ показаній, приводятъ еще многочисленныя отзывы университетскихъ профессоровъ и другихъ членовъ попечительскихъ совѣтовъ, которымъ поручено было разсматривать письменныя работы учениковъ, исполненныя на испытаніяхъ зрѣлости, или присутствованіе на экзаменахъ устныхъ.

Мы не имѣемъ здѣсь мѣста, чтобы сдѣлать обзоръ отзывовъ этихъ лицъ и можемъ остановиться только на нѣкоторыхъ изъ указанныхъ ими деталей. Характеризовать же сущность этихъ отзывовъ нѣсколькими словами мы не рѣшаемся, опасаясь, чтобы нашу характеристику не нашли слишкомъ холодною. А потому мы приведемъ собственныя слова разбираемой статьи, въ которыхъ содержится общій выводъ изъ отзывовъ по преподаванію древнихъ языковъ, то-есть преобладающаго въ гимназіяхъ предмета. „Въ извлеченіяхъ, сдѣланныхъ нами изъ отчетовъ лицъ, пересматривавшихъ письменныя работы учениковъ“,—говорятъ составители статьи,—„приведены, подлинными словами почтенныхъ рецензентовъ, выраженія, иногда довольно рѣзкія, порицанія; они свидѣтельствуютъ, что означенныя лица нисколько не стѣснялись высказывать откровенно свое мнѣніе, замѣчая какой-либо недостатокъ въ работахъ, и даже выражать свое негодованіе при зрѣлищѣ отсталости въ иномъ учебномъ заведеніи отъ общаго и быстраго прогресса въ остальныхъ. Независимо отъ существованія этихъ темныхъ пятенъ въ сферѣ училищной практики, нельзя не согласиться, что общая картина успѣховъ по древнимъ языкамъ въ высшей степени благоприятна и утѣшительна. Въ большинствѣ учебныхъ округовъ и въ большинствѣ учебныхъ заведеній, судя по отзывамъ рецензентовъ, преподаваніе древнихъ языковъ поставлено совершенно нормально. Слѣдуетъ имѣть при этомъ въ виду особое значеніе письменныхъ работъ, требуемыхъ на испытаніяхъ. Введенію на испытаніяхъ зрѣлости письменныхъ переводовъ, несомнѣнно, должно приписать весьма важное вліяніе на быстрое возвышеніе уровня преподаванія и уровня знаній по древнимъ языкамъ. Ученикъ, который въ состояніи составить даже посредственный переводъ съ русскаго языка на одинъ изъ древнихъ, очевидно, обладаетъ достаточнымъ лексическимъ запасомъ и зна-

нѣмъ правилъ языка, чтобы въслѣдствіи, продолжая свое образованіе, безъ особаго затрудненія читать на этихъ языкахъ авторовъ... Такой ученикъ, конечно, изъ гимназическаго уже курса выноситъ довольно обстоятельное знакомство съ лучшими классическими писателями древности, которыхъ вліяніе считается столь важнымъ и великимъ для всякаго умственнаго развитія и въ особенности (?) для развитія правильнаго *научнаго* мышленія. Словомъ, такой молодой человѣкъ обладаетъ тѣми качествами и познаніями, которыя ему будутъ полезны въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ при изученіи всякаго предмета, какой бы спеціальности онъ себя ни посвятилъ". Напомнимъ теперь, какой же это молодой человѣкъ: это тотъ, кто былъ въ состояніи составить на экзаменѣ посредственный переводъ съ русскаго языка на одинъ изъ древнихъ!

Неужели выписанное нами нарочно разсужденіе выражаетъ взглядъ самого учебнаго начальства? Оно написано какъ-бы человѣкомъ, который самъ никогда и не занимался изученіемъ древнихъ языковъ. На практикѣ нѣтъ ничего легче, какъ найти такихъ учениковъ, которые выберутъ изъ памяти греческія или латинскія слова, приблизительно подходящія къ словамъ русскаго текста, счѣтутъ связать ихъ этимологически и синтаксически не только посредственно, но совершенно правильно, и все-таки затруднятся перевести à livre ouvert не только Цицерона, но самого Цезаря, а передъ Виргиліемъ рѣшительно станутъ въ тупикъ, если только имъ попадутся не тѣ страницы, которыя они уже переводили во время курса, съ лексикономъ и нѣкоторыми иными пособіями въ рукахъ. Авторъ приведеннаго разсужденія написалъ его, какъ будто основываясь на своемъ личномъ опытѣ изученія французскаго или нѣмецкаго языковъ. Въ нихъ, дѣйствительно, умѣнье правильно перевести отрывокъ изъ сборника русскихъ тѣмъ обезпечиваетъ пониманіе ученикомъ иностранныхъ авторовъ. Но даже для одного изъ живыхъ языковъ—языка итальянскаго—это не вполнѣ оправдывается. Ученикъ можетъ знать достаточно итальянскихъ словъ, чтобы правильно, хотя и съ русицизмами, передать отрывокъ въ родѣ анекдота изъ жизни Фридриха-Великаго. Но дайте ему перевести на русскій языкъ любую страницу Дантова „Рая“, и онъ изъ трехъ терцетовъ переведетъ одинъ, да и въ томъ не уловитъ связи стиховъ. Въ древнихъ же литературахъ (для чего это приходится объяснять!)—что авторъ, то языкъ, и ученикъ, который правильно разставилъ извѣстныя ему слова, приблизительно соответствующія русскимъ словамъ въ анекдотѣ изъ жизни Фридриха-Великаго, придетъ въ замѣшательство, если передъ нимъ раскрытъ незнакомую ему изъ классныхъ занятій страницу сколько-

нибудь болѣе труднаго изъ древнихъ писателей, особенно поэтовъ, конечно.

Изъ этого видно, въ какой мѣрѣ основательно ожиданіе, что составителю посредственнаго перевода русскаго отрывка на древній языкъ, на экзаменѣ, будетъ въ состояніи „впослѣдствіи, продолжая свое образованіе (т.-е. по выходѣ изъ гимназіи), безъ особаго затрудненія читать на этихъ языкахъ авторовъ“. Но это не все. Спрашивается еще, чтó общаго имѣетъ умѣнье составить посредственный переводъ на экзаменѣ съ „довольно обстоятельными знакомствомъ съ лучшими классическими писателями древности“, притомъ такимъ именно знакомствомъ, при которомъ они оказывали бы на его умъ вліяніе „столь важное и великое для всякаго умственнаго развитія и въ особенности (?) для развитія *научнаго* мышленія?“ Вѣдь для этого надо, во-первыхъ, умѣть свободно читать тѣхъ авторовъ; во-вторыхъ, дѣйствительно *прочестъ* важнѣйшія произведенія классическихъ литературъ, не въ видѣ классныхъ переводовъ, съ лексиконами и „шпикерами“ (въ нѣмецкихъ училищахъ), но такъ, какъ мы читаемъ произведенія новыхъ писателей. И нѣтъ сомнѣнія, что тотъ, кто прочелъ бы въ переводѣ на одномъ изъ живыхъ языковъ всѣхъ главныхъ авторовъ классической древности, испыталъ бы большее ихъ на себѣ вліяніе, чѣмъ тотъ, кто лично перевелъ нѣсколько сотъ стиховъ Гомера и Виргилія и приобрѣлъ лексическій запасъ, достаточный для того, чтобы сдѣланный имъ на экзаменѣ латинскій переводъ анекдота изъ жизни Фридриха-Великаго не былъ хуже посредственности. Не говоримъ уже о томъ, что умѣнье сдѣлать этотъ переводъ не принесетъ особенной пользы при изученіи всякаго предмета (напр., химіи?). Самое чтеніе трудныхъ классиковъ, особенно поэтовъ, у которыхъ широкій просторъ въ построеніи рѣчи и обиліе иносказаній держатъ умъ ученика въ вѣчномъ предположеніи чего-то произвольнаго, въ постоянной готовности допустить исключеніе изъ общихъ правилъ, — всего менѣе можетъ развитъ въ ученикѣ именно правильное *научное* мышленіе.

Напрасно впадать въ такіа преувеличенія и ждать отъ какой-либо одной дисциплины *essu*, а въ особенности того, чтó ей наименѣе свойственно. Отъ изученія древнихъ языковъ, если оно ведется въ самомъ дѣлѣ основательно, должно ожидать способности свободно читать всѣхъ авторовъ; но едва ли даже это можетъ быть достигнуто для большинства въ предѣлахъ гимназическаго курса. Затѣмъ, для усвоенія себѣ классическихъ литературъ и приобретенія тѣхъ выгодъ, какія такое знаніе, дѣйствительно, можетъ дать уму, необходимо въ дѣйствительности *прочестъ* всѣхъ главнѣйшихъ авторовъ, а не только ознакомиться съ ними по отрывкамъ, разрабо-

тываемымъ при помощи лексикона. Это второе требованіе уже положительно неисполнимо для большинства въ стѣнахъ гимназій. Наконецъ, по выполненіи обоихъ указанныхъ условій, получается дѣйствительное вліяніе классическихъ литературъ на умъ ученика. Но вліяніе это выказывается только въ развитіи вкуса, въ возбужденіи воображенія, въ пониманіи древней исторіи, и въ основательной подготовкѣ specially къ филологическимъ занятіямъ, конечно. Но всего менѣе, вліяніе это можетъ сказываться въ развитіи правильного научнаго мышленія. Утверждать это — было бы столь же странно, какъ утверждать, что изученіе математики можетъ развивать вкусъ. Научное мышленіе съ его условіями: умѣньемъ анализировать, испытывать достовѣрность, логически выводить послѣдствія и провѣрять ихъ опытомъ — развивается такими упражненіями, въ которыхъ нѣтъ мѣста фантазій, капризу и произволу.

Но всегда ли соотвѣтствуютъ знанія нашихъ абитуриентовъ и тѣмъ условіямъ, при которыхъ изученіе древнихъ языковъ можетъ произвестъ тѣ все-таки немаловажные плоды для умственнаго развитія, которое этимъ путемъ дѣйствительно достижимо? Нѣкоторые отзывы даже тѣхъ рецензентовъ, которые были избраны учебнымъ начальствомъ, наводятъ на раздумье. Такъ напр., профессоръ Ивановъ находить, что изученіе древнихъ языковъ значительно двинулось впередъ въ сравненіи съ 1876 годомъ, въ гимназіяхъ московскаго округа. Но за то въ 1876 году, въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ округа „работы были переполнены погрѣшностями, ошибки противъ этимологій (!) и синтаксиса насчитывались десятками“. Теперь дѣло значительно измѣнилось къ лучшему: „въ латинскихъ переводахъ синтаксическихъ погрѣшностей немного, этимологическія ошибки встрѣчаются нѣрѣдка“. И вѣдь это говорится о работахъ, сдѣланныхъ на испытаніяхъ зрѣлости, то-есть такими учениками, которые по учебной программѣ должны были читать труднѣйшія сочиненія Цицерона и поэтовъ. Спрашивается, какое образовательное вліяніе можетъ произвестъ классическая древность на людей, путающихъ надежи или наклоненія?

Работами абитуриентовъ по русскому языку, въ гимназіяхъ того же округа, профессоръ Вуслаевъ остался вообще доволенъ, однако, находитъ въ нихъ довольно много такихъ ошибокъ, какъ напр., согласованіе: „Анны Іоанновной“, выраженіе: „кондрибуція“. А между тѣмъ этимъ абитуриентамъ задавались для сочиненій такіа тѣмы, какъ, напр., „Войны Россіи съ Турціею, ихъ значеніе и послѣдствія“ — тема, которую самъ рецензентъ признаетъ не вполнѣ удобною. Въ „рецензіяхъ“ на работы абитуриентовъ замѣчаются еще и столь свойственные нашему учащему и нашему учащемуся міру, особѣе, пожа-

луд, даже національные недостатки: склонность къ излишней самоуверенности со стороны послѣднихъ и склонность къ „обрыванию“ со стороны первыхъ. Едва-ли, напр., во французскомъ лицей или нѣмецкой гимназій ученикъ въ экзаменномъ сочиненіи рѣшился бы отнестись съ пренебреженіемъ къ писателю, считающемуся образцовымъ, какъ у насъ, напр., ученикъ пишетъ о сказкахъ Жуковского, что онѣ — „бредни“. Но едва-ли также иностранный педагогъ сталъ бы дѣлать на экзаменаціонныхъ работахъ замѣчанія, имѣющія быть „ядовитыми“, но въ дѣйствительности глупыя, въ родѣ слѣдующихъ: „авторъ противорѣчитъ и своей доморощенной (?) философій, и исторіи, и здравому смыслу“ (послѣдній фактъ не дѣлаетъ ли излишнимъ открытіе двухъ первыхъ?); „разрѣшеніе фیزیологическихъ проблемъ едва ли по плечу екатеринбургскому Фохту и Мошотту“. (Положимъ, ученикъ — екатеринбургскій, но вѣдь и педагогъ — екатеринбургскій же). Побольше гуманности, побольше мягкости, господа! Тогда и съ другой стороны вы встрѣтите меньше той самонадѣянности и той рѣвности, на которыя вы жалуетесь.

Въ заключеніе скажемъ только одно: желательно, чтобы въ учебныхъ программахъ не было ничего болѣе того, что можетъ быть достигнуто большинствомъ въ дѣйствительности и чтобы, затѣмъ, то, что программами требуется, и исполнялось въ самомъ дѣлѣ. Тогда въ переводахъ молодыхъ людей, читающихъ Платона и Виргилія и способныхъ испытать на себѣ „великое вліяніе“ писателей древности на умственное развитіе, не могло бы встрѣчаться этимологическихъ ошибокъ.

Отъ средняго образованія мы перейдемъ къ вопросу научному, который представляется, вмѣстѣ съ тѣмъ, важнымъ вопросомъ коммерческимъ и государственнымъ: это — вопросъ о поворотѣ Амударьи, нынѣ текущей въ Аральское море, въ старое русло ея — Узбой, которымъ она, по всей вѣроятности, прежде называлась въ море Каспійское. Въ рѣшеніи этого вопроса принимаютъ участіе не только современныя научныя изысканія, но и показанія классическихъ писателей: Геродота, Страбона, Плинія, также средневѣковыхъ восточныхъ и европейскихъ писателей, — а, наконецъ, и собранныя на мѣстѣ народныя преданія. Общій результатъ, какой можно вывести изъ историческихъ свидѣтельствъ по этому предмету, таковъ, что въ древніе и средніе вѣка рѣка Аму служила путемъ для торговли Европы съ Индіей и Китаемъ.

Теперь Россія владѣетъ бѣльшей частью Средней-Азіи, но Туркестанъ достался ей не въ томъ цвѣтущемъ состояніи, о которомъ свидѣлствуютъ древніе и средневѣковые рассказы, а въ состоя-

ни упадка. Между тѣмъ эта обширная страна имѣетъ огромныя естественныя богатства и могла бы быть возрождена расширеніемъ оросительной сѣти, а съ нею и культурныхъ оазисовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, соединеніе того края съ европейской Россіей путями водными и желѣзными обезпечило бы возможность выгодной разработки его рудъ и залежей, а также могло бы направить черезъ Россію хоть часть той громадной торговли, которая представляется обиліемъ Европы, Индіи и Китая ихъ произведеніями. Въ этихъ предположеніяхъ особенно видное мѣсто занимаетъ мысль о поворотѣ рѣки Аму прежнимъ ея русломъ къ Каспію и къ созданію такимъ образомъ прямого воднаго пути отъ Балтійскаго моря въ Среднюю-Азію и даже до индійскаго Кангаса.

Для изученія этихъ будущихъ путей на мѣстѣ образовалось особое общество, которое и предприняло слѣдующія работы: изслѣдованіе лучшаго направленія средне-азиатской дороги, древняго русла рѣки Аму (Узбоа) и возможности ея поворота къ Каспію, — нахоженіе, опредѣленіе значенія средне-азиатской дороги и рѣки Аму въ отношеніяхъ промышленномъ, торговомъ, военномъ и международномъ. Мы въ Россіи такъ мало привыкли къ частному почину въ изслѣдованіи и рѣшеніи важныхъ національныхъ вопросовъ, что должны съ особеннымъ сочувствіемъ встрѣчать труды такого рода. Года два тому назадъ, намъ случилось прочесть замѣчательное изложеніе развѣдокъ и предположеній по вопросу о направленіи средне-азиатской дороги, напечатанное, если не ошибаемся, въ Оренбургѣ. Теперь мы воспользуемся изданной въ Самарѣ брошюрой: „Аму и Узбой“, чтобы бросить взглядъ на вопросъ о созданіи прямого воднаго пути, которымъ товары изъ Нижняго могли бы доставляться въ глубь Средней-Азіи. Но прежде всего мы должны сказать нѣсколько словъ о качествахъ самой этой брошюры. Несмотря на свою краткость, обусловленную чисто-фактическимъ изложеніемъ сдѣланныхъ изслѣдованій, она заключаетъ въ себѣ богатый матеріалъ историческихъ и географическихъ справокъ, а также научныхъ данныхъ, добытыхъ новѣйшими изысканіями. Такое обиліе свѣдѣній, начиная отъ полнаго, хотя кратко изложеннаго обзора древней, средневѣковой и новой литературы по вопросу о естественномъ руслѣ Аму-Дарьи и кончая официальными и частными свѣдѣніями о направленіи водъ рѣки въ 1878 году — свидѣтельствуетъ прежде всего о глубокомъ интересѣ, внушаемомъ автору той мыслью, которою онъ занялся; только искренняя любовь къ предмету можетъ завлечь къ столь всестороннему его изученію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, самое расположеніе свѣдѣній и забота о доказательности приводимаго мате-

нія въ наиболѣе существенныхъ пунктахъ, показываютъ въ авторѣ и дѣловитость, и несомнѣнную талантливость.

Обратимся теперь къ краткому изложенію самаго вопроса, на основаніи данныхъ брошюры. Изъ показаній древнихъ писателей наиболѣе важно сообщеніе Страбона, рассказывающаго со словъ Аристовула, который сопровождалъ Александру-Мамадонскому при переправѣ черезъ Оксъ (Аму-Дарью) вблизи Бактрин, что „Оксъ очень удобенъ для плаванія судовъ“, и что „индійскіе товары сплавляются по этой рѣкѣ въ море Гирканское и чрезъ сосѣднія области, по рѣкамъ, доставляются къ Эвксинскому Понту“. Направленію торговли Востока съ Западомъ чрезъ Среднюю-Азію и были въ значительной степени обязаны своимъ процвѣтаніемъ древнее греко-бактрійское царство, греческія колоніи на берегахъ Чернаго моря и самъ Царьградъ. Во времена могущества арабовъ на Левантѣ, торговля Азіи съ Европой, продолжалась чрезъ Среднюю-Азію, или чрезъ Россію къ морямъ Черному и Балтійскому и создала богатство и могущество Великаго-Новгорода. Арабскіе писатели IX-го и X-го вѣковъ повѣствуютъ, что русскіе купцы возили шѣхъ по Волгѣ и Каспію, чрезъ Среднюю-Азію, къ предѣламъ Индіи и Китая, а живинскіе товары направлялись по Волгѣ къ балтійскимъ берегамъ. Позднѣе, при концѣ среднихъ вѣковъ, роль главнаго посредствующаго пункта въ торговлѣ Европы съ Китаемъ и Индією чрезъ Россію принадлежала Астрахани, что создало процвѣтаніе черноморскихъ воловий Генуи. Но это направленіе торговли прекратилось послѣ разоренія Астрахани Тамерланомъ (1345) и завоеванія турками Константинополя и Каффы, въ XV-мъ столѣтіи. Вслѣдъ затѣмъ, открытіе морского пути въ Индію, въ томъ же вѣкѣ, произвело то, что среднеазиатскій торговый путь былъ окончательно оставленъ.

Но мысль о возстановленіи его сказывалась, въ томъ же и слѣдующемъ столѣтіяхъ, въ предложеніяхъ итальянскихъ купцовъ о развѣданіи пути по Волгѣ, Каспію и Оксу. Мысль эта не забывалась Иваномъ-Грознымъ и Годуновымъ. Она была одной изъ любимыхъ мыслей Петра-Великаго, который и отправилъ экспедицію кн. Черкаскаго „для принеженія устья Дарьи рѣки“. Въ наказѣ, данномъ Черкасскому, было между прочимъ сказано: „надлежитъ надъ гаваномъ, гдѣ бывало устье Аму-Дарьи рѣки, построить крѣпость человекъ на 1,000... Если возможно оную воду паки обратить въ старый токъ, къ тому же протчія устья запереть, которыя идутъ въ Аральское море“. При этомъ Петръ предписывалъ еще „отпустить купчину по Аму-Дарьѣ рѣкѣ въ Индію, наказавъ, чтобы шѣхалъ ее пока суди могутъ идти и оттолъ бы шѣхалъ въ Индію... Господамъ сенату съ лутчею ревностію сіе дѣло, какъ наискорая отправить, понеже шло

нужно". Въ инструкціи же избранному для того морскому офицеру Кожину сказано: „ѣхать ему водою Аму-Дарьёю рѣкою сколько возможно до Индіи, подъ образомъ купчины, а настоящее дѣло—дабы до Индіи путь водной смекать". Извѣстно, что во вторую экспедицію кн. Черкаскаго отрядъ его погибъ въ Хивѣ, въ 1717 г.; одинъ изъ участившихъ его сподвижниковъ, туркменъ Ходжа-Нефесъ, привезъ свидѣніе, что въ Хивѣ, дѣйствительно, оказалось старое русло, которое Аму-Дарья прежде наливалась въ Каспійское море, и что отклоненіе ея въ Аральское море произведено въ давнее время хивичанами, посредствомъ плотины версты съ двѣ длиною, и что плотину эту можно разрыть. Но мысль эта не оставила Петра, и въ слѣдующіе два года онъ перучалъ развѣдку воднаго пути въ Индію другимъ лицамъ, между прочимъ—Артемію Волинскому, отправленному послать въ Персію. Отъ двоихъ изъ этихъ лицъ онъ получилъ доведеніе, что рѣка Аму прежде текла въ Каспій, но протокъ этотъ заруженъ. Въ брошюрѣ приведенъ еще любопытный отрывъ Волинскаго о замыслахъ Петра, заимствованный изъ письма Волинскаго 1731 года: „по замысламъ царскаго величества, не до одной Персіи (которую Петръ намѣревался поворотить) было ему дѣло. Если бы несчастливо было намъ въ Персіи и продолжалъ бы Всевышній животъ его, конечно бы покусился достигнуть до Индіи, а имѣлъ въ себѣ намѣреніе и до китайскаго государства, чтобъ я сподобился отъ его величества самъ слышать".

Сдѣлавъ обзоръ показаній древнихъ греческихъ и римскихъ, восточныхъ писателей, и старинныхъ еврейскихъ путешественниковъ и географовъ, и народныхъ преданій, авторъ поставилъ осторожный, вполне обоснованный имъ выводъ, въ видѣ „вѣроятнаго предположенія, что эта рѣка (Аму), выходя попеременно, то въ Каспій, то въ Аралъ, неоднократно мѣняла свое направленіе исключительно по волѣ человека". Изъ разспросовъ, сдѣланныхъ на мѣстѣ русскими путешественниками, оказывалось, что Аму неоднократно прорывала плотины и текла въ Узбой, по направленію къ Каспію. Впрочемъ, западными и русскими путешественниками позднѣйшихъ временъ высказывались также гипотезы о возможности естественнаго поворота Аму къ Аралу, вслѣдствіе вулканическаго явленія—поднятія уровня почвы въ туркменскихъ степяхъ или вслѣдствіе увеличенія расхода воды рѣки на орошеніе, такъ что рѣка, истощаясь, сократила свое теченіе, на около тысячи верстъ. Замѣтимъ, мимоходомъ, что Сенковскій, писавшій объ этомъ вопросѣ въ 1835 году, называлъ баснею древнее теченіе Оксуса въ Каспійское море. Что касается русскаго правительства, то со временъ Петра Великаго созданіе воднаго пути въ Среднюю Азію не было предметомъ официальныхъ работъ. Но воз-

возможность такого поворота и важность его послѣдствій признавались многими русскими и иностранными учеными. Извѣстный ориенталистъ, сэръ Генри Роулинсонъ, въ рѣчи, произнесенной въ англійскомъ географическомъ обществѣ, высказалъ убѣжденіе, что со временемъ, соединенныя воды Сыра и Аму проложатъ себѣ путь по изстарымъ русламъ къ Каспію и, такимъ образомъ, волжскій путь продолжится въ глубь Азии на три тысячи верстъ. Сэръ Г. Роулинсонъ высказалъ даже предположеніе (*I consider highly probable*), что „многіе изъ присутствующихъ въ настоящемъ собраніи деживутъ до установленія прямого пути водоемъ отъ Балтики до сосѣдства съ индійскимъ Кавказомъ“.

Въ 1876 году совершился новый естественный прорывъ водъ Аму въ Узбой. Начальникъ Закаспійскаго края Ломанинъ, сообщивъ объ этомъ фактѣ, еще разъ указалъ на важность и возможность поворота Аму безъ большихъ затратъ и безъ всякаго ущерба для хивинскаго оазиса, причемъ совѣтовалъ немедленно принять рѣшительныя мѣры къ прекращенію дальнѣйшаго загражденія прорывомъ хивинцами. Воды Аму дошли по Узбою до половины пути между Аму и Каспійскимъ моремъ. Черезъ мѣсяцъ послѣ того, хивинскій ханъ писалъ генералу Ломанину, что, вслѣдствіе неслыханной прибыли воды въ Аму, произошли прорывы у Ходжефали, Кичталя и Ургенча. Вода послѣднихъ двухъ прорывовъ бросилась по артыкамъ ханства, разрушила плотины и, слившись у Куни Ургенча, потекла въ Узбой. Но съ убывшемъ водѣ въ Аму теченіе по Узбою ослабло. „Приняты дѣятельныя мѣры“, писалъ ханъ, „къ исправленію плотинъ, для задержанія воды“. По свѣдѣніямъ, собраннымъ русскимъ инженеромъ Гельманомъ, вода Аму доходила до озера Сары-Камыша, которая наполнила; ширина протока была до 20 сажень, средняя глубина $\frac{3}{4}$ сажени, скорость теченія около $2\frac{1}{2}$ футъ въ секунду, такая же, какъ въ хивинскихъ артыкахъ. Во время исследований г. Гельмана главный прорывъ воды былъ уже окончательно занурженъ хивинцами.

Насколько можно заключить изъ самыхъ достоверныхъ разсказовъ о причинахъ, побуждавшихъ хивинцевъ заботливо преграждать теченіе части водъ рѣки Аму по Узбою, главнымъ поводомъ къ тому для хивинцевъ служило опасеніе набѣговъ туркменъ. Такъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, когда воды Аму прорывались въ старое русло, туркмены воспользовались ими для орошенія, а вслѣдъ затѣмъ стали дѣлать набѣги на Хиву и убили трехъ хановъ. Вслѣдствіе устроенныхъ плотинъ старое русло съ той поры окончательно обводило, большая часть воды направлялась въ западнѣе рукава аму-дарьинской дельты и, кромѣ того, образовала Айбугирскій заливъ. Въ 1869 году

въ эти рукава входили русскіе пароходы. Не хитрости, чтобы протранить русскіе суда въ свои воды, построили въ тѣхъ рукавахъ рядъ плотинъ. Вслѣдствіе того, образовался обширный равнинъ и главная струя водъ Аму-Дарьи обратилась въ восточный рукавъ дельты. „Такія послѣдствія работъ, произведенныхъ туземцами“, справедливо замѣчаетъ авторъ, „особенно замѣчательны тѣмъ, что выясняютъ, какое сильное вліаніе оказываетъ въ Средней Азій на природныя условія внимательство человѣка“. Естественно, что поэтому всѣ жители Туркестана убѣждены въ возможности и даже легкости восстановить прежнее теченіе Аму-Дарьи.

Въ заключеніе, приведемъ изъ брошюры важнѣйшія практическія указанія на естественныя условія, удостовѣряющія возможность предполагаемаго поворота. Старое, сухое русло рѣки Аму—Узбой—имѣетъ протяженіе болѣе тысячи верстъ до Балхаскаго залива Каспійскаго моря, гдѣ видна дельта втекающей рѣки. Ширина русла отъ 100 сажень до 3 верстъ. Высота береговъ (глубина прежней рѣки) мѣстами достигаетъ 30 сажень, мѣстами же русло какъ-бы разрушено, занесено пескомъ и сливается съ окружающей равниной. Прѣсноводныя раковины въ почвѣ Узбоя, развалины городовъ и крѣпостей, слѣды оросительныхъ канавъ, монеты, находимыя въ почвѣ, явно напоминаютъ о существованіи здѣсь некогда могучей судоходной рѣки.

Уровень Аральскаго моря выше уровня моря Каспійскаго на 243 фута, и узелъ нынѣшней дельты Аму, близь Ходжеяли, возмѣшается надъ уровнемъ Арала на 60 футовъ, стало-быть выше уровня Каспія болѣе чѣмъ на 300 футовъ. При такой разности высоты и длинѣ Узбоя въ 1,000 верстъ, паденіе его въ Каспій, если нѣтъ обратныхъ склоновъ, вполне достаточно для теченія рѣки. Паденіе въ низовьяхъ Амазонки значительно меньше. Начало стараго русла, т.-е. одинъ изъ пунктовъ, откуда вливался въ него прежде воды Аму, близь Куна Ургенча, ниже уровня Арала на 9 футовъ. Эти условія и объясняютъ склонность рѣки въ прерыванъ въ старое русло, по направленію къ Каспійю. Вычисленія количества воды, нужной на орошеніе хивинскаго оазиса, показываютъ, что $\frac{2}{3}$ общаго годового расхода воды Аму-Дарьи могли бы быть направлены къ Каспійю безъ всякаго ущерба для существующихъ оазисовъ, но, конечно, — въ ущербъ Аралу. Судноходность Аму вполне доказана, и по мнѣнію начальнаго туркестанскаго вѣра, генерала фонъ-Кауфмана, пароходное сообщеніе по Аму не будетъ встрѣчать болѣешихъ затрудненій, чѣмъ пароходство по Волгѣ.

Великое дѣло, намѣченное еще геніемъ Петра, стало исполнимымъ съ тѣхъ поръ, какъ русская власть утвердилась въ сердцахъ Средней Азій. Слѣдуетъ очевидно, что пока нѣтъ удобныхъ сооб-

щеній съ нею, пока нѣтъ такихъ вѣтъ, которыми промышленность Россіи и ея отдаленныхъ владѣній соединилась бы въ оживленную и крѣпкую систему, владѣнія эти останутся болѣе отдаленными и отчужденными отъ нея, какъ если бы они находились за океаномъ. Лишенные быстрого притока силъ, возбуждающихъ разработку мѣстныхъ богатствъ, они не могутъ воспрянуть къ новой жизни, гложутъ въ прежнемъ заустѣніи и только лежатъ бременемъ на русскомъ государственномъ бюджетѣ. Постройка средне-азиатской желѣзной дороги и восстановление великаго древняго воднаго пути отъ Каспія къ Хивѣ, Бухарѣ и до хребтовъ, омываемыхъ сѣверъ Афганистана — вотъ единственные вѣрные средства сдѣлать наши новѣйшія пріобрѣтенія выгодными для Россіи, и обезпечить быструю перевозку войскъ, удвоить наше могущество въ Азіи. Мы можемъ только радоваться, что нашлись мыслящіе люди, которые, безъ всякаго официального побужденія, увлеклись благороднымъ порывомъ служить такому дѣлу, которое манитъ своимъ историческимъ величіемъ и обѣщаніями пользы и славы для родины.

Но само собою разумѣется, что забота о промышленномъ оживленіи далекихъ окраинъ не должна исключать стараній къ поднятію экономическихъ силъ въ самомъ центрѣ Россіи. Намъ не разъ случалось напоминать, что весьма важна была бы государственная инициатива къ развитію среди земледѣльческаго населенія мѣстныхъ мануфактурныхъ промысловъ, то-есть къ пріобрѣтенію посторонними земледѣльцями заработковъ, не бросая хозяйства, не уходя отъ него иногда за сотни верстъ, съ поддержками, которыя поглощаютъ большую часть заработаннаго. Естественныя условія въ большей части Россіи таковы, что земледѣліе даетъ работу только на нѣсколько мѣсяцевъ въ году. Въ вышедшемъ недавно первомъ выпускѣ трудовъ комиссіи по изслѣдованію кустарной промышленности въ Россіи, находятся свѣдѣнія о нѣкоторыхъ подготовительныхъ ея работахъ и о мѣрахъ для производства изслѣдованій о кустарной промышленности. Изъ этихъ свѣдѣній видно, что мѣстные изслѣдованія производятся въ нѣсколькихъ губерніяхъ при содѣйствіи земствъ. Дѣло достойно всякаго сочувствія и надо только желать, чтобы предварительныя работы, которыя заключаются собственно въ описаніи существующихъ кустарныхъ промысловъ (что вовсе не требуетъ долгаго времени) не слишкомъ затягивались.

Но въ томъ же выпускѣ приведено весьма любопытное сообщеніе секретаря московскаго статистическаго комитета Саблина „о нуждахъ мелкой промышленности“. Мнѣніе его главнымъ образомъ сводится на „улучшеніе положенія мелкой промышленности (облегченіемъ

кредита, распространеніемъ технического образованія) и содѣйствіе этой послѣдней къ переходу въ крупную форму, причѣмъ *мелкіе производители не представляли бы были собственниками известной части промышленнаго предпріятія*". Понятно, какъ важно было бы для достиженія этой именно цѣли участіе такого могучаго и притомъ безкорыстнаго фактора, которымъ можетъ явиться въ данномъ случаѣ только содѣйствіе правительства.

Всегда сочувствовавъ осуществленію мысли именно въ томъ опредѣленіи, какое даетъ ей г. Саблинъ, мы не откажемъ себѣ въ удовольствіи привести указанный имъ примѣръ, въ которомъ правительственное содѣйствіе дѣйствительно и явилось въ этой формѣ. „Принявъ на себя заботу улучшить положеніе мелкихъ промышленниковъ Павловскаго округа (села Павлова и до 80 селеній горбатовскаго уѣзда, нижегородской губерніи), ничтожность заработной платы которыхъ возбуждала въ иностранцахъ сомнѣніе въ вѣрности, министерство финансовъ начало свою дѣятельность въ этомъ направленіи съ устройства складочной артели для закупа сырья и продажи издѣлій“.

Артель эта приобрѣтала сырье и продавала его членамъ, заказывала имъ издѣлія и инструменты, наконецъ, продавала готовые издѣлія. Артель не дѣлаетъ членамъ кредита, а только warrants на представленные ими издѣлія, а подъ эти warrants члены получали осуды въ размѣрѣ $\frac{1}{4}$ стоимости товара—въ павловскомъ осудо-сберегательномъ товариществѣ. Это товарищество и артель получили отъ министерства долгосрочную осуду, первая въ 25, вторая въ 30 т. р. Изъ примѣчанія редакціи „Трудовъ“ мы узнаемъ, что „къ сожалѣнію, какъ артель, такъ и товарищество эти болѣе не существуютъ“, но причины ихъ прекращенія не объяснены. Между тѣмъ, мысль была превосходная и самый починъ въ ея осуществленіи дѣлаетъ большую честь прежнему управленію министерствомъ финансовъ. Отчего бы не возобновить подобную поимку, какъ въ павловскомъ округѣ, такъ и въ другихъ мѣстностяхъ нижегородской, московской, рязанской, тульской, владимірской, каужской, смоленской, тверской, Ярославской, юстремской, витебской и новгородской губерній, въ которыхъ кустарная промышленность распространена, но находится въ бѣдственномъ положеніи, такъ что производители, подъ гнетомъ кулаковъ, являются скорѣе обнищавшими фабричными рабочими (только иногда еще безъ опредѣленнаго жалованья), чѣмъ хозяевами своего дѣла, какими они должны бы были, если жалательно, чтобы кустарная производительность дѣйствительно служила средствомъ къ поднятію народнаго благосостоянія.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

14/30 августа, 1879.

LII.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ РОМАНЪ.

Мнѣ часто случалось говорить въ своихъ литературныхъ этюдахъ объ экспериментальномъ методѣ въ романѣ и драмѣ. Обращеніе къ природѣ, натуралистическое развитіе, увлекающее насъ въѣтъ, направляетъ мало-по-малу всѣ проявленія человѣческаго ума на одну и ту же научную дорогу. Впрочемъ, идея литературы, опредѣляемой какъ наука, можетъ показаться странной, если она не будетъ точно объяснена и повата какъ слѣдуетъ. Итакъ, я нахожу полезнымъ высказать опредѣленно, что, по моему мнѣнію, слѣдуетъ понимать подъ экспериментальнымъ романомъ.

Мнѣ придется, въ данномъ случаѣ, признать чужой трудъ, такъ какъ экспериментальный методъ былъ съ удивительною силой и ясностью установленъ Клодомъ Бернаромъ, въ его „Введеніи къ изученію опытной медицины“. Это сочиненіе ученаго, съ рѣшительнымъ авторитетомъ, будетъ мнѣ служить твердымъ основаніемъ. Въ немъ я найду развитіе этого вопроса и ограничусь, для аргументаціи, цитатами, вторыя мнѣ будутъ необходимы. Итакъ, это будетъ только поминилія, текстомъ, такъ какъ я намѣренъ по всѣмъ пунктамъ держаться Клода Бернара. Чаще всего мнѣ будетъ достаточно замѣнить слово „экспериментаторъ“ или „медикъ“ словомъ — „романистъ“, чтобы придать своей мысли ясность и силу научной истины.

Что опредѣлило мой выборъ и остановило меня на „Введеніи“, такъ это то, что именно медицина, въ главахъ очень многихъ, остается еще на степеняхъ искусства, подобно роману. Клодъ Бернаръ, въ теченіи всей своей жизни, ратовалъ и стремился къ тому, чтобы поставить медицину на научный путь. Мы присутствуемъ здѣсь при первомъ локатѣ науки, выбивающейся изъ-подъ гнета эмпиризма, чтобы утвердиться на истинѣ, благодаря экспериментальному методу. Клодъ Бернаръ показываетъ, что этотъ методъ, примененный уже въ изученіи неодушевленныхъ тѣлъ, къ химіи и физикѣ, долженъ равнымъ образомъ утвердиться и въ изученіи одушевленныхъ тѣлъ, въ физиологій и медицинѣ. Я попытаюсь, въ свою очередь, показать, что если экспериментальный методъ ведетъ къ познанію жизни физик-

ческой, то онъ можетъ также привести къ познанию жизни чувственной и интеллектуальной. Здѣсь мы будемъ совершать этапы на ^{одномъ} и томъ же пути: отъ химіи къ физиологіи и отъ физиологіи къ антропологіи и соціологіи. Экспериментальный романъ на-
ходится въ концѣ этого пути.

Для болѣе ясности я считаю нужнымъ резюмировать здѣсь выразитѣ содержаніе „Введенія“. Примѣненіе, которое я сдѣлаю изъ текстовъ, будетъ понятнѣе, если планъ труда и предметъ, о кото-
ромъ онъ трактуетъ, будутъ извѣстны.

Клодъ Бернаръ, объяснивъ, что медицина вступаетъ отнынѣ на научный путь, опираясь на физиологію и благодаря экспериментальному методу, устанавливаетъ прежде всего различіе между наблюдательными и опытнымъ науками. Онъ приходитъ къ заключенію, что опытъ есть въ сущности не что иное, какъ искусственно добытое наблюдение. Великое экспериментальное рассужденіе основано на сомнѣніи, такъ какъ экспериментаторъ не долженъ имѣть никакого ^{предвзятого} мнѣнія относительно природы и обязанъ всегда сохра-
нять свободу сужденія. Онъ просто признаетъ происходящія явленія, если они доказаны.

Ватѣкъ, во второй части, онъ приступаетъ къ своей главной темѣ, указывая, что самопроизвольность живыхъ тѣлъ не представляетъ препятствій употребленію опытнаго метода. Все различіе происходитъ единственно отъ того, что неодушевленное тѣло находится во виѣшней и общей средѣ, тогда какъ элементы высшихъ организмовъ окружены внутреннею и болѣе совершенною средой, но одаренною теми же постоянными физико-химическими свойствами, какъ и ^{жизненная} среда. Далѣе существуетъ безусловный детерминизмъ въ условіяхъ существованія природныхъ явленій, какъ для живыхъ, такъ и для неодушевленныхъ тѣлъ. Онъ называетъ „детерминизмомъ“ — причину, опредѣляющую возникновеніе явленій. Эта ближайшая причина, какъ онъ ее называетъ, есть не что иное, какъ физическое и матеріальное условіе существованія или обнаруженія явленія. Итакъ, цѣль экспериментальнаго метода или конецъ научнаго изысканія одинаковъ для одушевленныхъ и неодушевленныхъ тѣлъ; онъ заключается въ изысканіи отношенія какого-нибудь явленія къ его ближайшей причинѣ, или, иначе говоря, въ опредѣленіи условій, необходимыхъ для обнаруженія этого явленія. Экспериментальная наука не должна заботиться о томъ, почему происходятъ вещи; она объясняетъ только, какъ онѣ происходятъ, не болѣе.

Напоминая экспериментальныя соображенія, общія для живыхъ существъ и неодушевленныхъ тѣлъ, Клодъ Бернаръ переходитъ къ экспериментальнымъ соображеніямъ, специально относящимся до жи-

ныхъ существъ. Великое и единственное различіе состоитъ въ томъ, что въ организмѣ живыхъ существъ явленія представляютъ гармоническое цѣлое. Затѣмъ онъ толкуетъ объ экспериментальной практикѣ надъ живыми существами, о индукціи, о нормальной и патологической анатоміи въ ихъ отношеніяхъ къ индукціи, о предварительныхъ анатомическихъ условіяхъ, о выборѣ животныхъ, объ употребленіи вычисленій при изученіи явленій, наконецъ о лабораторіи физиолога.

Потомъ, въ послѣдней части „Введенія“ Клодъ Бернаръ предлагаетъ примѣры экспериментальнаго физиологическаго изслѣдованія, съ цѣлью утвердить свои идеи. Далѣе онъ представляетъ примѣры экспериментальной физиологической критики. И заканчиваетъ, указывая на философскія преграды, которыя встрѣчаетъ экспериментальная медицина. На первомъ мѣстѣ онъ ставитъ ложное примѣненіе физиологій къ медицинѣ, научное невѣжество, равно какъ и невѣстная иллюзіи медицинскаго ума. Впрочемъ, онъ заключаетъ словами, что эмпирическая и экспериментальная медицина, не будучи вовсе несовмѣстимыми, должны, напротивъ того, снисходительно относиться другъ къ другу. И послѣднее слово книги, это—что экспериментальная медицина не соответствуетъ никакой медицинской доктринѣ и никакой философской системѣ.

Вотъ, въ самыхъ общихъ чертахъ, осто́въ „Введенія“, лишенный своей плоти. Надѣюсь, что этого быстрого изложенія будетъ достаточно, чтобы наполнить пробѣлы, которые роковымъ образомъ произойдутъ при моемъ способѣ изложенія, такъ какъ я, естественно, употребляю въ дѣло только необходимыя для опредѣленія и комментирования экспериментальнаго романа цитаты. Повторяю, это только почва, на которую я опираюсь, и почва богатая аргументами и доказательствами всякаго рода. Экспериментальная медицина, еще ленивая, одна можетъ дать намъ точную идею объ экспериментальной литературѣ, которая, будучи въ зародкѣ, не можетъ еще и лепетать.

I.

Прежде всего представляется такого рода вопросъ: возмозно ли въ литературѣ, гдѣ, до сихъ поръ, шло, употреблялось наблюденіе, опытъ?

Клодъ Бернаръ долго разсуждаетъ о наблюденіи и опытѣ. Вѣрно то, что существуетъ прежде всего весьма опредѣленная демаркаціонная линія. „Вотъ она: или наблюдатель даетъ тому, кто употребляетъ простые и сложные процессы изслѣдованія при изученіи явле-

ний, не заставляя ихъ измѣняться и, слѣдовательно, причиняя ихъ такими, какими предлагаетъ природа; нѣя экспериментатора дають тому, кто употребляетъ простые или сложные процессы изслѣдованія, чтобы разнообразить или измѣнить, съ извѣстною цѣлью, явленія природы и заставлять ихъ появляться въ такихъ обстоятельствахъ или условіяхъ, въ какихъ природа ихъ не представляетъ". Напримѣръ, астрономія есть наука наблюдательная, такъ какъ нельзя себя представить астронома, дѣйствующаго на звѣзды, между тѣмъ какъ химія наука экспериментальная, такъ какъ химикъ дѣйствуетъ на природу и измѣняетъ ее. Таково, по мнѣнію Клода Бернара, единственное дѣйствительно важное различіе, отдѣляющее наблюдателя отъ экспериментатора.

Я не могу слѣдить за нимъ въ его разсужденіи о различныхъ опредѣленіяхъ, существовавшихъ до настоящаго времени. Какъ я сказалъ, онъ заканчиваетъ заключеніемъ, что опытъ въ сущности есть искусственно добытое наблюденіе. Цитирую: „Въ экспериментальномъ методѣ изысканіе фактовъ, т.-е. изслѣдованіе, сопровождается всегда разсужденіемъ, такъ что чаще всего экспериментаторъ дѣлаетъ опытъ, чтобы проверить или оправдать значеніе экспериментальной идеи. Тогда можно сказать, что въ этомъ случаѣ опытъ есть наблюденіе, искусственно произведенное съ цѣлью проверки“.

Но, чтобы опредѣлить, чего можно ожидать отъ наблюденія и опыта въ натуралистическомъ романѣ, нѣтъ нужно только привести слѣдующія строки: „Наблюдатель, просто-на-просто, констатируетъ явленіе, происходящее передъ его глазами... Онъ долженъ быть фотографомъ явленія, его наблюденіе должно въ точности представлять природу... Онъ слушаетъ природу и пишетъ подъ ея диктовку. Не разъ констатированъ фактъ и явленіе хорошо наблюденно, появляется идея, выѣшивается разсужденіе и „экспериментаторъ“ является истолкователемъ явленія. „Экспериментаторъ“ есть тотъ, кто въ силу болѣе или менѣе вѣроятнаго, но заранее составленнаго истолкованія наблюденныхъ явленій, устраиваетъ опытъ такимъ образомъ, что въ логическомъ порядкѣ предвидѣній онъ доставляетъ результатъ, служащій провѣрною гипотезѣ или предвѣстной идеѣ... Съ того момента, какъ результатъ опыта обнаруживается, экспериментаторъ находится лицомъ къ лицу съ настоящимъ наблюденіемъ, которое онъ добылъ, и которое нужно констатировать, какъ вѣрное наблюденіе, безъ предвѣстной идеи. Экспериментаторъ долженъ тогда исчезнуть или скорѣе мгновенно превратиться въ наблюдателя; и не прежде, какъ когда онъ констатируетъ результаты опыта совершенно также, какъ обыкновеннаго наблюденія, его умъ возвращается къ разсужденію, сравненію и сужденію, оправдалась ли его экспериментальная гипотеза или уничтожилась этими самыми результатами“.

Въ этомъ весь механизмъ. Отъ неинного запутанъ и Клоду Бернару пришлось сказать: „Когда все это прошло разомъ въ головахъ ученаго, предающагося изслѣдованіямъ такой смутной науки, какою еще представляется медицина, то является такая запутанность между окончательными результатами наблюденій и тѣмъ, что принадлежитъ къ опыту, что было бы невозможно и притомъ бесполезно желать анализировать оба эти термина, въ нихъ безвыходномъ смѣшеніи“. Въ результатъ, можно сказать, что наблюденіе „показываетъ“, а опытъ „научаетъ“.

Ну, вотъ, возвратившись въ роману, мы, видимъ равнымъ образомъ, что романистъ состоитъ изъ наблюдателя и экспериментатора. Наблюдатель въ немъ даетъ факты таковыми, какъ онъ ихъ замѣтилъ, нелагаетъ точну отправленія, утверждаетъ твердую почву, на которой пойдутъ его дѣйствующія лица и станутъ развиваться явленія. Потомъ является экспериментаторъ и устраиваетъ опытъ, а хочу сказать, заставляетъ дѣйствующихъ лицъ дѣйствовать въ частной исторіи, чтобы показать, что ихъ поступки будутъ таковы, какихъ требуетъ детерминизмъ изучаемыхъ явленій. Почти всегда здѣсь происходитъ опытъ, „чтобы видѣть“, какъ выражается Клодъ Бернаръ. Романистъ отправляется на изысканіе истины, или, скорѣе, механизма истины. Я возьму, какъ примѣръ, личность барона Гюло, въ „Comme Bette“ Бальзака. Общій фактъ, наблюденный Бальзакомъ, это вродѣ, который страстный темпераментъ человѣка приносить ему самому, семейству и обществу. Разъ выбравъ сюжетъ, онъ отправился отъ наблюденныхъ фактовъ, потомъ произвелъ свой опытъ, подчиняя Гюло цѣлой серіи искутаній, заставляя его дѣйствовать въ различной средѣ, чтобы показать функционированіе механизма его страсти. Итакъ, очевидно, что здѣсь не только наблюденія, но и опытъ, потому что Бальзакъ не является строгимъ фотографомъ собранныхъ фактовъ, потому что онъ прямо вымѣнивается, ставя своего героя въ условія, которыхъ самъ остается хозяиномъ. Задача въ томъ, чтобы узнать, какія будутъ послѣдствія известной страсти, дѣйствующей въ известной обстановкѣ и условіяхъ, съ точки зрѣнія индивидуума и общества; и экспериментальный романъ, напримѣръ „Comme Bette“, есть только протоколъ опыта, который романистъ повторяетъ передъ глазами публики. Въ результатъ вся операція состоитъ въ томъ, чтобы взять факты въ природѣ, затѣмъ изучать ихъ механизмъ, дѣйствуя на явленія посредствомъ намѣненія обстоятельствъ и среды, не удаваясь никогда отъ законовъ природы. Въ концѣ-концовъ является знаніе человѣка, научное знаніе, въ его индивидуальныхъ и социальныхъ дѣйствіяхъ.

Весь сомнѣніи, мы далеки здѣсь отъ книжной и даже филь-

летической точности. Мы еще совершенно не знаем реактивов, которые разлагают страсти и позволяют их анализировать. Мне придется часто напоминать въ этомъ отношеніи, что экспериментальный романъ еще молодое, чѣмъ экспериментальная медицина, которая, однако, еще только едва наредилась. Но дѣло здѣсь идетъ вовсе не о томъ, чтобы констатировать добрые результаты: я просто желаю ясно наложить самый методъ. Если экспериментальный романъ пробирается еще еще въ самой темной и запутанной изъ наукъ, то это не мѣшаетъ наукѣ существовать. Нельзя отрицать, что натуралистическій романъ, какъ мы его понимаемъ нынѣ, есть настоящій опатъ, производимый романистомъ надъ человекомъ, при помощи наблюденія.

Впрочемъ, это мнѣніе не мое только, оно принадлежитъ равнымъ образомъ Клоду Бернару.

Онъ говоритъ между прочимъ: „въ практической жизни, люди только и дѣлаютъ опыты другъ надъ другомъ“. И что еще убѣдительно, вотъ цѣлая теорія экспериментальнаго романа: „разсуждая о своихъ собственныхъ поступкахъ, мы имѣемъ вѣрнаго руководителя, такъ какъ знаемъ, что думаемъ и что чувствуемъ. Но если мы хотимъ судить о поступкахъ другого человѣка и знать причины, побуждающія его дѣйствовать, — то это совершенно другое дѣло. Безъ сомнѣнія, мы имѣемъ передъ глазами движенія этого человѣка и его выраженія, которые, какъ мы въ томъ увѣрены, суть способъ выраженія и чувствительности его воли. Сверхъ того, мы признаемъ еще, что между его дѣйствіями и ихъ причиной существуетъ необходимая связь; не что это за причина? Мы не ощущаемъ ее въ себѣ, мы не сознаемъ ее, какъ тогда, когда дѣло идетъ о насъ самихъ; итакъ, мы принуждены выносить ее, предполагать ееобразно поступкамъ, которые мы видимъ, и словамъ, которыми мы слышимъ. Тогда мы должны протѣрять поступки этого человѣка одинъ другимъ; мы разсматриваемъ какъ онъ дѣйствуетъ при такихъ-то обстоятельствахъ, и, однимъ словомъ, мы прибѣгаемъ къ экспериментальному методу“. Все, что я говорилъ выше, развилось изъ этой послѣдней фразы, которую произнесъ ученый.

Приведу еще слѣдующее сравненіе Клода Бернара, которое меня очень поразило: „экспериментаторъ есть судебный слѣдователь приради“. Мы, романисты, мы — судебные слѣдователи людей и ихъ страстей.

Но взгляните, какой свѣтъ является, когда становимся на точку вѣрнаго экспериментальнаго метода, примененнаго къ роману со всею научною строгостью, которую допускаетъ нынѣ этотъ предметъ. Намъ, писателямъ-натуралистамъ, дѣлаютъ глухой упрямъ,

что мы хотимъ быть только фотографами. Какъ мы ни уверяемъ, что принимаемъ во вниманіе темпераментъ, личное выраженіе, напѣтъ не менѣе продолжаютъ приводить нелѣпые аргументы о возможности держаться строгой истины, о необходимости подбирать факты для того, чтобы создать какое бы то ни было произведеніе искусства. И вотъ, съ примѣненіемъ экспериментальнаго метода къ роману, всѣ эти жалобы прекращаются. Идея опыта влечетъ за собой идею измѣненія. Мы отираемся отъ истинныхъ фактовъ, которые составляютъ наше неразрушимое основаніе; но чтобы показать механизмъ фактовъ, мы должны производить и направлять явленія; это и составляетъ изобрѣтательную часть въ нашемъ трудѣ. Такимъ образомъ, не обращаясь къ вопросамъ о формѣ, о стилѣ, которые я рассмотрю поздѣе, я могу констатировать съ этого момента, что мы должны измѣнять природу, не выходя изъ границъ природы, когда употребляемъ экспериментальный методъ. Обращаясь мысленно къ опредѣленію: наблюденіе указываетъ, опытъ учитъ — мы можемъ смѣло требовать для своихъ книгъ этихъ указаній опыта.

Писатель при этомъ не только не умалится, но необыкновенно вырастаетъ. Опытъ, даже самый простой, всегда основанъ на идеѣ, которая сама родилась изъ наблюденія — какъ это говоритъ Клодъ Вернаръ: „экспериментальная идея вовсе не произвольна, не есть плодъ фантазіи; она должна всегда имѣть точку опоры въ наблюденной дѣйствительности, т.-е. въ природѣ“. На этой-то идеѣ и на сомнѣніи основывается весь методъ. „Появленіе экспериментальной идеи,—говоритъ онъ далѣе,—совершенно самопроизвольно и природа ея чисто индивидуальная; личное чувство, какое-то *quid proprium* составляетъ оригинальность, изобрѣтательность; гений каждаго“. Затѣмъ онъ дѣлаетъ изъ сомнѣнія великій научный ричагъ: „сомнѣвающийся есть истинный ученый; но онъ сомнѣвается только въ себѣ самомъ и въ своихъ толкованіяхъ, а вѣрится въ науку; онъ принимаетъ даже въ экспериментальныхъ наукахъ критеріумъ или абсолютный научный принципъ, — детерминизмъ явленій, который абсолютенъ для явленій какъ живыхъ, такъ и неодушевленныхъ тѣлъ“. Такимъ-то образомъ экспериментальный методъ, въѣхавъ того, чтобы заключать романиста въ узкихъ границахъ, открываетъ широкій путь его уму мыслителя и его творческому гению. Ему нужно будетъ видѣть, понимать, изобрѣтать. Изъ наблюденія фактовъ должна будетъ явиться идея опыта, который необходимо произвести, романъ, который необходимо написать, чтобы достигнуть полнаго познанія истины. Потомъ, обсудивъ и установивъ планъ этого опыта, онъ каждую минуту будетъ обсуждать результаты съ свободой мысли чловека, принимающаго только факты, соответствующіе детерми-

ншему явлению. Начиная сомнѣніемъ, онъ перестаетъ сомнѣваться только тогда, когда механизмъ страсти, разобранный и собранный имъ, функционируетъ, сообразно постояннымъ законамъ природы. Нѣтъ болѣе широкаго и свободнаго дѣла для человѣческаго ума. Мы увидимъ далѣе жалкую нищету схоластиковъ, светскихъ и теоретиковъ идеала, на ряду съ терпѣливостью экспериментаторовъ.

Резюмируя эту послѣднюю часть, повторяю, что романисты-натуралисты наблюдаютъ и производятъ опыты, и что всякое ихъ произведеніе рождается изъ сомнѣній, съ которыми они останавливаются передъ дурно-понятыми истинами, необъяснимыми явлениями, до тѣхъ поръ, пока экспериментальная идея не пробудитъ внезапно ихъ гения и не заставитъ ихъ произвести опытъ, чтобы анализировать факты и овладѣть ими.

II.

Таковъ экспериментальный методъ. Не долгое время отрицали возможность примѣненія этого метода къ живымъ тѣламъ. Это самый важный пунктъ вопроса, который я рассмотрю вкратчѣ съ Клодомъ Вернаромъ. Разсужденіе очень просто: если экспериментальный методъ могъ быть перевнесенъ изъ химіи и физики въ физиологію и медицину, онъ можетъ быть примѣненъ и къ натуралистическому роману.

Къ тому, чтобы не цитировать другого ученаго, утверждалъ, что опытъ, примѣнимый къ неодушевленнымъ тѣламъ, непримѣнимъ къ живымъ; физиологія, по его мнѣнію, должна была быть наукой чистаго наблюденія и анатомической дедукціи. Виталисты принимали жизненную силу, которая находилась, въ живыхъ тѣлахъ, въ безпрестанной борьбѣ съ физико-химическими силами и нейтрализовала ихъ дѣйствіе. Клодъ-Бернаръ, напротивъ, отрицаетъ всякую таинственную силу и утверждаетъ, что опытъ применимъ всюду. „Я предполагаю,—говоритъ онъ,—доказать, что наука о живыхъ явленіяхъ, не можетъ имѣть иныхъ основаній, чѣмъ наука о явленіяхъ неодушевленныхъ тѣлъ, и что въ этомъ отношеніи нѣтъ никакого различія между принципами биологическихъ и физико-химическихъ наукъ. Въ самомъ дѣлѣ, цѣль, поставленная себѣ экспериментальнымъ методомъ, одна и та же всюду; она заключается въ нахожденіи посредствомъ опыта связи между явлениями природы и условіями ихъ существованія или ближайшими причинами“.

Мнѣ кажется бесполезнымъ входить въ многосложныя объясненія и разсужденія Клода Вернара. Я сказалъ, что онъ настаиваетъ на

существованіи внутренней среды у живыхъ существъ. „Въ экспериментациі надъ неодушевленными тѣлами, — говоритъ онъ, — приходится имѣть дѣло только съ одной бесчисленной внѣшней средой; между тѣмъ какъ у живыхъ существъ съ болѣе высокою организаціей есть, по крайней мѣрѣ, двѣ среды: внѣшняя, или энотра-органическая, и внутренняя, или нитра-органическая. Сложность, обусловливаемая существованіемъ внутренней органической среды, есть единственная причина великихъ затрудненій, встречаемыхъ нами при экспериментальномъ опредѣленіи жизненныхъ явленій и въ приложеніи средствъ, способныхъ ее повліять“. И исходя изъ этого мнѣнія онъ утверждаетъ, что для физиологическихъ элементовъ, погруженныхъ во внутреннюю среду, существуютъ вполне опредѣленные законы, какъ и для элементовъ химическихъ, окруженныхъ внѣшней средой. Слѣдовательно, надъ живымъ существомъ можно производить опыты такъ же, какъ надъ неодушевленнымъ тѣломъ; нужно только поставить его въ желаемыя условія.

Я настаиваю на этомъ, потому что, повторяю, важный пунктъ вопроса находится здѣсь. Клодъ Бернаръ, говоря о виталистахъ, пишетъ еще: „они разсматриваютъ жизнь, какъ таинственное и сверхъ-естественное вліяніе, которое дѣйствуетъ самопроизвольно, освобожденное отъ всякаго детерминизма, и называютъ материалистами всѣхъ тѣхъ, которые стараются подвести жизненные явленія подъ опредѣленные органическія и физико-химическія условія. Это ложныя идеи, которыя не легко уничтожаются, разъ онѣ получили право господства въ умахъ; только прогрессъ науки заставитъ ихъ исчезнуть“. И онъ предлагаетъ слѣдующую аксіому: „у живыхъ существъ точно такъ же, какъ у неодушевленныхъ тѣлъ, условія существованія всякаго явленія безусловно опредѣлены“.

Остаиваюсь, чтобы не слишкомъ запутать разсужденіе. Мы видимъ, что въ прогрессѣ науки въ прошломъ столѣтіи болѣе точное прилженіе экспериментальнаго метода создаетъ химию и физиологию, которыя освобождаются отъ всего ирраціональнаго и сверхъ-естественнаго. Благодаря анализу, отвергаютъ существованіе строгихъ законовъ; подчиняютъ своей волѣ явленія. Потому переходятъ новую ступень. Органическія тѣла, въ которыхъ виталисты предполагали еще какую-то таинственную силу, въ свою очередь приводятся къ общему механическому матерію. Наука доказываетъ, что условія существованія всякаго явленія одни и тѣ же, какъ въ живыхъ, такъ и въ неодушевленныхъ тѣлахъ; и съ этихъ поръ физиологія принимаетъ мало-по-малу точность химіи и физики. Не остановятся ли на этомъ? Очевидно, нѣтъ. Когда будетъ доказано, что тѣло человѣка есть машина, колеса которой можно будетъ въ одинъ про-

красный день разобратъ и собрать по волѣ экспериментатора, придется перейти къ чувственнымъ и интеллектуальнымъ дѣйствіямъ человѣка. Машина дѣйствуетъ неизвѣстными образомъ, но опредѣленными законамъ; слѣдовательно, и продукты машины, мысли, чувства, дѣйствія регулированы опредѣленными законами, или, иначе сказать, для нихъ существуетъ детерминизмъ, который можно уразумѣть посредствомъ анализа, подчинивъ своей волѣ явленія. И послѣ этого мы входимъ въ область, принадлежавшую до сихъ поръ философіи и литературѣ; это рѣшительное завоеваніе наукой гипотезъ философовъ и писателей.

У насъ есть экспериментальная физика и химія; у насъ будетъ экспериментальная физиологія и медицина; еще позднѣе явится экспериментальный романъ. Это роковая прогрессія, послѣднее звено которой легко предвидѣть уже теперь. Все здѣсь соприсматривается между собой, должно было отправиться отъ детерминизма неодушевленныхъ тѣлъ, чтобы придти къ детерминизму живыхъ, и теперь, когда ученые, въ родѣ Клода Бернара, доказываютъ, что человѣческіе тѣла управляются опредѣленными законами, можно, не опасаясь ошибки, предвидѣть часъ, когда законы мысли и страстей будутъ формулированы въ свою очередь. Камень дороги и мозгъ человѣческій подчинены одинаковому детерминизму.

Это вовсе не гипотеза съ моей стороны — это живѣе находится во „Введеніи“; я не могу постоянно повторять, что всѣ мои аргументы заимствованы у самого Клода Бернара. Объяснивъ, что совершенно спеціальныя явленія могутъ быть результатомъ все болѣе и болѣе сложной связи или ассоціаціи органическихъ элементовъ, онъ пишетъ слѣдующее: „Я убѣжденъ, что пренятствія, окружающія экспериментальное изученіе психическихъ явленій, происходятъ болѣею частью отъ затрудненій этого рода, такъ какъ, несмотря на ихъ таинственную природу и тонкость ихъ проявленія, невозможно, по моему мнѣнію, не подчинить мозговымъ явленіямъ, подобно другимъ явленіямъ живыхъ тѣлъ, законамъ научнаго детерминизма“. Это ясно. Съ теченіемъ времени, наука, безъ сомнѣнія, найдетъ этотъ детерминизмъ всѣхъ мозговыхъ и чувственныхъ явленій человѣка.

Итакъ, съ настоящаго времени наука входитъ въ область, принадлежащую намъ, романистамъ, — намъ, которые съ этихъ поръ дѣлаемся анализаторами человѣка, въ его личной и общественной дѣятельности. Мы продолжимъ своими наблюденіями и опытами дѣло физиолога, который продолжалъ дѣло физика и химика. Мы создаемъ въ некоторомъ родѣ научную психологію, чтобы дополнить научную физиологію; и, чтобы закончить развитіе, мы должны только приий-

нить въ нашихъ этюдахъ о природѣ и человѣкѣ рѣшительное орудіе экспериментальнаго метода. Мы должны работать надъ характерами, страстями, надъ человѣческими и социальными фактами, какъ химики и физики работаютъ надъ неодушевленными тѣлами, какъ физиологи работаютъ надъ живыми тѣлами. Детерминизмъ господствуетъ всюду. Научное исследование, экспериментальное разсужденіе поражаютъ одну за другой гипотезы идеалистовъ и замѣняютъ созданія чистаго воображенія созданіями наблюденія и опыта.

Конечно, я не думаю формулировать здѣсь законы. При настоящемъ положеніи науки о человѣкѣ, смутность и темнота слишкомъ велики для того, чтобы нусаться въ снятезъ. Можно только сказать, что для всѣхъ человѣческихъ явленій существуетъ безусловный детерминизмъ. Поэтому исследование становится обязанностью. Мы имѣемъ методъ, мы должны идти впередъ, если бы даже усилія кѣлой жизни увеличались только частицей истины. Взгляните на физиологію: Клодъ Бернаръ сдѣлалъ великія открытія, и умеръ, признаваясь, что еще ничего не знаетъ. На каждой страницѣ онъ признается въ затруднительности своей задачи. „Въ отношеніяхъ явленій,—говоритъ онъ,—нами представляется нхъ намъ природа, существуетъ всегда болѣе или менѣе значительная сложность. Въ этомъ отношеніи сложность минеральныхъ явленій гораздо менѣе значительна, чѣмъ сложность явленій живыхъ: вотъ почему науки, изучающія неодушевленные тѣла, установились скорѣе. Въ живыхъ тѣлахъ явленія отличаются чрезвычайной сложностью, и притомъ быстрая измѣняемость живыхъ свойствъ дѣлаетъ ихъ гораздо болѣе трудными для пониманія и опредѣленія“. Чтѣ же сказать въ такомъ случаѣ о затрудненіяхъ, которыя должна встрѣтить научная психологія, экспериментальный романъ, который заимствуетъ у физиологіи свои познанія о наиболее сложныхъ и тонкихъ органахъ, который занимается самыми высшими проявленіями человѣка, какъ индивидуума и какъ общественнаго члена. Очевидно, анализъ здѣсь еще болѣе усложняется. Этимъ объясняется, что если физиологія теперь становится на твердую почву, экспериментальный романъ дѣлаетъ въ ней еще только первые шаги. Его можно провѣдѣть, какъ необходимое послѣдствіе научнаго развитія нашего вѣка, но его еще невозможно утвердить на точныхъ законахъ. Когда Клодъ Бернаръ говоритъ объ „ограниченныхъ и шатающихся истинахъ біологической науки“, можно сознаться, что истины науки о человѣкѣ еще болѣе шатки и ограничены. Мы еще свѣтываемся; мы послѣдніе явились на поприще научныхъ познаній о человѣкѣ; но это должно намъ служить только лишнею побудительною причиною для точнаго изученія, разъ мы имѣемъ орудіе — экспериментальный методъ и опре-

дѣленную цѣль — познаніе детерминизма явленій и подчиненіе ихъ себѣ.

Не рискуя формулировать законы, я полагаю, что вопросъ о наслѣдственности имѣетъ весьма значительное вліяніе въ интеллектуальныхъ и чувственныхъ проявленіяхъ человѣка. Я придаю также огромную важность средѣ. Слѣдовало бы заняться теоріей Дарвина; но здѣсь я даю только общій очеркъ экспериментальнаго метода въ примѣненіи къ роману, и я заблудился бы, оставивши въ подробностяхъ. Я просто скажу одно слово о средѣ. Мы только-что видѣли, какую рѣшительную важность придаетъ Клодъ Бернаръ изученію интра-органической среды, которую должно принять въ расчетъ, если хочешь найти детерминизмъ явленій у живыхъ существъ. Ну, вотъ, при изученіи семейства, группы живыхъ существъ, я равнымъ образомъ придаю чрезвычайную важность средѣ. Когда-нибудь физиологія, безъ сомнѣнія, объяснитъ намъ механизмы мысли и чувства, мы узнаемъ, какъ функционируетъ индивидуальная машина человѣка; какъ онъ думаетъ, какъ онъ любитъ, какъ переходитъ отъ разума къ страсти и сумасшествію; но эти явленія, эти факты механизма органовъ, дѣйствуя подъ вліяніемъ внутренней среды, не проявляются наружу изолированными и въ пустотѣ. Человѣкъ не одинокъ, онъ живетъ въ обществѣ, въ социальной средѣ, и, слѣдовательно, для насъ, романистовъ, эта социальная среда непрерывно измѣняетъ явленія. Тутъ-то и лежитъ наша великая задача — во взаимодействіи общества на индивидуумъ и индивидуума на общество. Физиологъ имѣетъ дѣло съ чисто-химической и физической внѣшней и внутренней средой, почему и можетъ довольно удобно находить ея законы. Мы не имѣемъ возможности доказать, что социальная среда не есть также химическая и физическая. Конечно, она такова и есть, или, скорѣе, она есть измѣняющійся продуктъ группы существъ, которые безусловно подчинены химическимъ и физическимъ законамъ, управляющимъ какъ живыми, такъ и неодушевленными тѣлами. Далѣе мы увидимъ, что можно дѣйствовать на социальную среду, воедѣйствуя на явленія, которые мы подчинимъ своей волѣ у человѣка. А въ этомъ-то и состоитъ предметъ экспериментальнаго романа: овладѣть механизмомъ явленій у человѣка, опредѣлить пружины интеллектуальныхъ и сенсуальныхъ проявленій, которыя намъ объяснитъ физиологія, подъ вліяніемъ наслѣдственности и окружающихъ обстоятельствъ; затѣмъ показать человѣка живущимъ въ социальной средѣ, которую онъ самъ произвелъ, которую онъ счастливо измѣняетъ, и въ которой онъ самъ переживаетъ постоянное преобразование. Въ эту минуту мы опираемся на физиологію, мы принимаемъ изъ рукъ физиолога изолированного человѣка,

чтобы продолжать разрѣшеніе проблемы и научнымъ образомъ рѣшить вопросъ, какъ ведутъ себя люди, разъ они находятся въ обществѣ.

Этихъ общихъ идей достаточно, чтобы руководить нами теперь. Позднѣе, когда наука подвинется впередъ, когда экспериментальный романъ дастъ рѣшительные результаты, чья-нибудь критика съ точностью опредѣлитъ то, на что я только указалъ сегодня.

Въ другомъ мѣстѣ Клодъ Бернаръ признается, насколько затруднительно приложеніе экспериментальнаго метода къ живымъ существамъ: „Живое тѣло,—говоритъ онъ,—въ особенности у высшихъ животныхъ, никогда не теряетъ физико-химической зависимости отъ внѣшней среды, ему присуще безпрестанное движеніе, органическое развитіе, повидимому, самопроизвольное и постоянное, и хотя это развитіе нуждается во внѣшнихъ обстоятельствахъ, чтобы проявиться наружу, однако, оно зависитъ отъ нихъ въ своемъ движеніи и своихъ качествахъ“. И онъ заключаетъ, какъ я уже сказалъ: „Въ результатѣ, только въ физико-химическихъ условіяхъ внутренней среды можемъ мы найти детерминизмъ внѣшнихъ явленій жизни“. Но какія бы усложненія ни представлялись, и даже если представляются спеціальныя явленія, строгое примѣненіе экспериментальнаго метода остается въ полной силѣ. „Если жизненные явленія сложны и, повидимому, отличаются отъ явленій въ неодушевленныхъ тѣлахъ, то они представляютъ это отличіе только въ силу свойственныхъ имъ опредѣленныхъ или опредѣлимыхъ условій. Итакъ, если наука о жизни должна отличаться отъ другихъ своими объясненіями и своими спеціальными законами, она не отличается научнымъ методомъ.

Мнѣ нужно сказать еще нѣсколько словъ о границахъ, которыя Клодъ Бернаръ ставитъ для науки. По его мнѣнію, мы никогда не знаемъ *причины* вещей, но можемъ знать только, *какъ* они происходятъ. Это онъ выражаетъ въ слѣдующихъ словахъ: „Природа нашего ума заставляетъ насъ искать сущность или причину вещей. Въ этомъ отношеніи мы ищемъ больше, чѣмъ можемъ достигнуть; такъ нашъ опытъ насъ научаетъ, что мы не можемъ выходить за предѣлы *какимъ образомъ*, то-есть ближайшей причины или условій существованія явленій“. Далѣе онъ даетъ слѣдующій примѣръ: „Если мы не можемъ знать, *почему* онѣмъ и его алкалоиды усыпляютъ, то можемъ изучить механизмъ сна и знать, *какъ* онѣмъ или его элементы усыпляютъ; ибо сонъ имѣетъ мѣсто только потому, что дѣйтельное вещество приходитъ въ соприкосновеніе съ нѣвѣстными органическими элементами, которые измѣняетъ“. И практическое заключеніе таково: „Наука именно имѣетъ привилегію насъ обучать тому, чего мы не знаемъ, замѣняя чувство разумомъ и опытомъ и ясно

показывая намъ предѣлъ нашихъ дѣйствительныхъ знаній. Но за то, по мѣрѣ того, какъ наука сбиваетъ нашу гордость, она въ награду усиливаетъ наше могущество". Всѣ эти разсужденія строго примѣняются къ экспериментальному роману. Онъ долженъ держаться ихъ, при изысканіи причинъ вещей, чтобы не заблудиться въ философскихъ умозрѣніяхъ, чтобы замѣнить идеальныя гипотезы медленными завоеваніемъ истины. Здѣсь его настоящая роль, отсюда онъ потерпаетъ, какъ мы увидимъ сейчасъ, свою „raison d'être" и свою мораль.

Итакъ, я пришелъ къ слѣдующему заключенію: экспериментальный романъ есть слѣдствіе научнаго развитія нашего вѣка; онъ захватываетъ и деволюируетъ фیزیологію, которая сама опирается на физику и химию; замѣняетъ изученіе абстрактнаго, метафизическаго челоѣка изученіемъ челоѣка естественнаго, подчиненнаго физико-химическимъ законамъ и опредѣляемаго вліяніемъ среды; однимъ словомъ, онъ—литература нашего научнаго вѣка, подобно тому, какъ классическая и романтическая литература соответствуютъ вѣку схоластики и теологіи. Теперь я перехожу къ великимъ вопросамъ приложенія и морали.

III.

Цѣль экспериментальнаго метода въ фیزیологіи и медицинѣ—изучать явленія, чтобы стать надъ ними хозяиномъ. Клодъ Бернаръ возвращается къ этой идее на каждой страницѣ своего „Введенія". Такъ, онъ объявляетъ: „вся естественная философія заключается въ словахъ: познать законы явленій. Вся экспериментальная задача приведена къ слѣдующему: предвидѣть и направлять явленія". Далѣе онъ приводитъ примѣръ: „для экспериментальнаго медика недостаточно будетъ, какъ для медика эмпирическаго, знать, что хина вызываетъ лихорадку, но главнымъ образомъ для него важно знать, что такое лихорадка и каковъ механизмъ, посредствомъ котораго хина исцѣляетъ ее. Все это важно для медика-экспериментатора, потому что разъ онъ будетъ это знать, фактъ исцѣленія лихорадки хиной не будетъ фактомъ эмпирическимъ и одиночнымъ, но слѣзуется фактомъ научнымъ. Этотъ фактъ будетъ связанъ тогда съ условіями, которыя присоединять его къ другимъ явленіямъ и, такимъ образомъ, мы придемъ къ познанію законовъ организма и къ возможности регулировать ихъ проявленія".

Поразительный примѣръ представляетъ случай чесотки: „теперь, когда причина чесотки извѣстна и опредѣлена экспериментально, все сдѣлалось научнымъ и эмпиризмъ исчезъ... Излечиваютъ всегда

и безъ исключенія, если становятся въ условія, узанныя экспериментальнымъ путемъ, для достиженія цѣли“.

Итакъ, такова цѣль, такова мораль экспериментальной физиологій и медицины: схѣлаться хозяиномъ жизни, чтобы управлять ею. Допустимъ, что наука двинулась впередъ, что завоеваніе неизвѣстнаго совершилось вполне, тогда научная эпоха, о которой мечталъ Клодъ Бернаръ, осуществится на дѣлѣ. Тогда медикъ станетъ господиномъ надъ болѣзнями; онъ будетъ лечить навѣрняка, онъ будетъ дѣйствовать надъ живыми тѣлами ради счастья и силы рода. Наступитъ вѣкъ, когда всемогущій человекъ подчинитъ себѣ природу и утилизируетъ ея законы, чтобы установить на землѣ возможно большую сумму справедливости и свободы. Нѣтъ цѣли благороднѣе, выше, величественнѣе. Въ этомъ и заключается наша роль, какъ существъ разумныхъ, проникнуть причину вещей, чтобы подчинить ихъ своей власти и привести ихъ въ состояніе послушныхъ колесъ.

Эта самая мечта экспериментальныхъ физиолога и медика есть также и мечта романиста, примѣняющаго къ естественному и социальному изученію человека экспериментальный методъ. Ихъ цѣль — наша цѣль; мы также хотимъ подчинить себѣ явленія интеллектуальныхъ и чувственныхъ элементовъ, чтобы быть въ состояніи управлять ими. Однимъ словомъ, мы моралисты-экспериментаторы, показывающіе посредствомъ опыта, какимъ образомъ дѣйствуетъ страсть въ социальной средѣ. Разъ мы овладѣемъ механизмомъ этой страсти, можно будетъ обсуждать и уменьшать ее, или по крайней мѣрѣ дѣлать ее какъ можно болѣе безобидной. Вотъ гдѣ лежатъ практическая польза и высокая мораль нашихъ натуралистическихъ трудовъ, экспериментирующихъ надъ человекомъ и надъ людьми, разбирающихъ и собирающихъ по частямъ человеческую машину, и заставляющихъ ее функционировать подъ вліяніемъ среды. Съ теченіемъ времени, когда законы будутъ изслѣдованы, останется только дѣйствовать на человека и на среду, чтобы достигнуть возможно лучшаго социального устройства. Такимъ-то образомъ мы создаемъ практическую социологію и наша работа помогаетъ политическимъ и экономическимъ наукамъ. Повторяю, я не знаю болѣе благороднаго труда и болѣе широкаго примѣненія. Быть господиномъ надъ добромъ со зломъ, управлять жизнью, управлять обществомъ, рѣшить, наконецъ, всѣ задачи социализма, въ особенности доставить твердыя основы правосудію, разрѣшая путемъ опыта криминальные вопросы, не значить ли это быть самыми полезными и нравственными тружениками въ человеческомъ трудѣ?

Сравните на минуту дѣло идеалистовъ-романистовъ съ нашимъ; я употребляю здѣсь слово „идеалисты“, желая указать на писателей, которые удаляются отъ наблюденія и опыта, чтобы основать свои

труды на сверх-естественномъ и ирраціональномъ, которые принимаютъ, однимъ словомъ, таинственные силы, исключая детерминизмъ явлений. Клодъ Вернаръ еще разъ отвѣтитъ за меня: „что отличаетъ экспериментальное разсужденіе отъ схоластическаго, такъ это непродуктивность одного и бесплодность другого. Именно схоластика, полагающая, что владѣть абсолютною истиною, ничего не достигаетъ: это понятно, потому что, по своему абсолютному принципу, она становится внѣ природы, въ которой все относительно. Напротивъ того, экспериментаторъ, который постоянно сомнѣвается, который не думаетъ, что владѣть абсолютнымъ знаніемъ чего бы то ни было, получаетъ власть надъ явленіями, окружающими его и расширяетъ свое могущество надъ природой“. Сейчасъ я возвращусь къ этому вопросу объ идеализмѣ, который въ сущности есть только индетерминизмъ. Клодъ Вернаръ справедливо говоритъ: „интеллектуальныя завоеванія человѣка состоятъ въ уменьшеніи и изгнаніи индетерминизма но мѣрѣ того, какъ съ помощью экспериментальнаго метода ему удастся подвинуться впередъ на принципъ детерминизма“. Идти отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, чтобы подчинять себѣ природу — вотъ надъ чѣмъ работаемъ мы, романисты-экспериментаторы; тогда какъ романисты-идеалисты умышленно остаются въ неизвѣстномъ, вслѣдствіе всевозможныхъ религіозныхъ и философскихъ предразсудковъ, подъ изумительнымъ предлогомъ, будто неизвѣстное благороднѣе и прекраснѣе извѣстнаго. Если бы наше дѣло, часто жестокое, наши страшныя картины имѣли нужду въ извиненіи, то я нашолъ бы у Клода Вернара слѣдующій рѣшительный аргументъ: „никогда не достигнуть дѣйствительно продуктивныхъ и свѣтлыхъ обобщеній относительно жизненныхъ явленій иначе, какъ занимаясь лично опытами, и возясь въ госпиталѣ, амфитеатрѣ и лабораторіи надъ зловоннымъ и трепетнымъ выстилизшемъ жизни... Если бы нужно было дать сравненіе, которое бы выражало мое мнѣніе о жизненной наукѣ, я сказалъ бы, что это пыльный, залитый свѣтомъ салонъ, въ который можно пробраться черезъ длинную и отвратительную кухню“.

Я настаиваю на словѣ „моралисты-экспериментаторы“, которое я употребилъ въ примѣненіи къ натуралистическимъ романистамъ. Одна страница „Введенія“ въ особенности поразила меня, именно та, гдѣ авторъ говоритъ о *circulus vitae*. Цитирую: „мускульные и нервныя органы поддерживаютъ дѣятельность органовъ, приготовляющихъ кровь; но кровь въ свою очередь поддерживаетъ питающіе ее органы. Здѣсь существуетъ органическая или социальная солидарность, поддерживающая родъ постоянного движенія, пока разстройство или остановка дѣятельности необходимаго жизненнаго элемента не нарушитъ равновѣсія или не повлечетъ за собой безпо-

редомъ или останеску въ ходѣ животной машины. Задача медико-экспериментатора заключается, слѣдовательно, въ томъ, чтобы отнестись простой детерминизмъ органическаго разстройства, т.-е. уловить начальное явленіе, влекущее за собою всѣ другія посредствомъ детерминизма сложнаго, но столь же необходимаго между его условіями, какъ былъ необходимъ начальный детерминизмъ... Мы увидимъ, какъ разложеніе организма или разстройство изъ самыхъ сложныхъ, повидимому, можетъ быть приведено къ простому начальному детерминизму, который вызываетъ затѣмъ болѣе сложные детерминизмы". Забудьте только слова „медикъ-экспериментаторъ“ словами „романистъ-экспериментаторъ“, и весь этотъ отрывокъ строго примѣняется къ нашей натуралистической литературѣ. Соціальный *circulus* идентиченъ съ жизненнымъ; въ обществѣ, какъ и въ человѣческомъ тѣлѣ, существуетъ солидарность, связующая между собою различные члены, различные органы, такъ что если загниетъ одинъ органъ, многіе другіе будутъ заражены и разовьется очень сложная болѣзнь. Поэтому, когда мы изслѣдуемъ въ своихъ романахъ тяжкую рану, заражающую общество, мы поступаемъ, какъ медикъ-экспериментаторъ, мы стараемся отыскать простой начальный детерминизмъ, чтобы перейти потомъ къ сложнымъ детерминизмамъ, дѣйствіе которыхъ слѣдуетъ своимъ чередомъ. Я снова приведу въ примѣръ барона Гюло, въ „Кузницѣ Веттѣ“. Взгляните на окончательный результатъ, на развязку романа: цѣлое семейство погублено; разигрались всевозможныя второстепенныя драмы, благодаря страстному темпераменту Гюло; здѣсь, въ этомъ темпераментѣ лежитъ начальный детерминизмъ; одинъ изъ членовъ общества, Гюло, заражается гангреной—и тотчасъ все перитаетъ вокругъ него, соціальный *circulus* непрежденъ, все общественное здоровье нарушается. Намирая въ особенности на личность барона Гюло, Вальзакъ проанализировалъ ее съ тщательной заботой. Опытъ прежде всего играть у него роль, потому что дѣло идетъ о томъ, чтобы овладѣть явленіемъ этой неловой страсти, чтобы направлять ее; представьте себѣ, что Гюло можетъ быть выключенъ или по крайней мѣрѣ удержанъ въ предѣлахъ безвредности, все продолженіе драмы не имѣетъ болѣе повода къ существованію, возобновляется равновѣсіе, или, лучше сказать, здоровье соціальнаго организма. Итакъ, романисты натуралистическаго направленія дѣйствительно моралисты-экспериментаторы.

Такии образы я перекажу къ вашему упреку, которыми думаютъ поразить романистовъ натуралистическаго направленія, называя ихъ фаталистами. Сколько разъ намъ хотѣли доказать, что разъ мы не признали свободной воли, разъ человѣкъ сдѣлался для насъ животной машиной, дѣйствующею подъ вліяніемъ наследственности и среды, мы знали въ грубый фатализмъ, мы невели человекамъ

на степень стада, гонимаго палкою судьбою! Нужно быть точными: мы не фаталисты, мы—детерминисты, а это вовсе не одно и то же. Клодъ Бернаръ объясняетъ очень хорошо эти два термина. „Мы дали имя детерминизма ближайшей или опредѣляющей (*déterminante*) причинѣ явленій. Мы вовсе не дѣйствуемъ надъ существомъ явленій природы, но только надъ ихъ детерминизмомъ, и потому одному, что мы воздействуемъ на него, детерминизмъ отличается отъ фатализма, на который нельзя воздействовать. Фатализмъ предполагаетъ необходимое обнаруженіе явленія независимо отъ его условій, между тѣмъ какъ детерминизмъ есть необходимое условіе явленія, обнаруженіе котораго не необходимо. Разъ, что изслѣдованіе детерминизма явленій принято за основной принципъ экспериментальнаго метода, нѣтъ болѣе ни матеріализма, ни спиритуализма, ни неодушевленной матеріи, ни живыхъ тѣлъ, есть только явленія, для которыхъ необходимо опредѣлять условія, т.-е. обстоятельства, играющія по отношенію къ этимъ явленіямъ роль ближайшей причины“. Это ясно. Мы только привѣсили этотъ методъ къ своимъ романамъ, и, такимъ образомъ, мы—детерминисты, старающіеся экспериментальными путями опредѣлить условія явленій, иногда не удаваясь въ своемъ изслѣдованіи отъ законовъ природы. Какъ очень хорошо говоритъ Клодъ Бернаръ,—съ того момента, какъ мы можемъ воздействовать и воздействуемъ на детерминизмъ явленій, имѣя, на примѣръ, среду, мы не фаталисты.

Итакъ, вотъ строго-опредѣленная нравственная роль романиста-экспериментатора. Часто я говорилъ, что мы не дѣлаемъ выводы изъ нашихъ трудовъ, и это значитъ, что наши труды въ себѣ сами содержатъ свои выводы. Экспериментаторъ не дѣлаетъ выводовъ потому именно, что онъ не даетъ вывода за него. Сто разъ, если нужно, онъ повторитъ свой опытъ передъ публикой,—онъ будетъ ей объяснять, но лично не будетъ имъ негодовать, ни одобрять: вотъ истина,—отъ общества зависитъ вызывать или нѣтъ это явленіе, сообразно тому—полезенъ или опасенъ его результатъ. Невозможно себѣ представить, говорилъ я въ другомъ мѣстѣ, ученаго, гнѣвавшагося на азотъ за то, что тотъ не годенъ для жизни; онъ удалитъ азотъ, когда тотъ вреденъ,—и только. Такъ какъ у насъ нѣтъ такой власти, какъ у этого ученаго, такъ какъ мы—экспериментаторы не можемъ быть практиками, то мы должны удовлетворяться изслѣдованіемъ детерминизма социальныхъ явленій, представляя законодателямъ и практическимъ дѣятелямъ заботу, развѣсивъ поудно, направляя эти явленія такимъ образомъ, чтобы хорошее развивалось, а дурное—уменьшалось, съ точнаго зрѣнія человѣческой пользы.

Вотъ наша роль, какъ моралистовъ-экспериментаторовъ. Мы не

казываемъ механизмъ полезнаго и вреднаго, мы объясняемъ детерминизмъ человѣческихъ и социальныхъ явленій, чтобы можно было со временемъ господствовать и управлять этими явленіями. Однимъ словомъ, мы на-ряду съ вѣкомъ трудимся надъ великой работой — подчиненіемъ природы, увеличеніемъ могущества человѣка. И посмотрите, на-ряду съ нашимъ, на трудъ писателей-идеалистовъ, опирающихся на сверхъ-естественное и иррациональное, у которыхъ за каждымъ порывомъ слѣдуетъ паденіе въ глубочайшій метафизическій хаосъ. На нашей сторонѣ сила, на нашей сторонѣ нравственность.

IV.

Я сказалъ, что мой выборъ остановился на „Взведеніи“ потому, что еще многіе смотрятъ на медицину, какъ на искусство. Клодъ Бернаръ доказываетъ, что она должна быть наукой, и мы присутствуемъ здѣсь при расцвѣтѣ науки, — эрѣище, которое само-по-себѣ поучительно и доказываетъ намъ, что область науки расширяется и обнимаетъ собою всѣ проявленія человѣческаго ума. Такъ какъ медицина, бывшая до сихъ норъ искусствомъ, дѣлается наукой, — почему бы самой литературѣ не сдѣлаться наукой, при помощи экспериментальнаго метода? Нужно замѣтить, что все сопрягается другъ съ другомъ: что если почва экспериментальной медицины есть человѣческое тѣло, въ явленіяхъ своихъ органовъ въ нормальномъ и патологическомъ состояніи, наша почва есть равнымъ образомъ человѣческое тѣло, въ его мозговыхъ и сенсуальныхъ явленіяхъ въ здоровомъ и болѣзненномъ состояніи. Если мы не останавливаемся на метафизическомъ человѣкѣ классическаго вѣка, намъ необходимо имѣть понятіе о новыхъ идеяхъ, составленныхъ нашимъ вѣкомъ, относительно природы и жизни. Повторю, мы необходимо продолжаемъ дѣло физиолога и медика, которые продолжали дѣло физика и химика. Поэтому мы входимъ въ область науки. Не затрагиваю покамѣстъ вопроса о чувствѣ и формѣ; о нихъ я говорилъ ниже.

Посмотримъ сначала, что Клодъ Бернаръ говоритъ о медицинѣ. „Нѣкоторые медики думаютъ, что медицина можетъ быть только гадательной и заключаютъ отсюда, что медикъ — это артистъ, который долженъ дополнить неопредѣленность частныхъ случаевъ своимъ гениемъ, своимъ личнымъ тактомъ. Это идеалъ анти-научный, противъ которыхъ должно возставать всѣми силами, потому что онъ-то и заставляетъ медицину косить въ томъ положеніи, въ которомъ она такъ долго пребываетъ. Всѣ науки необходимо бывають сначала гадательными, — еще теперь въ каждой наукѣ существуютъ гадательные отдѣлы. Я не отрицаю, что медицина еще почти все основана

на догадках; но я хочу только сказать, что современная наука должна дѣлать усилія, чтобы выбиться изъ этого предварительнаго состоянія, которое не составляетъ окончательнаго научнаго состоянія, какъ для медицины, такъ и для другихъ наукъ. Въ медицинѣ предстоитъ гораздо дольше устанавливать и гораздо труднѣе достигнуть научнаго состоянія по причинѣ сложности явленій; но цѣлью ученаго медика должно быть превратить въ своей наукѣ, такъ какъ и во всѣхъ другихъ, неопредѣленное въ опредѣленное. Здѣсь цѣлый механизмъ рожденія и развитія науки. На медицина еще смотреть какъ на артиста, потому что въ медицинѣ остается огромное мѣсто для догадокъ. Естественно, что романистъ болѣе заслужить нѣмъ артиста, такъ какъ онъ еще болѣе погруженъ въ неопредѣленное; и если Клодъ Вернарь признается, что сложность явленій долгое время будетъ мѣшать медицинѣ достигнуть научнаго состоянія, — что же будетъ съ экспериментальнымъ романомъ, гдѣ явленія еще гораздо сложнее? Но это не мѣшаетъ роману вступитъ на научный путь, подчиниться общему развѣтлю вѣка. Мы отправляемся открывать неизвѣстное.

Въ другомъ мѣстѣ Клодъ Вернарь самъ указываетъ на развитіе человеческого ума. „Умъ человеческій, — говоритъ онъ, — въ различныхъ періодахъ своего развитія, переходитъ послѣдовательно отъ чувства къ разуму и опыту. Сперва одно чувство, подчиняя себѣ разумъ, создавало мѣтны, сверхъ-естественныя гипотезы. Потомъ разумъ, или философія, захвативъ господство въ свои руки, произвелъ схоластику. Наконецъ, опытъ, т.-е. изученіе явленій природы, научилъ человѣка, что истинны вѣщныя міра не находятся съ самаго начала формулированными ни въ чувствѣ, ни въ разумѣ. Это только наши необходимые путеводители; но чтобы овладѣть этими истинами, необходимо спуститься къ объективной дѣятельности вещей, гдѣ онѣ скрыты въ формѣ явленій. Такимъ-то образомъ является, вслѣдствіе естественнаго прогресса вещей, экспериментальный методъ; который обнимаетъ собою все и опирается послѣдовательно на три вѣтви этого неизмѣннаго тременина: чувство, разумъ и опытъ. При изысканіи истины, посредствомъ этого метода, чувство всегда беретъ на себя инициативу, — оно зарождастъ идею *a priori* или наведеніе, рассудокъ или рассужденіе развивають потомъ эту идею и выводятъ ея логическія послѣдствія. Но если чувству должно быть оварено свѣтомъ разума, — разумъ, въ свою очередь, долженъ руководиться опытомъ“.

Я привелъ всю эту страницу потому, что она имѣетъ величайшую важность. Она, очевидно, ствудитъ мѣсто въ экспериментальномъ романѣ личности, генію романиста, не говоря о слогѣ. Разъ мы признаемъ, что чувства являются точкой отправленія экспери-

ментального метода, и затѣмъ выѣшивается разумъ, чтобы дошопчить дѣло подъ контролемъ опыта, гений экспериментатора получаетъ преобладающее значеніе, и вотъ почему экспериментальный методъ, бесполезный въ рукахъ другихъ людей, становится такимъ могущественнымъ орудіемъ у Клода Бернара. Я сказала сейчасъ: методъ есть только орудіе; образцовое произведеніе есть созданіе работника, его идея. Я уже цитировала слѣдующія строки: „личное чувство, особое *quid proprium* составляетъ оригинальность, изобрѣтательность или гений каждого“. Итакъ, вотъ доля гения въ экспериментальномъ романѣ. Какъ опять-таки замѣчаетъ Клодъ Бернаръ: „идея — это зерно; методъ — почва, доставляющая ему условія для развитія, процвѣтанія и принесенія наилучшихъ плодовъ, подобно съ его природой“. Все сводится потому къ методу, но это понятно. Трудъ будетъ сообразенъ методу. Если вы остановитесь на идеѣ *à priori*, на чувствѣ, не опираясь на разумъ и не повѣряя себя опытомъ, вы — поэтъ, вы нисааетесь на гипотезы, которыхъ ничто не доказываетъ, вы съ трудомъ и безъ пользы, часто ко вреду, бьетесь съ неопредѣленностью. Выслушайте слѣдующія строки „Введенія“: „человѣкъ — по природѣ метафизикъ и горделивъ; онъ могъ повѣрить, что идеальныя созданія его ума, соответствующія его чувствамъ, соответствуютъ также и дѣйствительности. Отсюда слѣдуетъ, что экспериментальный методъ — совсѣмъ не первоначальный и присущій человѣку, и что только послѣ долгаго блужданія въ теологическихъ и схоластическихъ разсужденіяхъ онъ ошачательно принялъ въ убѣжденію въ бесплодности своихъ усилій на этой дорогѣ. Человѣкъ догадался тогда, что онъ не можетъ предписывать природѣ законы, потому что не владѣетъ въ себѣ самымъ познаніемъ и критеріумомъ выѣшнихъ вещей, и понялъ, что для достиженія истины онъ долженъ, напротивъ, подчинять свои идеи, если не свой разумъ, опыту, т.-е. критеріуму фактовъ“. Что же дѣлается съ гениемъ у романиста-экспериментатора?—гений, идея *à priori*, остается,—онъ только контролируется опытомъ. Естественно, что опытъ не можетъ уничтожить гения: напротивъ, онъ его подкрѣпляетъ. Веру въ примѣръ поэта; развѣ гений необходимо обуславливается должностью его чувства, его идеи *à priori*? — очевидно, нѣтъ, потому что если опытъ подтвердитъ справедливость личной идеи человека,—это будетъ только служить доказательствомъ высоты его гения. По-истинѣ, только въ наукѣ лирической вѣтъ, при нашей романтической болѣзни, можно измѣрять гений человека количествомъ глупостей и нелѣпостей, которыми онъ пуститъ въ обращеніе. Въ заключеніе говорю, что сѣтнѣтъ, въ вѣтъ науки, опытъ долженъ служить доказательствомъ гения.

Здѣсь мы расхлѣдимся съ писателями-идеалистами. Они отрицаются всегда отъ какаго-нибудь ирраціональнаго источника, въ

родъ откровенія, традиціи, или какого-нибудь условнаго авторитета. Какъ говоритъ Клодъ Бернаръ: „не нужно предполагать ничего тайнаго; существуютъ только явленія и условія явленія“. Мы, писатели-натуралисты, подвергаемъ каждый фактъ наблюденію и опыту, тогда какъ идеалисты принимаютъ таинственныя силы, ускользающія отъ анализа, и остаются поэтому въ неизвѣстномъ, внѣ законовъ природы. Этотъ вопросъ объ идеальномъ—научнымъ образомъ сводится на вопросъ о неопредѣленномъ и опредѣленномъ. Все, чего мы еще не знаемъ, все, что еще ускользаетъ отъ насъ, — есть идеальное, и цѣль всѣхъ нашихъ человѣческихъ усилій — уменьшать идеальное съ каждымъ днемъ, завоевывать истину о неизвѣстномъ. Мы всѣ идеалисты, если подъ этимъ понимать, что мы занимаемся идеальнымъ. Но я называю идеалистами тѣхъ, кто удаляется въ область неизвѣстнаго изъ-за удовольствія тамъ быть, кому нравятся только самыя рискованныя гипотезы и кто не удостоиваетъ подчинять ихъ контролю опытнаго метода, подъ предлогомъ того, что истина въ немъ самомъ, а не въ вещахъ. Эти, повторяю, работаютъ тщетно и безъ пользы, тогда какъ только наблюдатель и экспериментъ трудятся для счастья и могущества человѣка, дѣлая его мало-по-малу господиномъ надъ природою. Нѣтъ ни благородства, ни достоинства, ни красоты въ незнаніи, лжи, въ увѣреніяхъ, что для пущаго величія слѣдуетъ какъ можно больше углубляться въ заблужденія, въ темноту. Единственные великіе и нравственные труды, — это труды надъ истиной.

Нужно принять только то, что я назову вдохновеніемъ идеаломъ. Конечно, наше знаніе еще очень незначительно сравнительно съ огромной массой вещей, которыхъ мы не знаемъ. Эта огромная масса неизвѣстнаго, окружающая насъ, должна только внушать намъ желаніе проникнуть ее, объяснить ее, при помощи научныхъ методовъ. И дѣло идетъ не объ однихъ только ученыхъ; всѣ проявленія человѣческаго ума соприскаются между собою, всѣ наши усилія принимаютъ въ необходимости овладѣть истиной. Клодъ Бернаръ выражаетъ это очень хорошо, говоря: „всѣ науки обладаютъ если не различными методами, то по крайней мѣрѣ специальными процессами, и, сверхъ того, всѣ онѣ служатъ орудіями другъ другу. Математика служитъ орудіемъ физикѣ, химіи и біологіи, въ различномъ обьѣктѣ; физика и химія служатъ могущественными орудіями фізіологіи и медицинѣ. Въ этой безмолвной помощи, которую науки оказываютъ другъ другу, нужно отличать ученаго, который двигаетъ впередъ какую-нибудь науку отъ того, кто пользуется ею какъ орудіемъ. Физикъ и химикъ не математики, хотя бы они пользовались арифметическими; фізіологъ не химикъ и не физикъ, хотя бы онъ употреблялъ химическія реактивы или физическіе инструменты, и химикъ не фізіологъ, хотя бы

они изучали строение и свойства нѣкоторыхъ растительныхъ или животныхъ жидкостей и тканей". Таковъ отвѣтъ Клода Бернара за насъ, писателей-натуралистовъ, критикамъ, которые смѣялись надъ нашими претензіями на науку. Мы не химики, не физики, не физиологи, мы просто романисты, опирающіеся на науку. Конечно, мы не претендуемъ на открытія въ физиологій, которой не занимаемся; только, имѣя предметомъ наученіе человѣка, мы не считаемъ возможнымъ обойтись безъ знанія физиологическихъ истинъ. И прибавлю, что романисты, конечно, работники, которымъ приходится опираться разомъ на самое значительное число наукъ, такъ какъ они толкуютъ обо всемъ — и должны все знать, съ тѣхъ поръ какъ романъ сдѣлался общимъ изслѣдованіемъ природы и человѣка. Вотъ какимъ образомъ мы дошли до примѣненія къ нашему труду экспериментальнаго метода, съ тѣхъ поръ какъ этотъ методъ сдѣлался самымъ могучимъ орудіемъ человѣческаго изслѣдованія. Мы резюмируемъ изслѣдованіе, мы бросаемся завоевывать идеальный міръ, употребляя для этого всѣ человѣческія знанія. Понятно, что я говорю здѣсь о вопросѣ, *какимъ образомъ* все происходитъ, а не о вопросѣ *почему*. Для ученаго экспериментатора, идеальное, неопредѣленное, которое онъ старается уменьшить, заключается въ вопросѣ *какимъ образомъ*. Онъ оставляетъ философу другое идеальное, заключающееся въ вопросѣ *почему*, на который онъ отчаивается когда-либо отвѣтить. Я думаю, что романисты-экспериментаторы равнымъ образомъ не должны заниматься этою областью неизвѣстнаго, если они не хотятъ потеряться въ нелѣпостяхъ поэтовъ и философовъ. Уже довольно широкая задача заключается въ стремленіи въ познанію механизма природы, не заботясь о моментѣ происхожденія этого механизма. Если когда-нибудь механизмъ этотъ будетъ объясненъ, это достигнется посредствомъ метода, и самое лучшее начать съ начала, съ изученія явленій, вмѣсто того, чтобы надѣяться, что какое-нибудь внезапное отравленіе раскроетъ передъ нами тайну міра. Мы — работники, оставимъ же умозрительнымъ философамъ неизвѣстную область вопроса *почему*, гдѣ они тщетно бьются цѣлыя вѣка, и возьмемъ за неизвѣстное, которое опредѣляется вопросомъ *какимъ образомъ*, и которое уменьшается со дня на день, благодаря нашимъ изслѣдованіямъ. Только то идеальное должно существовать для насъ, экспериментаторовъ-романистовъ, которое мы можемъ преодолѣть.

Впрочемъ, при медленномъ завоеваніи этой неизвѣстности, которая насъ окружаетъ, мы смиренно признаемся въ своемъ невѣдѣніи. Мы двигаемся впередъ — и только; и наша единственная дѣйствительная сила заключается въ методѣ. Клодъ Бернаръ, признавшись, что экспериментальная медицина еще только лепечетъ, не задумывается оставить въ практикѣ широкое мѣсто для эмпирической медицины.

„Въ сущности, говоритъ онъ, эмпиризмъ, то-есть случайное наблюденіе и—опытъ служили началомъ для всѣхъ наукъ. Въ сложныхъ наукахъ о человѣчествѣ эмпиризмъ необходимо будетъ господствовать на практикѣ гораздо дольше, чѣмъ въ болѣе простыхъ наукахъ“. И не трудно согласиться, что у постели больного, когда детерминизмъ патологическаго явленія не найденъ, самое лучшее пока дѣйствовать эмпирически; что, притомъ, согласуется съ естественнымъ ходомъ нашихъ знаній, потому что эмпиризмъ непремѣнно предшествуетъ научному состоянію знанія. Конечно, если медики почти во всѣхъ случаяхъ должны прибѣгать къ эмпиризму, мы, романисты, которыхъ наука болѣе сложна и менѣе установлена, равнымъ образомъ должны прибѣгать къ нему, но болѣе сильнымъ причиняемъ. Повторяю еще разъ, дѣло не въ томъ, чтобы вполне создать науку о человѣкѣ, какъ объ индивидуумѣ и социальномъ членѣ, а въ томъ, чтобы выдти мало-по-малу, и со всѣми необходимыми предосторожностями, изъ той темноты, въ которой мы теперь находимся относительно себя самихъ; радуясь, если можемъ утвердить какую-нибудь истину, среди столькихъ ошибокъ. Мы производимъ опыты, это значитъ, что мы еще долго должны будемъ употреблять ложное, чтобы достигнуть истиннаго.

Таково мнѣніе сильныхъ людей. Клодъ Бернаръ прямо оспариваетъ тѣхъ, которые хотятъ видѣть въ медикѣ только артиста. Онъ знаетъ обычное возраженіе тѣхъ, которые имѣютъ обыкновеніе смотрѣть на медицину, какъ на „теоретическую концепцію, которая ничѣмъ не оправдывается въ настоящую минуту въ практической дѣятельности, потому что никакой фактъ не указываетъ, чтобы въ медицинѣ возможно было достигнуть научной точности экспериментальныхъ наукъ“. Но онъ не смущается этимъ, онъ показываетъ, что „экспериментальная медицина только естественный расцвѣтъ практическаго медицинскаго изслѣдованія, управляетъ научнымъ духомъ“. Вотъ его заключеніе: „безъ сомнѣнія, мы далеки отъ той эпохи, когда медицина сдѣлается научной, но это не мѣшаетъ намъ понимать ея возможность и всѣми нашими силами стремиться къ ней, стараясь съ настоящаго момента слѣдовать методу, который долженъ насъ привести къ этому“.

Я буду безъ устали повторять, что все это строго прилагается къ экспериментальному роману. Поставьте сюда слово „романъ“ вмѣсто слова „медицина“ и этотъ отрывокъ останется истиннымъ. Обращаюсь къ молодому, подростающему литературному поколѣнію, съ слѣдующими великими и сильными словами Клода Бернара. Я не знаю другихъ, болѣе мужественныхъ: „Медицинѣ предназначено мало-по-малу выдти изъ эмпиризма и она выйдетъ изъ него точно такъ же, какъ и всѣ другія науки, при помощи экспериментальнаго метода. Это глубокое убѣжденіе поддерживаетъ и направляетъ мою

научную жизнь. Я глухъ къ голосу медиковъ, требующихъ, чтобы имъ объяснили экспериментальнымъ путемъ морь и скарлатину, и думающихъ извлечь отсюда доказательство противъ употребленія экспериментальнаго метода въ медицину. Эти обезкураживающія и отрицающія возраженія исходятъ вообще отъ систематическихъ или лѣнивыхъ умовъ, предпочитающихъ полагаться на свои системы, или засыпать въ потемкахъ, вмѣсто того, чтобы работать и стараться изъ нихъ выйти... Экспериментальное направленіе, принимаемое медициной, теперь опредѣлилось. Въ самомъ дѣлѣ, это вовсе не фактъ эфемернаго вліянія какой-нибудь личной системы; это результатъ научнаго развитія самой медицины. Таковы мои убѣжденія въ этомъ отношеніи, которыя я стараюсь внушить молодымъ медикамъ, слушающимъ мой курсъ въ Collège de France... Прежде всего нужно вдохнуть научный духъ въ молодыхъ людей и посвятить ихъ въ понятія и тенденціи современныхъ наукъ.

Очень часто я писалъ такія же слова, давалъ такіе же совѣты, и я повторю ихъ здѣсь: „только экспериментальный методъ можетъ вывести романъ изъ той лжи и ошибокъ, въ коихъ онъ теперь блуждаетъ“. Вся моя литературная жизнь была направляема этимъ убѣжденіемъ. Я глухъ къ голосу критиковъ, требующихъ отъ меня формулированія законовъ наследственности и вліянія среды на дѣйствующихъ лицъ; тѣ, кто дѣлаетъ мнѣ эти обезкураживающіе и отрицательные упреки, обращаютъ ихъ ко мнѣ только по лѣности ума, но увлеченію традиціей, по привязанности, болѣе или менѣ искренной, къ философскимъ и религіознымъ вѣрованіямъ... Экспериментальное направленіе, принимаемое романомъ, нынѣ уже опредѣлилось. Въ самомъ дѣлѣ, это вовсе не фактъ эфемернаго вліянія какой-нибудь людской системы; это результатъ научнаго развитія самаго изученія человека. Таковы мои убѣжденія въ этомъ отношеніи, которыя я стараюсь внушить молодымъ писателямъ, читающимъ меня, такъ какъ я думаю, что имъ слѣдуетъ прежде всего вдохнуть научный духъ, и познакомить ихъ съ понятіями и тенденціями новѣйшихъ наукъ.

V.

Прежде чѣмъ кончить, мнѣ остается обсудить еще нѣсколько вопросовъ.

Что особенно необходимо выяснить—это объективный характеръ метода. Клода Бернара упрекали въ томъ, что онъ новаторъ и онъ возражалъ съ своимъ возвышеннымъ разумомъ: „я, разумѣется, не заявлю претензію на то, что я первый предложилъ примѣнить физиологію къ медицинѣ. Это давно уже рекомендовалось и многочис-

личныя попытки сдѣланы были въ этомъ направленіи. Въ своихъ трудахъ и лекціяхъ въ Collège de France я только развивалъ идеи, которая уже принесла свои плоды черезъ примѣненіе къ медицинѣ. Я отрицалъ то же самое, когда утверждали, что я выдаю себя за новатора, за главу школы; я утверждалъ, что ничего новаго не говорю, а стараюсь только примѣнять къ своимъ романамъ и критикѣ научный методъ, давнымъ-давно уже существующій. Но, само собою разумѣется, что никто не хотѣлъ меня слушать и всѣ продолжали толковать о моемъ тщеславіи и невѣжествѣ.

Я повторялъ двадцать разъ, что натурализмъ не есть моя личная фантазія, что въ немъ выражается умственное движеніе нашего вѣка; Клодъ Бернаръ говоритъ то же самое и съ болѣе большимъ авторитетомъ — и, быть можетъ, ему повѣрять. „Переворотъ, произведенный экспериментальнымъ методомъ въ наукахъ, — говоритъ онъ, — заключается въ томъ, что онъ замѣнилъ личный авторитетъ научнымъ критеріемъ... Характеръ экспериментальнаго метода заключается въ томъ, что онъ зависитъ только отъ самого себя, потому что въ самомъ себѣ находитъ свой критерій, который есть не что иное, какъ опытъ. Онъ не признаетъ другого авторитета, кромѣ авторитета фактовъ и отвергаетъ личный авторитетъ“. Слѣдовательно, долой всѣ теоріи. „Идея должна всегда оставаться независимой и ее не слѣдуетъ склонять ни научными вѣрованіями, ни философскими и религіозными; надо быть смѣлымъ и свободнымъ въ выраженіи своихъ идей, повиноваться своимъ чувствамъ и не отводить слишкомъ большаго мѣста пустой боязни противорѣчій въ теоріяхъ... Надо называть теорію, чтобы примѣнять ее къ природѣ, а не природу подгонять къ теоріи“. Отсюда является несравненная ширина взгляда. „Экспериментальный методъ есть научный методъ, провозглашающій свободу мысли. Она не только свергаетъ философское и теологическое иго, но и не допускаетъ личнаго научнаго авторитета. Это не высокомеріе и не хвастовство; экспериментаторъ, напротивъ того, проявляетъ самоуничиженіе, отрицая личный авторитетъ, потому что онъ сомнѣвается также и въ своихъ собственныхъ познаніяхъ и подчиняетъ авторитетъ людей авторитету законовъ природы“.

Вотъ почему я столько разъ повторялъ, что натурализмъ не есть школа, что онъ не воплощается въ геніи одного человѣка или въ безуміи одной какой-нибудь группы, какъ, напримѣръ, романтизмъ, что онъ заключается просто-на-просто въ примѣненіи экспериментальнаго метода къ изученію природы и человѣка. Отнынѣ, слѣдовательно, мы имѣемъ дѣло съ обширнымъ переворотомъ, съ прогрессивнымъ движеніемъ впередъ, въ которомъ всѣ участвуютъ, какъ работники, сообразно своему таланту. Всѣ теоріи допускаются и та теорія беретъ верхъ надъ остальными, которая объясняетъ наи-

большее число вещей. Можно ли представить себѣ болѣе широкую и болѣе прямую, научную и литературную дорогу.

Всѣ, великіе и маленькіе люди, свободно шествуютъ по ней, трудясь надъ общимъ изслѣдованіемъ, каждый по своей специальности, не признавая никакого другого авторитета, кромѣ авторитета фактовъ, доказанныхъ опытомъ.

Итакъ, въ натурализмѣ нѣтъ ни новаторовъ, ни главы школы. Есть только труженики, одни болѣе талантливые, чѣмъ другіе.

Клодъ Бернаръ такъ выражаетъ недоувѣріе, съ какимъ слѣдуетъ относиться къ теоріямъ. „Надо имѣть сильную вѣру и не вѣрить; скажу въ почесаніе, что въ наукѣ слѣдуетъ крѣпко вѣрить въ принципы и сомнѣваться въ формулахъ; въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны, мы увѣрены, что детерминизмъ существуетъ, но мы никогда не бываемъ увѣрены въ томъ, что уловили его. Надо быть непоколебимымъ въ дѣлѣ принциповъ экспериментальной науки (детерминизмъ) и абсолютно не вѣрить въ теорію“. Я приведу еще слѣдующее мѣсто, въ которомъ онъ возвѣщаетъ конецъ системъ. „Экспериментальная медицина не есть новая медицинская система, но, напротивъ того, отрицаніе всѣхъ системъ. Въ самомъ дѣлѣ, установленіе экспериментальной медицины будетъ имѣть результатомъ то, что изъ науки исчезнутъ всѣ личные взгляды и замѣнятся безличными и общими теоріями, которыя будутъ, какъ и во всѣхъ другихъ наукахъ, ничѣмъ инымъ, какъ правильной и логической цѣлью фактовъ, добытыхъ опытомъ“. Точно то же будетъ и съ экспериментальнымъ романомъ.

Наставляя на томъ, что онъ не новаторъ, или, скорѣе, не изобрѣтатель, предлагающій личную теорію, Клодъ Бернаръ вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ на опасность для ученаго увлекаться философскими системами. „Для физиолога-экспериментатора,—говоритъ онъ,—не существуетъ ни спиритуализма, ни матеріализма. Эти слова принадлежатъ натуръ-философіи, которая устарѣла и выйдетъ изъ употребленія вмѣстѣ съ прогрессомъ науки. Мы никогда не узнаемъ ни духа, ни матеріи, и если бы это было умѣстно, то я бы легко доказалъ, что, съ одной стороны, какъ и съ другой, вскорѣ приходишь къ научному отрицанію, изъ чего явствуетъ, что всѣ разсужденія этого рода бесплодны и бесполезны. Намъ остается только изучать явленія, знакомиться съ матеріальными условіями ихъ проявленій и опредѣлить законы этихъ проявленій“. Я говорилъ, что въ экспериментальномъ романѣ намъ всего лучше держаться строго-научной точной зрѣнія, если мы желаемъ основать наше изученіе на прочной почвѣ. Не выходить изъ сферы вопроса *какимъ образомъ*, не задаваться вопросомъ *почему*. Однако несомнѣнно, что мы не можемъ постоянно уклоняться отъ этой потребности нашего

ума, отъ той тревожной любознательности, которая побуждает насъ узнавать сущность вещей. Я полагаю поэтому, что для насъ всего лучше признать ту философскую систему, которая всего лучше подходитъ къ современному состоянію наукъ, но единственно лишь съ умозрительной точки зрѣнія. Напримѣръ, въ настоящее время всего рациональнѣе является теорія постепеннаго превращенія; она всего лучше согласуется съ нашимъ познаніемъ природы. Что бы ни говорилъ Клодь Вернарь, а за всякой наукой, за всякимъ проявленіемъ человѣческаго ума всегда скрывается болѣе или менѣе опредѣленная философская система. Можно не принимать ее въ соображеніе, не придерживаться ея слѣпо, а придерживаться фактовъ, съ тѣмъ, чтобы измѣнять систему, если факты того требуютъ. Но система тѣмъ не менѣе существуетъ и бываетъ тѣмъ могущественнѣе, чѣмъ менѣе развита и менѣе солидна наука. Для насъ, романистовъ-экспериментаторовъ, которые лепечемъ, — гипотеза необходима. Я сейчасъ займусь ролью гипотезы въ литературѣ.

Впрочемъ, если Клодь Вернарь отвергаетъ въ примѣненіи философскія системы, онъ признаетъ необходимость философіи. „Съ научной точки зрѣнія, философія представляетъ вѣчное стремленіе человѣческаго разума къ познанію неизвѣстнаго. Такимъ образомъ философы всегда углубляются въ спорные вопросы въ возвышенныхъ сферахъ, представляющихъ собою крайнюю грань наукъ. Черезъ это они сообщаютъ научной мысли движеніе, которое ее оживляетъ и облагораживаетъ; они укрѣпляютъ умъ, развивая его общей интеллектуальной гимнастикой и виѣсть съ тѣмъ непрерывно направляютъ его къ неисчерпаемому рѣшенію великихъ задачъ; они поддерживаютъ такимъ образомъ жажду неизвѣстнаго и священный огонь пытливости, которые никогда не должны угасать въ ученomъ“. Мнѣ это прекрасно, но никогда еще не говорили философамъ въ такихъ вѣжливыхъ выраженіяхъ, что всѣ ихъ гипотезы — чистѣйшая поэзія. Клодь Вернарь, очевидно, смотритъ на философовъ, въ числѣ которыхъ насчитываетъ много друзей, какъ на музыкантовъ, порою романтическихъ, музыка которыхъ ободряетъ ученыхъ во время ихъ трудовъ и вдохновляетъ ихъ на великія открытія. Что касается философовъ, предоставленныхъ самимъ себѣ, то они будутъ итти вѣчно и никогда не стирнуть ни одной истины.

До сихъ поръ я не занимался вопросомъ о формѣ у писателя-натуралиста, потому что она-то и является спеціальностью въ литературѣ. Не только въ чувствѣ, въ идеѣ à priori заключается талантъ писателя, но также и въ формѣ, въ слогѣ. Но только сразу чувствуется, что это вопросъ особый и требуетъ обсужденія помимо вопроса о методѣ. Вопросъ метода, особая статья, а вопросъ рито-

рики—особая. А натурализмъ, какъ я это объяснилъ двадцать разъ, заключается единственно лишь въ экспериментальномъ методѣ, въ наблюденіи и опытѣ, примѣненныхъ къ литературѣ. Итакъ—въ настоящемъ случаѣ риторика не къ мѣсту. Установимъ методъ, долженствующій быть общимъ, и затѣмъ допустимъ въ литературѣ всѣ риторики, которыя проявятся въ ней; будемъ считать ихъ выраженіемъ литературнаго темперамента писателей. Конечно, никто не посмѣетъ сказать, что форма—все въ произведеніи; и, слѣдовательно, все, что не форма, т. е. факты, явленія, становится достояніемъ ученаго, романиста-экспериментатора. Контролемъ служитъ наблюденіе и опытъ—и это-то и составляетъ методъ. Объ этомъ-то я и говорилъ въ моей статьѣ.

Если хотите знать въ точности мое мнѣніе, такъ я нахожу, что въ литературѣ придаютъ преувеличенное значеніе формѣ. Я бы многое могъ сказать на этотъ счетъ; но это бы завело меня за предѣлы моей статьи. Въ сущности, я нахожу, что методъ задѣваетъ и самую форму, что языкъ сводится на логику. Не тотъ будетъ наилучшимъ писателемъ, кто всего глубже зароется въ гипотезахъ, но тотъ, кто прямо подойдетъ къ истинѣ. Въ настоящее время мы прогнали насквозь лиризмъ; мы совершенно напрасно полагаемъ, что высокій слогъ заключается въ возвышенной чепухѣ, вѣчно готовой перейти въ безумный бредъ:—высокій слогъ состоитъ въ логикѣ и ясности.

Мы видѣли, что Клодъ Бернаръ отводитъ философамъ роль музыкантовъ, играющихъ *марсельезу* гипотезъ, въ то время какъ ученые идутъ на приступъ неизвѣстнаго. Онъ почти такъ же думаетъ о художникахъ и о писателяхъ. Я замѣтилъ, что многіе ученые, и изъ самыхъ великихъ, ревнуя о научной точности, на которой они опираются, желаютъ замѣнить литературу въ идеалѣ. Они сами, по-видимому, нуждаются въ развлеченіи вздоромъ, послѣ серьезныхъ трудовъ, и съ удовольствіемъ слѣдятъ за самыми вздорными выдумками, очень хорошо сознавая всю ихъ лживость и глупость. Они какъ-бы выслушиваютъ арію, сыгранную на флейтѣ. Поэтому Клодъ Бернаръ справедливо говоритъ: „литературныя и художественныя произведенія никогда не старѣются въ томъ смыслѣ, что выражаютъ чувства безсмертныя, какъ и сама природа“. Дѣйствительно, формы достаточно, чтобы обезсмертить произведеніе. Но я не согласенъ съ слѣдующими словами Клода Бернара: „въ искусствахъ и въ литературѣ индивидуальность беретъ верхъ надъ всѣмъ остальнымъ. Тутъ дѣло идетъ о непроизвольномъ творчествѣ ума, и это не имѣетъ ничего общаго съ изслѣдованіемъ естественныхъ явленій, въ которомъ нашъ умъ не долженъ ничего создавать“. Я ловлю тутъ въ одномъ

изъ самыхъ знаменитыхъ ученыхъ желаніе преградить литературѣ доступъ въ научную область. Я не знаю, о какой литературѣ говорить онъ, когда опредѣляетъ литературное произведеніе какъ непроизвольное творчество ума, не имѣющее ничего общаго съ изслѣдованіемъ естественныхъ явленій. Безъ сомнѣнія, онъ имѣлъ въ виду лирическую новеллу, потому что онъ не написалъ бы этого, если бы вспомнилъ про экспериментальный романъ, про произведенія Бальзака и Стэндала. Я могу только повторить то, что сказалъ: если мы устранимъ форму, слогъ, то романистъ-экспериментаторъ является такимъ же ученымъ специалистомъ, какъ и всѣ ученые, и пользуется орудіемъ всѣхъ остальныхъ ученыхъ: наблюденіемъ и анализомъ. Наша область — та же самая, что и область физиолога, съ той только разницей, что она еще обширнѣе; мы такъ же, какъ и онъ, оперируемъ надъ человѣкомъ; все заставляетъ думать, и Клодъ Бернаръ подтверждаетъ это, что мозговые явленія могутъ быть анализированы, какъ и остальные. Правда, что Клодъ Бернаръ можетъ сказать намъ, что мы еще антаемъ въ сферѣ гипотезъ, но онъ былъ бы неправъ, если бы заключилъ изъ этого, что мы никогда не достигнемъ истины, — потому что онъ самъ всю жизнь боролся, чтобы создать науку изъ медицины, которую огромное большинство его собратій считаетъ и по сіе время искусствомъ.

Итакъ, вотъ маленькая характеристика романиста-экспериментатора. Клодъ Бернаръ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ художника: „что такое художникъ? Это человѣкъ, который осуществляетъ какую-нибудь личную идею или личное чувство въ художественномъ произведеніи“. Я безусловно отвергаю эту характеристику. Такимъ образомъ, въ томъ случаѣ, если бы я, подъ вліяніемъ личнаго чувства, представилъ человѣка, который бы ходилъ головой внизъ, то я бы считалъ создателемъ художественное произведеніе. Я былъ бы сумасшедшій — и только. Надо, слѣдовательно, прибавить, что личное чувство художника подчинено контролю истины. Мы такимъ образомъ приходимъ къ гипотезѣ. Можно сказать, что художественное произведеніе не что иное, какъ гипотеза. Художникъ исходитъ изъ тѣхъ же пунктовъ, что и ученый; онъ становится лицомъ къ лицу съ природой; имѣетъ идею *a priori* и работаетъ на основаніи этой идеи. Тогда только онъ расходится съ ученымъ, когда доводитъ свою идею до конца, не изслѣдовавъ ея истинности путемъ наблюденія и опыта. Можно было бы назвать художниками-экспериментаторами тѣхъ, которые принимаютъ во вниманіе опытъ; но тогда скажутъ, что они не художники, разъ искусство признается суммой личныхъ заблужденій, внесенныхъ художникомъ въ свое изученіе природы. Я говорю, что, по моему мнѣнію, индивидуальность писателя можетъ

только заключаться въ идеѣ *à priori* и въ формѣ. Я согласенъ, что она можетъ также выражаться въ гипотезѣ, но тутъ надо столбоваться.

Часто говорили, что писатели должны расчищать дорогу ученымъ. Это справедливо, потому что мы видѣли въ „Введеніи“, что гипотеза и эмпиризмъ предшествуютъ научному состоянію и составляютъ его. Человѣкъ началъ съ того, что рискнулъ объяснить нѣкоторыя явленія природы, поэты высказали свои чувства и затѣмъ пришли ученые и открыли истину. Клодъ Вернаръ отводитъ философа роль пионеровъ. Это благородная роль — и писатели должны выполнять ее и по сіе время. Но само собой разумѣется, что каждый разъ, какъ будетъ установлена учеными какая-нибудь истина, писатели должны немедленно отказаться отъ своей гипотезы и признать эту истину, иначе они сознательно останутся при своемъ заблужденіи, безъ всякой пользы для кого бы то ни было. Такимъ образомъ наука, помѣръ того, какъ она двигается впередъ, доставляетъ намъ, писателямъ, прочную почву, на которую мы можемъ опираться, пускаясь въ дальнѣйшія гипотезы. Словомъ, всякое высказанное явленіе уничтожаетъ гипотезу, которую замѣняетъ собою, и затѣмъ нужно отодвигать гипотезу дальше, въ новое неизвѣстное, которое представляется намъ. Возьму весьма простой примѣръ въ поясненіе своихъ словъ: доказано, что земля вертится вокругъ солнца; что подумали бы про поэта, который бы принялъ прежнее предположеніе, что солнце вертится вокругъ земли? Очевидно, что если поэтъ захочетъ рискнуть личнымъ объясненіемъ каковаго-нибудь факта, то долженъ выбрать такой фактъ, причина котораго еще неизвѣстна. Итакъ, вотъ чѣмъ должна быть гипотеза для романистовъ-экспериментаторовъ: мы должны безусловно признавать высказанныя явленія и не рисковать объяснять ихъ личными чувствами, которые были бы смѣшны; мы должны постоянно опираться на почву, добытую наукой; затѣмъ, лишь въ виду неизвѣстнаго, пускаться въ ходъ наведеніе и предшествовать наукѣ, рискуя порою и ошибиться, и счастливые если намъ удастся добыть документы для рѣшенія задачъ. Я остаюсь здѣсь въ предѣлахъ практической программы Клода Вернара, который вынужденъ допустить эмпиризмъ, какъ неизбежное ходженіе ошучью. Такимъ образомъ въ нашемъ экспериментальномъ романѣ мы очень хорошо можемъ пускаться въ различныя гипотезы о вопросахъ наслѣдственности и вліянія среды, признавъ все, что доселѣ добыто наукой объ этихъ вопросахъ. Мы подготовляемъ пути, мы добываемъ факты, путемъ наблюденія, человѣческіе документы, которые могутъ стать весьма полезными. Одинъ великій лирическій поэтъ недавно восклицалъ, что намъ вѣкъ — вѣкъ пророковъ. Да,

если хотите; но только само собой разумеется, что пророки не должны основываться на иррациональном и сверхъестественном. Если пророки, какъ это случается видѣть, начинаютъ переводить вверхъ дномъ самыя элементарныя понятія, приравлять природу диковиннымъ философскимъ и религіознымъ соусомъ, держаться за метафизическаго человѣка, все путать и все затемнять, то пророки, несмотря на свою геніальную риторику, все-таки останутся Грибульями-великанами, не вѣдающими, что вымочишься, если бросишься въ воду. Въ нашу научную эпоху пророчество является щекотливымъ дѣломъ, потому что для того, чтобы предвидѣть неизвѣстное, надо сначала познать извѣстное.

Я хотѣлъ придти къ слѣдующему выводу: если бы мнѣ надо было опредѣлить писателя, въ особенности романиста-экспериментатора, я бы не сказалъ, какъ Клодъ Бернаръ, что литературное произведение цѣликомъ заключается въ личномъ чувствѣ, потому что для меня личное чувство представляется лишь первоначальнымъ импульсомъ. Съ природой приходится считаться, по крайней мѣрѣ съ той частью природы, секретъ которой раскрыть намъ наука и на которую мы не имѣемъ больше права лгать. Итакъ, романистъ-экспериментаторъ тотъ, кто признаетъ доказанные факты, кто показываетъ въ человѣкѣ и въ обществѣ механизмъ явленій, которыми завладѣла наука и кто даетъ мѣсто своему личному чувству лишь въ такихъ явленіяхъ, детерминизмъ коихъ еще не опредѣленъ, стараясь по возможности концентрировать свое личное чувство, свою идею *à priori* путемъ наблюденія и опыта.

Вотъ какъ я понимаю вашу натуралистическую литературу. Я говорилъ только объ экспериментальномъ романѣ, но я глубоко убѣжденъ, что экспериментальный методъ, восторжествовавъ въ исторіи и въ критикѣ, восторжествуетъ вездѣ, въ театрѣ и даже въ поэзіи. Это революцiонное движеніе. Литература, что бы тамъ ни говорили, не выѣдается въ одномъ работникѣ, она также и въ природѣ, которую разобрались, и въ человѣкѣ, котораго изучаетъ. Между тѣмъ ученые измѣняютъ понятія о природѣ, когда открываютъ истинный механизмъ жизни. Они принуждаютъ насъ слѣдовать за ними, даже опережать ихъ и размыривать свою роль относительно новыхъ гипотезъ. Метафизическій человѣкъ умеръ, вся наша почва намѣняется вмѣстѣ съ физиологическимъ человѣкомъ. Безъ сомнѣнія, гнѣвъ Ахиллеса, любовь Дидоны останутся вѣчно прекрасными образами; но въ насъ проснулась потребность анализировать гнѣвъ и любовь и узнать на самомъ дѣлѣ, какими образомъ функционируютъ эти страсти въ человѣкѣ. Эта тѣнь эрѣвѣ нева; она становится экспериментальной, вмѣсто прамей философовъ. Бароче сказать, все реанимируется въ

слѣдующемъ крупномъ фактѣ: экспериментальный методъ какъ въ наукахъ, такъ и въ литературѣ, готовится выяснить явленія естественныя, индивидуальныя и общественныя, относительно которыхъ метафизика давала до сихъ поръ не-раціональныя и сверхъестественныя объясненія.

ЭМИЛЬ БОЛА.

ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА.

АВСТРО-ВЕНГЕРСКІЯ ДѢЛА.

Въ Европѣ нѣтъ государства, которое болѣе противорѣчило бы пресловутому принципу „національностей“, чѣмъ австро-венгерская монархія. Этотъ принципъ — неутомимый врагъ ея существованія и, если ему суждено въ будущемъ являться столь же сильнымъ факторомъ политическихъ перемѣнъ, какъ было за послѣднія двадцать лѣтъ, то нѣтъ сомнѣній, что первой жертвою его будетъ монархія Габсбурговъ. На ея счетъ уже совершилось объединеніе Италіи и Германіи. Но мы констатируемъ это только какъ нѣчто вѣроятное, а вовсе не какъ нѣчто особенно желательное, нѣчто особенно благотворное. Если бы принципъ „національностей“ не получилъ того преувеличеннаго значенія, съ какимъ онъ нынѣ представляется, то австрійская имперія, несмотря на сложность своего устройства, могла бы преуспѣшнѣе существовать и гарантировать своимъ гражданамъ ту долю благъ, какая вообще можетъ быть обезпечена тѣмъ или другимъ политическимъ строемъ.

Напрасно многіе видятъ именно въ сложности австрійскаго государственнаго устройства невозможность его окончательнаго упрощенія и успѣшнаго дѣйствія. Въ особенности у насъ принято подумывать надъ сложной и „неуклюжей“ австрійской машиной, которая состоитъ изъ одного имперскаго и двухъ государственныхъ правительствъ, изъ имперскаго представительства (делегатіи), двухъ государственныхъ сеймовъ (австрійскаго и венгерскаго) и 18 сеймовъ разныхъ „королевствъ и земель“. Правда, легко придумать себѣ устройство проще и даже гораздо проще этого. Если идеаль управленія видѣть въ одной простотѣ, то его слѣдуетъ искать въ лагерѣ. Опасность разложенія для австрійской имперіи заключается не въ

сложности ее государственныхъ формъ, а въ сложности самаго ее состава. И нѣтъ никакого основанія думать, что если бы формы этой имперіи были вновь доведены до крайней простоты, то опасность разложенія стала бы меньше. „Дуализмъ“ вовсе не былъ признанъ господствующей системой въ то время, когда Венгрія возстала и возстаніе ее едва не погубило монархію Габсбурговъ. Ломбардо-Венеція не имѣла сейма въ то время, какъ она возставала противъ австрійцевъ.

Съ другой стороны, сложность формъ не препятствуетъ прочности организма. Такъ, въ Соединенныхъ-Штатахъ имѣются: правительство государственное и конгрессъ, а сверхъ того, — 37 правительствъ и представительствъ штатовъ. Въ германской имперіи имѣются центральное правительство (императоръ съ канцлеромъ и союзный совѣтъ) и имперскій сеймъ, а сверхъ того еще 21 монархъ, 23 правительства и національныхъ сейма, изъ которыхъ многіе имѣютъ въ себѣ двѣ палаты. Соединенное королевство Великобританіи и Ирландіи съ Индійскою имперіею и множествомъ колоніальныхъ правительствъ и представительствъ также не представляетъ простоты. Въ сравненіи съ этими примѣрами, австрійское устройство вовсе не является исключительнымъ и само по себѣ вовсе не было бы опаснымъ. Опасно не оно, а самая сложность состава австрійской имперіи. Да и сложность состава государства стала опасною именно только съ тѣхъ поръ, какъ европейское человѣчество увлеклось вреднымъ принципомъ „національностей“, который какъ будто нарочно изобрѣтенъ для того, чтобы, несмотря на успѣхи цивилизаціи, несмотря на постоянно возрастающія условія солидарности между народами, въ видѣ общности идей, сходства правовъ, частости и скорости сообщеній, матеріальнаго участія каждаго народа въ интересахъ другого, — чтобы, повторяемъ, несмотря на это, и даже прямо наперекоръ реальному духу времени — между народами Европы не прекращались войны, не прекращалось истощеніе всѣхъ ихъ на безплатную потребность вооруженій.

Національность есть несомнѣнный фактъ, хотя нельзя не признать, что фактъ этотъ постепенно ослабѣваетъ именно съ уменьшеніемъ разлечій между правами и условіями быта народовъ Европы. Этого естественнаго факта уничтожить нельзя, да и не нужно; онъ самъ постепенно идетъ къ уничтоженію. Но вредный принципъ „національностей“ есть нѣчто искусственное, придуманное въ нашемъ столѣтіи, какъ бы специально съ цѣлью противодействовать реальнымъ благамъ успѣховъ цивилизаціи. Этотъ принципъ заключается въ произвольномъ и въ общности неосуществимомъ положеніи, что каждая національность, какъ организмъ, имѣетъ право на независимое и цѣльное

политическое существованіе, что каждое государство должно быть только выраженіемъ одной національности. Принципу этотъ неосуществимъ уже потому, что національности весьма различны по численности своихъ членовъ; есть національности большія и малыя, и большія національности, объединяясь въ государства, будутъ отрицать и давить національности слабыя, стало быть мнимое осуществленіе принципа національностей само будетъ противорѣчать его сущности. Между тѣмъ, мелкія національности, слабыя каждая въ своемъ численномъ составѣ, взятыя всѣ вмѣстѣ, все-таки представляютъ половину всего населенія Европы. Такимъ образомъ, и по осуществленіи принципа „національностей“ въ пользу большихъ національныхъ группъ, въ Европѣ все-таки одна половина населенія считала бы себя находящеюся подъ иноплеменнымъ игомъ. Полное же осуществленіе принципа для всѣхъ невозможно: во-первыхъ, практически, потому что сильныя національности не позволятъ слабымъ отдѣляться отъ нихъ, но наоборотъ, будутъ стараться окончательно поглотить ихъ; во-вторыхъ, оно невозможно даже и въ теоріи, вследствие чрезвычайности разселенія національностей и трудности опредѣлить съ точностью, гдѣ кончается національность или гдѣ является только провинціальная разновидность ея; гдѣ кончается языкъ (главный признакъ національности), или гдѣ начинается только нарѣчіе того же языка.

Во всякомъ случаѣ понятно, что при существующемъ нынѣ стремленіи народовъ къ осуществленію принципа національностей, наиболѣе непрочнымъ и опаснымъ должно представляться положеніе государствъ разноплеменнаго состава, и при томъ такого особенно, въ которомъ ни одна національность не довольно сильна для того, чтобы насиліемъ держать остальныхъ у себя въ подчиненіи (тѣмъ самымъ являясь нарушая самый принципъ національностей). Таково именно положеніе австро-венгерской монархіи. Итакъ, не въ сложности и „неуловимости“ ея государственныхъ формъ, но именно въ развѣдающемъ ее дѣйствіи вреднаго, неосуществимаго, но для нея крайне опаснаго принципа слѣдуетъ видѣть причину непрочности ея внутреннего быта, постоянныхъ опасеній въ ней шага то въ ту, то въ другую сторону: отъ бюрократическаго централизма къ дуализму, отъ дуализма къ федерализму, а потомъ, пожалуй,—обратно.

Въ теченіи нынѣшняго лѣта въ австрійской внутренней политикѣ произошли такіе факты, въ которыхъ можно видѣть предвѣстіе нѣкоторой перемѣны въ общемъ направленіи дѣлъ. Образовалось новое цислейтанское министерство, произведены выборы въ палату представителей австрійскаго государственнаго сейма (Reichsrath); назначенъ, положеніе главнаго имперскаго министра, восемь лѣтъ руково-

дивнаго политикомъ Австро-Венгріи, министра иностранныхъ дѣлъ и императорскаго двора, колебалось настолько, что графъ Андранш уже подалъ въ отставку, ищутъ ему преемника и онъ сохраняетъ свой постъ только до окончательнаго пріисканія кандидата, имѣющаго его замѣнить. Надъ каждымъ изъ этихъ фактовъ въ отдаленности надо остановиться.

Новое цислейтанское министерство, составленное графомъ Тааффе, подъ его предсѣдательствомъ, считается министерствомъ „коалиціоннымъ“. Министръ-президентъ, управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, графъ Тааффе, самъ принадлежитъ къ нѣмецкой, такъ называемой либеральной или „вѣрной конституціи“ партіи (Verfassungstreue Partei). Онъ принималъ участіе въ выработкѣ тѣхъ законовъ, которые отбросили остатки конкордата съ Римомъ, освободили свѣтское общество и школу отъ клерикальнаго преобладанія. Затѣмъ, ему же была поставлена задача примѣнять эти законы тамъ, гдѣ примѣнять ихъ было всего труднѣе—въ строго католическомъ Тироли, гдѣ онъ долго и оставался намѣстникомъ. Итакъ, графъ Тааффе, во всякомъ случаѣ, не реакціонеръ, не клерикалъ. Но другой вопросъ: вполнѣ ли онъ солидаренъ съ „либеральной“ партіей. Дѣло въ томъ, что партія эта является не только „вѣрной“ конституціи 1867 года и либеральной, но еще—и прежде всего—нѣмецкой, централистской; конституція 1867 года мила ей не однимъ тѣмъ, что въ ней провозглашены либеральныя принципы, но—и еще особенно—тѣмъ, что эта конституція даетъ въ сеймѣ и въ управленіи полное преобладаніе нѣмцамъ. Самоуправленіе прочихъ наследственныхъ „королевствъ“, входящихъ въ составъ Австріи (Цислейтани) поставлено на степеніи областного управленія, а не національной политической автономіи; всѣ эти королевства и земли должны посылать депутатовъ въ общій сеймъ государственный (Reichsrath), а избирательный законъ устроенъ такъ, что за нѣмецкими областями или округами обезпечено большинство голосовъ на этомъ сеймѣ.

Ни чехи, ни галиційскіе поляки не были удовлетворены такимъ устройствомъ. Но поляки требовали для Галиціи только нѣкотораго расширенія автономіи, между тѣмъ, какъ чехи хотѣли приобрести для Богеміи почти такое же независимое государственное положеніе, какому пользуется—по ту сторону рѣки Лейты—Венгрія. Съ венгерской короной св. Стефана они составляли богемскую корону св. Вячеслава, и, возобновляя преданія о правдахъ давно отбросенныхъ, а частью ижегда и не исполнявшихся на дѣлѣ, заговорили о постановкѣ своего политическаго быта на почвѣ „исторической законности“, совершенно такъ, какъ Францъ Деакъ, на сеймѣ 1861 года,

предъявлять, въ видѣ безусловной программы,—историческую законность венгерскую.

Нѣмецкая централистская партія противилась этому въ силу не только конституціи 1867 года, однажды установленной, но и въ силу конституціоннаго принципа вообще. „Ослабленіе центральной власти, перенесеніе центра тяжести народнаго представительства въ областныя сеймы означало бы гибель конституціонализма“,—говорилъ Гискра въ 1871 году: „съ 18-ю сеймами не можетъ быть конституціоннаго правленія, такъ какъ никакой сеймъ не въ состояніи испровергнуть министерство или стѣснять его дѣйствія тамъ, гдѣ сеймовъ существуетъ восемнадцать“.

Нѣмецкая партія, со времени отказа чеховъ принимать участіе въ вѣискомъ сеймѣ, почти окончательно примирилась съ мыслью объ ихъ отсутствіи. Конечно, появленіе чеховъ на сеймѣ оставалось въ программѣ ея какъ-бы *desideratum*, такъ какъ иначе конституція 1867 года еще не можетъ считаться вполне приведенною въ исполненіе, но въ дѣйствительности ничего для осуществленія этого *desideratum* въ послѣдніе годы не дѣлалось. Отсутствіе чешскихъ депутатовъ представляло для нѣмецкой (централистской, конституціонной) партіи и выгодную сторону: благодаря этому факту, господство ея на сеймѣ было безусловно и министерское большинство было прочно, несмотря даже на второстепенныя разногласія въ самой этой партіи. Что касается галиційскихъ русиновъ, то они всегда были покорнымъ орудіемъ всякаго министерства; полякамъ же, для обеспеченія ихъ участія въ дѣйствіи конституціи 1867 года, дарованы были: во-первыхъ, благосклонное отношеніе правительства къ ихъ полному господству въ самой Галиціи, во-вторыхъ — отдѣльный министръ изъ поляковъ въ цислейтанскомъ кабинетѣ. Такимъ былъ въ послѣднее время, да остается и теперь г. Земляковскій. Склонивъ полякомъ къ участію въ работахъ сейма, нѣмецкая „либеральная“ партія аффектировала даже полное пренебреженіе къ требованіямъ чеховъ; газеты господствующей партіи не отвѣчали на протесты и на полемическія выходы чешскихъ органовъ.

Каково же истинное отношеніе графа Тааффе къ этой партіи, которая досадѣ была правительствующею? Его приверженность къ конституціи 1867 года не можетъ подлежать сомнѣнію; однакожъ, самое образованіе имъ новаго кабинета не имѣло бы смысла, если бы графъ Тааффе былъ такой же безусловный централистъ-нѣмецъ, какъ, напр., д-ръ Гербстъ. Преобразованіе кабинета должно же означать нѣчто иное, кромѣ маловажнаго, измѣненіе въ направленіи. Въ новомъ кабинетѣ есть чехъ—г. Пражакъ; оно называется „коалиціоннымъ“, чѣмъ самымъ уже обозначается, что оно не состоитъ исклю-

чительно изъ членовъ нѣмецкаго централистскаго большинства. Графъ Тааффе согласился вступить въ переговоры съ чехами для привлеченія ихъ къ участию въ работахъ цислейтанскаго сейма. Это уже рѣшительное отступленіе отъ программы нѣмецко-централистовъ, которые примирились съ отсутствіемъ чеховъ и возе не расположились дѣлать имъ уступокъ. Изъ членовъ прежняго кабинета въ новое министерство вошли еще гг. фонъ-Штремайръ (централистъ), Герстъ и Земляновскій. Но нѣсколько въ сторону отъ либеральной нѣмецкой партіи, которая по преимуществу состоитъ изъ промышленниковъ, торговцевъ, банкировъ и такъ-называемыхъ „литераторовъ“, послѣдовало назначеніе министромъ торговли барона Корба-Вейденгейма, являющагося представителемъ крупнаго землевладѣнія, „вѣрнаго конституціи“; а уже совсѣмъ внѣ прежней правительственной партіи взяты: министръ земледѣлія—графъ Фалькенхайнъ, членъ партіи феодальной и чехъ—д-ръ Пражакъ, хотя этотъ послѣдній и принадлежитъ не къ безусловной чешской оппозиціи, не принимающей участія въ цислейтанскомъ сеймѣ, но къ числу моравскихъ представителей, заседающихъ въ этомъ сеймѣ; затѣмъ, новый кабинетъ еще не совсѣмъ положъ и незамѣтны въ немъ три должности будутъ предоставлены членамъ той или другой партіи, смотря по тому, каковъ будетъ результатъ переговоровъ съ чехами и каковъ составъ получитъ правительственное большинство. Это — вопросы, которыхъ рѣшеніе будетъ зависетьъ еще и отъ результата предстоящаго сѣзда въ Линцѣ представителей вѣрно-конституціонной (нѣмецкой централистской) партіи, для опредѣленія ея будущихъ отношеній къ попыткамъ правительства сблизиться съ чехами и вообще къ дѣйствіямъ новаго кабинета.

Доселѣ эти отношенія недостаточно высказались. Часть нѣмецко-либеральной печати приняла назначеніе кабинета Тааффе съ полнымъ недоумѣніемъ и даже озлобленіемъ. Она стала разсуждать, что всякій шагъ *отрасо* (т. е. къ оппозиціи національной и феодальной) немѣсть быть только шагомъ прочь отъ конституціи 1867 года и подвергать опасности то, что „уже однажды установленно“, то, что считалось окончательнымъ, то, что служило однимъ изъ условій соглашенія съ Венгрією. Въ коалиціонномъ министерствѣ Тааффе эти органы указывали возобновленіе попытокъ давнишнихъ министровъ-президентовъ графа Петцакаго или—еще хуже—графа Гогенварта. Но другіе, болѣе умѣренные органы той же партіи, показавъ, рекомендуютъ ей умѣренность и надаютъ въ особенности на то обстоятельство, что лично въ графѣ Тааффе никакъ нельзя видѣть противника конституціи 1867 года.

Однако нѣмецкіе либералы имѣютъ еще и другую, болѣе важную

причину опасаться серьезной переменъ: дѣло въ томъ, что съ назначеніемъ новаго цислейтанскаго кабинета совпали слухи о предстоящемъ увольненіи самого графа Андрани, то-есть главнаго имперскаго министра и выразителя системы дуализма австро-венгерской монархіи, системы, которая въ Цислейтаніи именно и отражается въ преобладаніи нѣмцевъ надъ другими народностями, какъ мадьяры преобладаютъ въ Транслейтаніи. Не объ отставкѣ Андрани мы упоминаемъ далѣе, въ связи съ иностранными дѣлами. Теперь же скажемъ о выборахъ въ цислейтанскій сеймъ, т.-е. въ палату представителей рейхсрата.

Во время своего долгаго преобладанія, либеральная партія успѣла, во-первыхъ, значительно „вывѣтриться“ сама; во-вторыхъ, порочно дискредитироваться въ самыхъ нѣмецкихъ областяхъ Австріи. Справедливо-ли, нѣтъ-ли—ей приписываютъ не особенно благоприятное состояніе нравственности въ административныхъ сферахъ. Замѣчательно, что и въ Венгрии союзъ прежнихъ „демократовъ“ съ радикалами привелъ при нынѣшнемъ кабинетѣ Коломана Тисы къ распущенности, которая въ недавнее время выразилась въ скандальныхъ изобличеніяхъ людей, занимавшихъ важные посты. Далѣе, въ Австріи все болѣе и болѣе проникались убѣжденіемъ, что существующая система, хотя и благоприятна нѣмцамъ, но мадьярамъ благоприятна еще въ гораздо болѣе степени, чѣмъ нѣмцамъ; что центръ тяжести общихъ дѣлъ лежитъ скорѣе въ Пештѣ, чѣмъ въ Вѣнѣ, что союзъ австрійскихъ либераловъ съ графомъ Андрани, въ сущности, ведетъ къ управленію имперскими дѣлами въ пользу Венгрии, на счетъ Австріи. Такое впечатлѣніе было вынесено изъ послѣдняго экономическаго конфликта между половинами имперіи, вопроса—который былъ рѣшенъ будто бы слишкомъ пристрастно въ пользу Венгрии. Наконецъ, вся исторія съ занятіемъ Босніи и Герцеговины, это обширное предпріятіе, которое вдругъ было совершенно извѣстной австро-турецкой конвенціей и не дало имперіи никакой реальной выгоды именно потому, что имперское правительство должно было уступить антипатіи, какую это дѣло внушало мадьярамъ—не мало подрѣзавшее такое мнѣніе.

По всѣмъ этимъ причинамъ, недавніе выборы въ австрійскій сеймъ оказались такъ неблагоприятны для либеральной (центральной) партіи, что она даже при нынѣшнемъ составѣ этого сейма (т.-е. безъ участія въ немъ чеховъ) не будетъ болѣе составлять въ немъ большинства. Въ новомъ сеймѣ либералы имѣютъ всего 173 голоса, а оппозиція (американцы, консерваторы и національные автономисты) имѣютъ 175 голосовъ. Такой результатъ выборовъ и паденіе новода въ общеніи съ чехами. Не за то, если бы это общеніе

состоялось, если бы чехи явились на сеймъ, то большинство въ немъ уже рѣшительно перешло бы къ противникамъ партіи, преданной конституціи 1867 года. Естественно, что опираться на такое большинство министерство Тааффе могло бы лишь въ такомъ случаѣ, если бы оно предприняло прежде всего — пересмотръ избирательнаго закона (первое требованіе чеховъ), нарочно составленнаго такъ, что нѣмецкіе округа въ Богеміи пользуются правомъ посылать представителей, сравнительно съ населенностью, гораздо болѣе, чѣмъ чешскіе, — а затѣмъ и пересмотръ нѣкоторыхъ постановленій самой конституціи 1867 года, въ смыслѣ предоставленія отдѣльнымъ королевствамъ и землямъ болѣе автономіи. А это уже представлялось бы началомъ пути къ федерализму, вступленіе на который положительно нарушило бы соглашеніе съ Венгрією. Но и самая попытка въ смыслѣ болѣе автономіи Богеміи и предоставленія цислейтанскимъ славянамъ вообще болѣе большаго вліянія на государственныя дѣла была бы именно возобновленіемъ столь ненавистнаго нѣмцамъ предпріятія графа Гогенварта.

Въ новѣйшей политической исторіи Австріи весьма важенъ 1871 годъ. Онъ именно представилъ сперва попытку расширить автономію областей, а когда эта попытка не удалась, то окончательно — какъ тогда казалось — закрѣпилъ существующій строй преобладанія нѣмцевъ въ Цислейтаніи (централизмъ) въ соотвѣтствіи съ господствомъ мадьяровъ въ Венгріи. Въ томъ году было назначено и пало министерство Гогенварта, въ томъ же году былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, главнымъ министромъ всей имперіи, мадьяръ — нѣкогда сражавшійся противъ Австріи — графъ Андраши. Теперь, стало быть, приходится именно вспомнить о 1871 годѣ.

Тогда, послѣ коалиціоннаго кабинета графа Потоцкаго, было образовано министерство Гогенварта, въ которое было двое чеховъ: Хабетинень и Йиречекъ. Образованіе этого министерства явилось сюрпризомъ для всѣхъ, не исключая и самого тогдашняго канцлера имперіи — графа Вейтца; новое министерство было продуктомъ личнаго почина императора Франца-Иосифа, или окружающей его придворно-военной партіи (въ то время говорили о вліяніи оберъ-камергера графа Кренивицка). И нигдѣ далеко не выяснено: зналъ ли графъ Андраши о предстоящемъ преобразованіи кабинета, о назначеніи президентомъ цислейтанскаго совѣта министра — графа Тааффе; и теперь, какъ тогда, въ новомъ кабинетѣ является чехъ. Многіе приписываютъ даже подачу графа Андраши въ отставку именно такому неожиданному для него составленію цислейтанскаго министерства.

Программой министерства Гогенварта (официально заявленной) было: „предложение государственному и (национальнымъ) сеймамъ ряда законопроектовъ, съ цѣлью предоставленія землямъ такого возможнаго расширенія законодательной и административной автономии, какое совмѣстно съ единствомъ государства, необходимыхъ для охраненія самихъ тѣхъ земель“. Гогенвартъ осуществилъ соглашеніе съ галиційскими поляками и условился съ чехами въ проектѣ соглашенія. Но противъ этого проекта выступилъ сперва канцлеръ, графъ Бейстъ, а за нимъ и венгерскій министръ-президентъ — графъ Андраши — отъ лица Венгрии. Императоръ уволилъ Гогенварта, но вслѣдъ затѣмъ уволилъ и Бейста, а на мѣсто его назначилъ Андраши (впрочемъ, безъ титула канцлера). Дѣло соглашения съ чехами и въ тотъ разъ не удалось не столько вслѣдствіе яростнаго сопротивленія, какое оно встрѣтило въ нѣмецкой вѣрно-конституціонной партіи цислейтанскаго сейма, сколько именно вслѣдствіе преувеличенныхъ требованій самихъ чеховъ, возбуждавшихъ сопротивленіе мадьяръ, а съ ними и опасность поколебать все зданіе, заложенное на соглашеніи съ Венгрією. Требования чеховъ заходили гораздо дальше размѣровъ дѣйствительнаго значенія чешской народности въ Австро-Венгрію. Созданіе коронаціоннаго сейма, разработка имъ чешской конституціи, провозглашеніе этой конституціи грамотою короля, присяга Франца-Иосифа въ качествѣ короля Богеміи и коронованіе короною св. Вячеслава — весь этотъ нынешній аппаратъ, представлявшій просто сколокъ съ Деаковой программы востановленія венгерской законности, былъ излишенъ, такъ какъ долженъ былъ возбудить неудовольствіе богемскихъ нѣмцевъ и другихъ областей, которыя также зовутся королевствами, герцогствами и т. д., а никакихъ коронованій не требовали. Чехи дошли до того, что выражали необходимость признанія богемскимъ сеймомъ соглашенія, послѣдовавшаго въ 1867 году между австрійскимъ правительствомъ и Венгрією. Это-то послѣднее требованіе и „перешло чашу“ въ то время.

Надо надѣяться, что наученные тогдашнимъ пригнѣтомъ, и уже непрізнающіе безусловно г. Ригера своимъ Деакомъ (какъ извѣстно, національная партія раздѣлилась на двѣ части), чешскіе политики не будутъ теперь становиться на почву „исторической законности“, а просто удовольствуются требованіемъ равныхъ правъ автономіи для всѣхъ земель Цислейтаніи и болѣе справедливаго избирательнаго закона. Если бы это случилось, то трудно предвидѣть, какъ бы могли мадьяры помѣшать такому преобразованію цислейтанскаго строя, хотя и были бы низъ, конечно, крайне недовольны, такъ какъ

тѣ же условія потребовались бы впоследствии отдѣльными землями венгерской короны.

Въ новой попыткѣ къ сближенію съ чехами мы видимъ личный починъ императора Франца-Иосифа, личное его желаніе, а повтореніе его попытки въ этомъ смыслѣ доказываетъ искренность его желанія. Поэтому, мы придаемъ нынѣшнему повороту въ цислейтанскихъ дѣлахъ весьма важное значеніе, и думаемъ, что чехамъ, при умѣренности, не трудно было бы самымъ существеннымъ образомъ пожелать нѣмецко-централистскую систему, основанную на конституціи 1867 года.

Знаменательно и то, что вмѣстѣ съ назначеніемъ чека въ цислейтанское министерство, какъ было въ 1871 году, увольняется и графъ Андраши, назначенный имперскимъ министромъ вслѣдъ за неудачею попытки 1871 года.

Впрочемъ, большая часть европейскихъ газетъ объясняютъ предстоящее его увольненіе—тѣми перипетіями, чрезъ которыя прошло австрійское предпріятіе въ Босніи и Герцеговинѣ. Говорятъ, что занятіе этихъ турецкихъ областей было вынуждено придворно-военною партіей и должно было окончиться присоединеніемъ ихъ къ Австро-Венгріи; что австрійскіе генералы указывали на важное значеніе, какое имѣло бы занятіе австрійцами Митровицы, стоящей во главѣ желѣзной дороги къ Эгейскому морю. Извѣстно, что вступленіе австро-венгерскихъ войскъ въ Турцію доселѣ не привело ни къ чему похожему на эти результаты, а это объявляется нерасположеніемъ мадяровъ къ усиленію славянскаго элемента въ имперіи. Графъ Андраши, начавъ предпріятіе, которое сперва ознаменовалось рядомъ военныхъ неудачъ для австрійцевъ, остановилъ его потомъ на полдорогѣ, заключивъ конвенцію съ Портою, оговорившую неприкосновенность верховныхъ правъ султана на тѣ области и обозначившую размѣры занятія новобазарскаго санджака австрійцами, въ согласіи съ турецкими властями. Между тѣмъ, по слухамъ, придворная военная партія не оставила своихъ видовъ на вознагражденіе для Австро-Венгріи въ Турціи. Въ послѣднее время говорили различно о предстоящемъ вступленіи австрійцевъ въ новобазарскій санджакъ, и, повидимому, графъ Андраши расходился съ придворно-военной партіей въ мнѣніяхъ относительно окончательныхъ цѣлей этого расширенія австрійской оккупации. И вотъ, существуетъ догадка, что графу Андраши, наконецъ, повредила его заботливость о сохраненіи популярности въ Венгріи; что ему была вѣнена въ вину готовность приносить въ жертву мадярскому патриотизму — общіе интересы монархін.

Мы воздержались отъ предположеній о вѣроятномъ преемникѣ графа Андраши. Доселѣ называли графовъ: Кароли и Сеченьи, бароновъ Гоффмана и Геймерле. Но первые два — все-таки мадьяры (хотя Кароли плохо знаетъ по-мадьярски и, говорятъ, поэтому-то и отказался) и не видно, что было бы выиграно замѣною графа Андраши однимъ изъ нихъ. Оба послѣдніе — недостаточно выдающіеся люди (и недостаточно богаты) для замѣтїа этого поста. По слухамъ, самъ графъ Андраши указывалъ на барона Геймерле. Извѣстно, что Андраши недавно имѣлъ свиданіе съ кн. Бисмаркомъ. Но объ этомъ судятъ также весьма различно: одни говорятъ, что свиданіе это было условлено еще раньше, чѣмъ увольненіе Андраши было рѣшено въ принципъ; другіе, что цѣлью свиданія было — желаніе гр. Андраши рекомендовать своему покровителю, кн. Бисмарку, своего протежѣ, бар. Геймерле, въ качествѣ будущаго министра иностранныхъ дѣлъ. Въ такомъ предположеніи, съ назначеніемъ бар. Геймерле, гр. Андраши все-таки остался бы негласнымъ руководителемъ австрійской политики.

М. Стасюлевичъ.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“

въ С.-Петербургѣ, Васи. Остр., 2 л., 7.

ОТДѢЛЕНИЕ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ

въ Москвѣ, Книжный магаз. Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ-мосту.

NEW YORK
PUBLIC LIBRARY

ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS.
R 1902 L

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

въ 1879-мъ году.

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“, ежемѣсячный журналъ исторiи, политики, литературы, въ 1879-мъ году издается въ томъ же объемѣ и въ тѣ же сроки: 12 книгъ въ годъ, составляющихъ шесть томовъ, — каждый около 1,000 страницъ большого формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ГОДЪ—12 книгъ:

Въ Россiи: За границу:

1) Съ пересылкою, чрезъ Газетную Экспедицію	17 р. — к.	19 р.
2) Съ доставкою, по городской почтѣ, въ Спб.	16 > — >	— >
3) Безъ доставки, въ Главной Конторѣ журнала	15 > 50 >	— >

ЧЕТВЕРТЬ—3 книги, съ доставкою и пересылкою . 5 > — > 7 >

Примечанiе.—Подписка по четвертямъ открывается съ января, апрѣля, июля и октября.

МѢСЯЦЪ—1 книга, съ доставкою и пересылкою . 2 > 50 > 3 >

Подписывающiеся въ Москвѣ, въ Отдѣленiи Главной Конторы журнала, при книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ-мосту, могутъ получать при подпискѣ тамъ же всѣ прежде вышедшiе номера журнала.

Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычнымъ уступкою

На оборотѣ:

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція отпечаетъ въполнѣ за точную и своевременную доставку журнала городскимъ подписчикамъ Главной Конторы, и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму *по почтѣ* въ Редакцію «Вѣстника Европы», въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ (NB) *допущена* правильная выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адреса просить извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстожителства; при перемѣнѣ адреса годового экземпляра изъ городскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к.; изъ иногородныхъ въ городскіе—50 к.; и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностранные — недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующаго номера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются особо тѣмъ изъ иногородныхъ, которые приложить къ подписной суммѣ 16 коп. почтовыми марками.

Въ Главной Конторѣ журнала и въ ея Московскомъ Отдѣленіи можно получать полные экземпляры «Вѣстника Европы» за 1879 годъ.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ
ТИПОГРАФИИ М. ОТАСЮЛЕВИЧА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, В. О., 2-я лин.,

д. № 7.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

ВЪ ЖИЗНЕОПИСАНІЯХЪ ЕЯ ГЛАВНѢЙШИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ.

Н. Костомарова.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ, исправленный. — Спб. 1879. Стр. 244. Ц. 1 р. 25 к.

Тамъ же остальные пять выпусковъ: 6 р. 85 к.

ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ

ПО ИМУЩЕСТВАМЪ И ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМЪ, ВЪ ПРИМѢНЕНИИ КЪ РУССКОМУ ЗАКОНОДАТ.

К. Кавелина.

Опытъ систематическаго обзорѣнія. Спб. 1879. Стр. 410. Ц. 3 рубля.

ПИСЬМА ИЗЪ ВОЛГАРИИ

Евг. Утина.

Спб. 1879. Стр. 471. Ц. 2 руб. 50 коп.

Гр. ЛЕВЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ТОЛСТОЙ.

Избранныя мѣста изъ романовъ, повѣстей, рассказовъ, съ биографическимъ очеркомъ и портретомъ.

Томъ IX-ый „РУССКОЙ БИБЛИОТЕКИ“.

Спб. 1879. Стр. 384 и VII. — Цѣна 75 коп.; въ англійскомъ перекл. 1 руб.

КУРСЪ

ПРОМЫШЛЕННОЙ ЭКОНОМИИ И КОММЕРЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

ВЪ СВЯЗИ СЪ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОЙ СТАТИСТИКОЙ РОССИИ И ГЛАВНѢЙШИХЪ ГОСУДАРСТВЪ МИРА.

Одобрено Ученымъ Комитетомъ Минист. народн. просвѣщ. для реальныхъ училищъ.

А. Н. Субботинъ.

С.-Петербургъ. 1878. Стр. 828. Цѣна 2 рубля.

ИСТОРИЯ СЛАВЯНСКИХЪ ЛИТЕРАТУРЪ

А. Н. Нынина и В. Д. Сивосвита.

Издание второе, вновь переработанное и дополненное, въ двухъ томахъ. Томъ I.
Стр. 447. Спб. 1879. Ц. 8 рубль, съ пересыл.

ВОСПОМИНАНИЯ И КРИТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

П. В. Анненкова.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ: собраніе критическихъ статей, очерковъ и замѣтокъ, за 20 лѣтъ
1848—68 гг. Спб. 1879. Стр. 404. Ц. 1 р. 50 к. — Цѣна за оба тома — 8 р.

КАТАКОМБЫ.

ПОВѢСТЬ ИЗЪ ПЕРВЫХЪ ВРЕМЕНЪ ХРИСТИАНСТВА.

Евгеніи Туръ.

С.-Петербургъ. 1878. Стр. 287. Цѣна 1 рубль.

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ

РУССКОЙ НАРОДНО-УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Составленъ по порученію Комитета Грамотности, состоящаго при Императорскомъ
Вольномъ Экономическомъ Обществѣ, спеціальной Комиссіей.
Спб. 1878. Стр. 744. Цѣна 2 руб., съ пер. 2 руб. 50 коп.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА ЭМИЛЯ ЗОЛА.

ИЗЪ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ (1875—1877).

ТОМЪ I: Бальзакъ. — Флоберъ. — Гонкуръ. — Додэ. — А. де-Мюссе. — Тэнъ. —
Шатобрианъ. — Тьеръ. — Ж. Зандъ. — В. Гюго. — А. Дюма-сынъ.
Спб. 1878. Стр. 351. Цѣна 1 рубль.

ВЪЛИНСКІЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ПЕРЕПИСКА.

Сочиненіе А. Н. Нынина. Въ двухъ томахъ. Спб. 1876. Цѣна 4 рубль, съ пер.
4 руб. 50 коп.

Въ этомъ отдѣльномъ изданіи біографія Вѣлинскаго значительно дополнена новыми
ріалами, явившимися въ печати за послѣднее время, и новыми редакционными
скаго, доселѣ ненаданными.

Книгопродавцамъ обычная уступка.

За пересылку по почтѣ многородные прилагаютъ 10% съ цѣны
въ круглыхъ цифрахъ.

ВЪСТЪЖЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ.

ЛІТЕРАТУРЫ.

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 10-Я.

ОКТАВРЬ, 1879.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 10-я. — ОКТЯБРЬ, 1879.

I.—ДОМАШНИЙ ОЧАГЪ.—Повѣсть.—ХП-ХVIII.—Д. Н. Статѣва	449
II.—ВАШИНГТОНЪ.—Очерки столицы и правительства Соединенныхъ-Штатовъ Америки.—Изъ наблюдений русскаго путешественника по Америкѣ въ 1878 г. —I-V.—Всев. Митропольскаго.	514
III.—ПОЛОСА.—Очеркъ.—Л. Н.	574
IV.—ЧЕРНОГОРСКІЯ ЖЕНЩИНЫ.—XI-XVI.—Окончаніе.—П. Ю. Поповича- Липовца	639
V.—СОВРЕМЕННЫЙ РОМАНЪ ВЪ ЕГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯХЪ.—III.—Вет- тольдъ Ауэрбаха.—Z. Z.	679
VI.—ЗВѢЗДНЫЙ СВѢТЪ.—Изъ Лонгфелло.—Д. Л. М.	730
VII.—РОССІЯ И АНГЛІЯ ВЪ СРЕДНЕЙ АЗИИ.—В. К.	732
VIII.—НОВЫЕ ПИСАТЕЛИ О РОССІИ.—Князь Любомірскій и Николай Карго- вичъ.—Л. А. въ	754
IX.—ХРОНИКА.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Новыя книги русскои и ино- странныхъ литературъ.	770
X.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Судебная практика и нравы.—Беззащитность ремесленнхъ учениковъ.—Безнаказанность предпой желѣзно-дорожной эконо- міи.—Подсудность военно-служащихъ за общія правонарушенія.—Дисциплинар- ный уставъ.—Особенности военно-судебныхъ уставовъ.—Новый законъ о земствѣ.—Поступленіе таможенныхъ сборовъ.—Налогъ на соль	791
XI.—НОВѢЙШІЕ ТРУДЫ ПО ТЕОРИИ, ПРАКТИКѢ И КРИТИКѢ ПРОМЫСЛО- ВАГО НАЛОГА.—М. А.	812
XII.—КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.—Наканунѣ рѣшенія военныхъ вопросовъ.—К.	824
XIII.—ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.—LIII.—Сентъ-Бѣвъ и его критическая школа. —Эм. Зола	846
XIV.—ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА.—Чернильная война	860
XV.—БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Въ области вѣчнаго льда, Фр. Гельвальда. —Хивинскій походъ, альбомъ.—Наши дѣятели, томъ V.—Русская женщина въ войну 1877—78 гг. Сост. П. А. Плавинскій.—Систематическій сборникъ рѣшеній Правительствующаго Сената, разъясняющихъ Городовое положеніе, сост. бар. В. Майдель и В. Вильямовъ.	

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: I—XII стр.

Объявленіе объ изданіи журнала „Вѣстникъ Европы“ въ 1880 г. см. ниже, на обратнѣ.

ДОМАШНІЙ ОЧАГЪ

ПОВѢСТЬ.

ХІІ.

— Ну, что? Какъ? Благополучно?.. Все устроилось, да?

— Ничего не устроилось... все такъ же... тоже...

Вопросы были сдѣланы поспѣшно и настойчиво, отвѣтъ былъ данъ тихій, неторопливый и почти спокойный, и сейчасъ же вслѣдъ за нимъ снова раздались новые вопросы, стремительно слѣдовавшіе одинъ за другимъ.

— Да что же ты молчишь, что же ты не слышишь, что ли? Я тебя спрашиваю, понимаешь, тебя...

Такъ приставала съ вопросами къ Павлу Павловичу Коромыслову его жена, не дождавшись даже, пока онъ сниметъ въ передней верхнее платье и войдетъ въ комнату. Она встрѣтила его въ передней, поспѣшно идя со свѣчей въ рукахъ на его звонокъ. Толкнувъ свѣчу на столъ, она быстро отворила ему дверь и сама же и заперла ее за нимъ. Въ дверяхъ изъ комнаты появилась-было горничная въ чистомъ передникѣ и шумящемъ крахмаленномъ платьѣ, но была отпращивена тотчасъ же обратно.

— Пойди, Анна, ты здѣсь не нужна, пойди. Я позову, когда будетъ нужно,—сердито хмурясь, проговорила барыня, и тотчасъ же обратилась къ мужу съ вопросами. Онъ снялъ съ себя шарфъ, бережно поставилъ въ уголъ калоши, освободился отъ верхняго пальто и, глубоко вздохнувъ, пошелъ чрезъ залу въ свой кабинетъ. Жена слѣдовала за нимъ и почти, можно сказать, тормозила его, приставая съ вопросами. Онъ не то чтобы

не хотѣлъ отвѣчать, или не могъ, онъ, вѣрнѣе сказать, хотѣлъ поскорѣе сѣсть, чтобы отдохнуть, такъ какъ это намѣреніе обнаружилось въ немъ даже при переходѣ чрезъ залу, когда онъ на секунду было остановился у стула и хотѣлъ опуститься на него, но, собравъ силы, пошелъ далѣе, представивъ, что лучше сѣсть «въ своемъ углу».

— Ну, что же, что же, говори, устроилось?

— Ничего, Ольга Ивановна, не устроилось, все дѣло въ томъ же положеніи, — сказалъ онъ, безвильно опускаясь въ кресло.

— Но въ такомъ положеніи дѣло не можетъ оставаться. Нужно непременно, чтобы онъ далъ тысячу рублей, чтобы непременно, иначе какъ же мы покончимъ расчетъ по векселю. Завтра утромъ онъ придетъ, будетъ требовать долгъ... Если мы не заплатимъ, то, ты знаешь, онъ подастъ ко взысканію, тогда разговоры плохіе, вся наша мебель полетитъ ни за что, да еще, кромѣ того, онъ меня можетъ посадить подъ арестъ, а тебѣ, тебѣ на службѣ-то что будетъ! — Стыдъ! скандалъ!..

Павелъ Павловичъ прислонился затылкомъ къ спинкѣ кресла, на которомъ сидѣлъ и упорно молчалъ. Жена не переставала говорить все на ту же тему, охая и пугаясь и видимо стараясь заразить такимъ же испугомъ и мужа.

— Нужно необходимо завтра утромъ, нужно необходимо. Пойми, какая намъ грозитъ опасность... — повторяла она уже нѣсколько разъ.

— За что же это вы меня ставите въ такое положеніе, за что? — спросилъ тихимъ жалобнымъ голосомъ Павелъ Павловичъ, и закрылъ глаза, какъ обыкновенно дѣлалъ всегда въ тѣхъ случаяхъ, когда хотѣлъ сосредоточить на чемъ-либо свои мысли.

— Ахъ, пожалуйста безъ упрековъ, теперь поздно, теперь нужны деньги, а не упреки; упреками дѣлу не поможешь...

— Но для чего же, для чего же вы столько времени скрывали отъ меня объ этомъ долгѣ?

— Отстань, пожалуйста. Ну, что тебѣ изъ этого теперь-то? теперь-то, понимаешь, когда это бесполезно? Ну, не было денегъ, ну, выдала вексель, думала, что вотъ какъ-нибудь потомъ, послѣ... ну, изъ опекунскихъ денегъ... Ну, Семѣнъ Игнатьевичъ предложить тебѣ....

— Да съ какой стати такіа думы?

— Такъ неужели только тѣмъ и ограничиться, что взято до сихъ поръ...

— А сколько, по-твоему, взято?

— Пожалуйста не скрывайте, знаю. Вы и то уже надобли мнѣ съ этими счетами... Знаю, что взято до семи тысячъ...

— А развѣ это мало? Поймите, вѣдь это совершенно даромъ, вѣдь это, если можно правдѣ говорить, преступленіе, подкупъ...

На лицѣ ея при этихъ словахъ мужа выразилось почти презрѣніе къ нему, и подъ вліяніемъ этого чувства она засмѣялась, дѣлая быстрый поворотъ въ сторону.

— Ха, ха, ха, какъ строго! Какой рыцарь! — И затѣмъ, снова быстро повернувшись къ мужу, она ниспѣшно спросила:

— А сколько за Людмилой они приданого возьмутъ?

Павелъ Павловичъ молча пожалъ плечами, не отвѣчая на ея вопросъ.

— За Людмилой приданого дѣйсти тысячъ, и они очень хорошо знаютъ, что въ нашей волѣ разстроить этотъ бракъ... Пожалуйста, не хмурьтесь: Семенъ Игнатьевичъ очень умный человѣкъ и не будетъ бросать понапрасну тысячами. Онъ знаетъ, что шестнадцатилѣтняя дѣвушка можетъ быть легко направлена въ какую угодно сторону; кромѣ того, ему очень хорошо извѣстно, что я значу здѣсь, въ вашемъ семействѣ. Пожалуйста, пожалуйста, не хмурьтесь. Я знаю себѣ цѣну, и повѣрьте, что тотъ же Семенъ Игнатьевичъ не далъ бы вамъ ста рублей, если бы не было меня... А теперь, кромѣ семи тысячъ, можно еще взять столько же...

На всю эту длинную тираду Павелъ Павловичъ ничего не отвѣчалъ и, прислонившись головой къ спинѣ кресла, смотрѣлъ въ потолокъ.

— Я не знаю, что ты такъ ломаешься; я думаю, ты просто хочешь подразнить меня. Ты, ни чуть не стѣсняясь, можешь заплатить и изъ Людмилиныхъ денегъ, ты опекунъ и твоя власть.

Онъ руками развелъ и, склонивъ голову, сдѣлалъ какъ-бы поклонъ своей супругѣ.

— Покорно благодарю, Ольга Ивановна, за добрый совѣтъ.

— Да что-жъ тутъ худого? Конечно, ты можешь показывать въ книгахъ какіе угодно расходы, кто тебѣ мѣшаетъ?

— Кажется, ихъ уже достаточно показано. Подождите, вотъ выйдетъ замужъ Людмила, потребуютъ отчеты, тогда узнаемъ...

— Вотъ вздоръ какой! Развѣ это возможно, отъ дяди-то отчетъ?

— Но вѣдь у ней будетъ мужъ. Онъ можетъ ее противъ насъ возстановить... Нѣтъ, нѣтъ, ужъ какъ вамъ угодно, нужно знать всему границу...

— Но что значить тысяча рублей? Одна тысяча! — вѣдь это ровно ничто.

— Я не могу, я не могу, рѣшительно нѣтъ силъ. Идите сами денегъ, гдѣ хотите, я отказываюсь отъ всего.

— Почему? Почему? Вы не дадите? Вы хотите скандала?

Она съ жервною дрожью въ голосѣ приставадала въ нему съ вопросами, причѣмъ не разъ сердито отбрасывала назадъ свои черныя распущенныя волосы, широкой массой волыхавшіеся на ея спинѣ. Бѣлый ночной капоть съ кружевными рукавами, тоже замѣтно мѣшавшими ей, теперь, при ея быстрыхъ движеніяхъ, отбрасывался въ подолъ то въ ту, то въ другую сторону, смотря по тому, съ которой стороны она подбѣгала въ креслу мужа.

— Свѣчу, кажется, оставили въ передней, — тихо замѣтилъ онъ, вздыхая.

— Ну, вотъ еще! Стѣдуетъ теперь думать о какой-то тамъ свѣчѣ!.. И я непонимаю, какъ это ты способенъ на такія мелочи...

Однакоже она, хотя и подернула раза два нервически плечами, а все же за свѣчой въ переднюю сходила и, потушивъ, сунула ее въ залу на столъ.

Статная, высокая, полная и весьма красивая брюнетка, съ черными глазами и съ яркимъ румянцемъ во всю щеку, она могла, такъ-сказать, покорять сердца. Но, говорить, мужья плохіе цѣнители красоты своихъ женъ, и мужъ, къ которому такъ настойчиво обращалась съ своими вопросами жена, не замѣчалъ ея красоты. На ея настойчивыя требованія объясненій и приставаній, непрерывно слѣдовавшія одно за другимъ, онъ отвѣчалъ короткими, почти односложными словами, и только по временамъ тяжело вздыхалъ какъ человѣкъ утомленный.

— Такъ неужели же, въ самомъ дѣлѣ, изъ-за такихъ пустяковъ, какъ, напримѣръ, тысяча рублей, ты доведешь себя до скандала—потерать по службѣ... въ общественномъ мнѣніи... Да говори же, говори... Боже мой, какой ты невыносимый!

Онъ молча сидѣлъ съ закрытыми глазами. Богъ знаетъ, хотѣлъ ли онъ, закрывая глаза, сосредоточиться, чтобы дать женѣ болѣе подробный и обстоятельный отвѣтъ, или искалъ успокоенія отъ ея непрерывавшагося говора. Но вотъ онъ какъ бы очнулся отъ забытья и, грустно поникнувъ головой, проговорилъ:

— Я уже сказалъ вамъ, Ольга Ивановна, что съ опекунскими деньгами нужно быть крайне осторожнымъ. Расходы и то ведутся непомѣрные: мало вы, что ли, сбиваете Людмилу на разныя глупости, по которымъ въ общемъ счетѣ выходитъ большая сумма. Я скорѣе соглашусь опять взять у Семена Игнатьевича и именно такъ хотѣлъ теперь сдѣлать, тѣмъ болѣе, что уже скоро и свадьба, но Семена Игнатьевича теперь беспокоитъ

не только нельзя, но даже было бы безчеловѣчно: ему только вчера дѣлали операцію... Я не спрашиваю васъ, Ольга Ивановна, куда вы издержали эту тысячу рублей... но я бы хотѣлъ только одно у васъ спросить:—за что вы меня такъ терзаете?

— Ну, что ты, что ты меня упреждаешь! Нечего перетрясать прошлое, я говорю о настоящемъ, и вы должны отвѣчать мнѣ. Я увѣрена, что нѣтъ такого труднаго положенія, изъ котораго нельзя было бы выйти. Слышите, Павелъ Павловичъ, слышите: нѣтъ такого положенія, тѣмъ болѣе для насъ оно не можетъ существовать, когда въ твоихъ рукахъ находится такая громадная сумма денегъ.

— Чужихъ-то? — отвѣтилъ онъ, вздыхая.

— Это все равно — свои ли, чужія-ли, а если ими можно распорядиться, что тутъ разсуждать!

Онъ вздохнулъ и промолчалъ, справедливо сознавая, что спорить въ данномъ случаѣ бесполезно, да и вообще онъ никогда не спорилъ, а проговорить по обыкновенію ровно и тихо все, что считаетъ нужнымъ сказать, и умолкнуть.

Ольга Ивановна еще долго волновалась, задавая мужу вопросы, сама дѣлала на нихъ отвѣты, а онъ все оставался почти въ прежнемъ положеніи, только ноги вытянулъ впередъ и, приложивъ носки сапоговъ одинъ къ другому, грустно смотрѣлъ на нихъ, точно жалѣлъ не о томъ, что жена дѣлаетъ ему тысячи неприятностей, а о томъ, что у него такіа крошечныя, почти дѣтскія ноги. Но едва ли онъ не болѣе страдалъ, чѣмъ жена, хотя и не волновался почти. Она горячилась, спорила, старалась доказать мужу, что изъ всякаго положенія можно выйти, а онъ молчалъ и только чувствовалъ, какая тяжесть лежитъ у него на сердцѣ и какъ трудно, даже совсѣмъ невозможно отъ нея избавиться.

— И все это страданіе, которое я несу теперь не по силамъ на своихъ плечахъ, выпало мнѣ, Ольга Ивановна, черезъ васъ... Ну, представьте себѣ, куда ушли всѣ эти семь тысячъ, которыя мы перебрали у Семена Игнатьевича? Куда? Все на ваши потребности, все на васъ... Къ чему вся эта обстановка, когда жалованье мое всего-то на всего сто рублей въ мѣсяцъ...

— Это, наконецъ, нелѣпо, вы распоразаетесь въ годъ доходами въ двѣнадцать тысячъ рублей съ Людмилашна капитала — и это еще вамъ мало.

— Мало! — грустно улыбаясь, повторилъ онъ:—мы, Ольга Ивановна, наизвѣстно переинтерпретируете значеніе словъ: я говорю о своихъ деньгахъ, а не о Людмилиныхъ, въ которыхъ нужно

будетъ давать отчетъ... Знаю, знаю; пожалуйста, не размахивайте такъ руками... Я знаю: если бы вамъ дать полную волю, то вы не только бы проценты со всего этого капитала прожили въ одинъ годъ, но и самый капиталъ ухитрились бы растратить... Въ этомъ я нисколько не сомнѣваюсь... Но смѣю васъ увѣрить, что счастливѣе отъ такихъ безумныхъ тратъ вы не сдѣлаетесь; напротивъ, мы были бы неизмѣримо счастливѣе, еслибъ наши расходы не превышали нашихъ доходовъ.

— Съѣхать на ваше мизерное жалованье; жить на тысячу двѣсти—благодарю васъ!

Она рѣзко и порывисто отвернулась отъ мужа въ сторону и нечаянно увидѣла себя въ зеркалѣ, на которое тускло падалъ свѣтъ кабинетной лампы. Мгновенно замѣтивъ всѣ неисправности въ своемъ туалетѣ, приключившіяся отъ продолжительныхъ и слишкомъ быстрыхъ движеній, вызванныхъ событіями этого вечера, она, моментально, поправила свои волосы, обдернула рукавчики кофты и тронула по лицу платкомъ около губъ и глазъ. Все это было дѣломъ одного почти мгновенія—и тотчасъ же вслѣдъ за этимъ опять полились изъ ея устъ быстрыя и горячія рѣчи.

Павелъ Павловичъ, уже раза два встававшій съ своего кресла и снова въ него садившійся, при усиленіи звука голоса его супруги, теперь опять поднялся на ноги и, подойдя къ двери, ведущей въ залу, плотно притворилъ ее. Супруга презрительно оглянула его съ ногъ до головы, впрочемъ противъ притвора двери ничего не возразила, очевидно сознавъ, что это даже и необходимо, въ особенности въ виду звучности ея высокаго голоса. Притворивъ дверь, Павелъ Павловичъ медленно прошелся по комнатѣ. Его тощая небольшая фигура, казалось, сдѣлалась еще меньше, и шаги его, всегда осмотрительные и тихіе, теперь, казалось, были еще тише. Смотря на него можно было подумать, что онъ ходитъ по расчищенному льду и боится поскользнуться.

— Удивительно смѣшно — довольствоваться малымъ! какая скромность! — злобно улыбаясь, говорила между тѣмъ Ольга Ивановна, останавливаясь предъ самымъ лицомъ супруга: — довольствоваться малымъ! — Она покачала головой, выражая какъ-бы сожалѣніе къ своему супругу, намѣревающемуся подчиниться такимъ отсталымъ правиламъ, и презрительно добавила:

— Эхъ, вы!

Два-три момента послѣ этого презрительнаго восклица прошли почти въ молчаніи, но за ними слѣдомъ налетѣла новая волна гнѣва Ольги Ивановны, быстро опять наступившей на супруга.

— Кто виноватъ, кто виноватъ? — приставала супруга: — все

ты же! Ты не предусмотрѣлъ, ты во-время не успѣлъ уклониться отъ опеки надъ Людмилой.

— Ну, вотъ еще! Конечно, кто же во всемъ виновать, какъ не я!

— Конечно, ты. Ты не удержалъ меня во-время отъ расходовъ, ты часто поддавался моимъ просьбамъ. Ну, конечно, я женщина, ты долженъ былъ меня удержать.

— Вотъ вы какъ рассуждаете. Не такъ вы говорили прежде, въ особенности въ то время, когда нужно было вамъ денегъ.

— Кто-жъ вамъ велѣлъ тогда не сдѣлать по-своему? Разъ одинъ вы исполнили мою просьбу—и на васъ вся вина... Теперь какъ хотите, такъ и дѣлайте, а тысячу рублей завтра платить нужно...

— Я не занималъ и не считаю нужнымъ платить.

— Я занимала, я, ваша жена...

— Но если ты меня обвиняешь въ томъ, что я часто поддаюсь твоимъ капризамъ, часто расходую изъ опекунскихъ денегъ на такіе предметы, на которые долженъ бы расходовать свои, то кого же теперь ты обвинишь, что ухитрилась еще и подъ вексель гдѣ-то тысячу рублей взять.

На этотъ вопросъ Ольга Ивановна не нашлась, что отвѣтить, и съ большимъ жаромъ воскликнула:

— Ахъ, это, наконецъ, нестерпимо!

Она схватила руками за свою голову и долго оставалась въ такомъ положеніи, видимо, подъ гнетомъ одолѣвавшихъ ее думъ. Вслѣдъ за этимъ силы ее какъ-будто оставили, или уже гнѣвъ ея, такъ-сказать, весь израсходовался,—она подошла къ креслу, на которомъ сидѣлъ мужъ, и, опустившись на сосѣдній стулъ, сказала почти шопотомъ:

— Да вѣдь нельзя же, нельзя же, Павелъ Павловичъ, такъ вотъ—сложить руки и не предпринять ничего...

Онъ взумленно на нее взглянулъ.

— Какъ это у васъ все скоро мѣняется, — тихо проговорилъ онъ и нѣсколько даже отодвинулся отъ ея стула.

— Ну, пожалуйста, не раздражайте меня: я не хочу ссоръ, я хочу, чтобы все шло спокойно и ровно, чтобы... безъ неприятностей...

— Кто же дѣлаетъ ихъ?

— Ахъ, довольно! Какой вы невыносимый! Нужно же, наконецъ, все это кончить: уже второй часъ ночи.

Шопотъ ея былъ полонъ такой истомы и грусти, какъ-будто она изнемогала подъ тяжестью давившей ее тоски; но, вѣроятно,

уже Павлу Павловичу были не новостью такіе рѣзкіе переходы отъ шумныхъ распеканій къ нѣжному шопоту, потому что онъ оставался почти въ прежнемъ состояніи духа. Какое это было состояніе, точно опредѣлить не легко, но что въ немъ въ достаточной степени замѣчалась уступчивость, даже нѣкоторая доля опасенія, что вотъ-вотъ, Ольга Ивановна, отдохнувъ, опять вскочитъ на ноги и пуще прежняго налетитъ на него съ упреками — это было замѣтно.

— Ты обратись къ Петру Семеновичу, скажи, вотъ такъ и такъ... крайность... — шептала Ольга Ивановна.

— Это невозможно!

— Какъ невозможно? Почему — невозможно, когда есть крайность!...

— Невозможно, потому что Петръ Семеновичъ ничего не знаетъ о моихъ отношеніяхъ къ Семену Игнатьевичу.

— Тѣмъ лучше: больше еще можно взять.

— Помилуй! Какая же можетъ быть у меня крайность, когда я распоряжаюсь опекунскими деньгами... Кто же можетъ повѣрить моей крайности? Другое дѣло Семенъ Игнатьевичъ — онъ всегда самъ предлагалъ, предупреждалъ, такъ-сказать, меня: я не успѣю вздохнуть о своихъ собственныхъ неопекунскихъ дѣлахъ, — какъ онъ уже мнѣ предлагаетъ, то пять-сотъ, то шесть-сотъ... А развѣ сынъ такъ ссумѣетъ, — и гдѣ ему быть такимъ сообразительнымъ!

— Поѣзжай къ Кузьмѣ Ильичу: онъ тебѣ родственникъ — проси у него, — добавилъ Павелъ Павловичъ, улыбувшись.

Но, вѣроятно, Кузьма Ильичъ былъ уже въ достаточной степени горекъ Ольгѣ Ивановѣ, потому что при произнесеніи его имени она вскочила со стула, какъ ужаленная, и опять начала распекавъ Павла Павловича.

Прошло еще нѣсколько времени, и Ольга Ивановна, уже не входившая въ роль нѣжно-шепчущей жены, быстро вышла изъ кабинета.

Въ залѣ, по-прежнему, было пусто и одинокая лампа едва освѣщала комнату. Стулья, стоявшіе въ правильномъ порядкѣ вдоль стѣнъ, сливались въ дальнемъ углу залы въ общую массу, и только отъ стола, на которомъ стояла лампа, тянулась по крашеному полу полоса свѣта, исчезнувшая при входѣ въ залу Ольги Ивановны, быстро отворившей дверь изъ кабинета. Она прошагала по комнатѣ съ тою же поспѣшностію, съ какою шагала по кабинету мужа. Казалось, безмолвные стулья, тѣсно сгучившіеся около стѣнъ комнаты, вдругъ всѣ встрепенулись,

освѣщенные новой полосой свѣта, хлынувшего изъ комнаты Павла Павловича, и испуганные тѣмъ, что Ольга Ивановна прошла такая взволнованная и сердитая.

XIII.

Оставшись одинъ, Павелъ Павловичъ смотрѣлъ вслѣдъ уходящей женѣ и нѣкоторое время не измѣнялъ даже своего положенія въ креслѣ. Дверь изъ его комнаты въ залу осталась растворенной, и онъ безсознательно слѣдилъ, какъ пробѣжала по блестящему краской полу тѣнь отъ Ольги Ивановны, какъ отворилась дверь изъ залы въ другую, сосѣдную съ нею комнату, въ которой на столѣ, стоявшемъ по ея срединѣ, одиноко и тускло мерцала стеариновая свѣча, освѣщая стоявшій около нея чайный приборъ съ двумя чайниками, плотно прикрытыми салфеткой. Павелъ Павловичъ видѣлъ, какъ Ольга Ивановна съ тою же поспѣшностію прошла дальше и оставила за собою растворенную дверь въ столовую; далѣе онъ уже не видѣлъ ея фигуры, скрывшейся въ сторону. «Въ спальную ушла», мелькнуло у него въ головѣ, и вслѣдъ за этимъ въ воображеніи его быстро представилась комната племянницы, находившаяся рядомъ съ спальней. «Не разбудила бы она ее, хлопнуть что-нибудь съ досады на полъ, — очень разсержена»... Такъ подумалъ онъ и внимательно сталъ прислушиваться, уже готовый схватиться обѣими руками за голову и крѣпко-крѣпко закрыть глаза въ ожиданіи, что вотъ-вотъ раздастся изъ спальни какой-нибудь ужасный трескъ. Нельзя сказать, чтобы Ольга Ивановна прежде бывала въ состояніи такого сильнаго раздраженія и кидала на полъ, какъ говорится, что ни попало; но событія этого вечера, какъ думалъ Павелъ Павловичъ, могли въ самомъ дѣлѣ вызвать ее на что-нибудь очень рѣзкое. «Она Людмилу не любитъ, не побережетъ ея сна, такое ужъ у ней сердце. Да кого она любить — вѣдь только себя! И отъ этой мысли о холодности и эгоизмѣ жены, онъ перенесся въ воспоминаніе о дочери, которую такъ еще недавно схоронилъ... Вѣдь вотъ, вотъ все это было такъ недавно... Господи!» И мысли его, которыя, казалось бы, должны были сосредоточиться на главныхъ событіяхъ этихъ послѣднихъ дней и на заботахъ о томъ, какъ устроить жизнь семьи въ будущемъ, — уносились, вмѣсто того, за полгода назадъ, въ то печальное, полное тоски, страха и слезъ время, когда заболѣла его восьмилѣтняя дочь и неожиданно умерла. Павелъ

Павловичъ вспомнилъ всѣ подробности смерти дочери, вспомнилъ, какъ откинулась въ сторону безжизненная ручка дѣвочки, какъ онъ сложилъ ее вмѣстѣ съ другою ручкою на груди и какъ прикрылъ потомъ вѣки глазъ дѣвочки и какъ рыдалъ, смотря на дорогое лицо, получившее уже неземное выраженіе. «Милое, милое дитя», — прошепталъ Павелъ Павловичъ, утирая слезы, не прерываясь катившіяся по его впалымъ смуглымъ щекамъ.

Воспоминанія его продолжались бы навѣрное еще, и онъ пережилъ бы вслѣдъ затѣмъ вновь всѣ тѣ тяжелые дни и недѣли, которые длинной вереницей тянулись послѣ смерти дочери. Онъ часто отдавался этимъ воспоминаніямъ и въ особенности въ то время, когда его что-нибудь огорчало, и, уходя «въ свой уголъ», жилъ ими и они, вызывая всегда слезы, тѣмъ не менѣе облегчали его скорбь. Но на этотъ разъ мысли его были прерваны появленіемъ у дверей его кабинета горничной дѣвушки. Онъ вдругъ увидалъ ее, тогда, когда она уже стояла у его кресла, и торопливо отеръ слезы, схватившись затѣмъ за карманный платокъ, какъ за средство ловчѣе скрыть свое состояніе духа.

— Павелъ Павловичъ, тамъ вамъ чай приготовленъ въ столовой. Чайники ужъ остыли; не нагрѣтъ ли самоваръ? — Горничная проговорила эти слова густымъ груднымъ голосомъ, и, уставившись глазами прямо въ концы своего передника, ждала отвѣта, понуривъ голову.

Павелъ Павловичъ даже вздрогнулъ, такъ рѣзко раздался въ ночной тишинѣ голосъ горничной, и пугливо взглянулъ ей въ лицо. Свѣтъ отъ лампы ярко падалъ прямо на ея красныя, лоснящіяся щеки и давалъ отъ нихъ обратное отраженіе.

— А Ольга Ивановна пила чай? — задумчиво спросилъ онъ.

— Онѣ откушали, еще давеча откушали, когда васъ не было дома; велѣли вамъ въ чайникахъ оставить.

— Да развѣ поздно?

— Далеко ужъ видно за полночь...

— Ну, пойди, я сейчасъ...

Горничная постояла еще нѣсколько мгновеній въ дверяхъ кабинета, замѣтно въ нерѣшительномъ положеніи.

— Иди, ты мнѣ не нужна...

— Я хотѣла... Какъ — лампу въ залѣ загасить, или сами потомъ загасите?

— Самъ загашу. — Онъ кинулъ взглядъ за перегородку своего кабинета, гдѣ уже была ему приготовлена постель и тихо проговорилъ:

— Ну, больше ничего не нужно.

— Я хотѣла, Павелъ Павловичъ,—застѣнчиво проговорила дѣвушка, перебирая монеты своего передника,—я хотѣла попросить... денегъ.

— Какъ денегъ?—Вѣдь ты свое жалованье получила...

— Нѣтъ, я уже вотъ четвертый мѣсяцъ не получала, Ольга Ивановна говорятъ все послѣ да послѣ... Теперь мнѣ бы очень надобность въ нихъ...

— О, Господи! — почти простоналъ онъ, и этотъ возгласъ, судя по его необычайно-тоскливому тону, вызванъ былъ не однимъ только извѣстiемъ о неполученiи горничной своего жалованья, а представленiемъ многихъ другихъ обстоятельствъ, тѣсно связанныхъ съ его доходами и расходами, съ которыми, какъ видно, Ольга Ивановна не церемонилась.

— Ну, хорошо, иди. Я завтра утромъ тебѣ отдамъ...

Горничная приподняла глаза отъ передника,—вопросительно взглянувъ на Павла Павловича. Онъ, предупреждая этотъ вопросъ, добавилъ:

— Пойми, необходимо же справиться у Ольги Ивановны.

— Но онѣ мнѣ наказывали не говорить вамъ...

Павелъ Павловичъ нахмурился, недовольный, что разговоръ неожиданно заходилъ куда-то совсѣмъ за предѣлы должнаго, и сердито махнулъ рукой:

— Оставь же меня! Иди; я самъ загашу огонь.

По уходѣ горничной онъ пришелъ въ столовую, приподнял салфетку на чайникахъ и, убѣдившись, что они давно охолодѣли, оставилъ ихъ нетронутыми. Стѣнные часы мѣрно отколачивали ударъ за ударомъ и показывали уже четверть второго. Павелъ Павловичъ подошелъ къ маленькой комнатѣ, сосѣдней съ комнатою племянницы, и заглянулъ туда въ полуотворенную дверь. Въ этой маленькой комнатѣ, служившей прiютомъ для старой няни его племянницы, былъ слабый красноватый свѣтъ отъ лампы, горѣвшей предъ образомъ Богоматери. Павелъ Павловичъ прислушался къ правильному стуку стѣнныхъ часовъ, взглянулъ на образъ, отъ котораго вѣяло такимъ миромъ и тишиной, и хотѣлъ уже уйти обратно, но въ полумракѣ передняго угла замѣтилъ какой-то темный силуэтъ и остановился. Въ этомъ углу, пользуясь свѣтомъ, падавшимъ отъ лампы, сидѣла, скорбѣвшая, старушка въ очкахъ и что-то перебирала руками.

— Захарьевна, ты?—тихо спросилъ Павелъ Павловичъ.

— Я, батюшка...

— Что же ты это не спишь?

— Какой ужъ мой сонъ — старій, кошачій сонъ; вотъ сижу, сижу съ чулочкомъ, да и подремлю...

— А что, Ольга Ивановна къ Людмилѣ не заходила?

— Нѣтъ, не заходила. Она прямо къ себѣ въ комнату прошла, да такая, надо быть, сердитая, дверью шаркнула такъ, что я индо вздрогнула.

Павель Павловичъ опасался, что Ольга Ивановна пойдетъ къ Людмилѣ, разбудить ее и, такъ-сказать, поднимется на него вмѣстѣ съ нею. Услышавъ, что этого къ его благополучію не случилось, онъ удержалъ вздохъ и прислушался опять къ тишинѣ, точно желая удостовѣриться, не предпринимаетъ ли еще чего-нибудь жена. Павель Павловичъ уже хотѣлъ идти назадъ, но старушка остановила его у дверей.

— Я, батюшка, Павель Павловичъ, хотѣла вамъ сказать на счетъ лампы. Ольга Ивановна все на меня обижается, говорить, это вредно для здоровья, воздухъ, говорить, портить... Ужъ, батюшка, какъ угодно, а я ужъ ни за что не соглашусь: я седьмой десятокъ доживаю на бѣломъ свѣтѣ, да безъ лампы Божіей ночи не провела... И вѣдь, Господи, вдругъ что выдумаютъ, какой такой тамъ для здоровья вредъ, и говорить-то объ этомъ грѣхъ!

Шопотъ старухи не дѣлался ни громче, ни тише, а шелъ одинаково въ мѣрномъ и спокойномъ тонѣ. Но Павель Павловичъ, боясь, чтобы не вышла на этотъ разговоръ Ольга Ивановна и не подняла бы со старухой споръ, поспѣшно прошепталъ ей:

— Ничего, ничего, Захарьевна. Это она только такъ. Будь спокойна. Но старушка имѣла въ виду еще вопросъ и вышла за Павломъ Павловичемъ въ столовую.

— А что, батюшка, Павель Павловичъ, я слышала что-то будто такое неладное у васъ на счетъ дѣловъ-то...

— Да, голубушка, Захарьевна... — вздохнувъ, отвѣтилъ Павель Павловичъ, — не очень-то хорошо.

— О-о-о-о-о!.. А вы, батюшка, не унывайте. Все это отъ Господа, все по его святой волѣ идетъ... Вѣтъ-то длинень, всего, всего переунываешь, пока Господь по-душу не пошлетъ...

Онъ махнулъ ей рукой, давая этимъ знать, чтобы она шла обратно и кидая глазами на сосѣднюю комнату, гдѣ была спальня Ольги Ивановны. Старушка тоже махнула рукой и тоже кинула глазами на сосѣднюю комнату, какъ-будто разговоръ ихъ на самомъ-дѣлѣ заключалъ въ себѣ какіе-то замыслы противъ Ольги Ивановны. По уходѣ старухи, Павель Павловичъ

нѣ-скоро налилъ холоднаго чаю, выпилъ его однимъ залпомъ, безъ сахара и, ватушивъ въ столовой свѣчу, пошелъ чрезъ залу въ свой кабинетъ. Въ залѣ онъ еще постоялъ нѣсколько времени посреди комнаты, грустно поглядывая то на картины, висѣвшія на стѣнахъ, то на спущенныя тюлевыя занавѣсы, сквозь сѣтчатую блѣсоватость которыхъ какъ-бы силился проникнуть въ комнату мракъ ночи, давнымъ-давно уже не проглядной мглой опустившейся надъ спящимъ городомъ. Картины, висѣвшія по стѣнамъ комнаты, при слабомъ свѣтѣ лампы, казались почти темными пятнами и только кое-гдѣ по краямъ ихъ рамъ блестѣла позолота, перебѣгая съ одного мѣста на другое, смотря по тому, въ какое отношеніе къ свѣту ставились Павелъ Павловичъ. Вѣрнѣе сказать, онъ вовсе и не замѣчалъ этого перебѣгавша блесковъ свѣта по позолоченнымъ рамамъ, а останавливался и дѣлалъ потомъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ, не зная, гдѣ и въ чемъ искать успокоенія и облегченія своему тяжелому душевному состоянію. Мысли его не сосредоточивались на одномъ предметѣ, а перебѣгали съ одного на другой, являясь какими-то не связанными между собой обрывками. Взглянулъ онъ на рояль, казавшійся въ глубинѣ комнаты громадной темной массой, и вспомнилъ, съ какимъ восторгомъ и съ какой любовью играла на немъ Ольга Ивановна, въ первый годъ ихъ женитьбы, и какъ потомъ забросила музыку. Неужели то же будетъ и съ Людмилой, когда она выйдетъ замужъ? Въ такомъ случаѣ зачѣмъ онѣ учатся музыкѣ, цѣлныя десятилѣтія самаго упornaго труда посвящаютъ на изученіе — и для чего же? Неужели только для того, чтобы быть «невѣстой съ музыкой»? Такъ мелькнула въ головѣ Павла Павловича эта мысль, вызвала вздохъ и тотчасъ же замѣнилась другой. Онъ увидѣлъ себя въ зеркалѣ, занимавшемъ мѣсто во всю величину простѣнка между двумя окнами комнаты, и поспѣшно шагнулъ въ сторону, видимо недовольный отраженіемъ въ немъ своей фигуры. «Кто это выдумалъ и на что нужна эта роскошь? Все барыни, все это для ихъ длинныхъ шлейфовъ» — и ему припомнилось, какъ иногда его Ольга Ивановна, шурша своими крахмалеными и плюсовыми юбками, рассказывала около этого зеркала, любуясь на себя со всѣхъ сторонъ: «нашишняя роскошь праздныхъ людей, ничего не вносящая въ жизнь, кромѣ празднои пустоты и бессмысленной траты денегъ. Милліоны живутъ въ трудѣ, въ бѣдности, перебиваясь изодня въ день, изъ куска на кусокъ, а мы... Но, однако, тамъ свое горе, а у насъ свое... Дѣло не въ тысячахъ и не въ грошахъ, а въ тѣхъ душевныхъ страданіяхъ,

которыя давятъ сердце. Но, однако, не сами ли мы виновники своихъ страданій? Не сами ли мы создаемъ ихъ себѣ?.. Ну, вотъ хоть бы Ольга Ивановна — вѣдь она теперь страдаетъ, я знаю, что она страдаетъ... А между тѣмъ прежде, въ дни своего дѣвчества, она была во сто-разъ въ худшемъ положеніи, чѣмъ ей настоящее — и вовсе не замѣчала его. Тогда она чуть-ли даже не на деньги благотворителей и въ гимназіи-то кончила курсъ, а потомъ чѣмъ жила? Вѣдь по урокамъ бѣгала, и только благодаря имъ была сыта съ матерью... Однако, не замѣчала тяжести своего положенія и была счастлива. Но какъ она теперь измѣнилась, какъ растолстѣла?.. И теперь она же меня винитъ, а я ли виноватъ? Не она ли сама меня подталкивала, жаждая роскоши, не изъ любви ли къ ней я поддался этому искушенію и попалъ на удочку Семена Игнатьевича?.. Ну, хорошо, положимъ, Петръ Семеновичъ и достойный женихъ, отецъ богатъ — и семь-восемь тысячъ, нами отъ нихъ взятыхъ, рѣшительно имъ ни почемъ... Но теперь то, теперь-то съ этимъ векселемъ что мнѣ дѣлать? Онъ уныло понурилъ голову и стоялъ у дверей своего кабинета, перебѣгая безсознательно глазами съ одного предмета на другой. Въ комнату жены онъ не рѣшился постучаться, не зная, что можетъ вызвать такое съ его стороны нарушеніе ея одиночества, и въ то же время ему какъ-то даже совѣстно было, что онъ оставляетъ ее одинокой въ такую несомнѣнно тяжелую минуту жизни. Богъ знаетъ, — думалъ онъ, — что съ ней теперь тамъ дѣлается, можетъ быть заливается горячими слезами и страдаетъ вдвое и отъ того, что я какъ-будто знать не хочу ея страданій...

Однакожъ, онъ все-таки не смѣлъ нарушить ея уединенія, хотя и совѣстился самъ передъ собой за грубость своего права. Ему и въ голову не пришло мысли о томъ, что Ольга Ивановна, съ своей стороны, могла бы тоже позаботиться о немъ и придти къ нему, не только для того, чтобы, подобно давешнему, распечь его и наговорить много жалобъ, а для того, чтобы принести искреннее раскаяніе въ своихъ многочисленныхъ предъ нимъ поступкахъ.

Подумавъ объ этомъ, Павелъ Павловичъ сейчасъ же рѣшилъ: нѣтъ ужъ, раскаянія-то отъ нея нечего ждать, не такова она.

Нужно замѣтить, что въ теченіи девятилѣтняго супружескаго сожителства съ Ольгой Ивановной — Павелъ Павловичъ, какъ говорится, обтерпѣлся. Онъ убѣдился, что исправлять Ольгу Ивановну поздно, а ссориться съ ней бесполезно. Богъ съ ней, — думалъ онъ, — какъ-нибудь вѣкъ проживемъ. Еще не очень давно,

когда померла ихъ дочь, онъ былъ удивленъ тѣмъ состояніемъ духа, въ какомъ находилась въ это время Ольга Ивановна. Она плакала въ послѣдній день болѣзни дѣвочки, а когда доктора объявили, что спасенія болѣе нѣтъ—попросила увести ее куда-нибудь подальше отъ дому, чтобы не видать умирающей, не слышать ея послѣднихъ звуковъ голоса, не слѣдить за ея послѣднимъ біеніемъ сердца. «Я не перенесу этого, мои нервы не выдержать, я съ ума сойду»,—говорила она, и ее увезли и она не видѣла ни похоронъ, не знаетъ даже, гдѣ могила ея дочери, и не хочетъ ее посѣтить.

Правда, когда Ольга Ивановна была увезена въ чужой домъ, она сильно страдала и ломала свои руки, не спала, не принимала пищи, но прошло нѣсколько дней послѣ похоронъ—и она сдѣлалась прежнею и на вопросы и утѣшенія близкихъ даже нѣсколько съ досадою отвѣчала: «Ахъ, пожалуйста, не спрашивайте, — это меня раздражаетъ: что говорить о томъ, чего уже не возвратить... Знаете, законы природы неумолимы и намъ ихъ не передѣлать; нужно брать отъ жизни то, что она даетъ,—отбрасывать въ сторону то, что намъ непріятно,—пользоваться тѣмъ, что пріятно,—и въ этомъ вся цѣль жизни».

Такъ смотрѣла на жизнь Ольга Ивановна.

XIV.

«Заплатить, конечно, нужно», думалъ Павелъ Павловичъ на слѣдующій день утромъ, «но кто поручится, что вслѣдъ за этимъ векселемъ не явится другой? Это, наконецъ, Богъ знаетъ что!—хоть въ газетахъ печатай, что «женѣ довѣрія отъ меня никакого нѣтъ, долговъ за нее не плачу и впредь не намѣренъ»... Ну, какъ быть? какъ быть? Скандалъ, что ли, дѣлать! Она знаетъ, отлично знаетъ, что я не могу не заплатить»...

Съ такими думами встрѣтилъ Павелъ Павловичъ утро. Выходя изъ своей комнаты, чрезъ залу въ столовую, онъ нахмурился, замѣтивъ, что въ комнатахъ еще не прибрано, полы не метены, пылъ съ мебели не стерта—и даже подсвѣчникъ, сунутый Ольгой Ивановной ночью въ залъ на первое попавшееся мѣсто, остается до сихъ поръ не тронутымъ. Вотъ такъ-то каждый день идетъ, все въ домѣ вверхъ ногами: хоть кричи, хоть деньгами заманивай людей на работу—ничего не помогаетъ. Хозяйка спитъ себѣ до полдня, а прислугѣ это, понятно, на-руку...

Въ столовой, впрочемъ, былъ приготовленъ уже чайный приборъ и старуха Захаровна торчала уже съ чулкомъ около своей каморки, сосѣдной съ комнатою Людмилы.

— Здравствуй, Захаровна! — шепотомъ сказалъ Павелъ Павловичъ, сядя къ столу.

— Здравствуйте, батюшка... Каково спали-то?

— Ничего...

Онъ дернулъ ручку звонка, проведеннаго изъ столовой въ кухню, и началъ потомъ жаловаться старухѣ на прислугу.

— Хоть бы ты ужъ, Захаровна, покрикивала на нихъ: на что это похоже: десять часовъ, а у нихъ еще и комнаты не прибраны, — вѣдь стыдъ отъ добрыхъ людей.

— Стыдъ, стыдъ, батюшка!.. Да что! Развѣ онѣ меня послушаютъ! — Ни въ жизнь... Такъ все ужъ и идетъ у насъ: хозяйка все спускаетъ, на все между пальцевъ смотреть, — ну, вотъ и порядокъ... а Людмилочка молчитъ: не мое, говорить, дѣло...

Старуха шептала, охая и тряся головой. Она по временамъ приподнималась съ своего мѣста и проходила къ дверямъ каморки, прислушиваясь, не проснулась ли ея «барышня», и, возвратившись, опять начинала шептать все въ томъ же тонѣ, насчетъ новыхъ порядковъ на свѣтѣ.

Горничная появилась съ самоваромъ и ея шумный приходъ еще болѣе увеличилъ неудовольствіе Павла Павловича.

— Сколько разъ тебѣ, Анна, говорить? — сказалъ онъ, закрывая, по-привычѣ, глаза: — сколько времени ты у насъ живешь, а не можешь привыкнуть къ порядку: знаешь, что всѣ спятъ, а ты топашь какъ лошадь.

— Я забыла...

— И въ комнатахъ до сихъ поръ не убрано...

— Сейчасъ, сейчасъ...

Горничная суетливо юркнула въ залу, стараясь поскорѣе убраться отъ распеканій.

Такъ или почти такъ начиналось каждое утро въ квартирѣ Павла Павловича: то оказывалось, что къ чаю булки не принесены — барыня забыла денегъ дать, то чай вышелъ — барыня ничего не сказала, то сахаръ, то сливки и т. п. и т. п. Словомъ, нужно было терпѣніе Павла Павловича, чтобы сжиться съ такой обстановкой и принять непосредственное участіе въ управленіи хозяйствомъ дома. Пока такимъ образомъ Павелъ Павловичъ выносилъ первыя впечатлѣнія утра, Ольга Ивановна спала сномъ праведницы и выходила изъ своей комнаты, когда уже Павелъ

Павловичъ уѣзжалъ на службу, а Людмила уже успѣвала вдоволь наиграться на роялѣ и прочесть нѣсколько главъ какаго-нибудь романа изъ печатающихся въ ежемѣсячныхъ журналахъ.

Людмила училась въ гимназіи, но не доучилась, справедливо признавъ, что при двухъ-стахъ тысячахъ приданого это совершенно излишнее дѣло. Брала уроки музыки, пѣнія, — но брала тогда, когда хотѣла: впрочемъ, въ этомъ случаѣ не лѣнилась; точно также любила читать книжки, но преимущественно только романы и повѣсти.

Средняго роста, блондинка, съ глазами сѣрыми и мало выразительными, она обращала на себя вниманіе всего болѣе приданнымъ (кто объ этомъ зналъ) и своимъ носомъ (даже и тѣхъ, кто не зналъ о ея приданомъ): носъ у ней былъ удивительный, высокій съ большимъ-большимъ горбомъ, но не рѣзкій и ничуть не безобразившій, даже, напротивъ, придававшій ей лицу нѣчто весьма оригинальное, указывавшее на ея душевную самостоятельность. «О, эта дѣвушка съ перцемъ», заключалъ каждый, даже мимоходомъ встрѣчавшійся съ нею. Знала и Ольга Ивановна, что она съ перцемъ, и умѣла вести себя съ нею. Не хотѣлъ только знать этого перца Павелъ Павловичъ, всего болѣе цѣнившій въ Людмилѣ ея къ нему любовь. Людмила, въ свою очередь, цѣнила необыкновенную скромность дяди, его уступчивость — и, въ то же время, какое-то особенное умѣнье держать себя съ достоинствомъ. Распекаетъ Павла Павловича Ольга Ивановна, и распекаетъ, какъ говорится, на-отмашъ, не жалея словъ и выраженій: слышно въ этомъ распеканьи и «каша», и «пентюхъ» и т. п., но эти распеканія ничуть не унижаютъ въ глазахъ Людмилы дядю, — напротивъ, возвышаютъ. Она удивлялась его необыкновенному спокойствію и всегдашней ровности его характера, его умѣнью тѣмъ же тономъ высказывать великодушное прощеніе обидъ, какимъ онъ разговаривалъ въ то время, когда эти обиды сыпались на него градомъ.

Вотъ эта ровность характера и это необыкновенное незлобіе высоко въ немъ цѣнила Людмила. Она знала, въ то же время, что онъ несчастливъ, что тѣтка его не любитъ и, часто вертя головой во всѣ стороны, засматривается на красивыхъ мужчинъ, и это еще болѣе ее располагало къ дядѣ.

Что касается понятія о томъ, какъ онъ распоряжается ея деньгами — она, разумѣется, его не имѣла, да и не по годамъ ей было имѣть такія понятія. Во всякомъ случаѣ, онъ въ глазахъ ея былъ и любимый, и уважаемый человѣкъ, а тѣтку свою она почти только-только-что терпѣла. Нужно въ заключеніе ея

характеристики сказать, что она не по годамъ была развита и очень хорошо понимала значеніе той суммы денегъ, которую ей оставили родители въ наслѣдство. Отецъ ея былъ купецъ, родственникъ Кузьмѣ Ильичу Полозову, а мать—сестра Павла Павловича Коромыслова; и отецъ, и мать умерли одновременно отъ тифа и Людмилу завѣщали Павлу Павловичу въ опекуństwo.

Вотъ и вся ея исторія.

— Ахъ, тѣта, какъ ты спишь,—смѣясь, упрекнула Людмила, встрѣтивъ въ это утро выходящую изъ спальни Ольгу Ивановну:—вѣдь ужъ давнымъ-давно первый часъ.

— Ахъ,—вѣвая, отвѣчала Ольга Ивановна,—сонъ—жизнь, жизнь—сонъ.

Она потянулась, закидывая руки за голову, и потомъ, точно желая съ-разу страхнуть съ себя всякіе признаки дремоты, энергично откинула назадъ свои черные, распущенные волосы и сѣла къ чайному прибору.

Людмила, пріютившись на стулѣ около окна, перелистывала книжку журнала, а Ольга Ивановна бойко распорядилась своими чаемъ, сливками и булками.

— Людмила! поѣдемъ, пожалуйста, въ магазинъ, — естате, прокатимся:—скука такая.

— Поѣзжай, тѣта, одна: мнѣ не хочется...

— Ну, вотъ глупости! молоденькая дѣвушка—и не хочется. Вотъ еще новости!.. Нечего, нечего, поѣдемъ...

Людмила приподняла голову отъ книги, ловко накиннула на носъ пансоне и, прищуривъ глаза, посмотрѣла на тѣтку.

— Что ты такъ на меня смотришь?—въ изумленіи спросила Ольга Ивановна и тотчасъ же направилась къ зеркалу произвести ревизію своему лицу.

Людмила промолчала на этотъ вопросъ и опять принялась перелистывать книжку.

Но ея надменное прищуриваніе глазъ и ея послѣдовавшее затѣмъ молчаніе не прошли безслѣдно для Ольги Ивановны. Она, возвратившись отъ зеркала, успѣла украдкой бросить пытливый взглядъ на Людмилу и уже нѣсколько измѣнившимся тономъ замѣтила:

— Да, милочка, не хорошо. Красота въ затворничествѣ увядаетъ... Это ты можешь видѣть, глядя на меня!

Ольга Ивановна глубоко-глубоко вздохнула и томно опустила глаза на свою высокую грудь. Людмила опять откинула головку вверхъ и бросила чрезъ очки взглядъ на тѣтку, но теперь глазки Людмилы не были такъ прищурены, и Ольга Ивановна, отличав-

шался необыкновенной наблюдательностью, съ-разу замѣтила, что она въ болѣе свѣтлой состояніи духа.

Ольга Ивановна понимала всѣ движенія своей племянницы, она изучила ея душу, такъ-сказать, во всѣхъ ея проявленіяхъ и умѣла изъ всего этого извлекать все, что находила нужнымъ. Если племянница надменно закидывала свою голову и бойко набрасывала себѣ на носъ пэнсне, то это былъ вѣрный признакъ, что она готовится заявить свою самостоятельность; если она при этомъ еще щуритъ глаза, то значило—не тронь лучше ее: ничего не уступить и все сдѣлаетъ по-своему, хотя бы даже и самой неприятное.

Людмила была близорука и носила очки не по одному только капризу, котораго имѣла въ себѣ достаточное количество.

— Красота въ затворничествѣ увядаетъ, — повторила чрезъ нѣсколько времени Ольга Ивановна, любясь своими розовыми ноготками и кидая незамѣтно взглядъ къ окну, около котораго сидѣла съ книгой Людмила.

Людмила молчала, продолжая читать:

— Что это, милочка, какое на тебѣ сегодня платье странное: и эти ленты совсѣмъ не идутъ къ нему, и этотъ разрѣзъ на груди очень малъ... не красиво... — вдругъ измѣнивъ тонъ, замѣтила Ольга Ивановна.

Дѣло пошло, слѣдовательно, о предметѣ близкомъ сердцу, и книги тутъ уже не было мѣста: она оказывалась лишней.

— Какъ ленты не идутъ къ нему? Что вы говорите? Къ голубому синія ленты—это прелестно!—отстаивала Людмила.

— Ахъ, я не говорю этого... Я говорю, милая, что еще было бы лучше, еслибъ ленты совершенно, совершенно синія,—такъ чтобы совсѣмъ, совсѣмъ темныя... тогда бы еще милѣе было... А разрѣзъ на груди—это ужъ, какъ хочешь, какъ хочешь—это мало! Нужно еще вотъ та-а-къ...

Она подошла близко къ Людмилѣ и стала пальцемъ чертить ей по груди; Людмила сбросила съ носа пэнсне и силилась внимательно разсмотрѣть движеніе пальца Ольги Ивановны.

— Нѣтъ, нѣтъ, это уже будетъ много...

— Совсѣмъ не много, совсѣмъ не много: это будетъ приятно!..

Такъ онѣ обѣ увлеклись своими спорами о нарядахъ, что Людмила забыла недавній рѣзкій тонъ Ольги Ивановны, а Ольга Ивановна—ея надменный прищуренный взглядъ, и обѣ побѣхали въ магазинъ, разговаривая дорогой о Петрѣ Семеновичѣ, составлявшемъ уже давно мечты Людмилы. Но эти мечты и Павелъ

Павловичъ, и Ольга Ивановна старались удерживать въ очень тѣсныхъ границахъ, боясь, чтобы кто-либо, заслышавъ о видахъ Петра Семеновича на такой лакомый кусокъ, не явился ему конкурентомъ. Конкуренты эти неофициальнымъ путемъ уже въ достаточной степени осаждали Павла Павловича и Ольгу Ивановну; но у нихъ была противъ такой осады непреступная крѣпость.

«Помилюйте! что вы! да она еще несовершеннолѣтняя!» — съ неудовольствіемъ отвѣчали они.

Возвращаясь изъ магазина, Ольга Ивановна недалеко была отъ новой размолвки съ Людмилой, но удержалась, находясь подъ давленіемъ думъ о предстоящемъ въ этотъ день платежѣ тысячи рублей по векселю. Въ другое время, когда заботы дня не такъ тяготѣли надъ нею, какъ сегодня, она не задумалась бы распечь племянницу, какъ говорится, на всѣ корки, и до слезъ бы ее довела, и дошли бы эти слезы до Павла Павловича, на которомъ всегда, въ концѣ-концовъ, отражались всѣ домашнія непріятности, — и тѣтка съ племянницей дня три не говорили бы.

Теперь, при возвращеніи домой, размолвка вышла изъ-за того, что Ольга Ивановна желала ѣхать какъ можно скорѣе и громко крикнула кучеру: «пошелъ во всю рысь», а Людмила, вообще побаивавшаяся скорой ѣзды, просила ѣхать тише. Кучеръ, старый и давно уже понимавшій значеніе въ семьѣ Павла Павловича «барышни», медлилъ исполнить приказаніе Ольги Ивановны.

— Слышишь ты, сѣдой, что я тебѣ говорю? — поѣзжай скорѣе: — повторила Ольга Ивановна.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! Максимъ, тише! — закричала Людмила.

Максимъ тряхнулъ головой и, въ полу-оборотъ повернувшись къ Ольгѣ Ивановнѣ, мрачно отвѣтилъ:

— Мнѣ все равно, какъ прикажете, — только барышня опасается...

Случись это въ другой разъ — Ольга Ивановна настояла бы на своемъ, но теперь промолчала — и возвратились домой, не торопясь. Сама же Ольга Ивановна и разговоръ даже поддержала съ племянницей, и все изъ-за того, чтобы домашнія отношенія въ этотъ день были въ надлежащемъ порядкѣ. Она знала, что, по возвращеніи Павла Павловича изъ палаты, явится нѣкто съ векселемъ, и хотя почти была увѣрена, что Павелъ Павловичъ не можетъ не заплатить, но все-таки сердце трепетало: а вдругъ не заплатить!..

— Ну, вотъ и пріѣхали, Мила, а ты такъ боялась, — улы-

боясь, обратилась она къ Людмилѣ, сходя съ дрожжей и стараясь ей помочь сойти.

— Я, тетя, ничуть не боялась, только я не люблю скоро падать.

— Ахъ, а я люблю! Скоро, скоро такъ, и вѣтеръ такъ въ лицо си-и-льно, и такъ сердце замре-еть... Ахъ, хорошо!

Она прикрыла глазки и точно упивалась въ эту минуту быстротой вѣды.

— Ничего нѣтъ хорошаго! — возразила Людмила.

— Для тебя нѣтъ, для меня есть. О вкусахъ не спорять.

Возвратившись, тетка и племянница разошлись на нѣкоторое время по своимъ помнатамъ, каждая для того, чтобы осмотрѣть себя въ зеркало, точно, въ самой дѣлѣ, съ минуты ихъ отъѣзда изъ дому могла съ ихъ лицами случиться какая-нибудь переменна. Ольга Ивановна осматривала свое лицо съ большею заботою, чѣмъ Людмила, и дѣйствительно, она имѣла уже для этого нѣкоторые основанія: ей года приближались уже къ перелому за тридцать и уже не за горами было то время, когда потребуются для красоты лица разныя вспомоgetельныя средства.

Ольга Ивановна смотрѣла въ зеркало, такъ-сказать, пытлииво, поворачивая каждое нелицеприятное его заявленіе и заботливо спѣшила поправить то, что признавала нужнымъ. Людмила смотрѣлась самоуvѣренно и часто даже съ пренебреженіемъ, закинувъ головку вверхъ. Ей не было надобности поспѣшно притирать платкомъ около губъ или лба—вездѣ было все молодо, юно и не грозило признаками свораго появленія морщинъ. Стоить она предъ зеркаломъ не для того, чтобы ревниво производить надъ своимъ лицомъ, а для того, чтобы любоваться собой; то пенсне на носъ накинеть и посмотрится — хорошо ли такъ, то сбросить его и опять посмотрится, думая: а вѣдь и такъ тоже хорошо. Сдѣлать шагъ назадъ, прищурить глазаи — тоже недурно. Какъ ни повернется, — все хорошо: и носъ ея, когда-то смущавшій ее, года три тому назадъ, когда она только-что начинала складываться въ подроставшую дѣвицу, — теперь уже ничуть не смущаетъ, даже, напротивъ, она довольна своимъ носомъ. Теперь, стоя передъ зеркаломъ, она думаетъ: «лицо у меня такое красивое и совсѣмъ даже не сантиментальное, и носъ такой строгій, и вообще я на себя обращаю вниманіе». Она сдѣлала шагъ назадъ отъ зеркала, прищурила глазаи, и, накинувъ на носъ пенсне, довольная и счастливая, любовалась отраженіемъ своей фигуры. Вся забота ея въ настоящую минуту

выразилась только тѣмъ, что она, оглянувъ свое платье сверху до низу, поправила какую-то на немъ оборочку.

— Ну, что она мнѣ говорить о лентахъ!.. Какія глупости. Эти синія ленты прекрасно идутъ къ голубому платью, и совсѣмъ даже не нужно ихъ мѣнять, и, просто, тѣтя выдумываетъ Богъ знаетъ что...

— Тѣтя! — крикнула она: — выходи изъ своей комнаты въ столовую, — но Ольга Ивановна ничего на ея возгласъ не отвѣтила: — ея уже не было въ своей комнатѣ.

— Тѣтя! — крикнула она погромче.

— Ау! — отвѣтила Ольга Ивановна такимъ голосомъ, какъ будто была въ лѣсу. Этотъ лѣсной откликъ вызывался тѣмъ, что она въ это время успѣла уже забраться въ кабинетъ мужа ревизовать на его столѣ бумаги.

Въ такой ревизіи бумагъ Павла Павловича она надобности никакой не имѣла, а такъ просто, изъ любопытства подошла къ его столу, что дѣлала часто, иной разъ отъ скуки, а иной разъ, въ самомъ дѣлѣ, думая, не оставилъ ли онъ на столѣ какого-нибудь интереснаго письма или какой-нибудь записочки: мало ли что другой разъ ему по дѣламъ пишутъ — отчего не посмотреть.

— Тѣтя, вы что ищете? — спросила Людмила, подходя къ кабинету.

— Да такъ. Вчера вечеромъ Павелъ говорилъ, что тутъ одна книжка... Такъ, вообще глупости.

— А-а! — безпечно протянула Людмила, должно-быть удовольствовавшись этимъ объясненіемъ.

Повернувшись въ кабинетъ и, въ самомъ дѣлѣ, сознавая, что тутъ имъ дѣлать вовсе нечего, онъ вышелъ въ залу и начали ходить по комнатѣ.

— Ахъ, какая тоска!.. Хоть бы пришелъ кто-нибудь, — вздыхала Ольга Ивановна.

— Нѣтъ, тѣтя, пожалуйста: вотъ вы накликаете еще вашими вздохами и, въ самомъ дѣлѣ, придетъ кто-нибудь, кого совсѣмъ и видѣть не хочется...

— Утѣшся! къ сожалѣнію, никто не придетъ: день такой жаркій, не до того, чтобы по гостямъ таскаться. Вотъ развѣ вечеромъ...

— Ахъ, и вечеромъ тоже не нужно, не нужно. Поѣдемте лучше въ лѣсъ...

— Въ лѣсъ? — пытливо взглядывая на племянницу, переспросила Ольга Ивановна.

— Да, въ лѣсъ. Что вы такъ странно смотрите?

— А то, Мила, что вѣдь теперь Петра Семеновича нельзя еще приглашать туда.

— Почему нельзя? Отецъ же его поправляется.

Ольга Ивановна вздохнула.

— Да, бѣдный! Ему дѣлали, Мила, операцію, что-то, говорить, очень, очень страшное...

— Но уже теперь весь страхъ миновался, и, слѣдовательно, Петру Семеновичу можно въ лѣсъ ѣхать.

— Я думаю, еще нельзя...

— Вотъ новости! Отчего нельзя? Точно ужъ онъ и отъ постели отца не отходить...

Ольга Ивановна задумалась.

— Да, въ самомъ дѣлѣ, хорошо бы въ лѣсъ, на берегъ рѣки, чай захватимъ, велимъ сдѣлать потомъ ужинъ—уху изъ стерлядей... Охъ, Мила, какія тамъ у рыбаковъ восхитительныя стерляди... Во-отъ какія, знаешь, помнишь?

— Конечно!.. Но, тѣтя, у васъ только свое: стерляди, да стерляди... А какъ же безъ Петра Семеновича?

— При немъ-то, я знаю, вкуснѣе — и чай и ужинъ... О, плутовка!

Ольга Ивановна потросила племянницѣ пальцемъ.

— Не бойся, не скроешь, я все вижу на-сквозь...

— Это довольно странно! — вдругъ закидывая головку, возразила Людмила: — что же я Семеномъ Игнатьевичемъ буду любоваться, что-ли, какъ онъ разсыпается въ любезностяхъ передъ дамами на вечерахъ и на гуляньяхъ, или Кузьмой Ильичемъ, какъ онъ въ своемъ малахѣ у воротъ посиживаетъ... Понятно, мнѣ нравится то, что можетъ нравиться, и я не скрываю этого.. Петръ Семеновичъ — очень хорошій молодой человекъ...

— Кто же, Мила, противъ этого говорить тебѣ... Ну, нравится — и только; но пока вѣдь нельзя еще очень увлекаться имъ.

— Отчего же? Вотъ странно!

— Да развѣ ты съ нимъ объяснялась, развѣ ты знаешь, что онъ тебя любитъ?

Людмила поникла головою и бойко зашагала по комнатѣ.

— Да, — заговорила она чрезъ нѣсколько времени, очевидно, обдумавъ свои слова: — да, я съ нимъ еще не объяснялась, но я имѣю все-таки основаніе думать, что ему нравлюсь...

— Ну, что-жъ! — беззвучнымъ тономъ перебила Ольга Ивановна: — ну, что-жъ, и въ самомъ дѣлѣ, вы другъ другу пара.

Лучшаго жениха я бы тебѣ не желала... Но пока еще, Мила, нужно быть все-таки, знаешь... не очень...

Людмила уже успѣла оправиться отъ своихъ заботъ на счетъ Петра Семеновича, которому, видимо, уже нашлось мѣстечко въ ея сердцѣ, и смѣлымъ тономъ возразила тетѣ.

— Ахъ, я знаю, знаю...

— И прекрасно, Мила, если знаешь... Дай Богъ, чтобы это дѣло пришло въ счастливому окончанію. Но нужно, пойми... Ахъ, пожалуйста, не хмурься: я опытиѣ тебя, и ужъ ты не можешь въ этомъ случаѣ со мной спорить...

— Ну, что же, что же нужно?— бойко наступая на Ольгу Ивановну, нетерпѣливо спрашивала Людмила.

— Нужно... немножко уклончивости...

Людмила быстро подернула плечами.

— Я васъ, тетя, совсѣмъ не понимаю...

— Необходимо, Мила, необходимо: мужчины, они всѣ такіе, они всѣ немножко гадкіе...

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, Петръ Семеновичъ не такой, не такой... Онъ не гадкій...

— Да ты не понимаешь, о чемъ я говорю...

— Понимаю... Вы думаете, онъ меня разлюбитъ...

— Да, да, если ты только не сьумѣешь его немножко водить за носъ, немножко кокетничать — непременно разлюбитъ...

— Никогда, никогда, никогда этому не позврю. Онъ такой хорошій, онъ такой милый...

— Ты, Мила, такъ говоришь, точно уже съ нимъ объяснилась въ любви...

— Ну, что-жъ, ну, что-жъ?—опять вскидывая очи на носъ, спросила Людмила:—еслибъ даже я и объяснилась съ нимъ...

— Ничего! — спокойно отвѣтила Ольга Ивановна и съ видомъ полной безпечности отошла въ сторону. Будь Людмила постарше, она замѣтила бы по выраженію лица тѣти, что эта безпечность напускная, и что во всемъ разговорѣ Ольги Ивановны было что-то занскивающее, что-то общее съ тѣмъ приѣмомъ, при помощи котораго ловкій птицеловъ восмистываетъ на дудочкѣ, зазывая птичекъ въ свои сѣти.

— Сыграй что-нибудь, Мила... такая скуча!—сказавъ чрезъ нѣсколько времени Ольга Ивановна, видимо, чтобы перебить разговоръ.

— Я цѣлое утро играла, теперь не хочется, — сухо возразила Людмила, направляясь къ книгѣ, лежавшей на окнѣ въ столовой.

— Ну, вотъ, не хочется, не хочется... А ты для меня сыграй, не для себя...

— Право, такъ не хочется...

— Вотъ ты всегда такая: что ни попросишь — все не хочется... Я же для тебя всегда, всегда — я все, все дѣлаю, а ты вотъ какая...

Людмила на самомъ дѣлѣ была не такая, чтобъ все только для себя: въ ней скорѣе было то, чего уже совсѣмъ не было въ Ольгѣ Ивановнѣ. Стоило только къ ней обратиться съ ласковой просьбой, она сейчасъ же на эту просьбу отвѣтится, а Ольгу Ивановну и просить нечего ни лаской, ни упреками: замашетъ руками и убѣдитъ. Людмила была «съ перцемъ» только тогда, когда замѣчала, что къ ней относятся или надменно или очень, какъ говорится, «за панибрата». Все-таки, молъ, я — богатая негѣста и нечего со мной такъ обращаться. Потому-то такъ она и любила своего дядю, что онъ былъ всегда тихій, скромный и никогда ни съ кѣмъ не мѣнялъ своего тона; а Ольга Ивановна то-и-дѣло перескакивала съ высокихъ нотъ на низкія, отъ нѣжности къ ссорѣ. Ольга Ивановна, какъ замѣчено выше, научила характеръ Людмилы и знала, чѣмъ можно подѣйствовать на ея сердце.

Такъ и теперь. Скучая отъ бездѣлья и тревожась въ то же время тѣмъ, что принесетъ ей послѣобѣденное время, когда наступитъ часъ прихода съ вѣселемъ, она искала утѣшенія около племянницы и съумѣла его достать. Людмила поддалась ея грустному тону и сѣла играть на рояли. Она незамѣтно увлеклась игрой, и такъ прошло время до возвращенія со службы Павла Павловича.

Зная по часамъ, что вотъ-вотъ долженъ возвратиться ея мужъ, Ольга Ивановна сѣла рядомъ съ играющей Людмилой и склонила свою голову на ея плечо.

— Мила, Мила! — прошептала она чрезъ нѣсколько времени.

Людмила перестала играть, съ изумленіемъ обратилась къ Ольгѣ Ивановнѣ съ вопросомъ:

— Тѣтя! Тѣтя! Чтѣ съ вами, вы плачете?

— Ахъ, Мила, я такъ растроивалась — это такая изумительная пѣса... и вообще Шуманъ меня всегда такъ настраиваетъ... Я же вѣдь, ты знаешь, я такъ несчастна... Была у меня дочь, теперь нѣтъ ея... Тамось на сердцѣ, ну, что... Павелъ всегда такой холодный...

Она встала со стула и закрыла себѣ глаза платкомъ.

— Сегодня онъ на меня уша-асво сердить, и я просто мѣста себѣ не нахожу.

Людмила тоже встала со стула, накиннула себѣ на носъ пеньсве и зашагала по комнатѣ.

Раздался звонокъ. Горничная выбѣжала отпирать двери. Вошелъ Павелъ Павловичъ, какъ всегда, тихо и спокойно.

— Дядя!— встрѣтила его Людмила,— знаешь, что тѣтя плачетъ; какъ ты позвонилъ — ушла въ свою комнату и затворилась.

Павелъ Павловичъ поцѣловалъ племянницу и, нѣсколько нахмурившись, отвѣтилъ ей.

— Ахъ, ты, Мила, ничего не знаешь!..

— Сдѣлай одолженіе! — вдругъ закидывая голову вверхъ, возразила Людмила:— очень хорошо знаю, что между вами опять какая-то расклея... И вотъ, какъ хочешь, какъ хочешь, а не могу надивиться, ну, что вы между собой дѣлите...

— Говорю тебѣ, что ты ничего не знаешь, Мила, — повторилъ Павелъ Петровичъ, идя въ свой кабинетъ.

— А я же тебѣ говорю, что знаю! Знаю, что вы опять по-вадорили: это видно, видно...

Павелъ Павловичъ положилъ на свой столъ какія-то бумаги и сейчасъ же вернулся изъ кабинета въ залу. Людмила подошла къ нему на-встрѣчу и стала просить помириться съ тѣтвой.

Павелъ Павловичъ пожалъ плечами и молчалъ. Онъ немножко былъ и недоволенъ тѣмъ, что Людмила съ нѣкотораго времени начинаетъ занимать въ домѣ все болѣе и болѣе самостоятельную роль.

«Еще въ прошедшемъ году, — думалъ онъ, — была она такая маленькая, почти дѣвочка, а теперь, смотри-ка, какъ свое пеньсве на носъ закидываетъ, какъ смотреть... Бѣдовая будетъ баринья потомъ!»

— Ты вотъ что, Мила, — замѣтилъ онъ ей теперь, когда она, положивъ на его плечо руку, упрасивала его помириться съ тѣткой, — ты вотъ что сдѣлай — останься спокойной.

— Да я спокойна совсѣмъ... Мнѣ только непріятно, что между вами размолвка.

— Ну, что же дѣлать, — вздохнулъ Павелъ Павловичъ, — время все устрояетъ, все успокоиваетъ...

Павелъ Павловичъ прошепселъ своими маленькими, неторопливыми лапами по залѣ и закурилъ папироску. Курилъ онъ съ большою осторожностію, почти не бралъ въ ротъ папиросы, а только подносилъ ее къ губамъ и потомъ, выпуская дымъ изъ рта, мед-

ленно отдалялъ отъ себя руку съ папирсомъ на приличное расстояние, точно опасаясь, что вотъ-вотъ ее разорветъ. Такъ, покуривая и съ большою подозрительностію посматривая на папирсосу, онъ сдѣлалъ нѣсколько разъ намѣреніе залп, шагая отъ дверей кабинета къ дверямъ столовой. Людмила Николаевна сидѣла въ это время около окна и смотрѣла на улицу, ждала, скоро ли помирится дядя съ тѣтвой, и опасаясь, что эта ссора, пожалуй, помѣшаетъ ихъ отъѣзду на вечеръ въ гѣсъ. Павелъ Павловичъ попыхивалъ свою папирску и, съ тою же подозрительностію посматривая на нее, взглядывалъ время отъ времени на дверь, ведущую изъ столовой въ комнату жены. Дверь эта была затворена.

«Вѣдь вотъ какая она», думалъ онъ, «вѣдь вотъ теперь плачетъ, знаю, что плачетъ, Людмила говорила, а вѣдь не придетъ извиниться—вотъ онѣ, супруги-то, каковы»...

Людмила замѣчала, что дядя посматриваетъ на дверь комнаты Ольги Ивановны, она читала на лицѣ его думы, знала навѣрное по примѣрамъ, бывавшимъ не разъ прежде, что во всемъ виновата непременно тѣтка, но теперь она ее жалѣла и именно по той причинѣ, что, пожалуй, отъ этой размолвки разстроится поѣздка въ гѣсъ.

«Тысячу рублей истратила неожиданно, негаданно», думалъ Павелъ Павловичъ, взглядывая опять на дверь женينوі комнаты, «да она же еще и сердится.

— Дядя! — вдругъ, быстро отвертываясь отъ окна, сказала Людмила.

Павелъ Павловичъ приложилъ къ губамъ папирску и потомъ, быстро отдаливъ ее отъ себя, молча остановился предъ Людмилой Николаевной.

— Я позвоу ее,—предложила она.

Павелъ Павловичъ, поспѣшно бросивъ въ пепельницу папирсосу, сказалъ: «позови, Мила», и пошелъ къ себѣ въ кабинетъ.

Спустя минуту-другую, Ольга Ивановна съ заплаканными глазами прошла черезъ залу въ кабинетъ Павла Павловича и плотно притворила за собой дверь.

«Должно быть, тѣтушка-то сильно что-нибудь напроказила», думала Людмила: «какъ присмирѣла».

Но, къ ея изумленію, тишина, царившая въ кабинетѣ, чрезъ нѣсколько минутъ, вдругъ нарушилась. Послышался громкій какой-то возгласъ Ольги Ивановны и въ этомъ возгласѣ Людмила подмѣтила сердитыя ноты.

«Нѣтъ, она не очень-то поддастся. Это она что-то крикнула

на дядю», соображала Людмила, снова садясь къ окну. Въ кабинетѣ сдѣлалось опять тихо и Людмила уже стала думать, что между дядей и тёткой произошло примиреніе, какъ вдругъ послышался опять говоръ и сталъ постепенно усиливаться, и опять Людмила слышала только одинъ голосъ тётки, рѣзкіе звуки котораго ни въ какомъ случаѣ не могли быть приняты за доказательство послѣдовавшаго между супругами примиренія.

— Ахъ, какая она крикуша!..

Рѣшивъ такъ насчетъ тётки, Людмила однако же нашла неприличнымъ сидѣть въ залѣ и поспѣшно перешла въ столовую, снова расположившись у окна, какъ-будто для того, чтобы любоваться видомъ изъ оконъ, почти тѣмъ же самымъ видомъ, который открывался и съ балкона дома Семена Игнатьевича Иванова. Однако же видъ на луга и на отдаленную рѣку теперь нисколько не занималъ Людмилу, ей хотѣлось только, чтобы поскорѣ кончились переговоры въ кабинетѣ и устроилась бы поѣздка въ лѣсъ. Надежды, между тѣмъ, на эту поѣздку не дѣлались ближе, потому что вслѣдъ за наступившей въ кабинетѣ тишиной снова раздался громкій крикъ Ольги Ивановны, и даже сама она, раскраснѣвшаяся и задыхающаяся, распахнула дверь и, точно вихрь, пронеслась чрезъ залу и столовую въ свою комнату. За нею слѣдомъ спѣшилъ своими маленькими шагами Павелъ Павловичъ, и даже не замѣтилъ, что Людмила сидѣла у окна въ столовой. Она и сама хотѣла показать видъ, что не замѣтила ни Ольги Ивановны, ни Павла Павловича, стараясь утѣниться какъ можно ближе къ окну. Теперь мѣсто дѣйствія семейныхъ переговоровъ перенеслось изъ комнаты мужа въ комнату жены. Сообразительная Ольга Ивановна, какъ ни раскраснѣлось ея лицо и какъ тяжело она ни дышала, будучи въ гнѣвѣ на мужа, все-таки была настолько разсудительна, что не заперла за собою дверь спальни: иначе бы Павлу Павловичу нельзя было къ ней попасть и, слѣдовательно, дѣло не приняло бы въ желаемому оеконтанію. Теперь изъ спальни уже не было слышно криковъ и должно быть супруги помирились. Людмила, какъ только они слѣдомъ другъ за другомъ промчались въ комнату Ольги Ивановны, немедленно же ушла къ себѣ въ комнату и тоже затворила за собою дверь. Одна старушка Захаровна осталась на своемъ любимомъ мѣстѣ около образа, въ переднемъ углу, вблизи окна своей каморки и вазала чулокъ. Она даже и не замѣтила, что такое творится у господъ — и только когда Людмила прошла къ себѣ и стала затворять за собою дверь, Захаровна въ удивленіи спросила:

— Милочка, что ты, Христось съ тобой, затворяешься?

— Ахъ, вѣкъ, мнѣ не до тебя: дядя съ тѣей что-то сердятся, а я теперь вотъ сиди тутъ... Очень весело...

Въ голосѣ ея послышались слезы.

— О-охо-хо, родная! Вишь ты, больно у Ольги-то Ивановны сердце горячее, и угомону-то на нее нѣтъ вовсе...

— А мнѣ-то что, — вотъ новости! Они тутъ изволятъ ссориться, а я сиди въ четырехъ стѣнахъ да плачь...

— Ну, полно, полно, Милочка...

Но Милочка затворила сердито дверь.

Однакожъ всему бываетъ конецъ — помирились и Ольга Ивановна съ Павломъ Павловичемъ.

Имъ нельзя было и не помириться: дѣло, которое теперь они затѣяли по предстоящему замужеству Людмилы, — было ихъ общее дѣло и впредь до его окончанія нужно было поддерживать взаимныя отношенія. Наслѣдство Людмилы, то-есть возможность шире жить благодаря опекунству надъ ея капиталами, внесло въ ихъ жизнь довольство и даже роскошь и излишество; но оно же внесло и раздоры и было причиною частыхъ ссоръ между супругами. Павелъ Павловичъ, какъ онъ ни былъ благоразуменъ и остороженъ, все-таки не могъ устоять противъ непрерывныхъ нападковъ жены, тормозившей его по части высасыванія денегъ; а разъ поддавшись, онъ чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе сознавалъ, что управленіе наслѣдствомъ племянницы, благодаря назойливымъ приставаньямъ жены, втягиваетъ его въ такое положеніе, которое можетъ грозить въ будущемъ большими неприя́тностями. По временамъ онъ собиралъ, такъ-сказать, всѣ свои духовныя силы и упорно отбивался отъ покушеній Ольги Ивановны, но это удавалось не всегда, и тѣмъ труднѣе было отбиваться въ то время, когда Ольга Ивановна успѣвала заручиться еще и союзникомъ, Людмилой Николаевной, конечно, не имѣвшей еще возможности сознавать, что Ольга Ивановна — союзникъ совсѣмъ ненадежный. Вмѣстѣ съ нею Ольга Ивановна была почти непобѣдима въ своихъ требованіяхъ по части разнообразія расходовъ, и иной разъ она до того доводила Павла Павловича, что онъ печально думалъ, нельзя ли какъ-нибудь сбить съ рукъ эту ужасную опеку. Подумать объ этомъ онъ, конечно, могъ, но серьезно сбывать опеку не рѣшился бы, потому что на расходахъ, произведенныхъ и производимыхъ имъ изъ суммъ опекаемой племянницы, было много кое-чего такого, за что, пожалуй, новый опекунъ могъ попасть подъ судъ. Все это было извѣстно Ольгѣ Ивановнѣ и служило ей въ пользу: она, втянувъ мужа въ разные грѣхи по

части расходования чужой собственности, настаивала на ихъ продолженіи.

Наконецъ, и дверь изъ спальни Ольги Ивановны отворилась и отворилась уже не съ шумомъ и трескомъ, а какъ слѣдуетъ обыкновенно отворять двери, когда между мужемъ и женой царствуетъ миръ и согласіе. Ольга Ивановна вышла съ Павломъ Павловичемъ подъ руку. Онъ попыхивалъ папирочку, она весело улыбалась: все было устроено, и дѣло по уплатѣ по векселю, и всѣ домашнія мелкія непріятности въ родѣ неуплаты своевременно прислугѣ жалованья.

— Мила! — громко позвала Ольга Ивановна, отыскивая глазами племянницу.

— Мила! — провозгласилъ и Павелъ Павловичъ своимъ тоненькимъ голоскомъ, не переставая, впрочемъ, подозрительно поглядывать на свою папирочку и снова отдаляя ее отъ себя на значительное разстояніе.

— Захаровна! гдѣ Мила? — спросила Ольга Ивановна, подходя съ Павломъ Павловичемъ къ комнатѣ старушки.

— Она здѣсь, у себя... Что-то какъ-будто загрустила...

— Милочка! — позвала Ольга Ивановна, — иди къ намъ.

Отвѣта не послѣдовало. Павелъ Павловичъ нахмурился и, осторожно высвободивъ свою руку изъ руки Ольги Ивановны, пошелъ къ себѣ въ кабинетъ, догадываясь, что тутъ опять что-то ожидается недоброе.

— Мила! отвори же мнѣ... Ахъ, какая! — плаксиво приставала Ольга Ивановна, — ну, что ты, что ты заперлась?.. Какъ это тебѣ не стыдно!

— Ахъ, уйдите, ради Бога!.. У меня голова болитъ, — слышался недовольный отвѣтъ Людмилы, и дверь не отворилась.

— Ну, вотъ еще удовольствіе, — вздохнувъ, прошептала Ольга Ивановна и пошла въ комнату мужа.

Людмила сказала,сь больной, къ обѣду не вышла и старуха Захаровна, ворча и охая, едва заставила ее отпереть дверь своей комнаты.

— Что ты, Христось съ тобой! Да развѣ такъ водится! безъ обѣду-то!.. Иди, иди, нечего тутъ хныкать-то, иди!

— Не пойду я... Оставь...

Захаровна подошла къ Людмилѣ, утѣнувшейся лицомъ въ подушку, и гладила ее по плечу, нашептывая:

— Да полно, полно, меня-то, старуху старую, обижаешь... Забыла, небось, что мать-то тебѣ говорила, когда умирала, за-

была, какъ она приказывала меня слушать, какъ пальчикомъ-то тебѣ грозилъ... Вспомни-ка!

Такъ наговаривая почти подѣ уху своей любимицѣ и глядя въ то же время ее по плечу, она силою этого шопота заставила ее подняться съ подушки.

— Ну, вотъ, давно бы такъ... Такъ-то лучше...

— Ахъ, оставь меня... Я не пойду туда, я не пойду... — хмурясь и порывисто отдергивая отъ Захаровны свои руки, сердилась Людмила.

— Я тебѣ сюда принесу, если хочешь...

Встѣ въ самомъ дѣлѣ хотѣлось и послѣ нѣкотораго колебанія, Людмила заявила шопотомъ:

— Принеси... цыпленка...

— Да что цыпленка, я и супу принесу, и пирожного.

— Нѣтъ, нѣтъ, супу не хочу... Пирожного принеси...

— Вотъ-то и есть... — качая головой, жаловалась Захаровна, — о-охъ-хо-хо! — бормотала она, уходя.

Такъ въ этотъ день поѣздка въ лѣсъ не состоялась. Людмила оставалась все время въ своей комнатѣ, отговариваясь отъ всякихъ предложеній Ольги Ивановны головной болью.

— Чтой-то наши господа сегодня не въ куражѣ, — толковала на кухнѣ горничная: — всѣ по своимъ угламъ сидятъ.

— Давеча барышня съ барыней чтой-то дорогой расцапались, — пояснилъ сѣдой кучеръ, — сама-то говоритъ: поѣзжай во весь махъ, а я говорю, барыня, говорю, этого, говорю, невозможно совсѣмъ, потому теперь, я говорю, барышня опасаются... Она на нее теперича и въ сердцахъ. Вотъ и вся причина.

— Эка ты какой умный, — заговорила горничная Анна, — и вовсе совсѣмъ не изъ-за этого вся и ссора, и ничего ты не знаешь... А пошло все дѣло изъ-за моего жалованья... Да!

— Какъ бы не такъ, растабарывай больше... Ежели я тебѣ говорю, такъ ты должна понимать, а то вишь ты, изъ-за жалованья...

Такъ разбирались на кухнѣ причины домашнихъ размолвокъ въ семьѣ Павла Павловича. Онъ самъ въ это время сидѣлъ у себя въ кабинетѣ и вздыхалъ, жалуясь на свою судьбу.

— Боже мой, Боже мой! — Какое такое мнѣ наказанье съ этой опекой! — взывалъ онъ по временамъ. Впрочемъ, это не мѣшало ему перелистывать газеты и читать разныя политическія извѣстія изъ Европы, въ родѣ того, напримѣръ, какъ таковаго-то числа, мѣсяца и въ такой-то часъ королева Викторія выѣхала при благопріятной погодѣ на прогулку въ открытомъ экипажѣ.

XV.

Недѣли три прошло послѣ того утра, въ которое Семенъ Игнатьевичъ готовился перейти въ другой міръ. Въ эти три недѣли онъ настолько понравился, что уже самъ лично вступилъ въ управленіе всѣми своими дѣлами, и первое, что его всего болѣе удивило, это странный разговоръ въ малиновскомъ банкѣ съ однимъ изъ пріятелей-сослуживцевъ по банку. Пріятель говорилъ что-то такое, показавшееся Семену Игнатьевичу какъ будто и хорошимъ, но въ то же время и непонятнымъ.

— Вотъ вы, теперича, Семенъ Игнатьевичъ, похворали, а вѣдь это на пользу пошло, — сказалъ этотъ пріятель.

— Говорятъ, что ни дѣлается на бѣломъ свѣтѣ — все намъ же на пользу, — задумчиво отвѣтилъ Семенъ Игнатьевичъ.

— Это точно, это точно. Но вѣдь и намъ, къ примѣру, ваша-то есть, эта самая хворь на пользу пошла...

— Вамъ-то отъ этого что же, напримѣръ? — въ изумленіи спросилъ Семенъ Игнатьевичъ.

— Да и намъ полезно. По крайности утѣшились, знаемъ что и какъ у васъ въ дѣлахъ и очень можно сказать въ благонадежности. Вотъ что!

— Да ты о чемъ?

— Такъ, я промежду себя... на счетъ капиталовъ... — уклончиво отвѣчалъ благопріятель, и потомъ быстро размахнулся рукой, казалось, намѣреваясь ею сдѣлать дружескій ударъ по плечу Семена Игнатьевича и превращая этотъ ударъ въ самое нѣжное прикосновеніе пальцевъ къ его скрутку.

— Ну, Семенъ Игнатьевичъ, — добавилъ онъ съ чувствомъ, — то-есть, я вамъ тепериче скажу, изволите видѣть, ей-ей, дѣло прошлое, думали такъ, что свободнаго капитала у васъ нѣтъ, все въ дѣлахъ, а замѣсто того вдругъ оказывается сумма такая, напримѣръ... И это очень чудесно!.. Ей-Богу такъ!

Семенъ Игнатьевичъ нахмурился, задумчиво погладилъ свою едую бороду, уже начинавшую снова принимать прежніе размѣры и старался понять таинственный смыслъ словъ товарища. Разспрашивать его и допытываться было не ловко, онъ догадывался, что дѣло идетъ о чемъ-то такомъ, что для него имѣетъ важное значеніе, но все-таки не могъ ясно понять, о чемъ именно. Припоминалось изъ времени его болѣзни что-то такое, какъ будто имѣющее связь съ этими словами, но условываясь, не давая ничего опредѣленнаго.

— Да, да, это ты такъ, вѣрно, — отвѣчалъ Семенъ Игнатьевичъ, не переставая поглаживать бороду и напрягая свои мысли къ припоминанію прошлаго.

Товарищъ еще продолжалъ что-то, въ томъ же тонѣ восхваленія. Семенъ Игнатьевичъ поддерживалъ его, все-таки не понимая той главной тѣмы, на которой держался ихъ разговоръ.

— Только я, — началъ таинственно товарищъ, — никакъ теперича въ толкъ не возьму, какой во всемъ этомъ, къ примѣру сказать, разсчетъ, Семенъ Игнатьевичъ?

— Въ чемъ это? — съ простотой младенца спросилъ Семенъ Игнатьевичъ.

— Да въ этомъ самомъ, значить, дѣлѣ.

— То-есть, въ томъ-то, а-а!..

— Да, въ немъ. Мнѣ все какъ-то не вдомѣкъ...

«О чемъ онъ говорить, однако?» — томился Семенъ Игнатьевичъ, начиная наконецъ затрудняться отвѣтомъ.

— А ты понатужься, — отвѣтилъ онъ, улыбаясь.

— Да, пожалуй, надо, — улыбнулся и собесѣдникъ. — Нѣтъ, я такъ полагаю, — началъ онъ, перемѣнивъ тонъ, что тутъ какой-нибудь особый разсчетъ. Вѣдь вотъ, теперича, здѣсь въ банкѣ, вы платите по вашимъ векселямъ восемь процентовъ, а вѣдь вашъ капиталъ приноситъ... ну, положимъ, шесть... Вѣдь, значить, разница на двѣсти тысячъ ежегодно въ четыре тысячи рублей. Это за чтѣ же такая переплата.

— А-а-а! — вдругъ точно заревомъ освѣтило мысли Семена Игнатьевича, и онъ изъ всѣхъ припоминаній, до сихъ поръ обрывками тѣснившихся въ его головѣ, сразу составилъ цѣлое представленіе прошлаго. Ему ясно стало, что сынъ не послушался его совѣтовъ и написалъ въ духовномъ завѣщаніи о двухъ-стахъ тысячахъ наличнаго капитала. Точно такъ же стало понятно, почему сынъ съ нѣкотораго времени чѣмъ-то стѣсняется при разговорахъ съ нимъ о дѣлахъ и все какъ-будто о чемъ-то хотеть сказать и не рѣшается. Теперь Семенъ Игнатьевичъ понялъ причины этого страннаго поведенія сына. Вотъ болванъ! я думалъ — онъ умнѣе... Теперь распутай его путаницу! Все это быстро мелькнуло въ головѣ Семена Игнатьевича, и онъ опять тономъ спокойнаго и невиннаго агнца отвѣтилъ:

— Да, конечно, съ чего я буду даромъ переплачивать деньги!.. Тутъ есть особые разсчеты...

— То-то и я думаю то же: дѣла большія, гдѣ деньгамъ въ процентахъ лежать, развѣ, молъ, временно? — Вѣдь не разсчетъ! Семенъ Игнатьевичъ, такъ ли я говорю?

— Не разсчитъ, разумѣется: капиталъ принесетъ не двѣнадцать процентовъ, такъ десять навѣрное.

— Принесетъ! это точно!

— Да, тутъ у меня особые расчеты,—уже совершенно дѣловымъ тономъ добавилъ Семень Игнатьевичъ.—Тутъ, я тебѣ скажу,—заговорилъ онъ съ нѣкоторой таинственностію и покровительственно положилъ свою руку на плечо собесѣдника:—есть тутъ, братецъ ты мой, одно выгодное дѣльце. Признаться, для него немного попридержалъ другія дѣла. Теперь собрали всѣ свободные капиталы именно для него...

— Такъ, та-акъ,—поддакивалъ собесѣдникъ и кивалъ головою въ знакъ согласія съ Семеномъ Игнатьевичемъ. Семень Игнатьевичъ былъ радъ, что нашелся въ отвѣтъ. Въ другое время ему нечего было бы радоваться своей находчивости, но теперь, когда послѣ болѣзни силы еще не были достаточно возстановлены, онъ еще, такъ-сказать, не чувствовалъ себя въ прежнемъ полномъ силѣ и энергіи состояніи. Теперь онъ ускорилъ даже свой отъѣздъ изъ банка домой, озабоченный тѣмъ, что къ его постояннымъ заботамъ прибавилась еще одна, которой онъ никакъ не ждалъ. Вѣдь вотъ глупъ человѣкъ,—думалъ онъ о сынѣ, на чтѣ ему понадобилось путать дѣла, и безъ того все путано и перепутано; да еще и молчить... То-то я смотрю, что онъ все какъ-то не по себѣ...

Но пока лошадь его мчалась по улицамъ Малиновска, высоко забрасывая свои бойкія ноги и красивой дугой изгибая шею, мысли Семена Игнатьевича успѣли получить уже другое направленіе. Припоминая разговоръ съ товарищемъ въ банкѣ, онъ тѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе начиналъ сердиться на себя... Чтѣ это я ему сгородилъ тамъ сдуру-то? —упрекалъ онъ самъ себя, нужно было просто-на-просто отвѣтить—переходныя, молъ, суммы—и въ духовное завѣщаніе попали второпяхъ—и шабашъ! теперь начнетъ звонить по городу... Эхъ!..

И въ самомъ дѣлѣ досадно и больно было, что хорошій отвѣтъ не пришелъ во-время въ голову, а оказалось вѣсто него что-то такое, чтѣ вовсе и говорить не слѣдовало,—къ тому же, какъ на грѣхъ, банковскій товарищъ былъ изъ болтливыхъ...

— Ну, чтѣ дѣлать,—успокаивалъ самъ себя Семень Игнатьевичъ,—и на старуху бываетъ проруха: пусть звонить, авось изъ этого мнѣ же хорошо вызвонить...

Но, подѣвжая къ своему дому, онъ какъ-то случайно наткнулся на новую неприятную мысль, именно о томъ, что эти двѣсти тысячъ, получившія, такъ-сказать, законное право бытія,

со дня внесенія ихъ въ духовное завѣщаніе, пожалуй, въ случаѣ общаго разстройства дѣлъ Семена Игнатьевича (все въ волѣ Божіей, — подумалъ онъ), могутъ стѣснить его въ дѣйствіяхъ при объявленіи несостоятельности. «Вѣдь у кредиторовъ, — думалъ онъ, — могутъ возникнуть вопросы о томъ, куда же дѣвались эти дѣсти тысячъ, вѣдь меня могутъ обвинить въ ихъ укрывательствѣ, въ неблагонамѣренномъ веденіи дѣлъ, а вѣдь это называется злостнымъ банкротствомъ, вѣдь за это уголовному суду предадутъ!.. Эка дуракъ Петрушка, что онъ мнѣ тутъ натворилъ! Вотъ, въ самомъ дѣлѣ, какое положеніе, и похворать даже нельзя: чортъ знаетъ что напутаютъ».

Теченіе его мыслей прервалъ хриплый басистый окрикъ, доносившійся откуда-то издали. Семенъ Игнатьевичъ оглянулся, не видя никого, но кучеръ уже сдержалъ лошадь, замѣтивъ, что окрикъ идетъ изъ окна одноэтажнаго дома Кузьмы Ильича, котораго голова высунулась наружу.

— Семенъ! — крикнулъ опять Кузьма Ильичъ.

— А-а! — наконецъ увидѣлъ Семенъ Игнатьевичъ и удивился: никогда прежде Кузьма Ильичъ самъ первый съ нимъ не разговаривалъ.

— Погоди-ка; дай взгляну на тебя.

— Спасибо... Гляди, пожалуй.

Семенъ Игнатьевичъ отпустилъ кучера и подошелъ къ окну.

— Ишь ты, вѣдь, какой: отлежался! А я, думалъ, братъ, шабашъ тебѣ... Приходилъ прощаться... Да! Вѣрно слово!..

Кузьма Ильичъ, такъ говоря, поглядывалъ на сосѣда съ большимъ интересомъ, и его маленькіе мышиные глазки такъ и бѣгали во всѣ стороны и смѣялись, точно въ самомъ дѣлѣ радуясь чему-то.

— Спасибо, что приходилъ... Значить, не злопамятный человекъ! — отвѣтилъ ему Семенъ Игнатьевичъ, думая однако совсѣмъ не о прощальномъ его визитѣ, а о томъ, съ какой стати теперь онъ къ нему такъ ласкается.

— Ишь ты, вѣдь, какой, а! Опять бойко ходишь, молодецъ!

— Спасибо, спасибо!.. Но, однако, прощай, сосѣдъ, — дѣло есть...

— Прощай, прощай... Знаю, знаю: у тебя дѣловъ видимо-невидимо... Слышалъ, братъ, ты молодецъ... ей-ей!.. Скоро, чай, богаче насъ будешь: ишь деньжищъ-то накопилъ...

Семенъ Игнатьевичъ тревожно оглянулся по сторонамъ и промолчалъ.

— Знаемъ, братъ, знаемъ,—самъ нотаріусъ говорилъ.—Вотъ что!

Глазки Кузмы Ильича сдѣлались еще меньше и, казалось, силились проникнуть въ самую душу Семена Игнатьевича, или, вѣрнѣе будетъ сказать, въ самый сокровенный его сундукъ, чтобы узнать, дѣйствительно ли онъ имѣетъ двѣсти тысячъ свободнаго отъ всякихъ дѣлъ капитала. Теперь только, при взглядѣ Кузмы Ильича о накопленныхъ деньгахъ, Семенъ Игнатьевичъ понялъ причину его столь любезнаго обращенія. Но, странное дѣло, Семенъ Игнатьевичъ за минуту передъ тѣмъ расклавывавшійся въ томъ, что далъ банковскому товарищу неточный отвѣтъ объ этихъ двухъ-стахъ тысячахъ, теперь опять не совладѣлъ съ собой и не выговорилъ того отвѣта, который признавалъ всего болѣе идущимъ къ дѣлу. Стоило сказать, что этотъ капиталъ составлялъ въ послѣдніе дни болѣзни переходныя суммы по кассѣ и теперь уже опять гуляетъ въ дѣлахъ, разойдясь на всѣ четыре стороны,—но этотъ отвѣтъ не выговорился. Все-таки пріятно было видѣть къ себѣ вниманіе даже со стороны такого словообразнаго человѣка, какимъ былъ въ его глазахъ Кузьма Ильичъ.

— Ну, прощай, братъ, прощай... Я радъ... Молодецъ... Скоро богаче насъ будешь...

— Куда намъ, мужикамъ, чай пить,—отшучивался Семенъ Игнатьевичъ, уходя домой.

И опять точно чѣмъ-то кольнуло его въ сердце въ ту минуту, какъ только онъ припомнилъ свой недавній разговоръ съ банковскимъ товарищемъ, свое рѣшеніе на счетъ того, какъ нужно говорить о двухъ-стахъ тысячахъ, попавшихъ противъ его воли въ духовное завѣщаніе, и свое нравственное безсиліе, подъ вліяніемъ котораго онъ самъ уклонился отъ этого рѣшенія своимъ двусмысленнымъ отвѣтомъ на намеки сосѣда.

— Эка, подумаешь, какая важность!—успокоивалъ потомъ онъ самъ себя, входя въ свой кабинетъ.

Порывшись еще нѣсколько минутъ въ бумагахъ, онъ позволилъ; явился мальчикъ, одинъ изъ конторскихъ, поочередно дежурившихъ въ комнатахъ для исполненія распоряженій Семена Игнатьевича. Мальчикъ молча вошелъ и ждалъ. Семенъ Игнатьевичъ о чемъ-то задумался, смотря на него. Задумчивость эта продолжалась довольно значительное время; мальчикъ уже два переступилъ съ ноги на ногу и началъ побавиваться, не замѣтилъ-ли Семенъ Игнатьевичъ какихъ-нибудь за нимъ провинностей и теперь внимательно всматривается, стараясь проникнуть

въ его душу. Семень Игнатьевичъ дѣйствительно со вниманіемъ смотрѣлъ на мальчика, но не его лицо онъ видѣлъ и не о немъ думалъ. Онъ отдался снова той мысли о послѣдствіяхъ распространяющихся слуховъ о двухъ-стахъ тысячахъ его наличной кассы. Припоминались предстоящіе въ эти дни платежи, думалось о томъ, нѣтъ-ли затрудненій по кассѣ къ ихъ уплатѣ.

Отъ думы объ этихъ затрудненіяхъ мысли его тотчасъ же перенесли въ Рыбинскъ, гдѣ въ началѣ іюля можно было надѣяться на благополучную развязку съ хлѣбомъ, продать его и нѣсколько пооблегчить положеніе своихъ дѣлъ. Хлѣбъ уже былъ тамъ на мѣстѣ, и уже шли предложенія со стороны покупателей, но лицо, уполномоченное на продажу этого хлѣба, не рѣшалось покончить дѣло до полученія отъ Семена Игнатьевича приказа. Телеграмма, доставленная въ этотъ день изъ Рыбинска, извѣщала, что цѣны на хлѣбъ немного поднялись. Теперь Семень Игнатьевичъ, смотря прямо въ лицо переминавшагося съ ноги на ногу мальчика, думалъ объ этихъ цѣнахъ.

— Ты что тутъ? — сердито спросилъ онъ мальчика, увидя его предъ своими глазами.

— Вы звонили...

— Ахъ, да, вотъ что: да... Позови этого, какъ онъ... Если цѣна поднимется еще на пятьдесятъ копѣекъ, то и пожалуй слава Богу... Ну, что же ты стоишь?—вдругъ спохватился онъ и закричалъ:—я тебѣ сказалъ позови Спиридона Ѳедорова, слышишь?

Мальчикъ моментально юркнулъ изъ кабинета и, пробѣгая чрезъ корридоръ въ контору, отмахнулся рукой отъ Лимоны Карповны, прошептавшей, не спрашивалъ-ли Семень Игнатьевичъ объ обѣдѣ.

— Сердитъ! Объ обѣдѣ забылъ, ужинать хотеть,—успѣлъ все-таки отвѣтить мальчикъ, задавшій козла отъ Лимоны Карповны.

— Ахъ ты, озорникъ!.. проворчала она, грозя ему вслѣдъ пальцемъ.

Минуту спустя поспѣшно прошагалъ изъ конторы Спиридонъ Ѳедоровичъ подпрыгивая и пяля глаза то впередъ, то подъ ноги. Выйдя изъ корридора въ залу онъ нѣсколько разъ оглянулъ его, высматривая не тутъ-ли Марія Семеновна и потомъ уже прошелъ въ кабинетъ Семена Игнатьевича.

Семень Игнатьевичъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ и при входѣ конторщика уже держалъ въ рукѣ нѣсколько бумагъ, для него приготовленныхъ.

— Пошлите въ Рыбинскъ вотъ эту депешу.

Онъ подаль еще одну бумажку, на которой было написано:

«Лисьи хвосты попридержите еще и если полшкурки прибудетъ, то можно рубить все заразы».

Спиридонъ Ѳеодоровичъ прочелъ и понялъ въ чемъ дѣло, такъ какъ заранѣе былъ посвященъ въ условныя названія, назначенныя Семеномъ Игнатьевичемъ для своихъ товаровъ: лисьи хвостами назывался хлѣбъ, а шкурою назывался рубль и, слѣдовательно, Семенъ Игнатьевичъ телеграфировалъ, чтобы хлѣбъ не продавали, пока цѣна еще не поднимется на пятьдесятъ копѣекъ.

Спиридонъ Ѳеодоровичъ читалъ и молча посматрѣлъ на Семена Игнатьевича, замѣтно желая ему что-то возразить, но удерживаясь. Семенъ Игнатьевичъ замѣтилъ это и даже понялъ, что именно хотѣлъ Спиридонъ Ѳеодоровичъ возразить.

— Ты думаешь, можетъ цѣна упасть?—пытливо глядя на него спросилъ Семенъ Игнатьевичъ.

Спиридонъ Ѳеодоровичъ кивнулъ головой, на что въ отвѣтъ Семенъ Игнатьевичъ порывисто всталъ изъ-за стола и скоро зашагалъ по комнатѣ.

— Дѣло, братъ Спиридонъ, конечно, темное, такъ и этакъ его верти, впередъ не увидишь далеко... А по-моему выходить такъ, что надо попридержатъ на полтину.

— Урожан хороши,—тихо замѣтилъ конторщикъ.

— Слѣдишь по газетамъ?

— Слѣжу.

— Чтѣ съ пристаней-то пишуть, каково тамъ?

— Хорошо.

— Гм... гм... Да, поднять бы еще на полтину—и тогда бы можно изъ убытковъ выкрутиться... Пожалуй-бы еще и барышншко порядочный могъ остаться...

— Опасно.

— Ты думаешь, можетъ упасть цѣна?

— Да.

— Причинъ нѣтъ. Если теперь идетъ въ гору, значить надо ждать... Оно, конечно, всяко бываетъ.

Семенъ Игнатьевичъ, говоря это, однако шагалъ по комнатѣ медленнѣе и какъ будто находился въ нерѣшительности.

— Гдѣ Петръ?—вдругъ высоко вскидывая голову, спросилъ онъ, и когда Спиридонъ Ѳеодоровичъ, вмѣсто отвѣта, пожалъ только плечами, Семенъ Игнатьевичъ позвонилъ, приказавъ мальчику позвать Петра Семеновича. Спустя минуту, другую, онъ вошелъ. Отецъ сверкнулъ на него сердитымъ взглядомъ, но тотчасъ и скрылъ свой гнѣвъ, обратившись къ сыну съ вопросомъ.

— Ты, Петръ, какъ думаешь?.. Читалъ телеграммы изъ

Рыбинскъ? Ну, какъ, продавать или ждать? спросилъ онъ, продолжая шагать по кабинету.

«За что-то онъ на меня сердится», подумалъ сынъ и видимо желая разсвѣять гнѣвъ отца, отвѣтилъ съ улыбкой:

— Погадать надо, папенька!..

Семенъ Игнатьевичъ опять сердито на него взглянулъ и опять удержалъ свой гнѣвъ.

— Именно надо погадать,—обратился онъ къ Спиридону Федоровичу,—другого вѣрнаго средства заглянуть впередъ нѣту.

Спиридонъ Федоровичъ молча улыбнулся. Семенъ Игнатьевичъ сѣлъ на кресло, склонивъ голову на руку, сынъ и конторщикъ стояли около портьеры и молчали, сознавая, что хозяинъ находится въ положеніи серьезномъ, рѣшаетъ вопросъ большой денежной важности.

— Такъ погадать, Петръ? Да?—пытливо взглядывая на сына и сильно хмурясь, спросилъ онъ.

Сынъ теперь смотрѣлъ тоже серьезно и на этотъ разъ отвѣтилъ, не улыбаясь, а съ видимою рѣшительностью.

— По-моему бы... продать...

— Нѣтъ, Петръ,—сказалъ рѣшительно Семенъ Игнатьевичъ, вставая съ кресла: была не была—подождемъ... пошли телеграмму, обратился онъ къ Спиридону Федоровичу,—и тотъ, молча кивнувъ головой, вышелъ изъ кабинета.

Отецъ и сынъ остались вдвоемъ. Только-что Спиридонъ Федоровичъ вышелъ, какъ тотчасъ же лицо Семена Игнатьевича приняло совсѣмъ другое выраженіе, вмѣсто того, какое оно имѣло минуту назадъ. Оно точно вдругъ какъ-то даже потемнѣло, глаза, какъ будто, ушли въ глубь, брови нахмурились. Петръ Семеновичъ замѣтилъ два-три блеска этихъ глазъ, брошенныхъ въ него исподлобья, и сердце его ёкнуло. Онъ понялъ, что отецъ готовится распечь его и догадывался даже за что: навѣрное, молъ, услышалъ отъ кого-нибудь о духовномъ завѣщаніи.

— Что же это ты, Петръ, надѣлалъ, а?

— Виновать, батюшка...

Семенъ Игнатьевичъ подошелъ къ портьерѣ, ухватился за нее своей мощной рукою и зашипѣлъ страшнымъ голосомъ:

— Да развѣ такая покорность твоя дѣло поправить?..

Петръ Семеновичъ пугливо оглянулъ портьеру, замѣтно подумавъ о томъ,—сронить онъ ее всю, и отошелъ въ окну, молча. Семенъ Игнатьевичъ все еще стоялъ около портьеры и сжималъ въ рукѣ тотъ ея кусокъ, который захватилъ.

— Вѣдь ты мнѣ, Петръ,—заговорилъ онъ вдругъ, отчекани-

вая каждое слово:—вѣдь ты мнѣ надѣлъ на шею хомутъ, вѣдь изъ него теперь не выльзешь...

Петръ Семеновичъ, смотрѣвшій до сихъ поръ въ полъ и нервно перебиравшій правой рукой свою массивную золотую цѣпочку, робко взглянулъ на отца и тихо замѣтилъ:

— Какая же особенная бѣда въ этомъ? Мало-ли у насъ переходныхъ суммъ бывало въ кассѣ? Ежели вы не желаете, чтобы насъ считали свободными въ капиталахъ, то вѣдь это поправимое дѣло... Вѣдь духовное завѣщаніе можно уничтожить...

— Да я его въ тридцать три куса разорву,—отвѣтилъ Семень Игнатьевичъ, сердито отшвыривая отъ себя портьеру и отходя отъ нея въ сторону.

— Но вачѣмъ ты его къ нотаріусу-то сволокъ такъ скоро? Вѣдь оно теперь слово въ слово въ нотаріальныя книги внесено...

Сынъ посмѣлѣе посмотрѣлъ на отца и погромче возразилъ:

— Да вѣдь никакой же важности въ этомъ нѣтъ. Ежели-бы какое затрудненіе представилось, то одна прямая ссылка—переходныя суммы, и конецъ.

Семень Игнатьевичъ вскипѣлъ вдругъ страшнымъ гнѣвомъ и торопливыми шагами подбѣжалъ къ сыну.

— Удержи рѣчной потокъ,—зашепталъ онъ шипя, на всю комнату,—чѣмъ его удержишь! Удержи людской говоръ, да и самъ удержишься, попробуй—я, молъ, не богатъ, эти двѣсти тысячъ не мои, чужія, переходныя, молъ, по кассѣ суммы...

Онъ отчаянно отмахнулся, подходя опять къ портьерѣ и снова держась за нее рукой.

— Теперь кини какъ въ котлѣ, доказывай всякій вздоръ каждому, отъ кого нужно добиться отсрочки,—заговорилъ онъ болѣе спокойнымъ тономъ.

Сынъ молчалъ, принявшись опять перебирать рукой свою цѣпочку. Семень Игнатьевичъ тоже. Портьера слегка покачивалась, мѣняя направленіе своихъ темно-зеленыхъ складокъ, морщинистая рука Семена Игнатьевича нервно подергивалась, комкая пальцами кусокъ бархата портьеры, и это указывало на неспокойное состояніе его духа.

— А ты знаешь, Петръ,—началъ онъ опять, подходя къ сыну, что еслибъ намъ пришлось объявить несостоятельность, то эта сумма, двѣсти тысячъ, насъ можетъ страшно стѣснить...

— Я думаю, нѣтъ,—робко отвѣтилъ сынъ.

— Какъ нѣтъ? — торопливо перебилъ его отецъ: — какъ нѣтъ?

— Просто. Провести теперь же по книгамъ какую-нибудь

неудачную торговую операцію съ большимъ убыткомъ, показать построенной и сгорѣвшей какую-нибудь постройку на заводѣ... Мало ли что можно... И приходъ этой суммы тоже...

Отецъ пылливо на него смотрѣлъ все время, пока онъ говорилъ, и когда онъ сказалъ послѣднее слово, замѣтилъ, качая головой:

— Чтобъ хорошо концы хоронить, Петръ, надо большой умъ, вотъ что!

Сынъ исподлобья взглянулъ на него, какъ-бы спрашивая, что онъ хочетъ этимъ сказать.

— Случись это въ другое время, — началъ опять отецъ: — иная статья, а теперь-то, когда каждый день платижи, какъ вывертываться-то?.. Переходныя суммы... хорошо! А попробуй-ка проводить ихъ по книгамъ, каково это будетъ? Въ конторѣ-то сколько народу работаетъ, а? Вѣдь они всё замѣтятъ, когда ты будешь по книгамъ-то фальшивить... Хорошо, когда только по главной кассовой, да по долговой, тутъ-то можно, тутъ-то одинъ Сипридонъ, а по всѣмъ другимъ-то какъ?.. То-то вотъ и есть...

Гнѣвъ Семена Игнатьевича все-таки сталъ уже утихать. Онъ, молча, сѣлъ въ кресло, долго сидѣлъ, помурилъ голову и потомъ, подозвавъ къ себѣ сына, ворчливо сказалъ:

— Ну, Богъ съ тобой! какъ-нибудь выкрутимся... Не понимаю только, что тебѣ была за охота запутывать еще больше и безъ того запутанныя дѣла.

Сынъ сейчасъ же и оправился отъ своего смущенія, однакожь не сказалъ отцу настоящей причины своихъ недавнихъ замысловъ, а сослался на то, что все было сдѣлано второпяхъ и необдуманно.

— Подсунулъ вамъ завѣщаніе подъ руку и даже забылъ о томъ, что въ немъ написано, а написано оно было еще за нѣсколько дней, помните, когда я приходилъ еще къ вамъ на счетъ его συμβουλευаться?.. Такъ оно и оставалось тогда здѣсь на столѣ. Вамъ сдѣлалось вдругъ трудно, у меня голова кругомъ пошла, ну, и забылъ все, что вы мнѣ раньше говорили.

Отецъ почти не слушалъ его объясненій, справедливо сознавая, что теперь онѣ дѣлу не помогутъ.

— Ну, ну ужъ, довольно...

Минуты двѣ-три спустя, завѣщаніе было разорвано и отецъ съ сыномъ говорили уже о другомъ, отправляясь изъ кабинета въ столовую.

— Я бы самъ поѣхалъ въ Рыбинскъ сегодня же, — говорилъ отецъ: — да вѣдь теперь и здѣсь безъ меня ты не справишься...

— Мнѣ бы поѣхать, когда такъ: все же я больше могу сообразоваться съ ходомъ дѣлъ,—замѣтилъ сынъ.

— Да, конечно, такъ... Но вотъ, я думаю, Петръ, на счетъ нельзя ли... женитьбы... можетъ, ускоримъ какъ-нибудь...

Они вошли въ столовую. Лимона Карповна стояла около обѣденнаго стола, держась рукой за спинку стула и готовая отодвинуть его тотчасъ же, какъ только Семенъ Игнатьевичъ подойдетъ къ нему. Маша, одѣтая какъ всегда, въ черное платье и стоявшая до прихода отца около окна столовой, поцѣла на-встрѣчу ему, заслыша его говоръ и шаги изъ залы.

— Здравствуй, Маша! — сказалъ отецъ, входя въ столовую.

Она подошла къ нему, поцѣловала его въ щеку и, молча, сѣла за свой приборъ.

— Что это у насъ за столомъ сегодня такъ пусто, никого нѣтъ гостей, — спросилъ Семенъ Игнатьевичъ, бросая себѣ на колѣни салфетку.

— Да все, батюшка мой Семенъ Игнатьевичъ, еще опасаются безновонить васъ послѣ болѣзни-то, думаютъ, не помѣшать бы,—поспѣшила объясненіемъ Лимона Карповна.

— Такъ, ладно, Карповна, — отвѣтилъ ей Семенъ Игнатьевичъ:—это ты справедливаю, мать, рѣчь ведешь...

Семенъ Игнатьевичъ дѣлался съ каждой минутой веселѣе, и поспѣшно справляясь съ курицей послѣ того, какъ быстро опорожнилъ тарелку съ супомъ, обратился съ вопросомъ къ дочери.

— А у тебя, Маша, развѣ сегодня не было никого подругъ, а?

— Нѣтъ, была одна.

— Что же ты ее не удержала обѣдать?

— Не осталась.

— Этого не одобряю. Значить, не умѣла упросить.

— Она не знакома вамъ.

— Ну, что-жъ, познакомились бы за обѣдомъ. Скромная, что-ли очень, застѣнчивая?

— Нѣтъ, ничего... Только не осталась...

— Подруга по гимназіи, что-ли? — спросилъ Семенъ Игнатьевичъ, уже окончившій расчетъ съ курицей и отодвинувшій отъ себя тарелку.

— Нѣтъ, она не здѣшняя, пріѣзжая...

— А-а, — протянулъ отецъ, вытирая салфеткой ротъ, и, точно предчувствуя что-то недоброе, заинтересовался подробностями о гостьѣ дочери.

— Откуда же, Маша, эта твоя пріѣзжая гостья?

Маша удивленно вскинула на него глаза, спрашивая этимъ взглядомъ, что ему за охота интересоваться такими, совершенно неинтересными для него подробностями.

— Она изъ Петербурга... Здѣсь гостить у знакомыхъ на каникулахъ.

— А-а! Вотъ какъ! — протянулъ Семенъ Игнатьевичъ, и опять точно облако какое напало на его лицо и покрыло его какой-то тѣнью. Его веселое расположеніе духа замѣтно исчезло, и когда принесли второе блюдо, онъ совсѣмъ умолкъ и по временамъ уже начиналъ немного хмуриться. Что такъ подѣйствовало на его расположеніе духа, понять было трудно. Казалось, для этого не было никакихъ вызывающихъ причинъ, а между тѣмъ Семенъ Игнатьевичъ сдѣлался молчаливъ и ожидалъ по временамъ грустнымъ взглядомъ то дочь, то сына, то Лимону Карповну, суетливо кивавшую время отъ времени головой прислугѣ, ожидавшей въ дверяхъ ея знаковъ. Она то глазами стрѣляетъ этой прислугѣ, показывая на тарелки, то головой даетъ знаки, то тревожно хмурится, заботясь о томъ, что прислуга скрылась куда-то и не видитъ ея знаковъ. Она очень рвется въ желаніи выскочить изъ-за стола и рвануться на кухню, чтобы тамъ повизжать и распечь всѣхъ за медленность, но не смѣетъ этого сдѣлать, потому что Семенъ Игнатьевичъ давнымъ-давно это ей запретилъ и строго-на-строго приказалъ, чтобы она во все продолженіе обѣда оставалась всегда на своемъ мѣстѣ.

Обѣдъ близился къ концу и расположеніе духа Семена Игнатьевича дѣлалось все мрачнѣе. Онъ не возобновлялъ разговора послѣ того, какъ получилъ отъ дочери отвѣтъ о томъ, что ея гостя изъ Петербурга. Сынъ думалъ, что онъ теперь начинаетъ хмуриться, припомнивъ что-нибудь изъ заботъ торговыхъ, ждавшихъ разрѣшенія вечеромъ этого дня; но оказалось, что онъ вовсе не о торговыхъ дѣлахъ думалъ. Послѣ третьяго блюда, отодвинувъ, по обыкновенію, отъ себя тарелку и откинувшись на спинку стула, онъ снова обратился къ Машѣ съ вопросомъ:

— Такъ она изъ Петербурга?

— Да, — тихо отвѣтила Маша, начиная рассказываться въ томъ, что сказала отцу объ этой своей знакомой. Она, какъ и братъ съ Лимоней Карповной, начала догадываться, что расположеніе духа Семена Игнатьевича измѣнилось, благодаря извѣстію объ этой петербургской гостѣ.

Послѣ отвѣта Маши, отецъ помолчалъ нѣсколько времени, внимательно всматриваясь въ дочь, но онъ ничего не могъ раз-

смотря въ ея лицѣ, потому что Маша сидѣла низко, склонивъ голову къ тарелкѣ и дѣлала видъ, что усердно занимается обѣдомъ. Отецъ все нѣтъ-нѣтъ — да и посмотритъ на нее, а она точно чувствовала эти его взгляды и старалась смотреть такъ, чтобы ея глаза не встрѣтились съ глазами отца.

— Маша! — вдругъ спросилъ Семенъ Игнатьевичъ, нѣсколько возвысивъ тонъ.

Маша взглянула на него, ожидая, что онъ скажетъ.

— Ты, должно-быть, стала еще хуже прежняго видѣть, — чуть носомъ не тыкаешься въ тарелку.

— Да, — отвѣтила она, и отцу показалось, что въ этомъ отвѣтѣ есть что-то вызывающее.

— Надо очки надѣть, красиво. Видала, какъ Людмила Николаевна носить.

— Я надѣну, — сухо отвѣтила Маша, начиная все смѣлѣе и смѣлѣе смотреть на отца.

— Небось, не для красоты? — иронически, улыбаясь, спросилъ отецъ.

— Да, не для красоты, — уже совершенно твердымъ голосомъ отвѣтила Маша.

— Понима-аю! — протянулъ Семенъ Игнатьевичъ, и такъ какъ обѣдъ былъ уже оконченъ, то онъ и вышелъ изъ-за стола, причемъ Лимона Карповна съ ловкою предупредительностью успѣла помочь ему отодвинуть стулъ.

Дѣти, оставивъ владѣть за нимъ свои мѣста, молча, подошли къ нему, и онъ тоже, молча, подставилъ имъ для поцѣлуя свою щеку. Когда Маша его поцѣловала, онъ взялъ ее за руку и пошелъ съ нею вмѣстѣ изъ столовой въ залу. Маша, молча, повиновалась.

— Сердитая ты дѣвушка, Маша, — грустно сказалъ онъ, выходя съ нею на балконъ.

— Въ чемъ же это замѣтно, папенька?

— Толкуй! Развѣ я не вижу!..

На балконѣ, прикрытомъ сверху холщевымъ навѣсомъ, стояло нѣсколько стульевъ: на одинъ изъ нихъ грузно опустился Семенъ Игнатьевичъ и растянулъ руку по рѣшеткѣ балкона. Онъ опять началъ хмуриться на Машу, остановившуюся около его стула.

— Садись.

— Я не устала.

— Ну, какъ хочешь.

Семенъ Игнатьевичъ вздохнулъ и угрюмо спросилъ:

— Пріятельница-то твоя петербургская, та, что-ли, съ которой я тебя встрѣчалъ подъ руку; помнишь, еще до болѣзни?

— Да, она.

— Ну, что же она говорить?

— О чемъ?

— А о томъ самомъ, понимаешь?.. Да что ты какъ говоришь, точно я передъ тобой виновата въ чемъ, а не ты передо мной?

— Я не виновата.

— Ну, вотъ, какъ съ тобой говорить толкомъ, когда ты такъ отвѣчаешь мнѣ...

— Что же за вина такая моя, папенька, если вамъ моя подруга почему-то не нравится...

— А потому мнѣ не нравится, что она тебя съ толку сбиваетъ. Видимое дѣло! Я ее знаю. Еще прошлый разъ до болѣзни моей, когда ты вотъ мимо этого самаго балкона съ ней проходила, тогда еще я по лицу твоему замѣтилъ, что у васъ какіе-то шуры-муры...

Мама пожала плечами и иронически улыбнулась, точно говоря этой улыбкой: «какой вы вздоръ, папенька, городите!»

— Не улыбайся такъ-то, — рѣзко замѣтилъ онъ. — Вижу, все вижу... Говори лучше правду.

— Я не понимаю, какіе шуры-муры.

— А на счетъ женскихъ курсовъ?

Мама встрепенулась и быстрымъ взглядомъ окинула отца.

— Видишь: все знаю.

— Нѣтъ, — вдругъ мѣняя тонъ, рѣзко отвѣтила дочь и замолчала.

— Что нѣтъ-то? Развѣ вашего брата трудно раскусить? какъ же! Шушукаете, да ахаете — видимое дѣло, пустой народишко... Ну, сбиваетъ она тебя на курсы, да?

Но Мама уже вошла въ то замкнутое состояніе духа, находясь въ которомъ она всегда отмалчивалась отъ всякихъ вопросовъ, или отдѣлывалась односложными словами.

— Что же ты молчишь? Развѣ хорошо съ твоей стороны въ молчанку-то играть? Или ты думаешь, я черствый человѣкъ и мнѣ все равно, тутъ ли дочь, при мнѣ, или Богъ знаетъ гдѣ, а?.. Вотъ что, Мама, — началъ онъ другимъ тономъ: — ты эти самыя мысли глупыя брось. Живи себѣ дома, занимайся тѣмъ, что тебѣ любо, я не запрещаю: читай, сколько угодно. Ежели пойдетъ на пользу — дай Богъ. А въ Питеръ я тебя не отпущу. Такъ ты теперь мое слово запомни — и конченное дѣло. Слышишь?

Маша упорно молчала, стоя около стула, на котором сидѣлъ отецъ и смотрѣла вдаль на многоводную рѣку. По этой рѣкѣ тянулись суда, бѣлѣя парусами и нагоняя другъ друга. Смотрѣла на нихъ Маша, но не видѣла ихъ, занятая своими думами.

— Чтѣ, Семень, отдохнута вышеть? — вдругъ донесся на балконъ хриплый голосъ Кузьмы Ильича, вышедшаго за ворота на скамейкѣ посидѣть.

Услыша этотъ хриплый голосъ, Семень Игнатьевичъ кивнулъ головой дочери, которая немедленно же и скрылась съ балкона, а самъ онъ, повернувшись вмѣстѣ со стуломъ въ ту сторону, откуда раздался голосъ Кузьмы Ильича, отвѣтилъ ему на вопросъ вопросомъ же.

— Чтѣ новенькаго, сосѣдъ?

— Да все старое по старому. Вотъ вышеть отдохнута, все какое-то сонное мечтаніе.

— Ну, и отдыхай съ Богомъ, а мнѣ не до отдыха.

Семень Игнатьевичъ быстро поднялся со стула и ушелъ съ балкона, занятый своими многосложными думами.

— Богъ знаетъ, что за время такое! — вздыхалъ онъ, лежа въ постель отдохнута послѣ обѣда: — тутъ дѣла одно на одно на-тыкаются и трещатъ; тутъ сынъ еще прибавилъ грузу мнѣ на плечи; а потомъ еще вотъ дочка что-то замышляетъ. Вправду ли дѣвку сбываютъ, или такъ одиѣ ея глупыя мысли... ничего не разберешь. Однако что-то завтра изъ Рыбинска приплотъ: поднялось бы еще на полтину — хорошо бы!

Онъ повернулся на другой бокъ, но почему-то не улежалъ на немъ и опять повернулся. Минуту спустя онъ поспѣшно всталъ съ кровати, поспѣшно написалъ что-то и позвонилъ.

Въ кабинетѣ вошелъ мальчикъ.

— Отнеси Спиридону. Пусть пошлетъ сейчасъ же, — сухо сказалъ Семень Игнатьевичъ, передавая мальчику бумагу. Въ бумагѣ этой заключалась телеграмма тому же довѣренному, которому онъ только-что передъ обѣдомъ телеграфировалъ. Теперь онъ ему телеграфировалъ слѣдующее: «подожди рубить, дай еще свѣдѣнія».

— День переждать не важность, а можетъ дѣна и еще на-кипить...

Съ такими думами онъ легъ снова въ постель и мысли его мало-по-малу стали заплетаться одна за другую, соединяя между собою то, что въ бодрственномъ состояніи совсѣмъ было не соединимо: смѣшалось все, и дочь, и Рыбинскъ, и женскіе курсы

и какія-то очни, надѣтыя на башню его завода... Спусти нѣсколько времени онъ спалъ, легонько похрапывая. Теперь, охваченный сномъ, Семенъ Игнатьевичъ чувствовалъ себя въ спокойномъ состояніи, и едва ли это состояніе было не единственное изъ всѣхъ, въ которомъ онъ, находясь, отдыхалъ душою...

XVI.

— Что мнѣ дѣлать? Съ кѣмъ мнѣ совѣтоваться?—ахала Маша, сидя вечеромъ одна на этомъ же самомъ балконѣ:—теперь ясно, теперь ясно, что онъ меня не хочетъ отпустить въ Петербургъ. Ужъ если сказалъ, такъ это вѣрно... что же мнѣ дѣлать?

Отца не было дома, онъ уѣхалъ куда-то вмѣстѣ съ Петромъ Семеновичемъ, и Маша свободно разгуливала по залѣ и на балконѣ, не заботясь о томъ, что отецъ опять къ ней пристанетъ съ своими неотвязными вопросами и наказами.

— Что мнѣ дѣлать, кого спросить?

Она затруднялась относительно вопроса о томъ, какъ оставить отца: не простившись съ нимъ или простившись. Въ томъ и другомъ случаѣ представлялись большія затрудненія. Если не простившись уѣхать—трудно будетъ жить безъ всякихъ средствъ, все же бы не мѣшало имѣть—ну хоть десять, пятнадцать рублей въ мѣсяцъ; если же уѣзжать простившись съ отцомъ, то, пожалуй, и не уѣдешь: не пустить, задержать и опять будетъ томить совѣтами, приказами. Слышала Маша отъ своей петербургской подруги, что немного денегъ все-таки нужно... Ну, вотъ у меня есть подарки, есть сережки, колечки, брошки съ брилліантами, есть нѣсколько еще цѣнныхъ вещей... Можно съ ними, думала она, ну, а все же не хорошо... Онъ отецъ, ему все же будетъ больно... Если же проститься—не пустить. Знаю, знаю—не пустить!

— Ахъ, какъ мнѣ быть? Какъ мнѣ быть?—громко проговорила она, вскидывая руки на голову и выходя съ балкона въ залу.

И вдругъ, навстрѣчу ей и ея грустному вопросу явился Спиридонъ Федоровичъ въ новомъ своемъ сюртукѣ и гладко причесанный. Онъ давно уже мялся посреди залы, переступая съ ноги на ногу и обдергивая свой новенькій сюртукъ. Онъ ждалъ выхода съ балкона Маши и, наконецъ, потерявъ надежду дожидаться ее, рѣшился самъ идти къ ней—и встрѣтился въ дверяхъ.

— Ахъ!— вскрикнула Маша и остановилась передъ самымъ лицомъ Спиридона Ѳеодоровича.

— Выновать! — проговорилъ онъ горячо, прикладывая руку къ сердцу.

— Что вамъ? Папеньки нѣтъ, онъ уѣхалъ, брата тоже нѣтъ, вѣстѣй уѣхали. Идите себѣ назадъ и не мѣшайте мнѣ! Никого нѣтъ, я одна здѣсь.

— Знаю! — съ жаромъ провозгласилъ Спиридонъ Ѳеодоровичъ, и опять крѣпко прижалъ правую руку къ сердцу.

Онъ переминался съ ноги на ногу и лицо его выражало что-то необыкновенно жалкое. Глаза то закрывались, то открывались, брови двигались то вверхъ, то внизъ, и очки какъ-будто сами собою шевелились. Онъ хотѣлъ говорить, но, малоразговорчивый въ спокойномъ состояніи духа, онъ теперь, казалось, лишился слова и только прижималъ руку къ сердцу, паяла глаза на Машу.

Маша подумала, глядя на него, не пьянъ ли онъ, и удивилась, зная, что Спиридонъ Ѳеодоровичъ всегда былъ извѣстенъ за трезваго человѣка. Потомъ мелькнула у нея мысль о томъ, — не сошелъ ли онъ съ ума, такъ странно и даже какъ будто страшно глядѣли его глаза.

— Что же вы стоите, идите себѣ назадъ. Нѣтъ же никого дома.

— Знаю!

Опять рука Спиридона Ѳеодоровича крѣпко ударилась о его грудь.

— Ну, такъ и идите съ Богомъ...

— Я къ вамъ!

Спиридонъ Ѳеодоровичъ показалъ Машѣ рукой на стуль, прося ее этимъ жестомъ сѣсть — и самъ сдѣлалъ шага два по направленію къ нимъ. Его жестъ и выраженіе лица и вся фигура въ общемъ представляли столько просительнаго, умоляющаго, что Маша тотчасъ же опустилась на стулъ и только пожала плечами, какъ-бы говоря: ничего не понимаю!

— Я къ вамъ!

— Слышу, что же это съ вами случилось? Вы такой ужасный видъ имѣете, вы вдругъ сдѣлались какимъ-то чрезвычайно страннымъ...

— Несчастіе! — провозгласилъ Спиридонъ Ѳеодоровичъ, глубоко вздохнувъ.

— Садитесь пожалуйста, что же вы стоите. Если я могу чѣмъ-нибудь быть вамъ полезной, — я готова, я буду просить отца...

— Ага, вы меня обманете!

Спиридонъ Оедоровичъ сѣлъ на самый край стула и замолчалъ. Маша тоже молчала и съ удивленіемъ смотрѣла на своего страннаго собесѣдника. Спиридонъ Оедоровичъ не имѣлъ силъ начать разговоръ, онъ собирался съ мыслями и онъ по привычкѣ въ большомъ обиліи проносился въ его головѣ, смѣняя одна другую. Чувствовалъ онъ, что для него наступила теперь крайняя необходимость говорить, сознавалъ, что вотъ-вотъ сейчасъ его положеніе сдѣлается просто-таки комичнымъ, но нѣмнѣе своей привычки молчать онъ рѣшительно не могъ. Всѣ, имѣвшіе съ нимъ дѣла, давно уже знали его манеру говорить, знали, что для разговора съ нимъ нужно самому начинать разговоръ и продолжать его, а Спиридонъ Оедоровичъ будетъ только вставлять слова и этимъ высказывать направленіе своихъ идей, согласіе или несогласіе съ идеями собесѣдника. Теперь собесѣдникъ оказался самъ изъ молчаливыхъ, привыкшихъ тоже отчасти вслушиваться въ чужой разговоръ и поддерживать его односложными словами. Впрочемъ, этотъ собесѣдникъ не былъ въ такомъ встревоженномъ состояніи, въ какомъ былъ Спиридонъ Оедоровичъ, и потому ему значительно было легче начать разговоръ, если бы только онъ признавалъ нужнымъ его начинать. Спиридонъ Оедоровичъ не усидѣлъ на стулѣ, мучимый своими мыслями: ему бы теперь самое подходящее было дѣло — шагнуть по залѣ изъ угла въ уголъ, заложивъ руки за спину, но онъ сознавалъ, что этого допустить рѣшительно невозможно, и потому ограничился тѣмъ, что остановился предъ сидящей Машей и сказалъ ей на конецъ:

— Мои слова, можетъ быть, не очень ясны, я не могу говорить... Могу изложить на бумагѣ, но на бумагѣ всего не выразить... Я несчастный!

— Чѣмъ же я могу вамъ помочь?... Конечно, я имѣю возможность говорить съ отцомъ откровенно, но вѣдь я не знаю, не знаю вашего несчастія, въ чемъ оно заключается...

Вслушиваясь въ голосъ Маши и дѣлаясь за каждое ея слово. чтобы, такъ-сказать, закрѣпить его своимъ любимымъ односложнымъ отрицаніемъ или утвержденіемъ, Спиридонъ Оедоровичъ кивалъ головой и кивалъ плечами; но прицѣпиться ни въ одному изъ словъ Маши ему не пришлось, и волей-неволей онъ самъ заговорилъ.

— Мое несчастіе, Марія Семеновна, велико. Съ давняго времени томлюсь... Нѣтъ покоя... Вы можете разрѣшить его однимъ словомъ.

Маша хотѣла что-то ему возразить, но онъ, поймавъ это намѣреніе и крѣпко ударивъ себя въ грудь, съ жаромъ сказалъ:

— Позвольте.

Оглянувшись вслѣдъ за произнесеніемъ этихъ словъ и удостовѣривъ, нѣтъ ли вблизи кого-нибудь посторонняго, онъ заговорилъ почти шопотомъ:

— Преданъ, Марія Семеновна... Готовъ на всякія жертвы... Преданіе меня нѣтъ!..

«О чемъ онъ говоритъ! Не сошелъ ли въ самое дѣло съ ума?» — подумала Маша, вслушиваясь въ его безсмысленныя слова: «преданъ, преданъ, кому преданъ, — отцу, что ли?..»

— Повѣрьте: жизнь отдамъ... Никто промѣ меня не будетъ столько вамъ служить, какъ только я...

— Кому это служить, отцу моему — да?

Спиридонъ Ѳедоровичъ тревожно покачалъ головой и, опять оглянувшись, страстнымъ шопотомъ произнесъ:

— Вамъ, вамъ. Лично вамъ, Марія Семеновна!

— Но зачѣмъ же мнѣ ваша служба? — съ удивленіемъ спросила она.

— Удостоите: преданъ по гробъ.

— Но что же, что же вы просите? Я рѣшительно не понимаю...

— Вступите со мною въ бракъ... Если вы изъясните согласіе, — родитель безсиленъ... Повѣрьте, повѣрьте... Пожертвуйте меня, преданіе... Боже мой! куда уютно!..

Маша быстро вскочила со стула и убѣжала на балконъ, заливаясь громкимъ смѣхомъ.

Спиридонъ Ѳедоровичъ немножко растерялся, боязливо оглянулся кругомъ, но не упалъ духомъ, и, слыша веселый хохотъ Маши, все-таки пошелъ къ ней на балконъ.

— Вы напрасно, Марія Семеновна, хохочете, я вамъ серьезное предложеніе дѣлаю...

— Ахъ, уйдите пожалуйста, — отвѣчала Маша, отворачиваясь отъ него и закрывая лицо платкомъ для того, чтобы удержаться отъ смѣха.

— Вы напрасно, — горько заговорилъ Спиридонъ Ѳедоровичъ, — вы не знаете дѣла: папаша въ очень затруднительныхъ обстоятельствахъ, какъ онъ изъ нихъ выйдетъ — Богъ его знаетъ... Если теперь вы выйдете замужъ, папаша все же еще вамъ можетъ дать приданое, а вѣдь тамъ чрезъ полгода, черезъ годъ — Богъ знаетъ что будетъ...

Онъ ударилъ себя въ грудь, думая почему-то, что ему надеж-

да начинать улыбаться и не замѣчая, по своей близорукости, что дѣлается съ лицомъ Машин.

— Жалкій человекъ! — вдругъ рѣзво сказала она, и ушла съ балкона.

Онъ остался въ совершенномъ недоумѣніи, постоялъ, постоялъ, посмотрѣлъ по сторонамъ, поправилъ очки и опять посмотрѣлъ по сторонамъ и потому, тихе повернувшись къ дверямъ залы, ушелъ.

— Не выгорѣло! — рѣшилъ онъ наконецъ, глубоко вздохнувъ.

XVII.

Побѣдка въ лѣсъ, о которой мечтала Людмила Николаевна, устроилась и, противъ всякаго ожиданія, приняла совсѣмъ не тотъ характеръ, который ей хотѣли придать Коромысловы. Они имѣли въ виду побѣжать въ лѣсъ безъ гостей, какъ говорится, за-просто, и пригласить только одного Петра Семеновича Иванова. Но случилось совсѣмъ иначе. Побѣдку захотѣлъ устроить самъ Семенъ Игнатьевичъ, большой любитель всякихъ увеселеній, и устроилъ, навѣ и слѣдовало ожидать отъ него, «съ громомъ». Быть можетъ, онъ имѣлъ для этого причины и хотѣлъ обдѣлать какое-нибудь свое крайне нужное денежное дѣло. Это уже вопросъ посторонній, но что каждый изъ гостей, приглашенныхъ Семеномъ Игнатьевичемъ «въ лѣсъ на уху», вѣрнѣе зная, что тамъ будетъ весело — это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Въ числѣ приглашенныхъ, само собой разумѣется, были и Коромысловы.

Ольга Ивановна еще съ утра вертѣлась передъ зеркаломъ въ залѣ, примѣривая то одно, то другое платье, и Людмила Николаевна тоже на этотъ счетъ была не мало озабочена и нѣсколько разъ взбивала себѣ прическу, желая придать «побольше серьезности». Ольга Ивановна не ограничивалась такимъ скромнымъ желаніемъ: она хотѣла, чтобы ея появленіе между гостями Иванова произвело на всѣхъ «ошеломляющее впечатлѣніе», чтобы каждый, увидя ее, ахнулъ, растаялъ и, такъ-сказать, повергся въ прахъ предъ ея красотой, а она въ это время, выступая съ важностію королевы, удостоивала бы счастливой улыбкой тѣхъ, кто ей по душѣ, и между прочими всего болѣе Петра Семеновича Иванова, къ которому она, откровенно сказать, давно уже питала вѣжные чувства.

Прислуга въ домѣ Коромысловыхъ съ утра суетилась, снѣ-

рыжая господъ въ путь. Кучера мыли экипажи, чистили обую; Анна, горничная, сбившаяся съ ногъ, бѣгая по порученіямъ Ольги Ивановны изъ комнатъ въ комнату, устѣвала все-таки и себѣ накрахмалить платье, да такъ, что оно потомъ тонорщилось на ней, какъ воробъ, производя при каждомъ движеніи шумъ и трескъ. Павелъ Павловичъ въ этотъ день возвратился изъ палаты ранѣе обыкновеннаго, чтобы тоже успѣть собраться въ лѣсъ, хотя его сборы не могли быть очень долги. Въмѣсто этихъ сборовъ, онъ, какъ только кончился обѣдъ, тотчасъ же ушелъ къ себѣ въ кабинетъ и что-то долго шуршалъ бумагами и брякалъ на счетахъ, вѣроятно повѣряя свои дѣлишки по опекунскимъ расходамъ, и припрятывалъ съ должной аккуратностію все, что признавалъ нужнымъ припрятывать.

Ольга Ивановна и Людмила въ это время одѣвались каждая въ своей комнатѣ.

Наконецъ, сборы были окончены. Ольга Ивановна звала Людмилу Николаевну въ залу, а Людмила Николаевна звала къ себѣ въ комнату Ольгу Ивановну.

— Вотъ новости! Иди сюда, адѣсь себѣ! — вѣжливо отвѣчала Ольга Ивановна.

— Да идите же! Вотъ мило! — отвѣчала Людмила Николаевна, начиная тоже вѣзжать.

Наконецъ, онѣ обѣ сошлись въ столовой и Богъ знаетъ къ чему бы повело это свиданіе, еслибъ взаимное осматриваніе нарядовъ не привлекло въ себѣ всѣ ихъ душевныя силы.

— Это вы что же, тѣтя!.. — начала было надменнымъ тономъ Людмила и вдругъ остановилась, увидя на тѣтѣ такое платье, которое никогда на ней еще не видала. — Ахъ! Это вы когда успѣли сшить?.. — спросила она, перемѣняя тонъ.

И Ольга Ивановна, имѣвшая намѣреніе сказать нѣсколько рѣзкихъ словъ Милѣ, тоже остановилась на полусловѣ и ахнула, смотря на ея нарядъ:

— Ахъ, это очень, очень мило!.. — вдохнула она, вдругъ сознавая, что на сторонѣ Людмилы больше шансовъ къ побѣдамъ.

— Ахъ, тѣтя, — вдругъ начала Людмила испуганно, — какъ у васъ много открыто груди... Признаюсь, это ужъ слишкомъ...

— Ахъ, пожалуйста! — заговорила поспѣшно Ольга Ивановна, вертясь снова передъ зеркаломъ въ залѣ и отбрасывая то въ ту, то въ другую сторону свой длинный шлейфъ, — ничуть даже немного... Ничуть, нынче даже еще больше отырываютъ...

— Ахъ, хотя бы толь немножко повыше... ну, хоть немножко... Очень, тѣтя, знаете... откровенно...

— Ты думаешь? — усумнилась, наконецъ, и сама Ольга Ивановна.

— Ахъ, тѣтя, что спрашивать; конечно, да!

Людмила надменно приподняла головку и окинула тѣтку взглядомъ, полнымъ сознаніемъ собственнаго достоинства.

И опять началась суета. Забѣгала снова изъ комнаты въ комнату Анна, засуетилась сама Ольга Ивановна, ворча на прислугу; что она тихо все дѣлаетъ, и что-то опять примѣривала, примеривала и перешивала.

Людмила находилась все время тутъ же около тѣтки и давала совѣты какъ ушить, сколько загнуть, гдѣ приставить и проч.; выказывая такимъ образомъ большіи практическія соображенія.

Послѣ того, какъ поправка въ туалетѣ была окончена, Ольга Ивановна снова завертѣлась передъ зеркаломъ...

— Ну, вотъ такъ, тѣтя, все-таки... ничего...

— Ты думаешь? — опять спрашивала Ольга Ивановна.

— Да-а!.. Но какой цвѣтъ! какой цвѣтъ вашего платья, тѣтя, ахъ!

— Цвѣтъ — просто душка! Точно небо...

— Ахъ, тѣтя, я перемѣню свое платье, я надѣну тоже голубое... Знаете, съ синими лентами?

Въ это время вышелъ изъ кабинета Павелъ Павловичъ и развелъ руками, закрывая глаза.

— Дядя, дядя! — налетѣла Людмила, — я хочу надѣть такое синее... хорошо будетъ?

Павелъ Павловичъ оглянулъ ее лиловое платье, потомъ посмотрѣлъ на платье жены и снова закрылъ глаза.

— Ну, что же, дядя, дядя, говорите же...

— Я думаю, что пора ѣхать, — отвѣтилъ онъ, вынимая часы.

Людмила тоже посмотрѣла на часы.

— Ахъ, какъ жаль, я бы надѣла другое...

— Перестань, Мила, глупости!.. — замѣтила ей Ольга Ивановна.

— Это еще что за новости! — вдругъ встрепенулась Мила и моментально набросила на носъ платокъ, закинула надменно головку: развѣ я не могу сама себя выбрать платье... Вотъ прелесть!

— Полно, полно, Мила! Опоздаемъ, ужъ Петръ Семеновичъ давно проѣхалъ въ лѣсъ.

— Ахъ, дядя, оставьте пожалуйста меня... — сказала она, рѣзко и нервно помахавъ плечами, и отвернулась отъ Павла Павловича.

Павелъ Павловичъ молча отошелъ въ окно, а Мила принялась смотрѣть на одну изъ картинъ, висѣвшихъ въ залѣ. Она была въ состояніи той нерѣшительности, когда и капризничать есть большое желаніе и ѣхать на прогулку тоже желаніе большое. Павелъ Павловичъ и Ольга Ивановна давно знали, какъ нужно вести себя съ ней, и теперь ничуть не сомнѣвались, что самое лучшее дать ей отмолчаться. И дѣйствительно, Людмила посмотрѣла на картину, перешла отъ нея къ другой, тоже посмотрѣла, потомъ сбросила съ носу пэнснэ и обратилась въ дядѣ съ такимъ выраженіемъ въ лицѣ, какъ будто между ними никакой ссоры не произошло.

— Что же, дядя, вы готовы?

— Готовъ, — отвѣтилъ онъ.

— Такъ чего-жъ еще мы ждемъ? Вѣдь тѣтя тоже давно одѣлась?

— Не знаю, что она тамъ..., — спокойно отвѣчалъ Павелъ Павловичъ и, не торопясь, пошелъ чрезъ столовую къ комнатѣ жены, ушедшей къ себѣ въ ту минуту, какъ закапризничала Мила.

— Ольга Ивановна, поѣдемте! — предложилъ онъ, подходя къ дверямъ спальни.

— Сейча-а-съ! — отвѣтила Ольга Ивановна.

Спусти нѣкоторое время, необходимое на то, чтобы дать дамамъ возможность захватить свои зонтики, припрятать разные косыночки и проч., всѣ трое, наконецъ, усадились въ экипажъ и поѣхали въ лѣсъ, отстоявшій отъ Малинска всего верстъ на пять.

Изъ дома Семена Игнатьевича давнымъ-давно ужъ уѣхали въ лѣсъ, не только всѣ тѣ лица, которые должны были заняться устройствомъ «праздника», но и самъ Семенъ Игнатьевичъ. Онъ любилъ дѣлать все на широкую ногу, и въ этотъ день приглашалъ гостей «въ лѣсъ на уху» столько, сколько онъ могъ припомнить знакомыхъ.

Съ утра еще изъ его дома были отправлены возы съ посудой, провизіей и людьми, и даже съ частью необходимой мебели. Лидоня Карповна въ этотъ день суетилась, какъ говорится, высунувъ языкъ. Какъ только даматній обѣдъ былъ оконченъ, она немедленно же стала собираться въ лѣсъ, навязала рваныхъ узелковъ, бутылокъ, корзиночекъ, и все это сама собственными руками уложила въ ящики экипажа. Потомъ, что-то вспомнивъ, побѣжала въ кладовыя и опять притащила къ экипажному ящику нѣсколько узелковъ и уложила ихъ туда же. Наконецъ, сообразивъ, что уже захвачено все необходимое, она отправилась въ комнату Маши, звать ее ѣхать вмѣстѣ. Маша стала отказываться.

Людона Карповна всплеснула руками и громко заговорила:

— Да что это, Царица Небесная! Да гдѣ же намъ лошадей-то набрать, если каждый будетъ занимать особый экипажъ, да поспѣешь ты, Машенька, да на что это похоже!..

Людона Карповна размахивала руками направо и налево и заливалась самымъ высокимъ дискантомъ, — приставая къ Машѣ съ просьбою ѣхать вмѣстѣ.

— Я не поѣду, слышите, я совсѣмъ не поѣду въ лѣсъ.

— И послѣ не поѣдешь? Ни съ отцомъ, ни съ братомъ?

— И съ ними не поѣду.

— Такъ-таки вотъ совсѣмъ не поѣдешь?

— Да, — сердито отвѣтила Маша.

Людона Карповна вдругъ перестала кричать и совершенно присмирѣвъ, тихо спросила:

— Значить, рѣшительно не поѣдешь, да?

Маша молча кивнула головой.

— Хорошо! — прошептала умиротворенно Людона Карповна и, отчаянно махнувъ рукой, пошла къ дверямъ; но, подойдя къ нимъ, она остановилась, всплеснула руками и завила.

— Да Боже ты мой, Господи, да что это за дѣвка за такая! Вѣдь отецъ-то опять нахмурится! Вѣдь ты ему, дѣвка, понерекъ горла становилась...

— Идите, пожалуйста, не кричите здѣсь... Отъ вашего крика голова трещитъ.

— Ну, хорошо!

Людона Карповна зашагала по корридору изъ комнаты Маши въ комнату Петра Семеновича съ такой быстротой, что ленты ея зеленого чепчика развѣивались по сторонамъ точно паруса.

Петръ Семеновичъ лежалъ на кушеткѣ, закинувъ на столъ ноги и куря папиросу. Людона Карповна влетѣла къ нему въ комнату какъ вихрь, но, увидя его въ такой позѣ, остановилась въ дверяхъ.

— Ишь ты, какой бесстыдникъ! На столъ ноги-то развѣ можно!

— Можно, — лѣниво отвѣтилъ онъ, не поворачивая головы.

— А грѣхъ-то какъ же?

— Грѣхъъ никакъ нѣтъ. Это все мои задумали, чтобы съ насъ деньги брать..., — тѣмъ же лѣнивымъ тономъ отвѣтилъ онъ, не переводя духу.

— Бесстыдникъ ты, бесстыдникъ!.. И въ комнатѣ у тебя какъ разбросано, а еще—франты! Вотъ и досажу, что мнѣ рѣдко сюда приходится заглянуть!

Въ комнатѣ Петра Семеновича дѣйствительно было грязновато. На столѣ передъ двѣмя безпорядочно валялись какія-то пыльные тетради, на столѣ передъ окномъ лежали разбросанные пакеты изъ синей бумаги, заключающіе въ себѣ пробы разныхъ сортовъ хлѣба; дверь, отвергнутая изъ другой комнаты, едѣ помѣщалась его спальная, отирывала такой же безпорядокъ въ ней, какой былъ и въ первой комнатѣ. Тамъ на письменномъ столѣ кучами были разбросаны разныя принадлежности его туалета, и, между прочимъ, пустая бутылка изъ-подъ вина и стаканъ съ какой-то красной жидкостью. Лимона Карповна даже забыла, зачѣмъ пришла и начала уже увлекаться желаніемъ привести комнату въ порядокъ.

— Ну, что развалился-то, безстыдникъ, встань!.. Вѣдь безобразно!..

— Совсѣмъ напротивъ! — гнѣвно отвѣчалъ Петръ Семеновичъ, покуривая папиросу.

— Ахъ ты, Господи, Царица Небесная!..

— Да вамъ-то что! Вы точно на угляхъ всегда...

— Да слышишь ты что, — встрепетулась Лимона Карповна, вспоминая о Машѣ, — сестра-то твоя не хочетъ ѣхать въ лѣсъ.

— Чортъ съ ней!

— А отецъ-то что скажетъ? Вѣдь онъ разсердился? Пожалуй, вѣдь она все гулянье этимъ испортитъ. Подумай!

Онъ нѣхотя поднялся съ кушетки, поправилъ пиверней волоса и потянулся, зѣвая во весь ротъ.

— Съ вами же спокоріесть, почтеннѣйшая пенушка, одна канитель, — и больше ничего.

— Поде, уговори ее, Петруша.

— Да что она захворала, что-ли?

— Какая хворь! Просто лениву читать...

— Эхъ! — презиралъ онъ, иди въ комнату сестри.

Отворивъ дверь, онъ увидѣлъ ее лежащей въ постелѣ съ компрессомъ на головѣ, и, не говоря ни слова, махнулъ рукой и ушелъ назадъ.

Такъ вѣщая въ лѣсъ обнилась бѣда Машинъ.

Лѣсъ, составлявшій въ настоящій день предметъ заботъ нѣкоторыхъ изъ жителей Малиновска, былъ, вѣдь, вѣдь, все тотъ же густой сосновый лѣсъ, который, — начинаясь отъ городской черты Малиновска, тянулся на нѣсколько верстъ къ рѣкѣ и умиралъ въ ея берегъ, спускался къ нему крутымъ обрывомъ, ярко блестящимъ въ солнечный день своимъ френатовымъ лиственничнымъ почвою. Лѣсъ, доходя до самаго края обрыва, мѣстами мранию

тѣснился, точно бѣгая свалился въ рѣку и закрывалъ обрывъ своей густою чашей, мѣстами же отходилъ отъ него въ сторону, образуя площадки и оперируя такимъ образомъ видъ на значительное пространство впередъ по обѣимъ сторонамъ. Внизу, подъ самымъ обрывомъ былъ берегъ многоводной рѣки; пестрыми судами, пароходами и лодками. За рѣкою, на противоположномъ ей берегу опять лѣсъ, и долины, и села, уходящія въ синюю даль; а въ лѣвой сторонѣ отъ обрыва самъ городъ Малиновскъ съ своими многочисленными церквами, домами, лавками и амбарами.

Сюда, изъ этого обрыва часто въ жаріе лѣтніе дни ѣздили обитатели Малиновска, отдохнуть отъ городской жизни, такъ сказать, на лонѣ природы и располагались съ самоварами на площадкахъ, образовавшихся по краямъ обрыва. Здѣсь иногда веселились раскутившіеся купеческіе дѣти, когда отцы ихъ уѣзжали на ярмарку или молились гдѣ-нибудь за воссочной, поклоняясь престольному празднику, и общеніе этихъ дѣтей съ природою имѣло всегда характеръ въ той степени жалкій, въ какой жалки были эти дѣти, служація въ царствѣ природы, поведенію, соединительнымъ звеномъ между человѣкомъ и животнымъ.

Здѣсь же, около этого обрыва, устраивалъ теперь свой праздникъ Семенъ Игнатьевичъ.

XVIII.

Лѣсъ въ этотъ день оживался различными звуками, шумъ дѣлился на другое время. Тихо, молчаливо, едва слышны шепотомъ, стояли угрюмыя сосны, и, казалось, они еще тѣшше сидѣли одна въ другой, какъ-будто недовольные, что ихъ безмолвную тишину нарушали людскіе голоса, щелканье бѣшекъ, хрюкъ коней, трескъ и дымъ отъ самоваровъ и костра.

Семенъ Игнатьевичъ полулежалъ на коврѣ, раскинутомъ на площадкѣ около обрыва и читалъ газету. Петръ Семеновичъ растянулся подъ руку съ какимъ-то вѣртелемъ, оба дѣлили напаросами и пережидывали время нѣсколькими словами, что-то насчетъ бюрократы бѣга лошадей. По лѣсу чаще стали раздаваться шумные звуки приближающихся экипажей, громче слышались людскіе голоса, слышались щелканья бѣшекъ, и шѣпотъ больше наѣзжалъ. Экипажами, тѣмъ тѣмъ, казалось, двигались угрюмыя сосны и мрачнѣе были ихъ видъ, какъ-будто отъ того, что куда ни взглянешь съ площадки отъ обрыва, всадъ экипажи и лошади—и нарушенъ лѣсной немой.

Гости подъѣзжали, останавливаясь вдали отъ площадокъ и шли пѣшкомъ, прямо въ тому мѣсту, гдѣ полулежалъ Семенъ Игнатьевичъ. Смотри по достоинству и значенію гостей, Семенъ Игнатьевичъ то шелъ въ нимъ на встрѣчу, то встрѣчалъ около того мѣста, гдѣ раскинутъ былъ коверъ, то просто оставался въ полулежачемъ положеніи. Ковровъ раскинулъ еще нѣсколько, появились кое-гдѣ столы, скамейки, стулья, и Лимона Карповна уже дѣйствовала около самоваровъ, нѣрѣдка некрикая на прислугу и распорядываясь хозяйственною частию праздника. Семенъ Игнатьевичъ оставилъ газету и разговаривалъ съ подъѣзжающими гостями, находя для каждого подходящія привѣтствія.

— А, отецъ протоіерей, — привѣтствовалъ онъ какого-то пріятеля купца, возводя его почему-то въ священническій санъ.

— А, преосвященнѣйшій владыка! — отвѣчалъ ему звать купецъ, отвѣчая на шутку шуткой.

— Да ты за что же меня въ архіерей-то возводишь! — вступился Семенъ Игнатьевичъ.

— А все за то же, за что ты меня въ помы...

— Да вѣдь я тебя за твое благообразіе и за бороду твою велию.

— Ну, а я тебя за компанію ужъ...

Подъѣзжали другія чиновныя лица — и для нихъ находилъ своего рода привѣтствія, кто оказывался вдругъ, по словамъ Семена Игнатьевича, генераль-губернаторомъ, тогда какъ въ дѣйствительности былъ только еще исправникомъ, кто изъ простыхъ секретарей городской думы вдругъ возведенъ былъ Семеномъ Игнатьевичемъ въ товарищи министра, кто изъ поручиковъ въ генераль-адъютанты и т. д. Словомъ, всѣхъ онъ повинчалъ въ чинахъ, и когда кто на шутку его, занимающую общій смѣхъ, отвѣчалъ не смѣясь, а съ сдержаннымъ неудовольствіемъ, тому тогда же Семенъ Игнатьевичъ вливалъ, такъ сказать, слезъ въ сердце и шепталъ на ушко: «но нашему уму и способностямъ дорога до генерала не дальняя». Гости пили чай, курили, раскидывали около обрыва и понемногу все болѣе и болѣе вездущившись, въ особенности тѣ, которые шли чай съ ремонтъ. Стали подъѣзжать и семейныя люди, появились на площадяхъ барини и барышни, старушки и дѣти — и общество стало раздѣляться на отдѣльныя группы. Барышни ахали, оправляя свои пышные платья, шептались, одерживая одна другую, козломъ немедленно или гулять «подъ ручку» и немедленно же возобновляли, какъ только подходили къ краямъ обрыва. Матушки забегали ища-

лись въ нѣмъ съ такими выраженіями на лицѣхъ, точно какъ любимыя чада уже летѣли съ обрыва внизъ головой.

— А гдѣ же Машенька? — спрашивали близкіе знакомые.

— Дома осталась, нездорова, голова болитъ, — нехотя отвѣчалъ Семенъ Игнатьевичъ.

— Ахъ, какъ жаль, — печально вздыхали близкіе знакомые, забывавъ въ ту же минуту о томъ, что есть на бѣломъ свѣтѣ Маша, дочь Семена Игнатьевича.

Пріѣхали, наконецъ, и Коромисловы. Семенъ Игнатьевичъ молодцомъ привскочилъ съ ковра, точно онъ и не хворалъ никогда и съ большою ловкостью сталъ раскланиваться съ Ольгой Ивановной и Людмилой, держа свою шляпу на-отмани. Обѣ онѣ отвѣчали ему любовными улыбками; Людмила улыбалась сдержаннѣе и, такъ-сказать, серьезнѣе, а Ольга Ивановна старалась быть игривѣе и весело захохотала отъ перваго же слова Семена Игнатьевича, успѣвшаго сказать ей подъ видомъ compliments какую-то ходячую фразу о красотѣ. Павелъ Павловичъ оставался такимъ же, каковы и всегда былъ — тихій, спокойный и невозмутимый. Здоровалась съ Семеномъ Игнатьевичемъ, онъ ни словомъ не отвѣтилъ на его пріѣздъ и любовныя фразы, а только ограничился тѣмъ, что прищурилъ глаза. «Ну», — подумалъ Семенъ Игнатьевичъ, «ослѣпъ ужъ опять», однако виду не подавъ, что такъ думаетъ о гостѣ и провелъ его въ площадѣ, такъ-сказать, ввергая его и его спутницъ въ массу гостей, прибывшихъ раньше. Петра Семеновича не было до сихъ поръ видно. Оказалось по справамъ, что онъ съ нѣкоторыми изъ гостей успѣлъ купаться на рѣку. Семенъ Игнатьевичъ началъ было хмуриться, но, замѣтивъ, что между гостями-мужчинами еще явилось нѣсколько охотниковъ до дуэля, отправившихся въ своей тропинкой въ рѣку, — успокоился.

Чай, орѣхи, сладости, хихиканье дѣвицъ, прогулки нѣтъ подеручку, шумъ спорившихъ пріятелей, вошедшихъ въ близкое знакомство съ гунимомъ, говоръ солидныхъ гостей — все выстѣ было и шумно и весело. На одной изъ площадокъ на краю обрыва, сидѣло нѣсколько солидныхъ господъ. Они рассматривали въ бинокли окрестныя села, рѣку съ ея лодками и пароходами, городъ Малиновскъ и пароходныя пристани, чертящіеся не въ далеку отъ горнаго обрыва, гдѣ берегъ рѣки шель по луговой нѣмности. Ближайшая изъ пристаней находилась отъ обрыва въ разстояніи какихъ-нибудь пятидесяти саженъ, дагѣ за нею тянулись другія пристани, амбары — и все это было теперь предметомъ наблюденія для Семена Игнатьевича и его гостей. У Се-

мена Игнатьевича была большая зрительная труба, въ которую всё окрестности были видны значительно яснѣе, чѣмъ во всё бинокли гостей; и эта труба поочередно переходила отъ одного гостя къ другому и каждый, смотря въ нее, ахалъ и громко восхвалялъ ея достоинства. Въ особенности собратъ Семена Игнатьевича — купцы восторгались и вздыхали, молитвенно закрывъ глаза подъ лобъ послѣ того, какъ имъ удавалось посмотрѣть въ эту трубу.

— Видъ до чего; братецъ ты мой, доведено, — ахали они: — видъ какъ все расчудено, вотъ все равно какъ, напримѣръ, на ладони: видно всякую малость, корова, напримѣръ, и та, самая, значить, простая вещь, — и та видна, и хвостъ и все какъ слѣдуетъ. Вотъ поди-жь ты, разбери дѣла!

Семенъ Игнатьевичъ на такіа выраженія похвалъ его трубъ неротко отзывалъ:

— Труба эта астрономическая и дорогого стоитъ.

— Какъ не стоитъ дорогого! Этакая жъ примѣру вещь.

— Въ такіа трубы небесныя планеты смотрять, — авторитетно замѣнялъ Семенъ Игнатьевичъ, начиная самъ при посредствѣ этой трубы разсматривать окрестности Малиновска. Ближайшее къ городу село, деревень котораго такъ ярво блестѣла теперь на солнцѣ, уже склонявшемся къ заходу, напомнило Семену Игнатьевичу священника этого села, такъ упорно отталкивающаго совершеніе овадьбы Петра Семеновича.

«Вотъ кремень какой! Не поддается! А чего боится — самъ не знаетъ», думалъ Семенъ Игнатьевичъ.

Гости одинъ за другимъ стали возвращаться съ кушанья, и громкіе ихъ голоса уже слышались издали.

Ольга Ивановна давно уже поджидала Петра Семеновича и недаромъ онъ вмѣстѣ съ Людмилой старались гулять подальше отъ площадки и поближе къ той дорожкѣ, которая вела отъ рѣки на гору въ лѣсъ.

— Мы его тутъ встрѣтимъ, Мила, и будемъ съ нимъ гулять въ сторонѣ отъ другихъ, — объяснила Ольга Ивановна, а то, что же хорошаго ни о чемъ свободно и говорить нельзя.

— Ахъ, да, тѣмъ, вы такая умная.

Имъ удалось хорошо выполнить свой планъ, и Петръ Семеновичъ пошелъ вмѣстѣ съ ними по лѣсной тропинкѣ.

Между Людмилой и Петромъ Семеновичемъ, уже не разъ издававшимся, и прежде велись тѣ разговоры о красотахъ природы, въ которыхъ эта природа съ своими красотоми играетъ роль последней епизода въ лесныхъ, а главное значеніе имѣютъ

самые звучны рѣчи любимаго человека. Такъ Людмила и Ольга Ивановна разговаривали теперь съ Петромъ Семеновичемъ. Онъ чувствовалъ себя въ такомъ же спокойномъ состояніи, какъ и всегда, но онъ обѣ, каждая по-своему, волновались.

— Ахъ, какая прекрасная осень! — восторженно воскликнула Людмила.

— Да, — подхватилъ Петръ Семеновичъ, — величкая, высокая, ровная...

— Статная, точно вы, — подсказала Ольга Ивановна и залилась хохотомъ.

— Будто я такое... дерево, — тоже смѣясь, возразилъ Петръ Семеновичъ.

— Ха, ха! — продолжала заливаться Ольга Ивановна.

— Ахъ, тѣтя, какъ вамъ не стыдно! — укоризненно замѣтила Людмила.

Ольга Ивановна уже оправилась и весело шептала оправданіе.

— Ты, Мила, не такъ поняла меня, да и вы, Петръ Семеновичъ, тоже, да! Я говорила о вашей статности, а не о деревянности... Ха, ха, ха!..

— Ахъ, тѣтя, — опять укоризненно замѣтила Людмила.

— Конечно, — поспѣшила поправиться Ольга Ивановна, — намъ въ Петръ Семеновичѣ дорого другое, да!

Мила потупилась и промолчала. Петръ Семеновичъ поправилъ себѣ усы и потомъ тронулъ рукой шляпу.

— Да, Мила, — другое? — зашныривала Ольга Ивановна, не переставая въ то же время кидать на Петра Семеновича страстные взгляды.

— Ахъ, тѣтя, полноте! Какъ вамъ не стыдно!.. Петръ Семеновичъ! — обратилась Людмила къ нему, — тѣтя такая... такая всегда... Вы ее не слушайте...

Мила опять потупилась и стала играть зонтикомъ.

— Ахъ, я упаду! Ахъ! — визгливо воскликнула Ольга Ивановна, — Петръ Семеновичъ, дайте мнѣ руку...

И она навалилась всею тяжестью своею пышнаго тѣла на руку Петра Семеновича.

— Но... тѣтя, — обиженно замѣтила и Людмила, — и я могу поскользнуться... Ахъ!..

Петръ Семеновичъ нѣсколько растерялся, какъ же ему теперь быть; но Ольга Ивановна сообразила быстро, что нужно предпринять.

— Въ такомъ случаѣ вотъ что, Мила, онъ тебя возьметъ съ правой, моя съ лѣвой... Ну-ка, возьмите сюда, пожалуйста.

И всѣ трое, сѣлись, тронулись въ путь. Ольга Ивановна зашла: «Вотъ мчится тройка удалая»... Тамъ иди и напѣвая, всѣ трое призвали наконецъ, что пора выйти и въ общество.

Всѣ трое были счастливы и Петръ Семеновичъ обѣимъ равно нравился. Мила, несмотря на свое не по годамъ развитіе, не умѣла однако понять, какія чувства питала къ Петру Семеновичу Ольга Ивановна, и думала, что всѣ ея хлопоты о свиданіяхъ съ Петромъ Семеновичемъ вызываются заботами о ея статіи. Ольга Ивановна, напротивъ, хлопотала и въ этомъ случаѣ для себя и такъ лѣво, что ни Людмила, ни самъ Петръ Семеновичъ этого не замѣчали.

Солнце уже было близко къ закату, и заря охватила полнеба своими роскошными цвѣтами. Говоръ, хохотъ и шумъ гостей Семена Игнатьевича достигли уже той степени веселья, когда уже не замѣчаются никакія различія чиновъ и званій — всѣ говорятъ и никто никого не слушаетъ. Уха, давно ожидаемая тѣми изъ гостей, которыхъ жилеты были по-пространнѣе и фигуры въ обществѣ имѣли близкое сходство съ географическими глобусами, уха предъ этими глобусами появилась ранѣе чѣмъ передъ другими изъ гостей. Предусмотрительный Семенъ Игнатьевичъ зналъ, что для этихъ глобусовъ красота вечерней зари и разнообразіе ея цвѣтовъ суть прахъ и суета, когда вѣтъ передъ ними чего-нибудь съѣдобнаго.

И въ то время, когда, наконецъ, уже гости въ достаточной степени напѣлись стерлядьми и запили ихъ шампанскимъ, вдругъ въ лѣсной чащѣ раздастся громкая хоровая пѣсня:

Буманекъ, побывай у меня!

Это Семенъ Игнатьевичъ поберегъ для гостей сюрпризъ, и сюрпризъ этотъ встрѣченъ былъ шумомъ, тамомъ, громкими аплодисментами — и веселье гостей достигло своего высшаго развитія.

Но вотъ Семенъ Игнатьевичъ увидалъ вдали дымъ отъ парохода и заинтересовался посмотреть на него въ свою зрительную трубу. Вслушиваясь въ веселый хоръ пѣсенниковъ и поначивая имъ въ тактъ головою, онъ не переставалъ по временамъ поглядывать на пароходъ, любуясь, какъ онъ все ближе и ближе подходитъ и какъ съ каждой минутой яснѣе обрисовываются всѣ его детали. Вотъ пароходъ подошелъ къ пристани. Семенъ Игнатьевичъ видитъ, какъ суетятся около этой пристани кучки людей, точно муравьи, и вдругъ труба, которую онъ держалъ у глаза, начинастъ дрожать въ его рукахъ. Онъ отнимаетъ ее отъ глазъ,

начинает ее протирать и опять наводит на парокордъ. Лице его искривлено какимъ-то страшнымъ чувствомъ, не то ужаса, не то влочи, онъ что-то хочетъ говорить, но не можетъ, поднимается съ ковра, на которомъ полусогнулся и снова въ бессилии опускается на него и дѣлаетъ нѣкія-то странныя движенія руками. Что онъ такое увидѣлъ на парокордѣ, никто не обращалъ вниманія, и никто не замѣчалъ, какое тяжелое душевное состояніе онъ переживалъ въ тѣ минуты. Онъ находился въ ужасномъ положеніи, не зная, что предпринять, онъ нѣсколько разъ поднимался съ ковра на ноги, видимо, нахлѣвываясь куда-то немедленно же броситься, какъ-будто за кѣмъ-то въ депошку, и опять въ бессилии опускался на коверъ, видимо, отбывая свое прежнее рѣшеніе. Вотъ онъ опять схватился за трубу, наводитъ ее на парокордъ дрожащими руками; но, должно быть, уже не видитъ того, что хотѣлъ видѣть, и уже силится смотрѣть туда простыми глазами. Такое его тяжелое душевное состояніе было вызвано тѣмъ, что ему показалось, будто его дочь, Маша, вмѣстѣ съ ея петербургской пріятельницей, вошла на этотъ парокордъ. Въ ту же минуту, какъ только онъ ее замѣтилъ на парокордѣ, въ памяти его воскресли всѣ разговоры съ дочерью, и ему стало ясно, что это именно она уѣзжаетъ въ Петербургъ съ своей пріятельницей. Въ первые моменты этого представленія Семену Игнатьевичу сдѣлалось душно, его охватилъ ужасъ. Потомъ его мысли стали получать нѣсколько иное направленіе и стала являться надежда на то, что видѣнное имъ было просто обманомъ зрѣнія. Далѣе думалось, что если даже онъ дѣйствительно увидѣлъ Машу, то очень можетъ быть, что она пріѣхала на пристань вовсе не для того, чтобы отправиться въ Петербургъ, а только съ цѣлю проводить эту противную ему кевбургскую ея пріятельницу. Но эти думы встрѣчались съ другими, явно имъ противоположными; онъ припоминалъ, при какихъ обстоятельствахъ замѣтилъ на парокордѣ Машу, и ему опять становилось ясно, что это именно была она, и что именно она, родная дочь его Маша, уѣхала на этомъ парокордѣ изъ Малиновска. Онъ теперь ясно вспоминалъ, что замѣтилъ ее на парокордной налужѣ въ то самое время, когда парокордъ, давъ свистокъ, отправился въ путь. Онъ тревожился, опять впадалъ въ новыя сомнѣнія. Шляпу, оставшуюся до сихъ поръ на его головѣ, онъ сбросилъ въ сторону, не обращая вниманія, куда она падаетъ, и вдругъ, какъ-будто нѣсколько опомнившись, поползъ за ней по ковра и снова нахлѣлъ ее на голову, стараясь принять болѣе спокойный видъ. Парокордъ уже давно прошель мимо обрива, мѣрно хлопая по

водѣ колесами и скрылся изъ глазъ Семена Игнатьевича, но онъ все еще слѣдилъ за нимъ, тиская дыша.

Гости ничего этого не замѣчаютъ, дамы заливаются хохотомъ, смотрятъ, какъ кто-то изъ гостей, обладающихъ глобусами, отплевываетъ трепакъ, мужчины гикаютъ отъ восторга, хлопаятъ въ ладоши; отчаянная пѣсня силится заглушить эти смутные крики и, дѣйствительно, сквозь нихъ прорываются слова «Души-радость, побывай у меня» — и опять заглушаются криками: браво! ха-ха! молодецъ!

Наконецъ, кто-то изъ гостей замѣтилъ, что Семенъ Игнатьевичъ сильно вдругъ намѣнился въ лицѣ — волосы взблескочены, шияна валяется гдѣ-то въ сторонѣ. Онъ поспѣшно подошелъ къ нему, заботливо спрашивая о здоровьи. Семенъ Игнатьевичъ выдрогнулъ, глаза его страшно блеснули, хотя онъ старался поскорѣ оправиться и принять спокойный видъ.

— Я... ничего... Такъ... это послѣ болѣзни...

— Помилуйте! какъ ничего! На васъ лица нѣтъ и вы дышите — ужасно...

Семенъ Игнатьевичъ нахмурился и замакалъ руками, преска говорить тише. Но гость уже не обращалъ вниманія на его маханье рукъ и спѣшилъ къ другимъ гостямъ, стараясь остановить ихъ разгулъ.

«У тебя, кума, ворота скрипучи...» — дико доносилось сквозь гамъ и гиканье гостей.

— Тише, тише! — отчаянно кричалъ гость, замѣтившій недоразумѣе Семена Игнатьевича, и минуту спустя веселая картина сразу измѣнила свой характеръ.

Нѣкоторые изъ гостей, слишкомъ преданные Бахусу, судя по себѣ, думали, что Семенъ Игнатьевичъ лишнее выищъ, но лица, близко его знавшія, не раздѣляли этого мнѣнія и, испуганно бросившись къ нему, приставали съ вопросами. Онъ, наконецъ, отдышался, совсѣмъ собрался съ состояніемъ своего духа, но веселье уже оборвалось и возстановить его не было возможности.

— Семену Игнатьевичу завеселѣлось, Семенъ Игнатьевичъ чувствуетъ себя дурно, — заговорили гости, отвѣчая на вопросы тѣхъ, которые, находясь въ дальнихъ групахъ, не знали, почему такъ вдругъ измѣнилась картина прадствѣя.

— Папенька, что съ вами? — путливо спрашивалъ Петръ Семеновичъ.

— Что, голубчикъ ты нашъ дорогой? Что это съ тобой? — завизжала Лимона Карповна, бросивъ всѣ свои стеклянки и банки.

— Ничего, ничего... Такъ что-то занездоровилось, — мрачно отвѣчалъ Семень Игнатьевичъ.

— Да и поздно ужъ, — подсказалъ кто-то. — Пора бы и по домамъ.

— Да и то пора! — угрюмо поддержали другіе, хотя каждый изъ гостей зналъ, что еще до ночи было далеко.

И начались сборы домой. Къ довершенію непріятностей чрезъ нѣсколько времени сталъ накрывать дождь и, понемногу усиливаясь, превратился въ настоящій ливень. Семень Игнатьевичъ, пасмурный и молчаливый, мрачно косился на приближавшуюся тучу и, прощаясь съ гостями, ставилъ причиной разстройства праздника — перемену погоды.

— А вѣдь какъ было хорошо, и кто могъ ожидать! вотъ, въ самомъ дѣлѣ, подумаешь, — отвѣчали гости, прощаясь.

— Да, ужъ въ этомъ случаѣ человѣкъ безсиленъ, — подсказывалъ Семень Игнатьевичъ, стараясь казаться спокойнымъ.

Съ усиленіемъ дожда поднялась между собравшимися домой гостями суета и ропотъ на погоду. Барышни плаксиво жаловались, кучера ворчали и сердились на коней. Пораскрылись зонтики, и, уныло съѣжившись и прижавшись другъ къ другу, потянулись гости изъ лѣса домой, а дождь хлесталъ себѣ да хлесталъ, несмотря на то, что его проклинали теперь не только тѣ, которые беззащитно мокли на его ливнѣ, сидя на козлахъ экипажей, но и тѣ, которые спрятались подъ зонтики. Безпечно спокойными оставались только такіе гости, которые не могли уже выговорить «ни тати, ни мамы» и спали сномъ младенцевъ. Всѣ остальные мрачно ѣжились подъ дождемъ и еще болѣе хмурились и злились, когда недавній веселый напѣвъ плясовой пѣсни точно насильно врывается въ ихъ память, съвозъ шумъ дожда и вѣтра.

— Чортъ бы побралъ всѣ эти загородныя гулянья, — ворчалъ Павелъ Павловичъ, спрятавшись подъ зонтикъ, а Ольга Ивановна съ Людмилой, сидя подъ спущеннымъ верхомъ коляски, отчаянно дулись одна на другую за то, что дождикъ и болѣзнь Семена Игнатьевича такъ круто оборвали ихъ веселье.

— Пошелъ, пошелъ! — сердито ворчалъ Семень Игнатьевичъ на кучера и гналъ на своемъ тысячномъ рысакѣ домой во всю рысь. Въ воображеніи его рисовался образъ дочери, какою онъ ее видѣлъ въ послѣдній разъ на балконѣ. — Пошелъ, пошелъ, — сердито повторялъ онъ, не обращая вниманія, что грязь давно забрызгала его лицо и платье.

Д. СТАХОВЪ.

ВАШИНГТОНЪ

Очерки столицы и правительства Соединенныхъ Штатовъ Америки.

Изъ наблюдений русскаго путешественника по Америкѣ въ 1878 г.

I.

Исторія Вашингтона, столицы Соединенныхъ Штатовъ Америки, существенно отличается отъ исторіи всѣхъ столичныхъ городовъ Стараго Свѣта.

Всѣ, напр., европейскія столицы, за исключеніемъ Петербурга, весьма древни; ихъ начало обыкновенно теряется во мракѣ неизвѣстности и окружено мистическими преданіями и легендами, въ которыхъ историкъ тщетно силится отыскать историческую истину.

Вашингтонъ — городъ новый; начало его произошло среди бѣлаго дня, въ виду всего міра; здѣсь нѣтъ мѣста ни преданіямъ, ни легендамъ; и историку остается только изложить въ хронологическомъ порядкѣ факты, вызвавшіе его къ жизни.

Всѣ европейскія и прочія столицы Стараго Свѣта возникли, такъ сказать, механически, подъ вліяніемъ событій, часто не имѣвшихъ въ себѣ разумной необходимости, безъ участія мыслящей силы человѣка и безъ опредѣленныхъ цѣлей. Поэтому нѣкоторыя столицы оказались на не вполне цѣлесообразныхъ мѣстахъ. Такъ, Римъ, Парижъ, Берлинъ, Москва могли бы имѣть гораздо лучшія географическія положенія, если бы ихъ создавала мыслящая сила человѣка, а не слѣпая историческая жизнь.

Вашингтонъ же возникъ отнюдь не механически, не подъ вліяніемъ слѣпого хода исторической жизни. Напротивъ, еще до его начала, этотъ городъ былъ предметомъ долгихъ споровъ, горячихъ преній, страстной борьбы партій, въ которыхъ участвовали цѣлый народъ въ лицѣ своихъ представителей.

Городъ этотъ вызванъ къ жизни волею цѣлаго народа; ему, такъ сказать, *возлежно* было народомъ существовать — и онъ возникъ; возникъ для известной, ясно-опредѣленной и всѣми сознанной цѣли. Еще до своего рожденія воля народа назначила ему отправлять известную функцію въ политической и общественной жизни, и только ради этого онъ получилъ право на жизнь. Поэтому Вашингтонъ имѣетъ настолько политическаго значенія въ странѣ, насколько онъ выполняетъ возложенную на него обязанность — быть мѣстопребываніемъ союзнаго правительства и, слѣдовательно, формальнымъ и реальнымъ выраженіемъ единства американскаго народа.

Во время зарожденія Американскаго Союза и въ періодъ его борьбы за независимость, ново-организованное союзное правительство не имѣло опредѣленнаго мѣста для своихъ засѣданій, и мѣняло ихъ, смотря по обстоятельствамъ, собираясь въ разныхъ городахъ, въ Балтиморѣ, Ланкастерѣ, Принстонѣ, Аннаполисѣ, Трентонѣ, Нью-Йоркѣ и всего чаще въ Филадельфій. Неудобства такого порядка вещей чувствовались, конечно, всѣми; но переселеніе правительства изъ города въ городъ продолжалось около 15-ти лѣтъ, пока одно событіе, очень грубаго характера, не заставило членовъ конгресса серьезно отнестись къ избранію постоянного мѣстопребыванія для союзнаго правительства.

По окончаніи войны за независимость, конгрессъ продолжалъ собираться въ Филадельфій. Въ іюнѣ 1783 года толпа взбунтовавшихся солдатъ ворвалась въ залу, гдѣ конгрессъ находился въ засѣданіи, и грубо, оскорбительно, нагло стала требовать отъ конгресса огромную сумму денегъ въ уплату якобы недоплаченнаго жалованья, такъ что члены конгресса вынуждены были прекратить засѣданіе и разойтись.

Этотъ фактъ оскорбилъ всѣхъ членовъ конгресса весьма глубоко, и они единогласно рѣшили избрать такое мѣсто въ странѣ, гдѣ бы правительство наиболѣе было гарантировано отъ такихъ возмутительныхъ сценъ. Но гдѣ найти такое мѣсто? Здѣсь мнѣнія появились очень различныя. Это разногласіе существовало и прежде, почему дѣло объ избраніи столицы и отлагалось; но теперь, когда приходилось рѣшить дѣло окончательно,

разногласія по этому существенному пункту стали рѣче и рѣшительнѣе. Дѣло понятное. Пребываніе союзнаго правительства въ томъ или другомъ штатѣ или городѣ necessarily придавало этому городу и штату извѣстный блескъ и прямое или косвенное значеніе политическое; кромѣ того, выгоды матеріальныя и коммерческія также тѣсно связаны съ пребываніемъ столицы. Но, помимо этого, въ выборѣ столицъ играло важную роль рабство; здѣсь интересы юга и сѣвера были діаметрально противоположны. Сѣверные штаты, оппозиціонные рабству, не хотѣли допустить существованія столицы среди рабовладѣльческихъ штатовъ; эти же, наоборотъ, не хотѣли и слышать о томъ, чтобы будущая столица была среди ихъ политическихъ враговъ. Это особенно ясно высказалось, когда Филадельфія была предложена для постояннаго пребыванія правительства. Какъ извѣстно, Филадельфія была основана «Обществомъ Друзей», болѣе извѣстныхъ подъ именемъ квекеровъ¹⁾. Приверженцы этой нѣжной, поэтической религіозной секты глубоко ненавидѣли рабство, и не упускали случая порицать рабство и убѣждать рабовладѣльцевъ уничтожить у себя это учрежденіе, какъ противное религіи, нравственности и принципамъ, ясно выраженнымъ въ «Декларациі Независимости». Этими квекерами вооружили противъ себя весь югъ, и стали въ рабовладѣльческихъ штатахъ предметомъ ненависти, насмѣшекъ и разныхъ остротъ.

Такимъ образомъ вопросъ объ избраніи столицы сдѣлался яблокомъ раздора въ ново-организовавшейся и еще недостаточно окрѣпшей республикѣ. Творцы американской конституціи обошли этотъ щекотливый вопросъ, какъ они почти обошли вопросъ о рабствѣ, чтобы не возбуждать страстей, затрогивая слишкомъ живые и жгучіе интересы партій. Но теперь пришло время, когда этого вопроса уже нельзя было обойти, а слѣдовало, во что бы то ни стало, *рѣшить* его.

Пенсильванія страстно желала удержать столицу въ предѣлахъ своей территоріи. Нью-Йоркъ рѣшился, съ своей стороны, употребить всѣ усилія для той же цѣли, тѣмъ болѣе, что союзное правительство здѣсь собиралось нѣсколько разъ прежде, и городъ представлялъ много выгодъ въ политическомъ и коммерческомъ отношеніи, какъ естественный посредникъ между Европою

1) Квекеръ (Quaker, по англ. произношенію „квейкѣръ“) значитъ собственно „тотъ, кто трепещетъ, дрожитъ“, какъ, напр., отъ страха или холода. Названіе это члены „Общества Друзей“ получили отъ того, что ихъ проповѣдники, приходя въ выступленіе во время проповѣди, дѣлали конвульсивныя, дрожательныя движенія. Секта эта основана Джорджемъ Фоксомъ, въ половинѣ XVII-го вѣка.

и Америкю. Нью-Джёрзи, Делаверъ, Мерилендъ и Виргинія, въ свою очередь, не отставали отъ своихъ соперниковъ въ желаніи обладать лаковымъ кускомъ. Штаты Новой Англіи, при наружномъ молчаніи, употребляли всѣ средства, чрезъ своихъ представителей, помѣстить столицу въ ихъ предѣлахъ, во имя своихъ историческихъ заслугъ.

Вопросъ этотъ сталъ такимъ образомъ всенароднымъ; онъ разсматривался и дебатировался не только въ конгрессѣ, мѣстныхъ легислатурахъ каждаго штата, въ журналахъ и газетахъ, но и во всѣхъ частныхъ собраніяхъ, домашнихъ разговорахъ, письмахъ. Конгрессъ же имѣлъ въ своемъ составѣ представителей и защитниковъ всѣхъ мнѣній, преобладавшихъ въ обществѣ. Такимъ образомъ, простое, повидимому, дѣло представляло трудности чрезвычайныя.

Наконецъ, послѣ продолжительныхъ преній и колебаній, въ палатѣ представителей прошелъ, въ сентябрѣ 1789 г., билль о помѣщеніи постоянного мѣстопробыванія столицы «на рѣкѣ Су-свегана, въ Пенсильваніи». Это рѣшеніе встрѣчено было весьма недружелюбно южными штатами, и сенатъ измѣнилъ это рѣшеніе, назначивъ для столицы помѣщеніе на Делаверѣ, въ окрестностяхъ Филадельфіи. Эта поправка сената встрѣтила оппозицію въ палатѣ представителей, и вопросъ отложенъ былъ до слѣдующей сессіи конгресса. Но эта отсрочка, вмѣсто того, чтобы дать время взаимнымъ уступкамъ и привести къ соглашенію, разожгла еще болѣе борющіяся стороны, такъ что можно было опасаться за распадѣніе самаго союза, только-что организованнаго.

Рѣшенію вопроса помогли экономическія затрудненія.

Во время войны за независимость каждый штатъ сдѣлалъ большіе долги, которые, конечно, тяжело отзывались на всѣхъ жителяхъ.

Предложены были разныя мнѣнія относительно погашенія этихъ долговъ. Александръ Гамильтонъ, министръ финансовъ, предложилъ съ своей стороны, чтобы союзное правительство взяло всѣ долги отдѣльныхъ штатовъ на свою отвѣтственность, консолидировавъ ихъ въ одномъ общемъ фондѣ съ уплатою процентовъ и погашенія по этому фонду. Это предложеніе встрѣтило сильную оппозицію въ Виргиніи и южныхъ штатахъ. Борьба мнѣній по этому вопросу приняла не менѣе страстный характеръ, какъ и вопросъ о столицѣ. Интересы и мнѣнія по обоимъ вопросамъ оказались такъ противоположны, что не предвидѣлось благоприятнаго исхода.

Въ это трудное время возвратился изъ Франціи Томасъ Джефферсонъ, будучи назначенъ на должность государственнаго секретаря (то же, что министр иностранныхъ дѣлъ) ¹⁾.

Знаменитый предводитель демократической партіи, Джефферсонъ предложилъ обсудить оба эти вопроса за обѣдомъ, къ которому былъ приглашенъ А. Гамильтонъ, вождь республиканской партіи. За этимъ обѣдомъ оба вопроса дебатировались снова, и, наконецъ, обѣ партіи пришли къ слѣдующему компромиссу: если южане уступятъ по финансовому вопросу, то сѣверяне согласны на помѣщеніе столицы на берегахъ Потомака. Эта сдѣлка удалась. Финансовая схема Гамильтона прошла чрезъ конгрессъ, и одновременно подвергнувъ былъ разсмотрѣнію билль о выборѣ мѣста для столицы.

Этотъ билль проектировалъ для нуждъ союзнаго правительства округъ не свыше десяти квадратныхъ миль (англійская и американская миля равна 1,508 версты) на берегу рѣки Потомака съ тѣмъ, чтобы правительство заняло свое мѣсто въ этомъ округѣ въ 1800 году, а до того времени имѣло бы свое пребываніе въ Филадельфіи. Этотъ билль, съ нѣкоторыми второстепенными поправками, прошелъ чрезъ палату представителей и сенатъ, и получилъ подпись президента 16-го іюля 1790 г., ставши такимъ образомъ закономъ для всей страны.

Мериландъ и Виргинія еще ранѣе уступили для этой цѣли такую часть своихъ территорій, какую конгрессъ найдетъ необходимою для постоянного пребыванія союзнаго правительства.

Послѣ этого, въ январѣ 1791 г., президентъ Вашингтонъ издалъ прокламацію, въ которой были опредѣлены границы выбраннаго имъ округа согласно рѣшенію конгресса.

Этотъ округъ обнимаетъ собою поверхность въ 100 кв. миль, или 64,000 акровъ земли, на лѣвомъ берегу рѣки Потомака, между 38° 48' и 38° 59' сѣв. шир. и 77° — 0'15" зап. дол. отъ Гринвича.

Такимъ образомъ, вопросъ о мѣстѣ столицы былъ рѣшенъ. Теперь приходилось строить ее. Излюбленное Вашингтономъ мѣсто представляло собою около Потомака поверхность частію болотистую, частью холмистую; и все это пространство было по-

¹⁾ По конституціи Соединенныхъ Штатовъ, многія должностныя лица, составляющія кабинетъ президента, называются не министрами, а секретарями. Слово же minister употребляется обыкновенно по отношенію къ предстоителямъ разныхъ церквей, и соответствуетъ нашему слову священникъ или настоятель. Кромѣ того, министры называются посланниками иностранныхъ державъ.

крыто лѣсомъ, среди котораго примѣлось нѣсколько разбросанныхъ фермъ и рыбацкихъ хижинъ. Конгрессъ назначилъ десятилѣтній срокъ для постройки правительственныхъ зданій съ тѣмъ, чтобы въ 1800 году правительство могло окончательно утвердиться въ новоизбранномъ мѣстѣ. Въ силу этого немедленно начались работы, очень трудныя и дорогія въ малонаселенной странѣ—рубка лѣса, очистка и расчистка отъ пней и логовъ, дренажъ, выдѣлка кирпича, привозъ камня и т. п. Майоръ Л'Анфанъ (L'Enfant), французъ по происхожденію, составилъ планъ города, настолько простой, умный, гигиеничный, что память его съ признательностью сохраняется донинѣ. Принявъ центромъ Капитолій, онъ распредѣлилъ всѣ расходящіяся отъ него улицы по частямъ свѣта: востокъ, западъ, сѣверъ, югъ, и далъ названія азбучныя: а, b, c и d на востокъ, а, b, c и т. д. на западъ. Улицы, прорѣзывающія эти буквенныя улицы съ юга и сѣвера отъ Капитолія, обозначены цифрами: 1-я, 2-я, 3-я, на югъ или сѣверъ и т. д. Сверхъ сего, чтобы сообщить городу болѣе простора и воздуха, эти улицы прорѣзаны широкими улицами, называемыми авеню (Avenue), которыя получили названіе отъ разныхъ штатовъ: Нью-Йоркъ-авеню, Пенсильванія-авеню и т. д. Эти авеню расходятся во всѣ стороны, отъ Капитолія, какъ радіусы отъ центра, и соответствуютъ парижскимъ бульварамъ.

Когда избраны были наиболѣе удобныя мѣста для правительственныхъ зданій и прочихъ нуждъ правительства, то оставшая земля была раздѣлена на участки и предложена для покупки частнымъ лицамъ.

Устройство столицы представляло большія затрудненія президенту Вашингтону и по новости и трудности дѣла и по малому количеству денегъ, назначенныхъ конгрессомъ для этой цѣли. Но такъ или иначе, во всякомъ случаѣ актъ конгресса, опредѣлившій декабрь 1800 года временемъ для начала пребыванія правительства въ новоизбранномъ мѣстѣ, былъ выполненъ, и 3 ноября 1800 года всѣ правительственныя учрежденія, архивы, документы были одновременно перевезены въ Вашингтонъ, и открытіе конгресса произошло уже въ Капитоліи. Соединенные Штаты получили, наконецъ, свою столицу, National-Capital, какъ ее называютъ американцы; national прибавляется потому, что иначе могло бы быть смѣшеніе, такъ какъ каждый штатъ имѣетъ свою мѣстную столицу.

Съ этого времени начался ростъ и развитіе города, которому

дано было народомъ имя почти обожаемаго перваго президента, Вашингтона ¹⁾.

Понятно, что въ первые годы своей жизни эта столица была городомъ только на бумагѣ, а на самомъ дѣлѣ это былъ *будущій* городъ. Въ сущности же это была простая деревня со всѣми неудобствами, неустройствами и неурядицей новаго населенія. Недовольные выборомъ мѣста для столицы, называли его въ насмѣшку «городомъ великолѣпныхъ разстояній» (The City of magnificent distances), и были правы. Одинъ путешественникъ того времени, Коттонъ Смитъ, изъ Коннектикута, такъ описываетъ свои впечатлѣнія при вѣздѣ въ эту столицу: «мы вѣхали въ этотъ городъ съ чувствами, которыя трудно передать. Построены только Капитолій и домъ президента на разстояніи мили другъ отъ друга. Оба построенные изъ бѣлаго известняка, они представляютъ разительный контрастъ съ окружающею ихъ мѣстностью. Мы не могли отыскать ни одной улицы, ни одного авеню, которыя обозначены на планѣ города, кромѣ Нью-Джерси-авеню съ двумя зданіями на противоположныхъ концахъ. Пенсильванское авеню, которое на планѣ представляется главною дорогою отъ Капитолія къ дому президента, представляетъ почти на всемъ разстояніи глубокое болото, покрытое старымъ кустарникомъ. Не вдалекѣ отъ дома президента видна группа домиковъ, которыя въ шутку названы «блокомъ шести зданій». Затѣмъ въ разныхъ направленіяхъ, тамъ-и-самъ, видны деревянные домики съ большими пустырями между ними. Вся почти поверхность города на холмистыхъ мѣстахъ покрыта лѣсомъ и дубовымъ кустарникомъ, а на низменныхъ, болотистыхъ мѣстахъ частью деревьями, а частью мелкимъ кустарникомъ. Два, три дома богатыхъ землевладѣльцевъ останавливаютъ на себѣ вниманіе. Дороги во всѣхъ направленіяхъ грязны и безъ всякаго присмотра за ними. Тротуары только кое-гдѣ проложены и покрыты щебнемъ и досками, оставшимися отъ постройки Капитолія, и то на весьма небольшомъ разстояніи, и очень неудобны для пѣшеходовъ, потому что въ сухую погоду этотъ щебень рѣжетъ обувь, а въ мокрую — покрываетъ ее бѣлою известью. Коротко сказать: этотъ городъ — вполне «новое поселеніе». Дома, за двумя или тремя исключеніями, построены недавно и на скорую руку, въ виду перемѣщенія сюда правительства. Видно было похвальное желаніе со стороны нѣкоторыхъ гражданъ сдѣлать положеніе ожидаемыхъ гостей пріятнымъ, насколько это

¹⁾ Американцы произносятъ имя Washington почти какъ Уошингтонъ.

возможно при данныхъ обстоятельствахъ. Пища была очень разнообразна, но основательна; прислуга — дѣятельная и внимательная.

«Несмотря на неблагоприятное впечатлѣніе, которое произвелъ Вашингтонъ при нашемъ вѣздѣ, я (говорить Смитъ) не могъ достаточно налюбоваться на его природное положеніе. Смотри съ Капитолія, вы имѣете передъ собою изящный видъ города, расположеннаго при сліяніи Потомака и его восточнаго рукава, съ прекрасною, холмистою поверхностью. Далѣе, величавый изгибъ Потомака къ горѣ Вѣрмонтъ и къ городамъ Александріи и Джорджтауну; смотри далѣе, вы видите обработанныя поля и голубые холмы Мериленда и Виргиніи по обѣимъ сторонамъ рѣки, такъ что въ цѣломъ видѣ этотъ поражаетъ красотою и величіемъ. Городъ имѣетъ также неоцѣненное сокровище въ прекрасной водѣ, которая обильно течетъ изъ многихъ родниковъ, и легко доступна вездѣ при небольшомъ углубленіи въ землю. Къ этому слѣдуетъ присоединить единственный въ своемъ родѣ фактъ, что почва города представляетъ собою такого рода составъ изъ песку, глины и ила, что роя, напр., погребъ, можно построить цѣлый домъ изъ кирпичей, приготовленныхъ изъ выброшеннаго на поверхность грунта. Поэтому здѣсь нерѣдко видѣть остатки горновъ для обожженія кирпича при вновь построенныхъ домахъ и прочихъ зданіяхъ. Коротко сказать, рассматривая не только эти выгоды, а что гораздо важнѣе, съ національной точки зрѣнія, положеніе города на прекрасной, судоходной рѣкѣ, доступной для всей морской границы Соединенныхъ-Штатовъ, въ мѣстѣ, удобномъ для защиты отъ непріятельскаго вторженія, и для воднаго и сухопутнаго сообщенія со всей страной, не исключая и западныхъ штатовъ, — мы должны признать, что выборъ этого мѣста для постоянного мѣстопробыванія правительства, сдѣланный Вашингтономъ, представляетъ поразительную мудрость, глубокую предусмотрительность и вѣрное пониманіе дѣла, — качества, характеризующія этого знаменитаго человѣка».

Несмотря, однако, на эти выгоды, городъ росъ въ началѣ очень тихо, между тѣмъ какъ ожидалось совсѣмъ противное; ожидалось, что явится масса желающихъ имѣть собственность въ столицѣ и нанять народа, привлеченнаго возможностью заработка въ новоустроивающемся городѣ. Долгое время городъ представлялъ собою, главнымъ образомъ, лѣсъ и болото; количество домовъ росло чрезвычайно медленно, такъ, что въ конгрессѣ не разъ поднимался вопросъ о перенесеніи столицы въ другое мѣсто. Неожиданное обстоятельство, повидимому, весьма вредное

для развитія города, подѣйствовало на него самымъ благотѣльнымъ образомъ. Это были—старые друзья Америки, англичане, ея «кузены»¹⁾.

Въ 1814 г. городъ былъ взятъ англійскимъ экспедиціоннымъ корпусомъ подъ командою генерала Роса. Разбивъ горсть американцевъ при Блденсбергѣ, Росъ отправился съ своимъ отрядомъ къ беззащитному городу, который и былъ взятъ имъ безъ боя; само правительство едва успѣло избѣжать плѣна. Росъ обошелся съ городомъ не весьма гуманно: онъ сжегъ Капитолій, домъ президента, всѣ правительственныя зданія и даже часть домовъ частныхъ жителей. Затѣмъ, онъ покинулъ городъ и отправился съ своимъ отрядомъ назадъ, къ Чизапикскому заливу.

Правительство возвратилось въ городъ немедленно по удаленіи англичанъ. Варварскій поступокъ англичанъ возмущилъ всѣхъ, и въ виду возможности повторенія такого факта, снова былъ поднятъ вопросъ о перенесеніи столицы въ другое, болѣе безопасное мѣсто. Когда въ слѣдующую затѣмъ сессію конгресса представленъ былъ вопросъ о восстановленіи разрушенныхъ правительственныхъ зданій, то вмѣстѣ съ тѣмъ поставленъ былъ и вопросъ о перемѣнѣ мѣста для столицы. Послѣ долгихъ колебаній патріотическое чувство взяло перевѣсъ надъ всѣми прочими соображеніями, и конгрессъ не только рѣшилъ оставить столицу на прежнемъ мѣстѣ, но опредѣлилъ щедрія суммы на восстановление разрушенныхъ зданій, чтобы совершенно изгладить слѣды британской побѣды. Рѣшеніе конгресса произвело въ жителяхъ города всеобщую радость, потому что при перемѣщеніи столицы они были бы почти разорены, такъ какъ все ихъ недвижимое имущество въ Вашингтонѣ только потому и имѣло цѣну, что здѣсь находилось центральное правительство. Теперь же вся городская собственность поднялась въ цѣнѣ, явилась увѣренность въ прочности ихъ положенія, а съ тѣмъ вмѣстѣ явились—энергія, предпріимчивость и упорная дѣятельность для благоустройства города. Дома стали расти не по днямъ, а по часамъ, открылись лавки и магазины, народилась торговля; стали строить церкви, школы, благотворительныя учрежденія и все прочее, соотвѣтственно нуждамъ города. И все это стало возникать и расти безъ содѣйствія правительства, а умомъ, силами и средствами самого населенія. Съ развитіемъ дѣятельности городъ сталъ богатѣть; богатство дало ему возможность дѣлать болѣе широкія затраты на его улучшеніе. Болотистая, низменная часть города во время лѣт-

¹⁾ Англичане называли такъ американцевъ въ шутку.

нихъ жаровъ была источникомъ лихорадокъ и прочихъ болѣзней, отъ которыхъ страдало все населеніе города. Богатыя средства города дали возможность сдѣлать дренажъ почвы; и мѣстность стала вслѣдствіе этого настолько здоровою, что всѣ прежнія болѣзни сдѣлались рѣдкостью; затѣмъ устроено было искусственное водоснабженіе всѣхъ домовъ, освѣщеніе и т. д. Словомъ, со времени сожженія Вашингтона англичанами, онъ какъ-бы переродился, получилъ новую жизнь и силу, и сталъ расти и развиваться до настоящаго времени.

Быстрый ростъ Американскаго Союза естественно отражался и въ ростѣ и развитіи разныхъ функцій союзнаго правительства, а поэтому и столица становилась болѣе и болѣе значительною съ каждымъ годомъ.

Весь округъ Колумбія съ Вашингтономъ, по постановленіямъ конгресса, считается собственностью всего Союза. Поэтому и управленіе округомъ ввѣрено непосредственно конгрессу, который обязанъ составлять такіе законы и правила, какіе найдетъ цѣлесообразными. Для этой цѣли учрежденъ при конгрессѣ особый комитетъ спеціально для округа Колумбіи. Президентъ Соединенныхъ Штатовъ есть такимъ образомъ исполнительная власть для этого округа, и онъ же назначаетъ главныхъ должностныхъ лицъ для управленія округомъ. Такимъ образомъ жители округа Колумбіи лишены права имѣть своего представителя въ конгрессѣ и внутренняго самоуправленія, въ чемъ не отказано самой бѣдной деревушкѣ во всемъ Союзѣ. Но жители на это не роптали, тѣмъ болѣе, что имъ жилось привольно, свободно и довольно. Только вслѣдствіе такого устройства округа, у жителей его засѣла-было въ голову мысль, что такъ какъ они, такъ сказать, самыя близкія дѣти правительства, то оно должно о нихъ заботиться наиболѣе нѣжнымъ образомъ, и поэтому обращались къ нему по всякому поводу, важному и неважному; наконецъ, видя, что на нихъ мало обращаютъ вниманія, они поняли, что имъ надо дѣйствовать самимъ. Убѣдившись въ этомъ, жители взялись за работу самостоятельно, самымъ серьезнымъ образомъ, и вслѣдствіе этого, хотя лишенные самоуправления юридически, они получили его фактически, такъ что не они остались въ долгу у правительства, а, напротивъ, правительство обязано имъ относительно прекраснаго устройства столицы.

Въ періодъ времени до междоусобной войны Вашингтонъ былъ покойнымъ, уединеннымъ городомъ; его тихій, но постоянный ростъ мало обращалъ на себя вниманія со стороны американскаго общества. Во время сессій конгресса онъ обыкновенно

оживалъ, становился веселымъ и дѣтельнымъ, но съ закрытіемъ сессіи Вашингтонъ погружался какъ-бы въ дремоту; тѣмъ болѣе, что сессіи конгресса обыкновенно превращаются при наступленіи лѣтнихъ жаровъ. Въ это время въ Вашингтонѣ жара трудно-выносимая, пыльно и скучно, и всѣ живутъ надеждою на приближеніе зимы и возвращеніе конгресса, вмѣстѣ съ которымъ неизбежно появится множество посѣтителей изъ всего Союза по дѣламъ или для развлечения.

Съ ноября обыкновенно городъ начинаетъ наполняться; отели, пансіоны получаютъ временныхъ жильцовъ и собственники домовъ начинаютъ пріятно улыбаться пропорціонально уменьшенію пустыхъ комнатъ и увеличенію посѣтителей. Зима становилась веселою и оживленною, когда «почтенные члены» сената и палаты представителей начинали покидать свои домашніе очаги для столицы.

Передъ началомъ 1861 года прибыла огромная масса посѣтителей въ Вашингтонъ изъ сѣверныхъ и южныхъ штатовъ. Западные штаты имѣли немногихъ своихъ представителей до сихъ поръ, да и то главнымъ образомъ лицъ должностныхъ, поэтому западъ не оказывалъ такого вліянія въ городѣ, какъ прочія секціи, ни въ общественномъ, ни въ политическомъ отношеніи. Правительство въ это время было «демократическое» и клало свою печать на тонъ и направленіе всего общества; а этотъ тонъ и это направленіе были строго консервативные. Поэтому общество тщательно сторонилось отъ всего, что пахло республиканскими идеями, и имѣло отношеніе къ простому народу (common people), т.-е. проще — это общество было не только аристократическое, но и строго-рабовладѣльческое.

Избраніе Авраама Линкольна въ президенты привлекло новый классъ посѣтителей въ столицу. Въ изящное, элегантное общество, воспитанное на невольничьемъ трудѣ и въ рабовладѣльческихъ понятіяхъ, неожиданно вмѣстѣ съ Линкольномъ появились бодрые, энергическіе люди запада съ своими загрубѣлыми, моволистыми руками, въ платьѣ изъ грубаго сукна, и главное съ анти-рабовладѣльческими понятіями. Аристократическое общество было озадачено и ошеломлено появленіемъ этихъ людей на сценѣ. Оно нашло ихъ грубыми, неотесанными варварами, наглыми нарушителями покоя и мира; но такое отношеніе къ пришлецамъ изъ западныхъ штатовъ не измѣнило хода дѣла и не навело на нихъ страха. Власть ушла изъ рукъ небольшого, привилегированнаго меньшинства, и возвратилась къ народу, а вмѣстѣ съ тѣмъ наступило время новаго порядка вещей.

Война, начавшаяся непосредственно съ выборомъ Линкольна въ президенты, довершила намѣненіе общественной жизни въ столицѣ. Вашингтонъ сталъ не только союзнымъ центромъ, но и чрезвычайно важнымъ военнымъ постомъ. Всѣ развѣсны около него были переполнены военными палатами, обзовами, орудіями и прочими принадлежностями военного времени. Всѣ жилища помѣщенія въ городѣ и внѣ его обязаны были содержать разныхъ лицъ военныхъ и гражданскихъ по распоряженію правительства; чрезъ городъ проходили полки за полками. Всѣ дома были украшены флагами, и весь городъ и все въ городѣ было полно жизни и движенія. Въ нѣсколько мѣсяцевъ населеніе города выросло отъ 62,000 до 250,000 — среднее число въ продолженіе всей войны. Корреспондентъ «Таймса», возвратившись въ Вашингтонъ послѣ трехмѣсячнаго отсутствія изъ него, такъ описываетъ эту внезапную перемену.

«Отъ Балтимора до Вашингтона около 40 миль, и на всемъ этомъ разстояніи, на каждой четверти мили, стоятъ пикеты солдатъ для охраненія рельсоваго пути. Лагерныя стоянки появляются по обѣимъ сторонамъ дороги, расположенныя болѣе или менѣе тѣсно. Лучи заходящаго солнца падали на безконечную линію палатокъ, когда мы приблизились къ неоконченному куполу Капитолія. На Виргинскомъ берегу рѣки столбы дыма, поднимающіеся изъ хѣса, обозначали стоянку лагеря федералистовъ. Поля около Вашингтона оглашались командными словами, движеніемъ людей, и блистали сверканіемъ разнаго рода орудій и оружія. Артиллерійскій паркъ занималъ огромное пространство, и длинные ряды вагоновъ съ бѣлою крышею наполняли свободныя пространства въ окрестностяхъ Вашингтона.

«Для меня видъ всего этого былъ поразителенъ. Когда я поѣхалъ по Пенсильванскому-авеню, то я едва вѣрилъ своимъ глазамъ, видя эту шумную, заботливую массу народа, — эти красные, бѣлые и голубые флаги, — эту пыль отъ галопирующихъ экстренныхъ комиссаріатскихъ повозокъ и арбъ ¹⁾. Всѣ тротуары переполнены народомъ, большая часть котораго вооружена саблями и штыками; лавки и магазины полны жизни и дѣятельности. Вашингтонъ теперь дѣйствительно столица Соединенныхъ Штатовъ, только ей недолго пришлось быть сценою благотѣльнаго законодательства и мирнаго управленія. Она теперь представительница вооруженной силы, вовлеченная въ войну».

По случаю войны Вашингтонъ наполнился людьми всякаго

¹⁾ Cart—двуколесная телега, очень распространенная въ Америкѣ.

рада; и весь характеръ города, наружный и внутренний, совершенно измѣнился. Каковъ бы ни былъ нравственный характеръ жителей Вашингтона до войны, несомнѣнно то, что въ періодъ междоусобной войны нравственный уровень былъ здѣсь очень низокъ. Честность, частная и оффиціальная, была отброшена въ сторону; ей мѣсто заняло мошенничество всякаго рода; но только во всей этой общественной и нравственной грязи жители Вашингтона, коренные его обитатели, были наименѣе повинны. Напротивъ, они старались держаться въ сторонѣ отъ этой грязи и отъ прищельцевъ, наводившихъ городъ. Но они были бессильны остановить эту приливную волну событій. Волна эта ушла сама собою, когда наступилъ часъ отлива.

Война, такимъ образомъ, оказала огромное вліяніе во всѣхъ отношеніяхъ. Она разбила и развела аристократическій строй общества въ южныхъ штатахъ, — тотъ строй, изысканнымъ и элегантнымъ выраженіемъ котораго было вашингтонское общество. Она внесла въ него болѣе грубый, но болѣе здоровый рядъ идей республиканской партіи на мѣсто разбитой «демократіи» юга.

Въ матеріальномъ отношеніи война обогатила Вашингтонъ, давши огромный толчокъ его торговлѣ, промышленности и предпринимчивости. Милліоны долларовъ прошли чрезъ городъ — и сотни тысячъ разошлись между жителями Вашингтона.

По окончаніи войны армія была распущена, правительство занялось умиротвореніемъ побѣжденнаго внутреннего врага и устройствомъ освобожденныхъ рабовъ. Вашингтонъ тоже пришелъ въ мирное положеніе, но съ измѣнившееся фисіономіею и новыми интересами. Съ этого времени процвѣтаніе города пошло быстро впередъ, такъ, что онъ сдѣлался однимъ изъ лучшихъ городовъ въ Союзѣ.

II.

Значеніе и роль Вашингтона, какъ столицы, точно также какъ и его исторія, существенно отличны отъ значенія и роли европейскихъ столицъ.

Всѣ европейскія столицы, какъ очень древніе историческіе города, постоянно принимали живое участіе въ исторической жизни народа, содѣйствовали въ болѣе или меньшей степени развитію и процвѣтанію государства, выѣстъ съ народомъ подвергались всѣмъ невздамъ исторической жизни; выдерживали нападенія враговъ, продолжительныя осады, выносили голодъ, грабежи, пожары и часто служили мѣстами кровавыхъ битвъ и

страшнаго истребленія жителей. Сколько ужасовъ и страданій вынесли на себѣ въ свою долгую историческую жизнь: Аены, Константинополь, Римъ, Парижъ, Вѣна, Москва!

Въ силу своего историческаго значенія и тѣсной связи съ жизнью народа, европейскія столицы служили и служатъ понинѣ *выраженіемъ* жизни даннаго народа, его высшихъ стремленій, надеждъ, желаній. Въ этихъ столицахъ, какъ въ фокусъ, соединяются не только законодательная, административная и судебная функціи каждаго народа; но и всѣ прочіе интересы—интеллектуальные, религіозные, нравственные, промышленные, торговые. Такъ что весь прогрессъ того или другаго народа въ области науки, искусства, индустріи, торговли, можетъ быть видѣнъ и оцѣненъ по достоинству только въ столицахъ. Столица въ Европѣ—послѣднее слово цивилизаціи народа; по ней съ наименьшею ошибкой можно опредѣлить *сравнительное* мѣсто, занимаемое тѣмъ или другимъ народомъ среди прочихъ народовъ. Столицы въ Европѣ—великіе центры народной жизни и дѣятельности. Въ этихъ центрахъ постоянно приливаютъ кровь и омы народной жизни, и отъ нихъ же, получивъ извѣстную окраску и опредѣленное назначеніе, идутъ къ периферіи, обратно въ народный организмъ. Столицы, такимъ образомъ, представляютъ собою ядро, сердце и мозгъ въ народномъ организмѣ.

Эта роль—и политическое и общественное значеніе столицы чувствуется и понимается каждымъ народомъ и выражается въ извѣстныхъ формулахъ. И во всѣхъ странахъ жители, удаленные отъ столицы, считаютъ за счастье побывать въ ней, посмотреть ее и ея порядки и своихъ владыкъ въ ней. Это уваженіе къ столицѣ переходитъ даже на ея обитателей. Питероцъ и москвичъ имѣютъ извѣстный анломбъ въ провинціальномъ обществѣ и пользуются въ немъ извѣстнымъ авторитетомъ. Парижанинъ даетъ тонъ въ провинціи.

Поэтому-то движеніе или волненіе въ европейской столицѣ отражается во всѣхъ отдаленныхъ частяхъ страны. Событія 1848 года показали, что подобная связь существуетъ между Парижемъ и Франціей, Берлиномъ и Пруссією, между Вѣной и Австрією.

Ничто подобное не приложимо къ столицѣ Американскаго Союза, Вашингтону. Его значеніе и роль въ Союзѣ совершенно своеобразны и оригинальны. Какъ городъ американскій, Вашингтонъ, конечно, имѣетъ американскій характеръ; но при этомъ онъ отнюдь не можетъ служить типическимъ выраженіемъ жизни всего американскаго народа. Чтобы ясно понять значеніе Вашингтона

въ Союзѣ, какъ столицы, слѣдуетъ припомнить основныя черты характера американскаго народа и, затѣмъ, тѣ политическія формы жизни, которыя выработаны этимъ народомъ и, слѣдовательно, болѣе или менѣе полно отвѣчаютъ его пользѣ и идеямъ. Человѣческая личность ни въ одной странѣ не получила такого сильнаго и широкаго развитія, какъ среди американцевъ. Это развитіе личности выразилось въ великомъ самоуваженіи, которое не чуждо послѣднему чернорабочему гражданину Соединенныхъ Штатовъ. Какъ слѣдствіе этого самоуваженія въ немъ возникли другія нравственныя качества, естественно вытекающія изъ развитія личности, сознанія ея прерогативъ, — уваженіе къ правамъ другихъ, страстное стремленіе къ свободной, независимой жизни, насколько она возможна въ общественной жизни. Отсюда — гарантія правъ личности путемъ закона. Законъ здѣсь поему не есть что-либо искусственное, навазанное извнѣ, помимо сознанія тѣхъ людей, для которыхъ онъ назначенъ; напротивъ, онъ выражаетъ *волю большинства* жить и дѣйствовать такъ, а не иначе для достиженія возможно счастливой жизни. Поэтому и законъ здѣсь пользуется великимъ уваженіемъ и авторитетомъ. Законъ — это высшій, общепризнанный и общеуважаемый правитель Союза, и въ этомъ отношеніи Соединенные-Штаты можно признать высшимъ образцомъ господства легальности среди всѣхъ другихъ народовъ. Но такъ какъ законъ имѣетъ здѣсь въ виду именно охрану личности и ея правъ, то онъ и видоизмѣняется соотвѣтственно росту и развитію личностей. Его сила и необходимость наиболѣе нужна тамъ, гдѣ онъ призванъ примирить очень сложныя интересы очень большого количества личностей. Но законъ наименѣе чувствителенъ и простъ тамъ, гдѣ жизнь и отношенія людей просты и его вліяніе почти прекращается въ семьѣ, гдѣ интересы нравственныя и матеріальныя настолько общи и солидарны, что личность можетъ жить и развиваться свободно, безъ указаній и требованій принудительнаго закона.

Между тѣмъ семья, *home*, есть основная ячейка всей государственной жизни Американскаго Союза, первичная клѣточка, изъ которой развились всѣ прочія формы политической и общественной жизни Союза, такъ что пониманіе семейной жизни ведетъ здѣсь къ пониманію всего политическаго склада и строя жизни. Семья прежде всего — неприкосновенная святыня, которую законъ тщательно оберегаетъ. Неприкосновенность частнаго жилища — основной законъ Союза, и никакая власть не имѣетъ права вторгаться съ своими правилами и требованіями въ семейную жизнь, даже, напр., въ исключительное военное время

солдаты могутъ быть помѣщаемы въ частныхъ домахъ только въ крайнихъ случаяхъ. Нечего и говорить о томъ, что полиція и гражданскіе чиновники не имѣютъ доступа въ семью, въ качествѣ должностныхъ лицъ. Въ этомъ отношеніи англійскій законъ habeas corpus сохраняетъ полную силу и здѣсь, въ Америкѣ. Далѣе, элементы семьи организованы здѣсь самымъ благопріятнымъ образомъ. Семейный деспотизмъ, столь обычный въ Европѣ, среди американскихъ семействъ существуетъ какъ рѣдкое, печальное исключеніе. Вообще же въ основѣ семейной жизни въ Америкѣ находятся свобода всѣхъ членовъ семьи во внѣшней и внутренней жизни, взаимное уваженіе, довѣріе и общій трудъ на общую пользу. Отецъ—глава семьи, но дѣйствующій съ согласія и одобренія ея членовъ. Мать—душа семьи, оживляетъ и облагораживаетъ всѣхъ членовъ семьи и даетъ ей тотъ изящный, благородный характеръ, который рѣдко можно видѣть въ Европѣ, и который представляетъ обыкновенное явленіе въ Америкѣ. При этомъ надо припомнить, что женщины въ Америкѣ пользуются такимъ почетомъ и уваженіемъ, какъ нигдѣ во всемъ мірѣ, но этотъ почетъ и уваженіе заслужены американскими женщинами въ качествѣ женъ и матерей. Но яблоко отъ яблони падаетъ не далеко. Дѣти развиваются по образу и по подобию своихъ родителей. Тѣ же чувства самоуваженія, свободы, довѣрія и расположенія, которыми воодушевлены родители, отражаются и воспитываются въ дѣтяхъ. Они не знаютъ ни брани, ни ругательствъ, ни истязаній и побоевъ, свойственныхъ грубымъ людямъ и грубымъ народамъ. Поэтому американская семья, несмотря на ея видимую какъ-бы распущенность съ европейской точки зрѣнія, представляетъ собою тѣмъ не менѣе разумное, отрадное, гармоническое явленіе. Въ американской семьѣ никто не заѣдаетъ чужого вѣка и никто не мѣшаетъ жить и развиваться соответственно индивидуальнымъ качествамъ каждой личности семьи. Поэтому, свобода совѣсти, религіи, политическихъ убѣжденій практикуется въ семьѣ во всей широтѣ, и потому нерѣдко въ одной и той же американской семьѣ, что отецъ, напр., баптистъ, мать—методистка, а дѣти другихъ вѣроисповѣданій или даже никакихъ. То же и относительно политическихъ убѣжденій. И это разногласіе убѣжденій отнюдь не нарушаетъ семейнаго мира и гармоніи.

Изъ такихъ-то общественныхъ вѣточекъ сформировано все политическое тѣло Американскаго Союза. Поэтому здѣсь все идетъ снизу вверхъ. И все, что есть на-верху, получаетъ

смыслъ и значеніе настолько, насколько это признается нужнымъ и полезнымъ въ данное время внизу.

Самоуправленіе, выходя изъ семьи, обнаруживается затѣмъ въ общинѣ, будетъ ли это большой городъ или крошечная деревенька — все равно; они управляютъ и вѣдаютъ всѣ свои мѣстные дѣла сами, чрезъ лицъ, которыхъ выбираютъ изъ своей среды. И нѣтъ такой власти въ Союзѣ, которая бы имѣла право дѣлать какія-либо внушенія или указанія общинѣ въ ея мѣстныхъ дѣлахъ. Вторженіе сюда правительственныхъ чиновниковъ немислимо. Такъ что каждая община, какъ и каждая семья, представляютъ собою въ извѣстномъ смыслѣ маленькія республики, управляемыя умомъ и волею обитателей чрезъ выборныхъ лицъ.

Далѣе, самоуправленіе принимаетъ высшую формулу въ дистриктъ или округъ, который составляется изъ нѣсколькихъ общинъ, смотря по мѣстнымъ удобствамъ. Самоуправленіе нѣсколькихъ дистриктовъ выражается въ формѣ «графства» (county). Высшая форма самоуправления для всѣхъ графствъ данной географической мѣстности выражается въ формѣ Штата, обнимающаго извѣстную территорію.

Всѣ эти группировки поселеній на округа, графства, и отдѣльные штаты возникли и развились по мысли и волѣ народа, постепенно, по мѣрѣ нуждъ и мѣстныхъ польвъ.

Для нашей цѣли здѣсь достаточно отмѣтить власть и юрисдикцію штата.

Каждый штатъ въ Союзѣ есть самостоятельная, независимая отъ другихъ штатовъ, политическая единица съ *обязательною* республиканскою формою правленія, такъ что штатъ есть отдѣльная республика въ Союзѣ. Законодательная власть каждого штата состоитъ изъ двухъ корпорацій: сената и палаты депутатовъ; сенаторы избираются обыкновенно по одному изъ каждого графства, срокомъ отъ 4-хъ до 6 лѣтъ въ разныхъ штатахъ. Депутаты избираются по одному на извѣстное число жителей, различное въ разныхъ штатахъ. Обѣ эти корпораціи законодательствуютъ въ одно время, опредѣленное закономъ, и въ опредѣленномъ мѣстѣ, столицѣ штата ¹⁾. Каждый штатъ имѣетъ

¹⁾ При этомъ, столицей штата обыкновенно избирается наиболѣе *центральный* городъ въ штатѣ, чтобы онъ былъ по возможности одинаково доступенъ для всѣхъ частей штата. Поэтому, напримѣръ, въ нью-йоркскомъ штатѣ столица штата не Нью-Йоркъ, какъ можно бы думать, а Олбэни (Albany); то же въ Пенсильваніи, столица не Филадельфія, какъ могло бы казаться, а Гаррисбергъ (Harrisburg) и такъ почти во всѣхъ штатахъ. Администрація каждого графства съ тою же цѣлью обыкновенно помѣщается въ центрѣ графства.

своей Капитолій для засѣданія своихъ законодателей. Законодательство каждаго штата исполнѣ независимо въ своей территоріи и въ своихъ мѣстныхъ дѣлахъ. Но при этомъ, легислатура штата не имѣетъ права издавать такіе законы, которые находились бы въ противорѣчій съ общею конституціею Соединенныхъ-Штатовъ.

При первоначальной организаціи легислатура каждаго штата вырабатываетъ свою мѣстную конституцію, которая, по одобреніи ея народомъ штата, представляется конгрессу Соединенныхъ-Штатовъ; получивъ савѣцію конгресса, эта конституція становится органическимъ закономъ для штата, и ея постановленія обязательно признаются въ сношеніяхъ со штатомъ какъ союзнымъ правительствомъ, такъ и каждымъ изъ прочихъ штатовъ. Конституція каждаго штата обыкновенно начинается слѣдующею формулою: «мы, народъ такого-то штата (напримѣръ, Флориды, Нью-Йорка, Калифорніи и т. д.), повелѣваемъ и устанавливаемъ»... Такъ какъ легислатура штата (т.-е. сенатъ и палата депутатовъ) по частямъ измѣняется ежегодно, то законодательство находится всегда въ согласіи съ интересами мѣстнаго населенія; законы устарѣлые или нарушающіе общее благосостояніе не могутъ поэтому долго оставаться въ кодексахъ; согласно нуждамъ населенія, они или отмѣняются, или измѣняются и дополняются въ теченіи ежегодной сессіи легислатуры.

Высшая *исполнительная* власть въ каждомъ штатѣ ввѣряется правителю штата (governor), который избирается населеніемъ штата обыкновенно на четыре года. Онъ управляетъ штатомъ, подъ контролемъ легислатуры, при содѣйствіи товарища-правителя (lieutenant-governor), государственнаго секретаря, аудитора, казначея, генераль-атторнея и суперъ-интенданта народнаго просвѣщенія. Эти лица составляютъ какъ-бы кабинетъ правителя и избираются народомъ на извѣстные сроки.

Судебная власть, начинаясь съ мирового судьи въ дистриктѣ, является затѣмъ въ формѣ суда для каждаго графства; для болѣе сложныхъ дѣлъ нѣсколько графствъ группируются въ окружный судъ (circuit court), и, наконецъ, высшая судебная инстанція штата находится въ «верховномъ судѣ» штата (state supreme court).

Всѣ эти высшія функціи правительства штата обязательно должны находиться въ столицѣ штата.

Изъ такихъ политическихъ единицъ состоитъ Американскій Союзъ или Соединенные-Штаты Америки. Въ 1878 году всѣхъ штатовъ было 38, и кромѣ того къ Союзу принадлежатъ слѣдующія 9 территорій: Аризона, Дакота, Айдаго, Монтана, Нью-

Мексико, Юта (Utah), Вашингтонъ, Уйомингъ и Аляска. Территорія не имѣютъ полнаго самоуправленія, посылаютъ своего представителя въ конгрессъ безъ права голоса въ немъ, и управляются *governor's*ами, которыхъ назначаетъ президентъ съ одобренія сената Соединенныхъ-Штатовъ. Сверхъ этого, въ юрисдикціи и предѣлахъ Соединенныхъ-Штатовъ находится Индійская территория. Эта территория назначена конгрессомъ спеціально для индійцевъ, которые не хотятъ жить цивилизованною жизнью среди бѣлаго населенія. Въ этой территоріи находятся слѣдующія мирныя племена: чирокі, крики, чото и семиполы, которые управляются своими племенными вождями и пользуются субсидіями и покровительствомъ Соединенныхъ-Штатовъ.

Каждая территория, когда народонаселеніе ея достигнетъ 72,000 жителей, можетъ просить конгрессъ о дозволеніи ей организоваться въ особый штатъ. И если конгрессъ дастъ свое согласіе, то народъ территоріи составляетъ свою конституцію и, по одобреніи ея конгрессомъ, территория становится штатомъ, равноправнымъ со всѣми прочими, признается какъ *sister state* другими штатами. Но по уважительнымъ причинамъ конгрессъ можетъ и отказать въ своемъ согласіи на преобразование территоріи въ штатъ. Такъ, территория Юта или Утахъ (Utah), населенная мормонами, давно уже превзошла требуемую для образованія штата цифру, но по причинѣ многоженства мормоны едва ли когда получаютъ согласіе конгресса на ихъ автономию.

Таковъ въ общихъ чертахъ государственный строй Союза. Все въ немъ исходитъ и организуется снизу вверхъ, а не обратно, какъ въ Старомъ-Свѣтѣ. Въ основѣ всего строя находится личность гражданина и община, которая періодически выбираютъ изъ своей среды людей для отправленія законодательной, административной и судебной власти.

Послѣ этого политическое значеніе Вашингтона, какъ столицы, представляется ясною.

Городъ этотъ созданъ народомъ съ опредѣленною цѣлю для выполненія опредѣленной функціи, какъ создаются разныя должностныя мѣста, департаменты и тому подобное. Онъ назначенъ быть мѣстомъ высшей власти въ Союзѣ — законодательной, административной и судебной; власти, которая относится не къ одной какой-либо мѣстности, а ко всѣмъ вообще политическимъ единицамъ Союза, — власти, образуемой изъ выборныхъ представителей отъ каждаго штата. Поэтому Вашингтонъ съ округомъ Колумбією, составляя собственность всего Союза, управляется представителями *всего* Союза, и не имѣетъ самоуправленія, такъ что этотъ

маленькій клочокъ земли имѣть для себя такой многочисленный составъ правителей и попечителей, какъ ни одинъ городъ въ мірѣ. Роль Вашингтона въ Союзѣ имѣетъ нѣкоторую аналогію съ ролью англійской королевы, которая царствуетъ, но не управляетъ: Вашингтонъ—столица, но столица безъ власти по отношенію къ Союзу. Онъ имѣетъ настолько значенія, насколько согласны дать ему отдѣльныя части Союза, соответственно потребностямъ государства. Но самъ по себѣ онъ нѣтъ возможности увеличить свое политическое значеніе ни на одну пядь. Поэтому Вашингтонъ не есть центръ государства въ европейскомъ смыслѣ: къ нему не притягиваются и не приливаютъ кровь и соки народной жизни и дѣятельности, онъ не имѣетъ значенія во внутреннихъ дѣлахъ штатовъ. Поэтому-то, какое бы волненіе и движеніе ни произошло въ Вашингтонѣ, это не остановитъ ни на одну минуту обычнаго хода жизни въ отдѣльныхъ штатахъ. Всякое подобное движеніе только примется къ свѣдѣнію. И обратно, — если въ какомъ-либо штатѣ произойдетъ какое-либо движеніе или волненія, оно ни мало не остановитъ обычнаго хода дѣла въ Вашингтонѣ.

Вникая въ организацію Американскаго Союза и разсматривая взаимное отношеніе его отдѣльныхъ частей одна къ другой и ихъ отношенія къ цѣлому, невольно поражаешься этимъ цѣлесообразнымъ политическимъ строемъ, этою гармоніею частей цѣлаго. При такомъ устройствѣ, каждая часть живетъ полною индивидуальною жизнью — и въ то же время содѣйствуетъ самой широкой жизни цѣлаго. Вашингтонъ и центральное правительство служатъ какъ-бы цементомъ въ скрѣпленіи связей между отдѣльными частями Союза, и эти же части даютъ, въ свою очередь, твердость, крѣпость и эластичность этому цементу. Самые радикальные реформаторы среди американцевъ не находятъ ничего прибавить къ этому политическому строю жизни, и если нападаютъ на свои учрежденія, то только на ихъ второстепенныя части и стороны, главнымъ образомъ, на устройство администраціи. Но никто изъ реформаторовъ не нападаетъ при этомъ ни на организацію Союза, ни на его цѣль, какъ она выражена во введеніи въ конституцію Соединенныхъ Штатовъ, а именно: установить справедливость, обезпечить внутренній миръ, доставить общую защиту, распространить общее благоденствіе и сохранить блага свободы для себя и для потомства.

Въ этой удивительной политической организаціи, съ такими возвышенными цѣлями, Вашингтонъ, какъ столица, представляетъ собою вѣнецъ великаго Союза. И, какъ вѣнецъ, онъ ле-

гокъ для народа и нивы. Не будучи ни сердцемъ народа, ни его мозгомъ, какъ титулуются европейскія столицы, Вашингтонъ служитъ украшеніемъ Союза и посредникомъ между этимъ народомъ и всѣмъ остальнымъ человѣчествомъ. Его миссія — не централизовать въ себѣ народныя силы и стремленія, не давать и задерживать движенія народной жизни, а, напротивъ, содѣйствовать правильному распредѣленію народныхъ силъ по возможности равномерно по всему политическому тѣлу Союза, облегчать движеніе народной жизни и удалять препятствія, которыя могли бы мѣшать правильному ходу народной дѣятельности.

Несмотря на отсутствіе принудительнаго и подавляющаго элемента, американцы очень любятъ свою столицу; но именно *любятъ*, а не боятся ея, и не благоговѣютъ ни передъ нею, ни передъ ея обитателями. Любовь исключаетъ страхъ. Они любятъ ее, какъ видимый знакъ и формальное и реальное выраженіе ихъ единства, — какъ охрану своей свободы и независимости и какъ главный центръ высшихъ обще-народныхъ интересовъ. Сверхъ этого, они тепло относятся къ своей столицѣ и потому, что она и выбрана, и устроена высоко-чтимымъ патриотомъ первымъ президентомъ Соединенныхъ-Штатовъ, которому признательный народъ далъ великое имя «отца отечества» и памяти котораго она посвящена.

Послѣдующіе очерки имѣютъ цѣлю обрисовать внѣшнюю и внутреннюю жизнь Вашингтона, его нравы и обычаи. Нѣкоторыя отступленія и подробности при этомъ, кажется, могутъ болѣе содѣйствовать этой цѣли, чѣмъ затемнять ее. Поэтому, пусть не нѣсѣтуется читатель, если мы будемъ упоминать и о нѣкоторыхъ, новидимому, мелкихъ явленіяхъ жизни. Изъ мелкихъ, также какъ изъ крупныхъ фактовъ складывается жизнь какъ каждаго челоуѣка, такъ и народа.

III.

Каждый большой городъ имѣетъ свои болѣе или менѣе опредѣленныя географическія черты, свой мѣстный колоритъ и характеръ, который можно наблюдать и видѣть при общемъ обзорѣ его въ цѣломъ. И почти всѣ города имѣютъ для такого общаго обзора, охватывающаго все поселеніе, свои мѣстные естественные или искусственные возвышенныя пункты, которые даютъ

возможность видѣть весь городъ, какъ говорится, на ладони. Такъ, Римъ прекрасно видѣнъ съ каждаго изъ своихъ семи холмовъ и съ базилики св. Петра; тѣ же удобства представляетъ Константинополь. Парижъ представляется глазу какъ огромное цѣлое съ Монмартра, Notre-Dame и Пантеона; Петербургъ съ Исакиевскаго собора; Москва съ Воробьевыхъ горъ и Ивановской колокольни и т. д. Вашингтонъ также имѣетъ свой возвышенный пунктъ, вмѣстѣ природный и искусственный, съ котораго онъ видѣнъ весь во всѣхъ подробностяхъ своего географическаго положенія и ближайшихъ окрестностей. Такой пунктъ здѣсь — центръ Вашингтона, зданіе Капитолія, который построенъ на холмѣ, подобно Капитолію римскому. И каждый прїѣзжій считаетъ обязанностью полюбоваться прекраснымъ видомъ города и окрестностей съ этого пункта. Архитекторы Капитолія или правительство оцѣнили вѣрно весь эстетическій смыслъ и чувство наслажденія, которыя каждый испытываетъ, глядя отсюда съ высоты на городъ и его окрестности: чтобы доставить всѣ удобства для такого невиннаго, художественнаго наслажденія, въ зданіи Капитолія сдѣланы съ этою цѣлью всѣ возможные приспособленія. Городъ отсюда можно видѣть, смотря вкусу и удобству, съ пяти пунктовъ на различной высотѣ; съ холма капитолійскаго — одинъ видъ, съ Капитолія — другой, и затѣмъ куполь Капитолія трижды опоясанъ на различной высотѣ желѣзною платформою съ чугунною рѣшеткою, чтобы желающій могъ вдоволь насмотрѣться на эту картину со всѣхъ сторонъ. И каждый изъ этихъ пяти подъемовъ представляетъ все новыя и новыя черты окружающей мѣстности по мѣрѣ расширенія горизонта и ступенчатости мелкихъ подробностей. Входъ въ Капитолій открытъ съ утра до вечера безпрепятственный и безконтрольный круглый годъ, ежедневно, кромѣ воскресныхъ дней, и почти постоянно сотни лицъ любуются прекраснымъ видомъ съ этого пункта. Александръ Гумбольдтъ, въ своихъ замѣткахъ о Вашингтонѣ, заявляетъ, что это одинъ изъ самыхъ прекрасныхъ видовъ, какіе онъ когда-либо видѣлъ. Такое мнѣніе нѣсколько преувеличено. Есть не мало на бѣломъ свѣтѣ и въ самой Европѣ пунктовъ, которыя представляютъ гораздо болѣе грандіозныя, величавыя и оживленныя картины. Но, безъ преувеличенія, видъ съ Капитолія очень пріятный, изысканный и привлекательный во всякое время — и утромъ, и вечеромъ, и днемъ, и ночью.

Съ разныхъ сторонъ Капитолія видится весь городъ; широкіе, прекрасно обсаженные по обѣимъ сторонамъ деревьями бульвары или авеню расходятся во всѣ стороны, какъ радіусы

отъ центра, всѣ прочія улицы обсажены тоже деревьями, и потому весь городъ представляется какъ-бы однимъ огромнымъ садомъ, среди котораго стройными рядами идутъ красные и бѣлые дома, городскія зданія, церкви и прекрасныя правительственныя зданія. Множество городскихъ парковъ, разбросанныхъ во всѣхъ частяхъ города, дополняютъ это впечатлѣніе сада. Такого обилія растительности, деревьевъ и чудной зелени не представляетъ ни одна европейская столица.

Большая часть города съ востока, юга и запада окружена широкою лентою рѣки Потомака, на которой виднѣются пароходы и суда и желѣзно-дорожный мостъ; далѣе, города Джорджтаунъ, Александрія и Арлингтонскія высоты. Затѣмъ взоръ останавливается на далекомъ горизонтѣ, гдѣ лѣсъ и поля Виргиніи и Мериленда перемежаются другъ съ другомъ. Вечеромъ, при лунномъ освѣщеніи, картина имѣетъ другой видъ, особенно когда зажгутся огни въ домахъ, и городской шумъ начинаетъ утихать. Картина мѣняется при восходѣ и закатѣ солнца, но остается прекрасною.

• Но не одна красота мѣстности производитъ пріятное впечатлѣніе. Если европейскій, а особенно русскій путешественникъ имѣетъ способность мыслить и понимать вещи, взвѣшивать и сравнивать относительное ихъ достоинство; то, находясь на верху Капитолія, вѣнчаемаго статуею Свободы, и смотря сверху на прекрасный городъ, которому еще нѣтъ и 80 лѣтъ, такой путешественникъ многое переживетъ и передумаетъ во время этого эстетическаго наслажденія. Вѣдь здѣсь онъ видитъ передъ собою не вымыслы, не игру воображенія, а живые факты, осязаемую дѣйствительность. А эти факты, эта дѣйствительность слишкомъ краснорѣчиво говорятъ о многомъ; слишкомъ ясно указываютъ контрасты между традиціями Стараго Свѣта, и задачами, планами, надеждами Новаго Свѣта; слишкомъ рельефно даютъ понять, что между политическимъ и общественнымъ строемъ Европы и Америки — огромное разстояніе; что то, что для Европы еще предметъ исканій и борьбы, — все это здѣсь уже осуществившійся, живой фактъ, — что Америка оказывается уже недовольною тѣмъ, что имѣетъ, а начинаетъ сознавать необходимость дальнѣйшаго движенія впередъ, такъ какъ существующія формы жизни начинаютъ мало-по-малу приходить въ несоотвѣстіе съ новыми потребностями.

Все это толпится въ вашей головѣ, мысль работаетъ быстро, возникаютъ разные историческіе образы, припоминаются разные историческія событія и волненія съ ихъ результатами, — и въ

концѣ-концовъ, вы видите передъ собою прелестную живую картину... но я предоставляю самому читателю дополнить неоконченное. Естественно, что при этомъ городъ покажется красивѣе, чѣмъ онъ есть. Городъ самъ по себѣ не великъ, около 8-ми верстъ въ длину и около 6-ти въ ширину; но онъ такъ хорошо распланированъ, такъ просторенъ и такъ хорошо застроенъ, что кажется больше, чѣмъ онъ есть.

Прогуливаясь по его улицамъ и бульварамъ, наблюдая его внѣшнюю жизнь и порядки, вы невольно думаете про себя: «это хорошо», «это—прекрасно», «это—очень умно!» и т. п. Конечно, есть, безъ сомнѣнія, и въ Вашингтонѣ свои недостатки, но за всѣмъ тѣмъ въ немъ гораздо чаще приходится выражать удовольствіе и одобреніе, чѣмъ порицаніе и неудовольствіе.

Уже при первомъ знакомствѣ съ этимъ городомъ, въ первую прогулку по немъ, несмотря на неизбежный городской шумъ и движеніе, васъ охватываетъ какое-то покойное, умиротворяющее чувство; чувствуется что-то доброе, семейное; вы какъ будто были въ немъ когда-то, давно, и вспоминаете знакомыя черты. Такъ что послѣ обозрѣнія города и прогулки по немъ—то общее впечатлѣніе, которое само собою формируется въ вашей головѣ, можно выразить опредѣленіемъ такого рода: «красивый, чистый, пріятный, покойный, уютный городъ; должно быть, людямъ живется въ немъ хорошо». И вы не ошиблись; дальнѣйшее знакомство съ городомъ подтверждаетъ это общее впечатлѣніе.

Какъ замѣчено было выше, матеріалъ для выдѣлки кирпича у всѣхъ жителей Вашингтона постоянно подъ руками. Это значительно удешевило постройку домовъ здѣсь, и дома поэтому кирпичные во всѣхъ частяхъ города; деревянные постройки составляютъ рѣдкое исключеніе, да и эти немногія при первой возможности замѣняются кирпичными. Наибольшая часть домовъ оштукатурена красною краской подъ цвѣтъ краснаго кирпича; причемъ обыкновенно на соединеніяхъ кирпичей проводится бѣлая линія, такъ что для неопытнаго глаза всѣ эти зданія кажутся безъ всякой окраски, а просто въ натуральномъ цвѣтѣ кирпича. Но это ошибка; окраска кирпичей съ наружной части дома производится весьма тщательно и стоитъ недешево. Этотъ способъ отдѣлки домовъ подъ цвѣтъ краснаго кирпича общій почти во всей Америкѣ. Какъ видно, въ выборѣ краснаго цвѣта и кирпичной формы линій первоначально участвовали соображенія эконолическія: краска эта держится очень долго и если гдѣ полнняется, то это не такъ замѣтно. Разъ окрашенный такимъ

образомъ домъ стоитъ десяти лѣтъ безъ подновленія, тогда какъ обыкновенная бѣлая известковая штукатурка требуетъ ежегоднаго ремонта, иначе зданіе представляетъ собою унылый, ободранный видъ. Поэтому въ Вашингтонѣ, какъ и въ Нью-Йоркѣ, Филадельфіи и прочихъ городахъ Союза бѣлый цвѣтъ штукатурки можно видѣть только на общественныхъ зданіяхъ, преимущественно правительственныхъ, изъ частныхъ же домовъ только очень богатые люди позволяютъ себѣ эту роскошь.

На европейца эти длинные ряды красно-кирпичныхъ домовъ по всѣмъ направленіямъ города производятъ очень непріятное впечатлѣніе утомительнаго однообразія; все это представляется какъ-то неестественно и недоконченно. Конечно, какъ всякое впечатлѣніе, оно мало-по-малу изглаживается, но за всѣмъ тѣмъ привычка въ европейскимъ украшеніямъ домовъ остается въ силѣ.

Окрашенные *по-американски*, всѣ дома построены и расположены въ *американскомъ* вкусѣ и стилѣ, какъ этотъ стиль и вкусъ преобладаетъ и въ прочихъ американскихъ городахъ. Въ принятіи и усвоеніи англійскаго способа постройки домовъ сначала, конечно; играла немаловажную роль привычка. Выходцы Англіи, первые колонисты Америки естественно принесли съ собою англійскіе вкусы и обычаи, и, не зная иныхъ образцовъ, они стали строить свои дома и въ новомъ отечествѣ на англійскій манеръ. Но если бы только эта одна была причина, то съ развитіемъ жизни и наплывомъ новыхъ поселенцевъ изъ другихъ частей Европы, англійскій способъ постройки могъ бы измѣниться и перейти въ другія формы, между тѣмъ этого отнюдь нѣтъ; и во всемъ Союзѣ американскомъ, во всѣхъ поселеніяхъ, большихъ и малыхъ, съ немаловажными отступленіями, стиль этотъ держится крѣпко и понынѣ. Причина этому та, что англійскій способъ устройства домовъ даетъ такіа удобства для семьи, какихъ не можетъ дать ни одинъ изъ существующихъ способовъ.

Американецъ — человекъ семьи; home — это его храмъ, его святилище, гдѣ онъ проводитъ большую часть своего времени, гдѣ сосредоточены всѣ его радости и интересы среди дорогихъ для него существъ. Американецъ не любитъ трактирной жизни или ненужныхъ передвиженій съ мѣста на мѣсто; онъ неохотно проводитъ свой досугъ внѣ дома, безъ жены и дѣтей. При такомъ отношеніи къ семьѣ и дому, онъ желаетъ имѣть и самъ возможно большій комфортъ и доставить его всѣмъ членамъ семьи. Но именно въ этомъ отношеніи англійскій способъ устройства домовъ незамѣнимъ въ *чисто-населенныхъ* мѣстностяхъ, какъ

города, гдѣ земля очень дорога, и при небольшихъ средствахъ. Эта система домоустройства практически рѣшаетъ трудный, жизненный вопросъ: какимъ образомъ можно помѣстить возможно большее число людей комфортабельно на небольшомъ пространствѣ земли при наименьшихъ издержкахъ. Поэтому-то нѣмецкіе, французскіе и прочіе европейскіе колонисты, послѣ нѣсколькихъ колебаній, кончаютъ тѣмъ, что устриваютъ свои жилища по англо-американскому образцу.

Сущность этой постройки домовъ заключается въ слѣдующемъ. Вся земля между параллельными улицами и улицами перпендикулярными въ этомъ параллельномъ дѣлится на небольшіе равные участки, обыкновенно $\frac{1}{16}$ акра или, что то же, $\frac{1}{48}$ десятины (около 50 квадр. сажень); эти участки имѣютъ сторону къ улицѣ не болѣе 3 сажень въ ширину и около 17 въ длину. Такіе участки называются лотами (lot) и на такомъ крошечномъ пространствѣ вы должны устроить все свое хозяйство, т.-е., имѣть домъ, кухню, погребъ, сарай, конюшню, если есть лошадь или корова, и мѣста для разныхъ прочихъ потребностей домашняго обихода, и при этомъ вы должны все это устроить удобно и комфортабельно для всѣхъ и всего.

Пространство между параллельными улицами, раздѣленное на участки, или лоты, представляетъ собою квадратъ, или скверъ (square). Этотъ скверъ дѣлится пополамъ, параллельно улицамъ, такъ, что одна часть лотовъ принадлежитъ къ одной улицѣ, а другая—къ ей параллельной. Оба эти ряда участковъ раздѣлены пространствомъ, обыкновенно не болѣе двухъ сажень ширины; это пространство представляетъ собою нѣчто въ родѣ узкой улицы, которая обыкновенно не имѣетъ названія и служитъ средствомъ сообщенія задовъ отдѣльныхъ хозяйствъ; адѣсь, около этой, такъ-сказать, черной улицы располагаются конюшни, стойла для скота, вывозятся соръ и т. п. Такимъ образомъ, одна часть лота выходитъ на пробѣздную улицу и составляетъ передній фасъ дома; а другая, задняя часть, выходитъ на черную безыменную улицу; въ такомъ же положеніи находится и другой рядъ лотовъ относительно другой параллельной улицы. Если читатель понялъ это расположеніе домовъ, то онъ понялъ устройство не только Вашингтона, а и всѣхъ городовъ Америки, потому что это именно основная черта устройства всѣхъ американскихъ городовъ. Поэтому и улицы въ городахъ взаимно пересѣкаются обыкновенно подъ прямымъ угломъ. Исключенія встрѣчаются только въ старыхъ частяхъ городовъ. Изъ европейскихъ городовъ только Туринъ представляетъ нѣчто похожее.

Такъ какъ лицевая сторона лота, обращенная на улицу, очень узка, не болѣе трехъ сажень обыкновенно, то приходится при постройкѣ дома подниматься вверхъ и вглубь. Поэтому дома обыкновенно узки, высоки (въ 4 и 5 этажей, безъ подвала) и длинны, отъ 10 до 15 сажень, а иногда и весь лотъ бываетъ застроенъ. Но болѣею частью, если домовладѣлецъ не рассчитываетъ пускать къ себѣ въ домъ жильцовъ, т.-е. если домъ строится не ради коммерческихъ цѣлей, то длина дома бываетъ 8—10 сажень, а остальное пространство оставляется для крошечнаго дворика, сараевъ и т. п. службъ.

Подъ тротуаромъ передъ домомъ обыкновенно находятся склады угля, дровъ и т. п. Для сыпки угля обыкновенно устраивается въ тротуарѣ круглое отверстіе, около фута въ діаметрѣ; это представляетъ большое удобство для сыпки угля и для хозяйствъ, потому что уголь всегда подъ руками. Нижняя часть подвального этажа обыкновенно служитъ погребомъ огромныхъ размѣровъ; а въ верхней—кухня со всѣми приспособленіями къ ней. Затѣмъ, въ первомъ этажѣ парадная дверь на улицу съ отверстіемъ въ ней для писемъ и газетъ и съ ручкой для звонка; сѣни и парлоръ, или гостиная; сзади парлора—столовая, въ тѣсной связи съ кухнею и служебными частями дома. Парлоръ—обыкновенно самая большая и лучшая комната въ домѣ, и прекрасно убранная коврами и покойною, удобною мебелью; рояль составляетъ принадлежность парлора. Здѣсь вся семья проводитъ все свое свободное время; сюда же собираются родные, друзья и знакомые.

Второй этажъ обыкновенно служитъ для помѣщенія старшихъ членовъ семьи, изъ которыхъ каждый имѣетъ свою особую комнату и спальню. Въ третьемъ этажѣ комната для дѣтей и прислуги, если она есть. Каминны или чугунныя печи для зимняго времени во всѣхъ главныхъ комнатахъ; каминъ въ парлорѣ обыкновенно самый изящный.

Вода проведена въ Вашингтонѣ во всѣ дома обильно, поэтому въ каждомъ домѣ устроены ванны съ холодной и теплою водою, ватеръ-клозеты (обыкновенно два, одинъ во 2-мъ этажѣ, а другой—на дворикѣ) и краны съ водою въ кухнѣ. Это удобство чрезвычайно важно въ гигиеническомъ отношеніи, давая возможность содержать въ чистотѣ и жителей и весь домъ и избавляя отъ скучнаго, неудобнаго, а иногда опаснаго для здоровья хожденія по банямъ. Газъ проведенъ также во всѣ дома; домохозяева, по усмотрѣнію, проводятъ газовыя трубы въ любую часть дома, и почти во всѣхъ комнатахъ есть газовыя роженіа. Удобство

тоже очень важное — имѣть безъ всякихъ хлопотъ дешовое и удобное освѣщеніе.

Полы въ домахъ обыкновенно деревянные, но ихъ вы нигдѣ не видите; во всѣхъ почти домахъ они закрыты — въ сѣняхъ, столовой и кухнѣ прекрасною американскою клеенкою, а въ парлорѣ и всѣхъ прочихъ комнатахъ дома — коврами. При этомъ важно замѣтить, что клеенки и ковры составляютъ такую существенную принадлежность американскаго дома вообще, и въ Вашингтонѣ въ частности, что они находятся въ помѣщеніи самаго бѣднаго черноработчаго. Разница только въ цѣнѣ и качествѣ: въ то время какъ въ бѣдной семьѣ коверъ стоитъ 40—50 центовъ за ярдъ (три фута), въ богатыхъ домахъ лежатъ на полу ковры въ 300—400 долларовъ и дороже.

Постели составляютъ предметъ особой заботливости; и умно. Въдѣ въ постелѣ человекъ проводить время сна и отдыха, т. е., именно то время фізіологическаго процесса, когда всѣ ткани организма обновляются. Слѣдовательно, чѣмъ покойнѣе сонъ, тѣмъ удобнѣе совершается этотъ процессъ обновленія, и человекъ просыпается бодрымъ, готовымъ на обычную дѣятельность, съ дѣйствительно освѣженными силами. Въ Россіи на этотъ предметъ не обращается вниманія, и это очень не умно; потому что въ скверной постелѣ и скверно спится, и человекъ вмѣсто освѣженія встаетъ утомленный, и вяло берется за работу. Только Финляндія въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ, дѣлаетъ исключеніе. Затѣмъ во всей западной Европѣ на постели обращается серьезное вниманіе; но это вниманіе достигаетъ своего апогея въ Англіи; покойнѣе и удобнѣе англійскихъ спаленъ и постелей трудно что-либо придумать. Америка въ этомъ отношеніи не отстала отъ Англіи; въ Вашингтонѣ и очень небогатые люди время сна и отдыха проводятъ въ очень комфортабельномъ положеніи. Постельное бѣлье, т. е. двѣ простыни и наволочки, мѣняется ежедневно; утиральники ежедневно; умывальные приборы, очень удобные, находятся въ каждой спальнѣ со всѣми принадлежностями утренняго и вечерняго туалета.

Окна въ домахъ обыкновенно англійской конструкціи, т. е. состоятъ изъ двухъ независимыхъ частей, или изъ двухъ полуоконъ. Каждое полуокно на особыхъ блокахъ и двигается по желобкамъ вверхъ и внизъ, по желанію. Если хотите, то можете оба полуокна поднять вверхъ, или оба опустить внизъ. Если вамъ нуженъ небольшой токъ свѣжаго воздуха, то вы опускаете полуокно на дюймъ, примѣрно, внизъ. Если вамъ нуженъ воздухъ снизу, вы поднимаете на дюймъ или насколько угодно по-

можно вверхъ и т. д. Словомъ, это—весьма цѣлесообразное и простое устройство оконъ, и очень желательно, чтобы наши домохозяева и архитекторы стали вводить ихъ въ употребленіе. Въ нашемъ холодномъ климатѣ они были бы полезнѣе, чѣмъ въ Англіи: для вентиляціи въ холодное время вмѣсто форточекъ.

Передъ парадною дверью на улицѣ обыкновенно устроивается каменная *лѣстница* съ чугунною рѣшеткою по сторонамъ и площадкою передъ дверью. А такъ какъ эти пристройки находятся передъ всякимъ домомъ, то это придаетъ улицѣ очень оригинальный видъ, совершенно не похожій на европейскія улицы, за исключеніемъ, конечно, Англіи. Въ теплые лѣтніе вечера всѣ семьи обыкновенно проводятъ здѣсь свое время отъ 7 до 9 и 10 часовъ. Взрослые разговариваютъ, а дѣти играютъ и рѣзвятся на тротуарѣ и на улицѣ; это придаетъ особую, своеобразную жизнь уличному Вашингтону и очень оживляетъ вечерами обыкновенно тихія днемъ его улицы.

Ни воротъ, ни калитокъ на улицу нѣтъ; домъ пристраивается къ дому безъ промежутковъ или пустотъ. Очерченное устройство домовъ въ Вашингтонѣ такъ обще въ англо-американскомъ мірѣ, что даже отразилось въ языкѣ. Напр., наши выраженія вверхъ, внизъ передаютъ, въ англійскомъ языкѣ: «вверхъ по лѣстницѣ» (up stairs) или «внизъ по лѣстницѣ» (down stairs). Сосѣдей называютъ «ближайшая дверь» (next door). Оно и понятно: лѣстница играетъ большую роль въ передвиженіи жителей дома, такъ что впечатлѣніе верха и низа невольно связалось съ лѣстницею.

Но если эти дома цѣлесообразны для семейной жизни, то они очень малоудобны для торговыхъ цѣлей—для лавокъ, магазиновъ, ресторановъ и т. п. Эти заведенія, конечно, какъ и вездѣ, помещаются въ нижнемъ этажѣ. Владѣя какими-нибудь двумя съ половиной или тремя саженьми фасовой стороны дома, купецъ не можетъ показать свой товаръ лицомъ покупателю по недостатку мѣста такъ, какъ это дѣлаютъ хозяева магазиновъ въ Парижѣ, Вѣнѣ, Петербургѣ и прочихъ городахъ Европы, гдѣ магазины занимаютъ втрое и вчетверо больше пространства въ ширину. Будучи узки, лавки, магазины, рестораны, по необходимости очень длинны, иногда сажень 7—10 и болѣе въ длину. Это придаетъ имъ уродливый видъ, и, кромѣ того, они по необходимости сумрачны, такъ какъ свѣтъ отъ оконъ можетъ освѣтить хорошо ближайшую часть магазина или ресторана, а задняя часть обыкновенно въ полумракѣ. Чтобы помочь этому горю, богатныя фирмы или нанимаютъ сосѣднія дома, или же строятъ спеціальныя дома для торговли. Но такихъ исключеній въ Ва-

Вашингтонѣ наберется не болѣе десятка. Поэтому самые богатые магазины лишены европейскаго великолѣпія и блеска.

Отъ общаго плана отступаютъ дома богатыхъ людей и отели перваго класса. Банкиры, богатые фабриканты, купцы, сенаторы, экс-президенты и вице-президенты построили много домовъ въ разныхъ частяхъ города для собственнаго мѣстопробыванія зимою. Эти дома отдѣланы со всею роскошью и вкусомъ, какіе выработаны современной архитектурой и индустріей. Но дома эти исключительны и принадлежатъ къ тѣмъ, о которыхъ капитанъ Копейкинъ говорилъ, что прежде чѣмъ войти въ него, надо зайти въ лавочку, купить мыла, вымыть руки, да потомъ уже звонить. Въ такихъ домахъ живутъ тузы разныхъ мастей американскаго фешенебельнаго міра и нѣкоторые иностранные дипломаты.

Отели перваго класса (отъ 3 до 5 долларовъ въ день и дороже) также зданія исключительныя. Ихъ счетовъ всего 12, каждый изъ нихъ рассчитанъ не менѣе какъ на 200 человѣкъ; большая часть можетъ помѣстить болѣе трехъ-сотъ, а national даже 500. Эти зданія занимаютъ иногда цѣлый скверъ и имѣютъ 5—6 этажей. По устройству своему, они представляютъ смѣсь европейскаго съ американскимъ. Для верхнихъ этажей устроены прекрасныя подъемныя машины, которыя во всякое время дня и ночи легко, удобно и комфортабельно поднимаютъ жильцовъ въ любой этажъ. Нижній этажъ доступенъ для всѣхъ желающихъ. Здѣсь обыкновенно помѣщаются огромная столовая зала, буфетъ; нѣчто въ родѣ лавки для продажи газетъ, журналовъ, брошюръ, дорогихъ бездѣлицъ и т. п.; отдѣленіе для телеграфа и огромныхъ размѣровъ парлоръ, въ которомъ всегда на столахъ находятся свѣжія газеты на разныхъ языкахъ и, естественно, наибольшая часть газетъ американскихъ. Всякій прилично одѣтый господинъ можетъ придти сюда, хотя бы онъ и не былъ жильцомъ отеля, и читать сколько душей угодно. Въ газетахъ недостатка нѣтъ, потому что ихъ бываетъ иногда до 50 названій. Здѣсь же вы найдете массу разныхъ объявленій отъ компаній желѣзныхъ дорогъ, пароходовъ, магазиновъ всякаго рода и т. п. Комнаты для постояльцевъ отдѣланы не только комфортабельно, а роскошно. Вечерами все это залито свѣтомъ и нижній этажъ полонъ народа.

Второстепенные и третьестепенные отели почти ничѣмъ не отличаются отъ прочихъ домовъ въ устройствѣ: они удобны, но безъ роскоши и шума; плата въ нихъ отъ полутора до двухъ долларовъ. За эту цѣну, сверхъ помѣщенія, жилецъ получаетъ хорошій завтракъ, ланчъ (lunch) и обѣдъ.

Характеру домовъ соотвѣствуютъ здѣсь и улицы. Выше было упомянуто, что, по приглашенію президента Вашингтона, французъ L'Enfant сдѣлалъ замѣчательно искусный планъ столицы. Въ настоящее время планъ этотъ выполненъ во всѣхъ частяхъ и городъ прорѣзанъ улицами и бульварами по всѣмъ направленіямъ такъ разумно, что въ городѣ не можетъ быть тѣсныхъ скопленій домовъ, такъ обычныхъ въ старыхъ городахъ. Здѣсь не можетъ быть поэтому источниковъ зловонія и грязи, и эпидемическихъ болѣзней, потому что для движенія воздуха нѣтъ нигдѣ препятствій. Улицы обыкновенно, включая тротуары, десять сажень ширины, а бульвары отъ 15 до 20-ти сажень. Тротуары для пѣшеходовъ около домовъ выложены широкими каменными плитами, но большая часть выложена кирпичемъ, который, впрочемъ, грубъ для ноги,—широкія плиты лучше, хотя значительно дороже. Тротуары метутся домохозяевами и вездѣ всегда очень чисты; эту работу исполняютъ большею частью дѣти.

Всѣ улицы и бульвары обсажены по обѣимъ сторонамъ вѣтвистыми, тѣнистыми деревьями, такъ что лѣтомъ на солнечной сторонѣ можно ходить безъ зонтика, который иначе въ этомъ климатѣ необходимъ. Метутся улицы и бульвары на счетъ города, огромными щетками, которыя приводятся въ движеніе двумя парами дюжихъ лошадей; четыре такихъ щетки метутъ улицы цѣлую ночь, начиная съ десяти часовъ вечера, такъ что утромъ весь городъ въ полномъ порядкѣ. Чтобы не дѣлать пыли щетками, впередъ ѣдетъ огромная бочка съ водой, которая посредствомъ извѣстнаго механизма поливаетъ улицы дождекомъ. Въ сухіе жаркіе дни такая поливка на людныхъ, проѣзжихъ улицахъ и бульварахъ бываетъ три-четыре раза въ день.

Улицы, на которыхъ движеніе не велико, вымощены деревянными плитами, то-есть имѣютъ торцовую мостовую, какъ ее называютъ въ Петербургѣ; бойкія, проѣзжія улицы великолѣпно вымощены асфальтомъ. Но для нашихъ зимъ и морозовъ асфальтовые мостовыя были бы гибельны для лошадей. Наиболѣе удаленныя отъ центра улицы, по окраинамъ города, вымощены обыкновеннымъ макадамомъ, т.-е. мелкимъ камнемъ, и поливаются очень рѣдко.

Всѣ улицы и бульвары прорѣзаны двойнымъ рядомъ рельсовъ, по которымъ на разстояніи пяти минутъ катятся прекрасные вагоны при пособіи лошадиной силы. Въ Филадельфіи лошадей замѣнили машины, приспособленныя къ уличнымъ вагонамъ, которыя и помѣщаются въ самомъ вагонѣ; но въ Вашинг-

тогда почему-то еще медлят. Благодаря желѣзно-коннымъ дорогамъ, сообщенія въ городѣ чрезвычайно удобны; цѣна за всякое разстояніе пять центовъ (8 коп.); сверхъ того, множество omnibusовъ также снуютъ во всѣ стороны на болѣе далекія разстоянія. Поэтому своихъ лошадей держать только очень богатые люди, и когда они катаются въ чрезвычайно легкихъ американскихъ экипажахъ по гладкой асфальтовой мостовой на сытыхъ, красивыхъ коняхъ,—то любо посмотреть. При этомъ и богатые люди ѣздятъ всегда безъ кучеровъ, управляя лошадью сами. Извозчиковъ здѣсь немного, и кромѣ легкихъ, изящныхъ колясокъ, другихъ экипажей не употребляютъ, но они очень дороги, обыкновенно 50 центовъ за милю съ человѣка, или, если по часамъ, то долларъ въ часъ; за поклажу при этомъ особая плата; и такихъ извозчиковъ не болѣе ста во всемъ городѣ.

Парки разбросаны по всѣмъ частямъ города, обыкновенно окруженные красивыми чугунными рѣшетками, съ фонтанами по срединѣ, съ площадками для игры дѣтей и множествомъ деревянныхъ и чугунныхъ скамеекъ для публики. Зеленъ и растительность въ нихъ поддерживаются самымъ тщательнымъ образомъ. Въ лѣтнее время парки обыкновенно полны гуляющими и дѣтьми съ нянями и матерями.

Благодаря широкимъ улицамъ и бульварамъ, множеству парковъ и замѣчательной чистотѣ города, Вашингтонъ теперь одинъ изъ самыхъ здоровыхъ городовъ, несмотря на лѣтніе жары.

Соръ изъ домовъ и съ улицъ выносятся ежедневно и онъ идетъ на удобреніе соседнихъ огородовъ и садовъ,—такъ что по чистотѣ Вашингтонъ—лучшій городъ въ Америкѣ.

Какъ извѣстно, въ Американскомъ Союзѣ нѣтъ господствующей религіи; всякому человѣку предоставлена здѣсь полная, безграничная свобода совѣсти и религіозныхъ убѣжденій. Поэтому религіозная мысль развивается здѣсь на полномъ просторѣ и въ разныхъ формахъ. Каждое направленіе религіознаго убѣжденія, получивъ извѣстную опредѣленность, принимаетъ особое названіе, устанавливаетъ свои правила и порядки, и находитъ матеріальныя средства для своего существованія въ приношеніяхъ и жертвованіяхъ своихъ адептовъ. Но ни государство, ни городъ не имѣютъ права, по конституціи, поддерживать какое-либо религіозное учрежденіе или вѣроисповѣданіе изъ общественныхъ суммъ и средствъ.

Общее положеніе религіознаго сознанія въ Америкѣ отразилось и въ Вашингтонѣ. Здѣсь находится 132 храма, принадлежащихъ разнымъ сектамъ и религіямъ. Такъ, здѣсь находится

24 баптистскихъ церкви (10 для бѣлаго населенія и 14—для цвѣтного), 20 епископальныхъ (одна для цвѣтного народонаселенія), 8 лютеранскихъ, 44 методистскихъ (въ томъ числѣ 15 для цвѣтного населенія), 15 пресвитеріанскихъ (одна для цвѣтного народа), 11 римско-католическихъ (одна для цвѣтного населенія), 3 еврейскихъ синагоги, 1 церковь христіанская, 1 конгрегационная, 1 нѣмецкая реформатская, 1 ново-іерусалимская, 1 унитаріанская, 1 универсальная, 1 «христіанской ассоціаціи молодыхъ людей» и два дома для собраній квакеровъ, или «Общества Друзей», которое здѣсь дѣлится на двѣ секты—на гикситовъ и православныхъ (Hicksite and Orthodox), и масонскій храмъ.

Въ архитектурномъ смыслѣ всѣ эти храмы можно раздѣлить на три группы. Наибольшая часть этихъ храмовъ представляютъ собою болѣе или менѣе обширныя залы даже безъ потолка; но при этомъ внутренняя часть кровли окрашена и на ней сдѣланы или рисунки цвѣтовъ или звѣздъ, или тексты изъ библіи; обыкновенно такіе залы-храмы обнесены оградой и обсажены деревьями и цвѣтами. Но при нихъ нѣтъ никакихъ пристроекъ. Ко второй группѣ относятся храмы, устроенные въ домахъ,—въ такомъ случаѣ въ домѣ отводится большая зала для религиозныхъ надобностей; а въ прочихъ частяхъ живутъ хозяева или духовное лицо, завѣдующее сектою. Къ третьей группѣ принадлежатъ обыкновенные храмы въ готическомъ стилѣ; такихъ храмовъ немного.

Всѣ храмы въ воскресные дни, до началія богослуженія, превращаются въ школы, гдѣ дѣти Вашингтона и взрослые люди, если желаютъ, получаютъ религиозное образованіе отъ тѣхъ настоятелей, къ какой сектѣ кто принадлежитъ. Нѣкоторые, особенно усердные настоятели держатъ и ежедневныя школы; въ этомъ особенно усердно католическое духовенство. Но это—исключеніе, а не правило, потому что Вашингтонъ снабженъ свѣтскими школами обильно. Воскресные же уроки религіи такъ вошли въ нравы и обычай, что сдѣлались какъ-бы обязательными. Уроки эти обыкновенно начинаются, прерываются и заканчиваются пѣніемъ священныхъ гимновъ. Для объясненія библіи школы снабжены такими пособіями и въ такомъ обиліи, какія очень рѣдко можно видѣть въ Европѣ. Уроки обыкновенно просты, но библейская географія и хронологія преподаются съ такими подробностями нѣкоторыми законоучителями, что можно подумать, что дѣтей готовятъ въ клиръ. Воскресныя школы всѣхъ вѣроисповѣданій христіанскихъ, за исключеніемъ католическихъ, соли-

дарны между собою и издають много газетъ для руководства въ правильному веденію дѣла. Поэтому въ этихъ газетахъ, при объясненіи библіи, тщательно обходятся богословскія тонкости и сектантство, такъ чтобы каждый законоучитель могъ пользоваться этими изданіями. Такъ какъ въ школахъ религіозное обученіе воспрещено, то воскресныя школы взяли на себя это дѣло безвозмездно. Но, конечно, родители не оставляють отцовъ-учителей безъ вознагражденія.

Ни креста, ни образовъ, ни статуй нѣтъ въ этихъ церквахъ; исключеніе составляютъ только храмы католическіе; но и здѣсь огромная разница въ сравненіи съ европейскими католическими храмами. Во-первыхъ, чертей здѣсь католики въ храмахъ не изображаютъ никакъ, тогда какъ въ Европѣ они изображаются въ храмахъ въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ и формахъ, иногда смѣшныхъ, а иногда страшныхъ. Да чорта здѣсь и опасно нарисовать, потому что негры могутъ изображеніе это принять на свой счетъ. Во-вторыхъ, статуй католики здѣсь тоже имѣютъ очень немного, да и тѣ какъ-бы спрятаны или же въ видѣ украшенія; иначе американцы посмотрѣли бы на статуи въ церкви очень косо, тѣмъ болѣе, что они католиковъ вообще не долюбиваютъ. Въ-третьихъ, вмѣсто статуй, они употребляютъ картины-образы, но и то только Христа и Дѣвы-Маріи; ангеловъ, въ видѣ прелестныхъ дѣтей съ крылышками и безъ крыльевъ, тоже не изображаютъ, между тѣмъ какъ напримѣръ въ знаменитомъ храмѣ св. Петра въ Римѣ всѣ ангелы изображены въ статуяхъ даже съ мужскими атрибутами... Отцы-исендвы понимаютъ, что американцы на это посмотрѣли бы какъ на оскорбленіе ихъ религіознаго чувства. Наружность католицизма здѣсь вообще очень очищена, но сущность его, конечно, та же, что и въ Европѣ.

Во всѣхъ, безъ исключенія, храмахъ полы устланы или коврами или веревочными матами, смотри по богатству храма; во многихъ храмахъ скамьи для сидѣнья молящихся обтянуты бархатнымъ репсомъ. Вообще для молитвы все здѣсь такъ устроено комфортабельно, что самый индифферентный въ религіозномъ отношеніи можетъ съ удовольствіемъ посидѣть здѣсь часъ-два на мягкой, покойной мебели, слушая музыку и часто очаровательное пѣніе премилыхъ, молоденькихъ американскихъ лѣди и дѣвушекъ. Поэтому неудивительно, что въ воскресные дни всѣ церкви полны изящными лѣди и джентльменами. Органы есть во всѣхъ церквахъ, даже и не-католическихъ, какъ помощь для пѣнія. За немногими исключеніями всѣ храмы внутри имѣютъ

веселый видъ, но снаружи не представляютъ ничего ни привлекательнаго, ни замѣчательнаго.

Школы—честь и слава Америки, источникъ ея процвѣтанія и прогресса. Ни въ одной странѣ народное просвѣщеніе не достигло такихъ размѣровъ, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ; и ни одна страна въ мірѣ не тратитъ столько денегъ на просвѣщеніе своихъ дѣтей, какъ Америка.

Вашингтонъ въ этомъ отношеніи занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Поэтому зданія для школъ въ немъ принадлежать къ числу лучшихъ въ городѣ. Обыкновенно онѣ въ четыре этажа, съ разными входами для разныхъ половъ; классныя комнаты просторны, свѣтлы, съ патентованною американскою мебелью; украшены картами, картинами и прочими принадлежностями обученія. Наиболѣе праздничный видъ онѣ принимаютъ въ годичныя экзамены въ іюнѣ каждаго года. Въ это время воспитанники и воспитанницы являются въ школы въ своихъ парадныхъ платьяхъ, въ сопровожденіи своихъ родныхъ, друзей и знакомыхъ. Классныя комнаты убираются флагами, зеленью, букетами. Каждый изъ присутствующихъ имѣетъ также букеты цвѣтовъ; и экзамены такимъ образомъ принимаютъ семейно-позитивскій характеръ. Удачный исходъ экзамена увеличиваетъ радость сдавнаго или сдавшей присутствіемъ дорогихъ лицъ при ея или его торжествѣ; неудачный—смягчается ласкою и добродушнымъ одобреніемъ любящихъ друзей. Музыка и пѣніе—необходимыя принадлежности экзамена.

Наиболѣе красивыя зданія, посвященныя просвѣщенію—это зданія Колумбійскаго университета, университета Гауарда и Гонзага-Коледжъ. Колумбійскій университетъ основанъ баптистами; онъ занимаетъ пространство въ 40 акровъ и его недвижимая собственность оцѣнивается въ 400,000 долларовъ. Во время войны онъ былъ сдѣланъ временно госпиталемъ. Президентъ Соединенныхъ Штатовъ обыкновенно есть почетный членъ совѣта попечителей университета.

Изъ прочихъ общественныхъ зданій заслуживаютъ вниманія рынки и желѣзно-дорожныя зданія.

Главныхъ рынковъ пять въ Вашингтонѣ. Каждый изъ этихъ рынковъ представляетъ собою огромное зданіе, стѣны котораго около 8—10 саженъ вышины; внутри—это огромная зала, освѣщенная тройнымъ рядомъ оконъ съ десятью огромными дверями. Вдоль этой залы идутъ параллельными рядами мраморныя и деревянныя столы, на которыхъ нагромождены вороха разной

провизіи въ такомъ привлекательномъ видѣ, что и послѣ сытнаго обѣда можетъ явиться аппетитъ.

Благодаря обилію воды, простору и вниманію торговцевъ, рынки эти очень чисты; мясо обыкновенно заворачивается въ бѣлыя скатерти, несмотря на то, что столы очень чисты, особенно мраморные. Рынки эти достойны посѣщенія. Въ нихъ можно видѣть вашингтонскихъ лѣди-хозяекъ, которыя приходятъ сюда сами съ прислугой или безъ нея, и вмѣстѣ эти рынки даютъ возможность ознакомиться со всѣми продуктами фермъ, скотнаго и птичьяго дворовъ, породами дичи и рыбы, огородовъ и садовъ. Овощи чрезвычайно разнообразны и превосходнаго качества, особенно лукъ, картофель и томаты. Куры обыкновенной породы; индѣйки не хуже русскихъ.

Но не однѣ лѣди приходятъ сюда; нерѣдко является на рынокъ цѣлая семья: отецъ съ дѣтьми, няня, катающая ребенка въ колясочкѣ, слѣдуютъ за хозяйкой-лѣди. Особенно оживленный видъ принимаютъ рынки вечеромъ въ субботу, когда дѣлаются закупки на воскресенье. Тогда эти залы прекрасно освѣщены газомъ, полны народа—покупателей и простыхъ зрителей, и оглашаются веселымъ смѣхомъ, шутками и приглашеніями продавцевъ и продавицъ. Всѣ покупатели или вообще публика одѣта нарядно, съ веселыми лицами, такъ что все это вмѣстѣ принимаетъ пріятный, веселый, праздничный видъ. Понятно, что въ такихъ рынкахъ, куда приходятъ изящныя лѣди, не естественно допустить грязь и нечистоту; она дѣйствительно и не допускается. Въ Америкѣ женщина все облагораживаетъ; это — ея качество здѣсь. Рынки устроены на счетъ города; купцы платятъ опредѣленную таксу за мѣсто въ нихъ городу, такъ что выгодно обѣимъ сторонамъ: купцы имѣютъ прекрасное помѣщеніе на самомъ бойкомъ мѣстѣ, а городъ, украсивъ себя солидными зданіями, имѣетъ отъ нихъ постоянный доходъ. За каждымъ рынкомъ надзираютъ особые клерки отъ города. Торговля обыкновенно продолжается отъ 4-хъ часовъ до 8-ми утра; все остальное время зданія эти заперты, и только въ субботу вечеромъ дѣлается исключеніе.

Какъ замѣчено выше, Вашингтонъ управляется конгрессомъ, но исполнительная власть города состоитъ изъ градоначальника, котораго назначаетъ президентъ на два года, и изъ городскихъ старшинъ (aldermen), которые избираются населеніемъ округа. При конгрессѣ существуетъ «отдѣленіе округа Колумбіи», но всѣ текущіе дѣла ведутся въ городской думѣ. Здѣсь же помѣщаются и окружные суды—уголовный и гражданскій. Зданіе думы гра-

сиво, окружено прекраснымъ паркомъ, но поддерживается неудовлетворительно.

Къ выдающимся общественнымъ зданіямъ принадлежатъ желѣзно-дорожныя. Здѣсь находятся депо двухъ компаній—«Балтиморъ и Потомакъ» и «Балтиморъ и Огайо». Зданія эти роскошны, въ готическомъ стилѣ съ примѣсью американскаго; комнаты снабжены всѣми удобствами для пассажировъ, есть даже прекрасныя умывальники, при которыхъ для пассажировъ мыло и полотенце, обиліе воды со льдомъ и безо льда; изящный буфетъ и ресторанъ; полы мозаичныя—красивыя, прекрасно отполированныя. Скамьи, какъ и вездѣ въ Америкѣ, раздѣлены желѣзными перегородками на отдѣльныя сидѣнья, такъ что спать на нихъ въ ожиданіи отправки поѣзда, какъ это дѣлается сплошь на Руси, рѣшительно невозможно. Для курящихъ особая комната, а въ общей курить не позволено. Дамская зала совершенно отдѣлена и убрана удобною мебелью, полы покрыты коврами, какъ это обыкновенно здѣсь дѣлается для лѣди; туалетная устроена для нихъ не только комфортабельно, а роскошно.

Вашингтонъ связанъ со всѣмъ Союзомъ и служитъ передаточнымъ пунктомъ и соединеніемъ между желѣзными дорогами сѣвера, запада и юга,—поэтому движеніе здѣсь огромное; ежедневно приходитъ и отходитъ болѣе 100 поѣздовъ въ день съ обѣихъ станцій, помимо значительнаго пароходнаго движенія.

IV.

Красоту города, его истинный смыслъ и значеніе, конечно, составляютъ зданія правительства Соединенныхъ-Штатовъ.

Союзное правительство устроено по образу и по подобию правительствъ каждаго отдѣльнаго штата, т.-е. состоитъ изъ власти законодательной, исполнительной и судебной. Мѣстомъ законодательной власти, т.-е. конгресса Соединенныхъ-Штатовъ, служатъ Капитолій; поэтому намъ естественно начать съ него.

Капитолій представляетъ самый интересный предметъ не только въ Вашингтонѣ, но и во всемъ Американскомъ Союзѣ по своему историческому и политическому значенію, и по красотѣ и изяществу архитектуры его зданія.

Капитолій бросается наволно въ глаза, потому что, будучи самъ по себѣ очень высокимъ зданіемъ, онъ стоитъ на холмѣ, который командуетъ не только городомъ, но и всею окрестностью на многія мили. Мѣсто для него, какъ замѣчено выше, выбрано

было самымъ Вашингтономъ, и Гумбольдтъ нашелъ его однимъ изъ самыхъ красивыхъ, какія онъ когда-либо видѣлъ. Астрономическое его положеніе опредѣлено съ полною точностью: $38^{\circ} 55' 48''$ с. ш. и $77^{\circ} 1' 48''$ в. д. отъ Гринвича.

Заложеніе Капитолія произошло 18 сент. 1793 г. со всею роскошною обстановкой масонскаго церемоніала ¹⁾, съ многолюдною процессією и пушечною пальбою. На большой серебряной плитѣ была вычеканена слѣдующая надпись съ именами главныхъ лицъ въ церемоніи: «Этотъ юго-восточный краеугольный камень Капитолія Соединенныхъ Штатовъ Америки, въ г. Вашингтонѣ, положенъ 18 сент. 1793, въ 13 годъ американской независимости, въ первый годъ второго срока президентства Джорджа Вашингтона, котораго превосходныя качества (virtues) въ гражданскомъ управленіи страной были такъ же видны и благотворны, какъ его военное мужество и благоразуміе были полезны для ея вольностей, и въ годъ масонства 5793, — президентомъ Соединенныхъ Штатовъ, въ соучастіи Великой Ложи Мериланда, многихъ ложъ ея юрисдикціи, и Ложи № 22 отъ Александріи, въ Виргиніи». — Эта надпись сначала была прочтена во всеуслышаніе, затѣмъ раздался салютъ артиллеріи, и плита была передана президенту, который, при пособіи дѣйствующаго великаго мастера и трехъ другихъ мастеровъ масонскаго братства, положилъ плиту на краеугольный камень, и возлилъ на нее вино и масло, и посыпалъ пшеницею. Затѣмъ была прочтена молитва; великій мастеръ масонскаго братства сказалъ рѣчь, и церемонія заложенія Капитолія окончилась среди артиллерійскихъ выстрѣловъ, которые продолжались до солнечнаго заката, между тѣмъ какъ участники церемоніи приглашены были на національный банкетъ.

Послѣ этого работы начались быстро и усердно, такъ что въ 1800 г. конгрессъ могъ занять часть недоконченнаго зданія. Въ 1811 г. все зданіе было окончено, и хотя оно было значительно менѣе нынѣшняго, тѣмъ не менѣе составляло предметъ гордости и удивленія для современниковъ. Но это удовольствіе продолжалось не долго. Въ 1814 г. Капитолій былъ сожженъ англичанами. Пришлось опять строить на старомъ мѣстѣ; новый Капитолій, оконченный въ 1825 г., оказался еще лучше, и со-

¹⁾ Масонство играло и играетъ значительную роль въ Америкѣ. Вашингтонъ самъ принадлежалъ къ масонскому братству. Заложеніе всѣхъ вообще общественныхъ зданій въ Америкѣ обыкновенно совершается съ масонскими обрадами; такъ какъ масонъ значитъ каменщикъ, то естественно, что они умѣютъ цѣлесообразнѣе поставить и обставить такіа общественно-архитектурныя празднества.

временники смотрѣли на него, какъ на великое дѣло, хотя и онъ былъ вътрое менѣе нынѣшняго по объему и высотѣ. Но изъ него образовался настоящій Капитолій, который поднялся вверхъ и расширился вслѣдствіе подъема и расширенія самого Американскаго Союза. Пропорціонально росту и развитію страны увеличивалось число членовъ конгресса, умножались нужды правительства, такъ что зданіе Капитолія оказывалось недостаточнымъ и приходилось для нѣкоторыхъ вѣтвей администраціи арендовать дома частныхъ жителей, что было соединено со многими неудобствами. Поэтому въ 1850 г. конгрессъ актомъ своимъ предоставилъ президенту дополнить и расширить зданіе Капитолія въ такой мѣрѣ и согласно такому плану, какой онъ найдетъ наилучшимъ. 4-го іюля произошло новое заложеніе краеугольнаго камня, но уже не для созиданія Капитолія, а для расширенія его. Церемонія при этомъ была еще торжественнѣе, чѣмъ въ первый разъ. Памятная серебряная доска въ воспоминаніе этого событія положена была президентомъ Фильморомъ при содѣйствіи масоновъ и съ масонскими церемоніями, какъ и въ первый разъ, и содержала въ себѣ слѣдующее: «Утромъ въ первый день 76-го года независимости ¹⁾ Соединенныхъ Штатовъ Америки, въ г. Вашингтонѣ, въ 4-й день іюля 1850, этотъ камень, назначенный быть краеугольнымъ камнемъ расширенія Капитолія, согласно плану, одобренному президентомъ, во исполненіе акта конгресса, положенъ Миллардомъ Фильморомъ, президентомъ Соединенныхъ Штатовъ, при содѣйствіи великаго мастера Масонскихъ Ложъ, въ присутствіи многихъ членовъ конгресса, должностныхъ лицъ исполнительной и судебной власти Союза, штатовъ, округа, офицеровъ арміи и флота, муниципальных властей города и окрестностей, многихъ ассоціацій, гражданскихъ, военныхъ и масонскихъ, смитсоньевскаго института, профессоровъ колледжей и учителей округа Колумбіи, съ ихъ студентами и учениками, и великомъ стеченіи народа съ мѣстъ близкихъ и отдаленныхъ, включая сюда не многихъ, оставшихся въ живыхъ свидѣтелей положенія краеугольнаго камня для Капитолія при президентѣ Вашингтонѣ, 11 сент. 1793 г.

«Если поэтому будетъ воля Бога, что это зданіе падетъ съ своего основанія, такъ что его основаніе будетъ низвергнуто и этотъ памятникъ явится предъ глазами людей; — то да будетъ тогда извѣстно, что въ этотъ день Союзъ Соединенныхъ Штатовъ Америки стоитъ твердо; что ея конституція еще сохранилась въ

¹⁾ 4-е іюля, день объявленія независимости въ 1776 г., ежегодно празднуется во всей Америкѣ, какъ національный праздникъ.

чистотѣ, и съ каждымъ днемъ во всей ея благодѣтельности и славѣ становится все крѣпче въ привязанности къ ней великаго американскаго народа, и вызываетъ все болѣе удивленіе міра. И всѣ, собравшіеся здѣсь, общественные и частные люди, съ сердцами благочестиво благодарными Всемогущему Богу за сохраненіе свободы и счастья страны, соединитесь въ искреннихъ и жаркихъ молитвахъ, чтобы эта памятная плита, и стѣны, и своды, и куполы, и башни, и колонны, и энтаблатуры, имѣющія быть воздвигнутыми надъ нимъ, продолжались бы вѣчно.

«Боже, спаси Соединенные Штаты Америки».

Подписано Данииломъ Узбертомъ, государственнымъ секретаремъ Соединенныхъ Штатовъ, т.-е. министромъ иностранныхъ дѣлъ.

Это расширение Капитолія оказалось такъ велико, что прежній Капитолій весь скрылся въ новыхъ надстройкахъ и пристройкахъ, и незнакомому съ его исторіей и въ голову не придетъ, что онъ видитъ передъ собой зданіе, поглотившее въ себя другое зданіе. Настоящій Капитолій имѣетъ теперь въ длину 751 футъ, 324 фута въ ширину, и занимаетъ собою пространство въ $3\frac{1}{2}$ акра, или 153,112 кв. футовъ, т.-е. болѣе десятины. Постройка его до настоящаго времени обошлась почти въ 13 миллионъ долларовъ.

Материаломъ для его постройки сначала служилъ желтоватый песчаникъ изъ Виргиніи; пристройки сдѣланы изъ бѣлаго мрамора съ голубыми тѣнями изъ Массачузетса; мраморныя колонны въ пристройкахъ, числомъ сто, изъ Мериленда. Куполъ Капитолія — желѣзный, покрытый бѣлой краской; на вершинѣ его статуя Свободы, бронзовая фигура около 20 футовъ высоты, вѣнчаетъ все зданіе. Изящный, стройный, высокій куполъ, массивное зданіе, превосходныя мраморныя лѣстницы, роскошныя портики, огромныя колонны, статуи и барельефы, все это въ связи съ историческими воспоминаніями придаетъ Капитолію особую привлекательность, своеобразную прелесть и специфическа-художественное достоинство. Прекрасенъ Капитолій днемъ, онъ прекраснѣе утромъ, при восходѣ, и вечеромъ, при закатѣ солнца; но онъ еще прекраснѣе, поэтичнѣе, такъ-сказать волшебнѣе при лунномъ освѣщеніи, когда вы любуетесь имъ и окружающею картиною одиноко, а городской шумъ мало-по-малу замираетъ. Въ это время цѣлые часы могутъ пройти среди думъ и мирнаго, успокоивающаго чувства, которыя невольно охватываютъ всю вашу душу, уносить вдаль назадъ, въ мрачное время прошлаго, и впередъ, въ полное радостныхъ надеждъ будущее.

Настоящее — основа будущаго; но настоящее здѣсь въ Америкѣ, несмотря на многія отрицательныя стороны, настолько полно живыхъ силъ, прекрасныхъ задатковъ будущаго, здоровыхъ началъ, что оно, это американское настоящее, даетъ вамъ исходный пунктъ, точку опоры и масштабъ для оцѣнки прошлаго и надеждъ въ будущемъ. — Базилика Петра въ Римѣ и внутри и снаружи гораздо величавѣе Капитолія; но... но не тотъ рядъ идей внушаетъ вамъ она; тамъ вы видите паденіе язычества и древняго міра, возникновеніе и ростъ новой силы, которая дала роскошнымъ формамъ языческаго культа христіанскую окраску и евангельскій колоритъ. И вы видите въ самомъ храмѣ Петра это сочетаніе язычества съ христіанствомъ. Далѣе, вы видите языческаго pontifex maximus, превратившагося въ непогрѣшимаго папу, припоминаете средніе вѣка, пытки, костры, инквизицію, іезуитовъ и общую тенденцію придавить жизнь, задавить мысль и притупить чувства людей — для чего? во имя чего? Ничто подобное не можетъ придти въ голову при созерцаніи Капитолія. Смотри на него, вы читаете одну изъ самыхъ отрадныхъ страницъ изъ многовѣковой исторіи человѣчества.

Все, даже украшенія Капитолія, переносятъ васъ именно въ другую, новый міръ.

Противъ фасовой восточной части Капитолія стоитъ колоссальная статуя Вашингтона. Вашингтонъ представленъ здѣсь въ сидячемъ положеніи, на креслѣ, съ обнаженною головою и верхнею частью до пояса. Художникъ далъ ему величавую позу, въ родѣ Юпитера. Въ лѣвой его рукѣ мечъ, въ ножнахъ, а правая указываетъ на небо. Вкругомъ символическія фигуры и — надписи: «Первый въ войнѣ — первый въ мирѣ — первый въ сердцахъ своихъ согражданъ» ¹⁾. Одна эта статуя и эта надпись скажутъ болѣе отраднаго и укажутъ лучшее будущее, чѣмъ многовѣковая исторія Ватикана, Тюльери, Лувра и т. п.

Противъ этой статуи Вашингтона, на восточной сторонѣ Капитолія, находится площадка въ центрѣ зданія снаружи, окруженная мраморными колоннами и статуями «Открытие» и «Заселеніе Страны». Это — портикъ, на которомъ каждый президентъ

¹⁾ „First in war—first in peace—first in the hearts of his countrymen“ — эта удачная характеристика Вашингтона въ краткихъ словахъ была произнесена правителемъ Вириніи, Генрихомъ Ли (Lee), и съ тѣхъ поръ вошла во всеобщее употребленіе. Статуя Вашингтона, прекрасная по исполненію, сдѣлана въ Италіи, по заказу конгресса, художникомъ Horatio Greenough. На ней надпись гласитъ: „Simulacrum istud ad magnum Libertatis exemplum, nec sine ipsa duraturum. Horatio Greenough faciebat.“

Соединенныхъ Штатовъ, вновь избранный, посвящается въ это званіе, даетъ клятву свято блюсти законы и быть вѣрнымъ слугою народа и читаетъ свою вступительную декларацію, программу своей будущей дѣятельности, предъ лицомъ многотысячнаго собранія народа, послѣ чего рѣчь эта путемъ печати идетъ во всѣ концы Союза.

На фронтонѣ этого портика находится прелестная барельефная фигура; она изображаетъ Генія Америки, въ видѣ женщины, вѣнчанной звѣздою; она держитъ въ правой рукѣ щитъ съ буквами U. S. A. (т.-е. United States of America), окруженный славой; щитъ покоится на алтарѣ, гдѣ лежитъ вѣнецъ съ надписью: «July 4, 1776». Сзади ея копье и орелъ у ея ногъ. Она смотритъ на Надежду, которая стоитъ съ ея лѣвой стороны, и направляетъ ея вниманіе на Справедливость, у которой въ правой рукѣ свитокъ съ надписью: «Constitution of the United States», а въ лѣвой—вѣсы.

На сѣверномъ портикѣ замѣчательна художественная группа, представляющая прогрессъ цивилизаціи въ Соединенныхъ Штатахъ. Америка въ видѣ прекрасной, могучей женщины, стоитъ въ центрѣ группы. Направо отъ нея «Война», «Торговля», «Юность» и «Воспитаніе»; налево — «Дровосѣкъ-піонеръ», «Охотникъ», «Индіецъ съ женою», у которой на рукахъ ребенокъ, сидящій у свѣжей могилы.

Прочія наружныя украшенія имѣютъ своими сюжетами событія изъ эпохи открытія Америки Колумбомъ, борьбы съ индійцами и разные моменты изъ новой цивилизаціи. Сюжеты вообще очень характерны, выбраны обдуманно и выполнены прекрасно итальянскими, нѣмецкими и американскими художниками.

Центръ Капитолія — ротонда, огромная, высокая, круглая зала, 97 футовъ въ діаметрѣ, 300 футовъ въ окружности и 180 футовъ вышины. Трудно отыскать и въ Европѣ такую простую и вмѣстѣ чрезвычайно пріятную и грандіозную залу, какъ эта. Она не имѣетъ никакого офіціального назначенія и служитъ украшеніемъ Капитолія. Днемъ она освѣщена тройнымъ ноемсомъ огромныхъ оконъ, а вечеромъ освѣщается газомъ. Посѣтители Капитолія обыкновенно проводятъ здѣсь много времени. Во время сессіи конгресса мѣстные жители приходятъ вечерами сюда просто прогуляться, посидѣть, поговорить, почитать газету, выкурить сигару. Дѣти играютъ и бѣгаютъ здѣсь, какъ дома у себя. Подметается она очень часто, потому что посѣтители набрасываютъ много сора. Но главную привлекательность имѣютъ

зѣсь картины изъ исторіи Америки: Первое вступленіе Колумба на американскій материкъ; Открытіе Миссиссипи въ 1541 г. Де-Сотомъ (De Soto); Крещеніе Покагонты (индіанки, дочери вождя индійскаго, вышедшей замужъ за бѣлаго); высадка Пилигримовъ, отцовъ Новой Англіи; объявленіе независимости, 1776 (съ точнымъ изображеніемъ залы и лицъ, участвовавшихъ въ этомъ великомъ актѣ); сдача генерала Бергоина; сдача лорда Корнваллиса союзной арміи; сложеніе съ себя власти главнокомандующаго союзной арміей Вашингтономъ. Кромѣ картинъ, залу эту украшаютъ прекрасные барельефы, изображающіе событія изъ борьбы переселенцевъ съ индійцами. Но особенно интересна картина на потолкѣ этой залы, именно въ томъ мѣстѣ подъ куполомъ, гдѣ въ нашихъ храмахъ обыкновенно изображаютъ Господа Саваоа съ ангелами и святыми. У американцевъ все не по нашему; форму нашихъ русскихъ храмовъ съ куполами они усвоили общественнымъ зданіямъ—городскимъ думамъ, почтамъ, школамъ и т. п., такъ что непривычный въ американскимъ порядкамъ спрашиваетъ, напр., въ Балтиморѣ, глядя на прекрасное зданіе, лучшее въ городѣ, въ формѣ нашего храма, «что это за церковь?» и къ удивленію получаетъ отвѣтъ, что это не церковь, а городская дума (City Hall). Капитолій по формѣ тоже очень похожъ на итальянскій или русскій храмъ; онъ дѣйствительно храмъ, только не религіозный, а политическій. Итакъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ у насъ рисуютъ Всевидящее Око или Троицу,—вы видите изображеніе Вашингтона во всей славѣ и величіи, окруженнаго яркими цвѣтовъ облаками. Съ правой его стороны богиня Свободы держитъ передъ нимъ свертокъ, а съ лѣвой — Слава и Побѣда. Передъ этими фигурами въ формѣ полукруга 13 дѣвушекъ съ соединенными руками представляютъ 13 первыхъ штатовъ; они держатъ роскошно-украшенную яркими цвѣтами широкую ленту, на которой надпись гласитъ «E Pluribus Unum» (изъ многихъ одно). Эти фигуры украшены главными произведеніями каждаго изъ 13-ти штатовъ. Это все образуетъ центръ въ картинѣ купола залы. Около центра зѣсь находится шесть мастерски выполненныхъ группъ, а именно: 1-я группа—Война. Зѣсь Свобода съ обнаженнымъ мечомъ убиваетъ Тиранию и Угнетеніе; ей помогаетъ орелъ; враги Свободы поражены страхомъ и бѣгутъ отъ ея лица; съ ними вмѣстѣ убѣгаютъ Глѣвъ, Мщеніе и Несогласіе. 2-я группа — Земледѣліе. Въ центрѣ сидитъ Церера, богиня жатвы, и держитъ въ лѣвой рукѣ рогъ изобилія. Америка, вѣнчанная короною свободы, ѣдетъ на гордыхъ коняхъ въ со-

провожденіи двухъ дюжихъ земледѣльцевъ. Помона съ корзинною плодовою, Флора и пр. 3-я группа — Механика: Вулканъ, окруженный артиллерійскими орудіями и разными механическими изобрѣтеніями. 4-я группа — Торговля. 5-я группа — Флотъ. Афродита, или Венера, до пояса вышедшая изъ воды, держитъ въ рукѣ Атлантическій кабель (телеграфическій канатъ), который данъ ей крылатымъ херувимомъ, и желаетъ погрузиться въ воду. Удивленный Нептунъ, вынырнувъ изъ воды, смотритъ на эту сцену.

6-я группа — Науки и Искусства: Минерва, которую со вниманіемъ слушаютъ Беніаминъ Франклинъ, Робертъ Фултонъ и Морсе (изобрѣтатель телеграфа) и группа мальчиковъ, слушающихъ учителя, съ удивленными глазами и въ выразительныхъ позахъ.

Вся эта картина покрываетъ собою весь потолокъ купола, т.-е. пространство въ 4664 кв. фута.

Зала палаты представителей стараго Капитолія обращена теперь въ залу для статуй и бюстовъ государственныхъ людей Америки. Зала эта имѣетъ форму древняго греческаго театра, онаясана рядомъ мраморныхъ колоннъ и украшена фресками. Изъ статуй по работѣ замѣчательны: статуя Вашингтона, работы знаменитаго Гудона, бюстъ Костюшко, работы Моховскаго, и статуя Линкольна, работы миссъ Римъ (Ream). Кромѣ статуй здѣсь есть нѣсколько портретовъ.

Библіотека конгресса помѣщается въ двухъ прекрасныхъ залахъ, построенныхъ изъ желѣза и огнеупорныхъ плитъ. Библіотека эта возникла въ 1800 году; въ 1814 г. сожжена англичанами вмѣстѣ съ Капитоліемъ. Въ слѣдующемъ году конгрессъ купилъ частную бібліотеку Джефферсона за 24,000 долларовъ, лучшую въ странѣ. Съ тѣхъ поръ бібліотека постоянно растетъ; по отчету бібліотекаря въ 1876 году въ ней было до 300 тысячъ томовъ и 60 тысячъ брошюръ. Она назначена собственно для членовъ конгресса, но вмѣстѣ съ тѣмъ доступна для публики не моложе 16 лѣтъ съ правомъ — пользоваться книгами только въ самой бібліотекѣ; но на домъ книги выдаются только членамъ конгресса. Между читающей публикой всегда можно встрѣтить не мало женщинъ, а также черныхъ джентльменовъ и черныхъ лѣди, что представляется очень страннымъ на первый разъ. Библіотека сама особенно замѣчательна тѣмъ, что въ ней находится самое полное собраніе официальныхъ документовъ всей страны и всего, что на какомъ-либо языкѣ писано и печатано объ Америкѣ. Въ этомъ отношеніи она незамѣнима для

историка, географа, политико-эконома и т. п., желающихъ имѣть вѣрные и многостороннія свѣдѣнія о странѣ. Кромѣ того, авторъ конгресса въ 1867 г. всѣ издатели и авторы обязаны, подъ угрозою 25 долларовъ штрафа, доставлять одинъ экземпляръ каждой книги или изданія въ эту бібліотеку и одинъ—въ Смитсонъскій институтъ.

Зала засѣданія сената Соединенныхъ-Штатовъ представляетъ собою великолѣпное помѣщеніе въ 112 ф. длины, 82 ф. ширины и 30 ф. вышины. Потолокъ устроенъ изъ желѣза и украшенъ изящною рѣзьбою по дереву; зала освѣщается сверху сквозъ матовыя стекла въ потолокъ, и днемъ и вечеромъ, во время засѣданія сената. Стѣны украшены живописью; вверху зала опоясана галлереею для публики, которая можетъ видѣть отсюда очень удобно сенаторовъ и все производство дѣлъ и слышать ихъ рѣчи. Мѣсто надъ кресломъ президента сената назначено для репортеровъ прессы; остальная часть галлерей раздѣлена на отдѣленія—особое для лѣди и особое для мужчинъ. Въ галлерей можетъ помѣститься до 1000 человекъ очень удобно; на всѣхъ скамьяхъ для публики находятся репсовыя подушки. За исключеніемъ секретныхъ засѣданій сената, входъ для публики безпрепятственный, конечно, съ соблюденіемъ полной тишины. Поэтому на галлерей вы видите и изящно одѣтыхъ лѣди и джентльменовъ, и рабочаго негра въ грязной рубахѣ, которую онъ не имѣлъ времени переѣмнить, идя съ работы, и ребятяшекъ всякихъ возрастовъ. Отъ публики требуется полная тишина и порядокъ, иначе попросятъ оставить галерею.

Кресло президента сената стоитъ у стѣны на возвышеніи; поодаль отъ него полукругами расположены кресла сенаторовъ со столиками передъ каждымъ кресломъ для письма. Полукруги идутъ отъ президента возвышаясь постепенно на полъ-фута. Около президента помѣщаются стенографы и секретарь сената. Сзади сенаторскихъ креселъ для удобства сенаторовъ находятся мягкіе диваны и кушетки. Входъ сюда публикѣ воспрещенъ, и только разрѣшается высшимъ officialнымъ лицамъ,—о чемъ публика извѣщается вывѣшенными около сената печатными правилами.

Около сената находятся: почта сената, пріемная дамская комната, комнаты президента и вице-президента Соединенныхъ-Штатовъ. Всѣ эти комнаты убраны со всею комфортабельною роскошью покойною, изящною мебелью, дорогими коврами, историческими статуями и картинами. Фресковая живопись покрываетъ даже коридоры около сената; свѣта и воздуха вездѣ много. Сенатъ

со всѣми приспособленіями къ нему находится въ сѣверной части Капитолія.

На южной сторонѣ находится зала палаты представителей (House of Representatives), въ общемъ планѣ одинакова съ залой сената. Спикеръ палаты занимаетъ мѣсто у южной стѣны; поодаль отъ него полукругами кресла депутатовъ, съ письменнымъ столикомъ передъ каждымъ кресломъ. По обѣимъ сторонамъ спикера находятся портреты Вашингтона и Лафайета; почти напротивъ его огромная карта Соединенныхъ-Штатовъ съ самыми мелкими подробностями географіи, статистики, этнографіи, метеорологіи страны. Ковры покрываютъ полы, какъ и въ сенатѣ, и также свади депутатскихъ мѣстъ находится для отдыха рядъ дивановъ. Галерея для публики устроена одинаково съ галереею сената, но съ тою разницею, что здѣсь нѣтъ перегородки для дамъ и мужчинъ, поэтому люди сидятъ здѣсь вмѣстѣ съ мужчинами; особыя отдѣленія назначены для представителей прессы и для дипломатовъ. Галерея можетъ помѣстить до 1200 человекъ публики. Зала эта, какъ и сенатъ, прекрасно освѣщается сверху, что очень удобно для глазъ, и неизбежно, потому что обѣ залы помѣщаются внутри Капитолія и окружены корридорами и рядомъ официальныхъ комнатъ, такъ что здѣсь не было бы возможности пропустить свѣтъ сквозъ окна. Поэтому обѣ залы — сенатская и депутатовъ — оконъ вовсе не имѣютъ, а только двери. Свѣтъ, постоянно ровный и обильный, проводится сквозъ матовыя стекла потолка посредствомъ подвижныхъ металлическихъ пластинокъ, которыя расположены на подобіе венеціанскихъ сторъ и помѣщены подъ солнечною стороною крыши сената и палаты депутатовъ. Для вечерняго освѣщенія аналогическимъ образомъ расположены 1500 газовыхъ рожковъ, на разстояніи одного дюйма другъ отъ друга, и зажигаются всѣ почти одновременно посредствомъ электричества, для чего въ каждому рожку устроены проволоочные приводы.

Около залы палаты представителей, также какъ и около сената, находится множество разныхъ комнатъ для официальныхъ нуждъ палаты, между которыми по убранству отличаются комната спикера, т.е. президента палаты, и пріемная дамская. Послѣдняя отдѣлана такъ же роскошно удобною мебелью, коврами, фресками, какъ и въ сенатѣ. Люди, желающіи видѣть кого-либо изъ членовъ конгресса, приходятъ въ эту комнату и отсюда посылаютъ свои карточки, послѣ чего вскорѣ является желаемый депутатъ (congressman).

При палатѣ представителей, также какъ и при сенатѣ, есть

свои особые почта, телеграфъ и даже свои особые рестораны, очень дорогіе и очень лакомые.

Въ нижнемъ этажѣ Капитолія достойны вниманія: гробница Вашингтона, переплетная конгресса и машина для вентиляции и нагрѣванія зданія.

1832-й годъ былъ столѣтнимъ со дня рожденія Вашингтона. Конгрессъ, желая почтить память «отца Американскаго Союза», приготовилъ въ стѣнахъ Капитолія гробницу и заказалъ статую Вашингтона, чтобы поставить ее надъ гробницею въ центрѣ ротонды. Но когда въ день столѣтней годовщины конгрессъ сдѣлалъ предложеніе родственникамъ Вашингтона относительно перенесенія праха Вашингтона въ Капитолій, то встрѣтилъ оппозицію не только со стороны родственниковъ, но и со стороны Виргиніи (гора Вёрнонъ, гдѣ умеръ и погребенъ Вашингтонъ, находится въ Виргиніи). Конгрессъ долженъ былъ уступить; статуя послѣ этого была поставлена внѣ Капитолія, а гробница остается пустою и понынѣ.

22 комнаты назначены для храненія, унавоки и отправленія на почту официальныхъ документовъ, исходящихъ изъ палаты представителей. Этимъ отдѣленіемъ завѣдуетъ особый суперинтендентъ, обязанность котораго заключается въ томъ, чтобы получать, регистрировать и хранить разныя публікаціи и циркуляры палаты. Рѣчи членовъ конгресса, послѣ ихъ произнесенія и напечатанія, получаютъ здѣсь изъ правительственной типографіи и отсюда отправляются на почту. Много отсюда расходится важнаго и полезнаго по Союзу, но много также и бесполезнаго и неважнаго. Груды книгъ, брошюръ, документовъ совсѣмъ готовыхъ для почты ждутъ своей очереди, чтобы замѣниться немедленно новыми грудями.

Капитолій занимаетъ большое пространство, имѣетъ множество комнатъ, корридоровъ, залъ и пр. Поэтому естественной вентиляции для многихъ его частей было бы недостаточно. Въ холодное время отопленіе его представляло бы огромныя трудности и требовало бы большихъ издержекъ. Все это обойдено въ Капитоліи; во всѣхъ своихъ частяхъ онъ прекрасно вентилированъ и въ зимнее время имѣетъ вездѣ ровную, теплую температуру. Достигнуто это искусственно, посредствомъ машинъ, работа которыхъ производится въ нижнемъ этажѣ Капитолія — подъ сенатомъ съ одной, и подъ палатою представителей съ другой стороны.

Идя по корридору нижняго этажа вы встрѣчаете надпись: «входъ въ нагрѣвающий и вентилирующий аппаратъ». Едва отворивъ дверь, вы здѣсь встрѣчаете сильный токъ воздуха. Спу-

спускаться по каменнымъ ступенькамъ, вы входите въ узкій, блѣднокрасный проходъ, освѣщенный газомъ и ведущій къ массивнымъ желѣзнымъ дверямъ, которыя тщательно заперты на замокъ. Желѣзныя трубы проходятъ здѣсь въ разныхъ направленіяхъ надъ головою. Глубокая тишина царитъ здѣсь, прерываемая только монотоннымъ движеніемъ машинъ. Идя по направленію къ этому звуку, вы встрѣчаете въ концѣ прохода двухъ человѣкъ, сидящихъ въ покойныхъ креслахъ. Здѣсь на каждой сторонѣ прохода дверь и надъ головою перепутанные ряды желѣзныхъ трубъ. Люди эти — инженеры-помощники, наблюдающіе за ходомъ машинъ. Они, какъ видно, свое дѣло знаютъ хорошо, любезно и внимательно показываютъ желающимъ весь ходъ дѣла и устройство машинъ, понимая очень хорошо, что ихъ подвальная механика интересна не менѣе другихъ частей Капитолія.

На правой и на лѣвой сторонѣ прохода находится по комнатѣ, въ которыхъ находится по небольшой машинѣ на полу, нѣсколько пониженномъ сравнительно съ общимъ уровнемъ. Цилиндры поставлены вертикально и снабжаются паромъ изъ котловъ, которые устроены въ комнатѣ горновъ. Они работаютъ съ жужжаніемъ, но движенія поршней почти не слышны, благодаря обилію масла. Эти машины поворачиваютъ большія колеса съ вѣрами, одно изъ нихъ 18 футовъ, а другое 24 въ діаметрѣ; посѣтители допускаются въ вѣерочную комнату, но они изъ нея поспѣшно выходятъ, вслѣдствіе чрезвычайно сильнаго движенія воздуха отъ быстрыхъ вращеній вѣра. Противъ машинъ находится огромные кадн въ родѣ комнатъ, содержащія въ себѣ цѣлыя мѣли согнутыхъ желѣзныхъ трубокъ. Паръ, производимый въ котлахъ, вгоняется въ эти трубки, и такимъ образомъ достигается извѣстная, ровная степень теплоты. Посредствомъ вѣеровъ токъ свѣжаго воздуха вгоняется въ эти кадн-комнаты съ трубками, и, приходя въ соприкосновеніе съ ними, самъ нагревается до требуемой степени. Затѣмъ другія трубки ведутъ его въ разные части зданія, такъ какъ вгоняющій вѣеръ достаточно силенъ для того, чтобы прогнать этотъ воздухъ въ самыя высокія части зданія. Горны и котлы для производства пара помѣщены подъ сводами внизу машинъ. Своды эти могли бы становиться нестерпимо горячими отъ постоянного дѣйствія пара. Чтобы предотвратить это нагреваніе, здѣсь устроенъ остроумный приборъ, при содѣйствіи котораго подъ сводами постоянно проходитъ свѣжій токъ воздуха.

Въ лѣтнее время дѣйствіе пара прекращается и прохлада въ

зданіи выѣстъ съ его вентиляціею доставляется одними вѣерами. Результаты этой системы вентиляціи чувствуются во всемъ зданіи Капитолія. Здѣсь нѣтъ ни одного мѣста, несмотря на его огромность, гдѣ бы чувствовался гнилой или затхлый запахъ.

Всѣ части механизма содержатся въ замѣчательной чистотѣ и опрятности. Машины блестятъ какъ отполированное золото или серебро. Такихъ механизмовъ, какъ замѣчено, два въ Капитоліи, совершенно одинаковаго устройства.

Зданіе Капитолія во многихъ частяхъ украшено фресковою живописью. Обыкновенно стѣны передъ входною лѣстницею съ одного этажа на другой расписаны фресками; всѣ они хорошей работы, но не представляютъ чего-либо выдающагося по сюжету и выполнению. Исключеніе составляетъ большая картина Лейтце подъ названіемъ: «Westward the Course of Empire takes its Way».

Картина рисована аль-фреско, но цвѣта ея нѣжныѣ и жизненныѣ, чѣмъ обыкновенно бывають произведенія этого рода. Поверхность картины груба и шероховата, но все произведеніе сдѣлано такою мастерскою рукою, что кажется видишь передъ собою живую дѣйствительность.

Сцена представляетъ эмигрантскій обозъ, переѣзжающій Скалистыя горы. Эмигранты достигли вершины края, съ котораго отрывается передъ ними дивный видъ на Западъ. Между эмигрантами, какъ обыкновенно, находятся мужчины, женщины и дѣти. Обозъ состоитъ изъ нѣсколькихъ большихъ телѣгъ, или, вѣрнѣе, вагоновъ и лошадей. Лица эмигрантовъ выражаютъ различные чувства, которыми переполнены ихъ сердца и умы; при видѣ величественной картины предъ ихъ глазами, нѣкоторые фізіономіи полны силы, жизни и мужества, и надежда, такъ-сказать, искрится въ каждой чертѣ; между тѣмъ какъ другіа выражаютъ утомленіе, болѣзнь и даже отчаяніе. Обозъ остановленъ на своемъ пути стволонъ высокаго дерева, которое, упавши, загородило дорогу. Два человека, подъ руководствомъ вѣжда партіи, который сидитъ верхомъ на лошади, приготовляются топорами рубить дерево. Другіе два вскарабкались на вершину соотвѣднаго скалистаго утеса и утвердили тамъ знамя республики, которое видится тордо развѣвающимся на высокомъ шестѣ. Впереди стоитъ мужественный юноша съ ружьемъ, крѣпко сжатимъ въ рукахъ, и пристально смотритъ на обѣтованную землю съ надеждою и увѣренностью на лицѣ. Его сестра, энергичная какъ и онъ, сидитъ возлѣ матери на кожѣ буйвола, съ лицомъ, полнымъ вѣры и надежды. Лицо матери выражаетъ грусть и терпѣніе. Она хорошо

знаетъ, какія лишенія и тревоги, какой тяжкій трудъ ожидаютъ ихъ на новосельѣ, въ пустынной, дикой странѣ; но она силится поддѣлаться подъ тонъ своихъ дѣтей, какъ-бы раздѣляя ихъ энтузіазмъ и надежды. Она крѣпко прижала младенца къ своей груди, и слушаетъ рѣчь своего мужа, который, стоя возлѣ нея, указываетъ ей новую страну, гдѣ они устроятъ себѣ новое гнѣздо и домъ. Лицо ея невыразимо прекрасно. Вся картина богато и тепло освѣщена лучами восходящаго солнца, и представляетъ всю сцену въ волшебномъ живою видѣ. Это сюжетъ вполне американскій, потому что эмиграція и иммиграція такъ же свойственна Америкѣ, какъ неподвижность и домохозяйство Европѣ и вообще Старому Свѣту.

Живопись на картинѣ этой *стереохромическая* и потому долговѣчная. Стѣна, назначенная для картины, была предварительно покрыта смѣсью изъ чистаго кварцоваго песку съ малымъ количествомъ извести. Послѣ этого она была тщательно выглажена и вымыта растворомъ изъ кремнезема, соды, поташа и воды. Во время рисованія живописецъ, наложивъ извѣстнымъ образомъ краски, немедленно смачиваетъ ихъ дистиллированою водою посредствомъ впрыскиванія. По отдѣлѣ части картины, она моется растворомъ кремнезема, и такъ до окончанія картины. Въ законченной такимъ образомъ картинѣ краски закрѣплены кремнеземомъ и потому картина дѣлается твердою и долговѣчною, какъ камень. Лейтце получилъ за свой трудъ 20,000 долларовъ отъ правительства.

При обзорѣ Капитолія нельзя обойти молчаніемъ бронзовую дверь главнаго входа въ Капитолій, именно въ ротонду; эта дверь представляетъ собою единственное произведеніе искусства въ этомъ родѣ. Рисунокъ и модель этой двери сдѣланы были американскимъ художникомъ, Роджерсомъ, въ Римѣ, 1858 г., затѣмъ дверь отлита въ Мюнхенѣ на королевской литейной Мюллеромъ въ 1861 г. Вѣсъ этой двери 20,000 фунтовъ (америк. фунтъ равенъ почти $1\frac{1}{4}$ русск. фунту), ея стоимость 30,000 долларовъ. Она имѣетъ 17 фут. высоты и 9 ширины; двустворчатая. Вся она—краткая исторія открытія Америки. Вершина двери украшена эмблемами завоеванія и мореплаванія, головою Колумба и американскимъ орломъ съ распростертыми крыльями, и эмблемами Европы, Азіи, Африки и Америки. Далѣе слѣдуютъ 10 головъ тѣхъ лицъ, которые составили наилучшія описанія путешествій Колумба, заканчивая Ирвингомъ и Прескоттомъ, и 16 статуэтокъ наиболее выдающихся современниковъ Колумба, открывавшихъ или принимавшихъ участіе въ открытіи разныхъ

странъ Америки. Кромѣ этихъ фигуръ здѣсь отлиты еще нѣсколько историческихъ группъ, изображающихъ разныя сцены изъ біографіи Колумба ¹⁾.

Современники, какъ извѣстно, плохо отблагодарили великаго челоуѣка; страна, открытая имъ, получила не его имя. Потомки стараются поправлять неправду предковъ. Въ Южной-Америкѣ одна республика носить его имя: «Колумбія»; въ американскомъ Союзѣ его имя носитъ общая собственность Союза — округъ «Колумбія», со столицею Вашингтономъ, такъ что здѣсь соединены два дорогія для американцевъ имени. Сверхъ этого, въ Союзѣ много учебныхъ заведеній носить имя Колумба.

Капитолій, хотя находится и въ центрѣ города, тѣмъ не менѣе стоитъ совершенно изолированно; близъ него нѣтъ ни одного зданія; вся эта огромная площадь занята паркомъ. Въ паркѣ, по извѣстному плану, рассажены деревья, которыя въ настоящее время даютъ много тѣни. Затѣмъ между деревьями оставлены пустыя пространства въ формѣ треугольниковъ и параллелограммовъ разной величины. Эти пространства, вмѣсто клумбъ съ цвѣтами и всякой другой растительности, покрыты *зеленью*. Но такой дивной, изумрудной зелени, какая около Капитолія, и въ такомъ огромномъ количествѣ едва ли гдѣ возможно встрѣтить, и она придаетъ великое очарованіе парку и всей этой мѣстности.

Около Капитолія кругомъ оставлены широкія пространства для прохода и ѣзды и площадь предъ главнымъ входомъ; всѣ эти пространства вымощены гранитомъ, плитнякомъ и асфальтомъ не только удобно и изящно, а роскошно; мѣстами пѣшеходныя дорожки выложены плитами мозаически, по рисунку. Площадь украшена вышеупомянутою статуею Вашингтона, мраморными огромными вазами, роскошной, дорогой отдѣлки огромными фонарями и бассейномъ съ золотыми рыбами. Входы Капитолійскаго холма также обработаны красиво и удобно. Словомъ, этотъ паркъ служить прекраснымъ дополненіемъ къ Капитолію и его украшениямъ.

Для *надзора* за зданіемъ президентъ Соединенныхъ-Штатовъ назначаетъ особаго смотрителя, на отвѣтственности котораго на-

¹⁾ Колумбъ умеръ въ Вальядолидѣ, 20 мая 1506 г., на 70-мъ году. Останки его сначала были погребены здѣсь, въ 1513 г. перенесены въ Севилью; въ 1586 г. перевезены изъ Испаніи въ Сентъ-Доминго; въ 1797 г. снова перенесены отсюда въ Кубу и погребены въ кафедральномъ соборѣ, въ Гаванѣ. Соединенные-Штаты очень желаютъ перенести ихъ въ Вашингтонъ, но кубанцы едва ли уступятъ иначе, какъ присоединившись къ Союзу.

ходится цѣлость зданія, порядковъ, чистота въ немъ и въ паркѣ. Судя по Капитолію и парку, надо думать, что этотъ постъ занимають люди очень умные и дѣльные. Смотрителю помогаютъ въ надворѣ разные клерки и особая полиція Капитолія, которая не имѣетъ ничего общаго съ городскою полиціею и ограничивается однимъ Капитоліемъ. Составъ этой полиціи своеобразенъ, а именно — каждый штатъ присылаетъ отъ себя одного полицмена для этой цѣли, такъ что эти полицмены въ нѣкоторомъ смыслѣ — представители Союза; управляетъ ими капитанъ и лейтенантъ; между ними не мало ветерановъ; ко всѣмъ безъ различія посѣтителямъ Капитолія они относятся внимательно и вѣжливо; показываютъ, объясняютъ, водятъ по зданію; особенно ихъ услуги незамѣнимы для дамъ, которыя, благодаря имъ, находятъ въ всякихъ непріятностей и могутъ гулять по Капитолію безъ опасенія быть обманутыми негодяями, которые навязываются посѣтителямъ и иногда обворовываютъ ихъ.

V.

Капитолій назначенъ служить мѣстомъ засѣданій конгресса, а конгрессъ представляетъ собою высшую законодательную власть въ Союзѣ. Конгрессъ такъ относится къ Соединеннымъ-Штатамъ, какъ легислатура къ отдѣльному штату. Составъ и характеръ конгресса также аналогиченъ составу и характеру легислатуры каждаго штата въ отдѣльности. Легислатура штата состоитъ изъ двухъ законодательныхъ корпорацій — сената и палаты депутатовъ, собирающихся въ опредѣленное время въ столицѣ штата и отправляющихъ законодательную власть въ Капитоліи штата. Конгрессъ также состоитъ изъ двухъ законодательныхъ корпорацій — сената и палаты представителей, которые въ опредѣленное закономъ время обязательно являются въ столицу союза, Вашингтонъ, и держатъ свои законодательныя сессіи въ Капитоліѣ.

Чтобы выяснитъ политическое значеніе конгресса въ Союзѣ, представляемъ здѣсь общій очеркъ правъ и обязанностей легислатуръ отдѣльныхъ штатовъ и конгресса Соединенныхъ-Штатовъ. Безъ этого разграниченія значеніе конгресса представляется неяснымъ. Каждый штатъ имѣетъ полное самоуправленіе въ дѣлахъ своей внутренней жизни и дѣятельности — и, вполне независимый отъ другихъ штатовъ, въ своемъ законодательствѣ онъ долженъ сообразоваться съ требованіями общей конституціи для всѣхъ штатовъ.

Такимъ образомъ, къ своимъ предѣлахъ правительство каждаго штата облечено властью охранять жизнь и собственность своихъ гражданъ; смотрѣть за порядкомъ и принимать разные полицейскія мѣры; судить преступниковъ, наказывать ихъ по своимъ законамъ, заключать въ свои тюрьмы; заключать контракты и понуждать къ ихъ исполненію; устанавливать законы и правила относительно приобрѣтенія, владѣнія, продажи или передачи собственности и по всѣмъ общественнымъ вопросамъ, какъ воспитаніе и обученіе, пауперизмъ, бракъ, семейныя и домашнія отношенія; наслѣдство, духовныя завѣщанія; устроить дороги и мосты; давать разрѣшенія на устройство желѣзныхъ дорогъ и каналовъ; дѣлать оцѣнки имущества, облагать ихъ извѣстнымъ налогомъ и собирать эти налоги для разныхъ потребностей управленія внутри территоріи штата.

Что же остается послѣ этого правительству, общему для всего союза?—Очень многое и важное, а именно:

Не имѣя ни права, ни власти вмѣшиваться во внутреннія дѣла отдѣльных штатовъ, центральное правительство облечено законною властью дѣлать налоги для общихъ правительственныхъ потребностей; учреждать почты и почтовые тракты, получать, отправлять и раздавать всѣ предметы, пересылаемые по почтѣ; устанавливать правила для заграничной торговли, и для торговли и водяныхъ сообщеній между отдѣльными штатами; въ случаѣ внѣшней войны или волненій въ какомъ-либо штатѣ, употреблять военную силу и располагать ею въ мирное время; дѣлать займы внѣшніе и внутренніе; устанавливать общія правила для натурализаціи иностранцевъ и однообразные законы относительно банкротствъ; обеспечивать права авторовъ на ихъ произведенія и выдавать патенты изобрѣтателямъ; чеканить монету; регулировать ходячую монету (сиггенсу); утверждать единицы мѣръ и вѣса; наказывать извѣстныя, исчисленныя закономъ преступленія и всѣ нарушенія законовъ общаго, союзаго правительства; имѣть свои суды для опредѣленія законности своихъ постановленій, т.-е. конституціонны ли они, и для востановленія нарушенной справедливости между гражданами различныхъ штатовъ въ немногихъ, исчисленныхъ закономъ случаяхъ. Сверхъ этого, на обязанности союзаго правительства лежитъ полный контроль международныхъ сношеній и отношеній.

Такой объемъ и кругъ дѣятельности союзаго правительства, и конгрессъ, какъ высшая законодательная власть въ странѣ, занимаетъ здѣсь первенствующее значеніе. Выработанные конгрессомъ законы приводятся въ исполненіе исполнительною властью,

причемъ судебная власть слѣдитъ за тѣмъ, чтобы та и другая власть дѣйствовали согласно органическимъ законамъ страны, т.-е. конституціи Соединенныхъ-Штатовъ. Согласно требованіямъ конституціи, конгрессъ обязанъ быть въ сессіи, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ въ годъ, начиная съ перваго понедѣльника въ ноябрѣ. Сессія конгресса по закону окончивается въ 12 часовъ дня 4-го марта. Если послѣ этого срока конгрессъ продолжаетъ свои работы, то это называется второю сессіею конгресса. Для рѣшенія важныхъ, безотлагательныхъ вопросовъ, возникающихъ во время отсутствія конгресса, президентъ можетъ созывать сессіи чрезвычайныя. Для того, чтобы постановленія конгресса имѣли законную силу, требуется присутствіе *большинства* членовъ какъ въ сенатѣ, такъ и въ палатѣ представителей. Та и другая корпорація по своему усмотрѣнію могутъ отсрочивать свои засѣданія, но не болѣе какъ на три дня; для болѣе продолжительныхъ отсрочекъ нужно согласіе обѣихъ палатъ. Вступая въ отправленіе своихъ обязанностей, всѣ члены конгресса даютъ клятву поддерживать конституцію, и во все время своей службы въ качествѣ членовъ конгресса они не подлежатъ аресту, за исключеніемъ, впрочемъ, случаевъ измѣны и мошенничества.

Сенатъ состоитъ изъ двухъ сенаторовъ отъ cadaго штата, несмотря при этомъ ни на число жителей, ни на пространство штата, потому что сенатъ не представляетъ *народа*, а именно самыя штаты, какъ политическія тѣла съ извѣстными правами и прерогативами. Поэтому сенаторы избираются въ конгрессъ не народомъ штата, а *леислатурами* cadaго штата, которыя при этомъ не просятъ избраннаго въ сенаторы дѣйствовать такъ или иначе, а даютъ прямыя инструкціи и требованія, которыя сенаторъ нравственно обязанъ поддерживать и проводить въ конгрессѣ.

Чтобы быть избраннымъ въ сенаторы требуется возрастъ не ниже 30-ти лѣтъ; иностранцы же могутъ быть избраны въ сенаторы только въ такомъ случаѣ, если они были гражданами Союза не менѣе 9-ти лѣтъ ¹⁾. Сенаторы избираются на шесть лѣтъ, причемъ чрезъ каждые два года сенатъ обновляется свѣжими

¹⁾ Иностранцы, чтобы быть гражданами Соединенныхъ-Штатовъ, во всемъ равными съ природными, должны прожить въ Союзѣ 5 лѣтъ; по истеченіи этого срока, они получаютъ документъ на полное право гражданства въ Союзѣ. Такъ какъ сенаторство требуетъ 9 лѣтъ гражданства въ Союзѣ, то натурализованный гражданинъ получаетъ право быть избраннымъ въ сенатъ конгресса не ранѣе, какъ яребитъ въ Союзѣ 14 лѣтъ.

членами на одну треть,—одна треть выходитъ, а вмѣсто ея новая треть членовъ входитъ.

Вице-президентъ Соединенныхъ-Штатовъ есть вмѣстѣ президентъ сената, но безъ права голоса въ немъ, и получаетъ право голоса только при равенствѣ сенаторскихъ голосовъ; въ такомъ случаѣ его голосъ становится рѣшающимъ. На случай законнаго отсутствія вице-президента, сенатъ избираетъ президента pro tempore. Въ случаяхъ преданія суду президента или кого-либо изъ высшихъ правительственныхъ лицъ, сенатъ превращается въ судебное учрежденіе и въ немъ тогда предсѣдательствуетъ верховный судья (chief justice).

Сенатъ облеченъ властью не только законодательною вмѣстѣ съ палатою представителей, но въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ обстоятельствахъ властью исполнительною и судебною. Исполнительная власть сената является при назначеніяхъ на высшія государственныя должности и при заключеніи договоровъ съ иностранными державами. Эта власть исполнительная, потому что здѣсь сенатъ дѣйствуетъ не по своему почину, а по предположеніямъ и рекомендаціямъ президента. Президентъ избираетъ и назначаетъ лицъ на должности министровъ (секретарей), посланниковъ, консуловъ, судей верховнаго совѣта и прочихъ должностныхъ лицъ, указанныхъ закономъ; но всѣ эти назначенія предварительно посылаются президентомъ на обсужденіе сената и получаютъ силу только въ случаѣ согласія сената. Если сенатъ не одобритъ назначеній, президентъ долженъ или представить новыхъ лицъ, или оставить прежнихъ на своихъ мѣстахъ.

Договоры международныя также рассматриваются въ сенатѣ и получаютъ силу только съ его одобренія. При разсмотрѣніи назначеній на должности и обсужденіи трактатовъ засѣданія сената происходятъ секретно, т.-е. въ это время не допускаются на галерею ни представители печати, ни публика.

Сенату предоставлено также право суда, по рѣшенію палаты представителей, надъ оффиціальными лицами, виновными въ нарушеніи законовъ. Но при этомъ, хотя бы вся палата представителей рѣшила единогласно, преданіе суду можетъ состояться только тогда, если двѣ трети сената согласны на это.

Ни одинъ сенаторъ, равно какъ и члены палаты представителей, не могутъ занимать никакой должности въ администраціи во время отправленія своихъ законодательныхъ обязанностей и не могутъ увеличивать свое жалованье въ періодъ своего участія въ конгрессѣ. Если же такое увеличеніе сдѣлано, то имъ будутъ пользоваться новизбранные члены. Въ настоящее время сенаторы

и представители получаютъ въ годъ каждый 5,000 долларовъ. Президентъ сената и президентъ палаты представителей (спикеръ, speaker) по 10,000 долларовъ ¹⁾.

Изъ очерка правъ и обязанностей сената очевидно, что его значеніе въ общемъ управленіи страной чрезвычайно важно и отвѣственно; поэтому въ сенаторы обыкновенно избираются люди пожилые, испытанные, заявившіе себя не только какъ дѣятельные, умные граждане, но какъ знакомые съ нуждами страны и государственнаго управленія. Званіе сенатора пользуется большимъ всеобщимъ почетомъ во всей странѣ, и поэтому, послѣ званія президента, составляетъ предметъ честолюбивыхъ исканій. Но достигнуть его весьма не легко: надо сдѣлать себя извѣстнымъ съ хорошей стороны въ своемъ штатѣ, приобрести въ немъ популярность, заявить свои государственныя способности, имѣть опредѣленную программу своихъ дѣйствій и политическій символъ вѣры, надо быть избраннымъ въ легислатуру или въ администрацію или судебную палату своего штата, произнести сотни рѣчей, уклониться и защититься отъ стрѣлъ и нападеній противной партіи, потратить не мало денегъ во время избирательной борьбы, и только послѣ всѣхъ этихъ тревогъ и бурь политической жизни получается сенаторское кресло въ Капитоліи. Разсматривая біографіи сенаторовъ, ихъ *curriculum vitae*, вы находите, что большая часть сенаторовъ, по окончаніи курса въ колледжѣ, университетѣ, школахъ профессиональных и среднихъ, обыкновенно начинали свою карьеру въ званіи учителей общественныхъ школъ,—другіе съ подмастерьевъ на фабрикахъ и заводахъ, приказчиковъ при магазинахъ и т. п. Затѣмъ измѣняли свои занятія, дѣлаясь адвокатами, купцами, содержателями отелей, баньерами, или судьями, почтмейстерами, мелкими чиновниками въ мѣстной администраціи, журналистами. Затѣмъ избирались въ мѣстную легислатуру, гдѣ обыкновенно представ-

¹⁾ Въ началѣ, въ 1789 году, жалованье было законодателямъ 6 долларовъ въ день, и на путевыя издержки по 6 долларовъ на каждые 20 миль (30 верстъ) въ оба конца. Это жалованье увеличивалось постепенно по мѣрѣ процвѣтанія Союза. Всѣ члены англійскаго парламента служатъ изъ чести, безъ жалованья. Сенаторы французскаго парламента получаютъ по 10,000 франковъ (2,000 долл.), а депутаты по 7,000 франковъ (1,400 долл.). Вопросъ о безвозмездномъ служебномъ членствѣ въ парламентѣ дебатировался повсюду, но, за исключеніемъ Англіи, вездѣ законодателямъ получаютъ жалованье изъ госуд. казначейства—съ цѣлью дать возможность приличнаго существованія, въ качествѣ члена парламента, и людямъ небогатымъ. Въ Англіи парламентъ состоитъ, главнымъ образомъ, изъ лордовъ, банкировъ, фабрикантовъ и т. п. богатей, которые лишены жалованья хотѣя понимать войти въ парламентъ людямъ небогатымъ.

ляется наибольшая возможность приобрести извѣстность, заявить свои способности, и затѣмъ уже быть избраннымъ въ сенатъ Соединенныхъ-Штатовъ.

Посѣтитель Капитолія во время сессіи естественно будетъ заинтересованъ увидѣть вполнѣ гласное, открытое и для всѣхъ безъ исключенія доступное производство законодательныхъ работъ въ обѣихъ вѣтвяхъ законодательной власти. Посѣтивъ сенатъ и палату представителей, иностранецъ невольно поражается контрастомъ между этими учреждениями при производствѣ дѣлъ. Палата депутатовъ для непривычнаго глаза и уха представляетъ что-то беспорядочное, хаотическое; разговоръ и переговоры членовъ, хожденіе между креслами, бѣготня пажей-секретарей и прочее въ этомъ родѣ не даютъ возможности понять, въ чемъ дѣло, о чемъ идетъ рѣчь, кто говоритъ и кому говорить, — такъ что этотъ порядокъ вещей въ палатѣ просто ошеломляетъ. Совсѣмъ другую картину представляютъ засѣданія сената; производство дѣлъ совершается повойно и съ достоинствомъ; ни шума, ни громкихъ разговоровъ, ни переходовъ съ одного мѣста на другое здѣсь не видно и не слышно. Сенаторы сидятъ въ своихъ креслахъ и или пишутъ, читаютъ или слѣдятъ за чтеніемъ секретаря сената. Если кто изъ сенаторовъ говоритъ, то рѣчь его ясно слышна и даетъ возможность понять, въ чемъ дѣло.

Думается, что сенаторы такъ покойны частію потому, что почти всѣ они люди очень пожилые, съ болѣе или менѣе почтенными лысыми; частію потому, что своимъ поведеніемъ важнымъ и солиднымъ хотятъ поддержать свое достоинство, а частію и потому, что ихъ положеніе, сравнительно съ депутатами, болѣе солидно и прочно и при этомъ не имѣетъ прямого отношенія къ народу и его жизни и дѣятельности. Сенаторъ очень хорошо знаетъ, что онъ избранъ въ законодателя на 6 лѣтъ, а не на два года, какъ депутатъ; что онъ дастъ отчетъ легислатурѣ, а не народу. А это большая разница. Сенатъ есть до нѣкоторой степени учрежденіе аристократическое, удаленное отъ народа; и въ настоящее время возникаютъ новыя партіи, которыя считаютъ существованіе сената не только излишнимъ, а вреднымъ тормазомъ для правильнаго хода народной жизни. Такого же мнѣнія держится большинство французовъ относительно своего сената.

Въ сенатѣ Соединенныхъ-Штатовъ, въ былое время борьбы партій изъ-за рабовладѣнія, случались иногда сцены возмутительнаго характера, но такіе случаи были рѣдки, и вообще сенатъ служилъ примѣромъ приличныхъ отношеній, при всемъ

различіи взглядовъ. Вглядываясь въ черты лицъ, вы видите передъ собою людей съ умомъ, увѣренностью въ себя и твердою волею; черты лица большею частью рѣзки, выразительны и симпатичны. Одѣты всѣ въ черные сюртуки, немногіе старики въ пальто; держатъ себя такъ же, какъ люди одинаковаго положенія во всей Европѣ. Но при этомъ достойно замѣчанія: вы не видите между ними ни одной надменной, наглой физиономіи съ презрительнымъ выраженіемъ лица, какъ это сплошь и рядомъ бываетъ въ азіатскихъ и полуазіатскихъ государствахъ. Сенаторы всѣ безъ исключенія и внутри и вѣхъ сената держатъ себя серьезно, ровно, безъ надменности и высокомерія; доступъ къ нимъ *по дѣлу* не представляетъ никакого затрудненія.

Передъ началомъ засѣданія корридоры и галлерей постепенно наполняются посѣтителями, а зала — сенаторами; спустя нѣсколько минутъ является президентъ сената (т.-е. вице-президентъ Соединенныхъ-Штатовъ), котораго немедленно окружаютъ нѣсколько сенаторовъ; поговоривъ съ нимъ нѣсколько минутъ, онъ отправляется на свое предсѣдательское мѣсто, ударяетъ молоткомъ (деревяннымъ) по мраморной доскѣ своего стола и призываетъ этимъ знакомъ сенатъ къ порядку, сенаторы немедленно прекращаютъ разговоры и каждый идетъ къ своему мѣсту; послѣ краткой молитвы ¹⁾, очередныя занятія начинаются чтеніемъ журнала предшествовавшаго засѣданія. Дѣлъ въ сенатѣ всегда много и самаго разнороднаго содержанія. Очередь вопросовъ обыкновенно составляется заранее, и печатный экземпляръ *ordre du jour* находится у каждаго сенатора.

Но было бы заблужденіемъ думать, что всѣ сенаторы внимательно слѣдятъ за ходомъ дѣлъ; далеко нѣтъ: дѣятельное участіе обыкновенно принимаютъ предсѣдатель, секретарь и только нѣкоторые изъ сенаторовъ. Большинство ихъ, сидя въ своихъ креслахъ, или пишутъ, или читаютъ газеты, или вполголоса разговариваютъ; а нѣкоторые (немногіе — два, три) покойно лежатъ на диванахъ, отдыхаютъ. Секретарь читаетъ громко все, что ему поручается для чтенія, ораторы (изъ сенаторовъ же) тоже, когда говорятъ, то говорятъ очень громко; но большин-

¹⁾ Въ Америкѣ нѣтъ господствующей религіи; между тѣмъ, всѣ общественныя занятія, торжества начинаются съ молитвою. Во Франціи сама конституція требуетъ, чтобы, напр., предъ началомъ сессіи была месса для членовъ парламента, и либеральные члены этимъ очень недовольны, а пресса подвергаетъ этотъ пунктъ своей конституціи насмѣшкамъ. Здѣсь же конституція не говоритъ о молитвѣ ни слова, даже слова Богъ въ ней не отицены, а между тѣмъ народъ добровольно молится, каждый по своей совѣсти и своимъ убѣжденіямъ.

ство сенаторовъ такъ погружено въ свои занятія, что когда по извѣстному вопросу требуется вотировать: да или нѣтъ, то бывають случаи, что и при этомъ онъ не слышитъ своей фамиліи, наконецъ, какъ-бы очнувшись, подаетъ свой голосъ по требуемому вопросу. И только въ крайне важныхъ и интересныхъ случаяхъ всѣ сенаторы принимаютъ живое участіе.

Но это равнодушіе только кажущееся; причина его въ томъ, что всѣ очередныя дѣла предварительно разсматриваются въ разныхъ специальныхъ комиссіяхъ сената, гдѣ они готовятся специалистами исполнѣ и уже готовы предлагаются сенату. Для публики поэтому данный вопросъ можетъ казаться и новъ и интересенъ; но для сенаторовъ, которые просидѣли надъ его рѣшеніемъ не одинъ вечеръ и изучили вдоль и поперекъ, онъ представляется дѣломъ рѣшеннымъ, и у каждого сложился извѣстный отвѣтъ относительно его. Кромѣ того, все, что производится въ сенатѣ, говорится или читается, на другой день печатается и раздается всѣмъ сенаторамъ; слѣдовательно, серьезный вопросъ по извѣстной спеціальности, напр., относящійся къ арміи, флоту и т. п., онъ можетъ прочесть дома и придти въ извѣстному рѣшенію, потолковавъ съ специалистами.

Очень оригинальную черту въ засѣданіяхъ сената и палаты депутатовъ представляетъ собою *пажи* сенаторовъ и депутатовъ. На официальном языкѣ они называются ихъ домашними секретарями. Это болѣею часть дѣти или родственники членовъ конгресса, мальчики отъ 10 до 14 лѣтъ; всѣ они очень деликатной симпатичной наружности; просто, но чисто одѣты. Обязанность ихъ—быть на посылахъ въ залъ сената и палаты депутатовъ во время засѣданій. Они передають книги, бумаги и проч. отъ одного члена другому; исполняютъ разныя порученія относительно посѣтителей, желающихъ видѣть какого-либо сенатора или депутата и т. п. Лица ихъ свѣжи, веселы, движенія развязны и въ конгрессѣ они находятся, какъ у себя дома, и съ великимъ вниманіемъ и усердіемъ слѣдятъ за движеніями и желаніями своихъ патроновъ. Напр., если кто-либо изъ сенаторовъ говоритъ и начинаетъ приходить въ возбужденное состояніе, догадливый мальчуганъ мгновенно сбѣгаетъ въ сосѣдную комнату и затѣмъ является со стаканомъ холодной воды и ставитъ его на столикъ предъ ораторомъ, который его немедленно и осушаетъ. Парламентскіе обычаи они знаютъ до тонкости и бывають полезны иногда своими напоминаніями членамъ конгресса. Если членъ конгресса желаетъ позвать пажа, то онъ хлопаетъ руками такъ громко, что это раздается по всей залѣ,

послѣ чего является немедленно пажъ, какъ листъ передъ травой, получаетъ извѣстное приказаніе и мгновенно удаляется для его выполненія. Эти хлопанья иностранецъ сначала принимаетъ за аплодисменты, но замѣтнѣе потомъ, что эти аплодисменты продолжаются, когда и никто не говоритъ, онъ приходитъ въ недоумѣніе или просто приписываетъ это баловству американцевъ. И только долго послѣ смекаетъ въ чемъ дѣло.

Галлерей для публики такъ удобно и хорошо устроены, что, сидя въ нихъ, видишь и слышишь все, что дѣлается и говорится передъ глазами внизу. Нѣкоторые зрители запасаются чертежами, въ которыхъ указаны мѣста всѣхъ сенаторовъ съ обозначеніемъ ихъ именъ и штатовъ. Сенаторы въ рѣчахъ, если нужно упомянуть кого-либо изъ сочленовъ, всегда прибавляютъ титулъ сенатора и штатъ, напр.: сенаторъ отъ Огайо Шерманъ, сенаторъ отъ Нью-Йорка Канклингъ и т. д.

Вскв. Миропольскій.

П О Л О С А

О Ч Е Р К Ъ

Посвящается памяти Василя Алексѣевича Слѣпцова.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Небольшая комната — приемная знаменитого врача-психіатра — была полна народу. Время, назначенное для обычнаго приема больныхъ, давно пришло къ концу. Внизу швейцару отдано было приказаніе: не принимать новыхъ посѣтителей. Наверху, докторскій лакей, провожая въ передней каждаго вновь освободившагося паціента, каждый разъ съ недовольнымъ видомъ заглядывалъ въ дверь гостиной, какъ-бы пересчитывая остающихся больныхъ и удивляясь и негодуя, что ихъ все еще остается такъ много.

На самомъ дѣлѣ ихъ было меньше, нежели могло бы показаться по первому взгляду. Большею частію больные были не одни, а съ провожаемыми, съ однимъ или даже съ двумя. Знаменитый докторъ былъ специалистъ по душевнымъ болѣзнямъ и большинство его больныхъ были — душевно-больные.

Общій видъ приемной представлялъ нѣкоторыя особенности въ сравненіи съ приемными комнатами другихъ докторовъ: въ комнатахъ было очень тихо. Не слышно было разспросовъ о болѣзняхъ и разговоровъ, которые обыкновенно такъ легко и охотно заводятся между больными въ ожиданіи приема. Каждый старался,

напротивъ, помѣститься какъ можно подалѣе отъ сосѣдей, насколько это позволяла небольшая, тѣсно-меблированная комната, и изъ своего угла украдкой оглядывать другихъ любопытнымъ и въ то же время почти враждебнымъ, недоувѣрчивымъ взглядомъ, какъ-бы ожидая, что вотъ-вотъ случится что-нибудь, кто-нибудь не выдержитъ, закричитъ не своимъ голосомъ или разразится припадкомъ.

Но все было тихо.

Ирѣдка только раздавались нетерпѣливыя восклицанія: кто-нибудь требовалъ воды или сердился на долгое ожиданіе.

У окна, на низкомъ табуретѣ, полузакрытая цѣпами въ ладкахъ, молодая женщина, вся красная подъ чертой съ мушками вуалью, нервно теребила пальцы снятой перчатки. Двое мужчинъ стояли надъ ней и, наклонясь, сдержаннымъ шопотомъ о чемъ-то просили и въ чемъ-то видимо убѣждали ее. Она упорно и молча отрицательно трясла головой.

Въ углу комнаты, самомъ дальнемъ отъ дверей докторскаго кабинета, одиноко сидѣлъ больной—молодой человѣкъ. Онъ пришелъ поутру равнѣе другихъ, но нѣсколько разъ уступилъ свою очередь: одинъ разъ дамѣ, которой сейчасъ должно было сдѣлаться дурно; другой разъ господину, прѣхавшему въ сопровожденіи своего доктора; третій, четвертый разъ кому-то еще... Ему уже и не сказали, на какомъ основаніи и по какой причинѣ. Его просто попросили подождать и уступить—и онъ уступилъ, и наконецъ отошелъ въ сторону для того, чтобы его больше не просили и чтобы больше не уступать, не произносить вслухъ своего согласія, потому что—отказывать онъ не могъ. Всѣ, повидимому, нашли это вполне естественнымъ, какъ будто такъ оно и должно было быть, и оставленное мѣсто было тотчасъ же занято.

Молодой человѣкъ былъ одинъ, безъ провожатыхъ. Вѣрный видъ его рѣзко выдѣлялся среди остальной публики. Онъ былъ дурно одѣтъ: старый, нескладный спортукъ сидѣлъ хомутомъ на худой шеѣ и худыхъ и сутулыхъ плечахъ; дурно вымытое бѣлье узкимъ краемъ выглядывало въ рукавахъ и вокругъ ворота; когда онъ садился, нечищенные голенища сапогъ выставлялись изъ-подъ слишкомъ короткихъ брюкъ. Онъ былъ высокъ ростомъ и бѣлокуръ. Прямые, старательно причесанные напередѣ волосы на маленькой головѣ падали сзади низко на воротникъ; на губахъ не было еще и признака бороды или усовъ. Болѣзненно-истомленное, молодое лицо въ мелкихъ и частыхъ желтоватыхъ веснушкахъ смотрѣло попеременно сосредоточенно задумчивымъ

и тревожнымъ взглядомъ. Онъ часто жмурилъ глаза и то-и-дѣло вертѣлъ и хрустѣлъ тонкими пальцами на костлявыхъ, съ тонкой кожей, но некрасивыхъ по формѣ, рукахъ.

Перебравшись съ своего перваго мѣста у дверей кабинета черезъ всю комнату, осторожно обходя разставленные кресла и стулья подъ перекрестными взглядами любопытныхъ и недружелюбныхъ глазъ, молодой человѣкъ, наконецъ, удобно устроился въ углу, въ крайнемъ креслѣ, загороженномъ другой мебелью. Мѣсто было уютное. Онъ облокотился на мягкую ручку кресла, прислонился головой къ обоямъ и почувствовалъ, что отдыхаетъ послѣ сидѣнья на юру, на стулѣ, на виду у всей залы. Черезъ нѣсколько минутъ онъ ниже опустилъ голову и, казалось, сталъ дремать. Изрѣдка только при звукѣ растворявшихся дверей, онъ поднималъ на минуту слабые, свѣтлые глаза и снова скоро опускалъ ихъ, и тихонько кашлялъ себѣ въ руку короткимъ и сухимъ кашлемъ.

Пріемъ шелъ своимъ чередомъ. Больные—мужчины и дамы—входили и выходили отъ доктора. Комната пустѣла. Стало еще тише. Въ тишинѣ, изъ-подъ двойныхъ спущенныхъ портьеръ надъ дверями кабинета стали слышны голоса разговаривавшихъ. Можно было уловить тонъ голосовъ; онъ становился съ каждой минутой—все отрывистѣй и рѣзче. Послышались, наконецъ, отдѣльные, совсѣмъ уже внятные восклицанія:

— Да помилуйте, докторъ!..

— Невозможно-съ, сударыня, невозможно-съ!..

Портьера широко распахнулась; въ ней показалась фигура доктора и дама въ богатомъ туалетѣ, съ очень оживленнымъ выраженіемъ въ полномъ, въ эту минуту сильно-румяномъ лицѣ.

Однимъ быстрымъ взглядомъ окинувъ и оцѣнивъ публику, дама, казалось, мгновенно сообразила, что стѣснять себя ею нечего и, прежде чѣмъ докторъ успѣлъ сдѣлать какое-нибудь движеніе, пригласить новаго пациента или уйти назадъ въ кабинетъ,—она круто повернулась на мѣстѣ, загородила доктору дорогу, схватила его за рукавъ сюртука и заговорила поспѣшно, продолжая прежній, очевидно противъ воли прерванный, разговоръ.

— Позвольте, докторъ... это ужасно! Одну минуту... Я прошу у васъ только одну минуту! Вы оставляете меня въ такой неизвѣстности... Вы не сказали мнѣ...

— Я сказалъ все, что могъ, сударыня, все, что могъ,—повторилъ докторъ настойчиво и убѣдительно, не глядя на даму, взглядывая на карманные часы, обводя глазами приемную

и видимо ниско не стараясь скрыть своего сильного нетерпѣнія.

Дама сдѣлала маленькое, успокоительное движеніе рукой, еще разъ притрогиваясь перчаткой до рукава докторскаго сюртука.

— Вы сказали, чего мы не должны дѣлать... Но, докторъ, что же намъ дѣлать? Какъ быть? Въ нашихъ семейныхъ обстоятельствахъ (она понизила тонъ), заграничное путешествіе мнѣ кажется всего приличнѣе...

— Больной нуженъ покой!

— Но заграничное путешествіе... — Она наклонила свой полный, необыкновенно высокій ставъ, пригнулась близко крупнымъ, краснымъ лицомъ въ уровень къ докторскому лицу и что-то звучно и оживленно зашептала ему.

— Абсолютный покой!.. — отрѣзалъ докторъ, отелоняясь и не дослушивая, и громко на всю комнату.

Дама также слегка подвинулась отъ него и на этотъ разъ тоже возвысила голосъ.

— Но заграничное путешествіе помогаетъ, это ужъ извѣстно... — снова начала она.

Терпѣніе доктора, очевидно, пришло къ концу. Онъ невѣжливо и поспѣшно высвободилъ изъ пальцевъ перчатки рукавъ своего сюртука, сдѣлалъ по направленію къ паціентамъ безмолвно пригласительный жестъ и захлопнулъ за собой дверь.

Дама умолкла на полу-словѣ и на мгновеніе притихла, видимо озадаченная неожиданнымъ исходомъ дѣла. Въ комнатѣ задвигали стульями. Она тотчасъ же оправилась, презрительно усмѣхнулась по направленію къ докторскому кабинету, величественно повела бахромой на плечахъ и медленно поплыла къ дверямъ, опирая на ходу подъ подбородкомъ бантъ въ движеніи головы приглашая кого-то слѣдовать за собой. Цѣлая свита поднялась вслѣдъ за ней. Комната разомъ опустѣла. Въ ней остались только женщина неопредѣленныхъ лѣтъ и блѣдный молодой человѣкъ.

Онъ сдѣлалъ-было движеніе изъ своего угла, но его еще разъ предупредили.

Барыня въ минуту очутилась у дверей. Онъ покорно опустился на стулъ, однако не выдержалъ и черезъ минуту снова всталъ и вышелъ на середину комнаты.

Комната была пуста. Всѣ ушли. На стулѣ валялся забытый рецептъ. Подлѣ цвѣтовъ на полу лежала перчатка, свѣжая и маленькая, очевидно съ женской руки. Въ воздухѣ стоялъ раз-

дражающій запахъ пыли, каминнаго угля и какаго-то сладкихъ духовъ. Въ большія окна большими, бѣлыми хлопьями шлепалъ, залѣпляя стекла, морозный и липкій снѣгъ.

Молодому человѣку было не по себѣ. Нѣсколько часовъ напряженнаго ожиданія сказывались страшной усталостью. Какъ будто хотѣлось спать и какое-то странное, горячее ощущеніе, похожее на жаръ отъ простуды, волной поднималось по шеѣ къ головѣ и разливалось по лицу. Онъ стоялъ неподвижно на мѣстѣ, не дойдя нѣсколькихъ шаговъ до дверей кабинета и, зажмурившись, немного вытянувъ шею, словно прислушиваясь къ чему-нибудь, тискалъ другъ обѣ дружку свои худые, необыкновенно длинные пальцы и тихонько хрустѣлъ ими, стараясь всѣми мѣрами сдерживать, противъ воли овладѣвавшее имъ, волненіе. На этотъ разъ ждать пришлось недолго. Не прошло и десяти минутъ, какъ дверь растворилась и пациентка выпла изъ нея торопливой походкой, съ нѣсколько смущеннымъ и недовольнымъ выраженіемъ лица. Молодому человѣку не пришлось разглядѣть этого выраженія. Онъ почти не успѣлъ опомниться. Оттуда-то появившійся, сердитый лакей пронесъ впереди его, сказалъ ему: «пожалуйте-съ» и отперъ передъ нимъ, скрытую въ портьерѣ, дверь. Онъ вздрогнулъ какъ отъ неожиданности, торопливымъ и растеряннымъ движеніемъ провелъ ладонями по поламъ скотруза, оправляя его, и вошелъ.

Въ кабинетѣ, на каминѣ, въ углу часы были пять. Никогда еще за всю зиму пріемъ у доктора не затягивался до этого времени. Весна, конецъ февраля давали себя чувствовать обиліемъ больныхъ. Обычный порядокъ дня былъ нарушенъ; время было потеряно; обѣдъ дожидался... Послѣ обѣда доктору предстоялъ еще консилиумъ, обязательный вечерній визитъ къ высокопоставленному лицу и вечерняя срочная работа для публичной благотворительной лекціи...

Докторъ, уже немолодой человѣкъ худощаваго сложенія и небольшого роста, стоялъ, повернувшись лицомъ къ входной двери у письменнаго стола и нервно выстукивалъ по столу миниатюрнымъ инструментикомъ, который вертѣлъ въ рукѣ. Онъ былъ видимо утомленъ. Широкое, почти четырехъ-угольное лицо его блѣдно-темнаго цвѣта, съ отвислыми щеками на огромной, по росту, головѣ было мрачно. Шесть часовъ занятій почти безъ роздыха, разговоровъ съ пациентами и пациентками давали себя чувствовать. Доктору хотѣлось ѣсть, хотѣлось курить; но больше всего хотѣлось бы лечь, лежать и молчать. На минуту мелькнула въ головѣ мысль: поступить противъ обычнаго, разъ заве-

деннаго правила, отказать этому послѣднему пациенту; выпроводить его, сказать, чтобы побывать на недѣль, въ другой разъ...

Но было поздно. Дверь щелкнула; портьера вдругъ пошевелилась. Докторъ съ нетерпѣливымъ озлобленіемъ оглядывать входившаго человѣка, какъ нарочно медлившаго у дверей, неужко путавшагося ногами въ длинныхъ полотнищахъ снущенныхъ, двойныхъ портьеръ. Увеличивавшіяся сумерки не помѣшали доктору привычнымъ взглядомъ рассмотреть сразу фигуру, костюмъ и всю наружность вошедшаго. Онъ сдѣлалъ два шага на встрѣчу ему, остановился, не доходя его и не приглашая его сѣсть, и спросилъ:

— Что скажете?

— Я боленъ, господинъ докторъ.

— Ну, да, это несомѣнно, безъ этого вы, конечно, не пришли бы сюда! Чѣмъ страдаете?

Молодой человѣкъ раскрылъ было ротъ, но тотчасъ же снова закрыть его и крѣпко зажмурилъ глаза. Очевидно, это была у него постоянная и давняя привычка — закрывать глаза во всякъ сколько-нибудь необыкновенныхъ и затруднительныхъ обстоятельствахъ. Затрудненіе представлялось на этотъ разъ въ видѣ натегорическаго и въ такой неожиданной формѣ предложеннаго докторомъ — вопроса: «чѣмъ страдаете?»... Столько разъ передъ этимъ, въ продолженіе столькихъ дней, готовилъ онъ себя къ этому вопросу, предлагалъ его самъ себѣ; столько разъ придумывалъ самъ для себя самые обстоятельные и превосходные по точности и ясности отвѣты на него, и даже съ большой живостью воображалъ себѣ — какъ именно, въ какой формѣ, какими словами спросить его докторъ и какъ, какими словами онъ отвѣтитъ, расскажетъ все дѣло доктору... — и вдругъ теперь совсѣмъ не зналъ что сказать.

«Чѣмъ страдаете?! Чѣмъ страдаете?!»... бессмысленно и въ то же время съ страшной ясностью, и громко, почти оглушая его, звучалъ и повторялся у него въ ушахъ этотъ простой, ошеломившій его теперь, вопросъ.

II.

Чѣмъ онъ страдаетъ? Какъ-будто можно было это назвать, сказать однимъ словомъ! Необходимо было длинное объясненіе, цѣлый рассказъ. Онъ не зналъ, съ чего именно, съ какого обстоятельства начать. А начать говорить что-нибудь было необ-

ходимо—и какъ можно поскорѣй, потому что докторъ устремилъ на него мрачный, нетерпѣливо-выжидательный взглядъ, который волновалъ и понуждалъ его и который онъ чувствовалъ на себѣ, несмотря на зажмуренные глаза.

— Я-съ... я... страдаю обмираніями, господинъ докторъ, — проговорилъ онъ, наконецъ, и съ нѣкоторымъ облегченіемъ поднималъ голову.

— Чѣмъ? — переспросилъ докторъ.

— Обмираніями-съ.

— Вы хотите сказать: обмороками, головокруженіями?

— Да-съ, и голова кружится. Сперва голова закружится, а тамъ...

Онъ снова запнулся и замолчалъ, видимо, смущаясь и не находя словъ; но на этотъ разъ не закрылъ глаза, а безпокойно оглянулся вокругъ себя. Смущало все: неловкое положеніе, неудобная поза посреди комнаты, непривычная обстановка — видъ большого, *по ученому*, парадно, съ книгами, машинами и бюстами, убраннаго кабинета... А пуще всего — видъ самого доктора, чужого, совсѣмъ неизвѣстнаго, но явно недоброжелательнаго человѣка, нисколько не стѣснѣвавшагося выказывать по отношенію въ нему свою недоброжелательность, которую (молодой человѣкъ невольно сознавалъ это) онъ до сихъ поръ ничѣмъ еще не вызвалъ и не заслужилъ.

— Ну-съ, вы говорите... — нетерпѣливо провознесъ докторъ, нервно переворачивая маленькій инструментъ въ маленькихъ, сухощавыхъ рукахъ.

— Я не знаю, нужно ли мнѣ это говорить вамъ, господинъ докторъ...

— Я полагаю, что нужно, — затѣмъ вы и пришли сюда, — проговорилъ докторъ строго и почти насмѣшливо, и тотчасъ же прибавилъ: — что вы желаете сказать?

Молодой человѣкъ стиснулъ жидкіе пальцы и тяжело вздохнулъ.

— Я собственно, господинъ докторъ, не то хотѣлъ сказать. Обмираніе — это конечно-съ... Только, я думаю, это не главная моя болѣзнь. Главная моя болѣзнь... Я такъ думаю, что это — болѣзнь... мнѣ говорили... да, это непременно, должно быть, болѣзнь...

— Да въ чемъ же она, наконецъ, эта ваша болѣзнь? — спросилъ докторъ, напрасно вслушиваясь и не получая отвѣта и, наконецъ, не выдерживая и съ совершенной ненавистью оглядывая своего паціента.

Молодой человѣкъ молчалъ.

Онъ говорилъ слабымъ, пріятнымъ голосомъ, но съ такими нерѣзкими и невнятнымъ интонаціями, что нѣкоторыя слова было трудно и почти невозможно разобрать. Въ произношеніи его не было никакой опредѣленной картавости. Казалось, каждую букву, каждый звукъ онъ могъ бы выговорить вполне правильно и отчетливо; а между тѣмъ въ обществѣ, въ рѣчи его получалось впечатлѣніе чего-то неяснаго, невнятнаго и какъ-бы шепеляваго. Такъ бываетъ отъ двухъ причинъ: отъ физическаго недостатка—черезъ-чуръ длиннаго, не по зубамъ, языка, или же отъ дѣйствія долгаго, постояннаго и сильнаго нравственнаго угнетенія. Теперь, въ эту минуту рѣзкій тонъ доктора дѣйствовалъ, видимо, въ конецъ подавляющимъ образомъ. Больной сдѣлалъ надъ собой усиліе и, видимо сознавая за собой свой недостатокъ и стараясь выговорить насколько возможно отчетливѣе, сказалъ:

— Главная моя болѣзнь, господинъ докторъ, — полоса...

— Что-съ? — переспросилъ докторъ.

— Полоса. Это-съ...

— По-ло-са? — повторилъ докторъ съ вопросительнымъ изумленіемъ, растягивая слово и пристально взглядываясь въ лицо пациента пронзительными, энергическими и непріятными глазами.

— Да-съ, это моя болѣзнь. И обмираніе это у меня отъ нея. Оно бываетъ у меня всегда послѣ нея...

Молодой человѣкъ, видимо, готовъ былъ и теперь даже торопился продолжать. Самое трудное, главное слово, за которое онъ опасался, которое (онъ заранѣе зналъ это) должно было непременно возбудить недоумѣніе, — это слово было связано; остальное уже по этому самому должно было пойти, наивѣрное, легче. И главное: хотѣлось ужъ выговорить все однимъ духомъ и за одинъ разъ. Но докторъ перебилъ его и не далъ ему продолжать.

— Позвольте... Сейчас!..

Онъ отошелъ къ столу, черкнулъ спичкой и зажегъ свѣчи на каминѣ и на обонхъ столахъ. Огонь тускло вспыхнулъ и освѣтилъ комнату, непріятно путаясь со свѣтомъ дня, все еще проникавшимъ въ незавшенныя окна. Докторъ сталъ торопливо спускать шторы и закрывать занавѣсы. Комната сдѣлалась какъ-будто меньше и приняла другой, новый, вечерній и какъ-будто болѣе уютный видъ.

Было теперь очевидно, что визитъ долженъ былъ затянуться на неопредѣленное время, если только передъ нимъ не былъ

просто сумасшедшій человѣкъ, что докторъ готовъ былъ до нѣкоторой степени заподозрить, на основаніи послѣднихъ словъ, и въ чемъ тотчасъ же усомнился, взглянувъ еще разъ на серьезную, сильно взволнованную, но совершенно осмысленную физиономію молодого человѣка.

Докторъ придвинулъ кресла къ столу.

Передъ нимъ былъ, во всякомъ случаѣ, «интересный субъектъ» — въ этомъ не могло быть сомнѣнія съ перваго взгляда и съ этимъ докторъ самъ первый готовъ былъ бы согласиться во всякое другое время. Теперь же никакія интересныя наблюденія и даже хотя бы цѣлыя научныя открытія не могли бы идти въ сравненіе съ обѣдомъ, сигарой и отдыхомъ, и прежнее раздраженіе слышалось въ голосѣ доктора, когда онъ предложилъ молодому человѣку сѣсть напротивъ себя.

Докторъ былъ знаменитостью въ своемъ родѣ, пользовался значительной популярностью и огромной практикой. Это не мешало ему, на-ряду съ нѣкоторой врожденной рѣзкостью въ обращеніи, отличаться вообще крайней, доходившей до педантизма добросовѣстностью въ своихъ отношеніяхъ къ паціентамъ. Въ данномъ случаѣ, подъ вліяніемъ сильнаго утомленія, обмычныя качества нѣсколько измѣнили ему — и то, что всегда дѣлалось легко и естественно, — теперь требовало очевидныхъ и огромныхъ усилій надъ собой. Докторъ провелъ маленькой, желтоватой рукой по лбу и по коротко-стриженной, щетинистой головѣ и отрывисто вздохнулъ.

— Начнемъ по порядку, — сказалъ онъ, усаживаясь на свое рѣвное, въ русскомъ вкусѣ, рабочее кресло и придвигая его бокомъ къ письменному столу. На столѣ, передъ серебряной съ пестрой эмалью чернильницей, лежала книга, переплетенная въ темный сафьянъ, узкаго, оригинальнаго формата. Онъ раскрылъ книгу, заложилъ ее пальцемъ и обратился къ паціенту.

— Что вы собственно желали сказать?

— Я думалъ, что это удивитъ васъ, господинъ докторъ, — отвѣчалъ молодой человѣкъ, усаживаясь на предложенное кресло съ такой осторожностью, какъ-будто оно было о трехъ ногахъ и немедленно могло подломиться подъ нимъ. — Я говорилъ объ этомъ нашему академическому врачу.

— Академическому! Вы сами чѣмъ же занимаетесь? Служите?

— Нѣтъ-съ. Я студентъ.

— Какого факультета?

— Нѣтъ-съ, я не въ университетѣ. Я студентъ духовной академіи, — богословскаго отдѣленія, — прибавилъ онъ.

Это мало что прибавило къ имѣвшимся у доктора свѣдѣніямъ о боголюбской духовной академіи. Онъ такъ же мало зналъ о ней, такъ же мало интересовался ею и имѣлъ съ ней столкновеній, какъ съ новооткрытымъ университетомъ въ Японіи или гдѣ-нибудь на Сандвичевыхъ-островахъ.

— Гмъ... Студентъ академіи, — машинально повторилъ онъ и устремилъ на молодого богослова пристальный, докторски-безцеремонный взглядъ.

Молодой человекъ покраснѣлъ.

Онъ былъ нехорошъ собой.

Онъ страдальчески сморщилъ свой бѣлый съ желтизной, какъ лежалая слоновая кость, необыкновенно красивый лобъ (единственная красивая черта всего его некрасиваго лица) и старался повернуть голову такъ, чтобы хоть сколько-нибудь уйти изъ-подъ взгляда докторскихъ глазъ. Докторъ пристально, съ внезапно, противъ воли, пробудившимся вниманіемъ рассматривалъ каждую черту его оригинальнаго, болѣзненно-неправильнаго лица.

Лицо было блѣдно, — ровной, желтоватой блѣдности, безъ всякихъ оттѣнковъ, съ высокимъ, необыкновенно развитымъ лбомъ, съ сѣрыми глазами со слабымъ взоромъ, съ двумя широкими, характерными складками, которыя спускались по обѣимъ сторонамъ носа въ обѣимъ угламъ рта. Точь-въ-точь такія же складки, по странному совпаденію, были на лицѣ самого доктора, — еще энергичномъ, но уже явно отжившемъ, слегка отекавшемъ, слегка обрюзгломъ лицѣ. На немъ онѣ казались вполне уместными и естественными, такъ, какъ-будто онѣ всегда были и даже именно необходимо должны были на немъ быть при этомъ темно-коричневомъ цвѣтѣ и на этихъ отвислыхъ щекахъ. И тѣмъ поразительнѣе былъ эффектъ ихъ въ лицѣ юноши съ дѣвичьимъ подбородкомъ, съ тонкой, ребячьей шеей, свободно ходившей въ отложныхъ, слегка заношенныхъ воротничкахъ.

Онъ сидѣлъ неподвижно, въ неловой позѣ, уставившись глазами въ докторскія колѣнки въ клетчатыхъ панталонахъ, и томительно и тревожно ожидалъ.

— Такъ — какъ вы это сказали?.. Полоса, что ли, находить на васъ? — спросилъ докторъ, прерывая, наконецъ, молчаніе и освобождая пациента изъ-подъ тяжелаго взгляда своихъ небольшихъ, недружелюбныхъ глазъ.

III.

Молодой человѣкъ безповойно задвигался на стулѣ. Его не поняли. Необходимо было найти другія, болѣе вразумительныя выраженія, а это вообще давалось ему не легко.

— Нѣтъ-съ, я не то хотѣлъ сказать, — началъ онъ. — Можетъ быть, я не такъ выразился. Полоса, это-съ... это не находить, а это настоящая... — Да-съ! Она настоящая полоса, потому что я вѣдь вижу ее...

Онъ остановился и съ тревогой вопросительно посмотрѣлъ въ лицо доктору, какъ-бы спрашивая: понялъ-ли онъ теперь?

Утомленное лицо доктора выражало напряженное и совершенно равнодушное вниманіе.

— Когда же вы ее видите? — спросилъ докторъ. Съ которыхъ поръ?

— Оно случилось давно, въ первый разъ... съ годъ будетъ тому назадъ, господинъ докторъ, когда я увидалъ ее въ первый разъ. И съ тѣхъ поръ оно повторяется... Последнее время все чаще...

— Такъ-съ. Ну, и что же это за полоса? Какова она по своему внѣшнему виду, эта полоса?

— Какая-съ она? — внезапно дрогнувшимъ голосомъ переспросилъ пациентъ.

— Ну, да, какова она? Попробуйте дать себѣ отчетъ, опишите ее мнѣ. Въ чемъ тутъ собственно дѣло? Вамъ трудно говорить?

— Ничего-съ...

Свѣтлые глаза больного на мгновеніе сомкнулись и сразу открылись измѣнившіеся, влажные и блестящіе, потерѣвшіе во всю ширину огромнаго, неестественно расширившагося зрачка.

— Она... она... Свѣтлая она сама, бѣлая такая... широкая къ низу, а въ верху по-уже... — отрывисто пояснилъ онъ.

— Гдѣ же она представляется вамъ?

— Вездѣ-съ. Да! Куда ни пойду... Больше съ лѣвой, а то съ правой стороны... А то переходитъ слѣва на-право... за мной... Все она за мной!.. А сама-то будто какъ волнуется, будто какъ вотъ переливается вся на мѣстѣ... Сама-то свѣтлая такая... страшная... ух!..

Онъ говорилъ съ одышкой, со вздохами и паузами и по-прежнему съ большимъ трудомъ, но звукъ его голоса вдругъ перемѣнился. Въ немъ слышались жалобныя и довѣрчивыя

дѣтскія ноты, какія бываютъ въ голосѣ дѣтей, когда они жалуются, повѣряютъ кому-нибудь большому и сильному свои огорченія и страхи. На него было жалъ смотрѣть. Онъ весь измѣнился: потъ большими, замѣтными каплями выступалъ у него на вискахъ; онъ всячески старался удержать нервную дрожь и странно ёжился для этого, подаваясь всѣмъ тѣломъ впередъ, двигая локтями назадъ и затискивая потными ладонями обшлага своего сюртука.

— Ну-съ, и что же васъ собственно тревожитъ? Чѣмъ она именно беспокоитъ васъ, эта полоса,—продолжалъ докторъ свои дѣловые, обстоятельные вопросы, наклонясь въ столу, не глядя на пациента и глядя въ свою записную книгу, въ которой тщательно записывалъ что-то карандашикомъ на чистомъ листѣ.

Молодой человѣкъ провизнесъ губами протяжный, невнятный звукъ.

Докторъ поднялъ голову. Сильное неудовольствіе мгновенно выразилось на его лицѣ. Онъ уронилъ карандашъ.

— Э, да что же вы такъ! Вы поддержите себя, не волнуйтесь такъ, молодой человѣкъ. Не слѣдуетъ! Не слѣдуетъ!!!— строго и поспѣшно прибавилъ онъ, вставая, оглядывая больного и неодобрительно качая головой.— Не слѣдуетъ распускать себя! Воды вамъ?

— Нѣтъ-съ...

Пациентъ нѣсколько приподнялся на стулѣ и отвиннулъ запотѣвшіе волосы съ страшно-побѣлѣвшаго лба. Было очевидно, что никакой подъемъ въ тонѣ доктора теперь въ этомъ состояніи уже не могъ подѣйствовать на него. Докторъ хотѣлъ прибавить что-то еще, но умолкъ.

— Видите-ли, докторъ, послушайте... Мнѣ кажется... такъ мнѣ представляется, что эта полоса... что это нѣтъ, не полоса она... я ее боюсь... жмется она... да!..

— Ну-съ!—вопросительно провизнесъ докторъ, не спуская съ него глазъ.

Онъ открылъ глаза и быстрымъ, боязливымъ, подозрительнымъ взглядомъ окинулъ освѣщенную комнату.

— Ея нѣтъ... но она всегда... она есть... Я ее боюсь... хочется говорить... Если она заговоритъ со мной... я... съ-ума сойду!..

Онъ опустился на стулѣ и протянулъ ноги такъ далеко, что задѣлъ и сдвинулъ съ мѣста кресло, въ которомъ сидѣлъ докторъ; но не замѣтилъ этого и положилъ голову лицомъ на письменный столъ.

Докторъ посторонился слегка и сжалъ губы, оттого рѣзче обозначились глубокія морщины на его лицѣ и лицо получило брезгливо-дѣловое, отталкивающее выраженіе. Докторъ былъ профессоръ университета. Онъ смотрѣлъ на неподвижную, вытянутую фигуру молодого человѣка такъ, какъ будто передъ нимъ былъ трупъ, или отвратительный препаратъ, который, во что бы то ни стало, по долгу службы необходимо было вскрывать и препарировать, несмотря на всю неохоту, — теперь же, тотчасъ же. Онъ вынулъ изъ кармана часы, взглянулъ; досталъ папиросницу, закурилъ надъ свѣчкой и всталъ.

Часы на вѣминѣ пробили половину. Въ комнатѣ рядомъ послышался звонъ посуды и сдержанный звукъ голосовъ.

Молодой человѣкъ подобралъ ноги и подвинулся въ своемъ креслѣ. Онъ поднялъ голову. Лицо его было по-прежнему страшно блѣдно, но казалось спокойнѣе, и прежній, испуганно-растерянный, почти безумный взглядъ смѣнялся утомленнымъ и почти апатичнымъ выраженіемъ.

Докторъ отошелъ къ окну, взялъ съ маленькаго точенаго столика съ инструментами новенькій стетоскопъ и положилъ свою папироску.

— Встаньте, мнѣ нужно выслушать васъ, — сказалъ онъ, обращаясь къ больному. — Снимите вашъ скюртъ.

Пациентъ всталъ на ноги и покорно раскрылъ тощую грудь. Докторъ привычнымъ, ловкимъ движеніемъ охватилъ его за талию рукой и нажалъ стетоскопъ...

Онъ вдругъ сильно сморщился, неожиданно положилъ стетоскопъ обратно на столъ, отбросилъ приготовленный для выстукиванія молотокъ, придвинулъ-было къ себѣ свою записную книгу, но ничего не написалъ въ ней и оттолкнулъ ее назадъ отъ себя.

— Садитесь, садитесь! — протворилъ онъ, усаживаясь самъ и видя, что молодой человѣкъ стоялъ передъ нимъ въ покорной, недоумѣвающей позѣ, безъ скюртка, не зная, садиться ли ему, или стоять и уходить прочь.

— Садитесь! Дѣло въ томъ-съ, что все это не то-съ. Да! Вы не сказали мнѣ самаго существеннаго. (Онъ сердито нахмурилъ лобъ и нервно потеръ его себѣ маленькой, желтой рукой). — Сколько вамъ лѣтъ?

— Двадцать второй годъ.

— Капцать стали давно?

— Да-съ, давно-съ.

— Родители ваши — отецъ, мать — живы?

— Да-съ, — отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Чѣмъ занимается? Да, священникъ! — быстро говорилъ докторъ.

— Батюшка діакономъ въ деревнѣ, въ Саратовской губерніи, — объяснилъ молодой человѣкъ.

— Здоровы они?

— Батюшка...

— Ваши родители? Я спрашиваю, конечно, не объ здоровьѣ ихъ въ настоящую минуту, а объ здоровьѣ вообще. Здоровые-ли они люди? Не передали-ли они вамъ наслѣдственныхъ болѣзней? — пояснялъ докторъ свой слишкомъ краткій вопросъ.

Докторъ дѣлалъ вопросы одинъ за другимъ; молодой человѣкъ едва поспѣвалъ и нѣсколько разъ затруднялся отвѣчать на нихъ. Теперь это происходило уже не отъ волненія. Напротивъ, онъ сталъ спокойнѣе. Маленькія горячія пятна темнѣли и рдѣли у него на щекахъ, но дрожь унялась и обращеніе и вопросы доктора не возбуждали уже прежняго непобѣдимаго волненія. Теперь они возбуждали чувства иного рода: недоумѣнія, огорченія и стыда. Въ первый разъ въ жизни приходилось ему быть въ такомъ положеніи. Знакомство его съ представителями медицинской мудрости ограничивалось деревенской бабкой, семинарскимъ фельдшеромъ и ветхимъ старичкомъ, постояннымъ академическимъ докторомъ. Во всѣхъ случаяхъ приключавшихся съ нимъ до того времени недуговъ, дѣло ограничивалось двумя-тремя вопросами на-счетъ живота, языка, подложечки... Вопросы были несложные и короткіе и требовали такихъ же простыхъ и короткихъ отвѣтовъ. Теперь же замѣчанія и вопросы доктора ставили его въ мучительное недоумѣніе. Онъ не видѣлъ и не могъ уловить цѣли и общей связи вопросовъ и они казались ему напрасными, излишними и жестокими.

Они какъ будто перемѣнились ролями и, между тѣмъ, какъ молодой студентъ смотрѣлъ все сдержаннѣе и сосредоточеннѣе, докторъ волновался, смотрѣлъ на часы и, видимо, пересиливая себя, свое утомленіе и раздраженіе, ставилъ свои вопросы все обстоятельнѣе, прямѣе и безжалостнѣе. Теперь онъ требовалъ цѣлаго разсказа, цѣлой подробной исторіи и не только самого больного, но и всей его семьи. Это было необходимо по его соображеніямъ, и онъ добросовѣстно, несмотря ни на что, старался добиться результата — подтвердить или опровергнуть эти соображенія.

— Итъ?

— Да-съ.

- Запоемъ? До бѣлой горячки доходило? — спрашиваетъ онъ.
 — Да.
 — Одинъ разъ?
 — Два раза.
 — А мать?

Молодой человѣкъ отрицательно покачалъ головой, мать не пла. Она была больна, но по другимъ причинамъ. Мало-ли было на это причинъ! Но какое дѣло было ему, этому постороннему, Богъ знаетъ по какой причинѣ, очевидно, не влюбившему его человѣку до страданій, поведенія и нравственныхъ правилъ его матери, до всего убогаго быта его семьи, съ которой и онъ-то самъ даже не жилъ и даже не видался уже столько лѣтъ, со времени своего поступленія въ академію. Природная скрытность, не допускавшая ни малѣйшей тѣни откровенности съ домашними, съ товарищами, съ близкими, родными людьми, съ которыми онъ жилъ, дѣлала совершенной пыткой эту бесѣду съ глазу на глазъ съ человѣкомъ, которому (онъ это видѣлъ теперь ясно) все это было не нужно, чуждо и не интересно и даже просто противно и ненавистно и который, Богъ знаетъ почему, ради какой-то непонятной ему цѣли, по всѣмъ правиламъ новѣйшей науки выпытывалъ изъ него признанія и теребилъ его за душу, за всѣ больныя мѣста.

Докторъ спросилъ объ его отношеніяхъ къ женщинамъ. Въ первую минуту молодой человѣкъ не понималъ вопроса, а когда понималъ, то смотрѣлъ съ такимъ выраженіемъ, какъ будто его спрашивали: не убивалъ-ли онъ кого на своемъ вѣку? И вдругъ — новый ужасъ съ новою силой охватилъ его самого. Вопросъ показался ему именно въ этой мѣрѣ страннымъ, поразительнымъ и оскорбляющимъ его, а между тѣмъ, при этомъ вопросѣ въ немъ самомъ, помимо его сознанія и воли, рядомъ съ негодованіемъ, что-то иное вдругъ глухо и стремительно перехватило ему горло, ударило въ голову и мучительно-жгучимъ ощущеніемъ отдалось въ каждомъ нервѣ всего его существа. Онъ задышался и опустилъ голову, стараясь повернуться такъ, чтобы доктору не было видно горячей краски, которая жгла ему щеки и заливала лицо. Но докторъ не смотрѣлъ на него.

— Вы понимаете, меня не интересуеетъ чувствительная сторона дѣла, — продолжалъ онъ, не подозрѣвая дѣйствія своего вопроса, такого обыкновеннаго въ его практикѣ. — Я желаю знать...

— Нѣтъ!.. нѣтъ!.. Никогда!.. никогда!.. — проговорилъ молодой человѣкъ, выдавая себя такой неожиданно-страдальческой нотой въ голосѣ, что докторъ оглянулся на него, печаль пле-

тами, но, повидимому, стелъ невозможнымъ и бесполезнымъ настаивать и предлагать дальнѣйшіе разспросы по этой сторонѣ дѣла.

Произошла пауза.

Докторъ, наклонясь, вписывалъ въ книгу конспектъ, краткое описаніе исторіи болѣзни. Больной съ видомъ жертвы боязливо и въ то же время почти ожесточенно слѣдилъ за выраженіемъ его лица, за движеніемъ красивой, почти женской руки, быстрымъ и равномерно-размашистымъ движеніемъ ходившей по бумагѣ и беспощадно заносившей на бумагу за время всего разговора каждое слово его. Теперь, очевидно, записывалось послѣднее впечатлѣніе. Ему казалось, что онъ угадывалъ буквы и слова... Въ его душѣ была томительная борьба. Онъ какъ будто рѣшался на что-то — и сейчасъ же робѣлъ, и опять колебался въ своей рѣшимости. Ему хотѣлось найти способъ и предлогъ выйти, наконецъ, изъ мучительнаго положенія, которое онъ не въ силахъ былъ долѣе переносить и въ то же время добиться чего-нибудь, какого-нибудь полезнаго для себя результата, который хотя бы сколько-нибудь вознаграждалъ его за всѣ тяжелыя ощущенія, пережитыя имъ за этотъ день. Съ высоты его роста (онъ такъ и не садился, несмотря на приглашеніе) миниатюрная, наклоненная надъ столомъ, фигура доктора съ плѣшию на остриженной головѣ — показалась ему менѣе внушительной и ужасной. Онъ отступилъ на два шага отъ стола и въ первый разъ за время всего разговора съ докторомъ самъ первый обратился въ нему.

— Господинъ докторъ! Я осмѣлился придти безпозвонъ васъ...

Докторъ повернулся въ креслѣ и, не выпуская пера, съ нѣкоторымъ изумленіемъ поглядѣлъ на него черезъ очки. Но онъ выдержалъ взглядъ и продолжалъ.

— Я собственно, господинъ докторъ, хотѣлъ просить васъ собственно не о томъ-съ, а не будетъ-ли возможно помочь мнѣ, т.-е. я хочу сказать — избавить меня отъ этого (онъ разумѣлъ свою болѣзнь), какое-нибудь лекарство...

Докторъ отрицательно покачалъ головой, но онъ продолжалъ:

— Нашъ врачъ, господинъ докторъ, отказался; онъ указалъ мнѣ на васъ. Что-нибудь, сдѣлайте милость, хотя бы на время. Потому что у насъ вѣдь теперь самое трудное время: экзамены-съ, кончается курсъ. Очень много работы-съ, говорилъ онъ довѣрчивымъ, робѣющимъ голосомъ, поднимая на доктора утомленный

и умоляющій взглядъ.—А это, болѣзнь моя, не дастъ мнѣ работать. Я собственно потому рѣшился, взялъ на себя смѣлость, потому что мнѣ вѣдь необходимо работать. Не будетъ ли возможно сдѣлать такъ...

— Такъ чтобы вамъ можно было работать?—иронически договорилъ докторъ.

— Да-съ!—почти радостно, не замѣчая ироніи, подтвердилъ молодой человѣкъ.

Что-то въ родѣ хорошей улыбки мелькнуло на мгновеніе въ угрюмыхъ чертахъ доктора, подѣ впечатлѣніемъ этой наивной вѣры и просьбы, но прошло такъ же скоро, какъ и появилось.

— Не могу-съ, не могу-съ!—попрежнему раздражительно и быстро заговорилъ онъ.—Это бессмыслица, попсепс! Это все-равно, какъ ежели бы вы, напримѣръ... (онъ остановился и искалъ примѣра).

— Какъ ежели бы вы, напримѣръ, задумали поднимать трехъ-пудовую гирию одной рукой; рука у васъ устанетъ, а вы придете и скажете мнѣ—не могу-ли я сдѣлать такъ, чтобы она все-таки продолжала поднимать. Не могу-съ, конечно, не могу! Чтѣ я могу вамъ сказать?! Отдохните, тогда рука и будетъ работать сама. Ясно это?

Больной не возражалъ.

— Такъ и въ этомъ случаѣ. И я долженъ васъ предупредить, что положеніе ваше очень серьезно. Да-съ, очень и очень серьезно,—повторилъ онъ, глядя въ упоръ на пациента и какъ-бы наблюдая за дѣйствіемъ своихъ словъ.—Какія тутъ лекарства! Тутъ не можетъ быть рѣчи о лекарствахъ. Вамъ необходимо все это оставить, изволите ли видѣть. Да-съ! Кореннымъ образомъ измѣнить образъ жизни. Прогулки, возможныя для васъ при вашихъ средствахъ развлеченія, отдыхъ, спокойствіе,—вотъ что нужно, необходимо. А всякую работу, всякую мысль о работѣ оставить, выкинуть вонъ изъ головы...

Онъ остановился.

Молодой человѣкъ стоялъ передъ нимъ въ утомленной позѣ, прислонясь къ столу, немного опустивъ голову и скрестивъ ладонями внизъ низко опущенныя руки. Его фигура въ длинномъ сюртукѣ и наклоненный, изнеможенный профиль напоминали фигуру монаха.

— Въ церковь ходите? Долго стоите въ церкви?—неожиданно спросилъ докторъ.

— Да-съ,—коротко отвѣтилъ больной.

— Вредно. Это слѣдуетъ оставить. Не слѣдуетъ...

— Это невозможно, господинъ докторъ.

Докторъ непріятно усмѣхнулся и, прищурившись, посмотрѣлъ на него.

— Это невозможно, — повторилъ молодой человѣкъ. — Все, что вы мнѣ сказали, все невозможно для меня, — съ внезапнымъ одушевленіемъ подтвердилъ онъ. — Если это невозможно, если я не могу и не сдѣлаю такъ, какъ вы мнѣ сказали, что будетъ? — спросилъ онъ вдругъ такимъ серьезнымъ и въ то же время рѣзкимъ, не оставляющимъ сомнѣнія тономъ, какого за минуту никакъ нельзя было бы ожидать отъ него.

Тонъ этотъ и слова окончательно вывели изъ себя доктора.

— А не сдѣлаете, такъ съ ума сойдете надъ своей полосой, вотъ что будетъ! Отвезутъ въ клинику умалишенныхъ. И въ самомъ непродолжительномъ времени, за это я вамъ поручусь!..

Онъ вдругъ замолчалъ, отошелъ къ столу и вытеръ мокрое лицо батистовымъ платкомъ.

Молодой человѣкъ остался на мѣстѣ. Въ одно и то же время, переставъ надѣяться и ждать, онъ пересталъ и вѣрить, и послѣднія слова и приговоръ доктора не произвели на него ожидаемаго потрясающаго дѣйствія. Лицо его было по-прежнему сосредоточенно, серьезно и грустно. Онъ закашлялся, вытеръ губы платкомъ и осторожно досталъ изъ бокового кармана что-то тщательно завернутое въ другомъ чистомъ носовомъ платкѣ.

— Ваша фамилія? — спросилъ докторъ, подписывая годъ, число и свою фамилію на длинномъ, узкомъ листѣ почтовой бумаги съ готовымъ рецептомъ и отрывая ее отъ общей толстой пачки на столѣ. — Имя и фамилія! — повторилъ онъ, не получая отвѣта.

Молодой человѣкъ встрепнулся.

— Пирамидовъ, Евгений, — отвѣчалъ онъ, подходя къ столу, принимая изъ рукъ у доктора необсохшій еще рецептъ и бережно перегибая его на-двое.

— Употреблять, какъ написано. Впрочемъ, это одно не поможетъ, объ этомъ заранѣе предупреждаю васъ. А тамъ какъ сами знаете, ваше дѣло, — заключилъ докторъ и кивнулъ головой.

Молодой человѣкъ поклонился; неловкимъ, застѣнчивымъ движеніемъ онъ опустилъ руку на докторскій столъ и оставилъ на немъ мелко-свернутую, потемнѣвшую отъ рукъ желтенькую бумажку.

— Не нужно, не нужно! Этого не нужно! — раздражительно закричалъ докторъ ему въ слѣдъ, догоняя его и возвращая ему въ руки деньги.

Онъ покорно протянулъ руку, взялъ свой рубль и стиснулъ его въ ладони.

Докторъ отвернулся.

Молодой человекъ еще разъ наклонилъ голову, и на этотъ разъ благополучно миновалъ портьера, вышелъ изъ комнаты.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Первое февраля—одинъ изъ самыхъ торжественныхъ и оживленныхъ дней въ городѣ Боголюбовѣ, — день открытія зимней ярмарки. Когда-то огромная, вліявшая на торговлю цѣлаго края, Крестовая ярмарка теперь давно уже упала. Главные ея дѣятели и воротилы — продавцы и покупатели — опружные богатые помѣщики не сбѣзжаются уже, какъ бывало прежде, на цѣлые мѣсяцы съ семействами и домашнимъ штатомъ: продать, закупить на цѣлый годъ, и кстати попировать и повеселиться, повидать своихъ знакомыхъ горожанъ и себя показать. Прежніе хорошіе господа, богатые паны, частью разорились, частью примерли или разбѣхались. Желѣзная дорога прошла — и совсѣмъ сократила дѣло. Прежняго покупателя тянуло въ столицу. Тамъ не менѣе, въ самомъ городѣ ярмарка сохранила еще часть прежняго значенія. До поста, до конца масляной недѣли, городъ совершенно измѣняетъ свою фizioномію. Верхнія улицы до Крестоваго проспекта влѣкчательно пустѣютъ; на нижнихъ сосредоточивается временно вся жизнь, вся мѣстная торговля, увеселенія и городское движеніе.

Базарная площадь закрыта сплошь народомъ. Бестолковый, разноголосый гамъ стойтъ въ воздухѣ. Подпавшій за ночь снѣжокъ забѣлилъ мерзлую грязь, и пестрые группы, досчатые балаганы и, наваленные прямо на снѣгъ, вороха всякаго хлама кажутся пригляднѣе и опрятнѣе на сверкающемъ бѣлизной снѣжномъ фонѣ. Въ самыхъ бойкихъ мѣстахъ, впрочемъ, снѣгъ давно уже сбили въ сѣрое мѣсиво. Идетъ суетливая толкотня. Группы жидовъ и жидовокъ, составляющихъ значительный, чуть-ли не главный контингентъ мѣстныхъ торговцевъ, съ типичными фizioноміями, въ типичныхъ костюмахъ снуютъ взадъ и впередъ или толкуются на мѣстѣ, оглашая всю площадь горловымъ стрекотаніемъ своего оригинальнаго говора со страстностью истиннаго южнаго племени.

Торговый день подходилъ къ концу. Торговля въ балаганахъ на площади происходила во всемъ оживленіи только до солнечнаго заката; затѣмъ продолжалась еще нѣкоторое время въ Базарномъ домѣ—огромномъ каменномъ зданіи, выстроенномъ посреди площади, скудно освѣщенномъ по вечерамъ керосиновыми жидовскими лампочками. Было ли причиной плохое освѣщеніе, дѣлавшее невзрачною вечернюю выставку, или всеобщее утомленіе продавцовъ и покупателей, сказывавшееся подъ конецъ дня, но только и здѣсь подъ вечеръ торговля шла вяло, вечернія дѣла были плохи, и вообще издавна принято было: послѣ перваго колокола, звонившаго въ сосѣднемъ Дружскомъ монастырѣ на вечерню,—считать торговый день повонченнымъ.

Солнце садилось за высокой стѣною. Дружскій монастырь, онъ же и Боголюбская Духовная Академія—помѣщался на Базарной площади, черезъ улицу, напротивъ Базарнаго дома и въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ рѣки Старика, до котораго почти доходилъ своими задними строеніями и далеко внизъ протянувшейся оградой. Интересно это постоянное сосѣдство: собора, базара и духовнаго училища — будь то академія, или семинарія, или просто уѣздное духовное училище, неизбѣжно построенное на базарной площади, — въ большинствѣ старинныхъ городовъ русскихъ. Въ данномъ случаѣ, вслѣдствіе ярмарки и масляницы, сосѣдство это невольно останавливало вниманіе и поражало его самымъ полнымъ, самымъ строго-выдержаннымъ, ничѣмъ не пороченнымъ и не смягченнымъ контрастомъ.

Шелъ пятый часъ вечера, послѣдній часъ, самый развалъ и разгаръ ярмарочнаго оживленія и веселья. Всѣ дома на площади и въ ближнихъ улицахъ, сплошь сданные подъ лавки, трактиры, торговые и питейные заведенія — кишѣли народомъ. Лихачи-извозчики въ парныхъ фаятонахъ, на хорошихъ лошадяхъ, составляющіе справедливую гордость Боголюбова, то-и-дѣло подвозили господъ къ Базарному дому, къ краснымъ рядамъ или къ праничному ряду. Толпа все прибывала. Даже мелочныя лавчонки, проковырявшія себѣ помѣщеніе по обѣимъ сторонамъ воротъ, въ самой монастырской стѣнѣ и разубравшіяся по случаю торжества кумачными, болтавшимися по вѣтру, лоскутами на дверяхъ—даже и онѣ торговали чѣтками, картинками и всякой мелкой дрянью, противъ обыкновенія, оживленно и бойко. Но тутъ же, у стѣны, и кончалось всякое оживленіе; за стѣнами проходила другая, своя особая жизнь,—все было тихо, вполне спокойно и почти безлюдно. Картина измѣнялась два раза въ сутки, во время церковныхъ службъ, когда въ откеры-

тыя ворота монастыря входили богомольцы; но теперь службъ не было.

Высое крыльцо старинными мелкими ступенями поднималось въ крытымъ воротамъ; ворота были на запорѣ и за ними на каменномъ полу, завернувшись въ овчинную шубу, дремалъ сторожъ-привратникъ. Липовая аллея вела отъ воротъ въ исполнскому собору, на аршинъ осѣвшему въ землю до самыхъ громадныхъ желѣзныхъ дверей своихъ; когда-то они помѣщались надъ каменнымъ порогомъ, а теперь криво и низко нависли надъ самой землей. За соборомъ видѣлась церковь поменьше, новой архитектуры; нѣсколько бѣлыхъ домовъ, крытый, съ крестомъ, колодезь въ видѣ часовни и группы деревьевъ, разросшіяся по просторному двору. Не доходя собора, аллея раздѣлялась на-двое и вела въ обѣ стороны, направо и налево, къ двумъ большимъ корпусамъ, въ которыхъ собственно и помѣщались аудиторіи и жилыя комнаты академіи. Лѣвый корпусъ вмѣстѣ съ соборомъ представлялъ единственное, уцѣлѣвшее отъ безчисленныхъ пожаровъ, дѣйствительно старинное зданіе. Нашлись охотники-любители изъ начальствующихъ, перестроившіе древнюю колоннаду тосканскаго ордена, окружавшую съ двухъ сторонъ корпусъ, въ крытую галерею; перемѣна эта, изуродовавъ фасадъ и обезцвѣтивъ архитектуру, только усилила общее впечатлѣніе, которое производило само зданіе: оно стало смотрѣть еще старѣй и угрюмѣе, насилу проглядывая рѣдкими, старинными окнами изъ-подъ новыхъ, тяжело и неуклюже сложенныхъ сводовъ. На мѣстномъ академическомъ нарѣчій корпусъ этотъ носилъ названіе «вертепа», т.-е. пещеры. Въ верхнемъ этажѣ его помѣщались: бібліотека и портретная, актовая зала; въ нижнемъ было отведено помѣщеніе для студентовъ.

Въ описываемую пору дня, въ пять часовъ, въ субботу на масляной, въ жилищѣ этомъ было полнѣйшее спокойствіе. По случаю ярмарки населеніе разсѣялось, благополучно миновать ворота съ пропущенными билетами, съ правомъ не возвращаться до поздняго вечера. Тѣмъ же правомъ воспользовались мѣстные служители изъ отставныхъ солдатъ, назначавшіеся для услуги паньчамъ. Вездѣ было тихо и пусто. Только въ спальнѣ, свѣсивши хворыя ноги съ высокаго подоконника, при свѣтѣ догораваго дня, старикъ дядька, по прозванію Кавунъ, безмолвноковырялъ долговязой иглой какую-то сузонную рвань, да черезъ сѣни, рядомъ, слышны были голоса разговаривавшихъ.

Въ большой комнатѣ, подлѣ натопленной печи, сидѣли за столомъ два молодыхъ человѣка. Одинъ, черномазый, высокій,

сидѣлъ сгорбившись, низко пригнувшись головой надъ тетрадью; онъ въ ней что-то пересматривалъ, подчеркивалъ карандашомъ и время отъ времени прочитывалъ вслухъ. Другой, рыжеватый, худой, слушалъ разсѣянно, закинувъ голову на спинку стула и глядѣлъ въ потолокъ. Въ комнатѣ темнѣло. Послѣдній свѣтъ вечерняго солнца узкимъ столбомъ врывался въ двойныя, пыльныя рамы и расширенной полосой падалъ на полъ, освѣщая середину комнаты и не достигая противоположной стороны. Помѣщеніе было огромное: бѣлыя, вымазанныя мѣломъ, совершенно голыя стѣны словно разступались со всѣхъ четырехъ сторонъ; потемнѣвшій четырехгранный сводъ нависъ надъ крашенымъ поломъ. Въ углу стояла старинная печь. Обстановка была казенно-учебная и скучная: четыре стола, обтянутые черной клеенкой, каждый съ четырьмя табуретами вокругъ, были разставлены въ разныхъ мѣстахъ по комнатѣ; въ сторонѣ возвышалась выкрашенная черной краской долговзая и кривая конторка для письма; противъ входа, у стѣны, помѣщался диванъ, узкій и длинный, съ деревянной спинкой и жесткимъ, какъ дерево, обтянутымъ кожей, сидѣньемъ. Другой мебели не было видно. Всѣ предметы были неопредѣленно-темнаго цвѣта, приземистаго вида, старинной работы. Вороха книгъ валялись по столамъ, по широкимъ подоконникамъ. Книги тоже были больше старинныя, древняго формата, съ широкими корешками, съ потемнѣвшими, поблекшими страницами. Въ углу, высоко подъ потолкомъ, надъ складнымъ аналоемъ, чернѣлъ образъ Дружской Божьей Матери. Двѣ двери рѣзкими пятнами выдѣлялись на двухъ концахъ комнаты на бѣлыхъ стѣнахъ.

Общій видъ картины былъ невеселаго характера. Помѣщеніе это предназначалось для пятнадцати человѣкъ старшихъ выпускныхъ студентовъ четвертаго курса. Это была аудиторія и въ то же время жилая комната для занятій. Это была—келья, обшарпанная, обширная келья. Въ этой кельѣ люди готовили себя къ жизни. Они собирались сюда со всѣхъ концовъ и сторонъ православнаго міра «отъ сѣвера и запада, и моря и востока» въ это «старобытное всеучилище Руси» и подъ его столѣтними сводами, въ его четырехъ стѣнахъ, проводили четыре года своей жизни. Много жизней пережито было въ немъ, много видовъ видѣло оно. «Зданіе подвергалось неоднократно по причинамъ насильственнымъ свободному вліянію отъ непогодъ», и, однако, держалось оно крѣпко. Каждый годъ, по истеченіи четырехлѣтняго курса, боголюбская духовная академія отпускала и разсылала питомцевъ своихъ обратно на всѣ четыре стороны; но до того

времени она зорко соблюдала ихъ и настойчиво гнала и преслѣдовала всѣ враждебныя себѣ элементы. Ея высокія стѣны и тѣсныя окна, и тишина, и вѣчный полусвѣтъ старинныхъ построекъ, и самый воздухъ ихъ, насквозь проникнутый особымъ запахомъ, смѣшаннымъ запахомъ ладана и постнаго масла, старой кожи и кислаго хлѣба,—запахомъ, который проникалъ въ предметы, который уносился съ собой въ складкахъ платья, который каждую минуту напоминалъ о близости церквей и монастырскихъ помѣщеній — все это, вмѣстѣ взятое, на новичка, на свѣжаго человѣка производило подавляющее, глубоко-поразительное впечатлѣніе. На человѣка обжившагося, постоянного обитателя, оно оказывало въ концѣ-концовъ свое всегда неизбѣжное дѣйствіе, накладывая неизгладимый на вѣки отпечатокъ, и крѣпче семи замковъ, казалось, должно было бы запереть и укрѣпить его отъ всякаго заразительнаго дуновенія, отъ всякаго призыва иной, вольной жизни. Но... медленно, неслышно и незримо, и — неотразимо жизнь вступала въ свои права, снимала запоры и замки, захватывала отнятыя владѣнія и дѣлала свое жизненное дѣло.

— Меліоранскій! Ты спишь?

— Сплю.

— Эхъ, не спи! Погляди... Ты послушай только, чего они мнѣ тутъ понаписали. Можешь ты слушать? Прочесть тебѣ, что ли?

— Ну, читай.

Резонансъ въ комнатѣ годился бы для любой концертной залы. Просьба была предложена взволнованнымъ и, въ то же время, жалобнымъ тономъ,—тономъ младшаго, жалующагося на обиду старшему; и отвѣтъ былъ данъ въ томъ же тонѣ — снисходительнаго позволенія старшаго.

Высокій, черноватый студентъ всталъ съ мѣста, отошелъ съ тетрадью поближе къ свѣту, къ окну, и не безъ чувства прочиталъ вслухъ нѣсколько строкъ.

— Ну, что ты скажешь? Хорошо? а? Кажется, вѣдь обстоятельно изложено, какъ ты находишь? — спросилъ онъ и, не дождавшись отвѣта, тотчасъ же продолжалъ. — Ну, а вотъ ихъ священства найти изволили, что «*опредѣленіе мало обнимаетъ самую вещь*» и что «*методъ мой не всецѣло разуменъ и къ доказательствамъ неуважителенъ*», — насмѣшливо подчеркивая каждое слово, снова прочиталъ онъ въ другомъ мѣстѣ своей тетради. — Какой это имъ еще уважительности, какого обнима-

нія и опредѣленія требуется, желать бы я знать—какого романа!... Не знаю...

— А я не знаю, къ чему тебѣ это-то все потребовалось опредѣлять, — не поворачивая головы и не мѣняя спокойной позы, соннымъ голосомъ отозвался изъ своего угла слушатель.

— То-есть—какъ это? Что это значить—къ чему?

— А то, что говорилъ я тебѣ: не заносись, не мудрствуй лукаво. Такъ ты—нѣтъ, туда же—философствовать! Ну, и напоролся. И по-дѣломъ — за любовь къ мудрствованіямъ, къ философіи.

Любитель философіи обидѣлся и сталъ возражать.

Казалось, это было дѣйствительно не совсѣмъ подходящее обвиненіе. Трудно было найти малѣйшій намекъ на расположеніе въ философскимъ мудрствованіямъ въ наружности того, къ кому обращено было замѣчаніе. Это былъ юноша лѣтъ 22—3-хъ, богатырскаго сложенія и роста. Большая голова его казалась еще больше отъ цѣлой гривы давно нестриженныхъ, черныхъ и слегка вьющихся волосъ. Лицо было характернаго, несомнѣнно малороссійскаго типа, съ вздернутымъ носомъ, карими глазами и низкимъ лбомъ. Красивые, густые усы и, не по лѣтамъ, длинная борода старили его и дѣлали на первый взглядъ впечатлѣніе суровости; но при первомъ внимательномъ взглядѣ, впечатлѣніе это тотчасъ же исчезало. Большіе, хорошіе глаза глядѣли оживленнымъ и умнымъ, и въ то же время явно робѣющимъ, быстро измѣнчивымъ взглядомъ, а почти дѣтскія, выпуклыя, красныя губы какъ-то совсѣмъ наивно выставлялись изъ-подъ усовъ. Малороссійское происхожденіе сказывалось въ манерѣ его, въ ухваткахъ, одновременно рѣзкихъ и верадчивыхъ. Костюмъ, съ намеками на національность, отличался нѣкоторою щеголеватостью: шитая краснымъ шитьемъ, рубаха съ завязками изъ ленты и безъ галстука выставлялась изъ-подъ новенькаго спортука. Сильный акцентъ, который онъ ни мало не старался смягчить, рѣзко отличался отъ произношенія его собесѣдника и товарища. Впрочемъ, они и во всемъ представляли совершеннѣйшую противоположность другъ другу, и высокій, красивый хохолъ казался еще выше, еще здоровѣй и смуглѣй рядомъ съ блѣдымъ, тщедушнымъ человѣчкомъ, удобно помѣстившимся на двухъ, составленныхъ вмѣстѣ, стульяхъ.

Это былъ очень блѣдный молодой человѣкъ, съ неправильными и необыкновенно подвижными чертами лица. Въ противоположность шумной манерѣ своего товарища, онъ говорилъ спокойно, слабымъ голосомъ, и только улыбка своеобразная, не то унылая,

не то насмѣшливая, то-и-дѣло появлялась у него на губахъ. Росту онъ былъ ниже средняго, съ особенно впалымъ животомъ. Необыкновенной формы голова, расширенная сверху и узкая внизу, помѣщалась глубоко въ сильно приподнятыхъ плечахъ; рыжеватая борода покрывала нижнюю часть лица. На видъ ему могло быть не меньше 25 лѣтъ. Родомъ онъ былъ изъ пензенской губ., по мѣстному академическому выраженію — пензюлецъ; званіемъ — сынъ деревенскаго дьячка; имя его было Кузьма Михайловичъ Меліоранскій. Юнаго малоросса звали Григоріемъ Ильичемъ Терновцомъ.

Оба они уже три года пробыли въ Боголюбовской духовной академіи, вончили годъ тому назадъ кандидатами и перешли на IV специальный курсъ. Теперь они готовились къ магистерской диссертации. До защиты диссертации въ маѣ оставалось еще не мало времени, но сочиненія писались уже и предъявлялись на судъ, и Терновецъ только-что получилъ свое обратно отъ профессора. Произведеніе не было одобрено. Толстая, небрежно сшитая, размахисто написанная тетрадь была вся покрыта примѣчаніями и помарками за подписями трехъ профессоровъ. Обстоятельство это видимо не на шутку огорчало и лишало хладнокровія автора. Онъ ждалъ какъ разъ противоположнаго, совсѣмъ другого результата, поразительнаго эффекта и безусловнаго одобренія, и огорченно переворачивалъ въ десятый разъ знакомые листы любимаго произведенія.

— Ты вотъ говоришь... Тебѣ легко, а ты въ мою-то шкуру влѣзь, да посуди!—говорилъ Терновецъ, въ волненіи расхаживая взадъ и впередъ по комнатѣ и потирая другъ о дружку большія и красныя руки.

— Ты говоришь: философствовать не надо было. Такъ вѣдь и безъ этого элемента, безъ философіи вовсе, тоже вѣдь никакъ нельзя. Они этого не любятъ. Да и, къ тому же, философія играла тутъ у меня совсѣмъ особую роль.

— Роль эгиды, времени, каменной стѣны!.. Знаю, знаю! — подхватилъ Меліоранскій, закуривая папиросу и спуская ноги съ своихъ составленныхъ стульевъ. Обычная усмѣшка сейчасъ показалась у него на тонкихъ, безусыхъ губахъ.—Ну, значитъ, я такъ и зналъ! Значитъ, ты не измѣнилъ планъ?

— Немного, но не главное. Главнаго, конечно, не могъ.

— Ну, такъ! Ты не могъ, а ты надѣялся, что они могутъ? Ты думаешь, что они могутъ не примѣтить плевека между пшеницею, козлища между овецъ?—Онъ засмѣялся.—Другъ, зачѣмъ ты такъ думаешь?

Шуточный тонъ Меліоранскаго былъ видимо непріятенъ Терновцу. Онъ сморщилъ лобъ и опустилъ глаза на сѣрую, всю смятую тетрадь, которую все еще продолжалъ держать и нервно комкать въ рукахъ. На первой страницѣ, въ видѣ заглавія, большими, черно-выписанными буквами стояло: «о религіозно-нравственномъ воспитаніи народа».

II.

Пять длинныхъ вечеровъ, проведенныхъ запоемъ сплошь надъ однимъ изложеніемъ, споры съ Меліоранскимъ и съ новыми прекрасными университетскими знакомыми, прочитанныя по этому поводу два новыя французскія сочиненія и «Эмма» Швейцера и Лавлей—все это вмѣстѣ и вдругъ вспомнилось ему при видѣ одного этого заглавія и заставило сильнѣй прежняго покраснѣть его, и безъ того уже горѣвшія, щеки.

— Ну, нѣтъ! На этотъ разъ ты неправъ, положительно неправъ. Ей-Богу! Это ужъ какъ ты хочешь,—горячо заговорилъ онъ.—Нельзя же такъ въ самомъ дѣлѣ все въ одну кучу валить. А это тамъ именно такого рода, что нужно было или отнестись къ ней такъ, какъ я это сдѣлалъ, т.-е. по настоящему, добросовѣстно, душевно, или ужъ вовсе ея не брать.

— Такъ зачѣмъ же ты ее бралъ?—спросилъ Меліоранскій.

— Бралъ потому, что желалъ. Что это за вопросъ?

Онъ сердито поглядѣлъ на Меліоранскаго.

— Взялъ, потому что предпочитаю работать надъ предметомъ, который интересуешь меня, который я считаю настоящимъ и полезнымъ, нежели писать — о двуперстномъ сложеніи и значеніи его.

— Желанія свободны, это, конечно. Только о чемъ же мы теперь-то разговариваемъ! Желаніе твое исполнено. Чего же тебѣ еще?

— Чего!..

Терновецъ вдругъ скоро повернулся къ столу и развернулъ на столѣ передъ Меліоранскимъ скомканную тетрадь.

— Вотъ чего! Вотъ, гляди сюда, — говорилъ онъ, быстро переворачивая передъ самымъ его лицомъ густо-перечеркнутые листы и отстукивая по столу пальцами, — вотъ здѣсь листа, страницы, мѣста живого нѣтъ! Все перемарано, перечеркнуто, переиѣчено. Здѣсь нота-бенъ и знаковъ вопроса больше, чѣмъ у меня словъ. Да что говорить! — онъ бросилъ тетрадь. — И что всего

обидѣ и интересѣ, представь себѣ: если выкинуть все, что они подчеркнули и выкинули здѣсь, то смыслъ сохранится, не утрачивается. Но какой смыслъ! Прямо противоположный тому, что я желалъ сказать. Я пробовалъ такъ читать — ужасно! У меня вѣдь тутъ, такъ-сказать, два теченія было...

— Ну, да, да, понимаю,—подтвердилъ Меліоранскій. — Ты думалъ Лассалю и Жюля Симона и всю компанію совмѣстить и въ дѣло употребить, а затѣмъ туману—философію-то—для закраски пустить. Такъ? Эхъ, ты голова! Не стерпѣлъ, выложилъ!

Онъ усмѣхнулся съ выраженіемъ сочувствія и въ то же время съ легкимъ отгнѣномъ пренебреженія.

Терновецъ, мрачно покашливая, крутилъ свои усы. Онъ не курилъ и морщился отъ запаха крѣпкого Асмоловскаго табаку. Меліоранскій закуривалъ одну папиросу за другой, зажигая дрянныя спички объ сѣреный, недоходившій до пояса жилетъ, неестественно поднимавшійся на выпяченной груди.

— Ты хоть бы то взялъ въ расчетъ, что довольно тоже и они на своемъ вѣку на этомъ дѣлѣ понасобачились-то, — продолжалъ онъ, — кое-что тоже смыслятъ! Они гдѣ новое что-нибудь встрѣтятъ, новое слово, мысль — не поймутъ, такъ они, брать, не безыкойся, они чутьемъ возьмутъ. Вѣдь это особаго рода чутье, нюхъ такой бываетъ, — пояснялъ онъ. — И онъ, какъ и всякая способность, развивается. У тебя его нѣтъ, и у меня нѣтъ, а у нихъ — есть, потому — на томъ стоять. Я такъ вотъ и тягаться не берусь, — заключилъ онъ.

— Да, ты! Ты возьмешь тому о крестномъ знаменіи, да и напишешь десять страницъ.

— Непремѣнно. И тебѣ всегда совѣтовалъ тоже.

Диссертация Меліоранскаго была еще не только не представлена, не окончена, но даже и не начата. Сочиненія свои въ теченіи всего четырехъ-лѣтняго академическаго курса онъ никогда не успѣвалъ приготовить въ заданному сроку, а въ рѣдкихъ случаяхъ, когда успѣвалъ, большого одобренія себѣ не видѣлъ за нихъ. Это, впрочемъ, не приводило его въ огорченіе. Происходило это отъ своеобразной, несомнѣнно сознательной и преднамѣренной небрежности въ своимъ обязательнымъ академическимъ занятіямъ. Онъ какъ-будто считалъ предосудительнымъ въ себѣ и въ другихъ всякое особо-усидчивое занятіе и стараніе. Постоянно занятой, постоянно съ классическими, перекупленными изъ десятыхъ рукъ, у букинистовъ на мѣсту и подъ воротами, обниманными томиками въ кармазахъ и подъ мышекъ, онъ всегда имѣлъ свое собственное, особенное дѣло; въ началѣ онъ

держалъ его обыкновенно въ секретѣ, неохотно разговаривая о немъ, а въ послѣдствіи самъ первый подсмѣивался надъ нимъ, но всегда, во всякое время отдавалъ ему предпочтительное вниманіе передъ академическими лекціями. Занятія его были самыя разнообразныя и мѣнялись иногда по нѣскольку разъ въ теченіи одного года, каждый разъ, благодаря счастливой памяти, обогащая его запасомъ свѣдѣній. Одно время, вскорѣ по поступленіи въ академію, онъ увлекся было академическими лекціями, богословскими науками, по преимуществу полемическимъ богословіемъ, и чуть-было не перешелъ, подъ вліяніемъ своего увлеченія, съ историческаго на специально-богословское отдѣленіе; но во-время одумался и занялся греческой мнѳологіей. Мнѳон Штоля навелъ его на мысли о мнѳахъ славянскихъ. Онъ занимался истіи общей исторіей славянскихъ народностей. Досталъ на-прокатъ отъ знакомаго букиниста Венелина, вынулъ подходящія вещи изъ академической библіотеки и даже выписалъ за свой собственный счетъ изъ Петербурга нѣсколько книгъ, пѣсни славянскихъ народовъ и т. п. Переводомъ и выборомъ пѣсенъ онъ, впрочемъ, остался недоволенъ и немедленно же составилъ проектъ собственнаго изданія, сталъ переводить самъ новыя пѣсни со словъ студентовъ славянъ, сербовъ и болгаръ, бывшихъ въ академіи. Способностями въ рѳмоплетству и стихосложенію онъ отличался издавна, а помощь ему оказывалась съ увлеченіемъ; но подоспѣвшее герцеговинское возстаніе въ началѣ чуть-было не охладило его собственнаго увлеченія. Онъ не любилъ заниматься модными вопросами, о которыхъ судачили бабы на базарахъ. И однако на этотъ разъ не выдержалъ и увлекся еще разъ и сильнѣе прежняго. Роль знатока, специалиста въ дѣлѣ, глубоко захватившемъ общественное вниманіе, пришлась по нраву и по вкусу ему. Въ домашнемъ академическомъ быту, между товарищами-студентами, онъ и вообще ранѣе того считался головой, человѣкомъ свѣдущимъ и компетентнымъ по самымъ разнообразнымъ вопросамъ. Въ нему приходили читать готовыя студенческія сочиненія; къ нему обращались съ вопросами и за справками, въ качествѣ живой энциклопедіи, студенты всѣхъ курсовъ.

Терновець, однокурсникъ его, однокашникъ по семинаріи и пріятель, находился до нѣкоторой степени подъ вліяніемъ его, въ чемъ самъ откровенно сознавался, но что не мѣшало ему въ качествѣ коренного хохла спорить съ нимъ до зубоваго скрежета. По поводу своей неудачи съ диссертацией онъ также, по обыкновенію, не проникся никакими изобличеніями и продолжалъ объяснять дѣло съ своей точки зрѣнія.

— Потому, черти они, анаемы! Одно слово, что черти! — энергически заключилъ онъ.

— Ну, это пусть будетъ такъ, а вотъ чего я въ толкъ не вожу: изъ-за чего ты-то выпатишься этакимъ манеромъ? — спросилъ Меліоранскій, раздвигая свои стулья и вставая съ мѣста. — Вѣдь, въ концѣ-концовъ, въ концѣ твоего «Воспитанія» стоитъ «удовлетворительно»? Такъ, что ли?

— Такъ.

— Ну, что и требовалось доказать. Остальное все не суть важно. Или ты, можетъ быть, на медаль, на премію билъ?

— Кто говорить про медаль! Не въ медали дѣло.

— Такъ въ чемъ же?

— Дѣло... Нѣтъ, скажи на милость, зачѣмъ ты все это говоришь? Нарочно? — неожиданно и горячо перебилъ самого себя Терновецъ. — Зачѣмъ ты не хочешь взять вопроса глубже? Не въ медали же въ самомъ дѣлѣ вопросъ, и даже не въ моемъ злополучномъ «Народномъ воспитаніи», а въ томъ, что... чтó же это такое наконецъ! Въ средніе вѣка мы здѣсь, что ли, живемъ? Въ католическомъ аббатствѣ? Ну, положимъ, академія духовная, не университетъ, такъ вѣдь не демагогъ же и я въ самомъ дѣлѣ, что они ополчились такъ на меня цѣлымъ соборомъ. Что я такое написалъ? Ну, что? Вещи самыя обыкновенныя, которыя извѣстны у насъ любому гимназисту, которыя навѣрное встрѣтишь въ каждомъ «Внутреннемъ Обзорѣніи» въ каждомъ толстомъ журналѣ. Что народъ нашъ коснѣетъ въ невѣжествѣ — это даже и изреченіе-то ихъ собственное, духовно-обличительное. Что тѣ средства просвѣщенія народа, которыя употребляются у насъ до настоящаго времени, не достигаютъ цѣли своей, это тоже, кажется, истина общезвѣстная. Наконецъ, тѣ средства, которыя предлагалъ я, такъ вѣдь не я же ихъ выдумалъ, а только извѣстнымъ образомъ освѣтилъ и скомбинировалъ. Объ нихъ все время шли споры и толки въ нашей литературѣ и ничьего цензурнаго преслѣдованія они не возбуждали. Насчетъ Лассаля и Луи-Блана ты напрасно это... не при чемъ они тутъ. Да и не въ нихъ дѣло! А дѣло живое, слова живыя, не пахнутъ слепомъ, жертвчиной, проклятой схоластикой! И чтó всего ужаснѣе...

— Ужъ чего еще ужаснѣе! — неожиданно замѣтилъ Меліоранскій.

Терновецъ взглянулъ на него, отвернулся и вдругъ замолчалъ.

Меліоранскій стоялъ передъ нимъ въ любимой позѣ, выставивъ впередъ ногу, засунувъ обѣ руки въ боковые карманы панталонъ; въ слабомъ свѣтѣ сгущавшихся сумерекъ обрисовы-

валась на фонѣ окна его тщедушная, сильно-сгорбленная фигура въ неуклюже-спитомъ казенномъ сюртучѣ. Вся его подвижная, некрасивая по чертамъ, но привлекательная своимъ постоянно оживленнымъ выраженіемъ, фізіономія, отразила насмѣшливую, чуть-чуть презрительную улыбку.

— Нѣтъ, ты, братъ, чудакъ, какъ я на тебя погляжу! Я думалъ, ты всю эту канитель отъ дѣлать-нечего, для очистки совѣсти ведешь, а ты, вѣстается, и въ-заправду задумалъ, въ сурьёзъ! Каково ораторствуетъ! Живыхъ словъ, видите ли, живого отношенія захотѣлъ! Еще чего не потребуется ли? Хорошо по крайней мѣрѣ, что въ время спохватился.

— При чемъ тутъ время, не понимаю, — огрызнулся-было Терновецъ, но онъ не далъ ему договорить.

— При чемъ время! А при томъ, батенька ты мой, что осталось тебѣ времени два мѣсяца, 61 день находится здѣсь, въ этомъ аббатствѣ, возиться со всей этой дребеденью, и плавать бы я хотѣлъ на всѣ ихъ отношенія живыя и мертвыя. Ну ихъ къ дьяволу совсѣмъ и съ отношеніями! Въ первинку, что ли, въ самомъ дѣлѣ? Четыре года тянулъ, че-тыр-надцать годовъ тянулъ — терпѣлъ, — такъ что ужъ теперь-то разговаривать! Теперь, помнѣ, одно только дѣло и есть: удрать отсюда, выбраться по-скорѣй, лишняго дня не остаться здѣсь. А какъ выбраться — не все ли равно? Въ сущности, это ничего не измѣнитъ. Че-тыре-то года, братъ, все равно отслуживать придется, это ужъ тамъ какъ ни верти. А это главное.

Меліоранскій вынулъ руки изъ кармановъ и неожиданно, незамѣтно для самого себя перешелъ въ другой тонъ, заговорилъ проще и естественнѣе, забывая на минуту свою напускную и дѣланную, ставшую какъ-бы естественною, насмѣшливость.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ! Удивительное это для меня всегда было дѣло, — продолжалъ онъ черезъ минуту, прохаживаясь мелкими шажками вдоль по комнатѣ. — Удивительное дѣло! Какъ это — прожить на свѣтѣ два съ лишнимъ десятка лѣтъ и все смотрѣть на свѣтъ Божій глазами Евы въ моментъ созданія. Есть такая статуя, на парижской выставѣ была, въ «Живописномъ Обзорѣніи» я видѣлъ: «Ева въ моментъ созданія». Стоитъ Ева, глядитъ во всѣ глаза и не видитъ ничего, обомлѣла въ созерцаніи. Тамъ Евѣ-то это все же приличнѣе. А намъ съ тобой куда ужъ какъ не въ лицу, не пристало. Ну, кому оно нужно, твое «Воспитаніе»? Передъ кѣмъ ты распинался, съ кѣмъ войну затѣвалъ? Съ вѣтранными мельницами? Донъ-Кихотъ Боголюбскій! И вотъ ты говоришь, что ничего такого особеннаго не сказалъ въ своемъ

то наколачиваетъ. Я его спрашиваю: что вы это, молъ, батюшка? А онъ мнѣ: ограду, говорить, вотъ хочу оградить. Это зачѣмъ же такъ, спрашиваю, для какой-такой потребности ограда понадобилась? Отъ барышень ограду, говорить. Какъ-такъ — отъ барышень? Какія-такія барышни? Да такъ, говорить, барышни тутъ больно ужъ во множествѣ проявились, стали ходить въ намъ сюда, въ нашъ садъ гулять. Никакой огрожности на нихъ не стало: ходить мимо, да цвѣты и рвутъ. (У него вѣдь, знаешь, тамъ цвѣтничокъ свой особый, *собственный* заведенъ въ уголѣ). Одна сорветъ — за ухо заткнетъ, другая сорветъ — за корсетъ сунетъ... Всѣ цвѣты перевали! Ну, такъ вотъ теперь чуть снѣгъ сойдетъ, чтобы ужъ ограда была. Авось, хоть черезъ ограду-то не достанутъ. Ну, можешь ты это теперь понять: признаки, или нѣтъ? Да такъ жалобно говорить старикъ. Даже жалко стало старика, право...

Терновецъ, улыбавшійся во все время разсказа, вдругъ не выдержалъ и захохоталъ во все гърло басистымъ и въ то же время мальчишески раскатистымъ хохотомъ, гулко раздавшимся подъ глубокими сводами. Глядя на него, и Меліоранскій засмѣялся страннымъ, характернымъ смѣхомъ. Такимъ смѣхомъ смѣются гимназисты-пансіонеры, ученики и ученицы закрытыхъ учебныхъ заведеній. Въ семинаріи и затѣмъ въ академіи смѣхъ этотъ былъ особенно выработанъ, но никто не обладалъ искусствомъ смѣяться такъ, какъ смѣялся Меліоранскій; онъ могъ хохотать и только по блеску глазъ, по раздвинувшимся, не прикрытымъ усами губамъ, да по напряжвшимся мускуламъ на худой шеѣ, можно было замѣтить, что онъ смѣется. Ни единого звука не было слышно.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, кромѣ смѣха, — началъ онъ снова, дѣлая серьезное лицо. — Дѣло-то выходитъ, братъ, поразительное! Тутъ и до слянія, и до упраздненія, пожалуй, что и до богословскаго факультета недалеко. Ты понимаешь ли...

— Да что понимать, не понимаю! — все не переставая улыбаться, спросилъ Терновецъ.

— Какъ что? Вѣдь это оно и есть — признаки времени — барышни-то. И какіе еще характерные признаки! Прежде ихъ не было, а теперь вотъ есть. Вотъ она откуда начинается секуляризація-то твоя. Слыханое ли это было дѣло хоть бы лѣтъ пять, десять тому назадъ, чтобы барышни въ монастырскій садъ гулять ходили! Въ церковь — и назадъ... А теперь вотъ гулять остаются, прогуливаются. И премило прогуливаются, надо сказать... И ограда отца Никанора — это что такое, замѣть, ты понимаешь

ли? Это вѣдь — покорность промыслу. Складывается, значить, чело-
вѣкъ оружіе передъ неотразимостью совершившагося факта; чув-
ствуетъ безсилье свое передъ барьерами. Раньше надо было —
не доглядѣли; а теперь поздно уже — проглядѣли. Совершилось
это, разумѣется, не вдругъ, постепенно, почти незамѣтно, а теперь,
когда вдругъ замѣтили, только одно и остается, что другую
ограду оградить, поменьше да позже, и ретироваться за нее,
потому — первая-то уже въ рукахъ непріятеля. Такъ оно, замѣть,
и по военной стратегіи полагается... Да, брать! Жизнь — это такое
дѣло... Отъ нея ни крестомъ, ни пестомъ, никакими оградями
оградиться нельзя. Любопытная штука, брать! Вотъ лови моменты,
наблюдай, уловляй... Позанятнѣе будетъ твоего «Воспитанія».
(Мелиоранскій бросилъ послѣднюю папиросу на полъ, придавилъ
ее каблукомъ и сталъ въ позу). Придетъ время, всѣ ограды
падутъ сами собой, не останется камня на камнѣ... И останешься
ты тогда сидѣть на рѣвахъ Вавилонскихъ...

— Ну, это еще Улита вѣдетъ, когда-то будетъ. А вотъ чего
мы теперь-то, загодя, здѣсь сидимъ? — замѣтилъ Терновецъ.

— Вѣрно! Чего мы здѣсь сидимъ, когда можемъ не сидѣть!
Буда наши пропали? не видать нивого.

Мелиоранскій заглянулъ въ дверь въ комнату рядомъ.

Въ комнатѣ была совершенная темнота.

Терновецъ неожиданно хлопнулъ себя рукою по лбу.

— Батюшки! Забылъ! И вправду, вѣдь все съ этимъ ана-
оемствомъ, съ «Воспитаніемъ» своимъ, позабылъ! Кузьма Михай-
ловичъ! Чего мы сидимъ? Вѣдь сегодня ярмарка... конецъ, по-
слѣдній день!..

Открытіе это, имѣвшее, повидимому, такое значеніе для Тер-
новца, не произвело большого впечатлѣнія на Мелиоранскаго.
Онъ только подтвердилъ еще разъ, что если Терновецъ въ дру-
гой разъ еще выкажетъ подобное же рвеніе въ занятіямъ фило-
софскими науками и народнымъ воспитаніемъ, то, конечно, за-
будетъ не только день закрытія ярмарки, но день и годъ соб-
ственнаго рожденія, и въ какомъ году и даже гдѣ онъ живетъ.

Терновецъ не возражалъ и убѣждалъ теперь въ одномъ: не
терять больше времени и поскорѣй собираться въ путь.

— Еще успѣемъ! Что-нибудь да захватимъ, — твердилъ онъ,
двигаясь въ торопахъ въ темной комнатѣ, розыскивая свои вещи
и въ потьмахъ натываясь и сдвигая съ мѣста разставленную
мебель.

Мелиоранскій шарилъ руками по загроможденному всякимъ
хламомъ окну и, не торопясь, разыскивалъ синтики.

— Должно быть, отошла всенощная-то, — сказалъ онъ, прислушиваясь къ гудѣвшему колоколу.

Какъ-бы въ отвѣтъ на его слова по галлерей вдоль оконъ послышался уторможенный топотъ нѣсколькихъ ногъ. Кто-то съ размаху бросился отворять дверь въ сѣняхъ. Щекотла щелкнула; пристывленная съ мороза, дверь заныла и отперлась, и нѣсколько человѣкъ вошли въ комнату.

— Эй! Кто! Откуда? — весело окликнулъ Терновецъ.

Спичка вспыхнула въ рукахъ Меліоранскаго и освѣтила неожиданную группу.

Впередѣ, въ одной легкой, шерстяной, комнатной раскѣ шелъ монахъ, исполнявшій должность академическаго инспектора; за нимъ дьячокъ безъ шапки и въ распахнутой шубѣ, и за ними въ теплой кацавейкѣ, въ огромномъ, обмотанномъ вокругъ шеи шерстяномъ платѣ старая женщина — богомолка, постоянная посѣтельница Дружскаго монастыря. Всѣ втроемъ они несли что-то длинное, видимо тяжелое, неподвижно-прикрытое мѣховой тяжелой расой, конецъ которой волочился по полу.

— Огня!.. Поскорѣй! Сюда... куда положить?

Худенькій, коротконогій дьячокъ нагибался подъ тяжестью ноши.

— Кто? Что, а?.. Что случилось? — подбѣгая, испуганнымъ голосомъ спросилъ Терновецъ. — Ахъ, Пирамидовъ! — проговорилъ онъ, узнавая. — Какъ это съ нимъ?

— Въ церкви... дурно... подступило... куда положить?

— Сюда пожалуйста, въ спальную, батюшка, — сказалъ Меліоранскій, сообразившись и тотчасъ же пошелъ впередъ со свѣчою въ рукѣ.

Больного положили въ спальнѣ, на одну изъ желѣзныхъ кроватей, поставленныхъ вдоль стѣны; дьячокъ снялъ шубу, Терновецъ, нагибаясь, не попадая и краснѣя и морщась отъ усилія, теребилъ пальцами все одну и ту же пуговицу застѣгнутаго сюртука.

IV.

Маленькая, толстая женщина, съ заплаканнымъ, старымъ, смыленнымъ лицомъ, размотала съ шеи толстый платокъ, распахнула кацавейку и, быстро раздвигая другихъ, продвинулась къ постели впередъ; проверными, энергическими движеніями маленькихъ, умѣлыхъ рукъ, она ловко принялась распорядиться,

развязывать тесемки и разстегивать пугови, отстраняя мужчинъ, вздыхая и наклоняясь надъ больнымъ и нѣжнымъ шопотомъ что-то приговаривая и причитая надъ нимъ. Слышалось:— «ба-тюшка!.. ахъ, родной! Да какъ же такъ-то!.. Нѣтъ, ужъ вы по-вольте, сударь! Сама, сейчасъ... сію минуту, сейчасъ».

И затѣмъ опять: «Подступило, знать... Ахъ сердешный! Ахъ, ахъ, ахъ!»...

И въ то же время снимались сапоги, стягивались проворно, но не спѣша, не вывертывая плечъ, узкіе рукава куртука и еще черезъ минуту, больной, раздѣтый, въ рубашѣ, съ разстегнутымъ тѣснымъ воротомъ, прикрытый по грудь байковымъ казеннымъ одѣяломъ, лежалъ высоко на взбитыхъ подушкахъ и медленно и тяжело дышалъ.

Дьячка отрядили въ больницу за фельдшеромъ и въ аптеку за спиртомъ. Принесли въ чайникъ воды. Трое мужчинъ въ недоумѣніи переглянулись между собой, какъ-бы спрашивая другъ друга: что бы еще слѣдовало предпринять и исполнить въ подобныхъ обстоятельствахъ?

Терновецъ хлопотливо отбѣжалъ затѣмъ-то въ уголокъ къ дальнему окну.

Пирамидовъ приходилъ въ себя. Онъ открылъ глаза.

— Отошло?!.. Господи Іисусе Христе! Слава Владычицѣ Дружской Богородицѣ! Отошло-ль, сынокъ родной?..— нѣжнымъ, слезливымъ, почти плачущимъ шопотомъ спросила старуха, крестясь и въ то же время перегибаясь надъ постелью и подправляя подъ матрасъ край одѣяла съ противоположной стороны.

На лицѣ больного съ опухшими, будто прищуренными глазами выразилось изумленіе. Онъ, съ усиліемъ поднимая толстыя вѣки, и все шире и шире открывая глаза, бессмысленно и, видимо, безсильно остановилъ ихъ на одной точкѣ передъ собой.

Старуха другими словами, не вѣмѣняя интонаціи и приближая свое лицо къ его лицу, повторила вопросъ.

Онъ прислушался, сдѣлалъ рѣзкое движеніе головой, оглядывая передъ собой стоявшихъ надъ нимъ, въ ногахъ у его постели, людей и, быстро отвернувшись, какъ дѣлаетъ человекъ, когда увидить совсѣмъ не то, чего ожидалъ и желалъ, повернулся на голосъ въ сторону старой женщинѣ. Старуха осторожно, оправляя ватную юбку, усаживалась подлѣ кровати на деревянный табуретъ. Его взглядъ остановился на ней. Выраженіе яркой, удивленной, почти восторженной радости освѣтило все его изнеможенное лицо. Онъ усмѣхнулся и протанулъ руку. Потомъ быстрымъ, рѣшительнымъ, свободнымъ, какъ у здороваго,

движеніемъ онъ повернулся всѣмъ тѣломъ на другой бокъ, схватилъ протянутую передъ нимъ руку старой женщины, сжалъ ее въ своихъ обѣихъ рукахъ и подложилъ себѣ подъ щеку на подушкѣ. Черезъ минуту еще разъ оглядѣлъ ее, внимательно заглядывая ей прямо въ лицо, какъ будто желая удостовѣрить себя въ ея присутствіи, въ томъ, что это была точно и именно она, онъ спокойно опустилъ голову и закрылъ глаза.

— Спать хотять,—умиленно произнесла женщина.—Что-жъ, я останусь, батюшка, посижу, коли что... коли можно,—тотчасъ же, осторожно спохватившись, прибавила она, замѣтивъ мгновенное выраженіе замѣшательства на лицахъ стоявшихъ мужчинъ. Они конфузливо переглянулись между собой.

— Нельзя, нельзя, матушка,—какъ-то застѣнчиво отворачиваясь отъ нея, слегка шепелявя, проговорилъ инспекторъ, еще не старый монахъ, съ красивой, съ проборомъ на серединѣ, рыжей головой и съ кроткимъ взглядомъ свѣтлыхъ, пугливыхъ глазъ.

— Нельзя, надо тебѣ уходить.

И онъ самъ отвернулся и отошелъ отъ кровати.

Меліоранскій отнесъ свѣчку на окно и загородилъ книгой свѣтъ.

Старуха, не возражая, покорно привстала съ табурета и съ минуту подождала.

Пирамидовъ лежалъ неподвижно. Она тихимъ, осторожнымъ движеніемъ, что-то пришептывая и чуть-чуть передвигая руку, вытянула ее изъ-подъ подушки и снова подождала. Больной не шевелился и, судя по дыханію, спалъ.

Старуха принялась креститься на уголь, быстро и коротко взмахивая коротенькой, пухлой рукой; не спѣша, покрыла голову огромнымъ платкомъ и, покончивъ свое дѣло и отеланившись на обѣ стороны, неслышными шагами вышла изъ комнаты.

Всѣ последовали за ней.

— Какъ стоялъ, значить, такъ ровно вотъ подстрѣлилъ это. Вдругъ эта слышу—бацъ! — объяснялъ въ другой комнатѣ, вороватившись со стеклянкой нашатырнаго спирта, дячокъ, отвѣчая на вопросы Терновца.—Побѣждалъ—анъ ужъ онъ, гляди, на полу. Подхватить-то не успѣли. Извѣстно, ярмарка, дѣло—масляница, народу-то нивого. Ну, а эта, значить, нести, пособлять увязалась.

— Вы, что-же, уходите, господа? — спросилъ инспекторъ, выходя изъ спальни и обращаясь къ студентамъ.

Онъ взялъ со стола высокую шапку и съ видимымъ удовольствіемъ всовывалъ озябшія руки въ широкіе, мѣховые рукава шубы, которую сзади почтительно подавалъ ему дьячокъ.

— Мы было на ярмарку, батюшка, да вотъ... больной-то, — замаялся Терновецъ.

— Кавуна дядьку можно позвать, — предложилъ Меліоранскій.

— Хорошо, Кавуна. Что-жъ, все равно. Съ Богомъ! Фельдшеръ придетъ?

— Идутъ они, батюшка, — отвѣтилъ дьячокъ.

Фельдшеръ вошелъ. Всѣ осторожно вышли изъ комнаты.

Черезъ пять минутъ Меліоранскій въ круглой, мелкой истрепанной шляпенкѣ, на своихъ козыхъ ножкахъ спускался вмѣстѣ съ Терновцемъ по лѣстницѣ отъ монастырскихъ воротъ и съ обыкновенными своими ужимочками импровизировалъ пародію, вдохновляясь только-что происшедшимъ случаемъ.

— Терновецъ! Слушай! Тебѣ въ назиданіе:

„Такъ вотъ удѣлъ твоихъ сыновъ,
Наука, мудрости пучина“!..

— Ну, дальше какъ?

— Придумывай. Да слушай же!

Но Терновецъ не слушалъ его. На площади зажигали фонари. Онъ шагаль впередъ, прижимая пледъ высоко въ обѣихъ щекамъ, вдыхая морозный воздухъ и вздрагивая на холодѣ въ легкомъ пальто, глазѣлъ на толпу и чему-то улыбался и радовался.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I.

Въ два часа ночи огромная спальня въ нижнемъ этажѣ *сертена* была освѣщена тусклымъ свѣтомъ дрянной лампы, повѣшенной на стѣнѣ у входной двери и неравномѣрно освѣщавшей комнату. Первые, ближайшіе къ лампѣ предметы освѣщались довольно отчетливо: можно было разглядѣть вродати, спящія фигуры на нихъ и даже сонныя лица. Но чѣмъ дальше отъ стѣны, тѣмъ неопредѣленнѣе становились очертанія; фигуры обращались въ бугры и бѣлыя и темныя разнovidныя пятна, и въ концѣ, у противоположнаго простѣнна, все сливалось въ общую, неопредѣленно темную массу.

Населеніе спало. Многоголосый храпъ стоялъ въ комнатѣ. Изрѣдка слышались безсвязныя рѣчи: кто-то ругался, призывалъ чертей и бессмысленно бормоталъ во снѣ; въ другомъ мѣстѣ раздавалось оханье и тоскливый бредъ тихимъ, почти дѣтскимъ голосомъ. Мыши скреблись съ разныхъ сторонъ. Въ глубокихъ окнахъ чернѣла морозная ночь и почти зимній холодъ стоялъ въ спальнѣ.

Пирамидовъ не спалъ. Онъ вдругъ проснулся среди ночи. Онъ попробовалъ-было опять заснуть, но тутъ же повалъ, что уже проспалъ весь свой сонъ и что теперь уже не заснетъ ни за что. Онъ сталъ безпокойно ворочаться на жесткомъ тюфякѣ и покашливать; потомъ вдругъ вспомнилъ, что докторъ велѣлъ беречь грудь и по этому поводу вдругъ закашлялся, задохнулся и почувствовалъ, что на груди у него лежитъ знакомая чугунная плита. Онъ сдѣлалъ страшное усиліе, чтобы сдвинуть плиту: сдвинулъ плечи и изо всей мочи потянулъ въ себя воздухъ, такъ что одна ключица щелкнула и завыла, и ему показалось на секунду, что она переломилась. Но глубокій вздохъ не облегчилъ его. Главное дѣло—нечѣмъ было дышать. Воздуху не было никакого. Въ спальнѣ стояла монастырская духота, какая бываетъ въ монастыряхъ въ глухую полночь: густая, холодная и неподвижная, вся проникнутая насквозь копотью, ладаномъ и деревяннымъ масломъ. Больному чудилось, что въ грудь ему вливается какая-то холодная, густая смола. Плита лежала по-прежнему на груди неподвижно. Ему стало страшно. Онъ судорожно приподнялся, повернулся, сѣлъ и спустилъ ноги съ кровати. Потъ съ головы побѣжалъ у него по вискамъ и за шею; рубашка прилипла къ мокрой спинѣ; грудь тоже вся взмокла. Легкія работали судорожно и часто, и при этомъ самъ больной очень ясно могъ слышать, какъ у него въ груди что-то посвистываетъ; точно гдѣ-то тамъ, далеко, вставлена дрянная маленькая дудочка. Онъ дышалъ, а она посвистывала. Начался припадокъ судорожнаго кашля. Послѣ кашля наступило облегченіе. Все прошло, только слабость осталась, да плита на груди нѣтъ-нѣтъ и давала себя чувствовать.

Пирамидовъ такъ и остался, сѣдя на кровати, свѣсивъ ноги, съ закрытыми глазами и крѣпко прижавъ въ груди крестообразно сложенные руки. Онъ просидѣлъ такъ съ полчаса совершенно неподвижно, пока не улеглась въ груди буря, поднятая кашлемъ. Мало-по-малу испарина прекратилась; рубаша на холодѣ стала обсыхать; виски перестали биться и дыханіе стало тише и короче.

— Вотъ вѣдь истинные отшельники именно такъ и должны проводить большую часть ночи,—подумалъ про себя больной.— Именно такъ и нужно сидѣть на одрѣ своемъ, преклоня голову и выю, поникнувъ долу. Григорій Синаитъ сказалъ: «въ терпѣніи да будетъ сѣдѣніе твое». Да! Именно такъ: неподвижно, безмолвно и даже дышать, по возможности, не часто. И отъ этого тоже нужно воздерживаться. Да, ну ужъ вотъ этого-то я не могу! При всемъ моемъ желаніи... Нѣтъ... Что дѣлать!.. А преподобный Нилъ Сорскій и блаженный Филофей... Кажется, Филофей?... Впрочемъ, нѣтъ, кажется, Нилъ это у Филофея и у Исаака Сирина заимствовалъ... Да и вообще они, всѣ эти восточные глубокіе-то аскеты, они такъ и учили: «пребывай затвореннымъ въ сердцѣ». Необходима борьба съ помыслами, чтобы пресѣчь имъ всякій доступъ... Особенно во время молитвы. Въ это время даже добрые помыслы слѣдуетъ отгонять. Да, непременно. Это давно извѣстно. Пустяки его, добрый-то помыселъ, а онъ отворить дверь и лукавому. Да, не надо думать, не надо думать!... Не надо думать вовсе, вообще! Потому что мысль—это вѣдь «скоролетающая и безстыдная птица», какъ говоритъ св. Исаакъ Сиринъ. И именно такъ. Справедливо весьма говорить. Весьма вѣрно. Вотъ и мать, помнится, тоже говорила...

II.

Но что говорила мать, онъ уже не вспомнилъ, потому что въ это мгновеніе открылъ глаза и обвелъ ими комнату. Взглядъ его остановился прямо передъ собой на сплошной, безъ оконъ, задней стѣнѣ комнаты. Онъ сейчасъ же отвелъ глаза въ сторону и старался не смотрѣть, но глаза сами вернулись къ стѣнѣ и впились въ нее. Тогда онъ почувствовалъ, что уже не можетъ болѣе владѣть ими; зрачки стали расширяться; грудь опять заработала чаще.

Задняя стѣна комнаты, освѣщенная лампой, стояла передъ нимъ какъ нарисованная нѣжной, отчотливой кистью, съ соблюденіемъ тончайшихъ переходовъ изъ тѣни въ тѣнь: первая — у самой лампы, у входной двери, ярко-бѣлая, во всю длину освѣщенная часть стѣны незамѣтно переходила одной стороною своей въ нѣжно-сѣрый, почти сиреневый цвѣтъ; потомъ, по мѣрѣ удаленія отъ источника свѣта, сѣрая тѣнь становилась гуще, свѣтлое пространство ламповаго освѣщенія по срединѣ стѣны равно-

мѣрно служивалось и, соответственно расширяясь книзу и въ потолоку, расплываясь темнѣющими, все сгущавшимися рядами— все кончалось въ углу черной, непроглядно-сгустившейся темнотой.

Пирамидовъ пристально, не отрывая глазъ, всматривался въ эту темноту. Уголъ этотъ давно, за время безсонныхъ ночей, былъ знакомъ ему. Здѣсь чаще всего представлялась ему *она*— его *полоса*...

— О, Господи! Господи! Охъ! «Охъ и полоса-ль ты моя, да полосыньва!..» — вдругъ прозвучало у него въ головѣ и прозвучало голосомъ, мотивомъ, деревенскимъ, пѣсеннымъ складомъ... И ему стало страшно. Страшно того, что это такое для него поразительное, ставшее такимъ всепоглощающимъ слово *полоса*, что оно могло имѣть другое, обыденное, простое значеніе, могло встрѣчаться и въ чужихъ рѣчахъ, и даже въ пѣсняхъ. «Полоса, что ли, находить на васъ?» вспомнилъ онъ слова доктора. Хорошо, кабы только находила, это бы еще можно жить. А вотъ какъ она...

Но она исчезла, и страшнаго на этотъ разъ не было ничего, а только темнота въ углу дѣлалась всегда совсѣмъ особенная, какой нигдѣ не бывало больше: она была сплошная, цвѣта чернаго бархата, безъ всякихъ просвѣтовъ и оттѣнковъ, и въ то же время будто подвижная, колебавшаяся и поднимающаяся равномернымъ и однообразно-упругимъ движеніемъ, какъ дыханіемъ. И изъ этой дышавшей темноты, словно изъ-за театральныхъ кулисъ, изъ-за стѣнъ гигантскаго волшебнаго фонаря, выходили и вырисовывались передъ нимъ на фонѣ освѣщенной стѣны, почти помимо его воли, будто сами собой, образы, лица, событія въ картинахъ, безконечные ряды картинъ... Они появлялись одни за другими и, словно, увлекали и вызывали одинъ другого. И чѣмъ дальше, каждую ночь все больше и все яснѣе. Будто сцена была и шло представленіе, какъ онъ видѣлъ разъ въ дѣтствѣ въ ярмарочномъ балаганѣ. Только все было не новое, неожиданное и неестественное, какъ тогда, въ балаганѣ, а все старое, настоящее, и именно знакомое, и даже больше и ближе, чѣмъ знакомое.

Когда онъ проснулся еще послѣ обморока, поздно вечеромъ, на кровати въ спальнѣ, товарищи его готовились спать, раздѣвались и укладывались по постелямъ. Вокругъ шелъ оживленный говоръ. О чемъ-то спорили, толковали, смѣялись. Никто не замѣтилъ, что онъ уже не спалъ. Онъ вслушался—разсказывали. Говорилъ Меліоранскій, близко отъ него; говорилъ про бабу...

— Баба пришла... сѣла... Пирамидовъ поцѣловалъ у бабы руку...

— Чего?

— Ну, видно, думалъ—мамашенька. Раскись!...

Засмѣялись. Онъ услышалъ, что это говорили, что это смѣялись надъ нимъ. Кто-то оглянулся въ его сторону, а онъ замурилъ глаза. Онъ не хотѣлъ одного: чтобы его замѣтили, а ему было все равно. Онъ не зналъ, что это за баба, о которой шла рѣчь, не помнить никакой бабы... Но все равно! Спрашивать ему не было охоты. Онъ вспомнилъ: онъ видѣлъ мать. Во снѣ это было, чтѣ-ли?.. Онъ зналъ одно: во весь день, подъ вліяніемъ ли бесѣды съ докторомъ, по другой ли причинѣ—все его прежнее, прожитая жизнь, мать, отецъ, дѣдъ, деревенскій домъ—все это вдругъ встало передъ нимъ, поднялось и стояло неотступно, заслоня все другое, чтѣ происходило вокругъ... И стояло въ какомъ-то новомъ, небываломъ до того свѣтѣ. Бываютъ такія минуты! Все это вдругъ полѣзетъ, пойдетъ, пойдетъ, и удержи нѣтъ. Отрывочно, клочками, скачками, а между тѣмъ во всей поразительной ясности...

Больной машинально запахнулъ одѣяломъ ноги, забнувшія наружи, и откинулся на подушки. Глаза съ расширенными зрачками неподвижно впились въ темноту и чугунная плита сама собой начала сдвигаться съ груди...

«О вы, святые, умѣвшіе обуздать свои помыслы, свои порывы душевные, блаженные угодники Божіи! О вы, думы, мысли, «скоролетящія и безстыдныя птицы»!... О вы, сокровенныя раны душевныя, вы безотрадныя и постыдныя, накупѣвшія на сердцѣ и родныя сердцу воспоминанія!...

«И все это было! Только неужели это *такъ* было? Когда-нибудь — именно такъ? Давно, давно... Да! О, Господи, какъ давно!»...

Онъ былъ тогда желтоголовымъ мальчикомъ. Онъ былъ тоже боленъ тогда и лежалъ тогда на своей кровати, на маленькой, крашеной, деревянной кровати, съ частой рѣшеткой по сторонамъ. Онъ смотрѣлъ черезъ палочки рѣшетки. Передъ нимъ была чистая комната. Солнце свѣтило въ закрытыя окна. Мухи стукались и звенѣли о стекла. Сладкій аромать липоваго цвѣта, звѣробоя и розоваго листа усиливался еще отъ жара и духоты въ комнатѣ. Самоваръ на лежанкѣ съ поставленнымъ на комфорку, высокимъ чайникомъ съ бузинымъ настоемъ, казался въ бокъ, съ низу, съ кровати—узкимъ, огромнымъ въ вышину,

не ниже верстового столба на почтовой дорогѣ. Высокій, блестящій столбъ, не переставая, звенить тонкимъ голосомъ... А рядомъ, съ боку, между кроваткой и лежанкой — мать. Мать сидитъ. Чулокъ вяжетъ. Не шевелится. Только руки, теплые, длинные, бѣлые пальцы быстро, равномерно перебираютъ и шевелятся, и съ легкимъ стальнымъ звукомъ, сталкиваясь и скрепясь между собой подъ бѣлыми пальцами, блестятъ и мелькаютъ острыя, блестящія вязальные спицы. Лица не видать. Видны низко зашпиленные косы, и часть худой шеи, и часть задумчиваго, энергическаго, наклоненнаго профиля.

Тихо.

— Мамка!

— Спи, спи! Головка не будетъ болѣть.

— Она и то не болитъ — головка-то.

— Еще сосни. Еще легче будетъ.

— А ты мнѣ ягодовъ дашь?

— Дамъ.

— А я ихъ люблю — ягодовъ-то...

— Ну, хорошо! Спи себѣ.

Онъ беретъ ея руку — горячую, мягкую, и привычнымъ ласкающимъ движеніемъ кладетъ ее къ себѣ подъ щеку. Другая рука, съ чулкомъ, легла вдоль колѣнъ...

И опять сонъ! И не сонъ, а какое-то особенное, дремотное, полусознательное, блаженное времяпровожденіе. Состояніе полного покоя, безусловнаго спокойствія, невозможное и немислимое уже никогда, ни въ какую другую пору жизни, ни при какихъ другихъ условіяхъ; состояніе, возможное только въ присутствіи лица, возбуждающаго полное, безграничное довѣріе къ своей особѣ, къ своей привязанности и, въ то же время, къ своей силѣ, своему могуществу, способному оградить отъ всякаго зла, огорченія и бѣды, — состояніе, возможное только для маленькаго ребенка въ присутствіи матери. И всѣ условія обстановки: эти увядающіе цвѣты, этотъ тихій солнечный закатъ, и этотъ свѣтъ, и этотъ запахъ — такъ соотвѣтствуютъ другъ другу и этому состоянію, что кажется невозможнымъ и непонятнымъ, чтобы могли выздоравливать другіе люди при другихъ условіяхъ и въ другой обстановкѣ.

И онъ выздоравлилъ. Онъ все тогда болѣлъ и все выздоравливалъ. Не будь матери, онъ убѣжалъ бы тогда — здоровый — на зады, на земную, залитую жаркимъ солнцемъ луговину, гдѣ шумѣли и играли пѣсни крестьянскіе ребята. Онъ лише всѣхъ закинулъ бы въ лужу каменную галку. Онъ громче всѣхъ закры-

чалъ бы: «ату, братцы, ату ее, держи ее!» на чужую, забѣглую изъ чужой деревни собаку... Но мать съ нимъ, и не велитъ ему, дьяконскому сыну, заводить игры съ простыми, мужичьими ребятенками. Мать неотлучно съ нимъ въ горницахъ, въ палисадникѣ, въ гостяхъ у батюшки и у княжескаго управляющаго. «Мама! мамка! мамушка, родимушка ты моя!»... Онъ ее любилъ. Онъ тогда такъ звалъ свою мать.... А отецъ? Отца нѣтъ. Его дома нѣтъ. Отецъ въ городѣ.

Въ цѣломъ селѣ, во всемъ городѣ нѣтъ человека лучше его отца. Отецъ красивый... Онъ очень красивый... Ахъ, онъ красавецъ! Вотъ онъ! Стоить, какъ рисованный, какъ живой, какимъ былъ въ то первое, счастливое время ихъ жизни: черный, усатый, большой, съ тонко-вырисованными, круто-выгнутыми бровями на высокомъ лбу, съ подстриженной бородой, въ расѣ гранатаго цвѣта, тонкаго сукна, съ фіолетовымъ подбоемъ въ рукавахъ... Красота... Глядя на эту красоту, со словъ матери онъ рано научился цѣнить и любить красоту; видъ красиваго лица возбуждалъ въ немъ желаніе смѣяться и пѣть пѣсни... А она? Сама она никуда не красивая. Она у нихъ старая... Отецъ — красавецъ, а у нея: грубое лицо, ни кровинки въ лицѣ, а губы, какъ кровь, широко-отвороченныя, и глаза узкіе, стальные, холодныя, съ стальнымъ, узкимъ, непоколебимо-упорнымъ взглядомъ. Они страшныя, когда загораются страстью, — эти глаза... Она домовушкой, старой домовою дѣвкой¹⁾, безъ ума, безъ памяти влюбилась въ красавца-молодца соборнаго регента. Она уходомъ обвинчалась, силкомъ женила его на себѣ, почти противъ воли устроила посвященіе его въ дьяконы, изъ протопоповой дочери стала деревенскою дьяконницей и въ скоромъ времени сдѣлалась матерью. Ему, сыну, любимцу, первенцу, памяты были первыя времена, первые счастливые годы ихъ деревенской жизни. Они помнились ему не по однимъ рассказамъ, а и по собственнымъ смутно-отраднымъ первымъ воспоминаніямъ. Они олицетворялись для него въ нарядъ матери, въ походку ея и улыбку ея стальныхъ глазъ, въ гитарѣ отца, въ стихахъ и пѣсняхъ, которымъ онъ аккомпанировалъ себѣ, лежа на двухспальной кровати подъ откинутымъ на день цвѣтнымъ ситцевымъ пологомъ...

Еще комната. Опять комната, маленькая, жаркая комната.

¹⁾ „Домовушками“, „домовыми дѣвками“ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Саратовской губерніи называются дѣвушки, добровольно отказавшіяся отъ замужства, живущія по одной, по двѣ въ кельяхъ, занимающіяся обученіемъ грамотѣ, чтеніемъ псалтыри по покойникамъ и проч.

На дворѣ мятель. Но нужды нѣтъ, что кругомъ мятеть, воесть, во всю мочь хлопаетъ ставнями, такъ что рамы вздрагиваютъ и слышно, какъ солома шуршитъ на-верху. Нужды нѣтъ! У нихъ весело. У нихъ хорошо. Отецъ безъ сапогъ, въ домашнемъ под-расникѣ, лежитъ на перинѣ. Мать по-одалъ съ работой въ рукахъ. Отецъ въ ударѣ, говорить безъ умолку, играетъ на гитарѣ и декламируетъ.

— Это еще что! Это что за стихи! А вотъ стихъ... Слушай, мамаша! Послушай-ка:

„Кедръ главою съ облаками
Лишь вчера еще стоялъ,
А сегодня, рокъ ужасный,
Кедръ на землю ужъ упалъ,
Кедръ на землю ужъ упалъ“.

— Понимаешь ли—кедры! Кедръ ливанскій, исполинъ, царь деревь... Нынче въ облакахъ, — завтра въ прахъ! Въ прахъ!.. А, каково? Смыслъ-то каковъ? Справедливый и глубокий смыслъ сокрытъ. А сказано-то каково?

— Правильно сказано, — равнодушно замѣчаетъ мать.

— Да что—правильно! Не въ томъ сила. А красота, одно слово—красота-то кака! Словечки-то каковы, слова-то подобраны! Да ты можешь ли это понять?

— Чего не понять!

III.

— Чего... Нѣтъ, ты я вижу, братъ, не понимаешь, ты этакъ не можешь понять. Ну, погоди же, постой! Ну, когда такъ, я лучше тебѣ голосомъ это самое... Я съ гитарой спою.

Онъ торопливо, съ озабоченнымъ лицомъ спускаетъ съ перины ноги въ шерстяныхъ чулкахъ и закладываетъ волосы за уши. Гитара виситъ у него черезъ плечо. Онъ вдыхаетъ глубоко, во всю грудь, на всю комнату.

— Эхъ, пѣсня! Эка пѣсня! Нѣтъ ея лучше. Не кончалъ бы никогда. А то вотъ и другая хороша:

„Въ туманномъ небѣ бытін
Одно отрадное свѣтило“...

— Эхъ, кабы не бѣдность, не проклятое это житье, сидѣлъ бы, самъ бы романы да пѣсни сочинялъ. Самъ бы и сталъ писать...

— Видали добра!..

— Видали добра! А тебѣ бы не то! Тебѣ бы хошь Исаія ликуй, хошь со святыми упокой—все одно что ни пѣть, а главное дѣло, чтобы послѣ здѣсь бы побрякивало?!

— Не худое дѣло,—замѣчаетъ мать.

— Не худое дѣло, да бабье разсужденіе. О, наказаніе, Да ну тебя! Баба, такъ она баба и есть. Обрадовалась, завела... Ну, такъ ты вотъ, ты, что-ли, сынокъ, пѣсню-то послушай. Эта пѣсня... Эту пѣсню, слышалъ я, цыгане при самомъ губернаторѣ, при аглицкомъ принцѣ, играли. Вотъ она, какова пѣсня-то! Ну-ка я...

Отецъ прижимаетъ гитару къ плечу, беретъ громкій переходный аккордъ и начинаетъ пѣсню, нерѣшительно пробуя и выводя голосомъ, не твердо-заученные, еще новые и трудные для него цыганскіе мотивы и украшенія.

Мать слушаетъ и хмурится.

А онъ,—сынъ,—тоже слушаетъ, не сморгнувъ, притаивъ дыханіе, притаившись въ углу на полу передъ разложенными по полу картинками святаго содержанія. Картины яркими пятнами стоятъ у него въ глазахъ—синія, зеленые, алые... Что-то не то больно хватаетъ, не то хорошо щекочетъ его по спинѣ, когда отецъ, пощипывая струны, ускоряетъ темпъ и, самъ не вѣря своему искусству, самъ захлебываясь и замирая отъ восторга, беретъ горловые окрики и выводитъ высокія, залихватскія ноты.

Пѣніе будить младенца въ выбѣ. Мать вскакиваетъ, бранить отца и посылаетъ сына за нянькой.

Ему недолго пришлось пользоваться привилегированнымъ положеніемъ—единственнаго дѣтища. Пошли дѣти—братья и сестры, роды каждый годъ, двойни... Мать, послѣ тяжелыхъ родовъ, встала сразу сѣдая... Молодая работница была уличена въ преступленіи и собственноручно съ позоромъ выгнана матерью.... Отецъ сталъ чаще отлучаться въ городъ и дольше гостить... Мать стала ходить какъ потерянная, молилась на коѣдникахъ и гадала на картахъ... Старый князь скончался у себя въ имѣніи. Панихиды по немъ были послѣднія доходныя службы дьякона. Старикъ-попъ сталъ со свѣту сживать подчиненнаго, бывшаго счастливаго соперника. Отецъ ругалъ батюшку—«дьяволомъ», а мать сталъ звать—«сѣдой чертовкой»... Въ одинъ день въ чуланѣ у матери оказался выпитымъ весь запасъ рябиновой наливки, заготовленной на зиму. Послѣдовала сцена первая и жестокая, до святыхъ волосъ, съ битьемъ посуды, проклятіями и воплями. Отецъ собрался въ городъ и не возвращался цѣлый день, два

дня... недѣлю. Мать рожала... На третѣи сутки стали разыскивать... Въ субботу некому было служить всеобщую... На восьмой день привезли, послѣ обѣдни, блѣднаго, съ темнымъ пятномъ на вискѣ, съ сбившейся войлокомъ нечесанной косой, въ грязномъ подрясникѣ, изъ-подъ котораго моталась клочьями фіолетовая, выдранная по подолу, хорошая поделадка. Мать, слабая, послѣ родовъ, встрѣтила и обмерла... Съ того времени заколо-дило.

Онъ, Евгений, былъ уже достаточно великъ; это время помнилось ему уже вполне отчетливо.

Зимній день. Морозъ. Холодно и ясно. Отецъ сидитъ на снѣгу, на низкомъ чурбанѣ, приваленномъ съ наружной стороны воротъ, въ уровень съ подворотней. Длинный подрясникъ чернымъ пятномъ раскинулся по снѣгу; изъ-подъ распахнувшихся полъ видны въ одномъ бѣлѣ и въ худыхъ сапогахъ длинныя, на низкомъ сидѣннѣ неловко подкорченныя, подошвами внутрь, шевелящіяся на холоду—ноги.

Но никакой зимній холодъ не въ силахъ выгнать угаръ изъ хмѣльной головы. Предложеніе вернуться въ горницу встрѣчаетъ рѣшительный отказъ. А ему,—сыну, холодно стоять на морозѣ въ коротенькомъ зипунѣ. Ему жутко, какъ бываетъ ночью, когда темно, хотя на дворѣ стоитъ бѣлый день. Голосъ матери доносится со двора. Ему хочется убѣжать, а отецъ крѣпко держитъ его иззябшія, маленькія руки въ своихъ сильныхъ, какъ огонь горячихъ рукахъ.

— Сынъ ты мнѣ? Сынъ? Ну, сказывай! Говори!..

Сынъ молча опускаетъ голову.

— Коли ежели ты мнѣ сынъ, кровь моя...

Отецъ не договариваетъ и приподнимаетъ за подбородокъ его лицо. Ихъ глаза встрѣчаются. Отецъ щуритъ лѣвый глазъ и придаетъ непередаваемое выраженіе своему лицу.

— Понимаешь? А? Ну, поналъ, что ли?.. А, то-то... Ну, поди! Поди, мать попроси, выпроси... Да нѣтъ, что просить! Не дасть, вѣдьма сѣдая, не дасть! Вѣдь не дасть? — вопросительно обращается онъ къ сыну.

Сынъ отрицательно трясетъ головой.

Отецъ вдругъ притягиваетъ его за обѣ руки близко къ себѣ и шепчетъ ему на ухо, притрогиваясь на иныхъ словахъ сухими, горячими губами къ краямъ его уха, не прикрытаго шапкой.

— Ну, слушай! У нея тамъ, у матери-то, подъ постелью, знаешь... Подъ периной—ларчикъ, знаешь?.. Мошна... У нея тамъ много денегъ въ мошнѣ... У-у сколько!.. Большущія!.. Мои

деньги, мож. Кто деньги-то заслужилъ? Кто? А? Ну-ка! Я деньги заслужилъ, вѣдьма старая! Я! Я!.. Не смѣть...

Отецъ бросаетъ его руки и съ каждымъ словомъ возвышаетъ голосъ. Послѣднія слова онъ оретъ, жестикуюля кулаками и старается подняться съ чурбана. Глаза его, тусклые за минуту, разгораются, какъ будто большущія деньги, которыя онъ представляетъ себѣ въ мошнѣ у матери, вдругъ появились у него тутъ передъ глазами. Онъ бѣшено закидываетъ назадъ голову...

Сынъ не пытается урезонить отца. Онъ уже умѣетъ понять, что это ни къ чему не поведетъ. Онъ поспѣшно идетъ въ домъ, стараясь незамѣтнѣй проскользнуть мимо кухни въ сѣняхъ, чтобы не повстрѣчать мать; онъ пробирается въ спальню къ матери, но не къ материной, а къ собственной постели. Тамъ, подъ постелью, у него московскій красный сундукъ, биткомъ набитый одежей и всякимъ добромъ. Онъ вынимаетъ изъ сундука шелковый, на раздвижныхъ кольцахъ, кошелекъ и вытряхиваетъ монетку; у него ихъ много, цѣлый столбикъ, полонъ кошельекъ набить монетами; ему дарить ихъ по праздникамъ старый дѣдъ. Онъ затискиваетъ монету въ ладонь и возвращается за ворота. Отецъ ждетъ его посинѣлый, скрюченный отъ холода. Глаза его разгораются жаднымъ взоромъ при видѣ серебра.

— Ну, вотъ спасибо! Спасибо, сынокъ! Гривенникъ?.. О чука—пяти-алтынникъ! О, спасибо! Ужъ, вечеромъ, стишки скажу. Такіе стишки, ну...

Отецъ не договариваетъ, какіе стишки, и какъ былъ, въ легкомъ подрясникѣ, схватываетъ шапку съ сыновней головы и, не оглядываясь, придерживая полы между ногъ, спѣшитъ задней улицей мимо гумна.

Одна, двѣ, безконечное число этихъ сценъ... Онѣ повторяются разъ отъ разу все чаще. Содержимое шелковаго кошелька истощается и приходитъ къ концу. Онъ спохватывается и самъ мѣняетъ серебряныя монеты на мѣдные трешники; не смѣя истратить ни копѣйки на собственные нужды, Христа ради мѣняетъ, у лавочника, старого кулака. Его встрѣчаютъ и провожаютъ обидами, ругательствами, насмѣшками надъ матерью, отцомъ и надъ нимъ самимъ... Его бьетъ мать, бьетъ отецъ, бьетъ лавочникъ, бьетъ учитель—пьяный пономарь, бьетъ маленький братъ... Онъ ночью, босой, крадется въ чуланъ тайно отъ матери за закуской отцу... Онъ, согнувшись до земли, пробѣгаетъ днемъ подъ огнями за козушкой въ кабакъ... Онъ не можетъ одного: при одной мысли о необходимости лѣзть подъ материну перину, у него холодеетъ спина и что-то до боли свинчивается въ головѣ. Мать

слѣдить за нимъ и догадывается. Но она ищетъ не того, ищетъ — ея, соперницы, разлучницы, женщины... Она пыткой, огнемъ пытаетъ его вопросами насчетъ «любушки», «мамбшки» отца: «не ходилъ ли измѣнщикъ, расподлецъ къ кабатчиковой молодой въ вечеръ? Да не ей ли переправилъ — змѣѣ — полуспальчикъ — новый платокъ?»

Онъ не знаетъ и молчитъ... Знаетъ, но молчитъ... Судьба является въ критическую минуту на выручку ему. Ему десять лѣтъ. Старикъ-дѣдъ устраиваетъ его въ городѣ, въ уѣздномъ училищѣ, и беретъ на житье къ себѣ, на городскую квартиру.

Ему памятенъ послѣдній день пребыванія въ деревенскомъ домѣ. Дѣдъ пріѣхалъ на дрогахъ съ утра. Отецъ умылся, вычистилъ подрясникъ и видимо положилъ себѣ покориться необходимости, выдержать характеръ и не бѣжать за гумно. Сундуки съ его одежей вытащили изъ спальни на крыльцо. Сестра прибѣжала за нимъ и позвала его въ спальную къ матери.

Мать сидѣла на уголѣ кровати съ свернутымъ ситцевымъ платкомъ передъ глазами. Ея глаза напухли отъ слезъ. Неприбранные волосы спутанными прядями нависли на лобъ и глаза и тонкой косицей спустились вдоль по спинѣ. Она всхлипывала и безнадежно раскачивалась изъ стороны въ сторону, опуская по временамъ руки отъ лица, и все ту же и ту же наворачывая узкимъ комочкомъ, мокрый отъ слезъ, платокъ. Видъ этихъ слезъ поразилъ его. Мать не имѣла обыкновенія плакать. Въ минуты сильнаго огорченія она бывала раздражена, кричала, ругалась, бранила мужа и работницу и била дѣтей; но плакала сама лишь въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ и не любила показывать другимъ своихъ слезъ. Онъ вошелъ и остановился поодаль, прислонясь плечомъ къ дверному косяку. Мать, повидимому, не замѣчала его. Онъ смотрѣлъ на нее и молчалъ, не смѣя заявить о своемъ присутствіи, и, къ удивленію своему, не находилъ въ себѣ чувства той страстной, невыразимой жалости, которую возбуждали въ немъ съ нѣкоторыхъ поръ отецъ, мать, братья и сестры, и даже онъ самъ, и всѣ жившіе съ нимъ подъ одной ихъ домашней, злополучной кровлей. Ея видъ, разстроенный и неприбранный, физически-непріятно дѣйствовалъ на него. Онъ зналъ, что поводомъ къ разстройству и слезамъ послужилъ его отъѣздъ, но въ то же время онъ инстинктивно, смутно чувствовалъ, что основная причина разстройства была не та, отъѣздъ его былъ тутъ въ сущности не при чемъ, и ему было почему-то обидно и непріятно чувствовать и сознавать это именно теперь.

Нравственная, внутренняя связь и общность давно уже по-

рвалась между нимъ и матерью. Дѣти, ревность и недосугъ отдалили ее отъ него. Онъ страдалъ. Онъ хотѣлъ любить и жался къ ней—и, наконецъ, отсталъ. Ни одного ласковаго луча не было для него въ стальныхъ, узкихъ глазахъ. Все чаще и чаще загорались они тѣмъ злобѣщимъ свѣтомъ, который внушалъ ему такой страхъ. Онъ сталъ избѣгать и бояться матери.

Онъ зналъ теперь, о чемъ она плакала. Онъ не сумѣлъ бы объяснить и рассказать, но онъ это чувствовалъ и онъ зналъ. Цѣлая проигранная партія, цѣлая жизнь неудавшаяся оплакивались тутъ у него передъ глазами!.. Ему было тяжело и смутно на душѣ, но ему не было жаль.

Мать рѣшительнымъ движеніемъ вытерла глаза и поманила его къ себѣ.

— Енюша! Вотъ учиться ѣдешь, учиться будешь... Будешь, что-ли, учиться-то, Енюшенька?

— Я буду, маменька.

— Ну, то-то! Смотри у меня! Тебѣ надо учиться. Кому другому, а тебѣ плохо будетъ безъ ученья, Енюша, и намъ всѣмъ будетъ плохо. Охъ, ужъ и какъ плохо-то!—Она опять закачала головой и подняла платочекъ къ лицу. — А ты учись хорошенько. Въ люди выйдешь, въ академію пойдешь.

— Дѣдушка говорить, онъ меня въ семинарію опредѣлитъ,—возражаетъ онъ.

— Сперва въ семинарію, а тамъ въ академію, какъ дѣдъ, не то что какъ дуракъ — твой отецъ. Тамъ всѣ науки произойдешь, монахомъ будешь...

— Я, маменька, не хочу монахомъ быть!

— У, дуракъ! Человѣкомъ будешь, нужды нѣтъ, что монахомъ. Монахамъ житье хорошее. Тебѣ будетъ хорошо и намъ будетъ хорошо. Преосвященнымъ, архіереямъ сдѣлаютъ, епархію дадутъ. И насъ въ мѣсту пристроишь. И всѣмъ будетъ хорошо...

Ему хотѣлось повторить, что ему не будетъ хорошо, что ему не хочется монахомъ быть, но онъ не посмѣлъ. Онъ снизу робко заглянулъ матери въ лицо. Мать сидѣла и смотрѣла передъ собой горѣвшимъ, упорнымъ взглядомъ, какъ-бы прозрѣвая вдали будущность своего сына, эгоистично возлагая на нее часть собственныхъ, несбывшихся, разрушившихся надеждъ. Связка ключей медленно скользила и ползла у нея по юбкѣ и съ рѣзкимъ звукомъ шлепнулась объ полъ. Оба вздрогнули. Мать легонько оттолкнула его отъ себя и велѣла идти готовить, что нужно, къ молебствію.

IV.

По обычаю, отслужено было передъ отъѣздомъ напутственное молебствіе. Служилъ дѣдъ, вмѣстѣ съ отцомъ. Дѣдъ священнодѣйствовалъ съ суровой важностью, медленно наклоняя и поднимая на поклонахъ высохшее, старческое, иконописное лицо. Отецъ торопливымъ, покорнымъ движеніемъ припадалъ губами къ его рукѣ, передавая и принимая изъ его рукъ кадило, и казался падшимъ духомъ рядомъ съ нимъ, съ черной тѣнью большихъ волосъ, съ своимъ, несмотря на отецъ и распущенное выраженіе, все еще привлекательнымъ, чувственно-красивымъ лицомъ. Бабка-работница, гурьба дѣтей стояли въ дверяхъ; младшій братъ съ матерью — впереди другихъ. Онъ, Евгений, стоялъ поодаль, одинъ, но онъ чувствовалъ себя главнымъ виновникомъ совершавшагося торжества; его имя, имя отрока Евгения, произносилось вслухъ нѣсколько разъ. Тяжелое, горькое умиленіе нашло на него. Онъ чувствовалъ: что-то совершалось, переламывалось въ его жизни. Этого чувства уже не было съ такой силой при поступленіи въ семинарію; онъ испыталъ его еще разъ позднѣе — со смертью дѣда.

Уѣхали, онъ и дѣдъ. Другіе остались. Въ училищѣ приняли. Потянулись трудовые, однообразные дни въ новой обстановкѣ, съ которой онъ быстро освоился и послѣ которой рѣдкіе праздничные дни, проводившіеся въ родительскомъ домѣ, видъ отца, плачь и визгъ дѣтей, крикъ и брань и безумная ревность матери, дѣйствовали на него какъ угаръ и чадъ на свѣжаго человѣка. Онъ старался сократить срокъ вакантнаго времени и спѣшилъ въ городъ, къ дѣду, куда никакой звукъ, ни тихое движеніе уѣзднаго города не долетало въ маленькія комнаты поповскаго домика, уютно поставленнаго въ глубинѣ церковнаго двора. Онъ полюбилъ свою комнату. Онъ проводилъ въ ней половину дня, по возвращеніи изъ училища, на-единѣ съ латинскими и греческими учебниками. Училъ уроки и молился... Молился молитвами, и словами, и безъ словъ... Нигдѣ и никогда потомъ онъ не молился такъ. Два раза въ день отворялась дверь и выставлялась блѣднолицая голова: дѣдъ звалъ его обѣдать или ужинать. Чай они не пили. За столомъ садились вдвоемъ; подавалъ псаломщикъ-старикъ, немного чѣмъ моложе дѣда. Выдавши дочь замужъ и въ скоромъ времени овдовѣвъ, дѣдъ отпустилъ прислугу и жилъ почти затворникомъ. Гости, постороннія лица приходили только по дѣламъ, въ рѣдкихъ, исключительныхъ слу-

чаяхъ. По воскресеньямъ, раннимъ утромъ отправлялись втроемъ, всѣ вмѣстѣ, въ церковь. Дѣдъ служилъ, — онъ прислуживалъ въ алтарѣ, подавалъ кадило и выносилъ свѣчи...

Но никакая многолѣтняя привычка не могла ослабить въ душѣ внука ощущенія внутреннего трепета въ присутствіи дѣда.

Сальная свѣча нагорала на столѣ. Онъ сидѣлъ, припадая грудью къ столовой доскѣ и выговаривая трепещущими губами мудренныя слова мертвыхъ языковъ. Обиліе и глубина познаній и учености дѣда поражали его несказаннымъ изумленіемъ. Маленькая, когда-то лилового бархата, побурѣлая шапочка-скуфья, казалось ему, двигалась и поднималась въ полу-тѣмѣ подъ напоромъ поразительныхъ свѣдѣній на сѣдой, старчески-величавой головѣ.

Многолѣтнее сожителство сдѣлало свое дѣло. Они привыкли другъ къ другу и стали, сами того не замѣчая, необходимы одинъ другому. По выходѣ изъ училища, дѣдъ не пожелалъ разстаться съ нимъ, — переѣхалъ самъ на житье въ губернскій городъ для помѣщенія его въ семинарію, но умеръ, не дождавшись окончанія курса и желаннаго поступленія въ академію. Смерть дѣда, помимо нравственнаго потрясенія, повліяла на матеріальное положеніе: пришлось поступить казенно-коштнымъ и лѣтомъ отправляться на кондичіи.

Въ теченіи всего семинарскаго курса онъ провелъ лишь одно лѣто въ родномъ селѣ, передъ поступленіемъ въ академію. Это было послѣднее посѣщеніе имъ родительскаго дома. Онъ не пріѣзжалъ нѣсколько лѣтъ и нашелъ значительныя перемѣны въ семьѣ. Бѣдность, матеріальный и нравственный упадокъ обозначались на всемъ. Отца грозили уволить послѣ каждой церковной службы и онъ держался только благодаря деревенской глуши, благодаря просьбамъ, слезамъ и искательству матери. Мать купила швейную машину въ городѣ, обшивала даромъ семейство попа и брала работу за деньги по заказу отъ дворовыхъ, отъ бабъ, отъ мелкихъ сосѣдей-помѣщиковъ. Работой собственно и помощью дѣда и впоследствии и сына — держалась семья. Машина дѣйствовала неумолкаемо весь день, до ночи. Нервная, страшно перемѣнившаяся, знакомая рука съ грубо-натянувшимися жилами, не переставая, вертѣла ручку машиннаго колеса. Работа — юбки, кофты, бабьи сарафаны — поспѣвали съ непостижимою для непривычнаго глаза скоростью. Стѣны комнаты были увѣшаны готовыми вещами, предназначавшимися для продажи въ городѣ на базарѣ. Груды выкроекъ, подерогенныхъ для машины вещей валялись на мебели въ каждомъ свободномъ углу. Квартира

превратилась въ швейную мастерскую. Чистой и незанятою оставалась одна знакомая, чуть не четырех-спальная кровать, занимавшая одна полъ-комнаты. Владѣлецъ ея, отецъ, исчезалъ, пропадалъ на цѣлыя недѣли, на цѣлыя мѣсяцы, ивѣдка появляясь по праздничнымъ днямъ и опять проваливаясь до новаго праздника, но кровать неизмѣнно ждала его посланная, во всемъ убранствѣ, съ громадной периной-горой, съ четырьмя разложенными подушками и сизо-малиновымъ, тщательно расправленнымъ пологомъ. Ни одинъ изъ всѣхъ девятихъ дѣтей не имѣлъ права лечь на нее, хотя они удобно могли бы расположиться на ней всѣ вдесятеромъ. Исключеніе дѣлалось иногда для любимица — младшаго брата, которому отводилось мѣстечко въ ногахъ перины. Остальные могли помѣщаться по комнатамъ и въ кухнѣ, какъ и гдѣ кому вздумается.

Поздно вечеромъ, бросивъ неоконченную, никогда не кончавшуюся работу, мать ложилась на громадный пуховикъ. Сынъ полуночицалъ надъ книгой съ изувѣченной лампой, коптившей въ отбитомъ стеклѣ. Острый старушечій профиль рѣзо выдѣлялся на фонѣ заднихъ, незанятыхъ подушекъ; черная тѣнь отъ сложенныхъ рукъ горой рисовалась на стѣнѣ... Отецъ имѣлъ обыкновеніе возвращаться изъ своихъ странствованій ночью. Она не засыпала и все ждала, все ждала... И долго, тяжело распахиваясь, скрипѣла старинная, еще дѣдовская кровать.

Время послѣдняго пребыванія его въ родительскомъ домѣ было особенно памятно и особенно тяжело для него. Ни одна изъ самыхъ неудачныхъ лѣтнихъ кондицій его впослѣдствіи не обходилась ему ни разу такъ дорого, въ смыслѣ ежедневнаго нравственнаго насилія надъ собой. Унылая толпа неприбранныхъ ребятишекъ наводила тоску на него. Ничего общаго, никакой родственной близости и пріязни онъ не чувствовалъ между ними и собой. Порой его охватывало чувство прежней, глубокой жалости; чаще ему хотѣлось убійжать, закрыть глаза на все, отгнати прахъ отъ ногъ своихъ и трижды навсегда отречься отъ всего...

Лѣто. Вечеръ. Отца, по обыкновенію, нѣтъ. Мать — въ городъ, за покупками швейнаго матеріала. Онъ сидитъ въ передней комнатѣ на стулѣ, съ книгой у раскрытаго окна. Двое мальчиковъ, младшихъ братьевъ, занялись чѣмъ-то подлѣ стола. Сестра нянчить третьяго годового ребенка на рукахъ. Ребенокъ хнычетъ, пищитъ. Она пѣснуетъ его, стучитъ чуркой по столу и что-то безтолково, не въ тактъ напѣваетъ ему. Остальные притихли на минуту, заигрались и молчатъ. Раздается вдругъ стукъ,

паденіе тяжелаго тѣла на полъ, легкій крикъ и затѣмъ плачущій, испуганный, отчаянно-боязливый шопотъ.

— Марья!

— Чего?

— Леонтій чернила разлилъ...

— Ишь, ты!

Темная струйка чернилъ бѣжитъ и сбѣгаетъ на сметанныя полотнища недоконченнаго шитья. Леонтій стоитъ бѣлѣе сѣбѣ. Маленькое тѣло его дрожитъ; большіе глаза вышди изъ орбитъ отъ страдальческаго ожиданія и ужаса.

Рослая дѣвочка, съ неуклюжимъ станомъ и некрасивымъ лицомъ, подходитъ съ младенцемъ на рукахъ и, не выпуская дитя, не дрогнувъ ни единой жилкой безцвѣтнаго, бессмысленно-тупого лица, молча и равнодушно, будто совершая обычное дѣло, опускаетъ въ нѣсколько замаховъ кулакъ на голову провинившагося. Радается дикій крикъ, истерическій плачь... Она спокойно отходитъ съ очевиднымъ сознаніемъ исполненной обязанности. Онъ зажимаетъ уши и стремглавъ бросается изъ дома за ворота. Онъ бѣжитъ, не останавливаясь, нѣсколько сажень, чтобы не слышать голосовъ...

Что это такое? Отчего? Кто тутъ виноваты? Сестра? Отецъ? Мать? Всѣ, или никто?.. Его спасъ дѣдъ, а ее все били и забивали до тупоумія, до непониманія самыхъ простыхъ вещей, до нечувствительности къ этому крику, къ чужому и собственному страданію. И мать билъ дѣдъ, и отца вѣрно билъ его отецъ. Всѣхъ били, всѣхъ бьютъ!.. Итакъ, вездѣ, всегда, изъ поколѣнія въ поколѣніе, безъ конца!.. Что-жъ это?.. Но вѣдь нѣтъ! Вѣдь это не такъ. Вѣдь живутъ люди, умѣютъ и могутъ жить и по-другому. На кондичіяхъ и здѣсь... Тамъ, на горѣ, семейство управляющаго. Тамъ люди, вещи и воздухъ не тотъ. Отчего? Оттого, что (мать говоритъ) имъ хорошо за господскимъ добромъ? Оттого, что тамъ могутъ покуцать на ярмаркѣ арбузы по пятнадцать копѣекъ за штуку, а они покуцаютъ на одинъ рубль на всю зиму цѣлую сотню?.. Отчего они всѣ такіе добрые на горѣ, всегда, когда къ нимъ ни придешь? Всѣ рады, улыбаются. Къ нимъ однимъ онъ любилъ и не боялся ходить. Хозяйка — старушка въ свѣтло-розовомъ ситцевомъ платьѣ, — не крахмальное, мягкое платье, съ целериной, съ бѣлымъ воротничкомъ. И наивный цѣтъ такъ присталъ къ старушечьимъ щекамъ, какъ розовые лепестки къ желтой сердцевинкѣ въ цвѣтѣ. Большія горницы — прохладныя... Бесмысленный самоваръ на столѣ, цѣлое семейство катать и, какъ-бы въ доказательство общаго миропо-

бля, — канарейки на каждомъ окнѣ. Цвѣты на окнахъ. Тоненькая дѣвочка въ длинныхъ панталончикахъ, съ расчесанной головкой, похожая сама на нѣжный цвѣтокъ. Онъ смотритъ на нее, не спуская глазъ, а она опускаетъ глаза...

А главное, главное — это полное, невозмутимое, добродушное довольство всѣмъ и всѣми, и самими собой. Безъ всякой пошлости и безъ гордости, а именно потому, что такъ должно быть — и все, въ самомъ дѣлѣ, чудесно и хорошо. Счастливые! счастливые люди! Они такъ счастливы, такъ давно счастливы, что, повидимому, разучились понимать и представлять себѣ несчастье для самихъ себя и не могли по этому самому понимать и несчастья другихъ. Онъ это испыталъ на себѣ. Ему случилось какъ-то разъ заплакать у нихъ. Его утѣшали, но ему казалось, что его утѣшали не для того, чтобы утѣшить именно его, облегчить его страданія, а для того, чтобы самимъ не видать его слезъ, потому что видъ хотя бы и чужихъ слезъ производить всегда неприятное и тяжелое впечатлѣнiе и имъ хотѣлось самимъ поскорѣй избавиться отъ этого впечатлѣнiя. И онъ это тотчасъ же почувствовалъ и замолчалъ. Онъ, впрочемъ, вообще не могъ упрекнуть себя въ излишней экспансивности. Въ тяжелыя минуты онъ предпочиталъ уходить куда-нибудь подальше отъ всѣхъ и одиночно бродить гдѣ-нибудь, гдѣ можно было никого не встрѣчать, — встрѣтить развѣ отбившуюся отъ стада скотину, или бабу, ходившую воровать господскій лѣсъ, пребравшуюся околными тропинками по дворамъ съ вянущей хвороста за спиной. Женщина пугливо сторонилась отъ него и сѣвшила съ тропинки въ кусты, опасаясь, какъ бы онъ не призналъ ее и не выдалъ полѣсовому или караульщику. И онъ, съ своей стороны, отворачивалъ отъ нея свое разстроенное лицо...

Вездѣ горе, нищета, грѣхъ! Даже здѣсь — въ мирномъ лѣсномъ утолкѣ. Сколько грѣха! Не зависитъ ли это — горе и бѣдствие — отъ грѣха, подобно тому, какъ несчастія прародителей произошли отъ первороднаго грѣха? Женщина воруетъ лѣсъ... воровать — грѣхъ... она бѣдная... Но она вѣдь не оттого бѣдная, что воруетъ, а напротивъ: оттого воруетъ, что бѣдна... О, Господи! О, какъ больно въ головѣ, когда возникаютъ сомнѣнiя и вопросы, на которые не имѣешь разъясненiя и отвѣта! Хотѣлось бы помочь... Всѣмъ помочь... Помочь ей, бѣдной женщинѣ, чтобы не притворствоваться ей, не прятать теперь подъ полой, не проходить по деревнѣ, идя на воровство въ лѣсъ, съ притворно-бесприщыннымъ лицомъ, и не возвращаться назадъ крадучись, нмученной, съ каплями пота изъ-подъ надвинутаго платка. Помочь

ей, чтобы ей не дѣлать такъ! Помочь матери, огню, всѣмъ имъ!.. Нѣтъ, нѣтъ! Нѣтъ, нельзя! Имъ нельзя помочь. Нѣтъ такихъ силъ. Нѣтъ ничего такого, что могло бы теперь имъ помочь... Поздно!..

V.

Замолить... Только это одно. Замолить. Да! Мать права — поступить въ монастырь. Только не такъ, какъ она это понимаетъ, не ради архіерейства, епархіи, а настоящимъ монахомъ, подвижникомъ, схимникомъ, на Афонъ... Отречься отъ міра... молиться... Молиться до изнуренія силъ, плоти, до кроваваго пота... Кровавый потъ!.. Кровавый потъ давно уже останавливалъ на себѣ его вниманіе и плѣнялъ воображеніе. Еще въ раннемъ дѣтствѣ онъ умѣлъ молиться до изнеможенія и его поднимали въ безпамятствѣ. Но кровавый потъ бываетъ послѣдствіемъ молитвы очевидно только святыхъ людей, а онъ былъ грѣшникъ, безъ сомнѣнія во сто кратъ грѣшнѣе несчастной воровавшей женщины, а можетъ быть и грѣшнѣе всѣхъ тѣхъ, за кого онъ хотѣлъ молиться и кому думалъ помочь. Ихъ грѣхи были проще, естественнѣе, вызывались обстановкой, самыми условіями жизни. А у него въ душѣ былъ темный и тѣсный хаосъ, какъ въ черной избу, биткомъ набитой темнымъ, чернымъ народомъ. Не было грѣшной, страстной мысли, которая не зародилась бы у него въ умѣ. И какимъ образомъ зарождались онѣ, эти мысли? Откуда шли къ нему?

Онъ готовъ былъ повѣрить въ переселеніе душъ, въ возможность существованія мыслей и чувствъ, полученныхъ по наслѣдству изъ другого міра, отъ другого, раньше и иначе жившаго существа. Какимъ инымъ путемъ могъ онъ объяснить себѣ возникновеніе дикихъ, безумныхъ картинъ, представлявшихъ его воображеніемъ, которыя мѣшали ему работать днемъ и огнемъ жгли его мозгъ и томили его безъ сна по ночамъ до утра?..

Онъ ничего подобнаго не слышалъ, не испыталъ самъ и не читалъ ничего, кромѣ поучительныхъ, духовныхъ и своихъ учебныхъ книгъ. Дѣдъ взялъ у него однажды свѣтскій журналъ, принесенный изъ семинарской бібліотеки и объяснилъ, что чтеніе суетныхъ сочиненій не принесетъ ему ничего, кромѣ духовнаго увѣчья и вреда. Какъ будто онъ не былъ и безъ того духовнымъ калѣкой, нравственнымъ уродомъ, вырождаемъ! Всего мучительнѣе было это постоянное сознаніе своей грѣховности и виновности

и въ то же время — собственнаго бессиля передъ соблазномъ и грѣхомъ.

Охъ, какъ бы хотѣлось ему набавиться отъ грѣха, отъ зла, отъ себя самого, — перейти въ другой міръ, гдѣ нѣтъ зла, гдѣ непогасающая заря! Бесполезно анализировать выраженія и требовать грубой точности отъ высшаго проявленія творческой мысли — отъ духовной поэзіи. Развѣ можетъ заря не потухать? Можетъ — тамъ, гдѣ возможно все невозможное. А можетъ быть, это фигуральное выраженіе для нагляднаго представленія божественнаго свѣта, которымъ освѣщается вѣчный покой? Охъ, какъ бы ему хотѣлось успокоиться, освободиться отъ душевнаго бремени, которое онъ носилъ на себѣ! Умереть!..

Подняться, перелетѣть туда, гдѣ солнце закатывалось за низкимъ лѣскомъ. Пламенные лучи поднимались по небу высоко надъ землею; цвѣтныя полосы нѣжныхъ, блѣдныхъ цвѣтовъ — бирюзовыя, сиреневыя, палевныя — окаймляли горизонтъ; сивая тучка нагнулась со стороны, и тѣмъ яснѣе, тѣмъ краше догорала тихимъ свѣтомъ розовая, вечерняя заря. Свѣте тихій! Святая славы!.. Тамъ рай! Уйти туда...

Тамъ рай! — шепталъ онъ самъ себѣ съ страстной тоской. Зачѣмъ жить здѣсь и мучиться? Зачѣмъ возвращаться домой? Его зовутъ... Зачѣмъ его зовутъ?..

Голосъ сестры доносится до него издали. Она зоветъ его ужинать. И голосъ-то у нея особенный, всегда беззвучный, какъ бы сильно она ни напрягала его и съ особеннымъ отгнѣвомъ, какъ изъ сдавленнаго горла. Онъ вѣхота поднимается въ гору по направленію къ дому. Не пропорціональная фигура сестры въ широкое, не по росту, оставшееся отъ продажи, платье выдѣляется въ вечернемъ воздухѣ на сѣромъ фонѣ воротъ. Они всѣ, всѣ члены семьи, одѣваются всегда въ платья не по росту, не по таліи, забракованныя даже на деревенскомъ базарѣ. Сестра за версту безтолково машетъ ему рукой и шепчетъ при приближеніи о пріѣздѣ отца.

— Пріѣхалъ! Ну, чему же радоваться?

Въ комнатѣ семейная группа. Мать сидитъ за столомъ; дѣти сбились кучкой къ столу, смотрятъ ей на руки и въ ротъ. Обѣды и ужины въ семьѣ давно уже утратили семейный, officialный характеръ: никто не собирался къ общей трапезѣ; каждый спрашивалъ у степенухи и ѣлъ на кухнѣ, зря, что придется, когда и кому вздумается. На этотъ разъ почему-то было исключеніе. Какія-то приготовленія къ пирушеству видѣлись на столѣ. Мать сидѣла и крошила что-то ножомъ въ деревянную чашку передъ

собой. Братъ тащилъ изъ чулана два арбуза подъ каждой рукой. — Изъ дверей спальни, сгибая высокую, все еще стройную фигуру надъ низкой притолокой, показался отецъ. Онъ былъ въ своемъ видѣ и даже какъ-будто прибрался, видно, что только-что воротился изъ церкви. Запахъ ладаана еще слышенъ отъ его платья и волосъ. Поверхъ подхраснива старшій, шитый гарусомъ поясъ — подарокъ собственнаго руководѣля древней старушки-княжны, къ которой тоже когда-то до самой юности ея ревновала его мать.

Отецъ весело, заправляя волосы за уши, подходитъ къ столу и обращается ко всѣмъ вмѣстѣ и ни къ кому въ особенности.

— Ужидать! Браво, браво! Ну, Господи богослови! Чего-жъ ѣсть-то будемъ? — спрашиваетъ онъ, присаживаясь къ столу.

Баба-работница тащитъ на тряснѣ горячій горшокъ. Отецъ заглядываетъ въ горшочекъ, дѣлаетъ гримасу и отрицательно качаетъ головой.

— Нѣтъ, не то! А вотъ тюрки бы я поѣлъ. Тюркья хороша. Ахъ, хороша тюркья-то! — говоритъ онъ, искоса поглядывая на материну страпну.

Мать молча, не глядя, передвигаетъ ему чашку съ крошечкомъ и передаетъ квасъ. Губы ея сжаты и глаза почти зажмурены, не ясно, что она, по обыкновенію, довольна прїѣдомъ и присутствіемъ отца и въ данную минуту довольна его одобреніемъ своей страпнѣ.

Отецъ жадно ѣстъ тюрю, сильно чамкая, проливая дрожащей рукой съ ложки на столъ; онъ вылавливаетъ время отъ времени пальцами кусочки рыбы изъ чашки и угощаетъ своего собѣда маленькаго брата. Братъ дергаетъ его за рукавъ и смѣется. И всѣ чему-то смѣются и даже мать улыбается, отрывая ломоть арбуза и наконецъ — поднимаетъ глаза.

Толчокъ данъ. Смѣхъ разрушаетъ ощущеніе всеобщей неловкости, всегда производившееся необыкновеннымъ событіемъ — прїѣдомъ отца, невѣдностью относительно того, что можетъ произойти вслѣдъ за этимъ событіемъ и чѣмъ разрѣшится все, наконецъ. Камертонъ на этотъ разъ данъ. Ужидъ кончается средѣ всеобщаго дружелюбнаго оживленія. Отецъ соглашается понѣстовать младенца на рукахъ, пока мать разбираетъ привезенныя изъ города вещи, а сестра помогаетъ бабѣ убирать со стола. Дѣти окончательно приободряются: слышно щелканіе подсолнуховъ и сдержанная возня. Кто-то проситъ отца поиграть и спѣть пѣсенку.

— Изъ божественнаго развѣ что. Подъ праздникъ не того... — невѣжливо замѣчаетъ отецъ.

Мать, съ запасами живейныхъ матеріаловъ на рукахъ, быстро, энергическими шагами переходить съ мѣста на мѣсто и разсѣиваетъ все по мѣстамъ.

— Отошла, что ли, всеночная-то?—спрашиваетъ она.

— Какъ же, мамаша, какъ же,—отошла. Я вѣдь изъ церкви прямо,—не безъ самодовольства замѣчаетъ отецъ.

— А коли отошла, то, я думаю, и пѣть можно, грѣхъ пѣть,—разрѣшаетъ мать. —Сперва божественное...

— Логинъ! Левонтій! Эй, гитару сюда!

Приносить гитару, составляется хоръ. Онъ одинъ,—Евгеній, отказывается отъ участія. Ему одному противна и подозрительна вся эта игра въ дружелюбіе, въ счастливое семейство. Онъ сидитъ въ сторонѣ и казнитъ себя за недостатокъ родственныхъ чувствъ и не можетъ измѣнить направленія своихъ мыслей.

Главное — все вѣдь неправда, притворство. И вѣдь они притворяются, кого думаютъ, кого хотятъ обмануть? Самихъ себя! Ну—худо, такъ и худо, и пусть будетъ худо!.. Но крайней мѣрѣ—искренно. А то всего хуже это притворное, на каждомъ звукѣ обрывающееся, фальшивое, скрипящее дружелюбіе. Еще за минуту готовы были провалиться другъ друга, дѣтей, младенца и всю жизнь, такъ чего ужъ тутъ!... И у насъ, какъ у людей! — Праздникъ-праздникомъ! Пѣніе божественное!..

Хоръ разростается между тѣмъ, становится смѣлѣй.

— Херувимскую!—командуетъ отецъ.

— Боршнянскую?

— Веделевскую!

Всѣ дѣти, за исключеніемъ сестры, имѣютъ хорошіе голоса. Но и сестра, припадая всей грудью надъ подушечкой, не смѣя ни на минуту отклониться отъ шитья, поддѣваетъ хору своимъ страннымъ голосомъ съ закрытымъ горловымъ звукомъ. Шесть мальчиновъ стоятъ около стула отца; онъ сидитъ, изрѣдка выбивая тактъ по спинѣ стула и аккомпанируетъ на гитарѣ. Его собственный голосъ — сладкій, тягучій басъ выдѣляется среди дѣтскихъ голосовъ.

«Всякое нинѣ житойское» вытягиваетъ solo тонкій, чистый, какъ итальянская струна, чудесный дискантъ. Необычайно-трудная верхняя Веделевская партія припала на долю Леонтія. Десятилѣтній ребенокъ съ выпалой грудью и серьезнымъ лицомъ, забравъ дыханіе, выдерживаетъ высокое la; нота звенитъ и замираетъ въ *riassissimo*. Прелестные глаза, свѣтлые какъ у матери и огромные какъ глаза отца, горятъ серьезнымъ артистическимъ одушевленіемъ; тоненькіе пальцы нервно вжимаютъ рубашонку и выбиваютъ тактъ.

— Вотъ вѣдь, можетъ быть, и вышелъ бы человѣкъ, хорошій человѣкъ! А пропадетъ... пропадетъ ни за что. И спасти нельзя!..

За божественнымъ слѣдуетъ свѣтское пѣніе, романсы, русскія, цыганскія пѣсни. Отецъ понемногу одушевляется и встаетъ со стула, хоръ раздѣляется на два, по три съ каждой стороны; отецъ становится по серединѣ и дирижируетъ по-цыгански, наклоняясь гитарой и перегибаясь всѣмъ корпусомъ то къ одной, то къ другой сторонѣ. Кто-то подтопываетъ каблучкомъ. Мать, сидя на сундукѣ, кормить грудью дитя. Истощенное лицо ея съ странной, недоумѣвающей полу-улыбкой наклонено надъ младенцемъ. Она поддерживаетъ пальцами тощую грудь и не поднимаетъ головы. — Старуха-бабка перебралась изъ кухни въ горницы послушать давно небывалый, импровизированный концертъ и присѣла на высокій порожекъ между комнатами; въ рукахъ у нея варенье и мѣдная, вся истыканная, напоминающая орудія каменнаго періода — игла для вязанія; на носу очки; на лицѣ застыло умиленіе...

Всѣ довольны. Ему одному нехорошо. Его одного коробитъ отъ выразительныхъ взглядовъ, которые по временамъ мать поднимаетъ на отца. Не то она радуется чему-то, не то благодарить хочетъ, не то просить хочетъ... Такъ смотритъ Суржа, дворовый песъ, на хозяина и виляетъ хвостомъ. И чему радоваться! Неужели она еще и опять не вполне юнчала, и еще и опять можетъ надѣяться на что-нибудь? Кажется, пора бы перестать. И какъ она можетъ не понимать этого при своемъ умѣ? Или мало доказательствъ! Мало пятнадцатилѣтней каторги? Мало опытовъ, пробъ и неудачъ!.. Да и чему радоваться въ настоящую минуту? Что хорошаго! Шабашъ какой-то идетъ... да и не окончится онъ добромъ...

И катастрофа не заставляетъ ожидать себя.

Отецъ начинаетъ любимую: «и ужъ ты модная, манерная сударушка моя, и ужъ и ты меня, сударушка, высушила».

— Вы цыцъ, кислята, молчать! Покуда не махну...

Онъ выходитъ на середину комнаты, выбивая тактъ въ сторону матери, почти касаясь гитарой земли у ея ногъ; цыганскіе выкрики и придыханія выходятъ у него на этотъ разъ особенно хорошо. «И распустила сухоту, да, и ахъ, и по моему животу, разлила тоску-печаль, да по моимъ яснымъ очамъ...»

— Ребята! Валяй! Вы что-жъ? Подхватывай! Повеличайте мать... Мать съ слабой, блаженной, почти стыдливой улыбкой взглядываетъ и опускаетъ окончательно голову, закрываетъ глаза и прижимаетъ ручку спящаго младенца въ губамъ.

Тревожное выраженіе загорается внезапно въ глазахъ отца. Не переставая пѣть, онъ рѣже щиплетъ гитару и незамѣтно передвигается по помнатѣ въ сторону окна.

Онъ — слѣдитъ за всѣми движеніями отца, за направленіемъ его глазъ.

У окна на безногомъ угольномъ материнскій кошелекъ, туго набитый, очевидно, мѣдными деньгами, по какой-то непостижимой разсѣянности своевременно не прибранный къ обычному мѣсту. Въ одно мгновеніе, не прерывая пѣнія, не спуская глазъ съ матери и не выпуская гитары изъ рукъ, раньше нежели кто-нибудь успѣваетъ обернуться и подумать, отецъ хватаетъ кошелекъ и опускаетъ руку въ карманъ.

Онъ насилу удерживается отъ восклицанія.

Но слабый, еле-державшійся замокъ не выдерживаетъ при передвиженіи напора мѣдныхъ грошей; кошелекъ раскрывается, содержимое вываливается вонъ и мѣдные гроши со звономъ раскатываются далеко по полу.

Мать поднимаетъ лицо — кроткое, будто со сна... Но недоумѣвающее выраженіе мгновенно смѣняется судорогой. Раздается ужасающій крикъ. Спитый младенецъ падаетъ съ колынь на сундукъ, на полъ... Какъ раненая волчица на защиту дѣтенина, съ разстегнутымъ воротомъ, съ голой, выпавшей грудью, мать бросается на колыни, на полъ, на отца... Старается вырвать добычу, дрожащими пальцами подобрать раскатившіеся гроши...

— Погубитель! Мошеникъ, злодѣй! Обокралъ! Воръ!!.. Держите, держите его!..

Отецъ не уступаетъ. Завязывается страшная борьба: стулья, подсѣдѣлки, скатерть со стола — все идетъ въ ходъ. Обезумѣвшія отъ страха, дѣти поднимаютъ истерическій плачь. Дѣвчонки, темныя фигуры борются, двигаются и перекачиваются по полу. Грохотъ, стонъ, вой, проклятія и безобразная, безстыдная, кабацкая, богохульная ругня!..

О, Господи! Господи! Господи!.. Нѣтъ!.. Нѣтъ, довольно! Довольно!.. Больше нѣтъ силъ! Остальное — молчаніе.

Часы на башнѣ въ соборѣ пробили пять. Пирамидовъ очнулся. Часы были и раньше, но онъ ихъ не слыхалъ. Онъ просидѣлъ неподвижно нѣсколько часовъ; сколько именно, онъ не знаетъ, но должно быть, что много. Онъ чувствовалъ себя такъ, какъ будто только-что проснулся послѣ конмара, послѣ страннаго

сна. Все тѣло было какъ избитое, голова не болѣла, а поднять съ подушки не было силъ. Онъ перекрестился нѣсколько разъ и легъ, вытянувъ ноги, старательно нутаясь въ одѣяло. Но успокоиться онъ не могъ.

Если бы это былъ кошмаръ! Если-бъ сонъ! Но нѣтъ. Это не былъ кошмаръ, не сонъ. Это была его жизнь. Это были его дѣтство, молодые годы. Это его семейныя преданія и воспоминанія... Это — горе, бѣдность, матеріальныя и нравственныя лишения, душевный разладъ съ самимъ собой... А главное, этотъ мракъ, этотъ какъ-то душевный — это онъ самъ. И въ довершеніе всего — последнее, теперь — эта физическая боль. Да гдѣ же взять силъ терпѣть до конца!

У него больше нѣтъ силъ. Нѣтъ у него больше силъ! Ему хотѣлось закричать это на всю комнату, на весь Боголюбъ. Что-нибудь... Что-нибудь, а такъ болѣе велика. Тамъ — нелзя...

Удѣлъ человѣка на землѣ — страданіе. Но вѣдь, нѣтъ... Онъ не видѣлъ этого кругомъ себя. Онъ видѣлъ оживленную, полную жизни, радостнаго сознанія жизни — лица товарищей. Это довольство, правда, смѣнялось нерѣдко печалью, разочарованіемъ, но лишь временно, и на мѣсто разрушеннаго возникали новые надежды, новые планы и мечты. Была же, значить, у нихъ своя жизнь, возможность не только страдать, но и жить! Почему же не было у него?..

Потому что онъ жилъ не такъ, какъ они. Онъ чуждался, отдалялся отъ нихъ, держалъ себя особнякомъ. Онъ умышленно не лечилъ, а пуще растравлялъ свои раны и вотъ — онъ дошелъ до конца.

Онъ ощущалъ подъ одѣяломъ свое тощее тѣло, безъисленно отживавшееся на наждае, жалѣйшее приношеніе и вспомнилъ слова доктора: «съ ума сойдете надъ своей половиной».

Да, такъ нельзя продолжать. Докторъ правъ. Тутъ не далеко и до сумасшествия. А можетъ быть еще можно? Можно спасти себя?.. Попытаться, попробовать... Попробовать познать по другому, какъ они живутъ — всѣ окружающіе. Попробовать смѣшаться съ толпой. До сихъ поръ онъ жилъ одинъ, какъ въ пустынѣ среди людей. Онъ никому не былъ нуженъ, но за то и ему никого не было нужно, и тамъ, въ самой глубинѣ своей души, онъ даже гордился этимъ. А гордость — вѣдь это великій грѣхъ...

Да, все это, что онъ теперь мысленно видѣлъ и какъ-бы снова пережилъ за эту ночь, это — предостерегающее сновидѣніе. Оно освѣтило ему его настоящее положеніе. Оно какъ-бы одно изъ сновидѣній, о которыхъ Іовъ говоритъ Эліусу: «во время сна

и въ ночныхъ видѣнiяхъ, когда объѣмлетъ людей сонъ, когда они спятъ на постели, Господь открываетъ ухо людей и, научивши, запечатлѣваетъ для того, чтобы отвести человека отъ дѣлъ худыхъ, чтобы удалить отъ него *гордость* и чтобы удержать душу отъ *могины*. Да! Да! Такъ именно. *Удалить гордость и удержать душу отъ могилы — это главное.* Надо попытаться. Надо! Что будетъ?..

Но какъ приступить, какъ войти въ эту жизнь? О, въ руководствѣ ~~не~~ недостатка не будетъ. И какъ они обрадуются, какъ возликують, какъ будутъ торжествовать свою побѣду, побѣду своихъ принциповъ надъ его принципами! Они вступала, бывало, въ споры между собой. Пусть торжествуютъ. Ему теперь это безразлично. Не имъ его судить... Онъ самъ свой судiя. Не онъ... Что-то въ немъ, что было сильнѣе его, запросило, захотѣло этой другой жизни, а онъ... онъ хочетъ только удержать душу отъ *могины* и не сойти съ-ума надъ своей *полосой*...

Онъ поднялъ глаза, уже смежавшіеся сномъ. Лампа догорѣла. Въ узкое окно, перекрещенное желѣзной рѣшеткой, пробивались утренніе лучи. Они отразились яркимъ пятномъ на противоположной потемнѣвшей стѣнѣ. Одно пятно... два пятна... Пятна слились между собой.

— Она! Она! Полоса!.. О, какая сегодня яркая, бѣлая, ослѣпительная! Вся въ движеніи... Она приближается и отступаетъ... Она зоветъ и манитъ за собой...

Сегодня онъ видитъ это ясно, это не безформенная полоса. Это... Это—Божья Матерь... Это мать его молодая... Это... Это она, та женщина, которой онъ никогда не видалъ и съ которой не разставался никогда, которой одной мысленно придавалъ всѣ лучшія качества всѣхъ видѣнныхъ имъ людей, кроткій умъ, ка-кого не было на землѣ, и лучезарную красоту святыхъ божьихъ ангеловъ. Она! Она!..

Пирамидовъ потянулся во снѣ, протянулъ руки и упалъ на подушку. А надъ нимъ утренніе лучи широкой, сіяющей полосой ворвались въ окно и освѣтили его голову. Голова была блѣдная и блѣдныя губы улыбались во снѣ. Занавѣсъ поднялась... Жизнь отрывалась передъ нимъ.

Л. Н.

ЧЕРНОГОРСКІЯ ЖЕНЩИНЫ

XI*).

Приближаясь къ дому жениха, свадебный кортежъ встрѣчаетъ мать жениха; она разстилаетъ на порогъ дома шерстяное одѣяло, по которому должна пройти невѣста. Этотъ обычай имѣетъ символическое значеніе: языкъ невѣсты долженъ быть мягкій, какъ шерсть, и не болтливый.

На порогѣ встрѣчаетъ ее женщина или мужчина, который держитъ младенца мальчика: невѣста должна поцѣловать его и погладить. Этотъ обычай имѣетъ, по мнѣнію народа, большое значеніе для будущаго потомства невѣсты; благодаря ему, у новобрачной будутъ рождаться все мальчики—единственная отрада черногорской семьи. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ новобрачная должна обернуть младенца вокругъ головы два раза.

Г-нъ Гопчевичъ рассказываетъ въ своей книгѣ, что отецъ жениха даетъ новобрачной румяное яблоко, которое она должна изъ всей силы перебросить черезъ крышу дома, и что неудача въ этомъ случаѣ считается за дурное предзнаменованіе. Но обычай переданъ имъ не вполне вѣрно. Яблоко, дѣйствительно, бросаютъ, но не черезъ крышу (это часто физически невозможно, по высотѣ домовъ), а просто—куда придется.

Исполнивъ эти церемоніи, новобрачная входитъ въ домъ. Въ Цермницѣ и въ Градишканскомъ округѣ новобрачная подходитъ прямо къ разгорѣвшемуся костру или печи и смотритъ на горячіе уголья, чтобы у ея дѣтей были черные глаза.

Между тѣмъ, гости садятся вокругъ стола и послѣ священническаго благословенія принимаютъ за кушанья и рѣчи, акком-

*) См. выше: сентябрь, 188 стр.

паширеваемы вистрѣлами. Съ наступленіемъ ночи, они ложатся спать, гдѣ кто знаетъ.

Но чтó съ женихомъ и невѣстой, которая ничего не ѣла и не пила, прислуживала гостямъ и ни слова не перемолвила съ мужемъ? Не пить и не ѣсть — опять старій обычай, и до того распространенный, что даже сложилась поговорка: «чѣго не ѣшь, точно приведенная недавно невѣста». Этотъ обычай многіе объясняютъ такъ: новобрачная въ первый день брака должна только служить своимъ гостямъ, которые, оставая ея, разнесутъ по горамъ и доламъ хорошее мнѣніе о молодой хозяйкѣ.

Въ земляхъ сербскаго племени сохранилось до сихъ поръ много оригинальныхъ обычаевъ относительно начала брачной жизни, обычаевъ отличающихся большой патриархальной непосредственностью. Ихъ много пересказано въ книгѣ извѣстнаго ученаго Богишича (1874). Прибавимъ нѣсколько подробностей изъ обычаевъ черногорскихъ.

Черногорскій ужинъ окончился. Сваты и гости собираются спать. Два шафера берутъ невѣсту за руку и ведутъ ее въ отдѣльную (а если таковой нѣтъ, то въ общую) спальню. Она раздѣвается до рубашки, шафера слѣдуютъ ея примѣру. Раздѣвшись, они ложатся по обѣ стороны молодой женщины. Такая церемонія продолжается три дня, въ теченіе которыхъ женихъ даже и не разговариваетъ съ невѣстой. Этого мало. У насъ есть примѣры, что мужъ цѣлый годъ и больше не вступаетъ въ супружескія права. Пѣсня, съ эпическимъ преувеличеніемъ, говоритъ о девяти годахъ:

„Ево има девет годница,
Како си ме удо, мила майко,
Ионѣ я не знам, што е мѹшка глава“.

(Уже девять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ ты выдала меня, моя милая матушка, а я все еще не знаю, чтó такое мужчина).

Но Боже сохрани, чтобы шафера осмѣлились употребить доверіе во зло. Нѣкоторые писатели-путешественники утверждаютъ, что шафера часто нарушаютъ святость этого обряда, но я могу положительно увѣрить, что такихъ примѣровъ не существовало и что шаферамъ, обыкновенно близкимъ родственникамъ, это и въ голову не приходитъ. Когда я старался узнать символическое значеніе этого обычая, то получалъ различные объясненія — и больше всего такое: «пусть будетъ невѣста въ продолженіе своей жизни такъ же цѣломудренна со всеми мужчинами, какъ была цѣломудренна съ шаферами». Мнѣ кажется, этотъ обычай просто

остатокъ существовавшего въ древности сожителства братьевъ мужа съ его женой.

Этими тремя днями еще не оканчивается испытаніе новобрачныхъ. Четвертую, пятую и даже шестую ночь ложится съ неvěстой мать или замужняя сестра жениха, а за нихъ отсутствиемъ какая-нибудь пожилая родственница, какъ во всемъ уже опытная. Цѣль ихъ — подучить неvěсту относительно брачной жизни. Самъ женихъ точно также не только стыдится, но и боится приступить въ первую недѣлю къ своей женѣ. Ему также бывають нужны наставленія и поощренія... Часто бываетъ, что неvěста, слышавъ приближеніе мужа, моментально убѣгаетъ во дворъ; тогда мать, сестры и т. п. убѣждаютъ ее вернуться:

„Ид', неvěсто скоро доведена,

Не стыди се своего домашина:

Домачин те за то и доведе,

Да му шикаш у колѣвци сына“.

(Ступай, недавно привезенная неvěста, не стыдись своего мужа; мужъ затѣмъ тебя и привезъ, чтобы ты ублаживала ему въ колибели сына).

Фриллеи и Влаховичъ допускають неvěрность, когда говорить, что шафера, гости и сваты, уѣзжая или ложась спать, передають неvěсту жениху, и что черногорцы вообще потеряли смыслъ вышеприведенныхъ почти «мнѣческихъ» обычаевъ. Правда, свадьба черногорца, совсѣмъ бѣднаго, продолжается не долго, но въ массѣ народа описываемые обычаи держатся еще крѣпко.

Рано утромъ, на слѣдующій день, неvěста встаетъ и готовится воду для умыванья и кофей. Когда встанутъ гости и родня, она должна имъ услуживать: помогать при умываньи и проч. всѣмъ, кромѣ мужа; за ея услуги болѣе состоятельные дарятъ ее деньгами, — а весь этотъ обрядъ носить у насъ названіе «полѣвачины». Затѣмъ она должна убрать всѣ кровати, кромѣ своей собственной. За ней смотрять сестра или мать жениха вплоть до того дня, когда новобрачная вполне вступить въ семейную жизнь.

Какъ раньше сказано, народъ презираетъ женщинъ безправственныхъ: что же дѣлается, если открывається это въ новобрачной? Самъ черногорецъ, какъ строго-нравственный человѣкъ, считающій недостойнымъ юнака даже въ молодой мужской компаніи разсуждать о подобныхъ предметахъ, какъ я думаю, и не понимаетъ, что такое дѣвственность, какъ медицинскій терминъ. Для европейца это можетъ показаться страннымъ, но оно вполне

естественно для того, кому знакомы нравы еще первобытно-патріархальнаго народа. Но если и найдется черногорецъ, понимающій, что его жена провинилась, онъ объ этомъ никому не говорить изъ боязни товарищескихъ насмѣшекъ. Онъ даже просить свою мать, сестру или родственницу держать—что онъ знаетъ—въ строжайшей тайнѣ, но за то не разъ упрекнуть свою жену, говоря: «берегись! обрублю носъ, если ты будешь такою, какою была раньше». Основываясь на народномъ правѣ, онъ можетъ вполнѣ безнаказанно убить своего соперника и отрѣзать конецъ носа невѣрной женѣ, если застанетъ ихъ на мѣстѣ прелюбодѣянія.

Предки наши болѣе строго относились къ распутнымъ женщинамъ—«каменовані» ихъ. Несчастная погибала подъ кучами камней, бросаемыхъ самими близкими родственниками. Но съ смягченіемъ нравовъ, черногорцы замѣнили обычай «каменованія» отрѣзываніемъ конца носа. Конечно, въ послѣднее время, по мѣрѣ сближенія черногорцевъ съ другими народами, значительно испортились и ихъ нравы,—и если бы соблюдались обычай, то пришлось бы увидѣть въ Черногоріи не одну безносую женщину.

Въ народныхъ пѣсняхъ сохранились указанія на ту неумолимую строгость, съ какою народъ отнѣсся къ преступнымъ женамъ. Такъ, напр., въ «Женитьбѣ короля Вукашина»: мы видимъ измѣнну жены воеводы Момила, молодой и красивой Видосавы, предъстившейся обѣщаніями короля. Но король, умертвивъ Момила, раскаялся, а Видосаву, какъ невѣрную жену, возненавидѣлъ. Онъ приказалъ своимъ слугамъ привязать ее къ хвостамъ лошадей и растерзать. Въ пѣснѣ о «Бадѣ Милутичѣ и Душѣ Херцеговцѣ», Милутичъ, уѣхавъ на войну, оставилъ жену Иконію съ двоими дѣтьми. Но Иконія убѣжала съ Дукомъ Херцеговцемъ; Милутичъ, возвратившись домой, напелъ свой дворецъ пустынь и въ развалинахъ, а въ нихъ свою милую сестру Елиду. Елида ему объяснила, что всему виной его жена, что она увела его сыновей. Разсерженный Милутичъ отправляется во дворецъ Дуки, встрѣчается съ Дукой и убиваетъ его. Иконія хотѣла бѣжать, но ей не позволили этого сдѣлать ей же родные сыновья. Они выдали мать раздраженному отцу, который и поступилъ съ нею слѣдующимъ образомъ: приказавъ заковать Иконію въ кусокъ полотна, намазаннаго саломъ и дегтемъ, и потомъ зажечь ее, онъ хладнокровно любовался этимъ зрѣлищемъ, попивая изъ кубка вино.

XII.

Въ теченіи нѣсколькихъ дней новобрачная вполнѣ осваивается съ своимъ новымъ положеніемъ и съ новыми сожителями. Занимаясь обычными домашними работами, она ожидаетъ визита родственниковъ. Народъ не установилъ извѣстнаго дня для такихъ визитовъ; но обыкновенно они совершаются не ранѣе трехъ дней, смотря по погодѣ и обстоятельствамъ. Установлено только одно — именно, что братъ и мать непременно должны посѣтить свою дочь и сестру. Пріѣзжаетъ и отецъ съ кѣмъ-либо изъ родственниковъ, которые съ собой привозятъ въ подарокъ большой хлѣбъ, ветчину и другіе подарки, разумѣется, если они люди состоятельные. Мать часто даритъ новобрачной красивую, вышитую шелкомъ и золотомъ рубашку, которую она уже давнымъ-давно приготовила на этотъ случай, но тщательно скрывала отъ дочери, изъ желанія сдѣлать ей сюрпризъ. Послѣ общаго подарковъ слѣдуетъ обѣдъ; время послѣ него новобрачная проводитъ съ матерью.

День проходитъ въ веселыхъ бесѣдахъ «уз гусярни звонъ». Вотъ и поужинали; отецъ жениха даритъ матери невесты кусокъ мыла и въ немъ червонецъ, а остальнымъ шелковые платки. Этотъ обычай — дарить деньгами — быть можетъ, есть наслѣдство временъ, когда невестъ покупали за деньги.

На слѣдующее утро всѣ дарятъ что-нибудь невестѣ и уходятъ домой, сопровождаемые стрѣльбою и пѣснями. Немедленно, по отправленіи родственниковъ и гостей, женихъ посылаетъ за ними большой хлѣбъ, жаренаго барана, а если есть, то и разные фрукты: — пусть скажутъ люди отцу новобрачной, что у него богатый и благородный зять.

Первый годъ замужства невеста одѣвается нарядно; она постоянно бываетъ съ своими шаферами или съ отцомъ мужа на ярмаркахъ, въ хороводахъ, на крестинахъ, ходитъ на «крестно ния». При встрѣчѣ съ знакомымъ своего мужа, она должна цѣловать руку этому знакомому, а онъ отвѣчаетъ ей поцѣлуемъ въ лицо и словами: «жива была». Новобрачная цѣлуетъ руки и женщинамъ старше ея возрастомъ, впрочемъ, не всегда руки, а иногда и правую сторону груди. Дѣвицы, въ свою очередь, цѣлуютъ новобрачную прямо въ лицо; иногда и въ руку.

Въ продолженіе перваго года новобрачная служитъ чѣмъ-то въ родѣ украшенія дома. Работою ее не утомляютъ. Но она должна вести себя скромно и своимъ поведеніемъ вполнѣ оправ-

дать поговорку: «буд стыдна к'о скоро доведена невјеста», «безочна у очи, а стыдна преда се» («будь скромна, какъ недавно вышедшая замужъ», «нахальная смотреть прямо въ глаза, а скромная—въ землю»).

Существуетъ странный обычай, идущій въ разрѣзъ съ нравственностью черногорцевъ, въ силу котораго шафера имѣютъ право публично цѣловать новобрачную, хотя бы въ присутствіи мужа. По моему мнѣнію, въ этомъ обычаѣ сказывается остатокъ упомянутого обычая патриархальныхъ временъ: въ древности шафера имѣли право, ни отъ кого не скрываясь, пользоваться молодою женою брата.

Въ первое воскресенье или праздникъ послѣ брака, черногорка должна сходить въ церковь. Ее провожаютъ въ церковь родственницы и послѣ обѣдни потчуютъ сосѣдей водкой. Впослѣдствіи черногорка, хотя она и очень набожна, рѣдко посѣщаетъ церковь и въ этомъ вполне сходится съ мужчинами. Ее отвлекаютъ постоянный трудъ и забота о домѣ, мужчинъ—войны. Крайне низкій уровень образованія черногорскаго духовенства еще болѣе способствуетъ охлажденію черногорцевъ къ посѣщенію церкви. Черногорскій попъ до недавняго времени почти не умѣлъ читать и писать, а литургію служилъ на память, распѣвая ее точно пѣсню. Онъ носилъ обыкновенную одежду и оружіе и часто бывалъ знаменитымъ воеводой, сердаремъ, полководцемъ. Въ продолженіе 400 лѣтъ до перваго князя Данила (1853) черногорскіе князья были также и «владыками», т. е. епископами. Въ послѣднюю войну духовенство дало намъ извѣстныхъ военныхъ героевъ, какъ военный министръ попъ Ілія, попъ Богданъ Зимоничъ, попъ Мило и т. п. Очень естественно, что эти головорѣзы бываютъ плохими богословами и проповѣдниками. За то въ Черногоріи нѣтъ фарисейства, какъ нѣтъ и людей, относящихся къ религіи съ пренебреженіемъ. Богохульство въ Черногоріи—вещь невозможная, и человѣкъ, который рѣшится на кощунственное слово, всегда можетъ ожидать неожиданности въ родѣ пули въ лобъ. Въ Черногоріи божба говорится въ такомъ родѣ: «Бога ми светого Петра и Василю», «аманатми», «Исуса ми» и т. п. Измѣнить православію никто не рѣшится ни за какія блага въ мірѣ; точно также женщина не рѣшится выдти за «латина» (католика). Если бы нашлась такая, она была бы во всеобщемъ презрѣніи у народа. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, не случалось видѣть черногорскую женщину замужемъ за туркомъ, за католикомъ и т. п., и рассказы путешественниковъ, будто черногорки вѣнчались съ австрійскими солдатами, не приняв-

шими православія, — по моему мнѣнію, пустая выдумка. Черногорецъ постоянно держится правила жениться только на родинѣ, несмотря на то, что народная повѣя даетъ примѣры заключенія браковъ съ плѣнными перекрещенными турчанками. Такимъ образомъ турчанка Кунина Златія вышла замужъ за Сенянина Ива, предварительно повѣсивъ своего мужа башибузука, Хасанъ-агу. Такихъ плѣсенныхъ примѣровъ много.

Изъ черногорокъ весьма немногія знаютъ на память самыя употребительныя молитвы, какъ-то: «Отче нашъ», «Богородице Дѣво», Символъ вѣры и т. п. По большей части онѣ молятся своими словами: «Боже и Св. Троица и Богородица, помоги намъ» и т. д. въ этомъ родѣ, молятся не кланаясь и не становясь на колѣни ни въ церкви, ни дома. Въ церкви онѣ занимаютъ мѣсто при входѣ, мужчинъ пропуская впередъ. Въ глубокомъ невѣжествѣ черногорокъ виновата отчасти безграмотность «головорѣзовъ»-поповъ, отчасти отсутствіе всякихъ заботъ о школьномъ воспитаніи дѣвочекъ. Да и мальчики получили возможность учиться весьма недавно; только въ послѣднее десятилѣтіе, благодаря энергіи князя Николая и щедрымъ пожертвованіямъ русскаго правительства, устроены въ деревняхъ школы для дѣтей обоего пола. Кромѣ того, въ черногорской столицѣ существуетъ высшій женскій пансіонъ подъ покровительствомъ русской императрицы. Результаты возникновенія школъ блистательны; теперь немногія дѣти не знаютъ читать и писать, а также начальной ариметики.

XIII.

Наконецъ, черногорка стала полной хозяйкой дома и находится въ подчиненіи одному лишь мужу. Родители и родственники теряютъ надъ нею свои права, кромѣ права защиты ея въ случаѣ, если мужъ превыситъ супружескую власть, и права мести, если молодая женщина подвергнется какому-либо оскорбленію съ чьей бы ни было стороны, а мужъ и его родственники не успѣли еще отмстить за обиду. Племя, въ которое вошла женщина со времени своего замужства, точно также считаетъ своимъ долгомъ защищать ее всегда и вездѣ, какъ и всякаго другого своего члена.

Обязанности жены въ мужу по народнымъ обычаямъ слѣдующія: жена, согласно съ ученіемъ св. писанія, должна слушать своего мужа, какъ старшаго. Она должна быть вѣрною мужу, но имѣть право требовать и отъ него того же. Мужъ,

ухаживающій за посторонними женщинами, находится во всеобщемъ презрѣніи у народа, который не одобряетъ эти не юнацкія дѣла. Женщина должна слѣдить за домашнимъ хозяйствомъ и между прочимъ готовить обувь мужу и дѣтямъ. Первоначальное воспитаніе дѣтей также лежитъ на женщинѣ. Наконецъ, она не освобождена отъ работы въ огородахъ, въ полѣ, виноградникахъ и т. п. Народная поэзія даетъ программу всѣхъ женскихъ занятій въ такихъ словахъ мужа своей женѣ передъ отъѣздомъ на войну: «слушай меня, моя милая жена: смотри за моимъ дворцомъ, чтобы онъ не опустѣлъ (не разрушился), наблюдай за моими двумя сыновьями еще не взрослыми, выдай замужъ мою сестрицу, обрабатывай мои девять виноградниковъ» и проч. Трудъ для черногорскихъ женщинъ—какая-то моральная пища, онъ вошелъ въ плоть и кровь нашего народа, и смѣло можно сказать, что нѣтъ въ мірѣ женщины трудолюбивѣе черногорки.

Путешественники любятъ повторять, что черногорка одна только усердно работаетъ, а черногорецъ больше покуриваетъ свою трубку... Но я уже раньше сказалъ, что такое мнѣніе—пустая выдумка или крайне нелогичное заключеніе отъ частнаго къ общему, отъ примѣровъ черногорскихъ главарей-старшинъ на Цетинѣ (дѣйствительно скоро отвыкающихъ отъ работы при полученіи чина «перяника» или «кадабави») — къ массѣ народа. Простой народъ, очень бѣдный, умеръ бы съ голода, если бы не сталъ самъ обрабатывать свои поля и могла-ли бы женщина вынести весь этотъ трудъ? Напротивъ, черногорецъ, если онъ не воинъ, то непременно трудолюбивъ, по крайней мѣрѣ, въ хлѣбопашествѣ; другое дѣло—ремесла, сапожное, портняжное и др.: онѣ недостойны имени «юнака» и всецѣло предоставляются женщинамъ.

Не знаю, почему, но пахать не дозволяется женщинамъ. Для нихъ это грѣхъ, и если нужно кого-нибудь проклясть, обыкновенно говорятъ: «Дай Богъ, чтобы у васъ пахала женщина». Или: «и Богъ смѣется, когда женщина пашетъ».

Самый тяжелый и неблагодарный трудъ женщинъ—это тасканье на плечахъ разныхъ полевыхъ продуктовъ, дровъ и другихъ тяжестей. Именно поэтому иностранные писатели и называютъ женщинъ вычными животными. Мужчина ни за что не позволитъ себѣ тащить что-либо на плечахъ, развѣ только въ отсутствіи постороннихъ лицъ. Интересно, что масса черногорцевъ, уйдя въ Константинополь на заработки, начинаютъ усердно подражать своимъ женамъ, оставшимся на родинѣ.

Этотъ достаточно непріятный способъ переноски тяжестей въ то же время и единственно возможный; онъ обуславливается географическими свойствами мѣстности.

Мужь въ присутствіи постороннихъ никогда не обратится къ женѣ за совѣтомъ, и на вопросъ: гдѣ былъ? — непременно отвѣтитъ, какъ Телемакъ Пенелопѣ: «солъ сѣялъ!». Но наединѣ совѣты жены имѣютъ большое значеніе, особенно по хозяйству. Въ отсутствіе мужа она становится полною распорядительницею всего имущества, встрѣчаетъ гостей, угощаетъ ихъ. Этотъ обычай безъ сомнѣнія давній. Въ одной старой эпической пѣснѣ, мужъ, возвратившись домой, находитъ, что «на крестное имя (праздникъ патрона дома) жена пригласила гостей, кумовьевъ и пріятелей: госпожа «крестное имя» справляетъ, она и пьетъ въ честь его и въ славу его рѣчи говорить». Словомъ, женщина изображается не только хозяйкой дома, но и лицомъ вообще уважаемымъ: гости сидятъ съ ней рядомъ, пьютъ съ нею вино и слушаютъ ея рѣчи. Какая разница съ затворничествомъ женщины въ Турціи, Албаніи, и др.

Черногорецъ рѣдко говорить съ женой о предстоящихъ военныхъ дѣлахъ или о распрѣ съ сосѣдомъ или другимъ черногорцемъ. Бываетъ также, что жена по цѣлымъ мѣсяцамъ, а иногда и годамъ не знаетъ, гдѣ находится ея мужъ, въ то время, какъ онъ, собравъ «чету», ушелъ въ гайдуки. Эта скрытность, вѣроятно, есть слѣдствіе войнъ между-племенныхъ, гдѣ часто мужъ принадлежалъ къ одному племени, а жена къ другому, и затю случилось убивать тестя.

Мы не разъ упоминали о той ошибкѣ, какую дѣлали нѣкоторые путешественники, говорившіе о мнимомъ рабскомъ положеніи черногорской женщины. Довольно только провести параллель между турчанкой, дѣйствительной рабой, и дочерью свободныхъ и неприступныхъ черногорскихъ скалъ. Турчанка проводить жизнь въ удушливомъ гаремѣ, съ вѣчно закрытымъ лицомъ, пользуясь вниманіемъ своего хозяина, пока ея лицо и свѣжесть привлекаютъ его. Но если она надобѣстъ мужу, онъ имѣетъ право, по закону и обычаю, выгнать несчастную жену на улицу, гдѣ она должна умереть съ голода, какъ это и бывало въ дѣйствительности. Турокъ покупаетъ свою жену, какъ товаръ, и пользуется ею, пока она ему нужна, не стѣсняясь въ присутствіи ея покупать двадцать другихъ, и вступая въ законный бракъ столько разъ, сколько ему нравится; не разъ его первая жена

дѣлается прислужницей женъ болѣе молодыхъ. У турокъ женщины не имѣютъ права участвовать въ общественныхъ увеселеніяхъ, не могутъ вліять на общественныя и политическія дѣла, не пользуются правомъ наслѣдства, передъ судомъ ихъ голосъ считается неравносильнымъ голосу мужчины; словомъ, турецкая женщина—рабыня въ полномъ смыслѣ этого слова.

Черногорка пользуется полною свободою не только дома, но и вездѣ. Она одна идетъ на базары, находящіеся на разстояніи нѣсколькихъ дней ходьбы. Ей позволяется торговать, заключать устные и письменные контракты. Ея личность внѣ дома — священна для каждаго, никто ее не тронетъ, ей будутъ покровительствовать всѣ знакомые и незнакомые, особенно въ случаѣ нужды. Въ церковь она ходитъ вмѣстѣ съ мужчиною съ открытымъ лицомъ, на хороводахъ она свободна танцовать съ другими мужчинами. Въ случаѣ обиды она можетъ жаловаться на мужа не только своимъ роднымъ, но и суду, наконецъ, самому князю. Обычное право даетъ ей возможность требовать развода. Правда, выпадаютъ и на ея долю побои отъ мужа, но отъ этого не освобождены и другія женщины Европы, особенно въ рабочемъ классѣ. Она освобождена отъ тѣлеснаго наказанія и судъ никогда не приговоритъ ее, какъ мужчину, къ палочнымъ ударамъ; но въ тюрьму ее сажаютъ на болѣе продолжительное время. Она не отвѣчаетъ ни личностью, ни имуществомъ за проступки мужа; можетъ не давать показаній противъ него на судѣ; ей даже предоставляется право говорить въ его защиту, если поведение ея безукоризненно. До послѣдняго времени женщина могла спасти мужа чрезъ геройское «выниманіе мазіи». «Мазія» — это кусокъ желѣза, раскаленнаго въ кипяткѣ, и вынимать его позволялось только голыми руками. Этотъ обычай имѣлъ мѣсто, когда судъ старшинъ затруднялся въ разрѣшеніи юридическаго спора, или, когда онъ, не отыскавъ настоящаго преступника, взводилъ преступленіе на невиновнаго. Если лицо, вынужшее «мазію» (обыкновенно это былъ свидѣтель), не повредило себѣ рукъ совершенно и навсегда, то преступникъ считался оправданнымъ и передъ Богомъ, и передъ судомъ, и передъ народомъ. Этотъ суровый обычай извѣстенъ всѣмъ народамъ, живущимъ патриархально, и былъ въ большомъ употребленіи у всѣхъ славянъ. Я не видѣлъ самаго процесса выниманія «мазіи», — онъ уничтоженъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, — но слышалъ рассказы, что многіе оставались при этомъ невредимыми, чему, конечно, трудно вѣрить. Но не въ этомъ и важность, а въ томъ, что черногорцы даже въ тотъ, еще болѣе патриархальный, періодъ считали женъ

щину въ этомъ обрядѣ равноправной мужчинѣ, чего мы не находимъ у турокъ и у другихъ народовъ, у которыхъ также практиковалась «мазія».

Разрѣшеніе развода въ извѣстныхъ случаяхъ, опредѣляемыхъ обычнымъ правомъ, принадлежитъ племеннымъ старшинамъ, но съ утвержденія митрополита. Если разводъ состоялся, то въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ жена приноситъ мужу красный мужской поясъ, который мужъ долженъ перерѣзать, послѣ чего разводъ считается дѣйствительнымъ. Свобода развода является также доказательствомъ самостоятельности и равенства женщины. Послѣ развода жена имѣла право брать съ собой свои вещи, т.-е. сундукъ, въ которомъ она привезла свое приданое, одежду, и надѣ которымъ во время супружества не имѣлъ никакого права ея мужъ. Она не имѣетъ права увеличивать или продавать свое имущество безъ вѣдома мужа, но можетъ, на случай смерти, завѣщать той или другой дочери. Если же дочерей нѣтъ, то сундукъ съ вещами отправляется къ роднымъ покойницы. Если отъ перваго брака имѣются дѣти, а вдовецъ вступить во второй, то одежда первой жены принадлежитъ дѣтямъ отъ перваго брака, одежда второй — дѣтямъ отъ второго брака. Если мужъ поступитъ иначе, то его строго преслѣдуетъ народъ. Деньги, приобретенныя женой отъ торговли домашнею мелочью, принадлежать ей; на нихъ она обыкновенно приготовляетъ приданое дочерямъ. Если до развода прошло десять лѣтъ, то мужъ обязанъ былъ давать женѣ денежную помощь, соразмѣрную его состоянію и опредѣляемую стариками, которые судили и разбирали это дѣло. На дѣтей имѣетъ право мужъ—и только онъ одинъ; впрочемъ, при дѣтяхъ разводъ очень рѣдокъ. До развода женщина нерѣдко бѣжитъ къ родителямъ, но въ этомъ случаѣ ея доля незавидная: народъ смотритъ на нее съ презрѣніемъ, а родители почти всегда принуждаютъ ее вернуться къ мужу, если нѣтъ какихъ-либо особенно уважительныхъ причинъ. Но разведенная не имѣетъ болѣе права выходить замужъ.

Кто осмѣлится жениться на замужней женщинѣ, тотъ подлежитъ наказанію наравнѣ съ убійцей. То же самое ожидаетъ мужчину, женившася при живой женѣ. Случалось, впрочемъ, что народъ, въ видѣ исключенія, ради политическихъ расчетовъ позволялъ жениться по нѣскольку разъ. Напр., Перо Томовъ Петровичъ-Нѣгошъ, по смерти своего брата, владыки и владѣтеля Черногоріи, Петра II-го (1851 г.), и сына, наследника престола (который, будучи его *единственнымъ* сыномъ, умеръ въ Петербургѣ), вступилъ вторично въ бракъ при живой еще женѣ,

женщинѣ старой и потерявшей способность къ дѣтороженію. Но и вторая жена оказалась «неродимкой». Тогда онъ женился на третьей. Подобный случай считается феноменальнымъ.

Женщина имѣетъ надъ дѣтьми власти не меньше, если не больше отца. Ее всѣ члены дома, кромѣ мужа, называютъ сестрой, теткой, бабушкой, матерью, и только мужъ никогда не употребляетъ ея имени, замѣняя его мѣстоименіемъ «ты» или «она». «Слышишь ты! принеси ты! эй, ты!.. Развѣ не слышишь»...— вотъ обычное обращеніе мужа. Этотъ странный обычай объясняется тѣмъ, что на первыхъ порахъ женитьбы ему крайне совѣстно своихъ отношеній къ женѣ, онъ не можетъ не только говорить, но и смотрѣть на нее, и это отношеніе первыхъ дней проходить чрезъ всю жизнь. Жена, какъ хозяйка, имѣетъ право голоса въ домашнихъ и даже въ политическихъ дѣлахъ. Домохозяйкой всегда бываетъ жена старшаго брата или мать братьевъ, если они живутъ вмѣстѣ. Старшая невѣстка всегда имѣетъ право сказать младшей:—«Мене су пріе овдје сватови довели. Ред ти слушати, за то си млада, а сам више у ову кучу воде довјела и леба умјесила. Ја сам пріе овдје кров пролила». («Меня раньше сваты въ этотъ домъ привели. Ты должна слушаться,— на то ты и младшая, а больше въ этотъ домъ принесла воды и изготовила въ немъ хлѣба. Я раньше здѣсь кровь пролила»).

Если умрутъ всѣ взрослые мужчины и останутся только дѣти, то женщина имѣетъ право владѣть и управлять всѣмъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ. Она дѣлается наслѣдницею части имущества мужа и владѣетъ его очагомъ; дѣти не могутъ прогнать ее. Права эти уничтожаются съ выходомъ вдовы замужъ, а опекунами имущества дѣтей дѣлаются близкіе и испытанно-честные родственники покойнаго мужа. Мать вообще пользуется большимъ почетомъ, какъ и сестра. Сестры «заклинаются», т.-е. клянутся братомъ: «живѣ ми братъ» (да будетъ живъ мой братъ).

Сохрани Боже, чтобы черногорецъ выбранилъ свою мать или тѣмъ паче ударилъ ее. Если кто другой избранилъ его мать—тому не жить больше на свѣтѣ: сынъ оскорбленной убьетъ его безъ всякой жалости. Подобная руготня часто доводила племена до схватки.

„Побратиме часни харамбаша,
 Что је тебе, те за Вучка питаш,
 Или ти је обљубно любу,
 Или ти је опсовао майку?“

(Побратимъ ты мой, атаманъ, зачѣмъ ты спрашиваешь
 о Вучкѣ, развѣ онъ отбилъ твою жену, или обругалъ
 твою родную мать?).

Если турокъ называетъ своихъ женъ рабами, то черногорецъ свою всегда: «люба жена», «домачица невѣста», «господя», «баница», «соко-жена» (люба жена, хозяйка, невѣста, соколь-жена).

Ничто такъ не возмущаетъ черногорцевъ, какъ оскорбленіе ихъ женщинъ, что нерѣдко случалось при нападеніяхъ турокъ на черногорскія деревни, и изъ чего не разъ выходилъ casus belli. Народная пѣсня рассказываетъ, какъ извѣстный юнакъ, поэтъ Лешевичъ, пишетъ письмо Юшковичу: онъ можетъ все простить туркамъ баши-бузукамъ, но не простить только турку Наргилу-али, зачѣмъ —

„Онъ ми фата Пивлянке Српине
И любн ихъ силомъ на срамоту“.

За это онъ рѣшилъ выждать турокъ въ ущельяхъ Дуги; выждалъ ихъ и перебилъ.

XIV.

Ни одинъ изъ существующихъ народовъ не имѣлъ и, вѣроятно, не будетъ имѣть столько и притомъ такихъ самоотверженныхъ, нравственныхъ и храбрыхъ героинь, какъ наша маленькая страна, своимъ геройствомъ обратившая на себя вниманіе всей западной Европы. Даже въ англійскомъ парламентѣ, который такъ несочувственно относится къ намъ, знаменитые ораторы высказывали невольное уваженіе къ «микроскопической Черногоріи», совершившей «гигантскія дѣла». Но Европа забыла или не умѣла сказать что-нибудь въ честь черногорки-воина, но справедливость требуетъ отвести ей заслуженное мѣсто въ нашей исторіи.

Женщина-воинъ, — это можетъ показаться страннымъ, мало вѣроятнымъ. Какимъ образомъ женщина могла принимать участіе въ войнахъ, — она, которая работала день и ночь, кормила своихъ дѣтей и мужа, пока онъ геройски защищалъ свои границы? Ами-Буэ замѣтилъ, что если женщины и не носятъ оружія, то все-таки онѣ бываютъ способны отмстить за своихъ родныхъ. Я могу сказать болѣе, чѣмъ иностранецъ: въ моемъ распоряженіи множество фактовъ и народныхъ пѣсней. Я, наконецъ, лично видѣлъ войны 1876—77 годовъ. На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, можно смѣло утверждать, что черногорская женщина, не только какъ хозяйка дома, но и какъ воинъ, займетъ видное мѣсто въ нашей исторіи.

Да, женщина, которой весь міръ приписываетъ слабую нервную систему, незавидную физическую силу, нѣжность и мягкость характера и т. п., эта самая женщина показала себя въ лицѣ черногорки способною на всякій трудъ физическій и нравственный; она показала свое умѣнье храбро и самоотверженно защищать интересы своей страны, сопровождая своего мужа, брата или отца даже тамъ, гдѣ стотысячная армія неумолимыхъ азіатскихъ звѣрей окружала маленькую десятитысячную черногорскую армію, вооруженную чѣмъ попало, и грозила ей поголовнымъ уничтоженіемъ, — черногорская женщина участвовала въ сраженіяхъ.

Послѣ несчастной косовской битвы 1389 г., когда султанъ Амуратъ покорилъ большое царство сербское, оставалось еще на берегу Адриатическаго моря княжество зетское, подъ властью Бальшичей, побѣжденное уже впоследствии султаномъ Мехметомъ, равно какъ и Герцеговина, управляемая герцогомъ Стефаномъ. Иванъ Черноевичъ, изъ рода Бальшичей, правившій тогда Зетою, видя невозможность защищать свое княжество и подстрекаемый женою, оставилъ свою столицу Жаблякъ и удалился въ горы, которыя (какъ говорятъ иные) по немъ и называются «Червогоріей». Его сопровождало много самыхъ богатыхъ и извѣстныхъ дворянъ Сербіи, которые презрѣли предложенія турецкихъ султановъ, обѣщавшихъ имъ за переходъ въ магометанство знатность и богатство. Они предпочли удалиться въ горы и испытывать тамъ всѣ лишения, по спасти свою свободу и вѣру. Мало-по-малу они образовали маленькое княжество, удивившее своею храбростію весь міръ.

Образованіе Черногоріи очень походить на основаніе Рима, съ тою разницею, что римляне были принуждены отнять силою сабинянокъ, а за черногорцемъ шла всегда вѣрная патріотка — его жена, и здѣсь начинается ея историческая роль. Она не только принимала участіе въ сраженіяхъ, но и воодушевляла своихъ родственниковъ. Эти женщины, презрѣвшія всякими лишеніями, чтобы только сохранить свою «вѣру и свободу», были прабабушками нашихъ матерей и сестеръ, слѣдующихъ теперь ихъ примѣру, — такъ какъ примѣси въ черногорскомъ народѣ нѣтъ никакой.

Черногорскія женщины не разъ заставляли отступающихъ черногорцевъ снова идти въ схватку, грозя имъ въ противномъ случаѣ повѣсить передникъ и дать вмѣсто ружья прялку (то же самое сказано въ § 18 уложенія князя Данила); не разъ онѣ

сами подавали примѣръ, уничтожая историческимъ ятаганомъ турецкихъ башибузуковъ.

«Куда вы бѣжите, презрѣнные люди, предъ нашимъ врагомъ туркомъ?» говоритъ народная пѣсня.— «Развѣ не стыдъ и не срамъ вамъ, развѣ не грѣшно передъ Богомъ дозволить туркамъ насъ всѣхъ перерѣзать, малолѣтнихъ дѣтей губить предъ вашими же глазами, дозволить—передъ вашими же глазами любить вашихъ женъ, мучить вашихъ родителей, садить ихъ на острый колъ, содрать съ живой матери кожу? Измѣнники! вы измѣнили вѣрѣ!.. Отдайте намъ, женщинамъ, смертоносное оружіе. Мы будемъ драться, если у васъ силъ не хватаетъ, а вы возьмите наши шелковые передники, возьмите наши прялки, и прядите, если не способны драться».

Естественно, что послѣ такихъ оскорбительныхъ словъ, храбрый черногорецъ бросался въ бой, какъ разъяренный левъ, и обращалъ въ бѣгство въ десять разъ сильнѣйшаго непріателя. Такой фактъ случился недавно, именно въ 1862 году, въ Цермницѣ. Извѣстныя англійскія путешественницы, г-жи Маккензи и Ирби, въ своей книгѣ говорятъ такъ: «Женщины, которыя преимущественно занимаются земледѣліемъ и торговлей, не отставали отъ мужей и братьевъ и во время кампаніи. «Жаль, что она не мальчикъ, она была бы вторымъ Миркомъ», часто говорили горцы о сестрѣ князя Николая, которая неизмѣнно слѣдовала за отцомъ на войну каждый разъ, какъ онъ позволялъ ей. Женщины вообще ходили въ лагерь, носили мужьямъ своимъ пищу и питье, потомъ возвращались домой. Но были и такіе дни, когда женщины домой не являлись, потому, что когда завязывалось сраженіе, онѣ оставались зрительницами его, и поощряли воиновъ криками: «впередъ, впередъ вы, сербскіе юнаки! за крестъ честный и свободу золотую».

Женщины поощряютъ черногорцевъ въ битвѣ, перевязывая ихъ раны, восхищаясь храбрецами, упрекая трусовъ. Съ презрѣніемъ встрѣтитъ мать струсившаго въ битвѣ сына, какъ говорится въ пѣснѣ: «Пусть ядомъ и проклятіемъ станетъ пища, которою я тебя кормила, и пусть мое молоко выйдетъ чрезъ твои раны: потерялъ ты честь юнака. Дай Богъ умереть тебѣ, какъ умираютъ женщины, отъ Бога, отъ стараго непріателя».

Мать не можетъ страшнѣе проклясть сына-труса, какъ пожелавъ ему умереть естественной смертію. Точно также женщина—женщину, если хочетъ кровно обидѣть, то говоритъ: «Богъ дай, чтобы всѣ твои умирали на кровати», или: «Знаю я твоихъ, всѣ они помирали на кровати». И развѣ могъ черног-

рець послѣ такой встрѣчи не броситься на турокъ и не смыть турецкой кровью материнскаго проклятiя?

Наоборотъ, если храбрецы погибають въ сраженiи, про нихъ поется: «пусть они погибають, пусть веселятся ихъ матери, души дѣтей ихъ будутъ царствовать, потому что за военную славу и отмщенiе своихъ братьевъ и единомышленниковъ они погибли».

Не разъ черногорцы приписывали побѣды надъ турками женщинамъ и не мало народныхъ пѣсень, собранныхъ Караджичемъ и лучшимъ сербскимъ поэтомъ, владыкой Петромъ II, въ которыхъ обыкновенно рассказывается, что черногорка видѣла сонъ, будто турки нападутъ на ту или другую мѣстность,—и что, благодаря ея пророчеству, черногорцы одерживали верхъ надъ врагами. Для примѣра я приведу одну изъ этихъ пѣсень:

На албанской границѣ, въ деревнѣ Мартиничахъ, видѣла сонъ молодая попадья, вѣрная жена попа Радивоя, что тучи подыались со стороны кроваваго Скадра (Скутари) и спустились на село Мартиничи, а изъ тучъ вылетѣли молнии и лишили зрѣнiя ее и ея восемь невѣстъ (женъ ея восьми шаферовъ). Но вотъ дунулъ вѣтеръ, въ одинъ разъ съ высотъ Пиперскихъ, въ другой — со стороны Жупи,—въ третiй — со стороны Слатины и прогналъ черныя тучи до турецкаго города Спужа. Попадья рассказала свой сонъ мужу, а онъ истолковалъ его какъ предсказанiе о близкомъ нападенiи и, вставъ съ постели, взялъ свое ружье, пригласилъ съ собою родственниковъ и отправился во главѣ ихъ противъ турокъ, приближавшихся съ фавелами къ селу Мартиничамъ. Сражаясь съ ними, онъ старался прикрыть отступление стариковъ, женъ и дѣтей, пока, наконецъ, не былъ смертельно раненъ двумя пулями. Тогда онъ закричалъ изъ всей силы: «куда дѣвались вы, мои два племянника—Стефанъ и Гаврило? Я погибаю, защищая отступающихъ, но жалѣю не о томъ; мнѣ досадно, что я не дорого продалъ жизнь свою, и что турки задаромъ отрубятъ мою голову. Возьмите меня и унесите куда-нибудь, чтобъ они не торжествовали». Услышавъ эти слова, два его племянника—во главѣ тридцати родственниковъ—бросились на непрiятеля, отрубили тридцать турецкихъ головъ и, прогнавъ непрiятеля, спасли своего храбраго дядю.

Въ это самое время паша Намикъ-Халимъ во главѣ 3,000 человекъ, съ сильной артиллерiей, началъ блокировать маленькiй фортъ Мартиничи, въ которомъ храбро защищались черногорцы, пока не получили подкрѣпленiй отъ Пиперовъ, Бѣлопавличей въ числѣ 800 чел., которые дружно бросились въ атаку на враговъ, разбили ихъ, отрубили 160 турецкихъ головъ и, кромѣ

того, захватили еще до 300 раненыхъ. Теперь пусть ѣдетъ Намикъ-Халимъ папа въ Стамбулъ хвастать предъ султаномъ, — какъ онъ побѣдилъ храбрыхъ черногорцевъ».

Въ Черногоріи никогда не существовало военной организаціи — и каждый воинъ долженъ былъ во время войны самъ находить себѣ и пищу и одежду. Пока онъ защищалъ границы своего отечества иногда отъ четырехъ до восьми дней ходьбы отъ дому, его жена или сестра приносила ему провіантъ и аммуницію, иногда подъ убійственнымъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ. Съ величайшимъ хладнокровіемъ подвергалась она опасности, чтобы только доставить пищу своему мужу, брату или сыну. Не разъ черногорцамъ, окруженнымъ со всѣхъ сторонъ непріятелями, оставалось на выборъ — или погибнуть въ послѣднемъ бою, или сдаться въ плѣнъ, или умереть съ голоду. Но въ теченіи пятисотъ лѣтъ, турки не могли похвастаться, что видѣли плѣннаго черногорца; въ подобныхъ случаяхъ они обыкновенно предпочитаютъ погибнуть... Вдругъ, на горахъ показываются бѣлыя платья женщинъ, уже девятый день несущихъ на спинѣхъ пудъ хлѣба и мяса. Какъ тутъ не пробиться чрезъ турецкіе ряды?.. И когда черногорцы начинаютъ сраженіе, женщины, вооруженныя чѣмъ попало, пробиваются чрезъ турецкія линіи, подвергаясь опасности погибнуть отъ своихъ же и турецкихъ пуль — или попасть въ плѣнъ къ туркамъ. Иногда такъ и случалось. Пробившіяся оставались съ своими мужьями и братьями на все время осады, заряжая ружья для родственниковъ, и по временамъ заступая ихъ мѣсто, перевязывая раны, ободряя воюющихъ. Случается, что возлѣ матери лежитъ ея смертельно раненый сынъ или возлѣ неvěсты женихъ, но и въ этихъ случаяхъ черногорка не плачетъ о своей потерѣ, она заряжаетъ раненому ружье или пистолетъ и поддерживаетъ его, пока онъ не выстрѣлитъ. Иногда турокъ уже бросается на раненаго черногорца, чтобы отрубить ему голову, но она убиваетъ врага и, затѣмъ, уноситъ убитаго или раненаго черногорца.

Такими-то сценами вырабатывается характеръ черногорки, способный выносить всѣ несчастія. Она смотритъ спокойно на смерть родныхъ — не потому, что ей не жаль ихъ, а потому, что въ силу обычая, во время сраженія нельзя жалѣть своихъ родныхъ. Но послѣ женщины сопровождаютъ въ могилу павшихъ жалостными пѣснями.

Черногорія, какъ извѣстно, окружена съ одной стороны Турціей, съ другой — Австріей. Во время непрерывной черногорско-турецкой войны Австрія соблюдала нейтралитетъ, но обыкновен-

но онъ приносилъ пользу однимъ туркамъ. Черногорцы не могли ни откуда получать аммуницію и провіантъ: Австрія не допускала ихъ во время войны на свои рынки. Что оставалось дѣлать? у черногорца не было чѣмъ заплатить контрабандисту. Но женщина и здѣсь помогала: «Увы, жена,—говорить пѣсня,—нѣтъ больше зарядовъ». — «Ничего, мой милый государь, я пойду въ Австрію, гдѣ за полстара жита (мѣрка) получу пять зарядовъ». Женщина несла два пуда на спинѣ восемь дней—съ тѣмъ, чтобы купить у австрійцевъ нѣсколько патроновъ, которымъ ея мужъ радъ болѣе, чѣмъ золоту.

Вучедольское сраженіе (17 іюля, 1876) окончилось; турки были разбиты и въ этотъ день потеряли приблизительно 4,000 чел. и между ними храбраго Селима-пашу съ его 60-ю штабъ-офицерами. Энергичный и очень симпатичный черкезь, Османъ-паша былъ взятъ въ плѣнъ. Пять пушекъ, множество знаменъ и ружей также сдѣлались добычей черногорцевъ. Словомъ, это сраженіе очень прославило и черногорцевъ и ихъ главнокомандующаго, князя Николая. Между прочимъ, и мнѣ довелось въ немъ участвовать. Послѣ сраженія все войско расположилось бивуакомъ на высотахъ Билеча. Можно представить себѣ общую радость, когда внизу горы увидѣли поднимающійся «бѣлый низамъ»: такъ называли черногорскихъ женщинъ. Онѣ несли на себѣ вино, водку и другую провизію. И нельзя было не радоваться, когда въ продолженіе восьми дней мы питались въ главномъ штабѣ князя сухарями и свинымъ саломъ.

Женщины живо рассыпались по батальонамъ, гдѣ служили ихъ родные. Нѣкоторыя, проходя мимо меня и одного итальянскаго корреспондента, съ которымъ я стоялъ, спрашивали, гдѣ тотъ или другой батальонъ. Между прочимъ, спросила меня и одна дѣвушка изъ Цермницы: «братъ, скажи мнѣ, гдѣ цермницкій батальонъ?» — «Вонъ тамъ, дѣвушка!» указалъ я ей мѣсто. Ее сопровождала старушка мать, но Марица интересовала насъ болѣе: это была замѣчательная красавица. Мой спутникъ уговорилъ меня вмѣстѣ съ нимъ прослѣдить Марицу. Мы дошли до самаго цермницаго батальона, все любуясь ею. Марица весело смѣялась съ матерью, приближаясь къ батальону. И какъ не веселиться, когда онѣ надѣются сейчасъ увидѣть своихъ! У перваго же востра сидѣло человекъ десять. «Добар вече!» сказали имъ мать съ дочерью, принявъ смиренный видъ. «Добра ти среча!» отвѣтили черногорцы. — «А гдѣ Станко, мой мужъ?» — спросила старуха. «Убитъ», отвѣтилъ ей меланхолическій черногорецъ.

«А братъ гдѣ?» спросила затѣмъ Марица. — «Убитъ», былъ отвѣтъ.

Мгновенно поблѣдѣли и дѣвушка и несчастная старуха. Онѣ стали похожи на статуи... Черезъ нѣсколько секундъ по лицамъ несчастныхъ женщинъ покатились слезы, но ими все кончилось. Старуха только освѣдомилась — «отмстилъ ли онъ за смерть свою?» — «Отмстилъ — и юнаецъ!» отвѣчали ей. — «Сколько онъ убилъ ихъ?» — «Четырехъ». — «А братъ мой?» спросила, наконецъ, Марица. — «Онъ убилъ шесть турокъ». — «Ну, и пусть ихъ... Нечего жалѣть. Пусть погибаютъ, — затѣмъ и родились... Не умирать имъ на кровати», — сказали и мать-старуха и красавица-дочь въ одинъ голосъ.

Но вечеромъ — часовъ около восьми, когда черногорцы возвращались въ свой лагерь, то одинъ изъ нихъ велъ плѣннаго турка. Увидѣвъ его, несчастная мать съ дикимъ ревомъ и совершенно потерявъ сознание, бросилась на плѣннаго съ очевидною цѣлью его задушить, и только окружающіе помѣшали ей это сдѣлать, съ большими, впрочемъ, усилиями. Тогда она начала кричать: «заключаю васъ Богомъ, черногорцы, позвольте мнѣ отмстить за родныхъ!» — «Они сами отмстятъ за себя по-юнацки... Они никогда не нуждались въ мести за нихъ женщины», отвѣчали ей.

— Пожалуй, вы правы, — сказала она, наконецъ, успокоившись.

Спустя нѣсколько времени, имъ была принесена окровавленная одежда убитыхъ, которую онѣ берегли, какъ святыню, и надъ которой исполняютъ обрядъ — «повойнице», обрядъ оплакиванья, въ своей деревнѣ.

XV.

«Посестримвство» встрѣчается въ Черногоріи довольно часто, и это опять указываетъ на уваженіе, которымъ пользуется черногорская женщина. Иначе юнакъ никогда не согласился бы предложить женщинѣ братскій союзъ. Старая пѣсня часто рассказываетъ, какъ богатырь-гайдукъ заключаетъ женщину помочь ему и вѣстѣ съ тѣмъ сдѣлаться его посестримою. У знаменитаго Кралевича Марка была не одна посестрима. Я самъ лично видѣлъ въ Черногоріи юнаковъ, у которыхъ были посестримы. Гайдуки при набѣгахъ на турецкіе города или деревни особенно нуждаются въ помощи женщинъ, содержащихъ по большимъ дорогамъ «кертмы» (кабаки).

«Заклинаю тебя Богомъ и св. Іоанномъ, сестра кабатчица Іела, — говорить въ пѣснѣ юнакъ, — спрячь меня сегодня у Удбаны, не выдавай меня туркамъ. И спрятала она его до вечера, а когда зашло солнце, она отворила двери подвала и пустила съ Богомъ побратима».

Черногорцы, выбирая себѣ посестриму, стараются, какъ и при выборѣ невѣсты, чтобы она была незапятнанной репутаціи и происходила изъ храброй фамиліи. Посестримство заключается въ томъ случаѣ, когда женщина спасетъ черногорца во время схватки, какое бы ни было за нимъ преступленіе, будь онъ даже убійца ея мужа, брата — все-таки ни одна черногорка не откажетъ въ посестримствѣ преслѣдуемому врагами и заклинающему ее Богомъ и св. Іоанномъ спасти его. Заключается также посестримство при взаимной сердечной склонности въ годы молодости, или при желаніи одного дома сблизиться съ другимъ; заключается даже дѣвушками. Право предложить посестримство принадлежитъ и мужчинѣ и женщинѣ. Женщина называетъ мужчину «побратимомъ», а онъ ее «посестримой». Любовь между ними — вѣчна, измѣнить другъ другу — значитъ совершить величайшую нивость, и такіе люди подвергаются всеобщему презрѣнію.

Въ послѣднее время посестримство заключается рѣже, чѣмъ въ началѣ столѣтія. Одинъ черногорскій сотникъ, лѣтъ семидесяти отъ роду, рассказывалъ мнѣ, — какъ онъ сталъ «побратимомъ». Ставъ Яневичъ въ Цеклинь: «Я зналъ эту дѣвицу, — говорилъ онъ, — уже нѣсколько лѣтъ; она очень мнѣ нравилась. Разъ я рѣшился попросить у ея отца ея руку, но получилъ отказъ: она еще въ колыбели была помолвлена за другого. Тогда я предложилъ ей побратимство. Она согласилась: мы пошли въ церковь; попъ прочиталъ намъ какія-то молитвы, — по окончаніи ихъ, мы трижды поцѣловались. Я подарилъ ей серебряный поясъ, она мнѣ хорошую плетъ». Мужчины при заключеніи побратимства мѣняются оружіемъ: пистолетами, атаганами и т. п.

Есть у меня одна народная пѣсня, переданная мнѣ, въ довольно плохихъ стихахъ, однимъ сердаремъ, безъ сомнѣнія однако старая, въ которой обрядъ рассказывается слѣдующимъ образомъ. Спасенный юнакъ предлагаетъ своей спасительницѣ, дѣвушкѣ, побрататься. Она соглашается; затѣмъ приглашаютъ священника, который приноситъ икону св. Іоанна. Предъ нею вступающіе въ братскій союзъ даютъ клятву быть вѣрными другъ другу — и, по прочтеніи священникомъ молитвы, обмѣниваются троекратнымъ поцѣлуемъ. Этими, однако, обрядъ не кончается. Юнакъ рѣжетъ атаганомъ палецъ у своей посестримы надъ

стаганомъ — и, затѣмъ, такимъ же образомъ, — свой. Кровь въ стаганѣ смѣшивается. Тогда онъ говоритъ ей:

„Посестримо, керви смо смѣшале.

Сад умакат треба атагане“.

(Посестрима! кровь наша смѣшана, слѣдуетъ омочить въ ней наши атаганы).

Она ему отвѣчаетъ:

„Богом брате, крвави юначе,

Ни сам мушко, да оружје носим,

Но сам женско, те кудјелю предем,

Ал' чу узем от мог баба палу,

Умочит чу, да је любов тврдѣя“.

(Богомъ данный братъ, кровавый юнакъ! Я не мужчина, чтобы носить оружје, — для меня, какъ для женщины, — куделя и прялка, — но я возьму у отца саблю и омочу ее: пусть любовь будеть крѣпче).

Затѣмъ обрядъ заключается:

„Тад се млади три пут пољубише

Руйну кровцу из чаше попаше“.

(Послѣ этого „молодые“ (побратимы) еще трижды поцѣловались и выпили красную кровь изъ стакана).

Случается, какъ рѣдкость, что черногорцы заключаютъ побратимство и съ турками. Напр., князь Николай имѣеть одного «побратима» — мусульманина въ Нившичѣ. Что касается заключенія «посестримства» черногорки съ туркомъ, то подобныхъ примѣровъ я не знаю, хотя въ народной поэзіи и такіе встрѣчаются.

Отношенія между «побратимами» и «посестримами» тѣ же, — что и между родными братьями и сестрами. Обязанности каждаго заключаются, между прочимъ, въ мщеніи за смерть или рану другого. Братья и сестры ихъ не имѣютъ права заключать между собою бракъ.

Всѣ славянскіе народы отвели женщинамъ почетное мѣсто въ національной поэзіи, сербы — особенно. Въ народныхъ сербскихъ пѣсняхъ женщины являются и въ мифическихъ образахъ, то «вилами», то «вѣштицами», то «морамъ», — и въ прежнія времена съ настоящимъ религіознымъ значеніемъ.

Вила (русалка) обыкновенно является въ представленіяхъ народа красивою молодою женщиною, въ бѣлой одеждѣ и съ распущенными волосами. Есть вилы водяныя, которыя живутъ въ ручьяхъ, рѣкахъ, озерахъ; есть лѣсныя, обитающія въ гус-

тыхъ тѣнистыхъ рощахъ; третій видъ составляютъ облачныя. Черногорцы не считаютъ ихъ чѣмъ-нибудь недосягаемымъ, не придаютъ имъ сказочныхъ совершенствъ. Черногорская дѣвушка, на примѣръ, можетъ быть и умнѣе, и красивѣе «вилы». Вилы доступны смертному человѣку; если онъ хочетъ завести съ ними знакомство, онѣ его не чуждаются. Мужчины и женщины не разъ заключали съ ними «посестримство». Вила, «посестрима» Кралевича Марка, спасаетъ его отъ смерти въ поединкѣ съ знаменитымъ турецкимъ богатыремъ Мусой Кесенджиемъ, упрекая его, въ то же время, зачѣмъ онъ затѣваетъ поединокъ въ воскресенье, ибо это грѣшно. Такимъ образомъ, народъ считалъ вилъ не только патріотками, но и благочестивыми. Въ народной пѣснѣ жена Ивана Радуловича говоритъ вилѣ: «послушай меня, вила, по Богу посестрима, скажи мнѣ, гдѣ государь мой, Радуловичъ Иванъ? Не погибъ ли онъ въ кровавомъ бою, — въ кровавомъ бою, отомстивъ за себя?» — «Черногорка, милая моя посестрима! Видала я утромъ Радуловича, какъ бьетъ онъ и разить бусурманъ...» и т. д.

Вила горячо сочувствуетъ черногорцамъ и на каждое несчастье ихъ смотритъ какъ на свое собственное. Нѣтъ пѣсни о сраженіи или о смерти вліятельнаго лица, въ которыхъ не участвовала бы, такъ или иначе, — если не сама черногорка, то черногорская «вила». Не разъ она спасала свободу нашего народа. Такъ, на примѣръ, однажды кричитъ она съ высокой горы черногорскому князю: «Владыка, черногорскій старшина! На тебя идетъ сильное войско Оттомановича царя: поспѣши собрать храбрыхъ черногорцевъ!» Владыка отвѣчаетъ: «скажи мнѣ, дорогая вила, — сколько воиновъ у врага, гдѣ онъ набралъ ихъ, куда идетъ и когда сдѣлаетъ на насъ нападеніе?» Вила отвѣчаетъ на всѣ эти вопросы и исчезаетъ. Благодаря извѣщенію ея, спасена Черногорія. Въ другой разъ она опять спасаетъ Черногорію чрезъ Лѣшевича Вука. «Закричала бѣлая вила съ высокаго вершца, на которомъ жила: «послушай меня, Вукъ Лѣшевичъ! если пьешь ты вино въ меанѣ (корчмѣ), дай Богъ, чтобы отравило оно твои раны. Если спишь съ женой въ кровати, вдовой бы осталась жена твоя. Вставай же скорѣе, вооружайся! Наступаетъ на васъ сильное войско все удалцовъ — турокъ отборныхъ».

Не разъ случалось, по народнымъ пѣснямъ, что «вила» таскала молодыхъ людей въ свои убѣжища, устраивала вокругъ нихъ хороводы съ пѣснями, не разъ она и сама рѣшалась раздѣлать съ богатыремъ брачное ложе. Правда, въ послѣднее время установилось мнѣніе, что «вилы» такъ нравственны, что этого

не дѣлають, но одна пѣсня рассказываетъ, какъ вила женить своего сына и выдаетъ замужъ дочь, хотя и не объясняется, откуда взялись у нея дѣти. Есть, наконецъ, и прямыя указанія. «Отправился на охоту молодой бояринъ Секула,—рассказываетъ пѣсня.— Ходилъ онъ по горамъ и по лѣсамъ и вдругъ напасть на молодецкое «побойште» (мѣсто, на которомъ разыгралось когда-то достопамятное сраженіе). Оно же было убѣжищемъ вилъ, которыя въ это время танцовали. Одна изъ нихъ понравилась Секулу. Схватилъ онъ ее,—а она просить, закинуть: «отпусти ты меня, молодецъ,—я подарю тебѣ за это три вещи: дружина твоя будетъ уважать тебя, жена твоя родить тебѣ сына, сабля твоя будетъ всегда уничтожать турокъ». Но Секулъ не согласился, увезъ вилу и подарилъ ее своему дядѣ».

Вилы строятъ даже города:

«Городъ построила бѣлая вила не на землѣ и не въ небѣ, а въ туманныхъ облакахъ. Въ городѣ этомъ трое воротъ: одни ворота изъ бархата, вторыя—изъ жемчуга, а третьи—изъ чистаго золота. Тамъ, гдѣ ворота изъ бархата, вила замужъ дочь выдаетъ, въ воротахъ изъ жемчуга—вила сына женить, въ воротахъ изъ чистаго золота—вила сама сидитъ».

Не разъ на эти города нападаетъ сильное турецкое войско и хочетъ взять ихъ приступомъ. Она защищается—и всегда побѣдоносно.

Въ противоположность вѣдьмѣ, вила является покровительницею семейной любви и согласія.

«Вила смотритъ въ облака, гдѣ громы съ молніей играютъ, точно милая сестра съ братьями родными, какъ неvěста съ двумя своими шаферами. Но молнія обыграла громъ, и сестра родная—родныхъ братьевъ, а неvěста—милыхъ шаферовъ... Это вилѣ пріятно было!»

Нижеслѣдующая пѣсня передаетъ воззрѣнія народа не только на жизнь вилъ, но указываетъ еще на основную мысль сербской исторіи.

«Однажды ввечеру легъ спать пастухъ подѣ деревомъ. Съ нимъ никого, кромѣ стада и обычнаго оружія, не было. Молодцу не спалось; онъ взялъ гусли и началъ пѣть «уз гуслирни звонъ» пѣсню. Черезъ нѣсколько времени, онъ неожиданно уснулъ и почти тотчасъ же проснулся. Но картина уже измѣнилась. На востокѣ взошла заря, вслѣдъ за нею—солнце, и вдругъ оно скрылось; ночь наступила по-прежнему. Дѣвушка необыкновенной красоты явилась пастуху. «Не бойся меня,—сказала она,—я не изъ твоихъ враговъ, я посестрима твоя—вила съ Ловчен-

ской горы, коренная черногорка». И, убравъ цвѣтами свою лошадь, покрывъ ее блестящимъ покрываломъ, посадила на нее пастуха и понеслась, вмѣстѣ съ нимъ, на верхушку Ловчена. Чудное зрѣлище увидѣлъ тамъ черногорецъ! На тронѣ, въ свѣтлой одеждѣ, сидѣла царица; въ ея взглядѣ блистала радость; вокругъ стояла толпа народа. Надъ ними носился вѣнецъ; соколы и орлы, схвативъ его, возложили на голову царицы. Всѣ пѣли, ликовали. Вдругъ произошло нѣчто страшное... Стало темно, вмѣсто музыки и пѣсенъ понеслись стоны и вопли... Заплакали глаза у царицы, завяли и печально склонились цвѣты ея вѣнца. Они покрылись кровью: это была кровь потомка великаго Немани. Цареубійца Вукашинъ сѣлъ на сербскій престолъ; рядъ несчастій постигъ царство. Грустно пѣли вилы, но вскорѣ пѣсня сдѣлалась веселѣе и зазвучала о битвахъ черногорцевъ съ турками, мало-по-малу исчезали слѣды крови съ вѣнца у царицы, ожили и расцвѣли нѣкоторые цвѣтки на немъ. Наконецъ раздался самый голосъ царицы: «стыдъ мѣшаетъ мнѣ жить: какъ подумаю я, несчастная мать, что турокъ предписываетъ мнѣ законы... Ахъ, долго ли продолжаться этому!»

«Вѣштицы» (вѣдьмы)—олицетвореніе дурныхъ свойствъ женщины. Это—женщины, заключающія въ себѣ нѣчто дьявольское въ буквальномъ смыслѣ этого слова, какую-то частицу изъ дьявольскаго существа. Во время сна она превращается въ вампира и летаетъ по домамъ. Найдя человѣка спящимъ (вампиръ особенно любить дѣтей), она немедленно прокалываетъ ему лѣвую грудь, сѣдаетъ сердце и затѣмъ закрываетъ рану. Послѣ этой операціи, одни умираютъ, — другіе живутъ ровно столько времени, сколько присудитъ «вѣштица». Смерть ихъ, во всякомъ случаѣ, та, на которую «вѣштица» обрекла ихъ. Вѣштица не ѣстъ бѣлаго луку и даже боится самаго запаха. Бѣлый лукъ, поѣтому, постоянный спутникъ очень многихъ черногорцевъ. Имъ намазывается грудь для защиты отъ «вѣштицъ».

Вѣштицами обыкновенно бываютъ старыя женщины, молодыя въ данномъ случаѣ вѣкъ всякихъ подозрѣній. Живутъ онѣ между людьми и, разъ сдѣлавшись «вѣштицами», навсегда остаются такими, если только не хотятъ исповѣдаться, признаться въ своемъ ремеслѣ. Въ послѣднемъ случаѣ, онѣ перестаютъ вредить людямъ и даже становятся лекарями укушенныхъ «вѣштицами». Ночью вѣштица, летя по воздуху, блеститъ какъ огонь. Обыкновенно онѣ слетаются на гумнахъ.

«Вѣштицы» и «мори» преслѣдуются народомъ. Имъ приписывается всякое зло, постигающее страну. Особенно ихъ ви-

нать въ эпидемическихъ болѣзняхъ, отъ которыхъ умирають маленькія дѣти. Этимъ и объясняются крутыя мѣры, какія принималъ народъ противъ «вѣштицъ» или, лучше сказать, подозрѣваемыхъ въ вѣшничество. Такія мѣры особенно практиковались въ Герцеговинѣ. Чтобы узнать, кто въ деревнѣ вѣшница, собиралась деревня и, подъ предсѣдательствомъ старшины, рѣшала: «такъ какъ проклятыя вѣшницы ѣдятъ нашихъ дѣтей, то пусть каждый завтра утромъ приведетъ жену и мать на рѣчку и тамъ увидимъ, кто изъ нихъ вѣшница». Утромъ всѣ женщины престарѣлаго возраста приводятся на рѣчку. Каждый выжметъ своихъ поясомъ и бросаетъ въ воду. Затонувшія вытаскиваются и освобождаются, какъ невинныя, но если которая-нибудь держится на водѣ, то всѣ считаютъ ее за «вѣшницу». Богиничъ рассказываетъ въ своей книгѣ, что въ 1857 г. турки заставили православныхъ изъ города Требины продѣлать подобную операцію надъ ихъ женщинами и, что, такъ какъ семь изъ нихъ остались на водѣ, вслѣдствіе наполненія водою ихъ платья, то турки хотѣли ихъ «каменовать», но, благодаря просьбамъ и подкупу, согласились, чтобы православные пригласили архимандрита Дучича, предъ которымъ семь женщинъ, признанныхъ виновными, должны были поклясться св. евангеліемъ, что онѣ перестанутъ быть «вѣшницами». Въ Черногоріи этотъ обычай болѣе не существуетъ, но на границахъ кое-гдѣ секретно практикуется.

Обыкновенно думаютъ, что «вѣшница» можетъ повредить ребенку только изъ своего племени. Но бывали случаи, что племена вступали между собою въ ожесточенную борьбу изъ-за того, что «вѣшница» одного племени будто бы съѣдала ребенка изъ другого племени.

Въ народной поэзіи и обычаяхъ женщинамъ и особенно вдовамъ дается названіе «кукавицы» (кукушки). «Закуковала черная кукушка въ городъ Скадрѣ, на Боянѣ, гдѣ ужъ многія куковали отъ сербскихъ рукъ и оружія, но и есть ей отчего куковать: немного прошло времени, какъ она стала женою, а теперь сдѣлалась черною вдовою, черною вдовою-кукушкою».

Черногорцы считаютъ кукушку хотя и птицею, но священою, и никогда не согласятся убить ее, несмотря на то, что она предвѣстница печали и скорби. Перелетая черезъ чей-нибудь домъ, она возвѣщаетъ ему несчастье. Откуда взялась кукушка, объясняютъ различно. Одни говорятъ, что брату надоѣлъ вѣчный плачь сестры и онъ обратилъ ее въ кукушку, другіе — наоборотъ,

что сестра потеряла брата и до того плакала, что сдѣлалась кукушкой. Третьи придаютъ ей религіозное значеніе. Когда кого-либо оплакиваютъ — мужа или брата, обыкновенно начинаютъ словами: «что теперь буду дѣлать, черная кукушка, безъ него, безъ молодца? Ку-ку! ку-ку!»

Заплакала черная кукушка
Въ Чевскихъ кровавыхъ горахъ:
Это не была черная кукушка,
Это была черная вдовушка.
Шесть лѣтъ она плачетъ по Станку,
А на седьмой изъ-за Станка зарѣзалась...

Сестра плачетъ по родному брату,
Изъ жалости она съ ума сошла,
Въ сумасшествіи изъ дому ушла
И въ Зетѣ холодной она утопилась.

Какъ сильно жалѣть черногорка своихъ ближнихъ, видно изъ полуварварскаго обычая, который существовалъ во всей Черногоріи до князя Данила I (1857 г.) и который, несмотря на усилія нынѣ владѣющаго кн. Николая, еще не совершенно уничтожился въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ краяхъ, сосѣднихъ турецкимъ областямъ. Женщины изъ сожалѣнія къ роднымъ царапали свое лицо и рѣзали свои черныя кудри. Мнѣ лично пришлось видѣть въ прошлую кампанію 1876 г. въ Банянахъ, какъ на могилахъ убитыхъ красовались соломенные кресты, украшенные разноцвѣтными матеріями, изъ которыхъ висятъ густые и длинныя волосы.

Женщины сопровождаютъ храбро-погибшаго воина своими монотонными, но полными содержанія пѣснями. Это — «куканье», или «покаяница». Покойникъ лежитъ на кровати; женщины, приходящія отдать ему послѣдній долгъ, поютъ севозъ слезы:

Куда ты улетѣлъ, мой соколъ-молодецъ,
Изъ твоего молодецкаго гнѣзда?
Ты полетѣлъ съ соколами въ бой кровавый,
Гдѣ юнаки дерутся съ туркомъ за свободу,
Гдѣ турокъ рѣжутъ — все за вѣру,
За православную святую;
Гдѣ изъ-за чести молодцы перегоняются
Изъ-за военной чести, изъ-за имени юнака.
Ты рѣзалъ турокъ, дикихъ бусурманъ,
Ты билъ ихъ, богатырь, молодецъ, храбрецъ.
Но тебя нашла турецкая пуля
И свалила она къ родной землѣ.

Но пусть ты погибъ, а жалѣть не хочу,
 Не для того ли и на свѣтъ ты родился,
 Чтобы умереть не смертью женщины,
 Не на мягкой постелѣ, возлѣ молодой жены,
 Но на бранномъ полѣ за родную землю,
 За святую нашу Черногорію.
 Погибъ ты, родной, оставилъ кукушку,
 Оставилъ меня, черную вдову,
 И еще родныхъ четверо дѣтей,
 Четверо дѣтей, милыхъ сыновей.
 Выростутъ они—отмстятъ за тебя,
 Отмстятъ за тебя, ужасно отмстятъ.
 Тебя нѣтъ больше между нами здѣсь;
 Но за то ты сидишь въ небесахъ,
 Въ кружкѣ, мой соколъ, храбрыхъ юнаковъ;
 Тамъ тебѣ почетное мѣсто выбрали,
 Съ радостью они тебя встрѣтили.
 Тамъ увидишь ты Милоша-атамана
 Еще Ивана Сокола бана,
 И Марка храброго, Грунцу-юнака, и т. п.

Послѣ каждаго стиха повторяютъ: «ку-ку мене, кукавица», и продолжаютъ пѣть, указывая по очереди, опредѣляющейея значеніемъ и старшинствомъ, на всѣхъ юнаковъ, погибшихъ на полѣ брани. Когда одна устанетъ пѣть, ее замѣняетъ другая и начинаетъ пѣсню съ новымъ содержаніемъ. Мужчины слушаютъ ихъ со вниманіемъ.

Мнѣ случалось читать въ разсказахъ иностранцевъ, что путешественникъ слышитъ иногда монотонную пѣсню женщины, несущей тяжелый грузъ въ Каттаро, сначала думаетъ, что она поетъ, но потомъ, къ удивленію, видитъ, что глаза ея налиты слезами; путешественникъ не могъ объяснить себѣ такой странности и слезы приписывалъ тяжести груза.

«Освѣта» — по-русски — кровная месть. Этотъ древній обычай часто бывалъ причиною междоусобій, продолжавшихся десяти лѣтъ и стоившихъ десятки, а иногда и сотни людей. Народъ считаетъ этотъ обычай не только за законъ природы, но и за божій, и находитъ подтвержденіе въ невѣрно-толкуемыхъ словахъ символа вѣры: «свѣта отъ свѣта, Бога истинна». Это мѣсто народъ переводитъ такъ: «свѣта освѣта, Божья истина». Не отмстить своему врагу въ продолженіи года считается трусостью, и такого человѣка преслѣдуютъ даже женщины обычной насмѣшкой: «сними штаны, надѣнь юбки, ты не юнакъ, ты не отмстилъ, ты трусъ!» Даже родная мать преслѣдуетъ сына,

если онъ не успѣлъ отмстить за отца, брата, родственника или побратима. Чтобы читателю понять, до какой степени этотъ обычай, общій всѣмъ патриархальнымъ народамъ, пагубенъ для насъ, надо привести слѣдующія соображенія. Вся Черногорія составлена изъ нѣсколькихъ родовъ, которые связаны между собою такъ крѣпко, что, несмотря на многочисленность нѣкоторыхъ изъ нихъ (есть роды въ три тысячи человѣкъ), они не женятся въ своемъ родѣ и такой поступокъ считали бы грѣхомъ. Если, положимъ, черногорецъ изъ племени Бѣлопавличей убьетъ кого-нибудь изъ племени Цуцы, то всѣ Цуцы считаютъ своимъ долгомъ отмстить за убитаго собрата. Если нельзя убить убійцу, убиваютъ перваго встрѣчнаго Бѣлопавлича (дѣти и женщины освобождены отъ мести). Бѣлопавлича въ свою очередь убиваютъ Цуцу, Цуцы опять Бѣлопавлича, и такъ можетъ продолжаться нѣсколько лѣтъ, пока не заключать миръ. Гдѣ убить человѣка — на это мало обращалось вниманія. Богишичъ рассказываетъ, что однажды убили священника Лазаревича во время чтенія евангелія. Я знаю только то, что черногорскіе священники и въ церковь ходятъ вооруженными.

Причины мести различны. Обыкновенно или бываетъ безчестье сестры, родственницы, отказъ отъ жены послѣ брака, затѣмъ — убійство, раны, обида и т. п. Случается, что и женщина мститъ сама за себя или за своего возлюбленнаго.

Случается, что избѣгаютъ кровной мести уплатой денегъ и просьбами женщинъ. Это обставляется слѣдующими церемоніями: собираются 20 — 30 человѣкъ изъ племени убійцы и отправляются къ дому убитаго. Въ первый разъ ихъ не принимаютъ и они обязаны явиться въ другой, въ болѣе многочисленномъ сборѣ, и опять просить мира. Если семейство убитаго согласено, ихъ впускаютъ и тамъ уговариваются, сколько нужно заплатить за убитаго. Обычная цѣна головы — 240 талеровъ, которые, за исключеніемъ 40, идутъ семейству убитаго. А 40 талеровъ дѣлятъ между собою уполномоченные старшины племени убитаго. Эта сумма считалась ужасной, и не разъ случалось, что цѣлое племя не могло собрать ея. Тогда оставалось подѣлать серебряное оружіе. Но чтобы договоръ былъ тверже, посылали къ дому убитаго двѣнадцать матерей съ двѣнадцатью (если столько оказывалось) некрещенныхъ дѣтей. Двѣнадцать юнаковъ брали на руки дѣтей и кричали: «прими куме Бога и св. Іована». Родственники убитаго принимали и цѣловали своихъ крестныхъ дѣтей. Потомъ выходили съ каждой стороны по четыре человѣка, цѣловались и дѣлались «побратимами».

Когда племена заключили миръ, тогда убійца, повѣсивъ на шею оружіе, которымъ онъ убилъ покойнаго, становится шагомъ на пятьдесятъ отъ человѣка, у котораго онъ просить мира, и, пригнувшись къ землѣ, на четверенькахъ ползеть къ нему. Послѣдній встрѣчаетъ его на половинѣ дороги и снимаетъ съ шеи оружіе. Обидчикъ цѣлуетъ обиженнаго въ правое плечо, а тотъ его въ лицо. Послѣ этихъ церемоній убійца созываетъ къ себѣ гостей и начинается пирушка или «трапеза од вражде». Массѣ гостей даритъ хозяина-обидчика во время обѣда — кто сколько можетъ, изъ желанія спасти его отъ разоренія, но за то и онъ долженъ подарить что-нибудь всѣмъ гостямъ со стороны убитаго. Мясо, предлагаемое гостямъ, должно быть хорошо изжарено, чтобы не напоминало своимъ видомъ кровь убитаго.

Такой же характеръ носить заключеніе мира послѣ нанесенія ранъ, только плата за рану считается обыкновенно въ 50 цехиновъ, иногда сполна не принимаемыхъ. За то въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ружье или пистолетъ въ серебряной оправѣ, изъ котораго покушавшійся на жизнь раненаго стрѣлялъ въ то время, обыкновенно переходитъ во владѣніе потерпѣвшаго. Не разъ случалось, что и женщины принимаютъ участіе въ «освѣтѣ», что онѣ съ оружіемъ въ рукахъ мстятъ за убитаго. Случалось множество разъ, что черногорка убивала изъ мести черногорца. Она вполне одобряетъ кровную месть; у нея всегда на губахъ: «ко се освети, тай се посвети». Мать проклинаетъ сына, жена — мужа, сестра — брата, если погибшій собратъ не отмщенъ. Въ нѣкоторыхъ краяхъ женщины снимаютъ окровавленную рубашку съ убитаго и хранятъ ее, какъ талисманъ, показывая ее изрѣдка мужчинамъ и укоряя ихъ при этомъ, что они не смѣютъ мстить. Еще немного, и женщины сами берутся за оружіе. Существуетъ также народный обычай снимать со всякаго убитаго верхнее расшитое золотомъ платье и относить въ родное ему племя. Тамъ собираются женщины, окружаютъ окровавленную одежду и плачутъ нараспѣвъ: «не сердись, юнакъ, хоть ты погибъ за свободу и вѣру православную, но тебя отомстятъ молодцы, молодцы твои родичи» и проч.

Хотя женщина и мститъ за убитаго, но сама она безопасна, хотя бы и была поймана на мѣстѣ преступленія.

XVI.

Общественное положеніе черногорской женщины можно разсматривать съ двухъ точекъ зрѣнія: *de jure* и *de facto*. *De jure* женщина не участвуетъ въ сходкахъ, имѣющихъ политическое и общественное значеніе, по крайней мѣрѣ, закономъ не признано за нею это право; *de facto* — она участвуетъ всегда, то какъ поддерживающая, то какъ оппозиціонная сторона. Мужчины обыкновенно показываютъ видъ, что не придаютъ никакого значенія совѣтамъ женъ, но все-таки, сознавая себя нравственно обязанными имъ, невольно выслушиваютъ ихъ мнѣнія. Примѣромъ можетъ служить историческій фактъ женскаго суда надъ тридцатью турецкими аристократами. Два брата Ченчичи и бей Любичичъ съ помаками герцеговинскими напали на село Травино въ племени Цуды. Но черногорцы разбили ихъ и 170 человекъ взяли въ плѣнъ, въ томъ числѣ и трехъ предводителей. Плѣнниковъ привели въ Чесво и начали съ ними переговоры о выкупѣ: черногорцы очень бѣдны, деньги нужны имъ постоянно. Черногорцы всѣ изъявили согласіе на эту сдѣлку, но женщины протестовали. «Черногорцы! — воскликнула ихъ предводительница — послушайте голоса женщинъ. Вѣдь вы хотѣли разъ выкупить своихъ плѣнныхъ у проклятаго Чупреличъ-визира, но онъ отказался; теперь обратите вниманіе на черныхъ, какъ кукушки, несчастныхъ вдовъ, потерявшихъ позапрошлаго года своихъ мужей. Не стыдно ли вамъ передъ людьми и предъ Богомъ не мстить за своихъ братьевъ? Нѣтъ, вы еще хотите выпустить турокъ за деньги. Но этого не будетъ! Этого мы не позволимъ!»..

Послѣ такой энергической рѣчи, единодушно было рѣшено погубить всѣхъ плѣнныхъ, что и было исполнено.

Черногорцы не только слушаютъ совѣта своихъ женъ, но иногда не отказываются подчиниться имъ даже на полѣ сраженія. Вотъ разсказъ г-жи Меклензи и Ирби, которые были безпристрастными судьями:

«Жила женщина, и у нея былъ мужъ и четверо сыновей. Мужъ погибъ знаменовосцемъ, который имѣетъ большое значеніе и видное мѣсто въ общественной жизни. Но такъ какъ въ Черногоріи маіорать, то наследовалъ отцу старшій сынъ. Не долго пришлось ему ждать случая показать — достоинъ ли онъ носить знамя передъ своимъ племенемъ, какъ его отецъ. Вой начался и онъ въ самомъ его началѣ погибъ отъ непріятельской пули и палъ на землю. Но знамя не упало: второй братъ слѣдовать

за нимъ и вырвалъ знамя изъ рукъ убитаго (былъ бы великій стыдъ и срамъ, если бы кто другой успѣлъ его подхватить). Но не долго и онъ носилъ знамя предъ племенемъ: онъ тоже погибъ. Третій братъ поступилъ точно такъ же, какъ второй, схватилъ знамя, пронесъ нѣсколько шаговъ и точно также былъ убитъ... Оставался еще четвертый, двѣнадцатилѣтній мальчикъ, вблизи котораго находилась мать, хотѣвшая узнать — какъ онъ понесетъ знамя, перешедшее къ нему по наслѣдству отъ старшихъ его братьевъ. Но судьба такъ рѣшила, что и онъ сдѣлался жертвой смерти. Какъ раненая львица бросилась мать къ трупъ послѣдняго сына, безъ слезъ и рыданій поцѣловала его еще не остывшую голову и, схвативъ сама знамя, понесла его передъ юнацкимъ отрядомъ. Отрядъ бодро пошелъ впередъ, и благодаря, быть можетъ, личной храбрости этой женщины, выигралъ сраженіе».

Существуетъ и еще подобный фактъ, съ тою только разницею, что у матери погибло три сына, но одинъ малолѣтній оставался еще дома, и она, чтобы сохранить знамя въ своей семьѣ, носила его во время сраженія среди рядовъ разъяренныхъ башкибузовъ.

Черногорцы не отнимаютъ у женщинъ права на военную славу, они даже охотно рассказываютъ о подвигахъ той или другой женщины. Иногда и гусляръ передаетъ пѣсней—что случилось въ 1862 году при нашествіи на Черногорію Омера-пашы. «Когда турки взяли городъ Рѣку, они замѣтили, что изъ одного дома, построеннаго на небольшой возвышенности, правильно и непрерывно сыплются выстрѣлы, такъ что почти каждый проходившій близъ этого дома погибалъ. Заподозривъ засаду, они послали за пушкой, между тѣмъ какъ нѣсколько албанцевъ бросились въ домъ на приступъ. Никто и не препятствовалъ войти имъ; въ немъ они нашли только одну черногорскую женщину съ двумя ружьями и сыномъ, — маленькимъ мальчикомъ, зарядившимъ и подававшимъ ей ружья по мѣрѣ того, какъ она стрѣляла». Племя Бошковичей и сегодня гордится одной своей героиней, которая еще дѣвушкой успѣла убить одного турка. Племя Нѣгунгъ гордится Гордановой Лазой Перичевой, которая во время кампаніи 1862 г. съ Омеромъ-пашой, въ схваткѣ на Снинацѣ близъ Рѣки, носила атаганъ и пистолеты, и храбро сражалась съ турками. Очевидецъ Видо Бошковицъ самъ много рассказывалъ мнѣ о ней. Село Раганы тоже дало свою героиню Тару Вучичичъ, которая во время схватки слѣдила за своимъ женихомъ Янкомъ Іовановичемъ Вучичичемъ и подняла знамя, за которымъ бросились черногорцы въ атаку на турокъ. Тара

даже и тогда не оставила сраженія, когда случайно наступила на трупъ своего жениха.

Между прочимъ, село Рагамы памятно и для меня лично. Вблизи его я имѣлъ случай убѣдиться въ необыкновенномъ мужествѣ черногорскихъ сестеръ милосердія. Бой, продолжавшійся до сумерекъ, еще не окончился, какъ наши ряды запестрѣли живописными нарядами черногорскихъ женщинъ. Однѣ ищутъ отцовъ, другія — мужей, третьи — братьевъ, и въ то же время каждая носитъ въ деревянныхъ сосудахъ, «тыквицахъ», воду или вино, предлагаемая раненымъ. Свистъ пуль Генри-Мартини и картечи еще не замолкли, — но кому до этого дѣло? Черногорки, точно неуязвимыя, идутъ впереди по стопамъ храбрыхъ воиновъ, съ своею помощію. Я съ удивленіемъ смотрѣлъ на этихъ женщинъ и особенно на одну дѣвушку, лѣтъ четырнадцати. Приблизясь ко мнѣ, она схватила меня за руку и спросила дрожащимъ голосомъ: живъ ли ея братъ — и на мой успокоительный отвѣтъ, — предложила мнѣ напиться. Это предложеніе было какъ нельзя болѣе кстати. Глотокъ воды точно воскресилъ меня изъ мертвыхъ. «Спасибо, дѣвушка!» поблагодарилъ я ее и направился за отступающими турками. Вскорѣ вѣтъмъ я явственно услышалъ замирающій голосъ смертельно раненаго: «воды! воды!» Это былъ молодой человѣкъ, у котораго грудную кость прорѣзало картечью, внутренности его были видны... Страшная картина! Однако дѣвушка подошла къ нему, дала воды... Онъ глотнулъ, посмотрѣлъ на сестру милосердія благодарнымъ взглядомъ... и умеръ у ея ногъ...

Послѣ полночи войска собрались въ Рагамы — и началось перевязыванье ранъ и погребеніе мертвыхъ, которыхъ было нѣсколько сотъ. Женщины и здѣсь усердно намъ помогали, пока не подошли русскіе врачи, Зальцъ и др.

Женщины съ давнихъ временъ занимались ухаживаньемъ за ранеными, чему доказательство народныя пѣсни, напр., въ сборникѣ Караджича:

Въ коляску положили Тадію,
Возлѣ него красотку дѣвицу:
Она рветъ шелковую рубаху,
Перевязываетъ раненаго молодца,
Чтобы у него кровь не текла...

Ну, вотъ и Сенянина Ивана
Вороной конь въ крови купался...
На немъ, юнакѣ, семнадцать ранъ,
Правую руку онъ несетъ въ лѣвой

И такимъ приходитъ въ свой дворецъ.
Тамъ встрѣчаетъ его старушка-мать.
Говоритъ Иванъ: „ахъ, родимая ты мать,
Помоги мнѣ сойти съ лошади,
Вымой мои раны тяжелыя,
Завяжи ихъ шелковымъ платкомъ,
Причасти меня краснымъ виномъ!“

Читатель можетъ себѣ представить, сколько пользы приносить такія женщины народу, у котораго никогда не бывало ни лазаретовъ, ни общинъ сестеръ милосердія, ни докторовъ, — словомъ, никакихъ средствъ помочь раненому.

Черногорка — эта милосердная сестра, безъ краснаго креста, во время сраженія — ведетъ себя, какъ истинная героиня: она смѣло, въ глаза смотритъ смерти и безъ всякаго рыданія на убитаго отца, мужа, брата; она, по обычному праву, не имѣетъ даже возможности оплакивать погибшихъ, чтобы не смущать воюющихъ: это право предоставляется ей по окончаніи сраженія.

Для черногорца выше всего храбрость: здѣсь и полъ не дѣлаетъ разницы. Если женщина обладаетъ храбростью, ея голосъ выслушается и въ военныхъ дѣлахъ. Примѣромъ можетъ служить извѣстная всей Черногоріи юначина Милица, сестра владыки Петра II, погибшаго въ бою. Милица, сильно любившая его, поклялась передъ всѣми, что раньше не выйдетъ замужъ, какъ по смерти убійцы ея брата, которому твердо рѣшилась отомстить. Она надѣла мужской костюмъ и оружіе, и, покуривая трубку, нерѣдко саживала въ кружки юнаковъ въ бесѣды о военныхъ дѣлахъ. Не разъ она и сражалась съ турками, но одного отправила въ рай Магомета, но убійцы брата отыскать не могла. У черногорцевъ она пользовалась величайшимъ уваженіемъ.

Народныя пѣсни даютъ намъ также образцы амазонокъ, игравшихъ видную роль въ нашей военной исторіи. Такъ, есть народная пѣсня, напоминающая по содержанію греческое сказаніе объ извѣстной Леенѣ. Захваченная по заговору противъ Пизистратидовъ, она откусила себѣ языкъ, чтобы не проговориться. Языкъ былъ выплунутъ въ лицо судьямъ, а сама Леена умерла подъ пыткой, своею твердостью заслуживъ памятникъ у аѳинянъ. У насъ случилось нѣсколько иначе. Сидѣли у костра до двадцати черногорцевъ и между ними Стана Перишина, жена харамбаши Мирка изъ Банянъ, и условливаются сдѣлать напа-

деніе на одного изъ беговъ Любовичей. Условившись, отправляются. Ночь была темна, какъ могла, двадцать юнаковъ потерялись въ горахъ. Домъ Мирка былъ на турецкой границѣ, и турки часто посѣщали его, уничтожая огнемъ. На этотъ разъ Стана не успѣла, по обыкновенію, убѣжать въ горы съ двумя малолѣтними дѣтьми и была застигнута врасплохъ бегомъ Любовичемъ.

— Говори! гдѣ у тебя мужъ?

— Не знаю, бегъ, онъ на Цетинѣ.

— Врешь, собака; онъ, навѣрно, пошелъ съ своей четой налетѣ наші дома и гаремы.

— Не знаю, бегъ, мужа ничего не говорятъ намъ о своихъ дѣлахъ.

— Муса! — закричалъ бегъ: — схвати этихъ ребятишекъ и зарѣжь ихъ, гауровъ, если она не хочетъ сказать, куда отправились гайдуки.

Стана посмотрѣла, со слезами на глазахъ, на своихъ дѣтей и, поцѣловавъ ихъ, сказала: «погибайте же, дѣти, васъ отмстятъ, а мнѣ не быть измѣнницей юнакамъ, въ которыхъ нуждается народъ мой». Черезъ минуту зарѣзанные дѣти лежали у ногъ несчастной матери.

— Нѣтъ, это еще не все, гауркиня ¹⁾, ты скажешь намъ все... или мы тебя замучимъ, сожжемъ, изрѣжемъ въ куски. Говори же—гдѣ они? — крикнулъ бегъ и ударилъ ее такъ сильно, что она упала на землю. — Вставай, черногорка, говори—куда они ушли?

Стана, понявъ, что ее будутъ пытать и, боясь въ мукахъ выдать мужа и его друзей, сказала бегу: «бегъ! будь милостивъ! Оставь меня одну собраться съ духомъ. Я все скажу». — Оставьте ее, турки, — крикнулъ бегъ. — Она, воспользовавшись минутой, схватила ножницы и отрѣзала себѣ языкъ. Турки замучили ее за это и, наконецъ, сожгли вмѣстѣ съ домомъ. «Но не горюй, Черногорія, — оканчиваетъ пѣсня эту трагическую исторію, — Мирко сжегъ почти всѣ дома Любовичей и убилъ нѣсколько беговъ за родную Стану».

Для заключенія характеристики черногорской женщины приведу еще историческій фактъ женскаго поединка, — фактъ текущаго столѣтія.

Въ горахъ жалуется и плачетъ гайдукъ: «бѣдный Станиша,

¹⁾ Т.-е. „глурва“, невѣрная.

несчастье мнѣ, не отомстившему за себя!» Въ глубинѣ долины Цуцы услышала эти стоны жена погибшаго Станиши. Пылая христіанка бросается съ ружьемъ въ рукѣ на зеленныя тропинки, по которымъ спускалось 15 турокъ, предводимыхъ Ченгичъ-агой, убійцей ея мужа. Она быстро прицѣливается въ него и кладетъ мертвымъ агу. Остальные турки убѣгаютъ, испуганные героизмомъ этой женщины, а она отрѣзываетъ голову ихъ начальника и приноситъ ее въ деревню.

Тогда Фати, вдова Ченгичъ-аги, пишетъ письмо вдовѣ Станиши: «Ужасная христіанка! Убивъ моего Ченгича, ты вырвала у меня оба глаза, и поэтому, если ты настоящая черногорка, то придешь завтра одна на границу. Тамъ я буду ждать: мы помѣрjаемся силою и увидимъ, кто изъ насъ была лучшей женой!» Христіанка снимаетъ съ себя женское и надѣваетъ мужское платье и оружіе Ченгичъ-аги, беретъ его ятаганъ, два пистолета и прекрасный карабинъ, садится на его лошадь и пускается въ путь по тропинкамъ Цуцы, крича передъ каждымъ утесомъ: «если тутъ спрятался братъ черногорецъ, то пусть онъ меня не убиваетъ: я не турка, а дочь Черногоріи». Но, пріѣхавъ на границу, она увидѣла, что коварная турчанка, не довѣряясь своей храбрости, привела съ собой родственника, который верхомъ на огромной черной лошади, какъ бѣшеный, бросается на черногорку. Но она безъ страха ждетъ его. Хорошо направленная пуля попадаетъ ему прямо въ сердце. Она отрубаетъ ему голову, потомъ догоняетъ ударившуюся въ бѣгство Фату, приводитъ ее связанною въ Черногорію, дѣлаетъ ее своею служанкою, заставляетъ ее усыплять пѣснями сиротъ Станиши. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, она освобождаетъ Фату и отсылаетъ ее къ ея соотечественникамъ.

Одежда у черногорки «гунь» изъ бѣлаго сукна, только длиннѣе мужской и безъ рукавовъ, украшена у богатыхъ — золотомъ, а у бѣдныхъ — шелковымъ шитьемъ. Рубашка длинная, съ широкими рукавами, тоже вышитыми, на подобіе малороссійскихъ, золотомъ и шелкомъ. Поверхъ рубашки надѣваютъ передникъ и серебряный или украшенный большими красными камнями поясъ (часто вѣсящій до 20-ти фунтовъ). Обувь — чулки и толстые лапти (опанки); замужнія женщины заплетаютъ волосы въ двѣ косы, которыя обвиваются вокругъ головы и привязы-

ваются сзади. Голову покрывают чернымъ платкомъ, концы котораго опускаются на спину. Дѣвушки заплетаютъ волосы въ одну косу, на затылкѣ связываемую; на головѣ носятъ шапку: въ этомъ отличіе ихъ костюма отъ костюма замужнихъ женщинъ. Шапка—обыкновенно съ узорами изъ золота, поверхъ ея припиливаютъ бѣлый платокъ съ распушенными концами. Какъ дѣвушки, такъ и замужнія женщины, въ дурную погоду закутываются въ «струки»,—родъ пледа, обыкновенно разноцвѣтные.

И. Ю. Пѣповичъ-Липовацъ.

СОВРЕМЕННЫЙ РОМАНЪ

ВЪ

ЕГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯХЪ.

III. Бертольдъ Ауэрбахъ *).

I.

Ауэрбахъ извѣстенъ русской публикѣ едва ли меньше, чѣмъ Шпильгагенъ; многіе изъ его «Деревенскихъ разсказовъ», по крайней мѣрѣ два большихъ романа («На высотѣ» и «Дача на Рейнѣ»), даже послѣдняя по времени, мало замѣчательная его повѣсть: «Ландолинъ изъ Рейтерсгофена», переведены на русскій языкъ. Въ Германіи популярность его очень велика, но скорѣе уменьшается, чѣмъ возрастаетъ; наибольшій успѣхъ выпалъ на долю первыхъ двухъ серій его «Деревенскихъ разсказовъ» и перваго изъ трехъ большихъ романовъ, написанныхъ имъ въ продолженіи шестидесятихъ и семидесятихъ годовъ.

Бертольдъ Ауэрбахъ—старшій, по возрасту, изъ трехъ корифеевъ современнаго нѣмецкаго романа; ему теперь шестьдесятъ-семь лѣтъ. Онъ родился въ виртембергской деревнѣ Нордштеттенъ, среди Шварцвальдскихъ горъ—въ той самой мѣстности, гдѣ происходитъ, болѣею частью, дѣйствіе «Деревенскихъ разсказовъ». Еврей по происхожденію и по вѣрѣ, онъ учился сначала въ талмудистской школѣ въ Гехингенѣ, потомъ поступилъ

*) См. выше: июль, 121 стр.

на юридическій факультетъ въ Тюбингенѣ. Подъ вліяніемъ Штрауса, бывшаго въ то время репетиторомъ въ тюбингенской богословской семинаріи, молодой студентъ перешелъ къ изученію философіи, которое продолжалъ въ Мюнхенѣ и Гейдельбергѣ. Къ этому времени относится заключеніе его въ крѣпость, по обвиненію въ политическомъ преступленіи, т.-е. въ стремленіи къ единству и свободѣ Германіи, вызванномъ событіями 1830 года. Арестъ его продолжался, впрочемъ, не болѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ и не отразился на дальнѣйшей судьбѣ его. Средоточіемъ философскихъ его занятій скоро сдѣлалось ученіе Спинозы, всегда обладавшее большою притягательною силою для поэтическихъ натуръ въ Германіи (припомнимъ вліяніе его на Лессинга и Гёте), а для Ауэрбаха, сверхъ того, особенно близкое и дорогое по личности философа-еврея. Приготовляя новое изданіе сочиненій Спинозы (вышедшее въ свѣтъ въ 1841 г.), Ауэрбахъ заимствовалъ изъ его жизни сюжетъ для перваго своего романа: «Spinoza» (1837). Это разсказъ объ отрочествѣ и молодости философа, о борьбѣ, предшествовавшей отрѣшенію его отъ традицій, о первой любви его и первомъ полетѣ самостоятельной его мысли. Въ художественномъ отношеніи «Спиноза» не имѣетъ почти никакой цѣны; фактическая сторона романа связана съ философскими разсужденіями чисто внѣшнею связью, постепенный переходъ Спинозы отъ слѣпой вѣры къ ничѣмъ не сдержанной критикѣ представленъ въ общихъ чертахъ, безъ большой глубины и тонкости психологическаго анализа; но книга все-таки читается съ интересомъ, какъ біографія великаго мыслителя и честнаго человѣка. О второмъ романѣ Ауэрбаха: «Dichter und Kaufmann», скоро послѣдовавшемъ за первымъ, нельзя сказать того же самаго. Это также біографія, но біографія лица, развѣ на нѣсколько минутъ способнаго остановить на себѣ наше вниманіе,—а Ауэрбахъ отвелъ ей столько же мѣста, какъ и жизнеописанію Спинозы. Герой романа — бреславльскій еврей Ку, авторъ нѣсколькихъ малоизвѣстныхъ стихотвореній, современникъ Лессинга и Мендельсона, скромный членъ ихъ кружка, скорѣе жертва, чѣмъ представитель «просвѣщенія» (Aufklärung) XVIII вѣка, — могъ бы заинтересовать насъ только въ такомъ случаѣ, если бы страданія его были изображены рукою художника; но Ауэрбахъ заботился и здѣсь лишь о полнотѣ и точности разсказа. Оба названные нами романа давно были бы забыты, если бы автору ихъ не удалось, нѣсколько лѣтъ спустя, сразу достигнуть славы, первой серіей «Деревенскихъ разсказовъ» (1843). Мы рассмотримъ ихъ вмѣстѣ съ разсказами вто-

рой серіи, вышедшими въ свѣтъ въ 1848 г., а также съ «Joseph im Schnee» и «Edelweiss», изданными слишкомъ десять лѣтъ спустя, такъ какъ все это произведенія однородныя по содержанию, направленію и манерѣ, и разница между ними заключается только въ отгнѣвахъ.

Подобно «Soll und Haben» Фрейтага, подобно первымъ романамъ Шпилъгагена, «Деревенскіе рассказы» Ауэрбаха появились въ-время, именно тогда, когда обстоятельства всего больше благоприятствовали ихъ успѣху. Поворотъ къ изученію народа, крестьянства совершился въ сороковыхъ годахъ не въ одной только Германіи. Во Франціи именно въ это время Ж.-Зандъ написалъ: «La petite Fadette», «La mare au diable», «François le Champi»; въ Россіи цѣлая плеяда молодыхъ писателей—Тургеневъ, Некрасовъ, Писемскій, Григоровичъ, А. Потѣхинъ—обратилась къ почти невѣдомому до тѣхъ поръ міру деревенской, *мужицкой* жизни. Въ каждой странѣ это движеніе имѣло свои самостоятельныя причины, свой особенный колоритъ, но все-таки въ немъ были и общія черты. Чувство неудовлетворенія настоящимъ, существующимъ, въ Германіи, Франціи, Россіи было распространено далеко не въ одинаковой степени, коренилось не въ одинаковыхъ основаніяхъ — но оно вездѣ одинаково привлекало вниманіе къ тѣмъ слоямъ народа, которые всего меньше были тронуты цивилизаціей, всего меньше испытали на себѣ и хорошее, и дурное ея вліяніе, сохранили всего больше свѣжей, наивной внутренней силы. Возвращеніе къ природѣ, къ первобытному состоянію (какъ оно рисовалось воображеніемъ, а не знаніемъ) было мечтой XVIII вѣка, — мечтой Ж.-Ж. Руссо и его послѣдователей, и должно было уже тогда выдвинуть на сцену народныя массы, какъ наиболѣе близкія къ природѣ; но XVIII вѣкъ слишкомъ легко довольствовался отвлеченіями, не любилъ и не привыкъ считаться съ фактами. Въмѣсто того, чтобы изслѣдовать реальное положеніе крестьянъ, онъ создалъ *пейзажъ*, аркадскихъ пастушковъ, съ которыми и носилась его беллетристика, отъ Флоріана до Карамзина включительно. Когда старая задача опять поставлена была на очередь въ XIX вѣкѣ, къ разрѣшенію ея были пущены въ ходъ другіе приемы. Нельзя сказать, чтобы прежній міражъ былъ сразу разрушенъ, чтобы вновь народившаяся отрасль литературы сразу взглянула прямо въ глаза дѣйствительности; этому мѣшали какъ предвѣтныя мысли, съ которыми она приступила къ дѣлу, такъ и внѣшнія препятствія, о которыхъ мы еще упомянемъ. Но если наблюденія и были окрашены, въ болѣе или меньшей степени,

въ любимый цвѣтъ наблюдателя, то, во всякомъ случаѣ, это были наблюденія, а не фантазіи—наблюденія надъ фактами, относящимися къ опредѣленному мѣсту и опредѣленной эпохѣ. Хлои и Дафны XVIII вѣка могли жить гдѣ и когда угодно, или, лучше сказать, нигдѣ и никогда; у Ж.-Занда мы видимъ берришоновъ, у Ауэрбаха — шварцвальдскихъ швабовъ, у Тургенева и Писемскаго — орловскихъ, тульскихъ, калужскихъ, востромскихъ крестьянъ тогдашняго времени. Останавливаясь съ любовью на чуждомъ имъ бытѣ, названные нами писатели не сходили, однако, съ почвы современной культуры, не проповѣдывали поворота назадъ, къ мнимому золотому вѣку; многие изъ нихъ изучали, параллельно съ народомъ, другіе классы общества, руководясь въ работахъ обоего рода одними и тѣми же началами, стремясь постоянно къ однѣмъ и тѣмъ же цѣлямъ.

Въ литературной дѣятельности Ж.-Занда романами и повѣстямъ изъ деревенскаго быта предшествовали непосредственно социалистическіе романы, написанные подъ вліяніемъ Пьера Леру, Мишеля изъ Буржа и другихъ политическихъ друзей автора. «La petite Fadette», «François le Champi» и др. не были продолженіемъ пропаганды, начатой въ «Compagnon du tour de France» и «Péché de m-r Antoine»; но совершенно отрѣшиться отъ идей, только-что усвоенныхъ ею со всею горячностью ея натуры, Ж.-Зандъ была не въ силахъ. Французскій социализмъ, оставаясь вѣрнымъ идеѣ родоначальника своего, Руссо, вѣрилъ въ первобытную чистоту человѣческой природы, испорченной ненормальнымъ общественнымъ устройствомъ; сообразно съ этимъ, Ж.-Зандъ должна была искать—и, конечно, находить—въ средѣ крестьянства преимущественно добрыхъ, хорошихъ людей. Исключеніемъ изъ общаго правила могли служить только разбогатѣвшіе крестьяне, тяготящіе уже къ мѣщанству, въ родѣ Бриколена въ «Meunier d'Angibault». Въ то самое время, когда Бальзакъ—въ своихъ «Paysans», стоящихъ совершенно особнякомъ отъ интересующей насъ теперь *народолюбивой* литературы—набросалъ мрачную картину нравовъ французской деревни, Ж. Зандъ извлекала изъ нихъ матеріалъ для рисунковъ мягкихъ, успокоительныхъ, какъ музыка описываемыхъ ею французскихъ народныхъ напѣвовъ¹⁾. Видѣть въ крестьянскомъ быту учрежденія, достойныя подражанія, начала, могущія обновить государствен-

¹⁾ Въ позднѣйшихъ романахъ Ж.-Занда — напр., въ «Diable aux Champs», вышедшемъ въ свѣтъ около половины пятидесятихъ годовъ—идеализація крестьянства замѣтна гораздо меньше; но это объясняется разочарованіями 1848 и 1849 г.

ную и общественную жизнь, Ж.-Зандъ не могла, потому что французская демократія не привыкла черпать свои вдохновенія изъ этого источника; выросшая на городской почвѣ, находившая въ деревняхъ скорѣе противодѣйствіе, нежели поддержку, демократическая партія думала только о томъ, какъ поучать крестьянство, а отнюдь не о томъ, какъ и чему у него поучиться. Несомнѣнно, впрочемъ, что французское крестьянство, вслѣдствіе всего хода французской исторіи, было болѣе обезличено, болѣе общо типическими особенностями, чѣмъ крестьянство нѣмецкое или русское.

Въ Россіи беллетристы сороковыхъ годовъ подошли къ народу отчасти съ той же стороны, какъ и Ж.-Зандъ; у нѣкоторыхъ изъ нихъ отношеніе къ нему не чуждо сентиментальности, на первый планъ выдвигаются величественныя или блоснѣжно-невинныя, патріархальныя фигуры (Глѣбъ, дѣдушка Бондратій, Ваня въ «Рыбакахъ» г. Григоровича), чистота простыхъ земледѣльческихъ нравовъ противопоставляется городской испорченности. Но за поверхностнымъ сходствомъ кроется глубокое различіе, вполне соответствующее различію въ положеніи французскаго и русскаго крестьянства сороковыхъ годовъ. Ж.-Зандъ имѣла передъ собой крестьянъ свободныхъ, равноправныхъ со всѣми другими гражданами свободнаго государства¹⁾; русскимъ писателямъ предстояло говорить о крѣпостныхъ людяхъ въ такое время, когда ничто не предвѣщало еще скорой отмѣны крѣпостного права. Глубокое состраданіе къ униженной, забитой массѣ, смѣшанное съ смутнымъ чувствомъ неправоты передъ нею, неисполненнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ трудно исполнимаго долга, послужило исходной точкой и осталось руководящей нитью ихъ дѣятельности, насколько она была посвящена изображенію народнаго быта. Не время было думать объ объективности, безусловной полнотѣ и точности этого изображенія; оно по необходимости должно было быть одностороннимъ, одноцвѣтнымъ, чтобы стать оружіемъ въ тяжелой, неравной борьбѣ противъ ненавистнаго учрежденія. Отсюда обиліе симпатичныхъ крестьянскихъ фигуръ не только въ первыхъ повѣстяхъ г. Григоровича, но и въ «Запискахъ Охотника» (Хорь и Калинычъ, Бирюкъ, Касьянъ съ Красивой Мечи, Павлуша въ «Бѣжиномъ Лугѣ»); мрачныя краски берегаются здѣсь всецѣло для тѣхъ, кто перешелъ изъ лагеря угнетаемыхъ въ лагерь угнетателей (напр.

¹⁾ Избирательное право во Франціи было въ то время ограничено, но ограничено лишь имущественнымъ цензомъ, равнымъ для всѣхъ сословій.

бурмистръ, въ разсказѣ подь этимъ заглавіемъ). Драгоцѣнныя особенности крестьянскаго общественнаго строя, уцѣлѣвшія, несмотря на трехвѣковое господство крѣпостного права, почти не были замѣчены беллетристами сороковыхъ годовъ—и это неудивительно, потому что изслѣдованіе народной жизни только-что начиналось. Нравственный складъ крестьянина, уже тогда игравшій важную роль въ славянофильской теоріи, не могъ быть весь цѣликомъ идеаломъ для писателей, которые, въ большей или меньшей степени, принадлежали къ партіи западниковъ; но они умѣли находить въ немъ высокія черты, вѣрные дѣйствительности и вмѣстѣ съ тѣмъ годныя для ихъ публицистическихъ цѣлей. Если французскій читатель, утомленный политическою борьбою, могъ отдыхать духомъ на беррійскихъ идиліяхъ Ж.-Занда, то для русскихъ читателей повѣсти и разсказы изъ народного быта были, наоборотъ, глубоко-серьезнымъ, несмотря на свою скромную форму, призывомъ къ дѣятельности и мысли, торжественнымъ напоминаніемъ о безднѣ зла и страданій, лежащей подь ихъ ногами, но скрываемой отъ нихъ силой привычки и пустотой рутинной, безсодержательной жизни.

Въ южной Германіи, когда Ауэрбахъ началъ писать свои «Деревенскіе разсказы», положеніе сельскаго сословія было несравненно лучше, чѣмъ въ Россіи, но менѣе благопріятно, чѣмъ во Франціи. Феодализмъ, послѣдніе остатки котораго исчезли въ 1848 г., тяготѣлъ надъ крестьянами не особенно сильно; болѣе чувствительна—можетъ быть потому, что менѣе привычна—была для нихъ бюрократическая и клерикальная опека, мелкая, придирчивая и высокомерная. Крестьянское самоуправленіе было доведено ею до минимума, но наклонностей и взглядовъ, имъ воспитанныхъ, она не успѣла уничтожить. Цѣльные, энергичскіе характеры, исполненные сознанія собственной силы и собственного достоинства, встрѣчались въ деревняхъ чаще, чѣмъ въ городахъ; теорія «ограниченнаго ума подданныхъ» (*beschränkter Unterthanenverstand*) нашла въ первыхъ менѣе подготовленную почву, чѣмъ въ послѣднихъ. Въ городахъ старыя связи ослабѣли, распались, а новыя еще не сложились; въ деревняхъ чувство взаимной солидарности было еще довольно крѣпко. Швабская раса, суровая, мало подвижная, но упорно стоящая за однажды приобрѣтенное право, склонная къ мечтательности, охотно вырабатывающая себѣ міросозерцаніе, чѣмъ принимающая его на вѣру, сохранила здѣсь въ большей чистотѣ главныя, оригинальныя черты свои. Для интеллигенціи, выдѣлившейся изъ ея среды—тѣмъ болѣе для интеллигенціи другихъ нѣмецкихъ го-

сударствъ — она представляла прежде всего интересъ новизны, безъ сомнѣнія способствовавшій успѣху «Деревенскихъ разсказовъ»; но въ этому интересу Ауэрбахъ съумѣлъ присоединить другой, болѣе глубокий. Идиллическаго элемента, преобладающаго у Ж.-Занда, онъ хотя не избѣжалъ, но не далъ ему слишкомъ большого мѣста въ своихъ разсказахъ. Сохраняя за ними значеніе картины народныхъ нравовъ, настолько сложной съ дѣйствительностью, насколько это было возможно въ первомъ періодѣ новаго беллетристическаго жанра, онъ намѣтилъ точки соприкосновенія между жизнью массы и меньшинства, указалъ пути вліянія ихъ другъ на друга, и связалъ такимъ образомъ задуманное имъ дѣло съ общей умственной работой своего времени — работой освободительной, въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова.

У насъ часто говорятъ о разрывѣ между образованнымъ меньшинствомъ и народомъ, какъ объ отличительной чертѣ русской исторической жизни; «Деревенскіе разсказы» Ауэрбаха напоминаютъ намъ, что такой разрывъ существуетъ не въ одной только Россіи ¹⁾. Молодой сельскій учитель (въ разсказѣ «der Lauterbacher») поселяется въ деревнѣ съ самыми лучшими наклонностями, но съ предвзятою мыслью о невѣжествѣ и грубости народа. Первые впечатлѣнія подтверждаютъ эту мысль; радушіе, съ которымъ его принимаютъ крестьяне, кажется ему назойливостью, ихъ откровенность — дерзостью, ихъ самобытныя сужденія — тупымъ упрямствомъ. Мало-по-малу глаза его раскрываются; онъ видитъ, сколько простого здраваго смысла, сколько житейской мудрости, сколько сердечнаго отношенія къ людямъ скрыто подъ черствой корой, оттолкнувшей его своею рѣзкостью. Въ народномъ діалектѣ, прежде приводившемъ его въ ужасъ, въ народныхъ пѣсняхъ, казавшихся ему нелѣпыми, онъ находитъ теперь своеобразную прелесть; мысль о женитбѣ на необтесанной крестьянкѣ прежде заставляла его содрогаться — теперь онъ горячо любитъ простодушную Гедвигу и въ союзѣ съ ней видитъ все свое счастье. «Многіе думаютъ», пишетъ онъ теперь въ своемъ дневникѣ, «что нужно обратить народъ на путь истинный, обучивъ его разсудочному катихизису. Это ошибка; среди народа вездѣ находишь священную историческую почву, слѣды прошедшаго, требующіе внимательнаго изученія. Грустно, что

¹⁾ Въ посмертномъ сочиненіи Мишле констатируется существованіе этого разрыва и во Франціи (Вѣстн. Евр., 1879 г., № 8, Литерат. обзоріе, стр. 780).

наша исторія разорвана, раздроблена: какъ возстановить нарушенную связь?.. Легко вознестись на воображаемую вышину, построить для себя въ облакахъ, вдали отъ обитателей долины, замкнутый дворецъ мышленія и знанія; но стоить только спуститься внизъ, пожить среди людей и для людей, чтобы убѣдиться, что въ этотъ дворецъ не проникаютъ иногда самые простые факты, самыя лучшія мысли. Подобно тому, какъ дыханіе земли и моря возвращается сверху внизъ, въ видѣ освѣжающаго и оплодотворяющаго дождя, народный умъ, поднявшійся въ сферу письменности и литературы, долженъ обновиться въ своемъ источникѣ — народномъ чувствѣ». Любовь къ народу, проповѣдуемая Ауэрбахомъ, дается не легко—это онъ хорошо понимаетъ; она доступна только тому, кто «постоянно готовъ къ встрѣчѣ съ самыми разнообразными странностями, съ антипатичными обычаями и закоренѣлыми предразсудками, кто относится къ нимъ съ терпѣніемъ нѣжной матери, съ спокойствіемъ преданнаго друга, кто умѣетъ отрѣшиться отъ собственной личности». Герой упомянутого нами разсказа не отказывается отъ того, что дано ему образованіемъ; наоборотъ, онъ старается расширить умственный горизонтъ крестьянъ, познакомить ихъ хоть съ нѣкоторыми сторонами науки и литературы. Его задача—соединеніе природной силы, сохранившейся въ народѣ, съ приобрѣтенной силой интеллигенціи. Одно изъ самыхъ симпатичныхъ лицъ, созданныхъ Ауэрбахомъ—коллабораторъ Рейенмайеръ въ «die Frau Professorein»—сравниваетъ духовный складъ народа съ разстроеннымъ фортепіано, которое онъ собирается настраивать. «Всѣ струны нѣмецкаго народнаго чувства», говоритъ онъ, «еще цѣлы, ни одна изъ нихъ не требуетъ замѣны; но онѣ почти всѣ разстроены грубыми, неуловимыми руками, первоначальную чистоту сохранили только нѣкоторые глубокіе тоны. Знаменательно и то, что за ключомъ для настройки я долженъ обратиться въ школьному учителю».

Въ чемъ же заключаются слѣды прошедшаго, съ которыми нужно возстановить живую связь, черты народной мудрости, разсѣянные среди рутины и предразсудковъ? Съ одной изъ нихъ мы знакомимся въ разсказѣ: «Befehlerles». У шварцвальдскихъ крестьянъ издавна существуетъ обычай носить съ собой, привязаннымъ къ лѣвой рукѣ, небольшой топоръ, хотя бы въ немъ и не предстояло надобности. Одному изъ новомодныхъ администраторовъ (припомнимъ, что рѣчь идетъ о сороковыхъ годахъ), любителю регламентаціи и циркулярныхъ предписаній — оберъ-амтманну Реллингсу — приходитъ въ голову запретить ношеніе

топора, безъ достаточной и основательной къ тому причины. Бумага, содержащая въ себѣ запрещеніе, прибавляется къ стѣнѣ деревенской ратуши; крестьяне толпятся около нея и молча негодуютъ, пока не является ихъ обычный коноводъ, зажиточный, самостоятельный и энергичный Бухмайеръ. Прочитавъ бумагу, онъ разсѣкаетъ ее топоромъ; всѣ остальные крестьяне, послѣ нѣкотораго колебанія, слѣдуютъ его примѣру. Оберъ-амтманнъ требуетъ ихъ къ отвѣту; они идутъ къ нему всѣ вмѣстѣ, съ топоромъ на рукѣ, и Бухмайеръ держитъ рѣчь, болѣе похожую на обвиненіе, чѣмъ на защиту. «Нашъ честный и добрый король», говоритъ онъ, «конечно, не хочетъ, чтобы крестьянами понукали какъ скотомъ или чтобы ихъ били по пальцамъ, какъ ребятъ въ школѣ. Игрою въ приказаньица (Befehlerles) занимаются только маленькіе господчики, стоящіе между народомъ и королемъ; они скоро сочиняютъ ноты, по которымъ должна кудачать курица, когда класть яйцо. Крестьянское общество въ ихъ глазахъ — ничто, все должно твориться въ канцеляріяхъ; такъ пускай же въ канцеляріяхъ и папшутъ, и сбьютъ, и собираютъ хлѣбъ. Устроить, сдѣлать что-нибудь чиновники не умѣютъ; поэтому они запрещаютъ, предупреждаютъ, или, по-просту говоря, мѣшаютъ. Приставьте-ка ужъ лучше къ каждому дереву по одному полицейскому служителю, чтобы оно не слишкомъ много набирало въ себя воды, когда идетъ дождь, и не ссорилось съ вѣтромъ. Зачѣмъ вы хотите отнять у насъ топоры? Чтобы мы не рубили лѣсъ, гдѣ и когда не слѣдуетъ? Такъ для этого у васъ есть законы, наказанія, лѣсная стража. Развѣ мы глупѣе дѣтей, которымъ даютъ въ руки ножъ, хотя они могутъ имъ порѣзаться или порѣзать другихъ? Вы, господа, кажется думаете, что безъ вашего надзора каждый изъ насъ выпрыгнулъ бы въ окно и разбилъ бы себѣ шею! Нѣтъ, скорѣе я позволю отсѣчь себѣ голову своимъ топоромъ, чѣмъ уступлю его добровольно чиновническому капризу». Оберъ-амтманнъ, съ дипломатическою ловкостью, пытается отдѣлать Бухмайера отъ другихъ крестьянъ, выражая полное довѣріе къ благоразумію, къ умѣренности послѣднихъ; но эта диверсія не удается — самый старшій изъ присутствующихъ крестьянъ выражаетъ безусловное согласіе со всѣмъ, что сказалъ Бухмайеръ, и всѣ остальные повторяютъ за нимъ то же самое. Съ крестьянъ взыскивается штрафъ за явное неуваженіе къ предписанію начальства, но предписаніе это такъ и остается неисполненнымъ; ношеніе топора продолжается по прежнему.

Другому деревенскому Гампену — Луциану, въ разсказѣ: «Lucifer» — посчастливилось меньше, чѣмъ Бухмайеру; но за то и

противникъ, выбранный Луціаномъ, сильнѣе любого администра-
тора или даже цѣлой администраціи. Въ одну изъ католическихъ
деревень Шварцвальда назначается, на мѣсто священника старой
школы — мягкаго, полного терпимости и благодушія — молодой
фанатикъ того фасона, который въ Германіи сороковыхъ годовъ
входилъ въ моду не только въ католическихъ, но и въ протес-
тантскихъ руководящихъ сферахъ. Деревня протестуетъ противъ
этого назначенія, но напрасно; новый священникъ занимаетъ свое
мѣсто. Большинство рѣшаетъ тогда ходить по воскресеньямъ въ
сосѣднюю церковь, пока въ домашней проповѣдуетъ нежеланный
паствою пастырѣ; но рѣшимость эта скоро ослабѣваетъ, одинъ
крестьянинъ за другимъ отказывается отъ системы пассивной
оппозиціи. Во главѣ немногихъ, остающихся ей вѣрными, стоитъ
Луціанъ, подобно Бухмайеру — богатый и вліятельный крестьянинъ,
подобно ему готовый всегда и во всемъ служить общему дѣлу,
но отличающійся отъ него любовью къ чтенію, привычкой раз-
мышлять объ отвлеченныхъ вопросахъ. Когда священникъ, въ
присутствіи Луціана, случайно въ этотъ день пришедшаго въ
церковь, громить съ кафедры просвѣщеніе и свободу, пугаетъ
слушателей образомъ гнѣвнаго, карающаго, неумолимаго Бога,
Луціанъ прерываетъ его словами: «das ist schandmässiger Lug
und Trug», и противопоставляетъ проклятіямъ и угрозамъ про-
повѣдника евангельскія слова: «Богъ есть любовь». Неслыханная
смѣлость Луціана возбуждаетъ величайшее волненіе въ деревнѣ.
Въ собственной семьѣ его происходитъ расколъ; жена и дочь
молча держатъ его сторону, теща — одна изъ тѣхъ хранительницъ
народной мудрости, которыхъ такъ любятъ изображать Ауэрбахъ
въ своихъ деревенскихъ старушкахъ — открыто заступаетъ за
него, сынъ становится въ ряды защитниковъ священника. Между
крестьянами нѣкоторые сначала готовы идти рука объ руку съ
Луціаномъ; они перестаютъ слѣдовать за нимъ, когда онъ, въ
пылу борьбы, объявляетъ себя противникомъ не только злоупотре-
блений и крайностей католицизма, но и самого католицизма.
Просидѣвъ нѣсколько недѣль въ тюрьмѣ, за оскорбленіе священ-
ника, Луціанъ навсегда покидаетъ свою родную деревню и пере-
селяется въ Америку.

Въ исторіи Бухмайера и Луціана мы видимъ крестьянство —
или, точнѣе, лучшихъ представителей крестьянства — въ борьбѣ съ
вышними вліяніями, посягающими на его самобытность; другіе
рассказы знакомятъ насъ съ его внутреннимъ строемъ и сла-
домъ. Черта, отдѣляющая сильныхъ отъ слабыхъ, т.-е. богатыхъ
отъ бѣдныхъ, обозначилась уже весьма ярно; крестьяне, имѣющіе

только коровъ (Kuhbauern), считаются и сами считают себя стоящими ниже крестьянъ, у которыхъ есть вола (Ochsenbauern), а эти послѣдніе въ свою очередь уступаютъ первенство тѣмъ, у которыхъ есть и лошади (Pferdsbauern). Значеніе крестьянина въ глазахъ его однодеревенцевъ обуславливается въ значительной степени числомъ головъ скота, которымъ онъ владѣть, и пространствомъ полей, которыя онъ обрабатываетъ; заводя новое знакомство, крестьянинъ спѣшитъ сообщить своему собесѣднику цифры, выражающія собою его удѣльный вѣсъ въ деревенскомъ мірѣ. Есть крестьяне, состояніе которыхъ можетъ быть оцѣнено въ нѣсколько десятковъ или даже сотенъ тысячъ гульденовъ — и рядомъ съ ними есть крестьяне, живущіе въ нищетѣ и получающіе пропитаніе отъ общества. Сообразно съ этимъ, въ деревнѣ образуются отдѣльныя группы, но во многихъ отношеніяхъ онѣ все-таки составляютъ еще одно цѣлое. Ихъ соединяетъ общность обычаевъ и нравовъ, работы и удовольствій, соединяетъ остатки патріархальности, уцѣлѣвшій отъ стараго времени. Въ трактирѣ — этомъ деревенскомъ парламентѣ — бѣдняки сидятъ за однимъ столомъ съ богачами, работники — съ хозяевами; на деревенскихъ праздникахъ сыновья зажиточныхъ крестьянъ танцуютъ съ служанками; браки между тѣми и другими, какъ и между работниками и богатыми невестами, не составляютъ большой рѣдкости, хотя обыкновенно богатство и льнетъ къ богатству; слуги разсматриваются почти какъ члены семейства; о сиротахъ и безпомощныхъ людяхъ почитается общество. Образованію замкнутой крестьянской аристократіи часто противодействуютъ тѣ, которые лично могли бы быть заинтересованы въ успѣхѣ этого дѣла. Въ то самое время, когда въ правительственныхъ сферахъ зрѣетъ мысль объ искусственныхъ средствахъ къ сохраненію крестьянскихъ маіоратовъ или фиденкомиссовъ, въ средѣ крестьянства происходитъ противоположное движеніе — раздробленіе дворовъ, — поддерживаемое многими изъ числа зажиточныхъ крестьянъ (укажемъ для примѣра на Гирценбауера въ рассказѣ «der Lehnhold», прозваннаго Klein-Rotteck, вслѣдствіе внутреннего сродства съ Роттекомъ, тогдашнимъ предводителемъ южно-германской либеральной оппозиціи). Въ то самое время, когда правительство не хочетъ и слышать объ отмѣнѣ закона, по которому члены общиннаго совѣта, однажды избранные, остаются въ немъ пожизненно, крестьяне находятъ возможность парализовать дѣйствіе этого закона, обязывая избираемыхъ ими лицъ подпиской къ выходу, черезъ пять лѣтъ, изъ среды совѣта. И здѣсь опять руководителями агитаціи являются вліятельные крестьяне въ родѣ

Луціана, т.-е. главные кандидаты на пожизненное мѣсто въ общинномъ совѣтѣ. Извѣстно, какое значеніе имѣли, да и теперь имѣютъ въ нѣмецкомъ обществѣ ордена, титулы, почетныя званія; простая крестьянка въ «*Barfusssele*» осуждаетъ тѣхъ, кто не снимаетъ съ себя орденовъ ни въ церкви, ни на кладбищѣ, т.-е. тамъ, гдѣ слѣдуетъ думать о равенствѣ всѣхъ людей, а не объ искусственныхъ различіяхъ между ними.

Итакъ, въ крестьянскомъ строѣ, въ крестьянскомъ быту, несмотря на внѣшнее давленіе и внутреннюю порчу, сохранились здоровые, свѣжіе элементы. Мы видимъ, однако, что имъ угрожаетъ серьезная опасность. Регламентація, свѣтская и духовная, все болѣе и болѣе охватываетъ деревенскую общину; ея дыханіе уже на половину сперто. Крестьянамъ не позволяютъ даже веселиться по старому обычаю; духовенство запрещаетъ играть въ кегли по воскресеньямъ, запрещаетъ дѣтямъ танцовать, преслѣдуетъ музыку и пѣніе; правительство предписываетъ праздновать обычный лѣтній праздникъ повсемѣстно въ одинъ и тотъ же день, для того, чтобы жители одной деревни не могли ходить въ гости къ жителямъ другихъ, сосѣднихъ. Примѣры другихъ, болѣе серьезныхъ, но едва ли болѣе чувствительныхъ стѣсненій мы уже видѣли выше. Отстоять свои права и свою свободу деревня, сама по себѣ, не въ силахъ; она должна примкнуть къ общему политическому движенію, отъ котораго до сихъ поръ держалась слишкомъ далеко. Это понимаютъ многія изъ дѣйствующихъ лицъ «Деревенскихъ разсказовъ». Ограждая крестьянское самоуправленіе, они научаются видѣть тѣсную связь между нимъ и другими, обще-государственными вопросами; они требуютъ суда присяжныхъ, сокращенія срока военной службы, болѣе бдительнаго наблюденія страны за расходованіемъ собираемыхъ съ нея денегъ. Звенья, отдѣльно выкованныя авторомъ, смыкаются, такимъ образомъ, въ одну цѣпь, служащую проводникомъ между двумя противоположными полюсами — проводникомъ, по которому искра можетъ проходить какъ въ одномъ направленіи, такъ и въ другомъ. «Что мѣшаетъ истинѣ», спрашиваетъ себя Ауэрбахъ (въ разсказѣ: «*Lucifer*»), «разлиться по всему свѣту? На это можно отвѣтить двумя словами: *презрѣніе къ народу*. Бѣсовскій котелъ, въ которомъ оно варится, стоитъ на треножникѣ погони за властью, высокомерія умниковъ, считающихъ себя непогрѣшимыми, и обидчивости недотрогъ, считающихъ себя благонамѣренными. Кто стоитъ внѣ народа, тому легко отказаться отъ всякаго общенія съ нимъ, презрительно отвернувшись отъ него при первой неудачѣ, провозгласивъ его неспособнымъ къ воспріи-

тію истины: народъ, въ его глазахъ, можетъ быть безформенной и безличной массой. Для человѣка, стоящаго среди народа, такое отношеніе къ нему немыслимо. Онъ видитъ въ народѣ совокупность живыхъ личностей, изъ которыхъ многія достойны любви и уваженія; помня о нихъ, онъ не рѣшится произнести оглушающаго приговора надъ всѣми». Въ этихъ словахъ сказалась задушевная мысль Ауэрбаха. Убѣжденіе въ томъ, что только близкое знаніе народнаго быта можетъ положить конецъ безразличному игнорированію массы, желаніе распространить это знаніе въ кругу образованнаго меньшинства—вотъ что слышится на каждомъ шагѣ въ «Деревенскихъ разсказахъ»¹⁾.

Та сторона разсказовъ, о которой мы до сихъ поръ говорили, показываетъ намъ Ауэрбаха, какъ либерала сороковыхъ годовъ; но онъ былъ въ то же время философъ-пантеистомъ, и эта особенность его умственнаго склада также нашла отголосокъ въ народной жизни. Народъ стоитъ близко къ природѣ, непосредственно сознаетъ ту связь съ нею, которую чувствуетъ поэтъ и логически доказываетъ мыслитель. Простой работникъ Наци, счастливый ребенокъ Иво, одинокая, почти нищая Босоножка—всѣ они живутъ въ общеніи съ деревьями, съ животными, съ таинственнымъ цѣлымъ, ихъ окружающимъ. «Весь міръ, съ его красотою и тихими радостями, входилъ въ открытую душу мальчика (Иво, въ разсказѣ «Ivo der Hajrle»). Когда онъ поднималъ глаза къ небу, ихъ синева казалась каплей, упавшей оттуда и опять стремящейся обратно къ безконечному, вѣчному источнику жизни. Такъ думалъ Наци, смотря въ глаза своему любимцу». Самымъ счастливымъ днемъ въ дѣтствѣ Иво былъ тотъ, который онъ весь провелъ въ полѣ, за работой, вмѣстѣ съ Наци. Отдыхая въ травѣ и прислушиваясь къ пѣнію жаворонковъ, къ тысячеголосому говору насѣкомыхъ, онъ говорилъ Наци: «мнѣ кажется, что цвѣты поютъ, что весь дугъ полонъ жизни». До нихъ доносится звукъ деревенскаго колокола,—и Иво чудится, что лошадь, запряженная въ плугъ, молится вмѣстѣ съ ними; такъ важно и серьезно она опускаетъ и поднимаетъ голову. Когда горизонтъ пламенѣетъ отъ лучей заходящаго солнца, Иво и Наци чувствуютъ себя, какъ-бы отрѣшенными отъ земли, какъ-бы парящими надъ нею. «Wer verkündet all'die Himmelspracht, wo das Herz, durchglüht vom

¹⁾ Знакома образованное меньшинство съ народомъ, Ауэрбахъ заботился въ то же время о распространеніи въ народѣ идей образованнаго меньшинства. Съ этою цѣлю онъ издавалъ нѣсколько лѣтъ сряду народный календарь, подъ заглавіемъ: „Der Gevattermann“.

heiligen Geiste des Alls, sich ausdehnt bis dahin, wo keine Schranke mehr, wo man aufgegangen, ins Unendliche, doch beseligt, befriedigt, in sich, in Gott, die klopfende Brust halt. So stand Nazi da, alle Erdenpein und alle Begierde war von ihm genommen. In die Seele dieses armen einfaltigen Knechtes fiel ein Strahl aus der unerschöpflichen Glorie Gottes, und er stand höher als alle die Grossen auf den Thronen des Geistes und der Macht; die Majestät Gottes hatte sich auf ihn herniedergesenkt» ¹⁾. Босоножка разговариваетъ и совѣтуется съ деревьями, ожидаетъ вѣсти отъ голубя, переносится мысленно въ жизнь гусей, жаворонковъ, кукушекъ; проводя цѣлыя дни одна въ полѣ, она теряетъ сознание дѣйствительности и живетъ въ мечтахъ, не отдѣляя себя отъ природы. Привычное кажется ей чудомъ, чудеса — чѣмъ-то нормальнымъ, ежедневнымъ. Она олицетворяетъ все, что видитъ кругомъ себя, задаетъ себѣ вопросы о причинахъ всего происходящаго и отвѣчаетъ на нихъ бессознательно — поэтическими образами. — «Знаете-ли вы», — говоритъ она, — «для чего дуетъ вѣтеръ? Все живущее нуждается въ движеніи; рыба плаваетъ, насекомое ползаетъ, олень, заяцъ, лошадь бѣгаютъ, птица летаетъ. Только деревья, растенія, травы стоятъ на одномъ мѣстѣ, а имъ также нужно жить, нужно двигаться; вотъ и приходитъ вѣтеръ и говоритъ имъ: дайте-ка, я васъ расшевелю. Видите-ли, какъ я васъ гну, колеблю, поворачиваю во всѣ стороны? Радуйтесь, что я пришелъ, а то изъ васъ ничего бы не вышло. Не бѣда, что вы отъ меня устанете, это пойдетъ вамъ въ прокъ, вотъ увидите». Чарующему вліянію природы поддаются и тѣ, которые бѣгутъ въ ея лоно отъ городской суеты, отъ исключительно головныхъ занятій. Описывая живописный уголокъ въ чащѣ лѣса, Рейенмайеръ говоритъ своему другу: — «я пролежалъ тамъ часъ, но въ этотъ часъ пережилъ безконечно многое. Я былъ поглощенъ великимъ цѣлымъ; я стоялъ высоко на вершинахъ безконечнаго духа. Сильнѣе, чѣмъ когда бы то ни было,

¹⁾ Буквально перевести эти слова нѣтъ возможности; мы привели ихъ въ подлинникѣ, чтобы дать понятіе о способѣ выраженій Ауэрбаха, уже въ то время соединявшемъ иногда (только гораздо рѣже, чѣмъ впоследствии) поэтическую силу съ значительною долей изысканности. Смыслъ ихъ, приблизительно, таковъ: „Кто въ состояніи описать небесную прелесть тѣхъ минутъ, когда сердце, проникнутое священнымъ духомъ вселенной, не сознаетъ больше границъ битія, сливается съ безконечнымъ и все-таки чувствуетъ свое блаженство, свое единство съ божествомъ? Такую минуту переживалъ Nazi; желаній у него не было, бремя земной жизни было съ него снято. Въ душу этого бѣднаго, простодушнаго работника проникъ лучъ неизсякаемой славы божіей; онъ стоялъ выше великихъ сего міра, возсѣдающихъ на престолахъ власти или знанія; на него снизошло величіе Божества“.

говорило мнѣ чувство, что я не могу умереть, что я живу вѣчно. Я обнималъ землю, которая будетъ покрывать меня; но духъ мой носился высоко надъ всѣми мірами. Пускай мнѣ не суждено больше радости на землѣ, пускай я безвѣстно сойду въ могилу: я жилъ и буду жить вѣчно».

Мы уже говорили, что хранительницами народной мудрости являются у Ауэрбаха преимущественно пожилыя крестьянки, много претерпѣвшія горя и вынесшія изъ всѣхъ испытаній спокойный, свѣтлый взглядъ на жизнь. Самое извѣстное выраженіе этого типа—мать Вальпурги въ «Auf der Höhe»; но разработка его начата Ауэрбахомъ уже въ «Деревенскихъ разсказахъ». Бабушка Гедвиги въ «der Lauterbacher», мать Иво въ «Ivo der Hajrle», теща Луціана въ «Lucifer», мать Іоганна въ «Barfüssele» — все это женщины, служащія опорой и средоточіемъ своихъ семей, управляющія ими не властью, не силой, а нравственнымъ вліяніемъ и любовью. Кротость, терпѣніе, терпимость, умѣнье прощать и забывать—черты, общія имъ всѣмъ; у нѣкоторыхъ изъ нихъ—напр. у тещи Луціана—терпимость возвышается на степень замѣчательно широкаго религіознаго міросозерцанія. Образцомъ ихъ житейскихъ понятій могутъ служить инструкціи, которыя мать Іоганна (въ «Barfüssele») даетъ своему сыну относительно выбора невѣсты. У нея въ головѣ сложился готовый образъ дѣвушки, которую она желала бы видѣть женой своего сына—и она передаетъ ему массу подробностей, крупныхъ и мелкихъ, важныхъ и неважныхъ, которыя должны служить руководительною нитью въ его поискахъ. О богатствѣ невѣсты, объ общественномъ положеніи ея здѣсь нѣтъ и рѣчи; за то говорится о томъ, какъ она смѣется, какъ она поетъ, какъ ухаживаетъ за цвѣтами, какъ носить башмаки, какъ бережетъ свои шелковыя тетради. Всѣмъ этимъ мелочамъ придается внутренній смыслъ, полусимволическое значеніе. Когда рѣчь матери касается болѣе серьезныхъ вопросовъ, она достигаетъ безъ всякихъ усилій истинной поэзіи. «Если въ заповѣди сказано: чти отца твоего и мать твою, да долголѣтенъ будешь на землѣ,—то это вовсе не значитъ, что хорошему сыну или хорошей дочери суждено прожить семьдесятъ, восемьдесятъ лѣтъ. Нѣтъ, кто чтитъ отца и мать, тому дана долгая жизнь не въ будущемъ, а въ прошедшемъ. Жизнь его родителей живетъ въ немъ, въ его воспоминаніяхъ, въ его мысляхъ—и это неотъемлемое благо принадлежитъ ему, какъ бы продолжительна или коротка ни была его собственная жизнь. Кто не чтитъ отца и мать, тотъ вчера лишь началъ жить на свѣтѣ и завтра исчезнетъ безслѣдно».

Какъ художественное произведеніе, «Деревенскіе рассказы» имѣютъ весьма неравную цѣнность. Господствующій недостатокъ ихъ, какъ и всего написаннаго Ауэрбахомъ — расплывчатость, многословіе, излишняя подробность; особенно чувствительнымъ онъ становится въ рассказахъ позднѣйшаго происхожденія, напр., въ «Edelweiss». Нѣкоторые рассказы имѣютъ чисто-анекдотическое значеніе; въ основаніи ихъ лежитъ болѣе или менѣе интересный фактъ, представленный болѣе или менѣе рельефно — и только; искать въ нихъ характеровъ, психологическаго анализа, тенденции, идеи было бы напрасно. Если анекдотъ рассказанъ кратко, онъ читается не безъ удовольствія (напр. «der Tolpatsch», «die feindlichen Brüder»); но если онъ разстануть на десятки страницъ (какъ напр. «Florian und Crescenz», «Erdmuth», «die Amerikanische Kiste»), то онъ не возбуждаетъ ничего, кромѣ скуки. Только въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда за небольшимъ, живо изложеннымъ анекдотомъ скрывается характеристическая черта крестьянскаго быта — какъ напр. въ «Befehlerles», — онъ становится на ряду съ лучшими изъ «Деревенскихъ рассказовъ». Отъ рассказовъ анекдотическаго содержанія рѣзко отличаются тѣ, которые заключаютъ въ себѣ настоящія картины крестьянскихъ нравовъ, крестьянской жизни. Характеровъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, мы и здѣсь встрѣчаемъ немного; Ауэрбахъ чаще создаетъ общіе типы, чѣмъ ядро обозначенныя индивидуальности — но эти типы интересны какъ выраженіе среды, ихъ производящей. Таковы, напримѣръ, Фурхенбауеръ въ «der Lehnhold», либералъ въ политикѣ, консерваторъ въ хозяйствѣ, суровый деспотъ въ семьѣ, гордый своимъ вліяніемъ и богатствомъ, замыкающійся въ уединеніе своего крестьянскаго двора, чтобы сохранить неприкосновеннымъ свое достоинство; злая Рётманша въ «Joseph im Schnee», готовая скорѣе отказаться отъ своего единственнаго сына, чѣмъ согласиться на бракъ его съ простой работницей; Ландфридбауеръ въ «Barfüssele», строгій повидимому, въ сущности добродушный, сначала мечтающій о томъ, какъ бы женить сына на богатой невѣстѣ, потомъ сразу соглашающійся на бракъ его съ безприданницей-служанкой; старикъ Родельбауеръ въ томъ же рассказѣ, хитрый, скупой, охотно великодушничавшій на чужой или общественный счетъ, готовый на доброе дѣло только тогда, когда оно ему ничего не стоитъ; хозяинъ деревенской гостинницы въ «Edelweiss», обманывающій всѣхъ своей торжественной молчаливостью, своимъ солиднымъ видомъ, и не теряющій обычнаго апломба даже тогда, когда обнаруживаются всѣ его плутни; отецъ Лорле въ «die

Frau Professorin», важный, тугой на подъемъ, вѣчно повторяющій: nur stet (не будемъ торопиться), настоящій пвабъ и по честной, доброй душѣ, и по неудобоподвижности. Съ Бухмайеромъ и Луціаномъ мы уже знакомы; послѣдній, впрочемъ, скорѣе характеръ, чѣмъ типъ, такъ какъ систематическое размышленіе объ отвлеченныхъ вопросахъ—рѣдкое исключеніе въ средѣ крестьянства. Женскія фигуры Ауэрбахъ любитъ идеализировать, но многія изъ нихъ выходятъ у него живыми и симпатичными; достаточно назвать Гедвигу въ «der Lauterbacher», Лорле въ «die Frau Professorin», Эммеренцію въ «Ivo der Hajrle», Босножку въ разсказѣ подъ этимъ заглавіемъ. Описанія природы—не сильная сторона таланта Ауэрбаха; онъ лучше умѣетъ намѣчать впечатлѣнія, производимыя картинами природы, чѣмъ рисовать самыя картины, значительно уступая въ этомъ отношеніи, напримѣръ, Тургеневу. «Солнце заходило между двумя горами, увѣнчанными темнымъ сосновымъ лѣсомъ. Небо и земля походили на храмъ, вылитый изъ свѣта и расплавленного золота; въ воздухѣ носились длинныя полосы пламени, то ярко-алаго, то нѣжно-розоваго цвѣта; легкія облачка казались лучезарными, ангельскими головами, а посреди нихъ, въ торжественной тишинѣ, стояло большое облако, подобное алтарю съ голубымъ подножіемъ, съ огненнымъ покрываломъ». Эта картина сама по себѣ неудачна—но если Ауэрбахъ хотѣлъ выразить въ ней чувства католическихъ крестьянъ, привыкшихъ искать и видѣть изящное только въ своемъ храмѣ, то ей нельзя отказать въ субъективной вѣрности. Лучше описаній природы удаются Ауэрбаху описанія минутъ, переживаемыхъ человѣкомъ при неожиданной опасности, при необыкновенномъ стеченіи обстоятельствъ. Напомнимъ, для примѣра, разсказъ Лесгарты (въ «Joseph im Schnee») о томъ, какъ она заблудилась въ лѣсу, отыскиваніе ночью, въ лѣсу, пропавшаго мальчика (тамъ же), внутреннюю тревогу крестьянина, поджигающаго свой домъ («die Geschichte des Diethelm von Buchenberg»), мучительное томленіе семьи, засыпанной снѣгомъ («Edelweiss»).

Остановимся, въ заключеніе, на тѣхъ разсказахъ, которые всего болѣе выдаются изъ ряду ¹⁾. Герой разсказа: «Ivo der

¹⁾ Мы относимъ къ числу такихъ разсказовъ и „Befehlerles“, и „Lucifer“, и „der Lauterbacher“, но читатели уже достаточно знакомы съ ихъ значеніемъ. Разсказъ: „Sträflinge“ замѣчательнъ по двойной его задачѣ—показать недостатки тогдашняго уголовного процесса и тюремной системы, изобразить отношеніе крестьянъ къ осужденнымъ, отбывшимъ свое наказаніе; но исполненіе задачи не можетъ быть названо особенно удачнымъ.

Hajrle» съ дѣтства предназначенъ родителями (крестьянами) къ духовному званію. Онъ учится въ монастырской школѣ, поступаетъ въ католическую семинарію при тюбингенскомъ университетѣ; но по мѣрѣ приближенія къ умственной зрѣлости, желаніе и рѣшимость его принять священство все болѣе и болѣе ослабѣваютъ. Онъ долго борется съ собою, нѣсколько разъ пытается переломить себя изъ уваженія къ отцовской волѣ, но не выдерживаетъ борьбы, бѣжитъ изъ семинаріи и опять становится земледѣльцемъ. Тема, какъ видно, не новая, но разработана она Ауэрбахомъ оригинально. Когда на сцену выводится католическій священникъ или кандидатъ въ священники, поворачивающій, послѣ мучительныхъ колебаній, на другую дорогу, побудительной причиной такого поворота выставляется обыкновенно или любовь, или догматическія сомнѣнія. Оба эти мотива, особенно первый, дѣйствуютъ и на Иво, но главной причиной его рѣшимости является стремленіе къ физическому труду, къ активной, ежедневной работѣ, къ простой крестьянской жизни, среди которой прошло его счастливое дѣтство. Его сильная, здоровая натура тяготеетъ кабинетными занятіями; его тянетъ назадъ, къ полямъ и лугамъ, къ природѣ, къ непосредственному соприкосновенію со всѣми сторонами дѣйствительности. Онъ продолжаетъ вѣрить, но хочетъ вѣрить по-своему, однимъ сердцемъ, безъ богословскихъ тонкостей. «Люби Бога и ближняго» — въ этихъ словахъ для него сосредоточивается вся религія; все остальное кажется ему бесполезнымъ или вреднымъ придаткомъ. Онъ готовъ былъ бы сдѣлаться священникомъ, если бы можно было исполнять духовныя обязанности лишь по воскресеньямъ, а въ будни работать наравнѣ съ крестьянами, кормясь именно этой и только этой работою. Онъ мечтаетъ, одно время, о такомъ соединеніи обоихъ своихъ призваній — естественнаго и искусственнаго, — посредствомъ переселенія въ новыя мѣста Америки, дающія одинаковый просторъ и проповѣди, и работѣ; но привязанность, истинно крестьянская, къ родной землѣ беретъ верхъ надъ трудно осуществимою мечтою. Не имѣя возможности развязать узелъ, онъ разрѣшаетъ его рѣшительнымъ отказомъ отъ духовнаго званія.

Въ «die Frau Professorin» живописецъ Рейнгардъ влюбляется въ дочь деревенскаго трактирщика, красавицу Лорле, женится на ней, перевозитъ ее въ городъ, — но здѣсь скоро обнаруживается внутренній разладъ между ними, оканчивающійся тѣмъ, что Лорле оставляетъ мужа и возвращается въ деревню. Особенно интереснымъ, при такой завязкѣ, могло бы быть описаніе столкновенія между городской культурой и деревенской непосред-

ственностью, попытокъ мужа ввести жену въ сферу своей умственной жизни, попытокъ жены проникнуть въ эту сферу, хотя бы и безъ помощи мужа. Можно было поставить задачу и совершенно иначе; можно было показать, какимъ образомъ двѣ натуры, глубоко различныя, долго шедшія противоположными путями, гармонически устрояютъ свою жизнь, сохраняя свою самобытность, уважая въ другомъ недостающее въ самомъ себѣ, довольствуясь тѣмъ, что есть, и не требуя того, что приобрести слишкомъ трудно. Отношенія между Рейнгардомъ и Лорле легко могли сложиться именно такимъ образомъ, потому что сближеніе ихъ не было дѣломъ минутнаго увлеченія, потому что Рейнгардъ зналъ Лорле хорошо и давно, зналъ, слѣдовательно, чего онъ можетъ ожидать отъ нея. Избравъ другой выходъ изъ даннаго положенія, заставивъ Рейнгарда быстро охладѣть къ Лорле, Ауэрбахъ не мотивировалъ достаточно эту перемену. Рейнгардъ перестаетъ думать о перевоспитаніи Лорле, почти не приступавъ къ нему; онъ не старается сдѣлать ее другою, хотя и тяготится ею, какою она есть. Лорле, съ своей стороны, ничего не предпринимаетъ, чтобы остановить отчужденіе отъ нея Рейнгарда. Психологическій процессъ, совершающійся въ нихъ обоихъ, едва намѣченъ, и съ этой точки зрѣнія рассказъ не можетъ быть названъ удачнымъ; сильную сторону его составляютъ прелестныя картины деревенской тишины, среди которой зрѣтъ любовь Рейнгарда и Лорле, а также характеръ друга Рейнгарда, упомянутого уже нами коллаторатора Рейенмайера. Это молодой ученый, весело и бодро переносящій бѣдность, живущій въ книгахъ, но не потерявшій изъ-за нихъ способность отзываться на чужую жизнь, въ особенности на чужое горе, ищущій истины и высказывающій ее, не заботясь о возможныхъ послѣдствіяхъ такой откровенности, сочувствующій народу и изучающій его не только въ прошедшемъ, но и въ настоящемъ. Онъ немножко резонеръ, любитъ пристегивать отвлеченныя разсужденія къ самымъ обыденнымъ фактамъ, отыскивать глубокой смыслъ въ самыхъ простыхъ словахъ или дѣйствіяхъ; но все это онъ дѣлаетъ такъ наивно, такъ добродушно позволяетъ останавливать себя, такъ спокойно выслушиваетъ насмѣшки, что нѣтъ никакой возможности претендовать на его философствующія выходы. Онъ такъ же свѣжъ и простъ, какъ натянута и ходульная резонеры въ позднѣйшихъ произведеніяхъ Ауэрбаха. Чрезвычайно мила, наконецъ, сама Лорле, это дитя природы, всецѣло отдающееся своему чувству, способное оставить, но не забыть Рейнгарда. Ея прощальное письмо къ Рейнгарду прелестно своею задушевностью и просто-

тою. «Богъ мнѣ свидѣтель, — говоритъ она, — если бы я вновь должна была рѣшить свою судьбу, зная, сколько горя предстоитъ мнѣ впереди, я все-таки пошла бы за тобою; я была счастлива, я прожила нѣсколько блаженныхъ дней — и этого довольно. Ты скоро перестанешь печалиться обо мнѣ, но не забывай меня совершенно. Прости навѣки».

«Barfusszele» — едва-ли не самый законченный и художественный изъ всѣхъ «Деревенскихъ разсказовъ». Съ самой первой сцены, сироты, ожидающія у дверей запертаго отцовскаго дома возвращенія умершихъ родителей, привлекаютъ въ себѣ наше сочувствіе, въ особенности дѣвочка, среди собственнаго горя и тревоги находящая слова ободренія и утѣшенія для младшаго брата. Покорная судьбѣ, но не подавленная ею, кроткая, добродушная, но ни передъ кѣмъ не унижающаяся, одинаково горячо принимающаяся за работу и за веселье, Босоножка растетъ въ той непосредственной близости къ природѣ, о которой мы уже говорили. Она занимаетъ самую низшую должность въ деревнѣ — пасетъ гусей, но это нисколько не уменьшаетъ врожденнаго ей чувства собственнаго достоинства, сохраняемаго ею и тогда, когда она поступаетъ въ услуженіе къ Родельбауеру. Материнскія заботы о мягкосердечномъ, безпомощномъ братѣ, самоотверженное ухаживанье за пріютившей ее въ дѣтствѣ черной Маранной дѣлаютъ ее серьезной и сдержанной не по лѣтамъ; но подъ этой сдержанностью скрывается цѣлый непочатый край страстности и жизненной силы, прорывающійся наружу на свадебномъ пирѣ, гдѣ она въ первый разъ видитъ Іоганна. Среди увлеченія, сразу овладѣвающаго ею, она остается однако вѣрною самой себѣ и сама отрываетъ Іоганну раздѣляющее ихъ пространство, объявляя ему, что она служанка. Мимолетный лучъ, освѣтившій ее неприглядную жизнь, меркнетъ — такъ ей кажется — навсегда; но она не падаетъ духомъ, и, подобно Лорле, благодаритъ судьбу за минуту полного, чистаго счастья. Ея вторая встрѣча съ Іоганномъ, внезапный переходъ отъ безнадежности къ блаженству, ея ночное путешествіе съ Іоганномъ, побѣда, одержанная ею надъ его родителями — все это описано превосходно; сцена въ домѣ Ландфридбауера напоминаетъ послѣднюю пѣснь «Германна и Доротен». Быть можетъ, не все здѣсь исполнѣ вѣрно съ дѣйствительностью; но поэтическій колоритъ, разлитый по всему разсказу, примиряетъ насъ съ идеализаціей, чувствуемой въ нѣкоторыхъ его подробностяхъ. Очень хороши также второстепенныя фигуры, въ особенности черная Маранна, двадцать лѣтъ,

съ постоянствомъ, свойственнымъ только матери, ожидающая возвращенія пропавшаго сына.

II.

Къ славѣ повѣствователя, рано выпавшей на долю Ауэрбаха, слава романиста присоединилась только тогда, когда онъ издалъ въ свѣтъ «Auf der Höhe» (въ первой половинѣ шестидесятихъ годовъ). Этотъ романъ стоитъ на рубежѣ между міромъ, долго сосредоточивавшимъ на себѣ вниманіе автора, и новой сферой, въ изображенію которой онъ теперь переходитъ. Эпоха, когда написанъ романъ—эпоха борьбы между министерствомъ и палатою депутатовъ въ Пруссіи, или, вѣрнѣе, между старымъ порядкомъ и парламентаризмомъ во всей Германіи—отразилась на немъ, но иначе и менѣе сильно, чѣмъ на современныхъ ему первыхъ романахъ Шпильгагена, даже чѣмъ на «Verlorene Handschrift» Фрейтага. Весьма интересно, съ этой точки зрѣнія, сравнить короля въ «Auf der Höhe» съ королемъ въ «In Reih' und Glied» и владѣтельнымъ княземъ въ «Verlorene Handschrift». Знаменательно уже и то, что эти три романа написаны почти въ одно и то же время, что всѣ главные романисты Германіи рѣшились, какъ-бы по предварительному уговору, проникнуть въ сферу, которой до тѣхъ поръ рѣдко касался нѣмецкій романъ. Притягательной силой послужила для нихъ, по всей вѣроятности, новизна положенія, созданнаго обстоятельствами для этой сферы, важность задачъ, поставленныхъ передъ нею. Столкновеніе прошедшаго съ настоящимъ, преданія, влекущаго назадъ, съ жизнью, вовущей впередъ, всегда имѣетъ драматическую сторону, тѣмъ сильнѣе захватывающую вниманіе, чѣмъ шире и глубже возможные результаты столкновенія. Владѣтельный князь въ романѣ Фрейтага, короли въ романахъ Шпильгагена и Ауэрбаха стоятъ на распутіи, колеблются и сомнѣваются тамъ, гдѣ предшественники ихъ не знали сомнѣній и колебаній. Они всѣ затронуты движеніемъ, всѣ усвоили себѣ, въ большей или меньшей степени, приобрѣтенія современной мысли, но на каждого изъ нихъ эта умственная работа подѣйствовала своеобразно. Князь въ «Verlorene Handschrift»—можетъ быть потому, что развитіе его отнесено Фрейтагомъ въ первой трети нашего столѣтія—не старается согласить стараго съ новымъ; первое остается исключительнымъ руководствомъ для его дѣятельности, послѣднее хранится въ особомъ уголкѣ его памяти, какъ нѣчто не подхо-

дѣлющее къ требованіямъ ежедневной жизни, могущее служить только украшеніемъ бесѣды или переписки съ учеными или поэтами—украшеніемъ, надѣваемымъ и снимаемымъ по мѣрѣ надобности, подобно короннымъ брилліантамъ. Но искусственное дѣленіе того, что должно быть нераздѣльнымъ, не обходится даромъ; знаніе и мысленіе, вѣднутое въ тѣсныя рамки и отгороженное отъ всего остального, становится каплей яда, отравляющей натуру князя и доводящей его до сумасшествія. Король въ «In Reih' und Glied» не довольствуется пассивнымъ созерцаніемъ новизны; онъ хочетъ—или думаетъ, что хочетъ—ввести ее въ жизнь; но эта задача ему не по силамъ, воля отказывается служить мысли, или, лучше сказать, самая мысль не можетъ сложиться опредѣленно и твердо изъ мечты, порожденной не преданностью идеѣ, не сознаніемъ долга, а самолюбіемъ и эгоизмомъ. Король въ «Auf der Höhe»—натура болѣе энергичная и цѣльная; онъ не только воспринимаетъ новыя вліянія, но и уступаетъ имъ, не только уступаетъ, но и самъ идетъ имъ на встрѣчу, хотя многое въ немъ говоритъ противъ нихъ и увлекаетъ его въ другую сторону. Развѣтіе дается ему не легко; онъ беретъ его съ бою, послѣ тяжелаго крика въ его личной жизни. Мы видимъ его сначала полнымъ самонадѣянности, полагающимся исключительно на свою собственную силу. Онъ считаетъ себя героической натурой, не любитъ слушать совѣтовъ, подчиняться закону. Ему внушена съ дѣтства подозрительность ко всѣмъ, недоверіе къ искренности словъ, къ чистотѣ побужденій. Онъ ищетъ одобренія, но не хочетъ признать неразрывно связаннаго съ нимъ права на порицаніе. Ему тѣсно въ сферѣ конституціонализма, въ сферѣ современности, неблагоприятной для личныхъ подвиговъ, для смѣлой инициативы. Если бы его спросили, какъ онъ относится къ конституціи, онъ отвѣчалъ бы, что любитъ ее, что хочетъ быть ей вѣрнымъ, и считалъ бы такой отвѣтъ вполне правдивымъ; но въ глубинѣ души онъ чувствуетъ къ ней отвращеніе, какъ ко всему тому, что стѣсняетъ его волю. Онъ изучаетъ ея постановленія, но склоняется къ такому толкованію ихъ, которое оставило бы за ними лишь мнимое значеніе. Тою же двойственностью проникнуто чувство его къ женѣ; онъ любитъ ее, уважаетъ ее добродѣтель, но удерживаетъ за собою право на свободную любовь къ другой женщинѣ. Только тогда, когда именно эта любовь приводитъ къ страшной катастрофѣ, когда онъ считаетъ Ирму погибшей, и погибшей изъ-за него, въ немъ происходятъ повороты, незамѣняющіе, выѣстъ съ отношеніемъ его къ королю, и отношеніе его къ государству. Онъ понимаетъ

значеніе *свободной строгости* своему долгу, избираетъ своимъ девизомъ: «frei und treu» — понятія, сливающіяся теперь для него въ одномъ высшемъ единствѣ, — и признаетъ для себя обязательность закона какъ въ частной, такъ и въ государственной жизни. Этому повороту предшествуетъ упорная внутренняя борьба; но разъ вышедши изъ нея торжествующимъ, король остается безусловно вѣрнымъ избранной дорогѣ. Онъ побѣждаетъ свою недовѣрчивость, приближая къ себѣ соперника по любви къ Ирмѣ, Броннена; онъ побѣждаетъ свое самолюбіе, рѣшаясь выждать подачи голосовъ въ палатѣ депутатовъ, и только послѣ нея и согласно съ нею замѣнить консервативное министерство либеральнымъ. Онъ признаетъ свою вину передъ королевой, и когда она, увлеченная страстью, отказываетъ ему въ прощеніи, онъ еще разъ преодолеваетъ самого себя и терпѣливо ожидаетъ минуты новаго сближенія, совершающагося, наконецъ, у смертнаго одра Ирмы.

Итакъ, примиреніе противоположныхъ началъ, обновленіе одного изъ нихъ съ помощью другого — вотъ политическая программа или тенденція «Auf der Höhe», отличающаяся и отъ скептицизма Шпильгагена, и отъ исключительности Фрейтага, возлагающаго всѣ свои надежды на умственную силу буржуазіи. Отъ дѣйствительности Ауэрбаха стоитъ гораздо дальше, чѣмъ Фрейтагъ и Шпильгагенъ; для князя въ «Verlorene Handschrift», для короля въ «In Reih' und Glied» можно найти прототипы въ Лудвигѣ I-мъ баварскомъ, Фридрихѣ-Вильгельмѣ IV-мъ, отчасти въ курфюрстахъ гессенъ-кассельскихъ; для короля въ «Auf der Höhe» не могъ послужить моделью ни одинъ изъ современныхъ или недавнихъ нѣмецкихъ правителей. Сходство его съ Максимиліаномъ II-мъ баварскимъ ограничивается широкимъ образованіемъ, любовью къ искусствамъ, страстью къ постройкамъ; но Максимиліанъ не былъ и не считалъ себя герончесвой натурой, не переходилъ отъ произвола къ чистому конституціонализму, всегда держался близко къ срединѣ, склоняясь скорѣе на сторону преданія, и хотя и сказалъ однажды: «ich will Frieden haben mit meinem Volke», однако не подумалъ взять въ первые министры какого-нибудь баварскаго Броннена. Между второстепенными нѣмецкими князьями были и есть вѣрные хранители новаго государственнаго порядка (цѣлый рядъ герцоговъ саксенъ-веймарскихъ, теперешній великій герцогъ баденскій, покойный король Іоаннъ савсонскій), но эта вѣрность не стояла и не стояла имъ никакой борьбы, потому что ни въ характерѣ ихъ, ни въ вѣншемъ положеніи не было и нѣтъ элементовъ, которые бы влекли ихъ въ противоположную сторону. Король

Ауэрбаха, такимъ образомъ — не снимаешь съ настоящаго, а идеалъ, предлагаемый для будущаго. Собственно противъ этого мы ничего не могли бы возразить; созданіе идеала, хотя бы и опережающаго дѣйствительность, въ нашихъ глазахъ — бесспорное право поэта. Отъ идеальнаго лица можно требовать только вѣрности самому себѣ, психологической правдоподобности — и вотъ этому-то условію не вполне удовлетворяетъ разбираемая нами фигура. Черты, съ которыми выступаетъ передъ нами король, слишкомъ устойчивы, чтобы сразу и безвозвратно уступить мѣсто другимъ, противоположнымъ. Ступеваться на время онѣ могутъ, исчезнуть безслѣдно — едва-ли. Чтобы сломить себя такъ, какъ это дѣлаетъ король, чтобы свободно подчиниться закону, не отказываясь отъ самостоятельной дѣятельности въ его предѣлахъ, не впадая въ безразличную апатію, нужна рѣшимость, близко граничащая съ героизмомъ — а къ настоящему, не театральному героизму менѣе всего способны именно натуры, героическія, если можно такъ выразиться, въ кредитъ, т.-е. *считающія себя героическими* не въ силу того, что уже сдѣлано ими, а въ силу того, что когда-нибудь можетъ быть ими сдѣлано. Къ числу такихъ натуръ, очевидно, принадлежитъ король, вся жизнь котораго, до наступленія критической минуты, была только *претензіей на героичность*. Подъ этой претензіей скрывается обыкновенно, скрывался и въ данномъ случаѣ эгоизмъ, признающій для себя все позволеннымъ и все оправдывающій именемъ страсти, свойственнымъ героической натурѣ. Весьма характеристиченъ вопросъ, съ которымъ король обращается къ Броннену, почти непосредственно вслѣдъ за полученіемъ извѣстія о самоубійствѣ Ирины. «Я любилъ графиню», говоритъ онъ, «но теперь я почти сердитъ на нее (ich bin ihr jetzt fast gram); своимъ самоубійствомъ она наложила на меня тяжелое бремя, отъ котораго мнѣ никогда не освободиться. Скажите, правъ-ли я, испытывая это чувство?» Итакъ, снова раскаянье и горе тотчасъ же пробиваются наружу себялюбивая мысль о потерянномъ самолюбіи, мысль, доводящая до раздраженія противъ любимой, погибшей женщины! Таково ли должно быть настроеніе человѣка, готоваго обновиться подъ вліяніемъ неожиданнаго удара? Правда, Броннешъ отвѣчаетъ на вопросъ прямымъ указаніемъ на вину самого короля; но развѣ такого отвѣта ожидалъ король, всего меньше привышій къ откровенности? Уже послѣ разговора съ Бронненомъ, вызывающаго переимѣну въ настроеніи короля, онъ отдаляетъ отъ себя лейбъ-медика Гунтера, единственнаго придворнаго, отъ котораго онъ до тѣхъ поръ слышалъ не однѣ только условныя фразы

и которымъ онъ долженъ былъ вдвойнѣ дорожить, рѣшившись стать другимъ человѣкомъ. На подробности новой дѣятельности короля, въ союзѣ съ Бронненомъ и либеральной партіей, Ауэрбаха осторожно набрасываетъ покрывало; мы узнаемъ только, что черезъ нѣсколько лѣтъ она продолжается неуклонно въ направленіи, однажды принятомъ ею, а о степени напряженности ея можемъ судить по одному, мимоходомъ упомянутому ея результату—уничтоженію гвардіи. Какъ примѣняется король къ своему новому положенію, какъ торжествуетъ надъ самимъ собою въ массѣ неизбежныхъ, ежедневныхъ столкновеній, какъ приучается выслушивать совѣты и слѣдовать имъ—обо всемъ этомъ намъ предоставляется только догадываться, а въ этомъ, между тѣмъ, вся суть задачи, поставленной, но не разрѣшенной Ауэрбахомъ.

Обстановка, съ самаго начала окружающая короля въ «Auf der Höhe» и продолжающая, повидимому, окружать его и послѣ совершившейся въ немъ перемѣны, не способствуетъ разъясненію вопроса о возможности и въ особенности о *прочности* этой перемѣны. Картина придворныхъ нравовъ, начертанная Ауэрбахомъ, не болѣе утѣшительна, чѣмъ соотвѣтствующія картины у Фрейтага и Шпильгагена. Ея господствующія черты—умственная пустота, нравственная распущенность, взаимное недоброжелательство. Гибкій, безличный Шнабельсдорфъ, разносторонне образованный, но видящій въ образованіи только пьедесталъ для своей карьеры; «салонный тиролецъ» Шенингъ, избравшій себѣ спеціальностью развлекать и забавлять придворное общество; бездушный лицемѣръ Бруно фонъ-Вильденортъ, ухаживающій за горничной во время поѣздки къ умирающему отцу и огорченный вѣстью о трагической смерти сестры только какъ помѣхой къ участію въ наступающихъ скачкахъ,—вотъ главные представители міра, среди котораго только какимъ-то чудомъ могъ выработаться Бронненъ ¹⁾. Гунтеръ стоитъ внѣ этой среды, не дѣйствуя на нее, но не вполне безнаказанно перенося ея близость. До чего она доводитъ такую натуру, какъ Ирма—это мы еще увидимъ. Она не остается безъ вліянія даже на чистую душу королевы, сумѣвшей создать себѣ нравственное уединеніе среди толпы, сохранить душевное спокойствіе среди суеты и шума; встрѣчаясь въ первый разъ съ полною независимостью, въ лицѣ жены Гунтера, она съ трудомъ можетъ къ ней при-

¹⁾ Бронненъ, впрочемъ—вовсе не живая личность, а одна изъ тѣхъ ходячихъ добродѣтелей, съ которыми мы еще слишкомъ часто будемъ встрѣчаться въ произведеніяхъ Ауэрбаха.

выкинуть, какъ къ явленію, лежавшему до тѣхъ поръ далеко за предѣлами ея умственнаго горизонта.

Если бы политическая тенденція стояла въ «Auf der Höhe» на первомъ планѣ — какъ, напримѣръ, въ «Готенштейнахъ» Шпиллхагена — Ауэрбаха можно было бы упрекнуть за то, что поворотъ въ настроеніи короля, влекущій за собою поворотъ въ положеніи государства, совершается подъ вліяніемъ причинъ, не имѣющихъ ничего общаго съ политикой. Но центръ тяжести «Auf der Höhe» слѣдуетъ искать не въ той сторонѣ его, о которой мы до сихъ поръ говорили. Это романъ не столько политически-тенденціозный, сколько психолого-философскій; главное дѣйствующее лицо его — не король, а Ирма фонъ-Вильденортъ, одна изъ самыхъ крупныхъ фигуръ современной нѣмецкой беллетристики. Полная страсти и силы, отзывчивая на все высшее въ жизни, въ наукѣ, въ искусствѣ, ищущая широкой дѣятельности, она переносится прямо изъ монастырской школы въ тепличную атмосферу двора, главные корифеи котораго намъ уже извѣстны. Ея красота, умъ, образованіе, ея самобытность, заставляющая ее безпрестанно прорывать опутывающую ее сѣть банальности и рутины — все это отводитъ ей первое мѣсто въ придворномъ мірѣ; но дешевыя побѣды на маленькихъ турнирахъ салоннаго остроумія, поклоненіе мужчинъ, зависть женщинъ, робкая любовь Шенинга (Броннена она узнаетъ слишкомъ поздно) — все это не удовлетворяетъ ее даже на время. Она стремится все выше и выше — а естественной вершиной окружающаго ее міра является король, не только по своему положенію, но и по своимъ личнымъ блестящимъ свойствамъ. «Король и поэтъ, — говоритъ Ирма, — одни только люди въ полномъ значеніи этого слова. Всѣ остальные, не исключая художниковъ и ученыхъ, заключены въ тѣсную, опредѣленно-отграниченную область; только король и поэтъ обнимаютъ жизнь во всѣхъ ея формахъ. Ничто для нихъ не безразлично, потому что все имъ принадлежитъ, они надъ всѣмъ господствуютъ. Поэтъ создаетъ цѣлый міръ, — король самъ-по-себѣ есть цѣлый міръ. Каждый играетъ въ жизни на своемъ инструментѣ, — король одинъ образуетъ собою цѣлый оркестръ». Потоя за новыми, оригинальными мыслями, такъ ясно выражающимися въ этихъ словахъ, овладѣваетъ Ирмой съ силою настоящей страсти; успѣхъ, постоянно встрѣчаемый ими, заставляетъ ее вѣрить въ собственную гениальность и возбуждаетъ въ ней жажду вліянія и власти. Случайное обстоятельство позволяетъ ей явиться передъ королемъ въ роли нимфы Эгерин. Ея подруга, разбитая внезапною смертію любимаго человѣка, хочетъ посту-

нить въ монахины, но встрѣчаетъ препятствіе въ законѣ, запрещающемъ или стѣсняющемъ монашескіе обѣты. Ирма пишетъ королю вдохновенное письмо противъ этого, какъ ей кажется, легальнаго насилія—и гордится своимъ вмѣшательствомъ въ государственную жизнь, гордится услугой, оказанной ею дѣлу нравственной свободы. Общеніе мысли, въ которое она вступила съ королемъ, служить подкладкой и маской для дальнѣйшаго развитія ихъ взаимной страсти. Не удерживаетъ Ирму на этомъ пути ни дружба съ королевой, которую она любитъ и глубоко чтить, ни свиданіе съ отцомъ, гордымъ, суровымъ философомъ, отрывавшимъ дочери всѣ тайны своего ума и своей отшельнической жизни. Минута окончательнаго сближенія съ королемъ—минута высшаго счастья для Ирмы; но тѣмъ скорѣе слѣдуетъ отрезвленіе. Необходимость играть роль, обманывать королеву мучительно тяготѣетъ надъ Ирмой. Проникаясь, незамѣтно для нея самой, духомъ окружающей ее сферы, она хочетъ, по извѣстному французскому выраженію, *sauver les apparences*, и косвенно предлагаетъ свою руку Шенингу, прежде искавшему ея; Шенингъ, на котораго она такъ недавно еще смотрѣла свысока, оказывается теперь выше ея и отклоняетъ ея предложеніе. Такъ низко, однако, Ирма еще не пала, чтобы принять предложеніе Броннена, не догадывающагося объ отношеніяхъ ея къ королю. Привывъ къ отцу вырываетъ Ирму изъ положенія, которое скоро должно было сдѣлаться для нея или невыносимымъ, или — что еще хуже — привычнымъ и нормальнымъ. Вѣсть о безчестіи дочери нанесла Эбергарду фонъ-Вильденорту смертельный ударъ; онъ умираетъ, начертавъ пальцемъ на лбу Ирмы страшное слово, равносильное проклятію. Подавленная, уничтоженная, Ирма рѣшается на самоубійство; спасенная отъ смерти встрѣчей съ Вальпургой, она отказывается отъ міра, даже отъ своей личности—всѣ считаютъ ее погибшей, — замыкается въ уединенномъ крестьянскомъ домѣ и умираетъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ раскаянія и упорнаго труда, прощенная королевой, примиренная сама съ собою.

Дневникъ, веденный Ирмой во время ея одиночества (*Tagebuch des einsamen Weltkindes*), бросаетъ яркій свѣтъ на ея характеръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на основную мысль романа. «Мы читаемъ въ писаніи, — говоритъ она, — о невѣрной женѣ, спасенной отъ смерти словами: *«кто изъ насъ безъ грѣха, тотъ пусть броситъ отъ нея первый камень»*; но мы ничего не знаемъ о дальнѣйшей судьбѣ преступницы, помилованной или приговоренной къ жизни. Возвратилась ли она въ домъ свой? Въ какия

отношенія она стала къ окружающему ее міру? Что происходило въ ея сердцѣ? На всѣ эти вопросы нѣтъ готоваго отвѣта; отвѣтить мнѣ на нихъ должна моя жизнь». Потребность отдать себя на судъ посторонняго лица, высшей власти, потребность въ вѣнчанной точкѣ опоры пробуждается иногда въ Ирмѣ; но она не уступаетъ этому влеченію, она хочет нести свое бремя мужественно, свободно, добровольно. Поэтому она и не идетъ въ монастырь: «моя воля, — говоритъ она, — держать меня въ одиночествѣ такъ же крѣпко, какъ держала бы каменная ограда; но я хочу сознавать свою независимость, я истосковалась бы за монастырской рѣшеткой». Она слышитъ иногда голоса, призывающіе ее назадъ, къ прежней жизни, упрекающіе ее въ томъ, что она закапываетъ въ землю свой умъ, свои дарованія; она борется сама съ собой, но остается вѣрной отшельничеству, на которое сама себя осудила и въ которое не допускаетъ даже книгъ, какъ воспоминанія объ оставленномъ ею мірѣ. «Я потеряла право на жизнь; если я еще живу, то лишь благодаря помилованію судьбы. Годы, которыя она мнѣ подарила, я должна, я хочу прожить въ суровомъ отрѣшеніи отъ міра». Занимаясь рѣзбой на деревѣ, чтобы не быть въ тягость пріютившимъ ее крестьянамъ, она впервые сознаетъ прелесть труда, серьезнаго, ежедневнаго, руководимаго не дилеттантскимъ капризомъ. «Молотъ, топоръ, пила прежде казались мнѣ орудіями пытки для бѣднаго, порабощеннаго человѣчества; теперь я вижу въ нихъ орудія освобожденія. Рука, двигающая ихъ, отгоняетъ демоновъ, нсящихся надъ головою. Я умѣла прежде только искать наслажденій, приготовленныхъ чужой работой; теперь собственный трудъ — мое наслажденіе». Не всегда, однако, она видитъ въ трудѣ высшее назначеніе человѣка; праздность, посвященная созерцанію прекраснаго, свободному саморазвитію, кажется ей наибольшимъ приближеніемъ къ божественному на землѣ; но это говорить въ ней прежняя Ирмъ, — а новая мысль, выработанная новою жизнью, возражаетъ, что праздность, хотя бы и самая изящная, покушается цѣною чужого труда, и что человѣчество не раздѣлено на людей, обреченныхъ исключительно на трудъ, и людей, призванныхъ исключительно къ наслажденію. Та же мысль подсказываетъ ей иногда, что бытіе не полно безъ любви; она желала бы сдѣлать что-нибудь для другихъ, — но она не можетъ и не умѣетъ любить въ человѣкѣ просто человѣка, ея привязанность сосредоточивается на немногихъ, близкихъ ей лицахъ. Она горячо предана семьѣ, въ которой она примкнула, самоотверженно ухаживаетъ за матерью Вальпурги во время ея

предсмертной болѣзни, но не можешь перенести того же чувства, тѣхъ же заботъ на любого страдающаго, нуждающагося въ ея помощи. «Я не могу дѣлать добро людямъ, которые мнѣ чужды; я не создана для благотворительности, роль сестры милосердія мнѣ не по-сердцу и не по силамъ. Мнѣ противенъ душевный воздухъ въ крестьянскихъ избахъ; скорѣе въ монастырь, чѣмъ туда, гдѣ такъ легко возмущаются мои чувства. Во мнѣ слышномъ сильна потребность наслаждаться самосознаніемъ, слышномъ сильно желаніе не сливать своей жизни съ жизнью другихъ людей». Все больше и больше углубляясь въ себя, все больше и больше отрѣшаясь отъ дѣйствительности, Ирма яснѣе чѣмъ когда-либо сознаетъ свою вину, но виѣсть съ тѣмъ чувствуетъ ея искупленіе. «Живя въ обществѣ, человѣкъ перестаетъ быть простымъ созданіемъ природы. Природа и нравственность — равноправныя силы; между ними должно существовать соглашеніе, каждая изъ нихъ — именно потому, что онѣ равноправны — должна дѣлать уступки другой. *Кто хочетъ слѣдовать только внушеніямъ природы, тотъ долженъ выйти изъ-подъ охраны нравственнаго закона. Я хотѣла соединить несоединимое — за это я разломана и разбита*¹⁾. Я лицеѣрила, я скрывала то, на что признавала себя въ правѣ по законамъ природы, — вотъ мой тяжелый грѣхъ, тяжелый въ особенности относительно королевы. Я вижу въ ней представительницу нравственнаго мирового порядка, которымъ я хотѣла пользоваться, сама его нарушая. Отецъ мой былъ правъ, покаравъ меня; онъ сдѣлалъ это во имя нравственнаго закона, составляющаго достоинство человечества въ такой же мѣрѣ, какъ и законъ природы. Онъ хотѣлъ пробудить меня, хотѣлъ призвать меня къ самосознанію, въ которомъ источникъ исправленія и искупленія. Искупленіе это совершилось; я опять свободна, я не чувствую больше отцовскаго проклятія, — оно съ меня снято; жизнь моя обновилась, я могла бы возвратиться въ міръ, еслибъ весь мой міръ не былъ заключенъ во мнѣ самой... Я понимаю теперь надпись надъ дверьми отцовской библіотеки: *«тогда я одинъ, я всею менѣе одинокъ»*. Да, въ одиночествѣ можно всего чище и всего полнѣе погрузиться въ жизнь вселенной (ins Allsein). Я насыщена безмолвіемъ; я понимаю разладъ между величіемъ мышленія и ограниченностью жизни. Король, королева, Гунтеръ, Вальдурга — что они такое? Капли въ морѣ человечества. Я забываю о нихъ, я переношусь мыслію въ цѣлое. Здѣсь вонецъ любви въ отдѣльных лицахъ,

¹⁾ Еурисмъ въ подлинникѣ.

конецъ желанію и наслажденію, конецъ страсти и горю. Цѣлое, великое мы можемъ только познавать; любить мы можемъ отдѣльное и близкое, а ближайшее къ намъ—это божество, это великая мысль мірового закона». Состояніе духа, выражающееся въ этихъ словахъ, доводитъ, наконецъ, Ирму до мистическаго экстаза. «Я поднимаюсь на воздухъ, я лечу, лечу—сама не знаю куда. Я чувствую, что живу въ вѣчности, что во мнѣ живетъ свѣтъ и блескъ солнца, шумъ и ароматы лѣсовъ, души людей давно минувшаго времени. Я существую; я существую въ божествѣ. О, если бы можно было умереть въ этомъ блаженномъ полетѣ, въ этомъ отрѣшеніи и избавленіи отъ всего земного! Когда бы ни пришелъ мой послѣдній часъ, онъ будетъ свѣтелъ: лучъ безконечности, проникшій въ мою душу, въ ней не угаснетъ. Все забыто, все прощено; я отражаю пылъ отъ моихъ крыльевъ и поднимаюсь къ солнцу, къ всеобъемлющему цѣлому, въ безконечность!»

Мечты, на которыхъ успокоивается Ирма, имѣютъ много общаго съ міросозерданіемъ ея отца, графа Эбергарда. Въ молодости военный и придворный, онъ рано бросаетъ свѣтъ, чтобы посвятить себя изученію философіи. Демократъ по убѣжденію, онъ отказывается отъ политической жизни, потому что встрѣчаетъ въ средѣ оппозиціи, рядомъ съ серьезными, честными дѣятелями, легкомысленныхъ эгоистовъ, профанирующихъ дорогія ему идеи. «Я люблю людей», — говоритъ онъ, — «я не чувствую ни презрѣнія, ни ненависти къ окружающему меня міру; я только вижу въ немъ нѣчто чуждое, отдаленное, какъ-бы прошедшее». Потерявъ жену, онъ не беретъ на себя воспитаніе дѣтей своихъ — дочери и сына, боясь, что оно помѣшаетъ его умственной работѣ, его самоусовершенствованію; дѣти растутъ вдали отъ него, въ обстановкѣ, нимало не соответствующей его взглядамъ. Рокосное значеніе этой ошибки, убивающей все хорошее въ Бруно, лишающей Ирму необходимой для нея нравственной поддержки, Эбергардъ сознаетъ слишкомъ поздно; онъ кается въ ней передъ дочерью, но тогда, когда она стоитъ уже на краю гибели. И все-таки, когда она падаетъ, онъ рѣшается произнести надъ ней неумолимый приговоръ, доводящій ее, какъ мы уже видѣли, до мысли о самоубійствѣ. Еще за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, показывая дочери первые колосы съ поля, на мѣстѣ котораго прежде было болото, онъ хотѣлъ, какъ будто бы, дать почувствовать ей (болѣзнь лишила его слова), что и на худой почвѣ можетъ взойти доброе сѣмя; еще за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, онъ просилъ Гунтера прочесть ему философское исповѣ-

даніе вѣры, написанное имъ въ предвидѣніи и ожиданіи смерти — исповѣданіе, съ высоты котораго не могла и не должна была, повидимому, пасть жестокая кара на голову Ирмы. «Я постоянно думалъ о своей внутренней жизни (*ich habe immer in mich hineingedacht*). Я познаю себя, какъ нѣчто принадлежащее цѣлому, вѣчности. Въ блаженные минуты, когда я это постигаю, для меня лично, какъ и для цѣлаго міра, существуетъ только жизнь; смерти нѣтъ вовсе. Если бы только въ мой смертный часъ я могъ сознавать такъ ясно, какъ теперь, что я въ Богѣ и Богъ во мнѣ! Я мыслю себя, какъ часть божества; мое понятіе о немъ ясно, хотя представленія о немъ, какъ о безвѣчномъ, я составить себѣ не могу. Отъ вѣчно подвижнаго моря бытія отдѣляется капля, живетъ секунду (которую мы называемъ здѣсь семьюдесятью годами), свѣтлѣетъ и проникаясь свѣтомъ — и опять погружается въ глубину. Человѣкъ — это мысль, вступающая на порогъ божественнаго сознанія ¹⁾; умирая, онъ опускается ниже этого порога, но не погибаетъ, а живетъ вѣчно, подобно тому, какъ мысль живетъ въ своихъ результатахъ. Живая послѣдовательность индивидуальныхъ мыслей — это народъ; когда онъ достигаетъ высшей точки своего историческаго развитія, его духъ или гений вступаетъ на порогъ сознанія. Народы, взятые вмѣстѣ — это человѣчество, т.-е. совокупность мыслей, самосознаніе міра и божества. Голова моя прежде кружилась, когда я старался вознестись на эту высоту; теперь я стою на ней твердо. Убѣжденіе въ нашемъ единствѣ съ цѣлымъ, съ божествомъ — высшее блаженство; кто прониенуть имъ, тотъ не знаетъ смерти. На моихъ крыльяхъ есть пыль, какъ и на крыльяхъ жаворонка, котораго я вижу поднимающимся съ полевой борозды въ воздушный вѣтеръ. Борозда столь же чиста, какъ и воздухъ, червякъ столь же чистъ, какъ и жаворонокъ; въ потерянномъ, повидимому погибшемъ, все-таки живетъ божество. Пускай закроются мои глаза — мнѣ дано было лицезрѣть вѣчность. Свободнымъ и чистымъ несется туда мой вѣчный духъ».

Если сопоставить эти слова Эбергарда съ заключительными страницами дневника Ирмы, если обратить вниманіе на пантистическую окраску тѣхъ и другихъ, на сходство ихъ съ ученіемъ Спинозы, давно ставшимъ путеводной звѣздой для Ауэрбаха, то для насъ сдѣлается яснымъ основное намѣреніе автора. Ирма, въ его глазахъ, не только психологически интересный характеръ,

¹⁾ „Die Schwelle des Bewusstseins“ — одно изъ любимыхъ выраженій современной гинеевской философіи, часто встрѣчающееся, напримеръ, у Герберта.

но—въ послѣднемъ, просвѣтленномъ состояніи своемъ—и идеаль, на который намекаетъ самое заглавіе романа. Съ этихъ двухъ точекъ зрѣнія и мы, слѣдовательно, должны посмотрѣть на Ирму. Какъ характеръ, она изображена Ауэрбахомъ съ большимъ мастерствомъ. Ея судьба представляется намъ неизбежнымъ, естественнымъ результатомъ ея внутреннихъ свойствъ и положенія, въ которое она поставлена. Она говоритъ какъ-то, шутя, въ письмѣ въ пріятельницѣ своей Эммѣ, что рождена быть повелительницей дикаго племени; и дѣйствительно, въ ней кипитъ избытокъ энергіи и силы, не находящій себѣ нормальнаго исхода. Ея блестящіе дарованія останавливаются на ступени дилеттантства, потому что этой ступенью довольствуется и только ее цѣнитъ окружающая среда; оригинальность ея мысли обращается въ оригинальничанье, легче достижимое и пользующееся такимъ же, если не большимъ успѣхомъ; средоточіемъ ея жизни становится исканіе личнаго счастья, которымъ могла бы удѣлствоваться ея широкая, богатая натура. Въ ея любви къ королю, въ самомъ паденіи ея нѣтъ ничего мелкаго, пошлаго. Фальшивое положеніе, которое она сама, впоследствии, такъ вѣрно опредѣляетъ въ своемъ дневникѣ, грозитъ ей серьезною опасностью—опасностью погрязнуть въ болотной тинѣ, вмѣсто того, чтобы вознестись на свѣтлую вышину, созданную ея воображеніемъ. Смерть отца спасаетъ ее отъ этой участи. Здѣсь мы встрѣчаемся въ первый разъ съ несообразностью, лежащею, впрочемъ, не въ образѣ дѣйствій Ирмы, а въ образѣ дѣйствій Эбергарда; проклятіе его, рѣшающее судьбу Ирмы, не вытекаетъ ни изъ прошлаго его, ни изъ настроенія духа, въ которомъ онъ его произноситъ. Чтобы остановить его, достаточно было одной мысли о собственной винѣ его передъ Ирмой, одного воспоминанія о широкихъ взглядахъ, выраженныхъ въ его философскомъ исповѣданіи вѣры. Объяснять его суровость, какъ это дѣлаетъ Ирма въ своемъ дневникѣ, желаніемъ возбудить въ Ирмѣ самосознаніе, вызвать въ ней поворотъ къ лучшему, очевидно нельзя, уже потому, что предсмертное слово Эбергарда заставляетъ Ирму искать не исправленія, а смерти, отъ которой ее избавляетъ только слѣчай. Какъ бы то ни было, Ирма обрекаетъ себя на добровольное отшельничество, оставаясь и здѣсь вполнѣ вѣрною самой себѣ. Однажды сложившаяся потребность играть роль, рисоваться своими мыслями и чувствами, искусственно поднимать себя на пьедесталь—дѣйствуетъ въ ней и теперь, съ тою только разницею, что она рисуется не передъ другими, а въ своемъ дневникѣ, передъ самой собою. Это нисколько не исключаетъ

въ ней глубокой искренности, поразительной энергіи; Ирма страдает и умираетъ, какъ гениальная актриса, невольно переносящая въ жизнь привычныя сценическіе приемы. Она казнить себя, но вмѣстѣ съ тѣмъ любитъ внутренней силой, позволяющей ей оставаться единственной, самостоятельной распорядительницей этой казни; тяжесть покаянія смягчается для нея тѣмъ, что она наложила его на себя сама и переносить его добровольно, въ каждую данную минуту имѣя возможность сбросить его бремя. На первомъ планѣ стоитъ для нея, вездѣ и всегда, ея собственная личность. Люди, среди которыхъ она живетъ — за исключеніемъ семьи Вальпурги — остаются ей чуждыми; значеніе любви къ человѣку, кто бы онъ ни былъ, любви дѣятельной и самоотверженной, она понимаетъ только теоретически. Опредѣляя образованіе умѣньемъ переноситься въ чужую жизнь, а свою собственную разсматривать, какъ нѣчто чужое, Ирма на практикѣ избѣгаетъ всякаго соприкосновенія съ чужою жизнью. Ея прошедшее не мѣшаетъ ей предаться одинокому труду, разъ что онъ кажется ей нужнымъ для нравственнаго ея возвышенія; но способности трудиться съ другими и для другихъ, жертвуя при этомъ своими привычками и вкусами, оно ее лишило. На высшей ступени успокоенія и примиренія для нея меркнуть даже тѣ, кого она всего болѣе любила, и она чувствуетъ только блаженство сліянія съ цѣлымъ, безконечнымъ.

Такою была и должна была быть Ирма, такою сдѣлали ее обстоятельства ея жизни; но правы ли королева и Паула Гунтеръ, называя ее героиней или святою, соединяетъ ли она въ себѣ всѣ условія идеальнаго типа, какимъ выставляютъ ее Ауэрбахъ? Отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ вытекаетъ самъ собой изъ всего сказаннаго нами выше. Человѣкъ, живущій только для себя, не можетъ быть идеаломъ, какъ бы чиста и сурова ни была его жизнь. Отреченіе Ирмы отъ міра остается столь же бесплоднымъ, какъ если бы она, по примѣру своей подруги, поступила въ католическій монастырь; свобода, которую она такъ ревниво охраняетъ, служитъ только къ тому, чтобы тѣшить ея самолюбіе и отстранять отъ нея все несовмѣстное съ утонченнымъ вкусомъ. Въ монастырѣ ей пришлось бы, пожалуй, видѣть чужія страданія, ухаживать за больными, жить въ одной комнатѣ съ простыми женщинами, говорящими на противномъ ея эстетическому чувству народномъ нарѣчій; въ домѣ Вальпурги ничто не мѣшаетъ ей замыкаться въ свою скорлупу и лелѣять въ уединеніи свои возвышенныя мысли. Быть можетъ, ея натура не перенесла бы соприкосновенія съ тяжелыми для

ней сторонами жизни; но она даже не дѣлаетъ попытки пере-
ломить свою натуру. Идеальное назначеніе человека — разви-
ваться широко и свободно, достигать возможно большаго во всѣхъ
областяхъ, ему доступныхъ; Ирма намѣренно стуживаетъ свою
умственную жизнь; перестаетъ даже читать, перестаетъ пить,
искусственно калѣчить, уродуетъ свою натуру. Все это—есте-
ственные послѣдствія одной основной ошибки, ошибки въ самомъ
выборѣ задачи. Цѣль Ирмы—искупленіе вины, освобожденіе отъ
бремени, наложеннаго на нее отцовскимъ проклятіемъ; самооб-
новленіе, въ ея глазахъ — только средство къ достиженію этой
цѣли, къ успокоенію и примиренію съ собою, а не исходная
точка для новой жизни, посвященной другимъ, чуждой эгоисти-
ческихъ стремленій. Ошибка Ирмы, въ свою очередь, тѣсно свя-
зана съ воззрѣніями, унаслѣдованными ею отъ отца, или, дру-
гими словами—съ мистическимъ пантеизмомъ Ауэрбаха.

Называя міросозерцаніе Ауэрбаха, насколько оно вырази-
лось въ «Auf der Höhe», мистическимъ пантеизмомъ, мы ука-
зываемъ этимъ самымъ и на сходство его съ ученіемъ Спинозы,
и на различіе между ними. Тождество вселенной и божества,
сознаніе этого тождества, какъ послѣднее слово человѣческой
мудрости и какъ единственный источникъ истиннаго блаженства,
успокоеніе и примиреніе, находимое въ созерцаніи вѣчнаго, без-
вѣчнаго—все это основныя черты спинозизма, усвоенныя Ауэр-
бахомъ и художественно воспроизведенныя въ его романѣ. «Ра-
дость»,—говоритъ Спиноза ¹⁾,—«есть ощущаемое согласіе моего
существа съ другимъ существомъ. Эта радость мгновенна или
преходяща, если я согласуюсь съ существомъ преходящимъ
или единичнымъ; она вѣчна, если я чувствую себя въ согласіи
съ самымъ вѣчнымъ существомъ, съ мировымъ разумомъ или
мірозданіемъ. Такая вѣчная радость (блаженство, beatitudo) до-
ступна только въ познаніи, потому что однимъ только мышле-
ніемъ мы можемъ обнять мірозданіе. Объектъ познанія есть
вмѣстѣ съ тѣмъ его основаніе, а основаніе познанія—основаніе
вещей, т. е. божество или вѣчный мировой порядокъ. Когда я
познаю божество, то оно составляетъ основаніе моего мышленія,
слѣдовательно причину моей радости. Но радость есть любовь,
если она соединена съ представленіемъ своей причины. Поэтому
высшая страсть, которая возбуждаетъ меня и вмѣстѣ успокаи-
ваетъ, есть познаніе Бога или любовь къ нему (amor dei intel-

¹⁾ Мы излагаемъ его мысли словами Куно Фишера („Исторія новой филосо-
фіи“, т. I, русский переводъ 1862 г., стр. 449 и слѣд.).

lectualis). Жизнь — значить дѣйствовать. Дѣйствовать — значить перестать страдать. Перестать страдать — значить начать мыслить. Мыслить — значить постигать божество. Постигать божество — значить согласоваться съ нимъ, а согласіе съ божествомъ есть абсолютная любовь. Эта любовь есть субботній покой духа; сердце утихаетъ отъ бури страстей, воля очищается отъ желаній¹⁾. Въ этихъ воззрѣніяхъ коренится уже возможность отстраненія отъ реальной жизни, возможность развитія мечтательности на счетъ дѣятельности, самонаблюденія и самонущенія на счетъ сочувствія и любви. Когда высшее блаженство понимается какъ полное успокоеніе, путемъ мышленія — стремленіе къ нему можетъ повлечь за собою намѣренное игнорированіе всего того, что поддерживаетъ бури страстей, что нарушаетъ соверщательное настроеніе духа. По справедливому замѣчанію Дюринга, Спиноза, сначала провозглашающій естественность и законосообразность всѣхъ аффектовъ, впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, стараясь уничтожить, посредствомъ разума, аффекты отрицательнаго, депримирующаго свойства, въ томъ числѣ и состраданіе. Противорѣчіе это объясняется именно тѣмъ, что высшее блаженство, составляющее краугольный камень и вѣнецъ этики Спинозы, несовмѣстно съ печалью, каковъ бы ни былъ ея источникъ. Но если такимъ образомъ въ спинозизмъ есть элементы, убаюкивающіе чувство, уносящіе мысль въ безпредѣльное пространство, то они уравновѣшиваются или, по крайней мѣрѣ, сдерживаются строгою логичностью философа, его математическимъ методомъ, научной формой его сочиненій. Съ другой стороны, любовь къ цѣлому, къ вселенной можетъ быть понимаема и воспринимаема различно; если одни не видятъ деревьевъ изъ-за лѣса, отдѣльныхъ людей изъ-за человечества или всего существующаго, то для другихъ цѣлое есть только идеальная совокупность частей, имѣющихъ каждая свое реальное значеніе. Если только слова Гёте: «*Entschlafen sind nun wilde Triebe, mit ihrem ungestümen Thun: es regt sich die Menschenliebe, die Liebe Gottes regt sich nun*», изображаютъ, какъ думаетъ Куно Фишеръ, внутренній миръ спинозизма, достигаемый любовью, то это значить, что Гёте былъ ученикомъ Спинозы именно въ послѣднемъ, только-что указанномъ нами смыслѣ,

¹⁾ Вмѣсто того, чтобы продолжать цитаты изъ Спинозы, приведу стихи Гёте, поэтически выражающіе одну изъ сторонъ спинозизма: „In Grenzenlosen sich zu finden, wird gern der Einzelne verschwinden; da löst sich aller Ueberdruß. Statt heissem Wünschen, wildem Wollen, statt läst' gem Fordern, strengem Solleu, sich aufzugeben ist Genuss“.

ученикомъ, для котораго любовь къ божеству—синонимъ любви къ человѣку. Исключительно вліяніемъ Спинозы нельзя, слѣдовательно, объяснить философскую подкладку «Auf der Höhe»; нужно опредѣлить, почему Ауэрбахъ остановился на одномъ изъ путей, къ которымъ ведетъ спинозизмъ, и пошелъ по этому пути дальше, чѣмъ самъ учитель.

Между мистицизмомъ и пантеизмомъ нѣтъ неразрывной, неизбежной связи; но пантеизмъ, какъ и всякое другое религиозное міросозерцаніе, можетъ принять мистическій отбѣнокъ. Убѣжденіе въ возможности непосредственного общенія съ высшимъ началомъ, въ возможности сліянія съ нимъ, погруженія въ его всеобъемлющее лоно; стремленіе къ этой цѣли путемъ отрѣшенія отъ дѣйствительности, созерцательнаго углубленія въ тайны внутренней жизни; безграничная радость при воображаемомъ достиженіи желаннаго результата — всѣ эти отличительныя черты или составныя части мистицизма могутъ сложиться на почвѣ ученія, допускающаго *познаніе* божества и въ этомъ познаніи видящаго высшую любовь, высшее блаженство. Поэтическая натура Ауэрбаха увлекла его именно въ эту сторону; въ дневникѣ Ирмы, въ философскомъ исповѣданіи Эбергарда¹⁾ мистицизмъ доходитъ иногда до крайняго своего проявленія — до восторга, до экстаза. Между тѣмъ, мистицизмъ, каково бы ни было его происхожденіе, всегда выдвигаетъ на первый планъ собственную личность мистика. Это можетъ показаться парадоксомъ, такъ какъ мистицизмъ клонится, повидимому, къ уничтоженію личности, къ поглощенію ея великимъ цѣлымъ; но именно это поглощеніе сосредоточиваетъ на себѣ все вниманіе, всѣ усилія мистика. Личное блаженство, добываемое погруженіемъ въ цѣлое — вотъ миражъ, въ погонѣ за которымъ онъ упускаетъ изъ виду все ближайшее, все вызывающее его на дѣятельность, все нуждающееся въ его вліяніи и помощи. Эбергардъ пренебрегаетъ изъ-за этого миража своими обязанностями относительно дочери и сына, Ирма забываетъ изъ-за него о тѣхъ немногихъ лицахъ, привязанность къ которымъ составляла единственный противовѣсъ беззавѣтному углубленію ея въ собственный внутренній міръ (in sich hineinenden, по выраженію Эбергарда). Бываютъ минуты, когда миражъ кажется чѣмъ-то реальнымъ, осуществившимся; но это именно минуты наибольшаго отдаленія отъ дѣй-

¹⁾ Нѣкоторыя фразы въ томъ и другомъ могли бы быть, отдѣльно взятая, приписаны любому заурядному мистіку, не-пантеисту; только въ связи со всѣмъ остальнымъ онѣ приобретаютъ несомнѣнно пантеистическій характеръ.

ствительности, — минуты, по минованіи которыхъ все окружающее кажется мелкимъ и ничтожнымъ, а настоящею жизнью является смерть ¹⁾. Ирма перестаетъ жить еще при жизни; квіетизмъ, котораго она достигаетъ среди горъ, въ тишинѣ пастушеской хижинѣ, ничѣмъ не отличается отъ буддистской нирваны. Въ такомъ квіетизмѣ конецъ страданію и горю, это правда; но именно потому въ немъ конецъ также сочувствію и любви, т.-е. всему, что составляетъ настоящую цѣну жизни. На высотѣ, куда хочетъ вознести насъ Ауэрбахъ, нѣтъ воздуха для дыханія. Но не царятъ ли тамъ, въ уединенномъ величіи, тѣ абсолютныя идеи, которыя отыскиваетъ — и будто бы находитъ — Эбергардъ? Нѣтъ; проникаетъ туда только мечта, а создать ясное *понятіе* мечты не можетъ.

Третье главное лицо въ драмѣ, разыгрывающейся при дворѣ, нарисовано Ауэрбахомъ искусно, хотя и блѣднѣетъ нѣсколько рядомъ съ рельефной, ярко-расцвѣченной фигурой Ирмы. Королева — одна изъ тѣхъ женщинъ, вся жизнь которыхъ сосредоточивается въ любви, безграничной, исключительной, но не самоотверженной, рассчитывающей на такую же полную, исключительную взаимность. Она смотритъ на все съ точки зрѣнія господствующаго въ ней чувства, все подчиняетъ ему, постоянно ищетъ способовъ доказать его, придумываетъ жертвы, въ которыхъ оно бы могло проявиться. Ея сентиментальная нѣжность — прямой контрастъ съ героичностью или псевдо-героичностью короля; сфера семейной жизни, въ которой ему душно и тѣсно — для нея цѣлый міръ, за предѣлами котораго она ничего не видитъ. Она настолько же довѣрчива, насколько недовѣрчивъ король; она одинаково вѣритъ въ его любовь и въ дружбу Ирмы. Отсюда безпопечность, съ которою она относится къ ихъ измѣнѣ; они разрушили всѣ основы ея внутренней жизни, не оставили ей ничего, за что она могла бы ухватиться. Рѣшимость быть спокойной и великодушной, рѣшимость забыть и простить, какъ будто бы зрѣющая въ ней подъ вліяніемъ примирительныхъ словъ Гунтера, разбивается въ дребезги при первомъ взглядѣ на короля, при первомъ словѣ ихъ объясненія. Нужны цѣлыя годы, чтобы она могла почувствовать всю узость и жесткость своего образа дѣйствій. Несчастье сдѣлало ее болѣе чуткой къ чужому горю, болѣе озабоченной чужимъ страданіемъ: ей остается только по-

¹⁾ Въ желаніи умереть, высказываемомъ Ирмой среди экстаза, нѣтъ уже ровно ничего спинозистическаго. „Человѣкъ свободный“, говоритъ Спиноза, „менѣе чѣмъ о чемъ-нибудь думаетъ о смерти; мудрость его состоитъ въ размышленіи не о смерти, а о жизни“.

нать, что вина — также страданіе, что непреклонность въ ея осужденіи, коренящаяся въ горделивомъ сознаніи собственной добродѣтели — также безжалостность и эгоизмъ. Глаза ея раскрываются, когда она спѣшитъ къ умирающей Ирмѣ; она не только прощаетъ ее и короля, но сама проситъ у нихъ прощенія, прощенія за ту суровость, съ которой думала объ одной, съ которой отворачивалась отъ другого.

Въ лицѣ лейбъ-медика Гунтера Ауэрбахъ хотѣлъ изобразить мудреца, не отдаляющагося отъ свѣта, подобно Эбергарду, но сохраняющаго среди его суевъ ясность мысли, свѣжесть чувства, пренебреженіе къ внѣшнему сіянію и блеску. Вмѣсто мудреца, мы видимъ, однако, только фразера, постоянно взбирающагося на пьедесталъ, но удерживающагося на немъ лишь благодаря снисходительности или близорукости слушателей. Этотъ псевдо-Катонъ, промѣнявшій научныя занятія на удобства и выгоды придворной жизни, считающій себя докторомъ души и пользующійся ея длинными рѣчами, торжественный въ каждомъ своемъ движеніи и словѣ, производитъ на читателей совсѣмъ не то впечатлѣніе, на которое рассчитывалъ авторъ. Претензіи на возвышенность и мудрость — господствующая черта Гунтера — такъ же мало симпатична, какъ и претензіи на героичность. Мы часто чувствуемъ желаніе остановить потоки его краснорѣчія словами, которыя ему какъ-то говоритъ королева: *«bitte, lieber Freund, jetzt keine gelehrten Curiositäten»*. Нѣтъ ничего болѣе утомительнаго и досаднаго, какъ вѣчныя обобщенія по поводу самыхъ простыхъ вопросовъ, втискиваніе, во что бы то ни стало, философскихъ размышленій въ обыкновенную бесѣду, безконечныя дигрессіи, ни на шагъ не подвигающія насъ къ цѣли — особенно когда все это облечено въ туманную, изысканную форму. Когда королева, только-что узнавшая объ измѣнѣ короля и Ирмы, ищетъ утѣшенія и поддержки въ совѣтахъ Гунтера, онъ находитъ возможнымъ не только прочесть ей цѣлый курсъ спинозизма, но и повѣдать о себѣ, что въ мірѣ королевскаго замка онъ, Гунтеръ, составляетъ, въ свою очередь, какъ-бы отдѣльный міръ (*ich bin hier im Schlosse, das eine Welt im Kleinem ist, eine Welt für sich*). Когда король спрашиваетъ Гунтера, считаетъ ли онъ наивный народный духъ коррективомъ цивилизаціи, Гунтеръ сначала предлагаетъ поправку къ редакціи вопроса, какъ будто бы его предстояло разрѣшить присяжнымъ заседателямъ, затѣмъ дѣлаетъ отступленіе въ область исторіи и только послѣ всего этого переходитъ къ отвѣту, ни мало не требовавшему подобныхъ приготовленій. Такъ какъ устами Гунтера

говорить самъ Ауэрбахъ, то въ рѣчахъ его, безъ сомнѣнія, можно найти не мало поэтическихъ картинъ, мѣткихъ сужденій; но этого недостаточно для созданія живого лица, художественной фигуры. Гунтеръ — родной братъ Клодвигъ и отецъ Эриха въ «Дачѣ на Рейнѣ», или, лучше сказать, родоначальникъ всѣхъ многочисленныхъ ауэрбаховскихъ резонеровъ.

Если Гунтеръ, по мысли Ауэрбаха, долженъ былъ служить олицетвореніемъ философской мудрости, то воплощеніемъ мудрости народной, житейской въ «Auf der Höhe» является старая крестьянка Беата, мать Вальпурги. Главныя черты этого типа знакомы намъ уже изъ «Деревенскихъ разсказовъ»; изображеніе его всегда удается Ауэрбаху. Далеко несвободная отъ народныхъ суевѣрій, Беата соединяетъ съ ними глубокое религиозное чувство, полнѣйшую терпимость къ другимъ вѣрованіямъ. Не вмѣшиваясь въ чужую жизнь, прикасаясь къ ней съ инстинктивной деликатностью или, лучше сказать, тонкостью чувства, она понимаетъ чужую заботу и чужое горе, умѣетъ облегчить ихъ участіемъ, совѣтомъ, ласковымъ словомъ. Какъ добрый геній дома, она охраняетъ его отъ бѣды, не выставляясь впередъ, не выходя, повидимому, изъ своей пассивной роли. Для ея всепрощающей натуры снисходительное отношеніе къ чужой винѣ такъ же естественно и легко, какъ оно было трудно для королевы. Въ ея материнской нѣжности Ирма находитъ рѣшимость и силу для новой жизни. Вальпурга — натура болѣе порывистая, болѣе страстная; умѣнье переносить незаслуженное страданье, умѣнье терпѣть и молчать изъ любви къ другому дается ей не скоро. Она злопамятна, мстительна, самолюбива, пока не поддается примирительному вліянію матери и мужа. Фигура Ганзея — прекрасное дополненіе къ портретной галерей «Деревенскихъ разсказовъ». Мѣлковатый, тяжеловѣсный, менѣе подвижный и физически, и умственно, чѣмъ Вальпурга, онъ превосходитъ ее простымъ, трезвымъ отношеніемъ къ людямъ. Онъ не требуетъ отъ нихъ слишкомъ многого и поэтому охотнѣе прощаетъ имъ ихъ несправедливость. Онъ спокойно переноситъ переходъ отъ бѣдности къ богатству, отъ подчиненнаго положенія къ вліятельному; однажды приобретенной привычки къ труду не могутъ поколебать никакія перемѣны въ его судьбѣ, онъ находитъ въ ней постоянную, твердую точку опоры. Картины деревенской жизни, развертывающіяся въ «Auf der Höhe», не страдаютъ идеализаціей. Много мелкихъ страстей кипитъ въ небольшомъ кружкѣ, средоточіемъ котораго служитъ семья Вальпурги; и здѣсь, какъ при дворѣ, успѣхъ вызываетъ завистниковъ и

лестцовъ, недоброжелательство и злословіе; Беата и Ганзей являются здѣсь такими же исключеніями, какъ Гунтеръ и Броннеъ—въ придворномъ мірѣ. Включивъ въ рамки своего романа двѣ противоположныя сферы, Ауэрбахъ руководился, очевидно, не морализирующей тенденціей; контрастъ между ними поразилъ его только какъ художника, его прельстила задача изобразить ощущенія крестьянки, внезапно перенесенной изъ отдаленной деревни въ центръ столицы, въ королевскій дворецъ. Страницы, посвященныя жизни Вальпурги во дворцѣ и возвращенію ея въ деревню, принадлежать къ числу самыхъ интересныхъ частей романа.

Въ «Auf der Höhe», еще болѣе чѣмъ въ другихъ произведеніяхъ Ауэрбаха, щедрой рукой разсыпаны оригинальныя, иногда глубокія мысли, выраженыя въ сжатой, поэтической формѣ. Попадаютъ между ними, правда, афоризмы, бьющіе на эффектъ или нуждающіеся въ комментаріяхъ, положенія натянутыя или явно невѣрныя (напр., слова Эбергарда: *das Alltägliche ist das Allerhöchste*; слова Ирмы: *das beste Alleinsein ist, wenn kein Menschenauge auf unserem Antlitz geruht, einen ganzen Tag; zu wissen, kein Menschenauge hat dich gesehen, der Spiegel der Mienen ist rein, unangehaucht* — *das thut wohl*; высказываемая Ирмой мысль, что народъ не нуждается въ книгахъ, что источникомъ назиданія должна служить для него только живая рѣчь, что книги уединяютъ человека среди другихъ людей); но гораздо больше, чѣмъ такихъ фальшивыхъ нотъ, можно указать изреченій мѣткихъ, образныхъ, сильныхъ. Мы ограничимся только немногими примѣрами. Возражая противъ задуманнаго королевой, изъ любви къ мужу, перехода въ исповѣдуемую имъ вѣру, Гунтеръ говоритъ ей: «*verharren wir in unserer angestammten Religion, so können wir in ihr frei sein, das heisst in unserem Denken über sie hinaus gehen. Bekennen wir aber eine neue Religion, so haben wir kein Recht mehr, frei zu sein; wir haben die Pflicht, sie zu bekennen. Ein geborner Adliger kann sich zur bürgerlichen Gleichheit bekennen; einer, der sich adeln lässt, kann das nicht*». Вальпурга рассказываетъ про своего отца—одного изъ тѣхъ безвѣстныхъ служителей свободной мысли, которыхъ производятъ отъ времени до времени швабское крестьянство, — что, прислушиваясь однажды на озерѣ къ отдаленному, гармоническому цѣнію цѣлаго хора, онъ сравнилъ съ нимъ совокупность вѣрованій, существующихъ на землѣ. «*Da ist jedes so eine Stimm' im Gesang, und da singt ein Jedes, wie es seine Kehle hergiebt, und das stimmt doch zusammen und*

giebt einen guten Chor; es soll nur ein Jedes singen, wie unser Herrgott ihm die Stimm' in den Mund gelegt hat—er wird schon wissen, wie es zusammen stimmt, und es stimmt gewiss schön!» «Чувство неудовлетворенія,—говорить Ирма,—испытываемое каждымъ художникомъ по окончаніи своего произведенія, становится исходной точкой для новой творческой работы». Заклучимъ наши выписки словами Ирмы, не вполне гармонирующими съ ея міросовершеніемъ, но содержащими въ себѣ тѣмъ болѣе большую долю истины: «религія клонится къ уравниенію людей, современное образованіе — къ увеличенію различія между ними. Истиннымъ, настоящимъ образованіе сдѣлается только тогда, когда оно перестанетъ дѣйствовать въ этомъ направленіи. Мы переживаемъ теперь лишь начало желанной перемѣны».

III.

Второй большой романъ Ауэрбаха — «das Landhaus am Rhein» — вышелъ въ свѣтъ въ концѣ шестидесятихъ годовъ. Современные политическіе и социальныя вопросы играютъ въ немъ еще меньшую роль, чѣмъ въ «Auf der Höhe». Читая его, мы видимъ, что авторъ — защитникъ равноправности расъ, хотя и не признаетъ за ними равенства способностей и дарованій; что эманципацию негровъ въ Америкѣ и освобожденіе крестьянъ въ Россіи онъ считаетъ величайшими событіями нашей эпохи, произведеніями свойственнаго ей духа гуманности; что дворянство, какъ сословіе, кажется ему отжившимъ свой вѣкъ, возведеніе въ дворянство — не имѣющимъ никакого смысла; что въ борьбѣ между свободною мыслью и преданіемъ онъ стоитъ на сторонѣ первой, хотя и не принадлежитъ въ числу ожесточенныхъ враговъ послѣдняго. Все это и множество другихъ подобныхъ положеній мы узнаемъ изъ безконечныхъ бесѣдъ и разсужденій, наполняющихъ или, лучше сказать, наводящихъ страницы романа; но не въ этомъ заключается его значеніе и сущность. Задача его — преимущественно психологическая, безъ примѣси философскаго элемента, господствующаго въ «Auf der Höhe»; средоточіе романа и настоящій герой его — Зонненкамъ, бывшій рабовладѣлецъ и торговецъ рабами, къ богатству рѣшившійся присоединить во что бы то ни стало почетное, блестящее положеніе и ищущій его на родинѣ, въ Старомъ Свѣтѣ. Личность Зонненкамъ задумана Ауэрбахомъ очень хорошо. Глубоко презирая людей, не вѣря въ ихъ добрыя свойства, Зонненкамъ убѣжденъ, что громадное боль-

шинство ничуть не лучше его, что не падали только тѣ, которые никогда не знали соблазна, что интенсивность порока — не что иное, какъ интенсивность внутренней силы, требующей выхода наружу. Добродѣтель, въ его глазахъ — лицемеріе или самообольщеніе, нравственность — условное приличіе. Перенесенный изъ южно-американскихъ плантацій въ небольшое нѣмецкое государство, онъ видитъ передъ собою тѣхъ же рабовъ, только управляемыхъ не бичомъ, а деньгами или другими равносильными приманками. Онъ носитъ маску, потому что хочетъ подъ ея покровомъ достигнуть желанной цѣли; когда она сорвана съ него, онъ съ гордостью показываетъ себя въ настоящемъ, ничѣмъ не смягченномъ свѣтѣ. «Я скрывалъ свое прошлое не потому, чтобы считать его дурнымъ», говоритъ онъ передъ третейскимъ судомъ, созданнымъ имъ исключительно съ цѣлью лишній разъ бросить насмѣшку въ глаза такъ-называемымъ добродѣтельнымъ людямъ. «Развѣ можно назвать что-либо дурнымъ на этомъ свѣтѣ? Я хотѣлъ только оградить себя отъ неразумія и мягкосердечія. Тысячи раскаяваются, не исправляясь; я не раскаиваюсь, да и не хочу исправиться. То, что называютъ гуманностью — суевѣріе, а у меня нѣтъ суевѣрій. Я живу и умру въ убѣжденіи, что пресловутая равноправность — сказка, что освобожденіе негровъ — безуміе. Міръ полонъ лицемерія; моя единственная гордость — не быть лицебромъ». Въ Зонненкампѣ много первобытной, свѣжей, грубой силы, не растроченной во время мытарствъ его беспокойной, беспорядочной жизни. Неудача долго лелѣяннаго плана смущаетъ его лишь на короткое время; онъ оставляетъ Европу, принимаетъ страстное участіе въ борьбѣ южно-американскихъ штатовъ противъ сѣверныхъ и умираетъ на полѣ битвы, отстаивая до конца ту неправду, которая его обезславила и обогатила.

Контрастъ между такой натурой и обычными корифеями нѣмецкихъ салоновъ и кабинетовъ — прекрасная тема для романа; въ сожалѣнію, исполненіе въ «Датѣ на Рейнѣ» далеко уступаетъ замыслу. Въ головѣ Зонненкампа, какимъ мы его знаемъ изъ его откровенной исповѣди, могла зародиться мысль о почетномъ мѣстѣ въ средѣ нѣмецкой аристократіи, о дворянскомъ или баронскомъ титулѣ; но она должна была прельстить его исключительно тою долей ироніи, которая въ ней заключалась, возможностью обмануть все это мнимо-добродѣтельное общество, навязать ему сочлена, отъ котораго бы оно съ фарисейскимъ негодованіемъ отшатнулось, если бы знало всю его подноготную. Онъ могъ стремиться къ цѣли со всей энергіей, ему свойственной,

не придавая ей въ сущности серьёзнаго значенія, смѣясь надъ ней, надъ самимъ собой, надъ своими союзниками и противниками. У Ауэрбаха, между тѣмъ, мы видимъ Зонненкампа горячо, лихорадочно добивающимся дворянства, искренно лнующимъ въ моментъ предполагаемаго торжества, отчаявающимся, хотя и не надолго, въ моментъ неудачи. Гдѣ же, въ такомъ случаѣ, различіе между нимъ и какимъ-нибудь Пранкеномъ или кабинетс-ратомъ—различіе, составляющее всю завязку «Дачи на Рейнѣ»? Гигантъ порока, котораго Ауэрбахъ хотѣлъ противопоставить пигмеямъ ходячей морали, не становится ли такимъ образомъ въ ихъ ряды, ничѣмъ отъ нихъ не отдѣляясь? Но, можетъ быть, Зонненкампъ искалъ дворянства не для себя, а для дѣтей, особенно для сына, чтобы обезпечить его будущность, чтобы сразу поставить его на торную дорогу вліянія и чести? Такъ говоритъ Зонненкампъ; но изъ его характера, изъ его натуры это вовсе не вытекаетъ. Настоящей любви къ дѣтямъ у него нѣтъ—иначе онъ не бросилъ бы ихъ такъ холодно и спокойно, не забылъ бы о нихъ такъ скоро среди междоусобной войны, поставившей одного изъ нихъ въ враждебный ему лагерь. Желаніе ввести Роланда въ кругъ придворной и военной знати является, при такихъ условіяхъ, только банальнымъ тщеславіемъ, несовмѣстнымъ съ дѣйствительной внутренней силой. Въ мелочной погонѣ за мелочнымъ успѣхомъ мельчаетъ и обезцвѣчивается, въ нашихъ глазахъ, и вся фигура Зонненкампа. Попытка поднять и ярко освѣтить ее дѣлается слишкомъ поздно; исповѣдь Зонненкампа, замѣчательная сама по себѣ, не производитъ ожидаемаго впечатлѣнія, въ виду жалкой роли, которую игралъ до тѣхъ поръ герой романа. Съ другой стороны, роману, несмотря на всю его обширность и многосложность, недостаетъ лицъ, недостаетъ событій и столкновеній, которыми наглядно объяснялось бы отношеніе Зонненкампа къ окружающей его средѣ. Зонненкампъ, по французскому выраженію, *fanfaron du vice*; онъ рисуетъ своимъ пренебреженіемъ къ гуманности и нравственности, находитъ особенное наслажденіе въ защитѣ рабства, какъ принципа, выражаетъ сочувствіе къ мормонамъ за открытое провозглашеніе многоженства, въ тайнѣ практикуемаго другими. Объясненіемъ и отчасти оправданіемъ этого типа служить противоположный ему, болѣе распространенный типъ *fanfarons de la vertu*; аффишированіе добродѣтели вызываетъ аффишированіе порока и позволяетъ даже видѣть въ немъ своего рода заслугу. Въ «Дачѣ на Рейнѣ» мы встрѣчаемъ только двухъ *fanfarons de la vertu*—Пранкена и сестру его Беллу, да и они имѣютъ не всѣ права на это названіе; фрей-

лейбъ Перини и ея духовникъ, эксплуатирующіе отчаяніе Манни, кабинетсратъ съ супругой, ловко и беззащитно принимающіе взятку отъ Зонненкампа, дополняютъ собою небольшую группу, подтверждающую низкое мнѣніе Зонненкампа о людяхъ. Помимо нея, онъ окруженъ атмосферой добродѣтели, какою рѣдко удается дышать самому избалованному судьбою счастливцу; назовемъ Клодвига, Кнопфа, майора, Вейдманна, профессора Эйвицеля, Эриха, его мать и тѣтку, наконецъ Манну Зонненкампа. Съ свойствами этой атмосферы, немножко удушливой и слишкомъ пропитанной запахомъ лилій и фіалокъ, мы познаваемымся ниже; но во всякомъ случаѣ матеріала для презрѣнія въ людямъ она Зонненкампу не давала. Исторія приспособленія привычекъ и взглядовъ, выработанныхъ Зонненкампомъ въ Америкѣ, въ обстановкѣ, найденной имъ въ Старомъ Свѣтѣ, остается для насъ сокрытой; мы не видимъ ни борьбы, ни примиренія между ними — а между тѣмъ именно въ этомъ, судя по задачѣ романа, могъ бы заключаться главный интересъ его.

Белла Пранкенъ похожа на Зонненкампа страстностью натуры, эгоистичностью стремленій, неспособностью понимать высшія задачи жизни. Лицемѣріе, которому не безъ труда научается Зонненкампъ, для нея нѣчто нормальное, привычное съ самаго дѣтства. Въ ея душу рано запали слова матери: то, что называютъ любовью — въ сущности искусственно подогрѣтое чувство (*gemachte Empfindung*). Она вступаетъ въ свѣтъ, равнодушная ко всѣмъ и ко всему, кромѣ собственнаго успѣха. Она все хочетъ знать, но только для того, чтобы блестятъ многостороннею ученостію; знанія скользятъ по ней безслѣдно, оставаясь для нея чѣмъ-то совершенно отдѣльнымъ отъ жизни. Она занимаетъ другихъ, сама скучая; она не уважаетъ ни другихъ, ни себя, гордясь только своимъ умственнымъ превосходствомъ надъ окружающею средою. Вышедши замужъ за Клодвига, она сначала притворяется интересующеюся всѣмъ тѣмъ, что для него дорого, но мало-по-малу снимаетъ маску и оканчивается открытой, злой насмѣшкой надъ его прекраснодушіемъ, надъ его слабостію, надъ его слезливою гуманностію. Она близка къ тому, чтобы полюбить Эриха, но ея любовь — только любовничество, только погоня за незнакомымъ ей еще сильнымъ ощущеніемъ. Та же погоня бросаетъ ее въ объятія Зонненкампа; изданный вызовъ обществу и общепринятымъ взглядамъ, заключающійся въ его исповѣди, даетъ ей смѣлость разорвать тѣ узы, которыми она до тѣхъ поръ наружно подчинялась. Белла, въ нашихъ глазахъ — самое цѣльное, самое живое изъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ «Дачи на Рейнѣ». Съ

перваго взгляда можетъ показаться, что внезапное сближеніе ея съ Зонненкампомъ, бѣгство ея съ нимъ черезъ нѣсколько дней послѣ смерти мужа, противорѣчатъ ея прошедшему — ея осторожности, разсудительности, ея стараніямъ приобрѣсти и удержать за собою высокое мѣсто въ общественномъ мнѣніи. На самомъ дѣлѣ, однако, противорѣчія здѣсь не существуетъ. Роль, которую такъ долго играла Белла, перестаетъ, наконецъ, быть ей по силамъ; маленькія побѣды самолюбія — единственный результатъ этой роли — перестаютъ удовлетворять ее; лишенія, которыя она на себя налагаетъ, перестаютъ уравниваться выгодами безупречной репутаціи и почетнаго общественнаго положенія. Она хочетъ испытать хоть разъ въ жизни прелесть откровенности, упоеніе разнузданной страсти. Ее прельщаетъ также перспектива могущества и вліянія, открываемая передъ ней Зонненкампомъ; она вѣритъ въ его успѣхъ, вѣритъ, что побѣда защищаемаго имъ дѣла будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ его и ея личной побѣдой. Белла, открыто подающая руку Зонненкампу, болѣе естественна и потому болѣе симпатична, чѣмъ Белла, отравляемая сдержанною страстностью и унижающаяся до ежечаснаго, ежеминутнаго обмана.

Типъ новѣйшаго мудреца, одинаково глубокомысленнаго и добродѣтельнаго — типъ, знакомый намъ уже отчасти по Гуттеру въ «Auf der Höhe» — въ «Датѣ на Рейнѣ» просто преслѣдуетъ читателя, не даетъ ему покоя, доводитъ его до пресыщенія. Мы видѣли уже, какую массу представителей этого типа Ауэрбахъ считалъ нужнымъ выдвинуть на сцену; они образуютъ сомкнутый строй, передъ блескомъ котораго должны блѣднѣть грѣшники, въ родѣ Зонненкампа и Беллы. Созерцая это внушительное зрѣлище, можно подумать, что дѣйствіе романа происходитъ въ миенческой Арнадіи, а не въ одномъ изъ современныхъ нѣмецкихъ государствъ. И все-таки, однако, мы охотнѣе поселились бы въ послѣднемъ, чѣмъ въ первой. Добродѣтельные люди Ауэрбаха имѣютъ одинъ серьезный недостатокъ, сближающій ихъ съ Памелой и Грандисономъ: они крайне скучны. Возьмемъ, для примѣра, главнаго изъ нихъ — Эриха Дурна, поступающаго воспитателемъ къ сыну Зонненкампа, Роланду. Въ романѣ всѣ восторгаются имъ, всѣ заслушиваются его рѣчей; Роландъ его обожаетъ, Манна изъ любви къ нему отрешается отъ своихъ прежнихъ вѣрованій, Клодигъ приближаетъ его къ себѣ, какъ сына, — даже Зонненкампъ скоро перестаетъ сомнѣваться въ его честности. Самъ авторъ, очевидно, относится къ нему съ особенною нѣжностью, какъ къ олицетворенію сво-

его идеала. И что же? Ему случается, конечно, говорить умныя и хорошія вещи, но въ большинствѣ случаевъ онъ только сантиментальный фразѣръ, избалованный успѣхомъ, — нѣчто среднее между взрослымъ ребенкомъ и педантомъ школьнымъ учителемъ. Чтобы избѣжать цитатъ, слишкомъ мало интересныхъ, приведемъ только одинъ примѣръ, достаточно доказывающій наше мнѣніе. Эрихъ и Манна чувствуютъ, что любятъ другъ друга; у нихъ на устахъ признаніе въ любви, едва сдерживаемое послѣдними колебаніями. «Вы для меня слишкомъ умны», говоритъ Манна Эриху, шутя; но Эрихъ, какъ и всѣ черезъ-чуръ добродѣтельные люди, не понимаетъ шутки. «Я неохотно слышу отъ васъ такія слова, — отвѣчаетъ онъ совершенно серьезно: — вамъ не слѣдовало бы употреблять фразъ, лишенныхъ внутренняго смысла (*Redensarten*). Кто сознаетъ свою самобытность, тотъ не можетъ считать другого для себя слишкомъ умнымъ». Не говоря уже о томъ, что самъ Эрихъ здѣсь гораздо больше повиненъ въ *Redensarten*, чѣмъ Манна, мы обращаемъ вниманіе только на учительскій тонъ его отвѣта. «Я желала бы быть на мѣстѣ этой крестьянки», говоритъ Манна нѣсколько позже, и опять вызываетъ строгое замѣчаніе своего ментора: «Такое выраженіе я считаю не только безразсуднымъ, но и нерелигіознымъ. Что значитъ: *я хотѣла бы быть другою*? Вѣдь если бы вы сохранили сознаніе о томъ, чѣмъ были прежде, то не сдѣлались бы другою!» И черезъ пять минутъ послѣ этого поученія Эрихъ и Манна въ первый разъ обнимаютъ другъ друга! Приему, употребленному Ауэрбахомъ, нельзя, по крайней мѣрѣ, отказать въ оригинальности; этимъ путемъ, конечно, не подходила къ объясненію въ любви ни одна изъ безчисленныхъ влюбленныхъ паръ, созданныхъ воображеніемъ романистовъ. Но Эрихъ не только скученъ — онъ вовсе не такъ высокъ духомъ, какъ полагаетъ Ауэрбахъ. Подобно всѣмъ фразерамъ, онъ больше говоритъ, чѣмъ дѣйствуетъ. Онъ желаетъ принести себя въ жертву человечеству, становится, съ этою цѣлью, наблюдателемъ за арестантами, — но скоро находитъ эту обязанность слишкомъ тяжелой и мѣняетъ ее на роль гувернера въ богатомъ домѣ Зонненкампа. Онъ собирается издать сочиненія своего отца, собирается написать исторію рабства, — но такъ и остается при сборахъ. Онъ понимаетъ, что въ званіи гувернера ничего нѣтъ унижительнаго, — но блѣднѣетъ и краснѣетъ, когда Пранкенъ, въ большомъ обществѣ, открываетъ намѣреніе его принять на себя это званіе. Онъ охотно слѣдуетъ совѣту Клодвигга скрыть отъ Зонненкампа, что онъ служилъ въ тюрьмѣ или рабочемъ домѣ. Весьма похожа на Эриха

его мать, еще болѣе тѣмъ онъ возносимая надъ обыкновенными смертными и столь же мало заслуживающая это превознесение ¹⁾; достаточно уязвить на то, что она уговариваетъ сына устроиться съ помощью протекціи, что она желала бы освободить его отъ необходимости создать себѣ положеніе собственнымъ трудомъ, что она скрываетъ отъ него дошедшія до нея свѣдѣнія о прошедшемъ Зонненкампа. Отецъ Эриха, къ счастью для читателей, умеръ до начала дѣйствія романа; но передъ памятью его воскресаетъ столько же оиміама, какъ и передъ живыми образами его жены и сына. Стоить только произнести его имя, чтобы кто-нибудь изъ дѣйствующихъ лицъ немедленно совершилъ передъ нимъ волѣнопреклоненіе. Если сгруппировать, однако, все сообщаемое о немъ, то въ результатѣ окажется слѣдующее: подобно своему сыну, онъ всю жизнь собирался что-то сдѣлать, но не успѣлъ, и умеръ безутѣшнымъ вслѣдствіе немилости, въ которую впалъ у владѣтельнаго князя, бывшаго ученика и воспитанника своего. Выдѣляется нѣсколько изъ среды добродѣтельныхъ лицъ романа только Клодвигъ, имѣющій нѣкоторыя слабости и сознающій ихъ, а потому не въ такой мѣрѣ, какъ другіе, удручающій насъ своею возвышенностью. Дипломатъ по профессіи, кабинетный ученый по призванію, онъ провелъ всю жизнь въ несимпатичной ему сферѣ, довольствуясь сознаніемъ своего умственного и нравственного превосходства надъ нею, но не дѣлая ни шага, чтобы вырваться на свѣжій воздухъ. «Я не знаю за собою никакого дурного поступка, — говоритъ онъ накануне смерти, — но я не сдѣлалъ того, что долженъ былъ сдѣлать, не показалъ себя такимъ, какимъ былъ въ дѣйствительности. Я успокаивалъ себя фальшивой философіей, нашептывавшей мнѣ, что все необходимое совершится само собою». Строгость къ самому себѣ внушаетъ ему снисходительное отношеніе къ Зонненкампу; призванный имъ въ третейскіе судьи, онъ оправдываетъ его, не признавая за собой права осуждать кого бы то ни было. Въ одномъ только Клодвигъ ничѣмъ не отличается отъ Эриха и другихъ лучезарныхъ героев и героинь «Дачи на Рейнѣ»: онъ говоритъ, болѣею частью, изысканнымъ, натянутымъ языкомъ, или, правильнѣе, не говоритъ, а декламируетъ или поучаетъ. Такимъ же языкомъ говоритъ и самъ авторъ, когда ему приходится характеризовать своихъ любимцевъ. Вотъ,

¹⁾ До какой степени она сама участвуетъ въ немъ, объ этомъ можно судить по слѣдующей ея фразѣ: „кого я чту, тотъ уже этимъ самымъ приобретаетъ почетное положеніе!“ (Wen ich ehre, der ist dadurch in einer Ehrenstellung).

напримѣръ, какъ онъ выражается о матери Эриха: «ея кроткій, спокойный духъ имѣлъ нѣчто благословляющее въ каждомъ словѣ, въ каждомъ движеніи руки, въ каждомъ лучѣ глаза (in jedem Augenstrahl)... Она ничего не требовала, благодарно и охотно принимала все, что ей приносили, и имѣла для всего *заранѣе приготовленную тихую мысль*» (zu Allem hatte sie ein vorbereitetes stilles Denken). «Клодина (тѣтка Эриха), играя увертюру Эгмонта, опустила глаза и постоянно двигала головой, какъ-бы по волнообразной линіи; все было закруглено, ничего не было угловато» (alles war geschwungen, nichts eckig).

Трагическое въ судьбѣ дѣтей Зонненкампа — тяготящая надъ ними вина отца — сообщаетъ особенный интересъ фигурѣ Манны, такъ какъ она одна любила отца горячею любовью, въ ней одной эта любовь должна была бороться съ отвращеніемъ въ внезапно обнаруживающемся его прошедшему. Отвращеніе, однако, слишкомъ скоро беретъ верхъ надъ любовью. Рѣшимость Манны оставить свѣтъ, похоронить себя въ монастырѣ вытекаетъ логически изъ испытаннаго ею потрясенія, но упорная холодность ея къ отцу отзывается тѣмъ-то черствымъ, не гармонирующимъ съ идеальными чертами, которыя придаетъ ей Ауэрбахъ. Другая борьба, происходящая въ ней — борьба между прежнимъ и новымъ міросозерцаніемъ — изображена довольно блѣдно. Роландъ Зонненкампъ — одно изъ самыхъ живыхъ лицъ въ романѣ, именно потому, что авторъ не старался идеализировать его. Это — свѣжая, здоровая, честная, но ничѣмъ не выдающаяся натура; если бы не катастрофа, постигающая отца, онъ скоро позабылъ бы наставленія Эриха, спокойно и весело поступилъ бы въ кадетскій корпусъ и вышелъ бы изъ него зауряднымъ офицеромъ и дворяниномъ. Ауэрбахъ оставляетъ насъ въ недоумѣніи на-счетъ того, почему педагогическая дѣятельность Эриха имѣла такъ мало успѣха, заключалась ли причина неудачи въ учителѣ — или въ ученикѣ, въ системѣ — или въ примѣненіи ея. Разрѣшеніе этого вопроса было бы, между тѣмъ, довольно интересно, потому что взглядъ Эриха на воспитаніе, очевидно, совпадаетъ съ собственнымъ взглядомъ Ауэрбаха. Не входя въ подробный разборъ его, замѣтимъ только, что Ауэрбахъ и здѣсь не отрѣшился отъ преувеличиваній, вошедшихъ у него въ привычку; считая Франклина — и совершенно справедливо — одною изъ тѣхъ историческихъ фигуръ, которыя могутъ произвести хорошее, ободряющее впечатлѣніе на юношу, онъ превозноситъ его выше всякой мѣры и провозглашаетъ его, устами Дурнэ-отца, первымъ человекомъ новаго времени, исключительно въ себѣ самомъ нашедшимъ всѣ

данный для своего развитія (der erste moderne, sich selbst aufbauende Mensch).

Мы коснулись слегка только немногихъ, главныхъ дѣйствующихъ лицъ «Дачи на Рейнѣ»; общее ихъ число ¹⁾ такъ же велико, какъ число событій, приключеній, рассказовъ, разговоровъ, благодаря которымъ романъ растянулся на три громадныхъ части — и потерялъ значеніе художественнаго произведенія. О «Вальдфридѣ», третьемъ большомъ романѣ Ауэрбаха, мы скажемъ еще меньше. Онъ вышелъ въ свѣтъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ, по окончаніи франко-германской войны, и носитъ на себѣ явный отпечатокъ этой эпохи. Въ лицѣ Вальдфрида — стараго демократа, въ молодости присужденнаго къ заключенію въ крѣпости за такъ-называемые «demagogische Umtriebe», въ зрѣлыхъ годахъ засѣдавшего въ франкфуртскомъ парламентѣ и возлагавшаго всѣ свои надежды на свободную инициативу нѣмецкаго народа, подъ концомъ жизни обращающагося въ пруссофила, — Ауэрбахъ хотѣлъ изобразить нѣмецкій либерализмъ, переходящій отъ отрицательной роли къ положительной, отъ оппозиціи къ управленію, отъ идеальной политики къ реальной. Въ исполненіе этой задачи Ауэрбахъ внесъ всѣ взгляды и страсти, возбужденные въ огромномъ большинствѣ нѣмецкой интеллигенціи событіями 1870—71 г. Прицѣпъ его за это было бы несправедливо; теченіе, охватившее даже Штрауса, могло увлечь за собою Ауэрбаха; нельзя не пожалѣть только, что даровитый романистъ взялся за дѣло, которое правильнѣе было бы представить посредственному публицисту. Если бы Ауэрбахъ отнесся къ своему герою сколько-нибудь объективно, онъ могъ бы создать интересный, вѣрный дѣйствительности типъ сантиментальнаго либерала, постепенно подеушаемаго политикой огня и желѣза, роняющаго нѣсколько прощальныхъ слезъ на черно-красно-золотой флагъ и замѣняющаго его черно-бѣлымъ прусскимъ знаменемъ; но обаяніе побѣдъ и военной славы, вмѣстѣ съ стремленіемъ къ идеализаціи, ставшимъ для Ауэрбаха второй натурой, помѣшало ему пойти по этой дорогѣ. Онъ сдѣлать — или, лучше сказать, хотѣлъ сдѣлать — Вальдфрида чѣмъ-то въ родѣ патриарха, эпически простаго и безупречнаго въ своей частной жизни, возвышеннаго въ своихъ политическихъ стремленіяхъ,

¹⁾ Въ «Дачѣ на Рейнѣ» введены на сцену, между прочимъ, и русскій князь, пріѣхавшій въ Германію изучать сельское хозяйство, въ виду готовившейся въ Россіи эманципаціи крестьянъ. Авторъ относится къ нему съ такой симпатіей, къ какой не приучили насъ нѣмецкіе писатели, говорящіе о русскихъ или о Россіи.

истиннаго патриота, могущаго служить образцомъ для будущихъ поколѣній. Если въ избыткѣ свѣта, пролитаго на Вальдфрида, есть тѣни, то это произошло независимо отъ воли автора; если для насъ Вальдфридъ такъ же далекъ отъ совершенства, какъ Гуттеръ или Эрихъ Дуревъ, то наша оцѣнка здѣсь, какъ и тамъ, одинаково не совпадаетъ съ оцѣнкой Ауэрбаха. Общая черта идеальныхъ лицъ Ауэрбаха—кроткое самодовольствіе, невысказанная прямо, но чувствуемая въ каждую данную минуту благодарность судьбѣ, вознесшей ихъ умственно и нравственно надъ массой—въ Вальдфридѣ выступаетъ на видъ съ яркостью, доведенной до наивности. «Вы хорошій человѣкъ», говоритъ ему владѣтельный князь, призвавшій его на совѣтъ въ трудную минуту. «Чѣмъ же мнѣ больше и быть?» отвѣчаетъ Вальдфридъ. «Я по мѣрѣ силъ служилъ истинѣ», восклицаетъ онъ наканунѣ смерти: «я никого съ намѣреніемъ не обидѣлъ, я всей душой любилъ человѣчество и мою родину. Я часто былъ слабъ, но слабостью своей вредилъ только самому себѣ». Ему мало, впрочемъ, этихъ аттестатовъ, имъ самимъ выданныхъ; онъ до крайности дорожитъ чужимъ мнѣніемъ, глубоко огорчается порицаніемъ или насмѣшкой, радуется, когда другіе цѣнятъ его даже выше сознаваемой имъ за собой заслуги. Пріѣхавъ въ Эльзасъ, во время войны, чтобы быть тамъ посильно полезнымъ общенѣмецкому дѣлу, онъ готовъ тотчасъ же уѣхать, потому что прусскія власти приняли его сухо и просто, безъ комплиментовъ его великодушію и самопожертвованію. Его стоицизмъ быстро ступеивается передъ возможностью достигнуть власти; перспектива министерскаго портфеля ослабляетъ его до готовности участвовать въ нарушеніи конституціи (съ благонамѣренною цѣлью); а неосуществившаяся надежда оставляетъ въ немъ глубокій осадокъ горечи и грусти. Вполнѣ по Вальдфриду та задача, которую онъ принимаетъ на себя въ Эльзасѣ; онъ разѣзжаетъ изъ деревни въ деревню (еще до окончанія войны!), чтобы разъяснить крестьянамъ законность и необходимость воссоединенія ихъ съ Германіей! Только нѣмецкій псевдо-либераль, платонически влюбленный въ идею общегерманской отчизны и знакомый съ нею преимущественно по извѣстной пѣснѣ Арндта, могъ повѣрить хоть на одну минуту въ осуществимость этой задачи. Въ *преждевременности* ея убѣждается наконецъ и самъ Вальдфридъ; онъ понимаетъ, что не время говорить о родственной любви, когда едва замолкла бомбардировка Страсбурга. Лиевать по поводу возвращенія «потерянныхъ братьевъ» онъ, конечно, не перестаетъ; ему удастся даже увѣрить самого себя, что оно издавна состав-

ляло предметъ надеждъ и желаній нѣмецкихъ патриотовъ. Онъ клеветаетъ на Бухмайера — памятнаго намъ по «Деревенскимъ разсказамъ», — утверждая, что тотъ еще въ 1830 г. обратился въ страсбургскому собору съ восклицаніемъ: «упади — или сдѣлайся нѣмцемъ!» Ауэрбахъ 1871 г. забылъ истину, которую такъ хорошо понималъ Ауэрбахъ 1842 г.; онъ забылъ, что шварцвальдскимъ крестьянамъ тридцатыхъ годовъ было не до Эльзаса и не до завоеваній, что съ нихъ слишкомъ довольно было домашней тяготы, домашней заботы.

Жена Вальдфрида, Густава — также лицо идеальное въ глазахъ автора; это видно уже изъ того, какою тоною о ней говорится въ романѣ. Зимой 1866 г. въ ея душѣ «вновь и вновь расцвѣло ясное, расцвѣла жизнь въ высшемъ; она постоянно жила въ какомъ-то высшемъ настоящемъ» (*wie ist da das Klare, das Leben im Höhern, aus der Seele Gustavens neu erstanden; sie lebte immer in einer gewissen höhern Gegenwart*). Когда она, въ минуту печали, бесѣдуетъ съ достойнымъ ея другомъ дома — барономъ Арвешомъ, появленіе котораго вездѣ и всегда влекло за собою «*eine gewisse milde Abtönung*» — разговоръ ихъ звучитъ какъ «прекрасный двухголосный траурный гимнъ». Въ чемъ заключаются ея права на восторженные отзывы, расточаемые ей всѣми дѣйствующими лицами — это мы узнаемъ только отчасти. Мы видимъ въ ней, правда, тѣ симпатичныя черты, которыми отличается знакомый намъ уже ауэрбаховскій типъ мудрой старушки — черты, въ первый разъ перенесенныя здѣсь изъ крестьянскаго сословія въ среду образованнаго класса; но рядомъ съ ними насъ поражаютъ такіе фальшивыя ноты, какъ напримѣръ предубѣжденіе противъ простаго, братскаго отношенія къ народу, привычка раскрывать всѣ сокровища души и ума въ бесѣдѣ съ посторонними лицами, а не съ близкими и родными. Усилія Ауэрбаха вознести ее на какую-то необыкновенную вышину оставляютъ насъ холодными; мы отказываемся видѣть въ ней нѣчто большее, чѣмъ добрую мать семейства, преданную жену и женщину съ довольно пирровымъ умственнымъ круговоротомъ. Кромѣ героя и героини романа, добродѣтельныхъ лицъ въ «Вальдфридѣ» не мало, но они остаются на второмъ планѣ и не предъявляютъ слишкомъ большихъ правъ на удивленіе и восхищеніе читателя.

Всего больше удалась Ауэрбаху та часть романа, которая посвящена войнѣ 1866 г. Трагическое положеніе южно-германскихъ либераловъ, одинаково чуждыхъ обѣимъ воюющимъ сторонамъ, сочувствующихъ единству Германіи, но не прусскому спо-

соду его достиженія, отрѣпившихся отъ мѣстнаго патріотизма только умомъ, но не сердцемъ, изображено въ «Вальдфридѣ» съ большою силою. «Слава Богу, мы побѣждены», восклицаетъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ (дѣйствіе происходитъ въ Баденѣ или Виртембергѣ) при вѣсти о побѣдѣ пруссаковъ — и Вальдфридъ справедливо видитъ въ этихъ немногихъ словахъ лучшую характеристику тогдашней тяжелой эпохи, эпохи, когда «невзримый демонъ сидѣлъ на ранцѣ каждаго солдата, во сто разъ увеличивая его тяжесть», когда «легкія раны часто имѣли смертельный исходъ, потому что были отравляемы душевнымъ настроеніемъ раненаго». Эрнстъ, младшій сынъ Вальдфрида, дезертируетъ въ самомъ началѣ войны, объясняя свой поступокъ слѣдующимъ письмомъ къ родителямъ: «кажъ, мнѣ ни тяжело, я долженъ исполнить свое намѣреніе. Если бы за мной послѣдовали тысячи, наше дѣло назвали бы великимъ. Неужели мы должны принести себя въ жертву выродившемуся нашему государству? Я не хочу ни убивать своихъ соотечественниковъ, ни быть убитымъ ими». Если припомнить, при какихъ обстоятельствахъ была начата и ведена война 1866 г., то рѣшимость Эрнста сдѣлается для насъ по меньшей мѣрѣ понятной. Не всѣмъ же дана способность подавлять свои чувства и дѣйствовать наперекоръ своимъ убѣжденіямъ. Не всякій можетъ — подобно зятю Вальдфрида, полковнику Карстену — быть приверженцемъ единой Германіи въ душѣ и партикуляристомъ въ силу носимаго имъ мундира. Указаніе Эрнста на то, что при извѣстныхъ условіяхъ преступленіе его могло бы обратиться въ великое дѣло, подтверждается вполне примѣромъ Йорка, самовольно (въ 1813 г.) уведшаго прусскія войска изъ-подъ знаменъ Наполеона. Уйдя Йоркъ одинъ или не во-время, его назвали бы измѣнникомъ; теперь имя его составляетъ одно изъ украшеній прусской военной исторіи. Трудно понять, какимъ образомъ Ауэрбахъ, самъ намѣтивъ въ письмѣ Эрнста основанія къ его извиненію или оправданію, заставляетъ Вальдфрида (безъ сомнѣнія, выражающаго собою мысли и чувства автора) такъ строго относиться къ поступку Эрнста. Всего правильнѣе, кажется, можно объяснить это съ одной стороны страхомъ Вальдфрида передъ общественнымъ мнѣніемъ, конечно спѣшащимъ безапелляціонно осудить Эрнста, съ другой стороны — кореннымъ, давнишнимъ антагонизмомъ между натурами Вальдфрида и Эрнста, просто, трезво смотрящаго на жизнь, чуждаго всякой сантиментальности и мечтательности. Фигура Эрнста могла бы сдѣлаться самой интересной во всемъ романѣ, но, къ сожалѣнію, она набросана лишь въ общихъ чертахъ и скоро сходитъ.

со сцены. Не вполне дорисована также оригинальная личность Мартеллы, невѣсты Эрнста, воспитанной въ непосредственной близости къ природѣ, незнакомой съ условными требованіями общественной жизни.

Кромѣ самого Вальдфрида, мы встрѣчаемъ въ романѣ еще одного вновь обращеннаго поклонника бисмарковской политики — сына Вальдфрида, Лудвига. Въ 1849 г. онъ сражался въ рядахъ баденскихъ инсургентовъ, съ трудомъ спасся отъ ожидавшей его смерти и бѣжалъ въ Америку, гдѣ участвовалъ въ великой войнѣ шестидесятыхъ годовъ, стоя, конечно, на сторонѣ сѣверныхъ штатовъ. Онъ возвращается въ Германію наканунѣ франко-германской войны, возвращается вооруженный практичностью и твердостью настоящаго американца. Ощущенія его на родинѣ, измѣнившейся не менѣе, чѣмъ онъ самъ, могли бы сдѣлаться предметомъ интереснаго этюда; но мы ихъ почти не видимъ, потому что при первой вѣсти о войнѣ американецъ превращается въ восторженнаго нѣмца, ни въ чемъ не отстающаго отъ самого Вальдфрида. Любопытны отзывы Вальдфрида и сыновей его (Лудвига и Рихарда, профессора, педантизмомъ и велерѣчивостью напоминающаго нѣсколько Эриха Дурне) о французахъ. Они, очевидно, стараются быть безпристрастными и справедливыми, стараются избѣгать презрительнаго, высокомернаго тона, которымъ принято говорить о Франціи, съ 1870 г., въ нѣмецкой литературѣ; но въ ихъ словахъ проглядываетъ снисходительность старшаго къ младшему, высшаго къ низшему. Они хвалятъ французовъ за *прилежаніе и умренность*; они признаютъ ихъ гуманность, но объясняютъ ее тщеславіемъ и самоуниженіемъ. «Французы», говоритъ Лудвигъ, «считаютъ себя настолько совершенными, что охотно готовы сообщить всѣмъ и каждому долю своего совершенства; они сердятся, если ихъ даровъ не принимаютъ, потому что видятъ въ этомъ недовѣріе къ ихъ превосходству». Въ основаніи подобныхъ взглядовъ лежитъ чувство весьма похожее на то, противъ котораго они направлены — чувство самодовольства, воспитанное въ нѣмцахъ побѣдами 1870—71 г. Теоретически Ауэрбахъ еще въ «Датѣ на Рейнѣ» — устами Эриха Дурне — отводитъ германской расѣ первое мѣсто въ рядахъ чело-вѣчества; теперь это мѣсто, въ его глазахъ, занято уже на самомъ дѣлѣ, и притомъ не всей германской расой, подъ именемъ которой онъ разумѣлъ тогда и англичанъ, и американцевъ, а собственно нѣмецкимъ народомъ. При такомъ настроеніи духа, Ауэрбахъ не задаетъ себѣ никакихъ тревожныхъ вопросовъ о будущемъ Германіи; въ его разсказѣ, полномъ ликованія, едва

слышится въ двухъ или трехъ мѣстахъ минорная нота, такъ громко звучащая въ «Allzeit voran» и даже въ «Sturmflut» Шпильгагена. Новый, блестящій періодъ въ внѣшней исторіи Германіи уменьшился — надѣмся, на время — ясность зрѣнія Шпильгагена, но Ауэрбаха онъ ослѣпилъ почти совершенно.

Черезъ два года послѣ появленія «Вальдфрида», въ 1876 г., Ауэрбахъ издалъ въ свѣтъ три тома «Новыхъ деревенскихъ разсказовъ», подъ общимъ заглавіемъ: «Тридцать лѣтъ спустя». Каждый изъ этихъ разсказовъ составляетъ какъ-бы продолженіе одного изъ прежнихъ; дѣйствіе происходитъ въ томъ же мѣстѣ, около прежнихъ дѣйствующихъ лицъ группируются новыя. Показать этимъ путемъ, какую переменѣ произвела цѣлая треть столѣтія въ положеніи и нравахъ нѣмецкаго крестьянства — мысль весьма счастливая; такія событія, какъ переворотъ 1848-го г., послѣдовавшая за нимъ реакція, войны 1866 и 1870 г., созданіе германской имперіи, установленіе всеобщей подачи голосовъ, «культурная борьба», народженіе новыхъ партій, конечно не прошли безслѣдно для массы нѣмецкаго народа. И здѣсь, однако, исполненіе не соответствуетъ замыслу. Одинъ изъ трехъ разсказовъ — «das Nest an der Bahn» (продолженіе «Sträflinge») — не что иное, какъ длинная семейная исторія, не заключающая въ себѣ никакихъ данныхъ для знакомства съ современной нѣмецкой деревней и предполагающая такое сближеніе сословія, такое паденіе общественныхъ перегородокъ, какового еще долго придется ожидать въ дѣйствительности. Въ двухъ другихъ разсказахъ: «der Tolpatsch aus Amerika» (продолженіе «der Tolpatsch») и «des Lorle's Reinhard» (продолженіе «die Frau Professorin»; переводъ его былъ напечатанъ въ «Вѣстникѣ Европы») больше общаго интереса, но дальше намековъ, короткихъ указаній, не развитыхъ и не соединенныхъ въ одну художественную картину, авторъ и въ нихъ не идетъ. Мы узнаемъ, наприимѣръ, что любимая деревня Ауэрбаха отдалась во власть черныхъ, т.-е. клерикальной партіи, что старый духъ религіозной терпимости, духъ Луціана и его тещи, держится только въ немногихъ представителяхъ отживающаго поколѣнія; но какъ и почему произошла эта переменѣ, какъ она отразилась на общественномъ строѣ деревни, на частной жизни ея обитателей, какъ перемѣстила вліянія и перетасовала отношенія — этого Ауэрбахъ намъ не сообщаетъ. Мы слышимъ мимоходомъ, что послѣ войны нравы народа нѣсколько одичали (der Krieg hat unser Volk verwildert), что съ тѣхъ поръ пошли въ ходъ удары ножомъ, воровскія драки; но, обмолвившись однажды этимъ признаніемъ, Ауэрбахъ не вос-

вращается больше къ щекотливому, непріятному предмету, и предпочитаетъ говорить о вновь окрѣпимѣ чувствъ собственнаго достоинства и собственной силы, какъ о главномъ, вездѣ замѣтномъ результатѣ послѣднихъ событій. Контрастъ между полу-американцемъ Аловіемъ (въ разсказѣ «*der Tolratsch aus Amerika*») и коренными шварцвальдскими швабами представлялъ хорошій поводъ къ характеристикѣ послѣднихъ; но Ауэрбахъ ограничился немногими поверхностными чертами и поспѣшно обративъ самого Аловія въ зауряднаго нѣмца, сосредоточилъ все свое вниманіе на поискахъ его за невѣстой. Появленіе на сцену старыхъ нашихъ знакомцевъ, Бухмайера и Иво, не помогаетъ дѣлу; первый умираетъ, сказавъ лишь нѣсколько словъ, второй не сохранилъ въ себѣ ничего крестьянскаго. Всего лучше удалась Ауэрбаху встрѣча Рейнгарда съ Рейенмайеромъ, въ деревнѣ, куда первый возвращается послѣ смерти Лорле. Рейнгардъ утратилъ свою эластичность, свою художническую восприимчивость; его любовь къ Мальвѣ — жалкая копія съ его любви къ Лорле, его намѣреніе жениться на ней — ничѣмъ не извинимое и необъяснимое повтореніе дорого-стоившей ошибки. Рейенмайеръ обратился изъ мягкаго мечтателя, широко мыслящаго философа въ жесткаго, крутого бисмаркианца. Въ сморѣ, возгорающемся между бывшими друзьями, мы не можемъ принять сторону ни того, ни другого; но фигура каждаго изъ нихъ освѣщается въ немъ чрезвычайно ярко; въ рѣчахъ Рейенмайера попадаются блестящіе прежняго его юмора, мѣткія и образныя по прежнему параллели, остроумныя философскія обобщенія. Поимно этихъ немногихъ страницъ, языкъ «Новыхъ деревенскихъ разсказовъ» отличается тусклостью, несвойственною прежнимъ; онъ колеблется между безцвѣтностью и изысканностью, почти нигдѣ не находитъ настоящей середины. На одинъ, приблизительно, уровень съ «Новыми деревенскими разсказами» можетъ быть поставлена послѣдняя, по времени, повѣсть Ауэрбаха: «Ландолинъ изъ Рейтерстофена» (1878). Это исторія богатаго, надменнаго крестьянина, совершающаго преступленіе, избѣгающаго законной кары благодаря искусно сотканной лжи, но находящаго болѣе тяжкое наказаніе въ потерѣ вліянія и авторитета, въ презрѣніи дочери, которая имъ прежде гордилась. Самъ Ландолинъ и дочь его Тома обрисованы довольно хорошо, но остальные лица безцвѣтны, и разсказу недостаетъ свѣжести и жизни первыхъ произведеній Ауэрбаха. Дѣйствіе его происходитъ въ наше время, но если исключить нѣкоторые несущественныя подробности, оно точно такъ же могло бы происходить и нѣсколько десятилѣтій тому на-

задъ. Деревня «Ландолина» ничѣмъ не отличается отъ деревни сороковыхъ годовъ, знакомой намъ по прежнимъ «Деревенскимъ разсказамъ».

Какъ ни велико различіе между тремя главными представителями современнаго нѣмецкаго романа, въ дѣятельности ихъ насъ поражаетъ одна общая черта: позднѣйшія произведенія ихъ уступаютъ болѣе раннимъ, дарованіе ихъ слабѣетъ, клонится къ упадку. Эта общая черта имѣетъ и общую причину, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, конечно, усложняемую другими. Эпоха, переживаемая Германіей съ 1870 г., неблагоприятна для поэзіи. Стремленіе, борьба, сомнѣніе, надежда, даже безнадежность — лучшій источникъ вдохновенія, чѣмъ торжество, достиженіе цѣли, успѣхъ на лаврахъ, въ особенности тогда, когда торжествуетъ не мысль, а грубая сила, когда въ достигнутой цѣли нѣтъ ничего идеальнаго. Лессингъ, Шиллеръ, Гёте, Гейне представляли собою различныя стороны движенія, возбужденнаго въ Германіи «просвѣщеніемъ» прошлаго вѣка и пережившаго, въ продолженіе цѣлыхъ ста лѣтъ, всѣ перемѣны въ внѣшней судьбѣ ея. Къ этому движенію примкнули, вслѣдъ за поэтами «молодой Германіи», вслѣдъ за предвозвѣстниками событій 1848 года, и Ауэрбахи, Фрейтаги, Шпильгагенъ, въ этомъ движеніи они нашли свою оригинальность, свою силу. Объединеніе Германіи было только однимъ изъ доуговъ его, но не главной побудительной его причиной; оно заключало въ себѣ массу космополитическихъ элементовъ, касалось вопросовъ, одинаково дорогихъ и важныхъ для всѣхъ народовъ. Внезапно произошла перемѣна, сдувшая его русло, выдвинувшая частное далеко впередъ сравнительно съ общимъ. Успѣхъ, пришедшій совсѣмъ не съ той стороны, откуда его ожидали, и весь сосредоточившійся на одномъ небольшомъ пунктѣ, затмилъ своимъ блескомъ все остальное. По странному оптическому обману, достигнутое небольшое показалось громаднымъ, недостигнутое многое потеряло значительную часть своей цѣны и отошло на задній планъ. Побѣда, не имѣвшая въ сущности ничего общаго съ послѣдними цѣлями движенія, разнуздава всѣ эгоистическіе инстинкты; въ замѣнутой политической сферѣ единство было осуществлено, но въ широкой области мысли и чувства оно этимъ самымъ было ослаблено. Отсюда пониженіе нравственнаго и умственнаго уровня, отразившагося на всѣхъ тѣхъ, кто не нашелъ въ себѣ силы устоять противъ теченія. «Es wächst der Mensch mit seinen höh'eren Zwecken», сказалъ ноэтъ; точно такъ же справедливо и обратное ноложе-

ніе. Фрейтагъ, ищущій въ отдаленномъ прошедшемъ примѣры доблести нѣмецкаго народа и оправданіе историческаго призванія Гогенцоллерновъ; Шпильгагенъ, выбирающій своихъ героевъ изъ среды поклонниковъ Бисмарка и Мольте; Ауэрбахъ, выдающій въ возстановленіи Германской имперіи, въ возвращеніи «похищенныхъ» провинцій завершенье многолѣтней борьбы и залогъ процвѣтанія Германіи—не могли удержаться на высотѣ, достигнутой ими въ служеніи другимъ идеямъ, другимъ цѣлямъ.

Мы видѣли уже, что историческій романъ, въ область котораго въ 1872 г. заключилъ себя Фрейтагъ, даетъ меньше простора его таланту, чѣмъ романъ бытовой, которому онъ обязанъ своими лучшими успѣхами; мы видѣли также, что Шпильгагену труднѣе строить, чѣмъ разрушать, что главная его сила—въ сомнѣніи и отрицаніи, пора которыхъ для него миновала. Ахиллесова пята, специально свойственная Ауэрбаху (въ послѣднемъ періодѣ его дѣятельности)—это стремленіе къ идеализаціи, при отсутствіи настоящаго идеала. Если «Auf der Höhe» стоитъ несравненно выше слѣдующихъ за нимъ романовъ, то это объясняется прежде всего опредѣленностью и поэтичностью міросозерцанія, воплощеннаго въ Ирмѣ. Можно не соглашаться съ этимъ міросозерцаніемъ, можно находить его одностороннимъ, но нельзя отказывать ему въ законченности и послѣдовательности, въ величавости и прелести. Исчерпавъ его до дна въ первомъ своемъ большомъ романѣ, Ауэрбахъ не нашелъ ему ни продолженія, ни замѣны. Какое начало, какую идею представляютъ собою, напримѣръ, Эрихъ Дурнэ или его мать въ «Датѣ на Рейнѣ»? На этотъ вопросъ не даетъ отвѣта самое тщательное изученіе романа. Авторъ громоздитъ добродѣтель на добродѣтель, одно добродѣтельное лицо на другое, но все это зданіе возводится на песокъ, ему недостаетъ связующаго цемента. Мы можемъ примириться съ колоссальностью очертаній, съ избыткомъ яркихъ красокъ, если для насъ ясна и понятна сила, возвышающая излюбленную поэтомъ фигуру надъ уровнемъ дѣйствительности; мы можемъ, напримѣръ, сочувствовать Говену въ «Quatre-vingt-treize», потому что видимъ великую идею, дѣлавшую его великимъ; но для насъ немислимо совершенство на банальной подкладкѣ, совершенство, заключающееся престо въ совокупности хорошихъ качествъ, безъ примѣси пороковъ. У В. Гюго, какъ и у Ауэрбаха, наклонность къ идеализаціи доходитъ иногда до крайнихъ предѣловъ, принимаетъ болѣзненный оттѣнокъ, влечетъ за собою напыщенность или изысканность тона; но у французскаго поэта этотъ недостатокъ выкупается, до известной степени,

горячею преданностью общимъ идеямъ, которыхъ, послѣ «Auf der Höhe», напрасно было бы искать у Ауэрбаха. Другая слабая сторона Ауэрбаха—это неумѣнье справиться съ массою матеріала, откинуть излишнее, сосредоточиться на существенномъ и важномъ. Оно замѣтно уже въ первыхъ «Деревенскихъ разсказахъ», какъ только тема, избранная авторомъ, сколько-нибудь сложна и обширна; оно чувствуется въ «Auf der Höhe», а въ «Дачѣ на Рейнѣ» доходитъ до непомернаго, подавляющаго обилія деталей, тѣмъ болѣе утомительнаго, что Ауэрбахъ—вовсе не таковой мастеръ детальной живописи, какъ Фрейтагъ. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что слѣдующимъ поколѣніямъ Ауэрбахъ будетъ извѣстенъ только какъ авторъ «Auf der Höhe» и первой серіи «Деревенскихъ разсказовъ». Многие изъ нихъ имѣютъ уже теперь только историко-литературное значеніе; нѣкоторые изъ нихъ могли бы безъ всякой потери быть исключены изъ полного собранія сочиненій автора; но лучшія картины сельскаго быта, начертанныя Ауэрбахомъ, сохраняютъ до сихъ поръ и долго еще сохранять свою свѣжесть. Во всякомъ случаѣ за нимъ останется заслуга возбужденія интереса въ области, до него почти не тронутой нѣмецкою литературой, да и послѣ него разработанной въ Германіи лишь немногими писателями.

Z. Z.

ЗВѢЗДНЫЙ СВѢТЪ.

Изъ Лонгфелло.

Настала ночь, и съ вышины
Померкнувшихъ небесъ
Тихонько свѣтлый серпъ луны
Спустился и исчезъ.

Холоднымъ свѣтомъ звѣздъ однимъ
Мерцаетъ синій сводъ,
И первымъ ночи часовымъ
Планета Марсъ идетъ.

Звѣзда ли то любви дрожить,
Сіяя въ вышинѣ?
О, нѣтъ, я вижу красный щитъ
И война въ бронѣ.

Серьезныхъ думъ и мыслей рой
Встаетъ во мнѣ, когда
Смотрю на свѣтъ бодрящій твой,
Могущества звѣзда!

Съ улыбкой ты своей рукой
Привѣтъ мнѣ плешь съ высотъ,
И той улыбки свѣтъ стальной
Мнѣ силу вновь даетъ.

Въ моей груди дневныхъ лучей
И даже лунныхъ нѣтъ,
Тамъ тьма глубокая, и въ ней —
Лишь звѣздъ холодный свѣтъ.

Мерцаньемъ съ выси голубой
Онъ льется въ ночь мою,
И первый стражи часъ ночной
Я Марсу отдаю, —

Звѣздѣ спокойствія средь бѣдъ,
Рѣшимости, борьбы,
Могучей воли и побѣдъ,
Въ превратностяхъ судьбы.

Читатель, кто бы ни былъ ты
Будь твердъ, неколебимъ;
Когда надежды и мечты
Разсѣются какъ дымъ, —

Крѣпись и сердцемъ и умомъ,
И будешь находить
Ты много благъ высокихъ въ томъ,
Чтобъ въ горѣ сильнымъ быть.

Д. Л. М.

РОССІЯ И АНГЛІЯ

ВЪ

СРЕДНЕЙ АЗІИ.

- La Russie et l'Angleterre dans l'Asie centrale, par M. F. Martens, professeur du droit international à l'Université Impériale de St.-Petersbourg. Gand. 1879.
- Карта Средней Азіи, составленная по новѣйшимъ свѣдѣніямъ при военно-топографическомъ депо. Спб. 1879.

Ни въ наукѣ, ни въ политикѣ, ни въ жизни вообще нельзя безнаказанно пренебрегать фактомъ. Съ нимъ надо считаться, онъ долженъ входить во всѣ наши теоретическія соображенія, долженъ болѣе или менѣе видоизмѣнять ихъ, если мы не хотимъ отрывать отъ жизни и становиться на почву мечтательнаго гаданія. Съ большою рельефностью выдѣляются обыкновенно сила и значеніе факта въ дѣлахъ и вопросахъ международной политики. Обойдите въ этихъ дѣлахъ и вопросахъ какой-нибудь существенный фактъ, составляющій одно изъ необходимыхъ условій успѣха или неудачи, и всѣ ваши соображенія и расчеты могутъ быть опровергнуты самымъ безпощаднымъ образомъ. На нашихъ глазахъ французы стремились за Рейнъ, и были принуждены уступить Германіи Эльзасъ и часть Лотарингіи; на нашихъ глазахъ, русскія войска долго стояли подъ Константинополемъ — и не заняли его даже и временно. Англичане, недавно заключившіе съ афганцами выгодный миръ и, повидимому, смирившіе этихъ опасныхъ сосѣдей Индіи, были вслѣдъ затѣмъ поражены вѣстью о поголовномъ истребленіи ихъ перваго посольства въ Кабуль,—

событіи, которое предвѣщаетъ въ будущемъ народную войну афганцевъ противъ ихъ могущественнаго восточнаго сосѣда.

Такими существенными фактами, съ которыми необходимо считаться, являются для Россіи англійское владычество въ Индіи, и для Англіи — русское владычество въ Средней Азіи. Правда, дѣятельная роль выпала тамъ на долю Россіи прежде, чѣмъ рѣшены ея внутренніе вопросы капитальной важности, имѣющіе болѣе прямое, ближайшее отношеніе къ нравственному и матеріальному благосостоянію русскаго народа, но этой дѣятельной роли уже нельзя вычеркнуть изъ исторіи и международныхъ отношеній Россіи. Такъ или иначе, русское владычество въ Средней Азіи, какъ и англійское въ Индіи, стало фактомъ, который можетъ имѣть весьма крупныя и серьезныя послѣдствія. Такъ или иначе, Россія приняла на себя извѣстныя задачи по отношенію къ группѣ бывшихъ и еще существующихъ государствъ Средней Азіи, и русскій читатель, какъ и русскій государственный человѣкъ, не можетъ относиться безразлично къ тѣмъ или другимъ послѣдствіямъ, вытекающимъ для Россіи и Англіи изъ положенія, уже занятаго ими въ Азіи.

Къ сожалѣнію, ясныя представленія о немъ у насъ — большая рѣдкость. Русская публика не имѣетъ въ своемъ распоряженіи положительныхъ данныхъ, на основаніи которыхъ она могла бы составить себѣ такія представленія. Кромѣ событій совершившихся и потому общезнѣмыхъ, она знаетъ очень мало. Дипломатическая и закулисная сторона этихъ событій остается ей неизвѣстною, если она не прибѣгнетъ къ единственному источнику по этой части — къ англійскимъ такъ-называемымъ «синимъ книгамъ», отъ времени до времени представляемымъ министрами парламенту. Но эти сборники дипломатическихъ бумагъ обширны и доступны немногимъ. Едва ли кто-нибудь имѣлъ у насъ возможность прочесть и изучать ихъ съ такимъ вниманіемъ, какъ сдѣлалъ это профессоръ Мартенсъ, изложившій недавно въ особой брошюрѣ свои мысли объ относительномъ положеніи Россіи и Англіи въ Средней Азіи. Брошюра эта, первоначально явившаяся въ «*Revue du droit international et de législation comparée*», вышла теперь отдѣльно въ Гентѣ (Gand), и по многимъ причинамъ не должна пройти у насъ незамѣченною.

Мы не будемъ докучать почтенному автору вопросомъ, почему его трудъ не появился первоначально на русскомъ языкѣ, или, по крайней мѣрѣ, одновременно на языкахъ русскомъ и французскомъ. Французскій языкъ у насъ распространенъ, а авторъ, очевидно, имѣлъ преимущественно въ виду европейскую

публику, когда писалъ свой очеркъ переговоровъ между Россіей и Англіей по дѣламъ Средней Азіи. Въмѣсто запоздалаго упрека, мы предпочитаемъ извлечь изъ его интересной брошюры мало извѣстныя нашей публикѣ свѣдѣнія, и познакомить ее съ главнѣйшимъ выводомъ автора, выводомъ очень смѣльнымъ и, какъ намъ кажется, въ сущности очень вѣрнымъ.

Было бы совершенно напрасно становиться на точку зрѣнія абсолютной справедливости и вообще морали въ международномъ дѣлѣ, исключительно направляемомъ интересами тѣхъ державъ и тѣхъ лицъ, которыя въ немъ замѣшаны. Восхвалять русскую политику и систематически осуждать англійскую мы не станемъ уже потому, что дѣло совсѣмъ не въ восхваленіи или порицаніи. Мы не ощущаемъ также ни малѣйшаго желанія приписывать русскому народу небывалые виды на Индію или на Афганистанъ. Мы знаемъ, что въ нашемъ обществѣ раздаются отъ времени до времени фальшивые голоса въ этомъ смыслѣ, но считаемъ ихъ за праздные голоса людей, которые, не имѣя снѣжки въ рукахъ у себя дома, готовы навязать народу погоню за журавлемъ по всей Азіи. Если уважаемый авторъ «Россіи и Англіи въ Средней Азіи» и является въ своей брошюрѣ до нѣкоторой степени апологистомъ, это легко объясняется изданіемъ его труда въ Бельгій, на французскомъ языкѣ, и мы искренно благодарны ему уже за то, что онъ отнюдь не повинистъ. Осуждая дѣйствительно безцеремонную и назойливую политику Англіи съ точки зрѣнія справедливости и права, онъ въ то же время даетъ читателю обстоятельное фактическое обзорѣніе переговоровъ, вызванныхъ интересами Россіи и Англіи въ Средней Азіи. Мы и послѣдуемъ за нимъ въ этомъ обзорѣніи.

Когда, послѣ крымской войны, состоялась первая русская экспедиція противъ разбойничавшихъ киргизовъ и коканцевъ, удачные ея результаты были приняты съ величайшимъ недоумѣніемъ въ Англіи. Общественное мнѣніе и печать увидѣли въ этой экспедиціи первый шагъ въ исполненію цѣлаго плана завоеваній, долженствовавшихъ постепенно привести русскія войска въ Индію. Въ циркулярѣ 21 ноября 1864 года вн. Горчаковъ тогда же счелъ нужнымъ изложить задачи русской политики въ Средней Азіи. Основываясь на необходимости положить конецъ вторженіямъ и грабежамъ азіатовъ на границахъ Россіи, князь Горчаковъ объяснялъ въ этомъ циркулярѣ, что русскому правительству открывались три способа дѣйствія: или терпѣть подобный безпорядокъ, парализующій всякую безопасность и всякій прогрессъ, или обречь себя на дорогія и отдаленныя экспедиціи, не приво-

дѣянія ни къ какому практическому результату и которыя пришлось бы возобновлять постоянно, или, наконецъ, ступить на тотъ ничѣмъ не ограниченный путь завоеваній и вторженій, который привелъ Англію къ владычеству въ Индіи, и покорить одно за другимъ, силой оружія, мелкія независимыя государства, которыхъ хищническіе и безпокойные нравы и постоянныя возстанія не даютъ покоя ихъ сосѣдямъ. Но ни одинъ изъ этихъ способовъ не отвѣчалъ, по мнѣнію кн. Горчакова, той цѣли, которую имѣла въ виду русская политика и которая заключается не въ безмѣрномъ расширеніи русскихъ владѣній, а въ утвержденіи русскаго владычества на прочныхъ основаніяхъ, въ огражденіи его безопасности и въ развитіи общественнаго устройства, торговли, благосостоянія и цивилизаціи. Въ виду этихъ соображеній, циркуляръ ставилъ на видъ слѣдующія начала, которыхъ намѣрено держаться русское правительство относительно Средней Азіи:

«1. Признано необходимымъ, говорилось въ томъ же циркулярѣ, чтобы двѣ укрѣпленныя линіи нашихъ границъ, изъ которыхъ одна тянется отъ Китая до озера Иссык-Куля, а другая—отъ Аральскаго моря вдоль Сыръ-Дарьи, были связаны между собою укрѣпленными пунктами, дабы всѣ наши посты могли поддерживать другъ друга и не оставалось никакого промежутка, черезъ который кочевыя племена могли бы безнаказанно совершать свои вторженія и грабежи.

«2. Существенно важно, чтобы пополненная такимъ образомъ линія нашихъ передовыхъ фортовъ находилась въ странѣ достаточно плодородной не только для снабженія ихъ провіантомъ, но и для допущенія правильной колонизаціи, которая одна можетъ подготовить взятымъ землямъ прочную и счастливую будущность, привлекая сосѣднія населенія къ цивилизованной жизни.

«3. Необходимо, наконецъ, окончательно опредѣлить эту линію, чтобъ избѣгнуть опасныхъ и почти неизбежныхъ увлеченій, которыя могутъ повести, путемъ ограженій и возмездій, къ безграничному расширенію русскихъ владѣній».

Но этому заявленію не повѣрили въ Англіи. Оно также было принято за маску, подъ которой скрываются опасныя планы. А между тѣмъ, дальнѣйшія событія въ Средней Азіи дѣйствительно не отвѣчали смыслу русскаго циркуляра и какъ-бы подтверждали англійскія подозрѣнія. Россія не ограничилась завоеваніемъ Туркестана и взятіемъ города Чимкента. Новая экспедиція была предпринята въ началѣ слѣдующаго (1865) года противъ бухарскаго эмира, и городъ Ташкентъ былъ взятъ и

присоединенъ къ имперіи. Въ 1866 году возобновились военныя дѣйствія противъ того же эмира, державшаго въ тяжеломъ плѣну многихъ русскихъ офицеровъ, и противъ эмира коканскаго. Городъ Ходжентъ и часть коканскихъ владѣній также были присоединены къ Россіи и вошли въ составъ вновь учрежденной Туркестанской области, подчиненной особому генералъ-губернатору, пребывающему въ Ташкентѣ.

Въ Англіи увидѣли во всемъ этомъ вопіющее противорѣчіе съ торжественными увѣреніями недавняго русскаго циркуляра. Печать говорила, что не успѣли еще высохнуть чернила, которыми написанъ этотъ циркуляръ, какъ всѣ изложенныя въ немъ обѣщанія были уже нарушены и обращены въ мертвую букву. Впослѣдствіи англійскій посолъ въ Петербургѣ, сэръ-Андрю Боккененъ, доносилъ своему правительству, что князь Горчаковъ никогда не написалъ бы своего циркуляра (1864 г.), еслибъ онъ предвидѣлъ событія, такъ быстро за нимъ послѣдовавшія, что русскій канцлеръ энергически противился новому расширенію русскихъ владѣній въ Средней Азіи. Но оказалось, что Россія была вовлечена тогда въ новыя экспедиціи такими мѣстными условіями, которыя совсѣмъ не зависѣли отъ ея расчетовъ, и что новыя ея пріобрѣтенія, вынужденныя силою вещей, не только не принесли ей никакихъ прямыхъ выгодъ, но еще и наложили на нее новыя расходы и тягости. Крайняя уступчивость циркуляра 21-го ноября 1864 года оказалась непримѣнимою на практикѣ въ виду вызововъ разнаго рода, обращенныхъ къ Россіи независимыми средне-азиатскими ханствами, и сила вещей влекла Россію къ подчиненію этихъ ханствъ. Англійское правительство, несмотря на опасенія общества и печати, стояло сначала на этой точкѣ зрѣнія. Въ 1865 году, тогдашній министръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Россель, поручилъ англійскому повѣренному въ дѣлахъ въ Петербургѣ заявить русскому правительству, что онъ вполне убѣжденъ въ фантастичности всякихъ опасеній относительно завоеванія Россіей британскихъ владѣній въ Индіи; но для успокоенія возбужденныхъ въ Англіи страстей, онъ желалъ бы предотвратить возможные въ будущемъ недоразумѣнія, и предлагалъ русскому правительству обмѣняться дипломатическими нотами о взаимномъ положеніи Россіи и Англіи въ Средней Азіи. Это ловкое предложеніе, которымъ лордъ Россель, очевидно, надѣялся сдержать Россію на будущее время, было отклонено въ Петербургѣ. Князь Горчаковъ отвѣчалъ повѣренному въ дѣлахъ Англіи, что не видитъ надобности обмѣниваться предлагаемыми заявленіями, что, относясь къ дѣлу со

стороны практической, онъ не понимаетъ пользы подобнаго обмѣна. Россія, прибавилъ князь Горчаковъ, уже заявила своимъ намѣреніямъ относительно новыхъ ея приобретаній въ Средней Азій, и потому новое заявленіе въ томъ же родѣ было бы излишне. При всемъ томъ, въ виду опасеній англійскаго правительства, ему было вскорѣ повторено, что Россія не имѣетъ никакихъ честолюбивыхъ замысловъ въ Средней Азій, никакихъ затаенныхъ мыслей. Кн. Горчаковъ нѣсколько разъ возобновлялъ представителю Англіи увѣреніе въ томъ, что интересы торговли и необходимость оградить спокойствіе въ приобретенныхъ Россіей азіатскихъ владѣніяхъ останутся конечною цѣлью русской политики.

Насколько англійское правительство сочло себя удовлетвореннымъ этими заявленіями, видно изъ депеши министра остъ-индскихъ дѣлъ въ смѣнившемъ министерство лорда Росселя консервативномъ кабинетѣ, сэра Стаффорда Норскота, отъ 25 декабря 1867 года, на имя вице-короля Индіи. Давая послѣднему подробныя инструкціи объ отношеніяхъ Англіи въ Афганистану, сэръ Стаффордъ Норскотъ писалъ о русскихъ завоеваніяхъ въ Средней Азій: «Правительство ея величества не видитъ никакой причины къ опасеніямъ или соперничеству по этому поводу. Завоеванія, уже совершенныя Россіей, и тѣ, которыя она, повидимому, еще дѣлаетъ въ Средней Азій, представляются англійскому правительству естественнымъ послѣдствіемъ обстоятельствъ, въ какія она была поставлена, и не даютъ ни малѣйшаго повода къ замѣчаніямъ съ нашей стороны, вызываемымъ подозрѣніями и опасеніями».

Взятіе Самарканда и Бухары русскими войсками возбудило однакоже новыя всплывшия недовольства и опасеній въ Англіи, выразителемъ которыхъ явился авторитетный географъ и дипломатъ, сэръ Генри Раулинсонъ. Въ іюлѣ 1868 года онъ составилъ для англійскаго правительства записку, проникнутую глубокимъ недовѣріемъ въ намѣренія Россіи. Печать быстро распространила въ публикѣ его мнѣнія, изложенныя въ этой запискѣ, и г. Мартенсъ едва-ли ошибается, полагая, что она имѣла большое вліяніе на политику лорда Биконсфильда относительно Афганистана и Россіи. Основываясь на исторіи русскихъ завоеваній въ Средней Азій, сэръ Генри Раулинсонъ доказывалъ, что дни трехъ независимыхъ государствъ ея — Кокана, Бухары и Хивы — уже сочтены, что Россія непремѣнно хочетъ поставить свои аванпосты на Аму-Дарьѣ, что ея завоеванія въ Азій серьезно угрожаютъ Англіи. По словамъ ученаго автора записки, значительная часть англійской публики относилась сочувственно

къ успѣхамъ русскаго оружія, въ томъ предположеніи, что замѣна невѣжества, жестокости и анархіи фанатическихъ узбековъ порядкомъ, цивилизаціей и христіанскимъ правительствомъ можетъ быть только выгодна для Англіи. Многіе англичане заранѣе радовались будущему развитію торговыхъ сношеній съ Средней Азіей. Но эта точка зрѣнія совсѣмъ упускала изъ виду политическія соображенія. Въ Россіи, по мнѣнію Раулинсона, общественное мнѣніе обнаруживаетъ гораздо больше предусмотрительности и политическаго смысла, чѣмъ большинство публики въ Англіи и въ Индіи. Русская печать, утверждаетъ онъ, единогласно рѣшила, что успѣхи русскихъ войскъ должны быть если не опасны, то очень непріятны для Англіи. Англійское владѣтельство въ Индіи еще не прочно настолько, чтобы можно было не опасаться внѣшняго нападенія. Покореніе Бухары должно доставить русскому вліянію преобладаніе въ Кабулѣ, а между тѣмъ Афганистанъ представляетъ совершенно исключительную важность для Индіи. Англія ни въ какомъ случаѣ не можетъ оставаться равнодушной къ усиленію русскаго вліянія въ Афганистанѣ, гдѣ должна исключительно преобладать воля англійскаго правительства. Не одобряя политики тогдашняго вице-короля Остѣ-Индіи, сэра Джона Лауренса, которая считалась бездѣятельною, и находя нужнымъ учредить на сѣверо-западныхъ границахъ Индіи сильное и дружественное государство, онъ настаивалъ на необходимости подчинить Афганистанъ вліянію Англіи, не жалѣя для этой цѣли никакихъ расходовъ, потому что они, во всякомъ случаѣ, будутъ ничтожны въ сравненіи съ тѣми, какихъ могутъ потребовать впослѣдствіи дальнѣйшее расширеніе Россіи и усиленіе русскаго вліянія въ тѣхъ мѣстахъ. Россія, говорилъ онъ, уже обнаружила свои планы. «Слѣдя по картѣ за поступательнымъ движеніемъ русскихъ въ Средней Азіи, нельзя не поразиться сходствомъ этого движенія съ военными дѣйствіями, открывающими параллели противъ осаждаемой крѣпости. Первая параллель была заложена двадцать лѣтъ тому назадъ на пространствѣ отъ Каспійскаго моря, черезъ Оренбургъ и сибирскія степи, къ Иртышу. Это была обсерваціонная линія. Вторая линія, демонстраціонная, будетъ проведена отъ Каспійскаго моря черезъ Красноводскъ на Аму-Дарью, южнѣе Хивы, и по теченію Аму-Дарьи до Памирской равнины. Наконецъ, третья параллель пройдетъ отъ города Астрабада къ персидской границѣ до Герата и оттуда къ Аму-Дарьѣ, или черезъ Кандагаръ до Кабула. Тогда занятіе Мерва будетъ неминуемо; оно доставитъ Россіи и влѣчетъ къ Индіи, и положеніе ея сдѣлается грознымъ.

Раулинсонъ заклиналъ англійское правительство своевременно принять мѣры противъ катастрофы, которая будетъ тѣмъ ужаснѣе для Англіи, что послѣдняя не пользуется расположеніемъ подвластныхъ ей народовъ. Онъ совѣтовалъ занять городъ Кветту, принадлежащій кабульскому эмиру, пополнить и развить сообщенія на афганскихъ границахъ, которыхъ стратегическое значеніе несомнѣнно. Для бѣльшей безопасности своихъ остъиндскихъ владѣній, англійское правительство обязано, по его мнѣнію, занять преобладающее положеніе и при тегеранскомъ дворѣ и освободить Персію отъ русскаго ига.

Почти всѣ эти мысли и предложенія, высказанныя Раулинсономъ одиннадцать лѣтъ тому назадъ, болѣе или менѣе приведены теперь въ исполненіе кабинетомъ лорда Биконсфильда. Городъ Кветта занятъ англійскими войсками безъ войны; недавняя война съ Афганистаномъ окончена установленіемъ новыхъ границъ между Индіей и этою страной и допущеніемъ англійскаго посольства въ Кабуль. Первая попытка воспользоваться этимъ послѣднимъ правомъ окончилась, какъ извѣстно, неудачей и трагической гибелью лицъ, составлявшихъ посольство; но за этой попыткой, конечно, послѣдуетъ другая и — если будетъ нужно — третья, поддержанная англійскою арміею, и окончательный исходъ борьбы едва ли можетъ быть сомнителенъ.

Но прежде этихъ, еще очень недавнихъ событій, Англія была сильно встревожена расширеніемъ русскаго владычества въ Средней Азіи и пыталась положить ему предѣлъ. Съ 1869 года между Россіей и Англіей происходили дѣятельные переговоры по средне-азиатскимъ дѣламъ. Сначала, какъ это всегда бываетъ, думали избѣжать опасныхъ столкновеній искусственными мѣрами и дипломатическими ухищреніями. Въ 1869 году лордъ Кларендонъ обратился къ русскому послу въ Лондонѣ, барону Брунову, съ вопросомъ: какъ успокоить общественное мнѣніе въ Англіи и предотвратить осложненія между двумя правительствами? Лордъ Кларендонъ полагалъ, что установленіе нейтральной полосы между владѣніями Россіи и Англіи могло бы служить наилучшимъ средствомъ противъ столкновенія между ними. Русское правительство одобрило это предложеніе, и князь Горчаковъ уполномочилъ барона Брунова повторить англійскому правительству положительное увѣреніе, что Россія считаетъ Афганистанъ лежащимъ внѣ сферы русскаго вліянія, и что ничего похожаго на вмѣшательство, противное независимости этого государства, совсѣмъ не входитъ въ его намѣренія. Лордъ Кларендонъ былъ, повидимому, удовлетворенъ этимъ увѣреніемъ, но

поручилъ англійскому повѣренному въ дѣлахъ въ Петербургѣ заявить русскому правительству, что лондонскій кабинетъ не можетъ признать Афганистанъ нейтральною землею, потому что онъ не удовлетворяетъ необходимымъ для того условіямъ, и предложить Аму-Дарью, южнѣе Бухары, — чертою, отдѣляющею владѣнія обѣихъ державъ. Цѣль этого предложенія понятна: оно оставляло Афганистанъ въ полномъ распоряженіи Англіи, дѣлая хивинское ханство нейтральною землею. Оно и не было принято Россіей. Баронъ Брунновъ отвѣчалъ лорду Кларендону, что Хива находится на югѣ отъ Аму-Дарьи, что Россія не можетъ признать ее нейтральною территоріей, такъ какъ въ подобномъ случаѣ хивинскій ханъ, не опасаясь болѣе Россіи, могъ бы безнаказанно продолжать свои вторженія въ русскія области.

Въ сентябрѣ 1869 года вопросъ этотъ оставался еще нерѣшеннымъ, когда состоялось свиданіе между княземъ Горчаковымъ и лордомъ Кларендономъ въ Гейдельбергѣ. Англійскій министръ вновь настаивалъ на необходимости создать нейтральную территорію между владѣніями обѣихъ державъ въ средней Азій. «Собственный опытъ Англіи, — говорилъ лордъ Кларендонъ, — убѣдилъ англійское правительство, какъ трудно контролировать дѣйствія генераловъ, честолюбіе которыхъ не знаетъ границъ. Русское правительство можетъ быть поставлено въ такое же положеніе, и тогда столкновение между Россіей и Англіей будетъ неизбежно». Князь Горчаковъ вполне одобрилъ замѣчанія лорда Кларендона относительно безмѣрнаго честолюбія генераловъ и упомянулъ особо о генералѣ Черняевѣ; но, прибавилъ онъ, нѣтъ никакихъ причинъ опасаться чего-либо отъ генерала Кауфмана, вновь назначеннаго туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ. Лордъ Кларендонъ перешелъ затѣмъ въ вопросу о линіи разграниченія между владѣніями Россіи и Англіи, и опять настаивалъ на линіи вдоль лѣваго берега Аму-Дарьи. Князь Горчаковъ опять отклонилъ эту линію, такъ какъ владѣнія бухарскаго эмира находятся и по ту сторону этой рѣки, а его ханство должно оставаться подъ вліяніемъ Россіи, и настаивалъ на признаніи Афганистана нейтральною территоріей. Собесѣдникъ его находилъ, что границы Афганистана не достаточно опредѣлены, что, поѣтому, возможны столкновения между нимъ и другими ханствами Средней Азій, а такіа столкновения могутъ имѣть прискорбныя осложняющія послѣдствія.

Свиданіе это, повидимому, не имѣло практическаго результата. Соглашеніе между Россіей и Англіей относительно нейтральной полосы состоялось не въ Гейдельбергѣ, а въ Петер-

Бургѣ, въ концѣ 1869 года, при посредствѣ Дугласа Форсайта, присланнаго вице-королемъ Остѣ-Индіи, лордомъ Мейо, для дальнѣйшихъ переговоровъ съ русскимъ правительствомъ. Приводимъ результаты этихъ переговоровъ въ томъ видѣ, въ какомъ они были изложены впослѣдствіи въ одной русской запискѣ, сообщенной англійскому правительству:

«1. Оба правительства воодушевлены одинаковымъ желаніемъ предотвратить, насколько это отъ нихъ зависитъ, всѣ поводы къ недоразумѣніямъ, которыя могли бы возникнуть вслѣдствіе недостаточной политической организаціи независимыхъ государствъ, извѣстныхъ въ географіи подъ собирательными названіями Афганистана и свободного Туркестана.

«2. Само собой разумѣется, что если доселѣ Англійи и Россіи случалось предпринимать военныя экспедиціи въ ту или другую часть Средней Азіи и присоединять къ своимъ владѣніямъ новыя области, то этотъ образъ дѣйствій ихъ вызывался силою мѣстныхъ обстоятельствъ и безусловною невозможностью поступить иначе.

«3. Такъ какъ при настоящемъ положеніи дѣлъ русскія и англійскія границы въ Средней Азіи не могутъ быть признаны неизмѣнными, то международное соглашеніе по этому предмету осталось бы безъ послѣдствій, и для достиженія удовлетворительнаго результата было бы всего лучше ограничиться возможнымъ опредѣленіемъ общихъ основаній политическаго равновѣсія для земель, отдѣляющихъ русскія владѣнія отъ англійскихъ въ Азіи.

«Вслѣдствіе этого условлено:

«1. Что земли, нынѣ состоящія въ дѣйствительномъ владѣніи Ширъ-Али-хана, будутъ признаваемы границами Афганистана.

«2. Что этотъ эмиръ будетъ воздерживаться отъ всякаго вліянія или вмѣшательства за чертою этихъ границъ, и что англійское правительство постарается отклонять его отъ всякой наступательной попытки.

«3. Что русское правительство, съ своей стороны, уотребить все свое вліяніе, чтобы воспрепятствовать всякому посягательству бухарскаго эмира на афганскую территорію.

«Эти начала, — прибавляетъ русская дипломатическая записка, — были вполне одобрены лондонскимъ кабинетомъ и генералъ-губернаторомъ Остѣ-Индіи».

Между тѣмъ переговоры съ Дугласомъ Форсайтомъ вызвали впослѣдствіи, со стороны индійскаго министерства Дирвалаи, протестъ англійскаго правительства. Въ 1875 году оно сообщило

с.-петербургскому кабинету меморандумъ (приложенный въ депешѣ лорда Дерби отъ 25-го октября 1876 года), по которому Форсайтъ не былъ уполномоченъ ни на возобновленіе переговоровъ о нейтральной полосѣ, ни на признаніе Афганистана такою нейтральною территоріей. Не имѣя въ своемъ распоряженіи другихъ дипломатическихъ бумагъ, кромѣ обнародованныхъ англійскимъ правительствомъ, г-нъ Мартенсъ отказывается рѣшить этотъ вопросъ. Но въ самомъ донесеніи Форсайта, отъ 2-го ноября 1869 года, упомянуто, что «князь Горчаковъ исполнѣ присоединяется къ мнѣнію лорда Мейо относительно признанной «недопустимою» посылки какихъ-нибудь офицеровъ, англійскихъ или русскихъ, въ Афганистанъ». Посылая въ Лондонъ, 2 ноября 1869, докладъ Форсайта о происходившихъ въ Петербургѣ переговорахъ, англійскій посолъ сообщалъ въ своей депешѣ, что онъ предварительно просилъ князя Горчакова прочесть этотъ докладъ и сказать, вѣрно ли переданы въ немъ мнѣнія русскаго правительства. Канцлеръ имперіи прочелъ вслухъ письмо Форсайта и нашелъ, что оно вѣрно передаетъ то, что было сказано во время переговоровъ, а слѣдовательно, и свидѣтельство Форсайта относительно посылки офицеровъ въ Кабуль. Между тѣмъ англійскій посолъ, въ своей принискѣ къ вышеупомянутой депешѣ на имя лорда Кларендона, сообщалъ, что князь Горчаковъ не видитъ препятствій къ посѣщенію Кабула англійскими офицерами, «хотя онъ (князь) и условился съ лордомъ Мейо, что русскіе офицеры не должны этого дѣлать». Г-нъ Мартенсъ полагаетъ, что докладъ Форсайта, просмотрѣнный самимъ княземъ Горчаковымъ, представляетъ собою болѣе убѣдительное свидѣтельство, чѣмъ приписка англійскаго посла, особенно въ виду содержанія дальнѣйшихъ переговоровъ между Россіей и Англіей по дѣламъ Средней Азии. Не оспаривая этого соображенія автора, мы думаемъ однако же, что если по второму пункту соглашенія съ Форсайтомъ англійское правительство обязывалось отклонять афганскаго эмира отъ всякой наступательной попытки противъ сосѣднихъ государствъ Средней Азии, то оно не могло не имѣть для этого прямыхъ и постоянныхъ сношеній съ Афганистаномъ.

Но еще до этого протеста Англіи противъ переговоровъ съ Форсайтомъ, въ май 1870 года, англійскій посолъ сообщилъ русскому правительству депешу лорда Мейо, который, основываясь на состоявшемся соглашеніи, предлагалъ опредѣлить границы владѣній афганистанскаго эмира на основаніи свѣдѣній, собранныхъ остъ-индскимъ правительствомъ. По мнѣнію лорда Мейо, всѣ области, которыми въ то время владѣлъ Ширъ-Али, должны

быть признаны афганскою территоріей. Въ виду того, что владѣнія Ширъ-Али на сѣверѣ и сѣверо-западѣ, «повидимому, почти совпадаютъ» съ владѣніями его отца, Достъ-Магометь-хана, генераль-губернаторъ Остъ-Индіи полагалъ, что границы Достъ-Магометова царства могутъ вообще быть приняты за границы, отдѣляющія Афганистанъ отъ другихъ сѣверныхъ и сѣверо-западныхъ государствъ Средней Азіи. Русское правительство, напротивъ, имѣло въ виду лишь границы современныхъ владѣній Ширъ-Али; но, прежде чѣмъ дать Англіи окончательный отвѣтъ, оно наило нужнымъ получить отъ туркестанскаго генераль-губернатора обстоятельныя свѣдѣнія о тѣхъ малозвѣстныхъ странахъ, о которыхъ шли переговоры. По этимъ свѣдѣніямъ, Аму-Дарья дѣйствительно составляетъ границу Афганистана, начиная съ своего притока Кухты до Ходжа-Салѣ. На сѣверо-востокѣ, границу земель, неоспоримо состоящихъ подъ верховною властью Ширъ-Али, составляетъ сліяніе Аму-Дарьи съ Кухтой. За этимъ предѣломъ, верховная власть афганскаго эмира уже не существуетъ. Такъ, области Бадакшанъ и Вакшанъ совсѣмъ не подчинены эмиру. Поэтому русское правительство настаивало на признаніи этихъ областей независимыми и, слѣдовательно, лежащими внѣ границъ афганскихъ владѣній. Англія, напротивъ, доказывала на основаніи свѣдѣній, собранныхъ остъ-индскимъ генераль-губернаторомъ, что Бадакшанъ и Вакшанъ всегда принадлежали кабульскому эмиру и нынѣ еще признаютъ надъ собой его власть. Въ виду такого несогласнаго разномыслія, одной изъ сторонъ приходилось уступить. Въ своей депешѣ отъ 17 октября 1872 года лордъ Кларендонъ предложилъ Россіи покончить этотъ безконечный споръ признаніемъ Бадакшана и Вакшана за составныя части афганской территоріи, и предложеніе это было принято въ Петербургѣ. Депешей отъ 12-го января 1873 года, князь Горчаковъ сообщилъ лондонскому кабинету о согласіи русскаго правительства на присоединеніе Бадакшана и Вакшана къ Афганистану и на признаніе независимости Афганистана въ дѣлахъ внѣшнихъ и внутреннихъ.

Первоначальная мысль объ учрежденіи такой нейтральной полосы въ Средней Азіи, которая навсегда отдѣляла бы русскія владѣнія отъ англійскихъ, предотвращая столкновенія между Англіей и Россіей, была такимъ образомъ оставлена, и расширенный Афганистанъ съ тою же цѣлью признанъ государствомъ, раздѣляющимъ англійскія и русскія владѣнія.

Разумѣется, существованіе такого государства достигало бы предположенной цѣли въ томъ только случаѣ, еслибъ это госу-

дарство было искренно и торжественно признано нейтральнымъ. Но, сколько можно судить по обнародованной въ Англіи дипломатической перепискѣ, Англія не относилась серьезно къ нейтралитету Афганистана, да и Россія относилась эту страну къ району англійскаго вліянія и точно также имѣла въ виду возможность подчиненія его этому вліянію, какъ и подчиненіе другихъ ханствъ Средней Азіи вліянію Россіи. При всей неясности и сбивчивости наличныхъ дипломатическихъ источниковъ, эта мысль проходитъ красною ниткой въ наложенныхъ нами переговорахъ между Россіей и Англіей по дѣламъ Средней Азіи, и никакія дипломатическія тонкости и натяжки не заслоняютъ ее отъ сколько-нибудь проникательнаго взгляда. Намъ кажется, потому, что г. Мартенсъ придаетъ слишкомъ большое значеніе этимъ тонкостямъ и натяжкамъ, полагая, что недавній походъ Англіи въ Афганистанъ и договоръ ея съ преемникомъ Ширъ-Али, подчинившій эту страну англійскому вліянію, обратилъ въ мертвую букву соглашеніе 1873 года между Англіей и Россіей. Соглашеніе это было недостаточно во многихъ отношеніяхъ, оно далеко не исчерпывало предмета, не выясняло его со всѣхъ сторонъ, и оставляло слишкомъ много простора заднимъ мыслямъ и уклончивости, чтобы держаться долго и имѣть серьезное практическое значеніе.

Въ томъ же году была предпринята Россіей хивинская экспедиція, блистательно окончившаяся подчиненіемъ ханства русскому вліянію. Разумѣется, эта экспедиція и въ особенности ея результаты надѣлали много шума въ Англіи, гдѣ въ нихъ увидѣли прямое нарушеніе данныхъ обещаній, какъ-будто объ отвесеніи Хивы къ району русскаго вліянія не было и рѣчи въ прежнихъ переговорахъ между правительствами англійскимъ и русскимъ, какъ-будто Россія давала обещаніе не касаться хивинскаго ханства даже и въ томъ случаѣ, когда она будетъ вливана на это державнымъ образомъ дѣйствій хивинскаго хана. Когда рѣшена была хивинская экспедиція, англійское правительство выказало величайшее безпокойство по этому поводу. Чтобы успокоить его, графъ Шуваловъ былъ посланъ въ Лондонъ въ началѣ 1873 г. Онъ объявилъ лорду Гренвиллю, что Россія не только не желаетъ завладѣть Хивой, но что даны положительные приказанія для предотвращенія этого случая и посланы инструкціи о томъ, чтобы условія будущаго мира не допускали продолжительнаго занятія города Хивы. Несмотря на эти усновительныя заявленія, договоръ съ хивинскимъ эмиромъ сильно раздражилъ общественное мнѣніе въ Англіи. Въ депешѣ отъ 7-го января 1874 года,

лордъ Гренвилль поручилъ англійскому послу въ Петербургѣ обратить вниманіе русскаго правительства на опасность, угрожающую сердечному согласію обонхъ правительствъ по поводу новаго положенія дѣлъ, созданнаго завоеваніемъ Хивы. Лордъ Гренвилль говорилъ въ этой депешѣ, что, по его мнѣнію, было бы не практично приступить къ подробному обсужденію вопроса о томъ, соотвѣствуютъ-ли условія мира съ хивинскимъ ханомъ увѣреніямъ графа Шувалова; но онъ считалъ себя обязаннымъ передать русскому правительству опасенія, возбужденныя въ Афганистанѣ и въ Индіи распространившимися слухами о предстоящей русской экспедиціи противъ Мерва и тамошнихъ дикихъ племенъ. Лордъ Гренвилль предусматривалъ, что въ такомъ случаѣ эти племена могутъ быть вынуждены искать убѣжища на афганской территоріи, въ Гератской области, и тогда столкновеніе между Ширъ-Али и Россіей почти неизбежно. Въ виду возможности такого оборота дѣлъ, англійское правительство высказывало устами лорда Гренвилля надежду, что Россія серьезно приметъ къ свѣдѣнію опасности, вытекающія изъ подобной экспедиціи, и желаніе установить разъ навсегда, что независимость Афганистана составляетъ условіе, въ высшей степени важное для благосостоянія и безопасности англійскихъ владѣній въ Индіи и для спокойствія Азии. Въ своемъ отвѣтѣ на эту депешу, писанномъ 21 января 1874 года, вн. Горчаковъ снова заявилъ, что русское правительство считаетъ Афганистанъ лежащимъ совершенно внѣ сферы его вліянія и дѣйствій. Но такъ какъ Мервъ находится за признанными границами Афганистана, то князь Горчаковъ не находилъ никакого правильнаго основанія притязанію англійскаго правительства — являться привилегированнымъ покровителемъ этого селенія, доселѣ служившаго прибѣжищемъ разбойническаго племени туркмановъ. Русскій вандлеръ прибавилъ, что отъ этого племени вполне зависитъ жить въ согласіи съ Россіей, но если оно позволитъ себѣ вызывающія или разбойничьи дѣйствія противъ русскихъ, то Россія по необходимости придется наказать его.

Воворѣ послѣ этой депешы, въ Англіи перемѣнилось министерство. Во главѣ кабинета сталъ Дизраэли, съ личностью и дѣятельностью котораго «Вѣстникъ Европы» недавно познакомилъ своихъ читателей. Лордъ Дерби былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ въ новомъ министерствѣ, лордъ Сольсбери — министромъ оств-индскихъ дѣлъ. Съ этого времени совершенно измѣнился характеръ англійской политики на всемъ Востокѣ. Все, что только можно было сдѣлать противъ Россіи и русскаго влія-

нія въ Турціи и Средней Азіи, было сдѣлано Англіею съ 1875 года. По средне-азиатскому вопросу, послѣ заявленія князя Горчакова о полной свободѣ дѣйствій Россіи относительно Мерва, лондонскій кабинетъ, въ теченіи четырехъ лѣтъ, безпрестанно дѣлалъ русскому правительству запросы о томъ, намѣрено-ли оно предпринять экспедицію противъ этого селенія. «Вице-король Остѣ-Индіи и правительство метрополи, — говоритъ г. Мартенсъ, — выказывали трогательную заботливость объ этой, отнынѣ знаменитой, мѣстности. Герцогъ Аргайлъ свидѣтельствуетъ, что въ Англіи любовь къ Мерву стала общою и глубокою страстью, и что отнынѣ подъ словомъ *mervomansness* надо разумѣть очень прочную привязанность къ чему или къ кому-нибудь» ¹⁾. Вотъ какъ характеризуетъ Мервъ тотъ же герцогъ Аргайлъ:

«Это — жалкое селеніе или по болѣшей мѣрѣ несчастный городишко, состоящій изъ мазановъ и ничѣмъ не защищенный, или защищенный только стѣнами грязи (*mad walls*). Это — разбойничье гнѣздо».

Въ своей знаменитой запискѣ, Раулинсонъ утверждалъ, что если Мервъ попадетъ въ руки Россіи, то ей будетъ открыта дорога въ Индію, и не будетъ уже возможности остановить движеніе русскихъ войскъ на Гератъ. Герцогъ Аргайлъ отвѣчаетъ на это мнѣніе, что двинуться на Мервъ совсѣмъ не то, что собрать тамъ армію для взятія Герата, который самъ Раулинсонъ признаетъ сильной крѣпостью. Но англійское правительство не раздѣляетъ мнѣнія герцога Аргайла: оно настаиваетъ на нейтралитетѣ или неприкосновенности Мерва, и не перестаетъ протестовать противъ движенія русскихъ войскъ въ этому пункту.

Въ 1875 году русское министерство иностранныхъ дѣлъ нашло нужнымъ подробно изложить въ особой запискѣ весь ходъ дипломатическихъ переговоровъ по средне-азиатскому вопросу. Записка эта, помѣченная 17-мъ апрѣля 1875 года, была сообщена лондонскому кабинету при депешѣ князя Горчакова. Г-нъ Мартенсъ приводитъ заключенія этой записки, не лишенныя интереса для нашихъ читателей:

«Изъ того, что мы неоднократно сообщали лондонскому кабинету, по собственному побужденію и дружественно, наши виды относительно Средней Азіи, и въ особенности наше твердое намѣреніе не слѣдовать тамъ политикѣ завоеваній и присоединеній, лондонскій кабинетъ, повидному, заключаетъ, что мы приняли на себя по отношенію къ нему какія-либо опредѣленные

¹⁾ The Eastern Question, т. II, стр. 370.

обязательства въ этомъ смыслѣ. Изъ того, что событія вынудили насъ, противъ воли, до извѣстной степени отступить отъ этой программы, лондонскій кабинетъ, повидимому, полагаетъ, что русское правительство не исполнило своихъ формальныхъ обѣщаній.

«Эти выводы не согласны ни съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ, ни съ духомъ и буквой соглашеній, состоявшихся между обоими правительствами.

«Всегда подразумѣвалось, что оба они вполнѣ сохраняютъ свободу дѣйствій и оцѣнки обстоятельствъ относительно тѣхъ мѣръ, которыя вынуждаются ихъ собственной безопасностью.

«На этихъ основаніяхъ происходили совѣщанія съ г. Форсайтомъ, и было признано, что такъ какъ, при данномъ положеніи дѣлъ, границы русскихъ и англійскихъ владѣній въ Средней Азіи не могутъ считаться неизмѣнными, то международное соглашеніе по этому предмету осталось бы безъ послѣдствій».

Въ числѣ основаній, на которыхъ состоялось соглашеніе между правительствами русскимъ и англійскимъ, та же записка приводила слѣдующія:

«1) Антагонизмъ между обоими правительствами въ тѣхъ краяхъ былъ бы противенъ ихъ взаимнымъ интересамъ и той цивилизующей роли, къ которой они призваны каждое въ сферѣ своего естественнаго вліянія.

«2) Въ этихъ видахъ желательно сохраненіе между ними промежуточной полосы, предохраняющей ихъ отъ непосредственнаго столкновенія.

«3) Такую полосу составляетъ Афганистанъ, если его независимость будетъ ограждена отъ всякаго посягательства съ той и другой стороны».

Англійское правительство нашло нужнымъ исправить нѣкоторыя выраженія дипломатической записки, сообщенной ему русскимъ посломъ. Оно заявило, что понимало иначе переговоры о границахъ Афганистана и промежуточной полосѣ; оно приписывало величайшую важность тому, чтобы за нимъ была признана полная свобода дѣйствій относительно Афганистана во всѣхъ обстоятельствахъ и случаяхъ. Въ виду особеннаго значенія этой страны для англійскихъ владѣній въ Индіи, оно не желаетъ занятія Мерва русскими войсками. Эта мѣра неизбежно вызоветъ опасенія Ширъ-Али и, въ случаѣ вышательства съ его стороны, столкновеніе между Россіей и Афганистаномъ будетъ неминуемо, а англійское правительство жаждетъ всѣми средствами предотвратить такое событіе. Въ заключеніе своей депеши, лордъ Дерби

благодарилъ князя Горчакова за высказанное имъ увѣреніе, что русское правительство отнюдь не желаетъ расширять предѣлы своей территоріи ни со стороны Бухары, ни со стороны Красноводска и рѣки Атрека. Огвѣчая на эти заявленія депешей на имя графа Шувалова, въ февралѣ 1876 года, князь Горчаковъ повторилъ, что русское правительство, придерживаясь прежнихъ соглашеній съ Англіей относительно границъ Афганистана, который долженъ оставаться внѣ сферы русскаго вліянія, считаетъ поконченными прежніе переговоры о промежуточной полосѣ, какъ признанные съ обѣихъ сторонъ непрактичными; что оба правительства, сохраняя за собой полную свободу дѣйствій, будутъ временно сообразоваться каждое съ интересами и необходимостями другого, и по возможности избѣгать прямого столкновенія, а также и столкновеній между азіатскими государствами, состоящими въ районѣ ихъ вліянія.

Въ томъ же году Россія окончательно присоединила Коканское ханство подъ именемъ Ферганской области, и возбудила восточный вопросъ въ Европѣ. Съ своей стороны, англійское правительство отвергло знаменитый берлинскій меморандумъ и въ тайнѣ приступило къ попыткамъ подчинить Афганистанъ своему исключительному вліянію. Въ Индію былъ назначенъ новый вице-король, лордъ Литтонъ, пользующійся полнымъ довѣріемъ главы англійскаго министерства. Лордъ Литтонъ занялъ Кветту и открылъ переговоры съ покойнымъ Ширъ-Али, которые, какъ извѣстно, побудили его искать союза съ Россіей и принять русское посольство въ Кабулѣ. Опасаясь, что допущеніе англійскаго агента въ Кабулъ положитъ начало полной зависимости Афганистана отъ Англіи, и отлично зная, что всякая попытка Россіи водворить свое вліяніе въ Афганистанѣ вызвала бы самое серьезное противодѣйствіе Англіи и что съ этой стороны онъ можетъ считать себя болѣе или менѣе безопаснымъ, Ширъ-Али въ то же время отказался принять англійское посольство. Враждебная Россіи англійская политика въ Турціи заставляла Россію предвидѣть возможность близкаго столкновенія съ Англіей, а въ случаѣ такого столкновенія, Ширъ-Али являлся союзникомъ, которымъ пренебрегать не слѣдовало. По мнѣнію герцога Аргайля, раздѣляемому и г. Мартенсомъ, переговоры Англіи съ Ширъ-Али и послѣдшій разрывъ съ нимъ доказываютъ, что лордъ Литтонъ хотѣлъ заставить Ширъ-Али броситься въ объятія Россіи, чтобъ имѣть необходимый предлогъ къ войнѣ съ Афганистаномъ. Но это едва ли могло быть такъ. Въ предлогахъ къ войнѣ не оказалось бы недостатка, еслибъ война съ Афганистаномъ была тогда же рѣшена

Англійей; хотя прежніе договоры ея съ Афганистаномъ формально освобождали эту страну отъ присутствія англійскихъ агентовъ, Англія все-таки могла настаивать на своемъ требованіи и принять отказъ эмира за объявленіе войны. Напротивъ, трудно предполагать, чтобъ англійское правительство, предвидя войну съ Россіей въ Европѣ, желало имѣть противъ себя въ Азіи не одну только Россію, но и ближайшаго сосѣда Индіи — афганскаго эмира. Въ такой войнѣ союзъ съ эмиромъ былъ для нея слишкомъ важенъ, и она, конечно, надѣялась добиться его, увѣряя эмира, какъ дѣлалъ это лордъ Литтонъ, что если эмиръ не желаетъ поспѣшить соглашеніемъ съ Англіей, то соглашенія желаетъ Россія въ ущербъ эмиру. Къ тому же, въ Петербургѣ было извѣстно, что два англійскихъ капитана, Ботлеръ и Напиръ, путешествуютъ между туркоманами и другими тамошними племенами, побуждая ихъ къ вторженію въ русскія владѣнія. Само англійское правительство созналось въ обнародованной имъ дипломатической перепискѣ, что оно позволило одному турецкому эмиссару пробѣжать черезъ Индію и Афганистанъ въ другія мусульманскія страны Средней Азіи, съ цѣлью поднять противъ Россіи мусульманское населеніе. Въ виду всего этого, союзъ съ Афганистаномъ долженъ былъ представляться ему гораздо болѣе выгоднымъ, чѣмъ война съ этою страной, поддержанной союзомъ съ Россіей.

Дальнѣйшія событія въ Афганистанѣ еще свѣжи въ общей памяти. Послѣ берлинскаго мира, русское посольство, отправленное передъ тѣмъ въ Кабулъ въ виду возможности полнаго разрыва съ Англіей, было отозвано, англійскія войска открыли военныя дѣйствія, результатомъ которыхъ былъ договоръ съ новымъ афганскимъ эмиромъ, поставившій эту страну въ зависимость отъ Англіи. Но русской публикѣ неизвѣстно, что въ концѣ прошлаго года Россія обратилась къ Англіи съ вопросомъ, признаетъ ли она дѣйствительными прежнія обязательства, существовавшія между нею и Россіей. Маркизъ Сольсбери отвѣчалъ на это графу Шувалову, что англійское правительство готово восстановить отношенія на основаніи актовъ 1875 года и предшествовавшихъ лѣтъ; но, по его мнѣнію, ни русская записка 1875 года, ни англійскій отвѣтъ на нее не содержатъ въ себѣ формальнаго обязательства о сохраненіи независимости Афганистана. Графъ Шуваловъ былъ, повидимому, противоположнаго мнѣнія; однако, лордъ Сольсбери увѣдомилъ русскаго посла нѣкой отъ 19 декабря 1878 года, что, по отзываніи русскаго посольства изъ Кабула, англійское правительство считаетъ всѣ взаим-

ныя обязательства относительно Средней Азіи восстановленными и вновь получившими обязательную силу.

Между тѣмъ, отношенія Англіи къ Афганистану совершенно измѣнились вслѣдствіе недавняго мира, и должны измѣниться еще больше послѣ катастрофы, жертвой которой было въ послѣднее время первое англійское посольство въ Кабулъ. О нейтралитетѣ или полной независимости Афганистана теперь уже не можетъ быть практической рѣчи точно такъ же, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ не могло быть рѣчи о нейтралитетѣ или независимости Хивы или Кована. Г-нъ Мартенсъ находитъ, поэтому, что новое соглашеніе между Россіей и Англіей теперь безусловно необходимо.

Мы не будемъ оспаривать это мнѣніе уважаемаго профессора. Соглашеніе между державами, которыхъ интересы сталкиваются болѣе или менѣе непріязненно, всегда полезно и желательно во избѣжаніе ужасовъ и невзгодъ войны. Но намъ кажется, что авторъ вообще придаетъ формальнымъ соглашеніямъ и тѣмъ словамъ, въ которыя они облечены, слишкомъ преувеличенную важность. Его собственная брошюра доказываетъ это какъ нельзя лучше. Переговоры и соглашенія между Россіей и Англіей по дѣламъ Средней Азіи было не мало въ теченіи послѣднихъ десяти лѣтъ, но они нисколько не помѣшали непріязненнымъ отношеніямъ между ними и породили гораздо больше недоразумѣній и дипломатическихъ уловокъ, чѣмъ практической пользы. Только сила вещей, только ясно сознаанные интересы могутъ положить конецъ на будущее время тому нескончаемому и безплодному препирательству, которое поддерживаетъ шовинистскіе инстинкты въ русскомъ и англійскомъ обществѣ. Русское общество должно же, наконецъ, заняться серьезно своими ближайшими, внутренними интересами. Ни Афганистанъ, ни Индія не нужны Россіи, необъятное пространство которой не оставляетъ желать ничего большаго въ этомъ отношеніи. Почтенный авторъ, повидимому, вполне раздѣляетъ это мнѣніе; но, издавая свою брошюру за границей, имѣя въ виду преимущественно западную публику вообще, и англійскую въ особенности, придаетъ много важности вещамъ, болѣе или менѣе безразличнымъ для современной Россіи. Тѣмъ не менѣе основная мысль его брошюры существенно полезна и для русскаго общества.

Вотъ эта мысль въ немногихъ словахъ.

Г-нъ Мартенсъ находитъ совершенно ложною самую точку отправленія переговоровъ между Англіей и Россіей по дѣламъ Средней Азіи. Цѣлью ихъ постоянно было предотвратить прямое

соприкосновеніе русскихъ владѣній съ англійскими, такъ какъ въ случаѣ такого соприкосновенія открытая борьба между Россіей и Англіей будто бы неизбежна. Отсюда переговоры о промежуточной полосѣ, какъ искусственной преградѣ въ столкновенію. Извѣстно, какъ бессильны подобныя искусственныя преграды противъ естественнаго напора интересовъ. Въ данномъ случаѣ безсиліе такихъ преградъ обнаружилось въ полной мѣрѣ, и теперь стало ясно, — къ сожалѣнію, для немногихъ только, — что прямое соприкосновеніе англійскихъ владѣній съ русскими въ Средней Азійи совсѣмъ не такъ страшно для обоихъ государствъ, какъ это казалось до сихъ поръ, особенно англичанамъ. Напротивъ, оно отнынѣ должно стать единственно-возможной практической и благоразумной основой полного согласія между ними. Когда это главное условіе согласія станетъ совершившимся фактомъ, остальные осуществляться гораздо легче. Г-нъ Мартенсъ относитъ къ нимъ убѣжденіе обѣихъ державъ въ той неоспоримой истинѣ, что борьба между ними въ Азійи была бы, въ послѣднемъ результатѣ, началомъ конца ихъ владычества въ этой части свѣта. Тотъ день, говорить онъ, когда Россія побѣдитъ Англію въ Средней Азійи, будетъ кануномъ паденія ея собственнаго авторитета въ тѣхъ краяхъ. Тотъ день, когда Англія одержитъ рѣшительную побѣду надъ Россіей, Индія будетъ на полу-пути къ своему освобожденію отъ англійскаго ига. Предположимъ, продолжаетъ г. Мартенсъ, что Англія объявила Россіи войну и избрала театромъ этой войны Среднюю Азію. Ея армія будетъ составлена главнымъ образомъ изъ индійцевъ. Всѣ индійскіе князья и правительства будутъ приглашены принять участіе въ этой экспедиціи, предпринятой, конечно, въ огромныхъ размѣрахъ. Если Россія потерпитъ пораженіе въ Средней Азійи, то азіатскіе союзники Англіи естественно припишутъ себѣ всю славу и всѣ заслуги этой побѣды. Чѣмъ многочисленнѣе будутъ они въ экспедиціонной арміи, направленной противъ Россіи, тѣмъ больше убѣдятся индійскіе князья въ военной слабости англійскаго правительства и тѣмъ болѣе будутъ они склонны объявить самихъ себя настоящими побѣдителями русской арміи. Слѣдствіемъ такой побѣды было бы сильное развитіе самосовнанія у подвластныхъ Англіи народовъ, котораго не доставало имъ доселѣ. Когда эта косная масса пойметъ свою силу и относительную слабость своихъ иноземныхъ влaстителей, англійское владычество въ Индіи не продержится и нѣсколькихъ лѣтъ. Если, напротивъ, Россія предприметъ походъ въ Индію, если англійскія войска будутъ разбиты и туземное населеніе поднимется противъ англичанъ, то

не только исчезнуть послѣдніе слѣды англійскаго владычества въ Индіи, но и сама побѣдившая Россія окажется въ безъисходномъ положеніи. Вновь подчинить своему владычеству двухсотмилліонное населеніе, привыкшее повиноваться англичанамъ, было бы для нея такъ же трудно, какъ и справиться съ такимъ непомернымъ расширеніемъ ея государственной территоріи, не истощая своихъ нравственныхъ и матеріальныхъ средствъ. Въ Азіи неизбежно образовались бы тогда независимыя государства, гораздо болѣе опасныя для Россіи, чѣмъ образованное и христіанское правительство, существующее нынѣ въ Калькуттѣ.

Если эти ожиданія г. Мартенса и могутъ показаться преувеличенными, то во всякомъ случаѣ несомѣнно, что съ упраздненіемъ государствъ, отдѣляющихъ нынѣ англійскія и русскія владѣнія и пользующихся своимъ промежуточнымъ положеніемъ, чтобъ извлекать изъ него разныя выгоды, подобныя соображенія невольно представляются и Россіи и Англіи. Сдѣлавшись сосѣдями, онѣ должны будутъ придумать извѣстный *modus vivendi*, подобный тому международному общежитію, какое существуетъ между сосѣдними европейскими государствами. Владычество въ Индіи и вѣроятное преобладаніе въ Афганистанѣ дѣлаютъ Англію континентальной державой въ Азіи, и ей, какъ и Россіи, придется такъ или иначе уживаться съ своимъ сосѣдомъ, какъ уживается съ Россіей Австрія или Германія. Собственный интересъ и серьезныя послѣдствія разрыва заставляютъ обѣ державы скорѣе помышлять обо всемъ другомъ, чѣмъ о войнѣ и новыхъ завоеваніяхъ.

Теперь, напротивъ, азіатскія правительства отлично понимаютъ непріязненное соперничество, разъединяющее Россію и Англію, и умѣютъ при случаѣ пользоваться имъ. Ширъ-Али и его министры не разъ высказывали вице-королямъ Остъ-Индіи, что имъ хорошо извѣстно, какъ важенъ Афганистанъ для защиты британскихъ владѣній. Эмиръ говорилъ, что англійское правительство должно защищать его отъ Россіи для огражденія собственныхъ земель. Оттого онъ требовалъ и получалъ отъ Англіи много денегъ и боевыхъ запасовъ. Съ своей стороны, генераль-адъютантъ Кауфманъ писалъ князю Горчакову 17-го іюня 1870 года: «Есть основаніе думать, что возбужденіе, господствующее нынѣ въ ханствахъ Средней Азіи, прилегающихъ къ нашимъ границамъ, отчасти объясняется убѣжденіемъ, которымъ проникнуты народы этихъ странъ, особенно афганцы, что, рано или поздно, благодаря непримиримой и давней взаимной ненависти, русскіе и англичане должны столкнуться въ Азіи. Нѣсколько разъ это

убѣжденіе было высказано афганскимъ сердаремъ Абдуль-Рахманъ-ханомъ (племянникомъ Ширъ-Али и претендентомъ на кабульскій престолъ, бѣжавшимъ въ Туркестанъ), который настаивалъ на этомъ, желая убѣдить меня, что интересъ Россіи требуетъ, что онъ даже обязываетъ Россію помочь ему, Абдуль-Рахману, завладѣть Кабуломъ. Въ томъ же смыслѣ высказывались и многія англійскія власти въ Индіи.

Только прямое сосѣдство Англіи и Россіи въ Средней Азій можетъ положить конецъ всѣмъ этимъ интригамъ, плодящимъ поводы къ недоразумѣніямъ и раздраженію между государствами, интересы которыхъ требуютъ мира, мира и мира.

В. К.

НОВЫЕ ПИСАТЕЛИ

0

РОССІИ

Le Nihilisme en Russie, par le prince I. Lubomirski. Paris, 1879.

Die Entwicklung des Nihilismus, von Nicolai Karlowitsch. Berlin, 1879.

Прочитавъ заглавія этихъ брошюръ, читатель, вѣроятно, и самъ догадается впередъ, что, говоря о нихъ, мы отъ себя не можемъ вдаваться въ изслѣдованіе о томъ, что такое «нигилизмъ», въ чемъ онъ заключается, какія его причины, и какія могутъ быть изысканы новыя средства для его врачеванія. Сдѣлать это неудобно, хотя бы уже потому, что мимоходной замѣтки было бы слишкомъ мало для такой задачи. Если же не вдаваться въ разъясненія сущности дѣла, не говорить о причинахъ, не анализировать явленія, а просто принять, какъ то обыкновенно дѣлается, что «нигилизмъ» есть нигилизмъ, и затѣмъ представить только посильный проектъ дополнительныхъ мѣръ, то это значило бы *faire double emploi*. Этой легкой и вполнѣ доступной задачей занимаются уже слишкомъ многіе. Изъ нихъ назовемъ только «Московскія Вѣдомости», «С.-Петербургскія Вѣдомости» и «Голось» (который, впрочемъ, занимался этимъ только отрывочно, хотя и весьма энергично). У всякаго свой даръ, и къ чему же было бы насиловать свои способности и умалять конкуренцію чужую заслугу?

Съ другой стороны, публикѣ уже такъ хорошо извѣстно, что могла сказать и дѣйствительно сказала наша печать по этому поводу, а потому мы лучше справимся въ двухъ заграничныхъ книжкахъ,

нѣтъ-ли тамъ чего новаго. Уже по мѣсту своего появленія онѣ возбуждаютъ интересъ: одна вышла въ Парижѣ, одновременно съ возвращеніемъ помилованныхъ коммунаровъ, которые жгли этотъ городъ,—не отъ нея-ли ждать умудренного опытомъ, трезваго отношенія къ человѣческимъ заблужденіямъ? Другая издана въ Берлинѣ—*der Stadt der Intelligenz*, какъ скромно называютъ свою имперскую столицу скромные нѣмцы. Не оттуда-ли прольется свѣтъ разумной, научной мысли на сложное общественное явленіе?

Правда, авторы этихъ брошюръ — не совсѣмъ иностранцы. Князь Любомирскій, какъ намъ случилось лично убѣдиться, очень хорошо говорить по-русски. Николай Карловичъ самъ рекомендуетъ себя въ качествѣ нашего соотечественника. Онъ вездѣ говоритъ о русскихъ — «мы», о Россіи — «у насъ». Но вѣдь это обстоятельство не уменьшаетъ, а скорѣе усиливаетъ интересъ, возбуждаемый ихъ произведеніями. Если эти авторы могли писать по-русски, но предпочли иностранные языки и типографіи, то можно подумать, что произведенія ихъ вышли за-границею, потому что не могли бы выйти въ Россіи. Вѣроятно, глубокое, всестороннее разсмотрѣніе предмета требовало особаго простора.

Брошюры эти не остались безъ одобренія. Николай Карловичъ расхвалили «Московскія Вѣдомости», а Николай Карловичъ похвалилъ князя Любомирскаго, и онъ же преисполненъ похвалами «Московскимъ Вѣдомостямъ»; онъ сочувственно отзывался и о неиздающемся болѣе «Гражданинѣ» и о «превосходно-издающихся», по его отзыву, «Отголоскахъ». Значитъ, тутъ идетъ круговое одобреніе, взаимная рекомендація. Но, указавъ впередъ на этотъ фактъ, мы очень хорошо знаемъ, что какъ только о немъ упомянуто, ожиданія читателя отъ иностранныхъ брошюръ тотчасъ умаляются. Легко можетъ быть, что онъ тутъ же спроситъ себя: для чего же онѣ изданы за-границей, а не въ Россіи, гдѣ ничто, при такихъ рекомендаціяхъ, не могло препятствовать ихъ появленію?

Отвѣтъ на это заключается въ томъ, что брошюры и изданы-то не столько намъ въ назиданіе, сколько для представленія западной Европѣ въ извѣстномъ свѣтѣ положенія русскаго общества, для убѣжденія ея, что ничего похожаго на западно-европейскія общественныя силы у насъ доселѣ нѣтъ, что въ русскому обществу вовсе непримѣнимо западно-европейское начало самопомощи, что и болѣзнь-то его такая, какой въ Европѣ никогда не существовало, и организмъ его таковъ, что западныхъ лекарствъ усвоить себѣ онъ не можетъ; наконецъ, что такъ какъ и болѣзнь,

и организмъ имѣютъ свойства чисто-мѣстныхъ, то и леченіе должно быть свойства туземнаго, крѣпкое, но простое и дешевое.

Послѣ этого вступленія, читатель, конечно, уже ничего не ожидаетъ болѣе отъ названныхъ иностранныхъ брошюръ, кромѣ диковинъ, и въ этомъ ожиданіи онъ не обманется. Ему извѣстно, что мы тому, что принято называть «нигилизмомъ», не сочувствуемъ. Вступаться за «нигилизмъ» мы не имѣемъ возможности. А если бы условія были таковы, что мы имѣли бы эту возможность, — тогда мы не имѣли бы этого намѣренія. Тогда наступилъ бы долгъ разграниченія, и, конечно, мы оказались бы не за одной гранью съ какимъ-либо фантастическимъ ученіемъ. Но вступаться за русское общество мы обязаны и теперь. Когда на него клеветаютъ, когда въ Парижѣ и Берлинѣ издаются брошюры съ спеціальной цѣлью отвратить отъ него всякое сочувствіе европейскихъ обществъ, выставить его какъ недостойное ихъ участія, ни какихъ-либо правъ, то мы обязаны не проходить этого молчаніемъ, но явственно протестовать противъ клеветъ.

Наша точка зрѣнія при обзорѣ брошюръ князя Любомірскаго и Николая Карловича выражается такимъ опредѣленіемъ: положимъ, нигилизмъ есть нигилизмъ; пусть такъ, мы этого разбирать не станемъ; но еще несомнѣннѣе то, что вздоръ есть вздоръ. И это мы разберемъ; а тамъ пусть русскій читатель самъ посудитъ, можетъ-ли очевидный вздоръ ввести въ заблужденіе всю Европу, можетъ ли она удовольствоваться такимъ объясненіемъ нашихъ дѣлъ и, затѣмъ, вѣроятнo-ли, чтобы названныя брошюры и другія, имъ подобныя, достигли прямой, практической своей цѣли.

A tout seigneur tout honneur; впередъ мы пустимъ князя Любомірскаго. Князь Любомірскій, это — господинъ славянскаго происхожденія, играющій француза. Самоувѣренный, съ громкой рѣчью, въ которой наша салонная безакцентность, а порой и очевидные руссизмы, выдаютъ въ этомъ французскомъ литераторѣ отставнаго русскаго франта. У французовъ типы въ этомъ родѣ можно найти только среди бонапартистовъ. Но и то, знаете, все-таки какъ-то не совсѣмъ то. Въ литературныя собранія онъ является съ палкой въ рукѣ, въ перчаткахъ яркаго цвѣта, съ развязностью почти-военнаго (русскаго) человѣка, всѣхъ перебиваетъ, вѣчно говоритъ, и совершенно привыкъ къ тому, что его не слушаютъ. Онъ является тамъ тѣмъ, что англичане называютъ a bore — докучливымъ ораторомъ, котораго надо претерпѣвать, такъ какъ онъ все-таки — французскій

литераторъ. Да, князь Любомірскій — французскій литераторъ. Онъ пишетъ романы, въ которыхъ являются *boyards* и русскій «мѣстный колоритъ». Французскимъ литераторомъ онъ сдѣлался прежде чѣмъ умѣлъ правильно писать по-французски; онъ самъ откровенно признается, что въ его первыхъ произведеніяхъ были ошибки противъ французскаго языка. Онъ учился французскому языку посредствомъ сочиненія французскихъ романовъ. Вотъ какъ легко онъ работаетъ. И читаются его произведенія также легко, а потому классъ его читателей составляетъ преимущественно изъ сидящихъ за прилавкомъ. *Une dame de comptoir*, въ ожиданіи покупателя, не безъ пріятности пробѣгаетъ страничку, на которой она знакомится съ героемъ: *le boyard Ivan étalt d'une illustre famille podolienne; sa jeunesse avait été orageuse*. Входитъ покупатель:—*«Une paire de gants, s'il vous plait»*.—И удовлетворивъ покупателя, *dame de comptoir* легко возвращается къ боярину Ивану, раскрывая прямо на двѣ странички дальше. Но такъ какъ тамъ-то именно и оказываются послѣдствія *jeunesse orageuse* князь-Ивана, то она даже не замѣчаетъ пропуска. Литераторъ Любомірскій читается также легко, какъ онъ легко учился, какъ легко онъ пишетъ, какъ легко перерываетъ ораторовъ, и какъ легко его цѣнять собраты по литературѣ.

Мы не безъ основанія остановились на личности этого романиста, которому ничего не стоило въ одинъ прекрасный день сдѣлаться публицистомъ и заговорить съ прежней легкостью о матеріяхъ важныхъ. *Le style c'est l'homme*. Но не менѣе вѣрно, чѣмъ изреченіе Бюффона, правило, что свойства человека опредѣляютъ качества его работы. Понятно, какъ могъ отнестись такой писатель къ явленію весьма сложному, которое и въ Россіи образованнымъ людямъ представляется недостаточно изученнымъ и очевидно зависящимъ болѣе, чѣмъ отъ одной причины. Князь Любомірскій ничего не изучалъ, но это не помѣшало ему сразу все понять. Въ разсужденіи своемъ онъ идетъ бойко и весело, разными кавалерійскими аллюрами. Весьма вѣроятно, что онъ пишетъ въ угоду кому-нибудь, но сохраняетъ всю джентльменскую свободу. Онъ пишетъ, какъ угодливый волонтеръ, но все-таки какъ волонтеръ. Вотъ, почтенный Николай Карловичъ тотъ очень смахиваетъ на принаivated писателя; онъ инструкціи своихъ предполагаемыхъ патроновъ помнитъ твердо и ничего не скажетъ, кромѣ того, что обязался сказать. А этотъ любовный кавалеръ—нѣтъ. Сдѣлать пріятнымъ людямъ пріятное—почему же и не такъ!.. Но онъ все-таки пишетъ и въ свое удовольствіе, имѣя въ виду развѣ только сбытъ во Франціи своей брошюры, по

франку. Какъ благородный человекъ, онъ счастливъ будетъ, если ему удастся получить комплиментъ, въ родѣ: *grâce, vous êtes bien gentil*, нѣкоторое количество франковъ отъ французской публики и вдобавокъ уваженіе его парижскаго портнаго (предполагая, что они оба въ хорошихъ «дѣловыхъ» отношеніяхъ). Этотъ почтенный негоціантъ узнаетъ изъ брошюры какъ разъ столько, сколько можетъ понять. Но нѣкоторыхъ русскихъ благопріятелей ниязя бойкость его аллюровъ можетъ смутить.

Инструкціи, если онѣ и были ему даны, онъ всѣ перепуталъ. Такъ, по его словамъ, принципъ нигилизма зародился въ *наичканномъ латынью* (!) мозгу студента, который закончилъ блестящимъ образомъ свое *классическое* (!!) образованіе и вдругъ увидѣлъ передъ собою голодъ и двери всѣхъ администрацій немолимо запертыми». Сразу сорвался и не туда попалъ какъ *figura docet!* Жаль, что никто изъ Москвы или Петербурга не могъ во-время закричать ему Грибоѣдовское: «Князь, князь... назады!» Итакъ,—латынь отчасти виновата; классицизмъ не безучастенъ въ нигилизмъ; вотъ что ужъ не предвидѣлось ни въ какихъ инструкціяхъ! Еще въ другомъ мѣстѣ авторъ высказываетъ, что, по его убѣжденію, образованіе русскому юношеству дается слишкомъ классическое. Вотъ защитникъ нашелся!

Что всякая неудовлетворенность въ Россіи зависитъ, главнымъ образомъ, отъ невозможности получить казенное мѣсто (въ смыслѣ овлада, конечно, а не въ смыслѣ помѣщенія),—въ этомъ авторъ убѣжденъ. *Sans place!*—вотъ припѣвъ, который у него встрѣчается многократно. Первоначальное ученіе нигилизма онъ излагаетъ прелестно: «страданіе побѣждается смѣртію—говорили они—предположимъ, что съ матеріею уничтожается душа и что послѣ нѣтъ ничего. Достаточно капли ціанистаго кали. Большой идетъ къ аптекарю, который даромъ даетъ ему это лекарство. Въ благоустроенномъ обществѣ само государство (*vis*) учреждаетъ громадныя лабораторіи ціанистаго кали». Кто это говорилъ и когда—остается невыясненнымъ. Положительно извѣстно одно, что это говорили *они*, т.-е. нигилисты, и князь навѣрное приводитъ ихъ слова съ точностью, такъ какъ ставитъ эту и другія подобныя тирады въ выносныхъ знакахъ. Вотъ еще что говорили *они*: «люди, выдумавшіе языки, были менѣе образованы и менѣе опыты, чѣмъ люди современные; значить, придуманныя ими опредѣленія ничего не значатъ; слова служатъ оболочкой человѣческой мысли; а мысль человѣческая также заблудилась; и такъ какъ слова не имѣютъ смысла (какъ у кого—замѣтимъ мы), то никакого окончательнаго разграниченія между добромъ и

зломъ существовать не можетъ, ибо добро и зло—только слова». Et voilà pourquoi votre fille est malade, какъ говорить у Мольера дровосѣкъ, переодѣвшийся докторомъ.

Еще многое подобное говорили нигилисты, по увѣренію кн. Любомірскаго, т.-е. ужасную чушь. Но это-то и было причиной ихъ успѣха. «Нелѣпность доктрины, въ сожалѣнію, была первой причиной ея распространенія въ Россіи», замѣчаетъ авторъ. Но затѣмъ у него неожиданно является еще новый элементъ для успѣха этой доктрины. Въ то самое время, когда въ Россіи только-что собирались дать нѣкоторый просторъ, уже представилась распущенность (licence): она явилась въ Польшѣ въ видѣ невозможной революціи; она явилась среди чиновниковъ, которымъ было поручено регулировать великое дѣло эмансипаціи крестьянъ; она же явилась въ Россіи среди раскольниковъ и толковъ. Правительство, по отзыву кн. Любомірскаго, вначалѣ не хотѣло беспокоить нигилистовъ, потому что было занято «подавленіемъ комплотовъ польскихъ, продѣлокъ посредниковъ и гнусностей скопцовъ, хлыстовъ, бѣгуновъ и другихъ сеетъ».

Все это прелестно. Между тѣмъ, когда, повидимому, удалось наконецъ подавить гнусности скопцовъ и хлыстовъ, то нигилизмъ успѣлъ уже окрѣпнуть вслѣдствіе самой своей безнаказанности. Понятно, что при такихъ причинахъ происхожденія нигилизма средство противъ него можетъ быть только одно: нельзя же всѣмъ дать казенные оклады, но можно принять строгія мѣры; таковъ и есть выводъ и совѣтъ автора.

Въ самомъ дѣлѣ, что еще могло бы быть предпринято? «Новыя учрежденія дѣйствовали несовершенно (въ этомъ князь вспомнилъ-таки нѣчто изъ того, что требовалось доказать). А между тѣмъ «возникло цѣлое поколѣніе людей: судей, адвокатовъ, литераторовъ. Но судей было болѣе, чѣмъ процессовъ (!), адвокатовъ болѣе, чѣмъ кліентовъ, писателей болѣе, чѣмъ читателей. Итакъ, мѣста и здѣсь были заняты. Студенты испустили крикъ отчаянія». Вдобавокъ, когда кончился надѣлъ крестьянъ, то посредники, производившіе его, также оказались безъ мѣстъ: «правительство увидѣло передъ собой цѣлую армию чиновниковъ безъ мѣстъ».

И все это шло въ нигилизмъ. Туда же пошло и мелкое дворянство, лишенное крестьянъ. Наконецъ, «армія нигилизма была организована: нигилисты-доктринѣры составили авангардъ, средніе классы — главный корпусъ, а мелкое дворянство—резервъ».

Начертивъ такимъ образомъ, à grands traits происхожденіе нигилизма, авторъ не менѣе легко справляется съ вопросомъ объ

этнографіи этой болѣзни и съ вопросомъ о средствахъ исцѣленія. Оказывается, между прочимъ, слѣдующій утѣшительный фактъ: губерніи центральныя, то, что называется Великоруссіею и Бѣлоруссіею, не представляютъ и не представляютъ никогда средства дѣйствія для революціонеровъ. Другіе бичи свирѣпствуютъ въ этихъ странахъ — религіозныя секты. То-есть это, надо полагать, опять тѣ секты и хлысты, которые съ самаго начала помѣшали беспокоить нигилизмъ и такимъ образомъ косвенно способствовали безнаказанному его возрастанію. Далѣе авторъ свидѣтельствуетъ, что во Владимірѣ, Вологдѣ и Ярославлѣ нигилизмъ совершенно безсиленъ, хотя свирѣпствуетъ (*sévit*) въ Петербургѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Харьковѣ, Черниговѣ, Полтавѣ, и можетъ имѣть развѣтвленія въ Варшавѣ, Вильнѣ и Тифлисѣ. Почему названы именно три города, изъятые отъ нигилизма, и почему взяты именно они, а не Кострома, Петрозаводскъ, Рязань и т. д. — легко понять: первые три города, которые попали подъ бойкую руку писателя, тѣ и названы.

То средство исцѣленія, на которое повидимому кто-то въ западной печати указывалъ, именно — сближеніе русскихъ порядковъ съ западно-европейскими, князь Любомірскій рѣшительно отвергаетъ. Онъ говоритъ, что только незнающіе Россіи или враги ея могутъ разсуждать такъ. Онъ увѣряетъ, что при разноплеменномъ составѣ населенія имперіи ничего похожаго на это сближеніе быть не можетъ. Когда-нибудь, «въ очень отдаленномъ времени», по его мнѣнію, можетъ быть попытка въ этомъ родѣ, но теперь она была бы пагубна. Бойкій романистъ, надо полагать, думаетъ, что каждое изъ западныхъ государствъ состоитъ изъ одной сплошной національности; что австрійцамъ, напримѣръ, немудрено имѣть австрійскіе порядки, когда всѣ граждане этой имперіи принадлежатъ къ австрійской національности, говорятъ всѣ на австрійскомъ языкѣ, держатся австрійскихъ обычаевъ и исповѣдуютъ общую, австрійскую вѣру. Но въ средѣ даже его читателей все-таки могутъ найтись такіе, которые знаютъ, что нѣтъ въ Европѣ ни одного государства, за исключеніемъ Италіи, которое бы не вмѣщало въ себѣ разноплеменныхъ элементовъ. Немаловажная часть самихъ французскихъ избирателей говоритъ на языкахъ нѣмецкомъ, итальянскомъ и баскскомъ. Но всякое иное средство отвергается авторомъ скорѣе по складу его ума, склоннаго къ легкому, простому и дешевому: побольше строгости — вотъ и все; *tailler dans le vif* — вотъ что совѣтуетъ публицистъ, считающій русскій расколъ бичомъ, наравнѣ съ нигилизмомъ.

Мы потому такъ долго остановились надъ ничтожнымъ раз-

сужденіемъ князя Любомірскаго, что въ самой Россіи есть минимые консерваторы, которыхъ взгляды недалеки отъ его взглядовъ, т.-е. которыхъ «консерватизмъ» есть не что иное, какъ самоуверенное невѣжество и хлыщеватая легкость въ разрѣшеніи самыхъ сложныхъ вопросовъ.

Другой авторъ, Николай Карловичъ въ сущности раздѣляетъ эти же взгляды и приходитъ къ тѣмъ же выводамъ: во всемъ виновата была излишняя снисходительность (!); русское общество такъ незрѣло, что оно не сумѣло справиться и съ той долей самоуправленія, какая ему была предоставлена; съ болѣею задачею оно еще менѣе могло бы справиться; итакъ, остается одно дѣйствительное средство—строгость и строгость. Но то, что князь Любомірскій высказываетъ прямо, какъ продуктъ собственной проницательности, не стѣсняясь въ точности никакими инструкціями, съ граціознымъ привираниемъ, которое идетъ блестящему кавалеру почти столько же, какъ картавое произношеніе французскихъ словъ пижарной русской дамѣ—во всему этому Николай Карловичъ приходитъ совсѣмъ съ иными приемами.

Со всей добросовѣстностью нѣмца, заслуживающаго гонораръ, онъ проштудировалъ собранный для него ворохъ нумеровъ «Московскихъ Вѣдомостей» и брошюръ г. Цитовича, процѣдилъ этотъ матеріалъ сквозь раздраженіе педагога, натерѣвшагося отъ русскихъ мальчиговъ-шалуновъ, приравнялъ всей узостью нѣмца, неспособнаго принять живое участіе въ мысляхъ, жизни и судьбѣ общества, среди котораго онъ жилъ, быть можетъ, много лѣтъ, вѣчно считая его чужимъ. И вотъ, вышло нѣчто педагогическое, тяжеловѣсное по приемамъ, уснащенное крючкотворствомъ и знаніемъ ярлыковъ, но не сущности того, что подъ тѣми ярлыками есть живое и что гнилаго; нѣчто исполненное фальши, при всѣхъ притязаніяхъ на объективность, такъ какъ намѣренно оставляется въ сторонѣ истина, что всякое общество прежде всего должно *жизнить*, и что нѣтъ той жизни, которой всѣ стремленія были бы одной прихотью, однимъ миражемъ. Пусть русское общество лично не нравится Николаю Карловичу; но русское общество есть все-таки живой организмъ, какой бы, положимъ, негодный онъ ни былъ. И нѣтъ такого организма, котораго всѣ стремленія можно было бы осуждать, всѣ потребности отрицать, увѣряя, что когда ему хочется питаться, то это онъ только такъ ломается, будто бы ему хочется ѣсть; а когда онъ желаетъ двигаться—что онъ по природѣ двигаться не долженъ, а только напускаетъ на себя такую блажь, будто ему необходимъ моціонъ.

Главная цѣль Николая Карловича та же, конечно, что и кн. Любомірскаго—доказать, что для русскаго общества въ дѣйствительности нужна только строгость и ничего болѣе. «Мы обременены несомнѣнными доказательствами», говоритъ онъ, «что и дарованныя права, съ году на годъ, только болѣе и болѣе выказывали незрѣлость образованной русскоѣ публики. Въ первое трехлѣтіе земское дѣло шло еще сносно, во второе уже менѣе сносно, а потомъ можно было сказать съ достовѣрностью, что любая отрасль общественной дѣятельности придетъ въ запущеніе, какъ только попадетъ въ руки земства». Здѣсь, что ни слово, то чистая ложь. Начать съ того, что если бы дѣятельность каковаго-либо учрежденія дѣйствительно оказалась неуспѣшною, то здравый смыслъ велѣлъ бы прежде разсмотрѣть, къ чему должно отнести неуспѣхъ, каковы были основы самого учрежденія, сфера его дѣятельности и условія, среди которыхъ она проявлялась. Объяснять же все одними національными свойствами такого-то общества нелѣпо. То же самое говорятъ прусскіе консервы о германскомъ народѣ. При конституціи въ Германіи развился социализмъ въ такихъ размѣрахъ, какъ нигдѣ въ иной странѣ и безъ всякаго сравненія больше, чѣмъ нигилизмъ въ Россіи. Не слѣдуетъ ли, чтобы получить истинную оцѣнку этого явленія, разсмотрѣть, что такое прусскій конституціонализмъ, нынѣ господствующій надъ Германіею, среди какихъ условій онъ практиковался и съ какими встрѣчался препятствіями? Нѣтъ, консервы поступаютъ не такъ; они прямо относятъ вину къ національнымъ свойствамъ самихъ нѣмцевъ, и выводъ,—понятно, тотъ, что у нѣмцевъ есть конституція. Самъ кн. Бисмаркъ весело объяснялъ всю бѣду тѣмъ, что нѣмецкій булочникъ не довольствуется положеніемъ изряднаго булочника, какъ французъ или англичанинъ, но хочетъ непременно стать домовладѣльцемъ, потому банкротъ и т. д. Еще никто изъ «великихъ людей» не говаривалъ такого абсурда, какой иногда срывается съ языка у Бисмарка — и это можетъ, пожалуй, извинить нашего Николая Карловича, который человѣкъ невеликій.

Затѣмъ, спрашивается, какая—это отрасль дѣятельности пришла въ запущеніе въ рукахъ русскаго земства, если ему оставлены были тѣ средства, какія употреблялись на эту отрасль казною? Видалъ ли авторъ хотя бы официальные отчеты о распредѣленіи земскихъ бюджетовъ, за всѣ годы его существованія? Нѣтъ, конечно, такіе матеріалы не были въ распоряженіи Николая Карловича. Документами ему служили брошюры г. Цитовича и статьи «Московскихъ Вѣдомостей», которыя онъ под-

часть повторять буквально, и которые, появляясь вновь, въ свою очередь цитируютъ Николая Карловича. Выходитъ новаго рода литературный аппаратъ съ повторительнымъ дѣйствіемъ. Не народные ли швыды пришли въ запущеніе въ рукахъ земства, когда до земства ихъ не было, а земство въ своихъ усиліяхъ произвело огромные результаты, встрѣчая всевозможныя затрудненія? Да, правда, слышно, — въ послѣднее время народные швыды что-то стали закрываться. Не правъ ли въ самомъ дѣлѣ Николай Карловичъ, что въ рукахъ земства все приходитъ въ упадокъ?

Въ Россіи, по отзыву автора, уже потому нѣтъ въ виду (*auszichillos*) расширенія самодѣятельности, что вовсе нѣтъ людей, которые могли бы быть носителями новой дѣятельности. «Очень возможно», говоритъ онъ, что государственная служба, военная и гражданская, вмѣщаетъ въ себѣ въ Россіи нѣкоторые неблагонадежные элементы, но во всякомъ случаѣ она поглощаетъ всѣ дѣльныя силы (*tüchtige Kräfte*). Это — опять одинъ изъ любимыхъ аргументовъ бюрократической философіи. Только трудно понять, какимъ образомъ въ Россіи существуетъ литература, движается искусство, управляются желѣзныя дороги, производятся громадныя торговныя операціи, жертвуются сотни тысячъ рублей на полезныя общественныя учрежденія, когда есъ дѣльныя силы страны поглощены мудрымъ дѣломъ фронтвого ученья въ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ полкахъ, да глубокой философіею составленія бумагъ по резолюціямъ, сочетаніемъ словъ въ родѣ «вслѣдствіе вашего отношенія за №» и «имѣю честь», а также переписываніемъ оныхъ? Или высшее исправленіе этихъ дѣлъ само требуетъ столько просвѣщенныхъ людей, что поглощаетъ всѣ дѣльныя силы страны? Но нѣтъ, мы зачастую видимъ, что прямо отъ занятія фронтвою частью удобно переходить къ высшей административной дѣятельности и превосходно исполняютъ свои новыя обязанности. А вотъ самому построить мостъ или хотъ сыграть казачка на скрипкѣ — это другое дѣло. Для этого нужна дѣйствительная подготовка; и снабженная формуломъ самая «дѣльная сила» ни за что не сыграетъ казачка, если не училась этому специально.

Авторъ представляетъ одно курьезное доказательство полной неспособности русскаго общества произвестъ хотя бы одну мысль, могущую оправдаться въ жизни (*lebensfähiges Gedanke*), и что всѣ подобныя мысли истекали и могутъ истекать единственно изъ администраціи. Онъ увѣряетъ, что когда въ правительственныхъ кругахъ впервые возникла мысль о постройкѣ Николаевской желѣзной дороги, то все русское общество было противъ

этой мысли, отрицало пользу желѣзныхъ дорогъ для Россіи и объявляло министровъ, которые брались за это, «почти измѣнниками». Впослѣдствіи же, когда крымская война показала, какъ вредно отсутствіе желѣзныхъ дорогъ, то то же общество стало уворать администрацію за неимѣніе ихъ. Этотъ курьезный примѣръ служить автору еще доказательствомъ, что русское общество способно только отрицательно относиться къ дѣятельности администраціи.

Гдѣ эти господа берутъ свои примѣры, на какія свидѣтельства ссылаются! Одинъ приводитъ въ выносныхъ знакахъ въ видѣ точныхъ текстовъ образцы того, какъ, по его мнѣнію, должны разсуждать нигилисты, какъ бы онъ самъ (кн. Любомирскій) разсуждалъ, если бы былъ нигилистомъ. Другой ссылается на неосознательные факты, въ родѣ «общаго настроенія», и на этихъ фактахъ, которые ничто не мѣшало ему самому придумать—строить свою аргументацію. Ну, гдѣ же свидѣтельство о томъ, какъ общество относилось къ постройкѣ николаевской дороги и чѣмъ могло общество заявить, что считало какихъ-то министровъ «почти измѣнниками»? Вѣдь такихъ свидѣтельствъ быть не можетъ. Николай Карловичъ, конечно, самъ сочинилъ эти «факты», и если у него лично спросить, отъ кого онъ о нихъ слышалъ, то ему ничего не осталось бы сдѣлать, какъ сказать: «я слышалъ это отъ Карла Николаевича, бывшаго камердинеромъ при графѣ Клейнмихелѣ».

А мы имѣемъ возможность утверждать положительно, что оспаривалась польза желѣзныхъ дорогъ вовсе не русскимъ обществомъ, а въ официальныхъ докладахъ, и если бы отъ насъ потребовали доказательства, то мы бы указали на архивъ совѣта главнаго управленія путей сообщенія; мы даже прямо назовемъ инженеръ-генерала Дестрема, который официально опровергаетъ пользу желѣзныхъ дорогъ для Россіи. А его примѣромъ нельзя воспользоваться для доказательства неспособности русскаго общества къ lebensfähigem Gedanke и его склонности отрицательно относиться къ административнымъ предпріятіямъ, потому что генералъ Дестремъ былъ коренной французъ, присланный въ Россію въ числѣ другихъ инженеровъ первымъ Наполеономъ, по ходатайству нашего правительства.

Ab uno disce omnes. Такова цѣна всѣхъ мнимыхъ фактовъ, на которые ссылается нѣмецкая брошюра, а затѣмъ и выводовъ ея, сдѣланныхъ по руководствамъ реакціонерной чепухи, издаваемыхъ профессоромъ Цитовичемъ и бывшимъ профессоромъ Катковымъ. Къ этимъ мнимымъ фактамъ принадлежитъ, между про-

чимъ, известная выдумка, будто Апраксинъ рынокъ былъ сожженъ въ 1862 году какими-то радикалами; такимъ образомъ, можно, пожалуй, утверждать, что Апраксинъ рынокъ былъ сожженъ реакціонерами, которые, ожесточенные автоматомъ освобожденія 1861 года, предприняли въ 1862 году испугать всѣхъ послѣдствіями этой реформы и предотвратить дальнѣйшія.

Объ общемъ выводѣ брошюры мы уже упоминали: главная бѣда въ Россіи это — излишняя снисходительность, *Nachsicht*, *grundsätzliche grosse Nachsicht*. Отсюда понятно, что и средство леченія одно: «серьезное намѣреніе покончить — *ernster Wille fertig zu werden*». Выводъ тотъ же, что у кн. Любомирскаго, хотя *tailler dans le vif* намъ больше нравится, во-первыхъ, потому, что оно картиннѣе, во-вторыхъ — потому, что оно откровеннѣе.

Но сверхъ главнаго своего ничтожества, въ качествѣ зависимаго, пишущаго по чужимъ текстамъ публициста, дѣйствительно, неспособнаго ни къ какому личному *lebensfähigem Gedanke*, Николай Карловичъ представляетъ собой еще ничтожество, такъ сказать, специальное. Онъ взятъ изъ педагоговъ, это ясно, но изъ педагоговъ мелкихъ, педагоговъ-неудачниковъ, раздраженныхъ шулунами-мальчижами, неоцѣненныхъ слишкомъ экономными родителями. Поэтому и тѣхъ и другихъ онъ ненавидитъ искренно; а тѣ и другіе для него и представляютъ русское общество. За то онъ умиленно преклоняется предъ всѣмъ, въ чемъ только подозреваетъ тѣнь связей бюрократическихъ.

Любопытно подмѣчать въ брошюрѣ тѣ черты, въ которыхъ невольно проявляется эта личность педела крутою въ одну сторону, низкопоклонною въ другую, узкою и безтактною въ обѣ стороны. Чиновники у него называются *Würdenträger*, и даже г. редактора «Московскихъ Вѣдомостей», который все-таки мелкая сошка между настоящими *Würdenträger*ами, Николай Карловичъ называетъ «Негъ фонъ-Катковъ». Да, онъ взятъ изъ мелкихъ педелей, оторченныхъ шулунами и неоцѣненныхъ родителями.

Кому, какъ не человѣку, съ самымъ узкимъ кругозоромъ, побужденному мелкимъ мотивомъ и способному объяснять себѣ факты историческіе — мелкими анекдотами изъ собственной жизни, можетъ соответствовать общій взглядъ брошюры, что вся бѣда въ Россіи, это — чрезвычайная наклонность русской публики къ порицанію (*Tadel*)? Незрѣлое общество, слишкомъ склонное къ порицанію, конечно, не было въ состояніи оцѣнить всѣхъ ре-

формъ, которыхъ и было-то даю вдругъ слишкомъ много (*zu viel auf einmal*). Понятно, что на такомъ уровнѣ пониманія историческихъ фактовъ и средство представляется одно: побольше строгости въ отношеніи къ незрѣлому, но склонному къ порицанію обществу, и употребленіе этого средства узкому уму представляется вполне достаточнымъ для улучшенія всѣхъ порядковъ. Но авторъ при этомъ самъ забываетъ то, что онъ говоритъ о той же склонности русскаго общества къ порицанію, проявлявшейся во время до-реформенное, напр., до постройки Николаевской желѣзной дороги. А вѣдь уже тогда строгости, кажется, было довольно. Повидимому, она, однако, не достигала цѣли.

Присмотримся, однако, поближе, къ нѣкоторымъ подходамъ автора и, авось, безъ особенныхъ комментариевъ уразумѣмъ и типъ автора, и то, съ какой стороны онъ искалъ внушеній, и то, для какихъ цѣлей онъ пишетъ (кромѣ главной цѣли — рекомендовать русское общество Западу, какъ презрѣнное и недостойное ничего, кромѣ строгости).

Николай Карловичъ рассказываетъ, что какъ только станешь объяснять звѣздное небо бойкому русскому мальчику и если при этомъ не будешь строго регулировать его занятіе (напр., *willst du still sein, dummer Junge!* — это наша догадка), то первымъ его дѣломъ будетъ спросить: «а почему именно этихъ животныхъ, а не другихъ избрали для обозначенія созвѣздія?» «Если за этимъ энергическая *рука* не приведетъ мальчишку обратно къ его занятію (напр., *ein Klars, Николай Карловичъ?*) то онъ, едва умѣя находить два или три созвѣздія, непременно поразитъ своихъ родителей и наставниковъ составленіемъ небесной карты собственнаго изобрѣтенія, въ которой *все иначе, чѣмъ въ учебникахъ*». Затѣмъ, какъ объясняетъ авторъ, родители «не накажутъ» нахальнаго мальчишку, а порадуются его таланту и будутъ недовольны тѣмъ учителемъ, который несклоненъ былъ признать нахальство за талантъ, а этотъ *dummer Junge*, начавъ ученіе съ преобразования астрономіи, потомъ будетъ худо учиться, презирая науку, въ сознаніи собственнаго достоинства.

Неправда-ли—преlestный пассажъ, весьма характерный для личности автора, какъ мы ее опредѣлили выше. И вотъ изъ подобныхъ-то, очевидно, личныхъ опытовъ, Николай Карловичъ вынесъ личное отношеніе къ характеру и нравственнымъ потребностямъ цѣлаго русскаго общества. Оно представляется ему именно какъ *dummer Junge*, которому нужное всего энергическая рука и внушительный шлепокъ по щекамъ.

Но послушаемъ его еще, чтобъ узнать, съ чьихъ словъ и въ чью сторону онъ говоритъ. «Вотъ потому-то русскому учащемуся юношеству»,—высказывается Николай Карловичъ,—«хуже всего и ненавистны древніе языки (ага!), такъ какъ они не даютъ никакого простора талантливой прихоти и въ нихъ неизбежно учиться, чтобы сдѣлать успѣхи. По этой-то именно причинѣ для русскихъ юношей, кромѣ тѣхъ, которымъ предстоитъ чисто-практическое призваніе, необходимо, чтобы, прежде допущенія ихъ въ университетъ, они успѣвали въ древнихъ языкахъ, принуждены были доказывать, дѣйствительно ли они привыкли работать умомъ».

Далѣе авторъ объясняетъ, что при началѣ нынѣшняго царствованія, хотя изученіе древнихъ языковъ въ гимназіяхъ и производилось слабо, все-таки оно приучило юношей вообще работать. «Но все переѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ тогдашнее министерство народнаго просвѣщенія перестало видѣть въ требованіи классической подготовки необходимое условіе вступленія въ университетъ (слушайте!)»... И черезъ нѣсколько строкъ: «совершенно такъ, какъ образъ дѣйствія земства показалъ незрѣлость нашего общества къ самоуправленію, такъ благопріятствованіе реализму и естественнымъ наукамъ въ молодежи нашей выказало нѣчто еще гораздо худшее. Намъ худшія послѣдствія произвело покровительство реализму и естественнымъ наукамъ при министрѣ просвѣщенія Головинѣ (слушайте, слушайте!), который, хотя самъ усердный почитатель западно-европейскаго образованія, сдвинулъ почти совсѣмъ на задній планъ принципъ классицизма». Затѣмъ объясняется, что зловердныя послѣдствія этого продолжали дѣйствовать до послѣдняго времени, «хотя преемникъ (г.) Головинна, графъ Толстой старается вновь доставить классицизму всеобщее дѣйствіе (Geltung)».

Строка, слѣдующая за этими, начинается такъ: «господинъ фонъ-Батцовъ, извѣстный издатель «Московскихъ Вѣдомостей» и его покойный коллега профессоръ Леонтьевъ» и т. д. Иного продолженія и заключенія къ вышеприведенному началу и быть не могло. Теперь мы достаточно ознакомились и съ личнымъ типомъ Николая Карловича и съ тѣми внушеніями, которымъ онъ слѣдуетъ, и съ дѣлами этихъ внушеній. Оказывается, что наши классики, не довольствуясь внутренними рекламами, пишутъ иностраннымъ пассивамъ на русское общество, для убѣжденія Европы, что ему еще долгое время (напр., полвѣка по свершеніи цикла нынѣшней школой) было бы вредно всякое улуч-

шеніе, и что оно нуждается только въ энергическомъ «обращеніи въ своимъ занятіямъ», какъ нахальный мальчишка, дерзающій спросить, почему Большая Медвѣдица названа такъ, а не иначе.

Все остальное въ брошюрѣ Николая Карловича почти прямо выписано изъ послѣдней брошюры г. Цитовича и статей «Моск. Вѣд.». Значить, объ этомъ и говорить не стоить. Здѣсь можно отмѣтить, между прочимъ, одно мелкое, но курьёзное обстоятельство. Николай Карловичъ отдаетъ газетѣ «Голосъ» справедливость за одну «горячую» статью, помѣщенную въ ней; но въ то же время недоволенъ этой газетой. По его словамъ, она будто говорить то такъ, то этакъ, и даже будто бы ломается до вывиховъ (Gliederverrenkungen des Golo). Нельзя, въ самомъ дѣлѣ, не остановиться на томъ странномъ фактѣ, что вѣчно ищущимъ одобренія не всегда удается такое же заслужить. Автору настоящей замѣтки случалось читать въ «Голосѣ» въ недавнее время такіа статьи, дальше которыхъ положительно не шла ни одна статья «Московскихъ Вѣдомостей». И однако же, онъ долженъ былъ подписываться на «Голосъ», между тѣмъ, какъ номера «Московскихъ Вѣдомостей» приобреталъ, когда ему вдумывалось. Нѣкоторое небезпристрастіе Николая Карловича должно было неприятно поразить редакцію «Голоса». А впрочемъ, въ тотъ самый день, когда мы прочли несправедливый отзывъ Николая Карловича о «Голосѣ», намъ случилось приобрести отдѣльный номеръ этой газеты, и мы подумали: это ее вполне утѣшить. Въ концѣ-концовъ всякая заслуга все-таки оцѣнивается. Но въ образчикъ того, какъ безцеремонно имѣть внушаемый пасквилянтъ, укажемъ еще на слѣдующее мѣсто, относящееся къ высшему женскому образованію въ Россіи: «худо было то, что изъ нѣсколькихъ сотъ дамъ, бравшихся за изученіе науки, только нѣсколько (einige wenige) студентокъ окончили курсъ (чистая неправда) и что пренебреженіе русскаго народа къ женщинамъ составило неодолимое препятствіе къ пользованію услугами врачей-женщинъ тамъ, гдѣ онѣ всего нужнѣе» (опять совершенная неправда).

Само собой разумѣется, что когда авторъ вѣсается университетовъ, то у него точчасъ является рѣчь о «бессовѣстныхъ писателяхъ и профессорахъ», которые подстрекали учащееся юношество къ политической самостоятельности. Скажите вашимъ внушителямъ, почтенный Николай Карловичъ, что такихъ профессоровъ не было, хотя за личную добросовѣстность всѣхъ и cadaго изъ профессоровъ, въ другихъ отношеніяхъ, слишкомъ ри-

скованно было бы ручаться. Быть может, находились между ними и такіе, которые разыгрывали величайшихъ «патріотовъ своего отечества», но не совѣстились оттягивать въ свою личную пользу сотню тысячъ рублей казенныхъ денегъ, въ полной увѣренности, что достаточно будетъ принять въ той или другой губерніи мѣры построже для взысканія казенныхъ недоимокъ, и—казна получить свое. Когда вы говорите, что въ Россіи было оказано слишкомъ много снисходительности и необходимо больше строгости, то жаль, что вы сами не сдѣлали примѣненія всего этого къ вышеупомянутому примѣру и ему подобнымъ случаямъ изъ нашей общественной жизни.

Л. А—въ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Октябрь, 1879.

I.

- Образованіе второго болгарскаго царства. Федора Успенскаго. Одесса, 1879.
- Изъ древней исторіи болгаръ. Сочиненіе Матвія Соколова, удостоенное импер. С.-Петербургскимъ университетомъ золотой медали. Спб., 1879.
- Историко-литературный разборъ поэмы Ивана Гундулича „Османъ“. Романа Брандта. Кіевъ, 1879.

Обыкновенно публика мало обращаетъ вниманія на книги подобнаго рода; журналы, которые опасаются расходиться съ ея вкусами, также очень рѣдко заносятъ въ свою лѣтопись ученые, спеціальныя диссертациі. Публику мы не думаемъ упрекать: она и вездѣ, не только у насъ, не читаетъ спеціальныхъ диссертаций, изслѣдующихъ событія, отстоящія отъ насъ или на цѣлую тысячу лѣтъ, или на нѣсколько столѣтій. Вездѣ такія книги бывають чтеніемъ одного круга людей, болѣе широко образованныхъ; но, къ сожалѣнію, у другихъ европейскихъ народовъ этотъ кругъ несравненно шире, многочислѣе нашего,—и наши журналы, кажется, нигдѣ бы не интересовъ въ томъ, чтобы по возможности увеличивать этотъ кругъ и у насъ.

Въ самомъ дѣлѣ, онъ чрезвычайно ограниченъ, и даже классическія гимназій, какъ извѣстно, очень мало помогли нашему просвѣщенію. Всего чаще „публика“ остается совершенно равнодушна къ трудамъ чисто-научнаго характера даже въ области такихъ предметовъ, какъ исторія и литература, которые наиболѣе близки къ такъ-называемому общему образованію, или даже совсѣмъ не узнаютъ объ ихъ существованіи. „Беззаботность на-счетъ литературы“, конечно, и вредитъ ей самымъ основательнымъ образомъ. Ученый трудъ поставленъ у насъ во внѣшнія условія порядочно мудренныя,

и отсутствіе научныхъ интересовъ со стороны самого общества дѣлаетъ его положеніе еще болѣе мудреннѣе. Много полезныхъ трудовъ осталось и остается не сдѣланными по этому крайнему безучастію, идущему изъ умственной неразвитости общества, не только его массы, но и его аристократическихъ вершинъ. Сколько разъ жаловались у насъ, и иногда очень серьезно, на то, что наша академія остается, какъ въ прошломъ столѣтіи, нѣмецкой; но если старинная практика, сдѣлавшая ее такою, не исчезаетъ донинѣ, то есть вѣроятно этому причины, и онѣ дѣйствительно заложены въ указанномъ умственномъ состояніи общества. Если недостатки общественныхъ учрежденій бывають иногда результатомъ невниманія къ несомнѣннымъ потребностямъ общества со стороны людей, власть имѣющихъ; то бываетъ также и другое, что въ этихъ недостаткахъ отражается только свойстве самого общества: это барометръ, на показанія котораго слишкомъ мало обращаютъ вниманія тѣ, кто, съ самыми лучшими намѣреніями, желаетъ поправить то или другое.

Дѣятельность нашихъ ученыхъ можетъ навести на тѣ же неутѣшительныя размышленія. У насъ почти нѣтъ ученыхъ виѣ официальной „ученой службы“ и исправленія ея обязанностей. Давно замѣчено, что дѣятельность нашего ученаго начинается, да потомъ и кончается двумя диссертациями, послѣ которыхъ онъ получаетъ профессуру и затѣмъ засыпаетъ на лаврахъ. Въ годовыхъ университетскихъ отчетахъ читалось, бывало, что всякій профессоръ занятъ обыкновенно „приготовленіемъ“ какого-нибудь обширнаго труда, цѣлаго курса своего предмета или крупнаго изслѣдованія; но опытъ показывалъ, что онъ такъ и не пошелъ дальше „приготовленія“ и „собиранія матеріаловъ“. Хорошо еще, если при этой неторопливости онъ все-таки „слѣдилъ за наукой“ и готовился къ лекціямъ; извѣстно, что очень многіе, послѣ двухъ диссертаций и занимаясь „приготовленіемъ“ своихъ капитальныхъ трудовъ, недостаточно знали и то, что творится въ ихъ наукѣ европейскими учеными. Есть исключенія, — люди, которыхъ высоко цѣнитъ и европейская наука; но правило остается. И здѣсь опять трудно дѣлать личные упреки; можно жалеть, чтобы эти ученые работали больше для русскаго просвѣщенія, но не легко иногда оцѣнить, съ какой подавляющей атмосферой безучастія, бюрократическаго невѣжества и т. п. надо бороться, чтобы сохранить въ себѣ любовь къ труду и преданность къ наукѣ... Наша „пресса“ слѣдуетъ за „обществомъ“: обыкновенно, газетные и даже журнальные критики или не говорятъ совсѣмъ о книгахъ нѣсколько спеціальнаго характера (хотя бы по исторіи и литературѣ), или судятъ о нихъ съ развязностью „почти военныхъ людей“: книга имъ „скучна“, „суха“, „безжизненна“; они не пони-

жизнь, для кого она пишется; приводится въ образецъ какое-нибудь знаменитое имя европейской литературы, Тэнъ или Маколей и т. п., — какъ будто специальное изслѣдованіе можетъ быть романомъ или фельетономъ, какъ будто наука можетъ прямо изъ „небытія“ перескочить къ произведеніямъ, составляющимъ результатъ долгихъ изысканій не одного поколѣнія, кропотливаго изученія подробностей, да и вообще результатъ вѣкового свободнаго развитія литературы и науки. Ходячая печать рѣдко понимаетъ эти вещи и, къ сожалѣнію, своимъ непониманіемъ очень помогаетъ „обществу“ пребывать въ его невѣжественномъ отношеніи къ наукѣ. Мы вовсе не думаемъ, чтобы ей нужно было рекомендовать обыкновенной публикѣ читать спеціальныя изслѣдованія, которыя не для нея вовсе и писаны; но для русской образованности было бы очень великимъ, если бы печать объясняла обществу „пользу науки“ и внушала уваженіе къ научному труду, который есть все-таки не развлеченіе, а трудъ... Быть можетъ, этимъ путемъ распространилось бы и у насъ уваженіе къ наукѣ, котораго у насъ такъ мало (и отсутствіе котораго есть — надо это признать — не послѣдняя причина тѣхъ странныхъ взглядовъ, какіе бросаетъ на насъ западное сосѣдство): безъ этого уваженія къ наукѣ въ большинствѣ общества, она, конечно, и не приобрѣтетъ себѣ полнаго права гражданства, которое одно и даетъ ей полную силу дѣйствія. — Въ настоящемъ же *status quo* не удивительно, что „люди науки“ у насъ такъ часто къ ней охладѣваютъ, и въ послѣднее время такъ легко ее бросаютъ для интересовъ иного рода, совсѣмъ уже не похожихъ на научные.

Три книги, заглавіе которыхъ мы выписали, также диссертацин, одна — докторская, двѣ другія — кандидатскія. Авторамъ послѣднихъ надо пожелать, чтобы они не остановились на своихъ первыхъ шагахъ и продолжали трудъ, начатый очень счастливо. Относительно г. Успенскаго такое пожеланіе, кажется, не нужно; оно уже выполняется его дѣятельностью. Г-нъ Успенскій началъ свои историческіе труды книгой: „Первыя славянскія монархіи на сѣверо-западѣ“ (1872), которая принадлежала также къ разряду такъ-называемыхъ академическихъ работъ (но на тѣмъ славянскаго комитета) и обнаруживала замѣчательное обладаніе сложнымъ историческимъ матеріаломъ, съ каковымъ автору приходилось имѣть дѣло. Рѣчь шла о первыхъ попыткахъ политическаго объединенія, какія представляетъ старая исторія западнаго славянства — о славянскомъ государствѣ Само въ VII столѣтіи; о Великой Моравіи, собравшей западно-славянскія силы въ концѣ IX вѣка; объ объединеніи западныхъ славянъ подъ князьями чешскими, наконецъ, о западномъ славянствѣ въ концѣ X и началѣ XI вѣка, при Болеславѣ Храбромъ, королѣ польскомъ. Послѣ

этого первого опыта г. Успенскій второе свое сочиненіе посвятилъ изученіямъ византійскимъ („Византійскій писатель Никита Акоминатъ изъ Хонъ“, 1874,—это была магистерская диссертация); въ последнее время онъ провелъ два года за-границей, гдѣ продолжалъ свои занятія византійско-славянскою древностью: въ Британскомъ музеѣ, въ библіотекахъ Париза и Рима онъ искалъ новыхъ источниковъ для изслѣдованія этой древности, и не безъ успѣха. Въ иностранныхъ журналахъ мы встрѣчали извѣстія о занятіяхъ г. Успенскаго; вѣроятно, отъ этихъ занятій ожидали любопытнаго результата. Нѣкоторыя работы, подготовленныя въ путешествіи, явились потомъ въ „Журналѣ Мин. Нар. Просв.“; другія мы находимъ въ книгѣ „Образованіе второго болгарскаго царства“, которая вышла весной, какъ докторская диссертация.

Новое сочиненіе г. Успенскаго посвящено одному эпизоду старой болгарской исторіи, именно тому времени, когда Болгарія, послѣ паденія древняго царства находившаяся почти два столѣтія, XI-е и XII-е, подъ игомъ грековъ, возстала противъ греческаго господства и снова достигла независимости въ такъ-называемомъ второмъ болгарскомъ царствѣ. До очень недавняго времени болгарская исторія, древняя и новая, была очень мало извѣстна: о ней знали настолько, насколько необходимо было обращаться къ ней по поводу Византіи, въ новѣйшее время по поводу русско-турецкихъ войнъ. Нѣмецко-чешская книга Константина Иречка-младшаго, вышедшая два-три года назадъ, была первой цѣльной попыткой изложенія болгарской исторіи. Эта книга была большою ученою заслугою, которую, по нашему мнѣнію, слишкомъ строго судила наша специальная критика; но какъ общій обзоръ, эта книга по необходимости должна была оставить неразработанными, иногда нетронутыми много частныхъ вопросовъ,—а эти вопросы бывають нерѣдко таковы, что отъ ихъ рѣшенія зависитъ освѣщеніе цѣлыхъ историческихъ эпохъ. Разработка болгарской исторіи до сихъ поръ однако крайне затруднительна: подлинныя болгарскіе памятники, безъ сомнѣнія, во множествѣ окончательно погибли во время безчисленныхъ разореній страны, начиная отъ войнъ греческаго императора Василія-Волгаробуйицы до послѣдней русско-турецкой войны; византійцы, составляющіе затѣмъ чрезвычайно важный источникъ въ исторіи Болгаріи, до сихъ поръ изучены мало, и еще очень многое изъ нихъ остается неизданнымъ. Новѣйшая историографія обыкновенно ставила себѣ первостепенной и первоначальной задачей изданіе историческихъ источниковъ—въ видѣ разныхъ „Monumenta“, „Fontes“, собраній актовъ, лѣтоисеи и т. п. Для болгарской исторіи нѣтъ еще простаго списка ея источниковъ; ихъ приходится еще отыскивать въ рукописяхъ, разсѣян-

ныхъ по бібліотекамъ Европы, и, быть можетъ, еще скрывающихся въ закоустьяхъ Балканскаго полуострова. Византійскихъ писателей издано было очень много еще въ старыя времена, до коллекцій боннской и парижской; но оказывается, что самыя изданія еще требуютъ проверки, сличенія съ рукописами, которое приводитъ иногда къ иному чтенію текста и къ новымъ историческимъ выводамъ.

Въ такихъ условіяхъ было и изслѣдованіе того вопроса болгарской исторіи, объясненіе котораго предпринялъ г. Успенскій. Его книга есть то, что называется—изслѣдованіе по первымъ источникамъ; его матеріалъ отчасти имъ самимъ впервые отысканъ и напечатанъ; его изложеніе представляетъ не столько разсказъ событій, сколько критическія розысканія о фактахъ, крупныхъ и мелкихъ, относящихся и къ исторіи и хронологіи описываемаго событія, и къ этнографіи, и къ біографіи писателей и т. д. Такимъ образомъ, сочиненіе—вполнѣ и чисто-спеціальное, и, къ сожалѣнію, недоступное для читателя неприготовленнаго. Но что оно такимъ вышло, это очень понятно: предметъ до сихъ поръ такъ мало разработанъ, что авторъ на каждомъ шагѣ встрѣчается съ общими и частными вопросами, которые необходимо было разрѣшить, прежде нежели установить изслѣдуемый историческій фактъ. Въ результатѣ получился трудъ, необходимый для каждаго ученаго, который обратился бы потому къ этой эпохѣ болгарской исторіи.

Спеціальный разборъ сочиненія г. Успенскаго, или исправленіе и дополненіе его сдѣлано было, съ глубокимъ знаніемъ дѣла, извѣстнымъ нашимъ византинистомъ, проф. Васильевскимъ, въ двухъ книжкахъ „Журнала Мин. Нар. Просв.“ (іюль и августъ).

Другой трудъ, выше названный, также посвященъ болгарской исторіи, именно древнѣйшей ея эпохѣ, до какой достигаютъ историческія свѣдѣнія. Это—уже прямо кандидатская диссертация на факультетскую тему. Задача состояла въ критическомъ разборѣ извѣстій о крещеніи болгаръ и ихъ отношеніяхъ въ ту пору къ Риму и Византіи. Задавшись тѣмъ, авторъ естественно нашелъ необходимымъ собрать свѣдѣнія о первомъ появленіи христіанства въ Болгаріи до окончательнаго крещенія при Борисѣ, а это повело къ историко-этнографическому изученію всего древнѣйшаго періода болгарской исторіи. Такимъ образомъ трудъ г. Соколова раснался на двѣ части: одна (которой не предполагала собственно факультетская тема)—объ образованіи болгарской національности; другая—о крещеніи князя Бориса.

Историческая задача этого рода также представляетъ большія трудности. Матеріалъ, которымъ распоряжался здѣсь историкъ, правда, очень обширенъ: чтобы говорить объ „образованіи болгарской націи“

нальности", надо познакомиться съ массой историческихъ данныхъ, исходящихъ изъ исторіи великаго переселенія народовъ, — у византийцевъ, у лѣтописцевъ западныхъ, въ источникахъ славянскихъ, во множествахъ новѣйшихъ исследованийъ. Но эти данныя такъ сложны, этнографическія показанія древнихъ писателей такъ запутанны, свѣдѣтельства прямыхъ и вполнѣ ясныхъ такъ мало, что овладѣть всѣмъ этимъ матеріаломъ и правильно ориентироваться въ немъ есть задача едва посильная начинающему ученому. Г. Матвій Соколовъ такъ полно изучилъ этотъ сложный матеріалъ, такъ прекрасно умѣетъ его комбинировать, и вмѣстѣ съ тѣмъ владѣетъ такой ясной простотой изложенія, что его трудъ свидѣтельствуетъ объ ученомъ дарованіи, способномъ на очень серьезную работу. Надо только опять пожелать, чтобы его дѣятельность не ограничилась диссертациями, а прежде всего, чтобы внѣшнія обстоятельства обезпечили ему продолженіе его изученій.

Г-нъ Успенскій въ цѣломъ рядѣ трудовъ уже заявилъ себя основательнымъ ученымъ по славянской древности и хорошимъ византистомъ; такимъ является въ общихъ (впрочемъ, тѣсно связанныхъ) спеціальностяхъ г. Матвій Соколовъ, и еще ранѣе другой молодой ученый г. Т. Флоринскій. Всѣ эти новыя ученые силы идутъ изъ одной школы, — именно школы гг. проф. Ламанскаго и Васильевскаго. Намъ издавна и до послѣдняго времени случалось въ иномъ очень не соглашаться съ славянскими взглядами перваго; тѣмъ охотнѣе мы признаемъ его большую заслугу, какъ профессора, успѣшнаго образовать такихъ много общающихся или уже много сдѣлавшихъ учениковъ. Сколько мы полагаемъ (не безъ основанія), радъ этихъ учениковъ не ограничится названными именами. Школа, характеръ которой ясно обнаруживается изъ свойства исходящихъ отъ нея трудовъ, безъ сомнѣнія очень полезна для выработки критическаго приѣма: старая исторія славянскихъ народовъ представляетъ не мало пунктовъ, вызоветь необходимость внимательной критики; знакомство съ началами народнои исторіи можетъ доставить прочныя ослѣды для пониманія ихъ дальнейшей судьбы. Но, намъ кажется, желательнее съ точки зрѣнія самихъ тѣхъ, кто придастъ большое значеніе для насъ славянскому вопросу, — чтобы онъ являлся у насъ не только въ формѣ археологич. и филологич. „строгая наука“, безъ сомнѣній, имѣетъ всѣ свои права; но мы не понимаемъ, какимъ образомъ „строгая наука“ — въ исторіи — должна быть относима не ближе какъ лѣтъ за тысячу назадъ. Къ области „исторіи“ принадлежатъ не только тѣ событія, отъ которыхъ въ настоящее время никому ни тепло, ни холодно (включая тѣснѣйшій кружокъ специали-

ство), не только то, что происходило тысячу лѣтъ тому назадъ, но и въ ближайшее къ намъ время, наконецъ—въ наше собственное время. Строгая наука, конечно, безразлична; она совершенно равнодушна къ нашимъ личнымъ, и даже общественнымъ интересамъ; но *ученый*, кажется намъ, есть также и членъ своего общества, его гражданинъ (употребляя слово, усѣвшее у насъ опомниться раньше, чѣмъ получило смыслъ въ общественной дѣйствительности). Если такая безразличная наука, какъ химія или физика, даютъ однако человечеству множество полезныхъ практическихъ указаній для промысловъ, ремесла и т. д.; если астрономія участвуетъ въ составленіи календарей; если статистика постоянно готова служить для цѣлей административныхъ,—то совершенно такимъ же образомъ могла бы, и должна бы, служить обществу исторія, этнографія и т. д. Историки и этнографы могутъ такимъ же образомъ, служа отвлеченной и индифферентной наукѣ, служить и обществу тѣми практическими выводами, или соображеніями, догадками, на которыя должна наводить наука. Такъ это и бываетъ у добрыхъ людей. Въ критическія минуты національной жизни, европейскіе ученые всегда—вѣрно, или невѣрно, смотря по степени ихъ знаній и силъ ума, но отзываются на основаніи изученій, которымъ они посвятили свою жизнь. Мы—почти не знаемъ этого. Наши ученые преувеличенно болтаются говорить о томъ, что занимаетъ *profanum vulgus*, и иногда занимаетъ самый живымъ образомъ: намъ кажется, что это—печальное слѣдствіе ихъ тайнаго сознанія въ бессилии и безправности науки въ нашемъ обществѣ... Въ нѣсколько послѣднихъ лѣтъ, когда выступилъ на широкое (и опасное) поприще исторіи вопросъ того самаго славянства, о которомъ намъ было такъ много говорено (и всего больше—самими славянами) *отвлеченно*, въ эти годы никто изъ нихъ не отозвался на исторически многозначительныя событія—крошѣ одного только А. А. Майкова, сказавшаго нѣсколько серьезныхъ словъ о сербо-хорватскихъ отношеніяхъ, и г. Ламаускаго, который только разъ заявилъ случайную рѣчь о славянскихъ дѣлахъ. Но затѣмъ всѣ спеціалисты упорно молчали; за то, разумѣется, тѣмъ больше говорили разглагольствующие публицисты и еще болѣе развязные корреспонденты, рѣшавшіе, наконецъ, что, напр., болгары—такой грубый и неблагодарный народъ, что, собственно говоря, не стоило и ввязываться въ ихъ дѣла, и освобождать ихъ. Если во время и послѣ войны славянскія дѣла понимались такъ часто вкривъ и вкосъ нашимъ обществомъ, большая вина этого лежитъ, между прочимъ, именно на нашихъ славистахъ....

Но и независимо отъ практическихъ сторонъ этого вопроса, который выѣшался, наконецъ, въ нашу жизнь такими сильными событіями,

для чисто-научнаго разъясненія его надо желать, чтобы молодые силы, какія приобретаютъ у насъ славянская наука, не ограничивались кабинетно-археологическими изслѣдованіями и провели свои изученія до живого современнаго быта славянскихъ племенъ, въ ихъ многообразныхъ отношеніяхъ. Изученіе славянства складывается у насъ въ специальность, которая имѣетъ для себя въ университетахъ особыя кафедры, и успѣхъ самого научнаго дѣла требуетъ, чтобы, напр., знаніе славянской исторіи не останавливалось на XIV столѣтіи. Кафедры славянскихъ нарѣчій основаны были съ мыслью (хотя робкой и неполной) о національно-общественной необходимости для насъ ознакомиться съ родственнымъ славянскимъ міромъ: этой собственно цѣли онѣ мало служатъ и до настоящей минуты.

Намонецъ, той же школѣ принадлежитъ еще молодой славистъ, г. Романъ Врандтъ, написавшій на факультетскую тему сочиненіе объ „Османѣ“. „Османъ“ — одно изъ самыхъ знаменитыхъ, если не самое знаменитое произведеніе далматинской сербо-хорватской литературы того періода, когда въ Далмаціи, особенно въ Рагузѣ (Дубровникѣ) развилась мало самостоятельная по происхожденію, но чрезвычайно любопытная литературная образованность, оригинально сливавшая элементы славянской и итальянской. Далматинская литература была, собственно говоря, только дальнѣйшимъ продолженіемъ итальянскаго „возрожденія“ и связанныхъ съ нимъ направленій. Далматинскіе писатели нерѣдко дѣйствовали и въ своей домашней и въ итальянской литературѣ; кромѣ того, писали еще и по-латыни. Но, несмотря на чужой источникъ, вліяніе котораго, по тогдашнему положенію сербо-хорватства, могло быть поглощающимъ, далматинскіе писатели, тѣсно примыкая къ итальянской образованности, сохранили и теплую привязанность къ своей народности; книжность не удалила ихъ отъ интереса къ народной поэзіи, отголоски котораго слышатся нерѣдко въ ихъ подражаніяхъ классикамъ и итальянцамъ. Надо полагать, что именно это книжно-поэтическое воспитаніе далматинскихъ писателей внушило мысль о собираніи произведеній этой народной поэзіи, — точно также какъ историческія изученія, которыя шли опять въ связи съ латинско-итальянскими вліяніями, произвели оригинальное пробужденіе наиславянскаго сознанія. Къ этой-то литературѣ принадлежитъ поэма Ивана Гундулича „Османъ“, критическій разборъ которой предпринялъ г. Врандтъ. Авторъ очень обстоятельно разбираетъ поэму со стороны ея историческаго содержанія, поэтическихъ пріемовъ, языка. Задача была гораздо проще, чѣмъ у г. Матвія Соколова, и авторъ не вышелъ за предѣлы данной темы и, кажется намъ, напрасно не вышелъ. Диссертацию, представленную въ Петербургъ, авторъ печаталъ, уже находясь (на профессурѣ?) въ Німнѣ, но

опредѣленію тамонней конференціи; и, слѣдовательно, можно было бы позволить студенческую диссертацию, когда она назначалась уже не на одно только усмотрѣніе профессора, а для публики, не состоящей изъ однихъ специалистовъ. Г-нъ Брандтъ сдѣлалъ бы, напр., не лишнее, если бы въ началѣ далъ читателю, хотя на нѣсколькихъ страницахъ, понятіе о той національной средѣ, въ которой явилась разбираемая имъ поэма; да и прочее изложеніе могло бы быть нѣсколько живѣе, чѣмъ бываетъ въ диссертацияхъ. Къ сожалѣнію, не одного г. Брандта можно упрекнуть въ недостаткѣ вниманія къ формѣ: наши ученые писатели вообще мало или вовсе не думаютъ о ней, и это очень жаль. Наша литература вовсе не въ такомъ положеніи, чтобы ученому писателю можно было рассчитывать на значительный кругъ читателей, специально приготовленныхъ, для которыхъ угловатая форма не помѣшаетъ слѣдить за содержаніемъ: по славянскимъ предметамъ этотъ кругъ, какъ извѣстно, чрезвычайно ограниченъ, и писателю, въ интересѣ дѣла, слѣдовало бы заботиться, чтобы число читателей умножалось, а для этого надо позаботиться и объ извѣстной постановкѣ содержанія, и о формѣ...

„Публика“ обыкновенно мало замѣчаетъ труды такого рода, какъ сейчасъ указаные; тѣмъ не менѣе они—конечно при большемъ развитіи этихъ изученій, чѣмъ теперь—могутъ имѣть очень серьезное значеніе. Во-первыхъ, они впервые могутъ дать прочное основаніе нашему знакомству съ славянскимъ міромъ, а во-вторыхъ, труды такого рода могутъ въ особенности содѣйствовать связямъ нашей литературы съ славянствомъ и дать ей въ славянскомъ мірѣ то значеніе, котораго слишкомъ поспѣшно требуютъ для нея уже теперь нѣкоторые изъ болѣе горячихъ нашихъ ревнителей славянской идеи. Чтобы получить такое значеніе, русская литература должна быть *нужна* славянству—а она можетъ быть нужна ему двумя путями: во-первыхъ, развитіемъ своего научнаго, образовательнаго содержанія (не говоримъ о развитіи ея обще-человѣческаго поэтическаго содержанія, такъ какъ это—ступень еще болѣе высокая и отдаленная), и развитіемъ славянскихъ изученій. Нѣкогда этимъ послѣднимъ путемъ создано было сильное движеніе въ славянскомъ мірѣ, во времена сначала Добровскаго и Копитара, потомъ Шафарика, Коллара, Караджича и проч. Этотъ путь далеко не исчерпанъ; напротивъ, имъ можетъ быть сдѣлано еще весьма многое,—особенно въ такихъ положеніяхъ славянства и русской жизни, когда невозможно болѣе живое общеніе. Большинство славянскихъ племенъ еще даже нуждается въ подобной научной помощи, и, напр., болгарская исторія разъяснена вовсе не самими болгарами, а учеными другихъ племенъ, и особенно русскими. Многое сдѣлали русскіе ученые и для сербской исторіи (напр., А. А.

Майшовъ, Гильфердингъ, Григоровичъ, Макушевъ, Ламаевскій, Нилъ Поповъ, Голубинскій, Ястребовъ), и сербскіе ученые иногда завидовали счастливымъ условіямъ русскихъ исследователей, которые имѣли возможность изучать въ европейскихъ бібліотекахъ и архивахъ источники сербской исторіи... Мы знаемъ, у себя дома, что эти счастливыя условія не чересчуръ счастливы, но во многихъ случаяхъ наши ученые дѣйствительно имѣли условія очень благоприятныя для славянскихъ изученій. Это одно должно было бы обаявать ихъ. Но какъ въ видахъ пользы для нашего общества, такъ и для того, чтобы русская литература представила интересъ для славянства, нужно, чтобы наша славистика не ограничивалась одной археологіей и филологіей, чтобы изслѣдованія ея подошли отъ XIV вѣка ближе къ нашему времени и говорили не объ одной Болгаріи и Сербіи.

II.

— „Славянскій Альманахъ“. Izdatelj: Radivoj Poknik. Ve Vidni. 1879. Стр. 65—398.

Это—книжка любопытная. Славянскіе патріоты въ Австріи задумали издать альманахъ на всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, съ цѣлью содѣйствовать взаимному изученію славянскихъ нарѣчій и укрѣпленію славянскаго единства и взаимности. Собралось четырнадцать редакторовъ для разныхъ нарѣчій и издатель г. Позникъ. Если бы книга была встрѣчена благоприятно славянскою публикой, они думали продолжать альманахъ и впредь и дополнить недостающее. Въ настоящемъ первомъ выпускѣ собралось восемь отдѣловъ: русскій, малорусскій, чешскій, словацкій, словинскій, хорватскій, сербскій, болгарскій. Оказывается крупный и характерный недостатокъ — нѣтъ отдѣла польскаго. Наибольшее число сотрудниковъ является въ отдѣлахъ чешскомъ, словацкомъ и словинскомъ; прочіе отдѣлы представлены скудно; съ отдѣломъ русскимъ, какъ дальше скажемъ, произошелъ особенный случай.

Въ небольшихъ славянскихъ литературахъ, у сербовъ напримѣръ, донинѣ очень распространенъ обычай, нѣкогда существовавшій и у насъ,—что книги издаются по предварительной подпискѣ: книга выходитъ въ свѣтъ, когда „предплатителей“ наберется достаточно, чтобы окупить изданіе; при этомъ обыкновенно имена всѣхъ „предплатителей“ печатаются въ концѣ книги. Такимъ способомъ изданъ и „Славянскій Альманахъ“. Списокъ „предплатителей“, также любопытенъ. Главная масса ихъ собралась въ австрійскомъ славянствѣ: довольно много въ Галиціи (русиновъ, больше 30), въ Чехіи (около 40),

очень много въ Венгріи (словаковъ, больше 110 чел.); далѣе, въ Край-нѣ, Приморьѣ и Штиріи (словинцы); наибольшее число подписчи-ковъ—въ Вѣнѣ, особенно въ разныхъ славянскихъ обществахъ и кружкахъ (больше 170 чел.). Далѣе: Болгарія, Воевія и Герцеговина, Сербія, а также Моравія, представлены каждая двумя-тремя чело-вѣками. Въ Россіи нашлось счетовъ десять подписчиковъ,—изъ нихъ пятеро (штабъ-офицеры) въ Свеаборгѣ; другіе пять пришли въ остальную Россію. Эти статистическія цифры приводятъ насъ въ совершенное недоумѣніе: трудно представить, что въ Россіи глав-ные приверженцы славянскаго единства и взаимности сосредото-чились въ Свеаборгѣ! Это, вѣроятно, какая-нибудь шутка.

Но не шутка то, что случилось съ русскимъ отдѣломъ. Въ томъ экземплярѣ, который дошелъ до насъ изъ Вѣны, онъ совершенно отсутствуетъ; книга печатается прямо со 2-го отдѣла, и сплетена такъ, что мы недоумѣваемъ, гдѣ произошла утрата первыхъ 64 стра-ницъ. По уцѣлѣвшему оглавленію видно, что въ русскомъ отдѣ-лѣ помѣщены были стихотворенія (напримѣръ „Падшимъ героямъ 1877—1878“, „Къ Пруту“, „Пѣсня жнеца“ и т. п.) такихъ писате-лей, какъ Блонскій, Бѣлиловскій, Александръ Павловичъ—вѣроятно, русины, и одна большая статья „Голосъ изъ Россіи“, который до-ставилъ писатель, съ именемъ не болѣе извѣстнымъ, Николай Хан-ходера. Этотъ случай съ русскимъ отдѣломъ „Альманаха“ очень характеристиченъ; понятно, что „славянское единство и взаимность“, которымъ хотѣли служить наши славянскіе братья въ Австріи, по-двинутся у насъ очень мало, если даже ихъ книги не будутъ до-ходить къ намъ въ цѣломъ видѣ.

Что сказать о содержаніи „Альманаха“? Послѣ указанной подроб-ности, объ этомъ содержаніи, вѣстается, бесполезно говорить; упоми-наемъ, впрочемъ, что въ немъ есть цѣлая статья объ общеславян-скомъ литературномъ языкѣ, словница Франца Подгорника. — А. А.

III.

— *И. Маршъ*, „Философы и поэты-моралисты во времена римской имперіи“. Пере-водъ М. Корсака. Москва, 1880.

Книга Марта относится къ той же, приблизительно, эпохѣ, какъ и книга Буассье („Римская религія отъ Августа до Антониновъ“), въ прошломъ году вышедшая въ свѣтъ въ русскомъ переводѣ ¹⁾, и можетъ служить небезполезнымъ дополненіемъ къ послѣдней. Глав-

¹⁾ См. „Литературное Обозрѣніе“ въ № 1-мъ „Вѣстника Европы“ за 1879 г.

ная задача обоих писателей одна и та же: показать точки соприкосновения между христианством и языческой философскою мыслью первых вѣковъ по Р. Х., объяснить вліяніе этой мысли на распространеніе новыхъ вѣрованій. Какъ ученый трудъ, сочиненіе Буассье стоитъ гораздо выше разбираемой нами книги. Въ большинствѣ случаевъ, Мартъ ограничивается изложеніемъ взглядовъ того или другого писателя, выраженіемъ сочувствія къ нимъ, поскольку они совпадаютъ съ его собственной теоріей нравственности. Мѣрilo, слишкомъ часто прилагаемое Мартомъ къ римскимъ философамъ и моралистамъ,—это французскіе проповѣдники временъ Людовика XIV: Фенелонъ, Массильонъ, Бурдалу, въ особенности Боссюэ. Высшая похвала, которую Мартъ можетъ принести, напримѣръ, для Сенеки—это указаніе на сходство между нимъ и послѣднимъ изъ названныхъ нами духовныхъ ораторовъ XVII вѣка. Сравнивая древнихъ философовъ съ новыми богословами, Мартъ постоянно склоняетъ вѣсы на сторону своихъ соотечественниковъ. „Римскому моралисту“,—говоритъ онъ о Сенецѣ,—„совершенно недостаетъ истиннаго смиренія, простоты, непринужденности, самоотреченія, — словомъ, всѣхъ чувствъ, переполняющихъ душу Фенелона и проникающихъ даже въ надменный духъ Боссюэ“. — „Не почтенно ли для языческаго философа“,—восклицаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—„оказывать столько же усердія и деликатности, сколько ихъ оказывалъ самый неутомимый защитникъ христианскихъ истинъ, и не достойно ли замѣчанія то, что Боссюэ (во вопросу о проповѣди) резюмируетъ мысли Сенеки?“ Такія сопоставленія встрѣчаются и въ этюдахъ Марта о Персѣ, о Маркѣ Авреліѣ, объ Эпиктетѣ. Вопросъ о внутренней связи между христианствомъ и стоицизмомъ, видоизмѣненнымъ Сенекой и другими философами той же эпохи, занималъ многихъ писателей, въ томъ числѣ и Буассье; но для разрѣшенія его они обратились къ древнѣйшимъ памятникамъ христианства, а не къ произведеніямъ позднѣйшаго, специально-католическаго и специально-французскаго духовнаго краснорѣчія. И дѣйствительно, однажды установивъ сходство между доктринами Сенеки и первобытною христианскою моралью, можно уже рѣшить à priori, не заглядывая въ сочиненіе Боссюэ или Фенелона, что и въ нихъ найдется кое-что, напоминающее Сенеку. Какъ ни извращали придворные витія то ученіе, именемъ котораго они говорили, все-таки они многое заимствовали изъ него; близкое къ нему естественно должно было оказаться близкимъ и въ ихъ проповѣди. Параллель между Сенекой и Боссюэ могла бы быть интересна только въ одномъ отношеніи: они оба риторы, оба гонялись за эффектомъ и для достиженія его прибѣгали иногда къ одинаковымъ приемамъ. Посмотрѣть на нихъ съ этой

точки зрѣнія помѣшало Марту его преувеличенное уваженіе къ французской классической или псевдо-классической литературѣ. Онъ ужасается при мысли, что можно предпочитать Монтеня—Паскаля, Ренье—Буало; онъ относится съ явнымъ недоброжелательствомъ къ Дидро и Вольтеру. Классики XVII вѣка—исключительный предметъ его поклоненія; но между ними особенно дороги его сердцу проповѣдники въ родѣ Боссюэ, моралисты въ родѣ Николя; онъ ставитъ Фенелона гораздо выше ла-Брюйера. Всѣ эти симпатіи и антипатіи не могли не отразиться на сужденіяхъ Марта о римскихъ философахъ и моралистахъ, и нельзя сказать, чтобы вліяніе его было выгодно для его книги. Изъ числа семи этюдовъ, вошедшихъ въ ее составъ, самый слабый — именно этюдъ о Сенекаѣ, котораго онъ защищаетъ съ жаромъ слишкомъ усерднаго адвоката. Самый лучший этюдъ посвященъ Ювеналу, менѣе всего дававшему поводъ къ излюбленнымъ Мартомъ параллелямъ; много интереснаго заключаютъ въ себѣ также этюды о Діонѣ Хризостомѣ и Лукіанѣ.

Восхищаясь—и внолигъ основательно—личностью и ученіемъ М. Аврелія, Мартъ считаетъ нужнымъ снять съ него обвиненіе въ преслѣдованіи христіанъ. Онъ допускаетъ, что въ царствованіе М. Аврелія были отдѣльные случаи мученичества, но только въ Галліи и Малой-Азіи, вдали отъ императора и помимо его воли. Что самъ императоръ не приказывалъ казнить христіанъ, а наоборотъ, уничтожилъ *de facto* силу существовавшихъ противъ нихъ законовъ, назначивъ строгія наказанія ихъ обвинителямъ — въ подтвержденіе этого Мартъ ссылается на свидѣтельство Лактанція и Тертуліана. Если бы Мартъ былъ, подобно Буассе, знакомъ съ нѣмецкой исторической литературой (во всей его книгѣ мы не встрѣчаемъ ни одной ссылки на нѣмецкаго писателя), онъ понялъ бы бездоказательность, да и безцѣльность этой ссылки. Не говоря уже о Лактанціѣ, жившемъ столѣтіе спустя послѣ М. Аврелія, и Тертуліанѣ никакъ не можетъ быть отнесенъ къ числу достовѣрныхъ свидѣтелей по спорному вопросу. Онъ объясняетъ снисходительность М. Аврелія къ христіанамъ чудомъ, совершившимся въ 174 г. во время похода императора противъ маркоманновъ, вслѣдствіе молитвы христіанскихъ солдатъ его войска; между тѣмъ гоненіе христіанъ въ Галліи происходило три года спустя, въ 177 г. Мнимый эдиктъ М. Аврелія въ пользу христіанъ состоитъ въ тѣсной связи съ легендой о вышеупомянутомъ чудѣ, а одинъ изъ подлинныхъ эдиктовъ императора, не возбуждающій никакихъ сомнѣній, грозитъ смертію или ссылкой за распространеніе новыхъ религіозныхъ ученій, производящихъ смуту и тревогу въ умахъ. Целлеръ, не менѣе Марта понимающій и цѣнящій величіе М. Аврелія, поступаетъ гораздо благоразумнѣе, чѣмъ

французскій писатель; онъ не отрицаетъ факта преслѣдованія христіанъ при М. Авреліѣ, признавая его достаточно доказаннымъ, но старается объяснить его ¹⁾. Онъ напоминаетъ, какъ тѣсно римское государство было связано съ римской религіей, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ въ составъ ея вошла апофеоза императоровъ; онъ указываетъ на то, что терпимость римлянъ къ другимъ религіямъ предполагала такую же терпимость со стороны послѣднихъ.

Съ ученіемъ, отрицающимъ всякую долю истины въ государственной религіи, но не ищущимъ прозелитовъ, замыкающихся въ тѣсный кругъ небольшой національности, правительство могло еще, до поры до времени, мириться; но христіанство не довольствовалось, подобно еврейству, такою скромною ролью, пропаганда, ничѣмъ не ограниченная, истекала изъ самой сущности его. Отсюда враждебное отношеніе къ христіанамъ именно тѣхъ императоровъ, которые всего больше принимали въ сердцу процвѣтаніе государства, всего больше были проникнуты старыми римскими преданіями. Христіане уклонялись отъ военной и гражданской службы, избѣгали обращенія къ правительственной и судебной власти, отказывали во внѣшнихъ знакахъ почтенія изображеніямъ императоровъ, чуждались всякаго общенія съ язычниками—стремились, однимъ словомъ, къ тому, чтобы образовать государство въ государствѣ. Преслѣдованіе ихъ имѣло, сообразно съ этимъ, чисто-политическій характеръ и могло прекратиться только тогда, когда государство — прежде предметъ ужаса и отвращенія для христіанъ—само сдѣлалось христіанскимъ. Осуждать М. Аврелія за то, что онъ не отмѣнилъ эдиктовъ противъ христіанъ, значило бы вѣнчать ему въ вину, что онъ родился во II-мъ, а не въ III-мъ вѣкѣ по Р. Х. Маркъ Аврелій—это понимаетъ и Мартъ—не былъ и не могъ быть Константиномъ, потому что не настало еще время для свѣтскаго торжества христіанства, а между политикой Константина и политикой М. Аврелія для римскихъ императоровъ, серьезно относившихся къ своимъ обязанностямъ, не было середины. Апологія М. Аврелія, предпринятая Мартомъ, является, такимъ образомъ, совершенно излишней.

Къ Ювеналу Мартъ гораздо строже, чѣмъ къ Сенекѣ. По общепринятому мнѣнію, Ювеналъ былъ высланъ Домиціаномъ изъ Рима въ Египетъ за то, что задѣлъ въ одной изъ своихъ сатиръ императорскаго любимца; Мартъ, не анализируя этого мнѣнія и не приводя противъ него никакихъ аргументовъ, принимаетъ гораздо менѣе правдоподобное предположеніе, что высылка Ювенала изъ Рима

¹⁾ См. прекрасный этюдъ Целлера о М. Авреліѣ, въ первой части его „Vorträge und Abhandlungen geschichtlichen Inhalts“, Leipzig, 1865.

вослѣдовала при Адрианѣ (когда ему было уже около восьмидесяти лѣтъ отъ роду). Исходя изъ этого предположенія, онъ утверждаетъ, что Ювеналъ началъ порицать Домиціана лишь послѣ его смерти, когда такое порицаніе было не только безопасно, но даже выгодно. Если вѣрить Марту, сатиры Ювенала вообще написаны заднимъ числомъ; онѣ касаются прошлаго, повѣствуютъ о давно совершившихся событіяхъ. „Этотъ живописецъ-историкъ, — говоритъ Мартъ, — описываетъ не то, что онъ видитъ, а то, что онъ видѣлъ, слышалъ и о чемъ онъ помнить. Негодованіе его не есть современная скорбь, не есть внезапный гнѣвъ, возбужденный зрѣлищемъ общественнаго упадка“. Въ подтвержденіе этого взгляда Мартъ приводитъ только преобладаніе риторики у Ювенала, искусственность, которою часто отличается его раздраженіе. Безспорно, Ювеналъ, какъ и большинство писателей его времени, не былъ чуждъ риторическихъ приемовъ; но если они не исключаютъ искренности у Сенеки, столь превозносимаго Мартомъ, то почему же они несомнѣстны съ искренностью у Ювенала? Отвергать собственное свидѣтельство поэта о томъ, какимъ образомъ онъ сдѣлался сатирикомъ, мы не имѣемъ никакого основанія. Допустимъ, что его сатиры написаны болѣею частью при Траянѣ (хотя многіе полагаютъ, что онъ привезъ нѣкоторыя изъ нихъ готовыми изъ изгнанія); но развѣ переменѣ въ лицѣ императора могла сразу измѣнить нравы римскаго общества? Развѣ наглые богачи-вольнотпущенники, низко нависшіе аристократы, развратныя матроны, назойливые иноземцы исчезли изъ Рима въ моментъ смерти Домиціана? Когда бы ни были написаны сатиры Ювенала, въ матеріалѣ для нихъ, почерпнутомъ изъ настоящаго, изъ живой дѣйствительности, онъ никогда не могъ встрѣтить недостатка. Едва ли справедливо также замѣчаніе Марта, что Ювеналъ доказалъ свою философскую недалковидность, изливая свой гнѣвъ на вольнотпущенниковъ, такъ какъ увеличеніе ихъ числа и вліянія способствовало ослабленію сословныхъ предразсудковъ и проложило дорогу къ уничтоженію рабства. Ювеналъ былъ сыномъ вольнотпущенника и никогда не осуждалъ въ принципѣ эманципацію рабовъ; онъ бичевалъ только тѣхъ вновь испеченныхъ гражданъ, которые тупо и неумѣло кичились приобрѣтеннымъ, *per fas et nefas*, богатствомъ. Цитируя одно мѣсто изъ третьей сатиры Ювенала, Мартъ видитъ въ немъ пренебреженіе къ труду, насмѣшку надъ промышленниками и торговцами; онъ забываетъ, что лицо, говорящее въ сатиру отъ имени поэта, за нѣсколько стиховъ передъ тѣмъ мотивируетъ свою рѣшимость удалиться изъ Рима именно невознаграждаемостью въ немъ труда (*nulla emolumenta laborum*), удающагося лишь тѣмъ, кто умѣетъ превращать черное въ бѣлое (*qui nigrum in candida*

vertunt). Только противъ *такихъ* промышленниковъ, только противъ людей, одинаково легко берущихся за постройку дома или гавани ¹⁾ и за продажу рабовъ съ публичнаго торга, и направлено остріе Ювеналовской сатиры. Помимо этихъ и нѣсколькихъ другихъ придирчивыхъ замѣчаній, этюдъ Марта о Ювеналѣ можетъ быть названъ живой характеристикой величайшаго изъ римскихъ сатириковъ. Въ русской литературѣ ему едва-ли уступаетъ, впрочемъ, статья г. Благовѣщенскаго о Ювеналѣ, напечатанная лѣтъ двадцать тому назадъ.

IV.

— *Th. Fernexi, la Réforme de l'enseignement public en France. Paris, 1879.*

Вопросъ объ учебной реформѣ стоитъ на очереди въ французской палатѣ депутатовъ; книга Фернеля имѣетъ цѣлью приготовить общественное мнѣніе къ широкимъ преобразованіямъ въ этой области. Если критика автора не падаетъ ни одной изъ сторонъ дѣйствующей теперь системы, то предложенія его рѣдко имѣютъ радикальный характеръ; онъ не хочетъ ломки всего существующаго, онъ старается сохранить все то, чего нельзя признать абсолютно песомнѣстнымъ съ требованіями времени. Познакомясь съ программой Фернеля, мы познакоимся съ желаніями и цѣлями значительнаго отдѣла умѣренно-демократической партіи во Франціи, насколько они касаются народнаго образованія.

Всего обширнѣе и обстоятельнѣе та часть книги Фернеля, которая посвящена начальному обученію. Авторъ стоитъ на обязательности его, обуславливая ее только практической осуществимостью, т.-е. наличностью школы, достаточно близкой къ населенію данной мѣстности. Безвозмездность начального обученія, въ томъ абсолютномъ смыслѣ, въ какомъ ее понимаетъ большинство демократической партіи, Фернель считаетъ вредной; онъ находитъ, что обязанность заботиться объ обученіи ребенка лежитъ прежде всего на отцѣ семейства, къ которому государство должно являться на помощь лишь тогда, когда онъ дѣйствительно нуждается въ помощи. Для бѣднаго ничего нѣтъ унижительно въ освобожденіи отъ школьнаго сбора, платимаго болѣе достаточными лицами; опасаться неравен-

¹⁾ Судя по слову *conducere*, употребленному позтомъ, здѣсь идетъ рѣчь не столько о строителяхъ, сколько о нанимателяхъ, подъ именемъ которыхъ одинъ изъ нѣмецкихъ переводчиковъ Ювенала разумѣетъ казенныхъ подрядчиковъ. Если это такъ, то нерасположеніе Ювенала къ промышленникамъ такого рода сдѣлается для насъ еще болѣе понятнымъ.

ства или антагонизма между учениками платящими и неплатящими нѣтъ ни малѣйшаго основанія, какъ это доказываетъ примѣръ среднихъ учебныхъ заведеній. Третій спорный вопросъ, касающійся начального обученія—вопросъ о такъ-называемой свѣтскости его—Фервель разрѣшаетъ очень осторожно. Онъ не считаетъ нужнымъ запрещать членамъ монашескихъ конгрегацій преподаваніе въ народныхъ школахъ; онъ требуетъ лишь подчиненія ихъ общему порядку, т.-е. допущенія ихъ къ преподаванію только подъ условіемъ представленія ими общеустановленнаго учительскаго диплома ¹⁾, и не иначе какъ по программѣ, утвержденной правительственною властью. Всякое уклоненіе отъ программы должно, по его мнѣнію, имѣть послѣдствіемъ удаленіе учителя или учительницы, а удостовѣряться въ соблюденіи ея должны правительственные инспекторы и выборные уполномоченные отъ округа (кантона, соотвѣтствующаго приблизительно нашей волости). Преподаваніе закона Божія должно быть предоставлено духовнымъ лицамъ тѣхъ исповѣданій, къ которымъ принадлежатъ ученики или ученицы; оно можетъ происходить въ помѣщеніи школы, но не должно считаться составною частью школьнаго обученія, для всѣхъ обязательнаго и стоящаго подъ контролемъ государства. Содержаніе школьныхъ учителей составляетъ въ настоящее время, по закону 1875 г., отъ 900 до 1,200 франковъ; авторъ признаетъ эту цифру достаточною, онъ желалъ бы только повысить минимумъ ея до 1,000 франковъ. Въ числу обязательно преподаваемыхъ предметовъ онъ предлагаетъ присоединить курсъ общественной морали и элементарныхъ понятій о французскомъ государственномъ правѣ, находя, что при всеобщей подачѣ голосовъ ни одинъ гражданинъ не долженъ быть лишенъ этихъ необходимыхъ для политической жизни свѣдѣній. Онъ желаетъ, далѣе, возможно-большаго увеличенія числа женскихъ начальныхъ училищъ, увеличенія вознагражденія учительницъ ²⁾, учрежденія въ каждомъ департаментѣ нормальныхъ школъ для приготовленія народныхъ учительницъ ³⁾, преподаванія въ женскихъ училищахъ курса общественной морали, приспособленнаго къ будущимъ обязанностямъ женщинъ. Замѣчательно, что онъ не говоритъ ни слова о возможности совмѣстнаго начального обученія мальчиковъ и дѣвочекъ, допущеннаго не

¹⁾ Въ настоящее время члены монашескихъ конгрегацій допускаются къ преподаванію въ народныхъ школахъ безъ диплома, по одному только удостовѣренію своего начальства.

²⁾ По закону 1875 г. народныя учительницы получаютъ отъ 600 до 900 франковъ въ годъ.

³⁾ Въ настоящее время такихъ школъ во Франціи 17, между тѣмъ какъ число нормальныхъ школъ для приготовленія народныхъ учителей доходитъ до 79.

только въ Сѣверной-Америкѣ, но и въ Германіи, и даже у насъ въ Россіи; а между тѣмъ, введеніе его во Франціи позволило бы установить обязательность начального обученія для дѣвочекъ, на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ Фернелъ требуетъ ея для мальчиковъ. Въ заключеніе своихъ замѣтокъ о начальномъ обученіи Фернелъ доказываетъ необходимость организовать *высшее начальное обученіе* (instruction primaire supérieure), предусмотрѣнное уже закономъ 1833 г., но до сихъ поръ остающееся только на бумагѣ. Руководствуясь примѣромъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, онъ предлагаетъ учредить въ главномъ городѣ cadaго уѣзда (arrondissement) высшее народное училище, программа котораго согласовалась бы съ господствующими въ данной мѣстности занятіями; въ мѣстностяхъ преимущественно земледѣльческихъ на первомъ планѣ должны были бы стоять свѣдѣнія, полезныя для земледѣлія, и т. д. Общими предметами обученія для всѣхъ высшихъ училищъ должны быть, по мысли Фернеля, ариметика, геометрія, исторія, географія, физика и естественная исторія, конечно не въ полномъ ихъ объемѣ, а въ элементарныхъ очеркахъ, приспособленныхъ къ требованіямъ практической жизни ¹⁾. Въ главномъ городѣ cadaго округа (canton) Фернелъ признавалъ бы возможнымъ открыть *высшіе курсы*, для преподаванія нѣкоторыхъ, особенно важныхъ по мѣстнымъ условіямъ, предметовъ изъ числа тѣхъ, которые входили бы въ составъ программы высшаго народнаго училища. У насъ въ Россіи высшими народными школами могутъ считаться двухклассныя сельскія училища; но кругъ предметовъ, преподаваемыхъ въ этихъ училищахъ, гораздо тѣснѣе того, о которомъ говоритъ Фернелъ.

Для читателей „Вѣстника Европы“ особенно интереснымъ представляется мнѣніе Фернеля о среднемъ образованіи во Франціи. Подобно Ж. Симону и другимъ писателямъ, занимавшимся въ послѣднее время этимъ вопросомъ, Фернелъ считаетъ организацію среднего образованія крайне неудовлетворительною, именно вслѣдствіе излишняго преобладанія въ немъ классическаго элемента. „Среднее образованіе,—говоритъ онъ,—остается до сихъ поръ такимъ, какими создали его іезуиты въ XVI и XVII в., т. е. преимущественно литературнымъ, между тѣмъ какъ оно должно быть критическимъ и научнымъ, оно готовить адвокатовъ, ораторовъ, профессоровъ, а не людей и гражданъ, одинаково способныхъ ко всѣмъ профессіямъ... Наши молодые люди, послѣ восьми или десяти лѣтъ, проведенныхъ ими въ коллегіумѣ или лицей, вступаютъ въ практическую

¹⁾ Законъ объ организаціи высшаго начального обученія, въ главныхъ чертахъ сходный съ проектомъ Фернеля, уже внесенъ въ палату депутатовъ.

жизнь съ скуднымъ запасомъ знаній, бѣльшою частію ничѣмъ не связаннымъ съ ихъ будущими обязанностями. Они неизбежно олаждаются къ образованію, потому что не чувствуютъ никакой непосредственной отъ него пользы; они спѣшаютъ закрыть свои латинскія и греческія книги и забыть то немногое, чему изъ нихъ научились. У лѣнивыхъ нѣтъ охоты перевоспитывать себя; прилежнымъ и хотѣлось бы наверстать потерянное время, но требованія жизни рѣдко даютъ имъ къ тому возможность ¹⁾. Говорятъ, что цѣль среднего образованія—не приготовленіе къ опредѣленнымъ профессіямъ или обязанностямъ, а общее развитіе, которое вездѣ и всегда пригодится. Дѣйствительность не оправдываетъ этого взгляда. Достаточно короткаго разговора съ молодыми людьми, принадлежащими къ лучшей части нашей буржуазіи, чтобы придти въ ужасъ отъ умственной пустоты ихъ. Помимо удовольствій, ихъ ничего не интересуетъ. Рѣдкій изъ нихъ въ состояніи понять и перевести безъ приготовленія нѣсколько строкъ изъ тѣхъ греческихъ и латинскихъ авторовъ, изученію которыхъ была посвящена вся первая ихъ молодость. Оставаясь вѣрнымъ своей обычной сдержанности, Фернэль не предлагаетъ и здѣсь ничего радикальнаго; онъ не желаетъ пожертвовать классицизмомъ, но считаетъ необходимымъ ввести его въ надлежащіе предѣлы и такимъ образомъ очистить мѣсто для научнаго элемента. Съ 1866 г. во французскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ существуетъ, рядомъ съ обученіемъ классическимъ, такъ-называемое *отдѣльное* обученіе, имѣющее много общаго съ курсомъ нашихъ реальныхъ училищъ; но оно продолжается только нѣтъ лѣтъ (вмѣсто девяти, обнимаемыхъ классическимъ преподаваніемъ) и не открываетъ доступа къ высшему образованію. Этоже объясняется небольшимъ, сравнительно, числомъ учениковъ, избирающихъ дорогу спеціальнаго обученія. По мнѣнію Фернэля, дѣйствующая теперь программа спеціальнаго обученія должна, съ небольшими измѣненіями, сдѣлаться общей программой среднего образованія, въ первомъ его періодѣ. Въ продолженіе первыхъ пяти лѣтъ всѣ ученики среднихъ учебныхъ заведеній должны обучаться однимъ и тѣмъ же предметамъ, въ однихъ и тѣхъ же предѣлахъ; затѣмъ должна слѣдовать такъ-называемая бифуркація обученія, т. е. избраніе каждымъ ученикомъ, желающимъ продолжать ученіе, спеціальныхъ занятій, соответствующихъ его видамъ на будущее. Такихъ спеціальностей въ проекту Фернэля предполагается три: приготовленіе къ либераль-

¹⁾ Припомнимъ знаменательныя слова Рибо, приведенныя нами въ предыдущемъ Литературномъ обзорѣ: „вторая половина нашей жизни проходитъ въ стараніяхъ забыть то, чему мы научились въ юности“.

ныиъ профессіиъ (адвокатура, медицина, профессура и т. п.), приготовленіе къ торговой или промышленной дѣятельности, приготовленіе къ высшимъ правительственнымъ школамъ (политическая школа, сѣнъ-сирское военное училище и др.). Въ общій, для всѣхъ одинаковый, пятилѣтній курсъ средняго обученія, предназначенный для мальчиковъ отъ десяти до пятнадцати лѣтъ, Фернелъ включаетъ слѣдующіе предметы: языки французскій, нѣмецкій и англійскій, географію, исторію, ариметику, геометрію (всю), начальныя основанія алгебры и механики, счетоводство, естественную исторію, физику, химію, частную и общественную нравственность. Въ продолженіе послѣдняго, пятаго, года къ нимъ присоединяется преподаваніе латинскаго языка. Что касается до спеціальныхъ курсовъ, то Фернелемъ составлены примѣрныя программы только для двухъ первыхъ. Для молодыхъ людей, готовящихся къ либеральнымъ профессіямъ, спеціальное обученіе должно продолжаться четыре года и обнимать собою, кромѣ языковъ (латинскаго, греческаго, французскаго, нѣмецкаго и англійскаго), исторію, философію и космографію. Курсъ геометріи дооляется только свѣдѣніями о кривыхъ линіяхъ, а преподаваніе алгебры, механики, физики и химіи ограничивается повтореніемъ пройденнаго на общихъ курсахъ. Для молодыхъ людей, готовящихся къ промышленной или торговой дѣятельности, спеціальное обученіе должно продолжаться три года и обнимать собою: языки французскій, нѣмецкій и англійскій, политическую экономію, коммерческую географію, науку о финансахъ, окончаніе геометріи, алгебры и механики, тригонометрію, прикладную физику и химію, космографію, гигиену, исторію (въ особенности исторію труда и изобрѣтений), философію и общественную нравственность. Претивъ составленія латинскихъ рѣчей и стиховъ Фернелъ возстаетъ съ большою силой, находитъ его не только бесполезнымъ, но и вреднымъ, приучающимъ къ демагогіи, къ механическому заимствованію чужихъ фразъ и мыслей; вмѣсто этихъ упражненій онъ предлагаетъ отвести больше мѣста сочиненіямъ на родномъ языкѣ, устному развитію заданной темы. Для основательнаго знакомства съ греческимъ языкомъ (на спеціальныхъ курсахъ второй категоріи) вполне достаточно, по его мнѣнію, трехъ лѣтъ, такъ какъ изучать его будутъ не мальчики, а юноши, сознательно и добровольно избравшіе этотъ родъ занятій. Для дѣвицъ Фернелъ считаетъ необходимымъ открыть особые курсы во всѣхъ тѣхъ городахъ, гдѣ существуютъ мужскія среднія учебныя заведенія. Обязательными предметами на этихъ курсахъ должны быть: французскій языкъ, исторія французской литературы, одинъ изъ новыхъ языковъ, французская исторія, очеркъ всеобщей исторіи, географія, арифметика, начальныя основанія наукъ физическихъ и

естественныхъ, гигиѣна, домашняя экономія (?), общія понятія о дѣйствующемъ правѣ, философія, теорія и исторія изящныхъ искусствъ, руководѣлыя.

О высшемъ образованіи Фернелъ говоритъ сравнительно немного. Онъ стойтъ за исключительное право государства на выдачу дипломовъ, удостоверяющихъ высшее образованіе, поддерживаетъ перенесеніе во Францію института приватъ-доцентуры и предлагаетъ разные мѣры для увеличенія числа студентовъ, особенно незначительнаго теперь въ провинціальныхъ факультетахъ.

Многіе изъ вопросовъ; разрѣшаемыхъ Фернелемъ, представляются крайне спорными; такова, напримѣръ, предлагаемая имъ бифуркація (или — правильнѣе — терфуркація) курса среднихъ учебныхъ заведеній, безъ всякаго успѣха испытанная въ нашихъ гимназіяхъ лѣтъ тридцать тому назадъ. Нельзя не признать, однако, что въ систему Фернеля она введена вполне послѣдовательно. Если основательное знакомство съ языками греческимъ и латинскимъ необходимо не только для будущихъ филологовъ или историковъ, но и для будущихъ адвокатовъ, медиковъ, администраторовъ, то освободить отъ изученія ихъ остальныхъ учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній нельзя иначе, какъ посредствомъ бифуркаціи. Фернелъ можно упрекнуть только въ томъ, что основное положеніе его — о важности древнихъ языковъ для *всѣхъ* готовящихся въ либеральнымъ профессіямъ — принято имъ безъ дальнѣйшей повѣрки, какъ нѣчто почти не требующее доказательствъ. Многое можно было бы возразить противъ программъ, начертанныхъ Фернелемъ, — напримѣръ, противъ второстепенной роли, отводимой математическимъ наукамъ; противъ преподаванія частной и общественной морали, какъ отдѣльнаго предмета, — противъ рѣзкой черты, отдѣляющей женское среднее образованіе отъ мужского; — но мы не станемъ вдаваться въ подробности, которыми самъ Фернелъ не придаетъ существенно-важнаго значенія. Сочиненіе его важно и интересно не какъ полное, удовлетворительное разрѣшеніе сложнаго и труднаго вопроса о народномъ образованіи, а какъ знаменіе времени, какъ новая попытка отрѣшиться отъ рутинъ, какъ новый отголосокъ идей, все болѣе и болѣе распространяющихся во Франціи, — и не въ одной только Франціи. Большой заслугой Фернеля слѣдуетъ признавать также свободу отъ національныхъ предрассудковъ; онъ не только не восхваляетъ всего французскаго, но высоко цѣнитъ примѣры другихъ странъ, мнѣнія чужеземныхъ писателей, не исключая и нѣмецкихъ (напримѣръ, Дюбуа-Реймона). — К. К.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е октября, 1879.

Судебная практика и нравы.—Беззащитность ремесленныхъ учениковъ.—Безнаказанность вредной желѣзно-дорожной экономіи.—Подсудность военно-служащихъ за общія правонарушенія.—Дисциплинарный уставъ.—Особенности военно-судебныхъ уставовъ.—Новый законъ о земствѣ.—Поступленіе таможенныхъ сборовъ.—Налогъ на соль.

Въ Россіи такъ еще недавно вовсе не было гласности, да и существующая гласность обставлена извѣстными условіями, такъ что въ дѣйствительности каждый знаетъ наши порядки только изъ собственнаго опыта. Едва ли не къ отсутствію откровенныхъ описаній разныхъ сторонъ русской жизни, практики разныхъ мѣстъ и лицъ, да и вообще крупныхъ фактовъ, дѣйствительно совершающихся, слѣдуетъ отнести и то явленіе, что самое наше представленіе о самихъ себѣ, о нашихъ нуждахъ и нашихъ нравахъ у насъ какъ-то еще не установилось. Мы все еще продолжаемъ „открывать“ себя, какъ какунибудь невѣдомую Америку, и открытія, къ какимъ мы приходимъ, столь же разнообразны, какъ личное наше воспитаніе, положеніе и темпераментъ. Возьмите, напр., разнообразіе, доходящее до противоположности, ходящихъ или проявляющихся у насъ по временамъ представленій о нравахъ крестьянства, о военномъ сословіи, о дворянствѣ и разночинцахъ. Одни кружки съ отрицаніемъ и даже съ пренебреженіемъ смотрятъ на все происходящее, по ихъ мнѣнію, въ другихъ кружкахъ; одни видятъ у крестьянъ только пьянство, а другіе совѣтуютъ искать въ немъ идеаловъ. Нѣтъ сомнѣнія, что только долговременное дѣйствіе гласности и при томъ гласности широкой, въ кругу которой не исключалось бы все наиболѣе важное и рельефное, можетъ собрать фактическій матеріалъ, который устранилъ слишкомъ рѣзкія разнорѣчія и ознакомитъ насъ съ самими собой настолько, чтобы мы не впадали попеременно то въ ничтожность

передъ самыми образованными народами, то въ какое-то отчаяніе когда-либо сравниться съ ними въ цѣннѣйшихъ человѣческихъ свойствахъ: разумности жизни и человѣчности нравовъ.

Начало для собиранія именно фактическихъ данныхъ о русскихъ нравахъ, обычаяхъ и порядкахъ было положено практикою новыхъ, гласныхъ судовъ. Судебная гласность имѣла два преимущества: она, во-первыхъ, представляла точное изслѣдованіе характерныхъ фактовъ; во-вторыхъ, раскрывала частную жизнь въ такой мѣрѣ, какъ печать не только у насъ, но и нигдѣ дѣлать того не можетъ. Судебною гласностью уже и въ короткое время ее существованія добытъ богатый фактическій матеріалъ для точнаго жизнеописанія русскаго народа и его сословій. Нѣтъ нужды, что уголовныя данныя, по свойству своему, представляютъ явленія патологическія. Вѣдь фیزیологъ на трупахъ изучаетъ жизненныя отправления человѣческаго тѣла. Цѣнное, ничѣмъ не замѣнимое свойство уголовныхъ данныхъ и заключается именно въ той точности, какой не могутъ имѣть данныя иного рода: слухи, частныя разсказы или беллетристическія произведенія, силіящіяся воспроизвести жизнь, но все же запечатлѣнныя произволомъ фантазіи.

Немаловажную услугу оказалъ бы тотъ писатель, который занялся бы изученіемъ по возможности большаго числа уголовныхъ дѣлъ, относящихся къ разнымъ сословіямъ и мѣстностямъ Россіи, и представилъ бы каждое изъ просмотрѣнныхъ имъ дѣлъ, въ видѣ краткаго, но точнаго разсказа о случившемся. Затѣмъ, свѣдѣнія уголовной статистики, публикуемыя ежегодно, могли бы дать важное средство для нѣкоторыхъ обобщеній, причемъ, конечно, для убѣдительности, необходима большая осторожность въ выводахъ. Такого рода сборники были бы весьма полезны не только для познанія нашихъ темныхъ сторонъ нашей жизни, но и для соображеній законодателя.

Не сомнѣваемся, что однимъ изъ несомнѣннѣйшихъ выводовъ изъ подобнаго фактическаго изученія нравовъ было бы убѣжденіе въ несносности существованія многочисленнаго класса ремесленныхъ учениковъ, необходимость измѣненія въ нашихъ законахъ въ смыслѣ оказанія болѣе дѣйствительнаго покровительства малолѣтнимъ. Мы уже не разъ обращали вниманіе на этотъ предметъ и не устанемъ возвращаться къ нему. Не отдѣльныя газетныя извѣстія объ обнаруживающихся случаяхъ жестокаго обращенія съ дѣтми, и въ особенности съ дѣтми, отданными въ ученю мастерамъ, но много недвигаютъ дѣло. Даже сурдобольный читатель, и тотъ, протитавъ подобный разсказъ объ отдѣльномъ случаѣ, можетъ сказать себѣ: мало-ли чего не бываетъ иногда на свѣтѣ, и этимъ соображеніемъ

выполнѣ успокоить себя, къ чему вообще такъ склонены русскій чело-
вѣкъ. Отчеты о судебномъ разбирательствѣ такихъ дѣлъ дѣйствуютъ
уже сильнѣе. Но они все-таки повѣствуютъ какъ-бы о единичныхъ
случаяхъ. Между тѣмъ, подобныхъ дѣлъ производится въ судахъ не
одинъ десятокъ въ годъ; а если сообразить, каково ничтожный про-
центъ случаевъ жестокаго обращенія съ малолѣтними — по самому
свойству такихъ дѣлъ, то-есть по неспособности потерпѣвшей сто-
роны вчинать ихъ—можетъ доходить до судебного разбирательства,
то по-всего-таки признадешься надъ той массой страданій, какую
надо предполагать позади отдѣльных случаевъ дѣйствительно до
суда дошедшихъ. Вотъ если бы составитель предполагаемаго нами
сборника выпустилъ на первый разъ сотню краткихъ, но точныхъ
разказовъ, на основаніи судебныхъ данныхъ, объ истязаніяхъ, ка-
кимъ подвергались дѣти,—тогда впечатлѣніе вышло бы серьезное и
прочное, и едва-ли бы не проникло въ законодательныя сферы убѣж-
деніе о невозможности оставлять дѣтей беззащитными, отъ прозе-
вола безчеловѣчныхъ мастеровъ, опекуновъ и даже родителей.

Нельзя не пожелать, чтобы по крайней мѣрѣ въ свѣдѣніяхъ по
уголовной статистикѣ, издаваемыхъ министерствомъ юстиціи, была
заведена особая таблица для дѣлъ этого рода.

Недавно въ петербургскомъ окружномъ судѣ производилось по-
добное дѣло, замѣчательное особенно тѣмъ, что въ немъ, едва-ли не
въ первый разъ со времени дѣйствія новыхъ судовъ, мастеръ, жестоко
обращавшійся съ ребенкомъ, былъ приговоренъ къ наказанію, въ
самомъ дѣлѣ чувствительному. Внимательный мастеръ Крыловъ, учи-
щенный въ истязаніи своего девятилѣтняго ученика, приговоренъ къ
лишенію нѣкоторыхъ правъ и отдачѣ въ арестантскія роты на годъ
и три мѣсяца. Узнавъ объ обстоятельствахъ этого дѣла только изъ
газетной замѣтки, мы можемъ объяснить себѣ продолжительность
его производства (преступленіе совершено въ декабрѣ 1876 года, а
приговоръ состоялся 4 минувшаго сентября) только догадкою, не былъ
ли кассированъ первоначальный приговоръ суда. Но нѣтъ, конечно, не
считается преувеличеннымъ опредѣленное Крылову наказаніе. Онъ былъ
девятилѣтняго мальчика ремнями тагъ, что у того все тѣло было
въ рубцахъ и язвахъ, держалъ его въ одной рубашкѣ, спавивалъ
ему ноги цѣпью и замкомъ на нѣсколько дней и подвѣшивалъ его
на крючокъ внизъ головою. Пожалѣть можно развѣ о томъ, что за-
конъ не караетъ еще строже подобныхъ злодѣевъ. Въ особенности,
имѣя въ виду, что лишь рѣдкіе случаи жестокости съ дѣтьми мо-
гутъ доходить до суда, слѣдуетъ желать, чтобы по крайней мѣрѣ
въ этихъ случаяхъ виновные подвергались возможно-строгой карѣ.

Нельзя также не настаивать на томъ, что доведеніе всѣхъ слу-

чаевъ истязанія дѣтей, кѣмъ бы то ни было, хотя бы и родителями, до свѣдѣнія прокурорскаго надзора есть прямая обязанность всякаго порядочнаго человѣка, которому случилось съ достовѣрностью узнать о такомъ случаѣ.

Но, сверхъ того, представляется совершенно необходимымъ пересмотръ законовъ объ отношеніяхъ между мастерами и учениками, независимо отъ такъ давно вырабатываемыхъ и все еще не готовыхъ общихъ правилъ о наймѣ. Въ данномъ случаѣ дѣло не терпитъ отлагательства, и каждый годъ откладыванія такого пересмотра можетъ быть причиною массы такихъ страданій, которыя въ сколько-нибудь благоустроенномъ обществѣ не должны быть допускаемы. Изъ дѣла Крылова мы узнаемъ, напримѣръ, такой, вѣроятно, вовсе не рѣдкій фактъ: мальчикъ на девятомъ году былъ отданъ матерью какому-то старику, который и привезъ его „вмѣстѣ съ другими мальчиками“ въ Петербургъ. Здѣсь старикъ отдалъ его на четыре года въ ученье (т.-е. продалъ его) мастеру Крылову за 15 рублей. И законъ нашъ терпитъ такую кабалу, такое право собственности! По крайней мѣрѣ на практикѣ, это выходитъ такъ. Мальчикъ-мученикъ нѣсколько разъ убѣгалъ отъ хозяина, но каждый разъ былъ приводимъ полиціей, за чѣмъ слѣдовало новое истязаніе. Конечно, полиція не для этой цѣли „водворяла“ бѣглеца къ хозяину. Но она охраняетъ въ подобныхъ случаяхъ договорное право, право собственности. Ученикъ сданъ мастеру на четыре года, за что заплачено 15 рублей, и вотъ, чтобы не нарушить это право, чтобы мастеръ не лишился своихъ денегъ, приносятся въ жертву первѣйшія требованія гуманности и защищается то, что есть худшее изъ всѣхъ видовъ рабства. Что-то случилось съ тѣми „другими мальчиками“, которыхъ привезъ старикъ въ Петербургъ, вмѣстѣ съ Крыловскимъ? Не подвергся-ли кто изъ нихъ сходной участи и не обратился ли за помощью—не къ суду, о которомъ ничего не зналъ, а къ Фонтанкѣ, Мойкѣ или Невѣ, какъ то зачастую бываетъ?

Защитники всякаго произвола, которые у насъ находятся такъ легко, готовы возразить, что съ установленіемъ большаго покровительства ремесленнымъ ученикамъ со стороны закона, съ предоставленіемъ, напр., мировымъ судьямъ права расторгать контракты по найму малолѣтнихъ, въ случаѣ злоупотребленій, и лишеніемъ участіи въ нихъ хозяевъ права имѣть учениковъ—мастера вовсе не будутъ брать ихъ, а это будетъ стѣсненіемъ для бѣдныхъ семей. Нѣтъ, мастера не откажутся отъ удобства за 15 рублей имѣть мальчика слугою въ продолженіи четырехъ лѣтъ, что составляетъ около одной копѣйки въ день, кромѣ содержанія. А извѣстно, какое для нихъ полагается содержаніе. Въ любой мирный день можно встрѣ-

титъ мальчика въ халатѣ и безъ шапки, тащущаго изъ трактира тяжелый чайникъ съ кипяткомъ или изъ погреба бутылъ водки для хозяина и подмастерьевъ. Ни одинъ мастеръ, изъ-за того только, что долженъ будетъ отказываться отъ права изглаженія дѣтей, повѣрьте, не откажется отъ крайне выгодной для себя ихъ эксплуатаціи.

Что касается самой эксплуатаціи человѣческихъ силъ по баснословно-дешевой цѣнѣ и въ ущербъ самому здоровью, то этого явленія, конечно, законы отворотить не могутъ. Въ этомъ отношеніи отличаются уже не только ремесленники, иногда сами испытывающіе нужду, но богатѣйшія желѣзно-дорожныя общества. Здѣсь опять мы встрѣчаемся съ судебнымъ дѣломъ, которое бросаетъ свѣтъ и на наши нравы и на бытъ многочисленной категоріи людей въ русскомъ государствѣ. Это дѣло разсматривалось въ московскомъ окружномъ судѣ. Въ декабрѣ прошлаго года, на московско-рязанской желѣзной дорогѣ пассажирскимъ поѣздомъ былъ раздавленъ переѣзжавшій черезъ дорогу крестьянинъ Архиповъ. Обвиненіе пало на сторожника Донцова, которая обязана была сторожить у шлагбаума на переѣздѣ черезъ дорогу.

Донцова объяснила на судѣ, что на этомъ переѣздѣ ей приходится пропускать ежедневно до 500 подводъ, а иногда, передъ праздникомъ, и того болѣе. Донцова не разъ просила дать ей кого-нибудь въ помощь, такъ какъ она и ночью не имѣетъ покою, принужденная безпрестанно поднимать и опускать шлагбаумъ. Но помощника ей не давали. А жалованья за такую, невозможную для одного человѣка работу получала она по три рубля въ мѣсяцъ, и служила уже 12 лѣтъ. И кто же платилъ такое жалованье за такую работу—управленіе богатѣйшей желѣзной дороги въ Россіи—какъ замѣчаетъ „Недѣля“, рассказывая эти факты. По закону, въ допущенномъ несчастіи виновата, конечно, Донцова; былъ сильный морозъ, она крѣпко заснула и не опустила шлагбаума. Но можно ли не признать, что въ дѣйствительности въ несчастіи было виновато управленіе московско-рязанской дороги?

Самъ прокуроръ просилъ подвергнуть Донцову наказанію въ низшей степени, и судъ приговорилъ ее къ заключенію въ тюрьмѣ на два мѣсяца. Вышнее же наказаніе для желѣзно-дорожныхъ служащихъ за неосторожность или небрежность, послѣдствіемъ которыхъ было причиненіе смерти или увѣчья, полагается закономъ въ видѣ тюремнаго заключенія на 1 годъ и 4 мѣсяца. Не вѣдь тотъ же законъ, а именно утвержденное 26 января 1878 г. мѣстныя государственнаго совѣта, совершенно справедливо налагаетъ равное наказаніе не только на подчиненныхъ, но и на начальствующихъ желѣзно-дорожныхъ лицъ

„за порученіе обязанностей по эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ и пароходныхъ сообщеній лицамъ *явно неспособнымъ* къ исполненію ихъ обязанностей, а также за недостаточный надзоръ за лицами, принадлежащими къ составу эксплуатаціонной службы, если послѣдствіемъ того или другого было причиненіе кому-либо смерти или поврежденія въ здоровьѣ“. За это начальствующіе подвергаются также заключенію въ тюрьмѣ на время отъ 2 мѣсяцевъ до 1 года 4 мѣсяцевъ, или же аресту на время не свыше 3 мѣсяцевъ, или, наконецъ, денежному взысканію не свыше 300 рублей.

Теперь спрашивается: можно ли человека, которому поручено отерывать и опускать днемъ и ночью шлагбаумъ, на бойкомъ перѣздѣ, безъ всякой смѣны, и когда онъ лично заявлялъ раньше о неспособнѣости такой работы, признавать *„способнымъ къ исполненію сей обязанности“*. Очевидно, нѣтъ; никто не способенъ къ невозможному. Такимъ образомъ, уже на основаніи указанного нами закона могло бы быть привлечено къ ответственности по этому дѣлу и управленіе московско-рязанской желѣзной дороги. А такъ какъ, въ силу того же закона, всѣ вообще дѣла о нанесеніи ранъ, увѣчья или только поврежденія въ здоровьѣ, при эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ и пароходныхъ сообщеній, начинаются независимо отъ частной жалобы, то прокурорскій надзоръ могъ бы въ данномъ случаѣ прямо привлечь названное управленіе къ ответственности по этому дѣлу.

Если же юристы найдутъ, что оно на основаніи сказаннаго закона привлечено быть не можетъ, то придется сказать, что управленіе дороги, будучи, очевидно, виновно, осталось безнаказаннымъ, только по неясности закона. Спрашивается, достигнетъ ли своей цѣли законъ — т.-е. охранить ли онъ безопасность пассажировъ, если наказанію будутъ подвергаться только сторожа и стрѣлочники, обремененные — изъ экономіи — работою до невозможности ея правильного исполненія? Осужденный сторожъ будетъ увольняться, но явившійся на его мѣсто, будучи поставленъ въ тѣ же условія, осязается въ такой же невозможности точно исполнять свою обязанность, и несчастія повторяются. Ясно, что слѣдуетъ устранить самую возможность такихъ условій, а для этого и необходимо дополнить законъ 1878 г. въ смыслѣ ответственности управленій желѣзныхъ дорогъ за поставленіе служащихъ по линиямъ въ невозможность правильно исполнять возложенныя на нихъ обязанности.

Не можетъ быть и малѣйшаго сомнѣнія, что законодательство въ правѣ требовать, чтобы желѣзно-дорожная прислуга не была обременяема работою сверхъ человѣческихъ силъ; вѣдь въ рукахъ этихъ служащихъ, — жизнь сотенъ людей. Законъ могъ бы предоставить министру путей сообщенія установить правила о минимумахъ часовъ

отдыха въ день, а сообразно съ тѣмъ и числа прислуги на линіи, а также и минимума вознагражденія стрѣлочникамъ и сторожамъ, именно въ видахъ общественной безопасности, такъ какъ излишняя экономія управленій на жалованья низшихъ агентовъ (съ соответствующимъ возвышеніемъ наградъ агентамъ высшимъ) ведетъ къ порученію этихъ должностей людямъ, которые по своему поведенію или слабосилію не могутъ найти иной работы.

Если министерство путей сообщенія признаетъ полезнымъ вмѣшательство во внутренніе распорядки на частныхъ желѣзныхъ дорогахъ до такой степени, что расписываетъ степень благонадежности разныхъ національностей для желѣзно-дорожной службы, то неужели же оно не могло бы вмѣшаться для цѣли болѣе серьезной, а именно для обезпеченія благонадежности стрѣлочниковъ и сторожей требованіемъ, чтобы они не ставились въ невозможность правильно исполнять свои обязанности?

Быть можетъ, за-границею и показалась бы странною такая, напр., мѣра, какъ опредѣленіе минимума вознагражденія для желѣзно-дорожной прислуги. Но почему же именно только въ такихъ случаяхъ справляться бы о томъ, что за-границею могли бы сказать. Мало ли что изъ дѣлающагося у насъ могло бы показаться такъ страннымъ! Не говоря о болѣе крупныхъ вещахъ и избирая примѣръ вблизи предмета, о которомъ идетъ рѣчь, развѣ предписанія объ обязательной покраскѣ вагоновъ на частныхъ дорогахъ, соответственно цвѣтамъ билетовъ, не показались бы странными за-границею?

За-границею и особенно въ Англіи публикѣ доступно одно средство отвращать излишнюю экономію желѣзно-дорожныхъ компаній, угрожающую безопасности пассажировъ. Тамъ суды налагаютъ на желѣзно-дорожныя общества дѣйствительное обезпеченіе семействъ, пострадавшихъ отъ несчастныхъ случаевъ на желѣзныхъ дорогахъ и большія суммы вознагражденія получившимъ на нихъ увѣчья. Назначаемыя англійскими судами суммы вознагражденій и пенсій на счетъ компаній такъ велики, что излишняя экономія, которая повлекла бы за собой улучшеніе персонала служащихъ, тотчасъ была бы далеко превзойдена взысканіями по умножившимся несчастнымъ случаямъ. У насъ, принципъ этотъ также провозглашенъ въ законѣ: „владѣльцы желѣзно-дорожныхъ и пароходныхъ предпріятій обязаны вознаграждать каждаго потерпѣвшаго вредъ или убытокъ вслѣдствіе смерти или поврежденія въ здоровьѣ, причиненныхъ при эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ и пароходныхъ обществъ“. Но что-то до сихъ поръ не слышно о назначеніи дѣйствительнаго вознагражденія.

Интересно бы было знать, напримѣръ, искало ли семейство крестьянина Архипова судебнымъ порядкомъ вознагражденія за его смерть,

и было ли назначено судомъ такое вознагражденіе въ размѣрѣ дѣйствительномъ, какъ то бываетъ въ Англіи; напр., пожизненную пенсію вдовѣ и пенсію дѣтямъ до совершеннолѣтія. Или управленіе богатыѣйшей въ Россіи желѣзно-дорожной линіи, причинившее крестьянину Архипову смерть тѣмъ, что экономничало на одномъ шлагбаумѣ 36 р. въ годъ, удовлетворило семейство убитаго одновременной выдачею 25-ти рублей въ годъ, какъ то обыкновенно бываетъ? А въ такомъ случаѣ, ему все-таки выгоды экономничать: изъ 36 рублей, при немъ остался все-таки барышъ въ 11 рублей на одномъ шлагбаумѣ. Дѣйствительное наказаніе понесла только сторожка, а изъ упомянутыхъ 11 рублей, помноженныхъ на число шлагбаумовъ, и изъ другихъ подобныхъ экономій, вѣроятно назначены были награды лицамъ управленія. Очень великодушно, нечего сказать. Но господа, способныхъ на такую расчетливость, никакими укоризнами не проймешь, и они вѣроятно только улыбнутся въ отвѣтъ. Но не улыбнулись бы они, если-бы желѣзно-дорожное общество, принужденное уплатить въ годъ столько тысячъ рублей вознагражденія, сколько было несчастныхъ случаевъ на дорогѣ, нашло бы такую экономію убыточной для себя и наградныхъ денегъ управленію вовсе не назначило, а можетъ быть и смѣшило бы его.

Какъ извѣстно, нѣкоторые изъ нашихъ такъ-называемыхъ „консерваторовъ“, особенно въ послѣднее время, вопіютъ о необходимости для русскаго общества болѣе строгой, плачутся, что насъ губитъ распушенность, будто бы порожденная излишней снисходительностью. Они поручаютъ составлять даже сочиненія на *иностранныхъ* языкахъ въ этомъ смыслѣ, чтобы отрекомендовать насъ съ такой стороны западной Европѣ (см. выше, статью: „Новые писатели о Россіи“). Но не мѣшаетъ напоминать, что та строгость, которая имъ желательна, не есть строгость въ исполненіи всѣхъ законовъ, та строгость, которая обезпечиваетъ всѣ интересы государства и интересы всѣхъ въ государствѣ. Наоборотъ, та строгость, о которой воздыхаютъ эти благожелатели, и которой они усвоиваютъ спасительную силу, есть *слабость* законовъ и полный хаосъ отношеній, въ которомъ единственной гарантіе частныхъ интересовъ являются только личныя качества такихъ или иныхъ должностныхъ лицъ. Нельзя достаточно напоминать, что основная черта общества благоустроеннаго, европейскаго, есть именно строгое соблюденіе принципа законности, недопущеніе ни привилегій, ни изыатій изъ закона, развѣ въ видѣ временныхъ мѣръ, въ моменты кризисовъ.

Ту хаотическую, обходящую законъ, или обходящуюся безъ закона строгость, о которой мечтаютъ иные наши „консерваторы“, мы

имѣли у себя еще такъ недавно, что отлично помнимъ ея свойства. Это та строгость, отъ которой самъ законъ терпитъ еще болѣе, чѣмъ лица, его нарушающія. Это та строгость, при которой чиновникъ съ орденомъ на шеѣ публично таскалъ кушакъ за бороду, при которой помѣщики засѣкали крѣпостныхъ, а начальники, даже мелкіе, „указали“ помѣщиковъ, при которой съ лицъ титулованныхъ нельзя было получить по заемнымъ обязательствамъ, при которой офицеръ отправлялъ съ улицы въ „свѣзжіи домъ“ кого хотѣлъ. Полный хаосъ — вотъ что была та строгость, а именно ея-то и желали бы воскресить „консерваторы“. Но ея восстановить вполне невозможно, потому что кто хоть десять лѣтъ прожилъ безъ нея, тотъ съ нею уже не могъ бы жить.

Побольше строгости нужно въ Россіи — да, въ извѣстномъ смыслѣ, мы съ этимъ готовы согласиться. Побольше строгости въ соблюденіи законовъ всѣми сторонами, побольше обезпеченій для человѣческой личности, которая — не надо забывать этого — все-таки и есть конечная цѣль самаго существованія государства. Государство существуетъ вовсе не для саморасширенія и самопрославленія, но для того, чтобы на его территоріи одни люди не могли убивать, грабить и оскорблять другихъ. Государство есть прежде всего защита слабыхъ, государство есть законъ, всѣхъ равно обязующій и всѣхъ равно охраняющій.

Мы не даромъ привели тѣ случаи, которые рассказаны выше. Нужно, напр., побольше строгости для охраненія почти беззащитныхъ нынѣ работниковъ-дѣтей, для охраненія всей русской публики отъ искаженія всѣми паровыми и конно-железными вагонами. Побольше строгости нужно противъ расхищателей общественныхъ денегъ, будь то въ крестьянскихъ волостяхъ, въ кредитныхъ учрежденіяхъ или казенныхъ кассахъ! Примѣры мелкіе — такъ могутъ свазать намъ. Но что-жъ дѣлать, если мыжелаемъ ограничиться мелкими примѣрами; достаточно того, если и они убѣдительны, если хоть на нихъ несомнѣнно обнаруживается тотъ фактъ, что Rechtsstaat у насъ еще осуществленъ не вполне.

Укажемъ и еще на одинъ примѣръ, на одну сферу, въ которой сами существующія законоположенія представляются еще недостаточно согласованными съ общимъ духомъ законовъ, чтобы равно обезпечивать интересы всѣхъ въ государствѣ. Это послужить отчасти и для характеристики нашихъ нравовъ, о которой упоминалось въ началѣ „обозрѣнія“. Недавно въ газетахъ рассказывался случай, что нѣкій полковникъ здѣсь, вблизи всѣхъ органовъ обсуждающихъ и издающихъ законы, на глазахъ публики и въ присутствіи полиціи,

избилъ садовника за то, что тотъ не приготовилъ ему свадебнаго букета, и что полиція при этомъ совершенно бездѣйствовала. Конечно, это было не совсѣмъ законно, что полиція не явилась обвинительницею сама, за буйство въ публичномъ мѣстѣ и независимо отъ жалобы потерпѣвшаго.

Но допустимъ, что полиція составила бы протоколъ и предъявила бы обвиненіе, или что самъ потерпѣвшій подалъ бы жалобу, и посмотримъ, достаточно ли существующія доселѣ законоположенія соответствуютъ общему духу законовъ, который требуетъ равнаго охраненія интересовъ всѣхъ гражданъ государства.

Для закона представляется, конечно, безразличнымъ, кто именно было лицо пострадавшее въ данномъ случаѣ: садовникъ или дѣйствительный тайный совѣтникъ. Но если для много читателя это можетъ составлять разницу, то пусть онъ вообразитъ на мѣстѣ садовника себя. Нѣчто подобное каждый день можетъ случаться со всякимъ, кто нарочито не защищенъ отъ такой случайности мундиромъ. А это ужъ плохо, если для дѣйствительной охраны личности нуженъ мундиръ, но недостаточности для того закона.

Итакъ, предположимъ любой подобный случай и допустимъ, что дѣло возбуждено судебнымъ порядкомъ. Оно поступаетъ къ мировому судѣ; дальнѣйшій ходъ его мы прослѣдимъ по VI части „Свода военныхъ постановленій“, содержащей военно-уголовные уставы. Мировой судья, если дѣло не оканчивается примиреніемъ, не можетъ его разсматривать, такъ какъ по ст. 244 кн. XXIV военно-судебнаго устава: „воинскіе чины за преступленія и проступки, учиненные во время состоянія на *дѣйствительной службѣ*, подлежатъ военному суду“. Итакъ, дѣло направляется въ военное вѣдомство, къ коменданту или прямо къ военному прокурору. Но военный прокуроръ также не можетъ возбудить преслѣдованія противъ обвиняемаго. Дѣло въ томъ, что по ст. 134 устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, за нанесеніе обиды дѣйствіемъ налагается арестъ не свыше одного мѣсяца, а въ приложеніи къ ст. 6 кн. XXII воинскаго устава о наказаніяхъ, примѣч. IV, сказано: „за проступки, означенные въ уст. о нак., налаг. миров. судьями, военно-служащіе подвергаются: п. 2) вмѣсто тюремнаго заключенія не свыше двухъ мѣсяцевъ, ареста на время не свыше трехъ недѣль, выговоровъ, внушеній и замѣчаній—дисциплинарнымъ наказаніямъ, на основаніи дисциплинарнаго устава.“

Обратимся къ дисциплинарному уставу (кн. XXIII). Здѣсь мы узнаемъ прежде всего въ ст. 8, что „дисциплинарное взысканіе есть наказаніе, налагаемое безъ суда, властью начальства“. Итакъ, дѣло, о которомъ мы говоримъ, должно идти мимо суда, на разсмотрѣніе

начальства обидчика. На основаніи того же дисциплинарнаго устава, начальство можетъ подвергнуть виновнаго аресту домашнему или на гауптвахтѣ до одного мѣсяца, и въ такомъ случаѣ наказаніе можетъ быть равное тому, какому подвергъ бы его мировой судья. Но отъ начальства совершенно зависитъ удовольствоваться замѣчаніемъ или словеснымъ выговоромъ. Тутъ-то и проявляется огромная разница между *судомъ* и дисциплинарной властью начальника. Мировой судья не имѣетъ права назначить за обиду дѣйствиємъ чего-либо иного, кромѣ ареста; начальство же можетъ ограничиться выговоромъ. Разборъ дѣла начальникомъ виноватаго не представляетъ для обиженнаго никакого удовлетворенія. Начальникъ не обязанъ вызывать его, для разъясненія обстоятельствъ дѣла; начальникъ выслушаетъ только одну сторону—виноватую, и рѣшить дѣло на основаніи ея показаній. Обвиняемый объяснить, что мужикъ наговорилъ ему дерзости, вывелъ его изъ себя дерзостями, что онъ не могъ дозволить и т. д. И начальникъ непременно согласится, что онъ въ дѣйствительности „не могъ дозволить“. Хотя никакихъ дерзостей обиженный, быть можетъ, и не говорилъ, но онъ не будетъ имѣть возможности опровергнуть показанія обидчика, такъ какъ дѣло будетъ разбираться безъ потерпѣвшаго. Разумѣется, при такихъ условіяхъ взысканіе будетъ самое легкое.

Для этого есть еще и другая причина. Полковой командиръ или равный съ нимъ въ правахъ начальникъ, которому будетъ передано это дѣло начальствомъ округа, можетъ или покончить дѣло самъ, или, опредѣливъ размѣръ взысканія, превышающій его власть, представить его на утвержденіе начальства, тѣмъ высшей инстанціи, чѣмъ строже будетъ предположенное взысканіе. Въ такомъ случаѣ, напр., какъ взысканіе въ видѣ ареста на мѣсяцъ для штабъ-офицера, постановленіе полкового командира должно пройти черезъ бригаду и дивизію на утвержденіе командующаго войсками округа. Не можетъ быть сомнѣнія, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ, если не всегда, полковой или равный съ нимъ начальникъ предпочтетъ покончить дѣло самъ: онъ сдѣлаетъ выговоръ или наложитъ домашній арестъ на день, на два, на три (но не болѣе, такъ какъ это превышало бы его власть), и затѣмъ сообщитъ по начальству, что такой-то подвергнуть имъ такому-то взысканію, такъ какъ при разсмотрѣніи дѣла выяснилось, что онъ былъ выведенъ изъ себя и т. д.; что, впрочемъ, онъ—служащій образцоваго поведенія, весьма полезный и во всѣхъ отношеніяхъ прекрасный человѣкъ. Это донесеніе въ штабъ округа, съ резолюціею „къ свѣдѣнію“, и подошется къ дѣлу. Возможно ли предполагать, что окружное начальство не удов-

летворится рѣшеніемъ полковаго командира и дастъ новое движеніе дѣлу, отъ котораго оно, конечно, радо избавиться.

Резюмируемъ. Оскорбленіе дѣйствіемъ, для обыкновеннаго смертнаго, носящаго обыкновенный воротникъ, повлекло бы: 1) удостовѣреніе личности въ участіи, съ составленіемъ протокола; 2) публичное разбирательство у мирового судьи въ присутствіи обиженнаго и свидѣтелей, на основаніи всестороннихъ показаній; 3) нравственное осужденіе виновнаго судебнымъ приговоромъ, которое для обиженнаго именно и составляетъ удовлетвореніе, и 4) арестъ при полиціи на мѣсяцъ. То же самое оскорбленіе дѣйствіемъ для столь же обыкновеннаго смертнаго, но носящаго воротникъ съ отличкой отъ обыкновеннаго, можетъ повлечь: 1) (*primo et ultimo*)—дружескій совѣтъ начальника посидѣть день дома, а то и простое внушеніе, быть можетъ съ прибавкой вовсе не обиднаго свойства о молодечествіи подвергшагося жалобѣ. Говоримъ: „можетъ быть“, потому что все дѣло произойдетъ *intra muros*. Обиженный же даже и не узнаетъ о результатѣ своей жалобы, и никакого нравственнаго удовлетворенія не получитъ, такъ какъ начальникъ если и пожуритъ подчиненнаго, то только въ видахъ порядка службы, а вовсе не для удовлетворенія какого-то шуфика или „штафирки“, котораго онъ и въ глаза не увидитъ и ни о чемъ извѣщать не обязанъ.

Съ своей стороны мы нисколько не думаемъ ставить такъ-называемый „штатскій“ элементъ выше военнаго. Въ арміи много образованныхъ людей и даже не въ специальныхъ родахъ оружія можно иногда встрѣтить офицеровъ съ университетскимъ образованіемъ. Сверхъ того, у нашихъ офицеровъ гораздо менѣе чопорности, чѣмъ у прусскихъ. Мы скажемъ прямо, что, именно благодаря порядочности большинства офицеровъ, только и не встрѣчается слишкомъ часто случаевъ злоупотребленія тѣмъ очевиднымъ неравенствомъ при личныхъ столкновеніяхъ, которое мы разъяснили выше. Но это нисколько не опровергаетъ потребности въ измѣненіи нѣкоторыхъ частныхъ законоположеній въ смыслѣ уравнительности, согласно общему духу законовъ, требующему равнаго обезпеченія личности всѣхъ гражданъ. Вѣдь судебные уставы, какъ общіе, такъ и военные и пишутся не въ такомъ предвидѣніи, что всѣ люди сѣмѣютъ вести себя порядочно, но именно въ томъ предположеніи, что въ каждомъ сословіи могутъ найтись люди не порядочные, грубые, недобросовѣстные и даже преступные. Вѣдь военно-судебные уставы исчисляють же всѣ главные роды преступленій, стало быть признается возможность совершенія ихъ людьми изъ военной среды.

Что же требуется для уравниенія, о которомъ мы говоримъ? Для этого требуется пересмотръ приведенныхъ выше статей военно-судеб-

ныхъ уставовъ и установленіе подсудности военно-служащихъ, состоящихъ на дѣйствительной службѣ — общимъ и мировымъ судебнымъ установленіямъ, за общія преступленія и проступки, наравнѣ со всѣми гражданами и съ тѣми военно-служащими, которые не числятся на дѣйствительной службѣ. Почему, напримѣръ, солдатъ за обыкновенное убійство не можетъ подлежать общему суду, не долженъ судиться непременно судомъ специальнымъ, военнымъ? Правда, что военная служба имѣетъ свои особыя условія, но вѣдь именно только *служба*. Пусть преступленія и проступки военно-служащихъ противъ обязанностей службы, напр., нарушеніе военной дисциплины, и т. п., и подлежатъ особымъ военнымъ судамъ. Спрашивается: причемъ же „особыя условія воинской службы“ въ случаяхъ правонарушеній общихъ, каковы, напр., убійство, кража, оскорбленіе частныхъ лицъ? Развѣ на такія дѣянія можно смотрѣть съ какой-либо специально военной точки зрѣнія, развѣ существуетъ особая военная философія права? Вовсе нѣтъ. Сами военно-судебные уставы не что иное, какъ переложеніе тѣхъ же общихъ судебныхъ уставовъ въ военную форму, съ замѣною однихъ наименованій другими, съ нѣкоторыми измѣненіями въ наказаніяхъ и съ главными отступленіями только въ нѣкоторыхъ измѣненіяхъ порядка судопроизводства. Отступленія эти, вдобавокъ, несовсѣмъ согласны съ самымъ духомъ общей процедуры, основанной на судебныхъ преніяхъ и нравственномъ убѣжденіи присяжныхъ, что предполагаетъ прежде всего полную независимость судей, защитниковъ и присяжныхъ, т.-е. полной силы тѣхъ именно элементовъ, которые въ военно-судебныхъ уставахъ ослаблены, во-первыхъ — особенностью воинскаго чиновочитанія, во вторыхъ — помянутыми отступленіями.

Отсюда происходятъ, сверхъ того, и излишняя сложность судебного законодательства въ государствѣ и чрезмѣрное размноженіе существующихъ въ немъ судебныхъ органовъ, въ ущербъ казначейству. Если бы военнымъ судамъ подлежали только служебныя правонарушенія военно-служащихъ, то вѣроятно можно было бы наполовину уменьшить нынѣшній военно-судный персоналъ. А то въ настоящее время государству приходится содержать двойной полный личный составъ судебныхъ лицъ; кассационный уголовный департаментъ сената и главный военный судъ, окружные суды и военно-окружные, прокуроровъ и военныхъ прокуроровъ, судебныхъ слѣдователей и военныхъ слѣдователей и кандидатовъ на военно-судебныя должности, съ канцеляріями всѣхъ этихъ мѣстъ и лицъ (кромѣ послѣднихъ). Правда, въ военно-судныхъ учрежденіяхъ нѣтъ инстанцій судебныхъ палатъ и нѣтъ отдѣленій судовъ по дѣламъ имущественнымъ и по состоянію (гражданскихъ). Но за то вѣдь, сверхъ

судовъ военно-сухопутныхъ, существуютъ еще особые морскіе суды, съ тѣмъ же персоналомъ, такъ какъ предполагается, будто, напр., убійство съ морской точки зрѣнія представляется опять нѣсколько въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ съ военно-сухопутной. Къ военнымъ судамъ надо еще прибавить обширное главное военно-судное управленіе и такое же морское управленіе, и военно-юридическую академію. Къ чему же такое дробленіе силъ и такое колоссальное размноженіе мѣстъ и окладовъ носить бюджетъ? Если бы всѣ наши военно-судныя учрежденія вѣдали только служебныя правонарушенія и были учрежденія въ половинномъ противъ нынѣшняго составѣ, то навѣрное уже вся Россія въ настоящее время имѣла бы общія судебныя установленія на основаніи новыхъ судебныхъ уставовъ; не приходилось бы замедлять это по бюджетнымъ соображеніямъ.

Излишняя сложность законодательства, при нынѣшнемъ устройствѣ, представляется, если сказать всю правду—цѣлымъ „сводомъ военныхъ постановленій“, который могъ бы быть значительно сокращенъ, съ исключеніемъ изъ него всего, что служить только повтореніемъ общихъ законовъ, а также съ выдѣленіемъ многихъ правилъ чисто административнаго свойства, и входящихъ нынѣ въ сводъ только потому, что были въ свое время представлены на утвержденіе верховной власти. Затѣмъ все остальное, представляющее основы военнаго устройства и военныхъ учрежденій, могло бы войти въ общій сводъ законовъ, какъ учредительные законы по прочимъ вѣдомствамъ.

То же самое, но еще въ бѣльшей степени, можетъ быть примѣнено къ военно-судебнымъ уставамъ. Значительная часть ихъ есть только повтореніе общихъ судебныхъ уставовъ, въ томъ, что касается какъ матеріальнаго права, такъ и судопроизводства. Въ самой первой статьѣ воинскаго устава о наказаніяхъ сказано, что „во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, для коихъ настоящимъ уставомъ не постановлено изъятій или особыхъ правилъ, къ лицамъ, подлежащимъ дѣйствию военно-уголовныхъ законовъ, примѣняются, относительно преступленій, проступковъ и наказаній, общія постановленія дѣйствующихъ по гражданскому вѣдомству уголовныхъ законовъ“ (Уложеніе о наказаніяхъ и Уставъ о наказ., налаг. мир. суд.). Между тѣмъ, въ самыхъ военно-судебныхъ уставахъ, во-первыхъ, воспроизводятся многія общія основанія судопроизводства, какъ, напр., порядокъ производства слѣдствій, причины отвода свидѣтелей или судей и т. п.; во-вторыхъ—есть статьи, которыя констатируютъ просто, что въ такомъ-то и такомъ-то случаѣ поступается на основаніи законовъ общихъ; наконецъ, есть безпрестанныя ссылки на Уложеніе о наказаніяхъ и Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями.

Къ чему, напр., такіе военные законы (кн. XXIV ст. 1192), ко-

торые приводимъ буквально, для доказательности: „1) военно-служащіе, состоящіе на дѣйствительной военной службѣ, за нарушенія постановленій о печати, соединенныя съ нарушеніемъ обязанностей военной службы, подлежатъ на общемъ основаніи вѣдѣнію военного суда и преслѣдуются согласно общимъ правиламъ военно-уголовнаго судопроизводства; 2) военно-служащіе, состоящіе на дѣйствительной военной службѣ, за всѣ прочія нарушенія постановленій о печати подлежатъ вѣдѣнію общихъ судебныхъ установленій“ (дальше слѣдуетъ ссылка на замѣну нѣкоторыхъ наказаній, положенныхъ въ уложеніи наказаніями дисциплинарными). Спрашивается, для чего нужно усложненіе государственнаго законодательства подобными „спеціальными“ законами? Если бы военно-служащіе подлежали военному суду только за нарушеніе воинскихъ обязанностей, то ничего подобнаго такому повторенію не было бы нужно; само бы собой разумѣлось, что во всѣхъ случаяхъ, когда дѣло коснется не нарушенія обязанностей службы, то оно разбирается общими судебными установленіями. Да и почему такое повтореніе потребовалось только относительно печати? Вѣдь точно такъ могли бы быть отдѣльныя статьи о томъ, что военные за совершеніе проступковъ посредствомъ телеграфическаго сообщенія, если при этомъ нарушались обязанности военной службы, должны подлежать военному суду, а если нѣтъ, то общимъ судебнымъ установленіямъ. Точно также относительно правилъ объ акцизной, таможенной и какой угодно другой части.

Подобныхъ, совершенно лишннихъ повтореній или спеціализацій въ военно-судебныхъ уставахъ—не мало. Затѣмъ—ссылки на Улож. о наказаніяхъ и на Уставъ о нак. о нал. мир. суд., являются въ нихъ безпрестанно. Чтобы доказать, въ какой мѣрѣ существеннѣйшія части военно-судебныхъ уставовъ представляютъ въ сущности не что иное, какъ повтореніе общихъ судебныхъ уставовъ, съ нѣкоторыми примѣненіями, мы укажемъ на недавно вышедшій „Сборникъ проступковъ и наказаній, подлежащихъ вѣдомству полковыхъ судовъ“, составленный г. Томсеномъ, членомъ военно-кодификаціоннаго комитета. Сборникъ этотъ не что иное, какъ перепечатка статей Улож. о нак. и Устава о нак., нал. мир. суд., съ отмѣтками противъ каждой соотвѣтствующихъ наказаній по воинскому уставу о наказаніяхъ. Въ началѣ же книги изложены общія основы уголовныхъ законовъ, примѣняющіяся и въ военно-уголовномъ законодательствѣ. Книга эта сама по себѣ будетъ полезна для полковыхъ судовъ; но дѣло въ томъ, что весь-то комплексъ военно-судебныхъ уставовъ слишкомъ похожъ на нее: онъ имѣетъ мало самостоятельности и представляетъ массу повтореній общихъ законовъ.

Отступленія, и притомъ весьма существенныя, конечно, есть и

являются они не въ одномъ только различіи номенклатуры. Но существованіе этихъ отступленій и само заставляетъ желать, чтобы сфера компетентности военныхъ судовъ была, по возможности, ограничена только тѣми преступленіями и проступками, которые имѣютъ воинскій, т.-е. служебный характеръ, а за всѣ общія правонарушенія военно-служащіе въ мирное время подлежали бы общимъ судамъ. Чтобы разсмотрѣть это поближе, предположимъ разбирательство обвиненія противъ военно-служащаго, состоящаго на дѣйствительной службѣ, въ убійствѣ. Какъ въ общемъ, такъ и въ военномъ судѣ, это дѣло разбирается на основаніи той же теоретической системы судопроизводства. Но дѣло въ томъ, что въ общемъ судѣ система эта обставлена всѣми тѣми гарантіями, которыя существенно необходимы для ея дѣйствія, а въ военномъ судопроизводствѣ тутъ-то именно и представляются существенныя отступленія отъ общихъ правилъ.

Защита обвиняемыхъ въ военныхъ судахъ иногда можетъ быть поручаема присяжнымъ повѣреннымъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ имъ поручена быть не можетъ и предоставляется только особымъ лицамъ, носящимъ названіе „кандидатовъ на должности по военно-судебному вѣдомству“. Но эти кандидаты — чиновники, опредѣляемые на службу административнымъ порядкомъ, и состоятъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ предсѣдателей и прокуроровъ. Само собой разумѣется, что эти лица не могутъ имѣть ничего похожаго на самостоятельность присяжныхъ повѣренныхъ. Они прямо подлежатъ дисциплинарнымъ взысканіямъ предсѣдателей и прокуроровъ и увольняются отъ службы тѣмъ же порядкомъ, какимъ назначаются. Далѣе: въ составѣ военно-окружныхъ судовъ имѣются, кромѣ членовъ постоянныхъ, еще временные члены, назначаемые отъ войска на 6-мѣсячный срокъ. Такимъ образомъ, въ военно-окружныхъ судахъ является какъ-бы элементъ военно-общественный, тотъ самый, который въ общихъ окружныхъ судахъ представляется присяжными засѣдателями. Но въ военныхъ судахъ этотъ элементъ является при условіяхъ, дѣлающихъ его какъ-бы излишнимъ.

Въ самомъ дѣлѣ, назначеніе присяжныхъ засѣдателей есть только рѣшеніе вопроса о фактѣ виновности, и сами присяжные совершенно независимы отъ судебныхъ лицъ и территоріальнаго начальства: они назначаются по жребію, и рѣшенія ихъ не могутъ оказывать никакого вліянія на ихъ собственное положеніе. Въ военныхъ же судахъ временные члены суда назначаются по распоряженію начальника военного округа, который есть вмѣстѣ съ тѣмъ главный ихъ начальникъ по службѣ и отъ котораго зависитъ все ихъ служебное положеніе. Затѣмъ, эти временные члены не рѣшаютъ отдѣльно во-

проса о виновности, но рѣшаютъ этотъ вопросъ и постановляютъ приговоръ вмѣстѣ съ постоянными членами суда, по большинству голосовъ. Итакъ, все отличіе ихъ отъ послѣднихъ состоитъ въ томъ, что они исправляютъ свою должность въ короткій срокъ и не имѣютъ юридическаго образованія. Но если для постановленія приговора юридическое образованіе необходимо и если для рѣшенія факта виновности необходимы засѣдатели, совершенно независимые, то ясно, что временные члены военно-окружныхъ судовъ не вполне удовлетворяютъ ни тому, ни другому изъ этихъ требованій.

Мы привели только въ видѣ примѣровъ нѣкоторыя отступленія военнаго судопроизводства отъ основъ общихъ. Можно было бы указать и на другія, довольно существенныя отступленія, но это было бы излишне для подтвержденія той главной мысли, которую мы взяли привести. Теперь допустимъ, что эти и еще другія отступленія введены въ военно-судебные уставы потому, что военная служба имѣетъ свои особыя условія и требованія. Бить можетъ, что это и такъ; во всякомъ случаѣ, не будучи специалистами военнаго дѣла, мы не станемъ разбирать этого. Но если это и такъ, то, повторяемъ, тѣмъ яснѣе представляется необходимость, чтобы военно-судебныя учрежденія въ мирное время вѣдали только такія правонарушенія военно-служащихъ, которыя относятся къ особымъ требованіямъ военной службы и дисциплины. Почему же дѣло солдата, обвиняемаго въ убійствѣ, должно разбираться съ гарантіями меньшими для обвиняемаго, съ болѣею подчиненностью и судей и защиты, чѣмъ дѣло иного гражданина, обвиняемаго въ убійствѣ? Вотъ главный вопросъ, который мы разбираемъ, и на него едва ли можно дать иной раціональный отвѣтъ, кромѣ того, что всѣ граждане въ условіяхъ правосудности за общія преступленія и проступки должны быть уравнины, то-есть, что всѣ они, безъ исключенія, должны бы подлежать общимъ судебнымъ установленіямъ, въ томъ числѣ и мировымъ. Особые же военные суды, военные правила судопроизводства и уставъ дисциплинарный могли бы дѣйствовать только въ сферѣ специально-военныхъ, служебныхъ правонарушеній.

Это уменьшало бы и сложность законодательства, и двойственность судебныхъ персоналовъ, содержимыхъ на счетъ казны. Это представлялось бы и раціональнымъ съ точки зрѣнія юридической. Принципъ уравниенія оправдывался бы какъ въ разбирательствѣ общихъ преступленій и проступковъ, кѣмъ бы они ни совершались, такъ—и въ особенности—въ случаяхъ личныхъ столкновеній между военно-служащими, состоящими на дѣйствительной службѣ, и иными лицами, въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ неравенство условій нынѣ наиболѣе явственно выступаетъ наружу. Такъ, извѣстны примѣры, что въ раз-

смотрѣнн дѣлъ о насиліяхъ и даже объ убійствахъ, въ которыхъ пострадавшими являлись лица „гражданскаго вѣдомства“, рѣчи военныхъ защитниковъ цѣликомъ основывались на принципѣ, прямо отвергаемомъ всякими законами: самоуправство если не оправдывалось, то извинялось необходимостью охранить или возстановить „честь мундира“. Между тѣмъ, подобнаго рода разсужденія не только совершенно неправильны въ смыслѣ юридическомъ, но и вредны тѣмъ, что могутъ внушать мысль о безнаказанности самоуправства.

Да, наконецъ, можно ли допустить, что подсудность военныхъ особымъ судамъ ихъ вѣдомства за преступленія или проступки общіе установлена именно для охраненія „честь мундира“? Если бы законодатель имѣлъ въ виду такую нисколько не-юридическую цѣль, то совершенно иначе изложилъ бы тѣ статьи военно-судебныхъ уставовъ (кн. XXIV ст. 244 и 245), которыми установлено, что военному суду подлежатъ за преступленія и проступки только чины, состоящіе на дѣйствительной службѣ, состоящіе же въ отпуску или же по запаснымъ войскамъ „подлежатъ военному суду токмо за преступныя дѣянія, составляющія прямое нарушеніе обязанностей военной службы“. Вотъ—это-то послѣднее правило и представляетъ рациональное начало для пересмотра правилъ о военной подсудности вообще. Вѣдь военно-служащій, находящійся въ отпуску или числящійся въ запасныхъ войскахъ носитъ такой же мундиръ и въ этому мундиру одинаково примѣнимо понятіе о чести. Почему же, однако, законъ опредѣляетъ подсудность этихъ лицъ общимъ судебнымъ установленіемъ? Значить, законодатель вовсе и не имѣлъ въ виду установленіемъ специальной подсудности для военныхъ, состоящихъ на дѣйствительной службѣ, охранять честь мундира. Итакъ, кажется трудно представить какой-либо основательный аргументъ противъ полного уравненія военныхъ со всѣми гражданами въ такихъ дѣлахъ, которыя къ обязанностямъ военной службы не относятся.

Впрочемъ, хотя мы и увѣрены, что со временемъ военно-судебные уставы и должны будутъ преобразоваться въ этомъ смыслѣ, мы не рѣшились бы предсказать, что это произойдетъ въ скоромъ времени. Для судебной реформы, какъ и вообще для реформъ одно время представляется болѣе, другое—менѣе благоприятнымъ. Судя по новѣйшему дополненію къ реформамъ земской и городской, надо полагать, что настоящее время носить скорѣе послѣдній характеръ. Въ прошломъ мѣсяцѣ опубликовано новое законоположеніе, которое хотя и названо временнымъ, но во всякомъ случаѣ имѣетъ значеніе историческое, а потому мы и помѣщаемъ его текстъ. „Комитетъ министровъ, рассмотрѣвъ представленіе министерства внутреннихъ дѣлъ о предо-

ставленіи губернаторамъ особыхъ правъ при замѣщеніи постоянныхъ должностей по земскимъ и городскимъ учрежденіямъ, полагаютъ постановить, въ видѣ временной мѣры, что дѣйствіе ст. 511-й т. II-го ч. 1-й св. зак., изд. 1876 года, распространяется на земскія и городскія учрежденія при замѣщеніи ими тѣхъ изъ постоянныхъ по силѣ учрежденія должностей, утвержденіе въ коихъ не поставлено дѣйствующимъ закономъ въ прямую зависимость отъ губернатора или министра внутреннихъ дѣлъ, съ тѣмъ, чтобы, независимо отъ сего, по требованію губернатора, были немедленно удаляемы отъ должностей по упомянутымъ учрежденіямъ всѣ тѣ лица, которыя признаны будутъ неблагонадежными, въ силу власти его, губернатора, определенной ст. 494-ю тѣхъ же тома и части“.

Положеніе это получило силу закона 19 августа.

Мы можемъ только констатировать фактъ. Упомянутая 511-я статья даетъ губернатору право изъявлять несогласіе на назначеніе должностныхъ лицъ по всѣмъ вѣдомствамъ, если онъ признаетъ эти лица неблагонадежными. Теперь это примѣнено къ выборнымъ должностнымъ лицамъ, представителямъ земскаго и городского самоуправления. Но, сверхъ того, новое законоположеніе предоставляетъ губернатору въ отношеніи ихъ такое право, какимъ губернаторъ не пользуется относительно лицъ административныхъ, неподчиненныхъ ему: онъ не можетъ требовать по своему усмотрѣнію удаленія административныхъ лицъ, если не заявилъ въ теченіи двухъ недѣль своего несогласія на ихъ назначеніе, или если они были назначены до предоставления губернаторамъ этого права (въ 1866 г.). Но земскихъ и городскихъ должностныхъ лицъ губернаторъ теперь можетъ удалять (или требовать ихъ удаленія), безъ всякаго ограниченія. Повторяемъ: мы можемъ только констатировать фактъ, какъ онъ созданъ новымъ законоположеніемъ. Но такъ какъ „неблагонадежность“ есть понятіе весьма растяжимое, и начальники разныхъ губерній могутъ принимать его предѣлы и свойства весьма различно, то, надобно думать, особая инструкція губернаторамъ предупредить возможность слишкомъ широкаго и разнообразнаго истолкованія „неблагонадежности“, —если только это можетъ быть вообще предупреждено инструкціею.

Не найдемъ ли мы явленія утѣшительнаго хоть въ сферѣ интересовъ матеріальныхъ? По счастью, такое явленіе представляется въ возрастаніи одного изъ государственныхъ доходовъ.

Свѣдѣнія о поступленіи таможенныхъ сборовъ, ежемѣсячно публикуемы таможеннымъ департаментомъ, въ нынѣшнемъ году благоприятны, хотя, конечно, и не представляютъ уже того огромнаго возрастанія съ годами предшествующими, какое оказывалось въ 1878 году.

Къ сентябрю таможенныхъ сборовъ поступило на $51\frac{1}{2}$ милл. кред., — болѣе чѣмъ за то же время 1878 года на $7\frac{1}{2}$ м. р. и болѣе чѣмъ за равный періодъ 1877 года на $31\frac{1}{2}$ м. р. При этомъ надо еще имѣть въ виду, что эти ежемѣсячныя вѣдомости включаютъ только свѣдѣнія о торговлѣ Европейской Россіи и то не совершенно полныя, такъ какъ итоги ихъ составляются только по сложности сборовъ по главнымъ предметамъ. Судя по даннымъ прежнихъ лѣтъ, общій итогъ къ концу года долженъ возрасти еще примѣрно на половину нынѣ имѣющейся цифры, что уже составило бы $76\frac{1}{2}$ м. р. Если принять эту примѣрную цифру за окончательную, даже оставивъ безъ вниманія сборы по азіатской торговлѣ, которыя не могутъ значительно измѣнить ея, то результатъ превзойдетъ даже цифру 1876 года, представлявшую по европейской торговлѣ 67 м., а вмѣстѣ съ азіатскою—около $70\frac{1}{2}$ м. р. кред.

Впрочемъ, при такихъ сравненіяхъ никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду разности въ среднемъ курсѣ сравниваемыхъ годовъ. Исчисленіе суммы таможенныхъ пошлинъ, взимаемыхъ въ металлическихъ рубляхъ, на рубли кредитные производится въ ежемѣсячныхъ таможенныхъ вѣдомостяхъ не по дѣйствительному среднему курсу мѣсяца, но по „предположительному“ курсу, принятому въ государственной росписи для опредѣленія кредитовъ на заграничныя платежи, т.е. по 26 пенсовъ на Лондонъ. Между тѣмъ, въ текущемъ году средній курсъ въ дѣйствительности едва ли составитъ значительно болѣе 25 пенсовъ (пет. биржа 7 сентября $25\frac{1}{16}$ пенса.). Но надо допустить, что средній курсъ рубля за текущій годъ окажется все-таки выше, чѣмъ въ прошломъ году, въ которомъ высшій размѣръ курса былъ $26\frac{7}{8}$, а низшій $22\frac{1}{4}$.

Каковы бы ни вышли окончательныя точныя цифры, уже теперь можно сказать, что заграничная торговля наша вполне оправилась отъ упадка, происшедшаго въ 1877 году вслѣдствіе войны. Нынѣшняя окончательная цифра таможенныхъ сборовъ будетъ не ниже или незначительно ниже цифры 1876 года, а та не имѣла равной себѣ во всѣ предшествующіе годы.

Впрочемъ, поправленіе началось уже въ 1878 г., тотчасъ по заключеніи мира, и шло такъ быстро, что въ прошломъ году поступило таможенныхъ сборовъ около 62 м. р. кред., вмѣсто $33\frac{1}{2}$ м. р., оказавшихся въ 1877 году, т.е. примѣрно въ 80 процентовъ. Нынешній же годъ только продолжалъ поправленіе, и, какъ мы видимъ, продолжалъ успѣшно. Впрочемъ, не слѣдуетъ забывать, что общія цифры таможенныхъ сборовъ не представляютъ картины всего упадка или возрастанія виѣшней торговли—такъ какъ онѣ относятся только къ ввозу. Паденіе ввоза въ 1877 году состоялось въ размѣрѣ раз-

ности между 477 м. р. 1876 года и 321 м. р. 1877 года, т.-е. въ размѣрѣ 156 милл. р.; но за то отпускъ представилъ въ 1877 году итогъ въ 528 м. р., вмѣсто 400 м. р., т.-е. возросъ около 127 м. р. Такимъ образомъ, общая сумма оборотовъ виѣшней торговли и въ годъ войны упала всего на 20 м. р.,—цифру незначительную въ сравненіи съ итогомъ операцій.

Итакъ, нашъ отпускъ сильно возвысился во время войны, что зависѣло отъ усиленнаго требованія хлѣба за границу. Но въ 1878 году, одновременно съ огромнымъ возрастаніемъ привоза, и отпускъ продолжалъ возрастать. Точной цифры отпуска за 1878 годъ мы не имѣемъ подъ рукою. Но главная часть его, отпускъ хлѣба, представила увеличеніе болѣе чѣмъ на цѣлую треть даже въ сравненіи съ 1877 годомъ. А именно въ 1878 году отпущено за границу болѣе 41 $\frac{3}{4}$ м. четвертей хлѣба, вмѣсто 30 $\frac{1}{2}$ м. предшествовавшаго года. Отдѣливъ отпускъ одного хлѣба въ 1878 г. въ 380 милл. рублей, получаемъ сумму, которая значительно превосходитъ цѣнность всего отпуска 1877 года (321 м. р.).

Выше уже сказано, что превышеніе въ таможенныхъ сборахъ въ нынѣшнемъ году по сентябрь сравнительно съ тѣмъ же періодомъ прошлаго года, представляетъ благоприятное свидѣтельство о размѣрахъ нынѣшняго привоза, а плохіе урожаи на Западѣ ругаются, что и отпускъ нашъ въ нынѣшнемъ году не упадетъ.

Что касается другихъ главныхъ статей государственнаго дохода, то онѣ въ послѣдніе годы представляются довольно неподвижными,—мы разумѣемъ питейно-акцизный доходъ и подати. Стало-быть, можно ожидать, въ общей совокупности, возвышеніе суммы доходовъ. Итакъ, представляется возможность позаботиться теперь же объ улучшеніяхъ въ самой системѣ налоговъ.

Торговля на нижегородской ярмаркѣ въ нынѣшнемъ году шла успѣшно, и ярмарка ознаменовалась, между прочимъ, обмѣномъ мѣнъ между купечествомъ и министрамъ финансовъ относительно двухъ изъ нашихъ налоговъ: налога на соль и подушной подати. Торговцы просили министра объ отиѣнѣ соляного налога и на возраженіе министра, что этотъ налогъ даетъ государству 12 милл. р., а потому надо подумать чѣмъ его замѣнить, не безъ нѣкоторой послѣдственности импровизировали новыя налоги: на карты, сахаръ и табакъ. Конечно, соляной налогъ, какъ и всякій другой, даетъ государству доходъ, но вопросъ въ томъ, цифра убытка отъ соляного налога не превышаетъ ли далеко цифру дохода? Министръ, кромѣ того, сказалъ, что у него теперь на очереди вопросъ объ отиѣнѣ подушной подати, но когда Богъ приведетъ ему кончить съ этимъ дѣломъ, онъ займется солянымъ вопросомъ, и что онъ былъ противъ

соляного налога, когда еще не былъ министромъ финансовъ. „Я — сказалъ министръ, „буду считать однимъ изъ несчастливѣйшихъ дней моей жизни тотъ день, когда послѣдуетъ отиѣна подушной подати. Самымъ счастливымъ днемъ для меня будетъ также и тотъ день, въ который отиѣнится налогъ на соль“. „Слова министра видимо тронули купечество“, — прибавляетъ корреспондентъ, сообщившій ихъ. Тѣмъ не менѣе, по окончаніи ярмарки, купечество прислало въ Петербургъ прошеніе объ отиѣнѣ налога на соль, покрытое 500 подписями.

Мотивы въ пользу отиѣны соляного налога, указанные въ этомъ адресѣ, достаточно извѣстны изъ довольно многочисленныхъ отзывовъ въ этомъ смыслѣ печати, — отзывовъ, вѣстаті замѣтить, представившихъ рѣдкое единодушіе. Конечно, 12 милл. р. въ годъ, хотя и въ бюджетѣ въ 600 милл. р., все-таки цифра почтенная; вполне понятно бережное отношеніе министра финансовъ и къ такой суммѣ. Но вѣдь если взять въ соображеніе характеръ нѣкоторыхъ статей, входящихъ у насъ въ составъ государственныхъ расходовъ, даже расходовъ сверхсмѣтныхъ, какъ, напр., на награды и т. п., то придется сказать, что при такомъ хозяйствѣ не особенно трудно было бы найти вознагражденіе для казны въ такую сумму, какъ 12 милл. р. Соляной налогъ задерживаетъ успѣхи народнаго хозяйства и крайне тяжель для личнаго быта крестьянъ. Остается только съ сочувствіемъ повторить слова г. министра финансовъ, что „счастливы будетъ тотъ день, въ который отиѣнится налогъ на соль“ — и для государства.

НОВѢЙШІЕ ТРУДЫ ПО ТЕОРИИ, ПРАКТИКѢ И КРИТИКѢ ПРОМЫСЛОВАГО НАЛОГА.

- *А. Субботинъ. Русскій промысловый налогъ. Москва. 1877.*
 — *Д. Львовъ. Промысловый налогъ и методы его установленія въ западно-европейскихъ государствахъ и Россіи. Казань. 1878.*

Выборъ такого предмета для изслѣдованія, какъ промысловый налогъ, можетъ въ наше время вызвать полное одобреніе. Въ литературѣ очень нерѣдко встрѣчаются заявленія о недостаткахъ русскаго промысловаго налога. Преобразование его представляется желательнымъ какъ въ интересахъ болѣе равномѣрнаго привлеченія различныхъ отраслей промышленной и торговой дѣятельности къ налогу, такъ и въ видахъ возвышенія поступленія государственныхъ доходовъ для пополненія средствъ государственнаго казначейства. Оба автора сознаютъ важность избранной ими темы для современнаго положенія дѣлъ въ Россіи. Въ замѣткѣ, которою открывается сочиненіе г-на Субботина, онъ признаетъ вопросъ объ обложеніи промысловъ и торговли однимъ изъ самыхъ современныхъ и животрепещущихъ и высказываетъ „желаніе указать на преобразовательный смыслъ промысловаго налога, на тѣ факты, которые даютъ ему шансы возвыситься до значенія одного изъ основныхъ налоговъ нашей финансовой системы“. Г-нъ Львовъ замѣчаетъ, что, „кромя обще-научной, онъ имѣлъ въ виду еще и другую цѣль—указаніемъ на малозвѣстный у насъ податной источникъ дать нѣкоторый матеріалъ, небезполезный при обсужденіи вопросовъ, занимающихъ въ данную минуту наше общество и литературу и выдвинутыхъ на очередь только-что окончившейся войной“. Авторъ полагаетъ, что „правильно организованная система промысловаго налога является наиболее вѣрнымъ и надежнымъ податнымъ источникомъ, откуда можно черпать часть потребныхъ финансовыхъ ресурсовъ“. Такимъ образомъ, въ обоихъ сочиненіяхъ изъясняется готовность служить обществу въ дѣлѣ изысканія мѣръ, съ помощью которыхъ можно было бы выдти изъ запутавшагося финансоваго положенія и достигнуть равновѣсія въ государственномъ бюджетѣ. Я и предполагаю разобрать оба сочиненія, имѣя въ виду ихъ отношеніе къ потребностямъ времени. Главное вниманіе будетъ обращено на теоретическія соображенія авторовъ о промысловомъ налогѣ, на представленную ими характеристику способовъ промысловаго обложенія, принятыхъ за-границей, и на критику русскаго

промысловаго налога. Теоретическія соображенія о промысловомъ налогѣ обыкновенно стремятся указать рациональный способъ обложенія, который и рекомендуется законодательству, какъ образецъ. Практика западно-европейскихъ государствъ знакомитъ съ формами обложенія, испробованными въ дѣйствительности. Критика русскаго налога можетъ выставить его отклоненія какъ отъ принятаго авторомъ теоретическаго образца, такъ и отъ западно-европейскихъ примѣровъ, и указаніемъ недостатковъ выяснитъ, если не формулировать, желательныя преобразованія. Я попытаюсь привести въ ясность, что же даютъ намъ по тремъ указаннымъ сторонамъ вопроса о промысловомъ налогѣ сочиненія гг. Субботина и Львова.

Сочиненіе г-на Субботина дѣлится на четыре части съ законченческими, но многообъщающими заглавіями: „понятіе“, „исторія“, „теперешній видъ“, „будущность“. Авторъ не „желаетъ объять необъятное“ (стр. X). Онъ не прочь дѣлать оговорки, которыя берутъ назадъ данныя общанія. Авторъ не задается широкими цѣлями доскональнаго (?) разсмотрѣнія *всѣхъ* элементовъ нашего промысловаго обложенія и указанія новыхъ путей для развитія послѣдняго; *пока* достаточно указать на *общій характеръ* промысловаго налога, на его жизненное практическое *значеніе*, на тѣ признаки, которыми обозначается его *будущій успѣхъ*; отысканіе же *новыхъ путей* для измѣненія существующей системы промысловаго налога сообразно *послѣднему слову финансовой науки*—дѣло людей, болѣе свѣдущихъ“ (стр. X). Но все же онъ располагаетъ дать „*краткое* теоретическое понятіе“, „*краткое* указаніе, насколько выполняетъ теоретическія требованія русская система“, *краткое* сравненіе русской системы съ системами промысловаго обложенія другихъ государствъ“ (стр. XI). Несмотря на *краткость* содержанія, сочиненіе г-на Субботина впрочемъ довольно объемисто.

Обращаясь къ „краткому *обще-научному* представленію о промысловомъ налогѣ *вообще*“ (стр. 1). Несмотря на всѣ усилія разгадать теоретическое понятіе о промысловомъ налогѣ, рецензенту, при самомъ доброжелательномъ отношеніи къ автору, приходится только убѣдиться въ нѣкоторой неясности его теоретическихъ воззрѣній. Я попытаюсь, тѣмъ не менѣе, формулировать ихъ, насколько это возможно. Промысловому налогу подлежить, по мнѣнію автора, *промысловый* доходъ, т.-е. доходъ предпріятія, въ которомъ *главную* роль играетъ *личный капиталъ*. Личнымъ капиталомъ авторъ называетъ всѣ прирожденныя и благопріобрѣтенныя свойства человѣка, съ помощью которыхъ онъ зарабатываетъ средства къ жизни; *трудъ* есть проявленіе *личнаго капитала*, его динамическое (?) состояніе (стр. 2). На первыхъ порахъ мы уже встрѣчаемся съ смѣшеніемъ трудовой

дѣятельности съ предпринимательскою и съ страшнымъ соотношеніемъ труда и капитала. Выѣсто: „промышленный доходъ“, авторъ говоритъ иногда: „промышленная рента“, а между тѣмъ онъ самъ относитъ полученіе ренты на счетъ *особенно благоприятныхъ* условій одного предприятия въ сравненіи съ другими (стр. 10 и 13). Замѣчая, что личный капиталъ входитъ во всѣ предприятия, авторъ заключаетъ, что промышленный налогъ по отношенію къ источнику (т.-е. къ промыслу, стр. 6) можетъ являться въ двухъ видахъ: въ предприятии, гдѣ *кромя* личного капитала дѣйствуютъ другіе капиталы (имущественные и денежныя, по терминологіи автора), онъ является *накъ-бы* *дополнительнымъ* къ другимъ налогамъ; гдѣ *ластнымъ* образомъ дѣйствуетъ *одинъ* (?) личный капиталъ, онъ — *самостоятельная* податная форма (стр. 11). Нельзя не признаться, что такое дѣленіе предприятий слишкомъ шатко, слишкомъ неопредѣленно, чтобы имѣть значеніе для обложенія. Авторъ, впрочемъ, еще болѣе запутывается, пытаясь объяснить *дополнительный* характеръ промышленнаго налога: „дополнительный промышленный налогъ входитъ, какъ составная часть, въ налогъ, который берется съ предприятия, напримѣръ, съ земледѣльческаго предприятия — поземельнаго, съ капитальнаго (!) — капитальный, и этотъ дополнительный налогъ долженъ быть отнесенъ на счетъ промышленной ренты, т.-е. того *прибавка* дохода, какой оказывается при сравненіи *дѣйствительнаго* дохода съ тѣмъ, который можетъ быть полученъ отъ имущественныхъ и денежныхъ капиталовъ при *нормальномъ* личномъ содѣйствіи“ (стр. 13). Еще болѣе неожиданными являются дальнѣйшія заключенія автора: „промышленный налогъ заѣмичиваетъ собою податное зданіе...“ и — „никакіе бюджеты въ мірѣ не выражаютъ его дѣйствительной цифры“ (стр. 13). Читатель остается рѣшительно въ недоумѣніи на-счетъ промышленнаго налога, особенно послѣ того, какъ авторъ признаетъ, что „выдѣленіе промысла и промышленнаго налога возможно только въ теоріи, — на практикѣ же почти *невозможно*“. Въ самомъ дѣлѣ, читателю представляется, что промышленный налогъ есть налогъ, объектъ котораго на практикѣ *не можетъ быть* выдѣленъ, какъ предметъ обложенія, налогъ, который *слитъ* съ другими налогами, — налогъ, *поступленіе* котораго никакіе бюджеты не могутъ выражать... Читатель склоненъ подумать, что промышленный налогъ — какая-то химера. Соображенія г-на Субботина о *задачѣ* промышленнаго налога наносятъ новый ударъ читателю. „Промысловый налогъ отличается отъ другихъ своею задачею; задача его — *содѣйствіе* промышленности, тогда какъ задача поземельнаго налога — *содѣйствіе* сельскому хозяйству, и т. п.“ (стр. 14). Приведенная цитата не можетъ быть разсматриваема, какъ неудачно сорвавшаяся фраза, потому что и въ дальнѣйшемъ

наложеніи авторъ не одинъ разъ высказываетъ, что суммою налоговъ съ извѣстныхъ объектовъ обуславливается дѣятельность управленія на пользу этихъ объектовъ (стр. 127, 128, 149). Такова теорія г-на Субботина. Не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы его теоретическія соображенія могли служить руководствомъ для критики фактическихъ формъ промысловаго обложенія или для переустройства ихъ. Нельзя, кромѣ того, не указать, на темноту изложенія, которая, между прочимъ, обязана тому обстоятельству, что г-нъ Субботинъ, заимствуя терминологию у Л. Штейна, приводитъ термины безъ соответствующихъ разъясненій.

Вторая часть — исторія — занимаетъ почти половину книги (стр. 24 — 109). Въ книгѣ о промысловомъ налогѣ историческій очеркъ можетъ имѣть значеніе, если задается цѣлью изслѣдовать историческія формы промысловаго обложенія въ связи съ ходомъ промышленности и въ связи съ исторіей городовъ, какъ центровъ торговли и промышленности. Въ книгѣ г-на Субботина мы находимъ размышленія о самыхъ разнообразныхъ предметахъ, но всего меньше о промысловомъ налогѣ. Мы узнаемъ, напримѣръ, что „въ суздальской центральной области примѣсь финскаго элемента ослабляетъ жизненные силы славянскаго племени“ (стр. 25); что „въ періодъ владычества варяговъ *торговый балансъ* на нашемъ торговомъ сѣверѣ *явно* склонялся въ пользу нѣмцевъ“ (стр. 26); что „татарское владычество вноситъ въ складъ русской жизни *восточный* элементъ, *этимъ* объясняется привычка къ *насилію* въ нашихъ прежнихъ властяхъ, даже въ *выборныхъ*“ (стр. 31); что „въ средніе вѣка ремесленный строй общества обрѣтался въ уничиженіи, — въ то далеко неблаженное время промышленныя занятія давали только средства не умереть съ голоду, что, впрочемъ, было *не легко* при дешевой пропитаніи“ (стр. 34 и 37); что „въ средне-вѣковой Россіи, т.-е. отъ конца XV-го вѣка до конца XVII-го вѣка, замѣчается *броженіе* въ обществѣ, все *размывается* (?) по мѣстамъ“ (стр. 39); что „въ XVII-мъ вѣкѣ предъ великимъ торговцемъ — казною — ступевались всѣ частные торгаши, и ихъ податная сила прогрессировала весьма слабо; при столь *низкомъ градусѣ* частной инициативы не могла быть велика разработка естественныхъ богатствъ и выработка *личнаго* капитала“ (стр. 45); что „въ XVII-мъ вѣкѣ сѣмена европейской науки все еще падаютъ на бесплодную почву, знанія приобрѣтаются въ жалкихъ обрывкахъ, *опытный методъ* еще неизвѣстенъ“ (стр. 52—53); что послѣ смерти Петра В. „система казенныхъ монополій все еще *сверкаетъ*; *личный капиталъ* цѣнится крайне неравномѣрно; *личная дѣятельность* придворныхъ „баловней счастья“ оплачивается колоссальными суммами; трудъ сѣраго люда, мелкихъ чиновниковъ, уче-

нихъ, изобрѣтателей и другихъ цѣнится несоразмѣрно дешево" (стр. 70); что „въ нынѣшнее царствованіе всѣ *фибры финансового организма* приходятъ въ сотрясеніе, правительство прислушивается къ *послѣднимъ словамъ науки и европейской жизни*; вопросъ о правильной системѣ налоговъ и о равномерномъ распредѣленіи податной тяжести *подготовленъ* и уже *предпринятъ* (?) во многихъ деталяхъ. Производство идетъ впередъ *титанскими шагами*, и сборъ съ него возрастаетъ до небывалыхъ размѣровъ (стр. 96—98) и т. д., и т. д. Въ тѣхъ—рѣдкихъ, впрочемъ, случаяхъ—когда рѣчь заходитъ объ историческихъ формахъ промышленнаго обложенія въ Россіи, авторъ ограничивается общими, малозначущими фразами. Напримѣръ, по уложенію 1649 года, опредѣляется *что-то* похожее на *правильный* промышленный налогъ, *какъ-бы* первообразъ гильдейскаго сбора,—для полученія званія торговаго человѣка, надо было уплатить *известную* пошлину, размѣръ которой сообразовался съ *видомъ* продаваемого товара; слѣдовательно, берется уже опредѣленный *признакъ доходности*; въ раскладку (?) вносится уравнительный элементъ; это уже *что-то органическое*, не похожее на прежнія механическія (?) неподвижныя системы" (стр. 41). По поводу мѣръ Петра В. мы читаемъ: „Петръ все-таки успѣлъ провести въ обложеніе *свѣжій и здравый принципъ*; по его *мнѣнію*, за основаніе обложенія должна быть принята *совокупность* лица и промысла, т.-е. физической силы, умѣнья, знанія и капитала" (стр. 58); чрезъ нѣсколько страницъ находимъ слѣдующее: „заслуги Петра для финансовой области вообще и для объекта промышленнаго налога въ частности очень велики; торгово-промышленное сословіе опредѣляется, какъ финансовая сила; по отношенію къ этой силѣ вводится особое специальное обложеніе промышленнаго люда, понимаемое, впрочемъ, въ *чрезвычайно узкомъ смыслѣ*" (стр. 66). „При Екатеринѣ II,—по словамъ автора,—организация торгово-промышленнаго класса получаетъ болѣе *раціональную подкладку*, допускаетъ *первое систематическое обложеніе*" (стр. 72). „Исторія" завершается характеристикой современнаго промышленнаго налога: „Русскій налогъ на торги и промыслы въ его настоящемъ видѣ служить только преддверіемъ къ болѣе выработанной формѣ, которая дѣйствительно охватывала бы промышленный доходъ, какъ новый нарастающій источникъ (?) народнаго дохода, оживляющій (?) всѣ сферы производства; до сихъ поръ нашъ промышленный налогъ не имѣетъ еще специфическаго отбѣнка, а отличается болѣе *слышимымъ* характеромъ" (стр. 107—108). Я нарочно приводилъ подлинныя слова автора, чтобы отстранить упрекъ въ голословности отзывовъ; кромѣ того, имѣлось въ виду познакомить съ манерою автора выражаться: въ каждой фразѣ слишкомъ много словъ,

изъ которыхъ, впрочемъ, можно узнать очень немного. Напрасно мы искали бы анализа позитивнаго историческаго матеріала о промышленномъ налогѣ; авторъ даже не знакомитъ съ этимъ матеріаломъ, а предается разсужденіямъ, образцы которыхъ приведены выше. Читатель оставляетъ „Исторію“ г-на Субботина, получивъ чрезвычайно мало *свидѣній* о старинныхъ формахъ русскаго промышленнаго налога.

Третья глава озаглавлена: „Теперешній видъ“. Въ ученomъ сочиненіи о промышленномъ налогѣ въ этой главѣ естественно ожидать систематическаго изложенія началъ дѣйствующаго законодательства и критическаго разбора ихъ. Къ сожалѣнію, и здѣсь читателю приходится довольствоваться маловначущими фразами, среди которыхъ теряются нѣкоторые вѣрные замѣчанія, и нерѣдко наталкиваться на противорѣчія. Признавая новый законъ о промышленномъ налогѣ довольно сложнымъ, авторъ полагаетъ, что „выраженное въ немъ стремленіе къ уравнию податей не достигается, ибо нѣтъ *правильной* единицы, нѣтъ *правильнаго* соотношенія между объектомъ и долей, не видно *точно* сопоставленія всѣхъ условій торговли“ (стр. 110). Въ русскомъ промышленномъ налогѣ авторъ видитъ „проблески и англійскаго, и французскаго, и прусскаго налоговъ“ (стр. 111). „Промысловый налогъ въ Россіи — скорѣе *пробный* (?) налогъ, чѣмъ систематическое обложеніе“ (стр. 118). Замѣчая, что русскій промышленный налогъ слагается изъ двухъ частей: изъ платы за *свидѣтельство* на право торговли и промышленности и изъ платы за *билетъ* на торговое и промышленное заведеніе, авторъ говоритъ по поводу *свидѣтельства*: „размѣръ платы невеликъ и основанъ на вѣроятной *доходности* предпріятія“ — и затѣмъ, чрезъ нѣсколько строкъ заявляетъ: „но классы *доходностей* нѣбютъ *широкія* границы, вслѣдствіе чего самый сборъ *нѣсколько* утрачиваетъ *податной* характеръ и приближается, по своему значенію, скорѣе къ *пошлинѣ*“ (стр. 113). Похваливъ вниманіе налога, которое поручено городскому управленію, авторъ разсуждаетъ: „въ принципѣ городской думѣ ближе знакомъ уровень *мѣстныхъ оборотовъ, доходность* разныхъ *промысловъ*, словомъ — многочисленныя главныя и побочныя условія, легко ускользающія отъ казеннаго контроля“ (стр. 124). Эти ссылки на доходность, на обороты и т. д. могутъ сбить съ толку читателя. По дѣйствующему закону, обложеніе торговли и промысловъ опирается на виѣшніе признаки: на принадлежность торговли къ такому или другому *виду*, на число заведеній, на обширность промысла, насколько эта обширность выражается числомъ работниковъ и т. д.; на *доходность*, на *обороты* дѣйствующій законъ не обращаетъ никакого вниманія. Замѣчая, что „для второй гильдіи и для мелочнаго торговаго размѣръ сбора за *свидѣтельство* варьируетъ по классамъ

мѣстности", авторъ полагаетъ, что „здѣсь отчасти приходить элементъ пропорциональности" (стр. 113); между тѣмъ, на стр. 128, онъ говоритъ: „дѣленіе на мѣстности произвольно и не соотносится съ новѣйшими измѣненіями въ оборотахъ разныхъ мѣстъ". О билетномъ сборѣ мы узнаемъ, что онъ представляетъ собою *уравнительный* элементъ, и что, въ то же время, отличается безразличіемъ *пошлины*. По поводу городскихъ сборовъ съ промысловъ и торговли авторъ допускаетъ фактическія ошибки. Онъ говоритъ: „государство рѣшительно признало за городами право самостоятельными распоряженій по части раскладки и взиманія промысловыхъ сборовъ; за это (?) отказалось въ нихъ пользу отъ части промысловаго налога, какъ-бы съ цѣлью испытать ихъ финансовыя силы. По городскому положенію 16-го іюля 1870 года, городская дума можетъ *устанавливать* вновь, увеличивать и уменьшать городскіе налоги на торги и промыслы въ законныхъ предѣлахъ. По 128 ст. городского положенія, городская дума можетъ установить особые сборы съ документовъ на право торговли и промысловъ, съ трактирныхъ заведеній, постоянныхъ дворовъ и съѣстныхъ лавочекъ; это уже—самостоятельный городской налогъ, не имѣющій прямой связи съ государственнымъ налогомъ" (стр. 115—116). Между тѣмъ, городское положеніе придало городскимъ сборамъ съ промысловъ и торговли характеръ *добавочныхъ окладовъ* къ государственнымъ налогамъ; этимъ окладамъ указанъ наивысшій размѣръ: для купеческихъ свидѣтельствъ—25%, съ платежа въ пользу казны, для прочихъ свидѣтельствъ и для билетовъ—10%, для патентовъ, выдаваемыхъ по нитейному уставу на заводы для выдѣлки нитей и заведенія для продажи ихъ,—25%, съ платежей, которые идутъ въ пользу казны; сборы въ пользу города съ свидѣтельствъ, билетовъ и патентовъ взимаются на *одинакомъ основаніи* и одновременно съ казенными налогами (городское положеніе, ст. 132 и 133). Дѣйствующій законъ запрещаетъ установленіе новыхъ сборовъ, не предусмотрѣнныхъ въ положеніи (тамъ же, стр. 137). Значитъ, не можетъ быть рѣчи объ *особыхъ* сборахъ, о самостоятельныхъ распоряженіяхъ, о какой-то раскладкѣ, не имѣющей смысла по отношенію къ *количественнымъ* налогамъ, т.-е. къ налогамъ съ точно указанными въ законѣ окладами. Раскладочная система допущена только для спеціальнаго городского сбора съ трактирныхъ заведеній, постоянныхъ дворовъ и съѣстныхъ лавочекъ, но раскладка производится въ этомъ случаѣ плательщиками, которые составляютъ платежное общество, или ихъ депутатами, а не городскимъ общественнымъ управленіемъ.

Третья глава заканчивается „Краткими сравнительными замѣчаніями по поводу промысловаго налога главныхъ государствъ"

(стр. 140). Авторъ обнаруживаетъ здѣсь не полное знакомство съ дѣломъ; онъ не даетъ обстоятельнаго разбора западно-европейскихъ формъ промысловаго налога, ограничиваясь малозначущими замѣчаніями. „Промышленность въ Англіи проникаетъ *естъ* нори юсударственной организаціи, и разграничить промышленный доходъ отъ другихъ весьма трудно“ (стр. 141); „промысловое обложеніе еще не вышло изъ хаотическаго состоянія“ (стр. 141). Между тѣмъ, промысловый налогъ въ Англіи составляетъ часть подоходнаго и принимается въ основаніе средній доходъ за послѣдніе три года. „Въ Пруссіи налогъ—довольно зрѣлый“ (стр. 142); при широкой классификаціи и широкой кадастрѣ, предусмотрѣнно множество подробностей; но формальныя рамки отнимаютъ у системы способность слѣдить за измѣнчивостью промышленныхъ силъ“ (стр. 143) и т. п. „Въ Австріи система промысловаго налога близка къ германской, но отличается болѣе смѣшаннымъ, болѣе самобытнымъ характеромъ; въ нее входятъ элементы, свойственные и французской, и прусской системамъ“ (стр. 144). „Французская система отличается преобладаніемъ искусственнаго патентнаго сбора; сборъ этотъ устроенъ образцово и послужилъ отчасти *фономъ* для начертанія русской системы“ (стр. 145). Говоря о французскомъ промысловомъ налогѣ, авторъ высказываетъ даже нѣсколько странное положеніе: „*французскій налогъ, подобно русскому, выработанъ изъ старинной формы обложенія низшаго класса, изъ taille personnelle XII-го вѣка (?)*“ (стр. 146). Приведенныя выдержки едва ли нуждаются въ комментаріяхъ.

Въ четвертой главѣ — „Будущность“ — авторъ, повидимому, желаетъ пророчить и высказываетъ вмѣстѣ крайне оригинальныя мысли. Такъ мы узнаемъ изъ нея, что „въ наше время самыя важныя соціальныя вопросы рѣшаются мирно и удачно“ (стр. 148); что „роскошъ высшихъ классовъ развиваетъ прихоти въ низшихъ“ (стр. 149); что „съ развитіемъ общества и личности уменьшается рождаемость“ (стр. 152); что „чѣмъ сильнѣе (?) общество, тѣмъ болѣе отдѣльное лицо проникается самоуваженіемъ; его *эгоистическіе* интересы возрастаютъ, и это ведетъ къ возрастанію промысловой ренты“ (стр. 151); что „промысловый налогъ долженъ быть *направленъ* такъ, чтобы не допускать сосредоточенія богатствъ въ немногихъ рукахъ, а облегчать для безкапитальнаго люда путь къ приобрѣтенію“ (стр. 149). О томъ, какъ быть съ русскимъ промышленнымъ налогомъ, авторъ не высказываетъ отчетливыхъ мыслей. „Промысловое обложеніе должно necessarily получить иной характеръ, чѣмъ теперь“ (стр. 189). „Только коренное измѣненіе оцѣнки, приноровленіе ея къ *дѣйствительно* полученному доходу, дабы она могла послужить фактическимъ основаніемъ для

опредѣленіи пропорціональнаго оклада, *можетъ* улучшить нашу промышленность" (стр. 182). Но „законодательство должно опираться на твердую систему, а послѣдняя не берется à priori, а вырабатывается жизнью; поэтому надо *ждать*, пока окончится броженіе (?) въ промысловой сферѣ" (стр. 179).

Во всемъ этомъ нельзя признать ни отчетливаго теоретическаго представленія о промысловыхъ налогахъ, ни точныхъ указаній на заграничныя формы промысловаго обложенія, ни обстоятельнаго разбора русскаго промысловаго налога. Можетъ быть, такое мнѣніе покажется вѣсколю жесткимъ по отношенію къ автору, выступающему съ первымъ опытомъ; но я думаю, что откровенное указаніе недостатковъ, чуждое неприязни, можетъ быть не бесполезно и для автора.

Сочиненіе г-на Львова можетъ быть раздѣлено на три части: въ первыхъ двухъ главахъ авторъ занимается теоріею промысловаго налога; въ третьей главѣ разсматриваетъ устройство промысловаго налога въ западно-европейскихъ государствахъ; въ трехъ послѣднихъ главахъ излагаетъ историческое развитіе и современное положеніе промысловаго налога въ Россіи. Я всего дальше остановлюсь на теоретическихъ соображеніяхъ, имѣющихъ въ виду формулировать рациональный способъ изложенія, сравнительно съ которымъ приходилось критиковать формы обложенія, представляющіяся въ дѣйствительности. Высказавшись противъ подоходнаго налога, въ виду неопредѣленности понятія о доходѣ и неадежности показаній плательщиковъ, авторъ относитъ промысловый налогъ къ разряду налоговъ, распределяемыхъ по известнымъ *внѣшнимъ* признакамъ, какъ податнымъ объектамъ (стр. 7). Податной объектъ его — промыселъ (стр. 31). Промыслъ авторъ называетъ „такое хозяйственное предприятие, въ которомъ въ качествѣ производительныхъ элементовъ участвуетъ капиталъ *наравнѣ* съ личною приобрѣтательною способностью промышленника" (стр. 32). Отличительными признаками промысла, какъ податнаго объекта, позволяющими распознать его въ ряду другихъ объектовъ, служатъ, по словамъ автора, понятіе *промысленнаго капитала*, какъ специфическаго вида капитала вообще, и понятіе *промысленнаго дохода* (стр. 37). Желая выяснитъ, что такое промысловый капиталъ, авторъ не вполне удачно дѣлитъ „всю массу обращающихся въ народномъ хозяйствѣ *производственныхъ* капиталовъ на три группы: капиталъ народный, капиталъ предпринимательскій или промысловый и капиталъ личный (?) или осудный" (стр. 36). Народнымъ капиталомъ авторъ признаетъ „то, гдѣ удовлетворяется масса дѣйствительныхъ (?) потребностей народа"; онъ

оцѣнивается „абсолютною (?) полезностью или цѣнностью потребления“. Для характеристики промышленнаго капитала авторъ обращается къ Л. Штейну и передаетъ одно изъ его положеній настолько невѣрно, что для незнакомаго съ подлинникомъ оно представляется совершенно непонятнымъ“. По Л. Штейну, характеристическимъ признакомъ промышленнаго капитала служить то, что „объемъ (?) его *расширяется* вслѣдствіе хозяйственной *дѣятельности* предпринимателя, соединенной съ *дѣятельностью* затраченнаго въ предпріятіи *капитала*“. — „Промысловый *доходъ* отличается отъ капитальной ренты, которая составляетъ *чистый барышъ* (стр. 33), не похожъ и на заработную плату, заранее определенную *договоромъ*, такъ какъ онъ зависитъ отъ тысячи случайностей, трудно поддающихся предварительнымъ расчетамъ“ (стр. 33). Нельзя не признаться, что указанные признаки не представляются достаточно характеристическими для обрисовки промышленнаго налога. Авторъ самъ признаетъ, что промышленный капиталъ „затрачивается въ обработкѣ земли, — слѣдовательно, затрогивается поземельнымъ налогомъ, также какъ и домовымъ налогомъ и налогомъ за заработную плату“ (стр. 38). Онъ полагаетъ, что „для рѣшенія, подлежатъ ли дѣйствию промышленнаго налога представляющіяся намъ хозяйственныя занятія, надо имѣть руководящій принципъ“ (стр. 44), — но руководящаго принципа такъ и не отыскиваетъ. Онъ приводитъ классификацію промысловъ Рау, замѣчая, что Рау не пытается научнымъ образомъ обосновать свое дѣленіе (стр. 40), цитируетъ „бѣднаго Жака-Беранже, чтобы доказать, что *рабочая плата* не можетъ быть предметомъ промышленнаго обложенія (стр. 45), колеблется по поводу обложенія арендаторовъ и сельскихъ хозяевъ (стр. 43) и не высказывается определенно насчетъ *высшихъ профессій* (стр. 48). Въ результатѣ такъ и не оказывается точнаго опредѣленія объекта промышленнаго налога.

Обращаясь затѣмъ къ способамъ установленія промышленнаго налога, авторъ высказывается противъ основанія налога „на свѣдѣніяхъ о чистомъ доходѣ, доставляемыхъ промышленниками“; онъ не надѣется, чтобы у мелкихъ торговцевъ и промышленниковъ имѣлись такія свѣдѣнія и не рискуетъ полагаться на показанія при теперешнемъ уровнѣ нравственности, т.-е. повторяетъ избитыя возраженія (стр. 49—50). По словамъ автора, надо судить о *доходности* промысла по *опытнымъ* фактамъ, по *опытной* обстановкѣ промысла (стр. 50). Первый признакъ, по мнѣнію автора, тотъ, что *известному роду* промысловъ соответствуетъ *известная* средняя величина промышленнаго *дохода* (стр. 51); такимъ образомъ, прежде всего надо построить классификацію промысловъ, но авторъ не даетъ основаній для этой классификаціи, а дѣлаетъ отступленіе объ обстоятельствахъ,

вліяющихъ на плату за трудъ. Другимъ моментомъ, вліяющимъ на величину прибыли, авторъ признаетъ *мѣстность* (?), которую обусловливается сбытъ (стр. 53). Этотъ „географическій коэффициентъ“ устанавливается чрезъ сравненіе съ единицею наименѣе населенной мѣстности—напримѣръ, деревни—заключающей не болѣе 500 душъ; тогда, прибавляя къ этой единицѣ *дробную часть*, пропорціональную съ приращеніемъ народонаселенія, мы опредѣлимъ сравнительную населенность данного мѣста (?)“ (стр. 54). Третій признакъ авторъ формулируетъ неотчетливо; онъ называетъ его „дороговизною мѣстности“, благодаря которой, будто бы, получается болѣе значительная прибыль; но приведенный авторомъ примѣръ парижскаго портного показываетъ, что здѣсь скорѣе дѣло идетъ о величинѣ оборотовъ (стр. 54). Послѣ замѣчаній о признакахъ, авторъ дѣлаетъ слѣдующій выводъ: „Большая или меньшая *производительность* каждаго промысла *выражается* тремя коэффициентами: сравнительною *выгодностью* (?) промысла, географическимъ коэффициентомъ и коэффициентомъ дороговизны; окладъ налога можно для каждой мѣстности опредѣлить слѣдующей формулой: взять *единицу налога* (?), помножить ее на *сумму* трехъ коэффициентовъ и полученное произведеніе раздѣлить на три“ (стр. 55). Этотъ выводъ интересенъ въ томъ отношеніи, что сводитъ къ абсурду соображенія автора о признакахъ для опредѣленія доходности промысловъ. Таковъ *способъ обложенія*, предлагаемый авторомъ. Впрочемъ, онъ полагаетъ, что нѣкоторые (?) промыслы, независящіе отъ мѣстности, требуютъ *индивидуальнаго измѣренія доходности* на основаніи *спеціальныхъ признаковъ*; въ ряду признаковъ рѣшающее значеніе имѣютъ *величина и объемъ* (?) постоянного капитала и оборотнаго капитала; но „нельзя всѣ признаки предусмотрѣть, а лучше *предоставить* ихъ выборъ *опытнымъ*“ (стр. 56); такъ что читатель повергается въ недоумѣніе, — идетъ ли дѣло о *свободной комиссіонной оцѣнкѣ*, или же оцѣнкѣ на основаніи опредѣленныхъ признаковъ, указываемыхъ закономъ. Перечисляя, примѣрно, признаки, которые надо принимать во вниманіе при промысловомъ обложеніи, авторъ приводитъ признаки, имѣющіе значенія при *раздѣльномъ* обложеніи дохода (въ противоположность *общему* подоходному налогу), напримѣръ, различіе, ведется ли предпріятіе на собственный капиталъ, или чужой (стр. 57), принятіе во вниманіе *степени зажиточности* промышленника (стр. 59).

„Три момента составляютъ, — по мнѣнію автора, — *необходимую принадлежность каждаго* раціональнаго (?) налога: единица, доля и такъ-называемый *Existenzminimum*“ (стр. 65). Единица — известная часть дохода или податнаго капитала, которая служитъ ближайшимъ

предметомъ обложенія; доля — известный процентъ съ единицы. По поводу доли авторъ даетъ обивчивыя соображенія. Онъ полагаетъ: „Если *каждому разряду* промысловъ свойственна известная средняя величина прибыли, въ однихъ—*большая*, въ другихъ—*меньшая*, то и *податная* доля, очевидно (?), не можетъ быть одна и та же для *всѣхъ* промысловъ вообще; а *потому прогрессивная* доля въ *промысловомъ* налогѣ всего лучше удовлетворяетъ требованіямъ *разномѣрною* обложенія промысловъ и *равной* податной тягости“ (стр. 66). Выводъ о прогрессивной долѣ представляется рѣшительно неожиданнымъ; если различные промыслы даютъ различные доходы, то *разномѣрное* привлеченіе ихъ и будетъ оказываться на-лицо при *одинаковой* долѣ, т. е. при *одинаковомъ* процентѣ съ дохода, потому что платежи съ *различныхъ* доходовъ будутъ *различны*, *пропорціонально* величинамъ доходовъ. Авторъ высказывается противъ „принципа *однобразнаго* (?) обложенія“, въ виду того, что „налогъ справедливо *сравнивать* со *степенью необходимости* въ покровительствѣ и охранѣ государства“; утверждаетъ: „*кому неизвѣстно*, что крупные капиталы имѣютъ болѣе *нужды* въ государственномъ обезпеченіи, нежели *мелкіе*?“ (стр. 67). Авторъ не сообщаетъ, чѣмъ *измѣряетъ* онъ болѣшую или меньшую *нужду* въ обезпеченіи. Ошибка автора заключается въ томъ, что онъ переноситъ прогрессію въ такую область, гдѣ ей нѣтъ мѣста,—въ область *раздѣльнаго* обложенія дохода по его источникамъ или основаніямъ полученія. Прогрессія уместна по отношенію къ общему подоходному налогу, который принимается за основаніе совокупный доходъ плательщика, изъ какихъ бы источниковъ (капиталовъ и дѣятельности) этотъ доходъ ни получался.

Основаніе для примѣненія прогрессіи въ этомъ случаѣ заключается въ томъ, что платежная способность лица растетъ быстрѣе, чѣмъ увеличивается цифра его совокупнаго дохода; чѣмъ выше доходъ человека, тѣмъ *произвольнѣе* потребленіе, на которое тратится доходъ, тѣмъ болѣе расходы имѣютъ характеръ прихоти, тѣмъ *менѣе* чувствительными представляются вычеты изъ дохода въ видѣ налога. Но, понятно, эти соображенія непримѣнимы къ тѣмъ случаямъ, когда за основаніе налога берется не совокупный доходъ лица, а доходность какого-нибудь изъ источниковъ приобрѣтенія (капитала или дѣятельности) и притомъ еще доходность, опредѣляемая по *опытнымъ* признакамъ.

Въ такую же ошибку авторъ впадаетъ и относительно Existence-minimum'a, не говоря уже о томъ, что онъ считаетъ этотъ минимумъ *необходимую* принадлежностью *каждому* рациональнаго налога и, пожалуй, даже косвеннаго, какъ можно заключить изъ примѣровъ на стр. 66. Авторъ увѣряетъ, что „въ *науцѣ* и *практикѣ* (?) *вообще* *примѣ-*

нѣтъ производить вычеты необходимыхъ издержекъ на содержаніе“ (стр. 70), не давая, впрочемъ, приѣровъ изъ законодательствъ о промысловомъ налогѣ. Онъ выражается уклончиво по поводу того, долженъ ли быть минимумъ разнообразія или же разнообразіе, смотря по положенію плательщика, хотя изъ замѣчаній, сдѣланныхъ на стр. 70, можно заключить, что авторъ склоняется въ пользу разнообразія, вносящаго полнѣйшую неопредѣленность въ обложеніе: „у всѣхъ должна оставаться свободною сумма, которой *примѣтнымъ* образомъ обеспечивается содержаніе каждаго, и притомъ сообразно съ *индивидуальнымъ* положеніемъ хозяйства; каждому *удѣляется* (?) часть изъ всего дохода, не подлежащая налогу, сообразная *положенію* плательщика въ *общественной* средѣ и *примѣтнымъ* здѣсь привычкамъ, и степени развитія необходимыхъ потребностей“ (стр. 70). Разсматривая экономическое дѣйствіе промысловаго налога, авторъ желаетъ доказать, что промысловый налогъ непереложимъ, такъ какъ оба пути для переложенія—возвышеніе цѣнъ продуктовъ и пониженіе долей капиталистовъ и работниковъ—„для промышленника ненадежны въ смыслѣ достиженія желаннаго результата“ (стр. 84—91); но при этомъ авторъ огульно говоритъ о промысловомъ налогѣ, не разбирая вліянія различныхъ формъ его на переложеніе. Въ предъидущемъ изложеніи намѣчены главные пункты теоретическихъ воззрѣній автора на промысловый налогъ. Изъ замѣчаній, которыми сопровождалось изложеніе этихъ воззрѣній, приходится заключить о неумѣренности теоретическихъ представленій автора. Правда, надо признаться, что теорія промысловаго налога въ литературѣ далеко не можетъ считаться выработанной и установившеюся; разнообразіе практическихъ опытовъ установленія промысловаго налога въ значительной степени затрудняетъ теоретическія построенія. Авторъ не мѣрѣ силъ пытался пробиться въ этой трудной области къ удовлетворительному результату; но его соображенія, доставляя цѣнный матеріалъ, не привели къ отчетливой формулѣ промысловаго налога, которую можно было бы рекомендовать законодательству и которая могла бы служить для критики имѣющихся въ дѣйствительности формъ промысловаго налога.

Въ третьей главѣ авторъ разсматриваетъ „промысловый налогъ въ западно-европейскихъ государствахъ“. Въ этой главѣ сказывается недостаточность матеріала, которымъ располагалъ авторъ. Онъ излагаетъ довольно подробно устройство французскаго промысловаго налога по закону 1844 г., но придаетъ слишкомъ преувеличенное значеніе проекту коммисіи 1828 г. и игнорируетъ законъ 1872 г. Говоря о прусскомъ налогѣ, онъ пользуется обстоятельнымъ сочиненіемъ г. Заблоцкаго-Десятовскаго, но онъ упустилъ изъ виду намѣ-

ненія, сдѣланныя въ организаціи прусскаго налога въ 1874 и 1876 гг. Давая свѣдѣнія о вюртембергскомъ промышленномъ налогѣ, авторъ не принимаетъ во вниманіе законъ 28 апрѣля 1873 г. При изложеніи австрійскаго промышленнаго налога не указано его отношеніе къ австрійскому же подоходному налогу, съ которымъ онъ состоитъ въ связи. Тѣмъ обстоятельствомъ, что авторъ пользовался устарѣлыми пособіями, можно объяснить, почему, напр., онъ говоритъ о промышленномъ налогѣ Ганновера и Пьемонта, какъ о самостоятельныхъ формахъ. Вообще эту часть сочиненія приходится признать недостаточно отдѣланной. Можно и не требовать отъ автора знанія подробностей, но все же въ книгѣ о промышленномъ налогѣ желательно было бы найти указаніе выдающихся, характеристическихъ чертъ промышленнаго обложенія различныхъ государствъ и сопоставленіе съ теоретическими положеніями.

Вторая половина сочиненія посвящена русскому промышленному налогу, его исторіи и современному положенію. Я не буду останавливаться на исторіи, которую авторъ налагаетъ на основаніи разныхъ сочиненій, не прибѣгая къ источникамъ первой руки. Глава: „Дѣйствующее законодательство“—составлена очень тщательно; авторъ трудолюбиво собралъ матеріалъ для характеристики сборовъ, которыми облагаются въ Россіи промыслы и торговля какъ въ пользу государственнаго казначейства, такъ и въ пользу городовъ и разныхъ общественныхъ и государственныхъ учреждений. Но я не могу скрыть, что въ этой главѣ встрѣчаются невѣрные характеристики и противорѣчивыя сужденія. Авторъ полагаетъ, что признакъ оптовой торговли—продажа партіями, а признакъ розничной торговли—продажа *въ лавокъ и магазиновъ* (стр. 201), тогда какъ *помыщеніе*, въ которомъ производится торговля, имѣетъ второстепенное значеніе (стр. 197); впрочемъ, авторъ колеблется по поводу розничной торговли, заявляя, напр., на стр. 203, что „каждый розничный торговецъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ *оптовый* по отношенію къ другимъ, *обороты* которыхъ производитъ на *меньшій капиталъ*“. Авторъ думаетъ, что „закономъ разрѣшается содержать произвольное число торговыхъ и промышленныхъ заведеній въ мѣстности, на которую распространяется дѣйствіе взятаго промышленникомъ свидѣтельства“ (стр. 207), тогда какъ такая неограниченность имѣетъ мѣсто только по отношенію къ свидѣтельству 1-й гильдіи; по свидѣтельству же 2-й гильдіи можно содержать только 10 заведеній, а по свидѣтельству на мелочной торговѣ—только 4. Слѣдуя г. Оубботину, авторъ приписываетъ городской думѣ право *самостоятельно* устанавливать *снова* и увеличивать городскіе налоги на торговлю и промыслы, на торговни свидѣтельства и т. д. (стр. 216). Авторъ то утверждаетъ, что „новымъ положеніемъ старый порядокъ видоизмѣненъ лишь въ его подробностяхъ;

установлены новые оклады и усилены прежніе съ единственною цѣлью увеличенія государственнаго дохода" (стр. 199), — то признаетъ, что „сравнительно съ прежнимъ налогъ организовать равномѣриѣе" (стр. 204). Онъ увлекается билетнымъ сборомъ: „билетный сборъ — вотъ начало нашего закона, которымъ отчасти соразмѣряется налогъ съ доходностью промысловъ".

Оцѣночные приемы (взятіе билета на заведеніе съ принятіемъ во вниманіе числа входовъ и числа покоевъ), по словамъ автора, „безспорно содѣйствуютъ пропорціональности налога и ставятъ въ этомъ отношеніи нашъ законъ выше французскаго, гдѣ налогъ соразмѣренъ лишь съ наемной цѣной заведенія" (стр. 206), но въ то же время онъ соглашается, что, благодаря статьямъ о билетномъ сборѣ, „налогъ ложится въ обратномъ отношеніи въ величинѣ прибыли торговца" (стр. 207).

Надо, впрочемъ, признаться, что дѣйствующій законъ о промысловомъ обложеніи (положеніе о пошлинахъ за право торговли и другихъ промысловъ) очень сложенъ и казуистиченъ; изученіе его представляется довольно труднымъ; различные налоги заслоняютъ существенныя стороны дѣла. Заслуга автора заключается въ томъ, что онъ собралъ постановленія о различныхъ сборахъ съ торговли и промысловъ. Но онъ не далъ систематическаго изложенія дѣйствующаго порядка промысловаго обложенія и не представилъ критики предмета, ограничившись отдѣльными замѣчаніями. У читателя не получается цѣльнаго представленія о нашемъ промысловомъ обложеніи, объ его недостаткахъ и уклоненіяхъ отъ теоретическихъ требованій, которыя авторъ признаетъ вѣрными. Бѣда въ томъ, что въ сочиненіи г. Львова отдѣльныя части связаны между собою только внѣшнимъ образомъ, — каждая обработана сама по себѣ, безъ соотношенія съ другими. Сочиненіе теряетъ единство и оставляетъ читателя безъ отчетливаго выясненія предмета изслѣдованія. Авторъ вложилъ въ дѣло много труда. Онъ обнаруживаетъ большую начитанность, особенно по русской литературѣ, въ которой онъ перечиталъ все, относящееся къ предмету. Авторъ не преувеличиваетъ значенія своего труда; онъ скромно замѣчаетъ, что онъ имѣлъ въ виду дать „небезполезный матеріалъ". Эта скромность располагаетъ въ пользу автора, выступающаго съ первымъ опытомъ и вложившаго въ него не мало труда. Но все-таки сочиненіе г. Львова даетъ мало для отбѣта на вопросы, которые были поставлены въ началѣ настоящей рецензіи и которые представляются существенными для преобразованія современнаго русскаго промысловаго налога.

М. А.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

12/24 сентября, 1879.

НАКАНУНѢ РѢШЕНІЯ ВСЯКИХЪ ВОПРОСОВЪ.

Замѣчательно, какъ въ нѣны эпохи политическое движеніе замедляется у какого-нибудь народа. Конечно, такое затишье можетъ продолжаться десяти и десяти лѣтъ, но въ нашей быстро-текущей жизни намъ кажется необыкновеннымъ уже то, если, оглянувшись за нѣсколько недѣль назадъ, мы найдемъ, что въ этотъ промежутокъ времени не произошло ничего особеннаго. Такова и настоящая эпоха. Все, что совершилось съ тѣхъ поръ, какъ я въ послѣдній разъ писалъ вамъ, служить, конечно, подготовленіемъ къ грядущимъ событіямъ, но почти совсѣмъ нельзя предвидѣть, какого рода рѣшеніе ожидаетъ вопросы, которые теперь возбуждены. Правда, мы пережили нѣсколько событий, которыя хроникеръ долженъ отмѣтить и которыя дадутъ пищу газетамъ, избавляя ихъ отъ необходимости толковать про морскую зѣбу, — единственный ресурсъ во время лѣтняго зстоя. Къ такимъ событіямъ принадлежитъ прежде всего неудовольствіе, возникшее нѣсколько времени тому назадъ между Германіей и Россіей, и въ настоящее время, надо надѣяться, совершенно улаженное. Затѣмъ — поѣздка императора въ восточныя провинціи и въ Эльзасъ-Лотарингію; сюда же принадлежитъ набирательное движеніе и, наконецъ, поѣздка князя Бисмарка въ Вѣну. Великое событіе, про которое такъ давно уже толкуютъ и которое, несмотря на всѣ надежды и ожиданія, все еще не наступило: примиреніе между германскою имперіей и римскою куріей заставляетъ себя ждать. Между тѣмъ духъ недовольства, о которомъ я говорилъ въ прошломъ письмѣ, неопредѣленность партій, шаткость политическаго направленія все усиливаются.

Что касается выборовъ, то до сихъ поръ совершенно ясны двѣ вещи: во-первыхъ, что огромное большинство народа пребываетъ въ непобѣдимой апатіи и весьма мало принимаетъ участія въ выборахъ. Эта апатія усиливается еще и оттого, что многіе изъ бывшихъ парламентскихъ дѣятелей не желаютъ снова вступить въ палату депутатовъ. Въ числѣ таковыхъ особенно много судей, которые предвидятъ, что новая судебная организація, нѣбующая вступить въ силу 1-го октября текущаго года, ляжетъ на нихъ тяжелымъ бременемъ прежде, нежели они успѣютъ освоиться съ своимъ новымъ положе-

нѣмъ, а потому они отказываются, хотя и на время, отъ своего полномочія. Другіе недовольны существующимъ порядкомъ вещей и потому удаляются отъ политической дѣятельности; наконецъ, третьи — не могутъ справиться съ своими частными дѣлами, благодаря непомерно долгому сроку парламентскихъ сессій, потому что, собственно говоря, одни только чиновники могутъ проживать въ Берлинѣ безъ ущерба для самихъ себя; всякій же другой гражданинъ, какъ бы онъ ни былъ богатъ, несетъ большіе убытки, проживая по-долгу вдали отъ своей родины и своихъ дѣлъ. Съ другой стороны, это же самое влечетъ къ умноженію того класса людей, которыхъ называютъ парламентаристами по профессіи и который въ Германіи вообще, а въ Пруссіи въ особенности, до сихъ поръ не особенно многочисленъ. Это тотъ классъ людей, который видитъ въ самой политикѣ профессію и потому не имѣетъ никакой другой. Этотъ классъ гораздо многочисленнѣе въ Америкѣ, а также во Франціи и въ Англіи, чѣмъ у насъ, такъ какъ тамъ легче доступъ въ парламентскую дѣятельность, по крайней мѣрѣ, для оппозиціи, а правительственные депутаты и въ Германіи, и въ Пруссіи, не могутъ пожаловаться на то, что имъ затрудненъ путь къ почестямъ и мѣстамъ. Но вообще, въ интересахъ какъ самихъ партій, такъ и страны, желательно, чтобы большинство представителей были люди независимые, которые бы не ждали отъ правительства никакихъ милостей. Послѣднимъ словомъ истинной парламентской жизни, безъ котораго она немислива, является то, чтобы партіи, стоящія въ оппозиціи, могли бы, въ свою очередь, становиться у кормила правленія и показать, на что онѣ способны. Въ этомъ отношеніи парламентская жизнь въ Германіи и въ особенности въ Пруссіи несомнѣнно отстала не только отъ парламентской жизни Англіи и Франціи, но даже и другихъ, менѣе крупныхъ государствъ, — даже самой Австріи. Причину этому легко найти и о ней часто говорилось: она заключается не только въ старыхъ монархическихъ традиціяхъ Пруссіи, въ томъ, что король назначаетъ самъ министровъ по своему усмотрѣнію, не также и въ томъ обстоятельствѣ, что оппозиція въ продолженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ не допускала никакихъ политическихъ и военныхъ традицій стараго королевства. То сопротивленіе, какое она оказывала намѣреніямъ князя Бисмарка въ эпоху датской войны и австрійской войны 1866 года, хотя и было окончательно побѣждено канцлеромъ, и самое воспоминаніе о немъ стараются теперь изгладить, но духъ, который тогда одушевлялъ оппозицію и либеральную партію, существуетъ и по сіе время, нисколько не ослабѣвъ, и проявился бы съ новою силой въ тотъ день, какъ она достигла бы господства, если бы только не наступили какія-нибудь совсѣмъ особенныя собы-

тія. Это большое несчастіе, такъ какъ самъ-по-себѣ либерализмъ въ правительствѣ вовсе не идетъ въ разрѣзъ по миролюбію съ консервативной оппозиціей. Политическія партіи, рассматриваемыя съ точки зрѣнія внутренняго права, могутъ быть въ отношеніи въ вѣдѣннѣй политикѣ, попеременно, то миролюбивы, то воинственны, смотря по тому, считаютъ ли они это полезнымъ для своей партіи, или же — смотря по тому, принимаютъ ли они во вниманіе задачи государства и общаго политическаго хода дѣлъ. Стоить только оглянуться за пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, чтобы увидѣть, что безусловно консервативное правительство въ Пруссіи было такъ миролюбиво настроено, что поддерживало миръ, жертвуя даже обаяніемъ своего авторитета, и нисколько не помышляло о томъ, чтобы устранить внутреннія затрудненія тѣмъ, что называется диверсіей извнѣ.

Но, говоря здѣсь объ общихъ причинахъ, мѣшающихъ водворенію въ Германіи и въ особенности въ Пруссіи единственной истинной парламентской системы, а именно: равновѣсію и чередованію партій, я долженъ сознаться, что въ данную минуту та причина не играетъ первенствующей роли въ настоящемъ положеніи вещей. Нельзя безусловно отрицать — какъ бы это ни казалось прискорбнымъ для Германіи — что политическое движеніе съ 1867 года шло слишкомъ быстро для громаднаго и вмѣстѣ воснаго большинства націй. Во все это время слышались потому голоса, предостерегавшіе, что на народъ слишкомъ много рассчитываютъ въ этомъ отношеніи; но господствующая партія оставалась глуха къ этимъ предостереженіямъ и постоянно жаловалась еще на то, что прогрессъ совершается не достаточно быстро. Не слѣдуетъ думать, что въ ту пору консерваторы были въ оппозиціи съ либералами: напротивъ того, всѣ и каждый были охвачены либеральнымъ духомъ времени, и реформы, казавшіяся незадолго передъ тѣмъ непреодолимо трудными, тутъ проводились такъ быстро и единодушно, что возбуждали удивленіе. Стоить припомнить только первые законы сѣверо-германскаго союза: объ отѣшеніи паспортовъ и свободѣ переселенія. Что касается послѣдней, то она несомнѣнно представляетъ весьма трудную задачу, и съ тѣхъ поръ обозначились безчисленныя вредныя послѣдствія ея, которыя приходилось постоянно устранять. Законъ о самоуправленіи стоить очень дорого и ложится тяжелымъ бременемъ на отдѣльныхъ личностяхъ. Такимъ образомъ, и здѣсь накопилось много отдѣльныхъ теченій, и всѣ они соединяются въ одинъ потокъ, называемый реакціей. Стоить напомнить только, что такой безусловно либеральный человекъ, какъ Форкенбекъ, прежде чѣмъ онъ рѣшился на тотъ отчаянный поступокъ, которымъ онъ сжегъ корабли позади себя, самъ со-

знавался, что въ законодательствѣ должно наступить затишье. Дѣлѣ, для того, чтобы не судить можно о настоящемъ положеніи дѣлъ, надо помнить, что реакціи не существуетъ въ томъ, по крайней мѣрѣ, отношеніи, что гражданскія права каждаго остались не нарушенными. Ни единого незаконнаго насилія не совершено за это время ни однимъ должностнымъ лицомъ и, оставя въ сторонѣ социаль-демократію, печать и право сходонъ пользуются такой неограниченной свободой, какая только когда-либо существовала, и въ особенности въ Германіи. Мало того: правительство такъ твердо держится принципа, что исключительные законы прошедшаго года не должны примѣняться ни противъ кого, кромѣ социальной демократіи, что демократическимъ газетамъ многое спускается такое, что, быть можетъ, при другихъ обстоятельствахъ навлекло бы на нихъ судебное преслѣдованіе. Либеральная партія ставитъ себя въ очень невыгодное положеніе, когда не хочетъ никакъ признать, что главнымъ образомъ ея ошибки создали теперешнее неутѣшительное положеніе вещей, и не признаетъ общественнаго мнѣнія, какъ только оно обращается противъ нея, какъ это оказалось на выборахъ въ рейхстагъ и какъ это окажется, по общему предвидѣнію, и на выборахъ въ ландтагъ. Основной принципъ демократическаго воззрѣнія тотъ, что послѣднее слово принадлежитъ народу. Всеобщая, прямая подача голоса съ закрытой баллотировкой, какъ она существуетъ для рейхстага, вполнѣ достаточное средство, самое совершенное, какое только человѣкъ сумѣлъ до сихъ поръ придумать, чтобы дать возможность выразиться общественному мнѣнію цѣлаго народа. Само-по-себѣ уже глупо и нелѣпо, когда эту всеобщую подачу голоса окружаютъ такими предосторожностями, которыя хватаютъ еще дальше, чѣмъ тѣ, что охраняютъ возможность каждаго пользоваться своимъ правомъ голоса, тайну подачи его и предупреждаютъ возможность подлога результатовъ выборовъ. Все, что заходить дальше, а именно—тревожная боязнь такъ-называемаго давленія на выборы, является ребячествомъ, потому что — какъ же велики должны быть политическая зрѣлость и убѣжденія того избирателя, котораго можетъ побудить указъ его ландрата или угрозы жандарма подать голосъ не такъ, какъ это внушаютъ ему его убѣжденія, когда онъ можетъ быть вполнѣ увѣренъ, что никто не въ силахъ контролировать его голосованія, а тѣмъ менѣе привлечь его за него къ отвѣтственности! И какое значеніе можетъ имѣть человѣкъ съ такимъ незрѣлымъ образованіемъ и такимъ слабымъ характеромъ для великой политической жизни въ критическія минуты?

Другую причину настоящаго настроенія умовъ, а именно: плохое экономическое положеніе, я слишкомъ часто имѣлъ случай обсуждать

раньше, чтобы къ этому нужно было еще разъ возвращаться. Князь Бисмаркъ провелъ свои экономическія реформы. Нѣкоторыя будутъ введены только въ будущемъ году, а сроки существованія тѣхъ, которыя уже вступили въ силу, еще были слишкомъ коротки, чтобы можно было правильно оцѣнить ихъ. Извѣстія, получаемыя объ этомъ, къ тому же, весьма разнорѣчны. Одно только пока несомнѣнно: что цѣны не особенно поднялись и что о значительномъ вѣдороджаніи жизни не можетъ быть и рѣчи. Судьба этихъ реформъ и ихъ политическое дѣйствіе вообще гораздо меньше зависятъ отъ ихъ сущности, нежели отъ обстоятельствъ, надъ которыми не властенъ и самъ Бисмаркъ. Давно уже замѣчено во время самой борьбы, что есть признаки, указывающіе вообще на улучшеніе экономическихъ отношеній; объ этомъ же самомъ извѣщаютъ и изъ Америки. Если это такъ, то плодами такого улучшенія воспользуется Бисмаркъ, потому что ихъ припишутъ его политикѣ; напротивъ того, если произойдетъ противное, если, напримѣръ, урожай будетъ плохъ или же особыя обстоятельства парализируютъ торговлю и промышленность, то все это также поставится на счетъ Бисмарку, хотя, само собой разумѣется, онъ будетъ также неповиненъ въ первомъ случаѣ, какъ и во второмъ, и экономическая политика надолго станетъ невозможною. До сихъ поръ большая часть признаковъ говоритъ за первое предположеніе, и въ такомъ случаѣ, разумѣется, оппозиція проиграетъ. Несмотря на то, не слѣдуетъ думать, что экономическая борьба въ настоящую минуту окончена. Масса людей, раздѣляющихъ фритредерскіе взгляды, все еще велика, какъ въ палатѣ депутатовъ, такъ и въ рейхстагѣ, и готова къ борьбѣ; охранительныя и аграрныя партіи никакъ не удовольствуются добытыми ими результатами, но захотятъ большаго, и уже можно будетъ почитать за великое счастье, если приверженцы старой школы приостановятъ борьбу на время. Замѣчательное дѣло, что правительство,—и я полагаю, что князь Бисмаркъ настоящій виновникъ того,—выставило программой для настоящихъ выборовъ въ палату депутатовъ защиту охранительной, таможенной политики и указало, что друзья князя Бисмарка должны также вотировать за его экономическую программу, а всѣ тѣ, кто выскажется противъ этой программы, будутъ считаться противниками теперешняго министерства. Эта программа была тѣмъ менѣе умильна, что, какъ извѣстно, таможенныя и торговныя дѣла принадлежать вѣдомству рейхстага, а не прусскихъ палатъ, и правительство претерпѣло въ этомъ случаѣ фіаско въ томъ отношеніи, что никто не принялъ этого пароля, и избирательная борьба шла, главнымъ образомъ, между прогрессистской и консервативной про-

граммами, въ политической сферѣ, и между направленіемъ Фалька и консервативно-евангелическимъ въ сферѣ политическо-религіозной.

Отставка послѣдняго министра произвела, какъ это ежедневно подтверждается, чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Его особа олицетворяла собою просвѣщенное и либеральное направленіе въ церкви и школахъ. Онъ былъ лучшимъ представителемъ сознанія либеральныхъ и образованныхъ классовъ, и они сильно опасались, что за его отставкой послѣдуетъ иное направленіе въ этомъ отношеніи. Что преемникъ д-ра Фалька, фонъ-Путкамеръ, не будетъ дѣйствовать вполнѣ въ духъ своего предшественника — это можно было сказать съ нѣкоторой достовѣрностью. Онъ принадлежалъ къ нѣмецко-консервативной партіи и высказывалъ при различныхъ случаяхъ свои воззрѣнія на церковныя дѣла, которыя значительно отличались отъ воззрѣній д-ра Фалька. Оптимисты, однако, утверждали, что фонъ-Путкамеръ въ должности оберъ-президента Силезіи умѣлъ заслужить уваженіе всѣхъ партій и что онъ отнюдь не ярый человѣкъ партій. Но Путкамеръ скоро успѣлъ произвести непріятное впечатлѣніе, когда при посѣщеніи Кёслина воспользовался случаемъ заявить, что ни въ политическихъ, ни въ церковныхъ дѣлахъ не раздѣляетъ воззрѣній д-ра Фалька. Это заявленіе было непріятно уже потому только, что министръ совсѣмъ не былъ обязанъ его высказывать. По его образу дѣйствій всякій увидѣлъ бы въ свое время, насколько онъ сходится или расходится съ докторомъ Фалькомъ. Его заявленіе необходимо должно было вызвать пропасть комментариевъ, какъ это и случилось, и правительство затѣмъ тщетно старалось въ своихъ органахъ придать его словамъ благопріятный смыслъ. Фонъ-Путкамеръ выставилъ также въ нѣкоторомъ родѣ программу и въ борьбѣ съ ультрамонтанами, въ обстоятельномъ отвѣтѣ, данномъ имъ на прошеніе католическаго духовенства въ Вестфалии, которое просило его возстановить право церкви надзирать за школами. Въ этомъ отвѣтѣ онъ высказалъ свою готовность примирить церковь съ государствомъ, и снова отвести ей то мѣсто, какое ей подобаетъ для блага обоихъ. Онъ обѣщалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что охотно готовъ устранить безполезныя строгія мѣры противъ отдѣльныхъ духовныхъ лицъ, но настаивалъ на томъ, что подчиненіе церкви государственными законамъ и повиновеніе имъ со стороны духовенства является первымъ условіемъ примиренія между обоими. Клерикальная партія приняла это заявленіе министра не съ особеннымъ удовольствіемъ; но крайней мѣрѣ, это высказали ея органы, замѣтившіе, что Путкамеръ отличается отъ Фалька только вѣжливой формою; что же касается принциповъ, то раздѣляетъ его точку зрѣнія. Конечно, нельзя особенно довѣрять органамъ ультрамонтанъ. Если они даже

и довольны письмомъ министра, то не выскажутъ этого. Что министръ настаиваетъ на неприкосновенности государственныхъ законовъ—это само собой разумѣется, хотя при этомъ и можно догадываться, что лично онъ охотно бы сдѣлалъ ультрамонтанамъ гораздо большія уступки; но если князь Бисмаркъ призвалъ его въ министерство, то это могло сдѣлаться лишь подъ условіемъ, что новый министръ честно и энергически будетъ поддерживать церковную политику князя Бисмарка, такъ какъ безъ того такъ-называемый путь въ Каноссу былъ бы на половину пройденъ. Князю Бисмарку было бы по всей вѣроятности гораздо пріятнѣе, если бы Фалькъ оставался на своемъ посту. Отставка послѣдняго убѣдила римскую курію и ультрамонтанъ, что князь Бисмаркъ очень желаетъ примиренія, и сочтена была за признакъ слабости—чего Бисмаркъ отнюдь не могъ желать, такъ какъ всѣ его усилія клонились къ тому, чтобы убѣдить своихъ противниковъ, что онъ гораздо меньше дорожитъ примиреніемъ, чѣмъ должна дорожить имъ церковь. Но разъ уже перемѣна совершилась, то само собой разумѣется, что такой политикъ, какъ Бисмаркъ, долженъ былъ извлечь всю возможную пользу изъ новыхъ отношеній и воспользоваться тѣмъ, что на мѣсто Фалька вступилъ министръ, коего antecedentes не могутъ дѣлать его антипатичнымъ для ультрамонтанъ, какъ былъ для нихъ антипатиченъ Фалькъ, и который, кромѣ того, по своимъ политическимъ и религіознымъ воззрѣніямъ, гораздо болѣе склоненъ, чѣмъ его предшественникъ, уладить распрю между государствомъ и церковью, хотя бы для этого пришлось уступить значительную часть изъ требованій перваго. Вы припомните изъ прежнихъ моихъ писемъ, что князь Бисмаркъ былъ чрезвычайно обиженъ тѣмъ, что Фалькъ и Фриденваль вышли въ отставку не задолго до важнѣйшихъ рѣшеній послѣдняго рейхстага и черезъ это вызвали весьма тягостное положеніе дѣлъ, которое легко могло окончиться пораженіемъ правительства; потому что либералы всюду заявляли, что эта отставка не только служитъ сигналомъ реакціи, но что она свидѣтельствуетъ также и то, что никто не можетъ ужиться съ Бисмаркомъ. Въ то время даже очень близкіе пріатели министра Фалька сознавались, что онъ находится въ нервномъ возбужденіи, а другіе намекали на то, что хотя онъ всегда держался далеко отъ національ-либеральной партіи, но по своимъ политическимъ воззрѣніямъ принадлежитъ къ ней, и что, наконецъ, вообще онъ совсѣмъ не малаго понятія о своихъ собственныхъ дарованіяхъ и заслугахъ и отнюдь не расположенъ принести себя въ жертву Бисмарку. Въ ту пору затрудненія уладились: Фалькъ и Фриденваль объявили, что экономическая политика имперскаго канц-

лера вовсе не послужила мотивомъ къ ихъ отставкѣ и послѣ того они даже вотиrowали за проекты правительства.

Со времени своей отставки Фалькъ не подавалъ признака жизни, и только въ самое послѣднее время, очевидно, выведенный изъ себя поведеніемъ своего преемника и нападками реакціонной партіи, снова занялся о своемъ существованіи въ двухъ случаяхъ. Во-первыхъ, когда здѣшніе педагоги выразили ему свою благодарность за его управленіе учебной частію—и онъ съ благодарностью отвѣчалъ имъ. Въ адресѣ, поданномъ ему, были очень рѣзкія выраженія противъ реакціоннаго направленія въ церкви; выразивъ свою признательность за адресъ, Фалькъ какъ-бы этигь самымъ одобрилъ эти выраженія. Но еще рѣзче демонстрація, сдѣланная имъ въ другомъ случаѣ. Одинъ изъ здѣшнихъ журналовъ предлагалъ ему быть сотрудникомъ, и д-ръ Фалькъ отвѣчалъ на это письмомъ, которое журналъ напечаталъ, разумѣется, съ позволенія Фалька. Фалькъ отказывается въ этомъ письмѣ отъ сотрудничества, потому что теперь не такое время, чтобы можно было откровенно высказываться по всѣмъ вопросамъ, и потому, что онъ надѣется получить эту возможность тогда, когда ему дано будетъ депутатское полномочіе, которое, какъ извѣстно, предлагается ему съ нѣсколькихъ сторонъ. Далѣе онъ говоритъ о переговорахъ съ римской куріей и отношеніяхъ къ ней Бисмарка, причемъ высказываетъ о Бисмаркѣ, что онъ вовсе не чувствуетъ охоты идти въ Каноссу и, конечно, счумѣетъ этого избѣжать, такъ какъ умѣетъ многого избѣгать. Послѣ того онъ переходитъ къ самому щекотливому пункту, къ учебному вѣдомству, и высказываетъ опасенія, что настоящее консервативное теченіе будетъ дѣятельно работать противъ тѣхъ принциповъ, которыхъ онъ держался. Письмо, само собой разумѣется, произвело чрезвычайное впечатлѣніе и еще сильнѣе увеличить, если только это возможно, ненависть консервативной партіи къ Фальку. Говорю: „если возможно“, потому что эта ненависть всегда была велика, и партія не считала только приличнымъ открыто высказывать ее, пока министръ находился у дѣлъ. Щекотливѣе будутъ тѣ замѣчанія, которыя Фалькъ высказываетъ о положеніи Бисмарка и которыя очень обидны для послѣдняго, такъ какъ ему дается знать, что онъ не руководящая личность въ этой борьбѣ съ куріей, но долженъ подчиняться обстоятельствамъ, которыя сильнѣе его. Конечно, Фалькъ долженъ быть лучше знакомъ съ ходомъ культурной борьбы, нежели публика; онъ долженъ знать—хотя бы его и не посвящали въ нѣкоторые частности—въ общихъ чертахъ, о какихъ собственно пунктахъ въ ней идетъ рѣчь, и поэтому возможно, что онъ имѣетъ на нее свой взглядъ, весьма отличный отъ общаго взгляда. Безпри-

страстный человекъ вообще долженъ будетъ сознаться, что разоблаченія Фалька служатъ наилучшимъ свидѣтельствомъ противъ всѣхъ тѣхъ, кто хочетъ увѣрить, будто имперскій канцлеръ, какъ нѣкій магъ и волшебникъ, дергаетъ всѣ событія за ниточку. Фалькъ весьма ясно говоритъ, что это не такъ; но онъ не могъ также не видѣть, что впечатлѣніе его заявленій въ настоящую минуту будетъ крайне невыгодное для Бисмарка, такъ какъ они должны возбудить нѣкоторую неувѣренность даже въ приверженцахъ церковной политики, которые могутъ опасаться, какъ бы отъ нихъ не отвернулись въ ближайшемъ будущемъ, и Фалькъ, конечно, не такой плохой дипломатъ, чтобы не предвидѣть послѣдствій своихъ разоблаченій. Что онъ получить депутатское полномочіе—въ этомъ нельзя сомнѣваться, и во всякомъ случаѣ, при теперешнемъ положеніи дѣлъ, онъ окажетъ весьма сильную поддержку оппозиціи. О своемъ отношеніи къ ней онъ не высказывается, но, говоря, что осуществленіе реакціи зависитъ отъ исхода выборовъ, онъ ясно намекаетъ, что отъ всего сердца хотѣлъ бы, чтобы выборы дали такихъ людей палатѣ, которые оказали бы противодѣйствіе реакціоннымъ планамъ. Онъ тѣмъ рельефнѣе выяснилъ свое отношеніе къ нимъ, что объявилъ въ одномъ округѣ, гдѣ выставленъ кандидатомъ, что не желаетъ соперничать и вытѣснять кандидата національ-либеральной партіи. Итакъ, слѣдуетъ признать, что онъ, не желая тѣснѣе сближаться съ національ-либеральной партіей, все же принадлежитъ къ ней. Быть можетъ, выдающіяся качества государственныхъ людей, ставшихъ жертвой послѣдняго кризиса и впервые за все время нашей парламентской исторіи не покидающихъ парламентской дѣятельности, будутъ имѣть послѣдствиемъ то, что у насъ образуется болѣе умѣренная и политически развитая оппозиціонная партія, чѣмъ то, что было до сихъ поръ; потому что кромѣ другихъ преимуществъ англійская система имѣетъ передъ нѣмецкой еще и то громадное преимущество, что при ней съ обѣихъ сторонъ имѣются истинно практическіе государственные люди. Въ оппозицію переходятъ тѣ, кто были прежде министрами; имъ знакомы практическія отношенія различныхъ вѣдомствъ и тѣ общіе принципы, безъ которыхъ не можетъ обойтись никакое правительство, какъ консервативное, такъ и либеральное. Напротивъ того, въ Германіи обстоятельства сложились такимъ образомъ, что правительство, министерство, всегда представляютъ практику, тогда какъ оппозиція считаетъ своей задачей проводить теорію, и вслѣдствіе этого происходитъ то непримиримое противорѣчіе между практикой и теоріей, которое замѣчается вездѣ. По этому самому либеральной партіи въ Германіи постоянно дѣлался упрекъ, что у нея нѣтъ правительственнаго такта, и лишь случайно члены ея допус-

каются въ министерство, въ нѣкоторыхъ родѣхъ затѣмъ, чтобы пройти въ немъ практическую школу, причѣмъ они обыкновенно отбрасываютъ многія изъ своихъ теоретическихъ воззрѣній и такимъ образомъ приобретаютъ въ кругу своихъ прежнихъ политическихъ единомышленниковъ славу отщепенцевъ,—обстоятельство, естественнымъ образомъ очень вредно отъзывающееся на развитіи политической жизни въ Германіи. Пережѣна въ этомъ отношеніи необыкновенно, какъ подвинула бы впередъ развитіе конституціонной жизни, хотя бы это и сопровождалось весьма ожесточенной борьбой.

„Культурная“ борьба будетъ затронута въ палатѣ депутатовъ лишь мимоходомъ при обсужденіи бюджета, если только тѣмъ временемъ не произойдетъ—что однако довольно невѣроятно—примиренія между Германіей и Римомъ и правительство не потребуетъ отъ палаты депутатовъ пересмотра тѣхъ изъ церковныхъ законовъ, которые обязательны только для Пруссіи. Важнѣйшіе, какъ извѣстно, изданы рейхстагомъ и обязательны для всей имперіи, а потому могутъ быть измѣнены только рейхстагомъ. Примиреніе во всякомъ случаѣ дѣлательно устраивается, какъ это свидѣлствуетъ пребываніе папскаго нунція Якобини въ Гаштейнѣ и обнаружившееся теперь обстоятельство, что передъ тѣмъ переговоры объ этомъ предметѣ велись въ Вѣнѣ. Правительство несомнѣнно имѣетъ намѣреніе, на затрогивать вопроса въ ближайшую сессію ландтага, такъ какъ оно главнымъ образомъ интересуется вопросомъ о приобритеніи желѣзныхъ дорогъ въ вѣдѣніе государства. Въ нынѣшнемъ году оно уже заключало съ правленіями главнѣйшихъ желѣзныхъ дорогъ предварительные договоры, и правленія, такъ же какъ и директоры вообще, согласны на уступку дорогъ государству, на что согласились также и акціонеры. Не даже ревностнѣйшіе приверженцы правительства признаютъ великія финансовыя затрудненія, связанныя съ такою обширною дѣлкой, такъ какъ черезъ это значительно увеличивается государственный долгъ. Либеральная партія усматриваетъ еще и другую опасность, кромѣ финансовыхъ затрудненій, а именно,—то, что вліяніе государства станетъ слишкомъ значительнымъ, когда контингентъ чиновниковъ вдругъ увеличится еще на 30 или 40,000 человекъ. Но увеличеніе контингента чиновниковъ,—вещь обоюдоострая. Вліяніе на нихъ правительства можетъ быть доведено лишь до нѣкоторыхъ границъ, и чѣмъ многочисленнѣе армія, тѣмъ болѣе въ ней силъ сопротивленія. Хотя и можно незначительному сравнительно числу чиновниковъ навязать извѣстное политическое направленіе, но если ихъ армія очень велика и связана чувствомъ солидарности, то такіа мѣры проводить очень трудно, и даже самая попытка можетъ обратиться противъ правительства.

Второй проектъ будетъ касаться административной реформы, не кажется, что въ этомъ отношеніи не имѣется въ виду ничего такого, что могло бы вызвать столкновеніе съ либеральной партіей. Напротивъ того, будутъ стараться только упростить нѣсколько усложненную самоуправленіемъ организацію властей, такъ какъ извѣстно, что рядомъ съ вѣдомствами самоуправленія все еще сохраняются, хотя только временно, свои мѣста многое множество чиновниковъ, которые станутъ не нужны послѣ окончательнаго введенія самоуправления. Но вообще о характерѣ предстоящей сессіи ничего еще нельзя сказать опредѣленнаго, такъ какъ она зависитъ отъ характера выборовъ. Что реакціонная партія сознаетъ себя значительно сильнѣе — въ этомъ никакъ нельзя сомнѣваться; въ особенности настроеніе провинціи благопріятно этой партіи. Люди, которые вообще не интересуются политикой, недовольны тѣмъ, что принято называть плодами либеральной эры; они чувствуютъ себя неловко въ своихъ экономическихъ отношеніяхъ и всякую перемену встрѣчаютъ съ радостью, хотя бы только въ смыслѣ опыта. Вмѣстѣ съ тѣмъ, небольшая, но могущественная реакціонная партія дѣйствуетъ очень искусно. Либералы здѣсь опять повторяютъ ту ошибку, что молчать, какъ убитые, обо всемъ, что противно ихъ воззрѣніямъ, или же относятся съ крайнимъ презрѣніемъ, частію отъ того, что все это преподносится необыкновенно рѣзкимъ и оскорбительнымъ образомъ. Но при этомъ обыкновенно проглядывается, что извѣстная доза истины содержится во многихъ проектахъ, и что такая форма какъ разъ пригодна для успѣха въ тѣхъ именно случаяхъ, гдѣ до сихъ поръ царилъ либеральная партія. Я уже достаточно часто упоминалъ объ этомъ и съ каждымъ мѣсяцемъ становится все яснѣе, что зданіе либерализма сильно пошатнулось за послѣдніе годы во многихъ своихъ частяхъ. Нигдѣ казалось не упрочился онъ такъ, какъ въ экономической системѣ и нашей новой денежной системѣ. Въ послѣдней въ особенности господство либеральной школы было безусловно, и она считала себя въ этомъ дѣлѣ столь компетентной, что не терпѣла никакого противорѣчія. Только теперь начинаютъ разбирать: дѣйствительно-ли то, во что такъ сильно вѣрили, въ самомъ дѣлѣ неотразимо. Кажется пустякомъ, если, напримѣръ, правительство предложитъ извлечь изъ обращенія монету въ двадцать ифенвинговъ, которую не любить за то, что она очень мала, и сплавить весь нѣиспользовавшійся запасъ ея. Но эта монета въ свое время была принята, также какъ и всѣ остальные, рейхстагомъ, и если такія мелочи оказываются неудобными на практикѣ, то немудрено, что люди вообще начинаютъ сомнѣваться въ томъ, не надѣлано-ли ошибокъ въ болѣе крупныхъ вещахъ, о которыхъ начинаютъ догадываться только теперь.

Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ либеральныхъ писателей, профессоръ Гнейстъ, въ книгѣ, напечатанной имъ вскорѣ послѣ основанія германской имперіи, и которую онъ издалъ снова теперь въ измѣненномъ и болѣе разработанномъ видѣ, необыкновенно рельефно описалъ явленія, которыя замѣчаются повсемѣстно въ Германіи и производятъ удручающее впечатлѣніе и заставляютъ опасаться на счетъ будущаго. Онъ доказываетъ, что два великихъ переворота: основаніе германской имперіи и крайнее развитіе жизненныхъ потребностей, которыя пережила Германія, также, какъ и всѣ другія націи, съ начала нынѣшняго столѣтія, или, вѣрнѣе сказать, съ окончанія первыхъ наполеоновскихъ войнъ, нарушили прежнюю гармонію между государствомъ и обществомъ, и что вслѣдствіе этого возникъ вопросъ: удастся ли вообще восстановить эту гармонію, безъ которой государство не можетъ существовать? Въ старинномъ, основанномъ на сословности, обществѣ, трудъ и имущество были нераздѣльны. Въ селахъ и городахъ, въ земледѣліи, торговлѣ и ремеслахъ, равно какъ и въ умственномъ трудѣ, рушились прежнія преграды, и даже бывшіимъ привилегированнымъ классамъ остается покориться этому перевороту, потому что въ противномъ случаѣ имъ нельзя существовать. Жизненные же наслажденія населенія, до рабочихъ семей и домашней прислуги включительно, развились въ такой мѣрѣ, о какой 100 лѣтъ тому назадъ и не слыхивали, и какая была тогда доступна лишь самымъ высшимъ слоямъ общества. Но вслѣдствіе этого возросли также и потребности и недостатки, и люди гораздо сильнѣе ощущаютъ разницу въ размѣрѣ наслажденій, чѣмъ въ старинномъ обществѣ. Когда появились первые признаки этого движенія, старый германскій союзъ пытался всѣми мѣрами удержать устарѣвшія учрежденія, которыя съ незапамятныхъ временъ предназначались для неизмѣннаго регулированія общественной жизни людей. Подъ руководствомъ Австріи онъ выполнялъ эту задачу съ 1815 — 1848 г., т.-е. въ жизненный срокъ одного поколѣнія, и всѣмъ извѣстно, какъ въ 1848 г. попытка эта рухнула. Католическая церковь дѣлаетъ ту же попытку: она хочетъ, исходя изъ принциповъ, лежащихъ внѣ общества, задержать своею властью развитіе основныхъ идей человечества; но такіа притязанія всегда оказываются бессильны, и рѣзкій антагонизмъ интересовъ не только не сглаживается ими, но еще усиливается. Эта же задача предстоить теперь и нашему обществу, и Гнейстъ задаетъ вопросъ: будетъ ли народъ въ силахъ рѣшить ее? Но это такой вопросъ, на который неизбѣжно приходится отвѣчать—да, если не хочешь поддаться безнадежному пессимизму и пассивной покорности судьбѣ. Исторія учитъ, что народамъ случалось претерпѣвать неудачу въ рѣшеніи этой задачи—и тогда они погибали. Но

въ такихъ случаяхъ наступали всегда такіе моменты, которые лежатъ внѣ предвидѣнія людей, и которые поэтому никто не можетъ принимать въ расчетъ. Одно только достоверно: это—трудность борьбы, въ которой всего тяжелѣе, быть можетъ, неизвѣстность, хаосъ, царствующій во всемъ, причемъ никто даже представить себѣ не можетъ, какимъ образомъ все, наконецъ, прояснится и организуется. Князь Бисмаркъ, человѣкъ безусловно сильный, могъ поставить себѣ задачей вызвать это проясненіе, и если смотрѣть на его политику съ этой точки зрѣнія, то многое станетъ въ ней понятнымъ, что до сихъ поръ казалось загадочнымъ. Совсѣмъ тѣмъ, элементы, лежащіе внѣ его воли, такъ сильны, что никакъ нельзя впередъ предсказать исхода этого дѣла.

Я приведу здѣсь еще одинъ замѣчательный отрывокъ изъ сочиненія Гнейста, такъ какъ въ немъ затрогивается вопросъ, имѣющій общій интересъ. Гнейстъ разбираетъ въ немъ одинъ пунктъ, о которомъ безконечно много толковалось, но который до сихъ поръ еще остался невыясненнымъ: что такое, собственно говоря, общественное мнѣніе и въ какомъ отношеніи къ нему стоитъ печать? Онъ начинается съ того, что каждый индивидуумъ, выходя изъ узкой сферы своей профессиональной дѣятельности, прежде всего помышляетъ объ устраненіи тягостныхъ притязаній и ограниченій, которыя ему ставитъ государство. Каждый при этомъ гораздо больше думаетъ о собственной выгодѣ, нежели о томъ, чтобы ограничивать и сдерживать свои желанія, какъ того требуютъ интересы другихъ. Отсюда возникаетъ громадная масса единичныхъ притязаній. Если бы возможно было удовлетворить ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ они высказываются хотя бы только одинъ день письменно или словесно, то изъ этого произшелъ бы такой хаосъ противорѣчивыхъ стремленій, что никто не могъ бы посоветовать правительству руководствоваться суммой этихъ притязаній, т.-е. общественнымъ мнѣніемъ. Общество хорошо знаетъ это, а потому пытается организовать эти притязанія, чтобы достичь чего-нибудь, оно нуждается въ соглашеніи, въ объединеніи относительно главнѣйшихъ пунктовъ и въ толковомъ формулированіи своихъ желаній. Средствомъ для этого служатъ въ наши дни повседневная печать, ассоціаціи, избирательная система и политическая организація партій.

Было бы слишкомъ долго приводить здѣсь разборъ Гнейста каждаго изъ этихъ факторовъ. Выводъ, къ которому онъ приходитъ, заключается въ томъ, что эта организація все еще не можетъ вызвать сознаніе права у націи, служащее основаніемъ государству. Я приведу только вкратцѣ его характеристику повседневной печати. Эта печать даетъ средній выводъ изъ мнѣній большого слоя людей,

она усваиваетъ себѣ все общественныя идеи, соединяетъ во-едино нѣсколько однородныхъ и разнородныхъ теченій и поглощаетъ въ Германіи все другія политическія литературы. Подобно тому, какъ служеніе государству стало профессіей, такой же профессіей стало и литературное служеніе обществу, и составляетъ свой особый контингентъ, который, также какъ и государственная служба, распадается на центральные, провинціальныя и мѣстные органы. Та самая печать, которая для прежнихъ поколѣній служила орудіемъ борьбы за умственную и гражданскую свободу, становится въ своемъ дѣйствіи орудіемъ, посредствомъ котораго общество стремится управлять государственной волей. Черезъ это возникаетъ для государства заколдованный кругъ, потому что такъ какъ стремленія единицы ограничиваются собственнымъ благомъ, а не самоограниченіемъ въ интересахъ другихъ, то сумма этихъ притязаній никакъ не можетъ дать порядка, опирающагося на справедливость. Повседневная печать стала неизбѣжнымъ жизненнымъ органомъ современнаго общества, но она не можетъ, по самому существу своему, развивать въ націи сознание справедливости. Никто не контролируетъ органа своимъ мнѣніемъ за нѣсколько мѣсяцевъ или лѣтъ назадъ; противорѣчія стираются путемъ забвенія. Существованіе періодической печати основано на спросѣ и предложеніи; она можетъ обыкновенно писать лишь то, что общество хочетъ читать. Въ томъ, что она высказываетъ, равно какъ и въ томъ, о чемъ она умалчиваетъ, она можетъ отражать обществу лишь его собственныя мысли. Самообольщеніе на этотъ счетъ пронстаетъ лишь оттого, что никто не читаетъ старыхъ газетъ. Результатомъ этого отношенія является то, что политическіе пароли, соединяющіе время отъ времени общество, не имѣютъ юридическаго характера и не имѣютъ основанія съ точки зрѣнія права. Тамъ, гдѣ эти слова соотвѣтствуютъ жизненнымъ потребностямъ времени, они называются „жгучими словами“, а когда они отслужили свою службу, то повдѣе ихъ величаютъ „фразами“.

Вотъ, что говорить Гнейстъ. Я могъ бы примѣнить все сказанное не къ одной печати. Оглядываясь на то, что говорилось и дѣлалось партіями, находишь, что большая часть изъ всего этого опровергнута событіями, и что дѣла вообще сложились совсемъ иначе, чѣмъ представляли себѣ участники въ политической дѣятельности...

Поѣздка князя Висмарка въ Вѣну, гдѣ онъ еще находится въ настоящую минуту, когда къ вамъ отправляется это письмо, должна была въ высокой степени возбудить вниманіе Германіи. Странное впечатлѣніе производитъ то обстоятельство, что человѣкъ, нанесшій въ 1866 году Австріи такъ много вреда, и котораго тамъ глубоко ненавидѣли тогда каждый австріецъ, вѣзжающій среди ра-

дѣстнѣхъ кнѣзевъ народа, принимается самымъ радужнымъ образомъ и, какъ другъ, императоромъ и первымъ государственнымъ чело-
вѣкомъ австро-венгерской монархіи. Какого рода договоръ былъ заключенъ тамъ, можетъ быть, покажетъ время, а можетъ быть—
и нѣтъ. Всѣ, конечно, согласны въ томъ, что о письменныхъ усло-
віяхъ, объ особенномъ союзѣ, не было и рѣчи, но объ имперіи
хотѣли только громко заявить о своей крѣпкой дружбѣ, и
весьма значительный успѣхъ князя Бисмарка видѣтъ уже изъ
того, что ему оказанъ былъ дружескій пріемъ, и прошлое, кажется,
дѣйствительно забыто австрійцами. По крайней мѣрѣ, въ печати не
раздалось почти ни одного диссонанса или какого-нибудь проявле-
нія недоувѣрчивости; даже тѣ газеты, которыя до самаго послѣдняго
времени все еще выражались враждебно противъ бисмарковской по-
литики и недоувѣрчиво относились къ его планамъ, не отстаютъ отъ
другихъ въ выраженіи своего довѣрія.

Въ избирательной борьбѣ началось теперь движеніе, признаки
котораго неоднократно появлялись уже раньше и которое я вамъ
уже описывалъ, но теперь оно приняло такіе размѣры, что я не
могу не упомянуть о немъ. Вы знаете, какое огромное вліяніе при-
обрѣли въ Берлинѣ и вообще во всей Германіи евреи, послѣ ихъ
совершенной эманципаціи; именно, въ Берлинѣ число ихъ очень ве-
лико,—оно должно составлять 45,000,—а вліяніе, которое достав-
ляютъ деньги и образованіе, еще несравненно больше, чѣмъ это число.
И то и другое возрастаетъ въ быстрой прогрессіи, и потому совер-
шенно неизбежно, что является и реакція противъ этого, частію
основательная, частію же неосновательная. Долгое время исклю-
чительную вражду къ евреямъ питали ультрамонтаны и аграріи, но ни
тѣ, ни другіе не имѣли особеннаго вліянія. Соціальная демократія
также относилась къ евреямъ неблагоклонно, главнымъ образомъ
потому, что они представители капитала. Въ послѣднее время,
какъ сказано выше, движеніе приняло очень большіе размѣры,
и сочиненія Вильгельма Марра, одного еврейскаго перекреста,
человѣка очень односторонняго и исполненнаго ненависти, на-
ходятъ массу читателей; одно изъ нихъ, пронически констатиру-
ющее побѣду іудейства надъ германствомъ, выдержало даже семь
или восемь изданій, явленіе, какъ извѣстно рѣдкое въ Герма-
ніи, которая хотя усердно трудится надъ своимъ образованіемъ, но
неохотно тратитъ много денегъ на книги. Въ самомъ Берлинѣ борь-
ба начата, такъ-называемой, христіанско-соціальной партіей, а также
и въ собраніяхъ консерваторовъ, происходящихъ теперь нѣсколько
чаще. Напротивъ того, пресса, находящаяся не болѣею части въ
рукахъ евреевъ, очень усердно и не только оборонительнымъ, но и

наступательнымъ образомъ защищать интересы евреевъ, и притомъ не боятся говорить о тѣхъ своихъ противникахъ, которые стоятъ на печѣ христіанства, въ очень высокомѣрномъ и насмѣшливомъ тонѣ. Все это очень печально, и я охотно оставилъ бы это въ сторонѣ: однако, нельзя отрицать, что защитники евреевъ своимъ наглымъ тономъ сами отталкиваютъ отъ себя тѣхъ, которые признаютъ справедливою полную эманципацію евреевъ и считаютъ ее ненужною. Известная доза такта должна бы была, однако, подсказать этимъ господамъ, что неприлично имъ выѣзживать и выступать въ качествѣ третейскихъ судей въ церковныя споры христіанскаго населенія, все равно, идетъ ли дѣло о борьбѣ государства съ ультрамонтанствомъ, или о враждѣ либераловъ съ ортодоксами въ евангелической церкви, и если они будутъ продолжать идти по вышеописанному пути, то, конечно, злоба въ противной партіи будетъ возрастать все сильнѣе и сильнѣе.

Черезъ нѣсколько дней закрывается промышленная выставка, привлекавшая нынче дѣйствительно тысячи иностранцевъ въ Берлинъ, и, надо надѣяться, разбившая путы, уже давно тяготѣющія надъ нашею финансовою и промышленною жизнью. Эта выставка, какъ вы можете припомнить, устроена частными людьми такъ хорошо, какъ только можно устроить безъ всякой поддержки со стороны государства и города. Цѣлью ея было представить промышленность Берлина, — промышленность, которая, безъ сомнѣнія, достаточно обширна и величественна, чтобы, будучи соединенной въ одну картину, произвести внушительное впечатлѣніе. Великая роскошь была изгнана, такъ какъ необходимо было быть бережливымъ въ издержкахъ. Скоро, однако, оказалось, что мысль была вполне практична, и сорovníща промышленности привлекли множество любознательныхъ зрителей, иѣвшихъ въ то же время дѣлю познакомиться съ столицей и ея увеселеніями. Составившееся уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ предположеніе, что выставка покроетъ свои издержки, чего, какъ извѣстно, не достигла еще ни одна изъ бывшихъ доселѣ всемірныхъ выставокъ, оправдалось въ полной мѣрѣ, и въ результатѣ, вѣроятно, получится значительный остатокъ. Трудно еще сказать, дастъ ли выставка положительный результатъ въ томъ смыслѣ, что повліяетъ на общее усовершенствованіе промышленности края; такое дѣйствіе, конечно, не оказывается вдругъ, но только постепенно даетъ себя чувствовать. Впрочемъ, не слѣдуетъ несправедливо превозносить столицу надъ провинціями, потому что въ децентрализованной Германіи вліяніе столицы гораздо ничтожнѣе, чѣмъ во Франціи, и множество большихъ городовъ могутъ похвалиться промышленностью,

которая даже превосходитъ берлинскую по количеству и качеству произведений.

Въ началѣ текущего мѣсяца, кромѣ промышленной выставки, открылась еще выставка — художественная. Прежде эти выставки возобновлялись только разъ въ два года; теперь же онѣ бывають ежегодно, что, однако, не всѣми одобряется, такъ какъ производительность нѣмецкаго искусства не настолько велика, чтобы доставить достаточно матеріала для ежегодной выставки. Къ этому присоединяется еще въ данномъ случаѣ и то, что одновременно съ этимъ открыта выставка въ Мюнхенѣ, потребовавшая множество матеріала. Такимъ образомъ, произошло, что число хорошихъ, выдающихся картинъ на здѣшней выставкѣ, очень незначительно, — гораздо меньше, чѣмъ въ предыдущіе годы. Собственно говоря, только двѣ картины имѣють право на вниманіе публики: портретъ королевы Луизы, супруги короля Фридриха-Вильгельма III, писанный Густавомъ Рихтеромъ, который, безспорно, занимаетъ первое мѣсто среди нѣмецкихъ портретистовъ второй половины нашего вѣка. Королева Луиза — одно изъ популярнѣйшихъ лицъ въ прусской исторіи, она еще живетъ въ сердцахъ народа, въ связи съ печальнѣйшимъ и тяжкимъ временемъ, которое онъ пережилъ, и является въ нѣкоторомъ родѣ свѣтлымъ гениемъ, помогавшимъ переживать эти времена и стойко поддерживавшимъ въ умахъ надежду на лучшую будущность, до которой не пришлось дожить самой королевы. Такимъ образомъ, задача живописца была болѣе обширна, чѣмъ написать простой портретъ; относительно послѣдняго онъ не имѣлъ, конечно, оригинала передъ глазами, но долженъ былъ довольствоваться тѣмъ, что оставили живописцы, видѣвшіе королеву и писавшіе съ нею портреты при жизни, а также мраморными изображеніями. Поэтому его задача заключалась въ томъ, чтобы съ возможно болѣе широкимъ сходствомъ соединить въ своей картинѣ болѣе идеальное содержаніе, чѣмъ это дѣлали его предшественники; и, мнѣ кажется, всѣ согласны въ томъ, что эта трудная задача удивительно удалась ему. Вторая картина, по рисунку, могущая стать на-ряду съ картиной Рихтера, безконечно ниже этой по своему содержанію. Это картина Графа, изображающая почти совсѣмъ обнаженную, очень красивую даму. Искусство, которое выказалъ при этомъ живописецъ, вызвало только похвалы, тогда какъ самый сюжетъ, разумѣется, скандализировалъ критиковъ строгаго направленія. Впрочемъ, исторія этой картины замѣчательна. Изображенная на ней дама должна представлять супругу одного богатаго парижскаго банкира, который нежелалъ увѣковѣчить прелесть своей супруги посредствомъ вѣсти живописца и для этого самъ пригласилъ въ Парижъ художника, впрочемъ, уже сѣдого старика.

И въ области театра сезонъ подаетъ большія надежды. Королевскій театръ, послѣ долгихъ неудачъ, обрѣлъ, наконецъ, огромный успѣхъ новой пьесой Пюттинца: „Rolf Berndt“, — пьесой наъ семейной и домашней жизни, и Фридрихъ-Вильгельмштеттскій театръ каждый вечеръ набитъ биткомъ съ тѣхъ поръ, какъ тамъ поставлена новая, очень забавная, оперетта Sunné: „Vossesieu“. Кто захочетъ въ то или другое мѣсто, если только счастье неблагопріятствуетъ ему достать билетъ, что вовсе нелегко, тотъ только помачаетъ головой, когда ему напомнятъ про теперешнія „тяжкія времена“.

К.

ПАРИЖСІЯ ПИСЬМА.

15/27 сентября, 1879.

LIII.

СЕНТЬ-БЭВЪ И ЕГО КРИТИЧЕСКАЯ ШКОЛА.

Меня давно преслѣдуетъ одинъ литературный образъ, — образъ Сентъ-Бэва. Вотъ уже десять лѣтъ, какъ умеръ знаменитый критикъ, и, мнѣ кажется, настало время высказать, что думаетъ о немъ наше поколѣніе. По правдѣ сказать, меня интересуютъ не столько Сентъ-Бэвъ, сколько та важная роль, какую онъ игралъ въ нашей литературѣ за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ. Онъ былъ въ ней извѣстнымъ этаномъ, и однимъ изъ самыхъ интересникъ, самыхъ рѣшительныхъ.

Разобрать этого критика необходимо теперь, чтобы опредѣлить, съ чего онъ началъ двадцать лѣтъ тому назадъ и къ чему мы пришли въ настоящее время. Съ начала текущаго столѣтія литературные періоды слѣдуютъ одинъ за другимъ съ лихорадочной ностпшностью. Каждый двадцать лѣтъ, социальная почва и преобладающія на ней произведенія измѣняются до такой степени, что было бы полезно подвести итогъ истекшему періоду, съ цѣлью опредѣлить періодъ, начинающійся въ наше время. Вотъ почему я и обращаюсь къ Сентъ-Бэву, такъ какъ онъ удивительно резюмировалъ свою литературную эпоху, съ несравненною тонкостью ума и чистосердечіемъ. На немъ мы прослѣдили все движеніе умовъ съ 1825 до 1870 г. Намъ придется разобрать нѣкоторые изъ литературныхъ процессовъ, въ кото-

рыхъ онъ, по его мнѣнію, высказалъ послѣднее слово, и посмотрѣть, не признаемъ-ли нужнымъ въ наше время рассиловать его рѣшенія. Мы подтвердимъ такимъ образомъ свой настоящій образъ мыслей достовѣрными документами. Настоящее будетъ судьей минувшаго.

Само собой разумѣется, что я займусь Сентъ-Бёвомъ только какъ критикомъ, оставивъ въ сторонѣ поэта, романиста и историка. И даже изъ огромнаго количества статей, писанныхъ имъ изъ-дому въ день, я выберу предпочтительно его статьи о современникахъ. Меня въ особенности интересуютъ новѣйшая критика, составленная съ новѣйшими произведеніями:—Сентъ-Бёвъ, разбирающій знаменитѣйшихъ изъ своихъ современниковъ. Если я коснусь нѣкоторыхъ изъ его литературныхъ этюдовъ по литературѣ минувшихъ вѣковъ, то только для того, чтобы найти источникъ его мнѣній и лучше объяснить собственное его положеніе въ литературной группѣ, среди которой онъ выросъ. Словомъ, я намѣренъ взять его въ ту поучительную минуту французской критики, когда эта критика, отдѣлившись вмѣстѣ съ нимъ отъ метафизики и риторики, стала признавать произведенія новѣйшихъ временъ, впрочемъ, съ сожалѣніемъ оглядываясь на прошлое.

I.

Сентъ-Бёвъ высказалъ такую мысль: „Надо подойти съ разныхъ сторонъ къ человѣку, чтобы узнать его, т.-е. узнать самого человѣка, а не одинъ голый умъ его. Не задавъ писателю нѣкоторыхъ вопросовъ и не получивъ на нихъ отвѣта, нельзя быть увѣреннымъ, что вполне понимаешь его... Что думалъ онъ о религіи? Какое впечатлѣніе производило на него зрѣлище природы? Какъ относился онъ къ женщинамъ? къ деньгамъ? Былъ-ли онъ богатъ, или бѣденъ? Каковъ былъ образъ его жизни, какъ проводилъ онъ свой день и т. д. Ни одинъ изъ этихъ вопросовъ не безразличенъ для сужденія объ авторѣ книги,—и о самой книгѣ“.

Итакъ, прилагая къ Сентъ-Бёву методъ Сентъ-Бёва, тотъ методъ, который положилъ начало научной критикѣ, мы должны начать съ біографическихъ подробностей. О Сентъ-Бёвѣ писали много. Но ни одно изъ напечатанныхъ о немъ сочиненій не произвело такого впечатлѣнія, какъ книга Понса: „Сентъ-Бёвъ и его знакомые“. Понсъ былъ однимъ изъ многочисленныхъ секретарей Сентъ-Бёва, что придаетъ его сообщеніямъ извѣстный авторитетъ. Главной задачей онъ поставилъ себѣ показать влюбчивый темпераментъ критика, роль, которую женщина играла въ его жизни. Онъ, кажется, пожелалъ отвѣ-

титъ по отношенію въ Сентъ-Бэву на вопросъ, который этотъ несладкій предлагалъ, разбирая какого-нибудь автора: „Какъ вѣлъ онъ себя по отношенію къ женщинамъ“. И Понсъ отвѣтилъ на этотъ вопросъ съ такою роскошью подробностей, съ такимъ обиліемъ документовъ, что многіе были scandalized, и стали кричать о профанаціи памяти Сентъ-Бэва. Я не имѣю намѣренія вступать въ этотъ споръ, его сентиментальная сторона ни мало меня не трогаетъ. Слѣдуетъ только разсмотрѣть: достойны-ли довѣрія документы, представляемые Понсомъ. Нѣкоторые имѣютъ безспорную достовѣрность, потому что чаще всего Понсъ довольствуется тѣмъ, что заставляетъ говорить самого Сентъ-Бэва, заимствуя у него цитаты; самъ Сентъ-Бэвъ даетъ свою автобіографію урывками, въ самыя щекотливыя минуты своей жизни; такъ какъ онъ нуждался въ извѣстіяхъ, то и говорилъ о себѣ въ двадцати мѣстахъ своихъ сочиненій, но въ самыми прозрачными покровами. Итакъ, чисто-компилативный трудъ Понса могъ быть сдѣланъ всѣми; и этотъ трудъ приобретаетъ почти безусловную вѣроятность. Что касается до остального, то можно повѣрить, что Понсъ опирается въ немъ на факты, о которыхъ онъ зналъ, живя въ большой близости съ Сентъ-Бэвомъ. Однако, мнѣ извѣстно, что нѣкоторые факты оспаривались другими секретарями, обвинявшими Понса въ нѣкоторомъ преувеличеніи вещей. Предметъ щекотливый. Впоследствии, безъ сомнѣнія, строго вѣрные факты будутъ отдѣлены путемъ полемики, которая не можетъ не возгорѣться.

Впрочемъ, мое намѣреніе заключается не въ томъ, чтобы воспользоваться въ этомъ этюдѣ чисто-эпизодическими деталями. Я удовольствуюсь общими чертами біографіи, написанной Понсомъ. Тутъ я найду вполнѣ твердую почву. Никто не думаетъ отрицать роли, часто рѣшительной, которую женщина играла въ жизни Сентъ-Бэва. Онъ былъ слададонъ въ полномъ смыслѣ слова. И его литературный характеръ можно хорошо понять, только восстановивши его страстный темпераментъ. Онъ былъ поклонникъ женщины—вотъ, мнѣ кажется, его характеристика, какъ писателя и какъ человѣка.

Понсъ пересказываетъ намъ длинный рядъ его любовныхъ похищеній: первую реблическую страсть, затѣмъ разнузданность молодого человѣка, набросившагося на порокъ, раскачивающій по парижскимъ тротуарамъ; затѣмъ страсть, низшую одно время огромное вліяніе на его литературныя и религіозныя вѣрованія; затѣмъ онъ связываетъ себѣ теплее гнѣздышко въ семьяхъ à trois, и, наконецъ, послѣ неудачной попытки жениться, вступаетъ въ связь съ свѣтской женщиной. Затѣмъ подъ старость у него смѣняется рядъ любовницъ, дѣвчонокъ, которыхъ онъ держитъ взаперти, не гнушась при этомъ и уличными встрѣчами, этими послѣдними улаче-

ніями влюбчивыхъ стариниовъ. Съ фпніологической стороны тпнъ вполне очерченъ и одпнъ изъ интереснѣйшихъ, какіе я только знаю. Онъ очень напомипаетъ такой же тпнъ барона Гюло, у Бальзака; разупѣтся, я говорю о развитіи страсти, а не драмы. Если я останавливаюсь на этомъ щекотливомъ предметѣ, то не какъ критикъ, а какъ романистъ. Я сказалъ, что мнѣ достаточно, для моего этюда, констатировать чувственный темпераментъ Сентъ-Бѣва, который никто и не отрицаетъ. Но, кромѣ этого простого констатирования, сколько драгоценныхъ документовъ мы находимъ въ книгѣ Понса! Я не могу повѣрить, чтобы эти документы были ложны, до такой степени они дышатъ правдой. Въ своихъ романахъ, намъ не придумать такихъ рельефныхъ вещей; нужно выхватить факты изъ жизни, чтобы на нихъ построить такую человѣческую драму. Да, вотъ романъ, который можно желать написать,—простую біографію, анализъ чловека. Это—отступленіе, но я разрѣшаю себѣ еще нѣсколько цитатъ, —до такой степени правдивы черты восхищаютъ меня.

Нѣтъ ничего любопытнѣе, напримѣръ, отношеній Сентъ-Бѣва къ Жоржъ-Занду. Онъ любилъ другую женщину и былъ всегда только предупредительнымъ другомъ автора „Мопра“. „Такъ какъ Сентъ-Бѣвъ самъ вычеркивалъ себя изъ списка,—говоритъ Понсъ,—ему назначили роль конфидента, совѣтника, исповѣдника; я не смѣю употребить другого слова, какъ ни трудно удержаться отъ улыбки, видя его оказывающимъ такіа любезныя услуги. Если бы онъ не позаботился, незадолго до своей смерти, напечатать, безъ сомнѣнія, съ согласія г-жи Зандъ, письма, которыя она къ нему писала, мы никогда не угадали бы, до какой степени дошли они—одпнъ въ угодливости, другая въ откровенности“. Въ слѣдующихъ затѣхъ извлеченіяхъ изъ писемъ, мы видимъ, что Жоржъ-Зандъ проситъ Сентъ-Бѣва привести къ ней своихъ друзей, и обсуждаетъ вопросъ: избрать-ли ей Александра Дюма или Альфреда Мюссе; одну минуту какъ будто бы колеблется въ пользу философа Жуффруа, но наконецъ останавливается на Альфредѣ Мюссе. Во всей этой исторіи Сентъ-Бѣвъ радуется тому, что можетъ доставить любовника, разъ онъ самъ не можетъ имъ быть. Это опять-таки наслажденіе, знакомое только селадонамъ, людямъ, которые только и жптъ, что между женскими юбами: заниматься счастьемъ другихъ, соваться въ любовныя исторіи, чтобы испытывать пріятный трепетъ, сводить пары и ходить къ нимъ въ гости, выслушивать ихъ признательность, ловить въ ихъ глазахъ искры страсти—вотъ черта чувственного добродушіа, характеризующая темпераментъ.

Понсъ цитируетъ въ другомъ мѣстѣ слѣдующія строки Сентъ-Бѣва: „я мечтаю иногда объ Элизіумѣ: каждый изъ насъ соединится

оъ милой ему группой, въ которой она привязана, и найдеть тѣхъ, на которыхъ онъ походить: моя группа, а говорилъ это въ другихъ мѣстѣ, моя тайная группа есть группа блудниковъ (*мооски*), печальныхъ какъ Аббадона, таинственныхъ и мечтательныхъ даже на лонѣ наслажденій, и навѣки поблѣднѣвшихъ отъ чувствительной нѣги“. Это—признаніе, но признаніе, украшенное цвѣтами поэзии. Сентъ-Бѣвъ забирается въ семью, но только онъ велъ себя скорѣе какъ человѣкъ, дорожащій своимъ комфортомъ, нежели какъ меланхолическій поэтъ, отиѣченный рокомъ. Понсъ рисуетъ его въ слѣдующихъ словахъ: „достигающій малаго, требующій еще менѣе того, и однако удовлетворенный, — такимъ онъ является намъ въ этихъ исторіяхъ альяова, куда онъ насъ вводитъ. Я не вижу, чтобы онъ когда-нибудь былъ охваченъ ревнивымъ бѣшенствомъ, которое Фодѣ такъ торжественно опасалъ въ „Фанни“. Совершенно напротивъ, — супругъ, въ своемъ величіи, возбуждалъ въ немъ только чувство уваженія и почтенія. Съ какимъ искусствомъ вкрадывался онъ въ его довѣріе! какимъ сладкимъ медомъ выделывалъ онъ ему горькій кубокъ! Только тотъ, кто видѣлъ его на дѣлѣ, могъ бы описать это. Очагъ, у котораго согрѣвалась его чувственность и сердце, становился для него священнымъ. Онъ смиренно склонялся передъ превосходствомъ мужа, говорилъ въ честь его высокопарныя рѣчи, и сообщалъ его ния окрестному эхо“. Какой восхитительный портретъ ученаго любовника, отказывающагося отъ неистовствъ страсти, противныхъ его ровному характеру, желающаго прежде всего окрасить себя жизнію самыми преступными связями!

Но особенно въ старости Сентъ-Бѣва документы становятся драгоценными. Вотъ, напримѣръ, одинъ фактъ. Сентъ-Бѣвъ пріютилъ у себя какую-то хорошенькую дѣвушку, которая, спустя нѣкоторое время, умираетъ отъ грудной болѣзни. Тотчасъ является отецъ, крестьянинъ. Предоставляю слово Понсу: „лишь только его дочь закрыла глаза, онъ явился, требуя себѣ части наслѣдства, ковровъ, мебели, подъ предлогомъ, что она соединила свое имущество съ имуществомъ любовника; онъ погрозилъ послѣднему процессомъ, и, пользуясь его неопытностью въ дѣлахъ, успѣлъ вытребовать у него двѣнадцать тысячъ франковъ“. Это изъ Вальзака, и даже самъ Вальзакъ не довелъ такъ далеко жадности отца и смущенія любовника, дающаго ограбить себя, чтобы затунить скандалъ. Мой темпераментъ романиста разгорячается передъ такими документами: вотъ правда о человѣкѣ, вотъ поврежденіе въ социальномъ механизмѣ, подъ дѣйствіемъ страсти. Художнику остается только констатировать фактъ. Во всякомъ человѣкѣ подобный фактъ имѣлъ бы цѣну точнаго документа; но отношенію къ Сентъ-Бѣву этотъ документъ по-

лучаетъ болѣе интересное знаніе, потому что онъ представляетъ одинъ изъ элементовъ анализа, проливающего свѣтъ на литератора, укъ котораго мы изучаемъ.

Я заимствую у Понса еще два анекдота: однажды онъ былъ въ *Théâtre Français* вмѣстѣ съ Сентъ-Вёзомъ и молодой женщиной, которая жила съ этимъ послѣднимъ. Г. Эдуардъ Тьерри, въ то время директоръ *Théâtre Français*, замѣтилъ знаменитаго критика, сидѣвшаго въ плохой лѣжѣ, и предложилъ ему лучшую. Цитирую: „встали, чтобы спуститься внизъ; любовный директоръ предложилъ руку Женни; Сентъ-Вёзъ слѣдовалъ за ними, осторожно неся мантилью и шляпу своей подруги. Я замыкалъ шествіе, съ пустыми руками, какъ третій нахъ Мальборо, и думалъ про себя: какими счастливыми привилегіями пользуются въ Парижѣ молодость и красота! Эту дѣвушку, которой двое выдающихся людей оказывали вниманіе и почетъ, и которая важно шла по корридору, съ видомъ герцогини, я видѣлъ ее наканунѣ на балѣ *Constant*,—и Богъ знаетъ, что это былъ за балъ!—неистово польнярующей, любовно обаявшейся съ какимъ-то „Альфонсомъ“ изъ предмѣстья.

Другой анекдотъ передаетъ Луиза Коллѣ, которую цитируетъ Понсъ. Последняя страсть Сентъ-Вёза была одна дѣвушка, по имени Селина Деб..., болѣе извѣстная подъ именемъ Маншотты, которой онъ и оставилъ часть своего имущества. Когда Сентъ-Вёзу приходилось принимать у себя принца Наполеона и своихъ пріятелей, Селина досадовала на это, потому что въ эти дни она бывала исключена изъ-за стола. Луиза Коллѣ показываетъ намъ ее за рѣшетчатымъ ставнемъ, слѣдующею за приходомъ гостей. „Если между ними находилась женщина, она съ завистью разсматривала ея туалетъ: по какому праву другая женщина, если только это не принцесса Матильда, садилась за столъ, который она считала своимъ?..“ На другой день ее можно было обезоружить и униловить, только оснивать подарками и угожденіями,—для небѣжанія ссоръ, ей ни въ чемъ не было отказа.

Какое прекрасное поле для изученія человѣка, какой удобный случай для анатомированія. Здѣсь хватить матеріала на цѣлый романъ. Факты дышатъ правдой и имъ нельзя не вѣрить. Но повторяю: только мое пристрастіе къ документамъ страстей заставило меня привести здѣсь нѣсколько цитатъ. Я выбралъ ихъ такъ, чтобы никого не оскорбить, потому что въ книгѣ Понса есть другія малкія драмы, которыхъ дѣйствующія лица еще живы. Теперь возвращаюсь къ общимъ чертамъ Сентъ-Вёза, которыя мнѣ только и нужны.

Восте опредѣленіе въ немъ необходимость въ женщинѣ, и не

столько, можетъ быть, физическая потребность, сколько потребность въ умственномъ и нравственномъ общеніи. Ему нужно было присутствіе женщины въ воздухѣ, которымъ онъ дышалъ, онъ блаженствовалъ среди юбокъ, довольствуясь чаще всего тѣмъ, что видѣлъ красивое личико, вдыхалъ мимоходомъ ароматъ, или, еще проще, слышалъ молодой голосъ. Онъ дѣйствительно жилъ въ обществѣ женщинъ, его часто дружескія отношенія къ Жоржъ-Занду типичны. Позднѣе, онъ виталъ въ дѣвушкахъ, которымъ давалъ пріютъ, отеческую нѣжность. Его находили съ этими чувственными и passionate обожаемымъ женщины въ семействахъ, гдѣ онъ снискалъ себѣ гнѣздо, въ сношеніяхъ съ свѣтскими женщинами.

Грубость страсти является только, когда болѣе сильное побужденіе толкаетъ его на нарижскіе тротуары, на поиски за порокомъ. Одна книжка говорила о немъ: „*o! Сентъ-Бѣвъ — создатель для женщинъ*“. И это опредѣленіе превосходно, потому что онъ любилъ ихъ всѣхъ, онъ только и дышалъ ими, онъ дѣлался ихъ слугою, если не могъ быть любовникомъ.

Я дѣйствую здѣсь въ роли анатома, и настаиваю не изъ любви къ скандалу. Сентъ-Бѣвъ, холостой и свободный, жилъ на свой ладъ, не былъ вполнѣ респектабеленъ; память его почтена, благодаря его таланту и трудолюбію. Но только я думаю, что въ его страстномъ темпераментѣ слѣдуетъ искать ключа къ характеристикѣ его писательскаго таланта. Я назвалъ его поклонникомъ женщинъ: его гибкость, какъ притина, его боязнь крайностей и страсть къ отгнѣламъ, сложная утонченность его анализа и стиля вытекаютъ отсюда. Присъединяете мучительное стремленіе къ истинѣ, въ этой натурѣ ласковой кошки, мурлыкающей и царапающейся—и вы получите Сентъ-Бѣва. Онъ сохранялъ способность разсужденія даже въ самыхъ сильныхъ своихъ увлеченіяхъ; никогда никакое припаденіе не заставило его потерять хоть одинъ часъ труда; это доказываетъ згонимъ его страсти, потребность любви для любви. Любовникъ, не ревновалъ къ мужу, не поддавался горечи роковыхъ катастрофъ, постигавшихъ его связи, и уходилъ, быть можетъ, и пораненный,—но тотчасъ же успокаивался въ своемъ милomъ кабинетѣ. Итакъ, вотъ Сентъ-Бѣвъ весь какъ есть, домосѣдъ, живущій съ своими книгами, обожающій, однако, міръ, въ особенности салоны, гдѣ онъ встрѣчалъ женщинъ, окружавшій себя постоянно женщинами, какъ другой ставитъ букетъ цвѣтовъ въ вазу на своемъ письменномъ столѣ, и спокойно продолжавшій начатую страницу, будь это по возвращеніи отъ свѣтской женщины, или отъ уличнаго порока, или изъ сосѣдней комнаты, гдѣ онъ устраивалъ для себя маленькій сераль. Необходимость понять и выразить то, что онъ считалъ истиной, оставалась въ концѣ-концовъ

господствующемъ, послѣ того какъ онантивался кризисъ чувства. Оставалась только нѣжность фразы, слегка ослабленной и неопредѣленной, какъ ясный отпечатокъ постоянныхъ сношеній съ женщиной, съ ея ласками, вѣроломствомъ, намеками, первическими вспышками гнѣва. Чувствуешь женщину въ его пристрастіи къ извѣстному, въ которомъ онъ постоянно исповѣдуются,—точно женщина, насколько не умаливъ его разума, даже расширивъ для него область тонкихъ ощущеній, убила въ немъ только одну вещь—пониманіе и удивленіе передъ силой. Это мы сейчасъ увидимъ.

Теперь, мнѣ остается только указать вѣрнѣе главныя фазы въ жизни Сентъ-Бѣва, которыя имѣли вліяніе на его критическій талантъ. Пройдя трудный курсъ наукъ, онъ занимался одно время медициной; отсюда явился аналитикъ, анатомъ. Съ другой стороны, онъ пристрастился въ греческому языку, и пытался понять древность въ ея живой дѣйствительности. Можно сказать, что съ тѣхъ поръ онъ сохранялъ равновѣсіе между классической литературой, къ которой его привязывали традиція и его занятія, и новѣйшей, близкое торжество которой ему давали чувствовать его научныя знанія. Въ его статьяхъ мы часто замѣтимъ колебанія: благодаря силѣ понятія, онъ привѣтствуетъ новыя произведенія, но они все-таки немного пугаютъ его, и онъ съ наслажденіемъ возвращается къ трудамъ прошлаго, на которыхъ отдыхаетъ.

Въ немъ порывъ романтическаго безумія былъ только порывомъ страсти, отъ которой онъ излечился. Поэтъ былъ убитъ критикомъ, любовнательнымъ ученымъ, который сгоралъ желаніемъ все познать и освѣтить. Отсюда сорожъ лѣтъ фальштонной работы, въ которой онъ разбиралъ изо-дня-въ-день новыя изданія. Теперь помнить только о критикѣ. Поэта и романиста не читаютъ; профессоръ забыть; забыть даже историкъ Портъ-Ройяля, интересуются только критикомъ, который сдѣлалъ оцѣнку нашей литературы, почти въ ея полномъ составѣ. Безполезно было бы пересказывать далѣе событія изъ жизни Сентъ-Бѣва, его поступленіе въ библіотеку Мазарини, его уроки въ Женевѣ и Брюсселѣ, его лекціи въ Collège de France, прерванной небольшимъ бунтомъ, его вступленіе въ академію, куда онъ очень усердно являлся въ теченіи долгаго времени, вступленіе въ сенатъ, гдѣ его защита Ренана произвела такой великій скандалъ, его похороны, за которыми, привѣтствуя въ немъ свободнаго мыслителя, шла вся наша учащаяся молодежь. Тутъ передъ нами жизнь литератора, который переходилъ отъ диктатуры въ свободной мысли, но для котораго однако литература была дороже всего и который великъ, благодаря этой страсти всей своей жизни. Онъ былъ человѣкъ салона и библіотеки, одною ногою стоявшій въ старомъ

порядкѣ, другою въ новомъ, очень гордившіеся доступемъ въ наѣзныя аристократическіе дома, но презиравшіе однако все, что не облагораживалось умомъ. Въ немъ, потеряю, странное перемѣнивалось будущее съ прошедшимъ. Чтобы опредѣлить его однимъ словомъ—скажу, что онъ ознаменовалъ во французской критикѣ переходный періодъ.

И это-то я и постараюсь доказать, опираясь на документы.

II.

Прежде всего, нужно спросить, какъ понималъ Сентъ-Бёвъ свою роль критика. Я нахожу объ этомъ предметѣ весьма драгоценныя свѣдѣнія въ его статьѣ о Буало. „Если мнѣ будетъ позволено говорить о себѣ самомъ, замѣчаетъ онъ, то Буало одинъ изъ людей, которые меня наиболѣе интересовали, съ тѣхъ поръ какъ я работаю надъ критикой, и съ которыми я больше всего мысленно общался. Я часто думалъ о томъ, что онъ былъ, переносясь мысленно къ тому, чего намъ недоставало въ нужную минуту“.

Итакъ, онъ очень ясно высказываетъ сожалѣніе о томъ, что не игралъ, во время романтическаго періода, роли, которую Буало, по его мнѣнію, игралъ въ теченіи періода классическаго, въ эпоху Людовика XIV. По его теоріи, Буало велъ за собою весь свой вѣкъ. „Самые величайшіе таланты, говоритъ онъ, могли ли бы они создать все, что отнынѣ составляетъ ихъ неотъемлемое наслѣдіе славы? Я боюсь, что Расинъ создалъ бы не одну Веренику; Лафонтенъ написалъ бы меньше басенъ и больше сказокъ, и самъ Мольеръ далъ бы болѣе Скапеновъ, и, можетъ быть, не достигъ бы высоты „Мизантропа“. По правдѣ сказать, эти гипотезы соблазнительны, но тѣмъ не менѣе странно увѣрять, что безъ Буало не могъ бы расцвѣсть геній Мольера, Лафонтена и Расина. Приписывать критикѣ, хотя бы даже и самой справедливой, подобное вліяніе, кажется мнѣ совершенно преувеличеннымъ, особенно когда критикъ, подобный Буало, просто риторъ. Сентъ-Бёвъ, страшившіеся гипотезъ, позволилъ здѣсь себѣ—очень смѣлую.

Но интересны слѣдующія строки. „Знаете ли, чего недоставало въ наши дни нашимъ поэтамъ, столь богатымъ природными дарованіями, и такъ много общавшимъ въ началѣ своего поприща. Недоставало Буало и просвѣщеннаго монарха, нѣтъ которыхъ одинъ поддерживаетъ и освящаетъ другого. Такимъ образомъ, эти талантливые люди, ссужавая, что живутъ въ вѣкѣ анархіи и неопределенія, скоро стали и вести себя соотвѣтственно этому; они вѣли себя бук-

важно не какъ благородные гении или взрослые люди, но какъ ученики во время каникулъ. Мы видѣли результатъ". Это мнѣ кажется безусловно должнымъ. Оставляю въ сторонѣ „просвѣщеннаго монарха"; но воображать себѣ Буало предписывающимъ законы въ 1830 г.—мысль недостойная критика, знакомаго съ исторіей и отдающаго себѣ отчетъ въ великихъ литературныхъ движеніяхъ. Буало является только послѣ мятешей, когда почва завоєвана и чувствуется необходимость въ полиціи. Въ 1830 г. Буало былъ бы сметенъ, какъ соломинка, предположивъ, что онъ могъ бы явиться, потому что волненіе именно было направлено къ тому, чтобы разрушить формулы всѣхъ прошедшихъ и настоящихъ Буало. Такимъ образомъ, онъ отнюдь не могъ бы управлять, онъ былъ бы осмѣянъ и предоставилъ бы свободу потоку; и можно поставить сто противъ одного, что онъ самъ увлекся бы потокомъ, какъ это случилось съ Сентъ-Бёвомъ. Вотъ гдѣ истина фактовъ.

Впрочемъ, изъ этихъ удивительныхъ гипотезъ я могу извлечь только то, что Сентъ-Бёвъ мечталъ быть главою нашей литературы. Итакъ, критика была для него орудіемъ исправленія, линейкой, которой слѣдуетъ бить по рукамъ современниковъ, чтобы заставить ихъ исправиться. Онъ говорилъ намъ о вкусѣ и диктовалъ указы. Это еще образъ мыслей Лагарпа. Мы увидимъ сейчасъ образъ мыслей г. Тона. Теперь я могу сказать, что Сентъ-Бёвъ занимаетъ средину между ними. Онъ представляетъ переходъ отъ педагогической критики къ научной.

Вернемся къ этой идеѣ исправляющей критики. Да, конечно, она исправляетъ, но нужно условиться на этотъ счетъ. Всякій разъ, какъ высказывается истина о какомъ-нибудь предметѣ, эта истина приноситъ практическую пользу. Такимъ образомъ, вотъ Сентъ-Бёвъ, не павшій романтиковъ. Всѣ истины, которыя онъ имъ высказалъ, приносятъ теперь плоды, отвращаютъ новое поколѣніе отъ лирическаго порыва 1830 г. Но никогда эти истины не были и не могли быть плодотворны для самихъ романтиковъ. Нельзя исправлять гениальнаго писателя, нельзя исправлять даже высокоталантливаго писателя, потому что у нихъ личность обуславливаетъ недостатки и достоинства. Исправляема критикой можетъ быть развѣ только посредственность, а развѣ важно, будутъ-ли посредственности болѣе или менѣе посредственно совершенны?

Я хочу сказать, что дѣлать критику учителямъ современниковъ—значитъ узко понимать ее и извлекать изъ нея весьма проблематическую пользу. Великая роль, прекрасная роль—обвинять всю свою эпоху, констатировать, откуда она явилась и куда стремится, выискивать, что она такое, но не для того, чтобы измѣнить ее, такъ какъ это

невозможное дѣло, не чтобы объяснить нарождающемуся поколѣнію поколѣніе ему предшествовавшее: Уважайте, сколько хотите, на опасности романтизма, вы не помышляете ни одному романтику окончательно завязнуть въ него, но вы остановите новыхъ поволабій, которыя идутъ позадѣ вась.

Надо замѣтить, что статья о Буало явилась въ 1852 г. Она вовсе не принадлежитъ къ первымъ опытамъ критики. Сентъ-Бевъ, съ годами, становился нѣбре во взглядахъ и пониманіи; но онъ не подвигался впередъ въ смыслъ современности; напротивъ, онъ съ большимъ упорствомъ цѣплялся за прошедшее, точно нугаясь новаго времени и протестуя противъ литературнаго направленія, зарожденіе котораго онъ видѣлъ, самъ жаждалъ его, и оно впоследствии тровожило его. Онъ, который хвалился тѣмъ, что умъ его открытъ для самыхъ противоположныхъ вещей, что его глаза видятъ и оспори и создали себя,—тутъ онъ поддавался страху и переставалъ понимать. Я возвращусь къ этому удивительному явленію, которое въ сущности и составляетъ предметъ этой статьи.

Естественно, что честолюбивое желаніе—быть главою новѣйшей литературы—не лишено было у Сентъ-Бэва свойственнаго ему извѣстнаго. При своемъ мягкомъ темпераментѣ, онъ не мечталъ о роли высокаго, падающаго ученаго, превосходящаго литературу съ пасмурнымъ видомъ. Его критика предназначалась преимущественно для извѣстныхъ литературныхъ салоновъ; она отличалась мыльнымъ злословіемъ, безукоризненною вѣжливостью, исполненною злыхъ намековъ, постоянною улыбкою, скрывающею строгость сужденія. Онъ безпрестанно возвращается въ своихъ статьяхъ къ вопросамъ о вкусѣ, татѣ, мѣрѣ, не будучи въ состояніи понять, несмотря на серьезныя усилія, противоположныхъ даровъ: силы научной ясности, суровой страсти къ истинѣ, побуждающей все разоблачать. Онъ готовъ былъ дать многое понять, но любилъ закутывать свои сужденія,—потому, чтобы вникнуть уразумѣть нѣкоторыя статьи Сентъ-Бэва, нужно часто такъ же хорошо, какъ самъ онъ, знать предметъ, о которомъ онъ толкуетъ. Въ книгѣ господствуетъ салонный тонъ; не принадлежа къ салону, невозможно понять, что тамъ говорится, по причинѣ недомолвокъ, гримасъ, пошатывающихъ только для посвященнаго. Посѣщая литературный міръ, будучи постояннымъ гостемъ извѣстныхъ салоновъ, переходя отъ книги къ женовой бесѣдѣ, не живя многостороннею жизнью великаго Париза, не изучая человѣка на самихъ людяхъ, Сентъ-Бэвъ больше бесѣдовалъ, нежели судилъ. Всякая научная точность его осербила, потому что внесла твердыя основанія въ неопредѣленное наслѣдствіе его духа. Я могъ бы привести здѣсь много цитатъ, но ограничусь только немногими слѣдующими

строками, въ которыхъ онъ хорошо опредѣляетъ вдохновлявшій его литературный духъ: „Литературный духъ, — говоритъ онъ съ обычнымъ своимъ одушевленіемъ и граціей, — заключается въ умѣнъ интересоваться тѣмъ, что правится въ извѣстномъ чтеніи, тѣмъ, что само по себѣ бесполезно и не служитъ ни въ чему, въ вульгарномъ смыслѣ слова, не воздвигаетъ ни для какой близкой, положительной цѣли, тѣмъ, что представляетъ собою орнаментъ, цвѣтокъ, безсмертныя и мягкія общественныя и житейскія бездѣлки. Любовь къ литературѣ, въ эпохи богатой культуры, предполагаетъ выборъ, любопытство и безпристрастіе, — она предполагаетъ широту и даже капризность вкуса, свободу идти по всѣмъ направленіямъ“. Здѣсь выразился весь Сентъ-Бёвъ: онъ пойметъ весь міръ и не пойметъ — Балзака!

А между тѣмъ, этотъ человѣкъ, благодаря своей всемірной любознательности, основать научную критику. Онъ освободился отъ грамматикъ и отъ реторики, онъ понялъ, что нужно прежде всего познать писателя, чтобы понять человѣка. Принципы этой научной критики, сформулированныя только Тэномъ, разсѣяны у Сентъ-Бёва во множествѣ статей. „Весьма полезно, — говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ, — начинать сначала, и если есть возможность, изучать замѣчательнаго или выдающагося писателя въ связи съ его родной землей, его расой“. Въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ: „Я не изъ тѣхъ, кто стареть укорять критика за то, что онъ даетъ намъ, даже съ подробностями, фізіологію своего автора, описываетъ хорошее или дурное состояніе его здоровья, вліяющее несомнѣнно на его нравственное состояніе и талантъ“. Еще одна, и очень любопытная цитата: „большинство людей не любятъ истинны, то-есть, безпорядочной смѣси достоинствъ и недостатковъ, добродѣтелей и пороковъ, составляющихъ человѣческую личность. Они хотятъ видѣть въ своемъ любимцѣ, въ своемъ героѣ личность цѣльную —, какъ-бы изъ одного куска, либо ангела, либо демона! Показать имъ въ вѣрномъ зеркалѣ лицо умершаго съ его лбомъ, его цвѣтомъ и бородавками, значить сбить ихъ съ толку. Зачѣмъ же отступать передъ цѣлостнымъ выраженіемъ человеческой природы, во всей ея истинѣ? Зачѣмъ ослаблять ее въ рисункѣ и почти стѣснять? Или мы всегда будемъ имѣть кумировъ, а человѣка никогда?“ Послѣ такихъ словъ, пестрая, научная критика основана. Произведеніе не представляется болѣе собою образецъ стиля, надъ которымъ близились грамматикъ и риторы; оно дѣлается продуктомъ человѣка, темперамента, который нужно анализировать, если хочешь подняться отъ автора къ его произведенію. Это обусловило напоръ писавъ у Сентъ-Бёва; хотя онъ былъ и кабинетный человѣкъ, но недовольствовался однако же чтеніемъ произведеній, онъ

восстанавливать эпоху, заставляла говорить оставшихся в живых свидетелей, истерично извлекать всевозможные документы и рьяно высказывать приговоры, только изучивши темперамент и привычки своего автора, время и общество, в котором он жил. Только тогда, когда критик собрал все железные свидетельства, овладел всеми своими авторами, на сцену выступал жеманнейший элемент Сенть-Бёва, с его потребностью изящества и ибры, и он пускал в ход виноградные листики, терлся в самых изумительных тонкостях, чтобы сказать все, дѣлая видъ, что совсѣмъ не говоритъ этого. То было орудіе нашего новаго анализа, съ бархатными лапками, вооруженными острыми красными ногтями. Онъ оставался литераторомъ, будучи анатомомъ.

И вотъ за то какой контрастъ и какое характеристическое столкновение возникло, когда въ концѣ своей карьеры онъ встрѣтился съ Тэномъ. Последний явился съ совершенно противоположнымъ темпераментомъ. Прекрасный литераторъ, одаренный тоже живою и первною впечатлительностью артиста, онъ дѣлалъ видъ, что презираетъ свои литературныя дарованія и замыкался въ непреклонную суровость геометра и механика.

Въ сущности, однако, Тэнь былъ продолжателемъ Сенть-Бёва, онъ только строго формулировалъ методъ послѣдняго. Всѣмъ извѣстны его формулы, водничающія произведенія вопросовъ о расѣ, средѣ и историческихъ обстоятельствахъ, относящія все къ главной способности писателя. Сенть-Бёвъ также предлагалъ вопросы о расѣ, средѣ, обстоятельствахъ; но онъ не возводилъ эти вліянія въ опредѣленные законы, онъ ниталъ отвращеніе къ духу научнаго синтеза, какъ и это уважалъ. Однимъ словомъ, онъ хотѣлъ сохранить туманность, любовную неопредѣленность литературной области, и мнилъ, что когда-нибудь его собственными трудами воспользуются, чтобы внести въ критику произведений разума строгія формулы науки, совершенно подавляла его и заставляла броситься назадъ, къ Буало, пересканивая черезъ Лагарпа. Онъ отчаянно защищалъ, повторяю, этотъ милощенный міръ, эти салоны, въ которыхъ онъ бесѣдовалъ, старый литературный духъ послѣднихъ вѣковъ, которому угрожала, онъ это чувствовалъ, новая литература, основанная на точныхъ документахъ, и на естественныхъ и экспериментальныхъ наукахъ.

Итакъ, столкновение между Сенть-Бёвомъ и Тэномъ было неизбежно. Притомъ, первый сохранилъ свою гибкость, свое умильное душить людей въ объятіяхъ. Онъ немедленно даладзетъ на слабій пунктъ системы. Раса, среда — конечно оказываютъ извѣстное вліяніе; но такъ какъ, очевидно, существуютъ и другія вліянія, то съ этими двумя факторами нельзя вывести заключеній. Цитирую: „Г-ну

Тѣну, когда онъ выражается съ такою безусловною утвердительною, слѣдуетъ отвѣтить, что между такими главными и общими для всѣхъ фактомъ, какъ почва и климатъ, и такими сложными и разнообразными результатомъ, какъ различіе породъ и индивидуумовъ, существуетъ множество причинъ и силъ болѣе частныхъ, болѣе непосредственныхъ, не овладѣвъ которыми, ничего нельзя объяснить". Сентъ-Бевъ имѣлъ бы полное право отвергнуть эти формулы, если бы онъ дѣлалъ это изъ строгой любви къ истинѣ. Но я думаю, что это неудовольствіе коренится не въ этомъ. Онъ отстаетъ прикоть, которую онъ считаетъ украшеніемъ литературы. Въ основаніи спора лежатъ два философскія мнѣнія. Оставивъ ихъ въ сторонѣ, можно сказать теперь, что орудіе, введенное Тѣномъ, остается наилучшимъ орудіемъ критики, какое мы имѣемъ, несмотря на несовершенство формулъ и неизбежные, въ только-что основанномъ методѣ, слишкомъ поспѣшные выводы. Но на чемъ я схожусь съ Сентъ-Бевомъ, такъ это именно слѣдующее: „если можно надѣяться, что мы придемъ когда-нибудь къ классификаціи талантовъ по семействамъ и подъ извѣстными родовыми названіями, соотвѣтственно ихъ главнымъ качествамъ, то вѣдь для этого слѣдуетъ предварительно терпѣливо и безъ всякаго духа системы наблюдать ихъ, узнавать ихъ во всей полнотѣ, одного за другимъ, экземпляръ за экземпляромъ, подбирать и описывать сходныхъ". Безъ сомнѣнія, намъ нужны „документы“, но и самое собираніе документовъ, для того, чтобы быть плодотворнымъ, требуетъ уже метода. Наука прогрессировала, только опираясь на нѣкоторые предварительныя истины. Кто хочетъ расширить формулы Тѣна, тотъ долженъ пользоваться этими формулами, которыя, впрочемъ, резюмируютъ результатъ критическихъ опытовъ Сентъ-Бева. Научная критика имѣла уже два періода: она еще лепечетъ у Сентъ-Бева, тамъ она инстинктивна; затѣмъ получаетъ опредѣленный смыслъ, но не безъ угловатости, у Тѣна, какъ это всегда бываетъ при первой систематической попыткѣ новаторовъ. Наше дѣло теперь снова взяться за орудіе, усовершенствовать его, дополнить, употребить его съ пользою для всеобщаго исследованія вѣны.

Въ отпадѣ о Тѣнѣ есть мѣсто, гдѣ Сентъ-Бевъ еще разъ напоми-
дуются. Онъ говоритъ о преобладающей способности: „Постараемся
угадать это внутреннее или наждаго, которое онъ несетъ отпеча-
таннныя въ сердцахъ. Но прежде чѣмъ произнести его, свѣлько пред-
осторожностей! сколько сомнѣній! Что касается до меня, то это
последнее слово нашего-нибудь ума, даже когда мнѣ удастся со-
брать и начертать въ этомъ отношеніи всѣ біографическія свѣдѣнія
о расѣ и семействѣ, о воспитаніи и развитіи, изучить всѣ рѣши-

тельные моменты и интеллектуальные кризисы, пережитые индивидуумом, проследить его жизнь во всех ее взаимоотношениях до самого конца его перипетии, достать и прочесть все его сочинения, — даже и тогда я буду еще искать это слово, и скорее предоставлю читателям угадать его, чѣмъ рѣшусь его высказать; я рисую на это только въ послѣдней крайности“. И это правда, онъ никогда не рисковалъ на это. Самое большее, если онъ позволяетъ иногда угадывать его. Отсюда неопредѣленность, шаткость его суждений. Часто даже мы не знаемъ, любитъ ли онъ, или ненавидитъ того, о комъ говоритъ. Сентъ-Бёвъ, вследствие ли чрезмерной добросовѣстности, или изъ любви къ неопредѣленности, всегда отличался отсутствиемъ ясности и силы. Сколько мнѣ извѣстно, немногія изъ его суждений отличаются опредѣленностью, простотою точки зрѣнія, солидностью утверждений.

Вотъ какъ онъ оканчиваетъ эту первую статью о Тэнѣ: „единственный общій совѣтъ, который ему можно дать—это, чтобы ученый не слишкомъ господствовалъ въ немъ надъ литераторомъ. Онъ принадлежитъ къ націи, въ которой все талантливые люди, если только они желаютъ оказать все свое дѣйствіе и принести всю возможную пользу, должны, рано или поздно, заставить себя нравиться читателямъ“. И эта потребность изящнаго постоянно будетъ являться подъ перомъ Сентъ-Бёва. Это его *credo*, это крикъ помѣнника женскаго элемента, вся жизнь котораго пошла на то, чтобы нравиться. Сколько бы онъ ни копался въ человѣческой грязи, какъ бы ни былъ онъ язвительнъ и волею,—онъ все же сдѣлаетъ это на манеръ женщины, показывающей свои бѣлые зубы, когда кусается. Въ Тэнѣ его соблазняетъ прежде всего литераторъ; онъ обороняется отъ могучаго аналитика, отъ человѣка съ характеромъ и силой воли; и въ концѣ своего этюда, вмѣсто всякаго комплимента и удивленія, изрекаетъ только слова: „будьте любезны“.

Итакъ, вотъ двѣ ясно очерченныя фигуры новой критики. Тэнъ продолжаетъ и систематизировать Сентъ-Бёва. Это шагъ впередъ въ научной критикѣ. Теперь остается только идти по этой дорогѣ, совершенствуя методъ.

III.

Не посмотримъ, какъ Сентъ-Бёвъ принимаетъ свой методъ. Я только-что перечелъ значительное число его статей, и что меня въ особенности поразило, это очевидныя усилія его найти истину. Нелѣнь отрицать у него горячаго желанія быть справедливымъ, основательно

на „документахъ“, высказывать только то, что ему известно. Въ этомъ-то именно и состоитъ, какъ я уже сказалъ, его характеристическая черта: онъ понимаетъ и проникаетъ всѣ предметы, благодаря гибкости своего ума; потому даетъ намъ о нихъ идею, насколько возможно—истинную, идею уклончивую, умѣренную, далекую отъ крайностей. Такимъ образомъ, онъ тонко пользовался своей любовью въ приятному, къ уму, изощренному въ изяществѣ. Всякій разъ, какъ ему случалось нападать на негучій характеръ, онъ находилъ возможнымъ осудить его во имя истины. Для него истина, весьма основательно, впрочемъ, заключалась въ отгѣнкахъ; онъ считалъ жизнь сложной, неопредѣленной, немного плоской въ ея обыденности, и потому ему удобно разбивать тѣхъ, кто не одаренъ его гибкой, мягкой натурой, такъ какъ ему легко, при малѣйшемъ, слишкомъ сильномъ порывѣ, обвинять ихъ въ преувеличеніи. Такимъ-то образомъ, его стремленіе къ справедливости, его гибкій умъ, его любовь къ истинѣ заставляютъ его отрицать величайшихъ людей своего вѣка.

Я никогда не видалъ Сентъ-Бёва. Онъ написалъ мнѣ въ 1868 г. письмо, появившееся въ его перепискѣ. Я послалъ ему одинъ изъ своихъ первыхъ романовъ, „Thérèse Raquin“, и онъ отвѣтилъ мнѣ критикой, въ которой я нахожу именно эту потребность въ уклончивой истинѣ, на которую я только-что указалъ. Нѣтъ ничего справедливѣе этой критики. Напримеръ, онъ говоритъ о моемъ описаніи Пассажа у Ронъ-Неуфъ: „Это не вѣрно, это фантастическое описаніе: это въ родѣ улицы Соли у Бальзака. Пассажъ пошлъ, баналенъ, безобразенъ, въ особенности узокъ, но не имѣетъ той мрачности, глубины, тѣхъ красокъ à la Рембрандтъ, которыя вы стараетесь ему сообщить. Это также одинъ изъ способовъ уклониться отъ истины“. Онъ правъ; только должно согласиться, что отъ нашего настроенія часто мѣстности кажутся намъ печальными или веселыми; мы проходимъ, содрогаясь мимо дома, въ которомъ случилось убійство. Тѣмъ не менѣе критика права. Все сомнѣніе, въ „Thérèse Raquin“ вещи доведены до помрача, и строгая истина не согласуется съ такими ужасами. Этотъ замѣненіемъ я хочу показать, что вполне понимаю и даже принимаю точку зрѣнія средняго вывода объ истинѣ у Сентъ-Бёва. Разнымъ образомъ, онъ правъ, когда удивляется далѣе, что Тереза и Лорандъ не удовлетворяютъ своей страсти немедленно по убіеніи Камилла; можно, пожалуй настаивать на томъ, что это исключительный случай, но обыкновенный ходъ вещей требовалъ, чтобы они отдались другъ другу прежде угрызений совѣсти. Итакъ, я охотно признаюсь передъ логикой и истиной, въ ущербъ самому себѣ, и не стараюсь защищаться противъ критики, которая кажется мнѣ очень справедливой. Да, конечно, нехорошо нападать твердую почву дѣй-

отвѣтственности и бросаться въ преувеличенія рисунка и красокъ. Но для самой критики существуютъ еще болѣе сильное затрудненіе: уравнивать достоинства и недостатки, понять, помимо увлеченій темперамента и предвзятыхъ мнѣній партій, истинную силу писателей, долженствующихъ со временемъ опредѣлять одинъ изъ періодовъ развитія національной литературы.

Въ такую неоправданную ошибку впалъ Сентъ-Бёвъ, относительно высокой личности Бальзака. Пусть онъ былъ однимъ изъ самыхъ живыхъ умовъ своей эпохи, бросилъ свѣтъ на множество пунктовъ, любилъ отъ природы истину и справедливость, — его несправедливость и ослѣпленіе по отношенію къ Бальзаку заставляютъ сомнѣваться въ его лучшихъ качествахъ. Что сказать, въ самомъ дѣлѣ, о человѣкѣ, который придавалъ цѣну самымъ обыкновеннымъ произведеніямъ, высказывалъ извѣстную нѣжность къ самымъ ничтожнымъ умамъ, и не признавалъ человека, давшего рѣшительный толчокъ роману? Я знаю, что въ основаніи этой враждебности лежала борьба человека съ человекомъ; но у Сентъ-Бёва тутъ игралъ особенную роль вопросъ о темпераментѣ, такъ какъ мы увидимъ, что онъ разнымъ образомъ становится на дыбы передъ продолжателемъ Бальзака. Нѣтъ сомнѣнія, что у него не доставало литературнаго такта; несмотря на все желаніе признать научное движеніе въ литературѣ, его хватало только на платоническія заявленія; разъ онъ наталкивался на примѣръ, разъ онъ долженъ былъ дѣлать оцѣнку новатора, — онъ тотчасъ же падалъ духомъ передъ фатальными преувеличеніями, онъ требовалъ съ отчаяніемъ — немножко изящества.

Конечно, мы знаемъ такъ же хорошо, какъ и Сентъ-Бёвъ, въ чемъ онъ могъ упрекнуть Бальзака. Онъ находилъ, что у него дурной вкусъ, что онъ напыщенъ, несленъ и въ особенности склоненъ къ преувеличенію. Онъ обвинялъ его въ неумѣнн говорить просто и пріятно, въ постоянной напряженности тона. Однимъ словомъ, Бальзакъ безпокоилъ его своими замашками завоевателя, которыя не приличествовали благовоспитанному человѣку, своимъ огромнымъ смѣхомъ, своею личностью можетъ быть больше, чѣмъ своими произведеніями. Между этими двумя людьми, изъ которыхъ одинъ былъ поклонникъ женщинъ, царяущій людей своими кошачьими лапками, другой — мужественный боецъ, пробивавшій себѣ дорогу ударами топора, антипатія не могла не быть безусловной. Тѣмъ не менѣе нельзя не дивиться узкому упрямству Сентъ-Бёва. Не только онъ не угадалъ Бальзака по его первымъ мастерскимъ произведеніямъ, но и до самаго конца своей жизни отказывался признать торжествующее вліяніе романиста на всю свою эпоху. Допуская, что онъ не могъ примириться съ недостатками, видя въ нихъ роковую обратную сто-

рону достоинствъ, все же онъ имѣлъ достаточно широкій умъ, чтобы, минуя недостатки, признать въ Бальзакѣ творца цѣлаго міра, новатора, который втолкнулъ весь вѣкъ въ новую эру литературнаго развитія, приложивъ къ роману научный методъ. Осудить Бальзака во имя вкуса; значить значитъ перенести насъ въ эпоху Буало и Лагарпа. Если знакомство съ прошлымъ, если пристрастіе литератора къ двумъ послѣднимъ вѣкамъ и ихъ литературѣ должны въ результатъ вызывать осужденіе нашего современнаго направленія и нашихъ великихъ людей, даже у такого широкаго ума, какъ Сентъ-Бёвъ, то я бы желалъ для нашихъ будущихъ критиковъ поменьше „эрудицію“, чтобы имъ можно было избѣгать бесплодныхъ сожалѣній и осужденій, тѣмъ болѣе несправедливыхъ, что они устарѣли.

Я могъ бы увеличить число доказательствъ, привести цѣлыя страницы, гдѣ Сентъ-Бёвъ судилъ о Бальзакѣ еще съ болѣеюю узкостію, чѣмъ несправедливостію. Но я ограничусь двумя примѣрами. Заимствую одинъ изъ статей, написанной въ 1838 г. Тамъ мы видимъ подобнаго рода вещи: „Мы не будемъ говорить о „Maison Nucnigen“, въ которомъ, безъ сомнѣнія по причинѣ извѣстнаго argot, употребляемаго дѣйствующими лицами, мы не могли ничего понять. Лица, являющіяся въ этихъ новеллахъ, уже фигурировали, и по болѣеюю части не разъ, въ романахъ г. Бальзака“. И еще: „Etudes de mœurs г. Бальзака оканчиваются непроходимымъ лабиринтомъ. Вы теряетесь въ немъ и не возвращаетесь болѣе, или если возвращаетесь, то не выносите изъ него ничего опредѣленнаго“. Ничего опредѣленнаго въ романахъ Бальзака! Это подъ стать замѣчанію, что въ романахъ являются дѣйствующія лица, которыя служили уже не разъ. Но эта статья писана давно, и можно было бы подумать, что послѣдніе „chefs-d'oeuvre“ Бальзака открыли, наконецъ, глаза Сентъ-Бёву. Ничуть не бывало. Вотъ изумительная страница, написанная имъ въ статьѣ о Гаварни, двѣнадцать лѣтъ спустя послѣ смерти Бальзака. Я привожу эту страницу цѣликомъ, потому-что здѣсь мы видимъ на дѣлѣ безусловную несправедливость Сентъ-Бёва, сознательную или бессознательную. „Весьма справедливо замѣтили, — говоритъ онъ, — что въ этой неизбежной параллели между Бальзакомъ и Гаварни, послѣдній играетъ болѣе ясную, вѣрную и неоспоримую роль. Значенія Бальзака на почвѣ современныхъ нравовъ и въ особенности извѣстныхъ нравовъ, въ которыхъ онъ опытенъ и прослылъ за знатока, я вовсе не намѣренъ умалять. Бальзакъ, однако, увлекается и проявляетъ недостатокъ вкуса на каждомъ шагѣ, онъ охмѣляется виномъ, которое разливаетъ, и не владѣетъ собою; имѣлъ бросается ему въ голову; его разсудокъ затемняется, онъ является помощникомъ и участникомъ въ томъ, что предлагаетъ и рисуетъ

намъ. Полное отсутствіе здраваго смысла въ нравственной жизни или въ направленіи таланта,—это, я знаю, большая выгода для того, кто хочет прослыть за гениальнаго человѣка у массы. Вальзакъ пользовался этой выгодой. Гаварни востановилъ умѣть владѣть собою. Въ его карандашѣ есть та непринужденная легкость и грація, которую имѣлъ первый ученикъ Вальзака, и который могъ бы стать выше своего учителя, если только это вообще возможно ученику, когда бы онъ небольшое написалъ, и, въ особенности, еслибы онъ подольше жилъ; я говорю о Шарлѣ Вернарь. Карандашъ Гаварни отличался изяществомъ, и, кромѣ того, вдохновеніемъ и неистощимую плодovitостью. Но именно вслѣдствіе этого изящества и неистощимой плодovitости, Гаварни является намъ теперь ребенкомъ, въ сравненіи съ Вальзакомъ! Параллель не выдерживаетъ критики ни на минуту. У Вальзака была сила,—та творческая сила, безъ которой нѣтъ гения. Оставляю въ сторонѣ ехидство приведеннаго отрывка, но спрашиваю по чистой совѣсти: развѣ поставить Гаварни выше Вальзака—не значить признаться, что абсолютно ничего не понимаешь въ нашей новѣйшей литературѣ, и что въ такомъ случаѣ лучше было бы запереться въ свою бібліотеку и жить тамъ съ мнущимися вѣками.

Я разберу также восхитительную мысль, будто Шарль Вернарь могъ превзойти своего учителя. При жизни Вальзака и Шарля Вернара я уже нахожу слѣдующія строчки въ одной статьѣ, помѣщенной 15 октября 1838 г.: „Г-нъ Вернарь можетъ, если захочетъ, быть Америго Веспуччи земли, которой Христофоръ Колумбъ—г. де-Вальзакъ“. Съ этой точки зрѣнія, онъ находитъ въ немъ всевозможныя прекрасныя качества, въ которыхъ отказываетъ Вальзаку. Но, вотъ, здѣсь-то и является важный симптомъ, который я уже констатировалъ у всѣхъ узкихъ критиковъ,—потребность ставить ученика выше учителя, потому что ученикъ вообще слабая копія учителя, онъ болѣе гибокъ, болѣе доступенъ. Сентъ-Вёвъ увлекается здѣсь любовью къ посредственности,—характерная черта нашей текущей критики, той, которая страпаетъ фельетоны. Я уже говорилъ нѣсколько разъ, что С.-Вёвъ былъ однимъ изъ самыхъ широкихъ умовъ своего вѣка; но вернуться въ 1863 г. къ этой фигурѣ Шарля Вернара, совершенно и вполне справедливо забытаго, вернуться къ ней, чтобы противопоставить его Вальзаку, даже со всякаго рода запутанными оговорками,—это показываетъ, что въ обширномъ умѣ Сентъ-Вёва былъ пробѣлъ, огромная пустота, и какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ ему необходима была вся острота и сила способностей, чтобы понять новѣйшій литературный вѣкъ, который уже начинался и къ которому принадлежала добрая половина его самого.

Перехожу къ Стендалю. Въ 1854 г., когда умеръ Стендаль и появилось полное собраніе его сочиненій, Сентъ-Бёвъ посвятилъ ему двѣ статьи. Онъ смотритъ на него, какъ на „выдающагося писателя“. Но онъ прибавляетъ: „Все новое поколѣніе увлекается его произведеніями, изслѣдуетъ, изучаетъ его почти какъ древняго, какъ классика; онъ и его имя служатъ какъ-бы центромъ возрожденія. Онъ былъ бы этимъ очень удивленъ“. Эта послѣдняя фраза очень забавна; повѣрьте, что Сентъ-Бёвъ былъ еще болѣе удивленъ. А какая прелесть этотъ крикъ: „почти какъ древняго“, въ которомъ чувствуешь ошеломленнаго и скандализованнаго критика. Далѣе, онъ смотритъ на Стендала, какъ на „романтическаго гусара“; признаюсь, я этого совсѣмъ не понимаю, до такой степени нашъ взглядъ на Стендала иной. Я не могу заняться его анализомъ Стендала, сдѣланнымъ единственно съ цѣлю доказать, что Стендаль имѣлъ лучшее сердце и болѣе любилъ изящество, чѣмъ думаютъ. Слѣшу привести слѣдующую цитату: „Какъ романистъ, Бейль имѣлъ нѣкоторый успѣхъ“, — и слѣдующую оцѣнку „Rouge et Noir“ и „Chartreuse de Parme“: „Прочитавши это, совершенно естественно отдаешь предпочтеніе, въ дѣлѣ романтическихъ произведеній, французскому жанру, или по крайней мѣрѣ такому, въ которомъ полнота и ширина соединены съ вдохновеніемъ; желаешь разумнаго здороваго волненія и истинной простоты, какую находимъ въ исторіи *Обрученнаго Манцони*, во всякомъ хорошемъ романѣ Вальтеръ-Скотта, или въ прелестной и по истинѣ простой новеллѣ Ксавье-де-Местра“. Итакъ, Ксавье-де-Местръ выше Стендала! Нельзя съ большою граціей признаться, что отрицаешь въ романѣ строго-научное изученіе человѣка. Сентъ-Бёвъ требуетъ, чтобы ему пѣли *при свѣтѣ лунѣ*. Боже мой! это уже личный вкусъ, а не критика.

Замѣйте, что эта статья о Стендалѣ, несмотря на свою строгость, скорѣе дружественная. Сентъ-Бёвъ не читаетъ къ нему черной злобы, которую постоянно выказываетъ относительно Бальзака. Притомъ, его послѣднія слова о Стендалѣ должно искать въ совершенно другомъ мѣстѣ, въ статьѣ о Тэнѣ. Извѣстно, что Тэнъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ работниковъ того возрожденія, центромъ котораго служили труды Стендала, и о которомъ говоритъ Сентъ-Бёвъ. Поэтому этотъ послѣдній не выдержалъ: „Между прочимъ, — говоритъ онъ, — по поводу Тита Ливія, Тэнъ упоминаетъ о Стендалѣ; въ особенности часто онъ цитируетъ его въ своей книгѣ о *философахъ*, и превозноситъ въ самыхъ пышныхъ выраженіяхъ (*великій романистъ, величайшій психологъ века*). Хотя бы мнѣ пришлось дѣйствовать въ свою голову, совѣтуя г. Тэну болѣе строгое отношеніе къ современникамъ, но я долженъ сказать, что, изучивъ Стендала,

подвергши его сочиненія тщательной оцѣнкѣ, перечтя недавно или попытавшись перечестъ его столь прославленные романы (романы вполнѣ неудовлетворительные, несмотря на прекрасныя частности, и въ концѣ-концовъ отвратительные), я не могу относиться къ нимъ съ тѣмъ удивленіемъ, которое оказывается теперь этому человѣку, умному, остроумному, проникательному, тонкому и возбуждающему, но непослѣдовательному, напыщенному, лишенному фантазіи. Итакъ, вотъ оно что: романы Стендаля отвратительны! А какъ С.-Бёвъ забавенъ, говоря: „я его изучилъ, я подвергъ его оцѣнкѣ, и вы удивляете меня, называя его великимъ человѣкомъ“. Это напоминаетъ слова фруктовой торговки, видѣвшей Гоша ребенкомъ въ своей лавкѣ: „онъ генералъ!—это невозможно; онъ былъ совсѣмъ маленькій, и я давала ему яблоки“. Причина спора все та же,—понятія Сентъ-Бёва о романѣ тѣ же, что были въ концѣ прошлаго столѣтія, и онъ совсѣмъ не понимаетъ новой формулы, оставленной намъ Бальзакомъ и Стендалемъ. Онъ требуетъ все вкуса и изобрѣтательности тамъ, гдѣ нужна психологія и фізіологія; отжившая эпоха подвергаетъ оцѣнкѣ нашу эпоху съ злобою стариковъ, отказывающихъ новому поколѣнію въ правѣ пробивать новыя пути; вездѣ видно непоколебимое упрямство, логически вытекающее изъ извѣстныхъ принциповъ, всякій разъ какъ романистъ новаго направленія попадетъ подъ перо Сентъ-Бёва.

Такимъ же точно образомъ мы находимъ его враждебнымъ Густаву Флоберу и Гонкурамъ. И должно замѣтить здѣсь, что онъ находился въ близкихъ отношеніяхъ съ этими писателями и вслѣдствіе того долженъ былъ смягчать свои требованія. Онъ почти любезенъ съ ними, но подъ этою любезностью скрывается боязнь и хула. Изучая „Madame Bovary“, онъ упрекаетъ Густава Флобера за его любовниковъ, „лишенныхъ изящества“; онъ откровенно говоритъ, что Вернарденъ де-Сентъ-Пьеръ и г-жа Зандъ украшали природу, среди которой они жили, между тѣмъ какъ онъ описываетъ свою Нормандію, какъ она есть. Далѣе, онъ жалуется, что не находитъ въ романѣ героя, „того, кѣмъ желалъ бы быть авторъ“. Онъ упрекаетъ его за то, что тотъ не сдѣлалъ изъ Бовари благородную и трогательную фигуру, вмѣсто дюжинной личности. Наконецъ, статья оканчивается крикомъ: „Сынъ и братъ выдающихся медиковъ, Густавъ Флоберъ пользуется перомъ, какъ другой скальпелемъ. Анатомъ и фізіологъ, я нахожу васъ повсюду!“ Ну, а если вы ихъ находите повсюду, то и уразумѣйте въ чемъ дѣло. Вы попали на вѣрный слѣдъ, дѣйствуйте, объясняйте намъ, куда идетъ вѣкъ, вмѣсто

того, чтобы притворяться непонимающимъ движенія и даже стараться тормазить его. Замѣьте, что Сентъ-Бѣвъ началъ съ изученія медицины и долженъ былъ быть свѣдущимъ въ наукѣ. Его желаніе „благородной и трогательной фигуры“ въ исторіи Бовари кажется мнѣ чѣмъ-то чудовищнымъ, потому что я не знаю ничего болѣе поразительнаго, болѣе глубоко-человѣческаго, чѣмъ послѣдняя страница „Madame Bovary“. Человѣкъ, у котораго могла хоть на минуту явиться мысль измѣнить эту страницу, какъ бы онъ ни былъ уменъ, никогда не понималъ новѣйшихъ произведеній. Понятно послѣ этого, что онъ удивлялся всемогущему вліянію Бальзака, котораго онъ наивно сравниваетъ съ Эженомъ Сю и Фредерикомъ Сулье, предпочитая послѣднихъ.

Что касается до гг. Гонкуровъ, къ нимъ онъ относится благосклоннѣе. Это, конечно, происходитъ оттого, что онъ не занимается ихъ романами, но преимущественно ихъ книгой, озаглавленной: „Idées et sensations“, гдѣ ему почти не къ чему придратъся. Статья очень хороша; одна изъ лучшихъ между тѣми, которыя я перечелъ. Однако, онъ здѣсь является крайне строгимъ. Такимъ образомъ онъ говоритъ о „непочтительности сужденій, происходящей отъ недостатка религіи“. Онъ громко жалуется — вѣчная пѣсня — на то, что, по его мнѣнію, Гонкуры нарочно отыскиваютъ неблагопріистойности. „Къ чему, — говоритъ онъ, — ограничивать себя, лишать себя и другихъ пріятныхъ впечатлѣній, благодѣтельныхъ и полезныхъ ощущеній“. Замѣьте, что романисты-натуралисты не ограничиваютъ себя ничѣмъ; если они изобилуютъ иногда черными красками, то потому, что модели вынуждаютъ ихъ къ этому; но это *mot d'ordre* всѣхъ людей, помѣшанныхъ на изяществѣ. Здѣсь-то, въ примѣчаніи внизу страницы, Сентъ-Бѣвъ почувствовалъ потребность высказаться. Онъ пишетъ: „И такъ какъ я началъ высказываться, то и не останавлиюсь на полѣ-дорогѣ и, если нужно, готовъ погубить себя во мнѣніи многихъ и самыхъ дорогихъ для меня современниковъ: да, въ дѣлѣ вкуса, признаюсь въ своей главной слабости, люблю изящное“. Оно и видно. И вотъ Бальзакъ, Стендаль, Густавъ Флоберъ, Гонкуры — вся эта фаланга великихъ новыхъ романистовъ свалена въ одну кучу. Они не изящны — и потому осуждены.

Я стараюсь выяснить, почему Сентъ-Бѣвъ не могъ признать новыхъ писателей. Очевидно, онъ держался за древнихъ, какъ изнѣженный человѣкъ, котораго пугала немного суматоха нашего вѣка, и какъ кабинетный человѣкъ, любившій работать надъ мертвыми, что всегда удобнѣе. Ежеминутно вы находите у него подтвержденія въ

этомъ родѣ: „О! какъ пріятно перечитывать иногда древнихъ въ ихъ великихъ источникахъ!“ Конечно, эрудиція — хорошее качество въ литераторѣ; но я всегда полагалъ, что изученіе древнихъ должно служить чисто-интеллектуальной гимнастикой и средствомъ опредѣлять современную эпоху, указывая ея происхожденіе, констатируя ея настоящее и усматривая будущее состояніе. Ничего подобнаго нѣтъ у Сентъ-Бёва; по крайней мѣрѣ, такъ мало замѣтно, что нечего и говорить объ этомъ. Для него изученіе литературы остается забавою ума. Онъ не увлекается, какъ Тэнъ, литературными переворотами, совершающимися изъ вѣка въ вѣкъ. Громадная масса его статей, пропасть томовъ сочиненій, оставленныхъ имъ, не содержатъ въ этомъ отношеніи ни малѣйшаго указанія. Онъ разбираетъ въ отдѣльности каждого писателя и даже почти не группируетъ ихъ; поэтому онъ даетъ намъ, вмѣсто интересной исторіи романтизма, весьма неполныя отрывки, которыхъ совсѣмъ почти нельзя связать въ одно цѣлое. Вѣчная боязнь современности заставляла его уходить съ головой въ древность и терять нить. Видно однако, что въ молодости онъ надѣялся на романтизмъ; затѣмъ, когда романтизмъ сталъ трескаться по всѣмъ швамъ, онъ вообразилъ, что присутствуетъ при окончательной катастрофѣ—и, не видя передъ собой ровно ничего, онъ съ отчаянія уцѣпился за древнихъ, присутствовалъ при современной битвѣ, какъ скептикъ, не вѣрящій въ возможность победы и даже не понимающій изъ-за чего люди дерутся, но въ качествѣ дилеттанта воображающій, что можетъ все понять, или—вѣрнѣе—все допустить. Никогда онъ не подозревалъ, что литературное движеніе воплотится, въ концѣ-концовъ, въ тѣхъ романистахъ, которыхъ онъ не считалъ пріятными: въ Бальзака, Стендала, Густава Флобера. Вотъ гдѣ пробѣлъ въ его критикѣ, вотъ что умаляетъ его значеніе и не позволяетъ ему списать у потомства славу великаго критика.

IV.

Представьте себѣ исторію французской литературы, написанную Тэномъ. Эта исторія прежде всего дастъ намъ весь складъ нашей литературы, какъ его создавалъ каждый вѣкъ. Это будетъ законченное зданіе съ его фундаментомъ и всѣми постепенными этажами, и все это будетъ логически выведено, доказано и поддержано извѣстными законами. Можно будетъ прослѣдить его архитектуру, съ

ясностью разглядѣть различные стили всѣхъ эпохъ, видѣть, какими медленными путями переходили отъ одного стиля въ другому. Словомъ, произведеніе это будетъ исторіей движенія французскаго ума, совершившагося сквозь длинный рядъ вѣковъ. Безъ сомнѣнія, все это будетъ у Тэна черезъ-чуръ систематично, застынетъ въ механической формулѣ, но тѣмъ не менѣе планъ и методъ будутъ отличаться удивительной силой и ясностью. Теперь разберите долгій трудъ Сентъ-Бёва, многочисленные томъ, въ которыхъ онъ соединилъ сотни статей. Тутъ мы найдемъ матеріалы для исторіи нашей литературы, такъ какъ почти не существуютъ эпохи и писатели, которыхъ бы онъ не разобралъ. И что же! всѣ эти статьи, всѣ эти этюды представляются беспорядочными документами; они даютъ только интересныя замѣтки обо всѣхъ на свѣтѣ сюжетахъ. Я хорошо знаю, что надо принять во вниманіе условія, въ которыхъ они писались: изо-дня въ день, для журнала, безъ всякаго заранее составленнаго плана. Но въ нихъ нѣтъ даже общей идеи, какого-нибудь философскаго взгляда, общей и постоянной цѣли. Въ нихъ находишь только любопытство литератора, — любопытство, которое я уже характеризовалъ, гонящееся направо и налево, ради удовольствія доказать свой умъ передъ избраннымъ обществомъ, въ салонѣ, гдѣ васъ слушаютъ дамы. По теоріи Сентъ-Бёва надо было ограничиться анализомъ, никогда не дѣлать выводовъ, бѣжать синтеза, какъ непремѣннаго источника заблужденій, и оставить по себѣ только груду документовъ. Отсюда, вмѣсто исторіи французской литературы, которую мы все еще ждемъ и которую могъ бы написать Тэнъ, мы имѣемъ груду замѣтокъ, набросанныхъ Сентъ-Бёвомъ безъ всякаго порядка и въ сущности представляющихъ собою только матеріалъ, изъ котораго чей-нибудь выдающійся умъ извлечетъ со временемъ нѣчто цѣлое, классифицировавъ ихъ послѣ старательнаго просмотра и контроля.

Мнѣ какъ разъ приходятъ въ голову слова Клода-Бернара, справедливо замѣчающаго, что можно, въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ, накоплять документы и не подвинуть впередъ науку ни на одинъ шагъ, если не вывести изъ документовъ законы явленій. Изучать прошлое по кускамъ, чтобы изучить и разобрать писателей одного за другимъ — это превосходный трудъ и съ него пора начать. Но вѣчно дѣлать это дѣло, никогда не стараться въ данный моментъ, изучивъ, на примѣръ, всѣхъ писателей какой-нибудь эпохи, найти связь, соединяющую ихъ, ихъ предшественниковъ и ихъ преемниковъ, — словомъ, не стараться найти законъ, управляющій литера-

турнымъ движеніемъ въ обществѣ—это значитъ, лишиться всей выгоды своихъ первыхъ трудовъ, добровольно ограничить свой горизонтъ—это значитъ, набрать камней для зданія, которое выстроить другой. Такова была, строго говоря, роль Сентъ-Бёва. Это было въ его духѣ. Онъ не хотѣлъ допустить, чтобы существовала наука критики, какъ существуетъ наука химіи, или, по крайней мѣрѣ, самъ онъ отказался идти по этому научному пути, изъ литературной безгильности.

Я того мнѣнія, что журнальная критика, какъ она пишется многими, самая бесполезная и самая пустая вещь въ мірѣ. Она не имѣетъ даже того достоинства, какое представляютъ „документы“, потому что всѣ эти статьи, написанныя подъ вліяніемъ минуты и предразсудковъ толпы, совсѣмъ не вѣрны и не серьезны. Ни одно мнѣніе людей, пользующихся наибольшимъ вліяніемъ въ настоящую минуту, не переживетъ ихъ, потому что они слишкомъ абсолютны въ своихъ сужденіяхъ и разбираютъ писателя по одиночкѣ, не восходя до его происхожденія, до того мѣста, какое онъ занимаетъ въ движеніи извѣстной эпохи. Ихъ должна была бы увлекать не эта мелочная работа, не эти похвалы или порицанія, расточаемыя ими крупнымъ, какъ и мелкимъ талантамъ за благонравное поведеніе, а изученіе главныхъ чертъ, характеризующихъ каждый вѣкъ, группировка темпераментовъ, борьба школъ, непрерывное и прогрессивное движеніе умовъ. Вотъ великая критика, научная критика, уже получившая право гражданства. На мой взглядъ — писатель не что иное, какъ изолированная фраза изъ общаго, изъ полнаго концерта, которую нужно уловить. Если я интересуюсь художникомъ, который вслухъ высказался; если я съ любопытствомъ вникаю въ его произведеніе, то потому, что за этимъ произведеніемъ скрывается человекъ, а за нимъ — цѣлое общество, которое я хочу понять. Писатели извѣстной литературы превращаются въ „документы“, которые слѣдуетъ изучить, чтобы слѣдить за движеніемъ умовъ изъ вѣка въ вѣкъ и понять законы, управляющіе этимъ движеніемъ.

Возвратимся къ Сентъ-Бёву. Его статьи самыя многочисленныя — о писателяхъ прошлыхъ вѣковъ — несомнѣнно самыя лучшія и самыя полныя изъ всѣхъ. Онъ выказываетъ въ нихъ часто замѣчательную провѣщательность. Но, повторяю, въ нихъ недостаетъ обобщеній. Не стану разбирать всю эту массу, но остановлюсь на статьѣ о м-ше Дасье, которая, по-моему, подтверждаетъ, что я говорилъ выше о Сентъ-Бёвѣ. Онъ согласенъ, что борьба между древнимъ и новымъ

міромъ, ознаменовавшая собою конецъ восемнадцатаго вѣка, возобновляется непрерывно, что въ сущности она играетъ роль во всѣхъ нашихъ литературныхъ спорахъ, но не высказывается ни за ту, ни за другую сторону, нисколько не увлекается желаніемъ сдѣлать опредѣленный выводъ. Я не стану повторять здѣсь исторію этого спора, возбужденнаго въ 1830 г. романтизмомъ, а въ наше время натурализмомъ. Я удовольствуюсь только тѣмъ, что напомню, что во времена т-ше Дасье битва шла изъ-за Гомера, котораго она перевела и котораго Ламоттѣ желалъ возвеличить, передѣлавъ его на французскій ладъ. Нѣтъ сомнѣнія, что офранцуженная „Иліада“ послѣдняя, была очень неудобнымъ полемъ сраженія. Сентъ-Бёву легко было быть строгимъ. Но, какъ и самъ онъ признаетъ это, на этой плохой почвѣ приверженцы современности высказали много дѣльнаго и въ сущности побѣда осталась за ними. То было, на мой взглядъ, пробужденіе національнаго генія, послѣ шумнаго торжества древнихъ классиковъ въ эпоху возрожденія. Сентъ-Бёвъ хотя и старается быть безпристрастнымъ, но скорѣе склоняется на сторону т-ше Дасье. Онъ живетъ въ нашъ вѣкъ, но питаетъ нѣжность къ древнимъ и цитируетъ, напримѣръ, аббата Террасона, опередившаго насъ вѣкъ на полтора ста лѣтъ.

Прочтите хоть это: „Террасонъ, — говоритъ Сентъ-Бёвъ, — всего лучше показалъ, что на этотъ споръ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на частный случай и какъ на новое примѣненіе революціи, произведенной Декартомъ въ умственномъ порядкѣ. По его мнѣнію, Декартъ обновилъ, такъ-сказать, умъ человѣческій, поставилъ разумъ на мѣсто предубѣжденія. Это предубѣжденіе, уже побѣжденное въ физикѣ и въ точныхъ наукахъ, все еще существуетъ въ литературѣ: Гомеръ и Аристотель — вотъ два великихъ имени, все еще красующихся на порогѣ реторики и пѣтеньки. Надо вытѣснить авторитетъ съ этихъ послѣднихъ постоевъ. Итакъ, анализъ въ произведеніяхъ беллетристическихъ, — говоритъ намъ Террасонъ, — долженъ замѣнять опытъ въ физикѣ; и толковый умъ, приближающій къ опыту въ физикѣ, обратится къ анализу въ литературѣ“. Право, это могъ бы сказать намъ Клодъ-Вернарь. А дальше: „Естественныя науки сообщили точность литературѣ, а литература сообщила свое измѣщество естественнымъ наукамъ, но чтобы расширить и укрѣпить этотъ счастливый союзъ, который одинъ можетъ довести литературу до послѣдняго совершенства, необходимо свести ту и другія къ общему принципу, который есть не что иное, какъ духъ философіи“. Мы

бы не могли лучше выразиться въ настоящее время. Аббатъ Террасонъ—предокъ, передъ которымъ я почтительно преклоняюсь.

Сентъ-Бёвъ, впрочемъ, старается отдать ему справедливость, хотя и остается къ нему холоденъ: „Никогда,—говоритъ онъ,—не выражали болѣе рѣшительно и болѣе храбро *впру въ современность*, смѣло идущую впередъ во всѣхъ вопросахъ, чѣмъ аббатъ Террасонъ. Въ этомъ вопросѣ о Гомерѣ онъ нашелъ возможность выказать себя послѣдователемъ Декарта, предшественникомъ Тюрго, Кондорсе, Огюста-Конта и Эмерсона. Это значило шагнуть далеко впередъ, сравнительно съ кругозоромъ *м-ше Дасье*“.

Въ чемъ же упрекаетъ Сентъ-Бёвъ Террасона?—онъ упрекаетъ его въ непониманіи прекраснаго—и этого достаточно, чтобы осудить его. Объ этомъ многое пришлось бы сказать. Чувство прекраснаго является здѣсь философскимъ пунктомъ спора. Если я отрицаю абсолютное чувство прекраснаго, то мы съ Сентъ-Бёвомъ перестанемъ понимать другъ друга. Мы говоримъ на двухъ разныхъ языкахъ. Для меня древніе остаются историческими фактами, проявленіями ума при извѣстныхъ условіяхъ, не болѣе интересныя, чѣмъ проявленія ума въ мое время. Для Сентъ-Бёва древніе остаются догматами, въ которые должно вѣрить. Между тѣмъ и другимъ—цѣлая пропасть.

Изъ всего этого слѣдуетъ вывести, что Сентъ-Бёвъ высказываетъ сужденіе, которое я считаю безусловно ложнымъ. Онъ утверждаетъ побѣду современности, поражение Гомера, навязываемаго какъ неизмѣнный образецъ и прибавляетъ: „Восемнадцатый вѣкъ былъ наказанъ за это пристрастіе; утративъ пониманіе Гомера, онъ утратилъ также пониманіе великой и славной поэзіи; онъ вообразилъ, что по части стиховъ обладаетъ двумя *chefs d'oeuvre*: „*Henriade*“ и „*Rucelle*“. Отнынѣ надо будетъ ждать Бернардена-де-Сентъ-Пьеръ, Андре Шенье и Шатобріана, чтобы снова увидѣть нѣчто въ родѣ прежняго культа древнихъ, который *м-ше Дасье* отстаивала послѣдняя изъ вѣва Расина, Воссюэта и Фенелона“. Въ этомъ сужденіи все помому нелѣпо. Начать съ того, что пониманіе Гомера, которое Сентъ-Бёвъ приписываетъ *м-ше Дасье*, какъ разъ возросло, по-моему, благодаря философскимъ и научнымъ трудамъ восемнадцатаго вѣва. Скажите Леконтю де-Лилъ, послѣднему переводчику Гомера, про пониманіе Гомера *м-ше Дасье*, и онъ, конечно, улыбнется. Если въ настоящее время начинаютъ знакомиться съ Гомеромъ и съ древностью, то благодаря свободному изслѣдованію нашего времени, благодаря научной критикѣ, такъ что мы гораздо лучше понимаемъ

въ настоящее время древность, чѣмъ ее понимали въ концѣ семнадцатаго столѣтія. Бернардень де-Сентъ-Пьеръ, Андре Шенье и Шатобрианъ вѣрные сыны восемнадцатаго вѣка, до такой степени, что появленіе ихъ, кажется, абсолютно невозможнымъ раньше того обширнаго переворота, который ихъ создали. Такимъ образомъ, торжество современности въ эпоху м-ше Дасье не только не затемнило высокіе образы древности, но обезпечило переворотъ, долженствовавшій дать методъ для болѣе правильной ихъ оцѣнки.

Я настаиваю на этомъ потому, что ясно вижу нежеланіе Сентъ-Бѣва сдѣлать разумный выводъ изъ движенія умовъ. При своей эрудиціи онъ могъ возстановить связь между великими фазами исторіи нашей литературы. Онъ не захотѣлъ этого сдѣлать. Онъ предпочелъ оплакивать отсутствіе эпической поэмы, [химерической мечты, для которой наша социальная почва совсѣмъ не подходящая. Какъ бы то ни было, а у всякаго столѣтія есть свое дѣло, и дѣло восемнадцатаго столѣтія было достаточно прекрасное и обширное въ нашей исторіи, чтобы мы, преемники, не мечтали измѣнить его. По-моему, ничего не можетъ быть уже и бесплоднѣе точки зрѣнія Сентъ-Бѣва, который пренебрегъ превосходнымъ матеріаломъ для объясненія намъ происхожденія нашей новѣйшей литературы.

Безполезно, я думаю, умножать примѣры. Укажу еще однако на статью Сентъ-Бѣва о Ренанѣ; онъ нашелъ въ немъ родственный умъ и такую же эрудицію и изящество, а потому безусловно хвалить автора „Vie de Jésus“. Можно было бы также сдѣлать нѣсколько замѣчаній объ его этюдѣ о Теофилѣ Готье въ трехъ громадныхъ статьяхъ, нѣсколько неопредѣленныхъ и въ которыхъ я не могъ выудить ни одного рѣшительнаго сужденія. Самое рельефное мѣсто въ нихъ то, гдѣ онъ сравниваетъ Теофила Готье съ Альфредомъ-де-Мюссе и удивляется, что первый никогда не пользовался такою популярностью, какъ второй. Это удивленіе удивляетъ меня со стороны такого проникательнаго критика. Авторъ „Emaux et Camées“ не популяренъ по той простой причинѣ, что онъ только художникъ, а для того, чтобы трогать сердца, надо быть и человекомъ. Всякій скажетъ то же самое, потому что это очевидно, но Сентъ-Бѣвъ предпочелъ усложнить дѣло, и полагаетъ, что если одинъ только Мюссе проникъ въ массу, то потому, что публика можетъ сразу признать только одного поэта. Вотъ такъ истина, нечего сказать! и замѣтите, что факты говорятъ противное, потому что у насъ были въ одно время: Ламартинъ, Викторъ Гюгё и Альфредъ де-Мюссé. Короче сказать, изъ лучшихъ портретовъ остается портретъ

Альфреда де-Виньи; онъ очень золъ, но вѣренъ въ общихъ чертахъ. Скажу еще одно слово по поводу статьи о Полѣ Сентъ-Викторѣ. Сентъ-Бёвъ, отстаивавшій въ статьѣ о Теофилѣ Готье то, что я назову закутанной критикой, когда сужденіе маскируется фразами, здѣсь высказываетъ новую теорію, въ силу которой критика, разбирая какого-нибудь писателя, должна перенимать его тонъ. Признаюсь, что, по-моему, это значить отнять всякое достоинство у критика. Говоря про сладострастнаго человѣка, надо, слѣдовательно, принимать сладострастный тонъ, про поэта—поэтический и т. д. Какая прелесть! Я понимаю, что надо влѣзть въ шкуру человѣка, какъ говорятъ, но разъ это сдѣлано, необходимо стать выше его, чтобы высказать рѣшительный приговоръ. Сентъ-Бёвъ злоупотреблялъ въ своей критикѣ уклончивостью сужденій, доведенной до самоуничтоженія. Но предпочтительнѣе строгая правда.

Я исчерпалъ примѣры, которые хотѣлъ привести, и теперь перейду къ заключенію.

V.

Однако, прежде заключенія, я хочу еще, изъ добросовѣстности, указать, каковъ былъ взглядъ Сентъ-Бёва на новый міръ. Въ этомъ отношеніи любопытно прочесть его этюдъ о г. Викторѣ де-Лап्राдѣ. Онъ въ немъ жестокъ, хотя и отдаетъ полную справедливость поэту: „Г-нъ де-Лап्राдъ,—говоритъ онъ,—какъ большинство тѣхъ, которые увлекаются метафизикой, довольствуется словами, разсуждаетъ о пустыхъ или неопредѣленныхъ терминахъ. Онъ противопоставляетъ міръ чистыхъ идей міру чувственныхъ формъ, и съ трудомъ снисходитъ къ послѣднему. Онъ принимаетъ идеи безтѣлесныя, безформенныя; понимай, кто можетъ! Постоянно онъ занятъ ложнымъ благородствомъ человѣка, которое дѣлаетъ его бесплоднымъ, уродуетъ его, сажаетъ его на діету среди безконечности хаоса, мѣшаетъ ему пользоваться всѣми благородными силами, которыми онъ дѣйствительно владѣетъ. Но это потому, что онъ, г. де-Лап्राдъ, человѣкъ идеала! А вы, какъ вамъ уже давно было сказано, вы... кто же вы?.. вы—*реалисты*“. Сентъ-Бёвъ—реалистъ, это слишкомъ сильно сказано, но онъ хорошо характеризуетъ здѣсь великую роль, которую придаетъ физиологій въ аналитическомъ изученіи человѣка. Это не абстрактная концепція классической литературы, это человѣческое существо, каковыиъ его представляетъ природа, это научное изслѣдованіе міра. Онъ, который, въ

качества человѣка съ изящнымъ вкусомъ, негодуешь на Вальзака за его грубость, онъ осмѣиваетъ г. де-Лапрада за его отвлеченный идеалъ. „Фш!—говоритъ онъ, — вы будете говорить объ органахъ съ г. де-Лапрадомъ. Развѣ для него существуютъ органы? Онъ обходится безъ нихъ“. Далѣе, онъ, утонченный литераторъ, любитель древности, увлекается почти до защиты наукъ. „Такимъ образомъ, — пишетъ онъ, — оскорбленный защитникъ литературы и неопытный противникъ наукъ, г. де-Лапрадъ говоритъ: „эра истинныхъ ученыхъ, повидимому, кончилась; уже давно только примѣняютъ къ промышленности великія открытія прошлаго времени“. Почему эра ученыхъ кончилась? откуда онъ взялъ это? Пусть онъ только посмотритъ вокругъ себя“. Наконецъ, увлекшись окончательно, онъ доходитъ до того, что почти предсказываетъ будущую поэзію, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „что касается истинной поэзіи, которая не состоитъ исключительно въ описаніи внѣшнихъ формъ, она родится изъ чуждеса новаго міра, она съумѣетъ ужиться съ нимъ и даже вдохновиться имъ, если случайно встрѣтитъ душу и талантъ, созданные по ея мѣрѣ и по новому способу: это тайна оригинальности. Критика не въ состояніи ни уводить, ни ввести ея“. Итакъ, Сентъ-Бевъ — нашъ, и вполне нашъ.

Возвратимся къ критикѣ, и здѣсь мы найдемъ его равнымъ образомъ рѣшившимся говорить всю правду, судить каждого съ научной строгостью. Въ одномъ изъ его писемъ къ г. Берсо я нахожу весьма типическую страницу: „Я не питаю въ сердцѣ никакой злобы и уваженія тѣхъ, кто въ какой-нибудь мѣрѣ былъ моимъ учителемъ; но вотъ уже тридцать-пять лѣтъ, какъ я живу вмѣстѣ съ Вильменомъ, столь великимъ талантомъ, острымъ умомъ, столь обильнымъ благородными, либеральными, филантропическими, христіанскими, цивилизаторскими и тому подобными чувствами, — и самой грязной душой, самой злобной обезьяной, которая когда-либо существовала! Какъ поступить при опредѣленіи его? какое заключеніе выводить о немъ? Восхвалять ли его благородныя, возвышенныя чувства, какъ это неизмѣнно дѣлаютъ около него, и, такъ какъ это противно истинѣ, быть обманутымъ самому и обманывать другихъ? — Неужели ученые, историки и проповѣдники-моралисты — только комедіанты, которыхъ мы не имѣемъ права трогать ни въ той роли, которую они себѣ назначили и приняли? Слѣдуетъ ли разбирать только до тѣхъ поръ, пока они фигурируютъ на сценѣ? Или можно, зная истину, смѣло, хотя и нескромно закусать скальпелемъ и указывать недостатки въ бронѣ? Раскрывать разницу между талантомъ и душой? Хвалить

одинъ, но указывать недостатки другой, которые отражаются на самомъ талантѣ и оказываютъ свое дѣйствіе съ теченіемъ времени? Потеряетъ ли отъ этого литература? это возможно; но нравственность выиграетъ. Мы приходимъ къ тому роковому образомъ... Разъ приподнимешь нѣсколько покровъ съ общества и съ природы, то увидишь только войны, борьбу, разрушеніе и перестройки. Этотъ Лукреціевскій взглядъ на критику вовсе не веселъ, но, разъ до него дошелъ, его предпочитаешь, несмотря на его высокую печаль, поклоненію кумирамъ". Эта послѣдняя фраза глубока и великодушна. Она заключаетъ въ себѣ всю философію научной критики. А какая ясность, весьма рѣдкая у Сентъ-Бёва, въ этомъ крикѣ: „мы приходимъ къ этому роковому образомъ"! Когда Сентъ-Бёвъ писалъ эту страницу, онъ былъ достоинъ понимать Бальзака.

Теперь я могу вывести заключеніе, потому что, по моему мнѣнію, отдавъ Сентъ-Бёву должную справедливость. Мое заключеніе, впрочемъ, будетъ только простымъ гешмѣ. Итакъ, вотъ Сентъ-Бёвъ, вскормленный на классической литературѣ, знакомый съ медициной, опирающийся на современную науку и на классическую литературу. Первый пылъ молодости, слишкомъ пламенная потребность въ женщинѣ, бросають его въ романтическое движеніе; онъ—поэтъ, и притомъ поэтъ самый напыщенный, самый разнузданный. Любовная связь удерживаетъ его въ области романтизма и почти совращаетъ его въ католицизмъ, его, эклектика и скептика, который ко всѣмъ религіямъ относится съ одинаковымъ любопытствомъ. Но онъ скоро освобождается, онъ не настолько гениаленъ, чтобы упорствовать въ лирическомъ безуміи. Разъ онъ не влюбленъ, онъ ясно видитъ звучную пустоту и сумасшествіе преувеличенія поэтовъ своего времени.

Поэтому, побуждаемый критическимъ чутьемъ, онъ скоро обращается противъ предметовъ своего прежняго обожанія. Его считаютъ ренегатомъ, и это совсѣмъ несправедливо, потому что онъ не рожденъ романтикомъ, онъ былъ увлеченъ въ ихъ ряды горячкой того времени; кризисъ возмужалости прошелъ, онъ возвращается къ своему настоящему характеру, къ той критической любовательности, любви къ истинѣ, къ тому пріятному равновѣсію между крайностями, которое его характеризовало. Однако, переходъ черезъ романтизмъ нибѣтъ для него рѣшительныя послѣдствія: онъ оставилъ тамъ всѣ свои юношескія надежды, и видя, какъ разбиваются его кумиры, онъ теряетъ вѣру въ будущность, онъ ничего не ожидаетъ отъ завтрашняго дня, онъ отступаетъ въ классическую эпоху, съ нѣмымъ ужасомъ и очевиднымъ отвращеніемъ ко всѣмъ новшествамъ. Только его великій

умъ поможетъ ему одолѣть этотъ страхъ и отвращеніе, такъ что къ концу своей жизни онъ приметъ новое литературное направленіе, несмотря на свой темпераментъ, который помѣшаетъ ему свободно рукоплескать продуктамъ этого направленія. Отнынѣ въ этомъ выразится весь Сентъ-Бёвъ. Онъ пойдетъ очень далеко въ своихъ письмахъ; онъ поставитъ превосходные принципы, нападая на безстрастныхъ поэтовъ, въ родѣ г. де-Лапрада; онъ пойметъ новый міръ, — въ замѣчаніяхъ, разбросанныхъ тамъ и сямъ въ своихъ этюдахъ, въ короткихъ разсужденіяхъ объ общихъ вопросахъ. Но онъ будетъ возмущенъ, когда новый методъ найдетъ приложеніе, благодаря могучимъ умамъ, съ роковымъ насиліемъ реакціи. Изнѣженный человѣкъ, который постоянно дремлетъ въ немъ, пробуждается при малѣйшей грубости, избыткѣ силы, рѣзкости, оскорбляющей его. И онъ не въ состояніи простить этихъ увлеченій мужественныхъ натуръ. Его столь гибкій умъ не повинуется, столь ясно видящіе глаза закрываются, онъ тотчасъ начинаетъ твердить о необходимости изящества, онъ хочетъ, чтобы писатель нравился, потому что потребность нравиться составляла мученіе его жизни, при томъ пренебреженіи, которое, какъ намъ разсказываютъ, ему приходилось переносить въ любви. Его продолжительное озлобленіе противъ Бальзака не имѣетъ другой причины, и также его отказъ восхищаться Стендалемъ, и его придираніе къ произведеніямъ Густава Флобера и Гонкуровъ. Этотъ сластолюбецъ, убивающій уколами булавки, не можетъ вынести этихъ цѣломудренныхъ людей, которые внушаютъ къ себѣ почтеніе могущественною красотою анализа. Они не имѣютъ съ нимъ ничего родственнаго; онъ никогда не пойметъ ихъ. Вотъ слабый пунетъ, вотъ кара, постигшая этотъ широкій и живой умъ. Онъ, который хвалился, что все оцѣнилъ, все понялъ, не могъ ни оцѣнить великихъ новыхъ романистовъ, ни понять рѣшительнаго вліянія, которое они должны были имѣть надъ вѣкомъ. Читая полное собраніе его статей, дивнись похваламъ, которыя онъ расточаетъ очень посредственнымъ писателямъ, третьестепеннымъ романистамъ, и въ то же время такъ яростно оспариваетъ могущество Бальзака и превосходство Стендала. Его странная судьба заключается въ томъ, чтобы быть справедливымъ къ второстепеннымъ людямъ, назначить каждому свое мѣсто, не будучи въ состояніи рѣшиться поставить выше другихъ тѣхъ, которые заслуживаютъ перваго мѣста. Такимъ образомъ, его критика была безголовая, она лишена ореола свѣта и не осѣщаетъ будущаго; она не опредѣлила великаго теченія нашего вѣка, не намѣтила широкаго пути для нашихъ новыхъ гениевъ. Это

отрывистая бесѣда о литературѣ, замѣчанія, полныя интереса, документы, съ которыми мы всѣ должны совѣтоваться, но въ которыхъ очень мало опредѣленныхъ сужденій и много мѣстъ, написанныхъ подъ вліяніемъ предубѣжденія, подъ диктовку личнаго темперамента, несмотря на постоянное и очень серьезное стремленіе къ безпристрастности. Можно сказать, что Сентъ-Бёвъ взялся за разрѣшеніе всѣхъ задачъ критика; но не счумѣлъ рѣшить самыхъ главныхъ, по недостатку естественности, по своей боязни передъ силой и по совершенно классическому понятію о вкусѣ. Здѣсь остановилось и рушилось его пониманіе генія новыхъ временъ.

Заканчивая, я повторяю, что не имѣлъ намѣренія написать о Сентъ-Бёвѣ полный этюдъ, но только хотѣлъ разобрать его роль въ современной критикѣ. Теперь слѣдовало бы анализировать „*Volupté*“, этотъ до того мудреный, запутанный романъ, что я никогда не могъ развернуть его, не вспомнивъ о странномъ упрекѣ Сентъ-Бёва Бальзаку, котораго онъ находить темнымъ и труднымъ для чтенія. Следовало бы также изучить поэта и историка Портъ-Ройяля, чтобы вполне представить себѣ эту личность. Я не указалъ даже различныя манеры критика, такъ какъ Сентъ-Бёвъ имѣлъ ихъ по крайней мѣрѣ двѣ, или, лучше сказать, его критика становилась шире и все болѣе и болѣе проникалась человѣческимъ анализомъ. Но вообще я высказалъ все, что хотѣлъ сказать; остальное меня мало касается. Однако я сожалею, что не говорилъ о Сентъ-Бёвѣ-политикѣ. Онъ не позволялъ себѣ заниматься политикою; онъ считалъ себя чистымъ писателемъ. Однако можно бы было изучать его параллельно съ различными слѣдовавшими другъ за другомъ правительствами, и это имѣло бы нѣкоторый интересъ. Онъ всегда сердился на іюльскую монархію, два раза отказывался отъ ордена, который ему жаловалъ Луи-Филиппъ; признаюсь, я не знаю причинъ этого отвращенія, которыя не проскальзываютъ ни въ одномъ изъ его сочиненій. Революція 1848 г. возмутила его; всѣ помнятъ исторію о сотнѣ франковъ, найденной на его имя въ спискѣ секретныхъ фондовъ; обвиненіе было нехлѣпо, онъ съ жаромъ защищался, оставилъ должность бібліотекаря и уѣхалъ въ Бельгію. Наконецъ, онъ, казалось, нашелъ въ имперіи правительство по вкусу: именно, онъ объявляетъ нѣсколько разъ, что сожалеетъ объ имперіи, считая ее необходимой и полезной. Въ 1852 г. 23 августа, тотчасъ же вслѣдъ за государственнымъ переворотомъ, онъ напечаталъ статью подъ заглавіемъ „*les Regrets*“, надѣлавшую много шума. Въ ней онъ подшучивалъ надъ либералами 1830 г., которые, пользуясь властью при Луи-Филиппѣ, благо-

даря революціи, не хотѣли допустить того, чтобы другіе люди имъ подражали при зарождающейся имперіи. Здѣсь есть прекрасная страница о честолюбивомъ стремленіи къ власти и о томъ, что онъ называется „болѣзнью потерянной власти“. Онъ высказываетъ здѣсь колѣнѣйшее пренебреженіе къ республикѣ, которую называетъ „анархическимъ промежуткомъ“. Этотъ умъ, воспитанный на греческой древности, не цѣнилъ даже аѳинской республики. Безъ сомнѣнія, онъ питалъ къ монархической формѣ правленія любовь ученаго, иѣжность кабинетнаго человѣка, который страшится уличнаго шума. Поднимающаяся волна демократіи была, конечно, одною изъ причинъ, безпокоившихъ его за новое время. Онъ принадлежалъ къ вѣку великаго короля, мечталъ быть Буало, любимцемъ двора, царящимъ надъ литературой, царствующимъ вмѣстѣ съ Людовикомъ XIV: Можно даже сказать, что кресло въ сенатѣ, которымъ почтилъ его позднѣе Наполеонъ III, было для него настоящей пенсіей въ 30,000 франковъ. И, кажется, было давно пора, потому что Понсъ пишетъ слѣдующее: „Онъ не могъ болѣе, несмотря на двадцать или двадцать пять тысячъ франковъ, зарабатываемыхъ имъ перомъ, справляться съ постоянно возрастающими издержками, которыя причиняли ему окружающая роскошь и все болѣе и болѣе разорительныя сношенія“. Безъ сомнѣнія, это кресло заставило долго ожидать себя, и Сентъ-Бѣвъ подъ вонецъ былъ очень озлобленъ на ту самую имперію, которую привѣтствовалъ въ началѣ и которая оказалась столь скупой и безчеловѣчной относительно литературы. Когда онъ написалъ эту фразу, въ своей статьѣ „Regrets“: „я благодаренъ всякому правительству, которое обеспечиваетъ для меня порядокъ и гарантіи цивилизаціи, свободное развитіе моихъ способностей посредствомъ труда, я благодаренъ ему, и готовъ, съ своей стороны, его поддерживать...“,—орлеанисты имѣли полное право отвѣчать ему, что онъ былъ въ своей роли, привѣтствуя новое правительство, отъ котораго онъ могъ всего ожидать; тогда какъ если они жаловались, такъ именно потому, что ничего не могли ожидать, по крайней мѣрѣ въ теченіи долгаго времени. И обратите вниманіе на постоянную борьбу, происходившую въ самомъ Сентъ-Бѣвѣ: онъ стоитъ заабсолютную власть, онъ провозглашаетъ право сильного, а затѣмъ, вступивши въ сенатъ, онъ же поднимаетъ такую бурю, защищая свободу мысли. Онъ является намъ тутъ весь, какъ есть: человѣкъ прошлаго, по своимъ литературнымъ вкусамъ, любящій тишину и порядокъ, но, человѣкъ настоящаго, лишь только возмутить его разумъ и его интеллигенцію,—тогда онъ начинаетъ сердиться, и провозглашаетъ всѣ побѣды литературнаго и научнаго

духа. Онъ играетъ въ политикѣ ту же роль, что въ критикѣ, онъ мечтаетъ о диктатурѣ надъ умами, во имя порядка, а лишь только ему покажется, что умамъ угрожаетъ стѣсненіе въ ихъ проявленіяхъ, онъ желаетъ освободить ихъ, во имя современныхъ идей.

По правдѣ сказать, онъ не игралъ никакой политической роли. Онъ былъ чужимъ для второй имперіи, которая его не понимала. Тутъ есть аномалія, которая должна будетъ особенно соблазнять біографа. Когда же Сентъ-Бёвъ умеръ, республиканцы устроили ему похороны, достойные князя литературы.

Эмиль Зола.

ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА.

ЧЕРНИЛЬНАЯ ВОЙНА.

Однимъ изъ фактовъ, обращающихъ на себя въ Европѣ общее вниманіе была, такъ-называемая, „война перьями“ (Federkrieg), русскихъ газетъ съ нѣмцами. Но едва-ли русская печать, имѣвшая честь впервые удостоиться такого общаго вниманія, была бы въ правѣ имъ гордиться. Печать можетъ гордиться своей ролью только въ томъ случаѣ, если ей придается значеніе, какъ органу настроенія и мысли того народа, который она призвана представлять. Но въ данномъ случаѣ роль русской печати понималась за-границею не совсѣмъ въ этомъ смыслѣ; по крайней мѣрѣ заявленіямъ русской печати придавалось тамъ большое значеніе не потому, что въ нихъ видѣли голосъ русскаго общества. За-границей, и въ особенности въ Германіи, важнымъ казался не тотъ фактъ, что русскія газеты расположены не совсѣмъ дружелюбно къ кн. Бисмарку, но тотъ фактъ, что русскимъ газетамъ представлялась возможность открыто высказывать такое расположеніе. Сами по себѣ, ни русская печать, ни русское общество на Западѣ — правильно или нѣтъ, это другой вопросъ—еще не считаются за силы самостоятельныя. Но замѣчательно было и то, что наши газеты, въ свою очередь, также обращали особенное вниманіе не на заявленія тѣхъ нѣмецкихъ газетъ, которыя служатъ органами общественныхъ партій въ Германіи, но на выходки тѣхъ газетъ, которыя служатъ органами самому князю Бисмарку. Печать другихъ странъ, посторонняя свидѣтельница этихъ споровъ (вполнѣ допуская считающійся, впрочемъ, общественнымъ фактъ, что въ Россіи не любятъ Германію, а въ Германіи не любятъ Россію) видѣла въ газетной войнѣ не только отраженіе національной антипатіи, сколько счеты иного, болѣе личнаго характера, имѣющіе значеніе болѣе дипломатическое, чѣмъ народное. Достаточно сказать, что въ связи съ этой „войной перьевъ“ истолковывались положительные факты, какъ-то: фактъ, что русскій канцлеръ, при поѣздкѣ чрезъ Берлинъ, не имѣлъ свиданія съ германскимъ канцлеромъ, фактъ приѣзда фельдмаршала Мантейфеля въ Варшаву, свиданіе въ Александровѣ, свиданіе въ Гаштейнѣ и, наконецъ, поѣздка

князя Бисмарка въ Вѣну для засвидѣтельствованія заслугъ графа Андранш и для преподанія наставленія его преемнику — барону Гаймерле. Неужели же событія такой важности могли быть вызваны такимъ или инымъ самостоятельнымъ настроеніемъ русскихъ газетъ, или хотя бы независимымъ мнѣніемъ газетъ германскихъ?

Предметомъ полемики, надѣлавшей столько шума, былъ вопросъ о томъ: оказала ли Германія достаточную поддержку требованіямъ Россіи на берлинскомъ конгрессѣ; дѣйствительно-ли Германія старалась о возможно-большемъ успѣхѣ русскихъ требованій? Или же Германія вела двойную игру: сама видѣла въ берлинскомъ конгрессѣ, преимущественно — средство къ умаленію фактическихъ успѣховъ уже осуществленныхъ русскимъ оружіемъ, и побудивъ Россію, давленіемъ всей Европы, отказаться отъ главнѣйшей части этихъ успѣховъ, закончила торжество русскаго оружія за Балканами отдачею Балканскаго полуострова подъ вліяніе Австро-Венгріи; такъ что заключительнымъ актомъ нашихъ побѣдъ явилось занятіе Босніи и Герцеговины австрійцами.

Вопросъ этотъ, самъ по себѣ, есть какъ бы ретроспективный, и наблюдатель незаинтересованный въ текущихъ дѣлахъ обѣихъ сторонъ имѣлъ бы, конечно, формальное основаніе сказать имъ: не горячитесь изъ-за этого историческаго вопроса, предоставьте его разсмотрѣніе спокойному суду исторіи.

Но дѣло въ томъ, что въ ближайшемъ прошломъ ищутъ указаній для ближайшаго будущаго, и вотъ почему горячіе споры продолжаютъ по-прежнему, несмотря на то, что одной изъ сторонъ сдѣлано было даже внушеніе объ умѣренности, какого другая сторона не получила. А такъ какъ эта сторона, т. е. печать германская, продолжаетъ свои нападки на „національную несправедливость“ и „національную политику“, или „виды фанатическаго панславизма“, однимъ словомъ, на какую-то реальную силу, которую она предполагаетъ позади русской печати, то естественно, что споръ этотъ и вслѣдствіе односторонняго призыва къ умѣренности — прекратиться не могъ. У насъ отвѣчаютъ на нападки, которыхъ берлинское Press-Vueau не осуждало.

Изъ сужденій объ этомъ образовалась цѣлая литература, и въ половинѣ сентября сказанный вопросъ оставался на „очередномъ порядкѣ“ болѣе чѣмъ когда-либо, такъ какъ съ нимъ приводилась въ связь побѣда кн. Бисмарка въ Вѣну. Въ европейской печати установилась легенда, будто бы съ одной стороны была произнесена окончательная фраза въ такомъ смыслѣ, что „Россія расквиталась съ Германією“, съ другой же стороны, — какъ то можно найти въ

любомъ номерѣ любой нѣмецкой газеты—дѣло представляется съ такой перспективой, будто кн. Бисмаркъ въ Вѣнѣ устроилъ отдѣльный союзъ между Германіею и Австріею и будто бы этотъ союзъ главнымъ образомъ направленъ противъ Россіи, такъ что прежній союзъ трехъ императоровъ окончательно пересталъ существовать и Россія въ настоящее время „вполнѣ изолирована въ Европѣ“.

Возможно ли было бы русскимъ газетамъ мечтать, что онѣ собственнымъ своимъ значеніемъ произвели такое дѣйствіе, которое расторгло союзъ трехъ императоровъ и побудило кн. Бисмарка заключить отдѣльный союзъ съ Австро-Венгріею противъ Россіи? Разумѣется—нѣтъ. Если этотъ союзъ дѣйствительно заключенъ, то, конечно, не газетная полемика вызвала его заключеніе, а нѣчто иное, и самой полемикѣ придавалось значеніе единственно настолько, насколько въ ней предполагалось отраженіе разлада вовсе не газетнаго и не національнаго.

Берлинскій конгрессъ, дѣйствительно, вынудилъ Россію къ огромнымъ уступкамъ изъ того положенія, которое было создано ея оружіемъ, и изъ первоначальныхъ требованій ея, признанныхъ Портою. Но вѣдь это было въ прошломъ году, и съ тѣхъ поръ произошло у насъ такъ много, что для русскаго общества именно восточный вопросъ совершенно утратилъ прежній жгучій интересъ. А между тѣмъ, чернильная война особенно возгорѣлась нынѣшнимъ лѣтомъ. Первымъ поводомъ къ ней было нѣчто такое, что произошло около времени празднованія „золотой свадьбы“ императора Вильгельма, нѣчто такъ и оставшееся невыясненнымъ. Другимъ поводомъ было начало наступательнаго движенія австрійскихъ войскъ въ ново-базарскій санджакъ, для занятія условленныхъ съ Портою пунктовъ; у насъ какъ будто ожидали, что мысль объ этомъ движеніи австрійскихъ войскъ впередъ, прерванномъ зимою, будетъ окончательно оставлена; а оказалось, что она оставлена не была. Третій поводъ дали таможенные мѣры германскаго канцлера, направленные въ значительной степени противъ Россіи.

Когда вслѣдствіе всѣхъ этихъ поводовъ, въ томъ числѣ и перваго (оставшагося невыясненнымъ) русскія газеты подняли вопросъ о томъ разочарованіи, какое уготовалъ Россіи на берлинскомъ конгрессѣ „честный маклеръ“, то органы князя Бисмарка воспользовались нѣкоторыми внутренними явленіями въ Россіи, чтобы обвинить въ нигилизмѣ наиболѣе воинственныя изъ русскихъ газетъ, а при этомъ случаѣ заговорили и о какихъ-то вліятельныхъ въ Россіи лицахъ, которые будто-бы были виновны въ попусщеніи нигилизма. Все это представляло органамъ германскаго канцлера случай требовать уси-

ленно- карательныхъ мѣръ противъ русской печати, выставить какъ можно болѣе незрѣлость русскаго общества и стараться бросить тѣнь на неправившихся имъ лицъ.

Отсюда понятно, что къ нѣсколько искусственному задору, съ которымъ русскія газеты сперва занялись перетрачиваніемъ протоколовъ берлинскаго конгресса, присоединилась нота вполне искренняго и основательнаго негодованія на такое реакціонерное крючкотворство, недостойное печати и немыслимое ни въ какой иной печати, кромѣ германскихъ и русскихъ реакціонерныхъ органовъ, черпающихъ въ сущности изъ одного и того же источника.

Но насколько сѣтованія русскихъ газетъ на реакцію, представляемую органами кн. Висмарка въ Пруссіи и рекомендуемую ими же Россіи, истекали изъ упомянутаго, вполне естественнаго негодованія, настолько жалобы эти уже удалялись отъ повода, который продолжалъ имъ служить формальнымъ основаніемъ, именно — отъ сомнительной услуги, оказанной Россіи Германіею во время берлинскаго конгресса.

Итакъ, во всей этой полемикѣ дѣйствовало нѣсколько возбуждающихъ причинъ, довольно разнообразныхъ. Признавая сѣтованія на недостойныя выходы оффиціозныхъ прусскихъ газетъ противъ русскаго общественнаго развитія естественными и законными, мы съ своей стороны должны отдѣлать отъ нихъ и признать порядочно легкомысленными жалобы русскихъ газетъ на роль Германіи во время берлинскаго конгресса и на тѣ послѣдствія этой же роли, какія представляются вступленіемъ австрійцевъ въ ново-базарскій санджакъ и дипломатическимъ сближеніемъ между Германіею и Австріею, сближеніемъ, которое уже привело будто бы къ заключенію ими „оборонительнаго союза“ противъ Россіи и „изолированію Россіи въ Европѣ“.

Начать съ того, что никто не можетъ такъ изолировать Россію, какъ изолируетъ себя она сама всѣмъ тѣмъ, что въ ней происходитъ. Нѣмецкія газеты твердятъ, что всѣ новѣйшія русскія попытки вѣрнуться союзомъ съ Франціей останутся теперь совершенно безплодными, вслѣдствіе заключенія союза между Германіею и Австро-Венгріею. Но возможно-ли допустить мысль, чтобы у насъ кто-нибудь серьезно помышлялъ о союзѣ съ Франціею? Нѣтъ, это по всему слишкомъ невѣроятно. Когда вслѣдствіе той дипломатической размовки, которую принято было называть только газетной, въ самой французской печати были высказаны нѣкоторыя догадки о возможности союза Франціи съ Россіею, то замѣчательно, что это было дѣломъ однихъ реакціонерныхъ органовъ, газетъ прежней коалиціи 24 мая, а республиканскія, т.-е. правительственныя газеты отнеслись къ этому предположенію отрицательно.

Въ самомъ дѣлѣ, за что у насъ теперь жалуются на Германію? За то, что она, когда была наша очередь воспользоваться побѣдой, не оказала намъ той поддержки, какой мы были въ правѣ ожидать отъ ея благодарности. Но спросимъ себя: за что она обязана намъ благодарностью? На чей счетъ мы приобрѣли право на благодарность Германіи? И неужели Франція могла бы положиться на много-летний разладъ между союзниками въ распредѣленіи тѣхъ выгодъ, какія были ими приобрѣтены раздробленіемъ Франціи. Сама газета „Temps“, органъ французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, напоминаетъ, что Россія, „въ 1870 г. была истиннымъ арбитромъ войны, а слѣдовательно и соучастницей въ томъ, что постигло Францію“; напоминаетъ „благодаренія, выраженные императоромъ Вильгельмомъ русскому правительству въ самый день подписанія предварительныхъ условій мира (съ Франціею), какъ-бы для того, чтобы яснѣе утвердить солидарность обѣихъ имперій въ нашемъ пораженіи“; и затѣмъ спрашиваетъ: „и развѣ Россія не поспѣшила воспользоваться нашими несчастіями для того, чтобы разорвать трактатъ 1856 года?“ Основная же мысль статьи „Temps“ та, что сближеніе съ Россіею связало бы Францію съ такимъ настроеніемъ русской дипломатіи, которое можетъ оказаться преходящимъ, а затѣмъ только компрометтировало бы Францію. И, въ виду событій, создавшихъ нынѣшнее положеніе дѣлъ въ Европѣ, нельзя не признавать естественнымъ такую недовѣрчивую осторожность Франціи и нежеланіе ея компрометтировать себя для того только, чтобы доставить намъ удовольствіе удачной демонстраціи, которая нужна на минуту, но завтра же можетъ оказаться ненужной и уступить мѣсто болѣе тѣмъ когда-либо тѣсной дружбѣ Россіи съ Германіею.

Что бы ни говорили, не одни національные интересы обуславливаютъ союзы, и даже союзы долговременные. Весьма важную роль играютъ при этомъ и сочувствія, потому что политическія сочувствія представляютъ собой также интересы, вытекающіе изъ сходства общихъ политическихъ взглядовъ. А въ этомъ смыслѣ, съ самою французскою революціею (первою), прочный союзъ для насъ былъ вѣроятенъ только съ Пруссіею и Австріею. Если мы нѣсколько расходились съ одной изъ этихъ державъ, или, лучше сказать—съ однимъ изъ этихъ правительствъ, то настолько же тѣснѣе сходились съ другимъ. Такъ было въ 1851 году, когда мы за-одно съ австрійскимъ правительствомъ унизили Пруссію и заставили ее отречься отъ всѣхъ ея либеральныхъ начинаній въ Германіи. Такъ было въ 1854—55 годахъ, когда одновременно съ тяготѣніемъ Австріи къ нашимъ противникамъ въ войнѣ съ тою же Турціею, мы получали черезъ

Пруссію тайно и оружіе, и порохъ. То же самое было въ 1866 году, когда мы нейтрализовали въ пользу Пруссіи и въ ущербъ Австріи — Францію, а также въ 1870 году, когда въ ущербъ Франціи и въ пользу Пруссіи мы нейтрализовали Австрію.

Такимъ образомъ мы уже давно, съ самой зры новыхъ политическихъ идей въ Европѣ изолированы отъ всей Европы, исключая Пруссію и Австрію. Но если бы кн. Бисмарку удалось теперь составить оборонительный союзъ противъ насъ, между Германією и Австрією, то наша дипломатическая традиція послѣднихъ 70 лѣтъ въ самомъ дѣлѣ привела бы насъ къ безысходному положенію: ни на Австрію противъ Пруссіи, ни на Пруссію противъ Австріи опираться было бы уже невозможно и тогда мы оказались бы дѣйствительно „изолированными въ Европѣ“.

Приходилось бы придумать новую комбинацію. Но никакой новой комбинаціи придумать нельзя на одинъ случай. Измѣнить же вообще систему нашихъ союзовъ — это представляется не только труднымъ, но мало-вѣроятнымъ. Вѣдь для этого прежде всего пришлось бы видоизмѣнить свои общія политическія воззрѣнія. Напр., признать, что Европа можетъ не погибнуть, хотя бы въ центрѣ ея и не было такого „могучаго оплота консерватизма“, какимъ намъ представляется располагающее силами всей Германіи вышнее прусское правительство. Можетъ быть, со временемъ, когда сами свойства правительства въ Пруссіи измѣнятся, когда въ Германіи парламентскій принципъ станетъ дѣйствительно господствовать, мы и придѣмъ къ убѣжденію, что сильная Германія вовсе не составляетъ прочнаго оплота консервативныхъ идей. Вотъ тогда исключительныя сочувствія наши могутъ охладѣть и станутъ возможною новой комбинація, то-есть такая, въ которой мы впередъ допускали бы мысль объ ослабленіи Германіи, переставшей быть „оплотомъ“ — въ пользу Франціи, которая, въ свою очередь, перестала бы казаться намъ нугаломъ. Но это будетъ, во всякомъ случаѣ, не очень скоро. А на какое-нибудь минометное сближеніе съ Россією, которое послужило бы только въ предложенію намъ тотчасъ же со стороны германскаго правительства выгодъ болѣе вѣрныхъ, чѣмъ какія могла бы теперь посулить намъ Франція, — эта послѣдняя держава не пойдетъ. Это значило бы съ ея стороны, въ самомъ дѣлѣ, „доставать для насъ изъ огня каштаны“ и самой скоро обжечься, или, какъ выражается органъ г. Ваддингтона, „компрометтировать себя“.

Правда, люди, считающіе возможнымъ смѣнять систему союзовъ столь же легко, какъ смѣняется платье, говорятъ, что Франція охотно приняла бы къ Россіи, потому что обязана ей благодар-

ностью за свое спасеніе отъ новаго покушенія кн. Бисмарка въ 1875 году. Сказать мимоходомъ,—странное дѣло: оказывается, что на всѣ стороны мы заслужили благодарность, а между тѣмъ никто благодарности намъ не выказываетъ. Мы не такъ еще давно спасли Австрію и, однакожъ, она, какъ извѣстно, „удивила міръ своей неблагодарностью“. Мы существенно помогли созданію Германской имперіи, сперва на счетъ Австріи, потомъ на счетъ Франціи—и все-таки Германская имперія недостаточно выказываетъ свою благодарность и даже составляетъ съ самой Австріей „оборонительный“ отъ насъ союзъ. Мы въ 1875 году спасли Францію, и думали приобрести благодарность Франціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ сохранить и благодарность Германіи. Мы доставили независимость Сербіи и Румыніи—и, однакожъ, въ этихъ странахъ никакой благодарности къ намъ незамѣтно.

Да и не слишкомъ ли много ихъ было бы, если бы онѣ всѣ оказывались налицо, не противорѣчили-ли бы нѣсколько всѣ эти благодарности одна другой? Если главной задачей русской политики въ Европѣ должно было служить освобожденіе христіанъ отъ турецкаго ига и сближеніе съ славянами, та задача, которую Россія исполняла въ 1828—29, въ 1853—56 и 1877—78 годахъ, то для чего же въ 1848 году, всего за пять лѣтъ до восточной войны, мы спасли Австрію, которая всегда была и впредь будетъ главной помѣхой въ исполненіи нашей главной задачи? Для чего въ 1866 году мы отнелись благопріятно къ такому преобразованію Германіи, которое исключало изъ нея Австрію и, по признанію самого Бисмарка, высказанному еще въ 1859 году (въ то время, когда онъ былъ прусскимъ посланникомъ въ Петербургѣ) имѣло цѣлью „отодвинуть Австрію на Востокъ“, то-есть сдѣлать исключительной цѣлью ея политики—противодѣйствіе намъ на юго-востокѣ Европы? Какъ уже замѣчено выше, наши общія политическія воззрѣнія обуславливали невозможность для насъ иного союза, кромѣ съ Пруссією и Австрією. Но при этомъ самый простой расчетъ требовалъ, чтобы мы не благопріятствовали чрезмѣрному усиленію одной изъ этихъ союзницъ на счетъ другой. Такъ нынѣ поступаетъ князь Бисмаркъ, и никто не въ правѣ винить его за политику, совершенно соответствующую интересамъ его страны. Онъ самъ передъ берлинскимъ конгрессомъ и на берлинскомъ конгрессѣ объявлялъ, что въ его расчеты не входитъ помогать одному союзнику въ ущербъ другому, и это вполнѣ правильно, такъ какъ иначе слишкомъ усилившійся союзникъ Германіи пересталъ бы въ ней нуждаться и самъ могъ бы сдѣлаться опекуномъ ея.

Подобная мысль руководила, повидимому, и русскимъ канцлеромъ, графомъ Нессельроде. Раздвоенность Германіи и антагонизмъ въ ней Пруссіи и Австріи ставилъ обѣихъ нашихъ союзницъ въ зависимость отъ Россіи, и было время, когда слово русскаго кабинета имѣло почти значеніе приказа въ Берлинѣ. Было время, когда русское правительство не допустило раздробленія Франціи въ пользу Пруссіи, не допустило прусскаго короля овладѣть имперско-германской короной. Нынѣшнее время совершенно не похоже на то. У насъ недоставало именно того, чѣмъ въ высшей степени обладаетъ канцлеръ германскій: яснаго сознанія главной своей задачи и сознательнаго, логическаго отношенія ко всѣмъ постороннимъ ей вопросамъ именно въ виду ея, въ виду этой задачи. Среди такихъ событій, которыя перестановляли все распредѣленіе силъ въ Европѣ, мы руководствовались вовсе не мыслію о главныхъ нашихъ интересахъ, не мыслію о ближайшей будущности восточнаго вопроса, а совсѣмъ посторонними ему общими политическими воззрѣніями, то-есть сочувствіями къ консерватизму. Мы сочувственно видѣли побѣды Пруссіи надъ Австріею, побуждаясь къ тому не реальнымъ интересомъ, а какимъ-то чувствомъ недоброжелательства къ Австріи за выказанную ею „неблагодарность“. И вотъ Бисмаркъ положилъ намъ Австрію прямо поперекъ дороги на юго-востокъ, лишилъ Австрію всякаго иного интереса, кромѣ именно этого. Мы благопріятствовали объединенію Германіи въ рукахъ Пруссіи, созданію могущественной германской имперіи—вопреки преданію русской политики; мы допустили раздробленіе Франціи въ пользу Пруссіи—вопреки другому преданію прежней нашей дипломатіи. Семейство Тьера не получило отъ насъ въ подарокъ карту Франціи съ *зачеркнутымъ* нами проектомъ ея раздѣла, какъ получилъ отъ насъ такую карту герцогъ Ришелье въ 1815 году. Чѣмъ мы нынѣ руководствовались? Скорѣе всего—просто сочувствіемъ къ прочнѣйшему водворенію въ Европѣ консерватизма. Пруссійскій консерватизмъ казался намъ прочнѣе и надежнѣе наполеоновскаго цезаризма, а послѣ паденія династіи Наполеона, мы не пожалѣли и раздробленія Франціи, такъ какъ Эльзасъ и Лотарингія переходили изъ рукъ совсѣмъ ужъ не надежныхъ въ кругъ вѣдомства гогенцоллернскаго консерватизма. Намъ было пріятно видѣть, что передовымъ пунктомъ „могущественнаго оплота консерватизма“ въ центрѣ Европы становился самъ Мецъ, угрожающій сердцу революціонной Франціи.

При чемъ тутъ была та „національная политика“, о которой нынѣ такъ часто упоминается въ русскихъ газетахъ? Правда, иные объясняютъ все, на что сейчасъ указано, такимъ расчетомъ русской политики, что за погромомъ Франціи должно было послѣдовать разо-

рваніе связывавшаго насъ трактата 1856 года. Но этотъ трактатъ, какъ и всѣ другіе, былъ ключкомъ бумаги и куніть отміну двухъ его статей можно было дешевле, чѣмъ раздробленіемъ Франціи и созданіемъ на нашей границѣ такого военного могущества, которое, при первомъ нашемъ шагѣ на юго-востокъ, должно было изъ зависѣвшей нѣкогда отъ насъ Пруссіи—сдѣлать арбитра нашей собственной политики. Чтѣ могло служить намъ залогомъ готовности побѣдоносной германской имперіи содѣйствовать отміну трактата 1856 года и осуществленію нашихъ видовъ на юго-востокъ? Обыкновенно говорятъ, что залогомъ этого должна была служить—благодарность Германіи. Но едва ли одна благодарность есть залогъ достаточный; да, впрочемъ, мы все-таки, въ послѣднюю минуту, не положились на благодарность Германіи еще и въ 1870 году: мы разорвали трактатъ 1856 года, не дожидаясь провозглашенія германской имперіи, не дожидаясь заключенія ею мира съ Франціею, и сдѣлали это если не безъ вѣдома, то противъ совѣта Германіи, склонявшей насъ „по-временить“.

Чтѣ же было создано тѣмъ нашимъ содѣйствіемъ, за которое императоръ Вильгельмъ выражалъ Россіи всю свою признательность, какъ теперь довольно ехидно напоминаетъ намъ органъ г. Ваддингтона „Temps“? Одна изъ тѣхъ двухъ державъ, которыя издавна считаются естественными союзницами Россіи, но которыя не столько близки ей по природѣ, сколько по нашему выбору, одна изъ нашихъ Wahlverwandte—такъ усилилась, что нуждаться стала уже не она въ насъ, а мы въ ней. Пока еще Россія не приступала къ новой войнѣ съ Турціею, Россія все-таки свободно располагала своими силами, и мы были, если не равносильны, то равноправны въ Европѣ съ Германіею. Но какъ только мы втянулись въ эту войну, то всѣ преимущества положенія перешли на сторону Германіи. Пруссія, нѣкогда бывшая у насъ подъ опекой, сама стала чѣмъ-то въ родѣ нашего арбитра. По крайней мѣрѣ, самыя дѣйствія наши передъ берлинскимъ конгрессомъ и на этомъ конгрессѣ показывали, что мы какъ-бы нуждались въ помощи Германіи еще гораздо болѣе, чѣмъ она нуждалась въ нашей дружбѣ въ 1870 году. Пруссія въ то время сумѣла заключить съ Франціею франкфуртскій миръ сама, безъ чьего-либо посредничества и притомъ на точныхъ основаніяхъ предварительныхъ условій. Мы же въ 1878 году окончательнымъ, берлинскимъ миромъ отказались едва ли не отъ половины требованій, включенныхъ нами въ миръ санъ-стефанскій и уже подписанныкъ Портою. Да и этотъ-то берлинскій миръ могъ быть, какъ оказалось, заключенъ нами не иначе, какъ при помощи „честнаго маклера“, то-есть той же Пруссіи.

Правда, часто ссылаются на примѣръ 1875 года, въ которомъ Россія не дозволила прусскому правительству начать новую войну съ Франціею и совершенно раздавить ее. Но проще было не допустить перваго раздробленія Франціи, чѣмъ, рассчитывая приобрести этимъ благодарность прусскаго правительства, допустить это, а потомъ ослабить въ немъ же это чувство благодарности тѣмъ, что нами было сдѣлано въ 1875 году. Само по себѣ недопущеніе гибели Франціи было весьма разумно и соответствовало преданію русской политики, нарушенному въ 1870 году. Но въ той послѣдовательности, какъ оно явилось, наше вмѣшательство въ 1875 году было фактомъ сходнымъ съ нашимъ объявленіемъ отмѣны двухъ статей парижскаго трактата въ 1870 году: послѣднее было сдѣлано вопреки совѣту Германіи, первое—прямо противъ ея желанія. А между тѣмъ, вся цѣль нашего содѣйствія образованію великой Германской имперіи была—приобрѣсть ея благодарность. И вдругъ, только-что заручившись этимъ желаннымъ результатомъ, мы сами ослабили его: въ 1870 году слегка, въ 1875 году—порядочно.

При чемъ же мы остались? А вѣдь намъ предстояло важное предпріятіе на юго-востокѣ, и расположеніе прусскаго правительства, ставшаго первостепенной силою въ Европѣ съ нашего же согласія, было для насъ необходимо. Или мы, за два года до послѣдней войны, не знали, что главная задача нашей политики все-таки связана съ восточнымъ вопросомъ? Но въ такомъ случаѣ то, что называется „національною“ политикой, было, значить, политикой случайностей.

Мы остались съ благодарностью князя Бисмарка—довольно сомнительною. Помимо же чувствъ, въ которыхъ намъ не разъ приходилось разочаровываться, дѣйствовало такое реальное положеніе вещей: вытѣснивъ Австрію изъ Германіи и ставъ сама могущественнѣйшимъ государствомъ въ Европѣ, Пруссія вовсе не думала далѣе умалять значеніе Австріи на румыно-славянскомъ юго-востокѣ. Все, что дѣлаетъ Австрія тамъ, все-таки обращается въ пользу нѣмецкаго же элемента; Австрія на востокѣ служить и будетъ служить органомъ подчиненія славянъ германской культурѣ, распространенія германской колонизаціи, расширенія сбыта германскихъ продуктовъ. Вотъ и въ настоящую минуту, первое, о чемъ мы слышимъ послѣ союза политическаго между этими нѣмецкими близнецами (правительственный элементъ нѣмецкій и въ Вѣнѣ)—есть заключеніе трактата торговаго. Естественно, на чьей сторонѣ должны были быть дѣйствительные интересы Германіи, въ случаѣ столкновенія между ея союзницами—Австріею и Россіею.

И вотъ, берлинскій конгрессъ, занятіе австрійцами Босніи и Гер-

цеговины были естественными результатами того положенія дѣлъ въ Европѣ, которое мы сами помогли создать. А когда разочарованіе насчетъ „благодарности“ Германіи съ нашей стороны стало высказываться хотя и въ мелочахъ, но въ мелочахъ рельефныхъ, когда, на примѣръ, по Европѣ стали ходить рассказы о томъ, какъ нынѣ допрашивать у насъ компетентныя лица цѣлостью и процвѣтаніемъ Франціи,—то князь Бисмаркъ выказалъ еще болѣе рельефнымъ образомъ, которой изъ своихъ союзницъ онъ даетъ дѣйствительное предпочтеніе. Бисмаркъ ясно сознаетъ, чего хочетъ, и не вдохновляется случайно-стями. Союзъ Германіи съ Австріею, представляющую германскіе интересы на нижнемъ Дунаѣ, есть не болѣе какъ формальное удостовѣреніе факта, который существовалъ раньше; если онъ теперь облеченъ въ нѣсколько рѣзкую форму, то это сдѣлано только намъ въ поученіе. Какой же смыслъ имѣла вся эта чернильная война?!

М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЯТАГО ТОМА

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.

СЕНТЯБРЬ—ОКТАБРЬ, 1879.

Книга девятая. — Сентябрь.

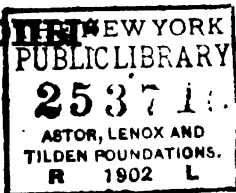
	СТР.
Рутна.—Историческая монографія изъ исторіи Малороссіи, 1663—1687 гг. — Окончаніе второй части.—VI-X.—Н. И. КОСТОМАРОВА.	5
Домашній очагъ.—Повѣсть.—I-XI.—Д. СТАХЪЕВА.	78
Черногорскія женщины.—I-X.—И. Ю. ПОПОВИЧА-ЛИПОВЦА.	138
Другъ дома.—Романъ Уйда.—Окончаніе.—XI-XXII.—А. Э.	174
Италія и Викторъ-Эммануилъ.—Л. А-ва.	238
Въ Украйнѣ.—Стихотвореніе.—И. З. СУРИКОВА.	267
Новая біографія лорда Биконсфилда.—В. К.	269
Стихотвореніе.—Кн. Д. ЦЕРТЕЛЕВА.	306
Литературный панславизмъ.—VIII. Общеславянская азбука.—IX. Настоящее по- ложеніе вопроса.—X. Заключеніе. — А. Н. ПЫПИНА.	307
Хроника. — Литературное Овозрѣніе. — Новыя книги русской и иностранныхъ литературъ.	336
Молоканы или христіане-спиритуалисты восточной Россіи.—Г. М. ЭШЕРА. . .	368
Внутреннее Овозрѣніе.—Свѣдѣнія объ „испытаніяхъ зрѣлости“ въ 1878 году.— Преувеличеніе задачъ школы частью печати. — Статистика успѣховъ. — Отзывы профессоровъ о письменныхъ работахъ. — Исполненіе учебной программы.—Вопросъ о водномъ пути въ Среднюю-Азію.—Мысль о по- воротѣ Аму-Дарьи въ прежнее русло. — Будущность средне-азіатскихъ владѣній.—Положеніе кустарной промышленности. — Правительственная иниціатива.	885
Парижскія письма.—LII.—Экспериментальный романъ.—ЭМ. ЗОЛА. . . .	406
Иностранная Политика.—Австро-венгерскія дѣла.	438
Бивіографическій Листокъ.—Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ. Ивана Забѣлина.—Книга былинъ. В. П. Авенариуса.—Сборникъ законовъ и постановленій для землевладѣльцевъ и сельскихъ хозяевъ. В. Вешня- кова. — Итоги народнаго образованія въ европейскихъ государствахъ. Барона Н. А. Корфа.—Умственное разстройство, его значеніе въ правѣ гражданскомъ и уголовномъ. Л. З. Слонимскаго.	

Книга десятая.—Октябрь.

	стр.
Домашній очагъ.—Повѣсть.—XII-XVIII.—Д. И. СТАХѢВА.	449
Вашингтонъ.—Очерки столицы и правительства Соединенныхъ-Штатовъ Америки.—Изъ наблюденій русскаго путешественника по Америкѣ въ 1878 г. —I-V.—ВСЕВ. МИРОПОЛЬСКАГО	514
Полоса.—Очеркъ.—Л. Н.	574
Черногорскія женщины.—XI-XVI.—Окончаніе.—И. Ю. ПОПОВИЧА-ЛИПОВЦА	636
Современный романъ въ его представителяхъ.—III.—Бертольдъ Ауэрбахъ. Z. Z.	672
Звездный свѣтъ.—Изъ Лонгфелло.—Д. Л. М.	730
Россия и Англія въ Средней Азии.—В. К.	732
Новые писатели о Россіи.—Князь Любомирскій и Николай Карловичъ.—Л. А.-въ. Хроника.—Литературное Овозрание.—Новыя книги русскои и иностранныхъ литературы	754
Внутреннее Овозрание.—Судебная практика и нравы.—Беззащитность ремесленныхъ учениковъ.—Безнаказанность вредной желѣзно-дорожной экономіи.—Подсудность военно-служащихъ за общія правонарушенія.—Дисциплинарный уставъ.—Особенности военно-судебныхъ уставовъ.—Новый законъ о земствѣ.—Поступленіе таможенныхъ сборовъ.—Налогъ на соль	770
Новѣйшіе труды по теоріи, практикѣ и критикѣ промышленнаго налога.—М. А. Корреопонденція изъ Берлина.—Наканунѣ ршенія всѣхъ вопросовъ.—Е. Парижскія Письма.—LIII.—Сентъ-Бѣвъ и его критическая школа.—ЭМ. СОЛА.	791
Иностранная Политика.—Чернильная война	818
Библиографическій Листокъ.—Въ области вѣчнаго льда, Фр. Гельвальда.—Хивинскій походъ, альбомъ.—Наши дѣятели, томъ V.—Русская женщина въ войну 1877—78 гг. Сост. П. А. Илинскій.—Систематическій сборникъ ршеній Правительствующаго Сената, разъясняющихъ Городовое положеніе. Сост. баронъ В. Майдель и В. Вѣлюстинъ.	828
	845
	880

ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“

въ С.-Петербургѣ, Васи. Остр., 2 л., 7.

ОТДѢЛЕНИЕ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ

въ Москвѣ, Книжный магаз. Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ-Мосту.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

въ 1880-мъ году.

ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“, ежемѣсячный журналъ исторiи, политики, литературы, въ 1880-мъ году издается въ томъ же объемѣ и въ тѣ же сроки: 12 книгъ въ годъ, составляющихъ шесть томовъ, — каждый около 1,000 страницъ большого формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ГОДЪ—12 книгъ:

Въ Россiи: За границу:

1) Съ пересылкою, чрезъ Газетную Экспедицію	17 р. — к.	19 р.
2) Съ доставкою, по городской почтѣ, въ Спб.	16 > — >	— >
3) Безъ доставки, въ Главной Конторѣ журнала	15 > 50 >	— >

ЧЕТВЕРТЬ—3 книги, съ доставкою и пересылкою . 5 > — > 7 >

Примечанiе.—Подписка по четвертямъ открывается съ января, апрѣля, iюля и октября.

МѢСЯЦЪ—1 книга, съ доставкою и пересылкою . 2 > 50 > 3 >

Подписывающiеся въ Москвѣ, въ Отдѣленiи Главной Конторы журнала, при книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ-Мосту, могутъ получать при подпискѣ тамъ же всѣ прежде вышедшiе нумера журнала.

Книжные магазины пользуютъ при подпискѣ обычную уступку

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція отвѣчаетъ исполнѣ за точную и своевременную доставку журнала городскимъ подписчикамъ Главной Конторы, и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму *по почтѣ* въ Редакцію «Вѣстника Европы», въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ (NB) *допущена* правильная выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адреса просятъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстожителства; при перемѣнѣ адреса годового экземпляра изъ городскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к.; изъ иногородныхъ въ городскіе—50 к.; и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностранные — недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующаго номера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются особо тѣмъ изъ иногородныхъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 16 коп. почтовыми марками.

Въ Главной Конторѣ журнала и въ ея Московскомъ Отдѣленіи можно получать полные экземпляры «Вѣстника Европы» за 1879 годъ.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ
ТИПОГРАФИИ М. ОТАСЮЛЕВИЧА
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, В., О. 2-я лин.,
д. № 7.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ
РУССКАЯ ИСТОРИЯ
ВЪ ЖИЗНЕОПИСАНІЯХЪ ЕЯ ГЛАВНѢЙШИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ.

Н. Костомарова.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ, исправленный. — Спб. 1879. Стр. 244. Ц. 1 р. 25 к.
Тамъ же остальные пять выпусковъ: 6 р. 85 к.

ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ
ПО ИМУЩЕСТВАМЪ И ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМЪ, ВЪ ПРИМѢНЕНИИ КЪ РУССКОМУ ЗАКОНОДАТ.
К. Кавелина.

Опытъ систематическаго обозрѣнія. Спб. 1879. Стр. 410. Ц. 3 рубля.

ПИСЬМА ИЗЪ ВОЛГАРИИ
Евг. Утина.

Спб. 1879. Стр. 471. Ц. 2 руб. 50 коп.

Гр. ЛЕВЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ТОЛСТОЙ.

Избранныя мѣста изъ романовъ, повѣстей, рассказовъ, съ биографическимъ очеркомъ и портретомъ.

Томъ IX-ый „РУССКОЙ БИБЛИОТЕКИ“.

Спб. 1879. Стр. 384 и VII. — Цѣна 75 коп.; въ англійскомъ перепл. 1 руб.

КУРСЪ
ПРОМЫШЛЕННОЙ ЭКОНОМИИ И КОММЕРЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ
ВЪ СВЯЗИ СЪ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОЙ СТАТИСТИКОЙ РОССІИ И ГЛАВНѢЙШИХЪ
ГОСУДАРСТВЪ МІРА.

Одобрено Ученнымъ Комитетомъ Минист. народн. просвѣщ. для реальныхъ училищъ.

А. Н. Сущевскій.

С.-Петербургъ. 1878. Стр. 828. Цѣна 2 рубля.

ИСТОРИЯ СЛАВЯНСКИХЪ ЛИТЕРАТУРЪ

А. Н. Нынина и В. Д. Спасовича.

Издание второе, вновь переработанное и дополненное, въ двухъ томахъ. Томъ I—
Стр. 447. Спб. 1879. Ц. 8 рубл., съ пересыл.

ВОСПОМИНАНИЯ И КРИТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

Н. В. Анненкова.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ: собраніе критическихъ статей, очерковъ и замѣтокъ, за 20 лѣтъ—
1848 — 68 гг. Спб. 1879. Стр. 404. Ц. 1 р. 50 к. — Цѣна за оба тома — 3 р.

КАТАКОМБЫ.

ПОВѢСТЬ ИЗЪ ПЕРВЫХЪ ВРЕМЕНЪ ХРИСТИАНСТВА.

Евгеніи Туръ.

С.-Петербургъ. 1878. Стр. 287. Цѣна 1 рубль.

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ

РУССКОЙ НАРОДНО-УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Составленъ по порученію Комитета Грамотности, состоящаго при Императорскомъ
Вольномъ Экономическомъ Обществѣ, специальною Комиссіею.

Спб. 1878. Стр. 744. Цѣна 2 руб., съ пер. 2 руб. 50 коп.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА ЭМИЛЯ ЗОЛА.

ИЗЪ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ (1875—1877).

ТОМЪ I: Бальзакъ. — Флоберъ. — Гонкуръ. — Додэ. — А. де-Мюссе. — Тэнъ. — Ремизо. —
Шатобрианъ. — Тьеръ. — Ж. Зандъ. — В. Гюго. — А. Дюма-сынъ.
Спб. 1878. Стр. 351. Цѣна 1 рубль.

БѢЛИНСКІЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ПЕРЕПИСКА.

Сочиненіе А. Н. Нынина. Въ двухъ томахъ. Спб. 1876. Цѣна 4 рубл., въ пересылъ
4 руб. 50 коп.

Въ этомъ отдѣльномъ изданіи біографія Бѣлинскаго значительно дополнена новыми ма-
териалами, явившимися въ печати за последнее время, и новыми редакц. пометъ Бѣли-
нскаго, доселѣ неизданныхъ.

Книгопродавцамъ обычная уступка.

За пересылку по почтѣ иногородные прилагаютъ 10% съ цѣны книги,
въ круглыхъ цифрахъ.

КНИЖНЫЙ Складъ и магазинъ типографіи М. Стасюлевича принимаетъ на комиссію постороннія изданія, подписку на все періодическія изданія и высылаетъ иногороднымъ все книги, публикованныя въ газетахъ и другихъ каталогахъ *).

№ 52 ПОДВИЖНОЙ КАТАЛОГЪ № 52.
КНИЖНАГО СКЛАДА и МАГАЗИНА
ТИПОГРАФИИ М. СТАСЮЛЕВИЧА

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 2-я л., 7.

ФИЛОСОФІЯ—ПСИХОЛОГІЯ—АНТРОПОЛОГІЯ.

Основанія психологіи. Герберта Спенсера, съ приложеніемъ статьи „Сравнительная психологія человека“ Г. Спенсера. Переводъ со 2-го англійскаго изданія. 4 т. Спб. 1876. Ц. 7 р. съ пересылкою.

Основанія логики. Профессора Джеронса. 1879 г. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

СЛОВЕСНОСТЬ—КУЛЬТУРА.

Басни М. А. Крылова съ біографіею автора, написанною П. А. Плетневимъ. 18-ое полное изданіе, подъ редакціею В. Кеневича съ рисунками въ текстъ И. С. Панова. Спб. 1879 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Басни М. А. Крылова, 17-ое полное изданіе подъ редакціею В. Кеневича съ рисунками въ текстъ И. С. Панова. Спб. 1879 г. Ц. 50 к., съ перес. 75 к.

Безъ вѣсти пропавшій. Романъ въ 4-хъ т. Грегора Самарова. Переводъ съ нѣмецкаго К. В. Назаревой. Спб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р., 80 к.

Воспоминанія и критическіе очерки. Собраніе статей и замѣтокъ П. В. Анненкова. 1849—1868 гг. Отдѣлъ первый. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к. Отдѣлъ второй. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к. Оба отдѣла вмѣстѣ: к. 3 р. съ пересылкою.

Въ Сибирѣ, на юрту. Повѣсти, характеристики, арабески. Соч. Евгенія Львова. М. 1876 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

Въ мутной водѣ. Оригинальный ро-

манъ изъ послѣднихъ событій. К. Телефонъ (псевдонимъ). Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Графъ Бисмаркъ и его люди за время войны съ Франціей, по листкамъ дневника. Сост. Д. Морницъ Вунъ. Спб. 1879 г. 2 т. Ц. 8 р. съ пер.

Древніе классики для русскихъ читателей, переведенные съ англійской серіи классиковъ В. Коллинза. Спб. 1877 г. Вышло 21 томъ. Ц. 16 р., съ пер. 18 р.

Еврейская Библіотека. Историко-литературный сборникъ. Т. VII. Спб. 1879 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к. Всѣ 7 т. съ пер. 14 р.

Жизнь и труды Н. М. Стресса. Сочин. Николая Варсукова. Спб. 1878 г. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Замѣтки Видона, начальника парижской тайной полиціи. 3 Т. Спб. 1877 г. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.

Иностранные поэты въ переводѣ Д. Л. Михайловскаго. Въ пользу литературнаго фонда. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 к., перес. за 2 ф.

Исторія Славянскихъ литературъ. А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича. Изданіе второе, вновь переработанное и дополненное. Спб. 1879 г. т. I. Ц. 3 р. съ перес.

Картины домашняго воспитанія. Педагогическіе этюды А — вой. Спб. 1879 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Книга былинъ. Сводъ набранныхъ образцовъ русской народной эпической поэмы. (новое изданіе „Книги о киевскихъ былинахъ“ дополненное былинами новгородскими, московскими, казацкими, петровскими и безымянными). Составилъ В. П. Авенариусъ. Съ портретомъ гѣна былинъ Рябинина и рисунками. Спб. 1880 г. Ц. 2 р. 70 к., съ

*) Книги, поступившія въ Складъ въ Августъ мѣсяцъ, указаны **№**; на книгахъ обозначенъ годъ изданія.

перес. 8 р., въ переплетѣ 8 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Мелочи архіерейской жизни. Картинки съ натурн. Н. С. Лѣскова. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Малорусскія народныя преданія и разсказы. Сводъ Михаила Драгоманова. Кіевъ. 1876 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Мы, Вы, Они, Онѣ. Юмористическіе очерки и шаржи. Вл. Михневича. Въ 3-хъ серіяхъ: I. Отголоски изъ времени войны. II. Всѣмъ сестрамъ по серьгамъ. III. Дачныя картинки. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 60 к., съ пер. 1 р. 80 к.

Наше общество (1820—1870) въ герояхъ и героиняхъ литературы. Соч. М. В. Авдѣева. Спб. 1874 г. Ц. 1 р. 30 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Новая Америка. Соч. Вильяма Диксона, въ 2-хъ частяхъ, съ 8 рисунками. Спб. 1867 г. въ переплетѣ. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Вѣрнаморъ. Жюль Верна. Переводъ Марка Вовчка, съ 45 картинками и портретомъ автора. Спб. 1876 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 80 к.

Окно денегъ. Романъ изъ сельской фабричной жизни. Алексѣя Потѣхина. Спб. 1877. Ц. 1 р. 25 к.

Парижскія письма. Изъ литературы и жизни. 1875—77 гг. Т. I. Эмиль Зола. Спб. 1878 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Письма изъ Болгаріи въ 1877 г. Евг. Утина. Спб. 1879 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

Полное собраніе стихотвореній Гр. А. М. Толстого, въ одномъ томѣ. 1855—1875 г. Изданіе второе. Спб. 1877 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.; на зеленой бумагѣ, съ портретомъ и въ роскошномъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ, к. 3 р. 25 к., съ перес. 8 р. 50 к.—Портретъ особо: 50 к.

Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Т. I. 1810—1827 г. Спб. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 8 р.

Послѣдній потомокъ Чингисъ-Хана. Историческій романъ въ 3-хъ частяхъ Соч. Р. М. Зотова. Спб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 80 к.

Про украинскихъ козака, татар та турки. Зложивъ М. Драгоманов. Ц. 10 к.

Русская Библиотека, т. IX. Графъ Левъ Николаевичъ Толстой. Дѣтство.—Севастополь.—Три смерти.—Война и Миръ.—Разсказы для дѣтей.—Басни.—Анна Каренина. Портреты. Биографія. Спб. 1879 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Русскіе Богомолцы, религіозно-бытовыя картины. Н. С. Лѣскова. I. На край свѣта. II. Владычій судъ. Оба разсказа авторомъ вновь пересмотрѣны и исправлены. Спб.

1880 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Слово о плыку Игоревѣ. Поэтический памятникъ русскои письменности XII вѣку. текстъ с перекладомъ и с поясненіями издае Омелян Огоновскій. У Львова. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 20 к.

Сочиненіе Леса, въ дѣлкахъ пустыняхъ Индіи. Густава Эмара и Педъ Луно. Повѣсть Іог. Шерра. М. 1876 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Сочиненія Н. М. Михайловскаго. Т. I. Спб. 1879 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Сочиненія Н. А. Добролюбова. Изданіе 2-е, безъ перемѣнъ. 4 т. Спб. 1876 г. Цѣна 6 р., съ перес. 8 р.

Сочиненія Алексѣя Потѣхина. 7-мъ томовъ. Ц. 7 р., съ перес. 8 р.

Стихотворенія Н. А. Некрасова. Посмертное изданіе, съ портретомъ, факсимиле, біографіею, приложеніями, примѣчаніями и т. д. 4-ре тома. Спб. 1879 г. Ц. 7 р., съ перес. 8 р.; въ переплетѣ 10 р.; съ перес. 12 р.; на зеленой бумагѣ въ переплетѣ ц. 12 р., съ перес. 14 р.

Таинственный островъ. Жюль Верна. Переводъ Марка Вовчка. 3 Т. съ 150 гравюрами. Спб. 1875 г. Ц. 6 р., съ пер. 6 р. 50 к.

Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности. Изд. 2-е. Спб. 1865 г. Ц. 75 к., съ пер. 85 к.

ИСТОРИЯ — БІОГРАФІЯ — ЭТНОГРАФІЯ.

Восточная война, 1877—1878 гг. по официальнымъ и другимъ свидѣніямъ. Сост. В. Омхра. Т. I, в. 1. Событія до перехода русскіхъ черезъ Дунай. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер.

Восточная война 1853—56 гг. Сочин. ген.-лейт. М. И. Велѣдановича. Изд. 2-е, въ 4-хъ томахъ, съ планами и картами. Спб. 1877. Ц. 8 р., съ перес. 9 руб.

Dzieje Polski, w zagrynie przez Michała Bobrawskiego, Profes. Uniwersytetu Jagiellońskiego w Krakowie. Cena Rs. 2 k. 25, z przesyłką Rs. 2 k. 50.

Исторія Гречинъ. Соч. Оскара Іегера, съ картою. Спб. 1877 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

Исторія Рима. Соч. Оскара Іегера. Спб. 1876 г. Ц. 3 р. съ картою, съ перес. 3 р. 80 к.

Исторія цивилизаціи въ Англіи. Сочин. Г. Т. Боуля. Спб. 1874 г. 2 т. Ц. 4 р. 50 к., съ пер. 5 р.

Исторія Франціи отъ низверженія Наполеона I до возстановленія имперіи, 1814—1852 г. А. Л. Рохау. 2 т. Ц. 3 р. 50 к., въс. 8 ф.

Аманда, Иоаннъ Васильевичъ, Кіево-Соф. прох. его біографія и наваданія до-сѣдъ проповѣди и письма. Т. I, съ портре-томъ. К. 1879 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 80 к.

Воспоминанія Тараса Григорьевича Шевченка 25-го февраля 1879 г. въ Одессѣ. Состав. А. Т. Одесса. 1879 г. Ц. 80 к., съ пер. 40 к.

Римъ до и во время Юлія Цезаря. Народъ, — войско, — общество и главные дѣятели. Военно-историческій очеркъ. — Со-ставилъ Л. Л. Штурмеръ. Спб. 1876. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея малѣйшихъ дѣятелей. Н. Костомарова. в. I—VI. Ц. 8 р. 10 к., съ перес. 9 р.

Тарасъ Григорьевичъ Шевченко въ от-зывахъ о немъ иностранной печати. Со-ставилъ А. Т.—ий. Одесса. 1879 г. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Умная рѣзня. Записки Вереники Кребса. Перев. съ персид. И. М. Рева. К. 1879 г. Ц. 25 к., съ пер. 85 к.

ГЕОГРАФІЯ — ТОПОГРАФІЯ — ПУТЕШЕСТВІЯ.

По Волгѣ. Очерки и вычитанія лѣт-ней поѣздки. В. И. Немировича-Дан-ченки. Спб. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 8 р.

Путешествіе по славянскимъ областямъ европейской Турціи. Соч. Мекленз и Эрби, съ предисловіемъ Гладстона. 2 т. Спб. 1878 г. Ц. 8 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Путешествіе въ Африку къ водопадамъ Виктории на Замбези, Одуарда Мора, съ портретомъ автора, картой и многими ри-сунками. 2 т. Спб. 1876 г. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Путешествіе въ страну пунныхъ зѣ-рей. Сочин. Жюль Верна съ 100 рисун-ками. Спб. 1874 г. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Путешествіе по сѣверо-восточной Африкѣ: Судану, Нубіи, Сеннару, Россерусу и Кор-дофану. Д-ра Эдмунда Брема. Спб. 1871 г. в. т. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ—СТАТИСТИКА.

Курсъ промышленной экономіи и Ком-мерческой географіи въ связи съ торго-промышленной статистикой Россіи и ма-лѣйшихъ государствъ міра. Сочин. А. П. Субботина. Спб. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 80 к.

Основанія политической экономіи съ нѣко-торыми изъ ихъ приложеній въ обществен-ной философіи. Джонъ Стюартъ Милль. 2 в. Ц. 5 р., въ с. 8 ф.

Основанія политической экономіи. Сост. Магистръ пол. эк. А. Антоновичъ, в. I. В. 1879 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Политическая экономія въ разсказахъ по-мнѣсь Мартіно. Сост. Н. А. Пугача. М. 1876 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Сравнительная статистика Россіи и за-падно-европейскихъ государствъ. Т. I. Тер-риторія и населеніе. Ю. Э. Янсонъ. Спб. 1878 г. Ц. 2 р. съ пересылкою.

Теорія цѣнности. Критико-экономиче-ское изслѣдованіе А. Антоновича. Вар-шава. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Труды комиссіи по изслѣдованію нус-тарной промышленности въ Россіи, выпускъ I. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

ПЕДАГОГІЯ—УЧЕБНИКИ—ДѢТСКІЯ И НА-РОДНЫЯ КНИГИ.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Его жизнь и сочиненія съ портретомъ. Чтеніе для юношества. Спб. 1865 г. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Анабазисъ Ксенофонта, перевелъ съ гре-ческого и объяснилъ И. Е. Тимошенко. В. I. Изд. 2-ое. К. 1879 г. Ц. 50 к., съ пер. 60 коп.

Арифметика. Курсъ Систематическій. Сост. В. Воленсъ. Изд. II-е. Ч. I. Цѣлыя числа. Ц. 85 к. Ч. II. Дробн и тройныя права. Спб. 1879 г. Ц. 50 к., съ пер. за обѣ части 1 р.

Арифметическія задачи. Учебное посо-біе при преподаваніи арифметики въ сред-нихъ учебн. завед. Сост. В. Воленсъ. Изд. 2-е. Спб. 1878 г. Ц. 85 к., съ пер. 50 к.

Арифметическія задачи. По Грубе. По-собіе при начальномъ преподаваніи ари-метики. Курсъ I. Задачи на числа въ пре-делахъ первой сотни. Сост. В. Воленсъ. Спб. 1878 г. Ц. 85 к., съ пер. 50 к.

Аичутія безымянныя. Древнее сказаніе. А. Э. Погорескаго. Второе изданіе. Спб. 1875 г. Ц. 5 к., съ пер. 10 к.

Буквы и картинныя. Пособія при обу-ченіи грамотѣ. По мысли Ф. Резенера. Спб. 1879 г. Распрямленія, въ коробкѣ ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.; нераспрям-ленія ц. 1 р., съ пер. 1 р. 50 к. и въ ли-стахъ ц. 40 к., съ пер. 60 к.

Вопросникъ въ исторіи Россіи. М. Острогорскаго. Книга для учителей. Спб. 1879 г. Ц. 5 к., съ пер. 10 к.

Времена года. Иллюстрированный Сбор-никъ стихотвореній и статей для дѣт-скаго возраста. Сост. С. Митропольскій.

Сиб. 1879 г. Цѣна въ переплетѣ 8 р., съ пер. 8 р. 50 к.

Гдѣ и какъ дешево добывать деньги? Ссудо-сберегательныя товарищества. Н. Ф. Сиб. 1878 г. Ц. 5 к., съ пер. 10 к.

Дѣтскій театр. Оригинальныя сценки и комедійки изъ дѣтской жизни, приспособленныя къ дешевой домашней постановкѣ. Л. К. Стахѣевой. 2-е изд., дополненное семью новыми пьесами. Сиб. 1879 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

Мимы дѣтей. Собраніе разсказовъ и повѣстей изъ англійскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ дѣтскихъ книгъ. Выпускъ первый. Сиб. 1877 г. Ц. 20 к., съ пер. 30 к.

Замѣчательныя работничья. Жизнь бамбачника - натуралиста Томаса Эдварда. Изложилъ по Смайльсу А. Н. Канаевъ. Со многими рисунками въ текстѣ. Сиб. 1879 г. Ц. 60 к., съ пер. 75 к., въ переплетѣ 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Значеніе естественныхъ наукъ въ образованіи и преподаваніи ихъ въ школахъ. Э. А. Россмелера. Перев. съ нѣмецкаго, съ предисловіемъ А. Пилина. Сиб. 1884 г. Ц. 65 к., съ пер. 75 к.

Избушка на курьихъ ножкахъ. Сказъ. Графа Саліаса. М. 1876 г. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

Малестрированная жизнь животныхъ. А. Брема. Народное и школьное изданіе, обработанное Фридрихомъ Шедлеромъ, съ 287-ю рисунками, сдѣланъ съ натуры, подъ руковод. Р. Крамтера. 2 т. Сиб. 1875 г. Ц. 5 р. 50 к., съ пер. 7 р., въ англійскомъ переплетѣ 7 р., съ пер. 9 р.

Исторія Греціи и Рима. Я. Г. Гуревича. Изд. 2-ое, 1877 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Исторія Россіи. М. Острогорскаго. 5-е изданіе, вновь исправленное и дополненное, съ картинками для народныхъ училищъ. Сиб. 1879 г. Ц. 25 к., съ пер. 35 к.

Историческая хрестоматія по новой исторіи. Сост. Я. Г. Гуревича. Т. I. Изд. 2-ое. Сиб. 1879 г. Ц. 2 р. 50 к.

Историческая хрестоматія по русской исторіи, составленъ Я. Г. Гуревичемъ и В. А. Павловичемъ. Т. I. Ц. 1 р. 60 к. Т. II. Ц. 2 р., съ пер. 4 р.

Краткій географическій атласъ всѣхъ частей свѣта. Для народныхъ училищъ и первыхъ классовъ гимназій. Сост. Н. Штраухъ. Сиб. 1878 г. Ц. 60 к., съ пер. 1 р.

Методика обученія письму въ народной школѣ. Практическое руководство. Сост. С. Миropольскій. Изд. 3-е. Сиб. 1878 г. Ц. 75 к., съ пер. 85 к.

Начала линейнаго черченія. Сост. Ив. Главинскій. Учебное пособіе для при-

ходскихъ и сельскихъ училищъ. 150 чертежей въ текстѣ и 140 литогр. рисунковъ въ приложеніи. Изд. 4-е. Сиб. 1876 г. Ц. 60 к., съ пер. 70 к.

Новѣйшій географическій атласъ всѣхъ частей свѣта для употребленія въ школахъ и дома. Состав. Н. Штраухъ. Сиб. 1878 г. Ц. 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Педагогическая психологія для народныхъ учителей, воспитателей и воспитательницъ. Сост. П. Кантеревъ. Сиб. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Разсказы изъ Русской исторіи. В. А. Павловичъ. Съ рисунками и политиважками въ текстѣ. Изданіе 2-е. Сиб. 1879 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Робинзонъ Крузо. А. Анненской. Новая переработка темы де-Фос. Съ 10-ю карт. и 35-ю политиважками. Изд. В. Лесевича. Ц. въ перепл. 2 руб. 50 коп.

Родной край. Книга для класснаго и домашнего чтенія учителей старшаго отдѣленія народной школы. Сост. Э. С. Мавзѣевъ. Сиб. 1879 г. Ц. 45 к., съ перес. 60 коп.

Руководство къ начальному обученію. Составлено преподавателями: Малышевскимъ, Зайцевымъ и Оземиларскимъ. Изд. 2-ое, исправленное и дополненное. К. 1879 г. Ц. 60 к., съ пер. 80 к.

Руководство къ черченію географическихъ свѣтъ. Сост. Е. Тихановъ, съ чертежами. Сиб. 1879 г. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

Русскіе писатели, какъ воспитательно-образовательный матеріалъ для занятій съ дѣтми и для чтенія народу. Сост. В. Острогорскій. В. II. Сиб. 1879 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 15 к. В. I и II. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

Русскій Робинзонъ. Разсказы для дѣтей, С. Турбина съ многими рисунками. Сиб. 1879 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Сборникъ игръ и занятій для семьи и школы. Сост. Вал. Висковатовъ, съ 350 рисунками въ текстѣ. Сиб. 1875 г. Ц. 3 р., съ пер. 8 р. 80 к.

Собраніе арифметическихъ задачъ и примѣровъ для письменнаго вычисленія. Сост. Ал. Вороновичъ. Ч. I. Цѣлыя числа. Ц. 30 к. Ч. II. Дробныя и тройныя правила. Сиб. 1877 г. Ц. 80 к., съ перес. обѣ части 75 к.

Сборникъ стереометрическихъ задачъ для употребленія въ высшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ С. Сикорскій, преподаватель математики. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Сила и ловкость. Гимнастическія упражненія для физическаго саморазвитія. Съ 141 рис. въ текстѣ, съ 3-ю таблицами.

Сост. П. А. Липинский. Сиб. 1879 г. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Систематический обзор русской народно-учебной литературы. Составлен, по поручению Комитета Грамотности, специальным комитетом. Большой томъ въ 745 страниц. Сиб. 1878 г. Цѣна 2 руб.; съ перес. 2 р. 50 к.

Справочная книжка и указатель русскаго правописанія. Составилъ В. П. Генингъ, преподаватель 1-го Сиб. реальнаго училища. Сиб. 1879 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пересылкою 1 р. 50 к.

Сравнительно-хронологическія таблицы по новей и новейшей исторіи. Сиб. 1876 г. Ц. 60 к., съ пер. 1 р. 80 к.

Тарасъ Бульба. Соч. Н. В. Гоголя, съ предисловіемъ Н. Н. Костомарова, съ политическими въззѣтами. Сиб. 1874 г. Ц. 20 к., съ пер. 80 к.

Теле и холоды. 6-тъ лекцій, читанныхъ дѣтямъ Джономъ Тиндалемъ, съ политическими въззѣтами. Сиб. 1869 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Учебникъ Химіи. Составилъ С. Ковалевскій, преподаватель химіи и физики въ Сиб. 1-мъ реальномъ училищѣ. 2-е изд., исправленное и дополненное. Сиб. 1878 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Физическій трудъ, какъ необходимый элементъ образованія. Сочин. О. Н. Кривенко. Сиб. 1879 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Хронологія всеобщей и русской исторіи: 1) Древняя Исторія. Ц. 25 к. 2) Средняя Исторія. Ц. 25 к. 3) Новая Исторія. Ц. 25 к. Сост. М. Острогорскій. Сиб. 1879 г. Съ пересылкою 8 частей 1 р.

Чтеніе и письмо по картинкамъ. Азбука для обученія и самообученія грамотѣ по наглядно-звуковому способу, съ 800 рисунками къ текстѣ. 2-е изд. В. Д. Чермасова. Сиб. 1879 г. Ц. 20 к., съ пер. 25 к. Книга къ чтенію и письму по картинкамъ или объясненіе какъ читать по этой азбукѣ предлагается отдѣльно книжкою. Ц. 15 к., съ пер. 20 к.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ—АРХЕОЛОГІЯ.

Къ исторіи звуковъ русскаго языка. А. Потебня. Вар. 1876 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

О значеніи и значеніи некоторыхъ обрадовъ и поговѣй. Соч. А. Потебня. 1865 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Словарь исторіи зурма и фореъ Русскаго языка отъ XI до XVI столѣтія. Соч. М. Колесова. Варшава 1872 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Новый англо-русскій словарь, составленный А. Александровичемъ. Сиб. 1879 г. Ц. 5 р., съ пер. 6 р.

Практическія замѣтки о руссконъ снѣтисѣ. Монографія А. Динитревскаго. Воронежъ. 1878 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Словъ о полку Игоревѣ. Точесъ и приговѣнія А. Потебня. Вар. 1879 г. Ц. 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 50 к.

МАТЕМАТИКА—АСТРОНОМІЯ—ФИЗИКА—ХИМІЯ.

Аналитическая геометрія. Составилъ И. Сомовъ. Изданіе 2-е исправ. и дополн. Сиб. 1867 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

Исторія неба. Е. Фламаріона, со 100 рисунками Венетта. Изд. 2-ое. Сиб. 1879 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Нуръ теоретической ариметики. Жозефа Вергранда, члена Парискаго Академіи Наукъ. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Начальная алгебра. Составилъ И. Сомовъ, Академикъ и профессоръ. Сиб. 1875 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Начертательная геометрія. Составилъ И. Сомовъ. Изданіе 2-е, безъ пересѣки. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к. Сиб. 1878 г.

Начальныя основанія аналитической геометріи двухъ измѣреній. Сост. И. Сомовъ. 2-е изданіе. Сиб. 1879 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Рациональная механика. Сост. И. Сомовъ. Ч. I. Кинематика. Сиб. 1872 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р. Ч. II. Введеніе въ статику и динамику и статика. Сиб. 1874 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Теорія стрѣлности. Лекція, читанная въ И. Унив. съ. Влад. Профес. В. Н. Ермаковъ. К. 1879 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Физическая химія. Н. Н. Любавина. Сиб. 1878 г. Ц. 4 р. 50 к., съ перес. 5 р.

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ—СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО—ТЕХНОЛОГІЯ—МЕДИЦИНА.

Анализъ нечи. Лекція профес. Д. И. Комлакова. 4-е изданіе, съ рисунками. Сиб. 1878 г. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

Болѣи неча и души. Сочин. Ванолова. Сиб. 1870 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 3 р. 75 к.

Ветанна весна. Слѣдствія объ устройствѣ и жизни растеній, основанныя на изученіи раннихъ весеннихъ, преимущественно садовыхъ растеній. Съ 70 политическими и таблицами для опредѣленія деревъ и кустарниковъ въ безлѣсныхъ состояніяхъ. Состав. М. Меліоранскій. Сиб. 1879 г. Ц. 65 к., съ перес. 90 к.

Диагностика и теранія болѣзней. Сост.

Диагностика и терапия болезней скотиного мозга, съ современной точки зрѣнія. Соч. профес. д-ра Розенталя. Переводъ подъ ред. д-ра Шершевскаго. Слб. 1879 г. Ц. 80 к., съ пер. 90 к.

Домашнее и заводское птицеводство. Д-ра Прибыля, съ предисловіемъ Д-ра Вильгельма Гамма и 14-ю политипажамн. Слб. 1879 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 40 к.

Жизненные явленія, общія животнымъ и растеніямъ. Курсъ общей физиологіи Клода Бернара. Лекціи, читанныя въ музеѣ естественной исторіи въ Парижѣ. Съ 45-ю рисунками въ текстѣ и одной таблицей. Слб. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 80 к.

Законъ сохранения силъ. Лекціи д-ра Гельгольца. 1875 г. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

Записки общей хирургической патологіи и терапіи. Проф. Н. В. Склифосовскаго. Слб. 1878 г. Ц. 2 р. 25 к., съ пер. 2 р. 50 к.

Записки патологической анатоміи и гистологіи по лекціямъ Проф. М. М. Руднева. Изданіе второе. Слб. 1878 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 8 р.

Записки по акушерству проф. М. Горвица. Слб. 1878 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Записки анатоміи. Черепной, грудной и брюшной полостей. Профес. П. Ф. Лесгафта. Изд. 4-е. Слб. 1878 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Compendium d'etienne des maladies pour les étudiants et les praticiens. D.-g. Johann Steiner. Kiev. 1879 г. Изданіе второе. Ц. 2 р. 25 к., съ пер. 2 р. 75 к.

Картофель, его культура, сохраненіе, болѣзни и сорта, съ 25-ю рисунками. Составилъ В. А. Поггенноу, преподав. Уманскаго Учили. земледѣлія и садоводства. Слб. 1879 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Клиническія записки по хирургіи. Слб. 1877 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Кемпное цѣтководство. Подробное наставленіе для разведенія и воспитанія комнатныхъ растеній, съ политипажамн въ текстѣ. Изд. 8-е. Сост. М. Ю. Петрова. Слб. 1879 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Руководство. Соч. К. Данишенко. Съ рисунками въ текстѣ. М. 1877 г. Ц. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р.

Курсъ акушерства. Сочин. Ордин. Пр. И. П. Лазаревича, съ 393 рисунками, изъ которыхъ 298 оригинальныхъ. Х. 1879 г. Ц. 7 р., съ пер. 7 р. 50 к.

Общая патологія. Соч. Конгейма, переводъ подъ ред. д-ра Иванова. Предисловіе проф. В. А. Манассеина. Слб. 1879 г. Т. I. Ц. 5 р. съ пер. В. I. Ц. 1 р. 60 к., съ пер. 1 р. 80 к. В. II. Ц. 2 р., съ пер. 1 р. 20 к. В. III. Ц. 1 р. 60 к., съ пер. 1 р. 80 к.

Объ омманизмъ и его послѣдствія. Сост. по новейшимъ источникамъ Д-ромъ Розентейхеромъ. Слб. 1879 г. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

О выраженіи ощущеній у животныхъ и растеній. Соч. Чарльза Дарвина. Слб. 1872 г. Ц. 8 р., съ пер. 3 р. 30 к.

Основанія практической медицины. Д-ра К. Ф. Кунце. Слб. 1875 г., въ перемѣтѣ. Ц. 1 р. 80 к., съ пер. 1 р. 80 к.

Основныя начала горнаго искусства въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ. Съ 48-ю политипажамн въ текстѣ. Переводъ съ нѣмецкаго и издаіе горныхъ инженеровъ В. Домгера и Г. Лебедева. Съ приложеніемъ нѣмецко-русскаго техническаго словаря, относящагося до горнаго искусства. Слб. 1878 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Основныя физиологіи человека, для студентовъ и врачей. Проф. I. Штейнера. Съ 39-ю рисунками. К. 1879 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 8 р.

О засухахъ. Къ вопросу объ уменьшеніи вреднаго дѣйствія засухъ на растительность. А. Шимкина. С.-Петербургъ 1876 г. Цѣна 1 руб. 25 коп., съ пер. 1 р. 50 к.

О травостѣи, съ присовокупленіемъ собранія народныхъ примѣтъ о посябѣхъ и уборкѣ сѣна, о паханіи и удобреніи земли. Слб. 1878 г. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Практическое руководство къ веденію шолонаго хозяйства. Сочиненіе К. Петерсена. Переводъ съ 2-го нѣм. изданія П. Костичева, съ 26-ю политипажамн въ текстѣ. Слб. 1879 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Происхожденіе видовъ. Отдѣлъ I. Прирученныя животныя и воздѣланныя растенія. Соч. Чарльза Дарвина. Перев. подъ ред. И. М. Сѣченова и Герда. Слб. 1869 г. 2 т. Ц. 5 р. 50 к., съ пер. 6 р.

Руководство къ патолого-анатомической діагностикѣ и вскрытію труповъ. Д-ра I. Орта. Х. 1877 г. Ц. 8 р. 50 коп., съ пер.

Руководство къ воздѣлыванію льна. К. Вебера. Въ 8-хъ частяхъ. Часть I. Культура льна.—Часть II. Мочка льна.—Часть III. Матве, трепанье, ческа льна и береженіе волока. Цѣна каждая части по 1 р., за перес. 25 к.

Руководство къ женскимъ болѣзнямъ. Сост. подъ редакцію д-ра Т. Визрота, съ многочисленными политипажамн въ текстѣ, отд. 5-ый. Слб. 1879 г. Ц. 3 руб., съ пер. 8 р. 80 к.

Руководство къ патологической анатоміи. Д-ра Вирхъ-Гиршфельда. Переводъ съ нѣмецкаго Д-ра С. В. Шаховой. Подъ редакціей В. Ц. Крылова. Х. 1879 г. 4 выпуска. Ц. 4 р. 80 к., съ пер. 5 р. 50 к.

Руководство къ частной патологіи и те-

ХІІ. Прибавленіе: Разстройствъ рѣш. Соч. Д-ра Адольфа Кусмауля. Переводъ подъ ред. К. Т. Триттеля. К. 1879 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к. Въ вышедшіе тома, стоить 50 р., съ перес. 55 руб.

Русскій огородъ, питомникъ и плодовый садъ. Соч. Р. И. Шредера, главн. Садовника и преподавателя садоводства въ Петровской земледѣльческой и лѣсной академіи. Спб. 1877 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Учебникъ физиологіи. Эрнста Брюкке, 2 т. Ц. 6 р., перес. за 4 ф.

Учебникъ дѣтскихъ болѣзней. Д-ра Карла Гергардта. Ц. 4 р. съ пересылкою.

Физиологія растительныхъ процессовъ. И. М. Свѣченова. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

Химическая технология. Профес. Н. А. Бунге. Ч. I. Химическая технология воды, съ 22 таблицами чертежей. К. 1879 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

Химическія основы земледѣлія. А. Н. Энгельгардтъ. См. 1878 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

ЗАКОНОВѢДНІЕ—ПОЛИТИКА.

Алфавитный указатель вопросовъ гражданскаго права и судопроизводства, разрѣшенныхъ гражданскимъ кас. департ. Прав. Сената. Составилъ П. П. Москальскій. Изд. 2-е, вновь дополненное. Спб. 1879 г. Ц. 6 р., съ пер. 7 р.

Дѣйствующее законодательство о правахъ намогахъ. Исследование М. М. Алексѣенко. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Законъ, I. Объ отнятіи личнаго задержанія, какъ способа взысканія съ неисправныхъ должниковъ. II. Объ измѣненіи постановленій объ узаконенномъ ростѣ, съ изложеніемъ текста статей, на которыя сдѣланы указанія въ законѣ, и съ нѣкоторыми разъясненіями. Г. Вербловскаго. В. 1879 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

Исследования по русскому праву обычному и брачному. И. Г. Оршанскаго. Народный судъ и народное право. — Духовный судъ и семейное право. — Реформа гражданскаго суда и брачнаго права. Спб. 1879 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 80 к.

Крестное дѣло въ царствованіи импер. Александра II. Четыре большіе тома (въ пяти книгахъ), 5,382 стр. А. И. Скребицаго. Удостоено Академіей Наукъ преміи графа Уварова. Ц. 20 р., съ перес. 22 р. (за 14 фунт.) на всѣ разстоянія.

Курсъ русскаго уголовного права, Н. С. Таганцева. Часть общая. Книга 1-я. Ученіе о преступленіи. Вып. 1-й. Спб. 1874. Ц. 1 р. 75 к., въс. 2 ф.

Курсъ русскаго уголовного права. Н.

С. Таганцева, Профессора С.-Петербургскаго Университета. Часть общая. Книга 1-я. Ученіе о преступленіи. Выпускъ II. Спб. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 80 к.

Личное задержаніе, какъ полицейская мѣра безопасности. Исхлѣд. Н. Тарасова. 2 ч. К. 1877 г. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 40 к.

Наставленіе къ судебнымъ извѣщеніямъ труповъ. Для врачей-экспертовъ и судебныхъ сѣдователей. Сочиненіе Д-ра Гуго Миттеншвейга. Переводъ подъ ред. Д-ра В. Крылова Х. 1878 г. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

Общійе владѣнія. К. Кавелина. Спб. 1876 г. Ц. 50 к., съ перес. 75 к.

Опытъ комментарія къ уставу гражданскаго судопроизводства. К. Ананькова. Т. I. 1) Подсудность, 2) Общій морадокъ производства дѣлъ. Спб. 1878 г. Ц. 8 р. съ перес.

Основныя положенія Лоренца Штайна по полицейскому праву въ связи съ его ученіемъ объ управленіи, изложен. И. Тарасовича. К. 1874 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Основанія социологіи. Герб. Окенсера. Т. II. Спб. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к. Въ прибавленіи помѣщеніи замѣтки Э. Б. Тайлора по вопросу объ анимизмѣ и отвѣты на нихъ Г. Спенсера. Т. I и II вмѣстѣ. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.

Права и обязанности по имуществамъ и обязательствамъ въ принятіи къ русскому законодательству. Опытъ систематическаго обозрѣнія. К. Кавелина. Спб. 1879 г. Ц. 8 р. съ пер.

Первые шаги на пути фактическаго изслѣдованія сельской общины. А. В. Подловцова. Спб. 1879 г. Ц. 20 к., съ пер. 25 к.

Первый процессъ газеты "Обзоръ" въ Тифлискомъ Окружномъ Судѣ и Судебной Палатѣ. Тифл. 1879 г. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Порядокъ преслѣдованія нарушенія лѣснаго устава. Руководство для лѣсничихъ, заведывающихъ казенными и частными лѣсами, и для мировыхъ судей. Сост. Д. Шняловъ, перевод. лѣс. д. въ сб. лѣсн. институтъ. Спб. 1879 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

Руководство къ особенной части русскаго уголовного права. Магистра правъ Н. А. Неклюдова. Т. III. Преступленія 1) противу брака и правъ семейныхъ; 2) противу законовъ о состояніяхъ; 3) общеполитическія преступленія (поджогъ и т. п.) Спб. 1878 г. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Сборникъ рѣшеній правит. сената по вопросамъ о привлеченіи къ отвѣтственности должностныхъ лицъ судебного вѣдомства за неправильныя дѣйствія по службѣ. Сост.

Систематический обзорный рѣш. Прав. Сената, разъясняющих Городское положение, съ приложением: нормального положения о город. общ. банкахъ, о трактирныхъ заведеніяхъ. Сост. Варонъ В. Майделъ и В. Бѣлюстинъ. Спб. 1879 г. Ц. 3 р. съ переслано.

Уставъ о наказанияхъ, налагаемыхъ мировыми судьями съ дополненіями по 1 января 1879 г. Съ приложеніемъ мотивовъ и замеченій изъ рѣшеній уголовного кассационнаго департамента сената. Сост. Профес. Спб. Университета Н. С. Таганцевъ. Изд. 2-ое, переработанное и дополненное. Спб. 1879 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

ИСКУССТВА—МУЗЫКА—ТЕАТРЪ.

Бухгалтерія или наука книговеденія по двойной системѣ въ двухъ частяхъ. Сост. Ѳ. Г. Журовъ. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Краткая бухгалтерія по двойной системѣ для начинающихъ. Составилъ Ѳ. Г. Журовъ. Ц. 25 к., съ пер. 30 к.

Для сцены. Сборникъ пьесъ. Виктора Александрова, т. IV. 1) „Чудовище“, 2) „Вокругъ огня не летай“, 3) „Поворотъ отъ воротъ“, 4) „У запертой двери“. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к. Т. 1, 2, 3 по 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Краткая музыкальная грамматика. Сост. А. И. Рубецъ. Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Малороссійскіе и русскіе узоры. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р. 50 к.

Месмеризмъ, одианизмъ, столоверченіе и спиритизмъ. Съ исторической и научной точкой зрѣнія. Лекція, читанная, въ декабрѣ 1876 года, въ Лондонскомъ Институтѣ Вильямомъ Карпентеромъ. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1878 года. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

О преподаваніи музыки. Соч. Василія Шевича. Спб. 1879 г. Ц. 30 к. съ перес. 35 к.

Первый русский комикъ. Оригинальные комическіе фарсы, куплеты, сценки, шутки, для одного и нѣсколькихъ дѣйствующихъ лицъ. Соч. Н. Мушинскаго. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Юмористическіе и сатирическіе рассказы и сценки изъ народнаго быта, состав. Кирѣевымъ для рассказчиковъ и арти-

стовъ. М. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

Книга вычисленія процентовъ и учета ихъ. 2-е изд. Сост. В. Коломняцъ. М. 1879 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Новый словотолкователь 53000 иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ русскій языкъ. Сост. подъ ред. Лучинскаго. 2-е дополн. изд. М. 1879 г. Ц. 3 р., съ пер. 8 р. 30 к.

Плотничное и столярное ремесло. Руководство для начинающихъ, съ приложеніемъ 133 рисунковъ инструментовъ и образцовъ издѣлій. М. 1878 г. Ц. 50 к., съ перес. 60 к.

Полная, вѣсьма доступная простая и двойная торговая бухгалтерія. Сост. Ивановъ. 2-е изд. М. 1879 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Полнѣйшій письмовникъ, избран. и образцовыя коммерческія и всякаго рода письма. Соч. Любetskаго. М. 1879 г. Ц. 3 р., съ пер.

Поварская книга. Составилъ Янъ Гурвичъ. М. 1879 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер.

Пожарная Книга. Постановленія закона о предосторожностяхъ отъ огня и руководство къ тушенію всякаго рода пожаровъ. Съ политипажными рисунками. Составилъ А. Н.—ъ. П. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Практическое руководство и правила игры въ шахматы, шашки, бильярдъ, кегли, лото, триктракъ, домино, ланту, крокетъ и бильярды. Съ политипажными въ текстѣ. Сост. С. Галактионовъ. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Ремесленникъ. Практическое руководство съ 276 рисунками въ текстѣ. Сост. А. П. Классенъ. Изд. 2-ое. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Русскій письмоводитель для всѣхъ. Самое полное и основанное на научныхъ правилахъ руководство всевозможной письменности. Сост. Вячеславъ Булановъ. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Справочная книжка для вольноопредѣляющихся, поступающихъ въ сухопутныя войска. Сост. Курсаковъ. Спб. 1879 г. Ц. 75 к., съ пер. 85 к.

Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ.
Сочиненіе Ивана Забѣлина. Часть вторая. Москва, 1879. 8°. 520 стр. Ц. 3 р. 25 к.

Три года тому назадъ мы приветствовали первую часть труда нашего заслуженнаго археолога и историка и пожелали успѣха предпріятію, обѣщавшему дать нашей литературѣ книгу, въ которой именно чувствуется недостатокъ. Цѣль труда г. Забѣлина—изображеніе русской бытовой жизни въ широкомъ смыслѣ и историческое объясненіе русскаго народнаго характера. Теперь явилась вторая часть сочиненія, которая посвящена первому достопримечательному періоду нашей древней исторіи и именно заключаетъ слѣдующіи главы: „Заселеніе русской страны славянами.—Начало русской самобытности.—Устройство сношеній съ греками.—Русская женщина первыхъ временъ.—Развитіе русскаго могущества.—Языческое вѣрованіе древней Руси.—Круговоротъ жизни въ языческое время.—Возвращеніе христіанства“. Продолженіе труда также своеобразно и исполнено интереса, какъ его начало, и въ одной изъ слѣдующихъ книгъ журнала мы дадимъ о немъ болѣе подробный отчетъ.

Книга былинъ. Сводъ избранныхъ образцовъ русской народной эпической поэзіи. (Новое изданіе „Книги о кievскихъ богатыряхъ“, дополненное былинными новгородскими, московскими, казачьими, петровскими и безъименными. Составилъ В. П. Авенаріусъ. Съ портретами ильида былинъ Рабинина, работы Л. А. Сірякова, и рисунками А. В. Прохорова и Н. Н. Каразина. Сиб. 1880. 8°. XXIX, 355 и XLIII стр.

Какъ видно изъ заглавія, книга г. Авенаріуса есть новал, значительно дополненная обработка его перваго сборника, заключающаго только былинны кievскія. Расширеніе прежней рамки, разумѣется, послужило къ пользѣ книги, которая теперь даетъ очень обстоятельный пересказъ главнѣйшихъ тѣмъ нашей народной эпической поэзіи. Къ 24 былиннымъ кievскимъ прибавлено здѣсь 16 былинъ другихъ мѣстъ и временъ (около ста новыхъ страницъ). Во введеніи г. Авенаріусъ указываетъ объемъ и сюжетъ былинной поэзіи; въ концѣ помѣщены объяснительныя примѣчанія и словарь собственныхъ именъ и необычныхъ словъ, встречающихся въ былинахъ.—Сборникъ г. Авенаріуса можетъ съ большою пользою служить для юношескаго чтенія и даже для преподаванія, удобо замѣняя спеціальныя изданія, слышномъ сложны и дороги. Судя по тому, что въ сравнительно короткое время потребовалось новое изданіе, книга была оцѣнена читающей публикой. Вышнѣе изданіе очень издѣцалъ.

Сборникъ законовъ и постановленій для землевладѣльцевъ и сельскихъ хозяевъ. Составилъ В. Вешняковъ. Сиб. 1879. Стр. 559. Ц. 3 р.

Рѣдкій землевладѣлецъ можетъ обзаводиться полнымъ сводомъ законовъ, съ его продолженіями и дальнѣйшими узаконеніями, а пожалуй еще рѣже найдетъ такой землевладѣлецъ, который сумѣетъ разобраться въ этомъ сложномъ арсеналѣ и пойдетъ въ немъ то именно, что ему нужно. Между тѣмъ, по самому свойству

землевладѣнія, владѣльцу приходится очень часто встрѣчаться съ многоразличными чужими интересами. Начиная со влода до владѣнія и кончая наймомъ рабочихъ, ежедневными вопросами о новинностяхъ и т. п., землевладѣлецъ болѣе кого либо нуждается въ опорѣ закона. Не даромъ сложилась французская поговорка: qui terre a dieu est. По всѣмъ этимъ причинамъ несомнѣнную пользу могутъ приносить толковыя сборники законовъ, относящихся къ землевладѣнію. Такимъ былъ изданный въ 1845 году „указатель законовъ для сельскихъ хозяевъ“. Но со времени его изданія законодательство во многомъ измѣнилось; одна отыбна крѣпостнаго права произвела полный переломъ въ законахъ о землевладѣніи.—Г-нъ В. Вешняковъ собралъ въ своей книгѣ всѣ тѣ узаконенія, которые наиболѣе важны для частныа землевладѣльцевъ и сельскихъ хозяевъ. Сюда должны были войти, конечно, и нѣкоторыя общія постановленія изъ права имущественнаго, изъ права административнаго и даже изъ судебныхъ установъ. Но наиболѣе мѣста отведено именно законамъ, спеціально относящимся къ землевладѣнію. Такимъ образомъ сборникъ даетъ въ сжатой формѣ полный кодексъ законовъ, которые землевладѣльцу необходимо имѣть подъ рукою. Важное достоинство сборника представляется еще тѣмъ, что текстъ его не описательный, то-естъ не представляетъ изложенія законовъ „своими словами“, но представляетъ именно точныя тексты выбранныхъ статей законовъ, съ приведеніемъ и той нумераціи, кака нѣтъ присвоена въ томъ-хъ свода. Выборъ очень обширный; напр., въ сборникъ вошли и постановленія о залогахъ недвижимыхъ имуществъ, о страхованіи и даже о мѣрахъ къ поощренію сельскаго хозяйства. А такъ какъ сборникъ составленъ ученымъ спеціалистомъ, который долгою служебною практикой вполне освоился съ кодифицированными имъ предметомъ, то понятно, что выборъ и распредѣленіе статей законовъ удовлетворяютъ требованіямъ какъ рациональности, такъ и практичности.

Итоги народнаго образованія въ европейскихъ государствахъ. Составилъ баронъ Н. А. Корфъ. Сиб. 1879. Стр. 141. Ц. 60 к.

Эта брошюра даетъ сравнительный взглядъ на положеніе школъ въ разныхъ странахъ по отдѣламъ педагогическихъ предметовъ и книги на парижской выставкѣ 1878 г. Знакомый съ самымъ направленіемъ школъ въ разныхъ государствахъ и много трудившійся для народнаго образованія въ Россіи, авторъ вноситъ въ свой обзоръ выставленныхъ предметовъ и представленныхъ цифровыхъ данныхъ—живое указаніе на тѣ идеи, которыя проявлялись въ направленіи народнои школы разныхъ народовъ.

Умственное разстройство, его значеніе въ правѣ гражданскомъ и уголовномъ. Л. З. Слонимскаго. Сиб. 1879 стр. 160 Ц. 1 р.

Вопросу о невмѣстности и неспособности посвящены у насъ многіе труды, рассматривающіе собственно медицинскую сторону дѣла. Настоящее же сочиненіе есть цѣльное изслѣдованіе юридической стороны вопроса.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“

въ С.-Петербургѣ, Вас. Остр., 2 л., 7.

Подписка на 1880-й годъ:

ГОДЪ—12 книгъ:

въ Россіи: за границею.

1) Съ пересылкою, чрезъ Газетную Экспедицію	17 р. — к.	19 р.
2) Съ доставкою, по городской почтѣ, въ Спб.	16 » — »	— »
3) Безъ доставки, въ Главной Конторѣ журнала	15 » 50 »	— »

ЧЕТВЕРТЬ—3 книги, съ доставкою и пересылкою. . . 5 » — » 7 »

Примечаніе. — Подписка по четвертямъ открывается:
съ января, апрѣля, іюля и октября.

МѢСЯЦЪ—1 книга, съ доставкою и пересылкою. . . 2 » 50 » 3 »

Подписывающіеся въ Москвѣ, въ Отдѣленіи Главной Конторы журнала, при въизномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ-Мосту, могутъ получать при подпискѣ тамъ же всѣ прежде вышедшіе нумера журнала.

Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція отвѣчаетъ вплоть за точную и своевременную доставку журнала городскимъ подписчикамъ Главной Конторы, и тѣмъ изъ иногороднихъ и иностранныхъ, которые высылали подписную сумму *по почтѣ* въ Редакцію „Вѣстника Европы“, въ Спб., Галеріалъ, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе гдѣ (NB) *допущена* выдача журналовъ.

О *перемѣнѣ* адреса просить извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстожительства; при перемѣнѣ адреса изъ городскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к.; изъ иногороднихъ въ городскіе — 50 к.; и изъ городскихъ или иногороднихъ въ иностранные—недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, чѣмъ по полученіи слѣдующаго нумера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются особо тѣмъ изъ иногороднихъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 16 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Спб., Галеріалъ, 20.

Вас. Остр., 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Академ. пер., 7.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ.

Области вечнаго льда. Исторія путешествій къ сѣверному полюсу, съ древнѣйшихъ временъ до настоящаго. Фр. Гельвальдъ. Перев. съ нем. Висульскіе 1-й. Сиб. 1879. Ц. 65 к.

Новая форма жизни природы и новый ея элементъ подъ условіями, прямо противоположными тѣмъ, которыми обставлена наша жизнь, и посреди всего этого, гигантскіе тѣлесные труды человѣка, направленные къ тому, чтобы не только освоиться, но и овладѣть таинственными сегментами земнаго шара, укрывающими подъ вѣчными льдами около $\frac{1}{10}$ части всего земнаго шара (болѣе 50 миллионовъ кв. верстъ) — вотъ, въ высшей степени интересная тема, которую избралъ себѣ нѣмецкій ученый Гельвальдъ. Первые выпуски его популярнаго труда, съ превосходными иллюстраціями, обратили на себя всеобщее и вполне заслуженное ими вниманіе. Познавъ, что съихъ поръ различіи на различныя изданія путешествій къ сѣверному полюсу, будутъ теперь сведены въ одно цѣлое, и суда по началу, все это представлять не только сводъ, но и въ высшей степени художественное изображеніе грозныхъ и вмѣстѣ таинственныхъ силъ полярной природы, а также безпримѣрныхъ подвиговъ мужества и самоотверженія самыхъ безстрашныхъ героевъ человѣческой мысли и воли. Въ первомъ выпускѣ, вышедшемъ на русскіе языкъ, помѣщается полныя три главы: „Прошлое Арктическаго похода“, „Природа сѣверныхъ полярныхъ странъ“ и „Путешествія Пилла“ — перваго полярнаго путешественника, устроившаго древнѣйшую полярную экспедицію за 325 лѣтъ до Р. Х. Иллюстраціи, которыми снабженъ русскій переводъ, ни въ чемъ не уступаютъ иллюстраціи нѣмецкаго подлинника.

Хивинскій походъ. Альбомъ хромо-линографій по оригинальнымъ рисункамъ Н. Н. Каравина. Ц. 18 руб.

Альбомъ состоитъ изъ шести большого формата картинъ, превосходно исполненныхъ въ Берлинѣ; онѣ изображаютъ нѣсколько важнѣйшихъ и интереснѣйшихъ моментовъ изъ послѣдняго хивинскаго похода 1873 года. Въ настоящую минуту, когда мы заинтересованы судьбою подобной же экспедиціи нашего ахалътекинскаго отряда, альбомъ г. Каравина можетъ дать весьма наглядное понятіе объ условіяхъ, при которыхъ должны совершаться походы въ Среднюю Азію; наприм., черевалъ артиллерія и верблюжьяго обоза черезъ горы Араванъ-бель-тау, или переходъ по замерзшимъ солончакамъ.

Наши дѣятели. Галерея замѣчательныхъ людей Россіи въ портретахъ и біографіяхъ. Т. V. Сиб. 1879. Ц. 3 р.

Продолженіе извѣстнаго предпріятія г. Баумана представляетъ тѣ же достоинства въ отношеніи иллюстраціи, и тѣ же недостатки въ отношеніи текста, въ которыхъ мы упрекали его прежде, совѣгая усилить, при необходимости краткости очерковъ, фактическій, сиречь фактъ, элементъ, и значительно ослабить, если не со-

всѣмъ уничтожить, риторическую окраску. Мы предпочли бы, напротивъ, въ біографическомъ очеркѣ Каравина найти однимъ фактомъ болѣе, вмѣстѣ такого патетическаго восклицанія: „Такъ жилъ и умеръ одинъ изъ лучшихъ и благороднѣйшихъ русскихъ людей замѣчательной эпохи Александра I“. Все это хорошо, но очеркъ пестрымъ кратокъ, и потому заключить его восклицаніемъ: „такъ жилъ“ — болѣе, чѣмъ забавно, такъ какъ именно изъ очерка видно очень мало, какъ жилъ Каравинъ. Не слѣдовало также въ біографіи Грибоѣдова повторять ошибку другихъ изданій, указывающихъ на 3-е января, какъ на день его смерти, тѣмъ болѣе, что еще въ нынѣшнемъ году 30-го января справлялась 50-ти-лѣтняя годовщина смерти Грибоѣдова. Въ настоящемъ выпускѣ помѣщено 12 лицъ: арх. Іоаннентій, адм. Голевищскій-Кутузовъ, адм. Нахичевъ, гр. Влудовъ, Каравинъ, Лермонтовъ, Грибоѣдовъ, Вилинскій, Самаринъ, Мартыновъ, худ. Ивановъ, Бортнянскій.

Русская женщина въ войну 1877—78 гг. Состав. П. А. Ланскій. Сиб. 1879. Стр. 280. Ц. 1 р. 75 к.

Авторъ поставилъ себѣ задачей свѣдѣть о сводѣ и систематически расположить извѣстія съ театра послѣдней войны о службѣ женщинъ, въ качествѣ сестеръ милосердія, врачей и фельдшерницъ, съ присоединеніемъ личныхъ наблюденій и съ помѣщеніемъ правилъ общества „Краснаго креста“, женскихъ врачебныхъ курсовъ и т. п. Такой трудъ можетъ весьма много содѣйствовать дальнѣйшему правильному и успѣшному развитію организаціи столь полезнаго и почти ничѣмъ незамѣнимаго женскаго труда, въ примѣненіи его къ частной помощи на поляхъ битвы; практическія указанія этого свода должны привести къ мысли о необходимости дать широкое развитіе женскому труду, въ дѣлѣ частной помощи, въ мирное время, такъ, чтобы война нашла это дѣло вполне организованнымъ и готовымъ для потребностей военнаго времени. Природа русской женщины обнаруживала въ ней массу самоотверженія, энтузіазма; остается только поддержать и направить эти превосходныя качества самою организаціею дѣла частной помощи и научною подготовкою.

Систематическій сборникъ рѣшеній Правительствующаго Сената, разъясняющихъ Городовое положеніе. Состав. бар. Майдезь и В. Вильстанъ. Сиб. 1879. Стр. 394. Ц. 3 р.

Въ дополненіе къ тому, что говорить само названіе настоящаго свода о своемъ содержаніи и цѣли — быть настольною книгою для лицъ, имѣющихъ отношеніе къ практикѣ не только городского управленія, но и хозяйства, — присоединимъ, что настоящее изданіе снабжено не только полнымъ текстомъ самаго Положенія, но и различными примѣчаніями, какъ-то: о городскихъ банкахъ, о трактирныхъ заведеніяхъ, правила о введеніи Городоваго положенія по различнымъ мѣстностямъ и т. д. Въ началѣ сборника встрѣчается предисловіе съ краткими указателями.

OCKER
NOV 20 1980

